

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

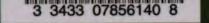
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

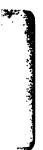
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

•

.

•

•

٠

ВЪСТНИКЪ

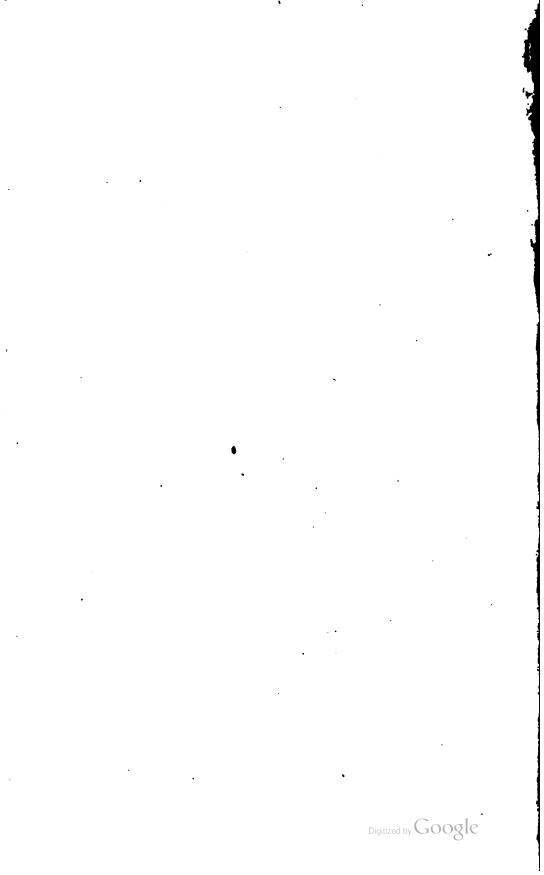
ЕВРОПЫ

четырнадцатый годъ. — топъ н.

•

· .

FORS XLIII. - TON'S COL. - 1/18 MAPTA, 1879.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЛ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕВНСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ІНТЕРАТУРА, ИСКУСОТВА.

КНИГА З-я. - МАРТЪ, 1879.

І.—ДЕШЕВЫЙ ГОРОДЪ.—Хроннка-романъ, въ трехъ частяхъ.—Окончаліе вервой части.—Я. П. Полонскаго.	
ППОЦЦО ДИ-БОРГО И ФРАНЦІЯНачало второй четвертя XIX-го въка1 С. М. Соловьева	82
IIIМОЛОДЫЕ ПОБЪГИПовъстьЧасть четвергаяА. А. Потъхяна.	104
IV.—ДИПЛОМАТІЯ И ВОЙНА ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСЪ. — Étude diploma- tique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate.—Ш-V.—Окончаніе.— В. Ө. Корша.	170
VСТИХОТВОРЕНІЯІ. Мечтательнацѣ, изъ СырокомлиII. На рубежѣ земли обѣтованнойС. С	207
VIСЕРБІЯ И ПОРТА, въ 1861-67 ггШІ-IVОкончавіеП. А. Попова	210
VIIОТЪ МОСКВЫ ДО ТЕГЕРАНА И ОБРАТНОИзъ воспомвнаній русской путешественницыIIVМ. Р-чъ.	278
VIIIХРОНИКАПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ в ихъ современное положеніе ЗаметкиЛ. И. Вольфа	805
IXВОЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТЪПо поводу отмены узаконеннаго ростаЛ. А-въ.	326
Х.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ.—Новыя книги русскихь и иностранныхъ лите- ратуръ.	849
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ.—Чума и наши нравы.—Одесскій градоначаль- никъ о городскомъ самоуправленія.—Польза обнародованія административныхъ отчетовъ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1877 годъ.—Матеріальное положеніе духовенства. — Важностъ собственнаго почина для духовенства.— Церковная статистика.—Отвътъ профессору Барсову.—Новая почтовая такса.	373
XIIПАРИЖСКІЯ ПИСЬМАXLVIСмерть Олянвье БекайляЭм. Зола.	397
ХИПИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКАМакъ-Магонъ и г-нь Греви	425
XIV,-ЗАМЪТКАПо поводу рецензів на книгу: "Исторія славянскихъ литературь" А. Н. Иыпина.	440
XVИЗВЪСТІЯОгъ комитета общества русскихъ драматическихъ писателей: под- писка на Грибобдовскую премію	444
ХVІ.—БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Стихотворенія Н. А. Некрасова. По- смертное изданіе, въ четырехъ томахъ.—Избранныя стихотворенія Л. Кондра- товича (В. Сырокомля), т. І.—Изъ дальнихъ лѣтъ, восноминанія Т. П. Пассекъ, т. І.—Жизнь Робинзона, состав. Н. Блиновъ.—Очерки и разсказы, Ф. Д. Не- федова.—Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, М. М. Але- исъенко.	

ОБЪЯВЛЕНИЯ см. ниже: І-ХІІ стр.

ыпиленіе объ изданія журнала "Въстинкъ Есропы" въ 1879 г. см. наже, на обертка.

въстникъ Въстникъ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

семьдесять-шестой томъ

ЧВТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

томъ п

РЕДАВЦІЯ "ВЕСТНИВА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7. Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переуловъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1879

ДЕШЕВЫЙ ГОРОДЪ

ХРОНИКА-РОМАНЪ.

XVI *).

Бавинъ, поиннувъ въ трантирѣ своего сожителя, пошелъ домой. Смерть отгого и страшна, отгого и пугаетъ, что не выдаетъ глубочайникъ тайнъ своихъ. А любовь, первая въ жизни нюбовь Бавина, несмотря на всю его рефлексію, несмотря на то, что онъ изучалъ это чувство теоретически, была для него то же, что и смерть полна неизвёданныхъ тайнъ и онъ часто трускиъ. Ветъ почену онъ почти обрадовался, когда незанѣчениннъ прещелъ мимо одного флигелька, съ отворенными окнами.

Ника была дока; хотя она почти нийла увёренность, что «бука» не заглящеть въ ней, но на всякій случай (чёмъ чорть не шутить) рённыхсь весь этоть день ждать его.

Бавинъ же, воротнышись домой, принялся за приготовление билетовъ для предстоящаго экзамена. Окончивъ эту работу къ всчеру, одинъ напился онъ чаю, — поворжилъ своего Карая и пошелъ пошляться на свёжемъ воздухё. Онъ уже придумалъ, что онъ скажетъ Нинё, и встрёча съ нею начала менёе пугать его. Но ни на бульзарѣ, ни на улицахъ онъ ее не встрётилъ.

Медленными плагами воротныся онъ домой и рёшных весь слёдующій день посвятить тому, чтобы написать письмо въ брату Ивану, и въ этомъ письмё, во-первыхъ, описать сму Нину такъ, навъ онъ се понимаеть; во-вторыхъ, признаться сму, что онъ се любитъ, и что она отвёчаеть сму на любовь его; въ-третьихъ,

Digilized by Google

*) Ox. mme: desp. 558.

передать ему все, что по этому поводу вознивнеть въ головѣ его и, наконецъ, просить совѣта, — узнать его мнѣніе. Брать его, Иванъ, былъ годомъ старше Адріана, но они вмѣстѣ

Брать его, Ивань, быль годомъ старше Адріана, но они вмёстё вступили въ университеть, по различнымъ факультетамъ, и вмёстё вышли первыми кандидатами. Иванъ жилъ въ деревнё, вмёстё съ старшею сестрой своею, писалъ диссертацію на магистра и присматривался къ быту крестьянъ. Онъ былъ такой же гегелисть, какъ и Адріанъ, у него была та же отвлеченная подкладка, но это былъ другой человёкъ, болёе живой, менёе сосредоточенный: на жизнь гладёлъ онъ проще и мирился со многимъ изъ того, съ чёмъ не мирился братъ его. Несмотря на нёкоторую разность въ характерахъ, это были примёрные друзья. Все, что читалъ Иванъ, неиремённо читалъ и Адріанъ; все, что дёлалъ Иванъ, Адріану казалось разумнымъ и цёлесообразнымъ въ высшей степени. Споря съ другими, они другъ съ другомъ никогда почти не спорили. Когда говорилъ Иванъ, Адріанъ, Иванъ глядёлъ на него исподлобья, но глядёлъ одобрительно и тоже молчалъ.

Сестра ихъ Анна была дурна собой, но не глупа, и подъ вліяніемъ братьевъ иногда казалась экзальтированной дёвушкой. Она жила въ деревий, окруженная старухами-тётками, племянницами и старыми закеями. Она сама учила читать своихъ горничныхъ и оберегала ихъ правственность.

Рънась писать въ Ивану, Адріанъ весь слёдующій день посвятнаъ на то, чтобы съ нимъ заочно бесёдовать. Навто не мъщалъ ему. Елатомскій пропалъ—и даже не ночевалъ дома.

Исписавъ чуть ли не цёлую тетрадь, Баринъ, въ заключения, просилъ Ивана дать прочитать сестрё Аннѣ письмо его и извёстить, какъ она на это посмотрять и какъ отвонется...

Между твиљ, Эвина ждала Бавина, ждала и вышла неъ терпенья.

«Хоть бы Елатомскій заянель!» думала она: «норть его знасть, гдё онь таскается!»

На третій или четвертый день, посл'в ся романической выходки, около двёнадцати часовъ, въ самый жаръ, она надёла инянку и пошла гулять, въ надеждё встрётить, сали не Бавина, то хоть Елатомскаго.

Бавина она не встрётна, а встрётная Елатомскаго въ Пале-Роялё.

- Ну, что твой бува? - сиросила она его.

— Ничего, все такой же, впрочемъ я ныньче еще не видёлъ его. Я ночевалъ на дачё Ланжерона у австрійстаго консула.

- Какія все у тебя знакомства странныя. Въ католическую выру, что ли, ты хочешь перейти! Въ ся голосъ слышалась досада. Ей было досадно, что она ничего не узнала объ Адріанъ, н что онъ, этотъ Адріанъ, все такой же.

- Ты кажется оцять, брать Владимірь, ничего не дёлаешь?

— Ничего не дълаю, — простодущно отвёчалъ Елатомскій. — И тебъ не гръхъ такъ губить свою молодость?

- А ты научи меня, что мнѣ дѣлать!

- Работать! работать! работать! Работать тавъ, какъ работаеть Бавинь.

- I'm!..

«Сказать ей или иёть», - подумаль Елатомскій, «до какой степени безлаодно его профессорство, и какъ никто изъ студентовъ не понимаетъ ни слова изъ того, что онъ читаетъ имъ. Нёть, это будеть сплетня. Пусть онь самь ей это скажеть».

Пока онъ думалъ, Нина Александровна сперва прищурилась, потомъ приставила въ глазамъ лорнетъ, и изумленіе, похожее на испугъ, выразвлось на лицё ся.

На встрёчу въ нимъ шелъ толстый, высоваго роста баринъ, глазастый, усастый, человікь літь сорока семи или пятидесяти, въ синемъ галстукв, и съ массивною золотою цёпочкою, которая выглядывала нев-подъ разстегнутыхъ петлей его венгеран. Шелъ онъ, пыхтя и переваливаясь; на немъ была соломенная паляпа, нът. грубой солоны, очевидно фабрикованная тверскими врестьянами. Издёлья изъ русской соломы тогда были въ модё у нёкоторыхъ тверсвихъ помѣшивовъ.

Эвина узнала въ немъ нёкоего Смеранова, Андрея Потацыча, сосёда по имёнью мужа, и довольно частаго посётителя московсваго дома ихъ. Не успёла она онустить лориеть, какъ уже Сызрановь басня: --- Ба, ба! какими судьбами... въ Одессъ!... Нина Александовна! Вась ли я вижу?

Елатомскій, повинуясь рук'є своей спутницы, пріостановился и сталь смотрёть на незнакомаго ему барина.

- Что же туть мудренаго, что я въ Одессь, - отвъчала скелясь и враснёя Нина.-Я птина вольная, - куда хочу, туда лечу. А вотъ вы, скажите-ка мнъ, вы-то зачъмъ привезли сида желудовъ свой?

- Какъ желудовъ?! Ха, за!-не одинъ желудовъ, я и весь въ вашных услуганъ.

--- Или уже у Манерна¹) ветчина стала никуда не годная,

1) Колбасная Матерна-на Моховой-въ то время въ Москей одна изъ лучнихъ.

нии въ мосвовскомъ англійскомъ клубё об'ёдъ сталъ плохъ, или вашъ собственный поваръ синлся и вибсто борщу сталъ подавать вамъ на столъ какую-то бурду?

— Что вы, что вы? ха, ха, ха!

Сызрановъ выпучнить на нее и безъ того выпуклые каріе глаза, точно она его удивния, и захохотанъ.

- Вы все такая же насм'янница! Ну, что вы?-какъ вы?

- Живу, - какъ видите...

— И хорошете!

— И хорошѣю.

— Позвольте ванъ рекомендовать одного изъ монхъ друзей, Владиміра Григорьевича Елатомскаго.

Елатомсвій сухо ему повлонился. Сызрановъ протянулъ ему свою потную, масистую руку, и пробурчаль: честь имёю рекомендоваться!

— А я по одному дёлу здёсь—заговориль онь, обращаясь въ Эвиной. Продаю свои крымскіе виноградняви. Ну, да что о дёлахъ... всё дёла — ведорь, —вытертаго гронна я не дамъ за нихъ. А воть что: нельзя ли намъ гдё-нибудь позавтракать, почтенибішная! я только-что пріёхалъ и точно въ лёсу. Выручите, голубушка, поведите меня, укажите гдё можно всёмъ намъ втроемъ, во славу Божію и душё во спасеніе, нозавтракать.

--- Надо, надо помочь вамъ душу спасти, надо! пойденте, я вамъ поважу.

И она пошла по направлению из англійской гостинниць. Елатомский неохотно понисль съ ними радонъ.

--- Воть вамъ подъёздъ и стеклянная дверь. Здёсь вы найдете и устрици, и лимбурские пироги, и портеръ, и даже пиампанское.

--- Нёть, ужъ язвенните! коли такая неожиданная встрёча, я скоро съ вами не разстанусь. Пригланнаю васъ, сударыня, и васъ, миностивый государь, вмёстё позавтракать и при этомъ раснить одну-другую бутылочну шампанен. Это уже какъ вы хотите!

Нина подумала и согласилась. Ей очень хотёлось, во-нервыхъ, вывёдать отъ этого барина: что ея мужъ? всё ли тамъ живы, и отдана ли въ институть дочь ея? во-вторикъ, ей хотёлось съ нимъ посовётовалься на счеть денегъ, высылаемикъ мужемъ, нельзя ли, чтобъ онъ вмёсто 1000 руб. въ годъ высылалъ ей нолторы тысячи.

8

— Пойденте! — сказала она Елатонскому: не «пойдент», а «пойденте». Явно не хотвлось ей, чтобъ старый пріятель ихъ дона, человёкъ стараго покроя, Богъ знаетъ чего не подумалъ объ ихъ взаниныхъ отношеніяхъ, если бы при немъ она сказала Елатонскому «пойденть».

Елатомскій наванныся, — сказаль, что онъ завтракаль, и что у него голова болить.

Эвина, уцёпившись за руку сосёда, повела его выручать.

«Ну, а этоть гусь, въ кавую вёру будеть тебя обращать!» — подумаль Елатомскій, оставшись одннь на тротуарё, въ тённ оть стёнь высокаго трехъ-этажнаго зданія съ балкономъ надъ воротами. «Не устояла-таки! А вёдь какъ острила надъ нимъ; какими сарказмами его вотрётила!

«Нѣть совершенства на землѣ! И ты даже не совершенство, сестра моя! Странно! отчего моя дружба къ ней не приносить инѣ прежней отрады. Неужели я въ одниъ годъ такъ состарился! Впрочемъ, пусть она себѣ завтракаетъ съ кѣмъ хочетъ и за здоровье московскихъ помѣщиковъ пьетъ съ нимъ шампанское!»

Съ этими мыслями завернулъ онъ къ Тотти, въ книжный магазинъ.

XVII.

Въ гостинница «Англія», въ комната съ балкономъ, изъ аристовратической гостиной, превратившейся въ публичную столовую, стояли диваны, стулья, ломберные столы и небольшіе, круглые, накрытые столики.

Эвина и Сызрановъ, — оба плотно завусили, толкуя о Москвё, о гувернантвё, которая замёнила у г-на Эвина мёсто г-жи Эвиной, объ институтё, о долгахъ и о прочихъ вещахъ, болёе или менёе ихъ интересующихъ.

Посётнтелей было не много. Изъ нихъ Хавазовъ, Захаръ Николаевичъ, и Сашинъ, Иванъ Ивановичъ, были уже знакомы Нинё Александровнё, такъ какъ съ мёсяцъ тому назадъ были ей представлены (разумёется—на улицё), и нерёдко съ тёхъ поръ, встрёчаясь, подходили въ ней, и повидимому находили нёкоторое удовольствіе съ неко бесёдовать, особливо Сашинъ, приземистый голстакъ, широколицый, голубоглазый, съ маленькимъ тунияъ носикомъ и маленькимъ дётскимъ ротикомъ, особенно расположенъ былъ въ Эвиной послё тото, какъ выпилъ у ней чашку чая и по душё, вдоволь, наговорился съ нею.

Хавазовъ отличался грубо-энергическимъ выраженіемъ лица, длиннаго какъ лошадиная морда, громкимъ голосомъ и безцеремоннымъ смѣхомъ. Голова его была обстрижена подъ гребенку, густые волосы торчали на ней вакъ щетка. Муживовато сложенный, онъ щеголялъ бѣльемъ и большими ногтями, которые были обточены по модѣ, въ видѣ большихъ розовыхъ миндалинъ. Судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, онъ игралъ не послѣднюю роль въ одесскомъ обществѣ.

Поздоровавшись съ Эвиной и познавомившись съ Сызрановымъ, онъ тотчасъ же спросилъ его: довольны ли помъщики тверскимъ губернаторомъ, и, узнавши, что довольны, принялся распекать его, такъ какъ онъ (двоюродный брать его) помъшался на политической экономіи, а не умъетъ хозяйничать, мечтаетъ о какихъ-то бульварахъ, а по тротуарамъ ходить нельзя. Затъмъ онъ спросилъ порцію бифштекся, и, ужъ Богъ внаетъ

Затёмъ онъ спросилъ порцію бифштекса, и, ужъ Богъ внасть по какому поводу, прянялся пушить лакея или кельнера—единственнаго русскаго, который имъ прислуживалъ. Въроатно, ему не нравилось его хмурое, блёдно-испитое лицо и гордая, неулыбающаяся физiономія.

Сѣвши за отдѣльный столикъ, онъ тотчасъ же снялъ съ прибора салфетку, подозвалъ къ себѣ этого кельнера и, ткнувъ пальцемъ въ тарелку, внушительно спросилъ его, отчего не чиста тарелка? Кельнеръ отвѣчалъ:

- Тарелка чиста.

— А я тебѣ говорю, что не чиста, жирными пальцами захватана. Смотри!

Кельнеръ молча взялъ тарелку, посмотрѣлъ ее на свѣтъ и поставилъ ее на прежнее мѣсто.

--- Ахъ ты, негодай ты этакій! Скоть! Прими, говорю тебѣ, вымой ее или принеси другую.

Кельнеръ взялъ тарелку, вышелъ въ другую комнату, поплевалъ на нее, вытеръ салфеткой и принесъ ее обратно.

— Ты у меня смотри, братъ! — взъблся на него Хавазовъ, ты у меня не слишкомъ!.. знаю я васъ! чай, также бъглый! А что если я у тебя паспортъ спрошу?

— Можете спросить, — отвѣчалъ кельнеръ и не обращая вниманія на слова его, подалъ Сызранову прейсъ-куранть и, перекинувъ салфетку на руку, однимъ ухонъ выслушаль его приказаніе поставить въ ледъ двѣ бутылки шампанскаго.

— Да что въ самомъ дёлё!— шумёлъ Хавазовъ, обращаясь уже не къ кельнеру, а къ Ивану Ивановичу Самину, воторый смотрёлъ на него съ отгёнкомъ нёкотораго соболёзнованы. — Что это въ самонъ дълъ! Отъ кавказскихъ побъдъ его сіятельства. намъ туть ни тепло, ни холодно. А что онъ распустилъ народъ, такъ намъ отъ этого не легче. Вотъ, я увъренъ, что этотъ каналья-бытяни. Известно, что бытлымь здесь лафа! Ихъ туть чуть не на рукахъ носять. Тысячами они проживають здёсь, нать у Христа за пасухой. Я самъ, - вы только меня спросите - я самъ своего собственнаго бъгдаго, Митьку сапожника, на базарё встрётних. Тому назадъ лёть цять изъ деревни бёжаль. Каналья! Ну, я, разумбется, его, друга милаго, за шивороть. Вотъ ти где!-говорю, препроводить его въ полицію, мой крепостной, бытный, говорю, Митька Егоровъ. И что вы думаете отвътнаъ инъ квартальный: --- «Мы, говорить, этого не можемъ внать, и брать ны его также не можемъ, не приказано», говорить. Такъ н упустиль. Это порядовь по-вашему?! Давать полиціи наживаться, такъ вакъ она несомибнио порядочную подать собяраеть съ нихъ! Это-порядовъ!

И челюсти его при этомъ пришли въ движеніе. Это было видно по движенію его подбородка, по подергиванью личныхъ его мускуловъ. Явно, что элость его душила.

— Съ чего вы это взяли, что я на свободъ? я такой же крѣпостной человъкъ, — на службъ, какъ и всякій Митъка, Филька, Петька. Я развъ смъю бъжать изъ присутствія или убхать за-границу безъ отпуска?

--- Службу вы можете оставить, если пожелаете, --- замётнлъ Сапинъ.--Кто же не знаеть, что вы, Захаръ Николаевачъ, и прёпостной, --- большая разница.

— Я и безъ васъ знаю, что я не холопъ. Ну, что же дальше?

--- Вашему Митькъ, --- вмѣналась Нина Аленсандровна, --- надойло у васъ служить и онъ вышелъ въ отставку по-своему, т.-е. бикалъ отъ васъ.

- А вамъ это, я вижу, нравится!? Э! воть вы что изволите проповёдывать! — уже работая ножомъ и вилной ричалъ Хавазовъ. — А небось, если завтра ваша горничная собжить, да не́кому будеть воды подать или такъ юбку вигладить, что вы скажете?

— Найму другую.

— Покорно васъ благодарні Мы сами знаемъ, что мощно нанять вольную. Наймите вольную, попробуйте, она завтра же васъ обокрадстъ и — ги! хорошо сдёляеть. Не люберальничайте, особливо въ публичномъ мёстѣ. Либеральничайте гдё-инбудь тамъ

11

BBOTHEE'S EBPOILS.

у себя, за ширмами, а то не ровенъ часъ... Такъ разсуждать, значить и женамъ позволять бёгать оть мужей своихъ.

Эвина поняда намекъ, но не потерядась.

--- Да он'в это и безъ вашего позволенія д'ялють, -- сказала она, см'ясь. -- Воть, попробуйте только --- женитесь.

— Нечего пробовать! — проворчалъ Хавазовъ, выпивая рюмку хереса (онъ былъ женатъ на какой-то княжнѣ и былъ въ разводѣ съ женой своей). — Чортъ знаетъ, что за время! — продолжалъ про себя ворчатъ Хавазовъ и затѣмъ какъ-будто сталъ потише. «Что мнѣ съ ней связываться», — подумалъ онъ: — «не ругаться же съ нею. Баба задорная».

Минуть десять продолжалось молчаніе. Кельнерь съ гордой физіономіей принесъ бутылку шампанскаго в, откупоривъ ес, сталъ сверкающею пёной, въ нёсколько пріемовъ, наполнять бокалы Эвиной и Сызранова. Еще два бокала — шепнулъ Сызрановъ, и когда они были поданы, налилъ и велёлъ преподнести ихъ Сашину и Хавазову.

- Это прохладительное, не угодно ли, господа.

— Поворно васъ благодарю, — сказалъ Хавазовъ, кивнувъ головой. — Я отъ шампанскаго нивогда не отказываюсь.

— Ваше здоровье! — сказалъ Сашинъ, встрътясь глазами съ глазами Эвнной и слегка выдвинувъ впередъ блинообразное лицо свое.

— А здоровъ ли Елатонскій?—спроснять онъ, выпивши бокалъ и утеревши салфеткой маленькій ротигь свой.—Я что-то давно уже не встрёчаль его. Что онъ дълаеть?

--- Работаетъ и, кажется, собирается служить, --- отвёчала Эвина.

--- Служить!--подхватилъ Хавазовъ.--Служить! молодо еще, зелено. Еще молоко на губахъ не обсохло.

- А вы какихъ лёть вступили въ службу?

— Я нивогда не быль такинь фатишкой, какъ этоть вашть Елатомскій, —ходить, точно ему и чорть не брать, точно звёзду получиль или аренду. Съ самимь его превосходительствомъ, г. Фабромъ говорить такъ, какъ будто это навой-нибудь титулярный совётникъ. Куда ему служить! порядочнаго носового платка нёть въ карманъ, а туда же!

---- По-вашему, все достоинство человёка заключается въ его носовомъ платкё, да въ умёньё иначе говорить съ генераломъ, чёмъ съ титулярнымъ совётнивомъ?

--- Да, понечно! Кто хочеть служить, тоть должень для служби и воспитать себя. Не знаю, да и знать не хочу, какія тамъ у васъ дружескія отношенія, но только --- иксаля ванъ Елатомскій.

Швахъ, швахъ! — повторилъ онъ. — Я думаю, заставь его дёловую бумагу написать, онъ вмёсто запятыхъ, вездё восклицательные знаки поставитъ. Какой это ученый! помилуйте! Вотъ этотъ Баеннъ, ну, это... да, это ученый — только глупъ.

Эвнна вспыхнула.

- Бавинъ глупъ!

— Да какъ же! Сынъ дворянскаго предводителя, пом'вщикъ и въ профессора пол'язъ. Ха, ха! Карьера, нечего сказать! нашелъ по-себ'в карьеру! Все хочется, знаете, удивлять, зв'язды съ неба хватать, и ничего не схватишь. Ну, да что говорить эксцентрикъ, съ д'ятства такой.

- А вы знали его съ дътства?

- А вы думаете нъть! Моего родного дяди имънье было по сосёдству съ этими Бавиными. Я также когда-то набажаль туда. Знаваль ихъ - этихъ Бавеныхъ-то, еще мальчуганами; точно арестанты, въ свреньвихъ бургочкахъ быгали. Ха! Разъ, прочли они, знаете, какую-то древнюю греческую исторію. Ну, и вообразили себь, что оне спартанцы. Кузены мон, какъ бывало не пойдуть къ нить, непремённо вернутся избитыми. Разь я самъ засталь ихъ на овери. Раздились это они до-гола, и ну лупить, ну лупить другъ друга хворостинами, и по бованъ, и по спинъ, и по всему прочему. Что вы туть, говорю, делаете? Съ ума, что ли. спятили! А мы, говорять, учимся терпъть, физическия страдания виносить безъ слезь и жалобы. Ха, ха! Ну, совсёмъ дурави! Я и говорю, такъ ужъ дайте мнё, я вась великолёпнёйшимъ образонь высвку. Нёть, говорять, мы и безь вась обойденся. Хаха-ха!.. И такъ-то они, эти милые братцы, каждый день другь друга изволили подчивать по-спартански. Ха, ха!

«Какъ это однаво-же похоже на нашего буву», — подумала Эвина: «пріучать себя въ страданію! вавъ это на него похоже!»

--- Что же туть глупаго или смѣшного, --- продолжала она. вслухъ. Мы всѣ такіе дряблые вменно потому, что чего-то спартанскаго недостаеть въ нашемъ воспитанія.

- Ну, да вы не только за Елатомскаго, вы и за Бавина. готовы ваступаться. Всё вы, я вижу, одного поля ягоды!

- Ну да, одного поля.

— Женится-перемѣнится.

- Кто же женится!

--- Какъ кто? А Елатомскій! что вы такъ на меня смотрите? Я же вамъ говорю, женится, и -- можетъ быть, кое-какія денежки перепадутъ. Губа-то не дура, даромъ что либералъ! ха-ха-ха!

Когда Хавазовъ смёныся, онъ открываль верхніе, клыкастые зубы, и смёхъ его быль какой-то короткій, ёдкій смёхъ, въ родё приправы. Онъ не выражаль ровно никакой веселости, онъ выражаль только припадовъ насмёшливости и часто прикрываль тайную цёль или педоброжелательство. Онъ вёрилъ сплетиё, что Эвина не что иное, какъ метресса Елатомскаго, и вообразилъ себё, что слова его ненремённо задёнуть ее за-живо, разбередять раны ен сердца, такъ-сказать, въ самое чувствительное мёсто поразять ее — и былъ совершенно счастливъ.

-- Какъ же! какъ же! -- повторилъ онъ: -- полъ-Одессы объ этомъ вричить, а вы не знаете.

— Не знаю...

Эвина действительно была поражена этимъ извёстіемъ и машинально съ-разу. допила божалъ свой.

--- И знаете! что всего интереснѣе, -- женится на дочери перваго въ Одессѣ плута и мошенника. Хорошъ либералъ!

--- Тсс! что вы это такъ? --- испуганно пробурчалъ вполголоса Сашинъ. --- Онъ, можеть быть, туть, въ сосъдней вомнать....

— А хоть бы и въ сосёдней комнатё! Да я ему и въ глаза скажу, что онъ мошенникъ и плуть. Не безпокойтесь, на дуэль не вызоветь. Знаемъ мы его, друга любезнато. Взялся выстроить амбары для казеннаго хлёба... Каналья! Потолки провалились, году не выдержали. Подрядчикъ! Я бы его на первую осину, да и архитектора бы вмёстё съ нимъ за-одно, чтобъ имъ не свучно было.

- Кто же это такой?-спросила Эвина.

--- Кто такой? Скажи вамъ. Вы, --- знаю я васъ, вы еще чего добраго, свадьбу разстроите.

- Если глупъ, пусть женится, я мёшать не стану, - съ досадой произнесла Эвина.

— А почему-жъ бы это: «если глупъ»? А по-моему, умнѣе онъ ничего во всю свою жизнь не придумаеть. Выведуть его, друга сердечнаго, на правтическую дорожку. Университетскую-то фанаберію немного повытрясуть и пойдеть человъкъ—наживеть себѣ этакій капитальчикъ — тысчёнокъ въ 40, въ 50, какого же ему еще рожна, съ позволенія сказать! Вѣдъ не на княжнѣ же Гагариной или Долгорукой ему жениться!

Й, закуривъ сигару, онъ вышелъ на балконъ, разставилъ ноги, заложилъ руки подъ сюртукъ за спину и сталъ смотрѣть на жаркую улицу, потомъ опять вошелъ въ комнату, поклонился Эвиной, насмѣшливо оскалилъ зубы, попросилъ у ней извиненія за непріятную новость и вышелъ.

Затъмъ, минутъ пять или шесть слышно было, какъ онъ у буфета съ къмъ-то, за что-то бранился и кого-то называлъ свиньями.

- Ненавижу такихъ людей, -проговорила Эвина.

--- Огчего? --- спросиль Сызрановь, которому, напротивь, Хавазовь очень и даже очень понравился.

— Иванъ Ивановичъ, что вы тамъ сидите, — проговорила Эвина, закуривая пахитосу. — Выпейте-ка еще бокальчикъ! Вотъ замъ стулъ, присидъте въ намъ.

Иванъ Ивановичъ перевалился съ своего вресла на предложенный стулъ и сталъ враснымъ фуляровымъ платкомъ вытирать котное, какъ-бы расплывшееся лицо свое.

- Вы знасте, - спросила Эвина, - на комъ это женится Елатомскій, или онъ вреть, дуракъ!

— Я знаю, кого онъ разумѣлъ, — отвѣчалъ задумчиво Сашинъ. — Это онъ про Меркулича говорить. У него есть дочка Зоя, не дурна собой. Что же касается того, вѣритъ или не вѣрить — то кто же вѣритъ! Одесса только тѣмъ и живетъ, что питается всякими сплетнями. Тутъ и меня уже раза четыре женили и переженили. Меня-то-съ!! Вы поглядите-ка на меня хорошенько. Какая дура пойдетъ за меня. Два раза на Сакскія грязи ѣздилъ, съ единственной цѣлью похудѣть! Другіе возвращаются — кожа да кости, а меня все претъ да преть. Ну, и начинаю пить съ горя. Пью, пью и хоть бы что! Другимъ весело, а мнѣ плакать хочется. Думалъ повѣситься, но я и этого не могу. Шен нѣть. Гдѣ у меня шея? Вотъ подбородокъ, а воть другой, а подъ галстукомъ еще третій. Неудобно-съ. Утопиться тоже не могу. По водѣ какъ пузырь плаваю.

Все это Сашинъ говорилъ улыбаясь, но что-то действительно горькое и грустное просвёчивалось въ голубыхъ глазахъ его. Полная дисгармонія души и тёла такъ и отзывалась въ его голосѣ, такъ и отпечатывалась на его физіономіи.

Душою онъ былъ маленькій Гамлеть, — тёломъ — маленькій Фальстафъ. У него было нёжное, романически настроенное сердце, онъ часто не ёль, не пилъ по цёлымъ суткамъ, и всетаки издали походилъ на комъ двигающагося человёческаго жиру. Ему хотёлось чуть не летать, а между тёмъ, тридцати лёть оть роду, онъ, не задыхаясь, не могъ ввойти ни на какую лёстницу. Онъ влюблялся, а умныя барыни дарили его за это своей дружбой, и эта дружба только увеличивала томленіе души его.

BACTHEN'S BBPOHL.

XVIII.

Въ комнату, гдё они сидёли и, другъ друга слегка выпытывая, бесёдовали, вошелъ молодой человёкъ, средняго роста. Одётъ онъ былъ по-лётнему, въ платье изъ англійской парусины, которая, какъ-бы выглаженная утюгомъ, мёстами лоснилась. На одной рукё его была замшевая надорванная перчатка. Онъ опусталъ на столъ свою соломенную шляпу, взглянулъ невсёхъ, кивнулъ курчавой головой своей Ивану Ивановичу Сашину, сѣгъ подаль за столикъ, положилъ на него хлыстикъсвой и велёлъ подать себё кофе. Во всемъ этомъ не было ничего необыкновеннаго, но Эвина тотчасъ же поняла, что это джентльменъ самаго высшаго качества.

Онъ былъ смуглъ, — смуглѣе Бавина. Маленькіе бакенбарды и черная раздвоенная бородка оттѣняли не совсѣмъ правильное, цыганское лицо его.

- Кто это?-спросила Эвина.

— А это нёкто графъ Гикель, бессарабскій помёщикъ, — началъ Иванъ Ивановичъ; почти у самаго рукава ся таинственно шевеля своими пухлыми, совершенно дётскими губками. — Это графъ Гикель. Года два тому назадъ онъ былъ въ Одессё и блисталъ, — проживалъ чуть не сотни тысячъ, — лукулловскіе об'ёды задавалъ и по вечерамъ у него подъ балкономъ играла музыка. Теперь онъ нищій, продулся въ пухъ, и у него ни гроша. А все-таки вездъ онъ принятъ, — онъ любезенъ, смёлъ и отваженъ, какъ никто.

— Познакомьте меня съ нимъ.

— Зачёмъ?—удивился Сашинъ.

- Кавъ зачёмъ?

--- Да развѣ съ вами надо любезничать? --- Нѣтъ, не познакомлю.

- Чёмъ же онъ живеть?

- А на счетъ нашихъ барынь. Барыни его кормятъ, поятъ, одёваютъ, обуваютъ, можетъ бытъ, даже спатъ укладываютъ. Такой человёвъ нигдё не пропадетъ.

Какъ ни шепталъ Сашинъ, графъ Гикелъ повернулъ голову въ его сторону, слегка приподнялъ брови, скривилъ губы и усмѣхнулся.

- Вы, важется, инъ завидуете, Иванъ Ивановичъ?

Сашинъ растерялся. Онъ повернулся въ нему не однимъ сконфуженнымъ лицомъ своимъ, повернулся всёмъ своимъ туло-

нщемъ, н такъ неестественно быстро, что одна ножка у стула подломилась, и онъ бы непремённо грохнулся на полъ, если бы не ухватился за руку Эвиной. Эвина сама чуть не упала и раскотокансь. Сыврановъ тоже.

- Я, графъ... вы не такъ меня поняли, - началъ Саянить, задихаясь: я.. я... совсёмъ не въ томъ смыслё. Ради Бога не сердитесь!

— И не думаю сердиться, — отвёчаль графь, отхлебыная изъ чашки кофе и веселным главами исподлобыя покосившись на Ниму Александровну.

- Такъ какъ вы встали, Иватъ Ивановичв, -- сказала Эвина, то и я встану. Мнѣ пора, засидѣлись мы здѣсь.

Но Иванъ Ивановитъ сътъ на другой стулъ, поближе въ графу и казался растераннимъ.

-- Какъ же мы въ такой жаръ пойдемъ! -- глухо басниъ Сизрановъ. -- Не дождаться ли мив здёсь обёда? Вёдь, чай, и обёдать скоро! Воть я туть гдё-нибудь прилягу, дождусь изти часовъ, а потомъ подъ вечеровъ выйду поразмяться на свёжемъ воздухё.

Гордый кельнеръ молча вынесъ сломанный стуль и пришелъ за разсчетомъ.

— Я за стуль заплачу, —сказаль ему Сашинь.

- Какъ я радъ, что вы не упали, - сказалъ ему графъ.

--- А я, внаете, чему не радъ, -- сказалъ ему Сашинъ, --- вы такой гордый человъкъ, что даже сердиться на меня, какъ слъдуеть, не почли за нужное.

--- Я гордъ, а вы самолюбизы, --- милъйшій мой Иванъ Ивановичъ!

--- Счастливан у васъ компленція.---Завидую я вамъ. Дайте инъ сегодня сто тысячъ рублей, и я ни на волосъ не буду ни веселье, ни счастливье.

- Во-она!- пробасниъ Сыврановъ, это вы все на толстотуто свою жалуетесь. А я развё не толсть. Я, батюшка вы мой, тоже махина порядочная, а дайте-ка мий сто тысячъ, тавое коленце выкину, что мое почтенье.

— Такъ вы остаетесь, Андрей Поталичъ. Ну, спасибо ванъ за новости... и за то, что вы человёнъ добрый. — Надёюсь, им еще увидимся. — Пойдемте, Сашинъ! — Эвина надёла шлянку, виёстё съ толстякомъ прошла буфеть и спустилась на улицу.

Токъ II.-Мартъ, 1879.

XIX.

А въ это время Елатомскій сидёль у Тетти въ читальной комнатё.

Зналъ ли онъ, что въ англійской гостининцъ шелъ о нежъ разговоръ, и что ему порядочно доставалось отъ его знакомца Хавазова?

Когда онъ пришелъ въ внижный магазинъ, синьоръ Тотти, молодой хозяинъ магазина, маленькій итальянецъ съ добродущнымъ лицомъ и пріятельскими ухватками, встрётняъ его особенно какъ-то радушно.

— Ба! г. Елатомскій, какъ вы встати! Во-первыхъ, воть къ вамъ письмо, его занесла сюда какая-то барыня, а во-вторыхъ, не можете ли вы десять-двадцать минуть посидёть у меня въ магазинъ и постеречь его. За мной присылала невъста, мнъ непремънно надо къ ней забъжать.

Елатомскій взяль письмо и сказаль, что онь посидить въ лавей, но если придуть покупатели, онь скажеть, что хозянить пошель въ новёстё и сейчась придеть.

— И прекрасно! такъ и скажите. — Съ этимъ словомъ синьоръ Тотти схватилъ шляпу и выскочилъ на улицу.

Елатомскій распечаталь письмо, прочель строчку и не поняль, — прочель другую — и все поняль. Сердце его болізененно сжалось. Письмо было оть Зон. Воть оно слово въ слово:

«Владиміръ Григорьевичъ!

«Вы, конечно, не знаете, отчего я плакала. Я плакала оттого, что люблю вась. Мнё тяжело въ этомъ признаться, но вы это и сами знаете. Вы читали любовь мою въ главахъ монхъ, и я читала ее у васъ въ глазахъ. Но вы не ошнбались, а я ошнбалась. Можетъ быть, я глупа, но какова я — такова и любовь моя. Знаю, что вы на мнё не женитесь, хотя родители мои и желаютъ этого. Но не въ томъ горе, что вы не женитесь. Сердце мое говоритъ мнё, что вы уже у насъ не будете. И не приходите въ намъ — но если я найду случай и возможность видёться съ вами, неужели вы мнё откажете? Клянусь! Я готова на всё муки и страданія, лишь бы видёть васъ. Напишите мнё хоть одну строчку, я кого-нибудь защлю въ вамъ за отвётомъ. Ахъ, если бы вы знали, какъ мнё горько! Я скоро выплачу глаза мои. Неужели нёть никакой надежды. Кажется мнё, что какую-то надежду я прочла на вашемъ миломъ лицё,

вогда вы нослёдній разь оть нась уходили. Вы добры. Вы не можете быть героемъ налюго времени.

Ваша на въни

3.»

Елатомскій не ожидаль, чтобы даже и такъ могла выражаться Зоя, какъ она выражалась въ этомъ письмё. Очевидно, что страсть водила перомъ ся. Письмо показалось ему ясно и просто, оно тронуло его до глубины души. Онъ же быль самъ нервенъ и вцечатлителенъ, не лучше иной барышни. Зод сказала правду, онъ не могъ быть героемъ своего времени.

Опустивъ въ боковой карманъ это любовное посланіе, онъ свлъ на табуретъ, закрылъ лицо руками и задумался.

Черевъ часъ (не раньше) явился хозяннъ, радостный, какъ женихъ и сіяющій какъ солнце.

- Нивого не было?-спросняв онв Елатомскаго.

— Навого.

— Ну, такъ и зналъ! такъ и зналъ, что никого! Плохо, илохо, чортъ возъми, я торгую! Плохо, плохо! Плохой товаръ эти книги. А въ читальной комнатъ никого не было?

— Никого.

 Право, только вы, да м-мъ Эвина и поддерживаете мою коммерцію.

Синьоръ Тогти былъ въ хорошемъ расположени духа. Елатомский — напротивъ. Онъ скоро ушелъ въ читальную комиату, ваять на удачу первую попавшуюся ему подъ-руку газету и сталъ читать. Попался № «Сйверной Пчелы»; въ фельстонѣ Ө. Булгаринъ тёшился надъ Гоголемъ. — Ему стало противно. Онъ бросилъ газету — придегъ на диванъ и сталъ думать — не о Ө. Булгаринѣ и не о Гоголѣ.

«Какое глупое, чорть возьми, положеніе», размышляль Елатомскій. «Если бы даже я безь ума быль влюблень въ нее, и тогда мий было бы тяжело и страшно. Я не хочу быть ни Ловеласомь, ни Печоринымь. Я не хочу, не хочу! — Но что же мий дёлать!»

Вынувъ письмо Зон, онъ опять пробъжаль его. Опять сердце его сжалось, но на этотъ разъ онъ уже замътилъ примъсь французскихъ буквъ и грамматическія ошибки (е вмъсто п) и отсутствіе запятыхъ, но отнесся къ этому безъ всякой ироніи. Его подкупала ся любовь, — ся готовность на самоотверженіе — ся наивная откровенность.

А все-таки "въчно любить невозможно!" - припомниль онъ

стихъ Лермонтова. Но что же въчно? Въдь и жизнь не въчна — но вто же, какой звърь, какая моника не любить жизни! Какой жалкій мизантропъ станетъ отворачиваться или презиратьпраты, только оттого, что они пратутъ не въчно!

Пробило четыре часа, Елатомскій уже собирался домой оббдать, какъ вдругъ на поротв появился Сашинъ. Онъ тяжело сопёлъ, и все лицо его было въ поту и воротнички его рубащин, выглядывавшіе изъ-подъ его двухъ-этажнаго подбородка, казалисьсмятыми.

- Уфъ! жара провлятая! Къ ночи будеть гроза, помяните вы мое слово. А какими судьбами я здёсь обрётаю вась?

- А воть какими судьбами - синьоръ Тотти биталь въ своей невъстъ, а я стереть его магазинъ.

--- Госноди, Боже мой! у всёхъ невёсты! --- вздохнулъ Сашинъ, и грузно сёлъ на диванчикъ, обитый темнозеленою клеенкой, разстегнулъ жалетъ и вытеръ фуляромъ нирокое лицо свое и губы и маленькій носикъ, мягкій и подрумяненный, какъ спёлая слива.

--- Да, у всёхъ невёсты, только у насъ съ вами нёть, --сказалъ Елатомский.

Сашинъ поглядѣлъ на него съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, дескать, притворяется юноша, или правду истинную говорить изволить. Неужели же этоть вубоскалъ Хавазовъ все вралъ. Отвуда же онъ все это выдумалъ?

--- Гм! А у васъ такое лицо, какъ будто вы женитесь--накъ будто и у васъ невёста есть, --- сказалъ онъ, многозначетельно приподнимая такой же, какъ и онъ, толстенькій указательный палець свой, и упирая въ Елатомскаго глаза свои.

— А развѣ вы находите, что я очень веселъ! Воть хозяннъмагазина прибѣжалъ отъ своей невѣсты веселый-развеселый. Слышите, вавую-то арію про себя муряючить!

--- Ну, это не прим'тръ. Онъ итальянецъ, а мы русскіе, мы такъ не можемъ. Я разъ былъ у одного жениха, такъ, кажется, и влюбленъ былъ въ свою невёсту, очень даже влюбленъ; а какъ пришло время въ церковь ёхать, поблёднёлъ какъ полотно, думали въ обморокъ упадетъ челов'вкъ... еле-живой въ карету сёлъ. Вотъ вы сегодня какъ будто помяты. Не то что блёдны очень, а такъ, какъ будто бы не спали двё-три ночи и все мечтали.

--- Какой, однакоже, вы проворливый Иванъ Ивановичъ. Я бы васъ обняль, да вёдь вамъ отъ мовхъ объятий не будетъ прохладнѣе.

- Что это, вы сметесь, что-ли?

— Нѣтъ! кто такъ вникаетъ въ мое лицо, тотъ или мой врагъ, или несомнѣнно расположенъ ко мнѣ. Вы мнѣ не врагъ, и уже за это я люблю васъ. — Ей-Богу!

- Воть вакъ- любите... спасибо... А знаете что? Если вы меня возвенавидите, мий будеть еще пріятийе. Ей-Богу!

Елатомскій улыбнулся.

---- Ну вотъ! только-что хотвлъ спросить вашего совёта, а вы мив такую фразу лапнуля, что приходится промолчать.

«То-то онь во мив и подольщается», подумаль Сашинь.

— Какого же это совъта? Я люблю давать совъты; это мое единственное призваліс—и, знаете что?—можете на меня равсчитывать: по душъ искренній совъть дамъ вамъ.

- Ну, такъ воръ что, Иванъ Ивановичъ! сважите мнѣ по совъсти, какъ бы вы поступили, если бы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, получили бы письмо отъ какой-нибудь хорошенькой барышни, и если бы въ этомъ письмецѣ она признавалась бы вамъ въ любен. А? какъ бы вы поступили?

— Гм! какъ бы я поступилъ? —помолчавъ и подозрительно оглядътъ юнаго Елатомскаго, переспросилъ Сашинъ. — Да я бы никакъ и поступить не могъ. Получи я такое признаніе... да я бы... знаете что? я бы умеръ. Такой бы кондрашка хватилъ, что я бы такъ вотъ, какъ сидълъ, такъ бы и повалился. Вы, пожалуйста, во мий инчего этакого не примъняйте, это никогда со мной не случалось и не можетъ случиться. Видимо, Господъ Богъ береметъ меня. Что же касается другикъ, то я, конечно... могу такъ сказать... разсудить или направить. Тутъ въдъ можетъ бытъ и канальство какое-инбудь... съти конарныя. Я это не разъ видълъ, какъ попадаютъ въ съти. Это я видълъ! А самую записву можете мий новазать?

--- Нѣтъ, не могу, Иванъ Ивановичъ. Спасибо вамъ за предостережение. Который часъ у васъ? Пора миѣ и домой. Я же дома и не ночевалъ.

- А гдё же вы ночевали?- не безъ любопытства спросилъ его Сашинъ.

— На дачв у австрійскаго консула.

- A! SHAD ...

Когда Елатомскій вышель, Сашинь сложиль на животь руки и понуриль голову.

«Знаемъ мы отъ кого это письмо!» нодумалъ онъ: «внаемъ. Отъ Зон Меркуличъ. Очень нуженъ ему мой совъть! Ну, какой я ему другъ—я думаю, у него на каждомъ перекрествъ друзей, какъ собакъ. Правду говоритъ Хавазовъ—молодо-зелено».

Вернувшись домой, Елатомскій на письменномъ стол'в своемъ нашелъ визитную карточку: «Трофимъ Евландіевичъ Меркуличъ». Что это, подумалъ онъ, откуда такая внимачельность. Дочка съ одной сторовы, пайенька — съ другой. Кто изъ нихъ кому помогаетъ?

Нечто такъ не охладило его, какъ эта везетная карточка.

Бавинъ былъ дома и читалъ письмо, полученное имъ отъ Эвиной. Супъ съ клёцками стоялъ на столй и простывалъ; ни тотъ, ни другой не садились за столъ, точно у нихъ апнетитъ пропалъ, или было не до того, чтобъ заниматься такими пустяками — йдой какого-нибудь супа!

Но оставнить молодыхть людей и обратнися въ молодой дъвушей. Что было съ Зоей съ тёхть поръ, какть Елатомский въ послёдний разть простился съ нею въ гостиной съ притворенными ставнями.

«Что, небось, выбёжала женишка проведять» — воть та милая фраза, которою встрётили ее на крыльцё ся милыя сестрицы.

Оть этой фразы у ней повернулось сердце. Не думавини е послёдствіяхь, она рёзко отвёчала имъ:

— Ну, что вы меня дразните! быль женихъ, да сплыяъ. Я сейчась ему отвазала.

Затёмъ она вернулась въ комнаты и пробиралась въ свою дётскую съ тёмъ, чтобы броситься на свою постель, уткнуть свой носикъ въ подушки и, если можно, забыться. (Она еще спала въ дётской, тёсной отъ трехъ дёвственныхъ вроватокъ, `отъ шириъ, отъ сундуковъ, комодовъ, картонокъ, ящиковъ и всякой всячини). Но въ корридорё встрётилась ей мать и взяла ее за руку.

- Зоя, поди во мив.

Онѣ пришли въ спальную, и сѣли рядомъ на диранчивъ. Мать посмотрѣла на дочь, дочь поглядѣла на мать и потупилась.

- Зоя, отчего ты плакала?

— Да такъ, сама не знаю, стало грустно, и я заплакала.

— Значить, ты любишь этого, какъ его... этого... — Мать какъ будто забыля или не могла выговорить фамилін Елатонскаго.

- Такъ, не очень, не то чтобы очень, а такъ...

- Ничего между вами не было?

Зоя не была такъ наивна, чтобъ не понять вначенія этого вопроса, и съ удивленіемъ поглядвла на свою мать.

- Что же могло быть между нами? - отв'ячала она, ноду-

22

манни.—Відь мы никогда на-единів наи тайкомъ не видались съ нимъ.

- HEROFIC:

- Ахъ, нама, что вы такое спраниваете!?.

— Ты не очень върь ему, Зоя...

— Да я ему и не върю...

Зоя дейсквительно не верила-въ его разнедушіе.

Мать останась не совсёмъ довольна своимъ объясненіемъ съ дочкой. Судя по себё, она не совсёмъ довёряла ей. Она не могла понять, какъ можно не влюбиться въ такого врасновго, умнаго и занимательнаго юновну, какъ Елатомскій! Будь она молода, она бы броснла для мого все на свётё и ущла бы съ нимъ. Глядя на него, она не разъ ведыхала о своей молодости. Она помнила, какъ она была внобчива, когда ей было 14-15 гёть, и какъ наканунё свадьбы своей порывалась убъявать (разумёется, не съ женихомъ).

«Конечно, Зол не въ меня», — думала простодушная мать, и все-таки инстинитивно не совсёмъ довъряла ей.

На другой день рано утроиъ, когда она только-что нодинмалась съ постели, пришла въ ней Люлинька, ез меньшая дочь, и, картавя, стала ей сплетничать.--Мама! Зоя вёрно больна, ночью бреднла, и я сама слышала, какъ она вричала: могила, могила! Такъ что я хотёла разбудить сс.--но... было темно---я а боялась.

--- Что это съ ней! --- произнесла мать, натягивая нитяный чулокъ себъ на ногу. --- Что она, встала?

— Нъть еще, лежить.

- Проснулась?

— Да, она раньше насъ проснулась, и не вслаеть, все лежить.

--- А знаеле, мама, отчего у нея вчера глаза были заплаканы?

- Отчего?

- Да отгого, что она ему огназала.

--- Отказала! Кому отказала? --- вытараща глаза, воскливнула Вёра Георгіевна.

--- Енегомский вадумаль светаться, а она ону отказала.

- Елатонскій! сватался!

- Ну да, мама, кому же ниаче? Къ намъ теперь, кромъ него, никто не ходить. Только вы этого никому не сказывайте.

Пожилая гречанка не вёрвла ушамъ своимъ. Брови ся поднались, и башмакъ, который она только-что хотёла надёть себё на ногу, выпалъ изъ рукъ ся и шлепнулся на полъ.

- Ты почемъ это знаешь, глупая девчонка?

— Знаю, мама.

— Подслушала, что-ля? А?

— Нѣть, она нанъ сама проговорилась, а то им ничего бы не знали... Я никогда еще не видала, какъ мужчины сватаются. Мама! встаютъ они на колънки, а?

- Въ эту минуту вто-то сгибомъ цальца постучалъ въ затворенную дверь и изъ гостиной послышался женскай голосъ:

— Вы встали, Въра Георгіевна?

--- Встаю, встаю! сейчась, милая Клара Петровна, да войдите. Что за бъда, что я еще не совсёмъ одёта.

Вошла Клара Петровна, женщина почти однихъ лёть съ г-жой Меркуличь, но совершенно другого нокроя. На увенькомъ, блёдноватомъ лицё ся, черныя броеки были точно нарисованы очень тоненькой кисточкой. Черные глазки ся не имбли въ себе начего восточнаго. Это были небольшіе, нёмецкіе глаза, добрые и въ то же время зоркіе и безпокойные. Ез правильный нось, сь небольшой горбиной, очевидно, принадлежаль бывшей красавиць. Надъ ся губами пробивались уснен. На вискахъ были бувельки, онъ были фальшивыя, но эту фальшь приврываль тюлевый чепчикъ и черная вружевная косинка, концы воторой сходились у подбородка и, приколотые булавкой, закрывали шею. Клара Петровна была несчастлива замужемъ. Мужъ ся пилъ заноснъ и пропнять половнну ся состоянія. Сынь ся, на воспитаніе котораго она не щадила ни трудовъ, ни денегъ, тодъво-что вышелъ наъ лицея — сошелъ съ ума. Года два тому назадъ онъ умеръ въ дом' умалишенныхъ, и съ тёхъ поръ Клара Петровна уже не снимала траура.

Во всей Одессѣ не было у ней лучшаго друга, какъ Вѣра. Георгіевна Меркуличъ. Къ ней приходила она плакать, передъ ней изливалась въ жалобахъ на судьбу, на свое одиночество, на холодъ дюдскихъ сердецъ и пр. И Вѣра Георгіевна ухаживала за ней, какъ за родной, поила ее кофеенъ и считала ее великой уминцей.

Дъйствительно, Клара Петровна была не глупа, она даже была не безъ претензии на образованіе, которое она цъликомъ почерпнула изъ старыхъ газеть и нёмецкихъ романовъ, любила разсумдать о жизни, о люби, о томъ, какіе бырають на свётё мужчины и кому какое на роду написано счастье.

Digitized by Google

24

Ей также, накъ и Вёрё Георгіевнё, правилоя Елатомсній, что, впрочень, не мёнало ей изъ угла наблюдать за нимъ. Ее мучилъ вопросъ, женихъ онъ Зоё или не женихъ? Есть ли у него какіе-нибудь виды или нёть никакихъ?—и Елатомскій оставался для нея загадкой.

Къ Зой она относилась съ родственной нёжностью — и какъ только замётная въ ней тревоту страсти, тотчасъ же сообщила матери свои наблюденія. — Разъ не утеритёла: погрозила Зой нальценъ, и когда та ввглянула на нее вопросительно, подощяа и шепнула ей:

— Ахъ, Зоя, Зоя! Хороню ты, Зоя, дёлаень, что не скрываень отъ него чувствъ своихъ. Всё мужчины самолюбивы, и если имъ правится, что икъ любятъ, это, но моему занёчанію, очень хорошо!—Это значитъ, что они и сами когда-нибудь влюбятся.

Зоя долго ни въ чемъ не сознавалась, все отнъкналась но когда двухнедъльное отсутствіе Елатомскаго поставило Клару Петровну въ тупнкъ, когда слухъ о пріёздъ какой-то баршин, съ которой одъ гуляеть но одесскимъ улицамъ и, безъ заврёнія совъсти, со всёми се знакометь, дошелъ до Зон, она прибъкала гъ Кларѣ Петровнѣ, бросилась ей на шею, зарыдала и призналась, что она скоро съ умв сойдеть и утопится.

Итанъ, въ спальную вошла Клара Петровна. Вёра Геергіенна при ней умылась, прикрёнала на затылкё, высовнить черепаховымъ гребнемъ, свернутый колечкомъ пучовъ косы своей, надёла на себя стареньвую блузу, изъ матерів съ восточными узорами, прогнала отъ себя Люлиньку. Юлинькё приказала раснорядиться васнеть кофе, потомъ прошла въ дётскую и, заставъ Зою еще въ рубаникъ передъ зервальцемъ, понунала ей рукей голову, заглянула ей въ глаза, и, когда та молча поцёловала ей руку, воротилась въ спальню къ Кларъ Петровнъ.

-- Что вы!?-- всплеснула руками Клара Петровна.-- Быть не можеть! Такъ влюблена--- отказала! ай, ай.

И затёмъ у сбёнхъ водругъ началось шунуканье и продолжалось это шушуканье до самаго полудня. Оно прерывалось только, когда изодила Зон. Объ, и мать, и гостья, омогрёли на нее нолча, съ затасеннымъ любопытствоить.

Зоя вонна, что рёчь ндеть о ней, — можеть бить даже думала, что Клара Петровна выдала матери са тайну; но ей било уже все-равно. Послё обиднаго подозрёнія, такъ просте выска-

SOCTURES REPORT.

заннаго матерью, что значные все остальное?—пустаки! Она теперь готова была всёмъ, всёмъ, всёмъ сказать— что она безумно, безумно, безумно влюблена въ него.

Дня черезъ два-три, и то ночью, и то потому только, что Трофимъ Евлампіевичъ самъ заговорилъ съ женой своей объ Елатомскомъ, она рънинась по секрету сказать ему, что этотъ иолодой человъкъ вовсе не такой, какъ онъ думаетъ, что онъ приходилъ и сватался за Зоиньку, но что Зоя отказала ему на отръзъ и при этомъ сама расплакалась.

--- Кавъ!-- привскочилъ на постели Трофимъ Евланціевичь. Но тотчасъ же опять улегся и, глядя въ поголовъ, ничего не сказалъ своей супругѣ.

Подумавши, онъ потомъ вувырнулся въ подушви и минутъ черезъ пять захрапфлъ.

Но что же значило восклицаніе Меркулича и о чема онъ думаль, прежде чёмь захрапёль?

Новость эта - изумнаа его, обрадовала или огорчила?

Изумила, потому что эту новость узнаёть онъ оть жены своей, а не отъ самого Елатомскаго.

Обрадовала, потому что объ Елатомскомъ онъ былъ самаго высокаго мнёнія ужъ за одно то, что онъ не пьетъ, не пграетъ въ карты и—такая каналья!—со всёми внакомится — и всё его любятъ.

Огорчила, потому что дочь осм'ялилась отназать ему, тогда какъ она, по мнёнію Меркулича, должна была сказать Елатомскому: «обратитесь къ моему родителю» — или придти къ отцу, и раньше его сов'ята Елатомскому не отназывать.

Все это быстро повертёлось у него въ головё и тотчасъ же улеглось подъ обаяніемъ могущественной дремоты. Съ юности имълъ онъ это завидное свойство. Какія бы каверзы ему ни дълали, какія бы запутанныя денежныя соображенія ни мутили его голову, какія бы ни угрожали ему непріятности, онъ всегда вовремя засыпалъ и во-время просыпался, — признать натуры глубово самоувѣренной, не трусливой и ин на какую меланколію не податливой.

Утромъ онъ только-что всталъ, умылся, обринся, выпилъ дна стакана чаю, одълся при помощи дъвки и тотчасъ же вышелъ со двора. Еще лавки только-что отворялись, а уже барабанный бой извъщалъ просымающуюся Одессу, что будетъ аукціонъ.

Къ объду вернулся Трофимъ Евланијевичъ въ довольно хо-

26

решенть расположения духа; за об'йдонть, онъ-то и дёло всподлобы поглядиваль на Зою, а послё об'ёда, ложась спать, позваль ее въ свой кабинеть и по обыкновению приказаль ей оъ себя саноги стащеть.

- А что, дёвка, правду ли говорять, что Елатонскій за тебя сватался? А?

Зоя дрогнула и побязднёла.

- Вто говорить?-прошентала она.

- А отчего же ты ему отказала?

- Я не могла, я...-вачала-было Зоя.

--- Не могла, не могла!---вспылиль отець.-- А не могла ты сказать ему, обратитесь-моль въ папенькё или въ маменькё. А не могла ты сказать ему: дайте, дескать, подумать, я должна спросить согласія монхъ родителей... Эхъ, ты! Онъ, чай, также не безъ самолюбія! Еще захочеть ли въ другой разз посвататься. Дура ты этакая! Ну, воть теперь в лови его, и лови! Ступай, чед стоншь, точно тебя инпатконъ опнарили. Я тебя не браню, не ругаю,--я, какъ любащій отецъ, говорю тебъ.

Зоя все время смотрёла на него неподвижными, горящими глазами, точно столбнякь на нее нашель. Она такъ потрясена была словами своего родителя, что была минута, когда ей казаюсь, — ужъ не действительно ли Елатонский за нее святался, ужъ не действительно ли она ему отказала. Можеть быть, все это она забыла, потому что съ ума сошла. Поблёднёвшія губви ея пошевелились, она накъ-бы себиралась съ силами свазать отду: «Да когда же это было? Правда, я что-то такое въ этомъ родъ отвёчала мониъ сестрамъ»; промелькнуло у ней въ головъ. «Но вёдь миё оть нихъ проходу пъть. Онъ меня дразнять, онъ слъдять за мной. Но вёдь я же потомъ и сказала имъ, что это--ненравда. Что же это такое?»

- Вотъ, какъ выдамъ тебя замужъ за какого-нибудь стараго пройдоху, вотъ ты у меня и будешъ знать, что значитъ не уважать родителей! – проворчалъ Мериуличъ.

При этомъ онъ повернулся, такъ что днеанъ свриннулъ нодъ нимъ, — уложилъ голову на подушву и закрылъ глаза.

Зоя внила, снустилась съ крылечна — плотийе притворила ставень и стала ходить по двору. Она чувотвовала стёснение въ груди своей. Ей хотёлось быть одной. Намаявшись на жарконь солицё, она сёла на бревно, въ тёни между дюдской и новымъ стропонных флигелемъ.

Долго сидъла она, и вотъ навія рёчи беззвучно вырывались изъ глубины души ся. — А, тань воть каны довн его! ловні такъ я же теперь не такъ буду ловить его. Пусть дунають, чте онъ онатался. Пусть! Буду молчать! Ніть, для чего молчать? Буду всёмъ говорить. Сватался — отказала. Ну, да, отказала — сватался... Ну, да... да... Хорошо же! дунають, я ребенокъ, глупенькая д'явчонка!

И дъйствительно, въ эту минуту она не была ребеновъ. Въ са головъ зрълъ хитрый планъ, и этотъ планъ канъ-будто улыбался ей. Она готовилась сиграть таную комедію, которая должна будетъ кончиться или свадьбей, вли трагедіей.

На другой день она уже сиділа за учебнымъ столикомъ сестеръ своикъ и писала въ Елатонскому письмо.

- Къ вому ты пвшешь? Къ кому? Къ кому?- пристевали въ ней задорныя сестры и стали толкать ее подъ локоть.

Она перенла за ширим къ ночному столику и перенеска туда съ собою черкильницу, но Люля вырвала у нея черкильницу, выпачкала себъ руки и закричала:

- Не твоя это, не твоя чернильница!!

Зоя, байдная, съ розовыми пятнами на лицё, вышла изъ дётской, достала изъ шкапчика запачнанную фарфоровую чернильницу, въ которую мать се макала тупымъ гусинымъ перомъ всякій разъ, когда записывала бёлье и свои расходы, ту самую черинльницу, изъ которой она, Зоя, уже разъ писала къ нему любовное посланіе, сида въ гостяной на подовонникъ (въ тотъ день, когда онъ самъ такъ неожиданно вошелъ въ комнату и такъ напугалъ се). Она стала на колёни у того же подоконника, нагиулась и стала писать. Ночью, когда сестры ся сиали, она зажгла свёчу, и кое-какъ, подмостивнись въ ночному столику, переписала письмо свое, поножила его въ комвертъ палеваго цвёта, запечатала веленой облаткой — надписала, нодыщала на адресь и, когда черны высокли, спритала конвертъ подъ подушку, погасила огонь и снова погрувилась во мракъ и въ неотвязныя, жарвія мечты свои.

--- Папаліа, --- болтала на другой день Люля, ласнаясь около онца и наменичая:----Зоя все вакія-то письма паліеть. Къ кому ей инсать?!

--- А тоб'я какое д'язо?---крикнуль на нее отець. -- Теб'я, дрянная ты дёвчонка, какое дёло, куда и что иншеть старшая сестра твоя! Ахъ, ты, шинонъ монглязна!! Воть, непребуй ты миѣ что-нибудь про сестру! Я теб'я, доносчица ты этакая!

Люленька надула губке, ушла въ дётскую, бросняась въ себё. на постель в, уткнувшись носомъ въ подушку, стала ревёть.

У всяхъ трехъ сестеръ постель была уб'яжищемъ въ тё иннуты, вогда капривныя слезы душили ихъ.

- Самъ же приказывалъ, чтобы мы все ему говорили, бормотала въ подушку Люленька. - Самъ же онъ насъ учиръ, и вотъ я - шпіонъ и доносчица. И все это проклятая Зойка такъ настроила! Думаетъ, что выросла, такъ и можетъ надъ нами командовать. Вишь, я - дрянная дъвчонка, а она не дрянная! Ахъ! хотъ бы ужъ замужъ она носкорйе вышла. Хотъ бы за кого-нибудь, легче бы было.

Такъ она бормотала и ревёла до тёхъ норъ, пова Юлинька не припла сказать ей, что мама зоветь ее на базаръ идти. Содержаніе письма Зон мы уже знаемъ. Она вручила его

Содержаніе песьма Зон мы уже знаемъ. Она вручила его Клар'ї Петровнії и упросила ее отдать его въ магазинъ Тотти, такъ какъ Елатомскій почти-что важдий день туда заходить.

Клара Петровна, вообраная, что въ этомъ инсъмѣ Зоя извиниется и изъявляетъ ему сосе согласие, охотно согласилась исполнить ся просьбу, и въ досятый разъ подтвердила, что она все, все для нея сдълаетъ, что она во всемъ будотъ ей помогатъ, лишь би состояласъ свадьба и лишь бы она, милое дитя, была соверненно счастлива.

Милое дитя воварно улыбнулось, когда Клара Петровна положила письмо въ ридиколь и вышла за ворота.

XXI.

«Моп bon cher ami, Адріанъ Владнировичь, воть уже трое сутокъ, какъ мы не встрёчались. Надёюсь, что въ эти трое сутокъ вы успѣли уже забыть тоть невольный порывъ, который выдаль вамъ мою тайну. Пожалуйста, забудьте этотъ несчастливый для меня день, или будьте снисходительны ко мит, какъ другъ, какъ братъ. Протаните инё цо прежнему вашу руку и скажите: «такъ и быть, прощаю!» Выло бы очень грустно потерять ваше расположеніе. Мы сходились не во имя личнаго чувства, а во ими общихъ интересовъ, во имя мысли и симиатіи убъщеній. Неужели личное чувство мое, какъ бы свято и дорого оно для меня ни было, я не съумѣла бы принести въ жертву тому чувству человѣчности в братства, которое соединило насъ. Вы вѣрите, Адріанъ Владнийровичъ, въ силу разума, я вѣрю вамъ, и было бы грѣхъ намъ дуться другъ на друга изъ-за од-

ного, неосторожно высвазаннаго мною признанія. Если ено вамъ не обидно, докажите, что вы не ебиділись, приходите сегодня вечеромъ на бульваръ. Я въ восемь часовъ тамъ буду ждать васъ, об'ящаюсь не говорить вамъ ничего такого, что можеть наномнить вамъ наше послёднее свиданіе, буду такая уминца, что даже бука погладить меня по годовкъ и нохвалить.

> «Итакъ, до свиданья, Адріанъ. «Сестра Нина».

Няна написала письмо Бавину такъ же легко, какъ писала и всё свои письма, т.-е. съ-разу, ничего не поправляя, не вымарывая. Она никогда не перечитывала своихъ нисемъ и, посылая ихъ на почту, иногда сама не могла бы повторить ихъ содержанія. Ясно, что у неё были въ своемъ родъ импровизаторскія способности, почти не задумываясь, изъ одной фразы вывести тотчасъ же другую, изъ другой—третью и такъ безъ конца.

Нельзя сказать, чтобы письмо ся въ Бавниу не было плодомъ скрытой досады, самолюбія, — нетерпёнія наконецъ. Оно даже было не безъ умысла, но у Эвиной разсчеть женскаго ума до такой степени прикрывался самою беззавётною искренностью, что подозрёвать въ ней умысла не было никакой возможности. На этотъ разъ она не ошиблась, — письмо ся произвело потрясающее дёйствіе на Бавина.

Когда Бавинъ разрывалъ конверть, онъ предиолагалъ, что все начертанное рукой Нины есть глубочайшая тайна души ея, что Эвина говорить ему о любви своей или о великомъ счастіи любить и быть любимой.

И что же! Она просить его забыть объ ихъ послёднемъ свиданіи, она об'ящается ему никогда не говорить о своемъ чувств'я и—о, ужасъ!—она думаетъ, что она его обидёла!

Не даромъ супъ съ влёцками стылъ на столѣ, и не даромъ, послѣ на-скоро проглоченнаго обѣда, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ восьми часовъ и, сердито насупивъ брови, взъ окна поглядывалъ на небо. На это вечерѣющее небо, изъ-за черепичныхъ кровель, поднимались тучи—цѣлыя горы сплывшихся сѣро-синихъ и синевато-бурыхъ облаковъ, съ арко-розовыми краями; эти свѣтлые края уже къ восьми часамъ вечера ползли надъ сосѣдними кровлями; уже слышался громъ, и молнія раза-два или три пронизала вечерніе сумерки.

Уже Карай залегь подъ вушетву и, вытянувъ по полу морду свою, приподнималъ уни, шевелилъ вихрами бровей, и робко

ния диваль. Елетонский отвориль осно вь своей комиать и сталь динать грозовымь освёживнимся воздухомь.

Онъ любовался нгрою молній и какъ къ музний прислупинажа къ раскатамъ грома. Раза-два нь окнахъ продребежнали стекла, но громовой грохотъ просы́пался гдё-то не близко. Еще тниция стояла въ воздухё, и заходящее солнце но временамъ отражало на тучахъ румянецъ свой.

На двор'в вдругъ показалась фигура Бавина. Онъ шелъ къ воротамъ и несъ нодъ мишкой долъдевой, еще московскій зонтикъ.

Куда вы, Бавинъ? — вривнулъ ему изъ окна Елатонскій.
 Не Бавинъ не огланулся и вышелъ на улицу, не затворивъ
 собою калитии.

«Не въ Эвиной ли?» подумалъ Елатомский. «Коли въ ней, то до дождя успёсть. Небось, не пригласиль меня съ собой, промолчаль. Что-то ужъ очень угрюмъ и молчаливъ все это время. Не влюбленъ ли?! Гдё ему! А, впрочемъ, чёмъ чорть не шутить, или это экзамены его сокрушають».

А Бавинъ все шагалъ, да шагалъ, погляднвая на небо. Грова нав все шире да шире, все ближе да ближе. Воть онъ ужъ донелъ до памятника Дюка Ришелье, повернулъ на-право по бульвару, какъ вдругъ налетъвшій вихрь сорвалъ съ него шляпу, и ена закружилась, покатилась назадъ на улицу. Если би Бавинъ тотчасъ же не вогнался за ней, она бы затерялась въ тучахъ ноднявшейся пыли и онъ бы не нашелъ ее. Съ развъвающимися волосами онъ воротился на бульваръ.

Городъ, самые ближніе дома его, исчезли въ пыли, накъ-бы въ густомъ, непроницаемомъ туманъ; море, шумя и широкими, черными грядами двигаясь вниву у самаго берега, также постеиенно исчезало въ водяной, пыли приближающагося ливия.

Все кругомъ потемнѣло.

Бавинъ, держа шляпу въ рукахъ, пошелъ вдоль бульвара. Онъ уже не надъялся на встръчу съ Эвиной, онъ хотълъ пройти из биржевому зданію и спрататься отъ дождя, подъ колоннами его подъёзда. Но Эвина ждала его, она разглядъла въ лоржетъ его рослую фигуру, встала со скамейки и, еще боясь ошибиться, щурясь, подошла къ нему.

--- Вы таки-пришли!---задыхаясь на вътру, произнесла она. Бавниъ жадно схватилъ ся протянутыя руки (безъ перчатокъ) и также задыхающимся голосомъ произнесъ:

- А ванъ ванъ не грёхъ въ такую погоду, Нина!..

- Я была увѣрена, что встрѣчу вась.

Яркая молнія освётные радостно улибающееся лицо ся. Ударъ и раскать грома заглушили ся слова. Бавинъ надёль шляпу, развернулъ зонтикъ и крупныя капли косого дождя, прибивая имль, забарабанили по растинутой шелковой катеріи, и по илитью Нины.

Онъ взяль ее за талію; она плечонъ приналась въ плечу его, правой рукой ухватилась за вырывающийся изъ лёвой руки его зонтинъ и глядёла прямо въ глаза его, съ тёмъ выраженіемъ, съ вавимъ только молящіеся глядять на образъ, отъ нотораго ждуть они всёхъ земныхъ благъ и небесныхъ радостей. Сквовь влажный, шумящій мравъ онъ видёлъ только эти глаза.

Какъ-бы загороженные со всёхъ сторонъ погонами воды и мглою быстро наступившей ночи, они не двигались. Бто-то, шленая но грави, прошелъ мимо нихъ по бульвару. Баминъ оглянулся на море и что-то сказалъ. Нина не разслушала словъ его.

Въ первый разъ Бавинъ стоялъ такъ близко къ женщинъ, къ первый разъ онъ слышалъ ся горячее диханіе на лицъ своемъ. Желъзную волю надо было имътъ, чтобъ въ эту минуту не поцъловать любимой женщины.

Но Бавинъ, даже въ эту минуту, былъ во власти какой-то висшей правственной силы. Всъ начинаютъ съ поцёлуя (быть можетъ, думалъ онъ), всё... я могу обойтись и безъ этого.

А Эвина помнила письмо свое и не см'яла. Она была уже н тёмъ довольна, что сильная рука его обняла се, что она въ глазахъ его читаетъ страсть, чувствуетъ ся атмосферу.

— Дождь усиливается, пойдемте!

- Куда же? Ко мнѣ, Адріанъ?

- Куда-нибудь.

Нога въ ногу, рука съ рукой, по водъ, рокощей мостовую, •перешли они на тротуаръ и внили въ улицу. Проходя Дерибасовскую, Бавинъ повернулъ налъво, и по стуненькамъ вошли они на внутреннюю площадку Пале-Роядя, обсаженную деревъями.

На широкихъ торцовыхъ тротуарахъ еще стояли неприбравные стулья, но изъ публики не было ни души.

Только вода изъ дождевыхъ трубъ, журча, скатывалась въ канавки, и ярко освёщенныя окна магазиновъ отражали на тротуарахъ свёть свой, пересёкаемый черными тенями простёнковь.

Здёсь вётра почти-что не было. Давно уже высохшіе цвёты акацій висёли мокрыми на мокрыхъ вёткахъ, едва колихались и подъ утихающимъ дождемъ только вздрагивали иногда вмёстё съ намокшими листьями.

Но въ просторной кондитерской Каррути двигались человъческія тёни, слышались голоса в стучали билліардные шары. Бавинъ не рёниялся войти въ кондитерскую вмёстё съ Эвиной. Они сёли подъ парусиннымъ навёсомъ, не далево отъ входа. Скамейка быля сыра, но несравненно суще, чёмъ платья ихъ. Не прошло и десяти минуть, какъ дождь пересталъ. Вода съ провля, бульбулькая по водосточнымъ трубамъ, стала течь все тише и типе. Изъ стеклянной двери кондитерской, застигнутая гровой публика стала виходить на вездухъ.

Бавинъ всталъ, за нимъ тотчасъ же поднялась и Нина.

- Пойденъ!-сказвать онъ.

--- Веди меня вуда хочешь, --- свазала она.--- Ты видишь, я безпревословно иду всюду, вуда ти ведешь меня.

Эвнна какъ будто обрядовалась, что онъ сказалъ ой «пойдемъ» и стала тотчасъ же говорить ему — ты, вмёсто — сы.

--- Не правда ли, --- продолжава она, когда оки подходили къ театру, --- не правда ли, чтобъ говорить другь другу ты намъ не нужно съ тобой пить брудершафть, какъ это дёлають школьники. Я какъ сестра нибю на это право.

- Karoe?

- Право любящей женщины.

--- Да, любящей... и не любимой, -- пролепетала Нина, низво повёсных голеву.

Она ждала, что на это скажетъ Бавинъ; но слыша одинъ стукъ каблуковъ его по мокрымъ плитамъ, онять выпрамилась на ходу и сказала:

--- Прости, брать, и дала тебѣ слово не говорить с любви и чуть-было не проговорилась.

- То, что было уже разъ тобою свазано, - отв'язаль онъ, - того уже и топоромъ, вакъ говорять, не вырубишь.

— Нѣтъ, братъ, не то, что сказано, а то, что написано, того, говорятъ, топоромъ не вырубинь. А я никогда не писала къ тебѣ, что любяю тебя.

--- Развѣ не все равно: слово написанное вли слово сваванное?

-- Ну, не всегда все равно! Оть слова можно отречься. Огорченная женщина можеть въ шутку обратить его.

Баванъ пріостановился.

- И ты можешь въ шутку обратать слова свои?

--- Да, Адріанъ, я не только могу, я бы желала отъ всей Тонъ II.-- Марть, 1879. 8

BBOTHERS BPOHLA,

души превратить въ шутву все то, чему ты не сочувствуешь, чему ты не отвливаещься, все то, что тебя не радуеть.

- Чему же я не откликаюсь и чему не сочувствую?

— Любви моей!

--- Нина, ты не искренна, ты сама видник, что происходить въ душё моей. Если я кажусь тебё холоднымъ, такъ это потому, что небо въ душё моей, а небо, чёмъ оно выше, чёмъ ближе въ солицу, тёмъ холодийе. Ты подняла меня такъ высоко въ собственныхъ глазахъ моихъ, что не скоро еще спущусь я на землю. Знаещь, отчего я не шелъ въ тебё?

--- Отчего! Я никого такъ не слушала, какъ слушаю тебя. Отчего ты съ твлж поръ ни разу не защелъ ко мнъ!

--- Оттого, что все, что хотвлъ... все, что язывъ мой собирался сказать тебъ, казалось миъ такъ банально, такъ водевильнопошло!..

--- Но развѣ любя думають о томъ, что нужно говорить. Нѣть такого простого, самаго пошлаго словца, которое бы, проникнувшись истиннымъ чувствомъ, не утратило бы всей своей пустоты и всей своей пошлости...

Такъ говоря, разсуждая и незамётно поворачивая изъ улицы въ улицу, мимо запертыхъ магазеновъ и давокъ, дошли оми до собора и минутъ черезъ пять уже очутились подъ тополями у воротъ того домика, гдё обитала Эвина.

Тутъ только замётнии они, что на небё мёсяцъ, и что ночь послё грозы, точно вымытая, таинственно сіяеть имъ среди тишины и прохлады.

Эвяна стала звать Бавина зайти къ ней, но, увы! напрасно. Бавинъ съ минуту простоялъ въ нерёшимости. «Нёть, это будетъ слишкомъ», сказалъ онъ, поцёловалъ ся руку и пошелъ домой медленными, очень медленными шагами.

XXII.

«Странный, исключительный человѣкъ», подумала Эвина, входя въ свою спальную.

Сонная горничная хотёла-было зажечь свёчу, поставить самоварь, но...

— Ничего не надо, ступай спать, — сказала ей Эвина, только завтра пораньше разбуди меня.

Несмотря на то, что ноги ся до волёнъ были сыры, ей было

34

жарко, и спальня показалась ей душною. Она сбросила съ себя натье и стала отворять окно на улицу.

Но рама забухла отъ дождн, и какъ она ни дергала се за ибдную ручку, ни одна половинка ся не растворялась. Она уже начинала сердиться и хотбла разбудить свою Акулину, чтобъ та помогла ей окно раскрыть, какъ вдругъ съ улицы показалась твнь, привстала у самаго окна, придавила раму и окно раскрылось. Эвина испугалась:

- Кто это?-вскрикнуза она.

--- Воръ и душегубецъ!-- послышался голосъ Елатонскаго. Эвина тотчасъ же его узнала и стала бранить его. Затёмъ, навинула себё на плечи большой, черный платонъ, и, облокотись на подоконникъ, еще разъ назвала его---дурнемъ.

— Я видёль, какъ ты сейчасъ простилась съ Бавиныть и какъ онъ цёловалъ твои ручки. Прошу нокорно, какимъ Донъ-Жуаномъ сдёлался.

— Хоронть Донъ-Жуанъ! Звала его зайти чаю напиться. Ни за что, уперся какъ быкъ.

- Бонтся, что ты соблазнишь его!

- Отчего же ты не боешься?

--- Да оттого, что я вѣтренникъ, не солидный юноша. А право, Нина, какъ досадно, что я въ такую ночъ, въ такую прекрасную, лунную, свѣжую, майскую почъ, не влюбленъ въ тебя. Ну, будь я влюбленъ, ей-Богу бы влѣзъ къ тебё въ окошко, ну, ей-Богу бы влѣзъ.

Нина захохотала.

--- Что же ты, -- сказала она насм'йшливо, --- не бродишь подъокномъ твоей нев'есты. Ступай туда, и если окно отврыто, пользуйся случаемъ. Влюбленному, да еще такому сумасшедшему, какъ ты, все простительно.

Елатомскій почему-то засм'ялся въ свою очередь.

- Конечно, все простительно; но святость монхъ отношеній въ ней не ковволяеть мнв пускаться на такіе подвиги.

— Выдумаеть же! — разсердилась Нина. — Святость отношеній! Развѣ невѣста, какая бы она тамъ ни была, не такая же, какъ я или всякая другая! Развѣ въ любви не всѣ мы одинаковы?

--- Конечно, не всё. Развё можно сравнить--- ну, хоть съ тобой, какую-нибудь невичную, наивно-стыдливую девушку?

--- Конечно, нельзя! Я никому уже не могу продать свою скромность и свою неопытность; къ моей любви не примѣшивается разсчета выдти замужъ. Я уже не желаю, въ награду за

любовь мою, сдёлать взъ мужчены батрака, который бы за моня работаль, который бы всю свою жизнь служнать монить вапри-зань и барскимъ прихотямъ. Эхъ, Елатомский, Елатомский Правда, поздно, очень ноздно, поздибе всёхь узнала я, что ты женишься. Но-mieux tard que jamais. Поздравляю тебя. Дай тебе Богъ-совёть, да любовь. Эхъ! дай огня! Нёть ли у тебя спичия?

Елатонскій, ухмыляясь, зажегь восковую спичку и подальей въ окно. Она въ это время заглянула ему въ лицо, озаренное свѣтомъ маленькаго пламени. Закуривая пахитоску, она ду-мала увидать сконфузиенное лицо, и что же?---все оно, свѣжее и подрумяненное загаромъ, дышало чѣмъ-то лукаво-веселниъ и безваботно-радостнымь.

Нина закурила пахитоску и бросила въ него потухшуюспичву.

--- Ну, чему ты радъ, безсовѣстный! Чему? Напяливаетъ на. себя ярмо, въ упряжь лѣзетъ, чтобъ его понукали, да осаживали, Двадцати-трехъ дёть хочеть въ юбев вавсегда принить себя, и еще смбется! Гдб же твои убъжденія, твои стремленія, твои жажда дбательности? Будешь наньчиться съ дбтьми, съ наньвами, съ мамвами, бъгать, вланяться, подличать, чтобы не умереть съ голоду, или раздобрёеть на женных деньги. Напялить на себя. халать — и, равумёется, будешь съ рогами. . --- О! о! почему же: разумёется? Но глупости въ сторону.

Кло это сообщель тебе такую новость?

- Какую новость! Что ты женишься? Да это весь городъзнаеть. Ныньче въ гостинницѣ только и было ричи, что о твоей женитьбѣ, и Сашинъ, и этотъ чурбанъ, Хавазовъ, — всѣ это знаютъ. Видно, шила въ мѣшкѣ не утаннь.

- Гм! странно это! Ну, а вто же нереста? И это также говорять?

— И это.

--- И называють по имени?

- Фамиліи не помню. Но какая-то Зок, дочь какого-то разжившагося буржуа и мошеннива.

Елатомскій пересталь сменться.

---- Что, вамолчалъ? Досадно стало, что тайну твою похитилв? --- Не то досадно! досадно, что люди вмѣшиваются не въ свое дёло, что они вруть, сплетничають, клевещуть.

- Гдѣ дымъ, тамъ и огонь. Не стануть же безъ причины сплетничать.

- Не стануть! Говорили же въ Одессв, que tu es ma maitresse. Что же, это правда? похоже на правду? Я не сыры-

98

ваюсь, я внакомъ съ этой Зоей, можетъ быть даже всей душой расположенъ въ ней, но и не думалъ свататься и не воображаю жениться. Мало того, пересталъ въ ней въ домъ ходить. Откуда же такан силетни! Кто первый могъ распусинть се? Признаюсь, ний хотълось немножко подражнить тебя, но коли ужъ имена стали вибшивать, то...

- Какь же, дурень, ты сибешь дравнить меня?

- А хочешь, окажу теб' дружеское дов'ерие.

- OKAZEE.

--- Прочти это нисьмо; имищче угромъ я получилъ его. Прочти съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановной, и дай миб совъть, что мив дблать.

Елатомскій винуль изъ наржена письмо Зон. Протянутая рука Эвиной какъ фарфарь заб'ёлёлась на лучахъ мёсяца. Она взяла письмо и опять ушла въ тёнь.

- Гдѣ ты завтра утромь?

--- Завтра утроиљ, если будеть такъ же жарво, с ръ́шилась начать купаться. И мив совътують на Плагоновской пристами, а не на Параходной. Тамъ, по крайней мъ́ръ, никто не подглядиваеть.

- А посай вупалья?

- А послё кужанья буду пить кофе у Карругы въ вондитерской.

- Часу въ 9-мъ утра?

- Ну да, около девяти часовъ.

— Хореню, я тамъ тебя нодожду, а ты мий занеси и отдай мое письмо. Слышищы непремённо занеси его.

— Слынку.

--- Прощай! Ностой! Само собою разумиется, что о нисьми никому ни слова.

- Pasymbercs.

Посл'я ц'ялаго дня хандры, Богъ знаеть отчего, Елатомскій возвращался доной въ саможъ пріятномъ настроенін духа. Грова ли его вылечила, или новое видёнье, новый женскій образъ, поторый встрётнать онъ, Господь его в'ядаеть! Но вась ототь вечеръ въ его воображеніи возникать и всплывалъ, то образъ Зон, то образъ накой то незнавомки. Они то сливались, то въ одиночку мелькали передъ нимъ и какъ будто п'яли ему на ухо: Радуйся, пова ты молодъ, радуйся, пова ты любнить, пова можешь еще быть любимъ глубоко и искренно.

XXIII.

На другой день утромъ было такъ жарко, что мужчини вхали купаться, совершенными разгильдания, въ холстаныхъ или канаусовыхъ шароварахъ, въ холстаныхъ сюртукакъ на распавику, безъ жилетовъ и галстуковъ. Красныя шелковия рубашни, съ равстегнутыми воротами появились на балковахъ; дамы на улицу выходили въ однѣхъ блузахъ съ распущенными волосами и несли -узелки, закрывалсь вонтиковъ при встрѣчѣ съ мужчинами.

Эвина также пошла купаться. На рукъ у ней висълъ большой дорожный ридикюль на стальной цъпочиъ.

Та женская купальня, куда направила она шаги свои, находилась гдё-то подъ горой, за Воронцовскимъ садомъ, гораздо дальше пароходной пристани.

Шагахъ въ шести отъ берега вбиты были сван, настланъ полъ, съ лёсенкой въ море и веревками для неумёющихъ плавать. Скамьи, на которыхъ раздёвались, окружены были парусинными стёнками.

Случалось иногда, что парусину эту срывало вётромъ, доски, на которыхъ раздёвались, взламывало волнами, а гёсенку и скамейку уносило въ море, такъ что нужно было особенную силу и ловкость для того, чтобы поймать ихъ въ волнахъ и воротить на мёсто. Обыкновенно, послё такой катастрофы, съ 5 часовъ утра до 7, пловцы пусвались въ море, и все опять приводилось въ порядокъ, опять настилались въ волнахъ пойманныя доски, прибивалась парусина и прирязывалась лёстница.

Эвина нашла въ купальнѣ около полдюжины еще новыкупавшихся женщинъ, простывающихъ въ твни парусинныхъ стёновъ.

Всё лавки были завалены бёльемъ, платьями и всякими женскими вещами, узелками и мёшечками. Нёсколько паръ черныхъ, сёрыхъ, голубыхъ и воричневыхъ главъ устремили взгляды свои на высокую фигуру Эвиной. Куналыцици подвинулись и дали ей мёсто.

Близорувая Нина, кикого не видя, поблагодарила ихъ, опусинла свой сакъ-вояжъ и стала раздъзаться.

Не прошло десяти минуть, какъ уже наша героння стояла среди купальни въ одной, продуженой вътроиъ, рубашив и перебрасывалась съ присутствующими отборными французскими фразами.

Она попала въ довольно образованное и благовоспитанное общество.

Ея французское остроуміе, си простота и свобода обращенія съ особами ей совершенно неизв'ястными, пріятно под'яйствовали на это случайное женское общество, въ особенности на одну нолодую, недавно вышедную замужъ дамочку и на двухъ сестрицъ, очень скромныхъ дочерей какого-то очень чиновнаго паценьки.

Только горинчным не обращали на нее никавого вниманія, да еще одна до того сухопаран ибика, что глядёть на нее даже дажамъ было немножко соябство. Въ то йанвное время, на нашних южныхъ берегахъ, еще и въ заводё не было купальнихъ костюмовъ и даже ченчики кот проврачной клеенки, для сохраненія женскихъ волосъ, рёдко били въ употребленіи.

Отъ бъгдыхъ фразъ и замъчаній Нина Александровна какъто незамътно вошла въ колеко свою — стала не то что проновъдивать, а полусмъясь, полусерьёзно высказывать свои задушевныя убъждения.

- Вы, я вижу, послёдовательница Жоржъ-Занда и Сенъ-Симона, замётила её молоденьвая дамочка, съ голубыми глазками, вздернутымъ носимомъ и съ черной родинкой на блёднорозовой груди, съ голубыми тёнями и жилками.

Она сначала возражала ей, потомъ смотръла на нее нолунасмъщливо, потомъ, подкупленная ораторскими способностями Напы и главное — ея витіоватымъ, французскимъ языкомъ, возымѣла спльное желаніе съ ней познакомиться. Дъвицы-сестрацы не спускали съ нея глазъ: онъ, стыдливо прикрываясъ, сидѣли неподяжно, какъ двъ мраморния нимфы.

Только солнце, заглядывая сквозь парусину на ихъ обнаженную и какъ аглясь лоснящуюся кожу, чертило на ней свои золотые, точно огненные вруги и точки. Судя но испуганнымъ глазамъ и полурадъритымъ губнамъ, слова Нины иронзводили на этихъ сестрицъ невыразниое впочатлёніе.

Это были дёвицы, которымъ вёроятно не давали читать нинакихъ современныхъ французскихъ романовъ.

Эвина увлеклась (никто уже не возражаль, даже на ся оченидные парадоксы) и, какъ-бы подотрекаеная всеобщимъ внинаніенъ, говорила, говорила и говорила. Она нападала на пошлость жизни и продажность женицинъ, ниъ разсчета вступающихъ въ законный бряжь, на ихъ меволю, на ихъ неразвитость и дътскую беземысленность, которую величають въ свътъ невинностью, чистотою души, и проч. и проч.

Въ саний рестерь ся ръчи, наъ моря, викупавшись, на

моврыхъ ступеньвахъ лёстницы появилась жалепьваго роста. стройная дёвушка.

На второй ступенькѣ она выкала свою длинкую, черную, блестащую косу, потомъ кокетливо отбрасные се за спину, повела глазами на какой-то рыбацкій ботикъ, качавшійся на волнахъ, саженяхъ въ тридцати отъ купальни, быстро поднялась на верхъ, и на досчатомъ полу, оставляя слёды своими моврыми кожнами, тороцливо перебъкала къ уголокъ, на прай закочан, гдё ожидала ее кривая, тупорылая горничная. Проворно заверятувшисъ въ простыню, сѣла она, поджала ножки и не прошло минуты, какъ уже неподвижное вниманіе облекло всё черты си озальнаго врасиваго личика. Она стала вслушиваться въ рѣчи Наны, и чѣмъ больше она ихъ слушала, тѣмъ все шаре и шире раскрывались ся черные, блестящіе главка, опушенные длинными загнутыми вверхъ рѣсницами.

«Бракъ, — могила любви» прозвучала въ ушахъ ся фрава Елатомсваго.

Ужъ не то ин самое говорять усра и этой высовой «belle femme», съ такимъ тонкамъ и правильнимъ: профилемъ, съ такими большими сфрыми глазами, и съ такой небольщой, коротенькой косой на затылев.

Эта только-что выкупавшаяся двушка была Зоя.

Не двигаясь ни однимъ суставчивомъ, тольно слегка вздрагивая, она съ ногъ до головы огладивала Нину, —слъдила за ея малъйщимъ движениемъ.

Эвина, продолжая говорить, кончила тёмъ, что стала смёшить своихъ слушательницъ и авать ихъ въ море. Примурась и наклонивъ голову, она стала спусваться по ступенькамъ. Солице освётило ся полныя плечи, покатую спину, розовую полоску на ся таліц отъ снурковъ или тёснаго кущака и такіе же слёды подвязовъ на ся бёлыкъ нарахъ.

Ничего особенно хорошаго не ваныя. Зоя въ фигурѣ этой рослой, не очень молодой и уже очень пожившей женщины, только голосъ ея и рѣчи запали ей въ душу.

Эвина не сибло вошла въ воду и ухвалилась за веревку.

«Мочите голову, голову!» — вакричали ей, и дамочка съ вздернутымъ носикомъ, и двё сестрицы, и еще какая-то пожилат, худощавая женщина, сёдая, голая и въ очкахъ.

Эвина окунулась вь воду.

- Et vous, mesdames, qu'est ce que vous attendez.

-- Ай, вакіе-то мулячных съ лодки глядать, -- пропинала. одна изъ сестрицъ. --- Гдё ви видите мужчинъ? это---рыбаки, --- опеёчала дамечка. И, смёясь и прикрываясь руками съ растопыренными пальчиками, една за другой сонык онё но слёданъ Эвиной въ море, окунулись и стали точно на пружинахъ присёдать и выскакивать изъ веды, подставаля голеву подъ набётвающій валъ и разводя руками.

Въ вупальнё осталась только Зоя со своей горничной.

Только-что всё вышли, она сброснла простыню, воторая уже услувла на ней соверниенно внеокнуть, и стала обуваться.

Ища подвязки, она увидала около себя вовровый сакъ-вояжъ. Эннъ сакъ былъ раскрытъ, точно ротъ разинулъ, и изъ отого риа съ полосаной подкладкой выглядывало полотенце; гребенъ и кончикъ какого-то письма въ конвертъ палеваго цвёта.

Зоя, вакъ диній звёренъ надв добычей, остановила на немъ взглядъ свой. Цвёть конверта поразите св. Потихоньку, осторожно, двумя пальчиками вытянула она его до половины и въ ужасв не довёряла глазамъ своимъ.

Не даромъ эта бумажка показалась ей съ-разу подозрительной.

Сердце у ней точно замерло, диханье стёснилось въ груди. Она узнада свой почериъ, свое вчералнее мисьмо въ Елатомскому.

Съ анхорадочнымъ проворствомъ обумянсь и одёвшиев въ свое холстинковое, резоное платьще, она отланулась на купанщихся въ морё и убъященитсь, что кодприненвающёя въ волнакъ фигуры уже спёцились рунами и на нее не обращають им малѣйшаго внимания, михватила изъ сакъ-вояжа письмо свое, опустела его въ свой карманскъ, и вница изъ купальне, точно потерянная. Горничная, догнавъ се, подала ей забигую соломенную шляпку в позабытый ею на гвоздний волотой престить.

Вобъжавни на крутой берегь, оне еще рази еглянулась на купальню, и когда повернула въ Графскій переулокъ, вынула, развернула несчасние письмо свое, и, окончательно убъднениись въ его несомибниости, медленными, колеблющинися шагами полла домой.

Гология у ней вружилась; она не плакала, ко слевы ваййшей общая, горькія, жгучія слевы стояли нь главань ся.

«Или», думала она, «Клара Ивановна, женя обманула, потеряла письмо на улицъ и его вто-нибудь поднялъ. Или не Елатомскій, а вто-нибудь другой инь магазина Тотти понучних его.

«Или эта барыня, высовая и враснорёчныя, га самая, что прійхаза вуз Месквы и все гуляеть са Елотонскимъ, и Елотонскій самъ отдаль это висьмо сй-на поскіжніе! PROTEKE'S REPORT.

«О, если это такъ... Боже мойі Боже мей! что мий д'ялать! накъ мий отомстить ему!»

Подойдя въ воротанъ своего дона, она остановидась и сказада горничной: «Проводи меня до Клары Петровны»:

-- Невогда васъ провожать, и бетъ васъ дъла неого, -отвёчала та съ досадой.

- Ради Бога, проводи меня!

Горничная увидала, что ся барыння чуть не плачеть.

- Да что это съ важи!

--- Ничего... Клара Петровна свазала, что будеть ждать меня чай пить... Не хочень проводить меня... не хочешь?!.. не хочешь?!

И Зоя пошла дальше, мимо вороть. Горничная подумала, подумала и пошла за ней.

XXIV.

Въ тотъ же день, около десяти часовъ утра, Елагонскій и Эвина сидёли въ кондитерской Карруты. Эвина пила кофе, Елатомскій курилъ сигару.

--- Ну, какой же мий дать тебё совыть, между прочимъ, --говорила Эвина. --- Совыть мой простой: если любишь, иди смёло, ти не въ правё отворачиваться отъ тёхъ жертвъ, котория любищая душа приносить тебё на алтарь любен; а не любишь, не ходи.

— Все это, кроить алтаря любви (накой туть алтарь!)—все ото справедливо. Ты ныньче разсуждаены не глупо!

- А бываеть, что и глупо?

— Бирасть.

Эвина захохотала. Простодушно-серьёзный отв'ять Елатомскаго насм'ящиль сс.

-- Я, должно быть, простуделась, до сихъ перъ не могу сограться, и голова тажела.

— Это ты вчера у окна простудилась. Иди домой и выней цълний самоварь чаю съ липовымъ медонъ. Пей до девитато пота, и все какъ рукой сниметъ. А теперь, Нина, ты инъ вороти вчерашнее письмо. Гдъ оно у тебя?

— Сейчасъ.

И Нина принялась рыться у собя въ сакъ-воянев.

— Да вуда же оно делось?

- Ищи, ищи, -- шутливыть тономь понукаль Елатонский.

Но въ продолжения двадщати минуть, всё си поиски овазались тщетными.

42

- Нёть ли его у тебя въ карманё?- спросиль сконфуженный юноша.

Нина, побрякивая ключами, ношарила у себя въ нарианъ. - Не оставная ан ты его у себя дожа?

- Нбгъ, я взала его въ вунальню. Я сама видбла его, когда вынимала вещи. Очень можеть быть, оно и теперь лежить подь скамейкой, на томъ мъств, гдъ я одввалась.

- Ахъ, Нина, Нина, что ты сдълала? что, если его подняли и прочли? Да еще, пожалуй, во всеуслышанье! Танъ мое иня. Нёть, это невовможно! Я сейчась поб'ёгу туда. Спрошу, ровыщу. Это ужасно!

Нина сама сильно сконфувилась. Кровь пятнами прилила въ ляцу ея.

Елатомскій надёль піляну и выбёжаль наь кондирерской.

Въ пыли, въ поту, весь красный и валыхавлиесь, добъжалъ онь до Платоновой пристани и прямо бросился въ подносткамъ, на которыя какая-то пожилая женщина, въ одной пестрой юбий. развътивала сырыя простыни и полотенца.

- Куда вы бёжите, господенъ! что вы?..

— Да развѣ есть еще вто-нибудь въ купальнѣ.

- Что вы, что вы! конечно, есть. Видите сами, дверь нритворена.

— Пожалуйста, туть быда одна дама... такая высовая... Ну, такъ вотъ что... Она, эта дама, послала меня поисмать... Она уровная вдёсь письмо. Не упало ли подъ лавву или вуданютаь.

— Еще усплете.

- Пожалуйста понщите. Воть она прислада рубль, отдать, кто найдеть.

Женщина поправила развёшанное бёлье, повёсила на перекладину сушеть еще какой-то женскій чуловъ и, не говоря ни слова, вопила въ купальню.

Елатомскій стояль на берегу точно на раскаленныхъ угольяхъ, Серане его билось и отъ усталости, и отъ непріятной для него случайности.

- Ну, что, - спреснать она, когда окраннула на ржавыхъ HERIAX'S XOLCTHHHAS DAMA ABERH H HA DOLMOCTRAX'S DORASALACS та же женщина.

Она погладкая на него.

- Ничего вътъ, никаного письма...

- Hastero!

- Можеть, въ каную щель провалилось?

- Щели большія, кто его знаеть.

Изъ вупальни пріотворили на вершовъ дверь, выгланули любонытные женскіе глава и профили.

— Мы сейчасъ готовы, сейчасъ, — послышались дъвическіе голоса. Это были двъ горначнихъ. Имъ вообразвлось, что, подъ предлогомъ какого-то письма, барину очень хочется забраться въ нимъ.

--- Пожалуйста, если найдете, то спрячьте, -- сказалъ Елатоискій.

- Да габ же его найти! Хоть сами осмотрите!

- А можно?

Елатомскій вошель въ вупальню.

--- Эхма!--- сваля зубы,--- свазала одна изъ горничныхъ, дъвка плотная и руманая, что такъ повдно. Вмёстё бы и выкупались!

Другая горничная вахихивала.

---- Ну, ви---выдумали!--- сказала имъ женщина въ юбкъ, съ притворнымъ неудовольствемъ. Елагомскому было не до горничныхъ. Онъ также нигдъ не нашелъ письма и вышелъ на берегъ.

- Возьмите же рубль, - сказаль онъ женщинь.

- Не за что,-отвётная она в все-таки подошла въ нему.

- За то, что я обевновонать вась.

— Ну, покорнъйше васъ благодарю, сударь! Какое же это было такое письмо, позвольте васъ спросить? Паснортъ какой или билеть?

— Нёть, это было письмо въ брату этой барыни, оть его невъсты. Ей, понимаете, надо воротить его, и вдругь такая бъда, потеряла его въ купальнъ... изъ мъшка выренила, чуть ли не со слезами на глазакъ толковалъ ей Елатомский.

А Зоя между тёмъ сидёла у Клары Петровны за чайнымъ столикомъ.

- Воть что, тётя, - говорния Зоя, - если вы мнё не поможете, я... я и не знаю, что я съ собой сдёлаю.

--- Да чёмъ же и меру помочь тебе, скажи ты мий, ради Христа Господа, ну --- чёмъ? Ахъ, Зоя, прилично ли мий, сама посуди.

— Вы будто бы моя родственница или мой другь, зайдите нъ нему и ничего не говорите, даже не намекайте на то, что онъ за меня сватался. Ему это будеть очень непріятно—очень! я его знаю. Вы только спросите его: получиль ли онъ письмо

мое, и если получиль, то сважите, что я очень растаяваюсь, что я кисала и очень проку воротить мнё моно записку.

- Что же ты тавое въ нему писала?

--- Эхъ, какъ будто я намъ не сказывана. Писала, что если онъ еще не измёнилъ своему намёренью, то я согласна за него видти за-мужъ. Вироченъ, вы самв прочтете аго письмо, когда онъ вамъ отдасть его, а можетъ быть, онъ согласится самь въ субботу къ вамъ придти сюда--и со мной переговорять. Вы его въ субботу пригласите. Я такъ и маменькъ сважу, что въ субботу я назначила ему у васъ свядание. Знаю, что маменька согласится, она все знаетъ.

- Какъ же я его приглану, душа моя?

--- Да наяз-нибудь пригласите его на чашку чаю; скажите, что я буду у вась и что мнё нужно два-три слова свазать ему.

— Да будеть ли это ловко, душа моя?

--- Что же туть неловкаго? Вн знаете, что я до бекунія влюблена въ него. Вы знаете, что я умру, если я его не увижу. Вы знаете, что я... я... отказала ему такъ только, изъ одного каприза. Вы знаете, что опъ благородный челевёкъ и что я ему нравлюсь. Чего же вы бовтесь! Вёдь это дёло рёшенное: или я выйду за него замужъ, или въ море бропкусь! Ахъ! вы не знаете, что значить любить!

--- Ахъ, знаю, какъ это мучительно. Если бы не знала, другь мой...

На черныхъ рёсницахъ Зон повисли слевы.

--- Перестань, перестань, я въдь не отназываюсь, толькозавтра мнё никакъ нельзя, завтра я поёду на могилку моего-Карлуши и...

— Ну, такъ послё завтра. Я ужъ васъ научу, тётя. Вы же н сами такая умная! Вы съ нимъ еще лучше меня обо всемъ переговорите. Почемъ знать! можетъ быть, онъ скучаетъ, груститъ по мнё. Можетъ быть, даже и письмо мое не дошло до него. Богъ его знастъ, ему ли оно отдано въ магазинё. Можетъ-быть, вто-нибудь другой защелъ да и взалъ. А у папа есть его адресъ, и я знаю, гдё онъ записалъ его. А папа сегодни уёхалъ въ Ялту по дёлу и тамъ недёлю цёлую пробудетъ. И знаете, что еще однажды сказалъ папа: что есть случая, когда благородный человёвъ. Помните, какъ онъ говорилъ, что такое честь. Какъ онъ это все высоко понимаеть.

- Ахъ, душа моя, мало ли что говорять эти мужчины.

— Да развъ онъ мужчина?

- Да что же онъ?

— Ояъ выные мужчины. Всё мужчины: чиновники, или вупцы, или мастеровые или воевные; а онъ развё чиновникъ ния военный -- онъ просто честийший и благородайний че-JOBŘES.

- Ахъ, Зоя, Зоя, ну, такъ и быть, не илачь, нойду въ нему и переговорю съ нимъ.

- И пригласите его въ субботу?

- Почему же въ субботу?

Самый это удобный день, тётя. Мама и сёстры пойдуть во всеночной, а вы зайдите за мной и сважите, что мы пойдемъ въ Михайловскій монастырь. Мана меня и отпустить.

- Ну, хорошо, хорошо! А ужъ вакъ инв горько и больно, что сынъ-то мой покинулъ меня въ сиротстве. Будь онъ живъ, полюбила бы ты его, Зоя, и женился бы онъ на тебв. Я такъ и думала, такъ и прочила тебя ему въ невъсты. Помнишь, какой онъ былъ красавецъ, да какой добрый, какой умный.

И Клара Петровна прослезилась въ свою очередь. Наступило молчаніе. Объ — отжившая и начинающая жить, важдая думала о своенъ горб.

Но непоправимое, старое горе понимало молодое и поправимое. Клара Петровна искренно сочувствовала Зой. Любовь этой девочви давала пищу ся романическому восбражению, наполняла дни ся жизни, однообразные и свучные, какими-то новыми, молодыми заботами. Ей и въ голову не приходило, что Зоя хитрить съ ней; она смотрёла на нее, какъ на дитя, на простодушнаго, милаго ребенва, жаждущаго стать женщеной и, можеть быть, обреченнаго на слезы и страданія.

XXV.

Эвина напрасно до двухъ часовъ пополудни ждала Ехатомскаго въ вондитерской Карруты. Зашель Сашинъ, очень обрадовался, что увидаль ее, взяль ее за руку и заметиль, что лицо у ней не хорошее и глава красны, и щеки красны, и руки холодны. — Затёмъ онъ, бодрясь и ведыхая, пошелъ проводить се до дому. На головё его была бёлая фуражка съ бёлымъ околышкомъ, коротенькая трость въ лёвой руке сто тихо постукивала въ тротуаръ. Чтобъ онъ не отсталъ и не очень запыхался, Эвина умёряла шаги свои, и разсёянно слушала, какъ

онъ завидовалъ Блатомскому, навивая его счастливцемъ, лучше всйхъ умёнещимъ пользовалься дарами юнести.

А счастливець Елатомскій все это утро ходиль по берегу норя, вань человёнь, сь которымь судьба постунила самымь безчеловённымь образовъ. Онь ругаль себя, зачёмь это вадумалось ему дать прочесть Эвиной письмо оть Зон. «Точно я хотёль передь ней похвастаться, — говориль онь самь сь собой: воть-де вакіе мы молодцы, какь нась любять! Фу, какая я скотина! А что будеть, — думаль онь, — если это несчастное письмо, переходя наь рукь вь руки, дойдеть до са отца или матери?...

Такъ, безнощадно брани себя, Елатомскій нашинально подониелъ въ пароходной пристани, и сталъ глядёть на пароходъ, отчаливающій оть берега. Уже смолкли призненые звуки пароходнаго волокола, уже оттащили мостел, уже машина, медленно пыхтя, начала работать, уже шлепнулся въ воду канать, котораго нетля была закинута за дамбу, какъ вдругь Елатомскій съ парохода услыхалъ голось. Кто-то громко навеалъ его по имени. Онъ поднялъ глаза и подъ раскинутымъ тентомъ, рядомъ съ толстымъ, прійзжимъ помѣщиномъ, знакомцемъ Нины, увидёлъ отца Зон, Трофима Евлампіевича. Съренькій весь въ съренькомъ картузъ, съ фляжкой на ременной перекязи, стоялъ онъ у самаго борта, и махалъ ему платкомъ.

--- Я быль у вась! хотёль звать вась съ собой, въ Крымъ, --въ Ялту! въ Ялту! -- кричалъ онъ, указывая пальцемъ на горизонть.

Елатомскій поклонвлся и молча гляділь на него съ натянутой улыбвой.

«Я бы и безъ тебя удралъ куда-нибудь», думалъ онъ, да нарманъ пустъ. Вогъ что! Ужъ не пришла ли и Зоя съ маменьной провожать его, мелькнуло у него въ головѣ, и онъ вдругъ какъ будто струсниъ чего-то.

Точно встрёча съ Зоей въ эту минуту была для него чёмъто въ родё новой, угрожающей ему непріятности. Невольно покосился онъ на толпу провожающихъ, еще стоящую на берегу, живую, пеструю, перекликающуюся съ пассажирами, машущими платками и шляпами.

Машина сильнее задвигала рычагами, и, вспёнивъ воду сво-

нин колесами, пароходъ пошелъ быстръс. Съренькій Меркуличь все еще смотрёль на Елатонского и все еще делань ему ну-FAME KARIC-TO SHARM.

Дымь изъ пароходной трубы подняжа столбенев, потомъ нагнулся, и стелъ вытягивалься. Проводнеь его глазани, Еляромскій прошель въ другимъ деревяннымъ, городскамъ купальнямъ. устроеннымъ между пристанью и воронцовской листинией.

«Ужъ не выкупаться зн и мей», подумалъ юноша. «Тьфу! и того нельзя! Чорть знаеть, за что отдаль послёдній рубль, ини конурции!!

- Елатонскій! Елатонскій! - услишаль онь дружескій голось джентльмона, тольно-что вышедшаго неь дверей мужской нупальни, въ гороховомъ пальто, въ лосилися цилиндръ. въ золотыхъ очвахъ и подъ зонтикомъ. - Куда вы! вуда вы?

Елатомский увидёль пріятеля своего, австрийскаго консула. усиливающагося говорить по-русски, и подошель из нему.

--- Что вы не были у насъ такъ давно?-- сказалъ ему консуль, лоная руссвій язынь. --- Мы всё бегь вась соскучилесь. Куда вы? Пойденъ въ намъ... Ну, ну, пойденте. Такъ я говорю? Hohrere?

--- «Повденте», --- отвёчаль, поправляя его, Елатонскій. --- Повденте, такъ надо? Ну, корошо, короно... Какъ я радъ, что вась видёль... ахъ да, увидёль, увидёль!

И они вавоень стели подниматься по колоссальней дёстницё. на бульваръ.

Консуль вдругь остановился посреди лёстницы. «Et où est votre parapluie, cher ami?» Гив же вашь зонтивь? Кавь это можно безь вонтика... Солнце!.. Ахъ, вы!... ну, пойдемъ, пойдемъ.

Консуль этоть быль женать на русской, учился по-русски, и Елатомскій, когда бываль у нихь на дачё, читаль съ нимь русскія вниги, толковаль ему значеніе словь и посващаль, насколько могь, въ трудности россійской грамматики. Онъ быль очень радъ разсбянью и охотно бы всякому позволяль увезти себя. Около бульвара на улицъ ожидала ихъ двухивстная коляска, и они повхали.

Воть почему Эвина такъ напрасно ожидала Елатонскаго въ вондитерской.

XXYI.

На другой день вечеромъ, часу въ девятомъ, на обратномъ путе съ дачи, Елатомский защелъ въ нареченной сестръ своей.

На крылечие сидела Акулина, горничная Эвиной, и какой-то содать. Сидя рядомъ, они не то обнимались, не то боролись. Акулина сдержанно хохотала. Солдать скалиль вубы. За ними въ раскрытыя двери глядёль мракъ.

— Дона Нина Александровна?-спросиль Елатонскій.

Акулина встала, встряхнула фартувъ и отвѣчала: — Спять-съ. — Что это съ ней?

- Начего-съ, должно быть не здоровится. Не об'едали сегодня. Какъ легли, такъ и не просынались.

- Зажги инв сввчу, я войду.

И она пошла за нимъ въ гостиную, нашла спички, зажгла свички и, подозрительно улыбаясь, воротилась на врылечео.

Елатомский подошель въ полуотврытой двери въ сосёднюю комнату. Тамъ было темно и тихо.

Елатомскій постучался.

- Кто тамъ?-послышался стонущій голось Нины.

- Это я, Нина, что съ гобой?

— Ни-и-и-чего. Войди!

Елатомскій вошель въ ней со свёчой.

Нина лежала въ постелё новерхъ одёяла въ разстегнутой белой блувё и съ туфлями на ногахъ.

Она тяжело дышала, щеви ея были врасны, вавого-то неестественнаго врасно-кирпичнаго цвёта, — такъ, по-врайней-мёрё, показалось Елатомскому, когда онъ освётилъ лицо ся.

Онъ положилъ ей руку на лобъ.

Она расврыла глаза.

— У тебя жаръ, Нина, ты больна!

Она поглядѣла на Елатомскаго, подала ему руку, и когда онъ сѣлъ, стала его спрашивать: нашелъ ли онъ писъмо и что дѣлаеть бука?

Елатомский сталъ-было разсказывать свои похождения и вдругъ замолиз. Онъ замётиль, что она морщится и его не слушаеть.

--- Да что съ тобой! ужъ не съёздить ли мий за довторомъ?

--- Отгони эту собаку, пробормотала Нина, фи!-и она отдернула свёснышуюся съ кровати руку и договорила съ выраженіемъ какой-то гадливости:-- она меня все лижеть, оттони!

Томъ II.-Марть, 1879.

«Эге! да это бредъ», подумалъ Елатомский. — Никакой собаки ифтъ, — началъ-было онъ ее усповоивать.

Она быстро поднялась и повернула въ нему свою голову. Глаза ся были мутны.

— Елатомскій, — пробормотала она, — ты не одинъ... съ этой Зоей... А?.. Куда же мих спритать васъ!.. И нехорошниъ смъхомъ васмъялась Эвина.

Елатомскій всталь и тихо, на цыночнахь, переставняь світчу сь ночного столика на окошко.

Голова Нины опять унала на подушку. Она быстро нодогнула колёни и разбросала руки. Одна рука ударилась въ стёну другая свёсилась.

Елатомскій, услыхавь шорохъ блузы и этоть стужь, бросился вонъ изъ комнаты и сунулся въ темную кухню.

— Акулина! гдѣ ты туть? Неужели она ушла со своимъ солдатомъ?

- Авулина! - завричалъ онъ громче, вышедши на врыльцо.

Сврипнула калитка и въ тускломъ, лунномъ свётё показалась фигура горничной.

---- У барыни твоей горячка, она больна, можетъ-быть, умираетъ.

- Какъ умираетъ!- повторила она съ недовъріемъ.

— Да тавже. Я сію минуту побыту за докторомъ, а ты, пожалуйста, голубушка, пойди въ ней, раздёнь ее и уложи какъ слёдуеть. Да что это за солдать?

- Онъ ущелъ, -- отвёчала она, потупившись, и съ недоумёніемъ вошла въ комнаты.

Елатомскій ощунью въ гостиной нашель свою шляпу и вышель на улицу.

— Адріанъ! — всвривнулъ онъ, прибъжавши и заставши Бавина, стоящимъ посреди комнаты, съ чубукомъ въ рукахъ, въ рубашкъ, помочахъ и брюкахъ.

Отъ нагоръвшей скъчн на сгвнъ и на потолкъ, большимъ темнымъ пятномъ колыхалась длинная твиъ его.

--- Адріанъ! Эвиной плохо, она въ жару. Я просто въ ужасъ пришелъ--увидѣвши ее въ такомъ положеніи.

Бавинъ, какъ стоялъ, такъ и замеръ на одномъ мёстё. Лицо его вытянулось. Расширенные глаза, съ выраженіемъ иснуга и изумленія, остановились на лицё Елатомскаго. Елатомскій еще никогда не видалъ его въ такомъ ужасё.

- Вообрази, горить какъ въ огнѣ, Богъ знасть, что такое бредить, собака какая-то!.. не разберешь!.. И въ постели лежить

нераздѣтая и нивого при ней нѣть. Горничная съ вакимъ-то солдатомъ за воротами, и даже не знаеть, что Нина больна. Который-то теперь часъ? Какъ ни поздно, а я, Адріанъ, сейчасъ бѣгу за довторомъ, а ты, Адріанъ, ей-Богу, хорошо сдѣдаешь, если пойдешь къ ней. Ее надо поберечь, самъ посуди?

--- Да что ты говорящь? Неужели не шутя больна? --- проговораль, очнувшись, Баванъ, выроннвъ чубувъ и складывая ладони рувъ у самаго ворота рубашки, точно собярался молиться въ минуту горя или ужаса.

Бавинъ тряхнулъ Елатомскаго за плочи и задыхавниямся годосомъ проговорилъ:

--- Пойзжай за докторомъ. Вовьми у меня деньги на извозчика, на лекарства, на все. А я сейчасъ...

И съ лихорадочной торопливостью, какъ будто домъ горить, Бавинъ сталъ одёваться. Одной рукой застегивалъ онъ жилеть, другой, выдвинувши ящикъ въ письменномъ столѣ, указывалъ пальцемъ на нёсколько ассигнацій.

-- Берн, говорять тебя и ступай сейчась, привези въ ней лучшаго доктора. Я буду тамъ ожидать тебя.

Елатомсвій вышель и тотчась же на улицё поймаль извовчнка.

Какъ ни жаль было Елатонскому Нины, но, сидя въ дрожкахъ, онъ невольно улыбался. Испугъ Бавина, его вытанутое лицо, торопливость, совершенно ему не свойственная, все это въ первый разъ съ достаточною ясностью подсказало ему, что это не даромъ. Ему пріятно было вообразить, что Бавинъ влюбденъ, можеть быть точно такъ же, какъ и остальные смертные.

Нина, уже раздётая и разутая горничной, еще до прихода Бавина, все еще продолжала спать, и не подозрёвала, что Бавинъ сидить у ся изголовья, прислушивается къ дыханію и глядить на нее съ такою же нёжностью и съ такимъ же глубокимъ вниманіемъ, какъ мёсяца два тому назадъ глядёлъ онъ на первые побёги посаженнаго имъ растенія.

Она была все еще въ жару, по временамъ бредила и свозь сонъ, казалось ей, что опять пришелъ Елатомсвій, гребуеть отъ нея письмо в угрожаеть ей выдать всё ся тайны, всё ся тайныя помышленія.

Но вогда Елатомскій привезъ, наконецъ, доктора, отгого ли,

что спаль жарь, или оттого, что Эвина услыхала мужские голоса, она очнулась, мутными, широво расврытыми глазами оглядёла: присутствовавшихъ, узнала Бавина и сариастически улыбнулась.

Молодые люди вышли. Докторъ пощупалъ ей пульсъ и началь ее исповёнывать.

---- Будь у васъ другая комплекція, -- сказаль онъ, --- и не будь вы такая полновровная, вы бы не бредили. У васъ есть жаръ, но не такъ великъ, чтобъ быть въ забытьи. Впроченъ, это хорошо, что вы весь день спали и ничего не вли.

- Если не принять мёръ, - сказаль тоть же докторъ Елатонсвому, - который въ другой комнать приготовиль для него перо и бумагу, -- если не принять мъръ, то можеть развиться горячка. Ей вовсе не слёдуеть купаться. Я пропншу ей микстуру и химинные порошки, а главное прежде всего поставьте ей горчишники.

- Горчинники? - Да. Одинъ вотъ сюда, на спину, пониже шейнаго позвонка и два на икры.

- На икры?-машинально повторилъ Елатомскій.

- Ну-да!.. Да не ившало бы вызвать мужа, врови много, приливы къ головъ, звонъ въ ушахъ. Все это, понимаете, не нормально, при ся коплекціи.

Елатомскій поняль, что онъ хотёль сказать; Бавинь не поняль. Вслёдь за отъёздомъ довтора, Елатомский сказаль Бавину:

- Ну, брать, ставь ей горчишники, а я пойду въ аптеку.

- Да гдъ же я ихъ возьму, эти горчишники?

Елатомскій чуть не прыснуль со смёху, такимъ ребяческисмущеннымъ тономъ спросняъ его Бавинъ.

Пошли горничную на ховяйскую кухню за сухой горчицей, да и вели ей сдёлать горчишники.

И Елатомскій объясниль ему, ка́кь ихь сдёлать. Затёмь взяль шляпу и съ рецептомъ въ карманѣ побъжаль въ аптеку.

XXVII.

Авсенъ и Карай, слуга и пудель, оба были скандализированы ночнымъ отсутствіемъ и позднимъ возвращеніемъ своего барина. Бавинъ вернулся домой въ четвертомъ часу ночи, онъ уже засталь Елатомскаго въ постели и, чтобъ не разбудить его, всячески старался унять Карая, взвизгивающаго оть радости. Но Елатомскій не спаль-у него была безсонница: онъ слышаль, накъ Ба-

52

внъ закурилъ трубку, какъ, раздъвансь, просилъ Авсена къ 9-ти часамъ утра приготовить ему фракъ и какъ затёмъ, насасыва чубукъ свой, сълъ къ столу и принялся писать.

Зачёнь ему завтра утроиъ фракъ? - подуналъ Елатонскій, но этоть неинтересный для него вопросъ такъ и остался вопросомъ, потому что мысли его неслись скачками, ни на чемъ не останавляваясь, перебирая въ немъ все, чёмъ была переполнена душа его: а душа его была переполнена чёмъ-то хаотичнымъ и томительно неопредбленнымъ. Это была и вбра въ людей, н невъріе, и любовь, и презръніе, и насмътка надъ своимъ мелкимъ, трусливныть себялюбіемъ, и боль этого самаго себялюбія, и жажда наслажденія, и безпристрастный анализь этихь жадно ожидаемыхъ наслажденій; образь Зон, прелестный и наивный, и въ любви и въ ревнивыхъ слезахъ своихъ, и та пропитанияя запахомъ понади и нерящинвая семейная атмосфера, которая поснлась вовругь этой девушки; затёмъ, больная Нина, влюбленный Бавинъ. довторъ, фонари, аптекарь: все это носилось передъ нимъ, несмотря на закрытые глаза и тишину ночи. Жизнь, какъ двулицый Янусь, глядбла на него и смёнсь, и плача. Если бы Елатоискій вообще дорось до опредёленной и ясной мысли, онь быль би человвить съ характеромъ, но онъ былъ бы и тогда гораздо сильные, если бы, подобно Бавину, выриль въ полную возможвость донскаться истины, единой, какъ тоть свангельский пастирь единаго стада...

Повдно, подъ самое утро заснулъ Елатомскій и на другой день, проснувшись въ 10 часовъ утра, узналъ отъ Аксена, что Бавинъ уже напился чаю, одълся и ушелъ въ лицей.

«Въ лицей!» подумалъ Елатомский, «значитъ, онъ сегодня будеть экзаминовать! Бёдный Бавинъ! Воображаю себё, какъ провелъ онъ ночъ и какъ проведетъ утро. Не завидую я его головё и его характеру».

Бавинъ же дъйствительно облевся во фравъ и отправился въ лицей на эвзамены.

Смутный оть безсонной ночи и внутренняго волненія, вошель онъ въ низенькія, пасмурныя свии двухъ-этажнаго, желтой краской выкрашеннаго зданія. Лицейскій сторожъ, отставной солдать, почестивъ его синну щеткой, смахнулъ пыль съ сапоговъ его, и Бавинъ поднялся на лёстивцу, не поднимая глазъ и не замёчая студентовъ, которые попадались ему на встрёчу или видя не лица изъ, а только фалды ихъ форменныхъ сюртуковъ, и смутно сознавая, что эти молодые люди гладять на него, какъ на человъка, который черезъ полчаса начнеть ихъ ръзать и непремънно заръжета.

Лицо Бавина было такъ строго и такъ холодно, что даже тотъ, который приходилъ къ нему депутатомъ отъ товарищей и былъ такъ развязенъ у него на квартиръ, не ръшился подойти къ нему, несмотря на подталииванія пріятелей.

Судя по ихъ, не встати, шаловливымъ движеніямъ, неестественнымъ улыбкамъ, остротамъ, ноторыхъ никто не замёчалъ, смёху, который никого не заражалъ, явно было, что господа студенты находятся въ томъ нравственномъ настроенін, которое сродни лихорадкъ и есть что-то среднее между удалью и отчаяньемъ.

Въ залё накрыть быль столь. На зеленомъ сукнё его покоялась книга, что-то въ родё свода законовъ, лежали списки студентовъ и возвышалась казенная, усердно вычищениая чернильница съ неразлучною песочницей. За столомъ былъ рядъ креселъ, а не далеко отъ входа, вдоль стёны, въ два ряда тянулись косые столы и скамейки для экзаминующихся.

Директорь лицея, человёкь средняго роста, смуглый, сь крупными чертами лица, съ выразительнымъ взглядомъ, безпрестанно мъняющимъ свое выраженіе, и крупными губами, изъ-подъ которыхъ рёзко выставился верхній рядъ крёпкихъ зубовъ, когда онъ, улыбаясь, привсталъ съ креселъ и протянулъ руку входящему Бавину.

Кромѣ директора, была небольшая кучка профессоровъ, изъ которыхъ двое, одннъ молодой, другой старый, стояли у окна и миролюбиво о чемъ-то спорили. Всѣ они довольно разсѣянно протянули руку молодому ихъ сотоварищу, едва вамѣтно покосившись на костюмъ его.

Всё они были въ вицъ-мундирахъ съ гербовыми пуговицами, одинъ Бавинъ былъ въ черномъ фракё и безъ гербовыхъ пуговицъ.

— Какъ ваше вдоровье? — спросилъ Бавина директоръ, — продолжая наидружелюбнъйшимъ образомъ улыбаться.

--- Благодарю васъ, слава Богу.

--- Вы какъ будто того... похудёли немного, -- продолжалъ диревторъ, и на всемъ лицё его, особливо въ большихъ, выпуклихъ главахъ, живо отпечатлёлось нёчто весьма серьёзное, соединенное съ искреннимъ участіемъ.

--- Кажется миб, я совершенно здоровъ, ---надтреснутымъ голосомъ отвбчалъ Бавниъ.

- Нёть, вы... вы... похудёли. Слишкомъ много занимаетесь.

54 ·

А что, господа, — добавнать онъ, нотврая руви, какъ это деляють иные передъ рюмкой воден, — не пора ли намъ, такъ-сказать, приступить въ священнодъйствію...

Молодой профессорь вышель на лёстницу и пригласиль студентовь войти. — Сейчась начнется экзамень! — сказаль онь.

Апректорь носмотрёль на часы.

- Я полагаю, господа, если мы и раньше начнемъ, не обда. Если положить по десяти минуть на человѣка, то - такъ накъ всѣхъ студентовъ около тридцати человѣкъ, надо предположить, что раньше трехъ часовъ мы не кончимъ. Впрочемъ, я дунаю – пять-шесть минуть на каждаго весьма достаточно. Милости просимъ.

Бавниъ свлъ за столъ, разложилъ вопросные билеты, вынулъ нзъ кармана платовъ, утерся, чуть слышно врякнулъ (по-московски), и пока онъ засовывалъ обратно въ карманъ платовъ свой, всё разсблись и на всёхъ лицахъ, сквозь обычную скуку, выступило натянутое ожиданіе.

Бавинъ развернулъ алфавитный списовъ и сталъ вызывать. — Авакинъ!

Никто не вышель.

— Авакинъ! Гдё же Авакинъ? — спросилъ директоръ, повернувши голову свою къ стёнѣ, вдоль которой сидѣли студенты. — Авакинъ!

Авакинъ поштевелился и, покачиваясь, вышелъ.

- Возьмите вопрось.

Авакинъ взялъ вопросъ, прочелъ его, помялся, возвелъ глаза, нашлянулъ, сталь что-то говорить, запутался, и, какъ приговоренный къ смерти, поникъ.

- Довольно, -- сказаль Бавинь.

— Авиновъ.

Вышелъ Авиновъ. Гляза у него были прасны, нижняя губа дрожала. Онъ взялъ билетъ, прочелъ его, потеръ себъ переносицу и попресилъ себъ другой билетъ. «Источники по предмету завоновъдънія», прочелъ онъ.

- Уважите на источники, -свазалъ Бавинъ.

— Монсей, — отвёчаль Авиновь, — Юстиніань, т.-е. кодексь Юстиніана, Гуго-Гропій, Жанъ-Жакъ Руссо, Гегель, т.-е. философія права.

— Довольно, — сказалъ Бавинъ и сдёлалъ въ списке отметку.

И затёмъ отъ А до О отвёты студентовъ, съ нёвоторыми варіацами, были то немного хуже, то немного лучше. Упомяну

только о двухъ исключеніяхъ: одинъ Рженецкій, — полякъ, судя по фамилін и интонаціи голоса, — благодаря своей удивительной памяти, сказалъ отвётъ слово въ слово по записанной имъ тетрадкъ, да еще одинъ, какой-то Трухинъ, отличился совершенно особеннымъ образомъ.

Косой и сутуловатый, онъ взялъ билеть, прочелъ его однимъ глазомъ, заложилъ руку за спину и, скрививши на сторону лицо свое, не переводя духу, началъ нести такую ахинею, что даже Бавинъ роть разинулъ. У директора чуть глаза не выскочили отъ изумленія.

«Начало права, отношеніе субъекта къ объекту и субъекта къ личности порождають безчисленныя развѣтвленія правъ, вся сущность которыхъ проявляется не столько въ народныхъ обычаяхъ, сколько въ законѣ положительномъ. Человѣкъ, какъ начало природы, доходитъ до результата — результатъ этотъ есть его разумъ, и разумъ этотъ тождественъ съ началомъ права» и т. д. и т. д. все въ томъ же родѣ безъ остановки и безъ малѣйшаго смущенія.

Присутствующіе профессора́ прыснули со см'яху, на студенческихъ скамьяхъ послышалось сдержанное фырканье.

---- Что это вы?---началъ-было директоръ, еще не зная, сердиться ему или смбяться.

— Довольно, —сказалъ Бавинъ.

Около часу пополудни, кончился этоть знаменитый экзаменъ, и скамьи, занимаемыя студентами, опустёли. Когда всё поднялись, всёмъ было неловко.

Бавинъ былъ блёденъ. Директоръ исподлобья поглядывалъ на всёхъ съ недоумёніемъ. Подойдя къ Бавину со спискомъ экзаминовавшихся и съ ихъ отмётками, онъ то глядёлъ на списокъ, то взбрасывалъ на философа глаза свои, двигалъ бровями, пожималъ плечами и замётно не зналъ, какъ и что ему говорить.

---- Что это! --- глухо восвливнулъ диревторъ. --- Это, это невъроятно! Вы всъмъ поставили хорошіе балы, Адріанъ Владиміровичъ. Кавъ же это?

— Они не виноваты, — сказалъ Бавинъ, — я виновать. Я читалъ имъ предметъ свой такъ, какъ я самъ его понимаю. Я именно обработывалъ его на началахъ современной философіи и не зналъ, что... гм! они такъ дурно подготовлены. Я не желаю, чтобъ моя вина помѣшала имъ перейти на другой курсъ. Если по другимъ предметамъ они хороши, то...

--- Но какъ же это? это, это... невозможно! --- вскрикнулъ директоръ, и это «невозможно!» такъ и раздалось по всей залв.

Бавинъ опустилъ глаза и сказалъ:

- Завтра я буду имъть честь подать въ отставку.

Директоръ быстро отшатнулъ назадъ свою голову. Природная доброта его боролась въ немъ съ напускною, оффиціальною строгостью.

 — Я не съ тёмъ, чтобъ въ отставку. Вы, конечно, у насъ такъ недавно, не ознакомились, и дёйствительно, можетъ быть, читали ваши лекцій не совсёмъ привычнымъ для нихъ языкомъ... Все это возможно, — но зачёмъ же въ отставку?
 — Я очень жалёю, что я не читалъ имъ по книгё Неволина.

— Я очень жалёю, что я не читаль имъ по книге Неволина. Я виновать и прошу вась меня уволить.

Директоръ взялъ Бавина за руку, жалобно-строго посмотрёлъ на него своими глазами на выкатё и сталъ его уговаривать остаться еще хоть на годъ.

Но Бавинъ оставался непреклоненъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что ръ́шись онъ остаться, ему, для острастви, слъдуетъ переправить балы и почти всъмъ поставить по единицъ, если не по нулю.

Онъ этого не хотёлъ.

Услыхавши, что дёло идеть объ отставие, въ Бавину подошли профессора и какъ-бы ему въ утёшеніе стали бранить студентовъ.

--- Ничего они не делають! Ничего-съ! -- говорили они. ---Надо ихъ безпрестанно, безпрестанно спрашивать...

— Я такъ и дёлаю; — сказалъ старый профессоръ въ очкахъ, съ узкими губами и маленькими, мышиными глазками. — Я каждый разъ спрашиваю ихъ, о чемъ я читалъ въ прошедшей лекціи. Вы слишкомъ на нихъ понадёялись.

Бавинъ отвёчалъ: – Гм... да!.. можетъ бить, – и поспёшилъ съ ними раскланяться.

Профессора, сначала, когда Бавинъ только-что присланъ былъ въ лицей, смотрёли на него, какъ на выскочку, воображали, что чуть ли не самъ министръ просвёщенія ему протежируеть, боялись, что Бавинъ сядетъ имъ на шею; но скоро успоковлись.

Бавинъ, хотя и не сходился съ ними на пріятельскую ногу, но никого не безповонлъ, не заб'ягалъ въ начальству и, повидимому, не искалъ популярности даже между студентами. На него стали смотръть, какъ на оригинала, какъ на московскаго чудака, какъ на человъка не отз міра сего.

Не полюбили его и не возненавидели. Онъ былъ въ лицев чёмъ-то совершенно особеннымъ, двигающимся вив служебнаго

вружка, внѣ его маленькихъ интригь н его интересовъ, далеко ненаучнаго свойства.

Понятно почему, услыхавши объ его отставкъ, профессора вакъ-будто пожалёли о немъ. Они давно уже перестали считать его опаснымъ соперникомъ, и это одно уже мирило ихъ съ его пребываніемъ въ одномъ съ ними учебномъ заведеніи.

Не знаю, какими путями, черезъ какія щели, тотчасъ же дошло до студентовъ, столпившихся въ сѣняхъ, что Бавинъ всѣмъ имъ поставилъ хорошіе балы: это ихъ и поразило и ребячески обрадовало. Когда Баванъ показался на лёстницё блёдный, съ опущенными рёсницами, всё они смольли и разступились.

Для Бавина эта минута, съ твхъ поръ какъ онъ себя помниль, была одна изъ самыхъ тажелыхъ. Онъ вакъ-будто самъ себя изгоняль изъ этого высшаго учебнаго заведенія, онъ-съ тавою гордою самоувёренностью, съ такими надеждами, вступившій на каседру, сходиль сь нея никъмъ не понатый и, быть можеть, даже осмъянный.

— Прощайте, господа, — сказалъ онъ, спуская ногу съ по-слёдней ступеньки лёстницы, — мы съ вами больше не увидимся. На одномъ глазу его показалась слеза.

Этого было достаточно, студенты бросились къ нему, стали ловить его за руви, чуть не цёловать ихъ. — Виноваты! Адріанъ Владиміровичъ, останьтесь съ нами!— слышались голоса.— Неужели вы, вы насъ покинете! Не странно ли это? профессоръ, котораго слушатели не по-

ненали, быль ими любимъ и уважаемъ.

Или молодыя сердца ихъ чувствовали, что Бавинъ одинъ изъ всёхъ ихъ наставниковъ стремится въ какой-то высочайшей, недоступной ихъ пониманію встинь, или имъ вазалось, что за свои, непонятныя имъ иден, человёвъ этоть пожертвуеть жизнью, и что ему не нужно не чиновъ, ни врестовъ и никакихъ поощреній.

Можетъ быть, двё-три фразы его, горячо имъ сказанныя о высокомъ назначения человёка и его безконечномъ развития, о непобъдимой силъ человъческаго разума, о самоотречении, глубово врёзались въ ихъ памяти, и вто знаеть, можеть быть, у двухъ, у трехъ изъ нихъ, эти фразы на всю жизнь оказались не безъ благотворнаго вліянія на обуреваемую совёсть ихъ...

Далеко на улицу проводили Бавина студенты. И то чувство, съ воторымъ они простились съ нямъ, не мало ободрило и утвмило самолюбиваго Бавина.

XXVIII.

Воротнышись домой, Адріанъ Владиміровнчъ засталъ своего пріятеля Елатомскаго въ такомъ же молчаливомъ и странномъ настроеніи духа.

- Ну, что экзамени?-спроснять Елатомскій.

— Да ничего, гм! все было такъ, вакъ я ожидаль, — отвъчалъ Бавинъ. — А ты былъ у Нины? Узналъ, какъ ся здоровье? И Бавинъ ущелъ въ свою комнату.

Отчего же это, — жили они подъ одной вровлей и, повидимому, любили другъ друга, а были другъ съ другомъ такъ. неоткровенны, такъ несообщительны! могли обо всемъ говорить, кронъ того, что мучило или волновало ихъ.

Это происходило потому, быть можеть, что Бавинъ считалъ Елатомскаго просто добрымъ малымъ, но пустымъ и вётреннымъ, • а стало быть и неспособнымъ понимать его, а Елатомский считалъ его человёкомъ, который не живетъ, а только размышляетъ о жизни, который никогда не былъ юношей съ увлечениями и страстями или такимъ, какъ другие его друзья и приятели.

«Какъ я скажу ему, ну, хоть о письмѣ Зон, думалъ Елатомскій. Онъ непремѣнно начнеть, по поводу его, задавать мнѣ разные вопросы, на которые мнѣ самому тяжело отвѣчать и которые только безъ всякой нужды заставять меня краснѣть передь его непогрѣшимостью. Нѣтъ, лучше молчать: хорощій онъ человѣкъ, но я его приговорамъ не намѣренъ подчинать души своей».

Вчерашній вечерь окончательно уб'ядиль Елатомскаго, что и Бавинь съ своей стороны носить передь нимь маску, да еще такую непроницаемую, такую холодную маску! Влюблень, задрокаль весь, когда узналь, что Нина больна, —и что же! хоть бы слово, хоть бы намекъ какой-нибудь о своемъ чувстве!

«Нёть», — продолжаль думать Елатомскій, — «онъ окрытень и» стало быть, моя откровенность покажется ему болтовней, а я этого не хочу, — ergo, буду молчать».

Елатомскій же, пока Бавенъ экзаминоваль своихъ студентовъ, видержаль своего рода экзаменъ.

Проснувшись довольно поздно, не усп'яль онъ умыться и повязать на шею галстува, какъ въ комнату его вонелъ Аксенъ и сказаль:

--- Тамъ опять какая-то барыня пришла и васъ спрашиметь.

востникъ ввроян.

--- Какая барына!---удивнися Елагомскій.--- Попроси ее подождать.

«Опять!» подумаль онъ. Что вначить это «опять»! Развё ужь была какая-нибудь....

Услыхавъ въ сосёдней комнатё шорохъ платья, онъ заглянулъ въ щелку двери и узналъ женщину, которую довольно часто встрёчалъ у Меркулича. Непріятное чувство прошло у него по дущё; онъ тогчась же предугадалъ, что будетъ разговоръ о Зоё, и что она пришла не даромъ.

Не даромъ и Елатомскій, уже совсёмъ одётый, безъ всякой нужды, прошелся раза два по комнатё, прежде чёмъ отворить дверь.

- А! вавими судьбами?-сказаль онь, подавая ей руку.

Клара Петровна, потряхивая букельками, встала съ кушетки, на которую она присъла, чтобъ обождать его.

- Извините, Владиміръ Григорьевичъ, — начала она, судорожно пожавъ ему руку своими чахоточными пальцами и съ улыбной на узенькомъ, восковомъ лицъ, —я очень хорошо понимаю, что мой визитъ удивитъ васъ. Очень, очень прошу васъ, извините меня!

— Я въ вашниъ услугамъ, садитесь, Клара... Клара Ивановна.

— Петровна, — слегка наклонившись, поправила его гостья и сёла.

- Ахъ, да, да! - Клара Петровна. Извините меня за моко разсвянность.

Нивого нать въ той комнать.

- Нивого, я одниз.

1 ...

--- Я пришла спросить вась, получили ли вы то письмо, воторое à оставила для вась въ книжной лавей.

- Гм, да, получилъ. Вы пришли спросить меня, отъ кого оно?

Клара Петровна махнула рукой и засмбялась.

, — Такъ вы знаете содержаніе письма?

--- Нѣтъ-съ, этого я не знаю. Она мнѣ его не читала, но вѣдь я... Вы песмотрите-ка на меня; первой ли я молодости и не страдала ли та́къ, какъ, можетъ быть, въ мірѣ никто не страдаль. Я, и не читая, могу себь представить... я ужъ и бранила се за это, но сердце — не камень... Упрашиваеть, Христонъ Богомъ: отнесите, да отнесите, ну, и взялась. Сердце не камень, Владииръ Григорьевичъ.

«Вижу, что не вамень», подумаль Елатонскій.

--- Теперь вотъ что-съ, Владиміръ Григорьевичъ! Если вы намѣрены отвѣчать ей, то отвѣчайте. Я, такъ и быть, передамъ ей вашъ отвѣчъ. Знаю, что вы человѣкъ благородный! Если же вы ничего отвѣчать не намѣрены, то Зоя просить васъ черезъ меня воротить ей это письмо. И... это я понимаю, Владиміръ Григорьевичъ.

- А я не понимаю: неужели она думаеть, что я употреблюво вло ея довърчивость?

— Нёть, она этого не думаеть. Владимірь Григорьевичь, она этого не думаеть. Но зачёмъ же вамъ ся письмецо, если ви, такъ сказать, равнодушны, Владиміръ Григорьевичъ! Я отнесу ей ся письмо, и этимъ все будеть покончено.

И она такъ провела рукой своей, какъ будто стерла что-то написанное въ воздухъ.

— А вёдь надобно-съ, непремённо надобно вакъ-нибудь съ ней покончить. Она истерзалась, измучилась, на ней лица нётъ. Пусть ужъ лучше все это съ-разу... понимаете...

Елатомскій задумался и смущенный не зналь, что ему отвёчать ей. Воротить письмо! Но этого завётнаго письма у него не было. Говорить съ ней откровенно ему не хотёлось.

— Я или напишу ей, или какъ-нибудь увижусь, — сказаль Елатомский.

--- А вы позволите, Владиміръ Григорьевичъ, задать вамънескромный вопросъ. Вы на нее не сердитесь? Вы желаете съ ней видѣтьса?

— Почему же нёть, Клара Петровна, совёсть моя чиста. Я всегда всего лучшаго желаль и желаю Зоё Трофимовие.

— А если такъ, такъ я же вамъ скажу, что и она желаетъ васъ видёть, и если вы желаете переговорить съ ней... Вы тавой человёкъ, вы можете ее и уговорить, и успокоить. Вы все можете! Пожалуйста, не спорьте со мной. Вы великій человёкъ, Владиміръ Григорьевичъ. Итакъ, если вы желаете, я попрошу васъ къ себё на чашку чаю. Когда вы свободны вечеромъ? — Свободны вы въ субботу?

— Я почти всегда свободенъ, — вздохнувши, свазалъ Елатонскій.

— Такъ приходите во мнѣ въ субботу. Вогъ вамъ мой

BOOTHNET REPORT.

адресь. Я живу оть нихъ не далеко, около синагоги, тамъ, гдё кузница. Поминте, еще такая вызёска: карета и золотая лошадь?..

--- Не помню-съ. Но позвольте вашъ адресь... Въ воторомъ же часу мнѣ придти въ вамъ?

— Да часу въ восьмомъ, иле во время всенощной. Върьте, Владиміръ Григорьевичъ, я буду отъ всей души рада вамъ. Я не изъ ворысти дъйствую, изъ чистой цреданности. И будь у меня живъ сынъ мой, я лучией невъсты, какъ Зоя, не пожелала бы для него. Истиннымъ Богомъ влянусъ вамъ! Но что дълать, Богъ далъ—Богъ взялъ. А лучше бы и не давалъ, добавила она, сокрушенно махнувъ рукой—и стала прощаться. Ея чахоточные, длинные пальцы опять потрясли его за руку, и тутъ Елатомскій, совершенно безъ умысла, сдълалъ ей великое удовольствіе; провожая ее, онъ спросилъ:—что же случилось съ ея сыномъ и отчего онъ умеръ?

Клара Петровна разсказала ему всё подробности объ его умопомёшательствё и смерти, и при этомъ нёсколько разъ поднесла платокъ въ увлаженнымъ глазамъ своимъ. Клара Петровна убъждена была, что она тронула его до глубины души и уходила отъ него въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Улыбка, такъ-сказать, извивалась поперевъ всего узеньваго лица ся. Припоминая весь свой разговоръ, она сама себъ, своему собственному уму дивилась, и ловончики на вискахъ ся, казалось ей, сочувствовали, такъ же слегка дрожали, какъ и вся голова.

«Я не дала ему, ни единымъ словечкомъ не дала понять ему, что знаю объ его сватовствё. Ужасно гордый человёкъ! Трудно будетъ Зоё поправить свою ошибку — трудно! Ну, да теперь не только мать, самъ Трофимъ Евлампіевичъ увёренъ, что мёшать не слёдуетъ; такъ какъ у него благородныя намёренія, — мёщать не слёдуетъ...»

XXIX.

Елатомскій вышель и прональ. Бавинь ждаль его до самаго вечера и недождался. Мысль, что Эвиной хуже, что у ней горячка, какою-то невёдомою тоской, чёмъ-то мучительно безпокоющимъ, мёшающимъ думать, наполняла душу философа — и онъ не вытеритёлъ, пошелъ вечеромъ самъ навёстить ес. (Онъ и утромъ, передъ тёмъ, какъ идти на экзаменъ, заходилъ узнать

62

объ ся здоровъё; но нашелъ дверь въ сёни запертою изнутри и не хотёлъ стучаться).

Не люди, не Нина, сама судьба, положнимая ее въ постель, приготовляла для Бавина такія сильныя искушенія, избъжать которыхъ, даже для его отвлеченной головы и цёломудреннаго духа, было трудийе, чёмъ побороть свое ученое самолюбіе, выдти въ отставку и пр. я пр.

Эвниа же была вовсе не изъ такихъ, чтобъ не понимать всей выгоды своего положенія. Не даромъ внутренно она была очень рада, что защемогла, даже мелала быть какъ можно дольше въ жару, лишь бы Бавинъ всю ночь подавалъ ей лекарство и ей прислуживалъ, какъ сидёлка или какъ сестра милосердія. Быгъ уже двёнадцатый часъ иочи, когда Бавинъ, который отъ роду не имёлъ дёла съ больными, котораго воображеніе преувеличивало болёзнь Нимы, увидёлъ, что руки ед стали свёжёе, что на лбу ея выступила испарина, и, успононвнись, въ пороткихъ словахъ разсназалъ ей, какое вчера впечатлёніе вынесть онъ на экзаменахъ, какъ онъ рёшился выдти въ отставку и уёхать.

— Но что же ты будешь дёлать, милый мой!

— То же, что и теперь, — учиться.

— Но куда же ты поёдешь? — сёвши на своей постели, спросила Эвина.

--- Я еще и самъ не знаю, -- свазалъ онъ, припавъ курчавой головой къ ея нодушкв и спрятавъ въ ней лицо свое.

Она положила свою обнаженную руку на его густые волосы, потомъ рука эта какъ-то сама собою соскольенула, обвила его шем, и когда онъ поднялъ голову, губы ихъ сошлись въ доягій, горячій поцълуй.

--- Теперь я уйду, Нина, я не долженъ такъ тебя тревожить, такъ волновать, --- пролепеталъ взволнованный Бавинъ, всталъ и взялъ шляпу.

— Нѣтъ! поди сюда, — отвътила она своимъ обывновеннымъ, вовсе не взволнованнымъ голосомъ (она поняла, что онъ боится не столько за нее, сколько за себя). И она взяла шляну изъ рукъ его и бросила ее себъ подъ ноги.

--- Поди, и вели поставить самоваръ. Я давно не пила чаю. Сдёлай миё чаю, будемъ пить вмёстё и поговоримъ. Миё такъ много, такъ много надо сказать тебё.

Бавинъ пошелъ и разбудилъ горничную — и велёлъ ей поставить самоваръ. Онъ былъ точно въ чаду, и когда со свёчою проходилъ черезъ сёни въ кухню, будя горничную, онъ даже не зам'ятилъ, даже на мал'яйшаго вниманія не обращалъ на то, до какой степени разметавшись на своемъ войлок'я спала она, по милости жаркой и душной ночи.

Когда въ гостиной Нины появился самоварь, Бавинъ заварилъ чай, потомъ самъ налилъ чашку и подалъ се больной.

— Ну, теперь поговоримъ, — свазала Эвина. — Ты хочешь уёхать, но не хочешь ли ты, чтобъ и я съ тобой уёхала? — говори отвровенно. Вёдь я знаю, что ты меня любишь. Не лукавь. Будь свободенъ такъ же, какъ свободна душа твоя. Скажи миё, связанъ ли твой умъ, когда ты мыслишь? Зачёмъ же ты связалъ свое сердце и виёстё съ тёмъ всего себя? Развё не былъ ты счастливъ съ полчаса тому назадъ, когда скватилъ шляпу и хотёлъ бёжать? Неужели здоровая — я хуже больной, или ты хочешь, чтобъ я желала быть больной, была бы рада горячкё. Ну, хорошо, уходи. Докторъ запретилъ миё купаться, а я завтра утромъ соберу мон послёднія силы и пойду купаться.

- Ты этого не сдёлаешь, Нина, ты этимъ убъешь себя. Ты знаешь, что ты дорога мив, и ты этого не сдёлаешь.

— Я дороже для тебя, вогда я больна, такъ почему же мив не заболёть еще вдвое, втрое.

— Я нужнёе тебё, вогда ты больна. Ты одна, Нина. Даже, — увёряеть Елатомскій, — даже въ горничной твоей нёть ни малёйшей въ тебё привязанности. Воть почему я готовъ ночи не спать, лишь бы ты выздоровёла, Нина! — досказалъ онъ съ необычайно-трогательною нёжностью.

— Я выздоровѣю, а ты уѣдешь – и безъ меня! Нѣть, я не хочу выздоравливать!

И съ выраженіемъ отчаянья, закинувъ руки, она упала спиной на подушки и тажело дышала, сомкнувъ влажныя отъ слёзъ ръсницы...

Уже свётало и въ утреннемъ воздухё раздавался благовъсть, когда Бавинъ разстался съ Эвиной, и въ измятой щляпё вышелъ на улицу.

Сонный Аксёнъ, отомкнувши дверь, подозрительно поглядёль ему въ лицо. Бавинъ замётилъ этотъ взглядъ, сконфузился и, войдя въ свою комнату, оттолкнулъ Карая, который было-полёзъ къ нему; кое-какъ раздёвшись, онъ легъ на постланный диванъ и закурилъ свою трубку.

XXX.

На другой день утромъ Елятомскій нелъ нав'єстить Эвину, но у вороть си квартиры встр'ятиль Саминна.

--- Вы къ вашей нареченной сестриц'я? --- спросняз его Санимнъ, и я къ ней.

— А, кажется, насъ обонкъ не пустять, — сказалъ Елатонскій. — Она больна и лежитъ. Позвольте, я узнаю, можно ли намъ войтн. — Акулина! — врикнулъ онъ, подойдя въ крыльцу. Горничная высунулась изъ окна кухин.

- Что Нива Александровна?

- Спить, - отвёчала горничная.

--- Спить, --- сказаль Елатомскій Сашину, воротясь въ воротамъ.

— Тоска! Пойденте во мнѣ, Едатонскій, у меня есть бутылка рейнвейну, — разопьемъ съ горя. Видите, день какой пасмурный.

— Пойденте.

По дорогѣ они вошли въ городской садъ, ворота котораго выходили на Дерибасовскую улицу, и присѣли на скамейку.

Запыленныя акаціи печально висёли надъ ними свонии обесцейченными, пыльными листьями, какъ-бы предчувствуя, что скоро ихъ и совсёмъ не будетъ. Дорожки, усыпанныя не пескомъ, а толченымъ вирпичомъ, чуть слышно хрустёли подъ ногами прохожихъ; но прохожихъ было немного.

Сашинъ между волёнями помёстилъ трость свою, сложилъ руки на животь и, играя большими пальцами, встрёчалъ прохожихъ и провожалъ ихъ, медленно переводя голубые, выпуклые глаза свои справа налёво, слёва направо.

— Ну, что, отдохнули? - спросилъ его Елатомский.

— Нёть еще, посиднить...

--- Скажите пожалуйста, Елатомскій, за что вась такъ не любить Хавазовъ и все врёть про вась, будто вы женитесь?

— А почемъ я снаю! Съ мёсяцъ тому назадъ, — встрётнлъ я этого барьна у Меркулича, и знаю, зачёмъ онъ приходилъ къ нему. Онъ приходилъ занимать у него деньги. — Меркуличъ ему отказалъ, — а отчего и почему отказалъ, — это не мое дёло. Они тамъ около двухъ часовъ толковали въ кабинетё, а я въ это время былъ въ залё и болталъ съ барышнями. — Почему не поболтать съ глупенькими, если умине только болтовней и занимаются. Вошелъ Хавазовъ, весь врасный, точно изъ бани. — Что

Токъ II.-Марть, 1879.

вы туть? — говорить. — Ничего, говорю, въ гости пришель. — Небось, говорить, никогда во мнё не зайдете. Потомъ присталъ къ старшей дочери, Зов, сталъ скалить зубы, просить ее, чтобъ она къ себё его на свадьбу пригласила, да чтобъ купила ему самыхъ лучшихъ конфектъ, да чтобъ поднесла бы ему въ самой лучшей бонбоньеркё и тому, подобное. Туть же я смекнулъ, что у него разыгрывается на мой счеть накая-то фантазія. Но ва что онъ меня не любить? Чортъ его знаеть, да я и не нуждаюсь въ любви его.

— А Зоя не дурная дёвочка! Хорошенькая! — медленно проговориль Сашинъ, продолжая наблюдать прохожихъ. — Я, знаете, я самъ когда-то бывалъ у нихъ, даже, скажу вамъ по секрету, былъ не равнодушенъ... Глаза у ней, — того-съ.... удивительные! нёга какая-то восточная в что-то этакое, фосфорическое.

— Да вы, можеть быть, и теперь не совсёмъ равнодущны. Хотите я васъ посватаю?

Сашинъ тажело оперся объеми рувами на свою трость и, тажело вздохнувъ, не отвъчалъ ему.

- Ну, пойденте, я отдохнуль, -свазаль Сашинь.

Оба встали и пошли.

--- А я теперь понимаю, отчего Хавазовъ васъ не любитъ,---на ходу проговорилъ Сашинъ, не глядя на своего юнаго пріятеля.

- Отчего?

--- Ну, ужъ этого я вамъ не свану пока...

— И не говорите. Я до такой степени равнодушенъ въ его превосходительству, что мий все равно, что-бъ онъ обо мий ни думалъ. Я еще, слава Богу, не у него подъ начальствоиъ.

- А почемъ вы знаете? Можеть быть, онъ-то вменно и будеть вашимъ начальнивомъ.

— Ну, ужъ нѣтъ!

— Нѣтъ! — а если такъ придетса!... Вѣдь вы же служить будете... не все же вы будете такимъ счастливцемъ? Эхъ! молоды вы, Елатомский, — страшно молоды! Впрочемъ, молодость, какъ говорять, такой недугъ, отъ котораго время или годы непремѣнно всякаго вылечать.

Елатомскій помолчаль.

— Воть, вы говорите, я молодъ, а върите ли, вакъ начну я сравнивать, какимъ я былъ тому назадъ годъ и чёмъ сталъ теперь, такъ не узнаю себя. Куда дъвалась моя прежняя восторженность, идеализація! Это желаніе корчить изъ себя какого-то героя нашего времени! Куда все это дъвалось? Върите ли, Сашинъ,

въ какомъ ореолъ сіяла передо мной — ну, хоть бы эта Эвина, хоть я и никогда не былъ влюбленъ въ нее, а благоговълъ. Бывало, сижу у ней, слушаю ее, упиваюсь, горжусь ею...

--- Какъ! вы не были влюблены въ нее? не пользовались ся благосклонностио?

- Т.-е., по-просту сказать, вы думаете, что я быль ея любовникомъ?

- Не думаю, а увѣренъ.

- Не хочу вась разувёрять. Только вы жестово ошибаетесь. Если бы это было такъ, я бы не называлъ ее сестрой, я бы...

— «Сестра!» что такое «сестра?» По-моему, это даже смѣшно. «Сестра!»

- Можеть быть, это смёшно, нахнеть вакимъ-то студенчествомъ, чёмъ-то романически-идеальнымъ. Но сестрой я называю ее по привычкё, по старой памяти. Не одно вровное родство, но и родство духовное признавали мы... Не однё сестры были у меня, но и братья, т.-е. люди однихъ со мною убъжденій. Теперь, чёмъ я больше живу, чёмъ больше самого себя анализарую, тёмъ болёе убъждаюсь...

- Въ чемъ?-спросиль Сашинъ, переваливаясь съ ноги на ногу.

--- А въ томъ, что у меня не было, нѣтъ, да и быть не можетъ ннвавнъъ убъжденій.

Сащинъ пріостановился и поглядёлъ на Елатомскаго. «Онъ не глупъ», подумалъ онъ про себя.

- Я въ одномъ только убъжденъ, -сказалъ Елатонскій.

— Въ чемъ?

--- А въ томъ, что на святой Руси есть подлецы и есть люди честные; есть обскуранты и есть люди, ищущіе свёта, есть рабы и есть люди независимые.

--- Я и въ этомъ не убъжденъ, --- сказалъ Сашинъ. -- Честныхъ людей не знаю, а независимыхъ, --- тъмъ паче. Вотъ вы, напримъръ.

-Сашинъ оцять пріостановился. ---Вы, во-первыхъ, не всегда правдиви; во-вторыхъ, если и независимы, то только благодаря вашей молодости, да безпечности, да случайной обстановкѣ. Стоитъ вамъ сдёлаться немного поблагоразумнѣе, да поправтичнѣе, и тогда сами поймете, что вы отъ каждаго полицейскаго, отъ каждаго столоначальника, отъ каждой, съ позволенія сказать, бабы зависите. Скажутъ вамъ: идите налѣво---и пойдете налѣво; скажутъ вамъ: нюхайте навозную кучу, да, да, ---и навозную кучу нюхать будете! И Сашинъ при этонъ такъ на что-то равсердняся, что сталъуказательнымъ пальцемъ правой руки тыкать внизъ, какъ будтонавозная куча, о которой онъ говоритъ, была у него подъногами.

Елатомскому не хотёлось увёрять его, что онъ подлецомъ нивогда не будеть.

-- Не знаю, что будеть, -- сказаль онь. -- Воть, можеть быть, вдругь поднимется буря, да такая, что схватить нась сь вами въ охабку, да и понесеть. Можеть быть... Но куда же эго мы идемъ?

— А воть туть мое логовище, — сказаль Сашинь, указавъ рукой на подъёздъ двухъ-этажнаго дома. Зайдите, если не раздумали.

XXXI.

Зоя нетериванно ждала субботы. Трудно себв представить, какъ она стала добра къ свониъ капризнымъ, неугомоннымъ сестрицамъ. Она готова была имъ все отдать и даже имъ прислуживать. Къ матери своей также стала она особенно нежнаи ласкова. Но все, что она ни делала: читала ли, разбирала ли ноты, записывала ли расходъ подъ диктовну матери, подрубала ли носовые платки для Люлиньки, мысль о свидани съ-Елатомскимъ поддерживала ее постоянно въ какомъ-то тайно-лихорадочномъ настроении. Точно раскаленный уголекъ носила она въ груди своей.

Наканунѣ субботы, всю ночь она не спала, все думала, что она ему скажетъ, и какъ она будетъ съ нимъ вести себя, что онъ ей скажетъ, какъ будетъ лгатъ, когда она покажетъ ему письмо свое, и будетъ ли Клара Петровна ихъ подслушивать.

Воображеніе, развитое у ней на счеть са умственныхъ способностей, въ эту ночь играло съ ней, по своей чародъйской прихоти, до тъхъ поръ, пока правственное изнеможеніе и сознаніе окружающей ся дъйствительности (перекличка пѣтуховъ, шумъ налетъвшаго дождя и внезапно брызнувшаго по стекламъ оконъ, постукиванье въ доску сосъдняго сторожа и близкій шорохъ сестеръ, ворочающихся на своихъ скрипучихъ вроваткахъ) на нъсколько минутъ не отрезвляли головы ся. Въ эти минуты силилась она размышлять, и — то пугала се мысль, что Елатомскій оттолкнетъ и осмъетъ се, то радовала удачно-лукавая затъ́я, сочинить цѣлую исторію о томъ, какъ онъ просилъ руки у ней, тогда какъ онъ и не думалъ свататься.

68

Она понимала, что безъ этой неожиданией лжи не могла би она послать къ нему письмо свое. Но врядъ-ли понимала она, что если та же ложь дастъ ей возможность видёться съ иреднетомъ ся страсти, то она не остановится, она будетъ лгать, лгать и лгать, -- до тякъ поръ, пока все его тайно задуманное не осуществится къ ся счастно или къ ся погибели.

На разу не пришло ей въ голову, что явно искать свиданья съ нолодынъ человъкомъ, который ни разу не сказалъ ей, что онъ се любить, значить ронять свое достоинство. Ни разу не расказдась она въ томъ, что солгала; напротивъ, съ наслажденісиъ припоминала разсказъ свой матери о томъ, въ какихъ именно выраженіяхъ Елатомскій обратился къ ней съ предложенісиъ, какъ она, изъ ревности къ какой-то прійзжей, московской дамъ, отназала ему, и при этомъ заплакала. Какъ онъ былъ изволнованъ и какъ старалси замять, обратить въ ніутку сватовство свое.

Она такъ правдоподобно сочинала эту сцену, чко мать и Клара Петровна не могли не повърить ей. Отецъ си тоже все укналь, и если бы онъ засталь Елатомскаго дома, не шутя предножнать бы ему, ради разсвянья, проёхаться съ нимъ на пароходъ въ Крымъ, и затёмъ, въ добрую минуту, далъ бы ему замётить, что Зоя раскаявается въ своемъ отказё, что она, какъ дура, по уши влюблена въ него, и что онъ не прочь имёть его своимъ затемъ.

Пришла суббота, насталь вечерь. Елатомский весь день быль въ самонь радостномъ настроение духа. Почтальонъ принесь ему объявление, на которомъ значилось сто рублей — большая сумия для Одессы того времени. Эги деньги, несомийно посланныя ему отцомъ, развязывали ему руки, сбрасывали съ души его тижелый гисть тёхъ маленькихъ долговъ, оть которыхъ подъчасъ было тяжело ему. Это настроение души, эти мысленные счеты и разсчеты, кому сколько заплатить и сколько ему останется, весь день отвлекали мысль его оть предстоящаго ему сидания съ Зоей. Тольно из вечеру вспомнилъ онъ, что оббцалъ выпить чащку чая у Клары Петровиы, съ трудокъ отыскалъ бумажку съ ся адресомъ — и, когда стало смеркаться, вышель на улицу.

Клара Петровна нанимала ввартирку у каретника. Домишко, въ которомъ она обятала, слеялъ въ угодкъ облициято дворе, и ниъ-ва кучи дровъ только однимъ окномъ своимъ виставлялся и видънъ былъ отъ воротъ, около воторихъ помъщалась кузница.

Квартирна ся состояла изъ трехъ маленькихъ, низеньнихъ,

но уютно и пестро убранных сомнатокъ. Одна изъ нихъ, самая уютная, была когда-то кабинетомъ ся покойнаго сина. Тамъ стоялъ дивалъ, инсьменний столикъ, шкафъ съ кингами, глобусъ и пустой, уже высохшій, акваріумъ, обложенный раковинами и кусками какого-то новдреватаго, сёраго камия. На столикё, передъ раскрытымъ окномъ, стояла лампа. Надъ лампой кружились ночныя бабочки. На диванъ, вся въ бёломъ, съ пунцовой лентой въ черныхъ волосахъ, приманшись въ уголокъ, сидёла Зоя, — сидёла какъ-то съёжившись и поджавнии ножки (точно ей отъ самой себя хотёлось спрататься), и вздрагивала всякій разъ, когда на дворъ слышались шаги или скрипъ калитки.

Въ другой вомнать, на скатерти съ синими разводами, горъля двъ свъчи, стоялъ самоваръ, чайникъ подъ бисерною поврышеою, сливочникъ, сахарияна, сухари и — все, что слъдуетъ.

Клара Петровна, въ новомъ чепцѣ, сндѣла за самоваромъ, то вытирала чашки, то изъ маленьвой шватулки вынимала чайныя ложечки и тоже перетирала ихъ, то дѣлала тартинки, то поглядывала въ окно, и также, замѣтно, была въ невормальнемъ состояніи духа. Ей не върилось, чтобъ Елатомскій — этотъ будущій великій человѣкъ — этотъ будущій, — если не министръ, то ужъ навѣрное губернаторъ, почтитъ ее своимъ посѣщеніемъ. Она сама не знала, желать или не желать ей этого посѣщенія. Она боялась за Зою и въ идеальную честность мужчинъ плохо вѣрила, несмотря на свое знакомство съ разними идеальными героями, перебравшимися въ ся голову изъ равныхъ нѣмецкихъ романовъ, ею когда-то проглоченныхъ.

Но воть раздался звонокъ, пробежала девка, и въ тесную нереднюю вошель Елатомский.

Зоя хотёла-было вскочнть, сдёлала дваженые и опять замерла, пражавшись въ уголку дивана.

Клара Петровна не успёла встать, какъ уже въ комнату вопнелъ Елатомский.

--- Ну ужъ, исваль же я вась, -- заговорниь онъ.---Ценый чась исваль. Ходиль я, ходиль, и въ бувнеце быль, и въ прачешной быль. Встрётные бузнеца, спрашивано: знать не знаю, говорить. Спрашиваю какую-то бабу:---вёдать, говорить, не вёдаю. Кабы не жидъ какой-то съ мёшкомъ, такъ бы и ущель...

--- Ну, хороню, хороню, что такъ! ечень рада. Милости просимъ. Я ужъ и не ждала. Садитесь, гость дорогой... Какъ принамете: въэстаканъ или въ чащву?

«А Зон-то нёть!» --- подумаль про себя Елатонскій.

70

— Такъ это жидъ вамъ указалъ, гдё я живу? скажите пожалуйста! (И при этомъ серебряными, старинными щипчиками на дно стакана опустился кусокъ сахару). Тутъ ихъ не мало, этихъ жидовъ, и удивительно, какъ это знаютъ они гдё ктоживетъ! А съ чёмъ вы любите чай?

— Съ чёмъ! Да вавъ бы это вамъ свазать. Я люблю чай съ бесёдой и съ добрыми людьми, а тартиновъ не дёлайте, я не уважаю ихъ.

-- Какъ это можно не уважать тартиновъ!---не безъ досады проговорила хозяйка.

«А Зон-то нёть!» — продолжаль думать Елатонскій.

--- Что же это Зоя-то нейдеть!-- вдругь спохватилась Клара Петровна.

- Вбрно, ее мамаша не пусваеть, - сказаль Елатонскій.

— Да она здёсь! И ся мамаша всегда отпустить се во мнё, потому что она знаеть меня, Владиміръ Григорьевичъ. — Погодите, я сейчась приведу се. Что это она забилась тамъ — и носу не кажеть!

--- Зоя! пойдемъ чай пить, -- сказала она, входя въ учебную вомнату съ глобусомъ.

— Я не хочу, тётя, спасибо...

- Пойденъ же, Зоя, душа. моя!..

- Ни за что, тётя.

- Кавъ же тебѣ не стыдно?..

— Хоть убейте, я не выйду. Если онъ захочеть меня видить, онъ и самъ сюда придеть. А я, хоть убейте, я умру, а не нойду туда!

- Да что же онъ подумаеть?

- Пусть дунаеть, что хочеть, не пойду. '

Клара Петровна, сконфуженная, воротилась из самовару, ножала илечинами и, видя, что Елатомскій, допивая стананз свой, сдёлался молчаливёе, проговорила, какъ-бы себё подзнось:— ну, что съ ней подёлаешь! И нейдеть, и оть чаю откавывается, и видёть-то васъ явелаеть, и конфувится... Точно дикая... Хоть бы вы попробовали ее позвать сюда?

- Я, пожалуй, посову, - но, можеть бить, она и не же-

- Попробуйте, хоть вы уговорить се. Вийстй бы нанились чаю и побесйдовали бы. Канется, между нами севретовъ ийть... или -- вто васъ знасть!

- Зоя Трофимовна!--- сказаль Елатомскій, черезь переднюю

н узенькій ворридорчикъ входя въ комнату съ глебусомъ. — Что же это вы уединились? Здравствуйте! дайте же хоть руку.

— Зачёмъ? пролепетала Зоя и, не трогаясь съ мёста, не новорачивая головы, протянула руку. Ея холодные пальчики хрустнули въ рукё его. Онъ, какъ ребенка, шаловливо потанулъ ее съ дивана, какъ-бы насилуя ея упрямство, — и во что бы то ни стало желая перетянуть ее въ комнату съ самоваромъ. — Не упрямьтесь же, пойдемте! — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. Онъ понялъ, какой жгучій стыдъ таится въ груди этой миніатюрно-стройной, черноглазой, влюбленной дъвушки. Онъ понялъ, отчего она упрямится, и ему стало жаль ее.

- Такъ не пойдете, ни за что не нойдете?

- Съ однимъ условіемъ, воротите мнѣ письмо мое.

Елатомскій остолбенвль.

--- Ваше письмо? Да его нътъ со мной. Какъ же я вамъ ворочу его?

--- Ну, такъ оставьте меня. Пова я назадъ не получу моего письма, я не могу... мнё тяжело... Ступайте къ Кларе Петровне!

--- Значить, прощайте, -- сказаль взволнованный Елатонскій. Этого письма я вамъ никогда не ворочу. --- Накогда!

— Почему?

Зоя повернула въ нему свою голову и страшио блёдная, темными глазами такъ и впилась въ глаза его.

- Зачёмъ вамъ знать: почему?

- Оно вамъ дорого?

— Да...

Зоя опять отвернулась въ спиней дивана и рукой закрыла.

Это движеніе, этоть быстрый шорохъ ся кисейнаго платья, эта пока — не то гибва, не то грусти, не то отчаянья, минуты на двё, на три сковали языкъ Елатонскаго. Окъ никогда такою не видаль се.

Молча, свлъ онъ на диванъ у ногъ ед и съ притворнымъ равнодушіемъ, машинально сталъ осматривать коннату.

«Чорть возьми!» — подумаль онь, наконець. «Скажу ей всю правду. Въдь не убъеть же она меня за это. Въдь въ письмъ не было са подписи. Миъ же хуже. На конвертъ стоить и мое имя, и моя фамилія».

--- Если я вамъ скажу всю правду, ви на меня не разсердитесь?---началъ онъ, слегка дотронувшись до той руки ся, которая, вытянувшись, лежала неподвижно на неподвижныхъ складкахъ ся бълаго, воздушнаго платьица.

— Не разсержусь, говорите.

И Елатомскій разсказаль ейвсе, какъ было, ка́къ онъ отдаль это письмо на одну только ночь другу своему, Эвиной, и какъ она потеряла его въ купальнъ.

— И ванъ не грѣхъ, Владиміръ Григорьевичъ, мое письмо, мою тайну отдавать въ чужія руки? И отдавать, можеть быть, на посмѣяніе?

И въ голосъ Зон послышались сдержанныя рыданья.

— А вамъ не грѣхъ вашу тайну довѣрять другу вашему Кларѣ Петровнѣ! Если у васъ есть другъ, которому вы вѣрите, который отъ чистаго сердца добра желаетъ вамъ, почему вы воображаете, что я не могу имѣть точно такого же друга! Эвину я знаю около трехъ лѣтъ и все это время зову сестрой своей. Вѣдь не даромъ же я, и многіе изъ насъ, вовуть ее сестрой! Значитъ, заслужила же она чѣмъ-нибудь это названіе. Будь я выюблемъ въ нее или она въ меня, я никогда бы не рѣшился на такую нескромность. Никогда бы...

Въ эту минуту Клара Петровна прошла въ корридорчикъ и стала слушать.

--- Я увѣрена, что вы вноблены въ нее!--свазвла Зоя.--За дверью послышался шорохъ. Она сѣла, вытянулась и спустила ножки.

— Какимъ образомъ вы въ этомъ можете быть увёрены? Вёрьте миё или не вёрьте, но я люблю ее какъ брать, какъ пріятель; люблю ее, какъ очень умную и честную женщину и только! Стало быть...

«Эвая резнивина!» подумала Клара Петровна.

- А что же? - спросила она, входя въ нимъ въ комнату. -Что же вы?.. Такъ-то вы привеля ес?.. Не угодно ли вамъ еще чаю?.. Если хотите, пожалуй, я вамъ и сюда пришлю. Экъ, вы, иолодые людв! - молодые люди! Богъ васъ знаетъ, изъ-са чего вы ссоритесь!

— Напротиль, ны миримен, -- свазаль Елатомский.

Зоя обловотилась на столивь и улыбнулась.

— Ну, такъ я вамъ сюда пришлю, -- сказала, оглядывая яхъ, Клара Петровна.

— Пришлите ужъ и миб, – сказала Зоя.

«Идеть на ладъ!» — подумала Клара Петровна, н, потрахивая Роловой, опять пошла нь самовару.

-- Ахъ, какъ жаль, что печка не топитоя, -- проленетала Зоя, исподлобья, луваво поглядивая на Елатоискаго и ласково улыбаясь.

BECTHERE REPORT

--- Каная печь! Помилуйте, вамъ развё холодно? --- свазялъ Елатонский.

---- Какими судьбами оно у васъ?!--чуть не всериенулъ Елатомскій.

--- А я была въ купальной и нашла его. И такъ мий теперь хочется сжечь его, -- такъ хочется!.. --- Ну, слава Богу, что въ́ нашли. Ухъ! Слава Богу! Точно

--- Ну, слава Богу, что вы нашли. Ухъ! Слава Богу! Точно гора съ илечъ! Я приходилъ въ ужасъ при мысли, что его нашли другіе. Я такъ боялся сплетенъ и за васъ, и за себя. Дайте же миѣ его, оно не ваще.

- Нівть, зачёмь вамь?

- Я на память сберегу его.

«Я и не воображаль, что она такъ кокстинва», подумаль про себя Елатомский: «или ужъ всё онё такия?.. Крёпись, Елатомский!..» И онъ рённяся, во что бы то им стадо, товоря съ ней, взвёшивать слова свои.

— На намять! — помолчавъ, сказала Зея. — Я не хочу на намять. Что вамъ забывать! Я лучше себъ на намять сберегу его. Я — глупая... я любила, и...

И опять въ ея голосѣ задрожали слевы. Она отвернулась. Щека ея, освѣщенная лампой, ярко румянилась. На груди тихо колыхалась пунцовая лента. Елатомскій хотваъ что-то сказать, но горничная нѣмка вошла съ подносомъ.

Зоя отняла свой локоть, передвинула столикъ на середину и сказала:

--- Ставьте сюда свой ставанъ.

Елатомскій взяль стакань и, не отв'ядавь его, сталь разм'яшивать чай серебряной ложечкой. Она взяла чашку и поставила ее на кругленькій столикь.

Нѣмва спросила по-нѣмецви:- Aber den Kringel?

Елатомскій отклявлся, Зоя ввяла машинально цёлыхъ два и сказала: «merci». Нёмка вышла, точно каменная, тяжело ступая по полу.

— Кавая, однаво-жъ, темная ночь! — сказалъ Елатонскій, глядя въ окно.

- Гдё ночь? -- спросила Зоя, и темные глаза ся вопросительно остановились на лицё его.

- — Ка́ез гдв? не безъ удивленія спресиль Елатомскій — н глаза ихъ встрётились.

«Нізть, не стану зувавить, это невыносимо!» подумаль онъ: «невыносимо!»

— Зоя Трофимовна, у меня есть одинъ поровъ, — началь онъ говорить, заложа ногу на ногу: — одинъ недостатовъ. Я не умъю обманывать. Я прямо скажу вамъ, что вы мий нравитесь, т.-е. нании глаза, наше мелое, блёдное личико, ваши черныя восы. Но что же наъ того, что вы мий правитесь! Если бы даже я безумно былъ въ васъ влюбленъ, что же наъ того? Я бёденъ, я еще не началъ ни служить, ни трудиться. У меня иѣтъ ин мѣста, ни опредёленныхъ занятій. Я не знаю даже, годенъ ли а на что-нибудь! Мало того, будь даже я богать, мий еще и 24-хъ лётъ нѣтъ, я жажду свободы, простора, мий еще и 24-хъ лётъ нѣтъ, я жажду свободы, простора, мий еще не знаю, хватитъ ли моего постоянства на два, на тря года. Что же мий дѣлать? Въ правѣ ли я отвёчать вамъ на ваше чувство, если я не могу, не долженъ искать вашей руки?

Зоя оглянулась на дверь и прислушалась.

- Я это знаю. Я сама не хочу замужъ, -- прошептала она, и что-то тамиственное, дивое промелькнуло въ глубнив глазъ ся.

--- Чего же вы хотите?

— Или вы не читали моего письма, или вы его не поняда! Я хочу видёть васъ, слышать васъ! Я хочу, чтобъ хоть разъ въ недёлю вы приходили... чтобъ я могла... Ахъ, Владиміръ Григорьевичъ, я... я сама не знаю, чего хочу! Возьмите меня, пусть ужъ лучше миё отъ васъ погибнуть, чёмъ...

И на ся рёсницахъ показались словы. Вся дрожа и тяжело дыша, она схватилась за чашку съ часиъ и трепетно, какъ больная лихорадкой, поднесла се къ губамъ своимъ.

- Не хочу я, не хочу, чтобъ вы погибли, - сказалъ, склонившись въ ней, Елатомский. - Я хочу, чтобъ вы были счастливы, индая Зоя!

--- Да, если нельзя, если нельзя быть мив счастливой!--упрямо, дернувъ плочикомъ и какъ-бы съ горечью, проговорила дврушка.

Какъ ни старался сдерживать себя Елатомскій, — онъ чувствоваль, что слова этой глупенькой дёвочки начинають горячо пробирать его. Нивегда еще не быль онъ въ такомъ дурацкомъ положении. Мысли его путались; все, что хотёлъ онъ сказать, казалось ему то глупо, то подло, то жестоко, то ужъ слинкомъ нёжно. Задумчиво и молча, глядя на нее, взялъ онъ ее за руку и невольно сталъ пожимать ее. Какъ мертвая лежала въ рукахъ

его эта маленькая, бёленькая ручка, и чёль больше онь молча жаль ее, тёмь все блёднёе и блёднёе становилось ся личико тёмь все темнёе и темнёе становились глаза ся — только оть сосёдства лампы двё яркія точки таниственно мерцали въ нихъ. Вся она какъ-бы преобразилась... застыла — и вь то же время, какъ-бы инстинктивно торжествуя, сознавала, что на бёднаго юношу дёйствуеть она — какъ магнить на желёзо, что, по крайней мёрё, въ эту минуту онъ влюбленъ въ нее — и какъ онъ ни бейся, какъ ни разсуждай, какъ ни борись съ собой, долженъ будеть признаться ей въ своемъ безсилія.

Точно такія же двё ярвія точки загор'ёлись въ глазахъ Елатомскаго, и ся трепетную руку, наклонившись, потянуль онъ въ губамъ своимъ.

Вдругъ, въ передней, раздался звоновъ. Зоя вздрогнула, вскочила и пересъла на стулъ.

Послышались опять тажелые шаги горначной, щелкнула задвижка, и черезъ переднюю, въ комнату съ самоваромъ, кто-то прошель, и, судя по шороху шаговъ, не мужчина, а женщина. — Это мама! — пролепетала Зоя и бросилась вонъ изъ двери.

— Мама! это вы? — услыхалъ Елатомский голосъ Зон уже изъ другой вомнаты.

— Я за тобой. Мы давно уже воротнлись оть всенощной заговорила Въра Георгіевна. — Пождала, пождала я тебя, ну, думаю, върно у Клары Петровны, и пошла... да такая ночь темная! Ужъ хотъла вернуться...

--- Мы вдёсь чай пьемъ... н Елатомскій вдёсь... -- проленетала Зоя.

— Кажется, что дёло на ладъ идетъ! — прошептала своими губками Клара Петровна.

Она была очень рада, что пришла сама В'вра Георгіевна. Ей такъ не хотілось, чтобъ Елатомскій ночью пошелъ провожать благородную дівушку.

«Что это они тамъ шепчутся?» подумалъ Елатомскій, разомъ выпилъ свой простывшій чай, и, двумя пальцами взявшись за блюдечко, самъ понесъ стаканъ свой въ компату, гдъ былъ самоваръ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, повдоровался онъ съ Вёрой Георгіевной. Взглядъ Зон, какъ молнія, скользнулъ по немъ.

- Что делать. И хотёлось ние быть у вась - вы такая

76

добрая, такая милая, Вёра Георгіевна; но мало ли бываеть разныхъ причинъ, которыя мёшають намъ располагать собой такъ, какъ бы котёлось.

«Знасиъ им эту причниу», подумала Клара Петровна.

«Вотъ оно что!» подумала маменька Зон: «не можетъ простить ей-совъстно ему»...

--- Что за причины! --- Причинъ никанихъ нътъ, --- пробормотала она себъ подъ носъ, и, приподнятыми бровами сморщивъ лобивъ свой, --- ласково взглянула на задумавшагося юношу.

Вечеръ этотъ кончился твиъ, что Елатомскій проводилъ до дому и маменьку, и дочку, безъ особенныхъ приключеній. Нелька же назвать приключеніемъ то пожатіе руки, когда, прощаясь у воротъ съ Зоей, ему такъ хотёлось подъ прикрытіемъ ночи поцёловать ее.

«Нѣты» думалъ Елатомский, возвращаясь домой. «Самое лучнее — никогда, никогда мит не встрёчаться съ ней, не видёть ее. Тутъ не Москвой, тутъ какимъ-то востовомъ или югомъ пахнетъ. Какая страсть! Какой характеръ! Погубите мена! — говоритъ. Какова?!»

И не подозрёваль Елатонскій, какой отравой была для этой неонытной, плоко воспитанной дёвушки фраза его: «бракъ — могила любви».

XXXII.

Впечатлительный Елатомскій, долго лежа въ постели, не могъ переварить прожитаго вечера. Что это за особа — эта Клара Петровна? — Почему она такъ явно помогаетъ Зоф? — Какую при этомъ роль играетъ сама маменька? — Не свти ли это? — Неужели Зоя можетъ думать, что онъ рёшится быть ея соблазнителемъ? нли, — вакъ она сама говоритъ, — погубить ее. Но что такое губить?! Воспользоваться ея страстью, овладёть не только ея воображеніемъ, но и всёмъ существомъ еа! Боже мой, какъ это легко! Сто́итъ пожелать. Развѐв въ глазакъ ея не свѣтится этажажда до послёднихъ предѣловъ довести безумную страсть... Или у меня не хватитъ смѣлости! Но нотомъ что? — потомъ? Не противно ли, не больно ли сознавать, что не ради накого-либовысоко-нравственнаго чувства, а просто — ради эгонзма, ради самосохраненія я готовъ бѣжать, готовъ отречься отъ минуты всепрощающаго счастьа? Но что́, если... Тогда? Что́ тогда? вли женись и плыви по теченію, плыви туда, куда грязный потовъ

77

вотникъ квроны.

понесеть тебя. Или плыви противь теченья, и разстанься съ ней съ упревонъ на душѣ, съ тоскою на сердцѣ. Но буду ли я виновать, если не я, если она сама испортить или разобьеть жизнь свою! Если же несчастная страсть ся не найдеть себъ никакого выхода, будеть ли она оть этого счастливбе?! О, какая безвыходность! Что же мнё дёлать? Попробуй-ка я совёта у людей спросить? одни скажуть мий: дуракь, тряпка ты, если ты не воспользуещься случаемъ; случай — это богиня, — говоритъ Гёте. Другіе сважуть: ты будешь мерзавець, негодай, скоть! если воспольвуещься. Нина сказала правду: слушайся сердца-и тогда жертва за жертву. Но готовь ли я собою жертвовать? Да и вакая это жертва съ моей стороны? — Насладиться и удрать при первой возможности! Фу, какая подлость! Такъ, если я не на столько люблю, чтобъ жениться-(т.-е. въ омуть головой броситься) — честно ли, изъ сожалёнія, раскрыть ей свои объятія? А развѣ сожалѣніе-дурное чувство?! Вѣдь и собаву не всегда оттолкнешь, если она дюбить и ласкается. Или это сожалёніе не что иное, какъ недостатокъ твердости.--Неужели я такъ безхарактеренъ? Вонъ, Лермонтовский Печоринъ: безъ всякаго сожалёнія погубнях Белу и безъ всякаго угрызенія совёсти оттолкнуль оть себя влюбденную Мерн. Дорого бы я даль, чтобъ быть Печоринымъ! Но развѣ Печоринъ-идеалъ? Развѣ идеальные люди такъ жалко и такъ безплодно кончають жизнь свою? Господи, какой хаось у меня въ головъ, какой хаось у меня въ сердцъ! Помогите мнъ, силы небесныя!

И дъйствительно, несмотря на врожденную способность анализировать свои чувства и свои поступки, у него въ душъ былъ каосъ, и тъ мысли его, которыя мы привели сейчасъ, далеко не въ такой послёдовательности слагались въ его головъ. Все било отрывочно. Онъ—то поддавался соблазну, то взывалъ въ небеснымъ силамъ и самъ не зналъ, какія это силы, отъ которыхъ онъ требуеть себѣ помощи.

Заврывши голову простыней, онъ и не слыхалъ, вакъ вернулся его сожитель, и тольво тогда поднялъ голову, когда Бавинъ, подойдя къ двери, спросилъ:

— Ты спишь, Елатомскій?

- Нѣтъ, не сплю, свазалъ онъ. Войди, Адріанъ, я зажгу свѣчу, у меня безсонница.

Бавинъ свлъ на его постель.

- Ты оть Нины?-спросиль Елатонсвій.

— Да, ей теперь легче. Довторъ говоритъ, что если завтра будеть хорошая погода, она можеть выдти.

78

денневий городъ.

--- Скажи, Бавинз...-началъ-было Елатомский, но оставовился.

Бавянъ поглядёлъ на него подозрительно. Онъ не желалъ инкакихъ разспросовъ, и, чтобъ не отвёчать пріятелю, въ свою очередь спросилъ его:

- Гдѣ ты будешь жить, и какъ ты будешь жить, когда я уѣду?

- А своро ты убденнь?

- Я убъжаю на той недблё. Сперва въ Мосвву, потомъ въ деревню.

— А Нива?

- Г-м! Нина ёдеть со мной. Я провожаю ее до Москвы, такъ она хочеть навёстить дётей своихъ... Но не въ этомъ дело. Мнё тебя жаль, съ чёмъ ты останешься? У тебя ни коиёйки. Эвина хочеть предложить тебе, — я, съ своей стороны, также...

— Не нужно. Завтра или послё-завтра я расплачусь съ тобой за столь и за ввартиру, а потомъ найму себё какой-нибудь уголь и буду жить; видишь, — я же теперь богать, получиль сто рублёвъ. Хочешь, займи у меня рублей двадцать-пять на дорогу.

--- Ну, на долго ли хватить тебё сто рублей? И, къ тому же, сообразн, въ правё ли я брать съ тебя за обёдъ, когда ты дома обёдаль чуть ли не разъ въ недёлю, и развё не лишнюю комнату въ моей квартирё я предложнять тебё. За какого же интересана ты меня считаещь?

— Договоръ паче денегъ, — настойчиво отвѣтилъ Елагомский. — Пожалуйста, не лишай меня сна и не лишай анпетита. Мнъ и бевъ того больно, что въ Одессв я останусь бевъ васъ, хотъ мы н не были другъ съ другомъ откровенны, хоть душа твоя и была для меня — потемки, но я все-таки и тебя любилъ, и Нину любилъ. Особливо жаль мнъ разстаться съ Ниной. Несмотря на всё ся недостатки, она предобрая и пресимпатичная женщина.

-- Кавіе же, по-твоему, у ней недостатве? -- спросыль его Бавинь не безь нёкотораго удивленья.

— И у солнца есть пятна, — отвѣчалъ Елетомскій.

- Я это знаю, что и у солнца пятна... но все-таки я желаю знать, какіе ты видишь въ ней недостатви?

Уже по одному голосу Бавина можно было догадаться, что Бавнить находится въ настроеніи видіть въ Нинії одни только совершенства, и что ни о какихъ недостаткахъ ся и різчи быть не можеть. И все-таки надо было отвізчать ему, такъ какъ молчаніе вли уклончивый отвіть ногли бы еще боліє раздражить его.

- Если ты знаешь, что и солнце не безъ пятенъ, то и сестра наша не безъ слабостей. Во-первыхъ, она немного, не то, что сустна очень, а славолюбива и непослёдовательна, вооружается противь барства, а сама подъ-чась такая барыня, что на, поди! Во-вторыхъ, иногда мий казалось, что фразы, которыя она произносить, отзываются болёе книгой, чёмъ дёйствительной жизнью, мыслыю болёе заемной, чёмъ прочувствованной.

- Г-и!-промычалъ Бавинъ и потупился.

Слова Елатомскаго, на этоть разъ, выслушаль онъ съ особеннымъ вниманіемъ, и, повидимому, на Бавина они произвели висчатлёніе, но какое именно, трудно было рёшить, судя по лицу его. Онъ сидблъ, надувши губы и слегка покачиваясь, точно самого себя убаювнваль.

- Впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, - изъ деликатности, номолчавь, добавниь Елатомскій-н, за ненивніемь сигарь, свернувъ папироску, закурнить се.

— Ну, прощай, — сказалъ Бавянъ, — я ившаю тебв спать. — Нисколько! ты видишь, я курю! Эхъ, Бавинъ! твоя молодость впереди, а я начинаю разсуждать, — плохо дъло! Въ жизни, въ истинной жизни, пъть вопросовъ и нъть отвётовъ. Каждый мигь настоящаго, каковь бы онь ни быль, приносить ли онъ блаженство или страданіе, дороже милліона въковъ прошедшихъ и милліона ввковъ будущихъ.

— Человъкъ такъ жить не можетъ, — отвътилъ Бавинъ, продолжая повачиваться. — Для него важдый мигь настоящаго есть все прошлое природы и все ся будущее. Та жизнь въчнаго настоящаго, о которой ты говоришь, есть живнь природы, но не человъва. Природа но знасть своего назначеныя, - человъвъ внаеть.

«Много онъ внаеть!» подумалъ Елатомский. Баванъ шустился въ философскія отвлеченности; а онъ дорого бы далъ, если бы вто-нибудь, въ эту минуту, рёшилъ ему простой, жизненный вопросъ: долженъ онъ или не долженъ отдаться своему влеченію къ дввушкв, которая такъ пленяеть его въ мимолетномъ ореолё своей девственной страсти, тогда какъ ореолъ этотъ, яркій и охватывающій тепломъ его сердце, можеть погаснуть при первомъ къ ней прикосновения?

- Все это такъ, - прерватъ онъ разсужденія Бавина, - но знаешь ли ты, что у тебя на стол'в два письма, и усп'ешь ли ты сегодня прочитать ихъ.

--- Два письма!--- удивнася Бавинъ.---Не зналъ. Что же это Аксёнъ не сказалъ мив ни слова. Прощай, Елатомскій, покойной ночи.

— Покойной ночи, Бавинъ!

Бавинъ зажегъ свёчу и у себя на столё нашелъ письма. Это были давно ожидаемыя письма отъ брата Ивана и сестры ето Анны.

Онъ легъ, и полёстивъ подсвёчнинь между плеченъ своимъ и задкомъ дивана, принялся читать.

Письма были длинны, страшно длинны; брать благословляль его на любовь, — доказываль, что любовь безъ взаимности — то же, что пустоцвёть, и совётоваль ему сойтись съ Ниной и смотрёть на нее, какъ на законную, Богомъ данную подругу жизни. Сестра писала, что она заочно въ восторгё отъ сестры Нины, что она жаждетъ ее видёть, что она будетъ счастлива, если Нина позволить ей писать къ ней, или сама въ ней напишетъ. Оба звали его и ее на вакацію въ деревню и писали, что будуть съ нетеритеніемъ ожидать ихъ обоихъ.

Бавинъ, прочтя эти письма, потушилъ свёчу, и душевно быть радъ, что тамъ, вдали, ему сочувствуютъ; только удивился, ночему братъ какъ-будто измёнилъ себё: цёлыхъ двё страницы написалъ противъ платонической любви, называя ее безсильными нетугами трусливаго, далево несрёлаго, немужественнато чувства. Само собой разумёется, что онъ доказываль это изречениемъ Гегеля, что любовъ — это тождество соли двухъ, возможное только между мужчивото и женщиной.

Въ концъ письма приписано, — деньги 400 рублей будуть высланы съ слёдующей ночтой.

Гегелизмъ и жорежидизмъ, такимъ образомъ, подавали другъ другу руку; кръпостное право, получавшее оброки, благослоиле ихъ, — и Бакинъ заснулъ съ болёе 'спокойною совёстью.

008600

Я. Полонский.

Тонъ П.-Марть, 1879.

поццо ди борго

T

РАНЦІЯ

НАЧАЛО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТЕ XIX-го вела.

I.

Нанолеона не было болбе на европейской ночей, признабніе всемірной монархін исчезло; государства разобрались на первый разь, какъ могли, въ развалинахъ, оставшихся послё французской революціи и имперіи, и опять выступным насущным заботы ихъ политики: не дать одному усилиться насчеть другихъ, нарушить равновёсіе; каждое значительное государство хлонотало о томъ, чтобы не потерять прежняго значения, а усилить его. Предметомъ опасенія, вависти, вражды для нёвоторыхъ государствъ стала теперь Россія. Еще при Наполеонъ въ Вънъ ставился вопросъ, --- вто опаснѣе для Австріи: Наполеонъ или Александрь?---и, поставивши этоть вопросъ, естественно пришли къ мысли, что для спасенія Австрів, для поддержанія ся вначенія, необходимо поддерживать равновёсіе между ними, что такая посредничествующая деятельность дасть Австрін важную роль, сдёляеть ее центромъ европейской политической жизни. Жестово обманулись въ разсчетахъ, и тёмъ болёе безпоконлись и сердились, боязливо озираясь на всё стороны, особенно на больное мёсто Европы, на Балканскій полуостровь. Русскому государю,

тякному дёктелю, полному представителю новой, послё-нанацеоновской эпохи, эпохи улаживанія, примиренія, недопусканія нарява берющинся алементовъ, —русскому государю надобно бяло соверниять частые и трудные ноходи въ разныя сторони Европы, только походы не военные, а, по характеру времени, дипломатическіе; виёсто именъ мёстностей, гдё недавно происходили великія битны, рішавшія участь наредовъ, устами всёхъ повторинись имена мѣстностей, гдё происходили съёвды государей и дипленатовъ, гдё также рішались судьбы народовъ. Но русскому государю, при его новой, всеевропейской діятельности, нужны были достойные помощники, дипломатическіе маршалы, воторые должны были занимать отдёльные посты. Мы займенся діятельностью одного изъ нихъ, занимавшаго самый важный, самый трудный пость--въ Парижѣ, діятельностью знаменитаго Поцце ди Борго, ворсиванца, родового врага Бонапартовъ, страстно предавшагоси служенію новой эпохи и ся представителю, Алевсандру І-му, сокрушителю предшествовавшей, ненавистной наполеоновской энохи.

При явной враждебности, явномъ соперничестве Австріи; ири нерасположенін Англів, которая съ трудомъ, только до норы до времени, сносила могущественное вліяніе Россіи на европейскія дёла и при первомъ случаё готова была соединиться противь нея съ Австріею; при нерышительномъ положенія Пруссів, которая, еще не отдохнувши оть недавняго прошедшаго, находилась вы навомъ-то тажеломъ раздумън относительно своего. будундаго, своихъ натересовъ, - Россін необходимо было имъть на своей сторонв Францію, хотя и побвиденную соединенными усиліяни Европы, но могущественную своими средствани, которыя возстановлялись въ ней чрезвычайно быстро. Въ прогивоположность странной, чтобя не сказать больше, мысли Меттеринханоддержать европейское равновёсіе сохраненіскъ на французскомъ престоя Наволеона, въ политикъ Александра I-го мы занъчаенъ явное стремление, свергнувши Наполеона, поддержать Францію въ ся до-революціонныхъ границахъ, и въ ней создать противовись Австрін и Англін. Цёль была достигнута, и положение Францін во время стольновенія Россій съ Австрією и Англень по поводу восточнаго вопроса, въ послъдніе годи царствованія Александра І-го и въ первые годы царствованія его преемника, обезпечение свободы дийствия для России со стороны Францін, и, наобороть, стёсненіе для державь, Россів враждебныхь, вполнё оправдали полатику Алевсандра І-го. Но для поддержа-нія вначенія Франціи, для поддержанія возможности для нея

едерживать Австрію и Англію, необходамо было внутренное сиюкойствіе въ ней самой, прекращеніе или, по крайней м'брё, сдерживаніе революціоннаго движенія, примиреніе старой Франціи съ новою, утвержденіе старой бурбонской династін на новыятьначалахъ хартін Людевика XVIII. Легно понять, какъ Алевсандръ І-й долженъ былъ желать этого для прочности и польен союза двухъ державъ, какъ и преемникъ его, императоръ Нинолай, долженъ былъ обезноковться, узнакъ о наитренія короля. Карла X.- нарушить существующій порядовъ, что могло вобудить революціонное движеніе, создать страшныя онасности даяь данастія.

Изъ сказаннаго ясно значеніе діятельности Понцо ди Борго, ясно всторическое значеніе его свядітельствъ о внутреннемъ состоянія Франція, котораго овъ былъ такимъ внимательнымъ и проницательнымъ наблюдателемъ. Въ Россія оканчивалось знаменитое во всемірно-историческомъ смисят царствованіе Алеисандра І-го, во Франція начиналось печальное царствованіе Карла X-го¹). Восточный вопрось, враждебное положеніе, принятое по его новоду Австрією и Англією противъ Рессія, хотя австрійскій канцлеръ Меттернихъ и англійскій миняотръ Каннингъи порознились въ средствахъ вредать ей, — должны были усалить стараніе Поццо поддержать союзъ между Россією и Францією.-Отъ 16-го декабря 1824 года онъ писаль:

«Я желаль имёть разговорь съ королемь. Я уже постарался внушить ему, чтобъ онъ остерегалея намёреній Каннинга, и получиль успоконтельные отвёты; однаво, я чувствоваль, что разговорь болёе формальный новедеть къ болёе полезному результату. Я обдумываль, какой бы предлогь къ испрошенію свиданія съ королемъ могъ всего межьше возбудить вниманіе иностранцевъ и безпокойство г. Виллеля, какъ вдругъ его величество самъ, такъ-сказать, представные мий удобный случай, приславши мит письмо къ императору, по новоду несчастій, постигшихъ его столицу ²). Я воспользовался этимъ, чтобъ явиться поблагодарить короля, а потомъ и начать разговоръ о главномъ дёлё. Я обратилъ вниманіе его величества на то, что вступленіе г. Каннинга въ министерство было началомъ смуты въ европейской снотемѣ и гробитъ стать началомъ революція; что этотъ министръ, желавшій поддержанія мятена.

¹) Такъ какъ преднаущая двательность Поццо ди Борго и его отзыви о состояния Франція при Людовите XVIII веложени нами въ книги: "Императоръ Александръ I-й", то здесь ми начинаемъ изложеніе съ конца 1824 года.

^{»)} Здесь разумеется наводнение въ Петербурге.

въ Испанія и признанія его въ Америкъ, угрожавной Францін, приниваний на нее из парламенть всевозможных бидствія, тепорь вадумаль свонии коварными внушениями увлекать се на погибельний нуть. Его иланъ состонть въ томъ, чтобы уничтожить характеръ реставрація, вовлекая династію и правительство, ко-торыхъ воестановленіе и сохраненіе неразлучны съ принципами оконности, въ систему возмущения, обманчивой мриманною участи во всемірной торговяв, которую Англія присвоила себв почти исключительно и не хочеть ни съ къкъ раздълить. Въ этонъ союзъ съ Англією Франція потеряеть свои настоящія опоры безе эсянаго равносильнаго вознагражденія, будеть покинута сво-ини союзниками и найдется въ противор'єчія съ устроительными принципани своего политического существования. Франція в Англія нивогда не достигнуть соглашенія своихъ интересовь посредствоить системы, исключающей другія государства, чему въ при-ивръ я привелъ ихъ положеніе относительно Испаніи. Франція обязана охранять католическаго короля своимъ войскомъ, тогда накъ Англія ведеть съ немъ потайную, но положительную войну, чтобъ обезпононть его въ Европё и отнять у него американскія внадёнія. Послё этихъ замёчаній я приступилъ въ восточному опросу и просиль короля обратить вииманіе на то, что между благодізніями, оказанными Европів мудрою политикою и веливодущіемъ его величества императора, самое видное состоять въ сохрашения мира въ виду восточныхъ смуть. Франція имъла нужду въ этомъ мира и въ счастію, воспользовалась имъ болве, чёнь какая-либо другая держава, вбо въ это время она установила поролевскую власть, увеличила общественное благосостояние и разсівля остатки революція; если теперь она предпринимаеть гронадившиную онерацію, вознагражденіе эмигрантань, то можеть надваться успёть въ этомъ предприяти единственно при условия мира и чувства бевопасности, которое всёмъ благонамёреннымъ внушается союсонъ ся съ вонтинентальною Евроною. Его императорское величество предложнять усповонть Востовъ дружествен-нымъ визнительствомъ и всёми тёми средствами, какія мудроств празительствь признаеть нужними для достиженія этой цёли. Если Англія хочеть отвазать въ своемъ содбйствія этому спасятельному дѣлу, Франція, виѣсто того, чтобъ слѣдовать ся при-нѣру, должна вести себя діаметрально противоположно. — Король инѣ свазалъ, что и прежде, когда былъ принценъ, онъ видѣлъ, и теперь, ставник государемъ, видить спасеніе Франція в Европы въ принципакъ и въ поддержания селоза; жалботь объ удаления язь него Англін, нбо ея рявнодушіе или ся претиводъйствіе уве-

85

личныеть затрудненія и усложняеть полошеніе дёль; по это неудобство должно еще болёе закрёпнть нашть союзь на континентё. Я не хочу скрывать оть себя затрудненій, вакія союзинки могуть встрётить со стороны турокь, также кань и со стороны гревовь; но общій интересь преднисываеть испытать все, чтобъ заставить ихъ принять мудрыя и великодушным нредложенія вашего государя. Графь Лаферроне отправится немедление въ Петербургь, снабженный соотвёнствующими инструкціями, съ полномочіемъ принять участіе въ конференціямъ и во всемъ, что привнано будеть нужнымъ для достижения такой спасительной цёли. Король прибавиль, что знаеть всё благодёянія, еказанныя императоромъ міру въ прошломъ, и что его долёріе къ будущему бевпредёльно; что съ своей стороны онъ будеть содійствовать общему благу, управляя Франціею съ возможнымъ правосудіемъ и мудростію и оставаясь въ неразрывной связи съ нолитическою федераціей, составляющею источникъ нанией силы и гарантію нашего общаго благосостовнія».

Король въ своихъ рёчахъ даваль обезпечение; но было ли обезпечено ноложение самого вороля? Карль Х, будучи насл'яинномъ престола, стоялъ во главе ультрароялистской партіи, что, разумбется, раздражало протных него другія партін; но во время вступленія его на престоль его партія была торжествующею: революціонныя движенія были подавлены или, лучше снавать, нражаты, всюду въ Европъ в во Франція; счастливый ноходъ францувовъ въ Испанію, освѣтявшій военною славою армію Бурбоновъ и вождя ся герцога Ангуленскаго, теперь насябдника престола, произвелъ сильное впечатлёніе на воинственный народъ: одень наь главныхь упревовь Вурбонань --- потеря военной чести--должень быль исчезнуть; армія считалась тенерь привланною нь бурбонскимъ знаменамъ; либерали были представлени въ налатъ депутатовъ саминъ слабниъ меньшинствоме; совнавая свою слабость, либеральная партія должна била ограничиться тольно оборонительною борьбою. Таникъ образенъ, Карлъ X находился въ положении гораздо выгодиййненъ, члиъ его предноственникъ; онъ могъ воспользоваться имъ для утверждения династии, постуная умёренно, отказавшись оть значеныя главы партия; но это было для него врайне трудно: ему было уже 67 лёть, онь окрана въ своихъ выглядахъ, вращаясь постоянно въ узкоиъ вругу невалённых приверженцевъ старато порядка, онъ не хотёлъ намённъ эсону своему прошедшему, нажёнать началамъ, воторыхъ онъ былъ ежечаснымъ провозгласивеленъ, наятинить нредь лицонь людей, бывшихь синдителени этихь провозулание-

ній. Все, что онь ногъ сділать, это не приринаться пруго за дило съ санаго начала, выжидать удобнаго времени, приготов-инъ расноложение умонь, пріобрётать популярность, для чего онъ имъкъ средства въ своенъ привлекательномъ и національ-номъ характеръ, въ своей любекности. Карлъ Х въ первые дни по воснестви на простоль обворожние всяхь своею любезностью; были приняти мары в подействительные любезностей: были вновь отвраты нёвоторыя шволы, запертыя въ предшествовавшее время, BOREACTRIC GESHODELEOVS; HO CAMOE CHILHOE BUEVATIERIE GUINO HDOниедено воестановлениемъ свободы печати. Выражениямъ общественнаго восторга не било предбла. Ждали послёдняго, рёше-TRABHATO ABBCTRIA HORATO ROPOLA, BE ROTODOME ON OHE SAABMATE, что разстается совершенно съ своимъ пропледнимъ, ждали шереийны ультра-роялистскаго ининстерства Виллеля, и потому освобожденная цетать разных оттенковь, начавши свои обнувне сноры, въ нападвахъ своихъ обращалась только противъ министровъ, продолжая расточать воролю восторженныя похвалы, за-BEDAN, TTO BCE UMPTIN XOTATE MOHADXIN DORS SNAMCHOME XADTIN, но для примиренія необходимо исчезновеніе министерства. Министерсию не исчезало; восторгъ начиналъ охлаждаться, а туть неныя причины из охлащдению. Умираеть любиный актерь --церновь отваемвается его хоронить; отваемвають въ похорональ но обвинению въ яксениямъ, даже галликанизмъ. Родителя моложихъ людей, записавшихся вандидатами для поступления въ политехническую школу, требуются въ полицію, гдё кхъ разспраниявають насчеть ихъ убъждений, полничеснихъ и религіозныхъ; у знаменитаго 62-лістиго геометра Леландра отнали ненсію за то, что на выборахъ въ анадемін онъ подаль голось противь кандидата конгрегація ¹). Сильное раздраженіе прожвело увольнене въ отогавку очень многихъ генераловъ старой императорской ариін, чтобъ дать ихъ мёста молодымъ офицерамъ. Съ этихъ поръ въ либеральныхъ газетахъ замоляли хвалебные гимны . HODOJED.

Мы видіан, что на своемъ разговорів съ королемъ Поцце упомянуль о громаднійнией операція денежнаго вознагражденія энигрантамъ; эта мёра должна была окончательно примирить старую Францію съ новою; но икъ неприкиримость обнаружилась это споракъ по этому вопросу. Вийсто того, чтобы смотрівть на компагражденіе, какъ на примирительное средство, люди старой Франція старались выхтавить его накъ вынужденное вознагражденіе

¹⁾ О конпревлие см. ною книру: "Инпереворъ Аленсандра I-й", свр. 582.

за воровство, соверщенное государствокъ и людьки, пріобрётшини оть него нь собственность эмигрантскія имёнія. Эво странно взволновало людей невой Францін: они вооружились противъ. мёры, врайне для нихъ осворбительной, и начали утверждать, что эмигранты не стоять вознагражденія, ноо то, чёмь они хвастаются, — не заслуга, а преступление: Они повенули главу монархия. вотораго обязани быле защещать; его жезнь, консчно, была бы спасена, еслибь вирине слуги остались оноло него, а они, вийсто того, обрателись въ Европъ, признвая се на раздълъ своей родины. Нападая на эмигрантовъ, старались выставить заслугу тёхъ, воторые оставались непричастными крайностямъ революціи и которые теперь должны были платить въ польку эмигрантовь. Говорили: пусть эмигранты хвалятся своей эмиграціей; но тв, которые не покинули отечества въ его бедахъ и его борьбахъ, которые сокрушили крамолы внутреннія и побороли враговъ виблинихъ, ть не расположены уступать другныть заслугу своихъ педвиговъ и страданій! За эмигрантовъ говорили также искусные орагоры. Они пользовались твить, что повойный и наскоащій король были эмигрантами, пользовались недавнимь событехь, производившимь такой восторгь въ народё, походомъ въ Испанію - для поддержанія вороля протных революция, причемъ часть испанцевь присоединилась въ французскому войску, не подвергаясь за эго никакимъ нареканіянь. «Что было защищать экигрантань? -- спрашивали ораторы:---отечество? но тогда провеноснин имя отечества, раздирая его внутренности. Отечество въ религия? — и алтари были разрушены. Отечество на ступеняхъ трона? - но в самыя разваляния трона были разсвяны. Отечество въ королъ?--онъ исчезъ въ бурв. Оречество въ учрежденіяхъ, законахъ?-но тогда не было инчего тавого, вроит тюремъ и эшефотовъ. Если Людовикъ XVIII былъ пресиннкомъ Бонапарта, точно такъ, какъ последний былъ пресиникомъ революція, то какое право у эмигрантовъ требовать воз-• награжденія? Ясно, что революція, которая отнала у вихъ им'внія, не должна имъ ничего. Но если Людовикъ XVIII, восходя на престолъ предковъ, возвратилъ себъ фанильное наслъдіе, если она получиль снова престоль по собственному праву, на основанія своей легитимности, то каждый эмигранть можеть выстарлять то же право. Законность, право не можеть быть нарушено одно: при своемъ нарушение оно водеблеть вся други. Ясно, слёдовательно, что вогда король возвращить себе простяль намъ наслёдіе своей фамилія, эмигранты не могли счетаться ваконнолишенными своихъ имуществъ декретами законодательнаю собранія или конвента. Неоспоримо, что, въ минуту прибити пороля во

Францію, эмигранты были единственным законными обладатеими своихъ земень; слёдовательно, надобно со времени реставрація ститать ихъ законное ограбленіе». Нёкогорие требовали, чтобы имёнія были везеращены эмигрантамъ, а воянагражденіе биле назначено пріобрётнымъ ихъ оть казны. Конфиснованныя у эмигрантель имѣмія названы были прихо воровскими. Люди новой Франція отвёчали, что почти всё эмигранты воспользовались аминстіею перваго консула, дали присяту не предпринииять инчего протикъ поваго правительства и наполнили дворцы новало владыки Франція, въ ченъ инсколько не выравняся гереннъть кёрности. Правда, они говорили, что король это имъ неволилъ, что они стали служить Бонапарту въ надеждё служить при этомъ законной династіи, т.-е. принося присягу Напонеену, имѣли въ виду ег нарушеніе. Если би нужно было вознаго настоящую зёрность, то для этого не много нужно биле бы денетъ.

Законъ промель; но онъ разжеть страсти, выставные старую и новую Францію другъ противъ друга въ боевонъ порядай, встревожнить тёхъ, которые хотёли примиренія, встревожнать консервативный классъ землевладёльцевъ, ноторые увидали, что эмигранты не успоконтся до тёхъ норъ, пока не возпратять своихъ старыхъ земель въ натурё, и стали поговаривать объ образованія обществъ взаимнаго обезначения между пріобрётателями національнихъ земель. Ультра-роялисты видёли въ внаменитонъ милліардѣ вознаграждение далево не полное, а либералы, раздраженные нарламентсиою битвою, смотрёли на него, какъ на оскорбленіе народному больнинству, и опловидіонная печать стала употреблять этоть милліардъ орудіёнъ для нодналыванія реставрація.

Но это было еще только начало; взрывь не могь еще послёдовать. Оть 2 марта 1825 г., Поццо такь описываеть состояние Франція:

«Потребность покоя продолжаеть становиться прикнчкою ночти для всёхъ французовъ. Чувство благосостоянія и упражненія въ свободё, приложенное ко всёмъ обстоятельствамъ грамданской жизня, производить въ каждомъ довольство индивидуальнымъ положеніемъ, въ какомъ онъ темерь находится. Поставлежное на эту почву, министерство иля, лучне сказать, г. Вяллель будеть тутъ манеривовать по своимъ умственнымъ средстванъ, которыя очень значительны, и но своему характеру, который иредствявляеть много недостатконъ. Находись среди благошріятныхи обстоятельствъ и ставние необходимымъ министромъ въ томъ узконъ которыя, наъ которы хочетъ и ститееть себя обязаннымъ

нэбирить агентовь своей власти, онв употребляеть во здо эки выгоды и, не компрометтируя пранятельство непосредственно, онь часто заставляеть его нати по вревой и трудной дорогв. Его господствующая идея --- сосредоютнуь все въ своей особъ, те давая управляемому них имнистерству финансовъ чрезвичайно общирный кругь дёйствія, то употребляя надь другими министерствами властелинский надворъ, что онъ можеть далать бесе всявой ибры, вслёдствів довёрія вороля и ограниченности остальныхъ министровъ. Эта жадность въ власти высказывается из ежедневныхъ дъйствінхъ правительства, равно въ проектахъ завоновь, представляеныхъ палатанъ. Страсть Виллеля все делать самому, не спранивая ни у кого мнёнія, дёлаеть то, что его проекты являются неполными и часто подверголотся неотразимымъ воераженіямъ. Принужденный тогда бороться въ положенія невигодномъ, онъ раздражается, вийсто того, чтобъ уступить, виадаеть въ противоръчія и, будучи преслёдуемъ своини противниками, онъ выставляеть противъ нихъ фаланту депутатовъ, поторыхь онь назвачнит, и всегда торжествуеть посредствоить матеріальнаго большинства надь превосходствонь нравственнымъ, воторое часто противъ него. Злоупотребленіе покорностію палати, что публика называеть рабствомъ или подвупомъ, сильно поволебало уваженіе къ палать у народа». Виллель, по мивнію Поццо, испортиль діло о вознатражде-

нів эмпгрантовъ. «Поспёвіность, съ вакою составленть биль завонъ, неполнота собранныхъ фавтовъ, и постоянная нъль министра сдёлать взъ этого вознаграждения средство, завысящее большею частно оть его личнаго расположения и вліяния, была причнеою неудовлетворительности его работы. Его противники и другіе благонамбренные люди хотёли внести въ проевть закона. исправления; но министръ противился этому и почти всегда съ усибхомъ, такъ что эта великая ибра въ настоящее вреня боябе рездражаеть уми, чёмъ примирнеть ихъ, и если Виллель ожидвоть оть нея успления своей власти, то очевидно, что это усиленіе провобдеть на счеть уваженія вь нему. Виллель считаеть себя, и по праву, необходимымъ министромъ, по прайней м'връ на пять лить, которыя должны истечь прежде всеобщаго неревэбранія депутатовъ. Что васвется палаты перовъ, то воронація вородя представить случай къ новымъ наспачениять и во введению вь нее лиць, которыхъ министрь выбереть между довиренним людьми. Король смотрить на эту переневчину съ удоваль-ствіенть, будучи уб'якденть, тто между любиними людьми онгь не можеть найти никото способнёе Виллеля управлить дёлами що-

90

неркін; ининстръ обладаєть въ высілей столени искусствоить держать породя въ этонъ убъждения, особенно искусствонъ никакъ не сталкиваться съ его общини и любиными иделии. Есть иогуне сталянияться съ его общение и любимыми вдеяни. Есть мону-нество, которое нервенствующёй министръ обиванъ щадать, и ко-торому онъ уступаеть почти всегда, это — ногущество духовенсива. Французская цервевь, образованная послё революціонныхъ пре-слёдованій, должна отличаться ревностію, которая воспламеняетъ всякое религіозное общество; рождающееся или возстановленное. Члены си сохраняють очень мало сноменій съ фамиліями, нев-которыхъ вынал. Происходя вообще изъ низникъ влассовь общества, они не им'яють другого вначенія, пром'я пріобр'ятеннаго оть духовнаго званія, и потому часто очень нескромно стараются вы-ставнть это значеніе. Что въ глазахъ безпристрастникъ людей должно повести когда-нибудь въ нечальнымъ. послёдствіянъ, такъ это орденъ ісзунтовъ. Попросительствуемые тайно короленъ, ультра-реализмонъ и вообще духовенствонъ, которое спотрить на нихъ какъ на совенниевъ, језунты распространнютъ свон развътменія повсюду и обравують родственныя общества подъ вмененъ свътскихъ воадъюторовъ или конгрегандистовъ, набирая членовъ вь самыхъ знатныхъ фамиліяхъ и среди чиновниковь оть первихъ до нослёднихъ влассовъ. Самъ Виллель принужденъ держать нодий себя навистнаго Ренвиля въ качестви тайнаго севретаря, сорётоваться съ нимъ относительно назначения на мёста, удовлетворять требованіянь ісвунтовь и подчиняться церковному вліянію, подъ условіснь получать поддержку и оть нихь въ свою очередь. Такое ноложеніе діль не успользнуло отъ охотниковь до хоро-никь ийсть, искатоли должностей лицентрать, что приводить въ отчание людей, нежельющихъ подчинаться новой севте, о которой въ нублики говорять съ насибшкою и превриненъ».

Императоръ Николай I-й, по веспестнія своемъ на престоль, приказаль Пощцо представить инйніе о токъ, какія послёдствія нолеть нийть перем'яна царствованія въ Россіи на политику тольсрійскаго набинета въ главныхъ вопросахъ, стоявшихъ тогда на очереди. Оквётомъ служно зам'ячательное письмо Поццо къ гр. Нессельроде, отъ 21 январи 1826 года. Эдёсь знаменичий дипломать осязательно представнать колитику Англія, политику интересовъ, а не доктринъ. Когда діло писо о прекращения гвальявснихъ революцій, когда діло писо о прекращения изъ адёсь австрійскіх насдіни, австрійское вліяніе, она согланамесь на мізры колинентальныхъ державъ, била въ нихъ даже участницею. Но могда діло пошно о пресічения революція на Испанія, Англія повела себя совернонно иначе: революція на

Пирелейскомъ полуостровё должна была упрочнть независиместь испанскихъ волоній въ Америкъ, и такъ накъ въ этомъ заключалясь цёль англійской полятики, то лондонскій кабинать старался только объ одножъ, какъ би ся достигнуть, то примо подлеожневая революцію, то препятствун другных бороться съ нево. Несмотря на всё усялія, угровн и интриги англійскаго министерства, Франція, по соглашению съ вовтивентальными союзнивами, внесла войну въ Испанію, в революція была изгнана изъ лослёдняго убёжища. Англія непосредственно признала се въ Америкъ; союзняки ослановились предъ затрудненіями и предоставили Новый Мірь возмущению. Съ другой сторовы, сопротивление грековъ обнанивало разсчети в'янскаго двора, которий, съ году на годъ, все ждалъ, что война будетъ повончена турецкою сяблею. Миниое вымогательство союзнивовь было тольно хитростию для удовлетворенія по форм'в заботливости русскаго двора, который хотёль вончить эту борьбу средствани соглашения. Такое великое различіе въ видать в'вискаго и русскаго дворовь д'влало безнолеанымъ всё предложения дивану, и это великое дёло до сназ порь находится въ положения невёрномъ и нерёшительномъ. Переходя въ другнить предметамъ, обращавниять на себя вниманіе европейскихъ кабинетовъ, Поццо говорить: «Первый предметь состоять въ сохранения общественныго порядка противъ идей и двиствій революціонныхъ. Въ этомъ отношенія ны вств вивенъ однавія обязанности и однавкіе интересы. Министръ, управляющій англійскимъ набинетомъ (Канненгъ) одинъ только предоставляеть себё пагубную свободу смотрать на возмущения со стороны собственныхъ удобствъ; это-великое несчастие и даже веливая опасность; но туть континентальная Европа отделяется отъ него и руководится общимъ интерессить; въ этомъ случай им довольно сильны для самосохраненія. Въ двлё Испаніи и ея колоній нечего ділать: русскій вабинсть можеть продолжать овазывать ей свое расположение, давать доказательства принимаемате ниъ участія въ ней, не компрометтируя себя и не принимая обязалельствь, которыхъ нельзя исполнить. Относительно Португалія надобно задать, ибо пензвёстно, что туте замишляють Англія и Австрія. Въ Ихалін государства воорого разрида обращаются из Россия за покровниельствомъ: въ няъ дёла нужно вибниваться только тогда, когда это совершению необходино. Въ таконъ же ноложения находятся государства германския: неблагоразумие виблиналься въ ихъ смедневныя двла; но политика и слава. требують поддержанія въ нихъ того уб'яжденія, что ихъ воестановление есть гланнымъ образомъ дело Россия. и что отъ нея они

данжини ожидать охраны, ногда чье-набудь честолюбіе подвергисть: EXS OMACHOOPS. HARIS OUT, MANS-CRASHES, VACES BACK CAMBERS; 999их описности. Длиня есть, такъ-сказать, чисть насъ самихъ; эте ясно при первонъ вагадай на варуу. Сл'ядовательно, мы должни биости за ез сопраненіенть, заботиться о томъ, что можеть пред-ехранить ее отв насний чьихъ бы то ни было, особенно Англін. Морское могущество Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ ни-когда не столкнотся вранаюбно съ Россіею, не часто можетъ быть ей благопріятно и выгодно. Итакъ, надобно оставаться въ добремъ согладія съ ними и заставить ихъ смотрёть на петербурскій дворь вакь на единственный вь континентальной Европ'я. ветераго дружбу они должны поддерживать. Швеція слаба: нечего ея трогать. Съ Пруссіей нёть причины из раздору, -- всё причины из соноу; другое дёло съ Австріею, которая тянеть из Англіч: Англія соперничаеть съ Россіяю и завидуеть ей, нотому что Россія стала главными государствоми на вонтиненть. Оть соперничества и зависти во вражде однить только шагь, когда обстоятельства и интересы накодится въ столиновении. Канинитъ нена-BEARTS POCCHO. EFO ABETATOPCEIN TORS HOMPSBULICH ABETICHOMY народу, который жадень и рердь, и, двлая вызовь всему міру, Каннингъ сталъ популяренъ у себи дома. Россія представляетъ сну больнія препятствія; онъ будеть стараться уничтожить чить, ве разбирая средствъ. Сила и природа вещей влекуть Францію къ Россин. Ихъ сокоз ободиночиваеть Англио и деласть для нея невоеможнымъ образованать континентальные союзы. Австрія---единственное государство, въ которому она могла бы обратиться съ этою цёлію; но, пона Франція останется свободною въ свонкъ двяженіяхъ и въ употребленія своихъ снав. Австрія не осиблится pasopears cs Poccieno».

Но чёмъ важийе было вначение Францін, тёмъ съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ Поццо ся внутрениес состояніс, отъ котораго зависёло рёшеніе вопроса: долго ли она останется свободною въ своихъ движеніяхъ, въ употребленія своихъ силъ. Поццо, можно сказать, ежеминутно измёралъ рость оннозиціи и заносилъна свои таблицы ся успёхи и формы, въ какихъ ови обнаруживансь. Весною 1826 года, оппозиція, которую министерство Виллели встрёчало въ палатахъ, не была однородною и систематическою, не могла дать ему преемника и представить извёстное число кандидатовъ, которые согласнинсь би для образованія новаго управленія; но эта слабая, безспавная опнозиція успёла унизить правительство въ глазахъ нублики, сдёлать его предменомъ норяцанія и даже пребрёнія. Различныя министерства страдали оть неспособности людей, которымъ были внёрены. Министръ

юстиція быль нь борьбі сь магистратурой. Веснный министри-Блермонъ-Тонноръ висколько не удовлетверялъ арино. Министръвнутреннихъ дёлъ ничэмъ не заниманся, предоставлялъ все денартакентамъ. Самъ Вилель былъ человёнь способный, но выпос низ на себя колнчество двлъ не было по его свланъ; онъ упражнялся больше въ тома, чтобъ небётать затруднетельнаго положенія минуты, а не направлять двяженіе великой монархін. Но есть сила, которая имбеть вліяніе на поведеніе перваго министра. и на общее направление дъгъ: эта сила -- понгрегадия. Существованіе этого могущества, усиленнаго воображеніенъ и преувели-ченіенъ самыхъ враговъ его, стало всеобщинъ пугалонъ. Народъ видить и чувствуеть его всюду, и его раздражение твиз сильные, что онъ не знаеть, какъ опредвлять эту силу и какъ ее схватить. Успёхн, дёлаемые ісвуштами, явное покровительство, оказываемое имъ отъ двора, ревность не по рекуму большей части духовенства и влость, съ какою все это безпрестанно выставляется въ революціонныхъ газетахъ, держать общество въ постоянномъ волнения. Правда, что еще не обнаруживается сопротивление власти и возмущений; но важдый уже говорить объ ихъ возможности, и для большого числя людей недостветь только случая поднять сопротивление и возмущение. Герцогь де-Ривьеръ нолучиль мысто воспитателя при герцогы Бордесномъ; несмотря на мелочную пабожность этого лица, публика отдавала справедли-вость его честности, мужеству, безупречности. По непростительному ослёпленію, король назначиль наставникомь маленькаго принца аббата Тарона, архіепископа страсбургскаго, челов'яка NOCTOLIKOHBAFO, BICTABLENHAFO HA NOBASE CBOR DETVSIASHE H OTEявленнаго партизана језунтовъ. Другія второстепенныя лица, навначенныя въ герцогу Бордосвому, выбраны по тёмъ же побужденіянъ. Тавое соединеніе возбудило самую сильную тревогу между людьми добра, а людямъ недобросовёстнымъ послужило предлогомъ возбуждать ненависть въ невинному ребенку. Уже видать въ немъ језунта со всёмъ недостатнами и неудоботвами этого ненавидимаго ордена. Тавое поведение ведеть въ сравнению съ поведениемъ Стюартовъ въ Англии. Всюду хотять видеть тотъ же ходъ дёль и предсказывать такую же катастрофу. Безчисленное множество сочиненій объ англійской революція появляется и расходится въ различныхъ влассахъ общества. Несмотря на то, что герцогъ Орлеанский не внушаетъ большого уважения, люди, желающіе перем'єны, разсчитывають однако на мего. Готовий позволить вести себя даже до престола, хота в не желая сдёлать для этого ни малёйшаго усилія, и окруженный семействомъ, состоя-

наять нет шести сыновей, онъ представляеть для династи гарантию продолжительности, а либеральнымъ ученіямъ, которыя онъ прямо нропов'йдуетъ, гарантию нолной приверженности. Виллель видитъ всё эти начатки разложенія; онъ, безъ сомийнія, скриваетъ передъ самимъ собою тё, которыя самъ некожилъ, и не см'яетъ вооружиться противъ другихъ, потому что ихъ полагаютъ король и духовенство. Вилледъ и конгрегація рёшились вовстановить ценкуру. Вопросъ не въ томъ, чтобъ остановить свободу печати, станную великимъ орудіемъ скандала и безпорядка; но въ томъ правительство, столь слабое и потеравшее уваженіе, можетъ ли разбить это орудіе безнаказанно? Нужда самосохравенія предписиваетъ ему вту мёру, тогда какъ его поведеніе вообще и его непопулярность дёлаютъ эту мёру опасною. — Еще въ томъ же 1826 году Поццо писалъ: «еслибъ король не считалъ вліянія и господства духовенства и ісзунтовъ столь необходимымъ для сохраненія своей династія, то народъ былъ бы религіовиёе и привизанные къ его особё и фамиліи».

1827-ой годъ Поццо началь аковъщини словами. Положение дить становилось въ его глазахъ все хуже и хуже. Король емадневно терлъъ все больше и больше уважение и любовь подданныхъ; въ его первому министру относились какъ къ преерйннъйшему изъ людей. Настоящая сессія палать должна увеличить эти пагубныя отношенія; министры выйдуть изъ нея, —какъ, вйроятно, — съ сохраненіемъ своихъ мѣсть, но они выйдуть ослабленные во всёхъ отношеніяхъ. Непріятныя чувства, внушаемия ими, нельзя вполиё оправдать; но, говоря политически, чѣиъ несправедливёе доведенное до крайности неудовольствіе, тѣиъ оно стращиѣе, если глубово вкоренено, нбо это доказываеть, что предубѣжденія и предражудки достигли высшей степени. Этоть безпорядокъ и это раздраженіе проязводять вліяніе на все и парализують все. Безъ сомитически, чъкъ цезрядокъ и это раздраженіе проязводять вліяніе на все и парализують все. Безъ сомитически, чъкъ странция и то проязойдеть что-нибудь и выведеть каждаго изъ настоящаго стѣсненія и, какъ говорять, униженія. При подобныхъ кривисахъ каждое правительство должно прибёгать въ средстванъ для охраненія, не подвергая государство потрясеніямъ. Государства, нибющія представительныя собранія, обыкновенно перемѣнають министерство, обращаясь въ большинству. Во Франція представительное правляние, какъ своро началь смотрѣть на духовенство какъ главою и артін, какъ своро началь смотрѣть на духовенство какъ главою

DECTRIES EBPORE.

свою главную опору и сдёлаль изъ этого валляда себё догимать, накъ скоро сталь отвергать людей, не раздёляющных его образъ мыслей, то образование коваго министерства стало для него невозможнымъ, если опо должно бить болёе популярнымъ, — и опаснымъ, если опъ возъметъ новыхъ министровъ изъ людей енце болёе ненавистныхъ, чёмъ тё, которые теперь управляютъ. Еще въ началѣ года Виллель, сохраняя собственное подоже-

ніе во главё министерства, признаваль нужнымъ пожертвовать ивноторыми товарищами. Онъ самъ объявилъ Поццо, что по овончания парламентской сессия онъ предложить увольнение военнаго министра. Виллель надвился, что эта мбра примирить его съ дофиномъ, воторый желяеть видёть военнымъ министромъ человёка своего выбора, и въ то же время прекратить вощан, которые поднимаются со всёхъ сторонъ противъ неснособности Клермонъ-Тоннэра. Поццо догадывался, что и министръ юстиціи Пейрония также должень будеть выдти въ отставку: съ одной стороны, Виллель выигрываль въ глазахъ публики, жертвун товарящемъ, воторый сталъ уже оченъ непопуларенъ; съ другой, постоянныя ссоры главы магистратуры съ воролевскою париясвою судебною палатою дёлали министра юстиція неспособнымъ нсполнять свои важныя обязанности. Удовлетворивши такимъ образомъ публику, Виллель былъ намёренъ оставаться спонойнымъ и занимать лев будущія сессіи, остававшіяся настонщей палать депутатовъ, только бюджетами и вещами, которыя не раздражають страстей и духа партій; онъ надбялся, что такимъ образомъ настоящее волненіе стихнеть, и Франція засиеть въ нарахъ внутренняго спокойствія и матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ положение онъ разсчитывалъ захватить се, когда придетъ время генеральныхъ выборовъ, и получить депутатовъ, нодобныхъ твих, которые его поддерживали до сихъ поръ. Этогъ планъ прельщаль вороля, представляя семидесятилётнему стариву періодь сповойствія, соотв'ятствующій продолженію его в'вроятнаго существованія. Но, говоря объ этомъ планъ, Поццо прибавляеть вловёщія слова: «не довазано, что успёхъ плана безопоренъ. Если бы Франція должна была выбирать депутатовь теперь, то выборы могли бы пасть на людей, нэъ которыхъ саные умъренные потребовали бы другого министерства, а другіе, быть можеть, стали бы им'ять въ виду и другую династію. Герцогь Орлеанский не перестаеть показывать себя доброжелательнымъ во всему врайнему въ либеральной партін. Но его личная трусость и чрезвычайная свупость дёлають изъ него плохого вождя партін. Онъ расточаеть приглашенія и учтивости-и больше не ділаеть

Digitized by Google

96

ичего въ такой опасной игръ. Эти недостатки, а не нежелания удерживають ето въ границахъ покорности. Франція управляется снабо и неразумно; народъ это чувствуеть, но такъ уменъ, что терпитъ, или, лучне сказать, нётъ у него вождей, которыхъ бы честолюбіе или мщеніе подвигли въ возстанію. Такое положеніе не имъетъ долгаго будущаго, но и не представляеть еще скорой опасности ».

Но если Виллель хотёль быть спокойнымъ, занимать палату только предметами некначительными, даже уступать требовяніямъ опповиція удаленіемъ изъ министерства нёкоторыхъ лицъ, — то хотёль онъ этого подъ условіемъ укрощенія врага, который не даваль ему повоя: этоть врагь была свободная печать. Опповиція, но им'я возможности бороться сь усп'яхомъ противъ министерства въ палатъ, гдъ большинство было министерское, тёмъ сильнёе дёйствовала посредствомъ печати, - и не столько посредствоиъ журналовъ, сколько посредствоиъ политическихъ брошюрь и сатирическихъ сочинений, имъвшихъ цълью осмъявание Виллеля и товарнщей его. Принявши во внимание новость этихъ явленій во Франців и необывновенную чувствительность французовь въ насибникв, мы поймемъ все раздраженіе Виллеля, его товарищей в большинства палаты, какое они испытывали подъ градомъ стрёль, пускаемыхъ на нихъ сатирою; сань вороль раздёляль это раздражение. Французы понимали вначеніе этого орудія, когда и прежде говорилось, что во Франціп-правленіе монархическое, ограниченное сатирическою п'всенвою. Изъ этихъ сатиръ особенно раздражала министра комическая поема «Виллеліада», — остроумная, блестащая, имъ́вшая гронадный успъхъ: въ нъсполько мъ́сяцевь она имъ́ла 14-ть няданій. Въ палату депутатовъ поступнять проевть завона о наложении подати на выходящия сочинения. Защищая свой проекть, Виллель объяснять, что небольшія сочиненія всего больше им'яють вліяніе на направленіе общественнаго духа, и ихъ всего больне появляется: въ 1826 году появелось 5,228 сочинений въ пять листовъ и меньше, тогда какъ сочиненій болёе чёмъ въ нить листовъ появилось только 2,658. Самое естественное средство сократить число небольшихъ сочиненій — это увеличить издержки изданія, что всего лучше достигается налогомъ (timbre). Несмотря на то, что большинство палаты раздъляло мнёніе министра, палата была испутана предложенною мёрою, — впечатлё-нісиъ, какое она проязвела въ обществё. Проекть подалъ цоводъ въ самымъ горячемъ и невыгоднымъ для министерстве спорамъ. Коминссія, разсматривавшая проевть, сдёлала въ немъ измъ-

Тонъ II.--Марть, 1879.

шенія. Въ налать по этому поводу обнаружалось странное явленіе, странная шатость: въ одно засёданіе она принимала извъстное изм'вненіе, въ другое — отвергала, потомъ везвранцалась въ преж-нему рёшенію; министры явились неспособными направлять преданное имъ большинство, потеряли нравственную силу даже въ глазахъ друзей своихъ. Въ палатъ пэровъ проектъ былъ такъ измѣненъ, что министерство взяло его назадъ. Газеты трубили побёду; по вечерамъ дона были освёщены въ Парижъ; толпы собирались передъ домомъ Виллеля и кричали: «да здравствуетъ породь! да здравствуютъ пэры! долой министровъ, долой iesyuтовъ!»- плясали вовругь Вандомской колониы, передъ докомъ министра юстицін. Войско было приведено въ движеніе, но око не понадобилось, -- одной полиція было достаточно для возстановленія порядка. На 29-е апрёля быль назначень парадь національной гвардів, и пошли слухи, что туть будуть непріятныя для вороля демонстраців; тогда газеты обратились въ національной гвардін съ увъщаніями поддержать самый строгій порядовъ, ибо враги новой Франціи полагають все свое спасеніе въ безпорядкахъ, долженствующихъ вызвать реакцію; что никакихъ цустыхъ вривовъ не должно быть слышно среди торжества, посвященнаго признательности; долженъ слышаться въ продолжеии всего смотра одинъ врикъ: «да здравствуетъ вороль!»

Но вышло иначе. Сначала все шло хорошо; раздавались одни крики: «да здравствуеть король!»— но потомъ начали раздаваться и другіе: «долой министровъ! долой ісзунтовъ!» Крики были не громки, но король ихъ слышалъ; хуже всего было то, что Карлъ Х слышалъ, какъ передъ нимъ повторялъ эти крики одинъ изъ національныхъ гвардейцевъ. Національный характеръ взялъ верхъ; французы расходились, раскричались и забыли всъ приличія: окруживъ коляски, гдъ сидъли принцессы королевскаго дома, толиа кричала прямо имъ въ лицо: «долой iesyитовъ! долой iesyитокъ!» Король послѣ смотра призвалъ въ себъ Виллеля и спросилъ, что ему дълать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Виллель отвѣчалъ, что необходимо распустить національную гвардію, — немедленно же заня́ть всѣ казармы линейнымъ войскомъ. Совѣть былъ принятъ, національная гвардія распущена, — и все было спокойно. Поццо сказалъ правду, что скорая опасность еще не грозила.

Но, съ другой стороны, спокойствіе, послёдовавшее за распущеніемъ національной гвардіи, не обмануло Поццо. По его мнёнію, министръ раздразнилъ народъ, а король долженъ иринимать строгія мёры— по винё министра, а не по винё народа.

«Правна, — писаль онь, — что инкакого волиенія не обнаружалось при этомъ деливатномъ случай; но очеридно, что вороль, по этому случаю и по безчисленному множеству другихъ, неворавлянися ежедновно, потеряль привязанность столнчнаго народониселенія, не можеть болёе онидаль оть него нинавой преданности, никакой жертвы, и вогда придется доказать это законникъ выраженіемъ своихъ чувствъ — парижане вискажутся къ синслѣ совершенно противоноложномъ настоящему расположению короля и его первенствующаго министра. Королевская гвардія показала удовольствіе при видё униженія національной гвардія. Это польствло министерству и всёмь тёмь, которые находять выгоды въ его поддержания. Придворжие вопять изо всёхъ силь, что ариія в'ёрна, что вадобно д'ёйствовать сельно, разсчитывая на средства укрощенія толим, которыхь можно ожидать оть върности армін. Безъ сомнёнія, великое счастье, если армія варна; но, по мозму инънию, она болье спокойна и равнодушна. Нътъ инчего онаснъе, какъ привести се въ схолиновение со столицею и вообще съ народонаселеніемъ страны. Виллель не знаеть инчего, что случилось прежде — и въ продолжение революции, и во время, преднествование реставраци. Онъ не знаеть ин фактовъ, ни людей, --- не паслёдуеть первыхъ и бонтся послёднихъ. Обладая быстротою въ рёщеніяхъ и гибкою совъстью, онъ разсчитываетъ только на то, что у него въ рукахъ». Но при такомъ мрачномъ на на на кој на у ного на рунните на при наста и при наста при наста при наста на при наста н Наста на при наста н ніе в дов'єріе вороля въ своимъ мнистрамъ, — писаль онъ, усилинсь въ соразмёрности съ противоположными чувствами, выраженными нацією. Ни одинъ изъ министровъ не удаленъ. Когда народъ, котораго исторія представляеть такіе пагубине ирим'йры, какъ народъ французскій, поставленъ въ положеніе, протявное его натуръ, то онъ ждеть только случая въ верыву. Власть приметь харавтерь сиблой полиція, -- быть можеть, нелиціи безразсудной, а не характеръ правительства, воторое раз-считываеть на преданность и силы великаго нареда. Внутреннее движение будеть становиться день ото дия исключительние и безповойнёе; во внёшнихъ движеніяхъ государство будеть робко. Министерство Каннинга пугаеть вороля и Виллеля, по мъръ того вавъ они усматривають въ англійскомъ кабишете полное различіе съ своимъ по принцицамъ. Съ противоположностью натересовъ соединяется противоположность ученій, и два правительства похожн другь на друга только номенилатурою в фернами. Въ такомъ положения правители Франции принуждены

BECTHERE BEPOILS.

обратиться въ Россія, и я постоянно занять поддержаніенъ этогорасположенія, безъ надобданія и шума, но, надёюсь, съ усийхонъ».

Своро, однако, Поццо замётнать, что другая держава пересёкаеть ему дорогу, вменню Австрія, которая старалась пріобрёсть расположеніе французскаго правательства, сов'ятуя ему д'ябствовать р'япительн'яе для перем'яны формы правленія. Поццо писаль по этому поводу: «Легко доказывать трудности и, еслич угодно, опасности существующаго во Франціи порядка, легко поряцать его вообще и приписывать ему все зло; но во Франціи эта правительственная форма уже установлена, и если предполагать, что король достаточно сяленъ, чтобъ ее уничтожить или измёнить, такъ чтобъ отъ нея отвыкли и надъ нею сябялись, то, по моему мивнію, такое предположеніе — важная ошибка, и всякая повытка въ этомъ родё повлечеть за собою новую революцію. Благоразуміе требуеть не вмёшиваться въ эти скольекія и деликатныя дёла. Вліяніе, достигнутое такимъ способомъ, соминтельно, и отвётственность безконечна».

1827-й годъ еще не кончился, какъ обнаружилась справедливость этихъ замъчаній. Въ началъ поября (н. с.), палата денутатовъ была распущена, и чтобъ обезпечить министерству большинство новыхъ депутатовъ, президентами избирательныхъ коллегій были назначены люди, не принадлежавшіе къ оппози-цін; и въ то же время, чтобъ отнять и у палаты пэровъ независными характерь, которымъ она до сихъ поръ отличалась, вороль навначиль въ нее 76 новыхъ членовъ. Кромъ наполеоновекаго маршала Сульта, въ этой толпъ не было ни одной извъстности; это была именно толва, представление, ндущее въ разрёзь съ представленіемъ о палатё пэровь, которая должна была соединать въ себъ людей, носившихъ историческія име на Съ людьми новыми, знаменитыми по своимъ телантамъ и заслугамъ, соединять славу прошлаго со славою настоящаго. Но, несмотря на все усиле министерства направлять выборы депутатовъ въ свою пользу, оппозиція взяла верхъ, и больщинство новонобранныхъ вышло изъ си рядовъ. По всей Франціи эта побёда надъ министерствомъ торжествовалась праздниками, илломинаціями, а въ самомъ Парижѣ народное движеніе кончилось баррикадами и кровопролитиемъ при столкновении съ войскомъ. Король, особенно вслёдствіе внушеній дофина, призналь невовможнымъ удерживать долёе министровъ. «Вы стали уже слишкомъ непонуларны», — сказвалъ онъ Виллелю. — «Дай Богъ, — от-въчалъ тотъ, чтобъ непопуляренъ былъ я». Новое министерство

было нодобрано Шабролемъ; по отношеніямъ въ Россія — очень, зажно было то, что портфель вностранныхъ дълъ получилъ графъ де-ла-Ферроно, носолъ въ Петербургъ, человъкъ, вполий нреданянй франво-русскому союзу. Другимъ выдающимся лицомъ въ новомъ министерствъ былъ виконтъ Мартияњавъ, получившій пертфель внутреннихъ дълъ.

Относительно этой переихны и са причнить, Поццо верхонъ беврезсудства надываго министерства считаль то, что оно навначию новыхъ поровъ въ то самое время, какъ предписало выборы депутатовъ. Отовсюду нослышались вриви, что нація, теряя коддержку, которую аристовратія доставляла конституцін, должна употребнть всё усилія, чтобь выбрать денутаговь, снособныхь защищать новый порядокъ. Виллель далъ на выборы только 10 дней, тогда какъ самъ въ продолжения многихъ мъсяцевъ работаль надь средствомь достигнуть своей цвли; и, несмотря на то, общее нерасположение было такъ сильно, что большинство вышло нъ рядовъ оппознція. Поццо снова обращается въ характеристикв падшаго министра: «Было бы несправедливо отказать ему въ отличныхъ талантахъ, въ бельной проницательности, въ ясности изложения своихъ мыслей, въ редкой способности въ труду. Я даже дунаю, что враги преувеличили его состояние, и что для его умножения онъ не сдёлалъ ничего, отъ чего бы могъ враснъть. Но у него недостаетъ вачествъ сердца, недостаетъ чувствъ, необходимыхъ для человёка, призваннаго управлять страною конституціонною, и именно Францією. Будучи чрезвычайно завистливъ, онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на короля, вель непримиримую войну съ людьми, превосходившими его по способностямъ, удалялъ и людей, равныхъ себв по средствамъ, давнаъ низшихъ и видёлъ свою безопасность только въ полномъ рабстве своихъ орудій. Будучи равнодушенъ въ правде, играя своные объщаніями в словами, онъ нарушиль равновёсіе между свониь могуществоить и уважениемъ въ себе, что унизнао его въ сердцахъ всёхъ французовъ».

О членахъ новаго министерства Поццо отзывался такимъ образомъ: «Шаброль—отличный человёкъ, способный къ административной карьерѣ, но боязливый, застёнчивый и не обладаетъ твердостію, необходимою для соединенія около себя людей честолюбивыхъ, которые признавали бы его своимъ вождемъ. Мартиньякъ—ораторъ министерства; если его дѣятельность равняется его способностямъ, то онъ выполнитъ обязанности своего мѣста. Ему нужно поведеніемъ болѣе скромнымъ заставитъ забыть (если только это возможно) то поведеніе, которымъ онъ обыкновенно

BECTREES REPORTE.

отличался среди удовольствий стоянцы. Его теланть до сихъ поръвыше значенія, какимъ опъ пользуется. Король терпить новое министерство изъ страха, что иначе будеть принужденъ изить другое, еще болйе ему непріатное. Увѣряють, что онъ не перестаеть жалѣть о Виллелѣ, и что нослѣдній продолжаеть оказывать тайное вліяніе на короля, въ ожиданій, что время утинитъ негодованіе, обнаружившееся противъ него».

Перемёна иниистерства не успоковла Поццо на счеть будущности Францін; онъ указываль главную причину смуть и переворотовь: «Франція, — писаль онъ, — богата всёми дарами Провидёнія, но бёдна людьми способными, или люди способные не призываются для управленія ею».

О. Соловьквъ.

102

....

молодые побъги

повѣсть.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Совсёмъ уже стемиёло, когда Герасимъ Дмитричъ съ Анной пришли въ Онучино. Въ первой же крайней избё спросили они: гдё домъ Дарьи Тихоновны?—Имъ растолковали.

«Воть гдё это гнёздо-то провлятое! Воть гдё живеть моя злодёйка»! думала Анна, подходя въ избушеё Барыни. Воть сейчась увижу тебя!.. Разгляжу ужь, разгляжу, чёмъ ты приманила, чёмъ приворожила его?.. Батюшки, да, вёдь, двё ихъ!.. которая же, которая взаправду — злодёйка-то моя настоящая, разлучница?.. Противъ которой миё отворота брать?.. Авось, сердце скажется, авось вёсть подасть...»

Злобное чувство ненависти и ревности смёшивалось въ душё Анны съ любопытствомъ и съ какниъ-то страхомъ. У нея замирало сердце, захватывало дыханіе, вся она дрожала. Она не могла промолвить ни одного слова, когда Герасимъ Дмитричъ, поравнявшись съ переулкомъ, пріостановился и проговоримъ, указивая впередъ:

--- Свазали--- третья изба за проулкомъ... Вонъ эта, стало быть...

Они подошли къ самой небъ. Изъ маленьвихъ окошечевъ са падали на улицу лучи свъта. Въ то время, накъ Герасимъ

*) Cm. 1878 r., ges. 637 crp.

The contract of some little

Дмитричъ пріостановнася на минуту, оглядиваясь, не встрётится-ли кто-нибудь, чтобы навёрно узнать, точно-ли эта изба Дарьи Тихоновны, Анна стремительно бросилась въ освёщенному ввнутри овну и прильнула въ нему лицомъ.

- Здъсь, здъсь... Она самая...-проговорила Анна, вдругъ отскавивая оть овна, задыхаясь и невольно хватаясь за сердце.---Видела, видела!.. Здесь онъ... Осда!.. И оне обе... Ан, батюшки мон!.. Моченьки моей нёть... сердечушко!..

Не сознавая хорошенько, что деласть, Анна схватила отца за рукаръ и потащија въ окну.

- Вона!.. вона!.. - говорила она сдавленнымъ голосомъ.

Герасниъ Динтричъ также заглянулъ въ окно. На столъ, не далеко отъ окна, горёла свёчка и освёщала всю внутренность небольшой избушки. У того же стола, на лавкъ, сидълъ Оедя, съ радостнымъ, сіяющимъ отъ счастія лицомъ, и съ веселой улыбкой смотрёлъ на двухъ женщинъ, которыя ходили взадъ и впередъ по избъ, что-то сняжали съ палатей, что-то ставили на полки, собирали и связывали въ узлы.

Лица женщинъ, вслёдствіе ихъ постояннаго движенія, трудно было разсмотрёть, да Герасниъ Динтричъ и не интересовался ими: онъ не могъ оторвать глазъ отъ сына, и старческое сердце его тоже усворенно билось. Сначала закипаль-было въ немъ гнёвъ и досада на сына, но радостное, свётлое лицо, какого онъ давно не видалъ у задумчиваго и грустнаго обыкновенно Өеди, вызывало невольную улыбку и на угрюмое лицо старика; онъ чувствовалъ, что сердце его смягчается. Но Герасимъ Динтричъ поспѣшилъ насильно прогнать это магкое чувство.

«Нізть, не здісь теб'я місто!.. Ужъ воли не на фабрикі, такъ лучше бы домой побываль, къ отцу... Видать, что забаловался!..» — подумаль онъ, снова насупнещись, и сердито постучаль въ подововницу. Онъ видълъ, какъ Оедя вздрогнулъ и подоб-жалъ въ окну. У Анны при этомъ неожиданномъ стукъ чуть не нолносились ноги. Безсовнательно схватилась она за руку отца.

- Кто туть?-спросняъ Өедоръ, отворяя овно и просовывая въ него голову.

- Здорово, сыновъ... Презнаёшь ли?..-отвёчаль Герасимъ Динтричъ внушительно.

 Батюшка!..—вскричалъ Өедя.
 — Онъ самый!.. Прежде дътви къ отцу на поклонъ при-ходили, а нынъ приходится отцу за сыномъ ходить да разы-. свивать... Еще почтешь-ли за отца-то?..

- Что это, батюнна... Зачёнъ этанія слова?.. Пожалуйте, зайдите... Я сейчась выйду...

Өеня смутился и, отвинувшиесь оть окна въ избу, проговорилъ свероговоркой, обращаясь въ женщинамъ, которыя стояли свади его:

— Батюшка пришелъ... Кирюшка подосладъ!.. Ничего!.. Я повозу его сюда... Ничего!..

Съ этеми словами онъ выбёжаль нов небы.

--- Св'яту-то что не взяля?.. Посв'ятить бы надо...- говорила сму всяждъ Дарья Тихоновна, тоже видино смущенная, и, торопливо схвативши св'яку, вышая всяждъ за Осдей на мость.

--- Радъ? --- усмѣхнулся Герасимъ Дмнтричъ, не отгалинвая сына, но и не отвѣчая на его объятія. --- Кабы радъ былъ, такъ ронно бы надо домой побывать въ отцу-то, а не въ чуляяхъ подякъ его эстрѣчать...

- Здравствуй, Өедянушка...- проговорила Анна.

--- Ай, да и сестра пришла... Здравствуй, Аннушка... Вотъ и слава Богу... и ти пришла... Батюшка, пожалуй, взейди въ нобу... Что же на улиць-то?..

--- Да куда же ты это меня зовешь? из кому?.. средственниковъ, что-ли, какихъ розыскалъ? такъ, кажисъ, у насъ здёсь никогда же бывало?..

--- Пожалуй, батюшка, взойди, пронну я тебя... Ну что, вёдь, ужь тебё все вврёстно: коли Аннушка туть, значить, она все тебё разсказала... Будь милостивь, взойди, пожалуй... Вонъ хоания свёть имнесла, со свётонъ ждеть тебя...

--- Пейденъ, батюнка, пойденъ...- подталкивала старика и Авна, замиравшая отъ нетерийнія и любонытства.---Ну, что и вирямь на улицѣ стоять... Въ избѣ все лучше: все увидниъ... и цереговорниъ, коли что...

--- Да я не знаю, какъ идти-то къ незнаемнить людямъ?.. Ради ли будуть?.. Чтобы посл'в не спокаяться---либо теб'в, либо мив...

Въ это время у калитин, со свёчкою въ рукъ, показалась Дарья Тихоновна, поторая успёла придти въ себя, собралась съ духомъ и рёшилась идти на встрёчу Герасиму Дмитричу. О приходъ Анны она еще не знала.

--- Милости просниъ, пожалуйте...-- говорила она медовниъ голосомъ, -- не обезсудьте тольно, что застали въ таной часъ: въ нуть-дорогу собираемся... - -- Это вогь хозяйка -- Дарья Тихоневия... -- говорнять Өедя, опять смущаясь.

— Пожалуйте, пожалуйте... милости проснить... За всякъ часъ рады экому дорогому гостю...—говорила Дарья Тихоновна, идя впередъ со свёчкой.— Потише тутъ, не оступитесь... Вонъ у насъ половица въ мосту-то прогнила, да и приступекъ-отъ не годится... Что двлать, не обезсудьте: въ сиротстве живемъ... въ бъдности...

Анна шля свади Герасима Дмитрича и не спускала глазъсъ Дарьи Тихоновны, жадно всматриваясь въ нее, ловя наждое ез движение, каждое ся слово.

«Воть оно, такъ точно, какъ сказывала тётка Арина», думала Анна: «и бёлая, и румяная, и глаза закывнстые, и рёчь бойкая... Вишь ты, вишь ты, какъ размазывають... рёчь-то сладкан какая!.. словами-то ровно сахаромъ али медомъ кормить... Подумаешь: праведная душа!.. Ой, змён подколодика!.. Сорокъ лёть бабё, а смотри-ка ты, смотри-ка: морщинии иёть на рожё, и сама бёлая, ровно кипёнь, и рука-то, вонъ рука-то, подсяёчникъ держитъ, бёлая, бёлая, ровно и не мужищкаго рода.... Ну да, въ сиротстий вы живете, въ бёдности!.. какъ же!.. да!.. Нёть, не такая бы ты была, кабы не этимъ промышляна, а ноломала бы на работё снину-то широкую, бока-то свои толстые...

«Что половица-то провалилась, что приступокъ-то стнилъ, что избенка на боку?.. эка невидаль!.. Развъ тебъ то нужно? обиходъ да порядокъ?.. Ты и такъ сыта, и въ энихъ хорошахъ несело живень, емедень ниры сводишь, распутная!.. Вонъ изба-то хотъ на боку, а волосья-то мазаны, волосъ къ волесу, платье-то экое у меня только два раза въ годъ, на больное праздники... Шаль-то не эту-ли мой-отъ подарилъ?...Винъ, ти — распустила.... Видатъ — не купленое, дареное... Нётъ, мы въ Храсторъ день къ объднъ развъ эксе платки-то надъваемъ...»

Вошли въ избу.

--- Пожалуйте, пожалуйте, Герасниъ Митричъ... малости просниъ... Не обезсудьте, въ набё-то не обрядно у меня: въ дорогу собираемся... Садитесъ вотъ... Пропну, мил... Говоря эти слова, Дарья Тихоновна ила со свёчною къ

Говоря эти слова, Дарья Тихоновна ила со свёчною их столу и, поставными ее, торопливо отодвинува столь и оборотилась-было, чтобы вновь привётствовать гостя и посадить его на большое и почетное мёсто подъ образами, но увидёла вдругь

радонть со старибомъ накую-то незнаконую женщину — и остановилась, не договоря фразы... Глаза соперницъ встрётились. Дарья Тихоновна тотчаст же почувствовала во вэглядё Анны вражду и недоброжелательство...

Въ избё вдругъ произощно минутное неловкое молчаніе; всё дійствующія лица нёсколько минутное нелодвижными. Въ середние вобы стоили: Герасинъ Дматричъ рядомъ съ Анной и противъ нихъ недоумёвающая, удивленная и даже немного испуганная, Дарья Тиконовна. Скади отда, Оедя заботливо и напряженно вгляднивался въ противоположный утолъ, гдё въ тёни стоила Параня, съ очевиднымъ любопытствомъ разсматриванцая вновъ пришединихъ. Неожиданное общее полчаніе отвлекло визманіе Оеди отъ Парани; онъ перевелъ глаза на мать си, на Анну, и тотчасъ вспомнилъ, что Дарья Тихоновна не знала о приходё сестры виёстё съ отцомъ и что она не знаеть еще, съ кёмъ ненерь встрётивась.

---- Это сестра моя, Дарья Тихоновна, Аннушка... --- посибшилъ сказать Оедя и чуть чуть не прибавилъ: Кирилова жена! но удержался --- тъмъ болъе, что ховяйка, очевидно, и безъ его словъ съ-раву сообразная это.

Лицо Дарьи Тихоновны передернулось, брови было-сдвинуись и въ глазахъ мелькнулъ не добрый огоневъ, но все это мгновенно исчезло: опять появилась прежняя привътливая улыбка, прежній ласковый, заискивающій взглядъ.

-- Ну, воть... индости просник...- заговоряда она. -- Рады дорогник гостамк... Пожалуйте воть садитесь сюда, повыше.... Покорно просник... Чёмк подчивать-то дорогник гостей?.. Воть въ часъ какой пожаловали: инчего у мена иёть... да и въ путьто им собираемсн... Развё самоварчикъ наставить?.. Я сейчась промыслю, воли...

— Не надо, не надо... Ничего не надо... — остановиль се Герасниъ Динтричъ.— Мы не съ тимъ... Мы воть насчеть сына... Его повидать хотёлось...

--- Коли вамъ что нужно съ сымкомъ поговорить, такъ мы, пожалуй, коъ избы повыйдемъ: поговорите... ничего, выйдемъ, на иосту посидниъ!...

--- Да вътъ... ничето такого... что же!.. --- отвъчалъ Герасниъ Дмнтричъ, растерявшійся отъ неожиданнаго предложенія Дарьи Тихоновны.---А вы куда же отъбяжаете?..

--- Да ють на фабрику собрались... Работки тамъ хотипь поискать... Воть Эсдорь Герасаниять оббидаеть поиочь... насчеть чтобы опредёлять къ ибсту, потому у него тамъ знакомство...

Трудно очень жить, Герасинъ Дмитричъ, по спретству нашему... Не съ чего взять здёсь, не на чёмъ заработать... Воть и надумала: со всей семьей хочу на фабрику идти... И сынншка малаго, и того беру... Вонъ и дочку тоже... Не знаю ужъ что будеть, а обёщаеть Седорь Гераснымчъ къ мёсту пристроить: всёмъ, говорить, работа будеть...

--- Нечто... дочка!.. Параня, подойди сюда, да поклонись Герасиму Дмитричу.

Параня немножко зарумяниясь, но бойко встала, смбло подошла къ столу и молча поклониясь.

У Феди судорожно смалось и забилось сердце. Онъ быстро пробъжалъ глазами по лицамъ Парани, отца и сестри. Лицо отца было холодно и серьёзно, въ глазахъ Анны выражалось изумленіе и какъ-будто даже испугъ. Оедя понялъ, что красота. Парани поравила сестру.

— Здравствуй, здравствуй, девица красная... Здравствуй... отвечалъ Герасимъ Дмитричъ на поклонъ Параши. — Какъ звятьто тебя?..

-- Парасвовьей...

- Такъ... А сколько годковъ-то?..

— Девятнадцать—двадцатый...

- Чло же долго засидёлась?.. Замужь нора... Экая врасавица! жениховъ, чай, безотбойно?..

- Много ихъ било, да, видио, еще судьба не пришла... Я не нужу!..-отвёчала Дарья Тихоновна.

— Разборчива, значить!.. — проговориль Герасниъ Динтричь. — Въ словахъ его, несмотря на ласковую ихъ форму, слыниалась холодность и недоброжелательство, которыя старикъ напрасно старался сирыть. То же выражало и его серьёзное, сумрачное лицо.

Параня сибло встрёчала холодные взгляды Герасния Динтрича и недружелюбные Анны, улыбнудась при словакь старика объ ся красотё и женихахъ, но нисколько не смутилась; молча отошла она и сёла на свое прежнее мёсто. Анна провожала ее уже совсёмъ злобнымъ наглядомъ.

«Ишь ты, соколена!..»—дунала она. «Видать, что по магуший дочка понла... Ни стыда, ни совёсти!.. хоть бы маненечко буркалы-то свои опустила, а то такъ и смотрить, такъ и выставляется: на-те, могъ, глядите, какова я есть красота писаная...

Да, какъ имъ вдоемъ съ матушкой не обойти человёка: не то Кириниу, всякаго съ пути собъютъ!.. Вонъ ужъ на что Седя, а и тотъ... Эта еще хуже матки-то!.. Матка что... съ ней би погулятъ да и бросилъ... А вотъ кто настоящая-то»...

Между тёмъ въ небё опять наступило молчаніе. Разговоръ не вязался. Всё чувствовали себя въ неловкомъ положенія, особенно Герасимъ Дметричъ. Онъ шелъ съ намѣреніемъ остановить, вразумить сына, даже побраниться, взыскать съ него и во всякомъ случаѣ прекратить непріятное внакомство, запретить ему даже и думать о такомъ бракѣ, а вмѣсто того, онъ сидить въ гостяхъ у этихъ самыхъ враговъ своихъ, въ этомъ непотребномъ домѣ, куда заманили Федю, и не только сидить, но еще безъ брани, даже ласково разговариваетъ съ матерью, хвалить красоту дочерн...

«Обошли, и меня-то обошли!..» думаеть Герасимъ Дмитричъ, сердится и хмурится. «Чёмъ бы оборвать, обругать йхъ всёхъ съ-разу—и за Кирила, и за сына, а Оедюшку шугнуть, велёть сейчасъ наз этого омута вонъ идти и не знаться, и не заглядывать сюда,.. я... иу-ка что!.. А все Анна: полегче да поласковёй... его ласковыми рёчами лучше проймешь!. Нёть, видно, надо покруче повернуть!.. чтой-то за срамъ!.. Неушто ужъ изъ-за одной рожи смаяливой давать Оедыкё губить себя, родниться съ этакой семейкой, на смёхъ да на срамъ людямъ?.. А на этихъ безпутныхъ смотрёть нечего... При нихъ и начну: пускай слушаютъ... Лучше еще!...»

- Ну, такъ ка́къ же, сынокъ любезный, —вдругъ заговорилъ Герасимъ Динтричъ, обращаясь въ Эедъ: — какъ же это такъ, двѣ недѣли ты на фабрикѣ прожилъ, вышелъ день праздничный, слободный, такъ чѣмъ бы тебѣ домой прибѣжать, къ отцу-старику, да разсказать ему все ка́къ и что, ка́къ ты тамъ живешь, какое жалованье получаешь и все такое прочее, ты вдругъ цѣый день въ чужомъ дому сидвшь, съ чужими людьми водишься... чужую крышу кроешь, когда своя не покрыта стоитъ... А?... Какъ же это такъ?.. Это, братъ, какой же такой порядовъ ты заводишь?.. А?..

Извини, батюшка, не гийвайся...—отвёчаль Оедя.—Вёдь, до тебя оть фабрики больше тридцати версть будеть: инё бы вадь да впередъ днемъ не поворотить... А туть инё еще надо было къ учителю въ село побывать: оть ховяевъ наказъ быль...
 Да что ты инё розсказни-то разсказываешь... Ты здёся съ ранняго утра вонъ до сяковой поры, до поздней ночи, сидишь... Кабы захотълъ, кабы объ домё гребтелось, такъ пере-

.

ночеваль бы въ селё-то, а утречномъ и добёжаль бы до насть, а нев дома-то, по нуждё бы, и лошадь теб'в заложили, подвезли бы тебя... Что ты инё говоринь... А какой теб'ё слёдь здёсь сидёть?... Коли ты ие на фабрикё, пошель разгуляться, такъ знамо одна дорога теб'ё: либо въ сестр'ё, въ Оедоту Семенычу, либо въ отцу родному... Вотъ теб'ё мёсто, а не по чужимъ людямъ, незнаемымъ шляться... не въ нев'ёдомо какимъ бабамъ въ бес'ёду идти...

Анна испуганно взглянула на начинавшаго горячиться старика в робно толкнула его локтемъ.

Өедя поблёднёль и нахмурился.

- Развъ, батюшка, сестра Анна ничего тобъ не сказывала?.. Я нарокомъ въ тебъ ее посылалъ...

— Да что мић Анна?.. Она сказывала мић, да я этого и слушать-то не кочу... Мало ни вакая дурь тебв въ голову войдетъ... Дурь-то изъ вашей братьи выбивать нужно...

— Это, батюшка, не дурь во мнё....—рёзко возравня Э Оедя. Дурь-то вонъ въ Кирилё сидить: ее точно—что, можеть, нужно выбивать... А мое дёло чистее, святое... совёстное дёло... Не на вётерь, не на время, а на всю жизнь!.. Было бы тебё извёстно, батюшка... Не знаю, накъ тебё Анна мон слова передала... Такъ воть я теперь тебё самъ, при всёхъ, говорю: изъ моей души, что въ ней есть, никакимъ бятьемъ, никакой силой, не выбъешь... Мое намёренье врёпкое...

--- Өедянка!..- грозно прикрикнулъ на него Герасимъ Дмятрачъ.

- Слушай, батюшка... Я всегда быль тебё сынь вёрный, новорный, такимъ и останусь... по гробь жизни твой слуга вёрный буду во всемъ... Что хочешь приказывай—все сдёлаю... А въ этомъ дёлё... не гиёвайся и не нудь ты меня... никого я не нослушаю, потому вадъ своимъ сердцемъ самъ я не властенъ и ни у кого этой власти надъ нимъ нётъ... Дашь ты мий свое благословеніе со слезами приму, въ ногахъ валяться буду, его выпрашивать... А не смилуещься, откажещь, на твоей дунгё грёхъ останется... А я все-таки свое сдёлаю, свою судьбу возьму...

— Ну, коли тебѣ родительское благословенье не дорого, такъ и другую управу найдемъ... Изволь, коли, домой идти, живи дома... На своихъ глазахъ тебя держать буду... Живи у меня на глазахъ... въ моемъ домѣ... при дѣлѣ, а не таскайся, какъ несъ, по чужниъ дворамъ... Вотъ что!.. Уходи съ фабрики... Теперь же иди со мной!...

- Нёть, батюшка, ты этого не сдёлаешь: не таковъ ты,

отецъ, не таковъ, родитель... А коли сдължинь, такъ развъ связаннаго, да за замковъ будень держать... И ни пользы, ни радести тебъ оть этого не будеть: развъ только воксе изведень сына родного...

- Ничего, не изведенься... пустое!.. Нёть, это кревь въ теб'я ходить, горячка одна... Какъ взять тебя да вистегать хорозвенько, чтобы ноутихъ, да женить, на комъ я знаю, --- на дъвкъ стоющей, такъ лучше дъло будеть: выйдешь мужикъ настоящій, тихой, смирный, --- и самъ послё благодарить будень...

- Полно, батюшка, не говори ты этихъ рѣчей... У тебя образецъ-то на главахъ... хорошъ их?.. Вонъ Вирилу-то и стегали, и женили... на что умъ лучше: на твоей родной дочери, на Аннъ... Да что вынию?... Присмиръть ли? Благедарить ли онъ теба съ Федотомъ Семенычемъ, али Анну-то — осчастливили, что ли?... Нътъ, батюшка, не приведется тебъ ни съчь меня, ни женить по-неволъ... Съчь не за что, да и рука у тебя не подиниется... А невъста у меня одна, — вотъ она... Параня... Развъ есть... не то — лучше... а хотъ другая такая?... По миъ, нъту ни краще, ни лучше ся... Либо на ней женюсь, либо... ужъ не намо что тогда будетъ... Вотъ, батюшка, я тебъ тенерь все сназалъ, всю свою душу отврылъ... А ты не гиъвайся, а лучне будь родитель, какъ всегда былъ, — добрый, радъльный: дай ты мвъ свое согласие и благословеніе... Прошу я тебя...

Осдя низко поклонился отпу и стояль передь нимъ, ожидая отвъта. Напоминаніе о Кирилъ и судьбъ Анны въ словахъ Осди было очень неумъстно: оно осворбило Герасима Дмитрича, вызвало въ его памяти разсказы дочери о похожденіяхъ затя въ этомъ самомъ домъ, съ этими самыми женщинами, на одной изъ которыхъ Осдя хочеть жениться, а другую — признать своей второй матерью. Лицо Герасима Дмитрича, противъ ожиданія Осди, сдълаюсь еще мрачиве и сердитье.

— Хошь бы ты здёсь-то, въ этомъ мёстё, при этихъ... отвёчалъ старикъ, указывая рукою въ сторону коздевъ:— не поминалъ бы о Кирилѣ... Сестру-то бы тоже пожалѣлъ: туть же, вёдь, она сидитъ... Вона!.. Ну-ка, подумай: съ какими людьми ты внаешься, на комъ ты жениться хочешь, да еще благословенья моего просишь?.. Не сталъ- бы я этого при нихъ говорить, Богъ бы съ ниме!.. да самъ ты меня навелъ... Вспомни-ка: зачѣмъ онъ сюда ходилъ?.. Изъ-за чего его привѣчали?... Для кого онъ домъ свой зорилъ, жену билъ и тиранилъ?.. Такъ такую-то ты роденьку завести хочешь?...

- Да что же это вы насъ такъ срамите и обижаете въ на-

немъ же дому?...- вибшалась Дарья Тихоновна плансиянить гоюсонъ. — Неужто, что мы сироты, такъ насъ всячески безчестить можно: вступиться за насъ не-кому?.. Напрасно вы такъ мени понимаете... Я Федора Герасимыча свататься не заманивала, да еще и полнаго своего согласія не дала... Я не нуждаюсь въ немъ... Ботъ съ вами совсёмъ!.. И изъ-ва чего такого я Кирила Федотыча привѣчала?.. Привѣчать я всякаго привѣчаю, по сиротству и по своему харавтеру ласковому, привѣтному... Не онъ одинъ къ намъ ходитъ: есть, слава Богу. добрые люди, не гнушаются нашей бѣдностью... А чёмъ я виновата, что онъ не путный человѣкъ, жену не любитъ, изъ дома танитъ, гуляетъ, пьянствуетъ... Я еще его сколь разъ останавливала, совѣстила, что денъги зря мотаетъ... Напрасно вы такъ сиротъ обяжвете, не зная, по чужому оговору...

Дарья Тихоновна заплавала.

— А шалевый-то платокъ не дарилъ, скажешь, не дарилъ?.. — накинулась вдругъ на нее молчавшая до сихъ поръ Алиа, въ глазахъ которой загорѣлась злоба и ненависть. — А угощенья не носилъ?.. А деньгами-то сколько передавалъ?.. Полно, все знаемъ!.. Не прикидывайся!.. Не́-куда ему больше таскать, какъ къ вамъ, аспидамъ... Аспиды, аспиды!.. кровь вы мою высосали!.. Мужа отняли, домъ разорили!..

— Да что же это такое? Господи помилуй!.. Примли во мив въ домъ надругаться?.. Өедоръ Герасимичъ, да на что же это похоже? Гдв это видано?.. Неужто ужъ?..

--- Такъ не правда? не правда, что ли? --- перебила ее Анна. -- Не такая ты, что ли... и съ дочной-то со своей?.. Такая, такая!.. рас... Ой, батюшки!..

Өедя съ такой силой схватилъ Анну за плечо, что она вскрикнула отъ боли. Братъ стоялъ передъ ней блёдный какъ полотно и весь дрожалъ; глаза его горёли, лицо было страшию. Анна взглянула на него-и испугалась до того, что у нея сдавило горло и языкъ пересталъ двигаться.

--- Я тебѣ сказалъ... сказалъ: никогда не смѣй!..-- говорилъ Оедоръ едва слышнымъ, сиплымъ голосомъ.---Не смѣй про Параню: она хорошая... честная!.. Ты хошь и сестра миѣ... а за это я вонъ выброшу!.. откажусь!.. отъ всѣхъ откажусь изъ-за иея!.. Не дамъ обижать ее... не дамъ!.. Ты еще сестра... любимая!.. я все для тебя!.. Я тебя просилъ, а ти... поссорить насъ хочещь...

Голосъ Өеди оборвался: онъ робкимъ взглядомъ искалъ Па-

раню, боясь встрётить ся обиженное лицо, услышать оть нея какос-нибудь страшное для себя слово.

- Съ горя, Өединька, съ горя моего, съ большого...-оправдивалась Анна. -- Простите вы меня, Христа-ради... Не сердитесь вы изъ-за меня на Өединьку: ужъ какъ онъ любить, какъ любить... А я... извёстно... я горькая, самая горькая: у всёхъ на смёху, на сраму!.. Съ меня что взискивать?.. Что съ меня изпъ?.. Н'ётъ, нётъ, Өедя хвалилъ васъ, какъ хвалилъ!.. Онъ никому слова не дастъ худого сказать про васъ... А мнё, извёсню, горько... Горько мнё взъ-за мужа своего, изъ-за бевстыкаго!.. Не слушайте меня, ради-Христа... Не примайте моихъ словъ ни во что!..

- Богъ съ вами! продолжала Дарья Тихоновна въ прежнемъ гонѣ. Насъ, я говорю, сиротъ, обидѣть всявому легко... Да не то, что привѣчать, да заманивать его, Кирила Оедотыча, а не знала, какъ отдѣлаться, какъ развязаться съ нимъ... Не рада была, что и знакомство съ нимъ завела... Спросите-ка при Оедорѣ Герасимичѣ, какъ его сегодня — добромъ ли — мы съ дочерью изъ дома проводнян?.. Куда пошло его угощенье, его сласти-закуски, водка сладкая, что принесъ съ собой?.. Да и въ знать-то онъ съ нами вошелъ обманнымъ манеромъ: холостымъ себя объявлять, показывалъ...

- Холостымъ!..-вскривнула Анна, всплеснувши руками.

--- Недавно, недавно... и то отъ стороннихъ людей узнали, что онъ женатый-то... -- подтвердила Дарья Тихоновна. --- Кабы впередъ знать, да въдать, что онъ этакой угаръ-молодецъ, что отъ живой жены холостымъ объявляется, такъ давнымъ бы давно я его спровадила... Не дала бы ему про себя, про свою дочь худую славу пускать... Мы люди хошь бъдные, а тоже сами себя оберегаемъ, живемъ тихо, смирно, никого не трогаемъ...

- А воть теперь, батюшка, поддержаль Өедорь: Дарья Тихоновна съ обоими дётьми на фабрику хочеть ёхать, въ работу тамъ наниматься, чтобы ото всёхъ этихъ поклёповъ уйти, чтобы всё эти сплетни кончились: всякой увидить тогда, что своимъ трудомъ онё живуть, своими руками хлёбъ себё проимшляють...

- Мић, сынокъ, все одно: какія онћ, куда идуть, что дѣлать хотять... Сватовъ я къ нимъ посылать не стану... И не съ Карилой судить, разбирать ихъ я пришель: мић до одного тебя двао... И воть тебе мой приказъ: какъ воротишься на фабрику, получи съ хозяевъ разсчеть за время, что прожиль, -- и приходи домой... Не желаю я, чтобы ты въ чужихъ людяхъ жилъ: живи

Токъ II.-Марть, 1879.

дома, у меня на глазахъ... Не надо мнъ твоихъ большихъ заработковъ: и дома про тебя работы довольно найдется... Слышалъ?.. Вотъ больше ничего...

---- Этого, батюшка, никакъ невозможно... Паспортъ у меня плакатный на годъ взятъ, съ твоего позволенья... Какъ тебъ угодно, а я домой не приду теперь..

--- Да что ты, съ ума спятилъ, что ли?.. Какъ ты не придешь, коли я, родитель, тебѣ приказываю?.. Не придеть онъ!.. Да какъ у тебя языкъ-отъ повернулся --- молвить этакое слово?.. Чтобы черезъ два дня дома быть... А то велю связать да привести... Слышишь?..

- Нѣть, батюшка, по доброй волѣ не приду... и не жди!.. Развѣ и самъ-дѣлѣ связать велишь, да домой связаннаго притащишь, — ну, тогда другое дѣло: твоя власть... Ничѣмъ я ни передъ тобой, ни передъ людьми не виновать, — ни пью, ни гуляю, деньги, что заработаю, тебѣ же отдавать буду... Ну, а ты срами сына, тащи его связаннымъ, коли на то твоя родительская воля: пускай люди видять, пускай думають, что я въ мошенники, али въ воры, что ли, какіе попалъ, что самъ отецъ велѣлъ сына связаннаго -домой тащить... А доброй волей я не приду...

— Воть такъ сынъ тихій да поворный!.. Ка́въ поговаривать сталъ противъ отца... Далъ порадоваться на себя... не́чего сказать... Спасибо, смновъ, спасибо за послушанье твое, за почтенье. въ родителю!.. Да неужто ты вправду думаешь, что я захочу ихъ въ родню взять, что я дамъ тебъ благословенье жениться на дъвкъ незнаемой?.. Али ты ужъ больно уменъ сталъ и благословенье родительское ни во что не почитаешь?... и бевъ него оврутиться думаешь?.. А коли я тебъ, бедоръ, вотъ при невъстъ твоей и при матери ея, прамо скажу, что не будетъ тебъ моего позволеныя жениться на ней ни теперь, ни послъ?..

--- Не говори, родиный батюшка, не говори этого слова... Богомъ тебя прошу... земно тебъ кланяюсь...

Өедоръ повлонился отцу въ ноги и остался передъ нимъ на колъняхъ.

-- Не мѣшай ты моему счастію... Погибель моя будеть въ томъ, коли этого не сбудется... Посмотри ты на нее, батюшка, посмотри хорошенько, поговори съ ней: вѣдь нѣту другихъ этакихъ....

- Что мнё смотрёть, что говорить: не я выбираль ее про тебя, ты меня не спрашиваль и не зналь я ее вовсе... Ныньче вы умнёе отцовь стали, сами себь невёсть ищете и находите, никого не спрашиваете!... безъ родительсваго благословенья, воять,

самокрутной женитесь... Я думаль, что мой сынь не какь другіе, нонѣшніе молодые ребята, думаль: няь воли родительской, изь родительскаго почтенія не выйдеть... А ты, видать, ва ними же идешь, по одной дорожкё... во всёхь нонё одинь духь!.. Ти меня слушаться не хочень, что я приказываю—не уважаещь, такъ нечего тебё и на колёнкахь передо мной стоять, не о чемь просить меня, и мнё хлопотать, видно, не о чемъ... Живи ка́къ знаещь, дъвай что хочешь... Не зачёмъ тебё моего повволенія просить, не зачёмъ мнё свое согласіе давать... Вы выходите нонё отцовъ-то умнёе, сами все лучше ихъ знаете... Пойдемъ, Анна... Нечего намъ здёсь больше дёлать...

Герасниъ Динтричъ торопливо, ни на кого не смотря, поднялся съ ийста и сталъ выбираться изъ-за стола, за которымъ сидёлъ.

Оедоръ всталъ съ колёнъ съ недовольнымъ, разстроеннымъ лицомъ.

--- Я тебѣ, батюшка, во всю жизнь ничего напротивъ не сдѣлалъ, --- сказалъ онъ, --- всякое почтеніе оказывалъ, былъ всегда твониъ слугой и останусь по конецъ твоей жизни... А въ этомъ дѣлѣ... правда, что это мое дѣло, ничье больше, потому судьба мол... Вся твоя воля, какъ тебѣ угодно...

Герасниъ Динтричъ.ни съ къмъ не простился и шелъ къ дверянъ, не говоря ни слова и не оглядываясь.

— Ты хоть бы простился съ нимъ, батюшка... съ Өедей-то... шепнула Анна, идя вслёдъ за отцожъ.

Но старикъ ничего не отв'ялъ и сталь отворять дверь. Анна на-своро обняла брата, торопась за отцомъ.

- Батюшка, да вуда же вы теперь?..-спрашивалъ Өедя, но также не получилъ отвёта.

Онъ вышелъ изъ избы вслёдъ за отцомъ и сестрой.

— Прощай же, батюшка, по крайности... Я, кажется, ни въ ченъ тебв не согрубнаъ, а что же мнё дёлать, коли все сердце мое туть... Не гнёвайся, простись, по крайности... — говориль Осдя уже на улицё.

— Батюшва, ну, что же ты, и самъ-дёлё?.. Онъ же, вёдь, смотри-на какъ... на волёнкахъ ползаль...—уговаривала старика съ своей стороны Анна.

Герасинъ Дмитричъ остановился.

--- Прощай, --- сказваль онъ подошедшему сыну. --- Жалко мнѣ тебя... На рожу на одну польстился... Не такую бы тебѣ надо... Ну, по крайности не кори отца, коли послѣ спокаешься... Нѣтъ тебѣ моего совѣта, а не послушаещь, дѣлай какъ знаещъ... По

нашимъ мѣстамъ и разговорка-то эта одна, что промежъ насъ была, у невѣсты въ дому, при ней и при матери, такъ срамотушка: кажется бы, невѣстѣ-то нужно было со стыда сгорѣть, а матери насъ всѣхъ и съ тобой-то вмѣстѣ по шеямъ выгнать... Да ныньче вось свѣтъ вверхъ ногами перевернулся... Либо ужъ онѣ-то вовсе безстыжія... Ну, да что говорить... Теперъ тебѣ хошь колъ на головѣ теши... Можетъ, Богъ дастъ, самъ немотришься, все увидищь... Эхъ, Өедя, Өедя... Не чаялъ этого... Старъ я, видно, слабъ сталъ... Не такъ бы надо мнѣ!.. Прощай.. Оставайся съ Богомъ...

Анна бросилась на шею въ брату.

— Өединька, а онъ върно уъдуть отсель?.. — спрашивала Анна, расцъловавшись и попрощавшись съ братомъ.

— Увдуть, увдуть...

- 0643?

— Объ...

— На эту... на фабрику?..

— Да, да...

— А далеко это, Өединька?..

- Отъ васъ больше тридцати версть...

— Ахъ... дай-ка, Господи!.. — проговорила съ глубовниъ вздохомъ Анна, отвѣчая на собственную, не высказанную мысль.

— Батюшка, не сумнѣвайся ты обо мнѣ, — говорилъ Оедя, идя около отца: — ваковъ я былъ, таковъ и есть... Не гнѣвайся ты на меня, а въ этомъ я не воленъ самъ въ себѣ...

- Ну, и ступай, ступай въ нимъ... Не мы тебѣ нужны - онѣ!.. Сиди съ ними... Что ужъ туть говорить много... Нечего: все видать!..

Старикъ сердито поправилъ шапку на головѣ и быстро зашагалъ впередъ.

--- Прощай, батюшка...-- говорилъ Өедя, останавливаясь.---Поклонитесь Өедоту Семенычу.... Попросите: не побываеть ли ко мнъ, на фабрику.. не сдълаеть ли такую милость...

— Попрошу, попрошу, Өединька... Прійдеть онъ къ теби... — отвичала Анна.

— Увезешь ты ихъ, батюшка, — продолжала она шонотомъ, обнимая брата, — можетъ и онъ остепенится маленько, мой-отъ, обгать-то будетъ не въ кому... А ужъ я всячески, всячески буду просить — припадать и въ батюшкв, и въ Өедоту Семенычу, насчетъ тебя... чтобы не трогали тебя... Красива она, больно красива, злодъйка!.. И любовь твоя въ ней великая!.. Только смотри, Өединька, смотри, батюшка, не обманули бы онъ тебя... Не сер-

дись, родниенькой!.. Я для тебя только... жалёя тебя... А, можеть, в лучие твоей судьбы не будеть: не узнано это!.. какъ сказать!..

- Анна...- сердито всяривнулъ, далеко уже отошедший Герасних Динтричъ.

-- Иду, иду... Прощай, сердечный... Буду просить, буду прииздать всачески... Прощай...

И Анна побъкала догонять отда.

П.

Когда дверь за Герасимомъ Дмитричемъ затворилась, и Дарья Тихоненна осталась въ изоб одна съ дочерью, она вопросительно посмотрѣла на Параню, какъ-бы вызывая ее высказать: что́ та думала и чувствовала, по поводу всего происшедшаго; но Параня сидѣла молча, задумавшись, съ серьёзнымъ лицомъ, и холодно, безотвѣтно встрѣтила взглядъ матери.

- Что носъ-отъ опустила, задумалась? - спросила ее Дарья Тихоновна.

- Ничего... Такъ...-отвѣчала Параня съ легкимъ вздохомъ.

- Да какъ ничего?.. развё я не вижу?.. Скаже...

- Чего говорить-то?.. Всё-то насъ срамять, всё надругаются.. Ровно и за подей не считають...

— Да кабы я внала, что не больно теб'я дорогъ Оедянка, шугнула бы я этихъ гостей по-свойски... Только изъ того и стерпела, что тебя пожалёла: думаю себ'я, съ отцомъ вовсе поссориться, ужъ и съ нимъ разойтись придется... Кавой ужъ женихъ, коли отца съ сестрой нев'ястина мать изъ дома вонъ выгнана....

— А теперь, по крайности, хошь насъ изругали, да безъ покнова, безъ привёта, ровно изъ кабака какого, ушли отъ насъ!. раздражительно, съ горькой усмъщкой, проговорила Параня.

- Тавъ что же было дёлать?.. Ругаться съ ними сняться, что ли, да вонъ гнать въ шею женихова-то отца?..

- Еще Богъ знаеть: либо будеть женихомъ-то, либо ивть...

--- Такъ, въдь, кто тебя знасть: къ тебъ въ душу-то не влъзень, а ты мив ничего не сказывала...

- Да сказывать-то нечего...

— Я думала, что онъ и невъсть вакъ дорогъ да милъ 1865....

- Разви из тонк: мнях, али нить?.. Хошь и мнях, да коли

своего ничего нёть, и не будеть, а родитель его вонъ канъ насть понимаеть, такъ и ты не отдашь, да и и не пойду за него...

— Такъ вёдь... ахъ, батюшки!.. и я-то про то же!.. — съ видимымъ удовольствіемъ согласилась Дарыя Тихоновна: — не привязана ты къ нему и самъ-дёлё... Подождемъ, поглядимъ: что изъ него будетъ... Можетъ, и самъ-дёлё вупцы его облагодётельствують, человёкомъ сдёлаютъ, на дорогу выведутъ — и богатъ будетъ... А; можетъ, онъ только хвастаетъ, да такъ на томъ, что есть, и останется... Тогда экихъ-то много, и получше его найдется!..

--- Больно онъ парень-то хорошій... Смотри-ка, какъ любитъ меня... Души не часть... во мнѣ!..

--- Еще бы онъ тебя не любилъ... Гдё онъ звую-то другую найдеть?.. Ну, а воли любить, такъ пускай и старается, промышляеть... устранваеть самъ себя... чтобы было чёмъ жену, семью, провормить и одёть... Чу, идеть...

Вошель Өедя. Лицо его было озабочено: онъ безпоконлся о томъ, какое впечатлёніе произвело на Параню посёщеніе отца и его объясненіе съ ними.

--- Не обевсудьте, Дарья Тихоновна... не сердись и ти, Царанющка, на моего старика... Это все Кирило его сбудоражнить: я такъ и думалъ, что онъ, проклятый, пойдеть и навреть ему... Такъ и вышло...

— Ну, что дёлать-то, Өедоръ Гераснийчъ!.. — отвёчала Дарья Тихоновна. — Я, по своему сиротству, привыкла ужъ обиды-то отъ людей принимать: ласково-то мало кто скажеть, а обидётьто всегда много охотниковъ находилось... Богъ съ ними!.. Что ужъ про насъ думать!.. Нётъ, а вотъ мы съ Параней про тебя разговаривали, о тебё тужили...

- Что же про меня тужить-то, Дарья Тихоновна?.. кажется, все слава Богу...

— А воть родитель-то на тебя гизвенъ... Непріятно ему, что ты съ нами знавомство дале ведешь... А о ченъ другомъ ужъ и говорить нечего... Ужъ эхать ли намъ, полно, на фабрику-то?..

--- Отчего же не бхать, Дарья Тихоновна?-- вспуганно спросиль Федя.

— Да, вёдь, мы собрались въ надеждё на тебя, а накъ ты завезешь насъ туда да повинешь?.. Це то — по доброй волё, я того не думаю!.. А вакъ н въ самъ-дёлё родитель домой тебя вытребуеть?..

- Этого быть не ножеть, Дарья Тихеновна... По доброй

волть я не пойду до года, нева паспорть выйдеть, а силой онъ меня не потребуеть, сражить меня не захочеть: не такой онъ человтять...

— Да все-таки и ссориться вамъ нась съ родителемъ ровно какъ не приходится... Какъ нивакъ, а все у него въ рукахъ, все онъ въ дому голова и ховяниъ... Хорошо, какъ если на фабрикъ тамъ денъги будещь большія получать... Ну, такъ иожень тогда и самъ но себъ жить... А какъ все такъ-то, на этакомъ-то жалованьи, какъ тейерь получаены, да придется, пожалуй, тебъ въ домъ воротиться... я тебъ впередъ говорю: я Параню къ вамъ въ домъ воротиться... я тебъ впередъ говорю: я Параню къ вамъ въ домъ не отдамъ, да она и сама не пойдетъ... Вонъ, въдь, родитель-то твой какъ нами гнушается... Никогда, говоритъ, за родню не сочту... Такъ какая же пріятность Паранъ въ такой домъ идти, хощь бы какъ она тебя ни любнла?..

- Дарья Тихоновна!.. Параня!.. все передвлается, все по другену будеть, только вы не нередумивайте на фабрику бхать... не отибняйте этого... Я на себя надбюсь... Изо всёхъ сняъ стараться буду, добыссь чего-небудь!.. А насчеть родетеля вы не безпокойтесь: онъ и теперь сказаль мий, уходя: двлай какъ хочень... А воть побываеть у меня Өедогь Семенничь, поговорю я съ нимъ, поважу ему Параню... Онъ и родителя моего уговорить, и балюшка другой будеть... А на себя ва деревню, на батюнить въ донъ, я Параню не поведу... Я самъ не хочу въ деревнѣ жить... Вы только не передумывайте, а ты, Паранюшка, поножин только - все будеть хорошо... Воть бы инв только въ машинное отдёленіе попасть, тамъ тотчась мнё жалованья прибаваты. А тамъ, ножотъ, и въ механики попаду... Мий бы только Паранюшка была со иной, да любила меня, да не гребтелось бы о ней: чио она, да какъ, а я еще одну штучку тамъ обдуниваю для фабрики: очень будеть выгодно для хозяевь... Все обдумаю, сважу ниъ, сами увидячь вакая для нихъ польза: не оставать и меня, нагредять... Погодите, погодите только... Все будеть хороню... Я, вёдь, эти двё недёли ровно шальной ходиль, ни о чемъ и думать не могь, окромъ Парани... Никавія малинны мий въ голову не нан: только одна ты, Параня, н стояла въ глазахъ... А на сердцё тоска по тебе, тоска смертная... Руки работають: пилачь, теттуть, а передь глазами ты стенны, ровно живая, а сердце ность, ность... Воть такъ и жилъ дръ недъли-то, не знаю-ванъ и прожилъ!. А, въдъ, будешь ты у меня на глазать, не будеть у меня этой тоски по теб'я, я не такъ и за дёло примусь... И выдумви у меня пойдуть одна.

лучше другой!.. Мнё и теперь много въ голову приходило, тольяю думать-то я пристально нивакъ не могъ...

— Ахъ, ты, милый ты, милый, сердечный парень!..—говорила съ ласковой улыбкой Дарья Тихоновна. — Уменъ ты уменъ, а молодо еще — зелено!.. Все это, батюшка, буки, когда-то будуть... А ты смотри и насъ на бувахъ не оставь... Вёдь, хошь, и говоришь, что десять рублей въ мёсяцъ жалованья дадутъ Паранё съ Николкой, да, вёдь, это на своихъ харчахъ, да за квартиру еще заплати... А харчи ныньче дорогіе, а насъ трое: пить, ёсть, одёться нужно: пожалуй, и не станеть... А какъ и тебё-то насть поддержать будеть нечёмъ?.. Туть какъ быть?..

--- Не безнокойтесь, Дарья Тихоновна, надёйтесь на меня!.. Ужъ только поёдемте...

--- Да хорошо, хорошо, ужъ только по надеждё на тебя и аду, оть своего дома отстаю...

--- А ты что, Паранюшна, задумалась, ничего не скажешь?. Сомнъваешься ты во мив, не надъешься, не върашь?.. --- сира-шивалъ Өедя. -- Скажи что-нибудь...

--- Что говорить-то?.. Хошь вёрь, хошь не вёрь, все одно ужъ... Ждать надо, что будеть...

- А теб'й бы воть что, Өедя, лучше стараться, — зам'ятила Дарья Тихоновна, — въ приказчики бы какъ понасть къ кущамъто! Воть, я слыхала, выгодно, сказываютъ, въ приказчикахъ у кущовъ жить...

— Да, вотъ бы и я тогда приказчина была!... — засмѣялась Параня.

— Изъ приказчиковъ-то вонъ иные въ купцы выходять... капиталы наживають!.. свои каменные дома, давки имбють!....Я вонъ въ городу была: сколько мнъ такихъ показывали...

--- Да, пожила бы вупчихой-то, въ своемъ ваменномъ дому!.---восвликнула Параня съ увлечениемъ.

Осдя нахмурился и собирался что-то возравить, но въ это время послышался грохоть подъёзжавшей къ избё телёги и вслёдь затёмь въ избу вбёжалъ Николка.

--- Прібхали! И баушка Ламцея сейчась придеть!---вскричаль Николка, вбѣгая.

Его посылали за подводой, которую Седя велёлъ нанять, чтобы довезти до фабрики Параню съ матерью, и за дальней родственницей Дарьи Тихоновны, престьянкой той же деревни, баушкой Лампеей, надзору которой рёшили поручить домъ въ отсутстви хозяевъ.

- Что ты больно долго ходилъ, Николка?-спросила Дарья

Тиконовна.— Поди, чай, всёхъ прізтелевъ, об'якалъ: прощался, что у важаешь?

— Да я только къ Тишкё, да къ Гринутей забёжаль, пока дядя Евграфъ лошадь закладываль, а больше съ намъ провоенися: насилу уговориль, ёхать-то... Что, говорить, вамъ присимчило ночью?.. Меньше рубля, говорить, не возьму!... насилу уговориль, за три четвертака, — только-что, говорить, непремённо, чтобы тамъ на восунку ему дать, сверхъ ряды... Я думаль, думаль, да и велёдь закладывать... Ужъ и домой не пошель вамъ сказывать... Какъ хочешь, Седоръ Герасимичь, а дешеване его никто не возъметь... потому ночное дёло...

— Дорого, дорого!... Какъ это можно этакія деньги!.. всяричала Дарья Тихоновна.— Вёдь, теб'ё велёли, пострёлу, только поискать, да прицённься, а ты ужъ и наналь, и призель...

— Да, вёдь, какъ же... Я думалъ лучше... Смотри-ка: ночь на дворё... Лягутъ спать, такъ тутъ и толковъ не добъенься... А ужъ я знаю, что дешевле дяди Евграфа никто не повезетъ, потому онъ и къ лошади не жальливъ, доматыкаетъ ее въ конецъ... да и выцить-то любитъ: я его косушкой-то и поманилъ...

— А пуще всего самому-то теб'в вхать до смерти хочется... воть что! — зам'ятила Дарья Тихоновия. А ты бы то подумаль сначала, что этакія деньги больнія просять... Можеть, Өедору-то Герасимычу и дорого покажется... Не по мысли будеть...

--- Н'этъ, н'этъ, не дорого... Снасибо, Ниполаша, что нанялъ и нривелъ... Молодецъ за это!.. Спасибо!..

— Я старался было... какъ лучше...

- Спасибо, спасибо!.. Умникъ, мододацъ!... Ну, собирайтесь же, Дарья Тихоновна, да пойдемъ... Параня, собирайся...

--- Экъ, теб'я ужъ не теринтся: увезти-то насъ хочется поскорве!... засм'ялась Парана.--Скогри: придется ли еще намъ по мысли у тебя на фабрики-то...

— По мнѣ, Пареля: гдѣ ты, тамъ и хорошо... а безъ тебя вездѣ плохо... Не знаю, какъ ты!...—не безъ упрека отвѣтилъ Федя.

--- Воть только баунна-то Лампея скоро ли, а то мы совсёмъ готовы...--отозвалась Дарья Тихоновна.---Да къ сусёдямъ надо бы скодить: попреядаться да нопресить, чтобы приглянули за избенной-то... Больно ужъ ты скоро насъ свялъ, собралъ...

--- Такъ сходите, Дарья Тихоновна, носкорфе... Только бы нодвода-то подождана, а то поснёемъ еще... до угра-то доёдемъ, хоть и шатомъ повезетъ: ночь ныньче долгая...

--- Ну, такъ я сбътаю пока, а ты, Параня, прибирай остатки...

Дарья Тихоновна ушла. Осда вислаль изъ езбы и Николку, подъ предлогомъ попросить подвозчика, чтобы подождаль минутку.

Оставшись одинь съ Параней, Өеди бросился въ ней.

- Параня, солнышко мое, -- говориль онь, обнимая ее: скажи ты мий: рада ли ты, что йдешь со мной, что мы будемь наждый день видаться?... Можеть, жить вийстё будемь?...

Онъ старался поцёловать ся въ губы, но Параня отвернула лицо и выскользнула изъ рукъ Өеди.

--- Вишь, ты какой ныньче сталь, на фабрикв-то пожиль: бойний!.. Не какъ прежде!.. Ровно нани ребята, лъзещь...

- Я думалъ, ты любишь меня...-проговорилъ Седи унавшимъ голосомъ. Глаза его потухли и сдёлались печальны, руки опустились.

--- Такъ кочто же этакъ-то? охальничать-то?... ровно, вотъ, Кирила-- тоже...

--- Развё я?... развё я... про тебя... все равно, что Кирила?... проговориль Өедя прерывающимся голосомъ.--Каби любила ты меня... не сказала бы этого... не сдёлала бы такъ...

Опъ быль блёдень. Въ голосё его слышались слевы.

---- Что отець-оть твой говориль в сестра-то?... Развё лестно слушать этакія рёчи?...

--- Такъ чёмъ же я-то виновать?... Развё черезъ меня?... Развё я давалъ имъ говорить?... Послушался я, что-ли, отца?... Никого, Параня, не послушаюсь, никто мена не остановитъ... коли ти любищь меня.... На это не смотри, не слушай!.. Коли бы ти нужди не боллась, хотъ сейчасъ обвёнчаемся...

--- Спаснбо!.. Я къ твоей роднъ не пойду на поклонъ... подъ начало... на сремъ, да на руганъ!..

--- Не пойденъ мы въ никъ, Парани: на фабрикъ житъ буденъ... Не долго и нужду потерпъть придется: можетъ бытъ, скоро на другое дъло переведутъ и жалованъя прибаватъ...

--- То подожди, пока богать буду, то теперь въ нужду иди, да, можеть, и совсвиъ въ ней останься!.. Либо прибавять, либо изть!.. Да еще своль и прибавять-то?..

--- Такъ развё ты изъ-за того только, Параня, нойдешь за меня, что я богать буду?

- Воть и рёчи свои по другому новель!.. Я, кажись, съ тобой не торговалася: самъ просилъ подождать, пока дёла поправятся, пока денегъ будень много промыннять... И макушъё такъ сказаль.

- Да я и не отретаюсь оть своихь словь. Параня... только затёмъ же ты такъ-то со мной?... зачёмъ ты съ Кирюшкой-то иеня равняещь?.. Меня, вёдь, танеть из тебё: взгляненнь ты на иеня, около сядешь и то радость мнё большая... А ужъ понуновать-то... нажется, и радости-то другой нёть такой... Отчего же тебя-то не тянеть ко мий?... Ну, пускай, даве, при матери, по ен приказу, не хотёла... я самъ не хотёлъ... А теперь-то чю?... Мы одни, никого нёть... а ты оть меня отворотилась, отголкнула, точно не милъ, противенъ я тебё... точно чужой я тебё совсёмъ... Кабы любила? развё бы?..

- А зачёмъ силой лёзень?... На смерть не люблю!.. Не приставай никотда: мнё и безь тебя надойли приставальщики-то...

--- Такъ развѣ я пристаю?... развѣ я силой, Параня?... Я дукаль, что ты сама... дукаль, что у меня на сердцѣ, то и у тебя... Ну, Паранюшка, солнышко мос!.. му, коли любишь, подойди сама... подойди сама ко миб...

- Когда ведумаю, тогда и подойду...

— Такъ, видно, не милъ я тебъ?.. — вскричалъ Оедя. — Ну, вядунай же теперь... Паранюнка... ну, подойди же теперь, воли любящь!..

--- А ты вричи инибче, знай... Того и смотри чужи люди войдуть: вонъ по мосту невто шагаеть...

Въ нзбу вошла старуха въ сопровожденін Николки. Парана быстро, многозначительно вятлянула на Федю. Тотъ уныло опустить голову: у него было очень не хорошо на душѣ; онъ скутно чувствовалъ, что въ словахъ Парани была какая-то неискренность, и во всякомъ случаѣ не выражалось того безпредільнаго, глубокаго, охватывающаго чувства въ нему, накое онъ искитывалъ въ ней. Такія минуты сомнѣнія бывали и премде, но онѣ проходнии при первомъ ласковомъ словѣ, наи даже вклядѣ Парани; онѣ скоро прошли и теперь при мысли, что Цараня обижена его отцомъ и не можеть оъ-разу забыть эту обяду.

— Здравствуй, баушка Ламиен, — прив'иствовада Параня вонедні ую старуху.

— Здорово живете... Здравствуй, Паранька, — отв'ялла старуха. — А это чей такой нолодецъ-отв?.. — продолжала она, оглядывая Седю.

- Знаконый нашь... неъ Чернушевъ деревни...

- А-а, анакомчикъ!... – протянула Ламиея. – Ну-у... Молодой еще!... Молодъ!... Вишь ты!... Видать, не женатый...

- Нёту, холостой...-сповойно отвёчала Паравя.

123

Но Федю сильно поворобило оть замёчанія старухлі ему показалось, что въ словахъ ся былъ намекъ на предполагаемныя , ею отношенія его не въ Паранё, а въ самой Дарьё Тихо-

новий. — Слыхала я Чернушки-то деревню... — продолжала старуха, обращаясь уже прямо къ Седй, — только николи не бывала, да, кажись, и не знаю тамоди никого... Не близко же, вёдь, она... Издалека ходишь гоститься-то, молодецъ!... Кажъ тебя звать-то?...

- Өедоромъ...-неохотно, нояти грубо отвёчаль онъ.

- А изъ чыхъ будешь?... По отцъ-то ванъ?...

- Герасимовъ... Да что тебъ, баушка?... Ты насъ не знаешь...

--- Не внаю в есть... Не знаю Герасима... -- простодушно сказала Ламнея. -- А только-что не ближно мъсто -- Чернушки... Издалена, молъ, ходишь гулять-то!..

Өедё ужасно хотёлось огрызнуться на спаруху, но окъ промолчалъ, вспомнивъ, что она считается родственницей Дарьи Тахоновны, а слёдовательно и Парани.

--- Онъ не гулать пришелъ, а по дѣлу, баушка, --- отвѣчала Параня, которая, какъ-будто тоже поняла намеки старухи: -- и не изъ Чернушки онъ пришелъ, а съ фабрики...

— Да, да, слышала я: сказывалъ Николка, да я не повѣрила... На фабрику-ту собираетесь всѣ...

— Да, баушка, собрались ужъ: вонъ и подвода стоятъ... Сейчасъ пойдемъ, матушка только къ сусйдямъ побижала попрощаться, да тебя поджидала...

— Да что, матка-то съ ума, что-ли, снятила?... Съ чего-й-те это на фабрику сдумала... отъ своего дома?.. И не посовѣтовала... ничего... та́къ, на́-ка, вдругъ!.. Да что ей тамъ: золотни геры, что-ли, насулили?... Али, думаетъ, людно тамъ, такъ и... али про тебя жениха, думаетъ, сыщетъ?... А ужъ давно, дъвка, пора: засидѣлась и ты...

--- Нёть, баушка, жить нечёмъ здёсь, промыслить не на чёмъ: въ работу идемъ наймоваться...

— Слышала я это: и Николка, пострёленовъ, тоже разсказываеть мнё, забёгалъ... Ну, да я его не послушала: что, молъ, мальченовъ смыслить... что сказали, то и болтаеть!... А ты-тото же... Полно-ка!... Какія вы работницы съ маткой... Отстань-ка!... Жили-жили на-легкъ... ровно, птицы... живнь была у васъ самая легкая, гулящая... да вдругь, на-ка вотъ, работы захотёлк!... Эка, дёвка, подумаеты, хитра: старуху провести хочеть!... Сказывай правду ужъ... коли знаеты...

--- Да я, баушка, правду истинную теб'й говорю... В'йрно, что легкая-то жизнь надобла, опостылбла, больно ужъ слава-то хороша по ней идеть: воть матушка и надумала... здёсь-то нечёмъ промыслить, а на фабрикё работы споль угодно, и денежки платять хоронця... Жить можно...

-- Ай, дёвка, врень: ни въ жизнь не повёрю!... Это чтобы матка твоя въ чужи люди въ работу пошла... Врешь, не пойдеть: не на тёхъ харчахъ она вёнъ прожила, чтобы ей синну гнуть, да руки мозолить... коли воть экіе молодцы еще въ гости ходять!.. Не заработать ей съ-эстоль, сколь они дружки-знакомчики натаскають... и куска сладкаго, и одёжи нарядной...

Параня вспыхнула. Өедя поблёднёль и задрожаль при послёдныхь словахь старухи.

— Никто намъ ничего не таскаетъ...—проговорила Парана неровнымъ голосомъ и робко, стыдливо, взглянула исвоса на Оедю.

— А.я, баушка, не таковскій, что ты думаешь...— сказаль Оедя, поймавшій взглядь Парани и замітившій ся смущеніе:—я не знакомчикь, а женихь Паранинь...

---- Женихъ!...---вскривнула старуха недовъртиво и съ удивленіемъ.

— Да, баушка, женихъ!.. И Эдуть онв на фабрику точно работать, а не за чёмъ другимъ: Параня съ Николкой будуть на фабрику ходить, а Дарья Тихоновна на квартиръ станеть. жить, чтобы около нихъ обихаживать...

— Женихъ!... — твердила старуха недовѣрчиво. Да что мы не слыхали, чтобы сватовъ-то ты присылалъ... Ужъ знали бы, кажись: въ одной деревнѣ живемъ... да и въ родствѣ тоже считаемся: кажись бы, надо сказать маткѣ-то... ныньче хощь со старыми-то, видно, не совѣтують, не слушають ихъ, а все бы, нажись, сказала, что дѣло у васъ наладилось...

--- Я, баушка, безъ сватовъ: самъ сватался, да и сказать-то тебъ было невогда, потому сегодня только мы объявнямся...

- Какъ, бевъ сватовъ? Какъ бевъ сватовъ сватался?... Что ти меня, ровно дуру, морочишъ?... Гдё это видано — слыхано!.. Да что ты — сирота, что-ли, безродный? Ни отца, ни матери, ни сродственниковъ — нётъ никого?... Хошъ какая-нибудь родня да есть же?.. Парень ты молодой: смотри-ка, борода-то еще не опушилась, да самъ ты пойдешь свататься!.. Да кто тебя слушатьто, говорить-то кто съ тобой будетъ!.. Али безродный какой, вправду?...

- Нѣть, не безродный: и отець у меня есть, слава Богу,

BECTHERE REPORTS.

жноъ, здравствуеть, и брать стариній женатый, и другіе сродственники есть... А я все-жъ-таки самъ сваталси, безъ всякихъ сватовъ...

--- Ну, ужъ развё только-что Дарья... легкій она челов'якъ у насъ, такъ слушать тебя стала, а въ другомъ м'естё теб'ё бы и р'ечей-то этихъ выговорить не дали: пришли, молъ, постарше, да поуми'е!.. Да н'ётъ, врешь... не пов'ёрю!.. Что ты, развё воровски отъ отца-то жениться хочешь?.. да богать больно, ну, такъ, можетъ, Дарья польстилась: не хотёла она ин за что за б'ёднаго-то отдавать... А коли богатъ, такъ на что же имъ на фабрику въ работу-то вдта?...

-- Нѣтъ, я, баушка, не богать... А на фабрику онѣ съ моего же совѣта идуть, что тамъ можно проинслить лучше и честнымъ трудомъ... А здѣсь жить, только на сраму да на этакой славѣ, что и ты вотъ говоришь... Вотъ зачѣмъ онѣ на фабрику идуть!

— Ну ужъ, братъ, молодецъ, путаешь ты меня, да не спутаешь же: не удастся!... Ты, видно, баушку-то Лампею еще не знаешь... Что говоришь? Бъденъ ты, безъ святовъ сватаешься, а она, Дарья, отдаетъ за тебя Параньку, да еще работать на фабряку посылаетъ съ твоего совъта, да и сама за тъмъ же ъдетъ: свою избу покидаетъ... Ну, ты шутки-то эти шути съ къмъ другимъ, а не со мной... я дурой-то и не про тебя, такъ не бывала... Ишь ты какой прокуратъ!... Откуда взялся экой?... Видала я много вашей братьи этакихъ!...

- Да не сердись, баушка... Не шучу я, не смѣюсь: воть спроси Параню - и она тебъ скажеть, что правду я тебъ говорю...

— Да Паранька-то, пожалуй, тоже зубы-то поточить надъ старухой рада... Только-что развъ меня знаеть, не посмъеть: я сама оборву, изругаю... Ну, Паранька, скажи: вправду женихъ это твой?...

--- Вправду, баушка...-отвѣчала Параня, подумавши, но не тавъ ръ̀шительно и скоро, кавъ бы того желалъ Федя.

— Смотри, Паранька, не смёй зубоскалить надо мной: знашь, не люблю... Мать придеть, да скажеть настоящее — изругаю, вёдь, разсержуся...

--- Да что же, баушка... Я правду говорю... Вправду онъ сватался, я объщала ждать, пока побогатьсть...

- Такъ такъ бы ты, дура, и говорила... А то- женихъ, сватался, говорить... Какой же онъ женихъ!... А такъ, стало быть, -- ` одна разговорка только промежъ васъ была... Ну, мало ли что̀ парень съ дъвкой промежъ себя болтають... А то-женихъ!... Это

126

значнить — вогда еще что будеть: вилами на води писано... этакихь-то жениховь, у тебя, чай, много...

--- Много, Параня? --- спроснаъ Өедя, нахмурившись, и упорно, не сводя глазъ, смотрълъ на Параню.

--- Извёстно такихъ, какъ баушка говоритъ, много... -- вывернулась Параня.

— Нётъ, а такихъ, какъ я?... — настанвалъ встревоженный Осдя.

- Ну, опять сначала, что ли, мы станемъ съ тобой все переговарнать... Экой ты парень какой... тошной!... право, тошной!...

— Затоскуешь, Параня, какъ на все посмотришь, да все это переслушаешь!... — со вздохомъ проговорилъ Өедя.

Баушка Лампея, собиралась еще что-то сказать, но въ это время вошла въ избу Дарья Тяхоновна, въ сопровождении подводчика, дяди Евграфа, и Николая; а вслёдъ за ними ввалилась въ избу цёлая толпа сосёдокъ, пришедшихъ поглазёть на отъёзжающихъ и ихъ сборы въ дорогу. Баушкё Лампеё не удалось разспросить хорошенько обо всемъ Дарью Тихоновну. Въ избё началась суетня, вытаскивание узловъ на подводу, и такой говоръ и перестрёлка вопросовъ, отвётовъ, замёчаній, желаній и совётовъ, что Дарья Тихоновна успёла только попросить баушку, чтобы та, по родству, не останила: взглядывала бы на ея избу. Но и въ этомъ отношении всё сосёдки въ одинъ голосъ успоконвали и обнадеживали отъёзжающую хозяйку, ручаясь, что не пропадеть ни одинъ порохъ, ни одна соломинка съ крыши, что онѣ за всёмъ присмотрятъ и все уберегутъ.

— А ты бы окна-то заколотила бы...-подавала вслёдъ затёмъ совёть свой одна изъ сосёдокъ.

--- Безпремённо нужно заволотить...-соглашалась другая:--для всяваго случая...

--- Какъ можно не заколотимии: не ровёнъ часъ... Отъ лихого человёка не убереженься!. -- поддерживала мысль третья. Но оказалось, что Дарья Тихоновна просила уже объ этомъ

Но оказалось, что Дарья Тихоновна просила уже объ этомъ дядю Ивана, и тотъ об'вщалъ безпрем'ённо, и что старый тесишко для этого предмета им'ёстся уже въ виду.

--- Ты бы и ворота-то велёла бы заколотить...-начинались снова совёты.

--- Нѣтъ, ворота по что заколачивать.... Они снутри запоромъ задвинути... А вотъ калитку безпремѣнно нужно ваколотить...

--- Ныньче, матушка, и черезъ врышу пролёзуть... Народецъ-оть вонъ какой сталъ!...

воотных нероны.

- Пезналуй, полёвай: на дворё-то не что возъмешь, а воть, чтобы у дверей избяныхъ запоръ былъ хорошій...

---- Пробон чтобы здоровые и замокъ тяжелый... чтобы слыхать было, коли недобрый человъкъ вкдумаетъ...

— Да мнё бы, матушки, только бы не подпалилъ, храни Богъ, злодёй какой: вогъ чего опасно... А то взять-то у меня нечего: одни битые горшки да ухваты развё останутся, и то воть, баушка, что получше, къ себё спрячеть, а одёжу всю я съ собой забрала...—отвёчала Дарья Тихоновна.

--- Дай-ка я узель то вынесу... --- старались и въ этомъ помочь сосёдки.

— Да ничего, вотъ Параня съ Николкой... Вонъ и Оедоръ Герасимичъ подсобляеть: поспъемъ..

— Дай, дай, говорать, дай—я вынесу...—И сосёдка ночти вырываеть изь рукь хозяйки увель сь одёжей и несеть къ телёгё, а хозяйка, не вполнё довёряющая безворыстію услужливой сосёдки, идеть вслёдь за нею и за узломъ, съ пустыми руками, или посылаеть Параню.

--- А ты помни мое слово, --- говорила сустащейся Дарь Тихоновнѣ баушка Лампея: --- досадила ты мнѣ до смерти и зла я на тебя, ровно собака... Какъ такъ --- свилась, собралась, ни словечка не сказавши, не посовѣтовала... ничего!.. И что за причина такая... Ничего не знаю... Вѣкъ тебъ этого не забуду!..

--- Полно, не сердись, тётушка: право невогда было... Сама не знаю, какъ собралась... Опосля все разскажу...

— Ладно, ладно!.. Нѣть, ты кабы почитала-то меня... А еще родней считается. — Небось, нужда пришла, такъ къ кому? къ баушкѣ... Баушка постереги, присмотри!.. Неужто на этихъ сутолокъ-то понадѣяться можно, даромъ обѣщають... Надѣйся: ни одна и не взглянетъ, развѣ плашка понадобится, такъ изъ твоего же забора заборникъ вытащитъ...

Наконецъ, всё увлы были вытащены и уложены на подводу, Дарья Тихоновна и Параня перецёловались со всёми сосёдками, вновь выслушали множество пожеланій и совётовъ, вышли на улицу и усёлись сверхъ своего скарба на телёгу; прилёпился кое-какъ съ боку ховяннъ подводы, и возъ двинулся. Федя съ Николкой пошли около него пёшкомъ.

--- Прощайте... Счастливо вамъ тамъ!.. -- вскрикнули имъ вслёдъ доброжелательныя сосёдви и разбрелись по донамъ.

молодые повеги.

Ш.

Около полуночи, Өедя, со своими спутницами, добрался до дереван, находившейся противь самаго Стараго-села, по другую сторону раздёлявшей ихъ рёчки. Съ отврытія фабрики всё почти врестыне этой деревни стали отдавать свои избы подъ квартиры фабричныхъ рабочнахъ, которые, впроченъ, приходили сюда только спать, а прочее время проводили или на фабрикѣ, или въ трактирахъ и кабакахъ. Послёдніе какъ изъ земли выросли виёств съ превращениемъ Стараго-села изъ помъщичей усадьбы въ фабричное заведение. Рабочие терийли большой недостатовъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ; питались однимъ чернымъ хлёforts Bb CYXOMATRY, HO 38 TO FODANIE HAUETEN: 488 H BOARY, нивли всегда въ изобилін и употребляли на нихъ половину своего заработка. Мало вто нать рабочнать нанималь ввартиру съ варевоить оть хозяевь, большинство же довольствовалось только правомъ ночлега и храненія небольшого скарба, захваченнаго изъ дона, да развё изрёдка разогрёвало въ хозяйской печи принесенныя изъ дома, послё правдника, щи безъ говядины, съ забёлой. Хозяева обывновенно жили въ одной избъ со своими ввартирантами.

Осдя разсчитываль пріютить Дарью Тихоновну съ семьей къ одному престьянину, у котораго было двё избы, который самъ работаль на фабрине и одну изъ своихъ избъ отдаваль исключительно подъ квартиру для фабричныхъ. Осдя надёялся, что, можеть быть, хозянить уступить ему вовсе одну избу: тогда окъ мечталь поселиться вмёстё съ Дарьей Тихоновной и жить у нея какъ-бы на хлёбахъ.

Когда, по указанію Феди, извозчикъ поворотнлъ лошадь въ порядокъ деревенскихъ домовъ, стоявшій по высокому берегу рѣчки, вся фабрика вдругъ обрисовалась среди окружающаго ирака своими многочисленными, блестящими отъ внутренняго освѣщенія огнями. Въ ночной тишинѣ ясно доносился съ того берега ревъ, шумъ и стукъ машинъ и станковъ фабричныхъ. Отненный столбъ искръ высоко стоялъ въ небѣ надъ фабричныхъ. Отненный столбъ искръ высоко стоялъ въ небѣ надъ фабричныхъ. Отненный столбъ искръ высоко стоялъ въ небѣ надъ фабричной трубой. Это неожиданное и невиданное зрѣлище до такой степени поразило Параню, Николку и ихъ мать, что они въ одинъ голосъ всѣ вскрикнули; въ крикѣ этомъ слышался не только восторгь, но даже испуть.

--- Воть она, фабрика-то, какая!.. -- проговорила Параня, не отводя глазъ оть нея.

TONS IL.-MAPTS, 1879.

— Да-а...-протянула Дарья Тихоновна.

--- Воть такъ хорошо-о-о!.. хорошо!.. -- вричалъ Николка, чуть не прыгая отъ восторга.

— Что, Параня, понравняось? — спрашиваль Өедя.

--- Какъ не повравиться: чего ужъ лучше? Ровно во ситв снится, а не на яву...

--- А воть поприсмотришься, да объ эту пору придется, пожалуй, вставать да на свою смёну идти, такъ и гладёть не захочешь...

- Въ вакую смѣну?..

--- А какъ же?.. Тутъ черезъ каждые шесть часовъ ситъна: одни отстояли свои шесть часовъ, доной идутъ, а на ихъ итъсто другіе становятся --- опять же на шесть часовъ... Вотъ сегодня воскресенье, работа съ шести часовъ началась, --- вотъ до полуночи первая ситъна, а съ полуночи до шести утря --- другая, а тутъ опять до полуденъ тъ, что эту первую ситъну стояли: такъ и идутъ одна ситъна за другой.... Вонъ ужъ пошли --- видатъ своро полночь будетъ.

Өсдя указаль на человёческія фигуры, двигавшіяся въ полутьмё, вдоль домовь, къ нимъ на встрёчу.

- Воть это вторая смёна ндеть... Скоро и свистокь будеть...

— Кавой свистовъ?

— А какъ время смёнё, такъ и пускають паръ въ трубку: онъ и свистить такъ громко—за пять версть услышищь... Воть слушайте... Скоро засвистить... Мий сказывали, что гдё много фабрикъ по сосёдству, такъ вупци этими свистками другь нередъ другомъ бахвалятся: воторый громче свистить, да далыше слышно...

Въ той избъ, куда направлялся Өедя, свътился огонёкъ.

--- Вотъ хорошо, въ самый разъ пріёхали, --- сказаль Эедя: --- хоть стучаться не придется, и здёсь, видно, на фабрику собираются.

Велёвши подождать себя, онъ сврылся за незапертою калиткою, чтобы переговорить съ хоздевами. Переговоры эти, впрочемъ, были не продолжительны; своро отворились ворота, и путники въёхали во дворъ. Въ эту минуту послышался давно-ожидаемый свистокъ, отъ котораго женщины взвизгнули съ веселнить смёхомъ.

— Экъ васъ нелегкая!.. Не слыхивали, дляволы!.. — проговорилъ выходившій со двора рабочій, и при этомъ ради шутин сказалъ такую фабричную остроту, что женщины мгновенно примолкли, а Өедя весь вспыхнулъ.

Со двора вощин въ большую набу, которая была полна народомъ: многіе лежали въ повалку на полу и на лавнадъ, другіе обувались, иные совсёмъ одётые готовы были выдти вонъ. Туть были и мужчимы, и женщины, и дёти. Изба едва осеёнцалась веросимовой лампой безъ степла, которая дымяла и сильно воинла. При этомъ освёщеніи встрепанныя, вскловоченныя головы спанцихъ, выставлявшіяся изъ-подъ полушубковъ и кафтановъ, воторыми были приврыты туловища, мрачныя, заспанныя, недовольими в блёдныя лица собиравшихся на работу, тяжелый храпъ и схени безпокойно спацияхъ, отрывистыя рёчи, сопровождаемыя рутательствами проснувшихся — производили на свёжаго челокака нодавляющее внечатлёніе. Дарья Тихоновна съ Параней и Николкой робко остановились у дверей и съ недоумёніемъ и исцугомъ осматривались.

--- Сегодня ужъ здёсь переночуете какъ-нибудь... --- тономъ оправдывающагося говорнять Феди, а завтра ужъ я съ хозянномъ нереговорю: въ ту избу попросимся, гдё онъ живеть съ семьей, тамъ просторнёе будеть... Самаго-то нётъ теперь---на фабрикё, а вонъ хозяйка безъ него... не знаетъ... не соглашается...

Өедя указагь на полу-дремлющую женщину, которая сидёла, обловотясь на столь.

— Да гдё же мы ляжемъ-то? И сёсть-то негдё, кажись... не то лечь... Опять же узлы у насъ... съ упрекомъ, но вполголоса вовражала Дарья Тихоновна.

Өедя подошель въ хозяйкъ.

- Хозяюшка, гдё же бы нашнить лечь-то? Мёста-то нёть...

- Будеть мёста, будеть про всёхъ...-лёниво отвёчала она. Воть отвалить смёна, мёстовь много опростается... Подождите... Это, вёдь, воть сегодня нослё праздника сгрудилось много: двё смёны сощлись... А то мало ли мёста: изба большая... про всёхъ мёста будеть...

Дійствительно, когда всё очередные ушли на работу, оказалось нёсколько свободныхъ мёсть на полу и даже на лавкахъ, но надо было ложиться врознь, рядомъ съ чужнин людьми и разсовать по разнымъ мёстамъ пожитки. Дарья Тихоновна и Параня находнли это неудобнымъ и, по совёту Эеди, предпочли лечь спать въ телёгё, въ которой ёхали, тёмъ болёе, что провожатый ихъ, дядя Евграфъ, хотёлъ остаться до утра, чтобы побывать въ фабричномъ трактирё, или по крайней мёрё въ кабакё.

- А мы съ Ниволюй здъсь гдъ-нибудь притинемся, -- говорилъ Өедя. -- Да, правда, я и спать-то не хочу, а вотъ подожду

Q#

хозяина, да васъ сторожить буду... Вновё-то, чай, робко вамъмежъ чужним людьми...

Өсля заглядывать въ глаза Паранъ, но она смотръла на него холодно и серьёзно: веселое настроеніе, которое произвель на нее наружный видь фабрики, давно уже прошло и сибнилось чувствомъ какого-то страха и недовольства. Она молча послъдовала за матерыю опять на дворъ, молча влёзла въ телёгу, отрывнсто. односложно отвёчала на всё вопросы Өеди о томъ: ловко ли, хорощо не ей лежать? и ни слова не промолвила въ отвъть на его увъренія, что завтра все устронтся, что онъ отыщеть имъ удобное и просторное пом'ящение. Параня видимо была недовольна и сердилась. Өедя быль глубово огорченъ и винилъ себя въ непредусмотрительности, такъ какъ самъ настоялъ, чтобы Дарья Тихоновнаго съ семьей бхала немедленно и рисовалъ имъ жизнь фабричную въ розовыхъ краскахъ; ему и въ голову не приходило задать себѣ вопросъ: да съ чего же, по вакому праву, явилась вдругъ эта требовательность въ Паранъ, которая выросла и жила въ обдности и прібхала сюда работать и жить такъ же, какъ и всё остальные рабочіе? А тёмъ болѣе онъ не могъ представить себъ тв смутныя надежды, тв неясныя мечты, воторыя наполняли душу Парани и заставили ее согласиться идти на фабрику и которыя нивли такую определенную и реальную форму въ мысляхъ Дарьн Тихоновны.

Уложивши Николку въ избъ, Оедя вышелъ на мость и сълъ тамъ, въ ожиданіи возвращенія съ фабрики ховянна. Тоть, наконецъ, пришелъ. Оедя объяснияъ ему, что привезъ на фабрику цълое, родственное ему семейство и желалъ бы нанять у него отдѣльную малую избу. Мужикъ тотчасъ же изъявилъ согласіе, но заломилъ такую цѣну, которая была уже вовсе не по силамъ Оеди; впрочемъ, послъ взаимныхъ уступокъ и надбавовъ, коекакъ столковались.

На разсвътъ Оедя попрощался съ Дарьей Тихоновной и Параней и ушелъ на фабрику, взявши съ собою Николку для того, чтобы тотъ зналъ дорогу и могъ проводить потомъ въ нему мать и сестру.

Өедя надёнлся, что Александръ Кувьмичъ утромъ вабёжить въ нему, въ мастерскую, чтобы разспросить объ учителё, и не ошибся: молодой Кошатниковъ явился очень рано, — тотчасъ какъ проснулся и напился чаю.

--- Ну, что, Өедоръ, согласился онъ, или нътъ? --- спросилъ онъ озабоченно.

Өедя разсказаль.

132

- Ну, вотъ и чудесно!.. А и мы вчера вое-что сдълади... Во-первыхъ: квартиру для школы я отыскалъ... Отличная, больная наба съ перегородкой... и недалево оть фабрики, и кругонъ по деревнямъ наши рабочіе живуть... Столы и доску я ужъ заказалъ... Алёна Николавна тядила вчера въ городъ: отпроснлась будто бы за повупвами для себя, свазала: обувь тамъ, что ля, нужна, башмаки, — а сама, виёсто того, накупила бу-маги, карандашей, аспидныхъ досокъ... Хотёла купить учебнивовь, но, представь, нашъ городъ каковъ: азбукъ, простыхъ азбугь, не могла отыскать, - а не только ужъ какихъ-нибудь другить внигь или пособій.... Этакое невёжество!.. Впрочемъ, она написала: скоро вышлють... Я даль денегь, чтобы и ландкарты у насъ были по стёнамъ, и большіе счеты... Знаешь, этакіе стоячіе, чтобы считать ихъ учить... Я хочу, чтобы все было, вакъ слёдуетъ школё... Вотъ и твой учитель, если что скажетъ, что нужно, — я все выпишу, ничего не пожалью... И знаешь: ужъ мы вчера н я, и Алёна Николавна - успёли переговорить кое съ кънъ изъ рабочихъ и мужиковъ на-счеть училища... Они очень рады: добре бы, говорять, обучных нашихъ робять грамоть, — на что бы лучше!.. Стали бы, говорять, въкъ поминать да благодарить!.. Такь, что это дёло у насъ, значить, пойдеть... Я очень радъ и доволенъ!.. Только воть на-счеть того, что можно большимъ выучиться, учась только по праздникамъ, -этому не върять, смёются... Ну, да увидать — повърять, только би начать, да въ шволу заманить... Черезъ недёльку, думаю, откроенъ... Вотъ какъ, Өедоръ!..

— Ну, это все хорошо... — сказалъ Оедя. — А я въ вамъ для начала двухъ учениковъ привезъ, — ученика и ученицу...

- Какъ такъ?..

— Такъ... Я не открывался еще вамъ, Александръ Кузъмичъ, а въдь у меня невъста есть: только я жениться буду на ней, вотъ когда мнъ мъсто у васъ, на фабрикъ, или гдъ, повыгоднъе выйдетъ... потому — она дъвушка бъдная, да и у меня-то маю, такъ мы такъ и поръшили... Вотъ се-то я и привезъ, виъстъ съ ся братомъ, мальчикомъ, сюда, чтобы на фабрику ихъ, въ работу, помъстить... Братишка-то ужъ въ школъ былъ у Василья Якимыча и почитываетъ... Вотъ онъ и здъсъ будетъ въ училяще ходить... А невъста-то моя въ воскресную школу: она еще ничего не знаетъ... Вотъ пускай Алёна Николавна съ нея и начнетъ... Я попрошу...

— Да и просить нечего, — она сама радёхонька будеть... Она теперь только о томъ и заботится, чтобы въ воскресную школу ходили... Такъ вотъ ты какъ, Чернуниниъ, — у тебя ужъ и невъста есть... Что же, хорошенькая?..

--- А воть увидите!.. По мнё, на св'ятё-то, кажется, нётъ лучше ся...

— Очень любишь?

-- Гм... Не то -- люблю, а, важется, голову, душу-то самую за нее отдамъ!.. Ото всего отважусь, на врай св'ята нев-за нея пойду...

- Что же, теб' отець этакую выбраль?..

— Нёть, самъ я...

--- Экой ты счастливецъ какой!.. Воть бы мнё этакую найти, полюбить бы этакъ, да татенька бы жениться позволилъ... А. у насъ и не думай самъ выбирать, а дожидайся, когда тятенька найдетъ да жениться прикажетъ...

- А воть что, Алевсандръ Кузьмичъ, вы мнё посовётуйте вакъ имъ половчёе сдёлать, -- къ кому идти, чтобы ихъ на фабрику-то не отказали -- приняли, да и жалованьемъ не очень бы обидёли... Они хоть ничего еще не знаютъ оба, да вёдь скоро научатся, а будутъ работать, стараться стануть...

— А это нужно въ Петру Архипову, въ главному приказчику: ему поручено рабочихъ-то рядовыхъ нанимать... Извёстно, онъ скажется Дмитрію Тамофенчу, только тотъ никогда не отмёнить, кого онъ найметь... А ехиденъ же, прижимисть и тотъ: особливо теперь, у насъ народа на фабрикъ достаточно, а все идутъ просятся... Да новые же, ничего не знаютъ, не умъютъ: прижметъ цёной непремённо!.. еще, пожалуй, и вовсе не возъметъ!.. Народа-то оченъ много просится... Вотъ что!..

Өедя встревожнися.

— Какъ же быть-то, Александръ Кузьмичъ?.. Я-было на васъ надъялся: я въдь всю семью вовсе сюда перевезъ, и мать съ нами прівхала... Теперь, если ихъ не примутъ, не знаю какъ и быть... Нельзя ли какъ?.. Помогите... Васъ все-таки, чай, послушаеть...

--- Да. правда, онъ во мнѣ подбивается, лебевить, въ глаза смотрить: думаеть, видно, себѣ, что долго ли, воротво ли, а буду же настоящимъ хозянномъ... Пожалуй, я ему сважу, только не знаю, ка́къ это сдѣлать...

--- Не оставь, родной, сердечный Алевсандръ Кузьмичь... Вонъ, онъ идуть во мнъ всъ... и съ матерью... Я велълъ придти сюда...

Өсдя указаль рукою въ окно, мимо котораго прошла Дарья Тихоновна съ дётьми.

134

Алевсандръ Кузымичъ съ любопытствомъ заглянулъ въ онно, во не успёль разсмотрёть проходящихъ.

- Сказать-то я скажу ему... успокоиваль онъ Өедю. --Надо такъ сдёлать: пускай онъ ндуть къ нему, а я точно не нарочно...

Въ это время въ мастерскую отворилась дверь и на порогѣ, вслѣдъ за Николкой, показалась Парайя. Александръ Кузъмичъ не кончилъ своей рѣчи и весь вспыхнулъ: врасота Парани съ-разу поразила его. Оедя не замѣтилъ этого впечатлѣнія, потому что шелъ на-встрѣчу пришедшимъ и самъ пристально смотрѣлъ на Параню. Ему не понравилось, что и она, и мать впрядились совсѣмъ по-праздничному, — чуть ли не въ лучшія свои платья.

--- Это воть хозяйскій сынь, Александръ Кузьмичъ, -- предупреднях сих вошедшихъ.

Оедя замётиль, какь Дарья Тихоновна и Параня встрененулись при его словахь, — съ накимъ жаднымъ любопытствомъ устремили глаза на Алевсандра Кузьмича. Лицо Дарьи Тихоновны прикало вдругъ подобострастное выраженіе, — Паранино, напротивъ, оживняюсь лукавой улыбкой, а глаза заискрились изъ-подъ полу-опущенныхъ стыдливо рёсницъ. Оедя съ безсовиятельной болью въ сердцё вспомнилъ ту Параню, которую окть видълъ въ началё знакомства, въ хороводё, на деревенскомъ праздникё. Обё—и мать, и дочь—степенно и почтительно поконились Алевсандру Кузъмичу и остановились неподвижно у дверей. Дарья Тихоновна смотрёла на хокайскаго сынка съ улыбкой умиленія, — Параня не поднималя глазъ и, казалосъ, стыдиво глядёла въ землю, но она индёла и подробно разсматривала Александра Кузьмича. Послёдній былъ сильно смущенъ и не зналъ, какъ держать себя.

-- Не оставьте вы насъ, спроть, своими милостями...- проговорила Дарья Тихоновна медовымъ голосомъ -- и, какъ показалось Осдъ, совствиъ не встати.

--- Я ужъ просиль объ вась Александра Кузьмича...-вамътигь онъ.--Народа, говорить, очень много просится на фабрику: многимъ отказывають, -- не беруть...

--- Ужъ монхъ-то, батюшка, Александръ Кузьмичъ, принажите принять... Вотъ дочка моя, Параня, а это -- сынокъ... Ихъ-то только примите... А я-то ужъ стара, --- я и не пропуся... Будьте отецъ родной!.. Какъ Богъ, такъ и ви!.. --- заговорила опять Дарья Тихоновив. -- Обнадежнить вотъ насъ Федоръ Герасимычь: всёмь домонь поднялась, прібхала... Не остальне!.. Бу-

— Да я, вёдь, не... не распоряжаюсь, — вёдь, я... — смущенно отвёчаль Александръ Кузьмичь, стараясь не смотрёть на Параню и невольно взглядывая на нее. —Батюшка еще туть и зать... Да, вёдь, это... главному приказчику препоручено: рабочихъ наймовать... Петръ Архиповъ... Вы въ нему...

--- Да коли вы принажете, хозяйскій сынокь, такъ разв'є они могуть ослушаться вась?..

— Да я... я скажу ему... Вы теперь ступайте въ нему... Спросите тамъ на фабрикъ: главный приказчикъ, Петръ Архиповъ... Что онъ вамъ скажетъ?.. А вы не уходите, постойте тамъ: я сейчасъ же приду, слёдомъ за вами...

--- Очень вамъ благодарны, батюшка, Алевсандръ Кузьмачъ... Ужъ не оставьте насъ, сироть, а мы это должны понимать и чувствовать всё ваши милости, что не оставляете сироть, не гнушаетесь, при всемъ вашемъ великомъ богатствв... Вотъ доченьва-то моя больше всего меня сокрушаеть, Паранюшка... Есто бы вакъ-нибудь хотвлось пристроить въ хорошенькому дбльцу, чтобы не больно тяжело, да и жалованьицемъ-то не обидели... Девочка она молодая, - нигде не бывала, ничего не знасть, у матери подъ врылышномъ жила, а здёсь, вижу, людно, народъ бойкій, смёлый, - не обидели бы какъ... Воть о чемъ больше хлопочу!.. Ну, сынышка — этоть какъ-нибудь: ему все равно, да онъ и шустрый... Ему только посмотрёть, да примёнаться, — онъ все пойметь, все сдёлаеть... Ну, а и побыють, такъ ничего: не во зло прибыотъ, а ему же въ науку!.. А. воть дочву-то ужь не оставьте, батюшка, господинъ хованнъ... чтобы не обидели-то се какъ, не огорчили бы огорченьсиъ какимъ, не суноснымъ... Я вотъ какъ ващу милость прошу: матери не стыдно, - я въ ножки поклонюся... Не оставьте вы мою доченьку, Александра Кузьмичь!..

И Дарья Тихоновна — прежде чёмъ ее успёли остановить дёйствительно, бросилась въ ноги молодому человёку. Кошатииковъ совсёмъ смёшался и, бормоча накія-то несвязныя рёчи, старался поднять Дарью Тихоновну. Оедя, какъ говорится, былъ самъ не свой: его коробило отъ униженныхъ рёчей Дарьи Тихоновны, — онъ сердился, волновался и не зналъ, какъ би остановить ее, а при послёдней неожиданной выходкё ся — его бросило въ жаръ, ему стало и стидно, и обидно, — и за себя, и за Параню; и вдругъ какой-то страхъ, какое-то невольное ревнивое чувство къ Александру Кузьмичу заговорило въ его душтё;

онь быстро взглянулъ на Параню: та стояла онустя глаза, — ' лицо ея горёло, она была тоже, очевидно, смущена и пристыжена назойливыми просьбами и земнымъ повлономъ матери. Смущение Парани иёсколько успововло Федю за нее, но усиныю его негодование противъ матери — и въ то же время онъ почувствовалъ безпричинное недоброжелательное чувство къ Алеисандру Кузьмичу. «Все отгого, что богать, — оттого и повлоны эти, и унижение!..» мелькиуло у него въ головё.

— Встань... Напрасно... Зачёмъ это?.. Встаньте!.. что это!.. Я и такъ все сдёлаю... постараюсь... все сдёлаю, что возможно... говорнить между тёмъ Александръ Кузьмичъ, обращаясь въ Дарьё Тихоновите и невольно взглядывая на Параню.

— Ахъ, вы, батюшка мой, красавецъ, благодётель!.. Оченно вами благодарна, оченно благодарна!.. — говорила Дарья Тихоновка, поднимаясь на ноги и вытирая заслезившіеся глаза. — За спроть и васъ Господь не оставить, невидимо наградить... Я ужъ такъ и считать буду, что воть заступа крёпкая за мою Параню... Какъ что, такъ и къ вамъ... А такъ теперь, на фабрику прикавываете намъ идти?...

- Да, да, на фабрику ступайте... къ Петру Архипову: онъ такъ тенерь...

--- Слушаю-съ... Только какъ бы намъ пройти-то туда?... Впервые мы здёсь: ничего не знаемъ, куда и идти-то... У васъ ужъ очень много всего понастроено: кажется, и заплутаещься... Развё не можно ли тебё, Өедоръ Герасимычъ, проводить насъ, дорогу-то указать?...

— Нёть, ему нельзя, —отвёчаль за Оедю Александрь Кузьмнчь: — того смотри придеть директорь, а его нёть за работой... Непріятность можеть выдти... Да я воть сейчась иду на фабрику, такь вы идите за мной... А подойдемъ — я покажу...

--- Ну, это ужъ на что лучне, коли милооть ваша будеть... коли не затруднительно вамъ, не гнусно съ нами идти... Да вы извольте идти, а мы издальки за вами, только бы изъ глазъ не выпустить... Близко-то не подойдемъ, тоже понимаемъ, чувствуемъ сами себя... Экой батюшка милостивый!... Экой ангелъ!... Счастливы твои родители, что этакого сынка выростили!..

Посл'яднія слова Дарья Тихоновна проязносила, вполголоса, какъ-бы про себя, но такъ, что ихъ слышалъ Аленсандръ Кузьинчъ. Онъ торопливо уходилъ изъ мастерской, ни слова не сказавши Федё, даже какъ будго стараясь не встрётиться съ нимъ глазами. Вслёдъ за нимъ вышли и всё остальные, тоже не свазавъ Федё ни слова, точно забыли даже объ его существования. «А, вёдь, онъ отгого такъ захлопоталь, что Параня очень краснва!»... ревниво подумаль Оедя, оставнись единъ, и сердце его болёзненно сжалось. «Зачёмъ я?... Лучше бы икъ не возить сюда вовсе... Да неужто же, Господи?... Нёть, вёдь, это макъ только... Параня ничего... Она и слова не сназала и не взглянула на нето... И Александръ Кузъмичъ... Хоть извёстно-балеванный, богатый... Да нёть, онъ не изъ такихъ!... Вёдь, я же самъ просиль его за нихъ: можеть, онъ просто отгого, что невъста моя... Для меня же!..»

Но какъ ни старался Федя усповонть себя, сердце у него ныло, и работа валилась изъ рукъ. Онъ то и дёло безнокойно поглядывалъ въ овно, ожидая, что вто-нибудь, хоть Ниволка, прибёжитъ сказать о результатахъ переговоровъ съ Петромъ Архинычемъ.

Между твиъ Александръ Кузьмичь, идя на нъсколько шагоръ впереди Дарьи Тихоновны и са дътей, безпрестанно отлидывался назадъ какъ-бы для того, чтобы убъдиться, что они не отстали, но въ дъйствительности желая взглянуть на Параню, и каждый разъ его глаза встрёчались съ глазами Парани и каждый разъ онъ быстро отворачивался, чувствуя какъ кровь бросалась ему въ лицо. Параня своимъ женскимъ чутьемъ съ-раву отгадала, какое виечатлёніе произвела на молодого и богатаго купчика: это льстило ся самолюбію, и, въ отсутствіи жениха, она не считала нужнымъ накидывать на себя стыдливость и застёнчивость: она смёло ловила взгляды Кошатникова и встрёчала ихъ съ лукавой, довольной улыбкой.

У одного изъ входовъ на фабрику Александръ Кузьмичъ остановился, подозвалъ къ себё своихъ спутниковъ, велёлъ инъ тутъ стоять и ждать, а самъ отправился въ отдёленіе, куда сносился изготовленный и срёзанный со становъ товаръ и гдё царствовалъ обыкновенно Цетръ Архипычъ. Онъ засталъ его на мёстё. Это былъ человёкъ лёть за шестьдесять, высокій, худой, юркій и подвижный не по годамъ, съ серебряными кудрями, съ тощей сёдой бородкой и съ рысьимъ взглядомъ изъ-подъ черимхъ еще бровей, въ длинномъ до пять сюртукё, въ застогнутомъ наглухо жилетё, поверхъ котораго лежала широкая бисерная цёпочка часовъ. Петръ Архипычъ нользовался большимъ довёріемъ Кузьмы Иваныча и былъ вереведенъ на новую фабрику въ качествё главнаго приказчика по просьбё самого Дмитрія Тимофенча. Послёдній лучше самого Кузьмы Иванича понималъ характеръ этого вёрнаго слуги и эналъ, что онъ отлично съ нимъ уживется, что Цетръ Архипычъ стунёнъ при-

ивниться во всякому положению и лучине всякаго другого пойметь, какъ ему нужно будеть держать себя для своей личной нользы и для польен своихъ довърителей. Съ другой стороны, такой выборь должень быль успоконть и Кузьму Иваныча въ тонъ отношения, что зять не бонтся окружать себя людьми, преданными и близкими главному хозянну. Согласившись съ удо-вольствіемъ на такое назначеніе, и руководясь своимъ принципомъ взанинаго и перекрестнато надзора, Кузьма Иванычъ поручнать втихомолку Петру Архинову наблюдать за всёмъ на феорний и въ контори, и обо всемъ подробно и секретно доносить: здёсь разумёлся главнымъ образомъ надзоръ за зятемъ, хотя ния его и не было прямо названо. Петръ Архинычъ отлично воналъ своего хозянна и доноснаъ обо всемъ очень аккуратно, но никогда не былъ виновникомъ ни малъйшаго неудовольствия нежду тестемъ и затемъ, потому-что понималъ о чемъ можно и следуеть говорить, и о чемъ выгодневе молчать. Вследстве этого онъ жилъ въ больномъ ладу съ Дмитріемъ Тимофенчемъ и не терялъ кредита у стараго хозяниа. Онъ зналъ и намъреніе Кузьмы Иваныча передать фабрику въ распоряженіе Александра Кузъмича въ скоромъ времени послё его женитьбы, зналъ, что старикъ-хозяннъ занятъ и прінскиваніемъ подходящей нев'єсти, а потому старался всячески сохранить за собою и благорасположение будущаго владельца фабрики.

Съ выраженіемъ преданности и готовности встрётилъ онъ Александра Кузьмича, который разыгрывалъ роль человёка, притедшаго безъ всякой задней мысли и разговаривалъ съ приказчикомъ нёсколько времени о дёлахъ фабричныхъ, разсматривалъ товаръ, спрашивалъ о ходё работъ и какъ-бы мимоходомъ коснулся общаго количества рабочихъ, требованія на нихъ и предложенія услугъ. Оказалось, что рабочихъ вдоволь и что прибавлять придется развё только по времени, ближе къ ярмаркъ, и то, если требованіе на товаръ поднимется. Разговаривая такимъ образомъ Александръ Кузьмичъ вышелъ съ провожавшимъ его приказчивомъ на лёстницу и тутъ только промольнаъ:

— Ахъ, да, какъ я шелъ сюда, такъ видёлъ туть у крыльца, адали тебя, женщины да мальчикъ: на фабрику просятся...—сказалъ Александръ Кузьмичъ.

-- Ну, нхъ съ Богомъ... Не надо нхъ!.. Довольно!.. Сайдовало бы, по настоящему, и старымъ цёны сбавить, потому народа очень много просится... Воть хочу Дмитрію Тимофенчу предложение это сдёлать...

- Ну, воть, Архипичь, еще сбавлать: кажется, ужъ и безъ

того не большія жалованья... много меньше, чёмъ на той фабракё...

— Такъ, вёдь, какъ же... Александръ Кузьмичъ?... Что вы, батюшка!... То и давай Богъ, чтобы какъ подешевле, то и для хозянна пріятиче... Какъ же можно!.. На той фабрике ужъ по невол'є дороже платимъ, потому народъ все школеный, набалованный... Фабрикъ кругомъ много, цёны знаютъ, м'єстовъ много: не туть, такъ тамъ... А здёсь, помилуйте!... Здёсь что? Одна наша фабрика на тридцать верстъ кругомъ, и отъ народа отбою нётъ, только, батюшка, возъми Христа - ради!.. Здёсь какъ возможно платить противъ тёхъ м'ёсть: никакого разсчета нётъ... Я такъ полагаю: на 20 процентовъ можно цёны сбавить—и то народу завсегда достаточно будетъ... потому въ работё нуждаются... Окром'ё взять не съ чего...

— Вонъ онѣ стоять: поговори да прими ихъ...—сказалъ Александръ Кузьмичъ, выходя на крыльцо и указывая на Дарью Тихоновну съ дътьми. — Бъдныя, должно быть, прими, пожалуйста... Я тебя прошу... И въ цънъ не обижай...

Петръ Архинычъ, успѣвшій разсмотрѣть Параню, быстро и проницательно взглявулъ на Александра Кузьмича, который отъ этого взгляда смѣшался.

--- Да коли хозяннъ приказываеть, такъ наше дъло... что же?... слушаться нужно... --- проговорилъ приказчикъ.

--- Нётъ, я не то, что... А такъ что жалко: бедныя... просятся... вздалева пріёхали!...

— Издалева прібхали?.. повторилъ Петръ Архипычъ и опять быстро, вскользь взглянулъ на молодого человбва.

— Эй, вы, подойдите-ка сюда поближе!...

Дарья Тихоновна съ дётьми подошла.

- Огкуда будете?

— Изъ Онучина... деревни Онучина...

— Не близво...

— Далево, батюшка... Наровомъ пріёхали... Всёмъ домомъ переправилась сюда... Вотъ бы дочку да сынка на фабрику бы не будетъ ли милости... —заговорила Дарья Тихоновна, но приказчикъ перебилъ ее:

— Дочка твоя?...

- Дочка, сударъ... Сироты мы... Вдова я... Безъ земли живемъ, сиротами...

— Красавица у тебя, дочка, врасавица!...

— Ну, батюшва... Покорно васъ благодарю, что похвалили... А мей свое дітище ни хаять, ни хвалить не приходится...

— Тавъ на фабрику желательны?...

- Дя, ужъ не оставьте... Вотъ н васъ просниз... и нолодому ховявну вланялись...

- А прежде живали ли на фабрикахъ-то?...

- Ибту, сударь, ни приваживалось... Внервой!... - Ги... Такъ, значить, ничего не знають: ни дочка, ни сынныка... Учеть ихъ, стало, надо будетъ...

- Будуть стараться... Поймуть своро... Заслужать вашей меюсти: на томъ наябюсь...

- Это хозянну надо заслуживать - не инб... Я самъ вбрный рабъ... По мнё бы, такъ вамъ ни мёста, ни работы нётъ, да воть ховянить приказываеть, Алонсандра Кузьмичь, такъ долженъ слушаться: надо васъ какъ-нибудь пристроить...

— Поворно благодарю, батюніка Александра Кузьничь...проговорная Дарья Тихоновна.

— Только воть что девушка красная... Какъ тебя звать-то? — Параня.

- Паранюнка... тажеленько теб' съ непривычки, на фабрикъ-то покажется... А ты вонъ какая: бълая, румяная... Изведенься, пожалуй... А тебь бы воть въ услуженье лучние идти, въ донъ... Я вонъ слыхалъ, Александра Кузьмичъ, сестрица ваша, Лизавета Бузьминишна, въ прислуги горничной нуждаются... Воть бы!... На что лучше?... И рувя у нея, смотри-ка, какия былыя, и сама изъ себя прасавица... Право!.. А на фабрикъ что?... На фабринъ ты не думай, девица, корошаго мало получины!... Ну, пускай, по приказу Александра Бузьмича, жалованые тебъ побольше противь людей ноложимъ: вадо бы тебъ рубля четыре на мёсяць положнть, какь ты по новости, ничего еще не знаешь... Больше нельзя бы... Ну, да коли хозяева приказывають, можно и цать, и шесть положнить... А, вёдь, ужь больше-то тенерь инкать нелька, развё что по времени прибавать, когда понаучинься... Такъ, вёдь, харчи свои, квартиру нанимай, да во всякую погоду и днежъ, и ночью, иди ужъ, плетись на свою ситену... Да шесть-то часовь отстой-на на ногахъ оволо станна... Не понравится!... А тамъ, въ горничныхъ-то, пусвай хоть жалованье и не большое - рубля на три, да за то ты завсегда въ тенить, въ чистоть, влиь - пей снадко, работа легкая и спи въ свое время: вся ночь твон... А главная причнев: воли ховяевамъ угодишь, такъ у нашихъ купцовъ, не какъ въ господскихъ домахъ, услугу человёка видять и цёнятъ, награждають всячески: и обують, и одёнуть, своей коптечни не изведешь!... Воть я бы советоваль проситься въ домъ: это на счастье даже

за веливое нужно почитать, и почитають, въ вущамъ-то въ услужение попасть... Желаешь ли?

Петръ Архипычъ, по своимъ, быстро мелькнувнимъ въ его головѣ, соображеніямъ, надаялся угодить Александру Кузьмичу такимъ предложеніямъ, наблюдая незамѣтно за его лицомъ во время своихъ словъ, убѣдился, что не ошибся. — Александръ Кузьмичъ дѣйствительно обрадовался при первой мысли, что эта врасавица будетъ жить у нихъ въ домѣ, горничною, ежеминутно у него на глазахъ: онъ забылъ въ эту минуту даже и о томъ, что Параня—невѣста Өеди. Онъ смотрѣлъ на нее и, съ замираніемъ сердца, ожидалъ, что отвѣтитъ Параня на доводы и вопросъ Петра Архипыча: онъ чувствовалъ, что беамѣрно бы обрадовался, еслибъ Параня наъявила согласіе. Но Параня молчала. — Что же молчишь?. Говорю тебѣ: нимя прочія за веливое

- Что же молчишь?.. Говорю тебѣ: нимя прочія за веливое бы счастье почитали... Али не желаень? -- повторилъ свой вопросъ Петръ Архипычъ.

--- Да, вѣдь, не знаю, вавъ сказать-то?---отвѣчала Параня. --- Маленькой я въ услуженін-то жила у барыни: все позабыла ужъ... Пожалуй, не услужениь, не угодишь...

ужт... Пожалуй, не услужнию, не угодишь... — Тамъ тебѣ будетъ хорошо... — проговорилъ неровнымъ голосомъ Алевсандръ Кузъмичъ. — Сестра у меня добрад... Тамъ правда, что тебѣ лучше будетъ и покойнѣе, нечѣмъ на фабрикѣ...

правда, что тебѣ лучше будетъ и повойнѣе, нечѣмъ на фабривѣ... Александръ Кузьмичъ раскраснѣлся, обращалсь въ Паранѣ. Она взглянула на него мелькомъ, исподлобья, и едва замѣтно, лукаво улыбнулась, но тотчасъ же опять опустила глаза и приняла серьёзный видъ.

- Опять же я не сама по собъ... Съ маменькой живу: не знаю, какъ она сканеть...-уклончиво отвъчала Параня.

- Ну, ужъ въ этомъ дълъ, какъ хочешь, --отозвалась Дарья Тяхоновна:--сама не маленьная, сама про себя разсудять можешь... Извъство, коли вонъ и самъ господянъ хозяннъ обнадеживають, что хорошо тебъ будетъ у нихъ жить, значить всякую тебъ милость окажуть... А по тебъ и насъ, сироть, не оставять... Какъ сама знаень: мое дъло наставленье тебъ всякое сдълать, какъ жить по хорошему, а въ счасть твоемъ я мъшать не намърена, ноли Господь тебъ это мъстечво на счастье посылаеть... Какъ тебъ лучше, такъ и дълай, такой и отвътъ давай!... Извъство, что, можеть быть, одежки у нея нъть такой, чтобы въ гориицахъ служить, потому въ деревнъ мы живемъ, по-деревенски и одъваемся...

— Да это пустяки! — возразнить Александръ Кузъмнчъ съ увлечениемъ: — сестра се одёнетъ, надаетъ платьевъ, у нея много... — Ну, воть слышищь, Параня... что изволять говорить... Прямо свазать, что милостивцы: видно по всему... — говорила Дарья Тихоновия, въ которой предложение Петра Архиныча возбудило разныя пріятими надежды.

Но Параня вдругь наклоннясь къ уху матери и, закрываясь рукаю отъ окружающяхъ, шепнула ей:

-- Надо би бед'я перво свазать... Ровно какъ не хорошо, не вереговорявши-то съ нимъ...

Эти слова дочери не понравились Дарьй Тихоновий, но, не обнаруживая своего неудовольствія, она сказаза вслухъ, обращаясь преимущественно въ Александру Кузьмичу:

-- Робеть, сумнъзается: услужить ли... Просить времечно: недумать, переговорить.,.

— Да не то подумать, — зам'ятиль Цетръ Архипычь, — а еще надо сначала узнать: возьметь ли Лизавета то Кузьмишна... Рёдь, это я та́къ только, къ слову, а, в'ёдь, еще Богъ знаетъ: можеть имъ и не нужно, а можетъ — и не понравется... али что... В'ёдь, это какъ за нихъ сказать можно!.. А вы-то променть себя подумать да переговорить... э-э!.. еще какъ уснѣете... Вашей-то братьи сколько угодно... я говорю: за счастіе почитають... да тамъ-то беруть съ выборомъ... Вотъ что!..

— Такъ развё я, сударь, не понимаю?..—оправдивалась Дарья Тихоновна.— Я все это довольно понимаю и чувствую, а она-то воть, по молодому своему разсудку, и робеть... ничего из знаеть, вёдь, вще, — не видала... А то вавъ намъ не желать: я объеми руками благословяю, только би услужить умёла...

- Вы пона меня на фабрику-то примите, -- бойко сказала съ своей стороны Параня, -- а такъ видно будеть...

--- Ну, н'ять, она у тебя не робкаго десятка д'явка, я выжу... --зам'ятня Петръ Архипычъ. --Такъ тебя и будетъ Лизавета-то Кузьминишна дожидаться: геперь есть м'ясто, а завтра, можетъ, и займутъ... Ну, да ладно: ступайте въ контору, дожидайтесь тамъ меня... Запишу васъ тамъ, а съ завтрева и на работу поставлю... Вонъ ступайте въ ту сторону, спросите тамъ, гдѣ, молъ, контора... покажутъ!..

Когда онѣ отошан, Петръ Архинычъ съ улыбной обратнися въ Александру Бузъмичу, провожавшему глазами Параню.

-- Гдё этакую разыскали?.. Дёвка на нервый сорть!.. Вишь ты нашъ, Александръ Кузьмичъ, ловкачъ какой!.. Сколько жалованья-то положить прикажете?.. Больно-то много съ-разу нельзя: въ глава бросится...

- Да хоть несть то рублей... Я, вёдь, сейчась только ихъ

--- Ты, пожалуйста, ничего не думай такого... Я ихъ совсёмъне знаю!..-повторялъ онъ.--Просто изъ жалости одной... --- Да слышу, слышу... Слушаю-съ...-отвёчалъ приказчивъ.

--- Да слышу, слышу... Слушаю-съ...-отвёчалъ приказчивъ. А все бы лучше, ---такъ я самъ про себя полагаю, ---въ домъ ее какъ-нибудь пристроить, нечёмъ на фабрику, для жалости-то собственно... потому народъ-то здёсь обожженый, ребята-то фабричные, а она вонъ какая... отбою ей не будеть отъ нихъ...

— Она при матери жить будеть... Да и женихъ у нея здёсь есть... — проговорилъ Александръ Кузьмичъ.

— Женихъ!.. — протянулъ Петръ Архипычъ. — Женихъ есть... Ну, то дёло десятое... Да и для жениха-то бы согласийе ее отъ фабрики-то подальше... Ну, да ихъ дёло — и то сказать... А коли что и впередъ нужно будетъ, Александръ Кузъмичъ, такъ только дохните, батюшка... Съ душевной радостью!.. Слуга вашъ по гробъ жизни!.. Пойду я теперь, Александръ Кузъмичъ... Чай, штукъ нанесли... Не нуженъ я вамъ больше?..

--- Нѣть, нѣть... Я самъ иду сейчась...-разсѣянно отвѣчалъ Алевсандръ Кузьмичъ, уходя.

Петрь Архипичь улыбнулся за его сниною.

«Акъ, ты молодо-зелено!» — подумалъ онъ. «Увидёлъ дёвкуто и растаялъ... Тоже притвориться хочется, а не умёетъ... И захотёлъ меня провести!.. А далъ бы Кузьма Иванычъ за этотъ предметъ дорого!.. Любитъ, гръховоднивъ!..

IV.

Въ то время, какъ Дарья Тихоновна съ дѣтъми стеяла въ конторѣ среди небольшой толпы рабочихъ, окружавшей Петра Архипыча, сообщавшаго писарю, что нужно было записать, а тотъ вносилъ въ книгу, въ контору вошелъ Кузъма Иванычъ. Кто-то въ толпѣ вполголоса сказалъ: «самъ!» Произошло общее движеніе, толпа зашевелилась и повернулась лицемъ въ хозянну, инсаря повскакали со своихъ мъстъ, даже Петръ Архипычъ подобострастно вытянулся—и всѣ, кто тутъ ни былъ, низно иоклонились. Увлекаясь общимъ примъромъ, поклонилась и Дарья Тихоновна и Параня. Кузъма Иванычъ, проходя мимо и едва

144

отвъчая на поклоны, безучастно смотрълъ на толпу, но, замътнъъ Параню, остановилъ на ней пристальный взглядъ и какъ будто даже замедлилъ шаги.

Усвышись за большой столъ, стоявшій поперевъ конторы, онъ мотнулъ головой стоявшимъ на вытажку, въ ожиданіи его приказаній, писцамъ.

- Пиши, пиши... - проговорилъ онъ повелительно.

Писцы усблись. Толпа повернулась лицомъ въ внигъ, въ которую вписывалось что-то о ней, невъдомое для нея. Дарья Тихоновна, показывая головою въ сторону Кузьмы Иваныча, нопотомъ спросила своего сосъда:

— Кто это будеть?..

- Воть, не знасть!.. Самъ, Кузьма Иванычъ...

У Дарьи Тихоновны замерло даже сердце при мысли, что она въ двухъ шагахъ отъ такого могущества, и что она, по невъдъню своему, не поклонилась, кажется, ему такъ низео, какъ бы слъдовало. Робко, осторожно, полуоборотила она голову, чтобы украдкою взглануть на знаменитаго милліонщика. То же самое сдълала и Параня, слышавшая вопросъ матери и полученный ею отвътъ; и объ онъ вмъстъ вамътили, что Кузьма Иванычъ, сидя на своемъ мъстъ, пристально смотрълъ именно на нихъ. Объ онъ быстро отворотились, объ потупились.

Въ эту мннуту Петръ Архипычъ вполголоса, изъ уваженія въ присутствію хозяина, подозвалъ ихъ подойти поближе въ конторкв.

- Ну, сказывайтесь же: какъ зовуть...-говорыть онъ.

- Меня... - заговорила-было Дарья Тихоновна.

- Не тебя, ты не поступаешь, вёдь, а дочку и сынишка... Запишуть да книжки имъ выдадуть: у насъ книжки заведены...

 Дочку... Параней... Парасковьей, а сынишка—Николай...
 Какъ по отчеству, изъ какой деревни, какой волости, сказывай!.. — замътилъ писецъ.

— Архипычъ!.. — всерикнулъ хозяннъ.

Приказчикъ встрепенулся и подобжалъ къ нему. Толпа повернула голову вслёдъ за нимъ; оборотилась-было и Дарья Тиконовна, но писецъ хотя тихо, но строго велёлъ ей скорёе отвёчать на вопросъ. За то Параня могла свободно и вволю разсматривать своего будущаго главнаго хозяина, родителя Александра Кузъмича. И она услышала такой разговоръ между Кузъмой Иванычемъ и его приказчикомъ.

- Что за бабы? - спроснаъ хозяннъ.

-- На фабрику просятся: вонъ та дввка съ братомъ мальтокъ Ш.--Мартъ, 1879. чишеой... А та будеть имъ мать... Мать такъ только пришла: она не поступаеть...

— Что же, берешь?..

- Думаю взять... Пускай ихъ... Али не прикажете?..

- Отвуда онъ: наъ какой деревни?..

--- Да онъ дальнія, не вдёшнія... Мать-то вдова, совсёмъ сюда переёхала, здёсь жить будуть, коли возьмемъ... Просятся очень...

- Бывали на фабрикахъ-то, али нътъ?..

--- Нѣтъ, вновѣ... Я было не хотѣлъ брать, да Александръ Кузьмичъ очень просили...-Послъднія слова Петръ Архиповъ проговорилъ шопотомъ, и Параня ихъ не разслушала. Съ первыхъ же словъ ховяина, вогда она поняла что разговоръ касается ея, Параня потупилась, не поднимала глазъ, но слушала очень внимательно.

--- Кто?-переспроснаъ Кузьма Иванычъ.

- Александра Кузьмичъ... - повторилъ также тихо Архипичъ.

- А ему что?

--- Значить, антиресуются... Очень просили: сироты, говорять, обдность большая... Я было-докладываль, что надобности въ народб у нась не имбется: съ излишкомъ даже... Опять же и вновб, неопытны... Нёть, говорять, пожалуйста, прими: стараться будуть!.. Слушаю, говорю: приму... А то какъ прикажете...

— Ишь ты, Сашка!.. Женить пора!.. — проговориль про себа Кузьма Иванычь. — А не знаешь: давно онь съ ними знается?.. — спросиль онь вполголоса, такъ что Параня опять не слыхала.

— Говорять: будто, сегодня только встрётили.... Женихъ будто бы есть у нея.

— Посавди...

- Слушаю... Такъ принять?..

--- Ну, воть еще!.. Само собой!.. А врасавица, волвъ ее заръжы!.. Ты послёди...

— Слушаю-съ...

Глаза Петра Архипыча впивались въ лицо хозянна и, казалось, читали въ его душъ.

- Я было-совётоваль лучше въ горничныя въ Елизаветъ Кузьминишиъ... Слышно – нуждаются... – говориль онъ тихо.

— Не замай... Послё, можеть... Пускай теперь на фабрикѣ побудеть...

— Эй, тётка, подь-ка сюда... — вдругь всерикнуль Кузьма. Иванычъ Дарьё Тихоновнё и махнуль ей въ себё рукою.

- А ты, поди, пова отпускай другихъ...- приказалъ онъ

Digitized by Google

146

Петру Архинычу. — Тоть тотчась же понять, отошель и сосредоточиль на себе внимание всёхь остальныхь рабочихь и писарей.

Дарья Тихоновна вздрогнула и робкимъ шагомъ пошла къ столу, гдъ сидълъ хозяинъ.

— И съ дёвкой, и съ дёвкой подойди... – приказалъ Кузьма Иваннить.

Параня подошла всябять за матерью и стала сзади ея.

— Это дочка твоя, что ли? — спросилъ Дарью Тихоновну Копатниковъ.

— Точно такъ, батюшка, Кузъна Иванычъ, ваше... ваша энность, дочка-съ...—отвёчала она, кланяясь уже теперь по настоящему, чуть не до земли.

- Ты на фабрику ее хочешь отдать?..

- Коли милость ваша будеть, не оставыте... Будьте...

--- Да что она прячется за тебя?... На фабрику просится, а отъ ховянна хоронится...

— По глупости, по деревенской, по робости!.. Не смъетъ она вашей мелости... Нивогда не видывала... робно ей... Не смъетъ!..— Дарья Тихоновна отодвинулась такъ, чтобы дочь была видна ховянину.

--- Чего не смѣть?.. Меня бояться нечего: не укушу!.. Меня люди не боятся, а любить -- любять, и благодарять!.. Брасавица у тебя дѣвка... красавица!.. Что же тебѣ за охота на фабрикуто ее отдавать?..

— Нужда, батюшка, Кузьма Иванычъ, ваша милость: сиротство, бёдность, провормиться нечёмъ!.. Воть еще сынишка у меня, и о томъ прошу...

— А не боншься, что набалуется?.. Балуются, видь, дивни на фабрини-то!..

— Зачёмъ бановаться!.. Я не велю!.. Завсегда около меня н сама я туть буду... Да и не такая она у меня... А и то сказать, батюшка: захочеть, такъ и безъ фабрики избалуется, а не захочеть, такъ и на фабрикё себя сохранитъ...

— Ничего, в'ядь, ты не ум'вешь? а?...—спросиль Кузьма. Иванычь, пожирая глазами Параню и стараясь придать своему голосу ласковое выражение.

Учиться буду... — отвёчала Параня, не поднимая глазъ.
 Учиться будешь, да съ меня же за ученье деньги брать?..
 А?..

Кувьма Иванычъ добродушно смёдлся.

- Выучусь, да пойму, такъ все и ваработаю ванъ...-отвъ-

10*

вотникъ вврощы.

чала Параня, ободренная ласковымъ и шутливымъ тономъ милліонщива.

- Э, да ты умная... А сколько теб'я жалованыя-то об'ящалъ Архипычъ?

- Не знаю я, сволько положить...

— Архипычъ!—позвалъ Кузьма Иванычъ приказчика, который между тёмъ успёлъ отпустить остальныхъ рабочихъ. — Скольсо ты ей жалованья-то положилъ?

 Да еще не знаю: сколько прикажете... По мнѣ бы рубля три, много четыре: довольно бы на первое время...
 Ужъ больно мало... батюшка...—заныла-было Дарья Тихо-

---- Ужъ больно мало... батюшка...---заныла-было Дарья Тихоновна.

--- Мало!.. Нёть, не мало, а больше четырехъ никакъ нельзя... Такъ, Архипычъ, н книжку выдай... А воть увидищь: будетъ стараться, не станетъ баловать, съ ребятами фабричными играть... ну, тогда сверхъ жалованья по шести рублей еще выдавай на мёсяцъ...

— Ахъ, ты, батюшка, благодётель, отецъ милостивый!.. вскричала Дарья Тихоновна, низко кланяясь.— Не оставь ты насъ сиротъ, милостивецъ...

— Для спротства вашего и дёлаю, да вижу: дёвка умна, отвёчать умёсть... Ну, смотри же, дёвка: не будешь съ ребятами баловать?..

- Что мнъ за надобность!..

- Ну воть, такъ и дѣлай... Я воть теперь отъѣзжаю на ту фабрику, недѣли на три, а ужъ и безъ меня Архипычъ присмоттритъ за тобой, все мий скажеть... Выдай ей, Архипычъ, теперь впередъ за мѣсяцъ... А ворочусь, да скажеть, что слова не держишь, съ ребятами играешь, али что — и съ фабрики долой сгоню... Распутныхъ я на смерть не люблю и не держу... Слышишь?

— Слышу...

- Ну, то-то же, смотри... Ну, ступайте пова съ Богомъ...

— Батюшка, Кузьма Иванычь, велики ваши милости, говорила Дарья Тихоновна.— Ужъ и мальчишку-то не оставьте, отецъ родной, прикажите принять...

— Да, и мальчишку взять, и мальчишку...

Дарья Тихоновна разсыпалась въ благодарностяхъ. Петръ Архипычъ отдалъ Паранѣ шестъ рублей. Параня взяла ихъ съ какимъ-то недоумѣніемъ и не догадалась даже поблагодарить.

— Поклонись, дурочка, поклонись... Поблагодари его милость... — подсказывала Дарья Тихоновна, поталкивая дочь, и та поклонилась, но не промолвила ни слова.

Digitized by Google

148

Мать вышла изъ конторы въ самомъ восторженномъ состояніп духа, дочь, напротивъ, была задумчива и молчалива. Она старалась объяснить себё причину такого неожиданнаго покровительства: смутное чувство подсказывало ей, что главную роль играла въ этомъ случаё ся красота, но старый купецъ хоть и не сводилъ съ нея глазъ, и ласковое слово сказалъ, и пошутилъ, а кончилъ тёмъ, что велёлъ ей работать прилежнёе, вести себя скромиёе, надзирать за ней приказалъ и внушалъ ей объ этомъ такъ строго и повелительно... А, можетъ, просто отгого, что добрый человёкъ, видитъ – сироты, пожалёлъ?.. Да и чего ему сто́итъ, велики ли эти деньги для него?..

Для болёе опытной Дарьи Тихоновны вопросъ этоть разрёнился гораздо вороче и проще: она съ-разу объяснила въ умё своенъ настоящее значение купеческой добродётели, но не сочла нужнымъ говорить объ этомъ дочери, а напротивъ, распространялась предъ нею въ похвалахъ и благодарностяхъ къ неожиданному благодётелю.

- Воть ругають богатыхъ, а они не въ примъръ лучше нашего брата... внушала она дочери. - Богатый скоръй тебя ножальеть, и нужду твою въ сердцу приметь, и поможеть тебъ, нечъмъ свой брать. Свой брать что?.. Только завиствують, да смотрять какъ бы съ тебя же сорвать, али поживиться отъ тебя, а нечего взять, такъ норовять подвести подо что-нибудь, да какъ бы во вредъ человъку что сдълать!.. Какъ можно... богатые не въ примъръ лучше: смотри-ка, родитель ли, сыновъ ли, такъ и рвутся какъ бы пособить человъку-то, да добро тебъ сдълать!.. Да и что имъ?.. Имъ ничего отъ тебя не нужно, всего у нихъ своего довольно, не въ чъмъ имъ тебъ завидовать, а за добродътель, знаютъ, ихъ Господь не оставитъ, вотъ и помогаютъ во спасенье своей душтъ!..

Но во время этихъ рѣчей голова Дарьи Тихоновны работала надъ другимъ вопросомъ: вто же выгоднѣе и надежнѣе, вого надо больше и врѣпче держаться: старика ли, сына ли, или Оедянич? Послѣдній, гпрочемъ, своро ушелъ въ ея думахъ на самый задній планъ: ссориться съ нимъ не изъ-за чего, гнать отъ себя и подавно, почемъ внать: можетъ и пригодится?.. а все же не надо, чтобы и мѣшалъ!.. Не надо изъ рукъ его выпускать, да не разсчетъ и очень обнадеживать... Видно по всему, парень онъ хоть умный и горячій, да простодушный: за носъ его водить можно!.. А воть: сынокъ, или родитель?... Старикъ-оть всѣхъ ихъ будетъ посерьёзнѣе и все у него въ рукахъ... только-что они, старие черти, крѣпки: себѣ на умѣ!.. Небось, не съ-разу расвошелится: эко отвалиль, подумаешь, шесть рублей, да еще дозоръ наряднять... Тотъ бы, извёстно, молодой, ничего не пожалёль: возыми что хочешь, да въ рукахъ-то нёть ничего, воли-то своей нёть... Ну, да ужъ, брать, старый чорть, и я не таковская мать, и Параня моя не этого сто́нть!.. не затёмъ я се берегла, наблюдала!.. а либо замужъ за богатаго выдай, либоприданое дай настоящее, и меня, и се, на всю жизнь въ споковсдёлай!.. Ишь ты куда занеслась, ничего еще не видя!..-остановила Дарья Тихоновна полеть своей фантазіи и улыбнулась. «Ну, да вёдь и то сказать: не даромъ же я и на свётё жила, не даромъ дурой не почитають: мнѣ не много нужно, я человвва-. то по глазамъ вняку, особливо въ этомъ дълв... Нътъ бы-онъ и близко-то въ себѣ не поднустилъ бы, и не подумалъ бы о нашей нуждё, кабы Параня не пригланулась... Нёть, вёдь, ужъ меня на кривой-то не объёдешь: вижу, что у него въ глазахъто, у дьявола, какъ на нее зенки-то таращилъ!.. А значить, ужъ туть на этой фабрикѣ судьба Параньвина, да и моя тоже: не даромъ-не думано, не гадано, попали сюда,-чего и не снилось, то на-яву привидёлось!..»

Онѣ щи изъ конторы опять въ мастерскую къ Өедѣ, чтобы сообщить ему о результатахъ своихъ похожденій.

-- Сказывать и намъ, Паранька, Өедору о шести-то рубляхъ? -- спросила вдругъ Дарья Тихоновна.

— А что?

- Да по мић, не говорить бы... Лучше!..

- А почто же молчать-то?.. - допрашивала Параня.

- Кто его знаеть... Больно онъ никакъ... сумнителенъ, чтоия!.. Ка́къ ему взглянется!.. Благороденъ больно, скажетъ пожалуй: выклянчивали, да выпрашивали... Развъ ужъ прямо сказать, что, десять, молъ, рублей на мѣсяцъ положилъ приказчикъ этотъ?..

--- Такъ, вѣдь, онъ въ книжку посмотрить: тамой, чай, писано, что по четыре рубля...

-- И то правда!.. Да и то думаю: сказать ему, пожалуй, обнадёется, что вогь, дескать, сколь много получать будуть, проживуть-де и безъ меня — думать не станутв про насть... А велики-ли эти деньги здёсь на покупныхъ-то харчахъ?.. только-только развѣ провормиться... Да, вѣдь, и ито его знаетъ, Кузьму-то Иваныча: этотъ мѣсяцъ далъ, а на тотъ, можетъ, и отмѣнитъ, вѣдь, ие ряда!.. а онъ, Өеданка, будетъ думать, за что нехорошее отмѣнытъ купецъ... Что его только въ сумнѣніе вводить?.. Право, по мнѣ, лучше бы не сказывать... Я бы и Николкѣ заказала,

чтобы молчаль про эти деньги... Вёдь, что эти деньги?.. Такъ, ревно Богъ послаль, точно съ неба на нашу бёдность свалиикъ: вотъ понравилось вупцу, что ты потрафила ему, въ отвётъ лороню сказала, ну, и дать... А вёдь, пожалуй, опять чёмъ не потрафишь, или этотъ старый, Архипычъ-то, наплететъ что на тебя, вотъ и отиёнить... и живи тогда на четыре рубля... Право, лучие будетъ не говорить... Ужъ ты слушай меня, я тебё въ худу въ твоему не посовётую!..

--- Да, пожалуй, не скажемъ... Мнѣ все одно... Я, правда, что не знаю, какъ ему и растолковать-то, за что эти деньги намъ положили...

- Ну, то-то и есть... Само собой!...

И Дарья Тихоновна на-строго запретила Николкъ разсказывать кому-либо, а тъмъ болъс Федъ, о дополнительной мъсячной циятъ.

--- Воть ты давеча тоже, -- продолжала мать, --- говоришь: надо посовѣтовать съ нимъ, на-счеть въ горничныя тебя звали... На что бы, по мнѣ, очень-то его баловать --- все спрашиваться да докладываться ему?.. Этакъ избалуешь его, пожалуй захочеть: во всемъ по его дудкѣ плаши... Пока, онъ парень пословный, а избалуешь его, ему и командровать тобой захочется...

— То дёло другое, матушка: поёхали мы на фабрику съ его зову, думали жить вмёстё, работу онъ миё одну показываль, а я бы вдругь не посовётовалась да въ чужой домъ ушла и совсёмъ не на то дёло... Обидно бы ему показалось, осердияся бы, пожалуй и... А я, вёдь, ему обёщалась ждать... И женихомъ онъ себя мониъ почитаеть... Ровно какъ не хорошо бы не сказаться-то: такъ миё подумалось...

— Да воть ты об'ящалась, да и слова своего держишься, а, смотри, онъ-то свое об'ящание исполнить-ли: разбогатёть-то хотёль... Жди-пожди его, да долго-ли?.. А, можеть, теб'я туть такая судьба выйдеть, что и много лучше его...

- Ну, да пока что будеть... А что же онъ... онъ парень добрый, хорошій, по мысли мив!.. Что мив его обижать!..

--- Да такъ-го такъ, только и не поддавайся ужъ ему очень-то... Пускай же онъ за тобой ходить, а тебъ за нимъ ходить не изъ чего... Особливо же носл'ё того, какъ его родные надъ нами надругалися... Что мы, ужъ такъ посл'ёднія, что ли, на б'еломъ св'ётѣ, хуже насъ нѣтъ?.. Хвастаетъ, что отца не послушаетъ, свыть согатъ сдёлается, а в'ёдь еще Богъ знаетъ какъ... Не на срамъ, на смѣхъ, да на побон тебѣ ндти къ нему въ домъ и самъ дѣлѣ... Они объ себѣ много полагаютъ, а мы объ себѣ: ты, вонъ, куда ни покажешься, вто тебя ни увидить, всё въ одинъ голосъ кричатъ: красавида писаная!.. Да и разумомъ-то насъ, слава Богу, Господь не обиделъ... Что бедни-то?.. Ну, такъ въдь---у Бога всего иного, не извъстно еще. что висреть будеть...

Параня слушала мать молча. Многое въ ся словахъ задёвало ее за живое, льстило ся самолюбію, возбуждало увёренность въ себъ и самонадъянность, многое, хотя смутно и не ясно, но отвъчало ея собственнымъ тайнымъ мечтамъ и неопредъленнымъ ожиданіямъ. Она не могла и не умѣла провѣрять и анализировать свои чувства и душевныя движенія, но сознавала, что Оедя не до тавой степени дорогъ ей, чтобы она не могла съ нимъ разстаться, чтобы всё мечты, думы и желанія ся сосредоточи-вались на немъ одномъ. Восторженная любовь Өеди, его честная, прамая натура вліяли на Цараню, и ей казалось, она любила его, но она знала и себъ цёну, гордилась своей врасотой, какъ вупець гордился большимъ капиталомъ, а постоянныя практическія соображенія и внушенія матери вийсті со всімъ тімъ, что она вокругъ себя виділа, успіли уже достаточно очерствить и развратить ес. Мать никогда не имбла, повидниому, на нее непосредственнаго и прямого вліянія, не насиловала ся воли, давала сй во всемъ полную свободу, часто во многомъ онъ расходились и даже ссорились, но какъ-то такъ выходило, что въ важныхъ случаяхъ жизни дъйствовали всегда за-одно. Өедя пытливо и тревожно всматривался въ лицо своей невесты, когда она витесть съ матерью вошла къ нему въ мастерскую, но онъ ничего не могъ прочесть на немъ: Параня была совершенно сповойна; за то Дарья Тихоновна сіяла оть удовольствія.

- Ну, что, приняли? - спрашивалъ Өедя, переводя глаза на мать.

— Слава Богу, слава Богу, благодарить дружку твоему, Александру Кузьмичу: приняли! — отвёчала Дарья Тихоновна.— Ужъ этакой ангель... истинный ангель!.. Кабы не онъ, и разговаривать бы съ нами не стали: пришлось бы людей смѣшить, назадъ домой ѣхать... Какъ ужъ просилъ онъ за насъ, какъ XAOHOTSATS!

- А много ли же жалованья-то положили?..

— Да Паранькъ четире рубля, а Николкъ два сорокъ... - Тольво?

Тольво... Воть ты думаль десять-то дадуть обониь: всего шесть соровъ... Да и то благодарить Александру Кузькичу, безъ него бы и вовсе не взяли...

Digitized by Google

152

— Мало это очень... Я знаю, у нихъ новенькимъ давали но шести рублей, а мальчишкамъ по четыре...

. — Знано-мало!.. чёмъ туть жить? ужъ и не знаю какъ... За квартнру заплати, харчи, одёжа, обувь... Трудненько будеть!. Пообнадвялись им на тебя, Өедоръ Герасинычъ: надо бы перво такъ побывать, все разузнать, а ужъ туть бы и перебираться BOBCE...

- Ну, что делать-то... Кавъ-нибудь побъемся сначала, послё, можеть, прибавять, какъ попривывните къ работь... По крайности хоть на месте: дома-то и этого бы не промыслили... Тольво накъ же это, Александръ Кузьмичъ, не могъ побольше-то схлоиотать: платять же, вёдь, другимъ?.. Экой, вёдь, какой!.. Но въ душё Өедя былъ доволенъ, что для Парани не сдё-

лали исключения: значить, онъ напрасно приревноваль молодого XOSSHH8...

— Да ничего, проживемъ, Богъ милостивъ!.. — успоконвалъ онъ: - первый мѣсяцъ только побиться... Паранюшка постарается, живо все пойметь, привыкнеть: переведуть къ широкому миткало-и жалованыя прибавять, Николаша тоже...

- Мив и теперь получше двло-то подчують, -- сказала Параня: — и повойнъй, и выгоднъй много... Хоть сейчасъ идн... Очень зовуть... Я воть только отложила посовётовать съ тобой...

- Что такое?

— Въ горницы зовутъ, въ услуженье, къ хозяевамъ?.. И жалованье сулять хорошее, и подарки, и работа легче... — Кто это тебя зоветь?—спросиль Өедя, мёняясь въ лицё.

- Да и этоть приказчикъ старый; и твой-оть... молодой хозяннь, Александра Кузьмичь... Объщають, что много будеть лучше, чёнь на фабрике...

- Ну, ужъ нѣтъ, Параня, это тебѣ не мѣсто!..- всеричалъ Өедя, блёднёя и чувствуя вновь приступъ ревности.

- Отчего не изсто, коли спокойно и выгодно?.. Сиди въ тепль, по стужь ночью не бытай за версту, ночи не работай... не какъ на фабрикъ твоей...

- Нёть, Параня, и не дунай, и не говори этого... Коли съ моего совѣта хочешь дълать, такъ я не посовѣтую, и не пущу тебя туда... Первое, что намъ съ тобой видаться тамъ нельзя будеть, а другое: не хочу я, чтобы ты холопкой была... Туть ты хоть маленькое жалованье берешь, да сама себь ховяйка: отбыла свои часы, да и знать ничего не знаешь... А тамъ цёлый день на посылушвахъ, да на послугѣ чужимъ людямъ, надругаются, наломаются тамъ надъ тобой... Да ты и сама не ужилась бы...

--- Отчего не ужиться: ховяйка, говорять, добрая... --- Да хоть бы какая ни была... нъть, нъть, не пущу!.. И не говори!.. Коли любншь меня, коли считаешь женихомъ, и не думай объ этомъ... И съ чего это Александръ Кузьмичъ выдумаль?... Что онъ полагаеть?...

Өеня вспыхнуль.

много прибыльней будеть: и повойнее, и подарки... и маменьку не оставять?.. Буду сама хороша, такъ за что надо мной ло-маться да ругаться будуть?.. Ты же самъ говорилъ, что хозлева добрые, любять тебя... По тебѣ и инѣ будеть хорошо... А повидаться... не за десять версть жить будемъ, всегда повидаться можно!.. Ты съ чего же ломаеться-то: не пущу, да не думай!?.. Коли совътовать, такъ ты совътуй съ резона, а не то, что такъ съ маху: не ходи, да не пущу-и шабашъ!..

- Не вомандую я, Параня, и не на обумъ говорю, а прошу тебя, воли любишь, и резонъ у меня есть... Ты посмотри-ка:, пойдеть ли изъ деревни, отъ отца-иатери, хоть какая путная дъвушва въ услуженье въ господамъ, али въ купцамъ?.. ни одна не пойдеть!.. А вавія вдуть? Либо ужь сироты врутыя, бездомныя, которымъ дъться не куда, промыслить не на чёмъ, либо которыя дворянками холопками родились и въ другому дёлу не привычны, или... просто сказать тебь: балованныя, безпутныя... Вотъ такія только и вертятся, треплются, бъгаютъ изъ мъста въ мѣсто: тамъ пожила, не понравилось, въ другое мѣсто перебъжала... Такъ они по деревнямъ у насъ и слывуть шлюхами, да дворянвами... Ни одинъ парень въ деревнъ этакую дворянку замужь не возьметь... потому слава ужь про нихъ очень хороша идеть... Воть спроси Дарью Тихоновну, и она теб'я скажеть, что я правду говорю... Такъ на что же тебъ на этакую славу идти?.. Мнъ ты дорога: я не хочу, чтобы про тебя не то что кто нехорошее сказалъ, а и подумать не смѣлъ!.. Вотъ скажи-те, Дарья Тихоновна, по совѣсти: правду я говорю, или нѣтъ?.. — Да вѣдь какъ сказать, Өедоръ Герасимичъ?.. Коли на

людскія сказки смотрёть, такъ — правда, да, вёдь люди часто вря обиждають... Все по человёку глядя: какъ самъ себя человёкъ соблюдаеть... А чаще того бываеть и такъ, что ни въ чемъ человыть не причиненъ, а недобрые люди про него худую славу несуть... По мнё, на чужія наговорки смотрёть нечего, а гдё

би человёвть ни жиль, на какое бы дёло не попаль, нужно сакому о себё...

- Да, въдь, сами же вы мнъ разсказывали, -- перебиль разпричнышійся Өедя, — отчего взяли Параню оть барыни изъ услужени, когда она подростать стала, что боялись, какъ-бы ее. цюрня съ пути не сбила, не испортила .. Пускай теперь Параня и возрастиви, и умиве стала, не дасть себя съ пути сбить: и себя, и меня пожальеть... А оть обиды-то не уйдеть... Ужь тымъ ее общить, что всякій приказчикь, всякій лакей... а, пожалуй, в дугой вто... смотрёть будуть вавь на такую, что... Да кромё это.... заворно, ну, просто заворно, а особливо безъ нужды, по лоброй волё, въ холопен идти!.. Ужъ вакъ ни верти, а все служанка въ дому, холопка, послёдній человёкь: ни своего угла, н своего куска, ни своей воли нъть... во всемъ человъкъ подневольный: дёлай что велять, вди куда посылають, всякую, саиую грязную работу справляй, нёть у тебя ни часу, ни минутки своей, самъ о себѣ не думай, а смотри хозяевамъ въ глаза, да отгадывай, что имъ отъ тебя требуется, ровно собава ученая, а то и послуга твоя ни во что... Да нътъ, нътъ, Дарья Тихоновна, не сов'ятуйте вы, не пускайте, отговаривайте Параню!.. Нейдеть ей, нейдеть туда идти!.. А коли не послушаеть Параня, пойдеть, такъ в буду знать, что не любншь ты меня, отвазаться оть меня хочешь...

— Да, вёдь, я и не принуждаю ее, Өедоръ Герасимычъ, говореда Барыня, — и не совётую такъ, чтобы ужъ непремённо пла... А только-что чёмъ же мы жить-то будемъ... Хорошо прибавять... ну, мёсяцъ какъ-нибудь пробьемся, а не прибавять... чёмъ же туть жить?.. Двадцать копёекъ въ сутки на троихъ... подунай-ка самъ... много ли?.. да туть и не прокормишься!.. На тебя тоже надёяться нечего: не велико и твое жалованье, ла и то, пожалуй, родитель твой все забирать будеть... Вотъ, вёдь, о чемъ думаемъ, сердечный другь...

- Объ этомъ не думайте, Дарья Тихоновна: за первый мѣсацъ я все свое жалованье вамъ отдамъ и послѣ буду половину отдавать: мнѣ самому ничего не надо, только меня прокормите, а бакюшкѣ нужда въ деньгахъ развѣ къ весяѣ будеть, до тѣхъ поръ овъ не потребуеть...

- А ву, потребуеть?

- Ну, какъ онъ хочеть, а коли вамъ нужда будеть, откажу ену...

- Такъ онъ тебя домой возьметъ...

- До году не возьметь, а годь иного времени: ни я, ни

Параня на этомъ жалованьё не останемся... Да все-равно, вотъ вамъ обѣимъ мое послёднее слово: воли любнтъ меня Параня, ванъ объянъ ное послъднее слово: коли любить неня параня, всю жизнь свою за васъ положу, и бёдствовать ванъ не дамъ, а не послушаетъ меня Параня, уёдетъ въ купцамъ въ домъ, значитъ, не любитъ меня, не надъется, на купеческія подачки идетъ... тогда я все-равно вамъ не слуга, и дълать мнъ здъсь нечего: я, кажется, и съ фабрики-то убъгу!.. Вотъ знайте!..

Мать съ дочерью переглянулись и не возражали. — Такъ пойдешь, Параня, али нъть въ домъ, въ услуженіе?.. — спроснять Өедя.

- Ан, парень, какой ты!..-сказала Параня.-Я думала, ты пословный, а въ тебъ вонъ какой духъ-отъ: дай хоть пооглядъться да одуматься...

--- Не о чемъ тутъ думать, Параня... Во всемъ я пословенъ тебѣ, что велишь-- все сдѣлаю!.. А тутъ тебѣ сказать нужно, а не мнѣ: коли любишь да жалѣешь меня, такъ не пойдешь... Говори теперь...

- Да ну, отступись... Извёстно, не пойду, воли тебе ужъ тавъ...

- Ну, воть, Паранюшка, спасибо!.. Воть теперь ты меня --- Пу, вогъ, паранюнка, спасноо... Богъ теперь ты шеня усповонла: точно камень отъ груди отвалнася... И не думай ты, и не говори никогда объ этомъ... Не мучь и меня... Можетъ и блажь мнё въ голову пришла, а вёрнёй, что дёло: знаю я, съ чего тебя въ горницы звали... Не ждалъ я этого отъ... Ну, да будетъ!.: И не говори, и не поминай объ этомъ больше нивогла!..

Чтобы устранить оть себя даже мысль объ этой новой тучё, которая набёжала-было на душу Өеди, онъ началь разспраши-вать о всёхъ подробностяхъ найма на фабрику. Вскорё затёмъ послышался обыденный свистокъ, и Оедя, успокоенный и веселый, пошелъ об'ёдать на новую квартиру Дарьи Тихоновны.

٧.

Къ вечеру того же дня въ мастерскую въ Өеде вошелъ Але-всандръ Кузьмичъ. Въ первый разъ еще, при виде его, у Өеди явилось вакое-то непріязненное чувство: онъ взглянуль на него холодно и, ни слова не говоря, продолжаль работу. Алевсандръ Кузьмичъ тоже вдругъ почувствовалъ себя какъ-то неловко и хотя пришелъ возбужденный и торонился разсказать Өедѣ но-вость, но, встрётя его холодный взглядъ, смутился, нерѣшительно

нодошель въ верставу, за которымъ работалъ Өедя, и нёкоторое время молча и разсёянно смотрёлъ на его работу.

— А я было-пришелъ къ тебъ свазать, — заговорилъ онъ наконецъ, когда молчание стало тяготить обонхъ:—сказать, что титенька убхалъ на старую фабрику... Ты знаешь ли?..

- Нѣтъ, не слыхалъ...-отвѣчалъ Өедя.-Что же такъ?..

— Получилъ письмо: вызывають... Дёла, пишуть, хорония... А оттуда въ Москву поёдеть...

— Надолго, вначить?..

— Да недѣли три провъдить, что больше... Это для насъ хорошо: безъ него все ловчѣе... свободнѣе... Я на-счеть школы-то говорю...

Өедя ничего не сказаль.

--- Теперь бы вотъ только твой учитель прійхалъ: сейчась потвроемъ... --- продолжалъ Александръ Кузьмичъ, исподлобья, неръщительно взглядывая на Өедю. Молчаніе послёдняго очень его смущало.

— А мнѣ сегодня досталось отъ татеньки... изъ-за тебя... проговорнять онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Изъ-за меня? — переспросыть Өедя, вскидывая удивленные глаза. — За что же?..

- Да не то, что изъ-за тебя... А воть этоть подлецъ Архипычъ насплетничалъ... Ужъ я впередъ зналъ, что насплетничаеть: вотъ что я за невёсту-то твою хлопоталь, просняв, чтобы приналь да побольше жалованья положиль ей... Онъ все, подлець, татеные перевель... Тоть на меня и навинулся... да за объдомъ, при всёхъ и при Алёнё Николавнё... Да, вёдь, что говорить?.. У тебя, говорить, только и заботы, что за девчонками бытать, а объ двай не думаешь... И съ чего ты взаль, говорить, изъ-за твонхъ... ей-Богу, при всёхъ такъ и брякнулъ!.. съ чего ты взяль, что я теб'й позволю, говорить, цёну у меня на рабочихъ портить?.. начего не стоющей девчонке велить давать такую цёну, что въ пору хорошему рабочему дать!.. И пошелъ, и понель! ...Точаль, точаль... Да нёть, говорить, пора тебя жепить: воть въ Москву повду, объ невъсть тебъ полажусь... Будеть тебъ баклуши бить!.. — Воть я говориль, Чернушкинь, что женить онъ меня, - воть такъ и выходить!.. Теперь того и жди, что вдругъ въ Москву выпишетъ...

— А вы еще, Александръ Кузьмичъ, звали Параню въ домъ, въ горничныя... – съ упрекомъ замётилъ Федя.

Кошатниковъ вспыхнулъ.

- Да это не я... Это Архипычъ... Я полагалъ только, что ей бы тамъ покойнёе и выгоднёе было...

- Покойнве и выгоднве съ женихомъ развести... холопкой своей саблать... А можеть и еще что думали?..

Өедя оставиль работу и горящими главами въ упоръ смотрълъ на Александра Кузькича. Тотъ сконфузелся.

— Да, право же, это Архипычъ, — не я... — Съ чего Архипычу хлопотать о ней?.. Развѣ ему не все равно?.. Онъ для васъ же, значить: увидёлъ, что она вамъ... А вы думали, что она-деревенская девка, обдная, а вы богаты... что ее деньгами сманить можно!.. Неужто вы это думали и забыли, наплевали на то, что она моя невъста, что она мнъ дороже всего?.. Вёдь, я же вамъ признавался, какъ люблю се... Я на васъ какъ на брата родного надъялся...

- Да, право же, Өедоръ... что ты?.. Я ничего не думалъ. а хотвлъ только... какъ бы ей лучше сдълать... Развъ же на фабривѣ то, ты думаешь, ей будеть больно хорошо, что ли?..

- Да хошь бы вакъ плохо ни было, а все-таки она-воль-. ный человъкъ... не холопка, не служанка горничная... и всегда на глазахъ и у меня, и у матери, — каждый день я ее вижу... Нътъ, Александръ Кузьмичъ, коли у васъ ничего не было на умѣ, такъ прости меня, что погорячился и о васъ не хорошо подумалъ, — да, вѣдь вы богаты, балованы: поневолѣ это подумаешь!.. А отчего вамъ того не вздумалось, что заворно честной дъвушит отъ матери, отъ жениха по чужимъ домамъ жить, да еще холопкой служить?.. Разв' служанка — вольный челов'якь? развё не помыкають ими у вась, не срамять, не ругають, не ломаются надъ ними, а онъ не смотрять вамъ въ глаза, не угождають, словно врёпостныя?.. Да и она же-ничего не знаеть, не умветь и служить-то: зачёмъ же она вамъ понадобилась?.. Отало-быть, у васъ было что и на умъ не хорошее на-счетъ ея?.. Воть вы, говорите, бъднявовъ рабочихъ жальете, добро имъ хотите далать учить ихъ, а того не подумали, что у меня Параню отнять хуже, чёмъ съ нищаго суму снять... Лучше голову сь меня снесите, нечёмъ...

- Да полно же ты, Чернушкинъ, что и въ самомъ дълъ?.. Говорять тебѣ: ничего у меня такого въ головѣ не было... А такъ я только... Кто тебя зналъ, что ты этакой?.. Извѣстно, врасавица она у тебя... да я больше и смотрёть-то на нее не стану... и слова нивогда съ ней не скажу...

- Да, да, голубчивъ Александръ Кузьмичъ, и не глядите, и не говорите съ ней, точно и знать ее не знаете: всего мнъ

это лучше, всего дороже!.. Не за нее я боюсь, а у нея мать такая... балованная, деньги любить... Она не сбила бы ее, боюсь... Я привезь ихъ сюда, на васъ надбялся... и въ голову итё не пришло, что вы на нее засмотритесь... А какъ теперь такъю показалось мнё это, да раздумался... все сердце у меня переболѣло... Вы богаты... мать, пожалуй, польстится... Неужто же меня смертно обидить тотъ, на кого я больше всѣхъ надѣялся?..

— Нѣть, брать, напрасно... Не безпокойся: я не такой... Не го, что тебя, — я никого обидѣть не желаю... Брось это, не дунай: не надо мнѣ... Любитесь вы съ нею... Богъ съ вами!.. Что ты!.. Честью тебѣ говорю: ни смотрѣть, ни говорить не стану, пока не женишься на ней!.. Довольно тебѣ этого?.. Правда, брать, точно... воть покаюсь я тебѣ... засмотрѣлся а давеча на нее: ужъ очень она красива!.. А только воть тебѣ рука моя: ничего больше такого не будеть... Да что же ты не женищься на ней?.. женился бы, что ли, скорѣе...

--- Нельвя... Оба мы чуть не нищіе... Пока жалованья хорошаго не буду получать, не жонюсь...

— Коли только въ деньгахъ дёло, такъ возьми у мена сколько теб'я нужно... Сколько есть у меня — дамъ съ удовольствјемъ...

— Нѣть, поворнѣйше благодарю... Не надо!.. Не возьму я!,. — Отчего, отчего?.. Я, вѣдь, отъ души... Ты не подумай что-выбудь... Съ полнымъ монмъ удовольствіемъ!.. Возьми, пожалуйста, не сумнѣвайся... Не обижай меня!.. Сколько у меня есть — всѣ возыми, а мало... нослѣ получу, опять дамъ... Чернушкинъ, я тебя пропну: ты не думай обо мнѣ этакъ... Я не такой!..

— Да спасибо вамъ, Александръ Кузьмичъ... Я очень понимаю, и чувствую, и благодаренъ вамъ... Теперь и не сумиъваюсь... вижу: добрый вы, хорошій человъкъ... Всегда я о васъ накъ думалъ и понималъ, а только-что такъ деньги брать, безъ работы, миъ не слъдъ... не приходится...

- Да почему, коли я съ удовольствіемъ?..

--- Да, первое, вамъ теперь деньги на другое нужны, на корошее дёло, а второе -- ка́къ я скажу, откуда эти деньги у иеня? нодачку получилъ, Христа-ради дали?.. Да инё и не то нужно, чтобы деньги показать, что ли, что онё есть у меня, -али нарядовъ невёстё накупить и свадьбу сыграть... Нёть, инё нужно, чтобы видёли, что я и впередъ заработать могу, что у иеня дёло въ рукахъ хорошее, что за мной жена нуждаться да бёдствовать не будеть... Воть я опибеу большую сдёлаль, что въ столяры помёсячно поступиль въ вамъ, — по-штучно бы я вдвое денегь заработаль... Воть нельзя ли бы вакъ съ того мёсяца на штучную работу мнё перейти, — или, коли ужъ нельзя въ Дмитрію Тимофенчу съ этимъ подойти, такъ хошь бы онъ позволиль, послё шабаша, по ночамъ работать по-штучно?.. Онъ видить теперь, что я въ рабочій день сработать могу, я столько же бы справлялъ, а по вечерамъ... ну, и ночи бы прихватилъ вогда... сверхъ того, заработалъ бы себё что-нибудь...

- Такъ что же, это можно!.. Я сегодня же ему объ этомъ скажу... Я думаю, онъ даже съ удовольствіемъ согласится на это, потому — для него же лучше: работа скорѣй пойдеть... Непремённо сегодня же, вотъ сейчасъ за чаемъ, и переговорю съ нимъ...

— Переговорите, Александръ Кузьмичъ, попытайте... Я торговаться не стану... Сколько самъ положить съ рамы, тёмъ и доволенъ буду: вёдь, ужъ очень-то, чай, не обидить же...

--- Ну, само-собой... Извѣстно, ужъ настоящей цѣны не дастъ: ему нельзя не нажать человѣка... ну, а все-таки хошь подходяще... Непремѣнно, непремѣнно!..

Послѣ этого разговора, молодые люди разстались снова друзьями. Өедя вполнъ усповоился, а Алевсандръ Кузьмичъ ушель сь чувствомъ очещенной совёсти и самыхъ честныхъ, добрыхъ намбреній... Онъ торопился къ вечернему семейному чаю, въ которомъ всегда участвовалъ Дмитрій Тимофенчъ. Онъ хотелъ говорить съ нимъ о Өеде. Увлекаясь доброжелательствомъ въ Өеде и пользуясь отсутствіемъ родителя, онъ надеялся устроить что-нибудь для своего друга повыгодние разришения на ночную штучную работу. Онъ сознавалъ себя виноватымъ передъ Өедей въ нечистыхъ помыслахъ и намъреніяхъ относительно его невъсты, на которую при первой встръчь онъ смотрълъ какъ на одну изъ доступныхъ фабричныхъ работницъ и о которой онъ ходиль хлопотать вовсе не ради того только, что она-невъста его пріятеля. Теперь, давши слово Өедъ вывинуть изъ души всь эти помыслы, подъ вліяніемъ его словъ, признавая себя даже болёе виновнымъ, чёмъ былъ въ действительности, онъ чувствовалъ потребность услужить обиженному другу и единомышленнику, сдёлать для него что-нибудь такое, что бы доказало ему его пріязнь и готовность содбиствовать его счастью.

Александръ Кузьмичъ вошелъ въ большую, хорошо освѣщенную комнату, гдѣ около круглаго стола собралась уже вся семья. Сестра его, Лизавета Кузьминашна, — высокая, тучная, съ добрымъ, но

ленявымъ оплывшимъ лицомъ, съ маленькими безцветными глазами, сидѣла въ мягкомъ креслѣ и разливала чай. Около нея, съ одной стороны, на низенькомъ столикъ помъщался огромный томпаковый самоваръ, съ другой — на стулё сахарница, передъ нею, на кругломъ столё, — подносъ съ чашками. Очевидно, все было приспособлено, чтобы трудъ наливанія чая, который Лизавета Кузьминишна оставила за собою, не особенно обременалъ ее, но и онъ утожлялъ разжирввшую хозяйку: она никогда не вончала этой операции и, наливши несколько чашекъ, подъ конецъ всегда сдавала ее кому-нибудь другому. Рядомъ съ хозяйкой, съ одной стороны, помъщался Дмитрій Тимофенчъ, а съ другой — Алёна Николавна, которая должна была принимать и передавать налитыя чашки сидящимъ съ нею рядомъ дётямъ, наблюдать за ними и вообще помогать хозяйкв. Ею обывновенно замѣнала себя Лизавета Кузьминишна у самовара, вогда чувствовала усталость. При этомъ, когда хозяйка была въ хорошемъ расположения духа и въ миру съ гувернанткой, то она обыжновенно говорила: «поди-ка сядь за меня, Алёна Николавна: смерть моя — устала... Похозяйствуй-ка, мать моя, привыкай, теб'в это въ пользу: молода, неравно замужъ выйдешь, --приго-дится!..» А когда отношения въ гувернанткъ бывали неприявненныя или Лизавета Кузьминишна была за что-нибудь ею недовольна, то, послё нёсколькихъ вадоховъ, оханій и внушительныхъ на нее взглядовъ, она вела такую рѣчь: «гувернантачка, не́чего сказать!.. хошь бы ужъ не то, что... а хошь бы совъсти-то немножно взяли, подумали бы: не устала ли хозяйка-то, не умаялась ли она день-то деньской... Я думаю бы, можно спросить: не прикажете ли, молъ, за ваше мъсто състь... подсобить?... Кажется, не велико дёло, не много съ васъ спрашиваютъ, не замучили на работв... не какъ въ другихъ домахъ!..» .

Остальныя стулья около чайнаго стола занимали обыкновенно Александръ Кузьмичъ, кто-нибудь изъ начальствующихъ на фабрикъ лицъ, которыхъ Дмитрій Тимофенчъ считалъ нужнымъ поощрить или приласкать приглашеніемъ къ чайному столу.

Впрочемъ, когда въ Старомъ-селѣ находился Кузьма Иванычъ и выходилъ изъ своихъ комнатъ къ вечернему чаю зятя, тогда никто изъ постороннихъ лицъ не приглашался безъ его желанія и приказанія, и Лизавета Кузьминишна не только не передавала гувернанткѣ своего мѣста, но находила силы вставать и подавать родителю каждую чашку чаю. И Кузьма Иванычъ очевидно любилъ эту церемонію, потому-что садился всегда по-

Тонъ II.--Марть, 1879.

11

дальше оть дочери, несмотря на уб'ёдительную важдый разъ просьбу вятя занять его обычное м'ёсто и никогда не просиль дочь налить себё опорожненную чашку, но ждаль, чтобы дочь сама подошла и взяла ее съ вопросомъ: не прикажете ли, тятенька, еще?.. Ликавета Кузьминишна знала, что нарушение этого порядка могло бы поссорить ее съ отцомъ, и потому напряженно слёдила за нимъ во время часпитія и забывала свою лёнь и усталость.

Когда Александръ Кузьмичъ вошелъ въ чайную, зять уже быль тамъ, на своемъ обычномъ миств, а въ нивоторомъ разстоянія отъ него сидёлъ съ чашкою чая Петрь Архинычъ. Молодого человёка покоробило отъ присутствія этого гостя:

онъ вспомнелъ, что взъ-за него получилъ сегодня непріятность оть отца.

Петрь Архинычъ, какъ ни въ чемъ не бывало, привсталъ съ подобострастной заискивающей улыбкой, низво поклонился молодому хозянну и стоялъ, провожая его глазами и выжидая, когда тоть займетъ мёсто, чтобы не сёсть прежде его. Александръ Кузьмичъ едва отвётилъ на поклонъ, сёлъ около маленькаго племянника и отворотился оть Архипыча.

- Садись, садись, - свазаль ему между твиъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Ужъ сейчасъ вижу, что гнѣваться изволите на меня, Александръ Кузьмичъ, — заговорилъ Архипычъ: — мнѣ только что все разсказали Дмитрій Тимофеичъ... А я, ей-Богу, ни въ чемъ не виновать!.. Вы не извольте на меня напрасно гибваться!.. — Знаю я, знаю тебя!.. Разсказывай!.. — отвѣчалъ Кошатни-

вовъ... — Тебъ, какъ же, нельзя было не насплетничать тятенькъ...

И что ты тамъ наговорилъ ему, чорть тебя знаеть... — А, ей-Богу же, ничего!.. Воть вамъ, истинный Богь, ничего!.. Ну, разсудите вы по-божески... Какъ мнѣ было быть, что дѣлать, что отвётить?.. Пришли въ контору татенька какъ разъ въ этотъ самый секундъ, что книжку дъвкъ выдавать... — Да, ну ладно, хорошо... будетъ ужъ!..

- Да нътъ, вы позвольте же мнъ передъ вами оправиться... Какъ же я могу?.. Я васъ тоже за хозяина почитаю... Извёстно, Кузьма Иванычъ у насъ самый главный, а какъ же я могу не ночесть, коли мнё приказывають: вы ли, али Лизавета Кузьми-нишна, али Дмитрій Тимофеичъ?.. Вы всё наши хозяева!.. Все ваше добро!.. Вамъ служимъ!.. Вами живемъ!.. Вашъ хлёбъ **Бдимъ!.. какъ я могу ослушаться?..**

- Да совсёмъ я тебё ничего не приказываль на-счеть жа-**ЈОВАНЬЯ... ГОВОДИЛЪ ТОЛЬКО, НЕЛЬ**ЗЯ ЛИ ВВЯТЬ...

- Такъ я-то что же, Александра Кузьмичъ, помилуйте... Будьте вы довольно великодушны: позвольте сказать... Какъ татенька стали съ меня взыскивать, зачёмъ ничего не знающую беру, да шесть рублей жалованья назначаю... Ну, я-человыть подначальный... ваюсь, сробвль!.. говорю, — по Алевсандру Кузь-мичу принимаю... Воть только и сказаль!.. И истинно вамъ довладываю: не скажи я этого, пожалуй бы, и вовсе не приказал принять... Приплось бы девке отказать вовсе... Ну, а какь узнали они, что вамъ этого угодно, такъ хоть и погнъвансь, и жалованья приказали убавить, а взять всо-таки дозвоние... Ну, какъ же миз было сказать?.. Извольте сами разсудить... Нъть, вы не гнъвайтесь на меня... Одажите ваше великодушіе... Дозвольте ужъ эту вину мою невольную заслужить передъ вами... Тысячу разовъ заслужу!.. А что-истинно сробълъ, не зналь, что доложить татенькъ... ну, и обмолвился на васъ... Въ этомъ ужъ простите!.. А не изъ-за чего другого, въдь, и жалованье хотвлось положить ей побольше, чтобы вамь угодить... Да воть разъ какой вышелъ... Простите великодушно... Александра Кузьмичъ!.. Ужъ мнѣ это очень даже обидно и прискорбно, что гнёваетесь вы на меня... Испытайте другой разъ мою службу... А я тысячу разовъ, до конца гроба, готовъ служить вамъ...

- Да что тебѣ въ этой девкъ? - спросила Лизавета Кузь- • минишна, успъвшая уже сдать бразды правленія за чайнымъ столовъ Алёнъ Николавнъ. — Давича, проводивши тятеньку, убъ-жалъ и не разсказалъ ничего... Какая эта?.. что за дъвка такая?.. Изъ-за чего ты-то хлопоталь?..

- Да ни изъ-за чего больше, -- отвѣчалъ Кошатниковъ, конфувась, - что невъста она одного туть пария... люблю я его... Воть и все!

- Какого это пария?..

 Да туть столяромъ у насъ, на фабрикъ живетъ...
 Эго, Осдора Чернушкина? — спросилъ Дмитрій Тимофенчъ. Архицычъ насторожилъ уши.

— Да, его... Она, бъдная, сирота... хочется съ женихомъ вибств жить, инв жалко стало ихъ... Воть и все!..

- Очень ужъ вы, братецъ, чувствительны...-съ едва замѣтной насившливостью проговорних Дмитрій Тимофенчь.

- Истинно, ужъ ангельское сердце у Александра Кузькича... -подтверднаъ Архипычъ.-Самый добродътельный ховяннъ бу-

11

дуть... Богъ приведеть!.. только народъ-то они, рабочіе, не сов'є-стный, не чувствительный... Не понимають этого!.. — Есть всякіе!.. Иные понимають!.. — раздражительно зам'й-тилъ Кошатниковъ. — А по-моему, братецъ, наша обязанность ховяйская помогать рабочимъ, особенно тёмъ, которые стараются,

хозянская помогать расочинь, оссоенно тыть, которые стараются, работають честно и вёрно... — Имъ и помогають, братецъ, не оставляють!.. Чуть кто себя покажеть, впередъ въ нуждё даемъ, жалованья прибавляемъ... и другія прочія милости дёлаемъ... Вёдь, кабы притёсняли да обижали, жить бы не стали: никто не привязанъ, живуть по доброй своей воль...

— А воть я васъ попрошу за Чернушкина: ужъ, кажется, совъстливо работаетъ... Вы либо жалованья ему прибавьте, либо на штучную работу его переведите...

— Ничего я въ немъ особеннаго такого старанія не вижу... Работаеть такъ себѣ... съ прохладкой...—возразняъ Динтрій Тимофенчъ.

мофенчь.
Ну, ужъ, братецъ, это даже не благородно... — загорячился Александръ Кузьмичъ. — Какъ же вы говорите... съ прохладкой... когда онъ въ двё недѣли за шесть-то рублей нарабо-талъ вамъ столько, что вы поштучно втрое бы заплатили!..
Не знаю, какъ это вы такъ считаете... ужъ очень много!.. Еще бы онъ на первыхъ порахъ лёниться сталъ... А что съ перваго мёсяца, да ему жалованья прибавлять... это ужъ нигдё

не волится!...

- Ну, такъ переведите его на штучную работу...

— Это для чего же?..

 Для насъ все равно, а онъ можеть заработать больше...
 Нёть, братецъ Александра, это для насъ не все равно:
 работаеть онъ по-мёсячно, ему торопиться нёть надобности, онъ и дёлаеть аккуратно, пригоняеть какъ слёдуеть, а плати ему отъ штуки, онъ будеть дёлать кое-какъ, лишь бы счетомъ вышло больше, чтобы денеть больше заработать... Какой же туть разсчеть для хозяина?.. А коли вы говорите, что онъ старается, такъ онъ и поштучно больше не заработаеть, если совъстливый человъкъ, значитъ и для него нъть никакого разсчета... — Да ужъ это его дъло: его личный разсчеть... — виъша-лась вдругъ Алёна Николавна. — Вы принимаете работу, можете

требовать, чтобы она была сдёлана чисто, аккуратно... Это ваше право... Но онъ по своей волё, для личнаго интереса, можеть увеличить количество рабочихъ часовъ... Туть, мнё кажется, взаниная выгода, самое правильное отношеніе труда и рабочей силы къ капиталу... Рабочій затрачиваеть на трудъ столько своихъ силъ, сколько хочеть и сколько можеть, но за то и капиталъ...

— Да что вы, мать моя, — вдругь остановила ее Ливавета Кузьманишна, — въ ум'в ли: никто ее не спрашиваеть, а она въ мужской разговорь връзалась?!.. И я—такъ молчу да слушаю только, а она... на-те-тка... Право, не въ разум'я!..

- Да что же такое, Лизавета Кузьминишна?..

-- Какъ что, сударыня?.. Непристойно: воть что!.. Тебя никто не спраниваеть, а ты въ ховяйский разговоръ мёшаешься, да еще промежъ мужчинъ... Пущай бы по наукъ что... ну, ужъ такъ бы и быть, что ученостью вы забрались, да и то надо полагать: гувернаночкъ-то не больно пристойно приставать, коли никто не спрашиваеть... А то: говорять ховяева, промежъ собой, на-счеть фабричнаго рабочаго: ну, какой слёдъ тебё мёшаться?...

— Да я совсёмъ не насчеть рабочаго... Я думала общій вопросъ... Это тоже наука: политическая эвономія... Я хотёла убёдить Дмитрія Тимофенча...

— Убѣдить!.. Ну, гдѣ ужъ вамъ его убѣждать... Ахъ, мать моз!.. Ахъ, Алёна Николавна!.. Неужто ужъ всѣ вы такія, ученыя-то?.. Вѣдь, что скажеть!.. Хозяина научить хотѣла!.. Добрый вы человѣкъ и къ дѣтскому ученью старательна... а ужъ за это не похвалю... Нѣть, не хорошо!..

— Ужъ нельзя и слова сказать... — пробормотала Алёна Нинолавна, надувшись.

— Отчего не сказать-съ? очень можно!.. — зам'ятилъ Дмитрій Тимофенчъ, — только всякое слово нужно говорить съ опаской... которое сл'ядующее нужно говорить, а не сл'ядующее лучше про себя оставить, я такъ полагаю-съ!.. По вашей части, въ наукахъ ванихъ, мы, кажется, вамъ ни въ чемъ не препятствуемъ и не м'янаемся... и на-счеть вашего продовольствія и обращенія, кажется, довольно деликатны: не можете ни на что пожаловаться... А ужъ по нашей-то части, на-счеть фабричнаго д'яла, ровно какъ и вправду намъ ближе вашего все изв'ястно... Для чего же намъ эти ваши уб'яжденія?.. Совершенно напрасно-съ!..

 Извините, пожалуйста... Я больше никогда не буду высказывать своего мнёнія...— проговорила Алёна. Николавна.
 Потому и не стоить-съ... люди мы необразованные, не-

--- Потому и не сто́нть-сь... люди мы необразованные, неученые, даже мнвніевь этихъ цонять не можемъ...

BECTHER'S REPOILE.

--- Нѣтъ, Дмитрій Тимофенчъ, -- сказалъ Кошатниковъ раздражительно: -- вы даже очень хорошо все это понимаете, потому, мало ли у насъ рабочихъ на поштучной платѣ... И прежній столяръ тоже отъ штуви получалъ... А вы вотъ только за что-то Чернушкина не взлюбили и притѣсняете его...

— Что же мнѣ, братецъ, его любить, али не любить?.. Это для меня даже обидно слышать, что стану я рабочаго притѣснять: довольно низво для меня... Коли мнѣ всѣхъ рабочихъ любить, такъ это и сердца не станетъ... Для меня все одно, что Чернушкинъ, что Бѣлянкинъ какой-нибудь... что одинъ рабочій, что другой... Удивительно даже, какъ вы это, братецъ, говорите...

— Такъ отчего же вы для него ничего не хотите сдёлать?.. — Да что же мнё за обязанность для него дёлать?.. Тятенькё угодно было его въ столяры взять, я и взяль, приказали двёнадцать рублей жалованья положить, — онъ и получаеть... Кавое же ему притёсненіе?.. Право, даже разговаривать объ этомъ сужетё непріятно... Живетъ человёкъ третью недёлю, а ужъ объ немъ разговоры какіе...

— Дмитрій Тимофенчъ, да вы не сердитесь... Послушайте меня, воть, вёдь, я почему прошу: и онъ, и невестя у него, оба они бъдные, и положили они между собой тогда обвънчаться, когда онъ будеть денегь побольше заработывать, или мвсто получить хорошее... Такъ воть онъ и просить: позвольте ему хоть по ночамъ по-штучно работать... Ужъ теперь видно, сколько онъ можеть въ сутви сработать, такъ-что сверхъ этого будеть сдёлано, за то по-штучно ему платите по уговору... Или еще лучше: ужь это я вась прошу, для меня сдёлайте: переведите вы его въ машинисты... Тамъ по крайней мъръ жалованье двадцать и двадцать-пять рублей... Да это бы и для насть полезно было: онъ вонъ говорилъ мнъ, что если бы ему дали хорошенько въ машинъ и въ фабрикъ присмотръться, онъ, можеть быть, тавую бы штуву придумаль и устроиль, что у нась половину работы не паромъ, а водой изъ ръки можно бы справлять... Это, братецъ, разсчетъ!.. а у насъ ръка-то такъ даромъ течетъ, только и есть, что воду въ ней фабрика портить...

— Ужъ очень вы ему вёрите: нахвастаеть онъ вамъ, навреть, а вы такъ принимаете, что ужъ точно онъ п не вёсть какой механикъ... А онъ просто мальчишка-бахваяъ!.. Больше ничего!...

Петръ Архипычъ, очень внимательно прислушивавшійся въ разговору и дѣлавшій въ головѣ свои соображенія, на послѣд-

нія слова директора одобрительно улыбнулся и, отворотясь оть Александра Кузьмича, старался поназать Дмитрію Тимофенчу своимъ лицомъ и взглядомъ полное свое согласіе.

— Ну, да, положнить, вы такъ о немъ думаете, а я по другому, — настанвалъ молодой человъкъ: — ну, сдёлайте же хоть для меня... Попробуйте: переведите его въ машинѣ... Вёдь, вонъ, Зайцевъ ньетъ, сами имъ недовольны, и механикъ жалуется: нитрафуете его... Переведите вотъ на его мёсто...

— Не смёю я, братецъ, безъ тятеньки... Какъ я могу?.. Кабы еще татенька не сами его принимали... ну, то другое дёло, а то почемъ я знаю ихныя мысли на счеть его?... Воть коди вамъ угодно: когда тятенька возвратятся, попросите ихъ сами, принажутъ, ну, тогда и разговора никакого не будеть: сейчасъ сдёлаемъ...

- Само собой!...- подтверднять вполголоса Петръ Архипычъ.

— Тогда онъ и прожекть свой пускай тятенькъ представить... Можеть быть, они и механикомъ его прямо сдёлають... А безъ него я, братець, никакъ не могу!.. Какъ вамъ угодно!..

Динтрій Тимофенчъ вончилъ чай и всталъ, чтобы опять идти на фабрину. Петръ Архипычъ вскочилъ всябдъ за нимъ, и, низко ноклонившись хозайкъ и хозайскому сыну, вышелъ вмёстё съ директоромъ.

— Ахъ, Саменька, Сашенька, охота тебѣ за всякаго встунаться, да хлопотать... — говорила Лизавета Кузьминишна, зѣкая и собираясь также уходить изъ чайной. — Нѣтъ у тебя своей заботы-то, такъ ровно старица Софъя обо всемъ мірѣ сохнешь... Полно, балюшка, не сто́итъ тебѣ безпокоить-то себя няъ-за нихъ: правда, что Архинычъ ни скажетъ, самый неблагодарный, нечувствительный народъ!..

Алёну Николавну передергивало отъ словъ хозяйки, но она удержалась, не сказала ни слова, и ограничилась только презрительной улыбкой въ ся сторону и вызывающимъ ободрительнымъ ваглядомъ Александру Кузьмичу.

— Ну, ну, ладно, ладно! Воть погоди, женишься, да дёло въ руки возьмешь, тогда другое заговоришь: какъ своя-то семъя да забота на спину навалятся, забудешь чужую крышу крыть прежде своей, и слова эти забудешь, откажешься, что и не говаривалъ... Вели-ка, Алёна Николавна, прибирать, да веди дётей... А я пойду полежу до ужина...

-- Дайте руку...-порывисто, вполголоса, проговорила Алёна Николавна, быстро подходя къ Александру, котда Лизавета Кузьминишна ушла, и беря его за руку такъ, чтобы не видали дъти.--Жму вамъ ее отъ чистаго сердца: вы не будете паразитомъ, вы развиваетесь!.. Еще побольше воли, характера, настойчивости---и вы будете дъятелемъ!.. Я считаю васъ настоящимъ товарищемъ!.. Слышите? этимъ много сказано!.. А что Чернушкина они не любятъ и ничего для него не дълаютъ, я очень рада: надо, чтобы онъ на нихъ не надъялся и кръпче примыкалъ къ намъ... Зачъмъ это онъ жениться хочетъ: что еще за вздоръ?!..

— Какъ вздоръ? — переспросилъ удивленный Александръ Кузьмичъ.

— Очень ясно! Разумёется, вздоръ!.. Это его можеть даже погубить въ нашемъ смыслё... Тоть, вто хочеть служить до самопожертвованія, ничёмъ не долженъ себя связывать: бракъ хомуть, ярмо... А онъ еще женится, кажется, по любви... Плохо! Онъ не надеженъ!... Скажите ему это отъ меня!... Миндальности туть не у мъста!...

- А меня тоже хотять женить...

— Вы—другое дёло... Вы не по любви: вась это не свяжеть, а еще развяжеть руки... Для дёла это будеть даже полезно, если женитесь безъ любви и на богатой... Однако, прощайте... Пора...

Алёна Николавна опять порывисто пожала руку Александра и увела дётей изъ комнаты. Александръ Кузьмичъ остался въ комнатё одинъ и долго сидёлъ въ глубокомъ раздумъё: онъ былъ польщенъ похвалами Алёны Николавны и озадаченъ ея словами о женитьбё Өеди... Параня, противъ его воли, то и дёло приходила ему на умъ и какъ живая стояла передъ нимъ, то лукаво улыбающаяся и заигрывающая своими жгучими глазами, какою онъ ее видёлъ утромъ, то веселая, довольная и счастливая жена Өеди, то какъ будто опечаленная разлукою съ нимъ, но не убитая горемъ и внимательно выслушивающая ласковыя рёчи, которыми Александръ Кузьмичъ утёшалъ ее, то...

--- А, вёдь, это подло, --- сказаль онь самь себё, быстро вскакнвая съ иёста.---И зачёмь я даль ему слово?.. А ужь даль, такь надо держать: нечего и думать, пока...

Александръ Кузьмичъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты на улицу и, не зная, что съ собою дёлать, крупными шагами пошелъ на фабрику. Проходя по фабричному двору, онъ сдёлалъ врюкъ, чтобы заглянуть въ окна мастерской, гдё работалъ Өедя; но въ ней было темно, и двери заперты снаружи: Александръ Кузымичъ понялъ, что Өедя ушелъ къ своей невѣстѣ... Ему сдёлалось вдругъ грустно и тяжело на душѣ; онъ не въ силахъ былъ идти на фабрику и безцёльно бродилъ по улицё вплоть до самаго ужина.

Альксъй Потэхниъ.

ДИПЛОМАТІЯ И ВОЙНА

BЪ

восточномъ вопросъ

Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856), par un ancien diplomate. Deux volumes. St.-Pétersbourg. 1878.

Oxonnanie.

Ш*).

Разрывъ между Россіей и двумя западными державами совершился, но онъ не прекратилъ и не могъ прекратить переговоровъ между ними черезъ посредство другихъ державъ, остававшихся болѣе или менѣе нейтральными въ начинавшейся войнѣ. Самое положеніе этихъ нейтральныхъ державъ было такъ важно для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что вызывало съ ихъ стороны самыя дѣятельныя попытки, переговоры и совѣщанія. Ни для Россіи, ни для западныхъ ея противниковъ не могъ быть безразличенъ вопросъ о томъ, въ какое отношеніе станутъ къ нимъ германскій союзъ, Пруссія и въ особенности Австрія. Прасоединеніе этихъ силъ къ лагерю противниковъ Россіи равнялось бы всеобщей европейской коалиціи противъ нея. Поэтому всѣ усилія русскаго кабинета, послѣ разрыва съ западными державами, были направлены къ тому, чтобы отражать давленіе этихъ державъ на Австрію, Пруссію и германскій союзъ. Но они были безуспѣшны.

^{*)} См. выше: февр., 632 стр.

Самые дёятельные переговоры, самыя настойчивыя и убёдительныя обращенія из консервативнымъ чувствамъ германскихъ правительствъ оказались напрасными, въ виду западныхъ вліяній на правительства и общественное миёніе Германіи, и австрійскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ. Какъ наиболёе заинтересованная въ немъ германская держава, Австрія ухватилась обёнии руками за представившуюся ей легкую возможность занять безъ выстрійла преобладающее положеніе въ восточныхъ дёлахъ и показать Россіи, еще такъ недавно выручившей ее изъ бёды венгерскаго вовстанія и считавшей ее чуть не своимъ alter ego, свое тогдашнее значеніе въ спорныхъ международныхъ вопросахъ. Мало-по-малу, ничёмъ не рискуя, искусно отстраняя возможность открытой войны съ Россіей, она умѣла вытѣснить — «выманеврировать», какъ выражался гр. Буоль — насъ изъ дунайскихъ княжествъ однѣми такъ-называемыми «политиво-стратегическими» мѣрами и окончательно поставить Россію въ то положеніе, изъ котораго не было иного выхода, вромѣ парижскаго мира.

котораго не было иного выхода, кромѣ парижскаго мира. Руководителемъ этой политики австрійскаго кабинета былъ знаменитый графъ Буоль, которому наши историки восточной войны пятидесятыхъ годовъ приписывають такое же вловредное вліяніе въ Австріи, какое и лорду Стратфорду Каннингу по от-ношенію къ Англіи. Въ глазахъ нашего авгора, австрійская по-литика постоянно является въ то время жертвой его злокознен-ности. Онъ остается злодъйски-безчувственнымъ къ оказаннымъ Австріи благод'язніямъ, онъ постоянно вводить въ заблужденіе императора Франца-Іосифа и коварно изм'янаеть консервативнымъ началамъ международной политики. Гр. Буоль дъйстви-тельно имълъ большое вліяніе на императора Франца-Іосифа; онъ дъйствительно старался снять съ австрійскаго правительства онъ двистрислыко стаража спать съ австриснато признельства русскую опеку, возвратать ему полную самостоятельность, и при-несъ много вреда русскому авторитету въ Европѣ; но онъ дѣлалъ все это съ вѣдома и согласія главы государства и многихъ его совътниковъ. Его дъйствія не были ни великодушны, ни безкорыстны; не всякій государственный челов'явь быль бы способень отръшаться такъ легко оть своихъ недавнихъ друзей и союзниковъ. Но развё безворыстнёе были министры другихъ державъ, развё министры Наполеона III и королевы Викторіи руководи-лись какими-нибудь невещественными интересами въ своемъ сгрем-леніи убить русское вліяніе въ восточномъ вопросё? Развё тогдашняя безсильная политика Пруссін, дружившей и съ Австріей, и съ нами, внушаеть больше уваженія, чёмъ политика вёнскаго кабинета? Къ иесчастію для нась, въ то время начиналась война

изъ-за политическаго преобладания и положительныхъ интересовъ, война тёмъ болёе для насъ опасная, что не одни только пра-вительства, но и всё партіи, за весьма немногими исключеніями, были настроены въ пользу рёшительной борьбы съ нами. Еслибъ не гр. Буоль, то вто-нибудь другой на его мёстё поступаль бы, не гр. Буоль, то кно-набудь другов на сто жвого поступаль ощ, въроятно, точно такъ же. Духъ времени и обстоятельства увлевали Европу въ войну, несмотря на вредъ, причиняемый ею финан-самъ, торговлѣ и промышленности. Наша коренная ошибка заключалась вменно въ томъ, что мы поставили себя въ такое изолированное положение, которое давало Австрии возможность пользоваться большими выгодами на нашъ счеть. «Любопытно читать газетныя статьи и парламентскія рёчи того времени», -- говорить авторъ. — «Россію буквально изгоняли изъ Европи. Между тъмъ какъ безыменныя французскія брошюры передѣлывали на нашъ какъ оезыменныя французския орошюры передълывали на нашъ счетъ карту Европы, отнимая у насъ Финляндію, Польшу, Крымъ и Кавказъ, члены англійской палаты лордовъ громко говорили о необходимости прогнать насъ за Двину и Уралъ, въ глубину Азіи. Даже лордъ Эбердинъ, котораго императоръ Ни-колай Павловичъ почтилъ своимъ довъріемъ, и который защи-щалъ насъ одинъ противъ враждебныхъ увлеченій англійскихъ иннистровъ и націи, даже и онъ не могъ устоять противъ тече-нія. Упрекаемый въ парламентъ за пристрастіе къ намъ, онъ выказалъ больше усердія, чёмъ достоинства. «На свётъ мало людей, — воскликнулъ онъ, — которые бы относились къ русскому правительству и писали о немъ съ тавою антипатіей, какъ я». Гр. Буоль тоже не устоять противъ соблазна и теченія; но, имѣя въ своихъ рукахъ внѣшнюю политику Австріи, онъ поспѣшилъ воспользоваться имъ для цѣлей своего правительства съ безвастёнчивостью и послёдовательностью испытаннаго дипломата.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, русская политика, по замѣчанію нашего автора, могла имѣть одну только цѣль: ограничить предѣлы начинавшейся борьбы, стараться, чтобъ намъ не приплось имѣть еще другихъ враговъ, кромѣ Турців, Франців и Англів, и предотвратить общеевропейскую коалицію противъ Россіи. Эта цѣль могла быть достигнута двумя путями: или быстрыми и рѣшительными побѣдами, или уступками, способными привести къ скорѣйшему окончанію войны. Оборонительное покоженіе, на которое мы были обречены давленіемъ Австріи съ тылу, закрывало намъ первый путь, и надо было придерживаться второго. Но наши уступки оказывались всегда запоздалыми. Еслибъ мы уступили съ самаго начала, то не было бы и надобности приносить тѣ тажелыя жертвы, которыя оказались ненв-

172

бытными внослёдствія. Авторь объясняеть постоянную запозда-лость нашихъ уступовъ, сопровождавшуюся предъявленіемъ все большихъ и большихъ требованій со стороны нашихъ противни-ковъ, преувеляченнымъ представленіемъ о дёйствительныхъ си-нахъ Россіи. Воспоминанія о двёнадцатомъ годё, событія кото-раго имёли совсёмъ иной характеръ, внушали намъ увёрен-ность, что мы сломимъ и теперь англо-французское нашествіе. Мы одинаково преувеличивали и тё затрудненія, которыя ожи-Мы одинавово преувеличивали и тв затрудненія, которыя ожи-дали нашихъ противнивовъ, и тв силы, которыя можно было про-тивопоставить имъ. Слёды этихъ преувеличеній очевидны въ сло-вахъ и образё дёйствій русскаго кабинета и нашихъ министровъ. Мы ласкали себя также надеждой на непрочность союва между Франціей и Англіей, какъ-будто двё державы, сообща предпри-нявшія серьёзную войну, легко могли поссориться до ея окон-чанія. Очевидцы восточной войны пятидесятыхъ годовъ еще живо помнятъ, какую роль играли подобныя иллюзіи въ нашихъ тог-дашнихъ соображеніяхъ. Не только въ то время, но и недавно, два года тому назадъ, многимъ изъ насъ часто случалось слы-шать, что Англія и Австрія не могуть серьёзно помѣшать намъ въ нашей недавней восточной войнѣ, что на нихъ не сто́ить обращать вниманія. Но четверть вѣка тому назадъ, эти преуве-личенія, постоянно портившія наши международные равсчеты, были, такъ сказать, обязательны для каждаго благонамѣреннаго человѣка, проявлялись во всей своей непосредственности и не

были, такъ сказать, обязательны для каждаго благонам вреннаго человёна, проявлялись во всей своей непосредственности и не могли не привести Россію, далеко уступавшую Западу во всёхъ отрасляхъ дёятельности, къ тяжелымъ ошибкамъ и жестокому разочарованію. Подъ ихъ вліяніемъ, мы дёйствительно запаздывали съ необходимыми уступками, не предпринимая въ то же время ничего рёшительнаго и крупнаго, а предъявляемыя намъ требованія постоянно росли, — по м'врё того, какъ мы уступали. Во время разрыва съ западными державами, въ которомъ Австрія заняла крайне непріятное для Россіи положеніе сторонницы нашихъ противниковъ и блюстительницы своихъ и германскихъ интересовъ, русскій кабинетъ призналъ неудобнымъ обращаться долёе къ ся посредничеству и пытался искать замиренія при содёйствія Пруссія. Въ англо-французской печати, въ лондонскихъ и парижскихъ палатахъ часто заявлядось, что западныя державы не меньше Россія желаютъ освобожденія турецкихъ христіанъ отъ дурной администраціи, но не хотять, чтобъ христіане были обязаны своимъ освобожденіемъ русскому правнтельству. «Мы идемъ въ Константинополь съ цёлью защищать султана и оказать покровительство христіанамъ», — сказаль На-

полеонъ III при открытіи налать. Вь дипломатическомъ мірѣ утверждали, что въ союзную конвенцію, заключенную между Англіей и Франціей, внесена, статья въ пользу полнаго гражданскаго и политическаго равенства христіанъ съ туреценими подданными султана. Русскій кабвнеть предложнять своимъ противникамъ сообщить ему эту конвенцію черезъ посредство прусскаго вороля, обѣщая согласиться на возобновленіе переговоровъ *оз Берлиню*, на прекращеніе военныхъ дѣйствій и очищеніе дунайскихъ княжествъ одновременно съ отозваніемъ союзныхъ эскадръ взъ проливовъ, если конвенція ничѣмъ не подрываетъ существующихъ преимуществъ православнаго исповѣданія. Герцогъ Георгій Мекленбургскій былъ посланъ съ этимъ предложеніемъ въ Берлинъ. Но намъ отвѣчали обычною ссылкой на полную независимость султана. Получвеъ наше предложеніе отъ прусскаго короля, лондонскій кабинеть отозвалься, что Англія и Франція, заключая союзный договоръ съ Портой, никогда ничего не требовали въ пользу христіанъ; онѣ могли дружественно совѣтовать въ этомъ смыслѣ султану, но только совѣтовать, и онъ могъ, по желанію, принять или отвергнуть ихъ совѣты. Оказалось, что англо-французская конвенція совсѣмъ не заключала въ себѣ той статьи, на которой были основаны наши предложенія, и они остались бевъ послѣдствій.

можены, и они остались оевъ послъдстви. Герцогъ Георгій Мекленбургскій нашелъ прусскаго короля въ такомъ настроеніи, которое не об'ящало намъ ничего существенно-полезнаго въ будущемъ. Король негодовалъ на очевидное пристрастіе графа Буоля къ Франція; въ его отзывахъ постоянно проглядывало желаніе Пруссіи получить политическое преобладаніе въ Германіи. Но онъ съ ужасомъ останавливался передъ мыслью о разрывѣ между двумя великими германскими державами, считая подобный разрывъ за измѣну германскими интересамъ. Эти германскіе интересы выступали теперь на первый планъ, послѣ разрыва Россіи съ западными державами. Кабинеты вѣнскій и берлинскій постоянно ссылались на нихъ въ своихъ сношеніяхъ съ нами. Интересы эти касались дунайскихъ княжествъ и самаго Дуная. По адріанопольскому договору 1829 года, устья Дуная перешли въ руки Россіи, которая обязалась поддерживать извѣстную глубину ихъ въ интересѣ европейской торговли. Въ исполненіе этого обязательства, машины для очищенія рѣки были поставлены въ Сулинѣ. Но въ это дѣло мало-по-малу вкрались большія злоупотребленія. Русскія власти вступили въ общество, имѣвшее цѣлью снабжать управленіе ластовыми судами для перевозки грузовъ съ большихъ

эностранныхь судовь. Это общество, заннтересованное въ разиножения ластовыхъ судовъ, небрежно относилось въ очищению рёки. Отсюда жалобы, которыя раздавались все чаще и громче, но м'ёрё того какъ усиливалось торговое движение по рёкё. Особенно жаловалась Австрія, въ рукахъ которой, со времени учрежденія «Ллойда», сосредоточивалась торговля по Дунаю. Чтобы положить предёлъ злоупотребленіямъ, съ Австріей былъ заключенъ особый договоръ по этому предмету, но прежнія злоупотребленія продолжались, такъ-что десять лёть спустя, когда истекъ сровъ этому договору, Австрія нашла велишнимъ возобновлять его. Дёло это долго портило наши отношенія въ Австрія и Германіи. Россію обвиняли въ умышленномъ затрудненіи судоходства по Дунаю, въ желаніи вредить германской торговлё въ пользу Одессы. Общественное миёніе, считавшее Дунай германскою рёкой, сильно высказывалось по этому поводу и въ печати. При заключенія парижскаго мира, именно Австрія потребовала, чтобъ мы были удалены отъ устьевъ Дуная и принуждены устунить часть Бессарабін.

А пока, въ началё 1854 года германскіе кабинеты настанвали на отозванія намихъ войскъ изъ княжествъ и на прекращенія воемныхъ дёйствій близъ устьевъ Дуная, какъ рёви, важной для Германіи и въ стратегическомъ, и въ торговомъ отношенія. Вёнскому кабинету удалось склонить Пруссію къ нодинсанію протокола (9-го апрёля, 1854 года), въ которомъ господствующими интересами германской политики признаны: цёлость турецкой имперіи и, какъ существенное условіе этой цёлости, отозваніе русскихъ войскъ изъ княжествъ, умроченіе гражданскихъ и вёроисповёдныхъ правъ христіанскаго населенія всёми средствами, совмёстными съ независимостью и верховными правами султана, и прінсканіе гарантій, способныхъ связать существованіе Турціи съ общей системой европейскаго ранновёсія. Подинсывая этотъ протоколъ виёстё съ Австріей, Англіей и Франціей и принимая на себя при этомъ обязательство не вступать съ Россіей ни въ какіе переговоры о марѣ безъ ихъ вёдома, Пруссія объясняла намъ, что сдѣлала это, гнавнымъ образомъ, съ цёлью не отдёляться оть Австріи и сдеряввать се въ нашемъ внтересѣ. Но въ глазахъ нашихъ противниковъ протоколъ 9-го апрёля, естественно, имёлъ совсёмъ иной синстъ.

Не дальше, какъ одиннадцать дней спустя — 20-го апръля — по предложению вънскаго кабинета, между Австріей и Пруссіей быть подписанъ безъ вёдома Россіи союзный договоръ, которымъ

объ державы взанино гарантировали одна другой свои германскія и не-германскія владёнія, обязывались сообща защищать свои территорія даже въ томъ случай, еслибь одна изъ нихъ, по соглашению съ другой, предприняла наступательныя дъйствія для защиты германскихъ интересовъ, содержать часть своихъ снать на военномъ положения, пригласнть германския государства. въ участію въ этомъ союзѣ и не заключать ни съ вакою державой никакого союза помимо всёхъ этихъ условій. Мы узнали о подписании договора 20-го апрёля оть пруссваго вороля, который сказаль о немъ, по севрету, герцогу Мекленбургскому, еще остававшемуся въ Берлинѣ, чтобы слѣдить за австрійскимъ генераломъ Гессомъ, присланнымъ изъ Вёны по этому дёлу. Король прибавиль, что надёется такимъ образомъ помёшать Австрія вступить въ какія-либо дальнёншія обязательства съ за-падными державами, и что Австрія об'ыцала ему не воевать съ Россіей. Между тёмъ въ договору была присоединена секретная статья, опредъявшая, что продолжительное занятіе княжествь нашими войсками угрожаеть интересамъ Германін, что Австрія потребуеть оть нась очищения вняжествь и, въ случав отваза, приметь соотвётственныя иёры. Напрасно другія государства германскаго союза, представители которыхъ совъщались въ это время въ Бамбергъ, нашли нужнымъ дополнить договоръ постановленіемъ, обязывавшимъ вападныя державы отозвать свои эскадры одновременно съ отозваниемъ русскихъ войскъ изъ княжествъ. Противоръчіе второстепенныхъ германскихъ государствъ только раздражнао Пруссію и Австрію, и повело къ тому, что венский вабинеть воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ вънскій кабинеть воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ увлечь Пруссію еще дальше. 1-го мая, между Пруссіей и Ав-стріей былъ подписанъ новый протоколъ, съ цёлью согласованія договора 20-го апрёля съ англо-французскимъ союзнымъ догово-ромъ. «Цёль этого протокола была ясна, — говорить нантъ ав-торъ. — Австрія уже замышляла вступить въ союзъ съ занад-ными державами, и вела переговоры съ Портой о занятіи Ма-лой-Валахіи». По договору 20-го апрёля, она обязалась не за-ключать съ другими державами никакихъ сдёловъ, не согласныхъ съ основния истановленния этимъ ногоровоть и ей хотёлось съ основаніями, установленными этимъ договоромъ, и ей хотёлось заранёе согласовать эти основанія съ будущими своими дёйствіями. Зараные согласовать эти основания съ оудущими своими дваствлами. Прусскій король не ограничился и этою уступкой передъ настоя-ніями Австріи. При своемъ свиданіи съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ Тешенѣ, онъ далъ убѣдить себя въ томъ, что вѣн-скій кабинеть не можетъ одобрить принципъ взаниности, выстав-ляемый второстепенными германскими державами, — не можеть,

176

за отсутствіенть средствъ, под'яйствовать на западныя державы и обявать ихъ из одновременному отозванію ихъ флотовъ, и что ставить эту посл'яднюю м'йру въ зависимость оть очищенія Княжестиъ — значило бы нав'ярное потерийть неудачу. Напротивъ, инущалъ вёнскій кабинеть, если Германія удастся понудить Россно из очищенію княжествъ, то этимъ будеть сдёланъ значительный шагъ из миру. Арстрія ув'ядла насъ при этомъ, что она им въ вакомъ случай не объявить намъ войны.

Результатомъ этихъ договоровъ и совъщаний было обращен-ное въ намъ требование вънскаго кабинета объ очищения дунайскихъ вняжествъ. Теперь уже не оставалось никакого сомийнія для намболйе ослёпленныхъ, что планъ графа Буоля завлючался въ томъ, чтобы безъ военнаго риска вытёснить насъ изъ вняно тока, чтобы сеза военные риска вытеснить нась нась нас жествъ, занять тамъ наше мъсто, удалить войну оть австрій-ской территоріи и сосредоточить ее у насъ въ Крыму и на Кав-казъ, обреван Россію на весьма невыгодное оборонительное по-ложеніе. Нашъ военный агентъ въ Вънъ сообщалъ, что въ 1-му ложеніе. Нашъ военный агенть въ Вёнё сообщаль, что въ 1-му іюди 1854 года у Австріи будеть на-готовё, близь границъ княжествъ и нашихъ, до 200,000 человёкъ войска, 36,000 ло-шадей и 376 орудій. Тогда еще полагали, что въ ту же сто-рону будуть направлены противъ насъ и англо-французскія войска, виёстё съ турецкими силами Омера-паши. Въ іюлё ожи-дали въ Вёнё и отвёта на посланное намъ австрійское пригла-шеніе очистить княжества. Приглашеніе состояло въ томъ, что насъ просили, ради политическихъ и торговыхъ интересовъ Ав-стріи, прекратить дальнёйшее наступленіе въ Турціи и назна-чить опредёленное, не сличкома отдаленное время, когда мы очистить княжества. При этомъ было высказано желаніе, чтобъ мы не ставини отовванія нашихъ войскъ въ зависимость оть тамы не ставили отозванія нашихъ войсвъ въ зависимость оть тамы не ставили отозванія нашихъ войскъ въ зависимость отъ та-кихъ условій, исполненіе которыхъ не во власти Австріи, т.-е. отъ одновременнаго отозванія западныхъ эскадръ изъ Чернаго моря и проливовъ. И для того, чтобъ мы имёли въ виду оба-зательства Австріи относительно Франціи и Англіи, къ пригла-шенію былъ оффиціально приложенъ протоколъ 9-го апрёля. Пруссія присоединила свой голосъ къ этому заявленію Австріи. Послё тешенскаго свиданія, прусскій король отправилъ въ Пе-тербургъ своего адъютанта, полковника Мантейфеля, поручивъ ему поддерживать австрійское приглашеніе и подсказать намъ, въ накомъ симслё долженъ быть составленъ нашъ отвёть. По мистію король полень ващь отвёть не долженъ быль законьвать пути мнёнію короля, нашь отвёть не должень быль закрывать пути къ переговорамъ. Король былъ бы удовлетворенъ, еслибъ мы огра-ничились заявленіемъ, что, имъя въ виду проговолъ 9-го апръля,

TON'S IL-MAPTS, 1879.

ограждающій христіанское населеніе Турцін и дёлающій, тажимъ образомъ, войну безполезною, русскій вабинеть готовъ вступнть въ переговоры о мирів и очистить княжества, какъ только онъ узна́еть, что морскія державы воодушевлены такими же нам'врепіями. Второстепенныя государства германскаго союза, въ виду неудовольствія на няхъ Пруссіи и Австрія, также присседницись въ австрійскому приглашенію. «Намъ твердили со всёхъ сторонъ, говорить авторъ, — что, рёшившись очистить княжества безъ всякихъ условій, мы тёмъ самымъ отнименъ всякій поводъ въ войнѣ, что Гермавія перестанеть считать себя заинтересованною въ этомъ вопросѣ, Австрія разважется съ западными державами, которыя вовсе не желають благопріятнаго отвёта съ нашей стороны на австрійское приглашеніе, а въ политикъ всяга выгодно дѣлать именно то, чего наиболѣе опасается непріятель. Самъ в'яскій кабанеть, въ конфиденціальной депешѣ, приложенной къ его приглашенію и оть которой онъ впосяѣдствіи отрекся, давалъ намъ понять, что если мы, отозвавъ войска ныъ княжествъ, согласимся ограничиться линіей Прута, то онъ привиа́ять за дунаемъ». Графь Буоль увѣрякъ представителя Россіи въ Вѣнѣ, что обязательства Австріи къ западнымъ державамъ не превышають условій протокола 9-го апрѣля, что, удовлетворны Австрію очищеніемъ княжествъ, мы снова найдемъ въ ней нашего стараго друга и союзника въ дальнѣйшихъ переговорахъ по восточному вопросу.

Не желая возстановлять противъ себя Германію, императоръ Николай Павловичъ носл'адоваль совёту пруссваго короля и далъ примирительный отвётъ на австрійское приглашеніе. Русскій кабинетъ заявилъ при этомъ свою готовность подписать два основныхъ цоложенія протокола 9-го апрёля, т.-е. цёлость Турція и упроченіе правъ христіанскаго населенія. Отвёть Россіи былъ обращенъ прямо къ вёнскому кабинету. Не сообщая намъ своего рёшенія, графъ Буоль передалъ нашъ отвёть въ Парижъ и Лондонъ, и поспёшилъ указать западнымъ державамъ на тё возраженія, которыя могуть быть предъявлены ими. Кромё двухъ основныхъ положеній, нами одобренныхъ, въ протоколъ 9-го апрёля было включено еще и ивысканіе средствъ связать существованіе оттоманской имперія съ системой европейскаго равновёсія. Это положеніе грозило намъ большими опасностями, и русскій кабинеть умолчалъ о немъ въ своемъ отвётѣ. Графъ Буоль указалъ въ Парижё и Лондонѣ на этоть пропусвъ.

Представителемъ Россіи въ Вънъ быль въ это время уже не

баронъ Мейендорфъ, а внязь Горчавовъ. При отъйзди его наъ Петербурга, императоръ Николай Павловичъ сказалъ ему: «Поручаю вамъ мою честь и честь Россіи. Я довъряю вамъ, но нячего не надёюсь отъ вашихъ стараній, и ожидаю, что не пройдеть и м'всяца, какъ вы уже вернетесь съ в'естью о нашемъ разрывь съ Австріей». Въ Варшавь внязь Горчаковъ виделся съ генераломъ Рюдигеромъ, который умолядъ его тануть переговоры по крайней мёрё еще мёсяць, чтобы мы вмёли время приготовиться. Въ тёхъ мёстахъ не было сдёлано нанавихъ приготовленій, и генераль Рюдигерь, присланный съ цёлью осмотрёть нани крупости, нашель, что въ нихъ нёть ничего. По прибытів въ Вѣну, князь Горчаковъ еще не зналь, какія инструкціи даны представителямъ Австріи въ Лондонѣ и Парижь. Но косвенно было взебстно, что графъ Буоль увазалъ западнымъ державамъ на умолчание русскаго правительства о вилючении Турцін въ систему европейскаго равновъсія и обезпеченіи этого равновёсія. Князь Горчаковь рёшился прамо спросить графа Буоля, въ чемъ можеть заключаться это обезпечение. Между ними произопислъ по этому поводу слёдующій разговоръ, вполнё характеризующій тогдащнія отнощенія Австрін въ Россія:

Князь Горчанова. Говорять, что Австріи, ставшей непримиримыть врагомъ Россіи, н'ять иного спасенія, какъ только въ объятіяхъ Запада.

Графи Буоль. Я отрицаю это.

Князь Горчанова. Я нду еще дальше—я оспариваю это увёреніе. Насъ раздёляють один только недоразумёнія. Наши государи питають другь къ другу прежнія взаниныя чувства; постоянные интересы обонхъ государствъ остаются тожественными. Станемъ же на эту почву, ибо еще одинъ шагъ—и между нами возгорится война.

Графъ Буоль (въ испугъ́). Мы никогда не нападемъ на вась.

Князь Горчанова. Но если вы вступите въ дунайскія княжества и обратитесь въ нашему гемералу съ требованіемъ уступить вамъ м'есто, а онъ отважеть, то разв'е это не война?

Граф Буоль. Н'ять! Мы только принудимъ васъ очистить территорию, которую вы заняли силой и на занятие которой мы уполномочены Портой. Но мы остановимся у вашихъ границъ. Если вы изпадете на насъ, то вовстановите противъ себя весь германский союзъ, недавно приступивший въ конвенция 8 апръля.

Князь Горчаков. Различать это было бы дётствомъ. Гдё ружейные выстрёлы, тамъ и война, война братоубійственная, нер-

•

вая война между нами, такъ какъ война 1809 года была только комедіей! Что касается германскаго сейма, онъ не допустить вашего толкованія. Германскій союзъ — союзъ оборонительный. Чтобы вызвать его силы на войну, надо напасть на него, а нападеніе будеть сдёлано вами.

Графъ Буоль. Тутъ представляется исключительный случай. Я не сврылъ этого отъ сейма. Онъ знаетъ, что заключилъ обременительную сдёлку, но согласился на нее.

Князь Горчаков. Мы сдёлали все возможное нашими уступками, въ видахъ честнаго соглашенія. Я знаю, что вы не можете желать войны. Но, вёрьте мнё, вы йдете въ ней, сами того не зная, идете такъ же вёрно, какъ то, что я теперь передъ вами. Если мы уладимъ наши разногласія, и Занадъ нападеть на васъ въ Италіи, за-одно съ вами будуть вся Германія и помощь нашихъ силъ. Вамъ нечего будеть опасаться, и вы сохраните союзъ, подврёпленный сорокалётнимъ миромъ. Если, напротивъ, вы пристанете къ нашимъ врагамъ, то хотя бы Россія и была принуждена заключить невыгодный миръ, вы все-таки будете имёть у себя въ тылу стараго друга, проникнутаго справедливымъ раздраженіемъ 60 милліоновъ оскорбленныхъ людей, готовыхъ подняться по волё одного. А между тёмъ, замъ нужно будеть существовать подлё него: не вычервнете же вы Россію изъ карты Европы. Вамъ придется, слёдовательно, быть постоянно на сторожё; возможно ли это для васъ? Прибя Буюда. Осложимъ въ сторону войну и поговоримъ.

Графа Буоль. Отложить въ сторону войну и поговоримъ лучте о миръ, котораго я желаю и надъюсь. Я буду искренно трудиться въ пользу мира. Неужели вы думаете, что упрекъ въ постыдной неблагодарности не тяготить меня? Дайте митъ дъйствовать свободно. Пруссія оказываеть вамъ плохую услугу своею измънчивостью, которая литаетъ ее всякаго довърія другихъ. Она безсильна и въ Парижъ, и въ Лондонъ. Я дъйствую иначе. Разобщенныя съ вами, ограниченныя совокупнымъ соглатеніемъ, Англія и Франція разсчитываютъ на мон правила. Я воспольвуюсь этимъ въ послъднюю минуту, я съумъю сдержать чрезмърныя требованія. Для этого мить нужно не подавать и вида, что я вступилъ въ соглатение съ вами. Воть почему я не сообщилъ вамъ инструкцій, посланныхъ нами въ Лондонъ. Онть объясняютъ тъ обезпеченія, которыя упомянуты въ протоволъ 9 апръля. Я надъюсь, что отказа не послъдуетъ, а произойдетъ дружественный разговоръ. Въ противномъ случать, мы передадимъ вамъ отвътъ, не присоединяясь къ нему сами. Но одинъ

180

нуныть затрогиваеть честь императора: мы должны добиться очищенія княжествь, быть можеть даже въ опредёленный срокъ.

Князь Горчаков. Это будеть рёмительная минута. Мы обёщали вамъ очистить княжества; въ принципё цёль ваша достигнута, а относительно исполненія, —я взываю въ чувству чости вашего государа.

Прафа Буоль. Отложних дальнёйшій разговоръ до полученія ваннего отвёта. Мы найдемъ, я надёюсь, возможность согласовать честь обонхъ государей и интересы обоихъ государствъ.

Ясно было, что, за приглашеніемъ очистить княжества, со стороны Австріи послёдуетъ категорическое требованіе объ очищенія ихъ въ короткій срокъ. «Еслибъ мы стали выжидать этого требованія, то оно поставняю бы насъ въ печальную необходимость выбрать одно изъ двухъ: очищеніе княжествъ подъ гнетомъ угрозы, или войну съ Австріей при условіяхъ весьма неблагопріятныхъ». Императоръ Николай Павловичъ не колебался. Осада Силистріи была прервана, и наши войска получили приказаніе выступить изъ княжествъ. Но Австрій было сообщено, что эта мёра принята нами по собственной волё, изъ стратегическихъ соображеній, а не въ смыслё уступки желаніямъ Германіи. Вслёдъ за тёмъ графъ Буоль, недовольный этимъ отвётомъ, подписаль новое соглашеніе съ западными державами, которое дало ему поводъ обратиться въ намъ съ новыми требованіями.

IY.

Наше выступленіе наъ княжествъ развязывало руки союзнинамъ. Оно открывало имъ возможность перевезти свои войска въ Брымъ или на Кавказъ, такъ какъ отнынѣ уже Австрія отдѣляла насъ отъ Турціи. Это обстоятельство могло только придять больше сили и надеждъ нашимъ противникамъ, дополнившимъ отъ себя тѣ два условія, на основаніи которыхъ русское иравительство, какъ мы уже сказали, соглашалось вступить въ переговоры. Они тогда же потребовали того же самаго, что впослѣдствіи было внесено въ парижскій договоръ 1856 года. Наше покроввтельство надъ дунайскими княжествами и Сербіей должно было прекратиться, и уступить мѣсто совокупной гарантіи европейскихъ державъ но соглашенію съ Портой; судоходство по Дунаю должно было стать свободнымъ и подлежать тѣмъ правиламъ, какія были установлены вѣнскихъ вонгрессомъ нь 1815 году; договоръ 1841- года о проливахъ долженъ былъ под-

181

вергнуться пересмотру державъ въ видахъ европейскаго равновёсія: наконець. Россія должна была отказаться оть всяваго оффиціальнаго покровительства надъ подданными султана, въ какому бы исповъданию они ни принадлежали, и удовольствоваться взанинымъ содействіемъ державъ въ подтвержденію религіовныхъ преимуществъ, принадлежащихъ различнымъ христіанскимъ исповиданіямъ въ Турцін, безъ всяваго посягательства на независимость султана. Сосбщая эти условія венскому кабинету, правительства Францін и Англін присоединили, что заранбе отказиваются обсуждать вавія бы то не было предложенія Россіи, которыя не будуть завлючать въ себѣ полнаго согласія на эти требованія, и предоставляють себ'в еще усилить ихъ по обстоятельствамъ. Съ своей стороны вънскій кабинеть подписаль 8 августа съ представителями западныхъ державъ обязательство, по которому онъ одобрялъ ихъ требованія и также отказывался отъ всякихъ переговоровъ съ Россіей на иныхъ основаніяхъ. Французскій «Монитерь» тогда же поясниль, что пересмотрь договора 1841 года долженъ состояться въ смыслё ограниченія морскихъ силъ Россіи на Черномъ моръ.

Руссвій вабинеть быль возмущень этимъ сообщеніемъ Австрія послё того, какъ Россія пожертвовала ей своимъ положеніемъ въ княжествахъ, и отвёчалъ отказомъ на требованія западныхъ державъ, усвоенныя также и вёнскимъ кабинетомъ.

Графъ Буоль былъ какъ-будто пораженъ нашимъ отказомъ. Онъ, очевидно, ожидалъ согласія. Когда князь Горчаковъ посѣтилъ его, графъ Буоль сказалъ ему между прочимъ: «Императоръ глубоко огорченъ тѣмъ, что ему пришлось разочароваться въ своей надеждѣ на миръ, и даже на возстановленіе прежнихъ отношевій съ Россіей. Предложенные четыре пункта были только основаніями для переговоровъ, подлежавшими дальнѣйшему обсужденію. Каждый истолковалъ бы ихъ по-своему, и Австрія придала бы имъ смыслъ, нанболѣе благопріятный для вашихъ интересовъ. Всего важнѣе было собрать противниковъ вокругъ этого столя, гдѣ вы встрѣтили бы своихъ друзей. Вы могли бы привести къ великому результату, ярко оттѣнивъ схумасбродство союзниковъ и маше развоглясіе съ ними.

Киязі Горчаков. Намъ нёть надобности углубляться въ виды союзниковъ. Недавняя рёчь лорда Джона Росселя въ парламенть и одна недавняя депеша Друэнъ-де-Люиса достаточно ясны. При нашемъ первомъ свидяния, вы меё сказали: я держу себя подальше отъ васъ, чтобъ лучше помогать вамъ. Что же изъ этого вышло? Актъ 8 августа, подписанный вами за-одно

съ нашими противниками, и требовательное сообщеніе, адресованное въ Петербургъ и заставляющее предвидіть новыя требовання! Словомъ, переходъ Австріи, со встать оружіемъ и багажемъ, въ непріятельскій лагерь! Разві мы діти, что можно, нанося намъ удары, увёрять насъ, что это ділается для нашей же пользы. Вы привели мий четыре пункта, но разві вы мий сказали, что вы уже усвоили ихъ себі на бумагы? Я бы остановиль васъ!

Графъ Буоль. Если им погръшили съ формальной стороны, то извиняемся передъ вами. Неужели нъть средства къ согланиению? Вы не говорите ни слова о княжествахъ.

Князь Горчаков. Вы уже поставили меня въ нестерпимое положеніе, ув'ривъ меня, что соглашеніе относительно очищенія иняжествъ состоялось. Теперь наша депеша ув'ядомляеть вась, что наши войска сосредоточнваются за Прутомъ, воть и все!

Прафи Буоль. Не можеть ли генераль Гессь написать внязю Миханлу Горчанову?

Князь Горчанов. Это не нужно. Гессь тогда только вступить въ Молдавію, когда мы выступимъ оттуда. Если турки подойдуть слишкомъ близко, мы повернемъ назадъ и разобъемъ ихъ.

Прафя Буоль. И прекрасно сдёлаете. Но императоръ дорожитъ возобновленіемъ нанияхъ отношеній. Онъ разсчитываетъ также и на Берлинъ. Впрочемъ, отвётъ вашъ не измёняетъ наиняхъ позицій. О войнё между нами не можетъ быть и рёчи, если вы не нападете на насъ сами. Я сказалъ это посламъ Англии и Франціи, прибавивъ, что четыре пункта составляютъ наибольшую мёру нашикъ требованій. Безъ насъ, они не могутъ предпринятъ противъ Россіи ничего серьёзнаго. Помогите же мнъ.

На слёдующій день, князь Горчаковь сказаль графу Буолю: «Я обдужаль ваши слова. Изложите письменно то, что вы сказали мий вчера о вашень толкованій четырехь пунктовь, или напишите объ этонъ въ Истербургъ къ Эстергази. Это произведеть у вась коронее висчатъвніе». Графъ Буоль подтвердиль свои вчерашнія слова, но написать ихъ, будучи главою кабинета, было бы неудобно. Тёмъ дёло и кончилось.

Пруссія совътовала намъ принять предложенные условія мира, но отвазалась признать ихъ обизательними, и такимъ образомъ кавъ-би випла изъ прежной въиской конференціи чопорахъ державъ; но русскому правителиству все-таки не удалось добиться отъ нен инсьменнито запълония, что тикъ какъ Россія удовлетворила частнымъ желанізмъ и интересамъ Германів, то Пруссія считаетъ себя освобожденною етъ договора 20 амръял, въ случай нанаденія Австрін на Россію. И прусскій вороль, и вороди ба-

варскій и виртембергскій, осуждая политику графа Буоля, полагали однавоже, что если, въ случав нападенія Австріи на Рос-сію, русскія войска вступять въ Галицію и Венгрію, то Германія обязана оказать помощь Австрін. Въ пользу Австріе склонялись также Ганноверъ и Савсонія. Въ то же время западныя державы грозили Пруссів признать всявую ся понытку отвлечь Австрію отъ союза съ ними за враждебное дийствіе по отношенію въ нимъ, и давали понять, что приступять въ блокадъ пруссвихъ портовъ. Берлинский вабинетъ уже предвидъть, что если германскому сейму будеть предложено одобрить четыре пункта будущихъ условій мира, представленные западными державами, то Пруссів придется или подчиниться большинству сейма, или разорвать отношения съ германскимъ союзомъ. Онъ сообщилъ намъ свои опасенія, предсказывая, что мы получимъ вскор'в приглашеніе всей Германіи принять эти четыре пункта въ видахъ замиренія. Король пруссвій умоляль русское правительство принять на себя починъ въ этомъ двлё, чтобы принятіе нами четырехъ пунктовъ нивло видъ добровольнаго акта съ нашей стороны. Онъ подкръплялъ свои совъты ссылкой на намърения австрійскаго императора и его министра. «Если русскій вабинеть сказалъ графъ Буоль — искренно приметь четыре пункта, то Ав-стрія не только будеть энергически поддерживать ихъ, но и приметь сторону Россін, въ случай несогласія на нихъ Францін и Anrain».

Императоръ Николай Павловичъ послёдовалъ совёту прусскаго вороля. Кназю Горчакову было поручено заявить въ нотѣ на имя графа Буоля, что Россія готова вступить въ переговоры съ западными державами на основании четырехъ пунктовъ. Онъ исполниль это 28 ноября, а четыре дня спустя, 2 декабря, в'внсвій вабинеть подписаль союзный договорь съ западными державами. За нёсколько дней передъ тёмъ, сама Пруссія подписала дополнительную статью въ договору 20 апръля, по которой она соглашалась распространить на территорію дунайскихъ вняжествъ обезпеченіе, объщанное Австрін въ случав нашего нападенія на австрійскую территорію. Ув'єрдли, что эти новыя обязачельства Австріи и Пруссін были вызваны угрозами западныхъ державъ, но въ тавихъ угрозахъ едва ли была какая-нибудь надобность въ то время. Австрія уже стояла слишкомъ близко въ Франціи и Англів, а Пруссія была связана возбужденіемъ всей своей либеральной партіи и опасеніемъ утратить всякій авторитеть въ Германіи въ случай отвритой дружби съ Россіей.

При всемъ томъ, императоръ Николай Павловичъ не отив-

ныть своего прежняго ръшенія. Онъ согласнися вступить въ переговоры на основания четырехъ пунктовъ, и 16 декабря состоялось неоффиціальное свиданіе между представителями державъ въ Вене, съ целью удостовериться, позволеть ли толкование, придаваеное четыремъ пунктамъ, придти впослёдствія въ соглашенію. Князю Горчакову была прочитана записка, въ которой три кабинета, соединенные договоромъ 2-го декабря, опредвляли смыслъ и разнівры четырехъ пунктовъ. Записка эта была составлена въ осворбительныхъ для Россін выраженіяхъ. Въ первый разь въ ной заявлялась мысль о территоріальномъ удаленія Россін оть устьевъ Дуная, для свободы судоходства по этой рёкё. Починъ въ этомъ двлё принадлежалъ Австрія. Сверхъ того, отъ Россія требовалось признаніе въ принципѣ, что пересмотръ договора 1841 года долженъ прекратить русское преобладаніе на Черномъ корв. По мнёнію нашего автора, цёль этихъ требованій была отевидна. Союзники надбялись вызвать съ нашей стороны громкое негодованіе, представить насъ виновниками б'ядствій войны и увлечь за собою Австрію и Германію. Но князь Горчаковъ, предъявных нёсколько частныхъ возраженій, воздержался отъ увшительнаго отваза, и ограничился твиъ, что противопоставилъ прочитанной ему запискъ свое изложение четырехъ пунктовъ, на вотораго были исключены оскорбительныя для нась выраженія и условіе о территоріальной уступий при устьяхъ Дуная, а ограничение силь России на Черномъ моръ допусвалось съ тъмъ, что въ числё средствъ въ достижению этой цёли не будетъ такихъ, воторыя посягали бы на верховныя права россійскаго ницератора. Вёнскій кабинеть склониль представителей западныхъ державъ допустить толкованіе, предложенное княземъ Горчако-выжь, в на второмъ сов'ящаніи, происходившемъ 26 декабря, иредставители Турцін, Англін, Францін, Австрін и Россін почти сорласнинсь между собою относительно смысла четырехъ пунктовъ. Но формальныя совёщанія о мирё не могли быть отврыты немедленно. Англія и Франція желали предварительно одержать большую побъду въ Крыму, и отложили дальнъйшие переговоры. Онъ вели также переговоры съ второстепенными государствами Европы для привлеченія ихъ въ двятельной коалиціи противъ Россін. Пьемонть, Швейцарія, Бельгія, Испанія, Данія в Швенія получили оть нихъ предложенія въ этомъ смыслё. Пьемонть, какь извёстно, приняль непосредственное участіе вь войнё. Испанія соглашалась участвовать въ ней при извёстныхъ условіяхъ. и Швеція, вакъ им увидимъ ниже, готовилась пристать из англо-Французскому сонеу.

Пруссія не участвовала въ этихъ совъщаніяхъ. Такъ кажъ она не присоединалась въ договору 2-го декабри, то другія дер-жавы не пригласили ее на свои продварительныя совъщанія. Осворбленный этимъ пренебреженіемъ, берлинскій кабинеть по-вліялъ на отказъ германскаго сейма принять австрійское предло-женіе о безотлагательной мобилизаціи всёхъ союзныкъ войсть н о подчиненія ихъ австрійскому начальству. Сеймъ остановился на среднемъ предложенія Баварін, замёнявшемъ мобилизаціно такъ-называемою «готовностью къ войнв» (Kriegsbereitschaft). Пруссвій король заявиль въ Лондонв и въ Парижа, что, устраняя Пруссію оть международныхъ совёщаній, державы тёмъ самымъ освобождають ее отъ обязательствъ, налагаемыхъ протоколами прежней вёнской конференцін. Но ему отвёчали угрозой устранить Пруссію также и отъ совокупнаго покровительства надъ княжествами, если она будеть упорствовать въ своенъ прежнемъ положения. Россия также не могла быть довольна Пруссией, несмотря на обращенныя въ ней съ Запада угрозы. За все послёднее время прусская полнтика имёла крайне немощный, дву-смысленный в ненадежный характеръ, съ точки врёнія тогдашней русской и западной политики. Пруссія не хотёла пристать ни къ той, ни въ другой сторонѣ, ни въ западной, ни въ нашей, ни даже въ средней — австрійской, и въ то же время не придерживалась и строгаго нейтралитета. Въ самонъ началѣ восточнаго столкновенія, когда въ Европ'я узнали о секретной сторон'я посольства. внязя Меньшивова въ Константинополь, англійскій министръ въ Берлина, лордъ Блюмфильдъ, писалъ лорду Кларендону, что впечататьніе, произведенное этимъ посольствомъ въ берлинскомъ оффиціальномъ мірѣ, весьма неблагопріятно для Россія, что, по мнѣнію министра Мантейфеля, Россія превзопла все, чего только можно было ожидать отъ нея, и что русская политика стала предметомъ всеобщаго порицанія. Впослёдствія прусскій король предлагала поставить турецвихъ христіанъ, подъ опеку няти ве-ливихъ державъ, съ устраненіемъ одиночнаго повровительства Россін. Во время войны, прусскіе государственные люди горячо ув'вряля представителей Россін, что Пруссія никогда не дасть вовлечь себи въ войну противъ Россін. Но когда русскій каби-неть счелъ нолезнимъ для себя внести ото ув'вреніе въ одну изъ свонкъ оффиціальныхъ депешъ на или представителя Россіи, ба-рона Будберга, то Мантейфель былъ сильно раздраженъ этичъ. Онъ отказался выслушать подобное сообщеніе, и сказаль, что мы не вибенъ права ловить его на откровенновъ словѣ и заноснть это слово въ оффиціальную бумагу, которая вовлевля бы Прус-

спо въ большія затрудненія, еслибь о ней увнали въ Лондонъ и Париже. Онъ назвалъ подобное действіе осворбительнымъ для достоенства Пруссін, ибо сказать, что эта держава никогда не дасть вовлечь себя вы войну противь Россія — значить отказывать ей въ свободъ дъйствій. А Пруссія, прибавиль Мантейфель, желаеть сохранить эту свободу для извёстныхъ случаевь, наприивръ, на случай, если англичане стануть угрожать сожжениемъ нупеческихъ судовъ на Балтійскомъ моръ. Замъчательно, что, два года спустя по овончанія войны, прусскій наслёдный пранцъ, въ то время уже регентъ воролевства, встрётивъ въ Парижъ нашего посла при тюльерійскомъ дворъ, графа Киселева, высвазаль ему мысль, которую, безъ сомнёнія, многіе раздёляли тогда въ Пруссіи. Онъ признался, что еслибъ онъ управлялъ государствоить во время войны, то прямо и откровенно высказался бы протнет Россин-н тёмъ овазалъ бы намъ большую услугу. Русскому правительству было бы тогда легче уступить единогласному требованию Европы, чёмъ вызывающему образу действій вападныхъ державъ и колебаніямъ его союзниковъ.

Въ виду колебаній Пруссін, всё усилія русскаго правительства, говорить нашъ авторъ, были направлены въ подкриллению прусской полнтики въ нашу польку. Намъ удалось добиться обивна ноть, свидётельствовавшихъ, что прусскій король присо-единяется въ четыремъ пунктамъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были истолкованы вняземъ Горчаковымъ въ Вънв на предварительномъ сов'вщанія 28 декабря. Россів, сверхъ того, хот'ялось поставить Пруссію въ независимое положеніе относительно колебавшихся и разномыслящихъ второстепенныхъ государствъ германскаго союза. Русское правительство предлагало Пруссии встуинть въ соглашение о нейтралитеть съ скандинавскими государствами, Швеціей и Даніей, им'явшими съ нею общіе интересы на Балтійскомъ моръ. Оно надъялось, что кръпкая организація такого нейтральнаго союза заставить и второстепенныя германскія государства примкнуть къ Пруссія. Теперь не трудно виать, что это была одна на нанихъ многочисленныхъ тогдащнихъ иллюзій. Пруссія не пожелала подвергнуть англійской бловадь свое растянутое балтійское побережье; свандинавскія государства также не могли жедать ничего подобнаго. Такъ же тщетны были и наши усвлія свяюнить Пруссію въ формальному отвазу оть обязательствь, наложенныхъ на нее, въ отношения въ Австрія, договоромъ 20-го апрёля.

Между твиъ формальныя совъщавія о миръ должим же были отвриться въ Вънъ, въ виду согласія Россіи на четыре. пункта, предложенные западными державами. Можно было думать, что эти державы придавали имъ особенное значение. Французское правительство прислало въ Вбну министра иностранныхъ дель, Друэнъ-де-Люнса, англійское — лорда Джона Росселя. Русскими уполномоченными были князь Горчаковь и г. Титовъ. Данныя имъ инструкціи весьма любопытны въ томъ отношенія. что онв показывають мёру тёхъ уступокъ, на которыя соглашался императоръ Николай Павловичъ незадолго до своей кончины. Уполномоченные Россія должны были прежде всего имъть въ виду объщание державъ, что ими не будетъ сдблано никавого предложения, осворбительнаго для чести и правъ России. Представители Англіи и Франціи уже дали раньше ув'вреніе, что подобныя предложенія не входять въ ихъ нам'вренія; Австрія присоединилась въ ихъ объщанию, и нашимъ уполномоченнымъ было предписано напомнить объ этомъ и возложить на другія державы отвётственность за разрывь, если подобныя предложенія будуть предъявлены на конференців. По первому пункту условій мира, наши уполномоченные должны были высказаться противъ выраженія: отмпьна русскаго протектората надъ дунайскими княжествами, такъ вакъ въ договорахъ Россия съ Портой нигдъ не употреблено слово: протекторать. Князь Горчаковъ и г. Титовъ должны были настаивать на замбиб этого выражения другимъ, опредбляющимъ, что отнынѣ положеніе вняжествъ будеть поставлено подъ совокупное ручательство державъ. По второму пункту, о свободъ судоходства по Дунаю, имъ предписывалось настанвать на чисто-коммерческомъ характеръ этого постановленія. Но самымъ труднымъ пунктомъ былъ третій-о. выночения Турців въ систему европейскаго равновесія, прекращеніемъ нашего преобладанія на Черномъ морв. По этому пункту, князь Горчавовъ быль уполномоченъ объявать, что не им заперля Черное море, что закрытие его для военныхъ судовъ основано на старомъ турецвомъ завонодательстве, и что договоръ 1841 года только подтвердиль послёднее. Султань волень открыть доступъ въ Черное море военнымъ судамъ всёхъ націй; Россія согласна на такое измѣненіе договора 1841 года, если русскимъ военнымъ судамъ въ свою очередь будеть предоставлено право свободнаго прохода черезъ проливы. По четвертому пункту, о религіозныхъ правахъ христіанскаго населенія Турцін, наши уполномоченные должны были признать полное разенство всёхъ христіанскихъ исповёданій и заботиться объ его огражденіи.

Но въ это время императоръ Ниволай Павловичъ скончался, удрученный заботами и неудачами войны и той политической

системы, которой было посвящено его тридцатилётнее царствованіе. «Императоръ Францъ-Іосифъ былъ накъ-бы пораженъ этимъ собитіемъ. Онъ посётилъ князя Горчавова и въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ ему горесть, возбуждаемую въ немъ утратой испытаннаю друга ез такую минуту, конда онз надъялся дать этому другу доказательства своей благодарности и искренняго совъращения къ прежней политикъ». Вліяніе министра финансовъ, барона Брука, начинало преобладать въ это время, а онъ предупреждалъ, что участіе въ войнъ привело бы Австрію къ банкротству.

Совъщанія вънской конференціи продолжались, и уже состоялось соглашение по первымъ двумъ пунктамъ. Но прения по третьему пункту поставили нашихъ уполномоченныхъ въ самое тяжелое положение. Отвывы уполномоченныхъ Франции в Австрии отличались особенною зложелательностью по отношению въ русскому правительству. •Всего болёе бросалось въ глаза полное одиночество русскихъ уполномоченныхъ. Конференція, --- говоритъ нашъ авторъ, — офиссь не представляла зрълища серьёзныхъ и исполненныхъ достоянства совъщаній между первоклассными государственными людьми о величайшихъ интересахъ Европы, и при-томъ въ исключительно важныхъ обстоятельствахъ, но скорѣе имѣла тонъ въ исключительно важныхъ оостоятельствахъ, но скорве имъла видъ предубёжденнаго и враждебнаго судилища, передъ которое мы были призваны, чтобы подвергнуться заранѣе постановлениому приговору». Но наши уполномоченные отнюдь не желали, чтобы на насъ палъ упрекъ въ безуспѣшности начатыхъ переговоровъ, который еще тѣснѣе сблизилъ бы Австрію съ западными державами. Военная конвенція между дворами: вѣнскимъ, париж-скниъ и лондонскимъ-была уже готова и ожидала только подинси уполномоченныхъ. Еслибь Россія прервала переговоры, то Австрія непремённо подписала бы ее. Графъ Буоль выжито Австрія непремѣнно подписала бы ее. Графъ Буоль выжа-даль только разрыва съ нашей стороны. Когда начались совѣ-щанія о третьемъ пунктѣ, представители державъ не безъ задней мысли пригласили русскихъ уполномоченныхъ заявить свои пред-ложенія; князь Горчаковъ отвѣчалъ, что русское правитель-ство не считаетъ себя призваннымъ принятъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда имъ былъ предложенъ проевтъ условій, относящихся къ третьему пункту, и существенныя черты которыхъ заключались въ слѣдующемъ: державы сообща принимаютъ на себя ручательство за независимость и цѣлость оттоманской им-періи: въ случаѣ столкновенія межлу Портой и одною изъ нерперія; въ случав стольновенія между Портой и одною изъ дер-жавъ, послёдняя обязана предупреждать о томъ другія державы, съ цёлью покончить дёло миромъ, прежде чёмъ прибёгать къ

свяў; проливы деяжны быть заперты; морсвія силы двух; по-бережныхъ державъ—Россіи и Турцін—должны быть ограничены на Черномъ морё четырьмя вораблями, четырьмя фрегатами и небольшими судами для каждой изъ нихъ; другія державы имѣли право посылать въ Черное море, по просьбё султана, каждая половину этого числа судовъ; султану предоставляется право отврывать проливы, въ случав надобности, для всёхъ силъ его союзниковъ; побережныя государства обязываются допустить кон-суловъ во всё черноморскіе порты. Два первыя изъ этихъ условій были приняты нашими уполномоченными; остальныя же прамо отверснуты ими. какъ не согласныя съ честью Россіи. Князь суловъ во всё черноморскіе порты. Два первыя изъ этихъ условій были приняты нашими уполномоченными; остальныя же прямо отвергнуты ими, какъ не согласный съ честью Россіи. Князь Горчаковъ предложить конференція контръ-проекть, основанный на открытіи проливовъ для военныхъ судовъ в на свободъ пла-ванія по Дунаю, и прочелъ записку въ этомъ смыслъ. «Относи-тельная слабость Турціи на Черномъ моръ— объясняла записка — не есть послъдствіе ни нашихъ договоровъ съ нею, ни пере-въса нашихъ морскихъ силъ. Турція владёеть огромнымъ про-тяженіемъ морскихъ силъ. Турція владёеть огромнымъ про-тяженіемъ морскихъ береговъ, благопріятныхъ для развитія ея могущества на моръ. Въ проливахъ и въ Константинополѣ она занимаеть повицію, которую сама природа сдъяла неприступною. Россія, поставленняя въ необходимасть разбрасывать свои флоты по тремъ морямъ, раздъленнымъ большими разстояніями, далеко не имѣеть такизъ благопріятныхъ условій. Опасность, которою морскія ея учрежденія будто бы угрожають Турціи, представ-ляется липь мнимою. Въ дъйствительности, наши эскадры могли бы высадить липь около 20,000 человѣвъ въ пять или шесть не-дъль. Такія силы не въ состоянія серьёвно угрожать Турціи, по опасны не меньше нашихъ для оттоманской имперія. Оттого су-ществованіе нашихъ морскихъ силъ составляеть необходимое условіе общаго равновъсія. Открытіе проливовъ давало бы сул-тану возможность допускать въ Черное море военныя суда дру-гихъ державы желали дъйствительнаго ослабленія Россія. Представнтели ихъ откованись обсуждать контръ-проекть выза Гориверь ва обсарнии нато данния на на кальть полевна.

Но державы желали дъйствительнаго ослабленія Россіи. Представители ихъ отказались обсуждать контръ-проекть князя Горчакова и объявили, что данныя имъ инструкціи исчерпаны. Лордъ Джонъ Россель поспътно выъхаль изъ Вѣны. Наши уполномоченные настояли, однакоже, на томъ, чтобы совъщанія продолжались, несмотря на отсутствіе перваго упслномоченнаго Англів, и предложили конференціи новый проекть соглашенія. Такъ какъ западныя державы ръщительно противились открытію про-

анновъ, а представитель Турціи объявилъ, что Порта нивогда не уступитъ въ этомъ вопросё, то новый проектъ княвя Горчакова былъ уже основанъ на закрытія проливовъ. Онъ состоялъ изъ двухъ статей. Первая подтверждала прежнее правило о закрыти проливовъ; вторая предоставляла сулгану полную свободу рёшать, когда требуется отступленіе отъ этого правила для его безопасности и долженъ послёдовать призывъ вли западныхъ, или русскихъ фиотовъ. «Этотъ планъ имёлъ въ виду Австрію, интересы которой совпадали гораздо больше съ заврытіенъ, чёмъ съ отвритіень проливовь. Онъ долженъ быль остановить императора Франца-Іосифа, вотораго графъ Буоль уже уб'ядиль, что за на-инить проевтомъ отврытія проливовъ сврываются заднія мысли, направленныя противъ Австріи и Турціи. Австрійскіе уполномоченные признали, что нашъ второй проекть, при всей своей недостаточности, содержить зародыши сближенія, при всен своен иогуть быть развити. Но представители западныхъ державь отвло-нили всякія пренія, ссылаясь на то, что ихъ инструкціи вполит исчерваны. Графъ Буоль высвазаль при заключенів конференція, что еще не всё пути въ миру заврыты; что Австрія постарается отыскать въ заявленныхъ проектахъ начала, способныя привести въ соглашенію, и что ею будеть составленъ съ этою цёлью соб-ственный проекть. Онъ дёйствительно условился относительно основаній своего новаго предложенія съ представителями Франція и Англін, воторые взали ихъ съ собою въ Лондонъ и Парижъ, об'ящая поддерживать ихъ передъ своими правительствами. Но общественное мизніе во Франціи и въ Англіи не хотёло и оощественное мнине во Франци и въ Англи не хотвло и слышать о мирй до паденія Севастополя, подъ укрбиленіями котораго еще продолжалась кровавая драма геройской борьби. Лордъ Джонъ Россель, какъ участникъ вѣнскихъ переговоровъ о мирй, былъ дурно принятъ въ Англін; Друбиъ-де-Люнсъ даже вышелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто графу Валевскому. Въ своихъ бесѣдахъ съ нашимъ министромъ, графъ Буоль сообщилъ ему не тексть, а только сущность своихъ предложеній.

Въ своихъ бесёдахъ съ нашимъ министромъ, графъ Буоль сообщилъ ему не тексть, а только сущность своихъ предложеній. Они улаживали третій пунктъ посредствомъ прямого соглашенія между Портой и Россіей о числё военныхъ судовъ, которыя наждая изъ нихъ будетъ содержать на Черномъ морѣ. «Въ этой формѣ, предложеніе графа Буоля могло быть принято, говорить авторъ. Оно не посягало на наши права; мы добровольно ограничивали ихъ, отъ насъ зависѣло назначить такую цифру, которой не могла бы достигнуть Турція». Графъ Буоль усиленно настанвалъ на немедленномъ принятія этого предложенія нашимъуполномоченнымъ, чтобы неправыми оказались наши противники.

Онъ говорилъ, что не можетъ понять, кавую выгоду усматрисонъ говорилъ, что не можетъ понять, какую выгоду усматри-ваемъ мы въ увеличении числа судовъ черноморскаго флота. Черное море, будучи ваперто, служитъ для него тюрьмой, го-ворилъ онъ, и если мы ръшительно отрекаемся отъ намърения угрожать Турціи, то къ чему обременять русскіе финанси такимъ безполевнымъ расходомъ? Князь Горчаковъ отправился на возобновившуюся конференцію съ твердымъ намъреніемъ принять австрійское предложеніе. Но, выслушавь самый тексть этого пред-ложенія, не сообщенный ему графомъ Буолемъ, онъ, по словамъ нашего автора, съ изумленіемъ увидёлъ, что соглашеніе по третьему пункту было поставлено въ зависимость оть условія, третьему пункту обло поставлено во зависимость оть условия, о которомъ прежде не упоминалъ графъ Буоль, и которое огра-ничивало цвфру нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Вотъ какъ было выражено австрійское предложеніе: «Россія и Порта съ общаго согласія предложатъ конференціи одинаковую цифру морскихъ силъ, которыя онѣ будутъ содержать на Черномъ морѣ; цифра эта не должна превышать нынѣшняго числа способныхъ жь плаванию руссвихъ судовъ на этомъ морѣ. Соглашение ихъ по этому предмету войдеть въ составъ договора о мири. Сдерживая свое негодованіе на образъ д'яйствій Австрін, князь Горчавовъ отв'язль, что сообщить объ ся предложеніи своему правительству и будеть ожидать его р'яшенія. Представитель Франція вышель изъ себя. Въ запальчивости онъ дже сказаль, что присутствуеть на сов'ящания, вооруженный формальнымъ приказаниемъ прервать его. «Онъ безпрестанно толкалъ ловтемъ своего болёе спокойнаго товарища, лорда Уэстморленда, повторая ему вполголоса: «Говорите же! Покажите ваши инструкція! Вамъ тоже привазано прервать переговоры!» Послѣ засѣданія лордъ Уэстморлендъ горько жаловался лорду Кларендону на безтавт-ность и запальчивость своего товарища. Конференція окончилась заявленіемъ представителей Англіи и Францін, что такъ какъ предложения Австрии не вполнѣ соотвѣтствують полученнымъ ими инструвціямъ, то они считають дёло конференціи совершенно поконченнымь.

Ни императоръ Францъ-Іоснфъ, ни гр. Буоль вовсе не имѣли въ виду воевать съ Россіей. Они пользовались тѣмъ, что могли сильно вредить русскому правительству безъ войны, и теперь, когда австрійское предложеніе потерпѣло неудачу на конференціи, вѣнскій кабинетъ отклонилъ предложенное ему западными державами дѣятельное участіе въ войнѣ. Австрійскіе финансы были въ печальномъ положеніи. Дефицить вовросъ до ста милліоновъ фаориновъ. При такихъ условіяхъ, Австрія могла только

пользоваться наличными выгодами своего международнаго положенія, не пускаясь ни въ какія новыя предпріятія, требовавшія новаго напряженія силъ и новыхъ расходовъ. Она оставалась въ прежнихъ отношеніяхъ съ западными державами и Россіей до самаго паденія Севастополя, — главнёйшей цёли союзниковъ и въ особенности Англіи.

٧.

Ватіе Севастопола произвело противоположныя действія во Франціи и въ Англін. Франція чувствовала себя вполит удовлетворежною. Вся слава крымской кампаніи нераздёльно принаднежала ей. Она уже не имъла прямого интереса продолжать войну во что бы то ни стало. Пріобрётенные лавры по возмож-ности укрёпили Наполеона III на французскомъ престолё, отистили русскому правительству за его горделивое отношение къ водарнвшемуся Наполеониду, у вотораго, въ тому же, были еще и другія намёренія в планы. Въ вномъ положеніи была Англія. Незавидная роль, выпавшая ей на долю въ врымскую кампанию, была ей до врайности непріятна, и она готовилась нанести намъ весною 1856 года рѣшительные удары на Балтій-скомъ морѣ. Во всявомъ случаѣ, паденіе Севастополя снимало съ плечъ союзнивовъ тяжелое бремя. «Избавленные отъ заботь осады, свободные въ своихъ движеніяхъ и владёя моремъ, союзники могли, при энергическомъ и искусномъ веденіи дѣла, овладёть Крымомъ еще до наступленія зним. Положеніе нашей армін было самое вритическое. Государь Императоръ отправился въ Ниводаевъ, чтобы находиться ближе въ событіянъ. Тамъ обсуждался важный вопросъ о томъ, можемъ ли мы держаться на врымскомъ полуостровъ, или намъ лучше немедленно очистить его, чтобъ ожидать непріятеля внутри Россін. Главновомандующій князь Горчаковъ полагалъ, что надо держаться въ Крыму во что бы то ни стало. Потеря Крыма была бы непоправниа; она сильно повредила бы нашему положению, пока еще едва поколебленному. Разъ утвердившись въ этомъ треугольникъ, которымъ почти невозможно овладъть, не господствуя на моръ, союзники могли бы уврёпиться такъ, что ихъ уже нельзя было бы вытёс-нить оттуда. Крымъ, вёроятно, былъ бы потерянъ нами навсегда, а съ нимъ и наше положеніе на Черномъ морё и на Кавказё. Главновомандующій предвидёль также, что союзники не пред-

Tours II.-MAPTS, 1879.

18

примуть ничего рёшительнаго до будущей весны. Его митине восторжествовало и сохранию Крымъ за Россіей.

Союзники, дёйствительно, не предприняли ничего крупнаю вскорё послё взятія Севастополя. Но они усиление готовились къ новымъ военнымъ предпріятіямъ, привлекая из своему союзу другія государства. Пьемонть уже давно присоединился въ нимъ; Испанія соглашалась примкнуть къ союзникамъ, если внутреннія ея дѣла не потребують присутствія всѣхъ военныхъ силь страны. Данія, правда, отказалась участвовать въ войнѣ, но Швеція бы ла готова приступить къ союзу западныхъ державь. Общественное миѣніе этой страны сильно желало войны, въ надеждѣ воевратить Финляндію. Шведскій король требоваль, чтобы западныя державы поручилясь за цѣлость пведской территоріи и оказали ему, кромѣ денежной помощи, еще и матеріальное содѣйствіе, приславъ сто тысячъ человѣкъ войска. На этихъ условіяхъ енъ объщаль выставить съ своей стороны шестьдесять тысячъ шведовъ и норвежцевъ. Вскорѣ мы случайно узнали, что 9 (21) ноабря уже подписанъ договоръ между Швеціей и западными державами. Союзники рѣшили огранячиться на будущее время блонадой нашего черноморскаго побережья, оставных достаточныя силы для занятія Севастополя, и дѣйствовать, главнымъ образомъ, противъ нашихъ балтійскихъ нортовъ. Съ этою цѣлью англійское правительство дѣлало самыя серьёзныя приготовленія, пользуясь всѣми новѣйшими открытіями и необрѣтеніяме. Въ

Настроеніе Франція было вное. Она начинала колебаться. Вь 1863 году, во время польскаго возстанія, французское правительство обнародовало депеши министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люиса, къ французскому вослу въ Лондонѣ, въ 1855 году. Въ нихъ объяснялось, что такъ какъ война имѣла до сихъ поръ на половвну сухопутный, на половниу морской характерь, то обѣ державы участвовали въ ней почти въ равной степени, воздерживаясь каждая отъ присвоенія какихъ-либо исключительныхъ выгодъ. Послѣ паденія Севастопом, война могла нродлиться неопредѣленное время, не дѣлаясь континентальною, и Франціи пришлось бы играть въ ней главную военную роль своими сухонутными силами. Но она не можетъ приносить подобныхъ жертвъ безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Такимъ вознагражденіемъ было бы для нея возстановленіе Полыпи, которое, съ одной сторовы, поставило бы войнѣ опредѣленную цѣль, а съ другой—принесло бы Европѣ и Франціи важныя политиче-

скія выгоды. Лордъ Пальмерстонъ отвічаль рішительнымъ отвазонъ на это предложение. По мнѣнію нашего автора, отвѣть лорда Пальмерстона показываеть, что вовстановление Польши ни-когда не было и не будеть англійскимъ интересомъ, что Франція служила въ Крыму интересамъ Англін, въ тщетной надеждё доситься оть нея потопъ такой же услуги французскима интере-сань на материка Европы. Такимъ образовъ продленіе войны не объщало Франціи новыхъ выгодъ въ союзі съ Англіси. До свідінія русскаго кабанета стали доходить, одинь за другимъ, пранажи такого настроснія французскаго правительства. По этимъ принакамъ было однакоже очевидно, что Людовикъ-Наполеонъ не согласится принять чье-либо посредничество, что надо обратиться въ нему прямо, безъ посредниковъ; что починъ въ этомъ дыт долженъ исходить оть насъ самихъ, такъ какъ Франція снавана сокозонъ съ Англіей, которая не желаеть и слышать о нер'; навонець, что Франція, какъ и Россія, надобло вибнательство Австрін, и что переговоры должны быть перенесены изъ Вины въ другой политический центръ. Въ то же время признано было неудобнымъ поручить оффиціальной дипломатіи возобнов-леніе переговоровъ, и между правительствани французскимъ и русскимъ начались частныя сношения двума нараллельными и почти одновременными путями. Съ одной стороны двло было поручено затю графа Нессельроде, саксонскому министру въ Парижь, барону Зеебаху, хорошо поставленному при тюльерийсномъ дворь. Его севретная переписка съ графонъ Нессельроде повазываеть, что вначалѣ французское правительство съ нѣкоторынь опасеніень приступало къ этипь частнымъ переговорань о инръ. Но личных наагбренія графы Валевскаго были благопріятни. Его переписка съ савсонскимъ министронъ просматривалась Людовикомъ-Наполеономъ. Императоръ францувовъ не же-лаль только ссоряться съ Анчліей. Его тактика заключалась въ томъ, ттобы мирь вазался навжаннымъ ему самыми событіями и обще-спосиными мибнісив. Поэтому требовалось, чтобы предложенія объ условияхъ мира исходили отъ насъ, чтобъ они были удовлетворниельны и практичны. Графъ Валевскій даваль понить, въ чень долякны заключаться наши предложенія. Главнымъ продставлялся все тоть же третій нункть, о которомъ било такъ много сов'ящаній въ В'янъ. Французскій министри иностранныхъ дёлъ предларалъ два плана, относившіеся къ этому пункту: или ограниченіе напанхъ морскихъ снять посредствоять прямого согланиенія нежду Россівй и Портой, нан нейтрализацію Чернато моря. Если нине доспоннотво не новволяло намъ принати первый изъ вилъ,

то мы могли предпочесть второй, который, по мнѣнію графа Валевскаго, установиль бы нѣкоторое равенство между Россіей и Турціей, позволяя Россіи имѣть военные корабли на Азовскомъ морѣ, какъ Турція имѣла бы ихъ на Мраморномъ. Тѣ же самыя указанія были сдѣланы нашему министру въ Вѣнѣ, черезъ посредство графа Морни, но съ большею еще ясностью. Перениска графа Морни по этому дѣлу также просматривалась Людовикомъ-Наполеономъ; но онъ могъ быть свободнѣе въ своихъ заявленіяхъ, чѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій. Графъ Морни прямо высказывалъ, что Россіи и Франціи нечего враждовать долѣе. Онъ ссылался даже на примѣры государей, соглашавшихся подписывать очень невыгодные договоры въ благоразумно понятыхъ интересахъ своихъ государствъ; говорилъ, что подобные договоры держатся только до тѣхъ поръ, пока не нвмѣнятся вызвавшія ихъ обстоятельства, и что нерѣдко та самая нація, которая навязала другой ограниченіе ея военныхъ силъ, впослѣдствіи требуетъ первая нарушенія такого договора.

У нась относились недов'врчиво къ этимъ частнымъ сношеніямъ съ Франціей. Князю Горчакову было предписано прекратить секретную переписку съ графомъ Морни, чтобы не помъшать барону Зеебаху въ Парижѣ. Графъ Морни предлагалъ лично пріѣхать въ Дрезденъ для сов'вщанія съ нашимъ министромъ. Но это предложеніе осталось безъ посл'ёдствій. Австрія уже разузнала черезъ графа Бейста о переговорахъ съ барономъ Зеебахомъ; желая мира, но мира австрійскаго, и опираясь на Англію, стремившуюся въ продленію войны или по-крайней-мъръ въ отягченію условій мира, опасансь, сверхъ того, сближенія раздраженной противъ него русской политики съ Франціей, в'ёнскій кабинеть предложилъ въ Парижъ и Лондонъ принять д'ятельное и немедленное участіе въ войнъ, если мы не согласимся на тяжелое для насъ толкованіе извёстныхъ четырехъ пунктовъ.

Узнавъ объ этихъ новыхъ намёреніяхъ Австрія, русское правительство нашло нужнымъ ускорить переговоры съ Франціей, происходившіе черезъ посредство барона Зеебаха. Онъ былъ уполномоченъ заявить слёдующія предложенія съ нашей стороны: проливы останутся запертыми; никакой военный флагъ не имъетъ доступа въ Черное море, за исключеніемъ того числа военныхъ судовъ, какое признаютъ нужнымъ содержать побережныя державы — Турція и Россія; число это будетъ опредёлено прямымъ соглашеніемъ между русскимъ правительствомъ и Портой, безъ всякихъ посредниковъ. Наши предложенія были благопріятно приняты графомъ Валевскимъ; но мы узнали въ это время, что

переговоры между Вёной, Париженъ и Лондономъ идуть еще бистрие, что намъ предстоить получить въ самомъ скоромъ врешени ультиматумъ трехъ дворовъ, съ условіями мира, отягченными Австріею. Надо было спішить, чтобы поправить діло, если это еще возможно. Мы тотчасъ сообщили вёнскому кабинету условія, предложенныя нами Франціи, и, чтобы придать имъ больше віса, довели ихъ также до свіздінія германскихъ правительствъ. Но послідствія показали, что это повредило нашему ділу. Уступая вліяніямъ изъ Лондона и Вёны, графъ Валевскій упрекнулъ насъ за нашу нескромность въ Вёні и воспользовался этить случаемъ, чтобы привнать свою задачу поконченною.

Въ «Étude Diplomatique» помъщено весьма любопытное содержание послёдняго разговора по этому предмету между барономъ Зеебахомъ и Людовикомъ-Наполеономъ. «Императоръ францувовъ замътнять, что существують два пути въ прекращению большихъ войнь: полное истощение одной изъ воюющихъ сторенъ, или равное ихъ положение, при которомъ честь ихъ остается непривосновенной. Въ данное время, по его мибнію, представляется послёдній случай. Союзники еще не соверлили ничего важнаго въ Балтійскомъ морѣ; тамъ цѣлость Россіи еще не пострадала. Въ Крыму союзниви одержали серьёзную поб'яду, но она стоила дорого; русские оборонялись со славой; прекрасныя стратегическія распоряженія князя Горчакова оградили судьбу Крыма на энну, тогда какъ въ сентябръ, при большей энергіи и большемъ вскусстве, союзники могли бы помериться съ нимъ силами за обладание Крымомъ. Что же касается будущаго, то, по мнѣнію Жюдовика-Наполеона, всё выгоды на сторонё союзниковъ. Они не намёрены проникнуть внутрь Россіи: опыть показалъ, что это средство удается мало; но они воспользуются успъхами морской науки для серьёзнаго нападенія на нась въ Балтійскомъ морѣ и разрушенія Кронштадта. Въ Черномъ морѣ блокада нанихъ береговъ союзными эскадрами заставить насъ содержать танъ дорого стоющія значительныя военныя силы. Къ чему же приведеть все это? Къ продитию крови и напраснымъ расходамъ, изъ которыхъ извлечетъ пользу одна только Австрія. Людовикъ-Наполеонъ заявлялъ желаніе сблизиться на долгое время съ Россіей, но, по его мийнію, Россія, не им'я союзниковъ, должна принести жертвы въ пользу мира. Предъявляемыя ей условія со-ставляють наименьшую міру необходимыхъ жертвь, и вакъ бы онѣ ни были тяжелы, государственныя соображенія предписы-вають принять ихъ. По врайней м'врѣ, будущность Россіи не парализуется ими. Людовикъ-Наполеонъ говорилъ также о гро-

мадныхъ затрудненіяхъ, встрёченныхъ имъ въ Лондонё. Англійскіе министры были возмущены мыслію о мирѣ; они увѣрены, что миръ повлечеть за собою ихъ паденіе. Онъ увѣрялъ, что истощилъ всё свои усилія на устраненіе чрезмёрныхъ нритяваній Англій. Англичане хотёли распространить нейтралязацію и на Азовское море и требовать срытія Николаева, и было неимовѣрно трудно убѣдить ихъ, что нельзя требовать того, чёмъ не владѣешь. Но для него не подлежало сомнѣнію, что лондонскій кабинеть будеть очень радъ, если мы отвергнемъ условія мира, что онъ сильно желаеть подняться послё страшныхъ англійскихъ неудачъ недавней кампаніи. Баронъ Зеебахъ замётныть, что не видить во всемъ этомъ мѣста для переговоровъ, и спросилъ, слѣдуетъ ди считать эти условія неизмѣнными. Наполеонъ III отвѣчалъ тодько, что желаеть сбливиться съ нами, и докажетъ намъ это во время переговоровъ».

Всворф мы получили увъдомление, что предварительныя условія мира окончательно составлены въ Вене, что они будуть привезены въ Петербургъ графомъ Эстергази, и что дворы парежсейй, лондонский и венский согласились между собою относительно военныхъ мёръ, воторыя должны быть приняты въ случаб нашего отваза. Самое содержание этихъ условий было намъ неизвѣстно: союзники подожили не сообщать его нашему представителю въ Вёнё, ожидая рёшительнаго противодёйствія съ его стороны. Въ это время нашими противниками были уже не только Турція, Франція, Англія, Пьемонть; мы имбли противъ себя еще и Австрію, увлекавшую за собой второстепенныя государства германскаго союза, и Швецію. Германскія войска, по плану Австрів, могли занять ся нъмецкія и итальянскія провинцін, чтобы дать ей возможность двинуть больше силь противь Россін. Пруссія оказалась безсяльною остановить этоть общій напоръ противъ Россія, и мы оставались совершенно одиновими лицомъ въ лицу съ ультиматущомъ, или предварительными мирными условіями трехъ союзныхъ дворовъ.

Первыя цять статей этого ультиматума были не новы. Онѣ во многомъ совпадали съ заявленными уже Россіей предложеніями. Но къ нимъ были присоединены еще двѣ, по настояніямъ Англіи и Австріи. Одна изъ нихъ требовала уступки нѣкоторыхъ частей Бессарабіи въ пользу Молдавіи, или нашего удаленія отъ устьевъ Дуная, въ обмѣнъ на территоріи и крѣпости, занятыя непріятелемъ въ Крыму; вторая предоставляла воюющимъ державамъ предъявлять во время переговоровъ новыя условія въ интересахъ Европы. Предъявленныя нами возраженія противъ по-

слёдняго изъ этихъ условій, навъ слишкомъ неопредёленнаго и опаснаго, и противъ территоріальной уступки въ Бессарабіи, не им'яли усп'єха. Намъ отв'ячали изъ Вёны, что отъ нась ожидаютъ положительнаго или отрицательнаго отв'єта къ 6 (18) январи 1856 года, — не бол'е. Графъ Буоль присоединилъ только, что новое опредёленіе нашихъ границъ въ Бессарабія еще подлежитъ окончательному обсужденію во время переговоровъ о ивр'я, и что морскія державы не воспользуются своимъ правомъ предъявлять новыя условія съ цёлью требовать возм'ёщенія военныхъ издержевъ или новыхъ территоріальныхъ уступокъ.

Сообщая намъ предварательныя условія мира, вёнскій кабинеть типательно отдаляль нашего министра въ ВВнъ, внязя Горчакова, оть участи въ этомъ дёлё. Когда наши возражения были сообщены въ Вину черезъ его посредство, князь Горчановъ телеграфироваль въ Петербургъ, что, по его мибнію, слёдуеть от-вергнуть переданныя Австріей условія и обратиться прямо въ императору Наполеену съ предложеніями, способными удовлетворить Францію и отстранить территоріальную уступку въ Бессарабін, какъ интересь чисто-австрійскій. Князь Горчаковъ полагаль, на основание своей секретной перепяски съ графомъ Морни, что Людовнеъ-Наполеонъ уже тогда имблъ въ виду итальянский вопросъ и желалъ поэтому сблизиться съ нами, что онъ поспъшиль бы воспользоваться возможностью вести переговоры помимо Австрін. Графъ Нессельроде не раздёляль этого мнёнія, и его обвинали въ томъ, что онъ не довелъ депеши князя Горчакова до свёдёнія Государя Императора. Впослёдствія внязь Орловь увърялъ кназя Горчакова, что еслибъ онъ вналъ о содержании этой денени, то подаль бы мнёніе противь австрійскаго ультииатуна. «Графъ Нессельроде, --прибавляеть нашь авторъ, ---былъ тавъ пораженъ необходимостью мира, многочисленные случан, когда мы запаздывали съ нашнии уступками, произвели на него такое сильное впечатлёніе, что онь не хотёль рисковать еще разь въ столь важную минуту. Онъ рёшился подписать миръ, такъ-сказать, зажмуривъ глаза. Его намёренія были безупре-чам, но задержаніе децеши было тёмъ не менёе прискорбнамъ фантомъ. Во всякомъ случай, князь Горчавовь не желалъ ирянимать никакого участія въ заключенія мира, противъ кото-

раго возмущалось его патріотическое чувство». 3 (15) января 1856 года, Государь Императоръ изволиль созвать совёть для обсужденія предложеній Австріи въ высочайшемъ присутствін. Къ участію въ этомъ совёщаніи были приглашены: его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, графы Воронцовь, Орловъ, Киселевъ, Блу-довъ, Нессельроде, князь Долгоруковъ и баронъ Мейендорфъ. Когда Государь Императоръ изложилъ въ короткихъ словахъ самый предметь совъщанія, канцлерь имперіи просиль позволенія прочесть записку, которая клонилась къ принятію предварительныхъ условій мира. Канцлерь основывалъ свое мивніе на соображеніяхъ весьма уб'ёдительныхъ. По его мивнію, бляжайшимъ послѣдствіемъ нашего отказа было бы прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Австріей, а вёроятнымъ результатомъ его — присоединение Австрии въ коалиции, гровящее увлечь за нею Германію и Скандинавскія государства. Сама Пруссія, несмотря на личныя чувства вороля, едва-ли могла бы противиться оказываемому на нее давлению. Намъ угрожала, такимъ образомъ, воалиція всей Европы. Навонецъ, по мивнію канцлера, даже и помимо этихъ врайне тяжелыхъ въроятностей, члены коалиціи имёли въ рукахъ могущественное орудіе противъ насъ---бловаду, воторая разобщала Россію и подрывала ся будущность въ политическомъ и торговомъ отношении. Такое положение стало бы, наконецъ, нестерпимымъ, и рано или поздно намъ пришлось бы искать мира, но тогда условія его будуть еще тажелье на-стоящихъ. Напротивъ, принимая австрійскія предложенія, мы разстраивали, по мибнію канцлера, планы нашихъ враговъ, желающихъ продленія войны, и воалицію, состоящую изъ разно-родныхъ и несочувственныхъ другъ другу элементовъ, связан-ныхъ единственно требованіями общей борьбы. Война заставила бы столкнуть разнообразные интересы членовъ воалиціи, тогда какъ миръ, напротивъ, способствовалъ бы развитию существующихъ между нами разногласій. Канцлерь сослался также на невыгоды оборонительной войны на громадныхъ пространствахъ Россіи, прилегающихъ въ морямъ, которыми владееть непрія-тель, и на желаніе Людовика-Наполеона сбливиться съ нами.

Княвь Воронцовъ высказалъ мнёніе, что какъ ни тажелы предложенныя намъ условія, нётъ никакой вёроятности добиться лучшихъ условій отъ продленія войны. Напротивъ, по всёмъ признакамъ можно ожидать въ будущемъ условій еще болёе унизительныхъ, которыя ослабяли бы Россію на многіе годы, причинивъ ей неисчислимыя потери людьми, деньгами и владѣніями. Союзники могутъ способствовать отпаденію Ерыма, Кавказа, даже Финляндія и Польши. Такъ какъ надо же когда-нибудь прекратить начатую борьбу, то лучше не выжидать подобныхъ возможностей. Послё князя Воронцова, графъ Орловъ

опровергаль возраженія противь мира. Кань бы ни было сильно патріотическое настроеніе въ Россія, повориль онъ, масса населенія, истоиленная жертвами, налагаемыми войною, радостно приметь весть о мирь. Вопрось этоть должень быть решень одникь только правительствомъ, лучше знающимъ дъло, безъ всякаго вниманія въ неосновательнымъ предуб'яжденіямъ общества. Графъ Киселевъ висказался въ томъ же синслё, указывая главнымъ образомъ на опасности, соединенныя съ продленіемъ войны. Россія завоевала свои новыя провинціи только въ послёдніе полвёка, и еще не имёла времени осуществить сліяніе ихъ съ остальною имперіей. Въ волынской и подольской губерніяхъ пропов'єдуютъ эмиссары, и недовольные обнаруживаютъ такъ усиленную дёлтельность. Финландію, при наилучшихъ ся намъренияхъ, соблазняють перейдти подъ шведское владычество. Наконецъ, настроеніе Польши до того непріязненно, что она возстанеть вся, какъ только военныя действія союзниковь дадуть въ тому возможность. Всё области, которыхъ положение сомнительно, становятся для насъ источнивами слабости въ виду численнаго превосходства непріятеля, и если эти области будуть заняти ниъ, то трудно предвидёть, когда, какъ и какою цёной мы пріобр'ятемъ ихъ обратно. Въ сравненія съ подобными возможвостями, требуемыя оть насъ жертвы ничтожны и, по мизнію графа Киселева, нельзя ни минуты колебаться въ выборъ того ная другого пути. Князь Долгорувовь вошель въ подробности нашего военнаго подожения, которыя также убъждали въ невозможности продолжать войну. Баронъ Мейендорфъ подтвердиль то же мибніе ссылвою на состояніе нашихъ финансовь. Министръ финансовъ объявилъ, что продолжение борьбы неминуемо приведеть насъ въ банвротству. Война уже стоила намъ 300 мнлл. чрезвычайнаго расхода, между тёмъ какъ поступленіе доходовь постоянно уменьшалось, а производительный каниталъ страны былъ затронутъ значительнымъ числомъ рувъ, оторванных оть земледёльческаго труда. Баронъ Мейендорфъ сослался на Швецію, показавшую своимъ примёромъ, какая участь постигаеть государства, упорствующія въ неравной борьбі. Бывь прежде могущественной державой, Швеція стала третьестеценнымъ государствомъ, истощенная войнами Карла XII, и съ тёхъ поръ уже не поднималась. Въ настоящую минуту, - продолжалъ баронъ Мейендорфь, -- миръ еще можеть быть линь перемиріемъ ля Россін. Но если отложить его на годъ или на два, то госуларство будеть до того ослаблено, что понадобатся полевка для

возстановленія его силь. Одинь только графь Блудовь говориль противь мира, но и онь не отвергаль его рёшительно. Прослезившись, онь кончиль слёдующими словами: «Скажу, какь графь Шуазель: такь какь мы не умёсмь вести войну, то заключнить мирь!»

Члены совѣта единогласно высказались въ пользу австрійскаго ультиматума, и это миёніе утверждено Государемъ Императоромъ.

Въ обществъ высказывалось и другое мнъніе; въ немъ были люди исвренніе, но односторонніе, которые, нескотря на испытываемыя народомъ обдетвія, все-таки мечтали о возобновленія 12-го года. То были теоретиви патріотическаго чувства, обращавшіе нало вниманія на условія времени и пространства. Другіе, явлаясь сторонниками войны, имвли въ виду одни только личные интересы. Многіе изъ нашихъ читателей хорошо помнать то время, и скажуть вийстй съ нами, что вйсть о близкомъ мири, несмотря на тажелыя его условія, была тогда радостно принята въ Россін. Она была въ тоже время и въстью о необходимыхъ внутренныхъ преобразованіяхъ, которыхъ давно желало общественное мивніе. Самымъ горестнымъ условіемъ мира была въ глазахъ большинства утрата черноморскаго флота; но, сколько намъ извъстно, никто не сокрушался не объ утратъ клочка Бессарабін, ни даже о замёнё русскаго повровительства надъ нёкоторыми областями Турціи совокупнымъ ручательствомъ веливихъ державъ. Еслибъ обществу были извёстны тогда заключительныя слова графа Блудова, оно донолнило бы ихъ въ томъ симслё, что такъ какъ им не умёли ни сообразить заранёе въроятности услёха или неудачи, ни вести войну, то не зачёмъ было в начинать ее.

Тавных образомъ, Россія, долгое время считавшаяся грознымъ ноеннымъ государствомъ, менёе чёмъ въ два года была доведена до невозможности продолжать трудную борьбу. Ей приходилось занскивать въ томъ самомъ человёкъ, въ которому, за нёсколько лёть передъ тёмъ, она относилась съ горделивымъ совнаніемъ своего военнаго могущества. Для всёхъ стало асно, что ей недостаеть чего-то весьма существеннаго, что за ея прежнимъ, повидимому страшнымъ, военнымъ могуществомъ, спрывался глубокій внутренній недугъ. Одинъ изъ нашихъ поэтовъ славянофильской школы имстерски изобразилъ ототъ недугъ въ прекрасныхъ стихахъ, которые ходили тогда по рукамъ, какъ ходило во множествъ коній знаменитое письмо Бълинскато къ Гоголо, ни мало

не устаръ́вшее и въ то время, когда Россія подписывала нарижскій договоръ. На этотъ недугъ естоственно устремвлось общеспенное вниманіе всей Россіи, долго сдавленное вибшнами обспоттельствами. Мы оживали, несмотря на военныя наши неудачи, и вскоръ освободились отъ кръ́постного права, отъ канцелярскаго суда и нъкоторыхъ застаръ́лыхъ пріемовъ бюровратіи. Одно время даже казалось, что старый недугъ вполнѣ исцѣлецъ, что взиъ́ненныя условія живан вырывають его съ кориемъ. Такъ велика была сила общественнаго увлеченія! Но прошла четверть въка, и въ новой восточной войнѣ мы онять встръ́тились недавно съ тою же настойчивою непріявныю Англіи и Австрія, съ тъми же австрійскими и англійскими интересами, и съ тѣми же затрудненіями найти въ своихъ внутренянхъ силахъ средства въ нреодолѣнію внѣшнихъ прецятствій. Нашъ договоръ съ Турціей иютъ быть только предварительнымъ и подвертся контролю евронейскихъ державъ.

Совѣщанія о мирь отврылясь тогда въ Парижь (13-го) 25-го февраля. Мы были одинови на этихъ совъщаніяхъ, и, за отсутствіенть Пруссін, могли разсчитывать только на нёкоторую благосклонность Францін. Императору французовь было пріятно враждебное отношение въ намъ Англин и Австрии. Въ его глазахъ, оно должно было склонать насъ въ союзу съ нимъ на будущее время, и давало ему возможность являться примирителемъ и посредникомъ безъ всякаго риска. Въ инструкціяхъ, данныкъ пер-вому уполномоченному Россіи, графу Орлову, предписывалось по возможности поддерживать доброе расположение въ намъ императора Наполеона, чтобы достигнуть окончательнаго замиренія. Мы должны были показывать ему дружескія чувства, дов'єрить ему наши интересы и совдать ему положение третейскаго судьи. По словамъ нашего автора, депеши графа Орлова изъ Парижа исцолнены интереса. «Всегда осторожный въ выражения своей иысли, императоръ французовъ однакоже не разъ проговаривался о своихъ разсчетахъ относительно будущаго, воторые били основаны на политическомъ сближения съ нами. Графъ Орловъ отвечаль на эти намеки, что русское правительство, наученное опытожъ послёднихъ лётъ, не будетъ препятствовать этимъ разсчетамъ. Своею отвровенностью онъ умѣлъ пріобрѣсти дружеское ковъріе императора Паполеона и селонить его къ принятію роли третейскаго судьи, которую мы такъ желали возложить на него. Во время переговоровъ, всякій разъ, когда наши уполномоченные встречались съ неодолимыми затрудненіами, они взывали къ личному вийшательству этого государя, и всякій разъ могли быть. только довольны результатомъ его вийшательства».

Содержаніе парижскаго договора общеновістно, и было бы излишие возвращаться въ нему. Напомнимъ только, что на парижскомъ конгрессё французскій уполномоченный подняль итальян-скій вопросъ, при содёйствін лорда Кларендона и графа Кавура. скій вопросъ, при содействій лорда Кларендона и графа Кавура. Графъ Буоль отказался въ то время принять участіе въ преніяхъ по этому вопросу, а нашъ уполномоченный заявилъ, что не имъетъ по этому дёлу инструкцій, и разговорь остался пока безъ дальнёй-шихъ послёдствій, но они обнаружились три года спустя. «Разъ ступивъ на этотъ путь — говорить нашъ авторъ—западныя дер-жавы не могли не упомянуть о Польшё. Мы косвенно узнали, что таково дёйствительно было ихъ намёреніе. Графу Орлову было предписано предупредить это обстоятельство. Въ своихъ боло предписано предупредить императоръ Наполеонъ бесёдахъ съ нашимъ уполномоченнымъ, императоръ Наполеонъ выразилъ свое сочувствіе къ Польшё. Нашъ уполномоченный увѣрилъ его въ великодушныхъ намѣреніяхъ Государя Импера-тора относительно этой страны, которой благосостояніе и счастіе внушають его величеству такую же заботливость, какъ и счастіе остальной его имперіи, но присоединиль, что достоинство Россін не позволяеть ей допустить обсуждение этого вопроса на вонне позволяеть си допустить оссуждение этого копроса на кон-грессь. Впослёдствіи эти увёренія были истолкованы какъ нёчто въ родё обязательства. Въ своей рёчи, произнесенной годъ спустя, лордъ Кларендонъ утверждалъ, что имёль серьёзные поводы пред-полагать со стороны Россіи готовность отказаться оть системы полагать со стороны Россін готовность отказаться отъ системы строгостей относительно поляковъ и обезпечить имъ администра-тивное самоуправленіе, свободу вёроисповёданія и народное обра-вованіе, что только это уб'ёжденіе побудило уполномоченныхъ не вовбуждать польскаго вопроса въ 1856 году. Весьма вёроят-но, что твердыя заявленія графа Орлова и желаніе императора Наполеона не оскорбить насъ въ такое время, когда онъ искалъ сближенія съ нами, были истинными причинами, удержавшими парижскій конгрессь отъ возбужденія польскаго вопроса».

Казалось бы, исходъ войны пятидесятыхъ годовъ и тё разнообразныя причины и условія, которыя породили ее, прямо ведуть въ тому заключенію, что чёмъ меньше Россія будетъ вмёшиваться въ чужія дёла, тёмъ лучше для нея. До крымской войны, мы стояли на стражё порядка во всей Европё. Такая повсе-

изстная охрана отживнихъ условій политическаго общежнтія обощлась намъ, въ контѣ концовъ, страшно дорого. Наши армін били вытѣснены изъ занатыхъ ими областей, наше черноморское небережье подверглось непріятельскому вторженію, наше черлодорслое быть истребленъ, укръпленія Севастополя срыты, мы нережили тажелую пору полнаго международнаго одиночества. И однавоже авторъ заключаетъ свое интересное сочиненіе выводомъ, какого всего менёе ожидаеть читатель, и который дёйствительно непо-нятень. Давая Турціи весьма благоразумные совёты относительно ея внутреннихъ дёлъ, внушая этому падающему государству, что въ наше время внёшнее могущество находится въ прямой зависимости оть финансоваго, экономическаго, общественнаго и политическаго благоденствія страны, что единственнымъ средствомъ въ достиженію такого благоденствія служить развитіе матеріальныхъ ея средствъ и удовлетвореніе ся нравственныхъ потребностей, — благоразумно сов'ятуя все это Турцін и об'єщая ей въ такомъ случай прочную дружбу Россіи, почтенный авторь не находить высказать относительно Россіи ничего другого, вроми сожалинія о томъ, что она посли войны пятидесятыхъ годовъ мало вмишевалась въ дёла и отношенія другихъ европейскихъ государствъ, и выражаеть надежду на возобновление такого вызшательства въ будущемъ. По его мнѣнію, довольно было Россіи временно отстраниться отъ европейскихъ дълъ, чтобъ ся отсутствіе послужило къ нарушению равновъсія и подвергло общій миръ самымъ опаснымъ потрясеніямъ. Но мы внаемъ теперь, что именно произошло за это время въ западной Европъ. Послъ войны пятидесятыхъ годовъ, мы были свидётелями войнъ Италія и Франція съ Австріей, Пруссія съ Австріей, Франція съ Германіей. Не-ужели, по мибнію автора, для Россія было нужно или полезно посылать своихъ солдать и тратить свои свудныя средства на защиту Австрін противъ Италін и Франціи, или Пруссіи противъ Австріи? Неужели ей слёдовало спёшить на спасеніе другихъ, имёя у себя массу непочатаго дёла? Восхищаясь тёмъ, что Россія «не разъ содъйствовала спасенію Европы», авторъ надъется, что ей еще суждено трудиться на этомъ поприщъ, и «хотя она была дурно вознаграждена за свои усила въ этомъ смыслё», авторъ все-таки убъжденъ, что Россія, при случаё, не отступитъ передъ этой «неблагодарной задачей». Однимъ словомъ, почтенный авторъ, давъ своимъ превосходнымъ трудомъ отличный урокъ, кончилъ, такъ сказать, просьбою-данный имъ уровъ позабыть какъ можно crophe.

Не будучи дипломатами, вы оть дуни желаемъ, чтобы Россія отступала передь чужими «неблагодарними» задачами и занималась исключительно своими, тёми единетвенно благодарними задачами, за просвёщенное и ингровое исполнение которыхъ она можетъ быть вознаграждена сторицей. «Въ наше время---новторимъ мы слова автора --- могущество государствъ измёрнется ихъ финансовымъ, экономическимъ, общественнымъ и политическимъ благоденствіемъ», ---а остальное придожится.

В. Боршъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МЕЧТАТЕЛЬНИЦЬ.

(Изъ Вл. Сырокомли).

Пока еще душа твоя не очерствѣла И вровь горячая кипить въ груди твоей, Страшися, чтобъ мечта тобой не овладѣла, И нектаръ свѣтлыхъ грезъ, по каплѣ, тихо пей! Мечта — роса съ высотъ лазурнаго чертога, И тотъ, кто пьетъ ее, — стремится къ небесамъ, Но чаша нектара, назначенная намъ, Мала и въ свѣтлый край закрыта намъ, дорога. Лишь издали мы свой увидимъ идеалъ. Борьба, упорный трудъ, — вотъ наше назначенье. И горе, если ты, въ порывѣ увлеченья, Осушишь сразу весь свой нектара бокалъ, И въ мірѣ райскихъ грезъ, дитя земной отчизны, Забудещь связь свою съ дѣйствительностію жизни!

Промчится сладвій сонъ... Минута пробужденья Придеть — и отлетять созданія мечты; Какъ дымъ, разсівются волшебныя видінья, И світь, холодный світь, опять увидишь ты. Онь твой возвышенный порывь осудить строго, Твой світлый идеаль онъ грязью зачернить, И ты пойдешь одна, пустынною дорогой, И душу юную сомнівнье омрачить...

въстникъ ввропы.

Какъ горько бёдному изгнаннику изъ рая Идти и сознавать печальный жребій свой! Какъ больно, сны свои и грезы вспоминая, Мириться съ прозою дёйствительности злой! Какъ страшно навсегда съ надеждами разстаться, Презрёть свой идеалъ, сказать прости — мечтамъ, Не жить, а прозябать и горько насмёхаться Надъ тёмъ, что нёкогда питало душу намъ!..

Итакъ, пока еще душа не очерствѣла И кровь горячая кипитъ въ груди твоей, Страшись, чтобы мечта тобой не овладѣла, И нектаръ свѣтлыхъ грезъ по каплѣ, тихо, пей: Пусть служитъ онъ тебѣ бальзамомъ. Предъ тобою Тернистый, узкій путь, борьбой тебѣ грозитъ. Ты будешь счастлива, когда въ борьбѣ съ судьбою, Усталая, найдешь чѣмъ силы подкрѣпить.

II.

НА РУБЕЖВ ЗЕМЛИ ОВЪТОВАННОЙ.

Къ Моисею Богъ вёщалъ: — «Путь оконченъ. Часъ насталъ. Вотъ гора. Съ ея вершины Ты увидишь всё равнины, Воды, горы и долины Обътованной земли И окончишь дни свои. Знай, за грёхъ твой предо Мною, Въ Синѣ, въ Кадескихъ горахъ, Съ Ханаанскою землею Не смёшается твой прахъ. Не войдетъ, пророкъ, съ тобою Въ эту землю Мой народъ! Вождь иной его введетъ...»

И идетъ, Ему внимая, Монсей на Аваримъ. Вся краса земного рая, — Обътованнаго края,

Развернулась передъ нимъ. Галаадъ, предълы Дана, Неефалимова земля, Вся долина Іордана, Пальмъ, Сигорскія поля, Вертограды на равнинѣ, Башни, стёны городовъ И Ливанскія вершины. Въ свыглой ризн облавовъ. Близовъ день, давно желанный, Богомъ избранный народъ! ---Въ врай, отцамъ обътованный, Только вождь твой не войдеть... Ханаанскія равнины, Цёль далекаго пути! Моисей вамъ шлеть, съ вершины, Свой привѣтъ, свое прости...

Такъ и ты, могучій геній, За собой толпу влечешь! Ты, изъ мрака заблужденій, Въ царство свёта насъ зовешь; Кончишь трудъ свой плодотворный,— Но страну своей мечты, Какъ пророкъ, съ вершины горной, Лишь вдали увидншь ты...

C. C.

Тонть II.-Марть, 1879.

< 1

Digitized by Google

14

ставида себя въ такія же отношенія въ Сербін, въ вакихъ находилась въ руминовнить княжествамъ и Египту¹). Оказалось, однаковкъ, что ни Англія, ни Австрія не были расположены въ пользу плановъ Тувечеля. Сербія, съ своей стороны, предстания предъ открытіемъ конференція и Порть, и европейскимъ посланникамъ, авть, въ всемъ просняя тольно объ устранения на будущее время причинъ, повединхъ въ столкновениямъ, но, не формулируя своихъ желаній, выражала лишь надежду на мудрость и справедливость покровительствующимъ державъ. Такою пичтожностью своихъ депломатическихъ заявленій Сербія обязана была черевъ-чуръ осторожному Гарашанину, протявники котораго занучали по этому поводу, что если бы его пролесть противь турецинхъ гаринзоновъ въ сербсинхъ вринестяхъ и не былъ уваненъ въ конференцій, то все-таки заняль бы свое мёсто въ диплонатическихъ архинахъ. Еще рёшительнее смотрёлъ на права Сербін ен князь Миханль Обреновичь. Своему константичопольскому представителю Іовану Ристичу онъ писалъ, отъ 18 іюня: «Господнить посланных»! судя по всему видимому и невидимому, можно сказать, что мертвый узель, завизавнийся между нами и турками, не разрёшится, пока не будеть разсёчень саблей. Я приготовляюсь на табой возможный и веростный случай, и приготорляють съ радостнымъ сердцемъ, хотя и не встрѣчаю тавого сочувствія въ новых приготовленіямъ въ окружающихъ меня, какого слёдовало бы ожидать при нынёщинах обстоятельстваль. Но я повтораю BRECTO CB F. FRED: « VOUS épuiserez mes forces, mais vous n'abattrez раз mon courage». Пока будуть въ Сербін турецкія криности, невозможны для нея какое бы то ни было преуспёдніе, в для невозможны для нея какое он то ни онно преуспание, иена пребывание въ ней. Такъ мий представляется. Желая валъ здравія, остаюсь доброжелательный вамъ — М. М. Обреновичъ». Въ концё письма стояли слёдующія слова: «содержаніе этого инсьма только для васъ» ²). Изъ этахъ словъ сербский агентъ, живщій въ -Константинополё, могъ понять, что рёшимость вняза не отражалясь въ намъреніяхъ его министерства.

Между тёмъ засёданія конференція отпрылясь. На первояъ турецийе уполномоченные въ третий разъ невторнан свои жалобы на Сербію, утверждая, что она поставила нада ружье 80,000 человыть, готовится въ нанадению подь сащихи врёностными ствиани и т. п. Такое валное значение придавала. Порта соopermenyor is Beirpare hadorhowy opertening, seronce be inth

 [&]quot;Archives Diplomatiques", 1865, t. I, p. 267-239.
 Э. См. "Вомбарданые Београда", стр. 47.

не превышало 20,000 дане съ добровольными подкрѣплеліями, въ составъ которыхъ вошли бѣлградскіе отуденты и дане гимна-зисты. Поскѣ долгихъ настояній со стороны туровъ, представители всъкъ державъ согласились телеграфировать своимъ вонсуламъ въ Бѣлградъ, чтобъ они пригазсили княжеское правительство удер-живать сербскій народъ отъ велинхъ покушеній на права Тур-ція; турецкіе же уполномоченные увѣрали, что Порта не пред-приметь ничего, что могло бы угрожать жизни или имуществу сербскихъ подданныхъ. Что насается вопроса о пребываніи му-сульманскихъ жителей въ Сербіи, то онъ не могъ долго занимать собою вниманія конференція, нбе сама Порта согласилась уже на выселеніе мусульманъ. Но о вопросъ о врѣпостяхъ разби-лось единедушіе дипломатовъ. Русскій и французскій посланники ка то, скылась на договоры и верховную власть Порты. Илъ говорили, что эта власть не ослабнеть, а, напротивъ, усилится, если ва будущее времи устранены будуть поводы въ ссорамъ и вояставоватся добрыя отношенія между вассаломъ в сюзереномъ. Въ подтвержщеніе тавикъ савѣтовъ приводилось положеніе дѣлъ въ подтвержденіе тавикъ савѣтовъ приводилось положеніе дѣлъ въ румънскихъ княществатъ и въ Егимтѣ. Турецкіе мянистры не умѣли отвѣчаль ва тавое довазательство. Имъ помотъ англій-скій посланниять Бульверъ, заявивъ, что если бы Порта и рѣшнскій посланнякъ Бульверъ, заявивь, что если бы Порта и рёши-нась очистить врёпости, то Англія протестовала бы противъ та-кого действія. Но, протявясь очищенію крёпостей и осуждая сер-боль, англійскій посланникъ выразилъ сожалёніе, что Норта, забонъ, антлійскій пославникъ выразнаъ сожалівніе, что Норта, за-медливь посылкою коминссара, довела діло до подобнаго поло-женія. Таково было направленіе сов'ящаній на первомъ засіда-ніи. Ему отвічала и ввізника форма ихъ. Князь Лобановъ-Ро-стовскій нисколько не щадиль турокъ въ обонхъ річахъ; но мар-кивъ Мутье, державшійся тіхъ же мнізній, высказывался съ большею магкостію. Баронъ Прокешъ-Остенъ былъ рівокъ въ вы-раженіяхъ, но въ сущности самыхъ мнізній уступаль Бульверу, хоти послідній воль себя сдержанно и холодно. Изъ туровъ Али-цаша былъ ядоватёв Фуада. Баронъ Вертеръ, прусскій по-сланникъ, и графъ Грепи, уполномоченный Италіи, хранили мол-чаніе. Такой харантерь конференція сохранила до самаго вонца. своего съ тімъ линь исключеніемъ, что на третьемъ засіданія: графъ Грепи уступилъ ніско маркизу Карачіоля, итальянскому носланняку при Порть, который, чімъ глубже вникаль нь пред-меть съ развитемъ нений, тімъ болёе пранималь участія ві-нихъ и притокъ нь духѣ, инклонномъ въ пользу Сербів; ябо

BICTHER'S ENCODEL.

инструкція, данныя оть итальянскаго правительства, предписивали ему дёйствовать за-одно съ тёмъ изъ посланнивовь, который бы нанболёе защищаль интересы Сербія. Только сврбскаго уполномоченнаго не было на конференція, хотя по договорамъ и хаттишерифамъ сербсвія дёла должны были рёшаться по согланенію съ сербскими депутаціями. И на этотъ разъ загронути были исключительно сербскіе интересы; а между тёмъ въ своемъ спорё съ Турціей Сербія видёла свою прочинницу, засёдающею на европейскомъ судё, на которомъ не могла присутствовать даже въ качествё подсудимаго: ее судили и осуждали, не вислушивая. Правда, мы видёли, что роль защитника Сербія до извёст-

ныхъ предъловъ принялъ из себя французский министръ иностранныхъ дёлъ Тувенель, еще наканунъ перваго засёданія конференція отправивній циркуляръ къ дипломатическимъ акентамъ Франція, пребывавшимъ въ Лондонъ, Петербургъ, Вбиъ, Берлина и Туриний; но такъ какъ циркуляръ его не имблъ значения акта, формально предложеннаго въ обсуждению на конференци, и нивто изъ унолноноченныхъ другихъ державъ не выступаль съ жавимъ-либо ясно-опредёленнымъ предложеніемъ; то члены вонфекимъ-лиоо ясно-опредвленнымъ предложениемъ; то члены конще-ренціи пригласили на первомъ же засёданію турецкихъ уполно-моченныхъ изготовить къ слёдующему засёданію собственное предложеніе. Но и тогда турецкіе уполномоченные не предста-вили собственно никакого предложенія, но подали общирную жалобу на сербское правительство, заключавшую въ себё резуль-таты изслёдованія, произведеннаго Вефикомъ-эффенди, и нанисанную въ чисто-восточномъ стилъ. Этотъ пространный акта наображаль, какъ въ Сербін правительство чедавна приготовляеть не что иное, какъ войну противъ Турцін: и стольновенія между мусульманами и сербами до бомбардировавія Білирада, и событія, непосредственно предшествовавшія ему, веложены были въ таконъ освёщения, что сербы всюду выставлялись зачинщиками борьби, * а турки -- терийвшими оть ихъ нацадений. Самый тонъ разсказа быль пронивнуть легендарнымъ харавтеромъ. Показанія мусульманъ, укрывшихся въ крёпость, объ отдёльныхъ происпествіяхъ, созданныя восточною фантавісю событія, искусно были комбини-рованы составителенъ документа съ единственною цёлію дона-зать, что бёлградская крёпость подверглась систематическому на-паденію, такъ что большинство дипломатовъ должно было ноколебаться въ убъяденія относительно везиновности сербовъ, пово-лебаться тёмъ болёе, что историческое изложеніе тёхъ же собы-тій, заявленное сербскимъ правительствомъ еще до конференціи, било поверхностно и не входило въ разсмотрине иричнить, сов-

данных эти собитія. Харавтерисническая черта турецкой малобы сесновна въ томъ, чко въ ней строго проведниось раздноевіе CERCENSIO HADOGA OTS REARS: RADOGS DO BOOMS ORDARABALOS; HA REARS BORLETENECL BER TANGETS BRAIN. BE AGRAGETENECTED TOPO, WTO «сербский народь всегда жиль из добрых» отношения» съ туркана», приводныесь ссныка на уважаемыхъ нежду сербаня дёятелей, и прежде всего на Гарашанина, которий будто бы незадонго предъ тёмъ сназаль, что въ Бёлградё за двадцать предшествовавшихъ лъть между сербами и хурками. было не боле двухъ дравъ и одного убійства. Не трудно догадаться, что эхиль Порна желала показать различие между управлениемъ Обреновичей и Карагеоргієвичей, не нарушавшихъ мира съ турками, и въ подтверекдение того Порта не безъ лукавства ссылалась на снова самого предобдателя министерства временть Обреновния. Тань какь турецкій немуарь быль обнародовань вийств сь денениею анелійскаго консула въ Билградъ, то Гарашанниз, въ опроверженіе турецияхъ нареканій, отправнять въ сербскому агенту въ Константинополь повое, болье подробное изложеніе іюньскихъ событій, которое также было обнародовано 1). Эта дишломатическая полемика между Портой и сербскима правительствома не нитела, однавожъ, особаго вліянія на ходъ совбиланій въ Канлидже. Она указывала только на глубовое различие воглядоръ, на великныя отношенія руководявшихъ д'ястніями Порты и сербскаго правительства. Но для нась важно то, что это различіе, ные горазде глубже; оно проникало въ народныя нассы и рувоводило ихъ дъйствіями, ясно доказывая, что не только проникнути были одинакими чувствами турсција власти и мусульмяне относязельно сербовь, но и жители Сербін единодушно поддерживали свое правительство и даже воопряли его въ болёе энергическому протваодъйствию турециямъ признаниямъ. Стоитъ тольно заглянуть нь гогданные быградскія гелеты, чтобы понять, нань нало удевленаряли сербское наредное чувстно скронныя попытки Гарашанина получить удовлетворение отъ европейской новференція за насиліе, проваведенное турнами надъ Бългра-донъ, и накъ волновали сербовъ ничžиъ не сдерживесное нахальство турещних влюстей и продолжавляеся во внутреннихъ областяхъ волнение мусульманъ.

Въ Шабита банградонія собитія отознались пренде всего. Жи-

¹) Турецкій менуарь быль наночатань въ газеті "Видов-дан", оть 21 авг. 1862 года; см. также "Archiv. dipłomat.", 1863, t. П. р. 122—199. Сербское дополнитеньное маножиніе собней въ інжі 1962 года, см. въ "Archiv. dipłom.", 1963, t. IV, р. 86--66.

тель этого города, визвшаго небольшой турецкий гаринсовъ, стали вооружаться точно такъ же, какъ жители Билирада; мусульнанские жители, равнымъ образомъ, удалились въ тамолиние вреность. Опасаясь осады, турки захватили 14,000 овь пленици, только что привезенной изъ Бѣлграда рёвою однинъ неъ ийстнытъ нунцовъ, и выдали ему квитанији съ обязательственъ упланить за взятое черезъ три м'всяца. Въ шабацкомъ гариазонъ открытъ быль заговорь нёсколькихь туровь, намёреваешихся произвести стрёльбу изъ крёности по городу и ноломъ бёжать чревъ вёну въ Австрію. Заговоръ быль предупрежденъ санныъ комендантомъ врёности, который распоряднися, чтобы сербы не были пропу-. сваемы ни въ крбпость, ни на дорогу, пролегавшую подъ крбпостью и ведшую къ ръкъ Савъ. Тънъ не менъе, турин проложжале сноситься съ пограничными австрейскими властими, и послёднія начали рубить лёсь, стоявшій на австрійскомъ берегу противъ шабацияхъ укрънденій. Нёкоторые изъ мёстинхъ евреевь, въ обыкновенное время хвалившихся твиъ, что они-граждане Сербін, бъжали въ Австрію. Изъ Зайчара писали въ билградскія газеты, что населеніе тамошняго округа выступнло въ границамъ для защити ихъ на случай турециаго нападенія. Въ Смедеревв, гдв быль также турецвій гарнизонь, обнаружены были подстрекатели турокъ противъ сербовъ, принадлежавние однавожъ въ числу иностранцевъ. Изъ Неготина, Княмевца, Алексинца приходили извёстія о томъ, что народное ополченіе усердно охраняеть границы своихъ округовъ. Такое народное вооружение по восточнымъ границамъ вызывалось двужя причинами: съ одной стороны, прибытіемъ въ Виддинъ и другія болгарскія врёности военныхъ кодербеленій и принасовъ, а съ другой-увеличеніень насняй туровь надь болгарскимь населеніемъ, что вызвало усиленіе гайдучества въ Балканскихъ горать. До сербовъ дошли даже песни, которыя распереались въ то вреня болгарами. Нукоторыя изъ нихъ попали даже въ билирадски PASOTEI.

Изъ мусульманъ, жившихъ внутри Сербін, нанбольшее ожесточеніе обнаружная, какъ и предде, жители Сокола и Ужищи: они вооружнаясь, грозя, съ одной стороны, нападеніемъ на сосёднія села, а съ другой — об'ящая вникочь всю Ужищу, въ одучай нападенія на нать сербовъ. Ихъ настроеніе перешло и въ пограничнымъ боснакамъ. По ту сторону Дрины мусульмане выжигали лёса, полагая, что сербскія четы, въ случай перехода своего въ Боснію, могуть укрываться въ нихъ. Наконець, само турецкое правительство спёшило усилить свои военныя средства

въ сербскихъ крѣностяхъ: изъ Виддина отправлены были въ значительномъ количествъ на австрійскихъ торговыхъ нароходахъ норохъ и анмуниція въ Ада-Кале, Фетъ-Исламъ, Смедерево и Шабанъ, а въ Бѣлградъ посланъ былъ цѣлий нолкъ низамовъ вверхъ по Дунаю на корсконъ турецкомъ нароходѣ. Протестъ Гараннанина не остановилъ этого парохода; не онъ погибъ при переходѣ чревъ пороги Дуная у Желѣзнихъ вороть. Турки обвиным въ товъ румънскаго лоциана, будто бы съ умысломъ ныправившаго пароходъ по ненадлежащему пути. Австрійцы помогли низамамъ спастись: только одинъ изъ нихъ утонулъ, а другой получилъ тяжелыя раны; свезено было также на берегъ нѣсколько пушекъ и пороху. Недѣли три спустл, остатви парохода, тортавшаго въ порогихъ, были совжены ¹). Съ другой стороны, одушевленіе жителей Сербіи выража-

лось въ пожертвованиять на военныя потребности, на раненыхъ и пострадавниять во время іюньскихъ событій. Инязь ножертвон пострадавных во время пописанхи соонили. нацая полерия вать на эти цёли цёлое годичное содержаніе, назначаемое ему государственнымъ бюджетомъ; митрополить—половину своего со-держанія. Ихъ прим'бру посл'ёдовали остальные сербы всякихъ держания. Ихъ прикъру последовали остальные сером всякихъ званій и занятій. Люди, наибояће отличившіеся въ дни народ-ной борьбы съ турками, получали отовсюду пубяичныя выраже-нія благодарности. Особенною торжественностью отивчены были чествованія, обращенныя въ Георгію Влайковичу. Произведен-ный княземъ въ капитаны и назначенный начальникомъ важнъйнаго изъ сторожевыхъ постовъ предъ врбпостью, Влайновичъ нъйныго изъ сторожевыхъ постовъ предъ вриностью, Влайновичъ принималъ 19-го іюля депутацію отъ австро-венгерскихъ сербовъ изъ города Панчева въ присучствій своихъ подчиненныхъ. Депу-тація, поднеся ему выволоченную саблю цёною въ 100 дука-товъ и съ надписью: «Храброму Георгію Влайковичу, въ ири-знательность и восполниваніе объ его мужествё въ Бёлградѣ 3-го и 5-го іюня 1862 года, отъ сербовъ-нанчевцевъ», привётство-вала его такими словами: «Сербы-панчевцевъ», привётство-вала его такими словами: «Сербы-панчевцевъ», привётство-вала его такими словами: «Сербы-панчевция инвогда не са-будуть того мужества, комъть вы столь доблестно отличились при защить сербсной столицы, на вогорую 3-го и 5-го іюня напали вровные непріятели столь же неожиданно, сколь свирівно и ввірски. На память объ отой защить панчевци дають вань братски эту саблю и просять вась брански принять ее». При-нявь дарь, Ваайковичь отвечаль: «Хвала сербань-панчендань! Принимано отъ всего сердца сей даръ нов ихъ братевихъ рукъ

1) Обо всёха этиха происшествіяха см. корреспонденція и статая за газоті "Трговачке Повяние" за 1962 г. 1965 54, 55, 59, 69, 72-74, 51, 52 и т. д.

и буду храннть его, нова жайть, дабы къйствовать вать съ-Божьею помощью противъ врага сербской народной независимости и свободи», и, новазавъ саблю своимъ онолченцамъ, сказалъ: «Вонны! это для васъ знакъ братства и надеждъ сербскихъ сыновъ съ той сторены Севы и Дуная: хожихъ ли всъ погибнуть за свой родъ?» Въ отвётъ изъ среды онолченцевъ посамшались голоса: «Хотимъ всъ! всъ до одного! живіо весь сербскій народъ! живіо сербскій господарь! живіли наши братья-панчевны! живіо наніъ капитанъ! ура!» По приглашенію Влайковича, панчеватскіе депуталы остались на цёлый день въ кругу сербскихъ онолченцевъ и натріотовъ, слушая юнацкія пѣсни, напѣваемыя подъ звуки яворовыхъ гуслей. Народныя приготовленія къ борьбѣ съ турками проявлялись собираніемъ денежныхъ средствъ, вооруженіемъ добровольныхъ ополченцевъ и обереганіемъ границъ; сербское правительство пріобрѣло въ это время на государственныя деньги первый пароходъ, названный «Делиградомъ»: во время его стояновъ у береговъ, онъ былъ радостно привѣтствуемъ не только сербами, но и румынами.

Сочувствіе послёднихъ въ сорбань въ то время выраналось весьма замътно, ибо тольно-что объединившіяся Моддавія и Валахія находились въ натянутыхъ отношеніяхъ въ Турцін. Черногорін не было надобности доказывать сербамъ, на случай нхъ войны съ турвами, своего сочувствія въ общему двлу: черногорцы, поддерживая возстаніе Луки Вукаловича въ Герцеговинъ, были уже въ койнъ съ Турціей. Населеніе Болгаріи и Старой-Сербін ожидало, что былградское правительство приминеть къ этой борьбё. Въ греческихъ газетахъ печатались статьи, сочувственно относившіяся въ двлу сербовь, и были переведним въ облаградскія газоты. Дажо мадьярскія газеты стояля на сторонѣ Сербія. Въ то время Венгрія была не въ ладахъ съ сербсяниъ правительствоить по конституціоннымъ вопросамъ, и мадыярскіе публицисты провозглашали, что образование хрискиять государствъ вдоль нижняго теченія Дуная и на Балканскомъ полу-островѣ не только не противоръчить интересанъ Венгрін, но прямо отвёчаеть имъ, подготовляя для венгерскаго королевства возможность военнаго и торговаго отношеній съ будущею кон-федерацією этихъ государствъ. Сербскіе публицисты, съ своей стороны, доказывали необходимость очищения Бълграда не тольно оть мусульманскихъ общаателей, но н отъ туренкаго гариновка, ибо онъ служить для сербскаго вняжества не только государственнымъ, но торговымъ и умственнымъ центромъ, не говоря YZE O TOMA, HTO COMETCIECTED DE OTHOME OFHICTEE CE TYDERNE

рённительно невозможно для хрястіань, вслёдствіе дурныхь привичень в испорченных правовь у мусульмань.¹). Таких образонь, населеніе земель, нанболёе занитересованныхъ въ выгоднень для сербовь разрёнпенія снора, проинкнуто было на первихъ порахъ желаніемъ услышать добрия вёсти о дёнтельности константинопольской конференціи. Но первыя же сообщенія о томъ, ноявивніяся въ евронейскихъ газелахъ, должны были разочаровать сербовь в ихъ друзей.

Такъ какъ турецкій мемуарь не заключаль въ себё инкакихъ вредложеній для обсужденія на конференція, то Бульверь сталь требовать, чтобы сербское правительство распустило народнее ополченіе, чтобы барринады, воздингнутыя между Бёлградань и его крёпостью, были разрушены, и чтобы вообще Сербія вократилась на мирное положеніе. Исполненіе этихъ требованій синталь необходимымъ и Вефикь-эфенди для вступленія въ неносредственные переговоры съ сербскимъ правительствоиъ о выселеніи мусульманъ изъ городовъ. Но французскій и русскій унолиомоченные успёли доказать остальнымъ членамъ конференціи, что такія мёры должны слёдовать за разрёшеніемъ спора, а не предшествовать ому. Посл'я всёхъ такихъ предварительнихъ манёвровъ, удалявшихъ конференцію отъ прямого предмета ся занятій, чего такъ добивальсь Порта и ся друзья, Англія съ Австріей, Бульверъ внесъ письменное предложеніе, чтеніе котораго на конференцію онъ сопровождаль и устными объясненіями.

Сущность англійскихъ предложеній состояла въ слёдующенть: замёшательство въ Сербія преязоплю вслёдствіе взанинаго недов'ярія, воторое можно устранить, вздавъ новыя постановления въ скислё обезпеченія б'ялградской врёпости и отдёленія сербовъ отъ турокъ. Первое можеть быть достигнуто срытіень турецкаго предм'ястья, ириченъ сербы, им'яющіе въ немъ недвижимое имущество, могуть быть вознаграждены Портою, а Сербія вознаградила бы туровъ, кон им'яють выоемиться изъ сербскихъ частей города. Очищенное, такамъ образонъ, около кръпости пространство должно быть обласно влокъ, который бы обозначалъ предёлы врёностного района, взявъ отъ города дей трети его протяжения. Сербы отдёлнынсь бы отъ турокъ, еслибъ посл'ядніе выселились взъ города и управленіе вить кращостного района было би предоставлено исключительно Сербія. Порта, съ своей стороны, обязалась бы предъ великими державами не при-

¹) Cm. "Tprosavke Hosmee", 1862 r. No. 42, 51, 65, 67, 68, 74, 90 B T. Z.

бытать из бощбардированию, разви послидуеть нападение на припость; а таки каки Сербія, по географическому положению своему, можеть подвергнуться нападению лишь сь одной (австрийской) огороны, из случий чего ей приплось бы занищаться из союзи съ Поргой, то она не должна безь дозволянія нослидней содержать болие 12,000 войска. Что касается криностей внутри Сербія, то, но мийнію антлійскиго посланника, должны остаться: Феть-Исламъ, который составляеть часть Виданской обороннтельной системы; Смедерево, каки военное депо на Дунай, и Шабацъ, канъ стратегическое мисто на Сави. Особая коминссія изслидовала бы: имиють ли какое значеніе Соколь и Ужица? И если эти дии вриности не окажутся нужными для общей оборовы, то могуть быть разрушены и впредь не воздвигаемы. Бульверь добавляеть, что и районъ билградской криности должень быть обнесень укринаеніями; но это замбичаніе истритило такой общій отнорь, что самъ австрійскій интернунцій заявиль, что новыя укривненія не могуть служить средствомъ их достиженію мира. Само собой разумиется, что Австрія не видъда надобности нь усиленію былградской криности, пока она находилась въ рукахъ туровъ или сербовъ. Наконецъ, что на касается выселенія туровъ изъ городовъ, то Бульверъ предлагалъ окончить его въ три мбояца, въ теченія которыхъ должны быть рішены и всё проистеквавніе на того вопроси ¹.

Неязан сомибиаться въ томъ, что англійское предложеніе состоялось послё отдёльныхъ переговоровъ съ турецкими уполномоченными, ибо послё продолжительныхъ преній, возникцияхъ по поводу этого предложенія, Фуадъ-паша заявилъ, что Порта, слёдуя совётамъ своихъ друзей и союзниковъ, готова сдёлать всевозможныя уступки, и потому соглашается, чтобы: 1) приняты были необходимыя мёры для безопасности б'ялградской крёпости со стороны города; 2) чтобы турецкое предмёстье было снесено на условіять, предложенныхъ англійскимъ уполномоченнымъ; 3) чтобы разрушены были крёпости въ Соколё к Ужицъ, но не другія, тянъ какъ они входять въ оборонительную систему имперія, и 4) чтобы турки, живущіе внё крёпостей, выселились нэть Сербів. «Дёлая такія уступки, Турція, поворить Фуадъ-паша, т уступаеть не мало: она приносить въ жертву 5,000 мусульманъ, мнеущихъ въ Б'ялградъ, разрушаеть въ турецкомъ предмѣстьё многіе памятнием мусульманской славы, принимаеть на

¹) Cm. "Archives Diplomat.", 1863, t. I, p. 240-241; "Бомбарданье Веограда", стр. 119-122.

себя вознагражденіе убитновъ, синзанныхъ съ выселеніенть сербовъ взъ этого предийстья, и готора на все это единственно наъ нобви къ миру. Но чтобы мирь былъ вподнё утверяденъ, необходимо, чтобы и Сербія, съ своей стороны, дала ручательство въ его прочности, для чего было бы дестаточно, еслибъ военныя сили Сербіи ограничены были, согласно съ предложеніенъ англійскаго носланника, дийнадцатью тысачами человіять». Кромё того, великій визирь требоваль, чтобы Сербія вознаградила туронъ, потерпёвшихъ отъ грабежей во время іюньскихъ событій и послё нихъ.

Французскій и русскій посланники заявили на то, что предложенных условія сообщать сконнь правительствань, а что васается устройства военныхъ силъ Сербін, то конференція, по нать мийніко, не нийсть полномочій входихь въ резсмотрёніе этого вопроса. Порта можеть, если хочеть, обратиться прано въ кабинетамъ съ подебнымъ предложениемъ, какъ и дълала во время учрежденія народнаго войска въ Сербія; прячамъ обнаружниось, что французское и русское правительства не раздъляють ся образа мыслей. Едва-ли нужно говорить, что англійсвій и австрійсвій уполномоченние сильно поддерживали турецвсе предложение. Изальянский носланникъ билъ согласенъ съ представителями Россін и Францін, а прусокій, до твхъ норъ хранный глубокое молчаніе, быль увлечень примирительнымь тономъ Фуадовыхъ рёчей. Мало того, кога его инструкции и были наклонны въ пользу сербовъ, такъ какъ уполномочивали его подписать даже изманение 29-й статьи парижскаго договора, признававшей за Портою право держать гаринзоны въ сербскихъ врёностяхъ, онъ на одномъ изъ засёданій конфоренція предложнать, чтобы по вонросу о краностяхъ быль спрошенъ турецкій военный минискух! Вообще его поведение подъ нонець конферении клонилось въ пользу Турции, и сербские публицисты принисывають неренинтельному образу действій прусского дингомата то обстоятельство, что шабадкая врепость осталась въ рукахъ турокъ. Некоторно полагали даже, что баронъ Вертерь дъйствоваль въ этомъ случат подъ вліяніемъ Провешъ-Остена, какъ-бы стараясь загладить въ австрійской дипломатія воспоминание о пассивной политикъ Прусси во время австро-изальанской войны 1859 года.

Сербскій агенть, ознавомнаннись съ ходомъ преній на конференція, обращаль вниманіе членовъ ся на слёдующіе вопроси: 1) въ какой формъ должна быть выражена гарантія для Бёлграда, т.-е. подходила ли бы она подъ 29-ю статью нарижскаго

1

договора, или можеть быть иначе формулирована, но, во всякомъ случай, необходимо опредблить понятіе нападенія на крипость и оцёнить причины, но конмъ могло бы быть произведено нападеніе на городь взъ врёности; 2) Турція, требуя оть Сербін жатеріальныхъ гарантій посредствонъ уналенія ся военныхъ силь, съ своей стороны, предвагаеть только моральныя гарантін; 3) разрушеніень Сокола и Ужици Турція устраняеть линь одну и притоиъ незначительную часть тэхъ нунктовъ, изъ конхъ могуть выдти стольновенія, и явлаеть такой шагь, который не есть уступка Сербіи, но природныя послёдствія выселенія турокъ, живущихъ около тёхъ крёпостей, послё чего незачёмъ держать въ нихъ и гаринеоны; между твиъ, какъ Турція удерживаеть за собой всё рёчныя врёпости, подъ выстрёлами конхъ лежать многолюдные в лучшіе города сербскіе, в 4) тавъ какъ грабежь въ іюньскіе дни быль взаимень, то и при вознаграж-деніи убытковь, имъ причиненныхъ, необходимо принять тоже начало взаимности 1).

Конференція, дойдя до этихъ вопросовъ, не могла далъе продолжаться безъ сношенія уполномоченныхъ съ ихъ кабине-тами. Русскій и французскій посланники имбли инструкціи, предписывавшія имъ не подписывать инкакого соглашенія, которое не обезпечивало бы Сербін разрушенія, по крайней мърк, всихъ меньшихъ врёностей, т.-е. за исключеніемъ бълградской. Такъ какъ остальные члены конференція высназывались даже за сохраненіе меленать укрёнленій; то необходимо было, чтобы нли они получили новыя инструкціи оть своихъ вабянетовъ, или ихъ противники. Обибнанщись сообщеніями съ своимъ дворомъ, францувский посланныть наниель полезнымъ выступить на одномъ наъ засёданій съ письменнымъ разъясненіемъ взглядовъ своего правительства. Всего важиве было то, что въ этомъ автъ Франція висказалась, хотя и подъ видомъ желанія только, не только протнеъ сохраненія малыхъ врёпостей, но и протнеъ занятія ту-рецениъ гарнизономъ бълградской твердыни. По миёнію Фран-цін, бълградская врёпость имёетъ линь одну цёль-производить давление на городъ и сербское правительство, такъ какъ даже н та держава, противъ которой она первоначально назначалась (Австрія), висказывается за ся сохраненіе. Вообще французскій посланникъ стоялъ на точкъ зрънія, приличествовавшей представителю державы-новровительницы: въ то время, какъ англійскій посланникъ предлагалъ лишь мёры для обезпеченія кубности,

^{1) &}quot;Вонбардање Београда", стр. 57-60.

уполномоченный Франціи требоваль и обевнеченія города. Потому онъ скарался изыснать матеріальныя и моральныя гарантіи из ен бевонасности; выражаль желаніе, чтобы при размежеваніи крівности отъ города не затрогивались сербскія части города и не воздингались никакіе окопы между городомъ и врёностью; онъ не требоваль выселенія турокъ изъ Сербін, но стояль за сербскую юрисдикцію надь ними, считая источникомъ всёхъ стольновеній двойственность власти, а не противуноложность двухъ расъ; малыя же врёности предлагаль разрушить возможно сворёе, тімъ болёе, что онъ не приносили никакой пользы Турцін¹).

Столь основательныя предложенія, высказанныя съ большимъ искусствоиъ, произвели сильное впечатлёние на турокъ и ихъ друзей. Бульверъ, ударивъ иляпой о столъ, врикнуль: «да мы идемъ иззадъ, вибсто того, чтобы приблажаться другь въ другу!» Мутье отвъчаль на это сокалбніемь, что они разошлись такъ далево одинъ отъ другого, между тъмъ, вавъ ихъ министры сго-ворились между собой на лондонсвомъ свиданіи. Бульверъ приняль это замёчаніе вавь протесть противь своей добросовёстности (bonne foi) и выразних намбреніе представить конференціи самыя инструкців, на основанія конхъ действоваль. Можеть быть, Англія и согласилась бы, — какъ думаль Тувенель, нахо-дась въ Лондонъ, — чтобы вромъ Ужицы и Совола разрушена была еще какая-либо изъ малыхъ врёностей, если не всё онё; но такое рёшеніе вопроса встрёчало сильное противодёйствіе со стороны Австрін. Баронъ Прокешъ-Остенъ объявилъ, что онъ должень будеть оставниь конференцию, если бы она согласилась на срытіе рёчныхъ крёпостей. Страннымъ назалось на первый взглядъ, что Австрія защищала крёпости, воздвитнутыя противъ нея. Но ясно было, что австрійская дипломатія питала надежды закватить со временемъ эти врёпости въ свои руки, чтобы посредствомъ ихъ, съ одной стороны, препятствовать свободному плаванію но Дунаю, а съ другой — держать сербсвій народъ подъ своимъ вліянісмъ. Такая политика Австріи всего ясибе доказывала, что она дъйствовала противъ интересовъ Турціи, а не за нихъ. Провенчъ-Остенъ и не скривалъ этого. Онъ въ одномъ изъ засъданій прамо объявиль, что всякій успёхь сербовь въ Турціи воодушевляеть сербовь въ Австріи. Бульверь также признавался въ частныхъ разговорахъ, что защищаеть не турецкое, но ав-

¹) "Archives Diplomat." 1863, t. I, p. 242—244; "Бомбарданье Београда", стр. 123—128.

стрійское діло. Такних образомъ, ночти полована членовъ конференція была противъ Сербія. Представитель Пруссія болісмішаль настоящей задачі вонференція, чімъ помогаль, и только представители Франція, Россія и Италія старались отыскать боліє прочныя основанія для примиренія сербско-турецияхъ интересовъ, чего, по ихъ мизнію, можно было достягнуть, если бы Порта дала Сербія положеніе, воторимъ пользовались сосіднія румынскія вняжества: ибо «самое равличіе, поворено было на конференція, воторое Порта полагаеть между своими вассалами, имѣеть относительно Сербія видъ такихъ отношеній, вакія обыкновенно существують между мачихой и падчерицей» ¹).

Несогласія, возникшія на конференція, не могли быть устранены и конфиденціальными переговорами самихъ набинетовъ. Рёшеніе сцорныхъ вопросовъ и тамъ встрётило большія препатствія. Франція, видя безуспёшность переговоровъ, предложила князю Миханлу отказаться отъ меданія, чтобы бёлградская врёпость была разрушена, об'вщая ему матеріальныя гарантія въ томъ, что передній край крёпости, обращенный къ городу, будетъ снесенъ. Впечатлёніе, произведенное этимъ предложеніемъ на князи Миханла, выразилось въ его письмѣ къ Растичу, отъ 21-го іюля, которое мы и приводнить вцолнѣ:

«Госнодинъ посланникъ!

На прошлой недёлё быль у меня г. франнузсвій вонсуль Тастю, по норучению г. Тувенеля, чтобы спросыть меня, не пристуцью-ли я въ такому соглашению между нами и турнами: чтобы турки выселились изъ Сербін и всё крёности были разрушены, за исключеніемъ бёлградской, которая имбеть быть обеворужена со стороны, обращенной из городу, и гарнизонъ которой должень быть доведень до нескольникь соть человень (онъ прямо сказалъ - до 150 людей! не подумавъ, что турки будуть смѣяться такому предложению). Я отвѣчаль, что не нахожу, чтобы Сербін дано было достаточное вознагражденіе бевъ разрушенія всёхъ врёностей, и что мы не моженъ быть сповойны, пова существуеть былградская врацость, бомбардировавшая нась; но что я все-таки принимаю предложение г. Тувенеля, вань минимумъ, въ воему можеть быть сведена наша распря съ турками, и принимаю единственно потому, что предлагаеть это г. Тувенсль, сохраняя, однавожъ, за собой право дёлать замёчанія, когда начнется обсужденіе подробностей сего предложе-

224

¹⁾ См. "Бомбарданье Београда", стр. 62-63.

нія, принамаенаго мною яншь эт принаний. Сообщаю нать все это только для ваного свёдёнія, дабы вы могли согласно съ тёмть дёйсквовать. Мий камется, что англичане, видя назии приготовленія, не хочу сказать — испутались, но во всякомъ случать пёсколько привадумались. А потому я неустанно предлагаю всёмть окружающимъ меня приготовляться такъ, какъ будто зактра же мы схватнися съ турками за волоса. Нёть социйняя, что наши усердния приготовленія влінють на умёренность сорётовъ, которые дають Портё ед пріятели».

Готовя въ это время рёчь, воторою собирался открыть народную скупщину, князь Миханлъ посылаль ее въ черновой Рисличу и по этому поводу писаль: «Я жду, что вы скоро вернете проекть моей рёчи, всиракленный, какъ вы найдете нужнымъ. И я самъ кое-что въ эти дни переиначилъ и добавелъ. Такъ, напримёръ, нахожу, что нужно болёе и подробнёе описать страданія кристіанъ въ Турціи, не для того, однакожъ, чтобы еще болёе нодстрекнуть слушателей, къ которымъ буду держать ету рёчь; но ради иноземцевъ, которые не имёютъ истиннаго понятія объ этихъ страданіяхъ и сочувствіе которыхъ имъетъ большее значеніе, чёмъ нёоколько вооруженныхъ батальововъ» 1).

Франція, д'яйствуя, съ одной стороны, въ Б'аград'ь на князи Михавла, настанвала вм'ест'я съ Пруссіей въ Петербург'я, чтобы и Россія присоединилась къ сказанному предложенію даже и въ томъ случай, еслибъ принадось, наприм'йръ, отказаться отъ шабацкой врёпости. Русскій кабинетъ, не вм'я возможнести отд'яляться отъ: остальнихъ державъ, устунитъ. Но противники не желали преній и не поводу этого жинимуща, заявляя, что были бы устунчивно какъ нь этомъ вепросй, такъ и въ другихъ, если бы, съ другой стороны, согласяться на это условіе было неновмежно бекъ опасности для мира, то перетоворы и возвратились къ тому положенію, въ камонъ накондились до перерыва зас'яданій конференція.

Въ то время война Черногорін съ Турціей принала обороть, прайне невыгодный для порвой: Герцеговина изненогала отъ продолжительнаго возстанія, Черногорія не получала ни отвуда помощи и спала склоняться въ миру. Надежды ся на разрывъ Сербік съ Турціей изсявали: въ бёлградскихъ правительственныхъ пружна́хъ обнарунивалоя дукъ несогласія. Хота князъ Миханлъ и склонялся въ польбу войны въ случаў, еслибъ поскановленія

1) "Венбарданье Београда", стр. 64-66.

Томъ II.-Марть, 1879.

<page-header><page-header><text>

а не выселенія ихъ неъ еняжества, и предполагало разсмотрёть виросъ о томъ, не могутъ ли быть сносены и другія меньшія прѣнести, прокё Сокола и Ужицы. Тавъ какъ по всёмъ другимъ вопросамъ, еходиншамъ въ прусъ занятій конференціи, существовало большее или меньшее согласіе между членами ед, то вышепомянутые чотыре пункта и были предметомъ общарныхъ преній. Особенно долго высказываемы были доказательства за и нротить законности бомбардированія въ принциптв. Даже Бульверъ потерялъ свое обычное хладнокровіе, но не могъ увлечь за собой Мутье, который, среди самыхъ жестокихъ преній, сохранилъ спокойствіе. Защитники бомбардированія такъ далеко занни въ своемъ усердіи, что не хотѣли даже дозволить постановки вопроса о законности его. Но русскій и французскій посланники мая, что при такой постановкѣ вопроса невозможна будеть и дальнѣйным дипломатическая борьбе, объявили, что выходять изъ ковференціи ¹).

Въ то самое время, накъ новровители Турцін давали столь еднюдушный отнорь своимъ противникамъ, коминссаръ Порты въ Быградь приналь такой угрожающій тонь, что сербы начинали терать вёру въ мирный исходъ дёла, особенно съ той минуты, какъ Вефикъ-эфенди сталъ обводить врёпость оконами со стороны Видлинской дороги. Изъ этого внязь Миханлъ вывелъ заключение, чю турин изготовляются на случай выгоднаго для Сербін исхода переговоровъ въ Канлидий, и объявилъ консуламъ, что считаетъ такой образъ дёйствій Вефика-эфенди противорёчащимъ заклю-ченю, принятому вонференціей въ первомъ засъданія. Не только вонсуль, но и племянникъ Бульвера, секретарь англійскаго посольства въ В'вић, Литтонъ Бульверъ, находившійся въ то время. эз Бёлградё, обратили внимание турециаго коминссара на ненранильность его дъйствій; но, кажь выражался князь Миханль въ своемъ новомъ письм'я въ Рястячу, всё зам'ячанія ихъ «вошля Вефикъ-эфенди въ одно ухо, а вышли въ другое. Всё его возраженія сводились кь тому, что г-ну Тастю онь ностоянно отвічаль: ви думаете такъ, а я все-таки думаю иначе». Миханлъ Обренонать начинать рёшительно склоняться въ пользу войны и писаль Ристичу, чтобы онъ постарался чрезъ посланниковъ доброжелательныхъ въ Сербін держевъ протянуть засёданія конференція съ тою цёлію, чтобы Сербія могла приготовнъся надлежащихъ образомъ въ войнъ (une guerre à mort) до окончанія конференція. Это желяніе внязя не могло однаножъ исполниться: самой

^{1) &}quot;Вонбард. Београда", стр. 67-70.

дипломатія надебло тануть пренія; къ тому же и угрова франпувскаго и русскаго посланниковъ выстучить изъ нопференціязаставила противниковъ Сербін понивить топъ и ныкинуть изъсвоей программы «законность» бомбардированія, послё чето пренія уже не останавлявались ¹).

При дальнайшень разсмотрания французско-русскаго проекта, статья его о налыхъ врёностяхъ своро была устранена, но вопросъо изтеріальныхъ гарантіяхъ выясняяся трудно и медленно. Мутьо настанваль на своемъ требованін, чтобы передній фась былградской врёцости, имёющій видь полумёсяца, быль снесень, довазывая, что онъ построенъ по старой Вобановой системъ и толькооскаблаеть врёность, нбо, выдаваясь впередь, легче можеть быть вять и паденіемъ своимъ предасть въ руки нападающихъ остальныя части врёности. Турки послё долгихъ возражений ножелали разсмотрёть этоть вопрось особо, восредствомъ военной коммиссін, составленной изъ офицеровъ, въ число коихъ каждая покровительствующая держава назначела бы по одному, а Порта двоихъ, из томъ числё одного сербскаго. Туренкіе уколномоченные саныть рёшительнымъ образомъ воспротвенлись присутствию сербскаго офицера, и Тувенель разр'яниль Мутье уступиль имъ вънадежай, что сербские интересы могуть быть защищены и другимъ путемъ. Такимъ образомъ, задача эта предоставлена былатой же комписсів, воторая должна была опредблить границы приностного района въ Билгради. Конференція обязала сербовъуступить сь этой цёлью часть города, взвёстную подъ именемътурецевго предийствя, хотя въ ней было почти столько же сербсвихв домовь, снолько и турецкихь. Дальнийшее продолжениеврёностного района поставлено было въ зависимость отъ приговеда военной волински. Турки говернин, что не желики оставить въ сербскихъ рукахъ ближайшія въ врёности мечети, а, нолучивь иль, стали твердить то же и объ остальныхъ, иначемусульнане будуть воэстановлены противь отгоманского правительства. Подобное требование предъявлялось однакожъ съ тайныжь намбреніемь, чтобы поздное имбть предлогь захватитьдолю и изъ сербской части города для исправления линии. Многобило облотчено разъленение этого требевания твить, что австрийский пославникъ получилъ свъдвніе неъ Белграда о томъ, чтоникаторые изъ сербовъ ждутъ-не дождутся такого ръшенія, чнобы уступить свои дема за деротую цвну; а потому снесение. сербскихь доновь вив турециаго предибствя предоставлено било

228

¹) Боябард. Београда, стр. 71-72.

соглашению сербекаго и турецнаго правительства, причена лагие было устранить частныя спенуляции.

Что касается сербской юрисланція надъ турвами, то она не била принята конференціей; ей предночан выселеніе мусульмань них вняжества. Турение унолномоченные довавляели на конференцін, что мусульмане не захотвли би остаться подъ сербскими завонами, хотя впослёдотвія, при выселенія ихъ, и обнаружилось, что многіе оходно бы остались на своихъ прежнихъ угодьяхъ, еслибь туреция власти допустили то. Но совершенно иное, болье основательное соображение отвращало Порту отъ сербской юрисдикин. Она пуралась мисли, что мусульмане будуть жить подъ кристіанскими законами въ странъ, гдъ бы они увидали себя гражданами, чиновниками, дажо членами скупщины, однимъ словомъ, гдъ бы ихъ быть представлялъ живой контрастъ съ бытокъ райн и даже самехъ туровъ въ откоманской имперіи. Только такимъ образомъ можно объяснить себъ, почему Порта, отстранила такую меру, которая не вызвала бы въ мусульманахъ никакого неудевольствія противъ нея, и почему Порта предпочла подвергнуть нёскольно тысячь обывалелей всёмь неудобствань переселения, а себя — провлятиямъ этихъ несчастныхъ, равсыпавнихся потомъ по Боснів и Румелія, почему сама, навонець, подчинилась всёмъ послёдствіямъ такого рёшенія, которое приносло дурныя посл'ядствія для мусульманъ вообще, и, напротивъ, ободряло и всиолнило надежды христіанъ. Но танъ какъ выселеніе мусульманъ согласовалось съ прежнями халтишернфами, то конференція в не зачёмь било настоявать на предночтенія сербской юрисдинція выселенію.

Самыя бурныя пренія выяваны были снова затронутымъ турецкими уполномоченными вопросомъ о сербскомъ народномъ войскѣ. Порта доназывала, что Сербія вмѣетъ 80,000 людей подъ ружьемъ; если и впрадь будетъ содержать такое же число, то Порта должна имъть на сербовой границѣ не менѣе 40,000 войска, что, съ одной стороны, послужило бы въ отягощенію ен фанансовъ, а съ другай порело бы въ порубеннымъ столкновеніямъ. Али-пана указывадъ на примъръ румынскахъ княжествъ, для конхъ число войскъ опредѣлено было международнымъ актомъ. «Сройте кръ́пости въ Сербія, —вовравнать ему князъ Любановъ-Ростовскій, —и сербы, конечно, но будутъ прогиваться уменьниенію своихъ войскъ». Ристичъ заявлялъ членамъ конференція, что самый миролюбявѣйшій изъ сербовъ не осмѣлился бы согласиться на уступку въ этомъ вопросѣ: «если бы сербы, — говорнать онъ, — напали на турокъ, логика Порти была бы неслѣ.

довательна; но они подверглись нападению, нужно ли, чтобь они лишились еще и всякаго средства къ защить? Турецвія настоянія о разоружения Сербия не только не могуть возстановить дов'врія, но еще умножають сомнёнія и подоврёнія». При всемь томъсторонники Сербін не могли отвергнуть занесенія этого вопроса въ протоволъ, хотя и безъ опредъленнаго ръшения. Они сначала хотели выравить, что между Сербіей и Портой могуть происходать конфиденціальные и дружественные переговоры о предметахъ, которыхъ не предвидъла конференція, въ томъ числѣ и о народномъ войски, кавое бы было необходнио для безопасности (sécurité) страны. Противники предлагали выражение: для спокойствія (tranquillité), какъ употребленное въ хаттишерифъ, что в принято было съ оговорвой: «согласно съ духомъ хатишерифа». Сторонники Порты съ трудомъ присоединились въ этой оговоркъ, онасаясь, что хаттишерифы могуть быть различно объясняемы: и действительно, толкование могло быть сделано только въ смыслё перваго предложенія, ибо хаттишерифь 1838 г. признаваль за сербскимъ княземъ верховное начальство надъ сербскимъ войскомъ, необходимымъ для поддержанія внутренняго порядва и сповойствія, и въ то же время добавляль: «и для защиты отъ всяваго нападенія». Изъ длинныхъ споровъ по поводу этого вопроса возникло и то многословіе, которое зам'ятно въ стать окончательнаго протокола, касающейся милицін. Оть взанмныхъ пререканій англійскаго представителя съ французскимъ, воторый при этомъ случав обнаружилъ не налое исвусство, выросло то богатство ввреченій и опредбленій въ этой статьй, когорое отчасти затемнило даже смыслъ ся. Только устранивъ излишнюю многорёчивость, доходящую вногда до протяворёчія, можно понять. что вонференція хотвла сказать слёдующее: если Сербія уменьнить свое войско, то и Турція убавить гарнивоны въ сербскихъ врёпостяхъ. Нужно прибавить, что уполномоченные Франціи и Россіи объявнии, что они сказанное о народномъ войскё считають личнымъ мнёніемъ Порты, не связывающимъ тольованій хаттишерифа, накіе могуть быть заявлены въ случав надобности, и что конференція сосладась ясно и просто на духъ хаттишерифовъ 1).

При такихъ тяжнихъ и настойчивихъ тречихъ составлялся нало-по-малу мемуаръ вонференция. Предполагалось еще одно за-

¹) См. "Бомбарданье Београда", стр. 73—78. Срв. циркуляръ Тувенеля отъ ⁶/19 сент. 1862 г., замечатанный въ "Archives diplom". 1868, т. I, р. 251 — 252 и въ " "Серисних Ноема", за 1863 г., № 12.

скланіе для окончагельнаго пересмотра его и подпясанія. Бъ величай-нему своему ужасу сербскій агенть узналь, что въ изготовленный тиних образонъ авть не вощель сровъ для переселения турокъ и что для вознаграждения потеритвишехъ во время замъщательствъ нусульманть хогіля поставить круглую сумму, которая пала бы на Сербію. Но всёмъ вевёство было, что хаттишерифомъ 1830 ниначенъ быль срокъ для выселенія мусульманъ взъ княже-ства, в, однаножь, съ тёхъ поръ, прошло болёе тридцати лёть, а не было даже гаранти въ пополнении этого условія. Вибств сь твиъ Сербія должна была платить вознагражденіе за убытки иусульнанъ, а сама, подвергнись грабежанъ и бомбардированію, доякна остаться беез награды, платя противнику круглую сумму из родѣ военной контрибуціи. Желая устранить столь невыгодныя условія, Ристичь обратился къ Мутье съ письненнымъ изложеніснь свонкь мийній по этимь вопросамь. Онь требоваль срововъ для иснолнения Портою ся обязательства и взаниности для анежныхъ везнагражденій. Сербсвое правительство, съ своей стороны, сообщило бёлградскимъ консуламъ, что принимаеть заизчаніе своего агента; но даже французскій консуль высказаль сомнёніе, чтобы желанія Сербія были исполнены. Дёятельность конференція видимо влонилась въ уменьшенію тёхъ выгодныхъ нослёдствій, какія сербы могли ожидать оть іюньскихъ происнестий. Положение русской дипломати после врымской войны и изрижсваго вонгресса относительно Порты не давало ез пред-спантелю въ Константинопол'в такого вліянія, какое нивлъ французеній посланникъ; но и послёдній не могь бороться со всёми препятствіями бевъ поддержин своего русскаго союзника, который общновенно пускаль его въ преніяхъ впередъ себя. Итальян-скій посланникъ, хотя и им'явшій порученіе д'йствовать за-одно съ занитинками Серби, не могъ, по неустановившемуса еще зна-чению своей страны, принимать на себя вниціативу въ нодобномъ дить. Поведеніе прусскаго уполномоченивато вызывало такія норицанія со стороны покровителей Сербін, что князь Горчаковъ, на одномъ собранін представителей великихъ державъ въ Петербургь, счель нужнымъ высказаться противь действій барона очурга, очала нужника высказаться протива данстви спроти Вертера, и графа Гольца, тогданний пруссвій посланника при русскома двера, просила князя «понадить королевскаго, пред-снавители», хом сама онь была также недоволена дарельностію барона, планието въ разръзъ съ его чувствами въ Сербів. Красно-ръчіе Мутье уже оснободило Сербію етъ иногнать тажнать условій, которыя могли быть навязаны ей. И на этоть разъ Мутье удалось, пожертвовавь накоторыни подробностния изъ письменныхъ

объясненій Ристича, выгорорить на посл'ядномъ зас'ядній сроизвъ четыре м'всяца для выселенія мусульманъ. Понимая, напое тажелое впечатятівніе произвело бы на сербевъ вознаграждение туровъ вруглою суммой, Мутье выступнать съ принциномъ нааимности, что было иринято относительно грабежей, но не было принято относительно бомбардированія, ибо Фуадъ-пація объявалъ, что окор'йе оставитъ садразамство, нежели согласится на то. Легко понять, что турки не боялись денежныхъ индержевъ, по опасались признаніемъ права за сербами на денежное возмевдіе дать поводъ къ заключению, что самов бомбардированіе было не законно. Поздибе султанъ выражалъ нам'врещіе вознаградить сербовъ за убытки, произведенные бомбардированіемъ, но только по собственному побужденію. Сербское правительство, однакожъ, отказалось отъ такой награды ¹).

На десятомъ и поолёднемъ засёданія (23 августа—4 сентабра) подиясанъ былъ нанлиджскій протоволь, состоявшій надвёнадцати статей. Онъ предпясывалъ разрушнать укрёпленія въ соколё и Ужицё; турки должны были выселяться изъ Сербін отовсюду и наъ самаго Бёлграда, за исплюченіемъ крёпостей. Воть всё выгоды, принесенных Сербія конференціей: онё были фактическія и притомъ въ юридическоють самклё не новыя. Кромё того, эти выгоды были куплены очень дорого. Прежде всего Сербія должна была отдать знатную часть своей столицы для расширенія и ванцшаго обезпеченія крёпости, должна была занлатить мусульманамъ за убытки, понесенные ими во время смуть, и отказаться отъ вознагражденія за вредъ, причиненный сербамъ бомбардированіемъ. Главный городъ ся остъеся подъ ностоянною угровою пушечнымъ выстрёловъ, что должне было парализовать его торговлю, кредить и промышленность. Государственная насса потериёла за все время зам'янательствъ дефицить въ 400,000 дунатовъ, понрыть который приходысось нутемъ чрезвичайныхъ валоговъ. Наконецъ, выбото бани-бузуковъ въ Шабд'ё, Смедерева и Фетъ-Исламъ получним никамовъ, а бёлградскій гарнизовъ вообще уснанвался.

Самое сообщение рённений конференція въ Бёлградъ предоставлено было сулгану, что онъ и исцелинить посредствомъ особаго фирмана на имя инявя Микаила и бёлградскаго пания. Кромѣ того, отправлены быля: оффиціальное письмо велинаго виевря Фуадъ-наша отъ 5 (17) сентября на имя сербскаго жнязя, вийстё съ вопіей окончательнаго протовола, подписаннаго чле-

1) Cu. "Бонбард. Београда", stp. 79---82 и 198---181.

нами конференцін и заключавшаго въ собё тё ске 12 стакей, ко-торыя пом'вщены были эъ фирманё, и инструкція для губерна-тора б'ялградской прёпости. Фуадъ-паша нав'ящаль князя Ми-ханла, что между Поргой и представителями великихь держань приняты сообщаемыя ему рёшенія по сербскимъ дёламъ; что его величество султанъ благоводидъ признать эти заключенія и извъстилъ о томъ особымъ фирманомъ губернатора бълграденой кръности для согланения съ вняземъ относительно мъръ въ истребленію всёхъ слёдовъ недавнихъ происществій. «Блиста-тельная Порта уб'яндена, князь! висаль великій визирь, что ваша св'ятность найдого въ этихъ постановленіяхъ новое и очевидное довазательство высоваго благоволенія, навое она дёйствительно нитаеть въ сербскону народу. Верховный новелитель нисколько не сомнёвается въ томъ, что почтенный князь, призванный управ-лять сербевниъ народокъ, посвязить всё своя сили развитно его стастія и благосостоянія, оставаясь вёрнымъ основнымъ законамъ и обязанностямъ, которыя признаны и утворждены трактатами. Императорское правительство съ своей стороны не пропустить ничего, — ваша свътлость можете быть въ томъ увърены, — чтоби утвердить свои связи съ княжествомъ на чувстве взанинато дозърія». Тънъ же наставительнымъ относительно Сербін и хвалебнымъ относительно Порты тономъ отличалось и предисловіе къ протоколу конференція. Въ немъ говорилось: «Тавъ канъ происшествія, театромъ для воихъ было въ нослёднее время нияжество Сербія, побудили блистательную Порту сезвать на вонференцію предотавителей державь, поднисавшихь нарижскій договоръ, то они, желая отстранить прежде всего новыя причини въ раздражению, нашли за благо воздержаться оть обстоятельнаго нослёдованія непосредственныхъ поводовъ въ этимъ достойнымъ сожальнія происшествіямъ. А потому они ограничнансь только признаніемъ, что возобновленія дозбранныхъ и благоволительныхъ свощеній между владётельною державой и квяжествомъ имёсть сполнани исладу владытсяваною деральной и вылаестножь налости важное вначение не только для Турців, не и для европейскаго мира, и что необходимо намскать всё средства, годния для до-стижения сей цёли. Они съ удовольствіемъ признали, что бан-стательная Порта гогова влести въ положение дёль, какое до сихъ поръ существовало нъ Сербів, необходимыя перемёны, снособяния отклонить поводы въ несогласіямъ и столкновеніямь и отъ всего сердна желаеть унотребиль вой находящиеся въ ся власти средства для убъядения сербовъ въ томъ, что она испренно заботится объ естественномъ развити имъ благосостояния и имъ авгопомия. Итакъ, на сербакъ делять общанность дать съ окоей стороны неоспорнимя доказательства въ удостовёреніе блистательной Портё, что въ законномъ развитія этой автономін они не индуть средствъ въ разслабленію связи, соединяющей ихъ съ отгоманской имперіей, но, напротивъ, будутъ всячески заботиться объ утвержденія этой связи и утвержденіи природной солидарности, проистежающей изъ общности интересовъ в потребности во вканиной оборонё».

Въ инструвціи губернатору білградской врёности предложены были, между прочимъ, въ руководству слёдующія правила:

«1) Вы внаете, что внутренная администрація сербсваго вняжества исключительно ввёдена князю и его чиновникамь; слёдовательно, вы нивониъ образомъ не должны визшиваться въ дёла, кон относятся въ сербской адменистрации; 2) вы должны дёлять все возножное, чтобы жить въ добромъ согласін съ сербскою администраціей, и какъ вы лично, такъ и валии подчиненные должны оказывать не только князю, но и всёмь его чиновникамъ, всякое уваженіе, на которое они инбють право; равнимъ образовъ и сербы не будуть ни подъ какить предлогонъ вителниваться въ то, что васается врёпости, и будуть овазывать должное почтеніе вамъ, какъ высшему ченовнику блистательной Порти, а также и офицерамъ гариизона; 3) вы не позволите ни одному мусульнанскому обывателю Бёлграда жить виё крёности; 4) вы, при расположении вашей артиллерии, обращенной въ городу, не дадите никакого вида угрозы, которая могла бы безъ нужди обезповонть или напутать сербскихъ обывателей; 5) вы не позволите себ' прибърать въ употреблению артиллерии, развъ въ случат рёлинтельнаго нападенія на врёность, воторую вы имёсте обязанность защищать; липь для необходимой обороны вы можете унотребить артиллерію, стараясь направлять огонь на тё части города, отвуда исходить нападеніе; но и при томъ, руководствуясь всегда великодушными намбреніями его императорскаго величества, вы должны сволько возможно надить городъ, охранению и благосостоянию потораго его величество придаеть величайшее значеніе. Но предварительно обороны вы должни исчернать всё мирныя средства въ изб'яжанію столкновенія, а въ случай необходимости отнора-вы должны извёстнуь о томъ сперва иностранныхъ вонсуловъ, пребывающихъ въ Бёлградё, а потомъ, если возможно, и мирныхъ жителей города».

Итакъ, весь вопросъ, которому серби придавали такое нажное политическое значение, сведенъ былъ понференціей на споръ между сербскою и турецкою администраціями, проистекций отъ наминичат недоразумбній, отъ недостатка инструкцій и отъ вибна-

тельства оббихъ властей въ неподлежавшія ихъ вёдёнію дёла. Тёмъ не менёс, для устраненія стольновеній на будущее время, ивилась необходимость въ переселенія мусульманъ неъ сорбскихъ городовъ и въ вищшемъ укрёпленія бёлградской твердыни. Въ этой, такъ сказать, передёлюё самого Бёлграда и его обявательства и заключались главные результаты конференція. А потому будеть не лишне привести здёсь хотя въ извлеченія первыя цять статей окончательнаго протокола, сюда относящіяся ¹):

«Ст. 1. Порта, съ условіемъ вознагражденія, предоставляеть сербскому иравительству въ собственность всё турецкіе дома и земли внутри Белграда, также какъ стёны, рвы, укрепления стараго города и всё четверо вороть его (савскія, варошскія, станбульскія и видлинъ-капія): все это должно быть срыто, и на всемъ этомъ пространстве серби нигде не должны строить военныхъ укрепленій. Во всемъ Белграде будуть установлены исключительно и единственно только сербскія власти, но молитвенныя турецкія зданія и владбища должны быть уважаемы и остаться въ неприкосновенности. Ст. 2. Порта удерживаеть за собою крыность, воторую она желаеть привести въ достаточное оборонительное положение. Для этого она считаеть нужнымъ существующую въ настоящее время эспланаду привести въ болбе правильный видъ и распирить ее въ нёкоторыхъ пунктахъ, что можно сдёлать безъ неудобства для города на счеть мусульманскаго ввартала. Въ сербскомъ кварталъ не должны быть срнты зданія, принадлежащія церкви (семинарія, архіепископскій домъ, соборъ), равно казь и торговыя улицы; относительно понунки частныхъ домовъ, когорые, по решению сведущихъ людей, будеть необходимо нужно срыть для нополнения эспланады, турецкое и сербское правительства должны договориться между собою полюбовно и даровать «щедрое вознагразденіе». Возведенная такимъ образомъ эспланада остается исключительно собственностью туровъ; на ней не должно внослёдствін быть устравваемо нававого рода вданія, и на ней никто не долженъ жить, даже временно. От. 3. Всяна турками оставленная двеженая собственность должна быть сербани возм'ящена или возвращена туркамъ; за ущербы и убытки, причиненные частнымъ сербанъ, Порта вознаградить икъ. Способь вознагражденія предоставляется дружелюбному соглашенію нежду обония правительствами. Ст. 4. Порта решительно протестусть противь предположения, будто бы вриность, назначенная для защнум страны, ножеть быть почему-либо опасною для правъ;

1) "Трговачке Новине", Ж 94; "Божбард. Веограда", стр. 183-146.

дарованныхъ Сербія, или чёмъ-нибудь угрожать этимъ правамъ; Порта увяряеть въ своихъ оточеснихъ чувствованіяхъ въ вняжоству, нисколько не имбя наибренія притёснять его, или чёмълноо устращать тамошнее население, и въ довазательство своихъ добрыхъ намёрений ссылается на инструкции, внолнё миролюбивыя, данныя ею губернагору врёпостей. Вооруженіе валовъ, обращенныхъ въ городу, не будеть имъть гровнаго харавтера; пушки крёпости будуть употребляемы только въ случай крайности лишь для обороны, но и въ этомъ турки будуть человъволюбиво стараться о томъ, чтобы не причинить значительнаго вреда богатому и многолюдному городу. Порта надвется впрочемъ, что сербы не подадуть новода къ такой прискорбней необходимости. Она преднишеть даже осмотрить, въ вакомъ со-. стояние находятся валы врёпости, привести ихъ лишь въ удовлетворительное для обороны положение и при этомъ удостовъриться: нельзя-ли нанболёе исходящіе въ южной сторонё верви пере-дёлать такъ, чтобы ови менёе были неудобны для города, разунъется, не ослабляя этимъ безопасность врёности. Ст. 5. Смёшанная военная коммиссія опредблить новый объемъ эспланады, собереть на мёстё всё нужныя саёдёнія и представить довладь высовой Портя, а послёдняя благосялонно приметь и замёчанія, вания съ своей стороны сербокое правительство присовокущить къ Этому довладу».

Нёть нивавого сомнёнія, что дипломатія поспённых хоть вакъ-нибудь раздёлить готовыхъ вновь поссориться сербовъ п турокъ и не касаться другихъ вопросовъ, въ виду той ватанугости отношений между ними, воторая особение замъчалась въ вонцё августа и о которой навёстнах Порту возвретивнийся их Константиноноль Вефикъ-эфенди. Въ самомъ дълъ, на объдъ, воторый внязь Миханлъ даваль не задолго предъ твиъ нареднымъ ополченцамъ, онъ образился въ нимъ съ слёдующими словами ¹): «Господа! и въ свимя мирныя времена воннъ есть одинъ изъ нанглавнъйшихъ столновъ государсява, а во времена замбщательства и чрезвычайных обстоятельствъ — вонить есть тоть столпъ, на коемъ почиваеть вся будущиость вемян, а чрезъ то - и ся владблыца. Первое качество такого стояна соспонть вь томъ, чтобы вивогда и ни въ ваномъ случат не дать себя поволебеть. Въ васъ, господа, я вижу такой столпъ для Сербін; BL BACL & BHRRY HUCASHHINK'S NH'S CHROBE, & BO MH'S BLI BHANDO дереаго сербскаго вонна, для воего честь и слава Сербін выние

1) "Tprosause Homme" sa 1862 r., N 81.

всего. Хвала вамъ на оказанномъ усердія при обученія нашего зрабраго войска, въ чемъ а и самъ на онхъ дняхъ увёрилси». Рѣчь эта одушевляла сербовъ на защиту отечества, а между тѣпъ 26-го августа, въ воспресенье, ужиција мусульмано, впавъ въ оскудѣніе послё іюньскихъ событій, волнуемые разнорѣчиним слухами объ ихъ вноеленія неъ Сербія, отврыли ружейную стрѣльбу неъ-за своихъ укрѣпленій по сербсинът обывателямъ и ихъ жилищамъ. Сербы отвѣчали тѣмъ же. Произошла стычва, въ поторой сербы потеряли 2 убитими и 25 ранеными; премѣ того, турки успѣли важечъ сербскій городъ, приченъ сторѣна большан часть базара. По нервому невѣстію объ этихъ происнествіяхъ, бѣлградскій наша отправилъ Али-бен, агента по выселенію туровъ изъ Сербін, въ Ужнцу---и тотъ, раздѣливъ ужиинъ на три отряда, приступилъ къ выселенію ихъ въ Боснію ¹).

Тяжено было положение Михаила Обреновича въ виду ръшеній вонференцін, сообщеннихъ ему Фуадъ-пашой. Затрудненія увеличивались темъ, что самый тонъ доставленныхъ изъ Константинополя автовъ оскорблялъ народное санолюбіе сербовъ. Органъ либеральной партін-«Тргвачье Новине» (№ 91) такъ варазнался о султанскомъ фирмань: «Только-что турки простили черногорцамъ и герцеговинцамъ, тотчасъ же посибщили простить и сербанъ, которымъ разорили городъ бомбардированіемъ и погубили торговлю. Вчера получень здёсь царский берать, коних повелёвается нёкогорынь турками покничих Сербію, а другить оставаться въ разныхъ врёностахъ. Мы не моженъ принять такого прощенія, ибо не заслужням его». Но, съ одной сторени, одиночество Сербія, --- ибо въ это свисе премя побъядена была Черногорія и болгарскія четы разсвяны; на содвиствіе же Румынів в Греців, кот конхъ въ первой все еще ръшался вопрось о политическомъ единстве, а во второй, по негнанія короля Оттона, власть перешла вь руки турнофильской вартія, надежда била плохая; -- съ другой скороны, гропадний жень волога въ Англи, при помощи косто Турци веннула изъ обранценія свои канме, угрожающее кисьмо Джона Росселя въ Миханлу Обреновичу, прізедъ самого Вульвера въ Вілградъ съ настоя тельными требоваными и полная невезноямость разсчитиыть на помощь которой-либо изь покровительствующних дер-

¹⁾ Нересаление это соверяннось уже по получения въ Бигради фирмана и, стоино, по свидинить газети "Трговачке Новине", 30,588 піастровь; кроми того, чусульмане ужицкие остались должны сербскимъ горожанамъ 116,191 піастръ; а ихъ нени не возвратним сербамъ забранное въ разное время тванье и полотно въ количестрі 10,000 араннъ. Срв. № 82, 92 и 128. Т. Н.

жавъ, — все это заставило сербскаго иниза принять онрёдёленыя константинопольской вонференціи или, накъ онъ выразнися въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ своихъ къ Растичу, отложить рёшеніе спорнаго вопроса до болёе удобнаго времени. 21-го сентября (3-го овтября) Миханлъ Обреновичъ отвёчалъ

Фуадъ-пашё письмомъ, въ воемъ выражалось сожалёніе, что въ ностановленіяхъ конференція не приняты во винманіе потери. сербовъ, понесенныя вся в собардирования Балграда, и что, несмотря на то, крёпость еще болёе расширнется, и заявляль предъ Портою, что, по его мизнію, подобныя рішенія не могуть отврыть новой эры для довёрчавыхъ и постоянныхъ связей между Сербіей и Турціей, хотя онъ, съ своей стороны, и принимаеть ихъ, въ видахъ сохраненія мира. Гораздо трудиѣе было князю объявить сербскому народу о такомъ исходѣ дѣла. Въ Бёлградѣ́ извёстно было, что не задолго предъ тѣмъ князь составиять одушевленное воззвание из народу, въ которомъ онъ объявлялъ войну туркамъ. Это воззвание ованчивалось такими словами: «въ 1815 году отецъ мой, явившись предъ вашими отцами, вонзилъ въ землю знамя и свазалъ: «вотъ вамъ я, вотъ вамъ война съ турнами! Теперь предъ вами я, сынъ Милоша, выхожу предъ васъ, сыновей его соратниковъ, съ обнаженною саблею въ ружѣ, отбросявъ отъ себя ножны, чтобы исполнить святую и великую обязанность свою. Милошеву сыну не можеть быть вного пути предъ сербами, вром'й пути въ поб'йдё и слав'ё! Впередъ, братья! впередъ, воины! съ нами Богъ!» Тёмъ не меите, чрезъ три дня послё письма, отправленнаго къ Фуадъ-пашё, Миханлъ Обреновичъ издалъ прокламацію къ народу, въ коло-рой говорилъ, что, принявъ неограниченную власть послё бомбардированія, онъ старался охранить оточество оть дальнёйшихъ оардврования, онъ старался охранить оточество отв дальныналь повреждений его правъ, и что теперь принятыя единогласно Портою и всёми покровительствующими державами рёшенія, хотя и не отвёчающія внолиё его ожиданіямъ, но содержащія въ себб удовлетвореніе нёкоторыхъ, до тёхъ поръ остававшихся безъ вниманія, правъ Сербін, принимаются имъ съ цёлью положить предёлы замёшательствамъ: «и хотя нани справедливыя желанія не исполняются чрезь то, — добавляль инязь, — но съ великою надеждою на милость Божію ожидаю, что поздибе они исполнятся» ¹). Итакъ, въ глазахъ сербовъ вопросъ о врёпостяхъ являлся неразрёшеннымъ и отложеннымъ на неопредёленное время. А между тёмъ ныъ пришлось вскоръ быть свилёте-

288

¹) См. "Бомбард. Београда", стр. 85-96, 181-132, 146-151.

ляни работь международной военной коминссін, воторая должна была установить, на основаніи рішеній канлиджской конференція, вваниныя отношенія между Білградомъ и его врівостью.

Эта коминссія собранась въ Бёлградё въ началё 1863 года и приступила къ совёщаніямъ о расширеніи и регулированіи эсиланизы, отдёляющей крёпость отъ города, а также о томъ, какое миёніе она должна была заявить о перемёнахъ въ укрёпненіяхъ на южной сторонё крёпости, обращенныхъ къ городу. Основою своихъ совёщаній и трудовъ коминссія ниёла протоколъ; задачею ся было, тщательно осмотрёвъ и обсудивъ мёстность, сообщить духу протокола практическое выраженіе---и такниъ образомъ осуществить намёренія, по внушенію которыхъ протоколъ быль составленъ ¹).

Эспланаду, близь Дуная весьма увкую, но потомъ постепенно раслинряющуюся въ направления въ лёвому бастіону, было нужне в можно распространить преимущественно на восгочной сторонъ ничадели, такъ какъ тутъ находился турецкій городъ, который слъдовало срыть. Большинство членовъ коммиссіи признало назначенную протоволомъ липію дальнойшима предблокъ для срытія домовъ, — предізомъ, за который, по мнёнію этого больинниства, не слёдовало переходить, нбо очищать м'естность отъ жилищъ еще далёе не было нивавой надобности для достиженія военныхъ цёлей, особенно при вёрномъ действія новейшей артилерін, хватающей на огромное разстояніе, и, сверхъ того, если бы нерешли за эту линію далёе, то впали бы въ очень важную политическую опнобку, потому что, вмёсто имёмнагося въ виду примирительнаго настроенія, она подала бы поводъ въ ненависти и ожесточению. Напротивъ, существовали важныя причины не простирать срытіе даже до упомянутой протоволомъ назначенной линие, такъ какъ внутри пространства, отдёленнаго ею, находились колебныя и училищныя зданія и жилые дожа трудолюбиваго и мирнаго еврейскаго населения. Поэтому коммиссія рішняясь не разрушаль лежащій въ востову отъ цитадели еврейскій кварталь и выбрала линію, параллельную линіямь врыпости, вдущую оть монастыря дервныей до самаго Дуная в

¹⁾ Членами коминссія били: оть Россія — инженерь-полновникь фонъ-Тидебель, произведенный во время своего пребиванія въ Білграді въ генераль-маїори; оть Пруссін—флигель-адъртанть, подполковникь фонъ-Штруббергь; оть Франціи — генераль-маїорь штаба гр. Андлау; оть Австрія — генераль-маїорь штаба фонъ-Гоффингерь; оть Англік — инженерь-маїорь Гордонь; оть Италік — инженерь-камитань Шарбоно; оть Турція — подкоминсь Мегмедь-Али.

BECTHER'S BEFORM.

проходящую между синагогой и старына развалившинся минаретонъ.

На той части эснланады, воторая лежить из югу отъ цитадели, воммнески оставила въ сущности прежнюю границу и определила срыть лишь весьма незначительную часть сербскихъ домовъ. Здъсь эта граница пла точь-въ-точь по линіямъ, указан-HIM'S BE HOOTOBOIN, BLOSS HAROARBHINKCE TYTE ROMOBE, RO BEIступа эспланады, а потомъ до семинарія. Танниъ образомъ, многіе сербскіе доне и церкви были здісь пощажены, ногонучто не предстояло надобности вменно въ этомъ мъсть расширить эспланаду въ ущербъ городу. Оть семинаріи проектированная комянссіей линія эспланады шла вдоль провежей дороги въ реву Саль. а потомъ, езгибаясь почти параллельно съ крёпостными линіями. но высокому берегу Савы. Но вопрось о срати крелостного равеляна, вдававшагося въ городъ, --- о замбну сго общернымъ илацдарномь и вознагражденія мусульманскихь общаленей за оставленные ими должень быль решиться только по согланенію нежду сербскими и турецьний иравительствами. Для послёднаго регулирование эсливнады было выгодно; а сербское правительство относняюсь почти равнодушно въ отому делу, такъ какъ бонбардирование нанесло торговие и благосостоянию Белграна и всего вняжества столь свльный ущербь, что все остальное сербы, не видя удовлетворенными свои глявных желанія, находили уже не важнымъ. Какія бы ни были сділаны Сербін уступни по этому дёлу, нивакая изъ нихъ не могла имёть въ то время ни налъйней цёны, ноо сотин пушекъ съ валовъ прёности продол-MAJH PROSETS BEATDALY DESDVILLEHIEMS.

IY.

Рёдвій изъ международнихъ вопросова такъ часто обсуждался въ нынённемъ столёгія, какъ восточний: при мадёйшенъ соприкосновенія историческихъ собнтій съ нацинь-либо частныхъ или иёстнымъ интерессить, изъ общей советупности конхъ онт слагается, тотчасъ же въ цёлой Европё начинается нересмотръ цёлаго вопроса, какъ въ его общемъ значенія, такъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ. Всякое дипломатическое иёропріятіе, направленное въ эту сторону, вызываетъ въ дёятельности не только царламентскихъ ораторовъ, но и нолитическихъ писателей, и наибольшую ревность въ этомъ случаё обыкновенно обнаружеваетъ англійская публицистика. Такъ было и послё константи-

240

вонольской конференція, предполаганней своимъ протоколомъ устраннять борьбу между Портой в Сербіей, въ какой могло по-вести бомбардированіе Бълграда. Главные и ожесточенные враги хрисківнской свободы на Востовъ, когда дело идеть о признанія этой свободы путемъ дипломатическимъ, англичане въ то же время умъноть оставить далеко повади себя всъ остальныя нація въ выраженіяхъ сочувствія въ пострадавшимъ, полькуясь для того и наряаментскою трибуной, и литературой, и благотворительностію. Такой образъ дъйствія, усвоенный веливобританскимъ правитель-ствоять издавиа, пущенъ былъ въ ходъ и относительно Сербін носяй неудачи, какую потерийло ся правительство оть вийша-тельства европейской дипломати. Англичане, настоявше на сотельства европейской дипломати. Англичане, настоявше на со-хранени турецкихъ гаринзоновъ въ важнёйшихъ сербскихъ връ-востяхъ, нринялись нотомъ всёми силами доказывать свое сочув-ствіе къ сербскому народу и княществу и даже всячески пори-цать рёшеніе конференціи, предоставляя только двумъ, тремъ ининстрамъ королевы обязанность защищать цёлесообразность иринятыхъ Евроною дипломатическихъ мёръ. Едва сербы успёли прочесть въ газетахъ сворбную провла-

Едва сербы успѣли прочесть въ газетахъ сворбную провла-мацію своего внязя, приглашавшаго ихъ покориться обстоятель-стващъ, какъ уже получены были въ Бѣлградѣ первыя заявленія народиаго сочувствія англичанъ въ ихъ дѣлу. Одинъ вяз госу-дарственныхъ людей Сербін, посланный въ Лондоиъ для овна-комленія съ тамошинии дѣлами, писалъ въ началѣ ноября въ Бѣлградъ, что въ великобританскомъ парламентѣ готовятся рѣ-шительныя пренія по вопросу о положенія христіанъ на Во-стокѣ. Не одна сирійская рѣзня, не греческая только революція, новлекшая за собою въ томъ же году нагнаніе вороля Оттона вот Аснить во онни вонночія въ Босвін и Горцеговнить но и новленный сы сосон из токи не году поглание пороли отгона изъ Асниъ, не одни волнения въ Босвін и Герцеговинѣ, но и интересы сербскаго княжества послужать предметомъ для этихъ преній. Бѣлградская либеральная нечать съ восторгомъ привѣтствовала это извёстіе: «наспольно мы прежде удивлялись, — сва-зано было въ одномъ изъ органовъ сербской либеральной партіи, — что Англія, одна изъ наисвободнёйшихъ націй, обнаружила начто Англія, одна изъ наисвободнъйшихъ націй, обнаружила на-влонность въ пользу систематическихъ угнетеній, чинимыхъ ту-рецкимъ правительствомъ, настолько тенерь радуемся, что и она усматриваетъ необходимость обратить вниманіе на жалостное со-стояніе христіанскихъ народовъ въ Турціи. Не оставитъ ли Ан-глія отнынѣ навсегда свою ретроградную политику въ восточ-номъ вопросѣ, которая находится въ такомъ радикальномъ про-тиворѣчіи съ основными началами ся государственной жизни!» Получено было также извѣстіе изъ Лондона, что тамъ вышла

Тонъ II.-Марть, 1879.

книга «О Сербін и сербахъ», написанная англійскихъ паскоромъ Выліаномъ Дентономъ, незадолго предъ твиъ посвящения княжество, представлявшая сербскій народь и его страну уь благопріятномъ внать и привлежавшая, въ нимъ благосклонность антличанъ 1). Извёстно, что Дентонъ проводиль въ своей влиге такуно мысль: «англійское правительство гораздо болёв повредило свовми действіями христіанамъ, чёмъ помогла имъ Россія». Онъ ссылался, между прочимъ, на примъръ того года: «турещия войска въ послёднее время не могли бы, ---говорилъ онъ, --- воевать противъ независимой Черногоріи, еслибъ не било извёстиваго лондонскаго займа. а этого займа не было бы, еслибъ его не поддерживало британское правительство. Сербский народь, живущий въ Сербія, Боснія, Герцеговинъ, Черногорів в большей части Румелів, глубоко проникнуть стремленіями въ невависаности: въ сербахъ народный духъ пробужденъ точно такъ же, какъ въ любомъ изъ европейскихъ народовъ. Страны между Чернымъ и Адріатическимъ морями полны восноминаній и преданій о старомъ сербскомъ царстив; нынёшніе обитатели этихь венель стремятся обновить свою силу и воскресить свою славу, --- и они это сделають. Англія можеть на вороткое время поддержать въ Турцін правительство, коимъ гнушаются его подданные, но въ вонцвконцовъ эти подданные освободятся, - и въ этомъ состоить истинное рѣшеніе восточнаго вопроса». Бѣлградскія газеты наперерывъ спътили знакомить своихъ читателей съ книгою Дентона, помъщая на своихъ столбцахъ наиболёе интересные для нихъ отрыван изъ нея.

Въ декабрѣ, въ тѣхъ же газетахъ появились въ сербскомъ переводѣ съ латинскаго подлинника письма из митрополиту Михаилу епископовъ, лондонскаго Арчибальда и оксфордскаго Самуила, которые выражали свое сочувствіе къ провославной церкви вообще и сербской въ особенности. Вскорѣ въ Англін начались публичные митинги, переходившіе изъ города въ городъ, гдѣ Дентонъ произносилъ длинным рѣчи въ пользу Сербін и сербовъ, и гдѣ посѣтителямъ предлагались литографіи, представлявшія сербскую жизнь съ различныхъ сторонъ, и изданія Вука Караджича, заключавшія въ себѣ образцы народнаго явыка и народной позвіи сербовъ ⁹).

¹) "Servia and the Servians", by the Rev. W. Denton. London, 1862. На измецкій языкъ переведена бывшимъ пасторомъ евангелической церкви въ Белградъ Клейномъ и напечатана въ Берлинъ, въ 1865 году.

²⁾ См. "Трговачке Новине", за 1862 г., №№ 110, 116, 118, 120, 123, 124, 125 и 180.

А между тёмъ лондонскій кабинеть по-прежнему продолжаль держаться политики, враждебной сербскимъ интересамъ. Изъ Россіи, гдё въ то время сочувствіе къ сербамъ выражалось пре-имущественно оффиціальнымъ путемъ, вскорѣ послѣ закрытія константинопольской конференціи отпущено было изъ старыхъ складовъ нѣсколько тысячъ ружей, которыя сербы думали пере-дѣлать у себя въ крагуевацкомъ оружейномъ заводѣ; чрезъ Россію же провозилось отчасти и заказанное сербами оружіе. Для пріема того и другого высланы были въ южную Россію сербскіе офи-церы, въ томъ числѣ начальникъ крагуевацкаго завода, впослѣд-стнім военный министръ и одинъ изъ регентовъ Сербіи въ мало-лѣтство нынѣшниго княза, Миливой Блазнавацъ. Англійскіе вон-суль провъкаци о томъ: имъ помогло крущеніе одного изъ сусулы провёдали о томъ; имъ помогло врушеніе одного изъ су-довъ, занимавшихся перевозвою----отчасти подареннаго, отчасти кунленнаго оружія. Лондонскіе дипломамы подняли тревогу, и ковт, занималиткся перевозкою—отчасти подареннаго, отчасти кунденнаго оружія. Лондонскіе дипломами подняли тревот, и кордь Россель при свяданія сь русскихь посланняком баро корть Брунновыкь, грузь сь котораго быль снять тотчась же бекь крупеніе корабль, грузь сь котораго быль снять тотчась же бекь кона понтроля со стороны русской и румынской таможень, бекь всякихь препитствій перевезенть на береть. Баронъ Брунно кона новитроля со стороны русской и румынской таможень, бекь всякихь препитствій перевезенть на береть. Баронъ Брунно кона новитроля со стороны русской и румынской таможень, бекь возравня англійскому министру: «сели кы прослёдите про конадение этого грува, то, быть можеть, отвроете, что онк тервий, — говориять бить справеданно, перешельт кь упреками, первий, — говориять онт, — запасается оружіемъ, не мелями Кузат первий, — повориять онт, — запасается оружіемъ, не мелями Кузат первий, — повориять онть, — запасается оружіемъ, не мелями баро кото крупновъ выразнать митине, а касается только ксномений правленнымъ противъ микана. Обреновить, ко сволько ненамине правленныхъ правиять, и покровительствуеть столь незамоней правленныхъ правиять, и покровительствуеть столь свола незаконено правленныхъ правиять, и покровительствуеты столько ксномений правленныхъ правиять, и покровительствующи державы не вийото типосится къ области политический, а не адининстративный, т. стануть выбиниваться во ннутренния дъла Порты и васса, и в сяковъ споръ, то скоро перейдуть за предъям своихъ правъ, къто в княмествъ. По визано Брунновъ, княмо Куза прана, то къто в келедици, а Миханау Обреновачу – опредълить, то кака право объяснить Порть участе, какае онъ приника, то кото право объяснить Порть участе, какае онъ приника, то кото право объяснить престаль способъ вой пересылань. Рос кака колединеньнаето въ семонъ способъ вой пересылань. Рос кака колединень все ати переовори, руминска вакати по кака колединость пересала в селоно соле призи на соружено кото вознательнаето на селоно солособъ воли пересылана.

243

хоты и секвестрованнаго, но дурно охраняемаго ¹). Онъ не отибся: Сербія получила назначенный для нея складь оружія, а придирчивость англійскаго министерства къ этому происшествію дала со временемъ лишній поводъ парламентской оппозиціи къ нападенію на него. Военныя приготовленія для Сербіи были необходимы, потому что Порта не исполняла даже всёхъ постановленій канлиджскаго протокола. Сохранивъ, согласно постановленіямъ конференціи, гарнизоны въ Білградѣ, Шабцѣ, Смедеревѣ и феть-Исламѣ, и срывъ крѣпости Соколъ и Ужицу, Порта и не думала входить въ соглашеніе съ сербскимъ правительствомъ относительно спорныхъ между ними селеній, лежавшихъ на сербскомъ берегу Дрины противъ турецкихъ укрѣпленій Большого-Зворника, именно: о Маломъ-Зворникѣ, Сакарѣ и Радевинѣ, а также относительно форта Кастель (св. Елизаветы) на Дунаѣ, лежавшаго на супротивъ укрѣпленнаго острова Оршова. На всѣ запросы по этому дѣлу изъ Бѣлграда Порта отвѣчала, что наводить сиравки по картѣ, составленной коммиссіею пограничнаго размежеванія въ 1831 году, и сличаетъ ее съ хаттишерифомъ 1833 года и съ самою мѣстностію, гдѣ находились означенныя поселенія. Европейская дипломатія не вмѣшивалась въ эту мелкую распрю, и Сербія продолжала увеличивать свои военныя силы.

Въ это самое время международныя отношенія въ Европѣ значительно измѣнились. Поднявшееся, не безъ содѣйствія Франціи и Англіи, польсвое возстаніе послужило поводомъ къ дипломатическому походу всѣхъ почти европейскихъ державъ противъ Россіи: сама Порта готовилась принять въ немъ участіе. Она не ограничилась, впрочемъ, однимъ канцелярскимъ краснорѣчіемъ въ этомъ случаѣ, но и допустила лѣтомъ 1863 года организацію польскаго отряда въ тульчинскомъ округѣ, пытавшагося потомъ пробраться чрезъ Румынію въ предѣлы южной Россіи. Несомнѣнное участіе не только самой Порты, но и дипломатическихъ агентовъ Англіи въ этомъ предпріятіи, не было въ то время ни для кого тайной²). Это-то самое время и сочтено было въ Лондонѣ нанболѣе удобнымъ коснуться въ парламентскихъ преніяхъ, вызванныхъ греческою революціей и общимъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, сербскаго вопроса, чтобы произвести на сербовъ благо-

¹⁾ Изъ денеши барона. Бруннова гъ русскому генеральному консулу въ Букурештв, отъ 14 (26) декабря 1862 года, за № 264.

³) Волонтеры этого отряда, подъ начальствомъ Мильковича, высадились на румынскій берегь съ англійскаго корабля, какъ говорилось въ депентё русскаго повёреннаго въ дёлахъ при Портё, отъ 6 (18) іюня 1863 г., за № 111, и из донесеніи русскаго генеральнаго консула въ Вукурентё, отъ того же числа, за № 42.

пріятное для англійской политики впечатлёніе и показать восточникъ христіанамъ, что они могуть ожидать изъ Лондена больнаго нокровительства, чёмъ изъ Петербурга ¹).

17 мая, въ палать общинъ произнесъ длинную ръчь Грегори, порицавний политику министерства и объяснявший ее единственно страхомъ предъ Россіей, который онъ считалъ понятнымъ до Крынской войны, и для вотораго, по его инёнію, не было уже достаточных в оснований въ 1863 году, вогда Россия ванята волвеніями въ Польшё, а конституціонная Италія можеть соперничать съ ней въ водахъ Леванта. «Если Англія, - говорилъ онъ, - нокажеть, что она не относится равнодушно въ желаніямъ восточныхъ народовъ, если обнаружить старанія о томъ, чтобы эти народы вышли изъ многов всового принижения, созданнаго турецкимъ варварствомъ, тогда можно надъяться, что прекратятся слухи о русскихъ интригахъ въ этихъ земляхъ. До сихъ поръ ев върнии, что родство русскихъ по народности и въръ съ двужа третами населенія европейсвой Турція долало Россію вездольною и подвергало балканскихъ жителей ся вліянію. Но ныть болёе грубаго заблужденія, чёмъ это. Еслибь вы спросние любого серба, желаеть ли онъ сделаться руссвимъ подданныхь, онь вамъ рёшительно и искрепно отвётнаъ бы, что предвочитаеть свою независимость и свободу русской администраціи. Не должно, однакожъ, упрекать вынѣ Сербію за то, что она прекае была наклонна в предана Россів; нбо еще во время вѣнскаго конгресса, когда сербские депутаты жаловались на турецное варварство, дипломаты сменлись надъ ними и советовали обратиться съ своини жакобами въ Россіи. И съ гревами русскіе сродны во въръ; но развъ Греція, освободившись отъ дурного правительства, обратилась въ Россія? Она ждала и смотрела, какъ нриметь эту новость Англія, и когда греви увбрились, что ихъ кие принито такъ благосклонно, они обратились не въ Петербургу, а къ Лондону... Нанбольшій и нанвърнъйшій способъ къ отнору Россія, - говорнать далбе Грегори, повторяя мысль Гладстона, высказанную 22 апреля 1858 года въ его знаменитой рвин о соединения румынскихъ княжествъ, --- ваключается въ увеличении свободы и силы тёхъ вемель, которыя находятся подлё нея. Необходимо окружить ее живою плотиной, а нёть на цё-

¹) Эти преніз педани били тогда же особоло кинжной, изъ коей им и беремъ нами стідния: "The Debate on Turkey in the House of Commons, on friday, May the 29-th, 1868". With Remarks by "Ph. Christitch, serwian senator" (London, 1868); и въ сербскомъ изложении: "Сриска ствар у Енглеском Парламенту" (у Београду, 1863).

1

1

ломъ свътъ лучней плотины, какъ грудь свободнихъ людей. Если вамъ нужна такая защита противъ Россіи, то вы вооружайте народы свободою и тою силою и благосостояниемъ, которыя свобода приносить съ собою. Не оставляйте же эти народы въ столь жалкомъ состояния слабости и раздора, въ коемъ они до сихъ поръ пребывали; не отказывайте имъ, но дайте то, что сделаеть ихъ вашими друзьями, а Россіи-врагами, накихъ вы не могли бы пріобрёсти ни за какія деньги». Требуя примёненія такой полнтики къ народнымъ интересамъ Сербін, Болгарін, Боснін и Герцегованы, Грегори не желаль, чтобы англичане оставались единственнымъ народомъ между христіанами, который въ союзё съ австрійскимъ деспотизмомъ поддерживаеть варварство, стоящее противь цивилизаціи. Далее ораторъ изображалъ современное устройство Сербін, противонолагая ему прежнюю жизнь сербовь подъ турециямъ владычествомъ; излагалъ исторію отношеній Порты въ сербскому вняжеству съ 1830 года и іюньскія событія 1862 года; сличаль донесенія Лонгвурта о бомбардированія Білграда, благопріятныя для туровъ, съ донесеніями французскаго консула Тастю своему мнинстерству; ссилался на прежнія донесенія англійсьнать динломатовь о негодности турецваго управленія, о жестовости мусульмань, о безчисленныхь страданіяхь христіанъ. Такимъ образомъ, онъ подвергъ разбору цитаты изъ донесеній дорда Стратфорда-Редклифа, Генриха Бульвера, Джона Росселя, консула въ Алеппо Скина, котораго предалъ осмъянию палаты, мостарскаго вонсула Або, солунскаго - Кальверта, смирисваго-Блунта, јерусалнисваго-Фана, Бувурештскаго - Ковса, быградскаго — Лонгвурта, приченъ последнену сильно досталось за его извращение фактовъ. Но всего болбе онъ издёвался надъ Леардомъ, который въ 1863 году защищалъ правительственную политику въ качествъ помощника секретаря иностранныхъ дълъ, а прежде въ описаніи своего путешествія по турецкимъ землямъ жестово поридаль и действія Порты, и владичество мусульмань надъ христіанами. Касаясь Сербін, Грегори особенно сътоваль на то, что англійская дипломатія постаралась сохранить поводы къ дальнёйшимъ столкновеніямъ между Турціей и Сербіей, и рёзко отзывался о письмё лорда Росселя къ князю Миханлу Обреновичу за неточности, въ немъ находившіяся. Въ заключеніе онъ выразилъ надежду, что рано или поздно прекратится политика, приносящая сранъ Англін и несчастіе цёлому свёту. За нимъ говориять Белли Кокренъ, который недавно защищалъ въ палатъ общинъ берлинский трактатъ, поставивший, по его мнѣнію, Россію въ болёе слабое положеніе для исполненія ся замысловъ

на Востокі: и за патнадцать літь предъ тімъ Кокренъ, доказываляній непослёдовательность англійской политики и порицавній расточительность Перты, быль также за сохраненіе Турція, но вийсті сь тімъ и за улучшеніе быта христіанъ.

Далбе слёдовала рёчь того самаго Гранта-Доффа, который из засёдание палина община 29 июля 1878 года такъ строго врытивовать в санъ-стефанский, и берлинский трактиты, сокрунаваніе, по его мнёнію, больного человёта, но не поставившіе на его изсто ничего, что мегло бы жизь соботвенного жизнію, и не убливание вопроса о Константинополь, оставшагося постоянной угровой для европейского мара. «Нани діти, которыя увалть вопрось о Константинополё свова поднятымъ, едва ли поблагодарать нась», --- говорнать Гранть-Доффъ по новоду берлинскаго трактата, и ту же самую мноль выражаль онъ въ рёчи, сказанной въ 1863 году. Изложивъ ввратив исторію отношеній можду Турціей и Сербіей, нуз нопхъ послёдною онъ самъ посёнань, Гранть-Доффь совётоваль правительству стоять за ниторосы христіанскихъ народовъ Турцін и изъ всей программы Пальмерскона сохранить линь одну статью о недопущении России въ Константеноноль. «Въ восточной полнтикъ благороднаго лорда, - говорыть онь, - есть одна часть, которую должни наслёдовать всё англійскіе государственные люди, именно уб'яжденіе, что Рессія никогда не должна получить Константинополь въ свои руки. Это -- нолнтика, которая основывается не только на чувствахъ англійскаго народа, но и на чувствахъ всёхъ западныхъ народовъ; это --- полнтика, которую поеть такъ прекрасно необразнать въ свояхъ синалы «увы вамъ! увы намъ! увы людамъ, которые чувствують и думають, что когда-нибудь надъ Босфоронъ пата славянь будеть попирать землю! 1)». Я надъюсь, что Константиполодь никогда не будеть ноннадлежать ни русскимъ, ни сербсиямъ славянамъ, и сербы внолить правы, не желая имъть этого города въ своинъ рувахъ. Они удовольствуются твиъ, что Константанополь, какь и сайдуеть быть, и какъ, я надёюсь, будеть, наконець, станеть свободнымъ пристанищемъ подъ защитою цёлой Европы и подъ окраной всего цирилвованнаго мира».

Защетникамъ восточныхъ хрисліанъ отябчалъ тогда Леардъ, начавній свою роль цехвалами скёдёніямъ, обнаруженнымъ Грегори, не пооб'ящавъ въ то же время изложить предъ налатою

¹⁾ Alas for you! alas for us! Alas for men that think and feel, If once beside this Bosphorua Shall stamp Sclawenia's fromm heel!

исторію сербсиаго вняжества съ своей точки зринія, болье върной по его мизнію. Началь съ воестанія Карагеоргія и указаль на участіе Порты во внутреннихъ ділить Сербін до адріанопольскаго мира, устранявшаго это участіе, Леярдъ сталь защищать дальнайшее визшательство Порты въ сербсин дала ври Милоша съ той точки зружия, которой держались домание враги этого князя, такъ-называемые старбишены, услёвшіе тогда привлечь на свою сторону и русскую двиломатию. Кака ени въ борьбё своей съ Милошенъ, такъ и Леардъ въ своей ръчи, произносившенся уже по смерти перваго Обреновича, объесняль визшательство Порты во внутреннія діла Сербін необходиностью защищать сербскій народь оть его правителя. Виспарляя вь лежномъ своть событія 1835-1845 годовь, едияственно сь цвлію нападенія на Милоша, онъ умыниенно держался въ своей рёчи той полилики, посредствомъ доторой увлевли нёкогда противники неслёднаго русскую дапломатію въ разрыву съ первымъ вняземъ Сербія, усвёли назвергнуть его самого и его сыновей, что послуживо из подрыву русскаго же вліянія из Сербін. За то онъ всёми сидеми восхваляль Алевсандра Карассоргіовича, сибнившаго Обреновичей, при которомъ, по ироничесному выражению Ленран, нако и не слыхаль о Сербін вь теченіе двадцати лівть: и двістрительно, при Карагеоргієвний Турція и Австрія безнаназанно ховяйничали въ Сербік при помощи преданныхъ ниъ старбининъ. Англичанних Леярдь, восхвалая Карагеоргіенича и поридая Обреновичей, сошелся такимъ образомъ съ мадаяронъ Каллаемъ, излонившень въ недавное время историю Сербін именно съ этой точки зрънія 1). Неудивительно, что Леарду не вразилось изгнавіе Карагеоргіевича изъ Сербін, и что въ действіяхъ Обреновичей, возвратившихся въ Белградъ, онъ видель угрозу не только Портв, но и европейскому миру. Онъ обвиналь иника Миханла. въ нам'врение стать во глава славанскато движения на Балкансвоиъ полуостровь, и все событія нослёдвихь годовь, совернившіяся въ Европейской Турція, считаль мазванными сербскею интригой. Само собой разумбется, что Лепрдъ, высказывая такее NEBRIG. HE CHITALS HYZHIMS HOLEPBULETS END BARRAN-INCO HHUNE фактами, вром'в донесений подчиненныхъ ему консуловъ. Изъ послёднихъ онъ особенно защищалъ Лонгвурта, не забывъ указать при этомъ и на посылку оружія изъ Россія въ Сербію. Въ

¹) На річь Леярда тогда не составнах дільныя возраженія члень государственнаго совіта Сербін Филиппъ Христичь, которыя и были навечатани казъ при англійскомь, такъ и при сербскомъ изданія нарламентскихъ предій.

-

заключеніе своей рёчи онъ вообще поряцаль правленіє князи Мяхаяла, считая его обременительнымъ для такой маленьной страны, какъ Сербія, и словно для противеноложенія приводиль всё мёста наъ консульскихъ донесеній, гдё восхвалялись дёйствія Порты, наъ чего выкодняъ вавлюченіе, что политива Англін была благеразунна, человёчна и стремилась въ счастію христіанъ на Востовѣ.

Лепрду отвёчаль многіе нез членовь палагы: прежде всего Магиръ опровергалъ мысль, что Турція дёлаеть постояцине усибки на пути цининаціи; далбе Сеймурь выражаль неудовольствіе вообще по воводу авглійской политики относительно восточныхъ христіанъ; затёмъ Генрихъ Скотть приводиль тё ийста ная поисульскиха донессний, которыя противорбчили утверждениямъ Леарда; но сильные войль возражиль ему Кобдень, который, приступных премо из вопросу о сербскихъ прилостяхъ и изложных событи, преднествовавшия бомбардированы Билграда и сопро-BERTABBRIS CTO, HIPHXOANAT IS CARAKOTODID, TTO ROBBIOCTE ACAMERI быть разрушены. Разбирая извёстія англійскихъ консуловъ, Кобдень услыть доказать, что эти извёсти были благонріятий хойстівнамъ, пова дондонскій кабинсть не сдёлаль виз приличныхъ внушеній, посл'я чего харалтерь допесеній изм'янныся, склоннысь въ пользу Турцін; не, песмотвя на талое давленіе со стороны лондонскаго министерства, въ консульскихъ долесовнихъ все еще понадались невестия, не одобравшия Порту. Особенно неотразвини были вападенія Кобдена на сообщенія Ленгвурта, который съ порыхъ годовъ своей данломатической дъятельности, слъдя съ сочувствень за борьбою казазескихъ горцовь съ Россіей, сталъ непримиримымъ врагомъ послёдней и, говоря о туркахъ и восточныхъ хрисланахъ, всюду исвалъ и видълъ едив только русскія интриги. Воспользованинсь затёнь св'яденіяни о турецкомъ унравления, заниствоваления оть разныхъ путенествениямовь, Кобдень заставних Леярда согласаться сь его инвніемь о турнахъ. Въ заялючение онъ изображалъ печильное положение турец-REXT OFFICER & ROCTELEBROE HARCHIE TYDORL, OTBODIS. I BENEVID возможность революцій въ придунайснихь земляхь послё разруненія Турція и выслазываль только желаніє видать Англію и Францію въ тёсномъ союзё между собою на такой случай. Манистерство не мегло возражать на ричь Кобдена во всемъ ся объемъ. Только Гладстонъ защащаль дъйствія правительства отъ упрековь во вибшательстве въ сирійскія дела и въ финансовое положение Турцин. При этомъ онъ высказалъ мысль, что котя дипломатія и должна предоставить свободному развитію отнонне-

нія туровъ къ хрискіаванъ, но обязана соблюдать существувеще грантаты. Пренія заключнять членъ палагы Грифить, настанивавній отъ имени своихъ товарящей на мысли, что пребывание турецкаго гарнизона въ Бѣлградъ угрожаеть евронейскому миру.

Всё эти отвывы государственныхъ людей Англи о восточинхъ делахъ вообще и сербскихъ въ особенности тогда же сообщены были въ бёлградской газеть «Видовданъ», и, кроит того, въ ней была напечатана слатья, направленная противъ рёчн Леярда, особенно противъ исторической части ен, гдъ норицалось правленіе Обреновичей ¹). Эти парламентскія пренія ободрили сербовъ, умядавшихъ, что въ Екропѣ интересуются ихъ отечествомъ и ведутъ споры о его судъбѣ. Но само собой разумбется, что политические вожди сербскаго вняжества не могли BORLAFATS BCE CROH VHOBAHIS HA SETLINCHUNG ADVSCH, BARL HARLвали въ Бёлградъ нёкоторыхъ изъ ораторовъ, рённевшекся замоленть слово въ палатъ общинъ за сербские интересы. Сорбія сана должна была позаботиться о своей будущности и въ тихомолку ведготовляла свои военных свлы. Пуглавая Порта провёдала о томъ, при помощи своихъ благопріятелей, состоявшихъ въ сношеніяхъ съ бълградскимъ пашею, и мёсяцъ спустя носяб иреній англійскаго нарламента протестовала протявь вооруженія Сербін. Она увёряла, что Сербія ностявила на военную ногу до ста тысячь человінь, устронов по турецинив границамь до семидесяти шанцевъ, и что боде 1,500 человъкъ занати постоян-ными работами въ ез арсеналахъ. Въ то же время Порта жаловалась повровительствующимъ державамъ, что вопросъ о вовнаграждении удалившихся взъ Сербін мусульманскихъ общвателей за оставленныя ими жилища остается неразрёненнымъ, что мусуль-MAHCRIA BJAGORMA H HEBROTOPHA MOTOR OGPAHIONI CEPOANN P5 магазним и харчевни, и что не только сербская нечать, но п иностранная нападають на турецкое правительство. Гарашаничь отвёчаль на эти упреки чрезь Ристича, оть 4-го іюля. Онь увераль, что набрано только 800 новыхъ рекруть, и то очередныхъ, ИЬ ЗАМВИБ ОТСЛУЖИВШИХЪ СВОЙ СРОИЗ; ЧТО ВСВХЪ РАСОЧИХЪ ИЗ оружейномъ заводъ считается не болье трель соть, поторие и занаты исправленіемъ стараго оружія; что никакихъ мечетей, владбища и домова никто изъ сербова не трогала, а если нёвоторые и заняты, то по договору съ ихъ хозяевани; что сербская

¹⁾ Въ вишеномянутонъ сербскомъ изданія парламентскихъ преній, кром'я этихъ вокраженій, перепечатаны также благопріятных для сербовъ статьи газоть: "Times", "Daily News", "Examiner", "John Bull", "Spectator".

нечать горавдо сдержаннёе константинопольсной, что переговоры о вознагражденія мусульманскихъ владёльцевъ остановникъ вслёдствіе препирательствъ о Маломъ-Зворникё и о районё бёлградсвой крёпости. Порта не успоконлась этими объясненіями и представила жалобу на три статьи, ном'йщенныя въ «Видоаданё», изъ конхъ въ одной защищались д'йствія сербскаго князя, въ другей упоминалось о турецкомъ фейерверкё, устроенномъ въ бёлградской крёности и причинившемъ пожаръ въ сос'ёдней чаоти города, а въ третьей сообщалось о турецкихъ жестовостяхъ въ Сераевъ.

Не вступая въ безполеаныя объясненія съ Портою по поюду нодобныхъ жалобъ, сербское правительство увёдомило въ акустѣ Порту, что ниъ назначены въ члены сиблианной граддансвой коммнесія, согласно пятому параграфу протовола въ Канлиджѣ, сенаторы Гаврінлъ Еремичъ и Димитрій Црнебарацъ. Перта уполномочила съ своей стороны засйдать въ этой коммиссіи того же Мехмедъ-Али-бея, воторый былъ членомъ военной коммиссія. Такимъ образомъ, политическій вопрось объ удаленіи турецкаго гаринвона неъ бълградской врёности дошелъ до простей коммерческой сдёлян между Портою и сербскимъ правичельствомъ, имѣнней своимъ предметонъ аданія и земли, новинутыя мусульманами. Неудивительно, что даже австрійскій иминотръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рехбергъ, въ своей бесбядъ съ русскимъ поябреннымъ въ дѣнахъ Кноррингомъ ¹), происходившей 13 (25) актуста 1864 года, замѣчить, что Сербія заслуживаетъ всявой похимы за ся мирное и спокойное настроеніе, хотя и окружена отовсюду онасными елементами, нибя предъ глазами дурной приибръ въ поведенія князя Кузи. Австрія въ это время, не считая для себя онаснымъ соперничество Россіи на Востокѣ, опасалась голько постоанно усиливанилося тамъ внянія Франція. Напенотъ на въ то время постоянно тверднять преръ своихъ агентовъ и въ Букуренитѣ, и въ Білградѣ, и въ Цетиньѣ, и въ Асеннахъ, что Франція готова качески номогать восточнимъ христанамъ.

Въ Лондонё знали о всёхъ этихъ происвахъ французскаго императора, но опасанись еще болёе русскаго вліянія на Востокі, и лучшіе ноъ англійскихъ политиковъ начинали склоняться въ новноу рёпштельнаго попровительства сербамъ. «Оставниъ Сербію, --говорилъ одинъ изъ англійскихъ публицистовъ, -- подъ верховенствемъ Порты безъ всякаго другого попревительства, пром'й того,

¹⁾ Изъ денения его отъ того же числа, за № 915.

1

воторое серби могуть почерннуть въ своей снай и въ своемъ благосостояния. Они хотять сами устроить свои отношения въ Порть и не требують иноземнаго визшательства. Независимость они пріобрёли себё сами, съ оружісить въ рунахъ, и сами съумъють сохранить се. Она вдуть спокойнымъ, но върнымъ шагонъ внередъ съ тёхъ поръ, какъ сверган съ себя турецкое нго. и обязаны своеми успёхами собственному національному характеру, который отличается многими замёчательными свойствами: непоколебниких отремлениемъ къ независямости, достойнымъ уваженія трудолюбіемъ, чистою в твердою нравственностью, и въ этомъ отношении состоять въ ревсомъ протяворечия съ другою, болйе облагодётельственною державани, націею, гревами, съ которыми они одновреженно, только при совершенно иныхъ условіяхъ, начали борьбу за независимость. Сербы сохранили и постепенно улучшили пріобритенныя ими свободныя учрежденія; ови не завели у себя дорого обходящагося, биестящаго двора, они не истощають своихъ средствъ на дипломатическія миссін, на безполезныя государственныя должности, на публичныя развратикия места, не перенимають у Европы дурныхъ модъ и порововъ. Поэтому у няхъ нътъ государственнаго долга, и подати установлены умвренныя; ежегодный государственный доходъ ихъ совершенно достаточенъ для покрытія всёхъ расходовъ. Воспитаніе юношества у нихъ быстро совершенствуется, внутреннее спокойствіе страны вполнѣ обезпечено. Сербы состоять лучшими представителями мощнаго племени, которому безъ сомнёния суждено играть въ исторіи велиную роль. Пусть же они сами развивають свои учреждения, не допустных оковывать ихъ гарантиями и чуждынь вибшательствомъ, и въ такомъ случай скоро наступитъ время, когда восточный вопросъ будеть ришенъ лучие и полние, чёнь при нособія какихь бы то ни было придуманныхь диплонатіей иногосложныхъ системъ» 1).

Помимо разногласія между великими державами относительно политини, накой слёдовало держаться въ сербскихъ дёлахъ, винманіе, а стало быть и вмёшательство Европы, отвлечено было отъ Сербін другами, болёе важными событіями. Истощался матеріалъ для дипломатической переписки, представившійся вслёдствіе польскаго возстанія, начинался Шлезвитскій вопросъ, поведшій къ войнё между Даніей съ одной сторовы, Пруссіей и Австріей--съ другой. Совийствое занятіе Шлезвига и Голштейна войсками двухъ великихъ державъ, входившихъ въ составъ германскаго

1) Cu. "Quarterly Review", vol. 97, p. 284-286.

союза, создало соперничество между ними; а вопросъ о преобравовании германскаго союза вызваль, наконець, и ту войну, которая нережістила центры политическаго равновісля въ средней Европі. Всв эти европейскія событія вийли важное зваченіе и для Сербія. Выщая съ успёхомъ наъ диплоначической борьбы, отвричинейся по поводу польскаго ворстанія, Россія могла уже свободнёе относиться въ другимъ международнымъ вопросамъ. Пруссія, обра-зовавъ съверо-германскій соювъ, явилась могущественною силой, о которую должна была сокрушиться политика Наполеона. Австрія, витьснениая изъ германскаго союза, потерявная Лонбардію и иснитавшая финансовыя затрудиенія, не могла уже имъть прежняго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Но еще не выяснилесь окончательно вознаний нас этихъ войнъ международния отношенія, и вь эти годы неопредвленчаго положенія и колеблющейся политиян-Балканскій полуостровъ предоставленъ быль самому свой. Желаніе англійскихъ публицистовъ, чтобы судьба восточныхъ христіанъ устронвалась помимо всявихъ постороннихъ визшательствъ, исполнялась въ силу самыхъ событій, в Сербія но мёрё сназ и средствъ своихъ воспольвовалась танниъ положеність дёль въ Европе.

Отврывая народную скупщену въ автуств 1864 года, князь Миханлъ такъ изображалъ въ своей рёчи къ народнымъ представителянть визливія отнониевія Сербін: «Мы пережили тяжкія времена съ тёхъ поръ, какъ я закрылъ послёднюю скупщину. Наше отечество было потрясено бомбардировкою нашей столяцы, и едва было не возникли событія величайней важности. При посредничествё покровительствующихъ державъ, дальнёйшее столк-новеніе было отвращено, а потомъ между Высокою Портою и велинии державами было заключено въ Константинополв соглашеніе, которое, какъ я уже ваявиль въ моей прокламацін, оть 24 сентября 1862 года, котя не вполнё соотвёнствовало нашнить ожиданіянь, однако повело въ тому, что наши права, до тёхъ перь неуважаемыя, темерь осуществляются. Сверхъ того, Сербія дарованы нёкоторыя новыя обевиеченія и вытоды. Не всё еще ностановленія Константинопольской конференція выполнены. Хотя турин, жившіе вив криностей въ Билгради, Шабці, Ужици и Соколи, удалились изъ Сербін, а криности Ужицкая и Соноль-ская срыты; однако изъ Малаго-Зворинка и Сакара турки еще не выселились, и не срыть еще Кастель, представляющій важную пом'вку сухопутной торговлё и судоходству по Дунаю. Равнымъ образоиъ вопросъ о бълградскомъ препостномъ районе еще не рёшень, и смёшанная коммиссія, которой поручено опредёлить

суныу вознагражденія за новинутую турнами недвижницю соботвенность, еще не кончила своихъ занятий. Тънъ не менъе я не перестаю настанвать, чтобы всё постановления Константинопольской конференція были какъ ножно скорбе выполнены. Очень естественно, что увоманутыя нами присворбные событія должны были выменить наши отношения въ Порте, но, по счастию, я могу свавать вамь, что отношения эти стали улучшаться. и я буду стараться, насколько это оть меня зависнть, чтобы они постоянно улучнались, вбо ожидаю оть того благихъ послёдствій для налнихъ взалиныхъ витересовъ. Къ сомалению, несотественное и тягостное положение, въ какое ставить нась то обстоятельство, что турки продолжають удерживать за собою нёкоторыя врёщости, препятствуеть намъ пользоваться плодани нашей доброй нолитики. Но когда я сравниваю вредное дъйствіе врёвостей съ вигодами, которыя должны произойти оть перемёны такого порядка вещей, тогда я предаюсь надеждё, что блистательная Порта должня будеть, навонець, убёдиться, что удовлетворение и усповоение Сербін послужить гораздо болбе въ защите самой имперін, нежели врёпости, воторыми она владёеть на нашихъ границахъ». Воснувшись далбе матеріальныхъ средствъ, которыми Сербія могла поллержать свое полнтическое положение, князь сназаль: «Три года только прошло съ техъ поръ, вакъ мы решились ввести у себя народное войско, -- теперь я когу сказать вамъ, что у насъ уже есть хороню устроенное войско. Благодарю народъ за его усердіе, доставившее мні возможность достигнуть столь прекраснихъ результатовъ въ такое короткое вреня. Я, съ своей сторены, ностоянно заботился и буду ваботиться, чтобы наше войско было возможно большее, а народныя тягости оть того возможно моньнія. Но не сл'ядуеть забывать, что безь труда ничто не создается. Когда мы завели народное войско, намъ принисывали разния намбренія. Но теперь оно уже существуеть, и каждый можеть удостов'вринься, что оно никому не гровить опасностью, а служить только поддержвою перядна и законности» 1). Народная скупщена, выразных въ отвётномъ адресё князю сётованіе, что постановленія Константинопольской конференція не удовлетворили всёхъ желаній сербскаго народа, такъ высказалась о народномъ войски: «Оно-наша надежда и опора порядка и законности въ земий. Вашей Свётлости им моженъ изъявить за эту нёру только благословение отъ вмени нашего и тёхъ, воторые насъ послани.

¹) Си. Протоволи редовне народне свупитиле, држане 1864 године у Београду (Б., 1864), стр. 2-8, 6.

Какія би намёрскія ин принисывались мёрамъ, предпринятымъ для преуспёвнія отечества, ты, свётлый господарь! не оставляй пути, конмъ нешель для счастія Сербін; народь всегда будеть педеё тебя и на тебя. Ты устрояль Сербін вейско; ты даль этому войску сружіе въ руки. Цёть словъ, конми бы мы могли выразить тё чувства удовольствія и гордости, которня, при мысли обо всемъ этомъ, одунісвляють весь сербскій народь ¹).

Въ четвертожь засёданий скупщины представленъ быль, нежду прочимъ, и отчетъ нинистерства военныхъ дъль объ его дъйствияхъ за послёдніе три года. Въ этопъ отчетё изложены били всё нерныя заботы, умотребленныя сербскимъ правительствомъ на устройство въ вняжествё народнаго войска. Тотчасъ же послё Преображенской скупнены вризтуплено было из нерениси наредных опелченцевь; когда они были раздилены на команды, разосланы били учителя въ нимъ; но едва тольно началось обученіе, какъ произоніло бомбардарованіе Вілграда. Это событіе еще болёе убёдно всёхъ въ необходимости инэть народное войско. Первою заботою князя было надлежащее вооружение на-роднаго войска, и ко времени Успенской скупщивы мервый иризынь войска, и ко премени эспенской скупцины первых иризынь войска быль снабаень хорошнить оружіень. Обращено било винианіе, чтобы распредіженіе народнаго войска и росин-саніе сборжыхъ ийсть для него соотрётствовали містнымь условіянь страны. При обученія, ополченцевь знакомили превмущественно съ тёми прізмами, которые шли въ роду ихъ вооруженія. Пушечно-лятейный заводъ совершенно переустроенъ. При немъ отврыта лабораторы. Учреждены понтонеры, воторые занимались устройствоиъ постоянныхъ и нередвижныхъ мостовь, вакъ въ стратегическихъ, такъ и въ торговыхъ пунктахъ Сербін. Близъ Дюнвша устроены вазарны для одного понтоннаго отделения. Число нолевыхъ и горныхъ батарей вначительно увеличено. Артналерійская прислуга обучена въ прицъльной стръльбъ ваз пушекъ и овазала большіе успёхи вь томъ. Во многахъ мёстахъ княжества устроены пороховие магазаны, а также вонюшни в склады для всякой амиуницін. Оружейный заводь вь Крагуеваць такъ распыренъ, что можетъ провзводить вой военные припасы своро, удовлетворительно и дешево. При заводѣ открыта ремесленная шнола на сто восинтанняковъ, и со временентъ число вностранныхъ мастеровъ въ Сербін должно значительно уменьшиться. Учреждается при войскв перевозочное отделение и установленъ инвалидный фондъ, въ польву воего обращены остатки

1) Тамъ же, стр. 14.

оть различныхь сбереженій. Военное министерство не уномянуло въ своемъ отчетѣ о постояниемъ войскѣ, существовавшемъ въ княжествѣ издавна. Въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчъ, этотъ отдѣлъ сербской армін состоялъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты по четыре роты въ каждомъ, одной роты егерей, двухъ эскадроновъ князалеріи, четырехъ батарей полевой и такого же числа горной артиллеріи и одной роты ионтонеровъ, всего около 4.000 человѣнъ. Что касается народнаго войска, то оно въ полиомъ составѣ своемъ могло доходить въ то время до 70.000 человѣкъ; по крайней мѣрѣ, на такое число людей ниѣлосъ болѣе или менѣе удовлетворительное вооруженіе. Кавалерія и артилерія для народнаго войска набирались въ то время прениущественно въ бълградскомъ и крагуевацкомъ округахъ; остальные доставляли нѣхоту. Остается прибявить, что съ 1864 года въ Бѣлградѣ появился спеціальный военный журналь ¹).

Въ сайдующіе годы устройство народнаго войска продолжалось. Опо было уравшено съ постояннымъ войскомъ въ деле обученія и управленія. Для этой цвли устроены были офицерскія школы вь Белграде и Крагуевана. Въ 1866 году отврыто било выженерное отдъление. Военно-техническия заредения въ Крагуеваці значительно расширены и число воспитанниковъ въ военно-ремесленныхъ школахъ увеличилось. Въ ибстечий Майданновѣ отврыта руда, в всѣ добытые въ ней металлы: мѣдь, олово, свянецъ -- обращены на военные заводы. Навонецъ, введено лагерное обучение для всего народнаго войска въ различныхъ итехностяхъ кважества, находившехся въ райовахъ штабнаго управленія отдёльными отрядами этого войска 2). Тавъ въ течевін шести лёть сформировалась въ Сербін армія, состоявшая неъ постояннаго войска, изъ двухъ призивовъ народнаго ополченія съ различными служебными отдёлевіями, и доходившая въ 1867 году до 100,000 человвать.

Военным приготовления Сербін пришлись во времени. Ударъ, гроенвшій Австрін со стороны Пруссін, делженъ былъ отразиться волненіями на ближайшемъ Востовъ. 1866-й годъ, столь обильный важными послёдствіями для Евроны, былъ рёшительнымъ и въ жизни христіанскаго и мусульманскаго Востова. Паденіе румынскаго внязя Кузы было первымъ происшествіемъ, обратвъ-

¹) Тамъ же, стр. 64---66. Срв. "Војнье, лист за войне науке, вештине и новости", изд. проф. Драгашевиченъ, въ коемъ помѣщались свѣдѣнія о сербсковъ народномъ войскѣ и его маневрахъ, о военныхъ учрежденіяхъ и школахъ.

^э) См. Протоволи редовне народне свупштине, држане о мнолодне 1867 године, у Крагуевцу (Б, 1867), стр. 242-244.

инить снова вниманіе дипломатія на Турцію. Въ Парижѣ открылась конференція для устройства румынскихъ дѣлъ. Франція есобенно нужно было содѣйствіе Россія въ этомъ случаѣ, ибо кліяніе послёдней на христіанскомъ Востокѣ въ то время значательно возрасло; разсчитывать же на вмѣшательство въ дѣла балканскихъ народностей со стороны Австріи, Италія и Пруссія было нельзя: онѣ готовились къ великой войнѣ. А такъ какъ Франція и Россія болѣе или менѣе благопріятствовали восточнымъ христіанамъ, то сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Илы Гарашанинъ, и рѣшился написать (отъ 15-го февраля) диплонатическому агенту вняжества въ Константинополѣ Іовану Ристичу, что намѣренъ похлопотать о томъ, чтобы срыты были, по крайней мѣрѣ, укрѣпленія въ Шабацѣ, Смедеревѣ и феть - Исламѣ, а если Порта согласится, — то, можеть быть, князь Миханлъ Обреновичъ и прибудеть въ Константинополь ди представления султану, чего уже давно желала Порта. Но Ристичь, предъ главами котораго происходили всѣ явныя и тайныя сношенія во время канлиджской конференціи, разсматриванией вопрось о сербскихъ крѣпостяхъ послѣ бомбардерованія Бѣлграда, зная, что международныя отношенія въ Европѣ вемѣнынсь съ тѣхъ поръ къ выгодѣ восточныхъ христіанъ, думалъ иначе: онъ первый наъ сербскихъ политиковъ конъранана, чтобы поставить рѣшительнымъ образомъ весь вопрось о сербскихъ крѣпостяхъ и турецкихъ гарнавонакъ, въ нихъ пребывавшихъ.

воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы поставить рівшительнымъ образомъ весь вопрось о сербскихъ крівностяхъ и турецкихъ гарнизонахъ, въ нихъ пребывавшихъ. 27-го февраля 1866 года, І. Ристичъ представилъ русскому посланнику генералу Игнатьеку, успівшему въ непродолжительное время по назначени на свой пость пріобрёсти значительное вліяніе въ Константинополѣ, общирный мемуаръ, въ которомъ указывалъ на недоконченность рівшеній конференціи 1862 года, на упадовъ торговли и промынленности въ сербскихъ городахъ со времени бомбардированія, на выселеніе изъ нихъ капиталистовъ и ремесленныхъ людей, опасающихся всегда возможнаго повторенія событій 1862 года, и доказывалъ, что быградская крівность, невходящая въ общую линію обороны для турецкой вниеріи, важна только для одной Сербіи. Между тімъ, содерканіе турецкаго гарнизона въ ней обходится Порть 50,000 дучатовъ ежегодно, что поглощаеть ³/з той дани, которую Турція получаеть оть Сербіи; притомъ же Порта не заботится о поправкѣ укрівценій, годъ оть году разваливающихся и дізающахъ существованіе бълградской цитадели безціальнымъ. О другихъ кріностахъ и говорить нечего: онів давно уже потеряли Томъ ІІ.-Марть, 1879.

значеніе прочныхъ военныхъ укрёпленій и служать только устрашеніемъ для мирныхъ жителей и пом'ёхою для м'ёстной промышленности и торговли. Воть почему передача врёпостей сербскимъ гарнизонамъ была бы выгодна и для Турція, и для Сербін. Еслибъ Порта рёшилась на это, то сбылось бы ся дав-нее желаніе — сербскій внязь явился бы въ Константинополь заявить предъ султаномъ свою преданность и готовность служить общимъ интересамъ имперіи ¹). Копію съ своего мемуара г. Ристичъ отправилъ въ Бѣзградъ въ министру иностранныхъ дѣлъ Гарашанину, доказывая, что политика не имъетъ разъ навсегда установленныхъ правилъ и что надо пользоваться всёми обстоятельствами, пока не получится успёха, причемъ указываль на примъръ Италии, усердно добивавшейся Венеціанской области. Вмёстё съ тёмъ онъ отвёчалъ на запросъ Гарашанина о путешествін внязя въ Константинополь. Разрушеніе трехъ меньшихъ врёпостей, по его мезнію, не стовло такой жертвы, ибо онтв безъ Бѣлграда не виёють никакой цёны. «Ограничившись только требованіень трехъ укришленій и оставивь въ сторони Билградъ, --писаль Ристичь, -- мы бы свели свои требованія на minimum и пропустили бы случай поставить на видъ главный вопросъ. За два года предъ симъ, мы не согласились на разрушение одной только части бёлградской крёпости, называемой полумёсяцемъ, дабы не отказаться оть правъ на цёлую врёность. Такъ и теперь: ограничить требованія Шабцемъ, Смедеревомъ и Феть-Исламомъ—значило бы измёнить программу сербской политики». Бёлградское министерство вполнё согласилось съ мыслями Ристича, и въ апрёлё предсёдатель государственнаго совёта Мариновнчъ уже отправился въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ и предста-вилъ мемуаръ о всёхъ крѣпостяхъ, сходный съ мемуаромъ, ко-торый былъ поданъ Ристичемъ Игнатьеву. Обѣ эти попытки остались безъ ближайшихъ послёдствій; но оне важны были тёмъ, что для самого бёлградскаго правительства виясиндась его будущая программа.

А между тёмъ, дёла на Востовё все болёе и болёе приходили въ замённательство, хотя это нисколько не уменьшало надменности Порты. Такъ, на постоянныя требованія сербскаго агента, основанныя на хаттишерифё 1830 года, возвратить Малый-Зворникъ — Али-паша отвёчаль, что князь сербскій дол-

¹) Всё свёдёнія о переговорахъ сербсваго правительства съ Портов объ уступиё правостей, какія читатель найдеть здёсь, ночерпнути нами нез добументовъ, хранящихся въ бёлградскихъ архивахъ.

жень просить о томъ великаго визиря письменно, какъ о милости. Сербский агенть отказался передать въ Бълградъ такое требованіе; а въ Сербію писаль, что письмомъ виязя въ великому низирю, однакожъ, въ болъе достойныхъ выраженіяхъ, можно воспользоваться для болёе важныхъ цёлей. Въ то же время Ри-стичъ постоянно совётовалъ Гарашанниу держать вопросъ о врепостахъ отврытымъ, заявлять о немъ публично и не ослаблять никакнить колебаніемъ, ибо Порта все болёе и болёе начинаеть соенавать тяжелое давление обстоятельствъ. Донесения Ристича, воторый сообщаль въ нихъ подробныя свёдёнія о иножествё затрудненій, безпрестанно возникавшихъ на Востокъ, о готовившенся воэстания въ Критъ, о тайныхъ дъйствіяхъ прусскихъ агентовъ, сновавшихъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи и вообуждавшихъ христіанское населеніе ихъ въ возстанію съ изаью загруднить тёмъ и Австрію, съ которою Пруссія собяралась воевать, - донесенія эти дали поводъ князю Миханлу вызвать Ристича въ Белградъ для личныхъ объяснений. Ристичъ явился въ началё октября и представиль предложение о томъ, чтобы сербское правительство потребовало отъ Порты сдачи врёностей формальнымъ образомъ. Если Порта отважетъ въ требованін, то она тёмъ облогчила бы положеніе Сербін на случай, еслибъ врёпости пришлось брать оружіемъ; но Ристичу представлялся болёе вёроятнымъ такой случай, что Порта, подъ давленіенъ обстоятельствъ, все болёе и болёе ухудшавшихся для нея, сама передасть врёпости сербань. Князь Миханль, разсмо-трёвь это предложеніе, уб'ёдился, что образь д'ёйствій, сов'ётуе-мый Ристичень, во всякомъ случаё не можеть принести ника-кого вреда. Мариновичь также оц'ёниль ум'ёстность подобной политики. Одниъ только Гарашанинъ колебался. Онъ держался виолнъ старыхъ преданій, подъ вліяніемъ воторыхъ вырось, не върняъ ни въ какое стеченіе обстоятельствъ и обыкновенно прикрывался пассивнымъ мудрствованіемъ, когда ему возражали. Когда затронутый Ристичемъ вопросъ разсматривался въ мини-стерскомъ совётё, нодъ предсёдательствомъ князя Михаила, Гарашанинъ сказаль: «Ристичу хочется только понграть»; а Ма-риновичу и Милою Лешанину замътилъ, что Рястичъ путаетъ ему политику. Ристичъ, жалуясь на затрудненія, встрёчаемыя имъ у министра иностранныхъ дёлъ, вынужденъ былъ обратиться за помощію къ министру внутреннихъ дѣлъ. Никола Кристичъ отвѣчалъ ему, что вполнѣ раздѣляеть его образъ мыслей, но не ниветь повода участвовать въ дёлахъ такого рода. Когда, наконецъ, и Гарашанинъ присталъ въ предложению Ристича, и когда

зашла рёчь о программё, какую слёдуеть принять для выпол-ненія задуманнаго дёла, Ристичь предложиль обрагиться въ-Портѣ посредствомъ вияжескаго письма на имя великаго визиря, воторое должно быть написано тономъ предупредительнымъ и ласковымъ. Мариновичъ выразилъ мивніе, что вняжеское правительство такимъ тономъ можеть осудить свою прежнюю требовательность; но послё нёвоторыхъ объясненій Ристича всё согласились на его предложение. Крокъ того, Мариновичъ, върный своей привычки вести сербсвую политику въ общежъ кругу повровительствующихъ державъ, предлагалъ обратиться одновременно съ письмомъ князя въ Фуадъ-паште и въ великниъ державамъ. На это Ристичъ представлялъ, что Сербія, щадя самолюбіе Порты, усибеть сворбе въ своихъ иснаніяхъ, вбо былъ вполнѣ увѣренъ, что Порта мало обращаеть внаманія на Европу, когда видить, что Европа не намбрена принуждать ее въ чемулибо. При этомъ случай Ристичь сказаль: «повдийе, если бы Порта отвазала намъ, ничто не можетъ помѣшать намъ обратиться и къ державанъ; испытавъ всё прямые пути, ведущіе късамой Портв, им бы тогда стояли гораздо тверже противъ нежи предъ судомъ Европы и общественнаго мивнія». Мариновичъ вполнѣ согласнася съ основательностію такихъ сужденій. Такимъ образомъ, принята была и самая программа Ристича для исполненія ся. Въ концё октября Ристичь возвратился въ Константинополь, выйя при себь письмо князя къ великому визирю, написанное отчасти въ просетельномъ тонъ. Его отътядъ изъ Бълграда сопровождался всяваго рода насмбинами со стороны людей, посвященныхъ въ политическія дёла страны. Такъ, напримёръ, иные говорили, что великій визирь прогонить его за дверь подобно тому, какъ одинъ бълградскій докторъ гонясть тёхъ, которые приходять въ нему просять денегь взаймы, но не приносятьсъ собой залога.

На другой день по прибытів въ Константинополь Ристичъ быльуже у великаго визира. Въ началё разговоръ защелъ о Румынія; но, упомянувъ о посёщеніи новымъ вняземъ Карломъ Константинополя, Фуадъ-паша спросилъ: «а сербскій князь не думаетъ побывать въ Стамбулё?»—«Это совершенно зависить отъ вашей свётлости»,—отвёчалъ Ристичъ.—«Какъ это?»—«Отъ Порты зависить проложить и уровнять для нашего внязя путь въ Стамбулъ». Послё нёкоторыхъ объясненій Ристичъ вручилъ письмо внязя великому визирю. Тотъ взялъ его, но болёе десяти минуть прошло прежде, чёмъ онъ распечаталъ конверть, и, удаливъ секретарей своихъ съ разными порученіями, сиросилъ Ристича:

«а потомъ?» — «Извольте посмотрёть ваша свётлость, что сказано еъ письмё». Великій визирь медленно прочель его про себя и тёмъ же ровнымъ тономъ отвёчалъ: «мы разсмотримъ его между собой, а потомъ будемъ говорить и съ вами». Растичъ просилъ нозволенія представить, въ случаё надобности, нёсколько допол-нительныхъ объясненій къ письму и затёмъ отправился къ Али-каштъ. Когда онъ сообщилъ ему, какого рода письмо передалъ нительныхъ объясненій въ письму и затёмъ отправился въ Алн-нашѣ. Когда онъ сообщилъ ему, вакого рода письмо передаль веливому визирю, Али-паша вспыхнулъ, но не сказалъ ничего; а Риспичъ повторыть и ему тё объясненія, воторыя представилъ Фуду. «При нывѣшиемъ положенія дѣлъ, — говорилъ онъ между прочимъ, — можно было би давать нашему рѣшенію тавое толко-вале, какое не слёдуеть; но мы предприняли это дѣло тогда, какъ турецкое оружіе оказалось побёдоноснымъ. Притомъ, на вопросъ о Маломъ-Зворникѣ и Кастелѣ мы смотримъ какъ на запросъ, основанный на правё; но вопросъ о крѣпостяхъ ми не выставляемъ таковимъ. Трактаты обезпечивають за Портою право содержать гаривзоны въ врёпостяхъ, и потому сербскій князь опирается въ этомъ вопросѣ на великодушіе султана и на рас-воложеніе Порты; потому внязь в обратился съ этимъ вопросомъ прамо и долёрчиво въ султану». Послѣ такиъть объясненій Али-наша успоковляся. Ристичъ станъ казагать ему причины, выну-дивнія сербскаго внязя въ такому шагу: «недовёріе народа къ турецкимъ гаривзонамъ съ 1862 года, сильный упадокъ торговли и промышленности, убъяденіе, что Порта песредствомъ врёво-стей хочеть держать сербовъ въ страхѣ, — воть что заставило князя Михалла вступить въ объясненія съ Гортою. Сербское правительство знаеть, что этоть вопросъ долженъ быть труденъ и для министровъ султана, ибо сосёдніе съ Сербіей мусульмане смотрять на владѣніе въ вноблодимую сторону. Сербское правительство внаеть, что этоть вопросъ долженъ быть труденъ и для министровъ султана, ибо сосёдние съ Сербіей мусульмане смотрять на владѣніе въ не потръя столяновение, каяъть направ-лять народйое миѣвніе въ необходимую сторону. Сербской же на-родъ не можетъ успоконться, пока будуть обращены на городъ крёностныя пушка. Чтобъ отклонить столяновене, клязь протя-гавають свою руку правительству султана. Уступчивость Порти криостныя пушка. Чтобъ отклонить столяновеніе, князь прота-гаваеть свою руку правительству султана. Уступчивость Порты можеть побудать князя и на прійздъ въ Константинополь. Правда, внязь гордаго характера, но благороденъ и постояненъ; теперь онъ держится какъ-бы въ сторонѣ, но причиной тому---кривости; если онъ упоренъ въ своемъ отчужденін оть Порты, то столь же будеть постояненъ и въ пріязни къ ней». Али-паша возразник «зачёмъ вы хотите, чтобъ мы теперь же сдёлали все? оставнить часть затрудненій и нашему потомству».---«Оставнить,----отвёчаль Ристичъ,----потомству миръ и спокойствіе, нбо это наибольшее

٩

BIOTHERS REPORTS.

наслёдство, накое можемъ ему завёщать». Али паша замётнять на это: «такъ какъ предложеніе уже сдёлано, то мы применть его въ разсмотрёніе». Вообще, Ристичъ въ своихъ объясненіяхъ съ великниъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дёлъ Турціи держался княжескаго письма. Такъ, когда Фуадъ-паша сказалъ между прочимъ, что крёпости не турецкія, не австрійскія, но сербскія, и разрушать ихъ не слёдъ; то Ристичъ поспёшилъ прибавить: «такъ сербы должны и охранять ихъ». Когда Али-паша говорилъ, что ему удалось счастливымъ образонъ распутать румынскія и черногорскія затрудненія, то Ристичъ выразилъ надежду, что Али-паша съумёвть разрёшить и сербскія просьбы.

Извѣщая Гарашанина о своихъ переговорахъ съ турецинии министрами, Ристичъ выражалъ надежду, что удастся ему добиться и главнаго желанія. Гарашанинъ отвёчаль оть 22 ноября: «не будеть тебѣ удачи; тольво-что Порта надумается что-нибудь дать тебъ, а ты ужъ просишь у нея и другого, забывая о первомъ. Или все, или ничего, правило не мудрое, за то чисто посербски: куда ни попаль зарядь, только-бь попаль». А чрезь нъсколько дней пришло еще письмо отъ Гарашанина, который извёдаль, что Али-Риза-паша согласнися на оцёнку, назначенную белградскимъ правительствомъ за сербскія имущества, отошедшія подъ врёпостной районъ: «куо знасть, можеть быть, виной тому быль прівздь твой въ Бёлградь и письмо князя, воторое ты у насъ выманилъ. Я хочу взять деньги, хоть потомъ и придется возвратить ихъ, когда ты добудень крёпости». Такъ нало вёрнин въ успёхъ дёла, начатаго Растиченъ, сербскіе дапломаты того времени.

Вскорѣ Ристичь могь увѣдомить Гарашанина, что письмо князя произвело вообще въ Константиноволѣ благопріятное впечатлѣніе ¹). Али-паша самъ заговорилъ въ первыхъ числахъ ноября о сербскомъ запросѣ съ русскимъ драгоманомѣ Богуславскимъ и выразился такъ: «двѣ сильныя препоны встрѣтитъ это дѣло: общественное мнѣніе и султана. Въ послѣднее время вышло въ свѣтъ много историческихъ сочиненій, въ конхъ описываемы были битвы подъ Бѣлградомъ, и мусульмане какъ исторіей, такъ и преданіями научены смотрѣть на Бѣлградъ, какъ на твердыно мусульманства. Вслѣдствіе этого трудно будеть убѣдить сулгана уступить крѣпость». На замѣчаніе русскаго драгомана, что всѣ министры могли бы разъяснить сулгану возможность и пользу такой уступки, Али-паша возразилъ, что, бывъ великимъ вини-

¹) Письмо Ристича въ Гарананину, отъ 9 ноября 1866 года.

ремъ при Абдулъ-Меджидъ, онъ собралъ министерскій совъть и представилъ Дивану въ яркихъ краскахъ печальное положеніе имперіи, всъ объщали поддерживать его въ представленіи о томъ султану; а вогда явились во дворецъ, то ни одинъ не раскрыль рта, такъ что онъ одинъ подвергся гнёву султана. Французскому носланнику Буре́ Али-паша говорилъ, что вопросъ о Маломъ-Зворникѣ и Кастелѣ должно считать уже оконченнымъ. Запросъ о врёпостахъ ускорилъ и это дёло. Англійскому послу Лайонсу сообщилъ о сербскомъ запросъ самъ Ристичъ. Англичанинъ былъ доволенъ тономъ княжескаго письма и тёмъ, что сербы обратидоноденъ тономъ княжескаго письма и тъмъ, что сероы оората-ись прамо въ Портѣ. Тѣмъ не менѣе турки, по своему обычаю, медици обсужденіемъ представившагося имъ вопроса. 22 декабря Ристичъ былъ въ Портѣ и просилъ отвѣта. Ему сказали, что еще не приступали въ рѣшительному обсужденію вопроса. Фуадъ-паша говорилъ о необходимостя для самого князя Михаила посвлить Стамбулъ. Али-паша объщалъ, что письмо внязя во сланоуль. Наи-паша объщаль, что пасьяю кнася во всякомъ случай не останется безъ отвёта. Изъ иностранныхъ пословъ, австрійскій Прокешъ-Остенъ не обнадеживалъ ничёмъ; Буре́ казался наклоннымъ въ пользу Сербів; итальянскій по-сынныкъ Де-ла-Кроче выражалъ полное сочувствіе. Англійскіе Бурс казала наклонный вы польку Сероїв, наалынскій по-сканныкъ Де-да-Кроче выражаль полное сочувствіе. Англійскіе дипломаты желали сперва опредёлить права Порты вь эгомъ вопросё и потомъ уже предоставить ей самой рёшать вонрось объ уступкъ. Кромѣ того, Бульверъ совѣтовалъ Портѣ: 1) подавить оружіемъ греческое вовстаніе; 2) отдёлить отъ грековъ другія храстіанскія народности новыми льготами; 3) предоставить врѣ-пости сербамъ и вообще поставить грековъ въ уединенное поло-женіе. Извѣстно, что къ этому времени относилась самая горя-чая дѣятельность самостоятельности болгарской церкви. Болгары, подбиваемые однимъ изъ главныхъ дѣятелей по этому вопросу, докторомъ Чомаковымъ, подали Портѣ адресъ по поводу крит-скаго возстанія, въ которомъ отдѣляли свое дѣло отъ греческаго. Къ концу года политика Портъ измѣнилась не въ пользу Сербін. Надежды на уступку съ ся стороны уменьшались со вснимъ днемъ и часомъ ¹). Вопросъ о бѣлградской крѣпости представлялъ вмъ болѣе затрудненій. Первый драгоманъ прус-скаго посольства Божовичъ имѣлъ равговоръ съ великимъ визи-ранъ о сербскомъ запросѣ и получилъ въ отвѣть: «этоть вопросъ ижелёе всѣхъ другихъ для меня, я никаквимъ образомъ не могу катьси за него». Носились слухи, что Али-паша, находившійся въ личной перепискѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фран-

¹) Писько Ристича къ Гарадзанину, отъ 4 января 1867 года.

цін Мутье, старался уб'ядить его, что Порта не можеть уступить Б'ялграда; а Мутье будто бы сов'ятоваль уступить. Эти служи были вполн'я справедливы ¹). Даже лордъ Лайонсь осуждаль Порту за медлительность: «еслибъ Порта, —говориль онъ сербскому агенту, — сегодня или завтра р'вшилась на то, что не сд'ялала два мъсяца тому назадъ, то не было бы еще поздно; но спустя два мъсяца еще-будеть уже поздно». Онъ былъ за сербовъ въ «интересахъ Турціи», и что прежде говорилъ лично отъ себя и съ нѣкоторою сдержанностію, то говориль теперь оть имени своего правительства. Встрёчаясь съ Ристиченъ, онъ удивлялся, что еще ничего не ръшено даже о Маломъ-Зворникъ, что Порта до сихъ поръ не сообщила ни одной европейской державь о памърении сдълать вакія-либо уступки сербамъ. Лайонсь, впрочемъ, не приставаль въ Портъ съ своими совътами, ибо на ся сторонъ было, вакъ онъ выражался, формальное право. Самъ же лордъ Станлей высказался Бруннову, что сербское дёло тёмъ занимаеть его, что онъ извѣщенъ, будто бы сербскія военныя приготовленія уже вполнъ окончены. Медлительность Порты сделала то, что стало обнаруживаться дипломатическое вліяніе на ходъ вопроса. Впрочемъ, ни одна держава не желала потрясеній въ Турціи и по-тому въ Бѣлградѣ не могли еще надѣяться, что дипломатія не будеть противъ Сербів, хотя, съ другой стороны, ся вибшательство могло быть опасно тёмъ, что свяжеть Сербію ваниъ-либо международнымъ автомъ. Это было бы тяжвимъ исвущеніемъ для Сербія.

Много зависёль исходь сербскаго дёла оть положенія вритскаго вопроса. Вь началё 1867 года стали вь Константинополё поговаривать объ автономіи Кандіи. Французы предлагали Фуадьпашу какъ вассальнаго владётеля острова, а помощникъ его быль бы изъ грековь. Но греки не были согласны принять ни какой другой комбинаціи, вромё присоединенія Кандіи къ греческому воролевству; Фуадь, по ихъ мнёнію, былъ бы сворёе наполеоновскимъ вассаломъ, а не султанскимъ. Лордъ Станлей тоже думалъ, что присоединеніе Кандіи къ Греціи есть единственный исходъ недоразумёній, хотя англійскій кабинеть вообще равнодушно относился въ интересамъ Греція. Но каковъ бы исходъ ни имёли всё эти вопросы, французскій министръ иностранныхъ дёлъ уже не вёрилъ, что Порта могла поддержать миръ оружіемъ и совётовалъ ей уступки. Получивъ донесеніе оть

¹) Ся. письмо Мутье гъ посланнику Буре́ съ совѣтомъ Турціи нередать крѣпости. сербамъ, въ "Archives diplomatiques", 1867, t. IV, p. 1558 etc.

Ристича обо всйхъ этихъ дипломатическихъ соображенияхъ, Гарапланинъ упрашивалъ своего агента только объ одномъ: не переходить границы осторожности. Онъ по-прежнему не върилъ въ успѣхъ затёзниваго дѣла.

Но вскорь затрудненія Порты увеличнинсь; султанскій Диванъ, находясь подъ бременемъ всяваго рода требований и вопросовъ, не вналь, за который изъ нихъ слёдовало прежде приняться, и ничего не предпринималь въ своемъ смущении. Сербский вопросъ также оттягивали. Али-паша думаль ограничиться уступкою Шабпа и Смедерева, чёмъ былъ бы доволенъ Гарашанинъ; а въ Бёлградь 1) и Фетъ-Исламѣ 2) желалъ удержать турецкие гарнизоны. Но уже эти уступки показывали, что надо было просить больнаго. Али-паша быль радь, вогда его не безпововль сербскій агенть, и самъ не требовалъ уже нивакихъ разъяснений отъ него. Такъ онъ промодчалъ о торжественной панихидъ, которая была отслужена въ Бёлградё за грековъ, погибшихъ въ ионастиръ Аркадіонъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ подвигъ бы за это громы на сербовъ. Съ Кандіей министры турецкіе хотёли бы повончить полумёрами. Мысль объ автономіи Кандіи они понимали по-своему, желая дать вое-какія уступки, но сохранивь за султаномъ полное главенство, а не главенство надъ островонъ: положение Самоса, по ихъ мнънию, не могло быть дано Кандін, ибо на первомъ островъ нъть туровъ, а на второмъ они составляють треть населения. Въ крайнемъ случай они готовы были дать Кандія военнаго губернатора — мусульманина, а гражданскаго — христіанина, какъ на Ливанъ. Впрочемъ, въ этой мысли поддерживала Порту Франція, которая была бы рада, еслибъ Турція отдёлалась вакъ можно учтивёе оть кандіотскаго воестанія. Но и у самихъ европейскихъ дипломатовъ взгляды на это были различны. Пока французское посольство совётовало въ Константинополё дать кандіотамъ автономію, французскій консулъ въ Кандін приглашаль американскаго консула, пользовавшагося нанбольшею популарностью въ населенін, чтобь онъ помогь ему убёдить вандіотовь въ исканію соединенія сь Египтомъ. Тоть совътоваль ему новать помощи у англійсваго вонсула. Ристичь ув'ядомляль также, что не должно печалиться и возвращениемъ 440 волонтеровъ изъ Кандін въ Асины на двухъ турецвихъ и одномъ французскомъ пароходахъ, что вызвало великую радость въ Константинополё, ибо руссвій посланникъ въ Асанахъ, г. Нове-

¹⁾ Донъ святой войны.

²) Побіда ислама.

вовъ, телеграфировалъ руссвому посольству въ Константинополь, что это все жители Смирны и Константинополя, стало быть - турецкіе же подданные. Въ воренномъ же васелении гречесваго королевства замёчалось сильное движение въ пользу кандіотовъ, причемъ Франція в Англія сов'ятують ум'вренность, а Россія одобряеть дъйствія греческаго правительства. Возстаніе въ Эпирь и Осссалін слабо, нбо не имъетъ поддержки изъ Грецін, хотя распространено отъ Вопо до Арты. На Ливанъ Карамъ опять началъ обевповонвать турецкихъ правителей. Вице-король египетский требоваль, чтобъ Порта признала за нимъ титулъ азизи-мисиръ, какъ назывались халифы; вром'в того, право им'вть неограниченное число войска — и другія уступки. Вообще Порта не желаеть ни чьего вмёнлательства въ критскій вопросъ, почему генераль Игнатьевъ въ разговоръ съ Али-пашей спросилъ его: «а египетскій паша зачвить вившался?» Франція хочеть, чтобъ не вившивались Греція, Сербія, Черногорія и Румынія. Англія высказалась за простое невибшательство. Бисмаркъ не желалъ этого начала, ибо разсчитываль, что война на Восток' поможеть ему окончить дёла въ Германіи ¹).

Газеты такъ много говорили о вооружения Сербия, что со всёхъ сторонъ Порта получала одно извёстіе, что наибольшая опасность грознить ей изъ Белграда. Трудныя для Порты обстоятельства продолжались, и они-то возрастили то свия, которое было брошено сербскою диплонатіей. Всегдашній приверженець Франців, Риза-паша первый склонился въ пользу сербскихъ требованій; его прим'тру посл'ядоваль капудань-паша, т.-е. Мехмедь Алн. Къ 15 января въ министерстве образовалось уже единогласіе. Великій визирь подаль въ отставку. Сов'ять министровъ пригласних Риза-пашу быть довладчикомъ по вопросу о врёностахъ предъ султаномъ, вакъ военнаго министра. Риза-паша возразнать, что это не есть спеціальный, а общій вопросъ всего министерства. Тогда рёшились всё идти въ султану и даже уговорились, въ случав несогласія его, подать въ отставку. Султанъ уже зналь слегка оть Али-паши о существъ вопроса; но дать прамой отвёть на него сочтено было невозможнымъ, пова не узнають, какой отзывь встрётить въ Сербія благопріятное рёшеніе ²). Изъ Бёлграда отв'язля, что въ такомъ случаё князь даже явится въ Отамбулё. Али-паша и Фуадъ-паша говорили, что внязь долженъ это сделать, и что Порта надеотся, что

 $\mathbf{266}$

¹⁾ Изъ письма Ристича, отъ 11 января 1867 года.

²⁾ Изъ письма Ристича, оть 25 января 1867 года.

Сербія не отділится отъ имперіи. Рястичь отвічаль, что серби ищуть только безопасности на своемъ огнищі, и отділяться отъ имперіи не намірены, ибо знають, что малая держава не можеть существовать безопасно на границахъ великихъ, а, находясь из общемъ составі имперіи, обезпечена общимъ деговоромъ, охраняющимъ цілость имперіи. Болібе всего удивились успёху Рястича въ самомъ Білграді. Гарашанинъ инсалъ Ристичу, повдравлян его съ успёхомъ: «еслибъ имя Висмаркъ было званіе, то я бы далъ его тебі. Пусть иностранные дипломаты оспаривають другь у друга право на то, кто изъ нихъ склонияъ Порту въ уступкі».

Иностранные дипломаты однакожъ не спорили; они не вдругъ новёрная счастанному обороту сербскаго дёла. Многіе говорная, что Сербія взамёнъ уступки со стороны Порты будуть предло-жены слёдующія условія: 1) чтобы князь подписаль новыя обёщанія в'врности; 2) чтобь увеличена была дань; 3) чтобь войсно было ограничено 4,000 человъкъ, и 4) чтобы желъзная дорога, которую сербы будуть строить, была поставлена въ связь съ турецкими. Но былъ еще вопросъ, который выдвинуть былъ самымъ существомъ дёла: передать всё врёности въ сербския руви, или разрушить ихъ? Монденъ, дослужившій свой сровъ въ Сербін, подаль тавое мибніе: Сербія не можеть защищать кріпостей оть Австрін, которая можеть воспользоваться ими какь средствомъ для вліянія, а потому лучше срыть ихъ. Французскіе дипломаты придавали большое значение этому вопросу; но сами не знали, какой сов'ять дать Портё. Али-паша и Фуадъ-пана сврывали оть другихъ дипломатическое состояние вопроса; одниъ Буре́ пользовался ихъ отвровенностью и доносилъ въ Парижъ о ходъ дъла; но и онъ не зналъ, ръшится ли Порка дать самостоятельный характерь своему рёшенію; ей такъ давно уже не приходилось действовать независимо оть внушений общеевропейской дипломатии. Буре, съ своей стороны, увбрялъ Ристича, что Порта уступаеть потому, что не смёеть вступить въ отврытую борьбу съ сербеми. Но этого мало: въ Белграде ходили. даже такіе слухи, что другая великая держава готова помочь Сербіи присыльою денеть и офицеровь, если она вступить въ войну съ Турціей, отвлечеть на себя часть турецинкъ силь и поможеть чрезъ то Греція освободить Крить. Этимъ слухамъ върнан и въ Константинополё. Особенно убъднавсь из справедливости ихъ, когда князь Михаллъ произносъ публично здравниу въ честь своихъ войскъ, причемъ возлагалъ на, нихъ большія надежды. Все это подействовало на Порту.

20 февраля (4 марта) врученъ былъ Ристичу отвётъ вели-Digitized by GOOgle

каго визира на октябрьское письмо внязя о врёпостяхъ ¹). Извёщая, что султань выразнаь большое удовольствіе по поводу ув'яреній въ чувствахъ преданности къ нему, конми проникнуто было письмо внязя, и что оттожанское правительство всегда высово цённаю законность действій и вёрность сербскаго народа, нынѣ снова заявленныхъ его княземъ, достоннство воего столь извёстно повсюду, великій визирь замѣчалъ, что Высокая Порта не могла бы повѣрить, что сербскій народъ смотрить на пребываніе мусульманскихъ гарнизоновь въ императорскихъ крёпостяхъ какъ на постоянную угрову, направленную противъ спокойствія княжества, чего турецкое правительство никогда не нибло въ виду. Но такъ какъ самъ внязь, а чрезъ него и сербскій народъ выразнии свои опасенія по этому поводу, то султанъ, августвйшій повелитель Сербін, уполномочиль своихъ министровь обсудить этоть вопрось и прінскать рішеніе, согласное сь его чувствами благоволенія въ сербамъ н съ непререкаемыми правами его трона. Объясняя далее, сколько великодушія въ такомъ решеніи султана, Али-паша прибавляль: «Вашей свётлости извёстно. какое высовое значение придають наши соотечественники крвпостямъ, о воторыхъ ндетъ ричь. Вамъ не безызвистны многочисленныя историческія воспоминанія, которыя связаны съ ними. Но, помимо этихъ весьма важныхъ соображеній, существуеть еще одно, которое никоимъ образомъ не можеть быть оставлено безъ вниманія: это - географическое положеніе названныхъ врёпостей. Мив ивть надобности довазывать вамь, внязь, что всябяствіе своего положения онъ являются, такъ сказать, пирамидами, обозначающими крайніе предблы имперіи. Съ этой точки зрівнія, равно какъ и по другимъ побужденіямъ, ихъ охраненіе имъетъ одинавовую важность вакъ для Высовой Порты, такъ и для сербскаго княжества, безопасность коего основывается на великомъ принципѣ цѣлости имперіи. Итакъ, императорское правительство, не имбя возможности принять предположение о срыти или отчужденін этихъ уврёцленныхъ иёсть, безъ принесенія въ жертву столь важныхъ и столь жизненныхъ интересовъ, вынуждено было прінскать другое рёшеніе, которое, устраняя помянутыя неудоб-ства, было бы въ то же время новымъ и блистательнымъ доказательствомъ довърія въ народу и внязю Сербін. А потому соээть министровь, руководясь такою мыслію и одушевляясь искреннимъ желаніемъ разрёшить вопрось такимъ способомъ, воторый бы удовлетворыть всё законные интересы, счель своимъ

¹⁾ Cm. "Archives diplomatiques", 1867, t. IV, p. 1560-1562.

делгонъ представить его императорскому величеству результать своихъ изысканій, состоявний въ слёдующихъ трехъ системахъ: 1) поручить вашей свётлости начальство надъ врёпостями, оставнять въ нихъ мусульманскіе гаринеоны; 2) содержать въ нихъ смѣнанные гаринзоны, состоящіе пвъ мусульманскихъ и сербскихъ войскъ въ одинавовомъ числё и притомъ подъ вашимъ верховнымъ начальствомъ; 3) ввёрить охраненіе крёностей лично вашей свётлости, вывести изъ нихъ совершенно мусульманскіе гаринзоны и замёнить ихъ сербскими солдатами съ единственнымъ условіемъ, чтобы императорское знамя продолжало развѣваться на ихъ укрёпленіяхъ виёстё съ сербскимъ. Эти три способа рёшенія, по нашему миёнію, суть единственно возможные, единственно практическіе и единственно согласные съ тою цёлію, достиженіе которой имёлось въ виду». Сообщая, наконецъ, что Высовая Порта наъ всёхъ трехъ способовъ выбрала послёдній, что и было утверждено султаномъ въ снякъ его величайшаго благоволенія и полнаго довёрія въ сербскому князю, Али-паша навъщалъ Миханла Обреновича, что по прябытия его въ Константинополь могуть быть обсуждены и самыя подробности табото рёшенія.

Али-паша прочель свое нисьмо вслухь сербскому агенту. Послёдній просиль объясненій на нёкоторые вопросы. Прежде всего онь желаль знать, какія *заранті* князь должень дать Портё въ знакь уваженія своего къ праваль ся, утвержденнымь договорами, и какія доказательства своего твердаго желанія сохранить добрыя отношенія между княжествомъ и владётельнымъ дворомъ. Великій визирь отвёчаль, что подъ гарантіями разум'ется об'ящаніе веб'ять всего, что можеть нарушить добрыя отношенія, напр., собяраніе эмигрантовь, воторые распространяють прокламація. Ристичъ спросиль: не будеть ли это стѣснять отношенія сербія? Али-паша отвёчаль, что Порта не желаеть ограниченія гого, что уже утверждено за Сербіей. Дал'яе Ристичь спрашиваль, что должно разум'ёть подь подробностями, которыя должны быть опреділены уже въ Константинопол'я посл'я прівада княза: не будеть ли это касаться какиль-либо вопросовъ помимо крёностей?—Это будеть касаться матеріальной сторония вопроса, —быль отв'ять. На чемъ остановнися вопрось о Малонть-Зворникъ и Кастел'я — спросиль Ристичь. Али-наша отв'ятиз: Малый-Зворникъ надо бы нейтраливовать всл'яствіе его близости въ Большому-Зворнику; а Кастель вадо разрушить, ибо онъ стоить противъ Ада-Кале. Затёмъ предложенъ быль вопрось: не намёрена ли Порта касательно вопроса о крёпостяхъ истребовать какой-либо неждународный авть? Ристичь поставиль этоть вопросъ, чтобы опредёлить на-чисто характеръ рёшеній Порти, и узнать, не хочеть ли Порта облечь об'ёщанія князя въ форму дипломатическую и саниціонировать ихъ согласіемъ покровительствующихъ державъ. Али-паша отвъчалъ, что ръшение султана. не даетъ основанія нивакому международному акту; визшатель-ство дипломатіи нужно было для румынскаго вопроса, ибо тамъ быль нарушень парижский договорь, здесь же никавие договоры оыль нарушень парижски договорь, здвсь же никакіе договоры не нарушаются; только турецкіе посланники при другихъ дво-рахъ извёщались о томъ. Когда совершится удаленіе гарнизо-новъ? — спросилъ, наконецъ, Ристичь. Послё переговоровъ съ кня-вемъ, который, конечно, оцёнить довёріе, оказываемое ему Пор-тою. — Но для Порты не можеть быть лучшей гарантіи, возразнять Ристичъ, какъ рыцарскій и правдивый характеръ князя. «Я на то болёе всего и разсчитываль, --- отвёчаль Али-паша, --- когда ста-рался устранить ватрудненія. На меня много нареканій по этому вопросу; князь можеть облегчить мое положеніе и заградить уста монить противникамъ». Али-пашу султанъ считалъ главнымъ виновникомъ такого рёшенія вопроса: Порта не отчуждаетъ цён-ностей, но уступаетъ право содержать гарнизоны, довёряя его лично князю; стало-быть, формальное право оставалось за Портой. Такая постановка вопроса исключала и всякую возможность требовать отъ Сербіи денежнаго вознагражденія за врёпости. Только турецкое знамя, которое должно было разв'яваться надъ овларадскою врёпостью вийстё съ сербскимъ, могло быть неовлградскою врепостью витеств съ сербскимъ, могло быть не-пріятно для народнаго самолюбія сербовъ. Итакъ, формально Порта не уступала ничего, матеріально – все. На другой день Ристичъ опять былъ у Али-паши за разъясненіями. Онъ спра-шивалъ: «что значить выраженіе: крёпости передаются лично князю Миханлу?» Отвёть былъ: сербскому князю, какъ глав-ному правителю страны, какъ великому сановнику имперія, точно также какъ въ Египтё крёпости довёрены вице-королю. Объ этомъ упомянется въ фирманъ, который будетъ наданъ, какъ прибудетъ въ Константинополь князь. Ристичъ былъ доволенъ такимъ заявленіемъ и просиль позволенія изложить въ видѣ мемуара на французскомъ языкъ всъ свои сношения съ министер-ствомъ и потомъ прочесть его Али- и Фуадъ-пашъ. Когда мемуаръ былъ составленъ и прочитанъ, Али-паша былъ доволенъ изложеніемъ, а Фуадъ-паша говорилъ: «вы, сербы, не довърчивы и я упрекаю васъ въ томъ, нбо до сихъ поръ вы имѣли право на то; но отнынѣ у васъ нѣтъ основанія не довѣрятъ намъ. Бѣл-градская крѣпость не имѣетъ стратегическаго значенія; но имѣетъ

огромное нравственное значеніе для нась. Она составляеть самапо-себё цёлый листь въ наней исторія, и мы этоть листь взодрани, чтобы удовлетворить вась. Весь свёть думаль, что мы не будемть въ состоянія дать завязавшемуся межь нами вопросу тавое разрёшеніе, и цёлый свёть удивился, когда узналь объ этомъ рёшенін. Всё думали, что мы представнить тяжелыя для васъ условія, и всё теперь изумлены, узнавь, что условій нёть. Намъ придется бороться съ затрудненіями изъ-за этой уступки. Но мы примемъ на себя все, чтобъ удовлетворить вась. Будьте въ иной форм'я тёмъ же, чёмъ вы были тогда, какъ за-одно съ нами сражались противъ Тамерлана--и тогда все получите (tout sera à yous) ¹.

Мемуаръ, составленный Ристичемъ, былъ какъ - бы своего рода договоромъ между представителемъ Сербіи и турецвими миинстрами. Когда исходъ всёхъ этихъ переговоровъ сталъ известенъ въ дипломатическихъ кружкахъ Константинополя, на представителя Сербін посыпались выраженія сочувствія и сов'яти. Буре поздравляль съ успёхомъ и сорётоваль согласиться на турецьое знамя: двойственность знамени на билградской криности, говорнить онъ, должна изображать союзь и дружбу. Одобраль онъ и то, что не будеть никакого международнаго акта. Лордъ Лайонсь также совётоваль не обращать вниманія на такую мелочь. какъ вывёшиваніе турецкаго знамени подлё сербскаго. Баронъ Прокешъ поздравлялъ съ счастливымъ окончаніемъ дела; но быль недоволень темь, что врёносте не будуть разрушени, н сильно сердился на Кленке, вонсула австрійскаго въ Билградь, котораго честиль нелестными прозвищами. Всв говорили, что сербы получили болёе, чёмъ просили. Греки, которымъ не давался островъ Критъ, несмотря на всё ихъ усилія, были даже недовольны успихомъ сербовъ. Порта отправила сообщения своимъ дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ, выставляя свой договорь съ сербами какъ доказательство того, что она умветь вести успёшно дела съ своими народами, если они только желають входить въ прямыя сношенія съ нею.

1-го марта Ристичъ уже могъ написать въ Бѣлградъ: «Поле расчищено, затрудненія удалены и внязь можеть прибить въ Константинополь. Что онъ найдеть за благо сказать для успокоенія турецкихъ министровъ, то и можеть сказать; а чего не пожелаеть об'ящать, на томъ и они не будуть много настаивать». Князь Михаилъ немедленно отвёчалъ Али-пашть, выражая свою

¹) Изъ письма Ристича къ Гарашанину, оть 21 февраля 1867 года.

глубовую признательность за великодушное разрёшеніе вопросаи об'єщая прибыть всвор'я въ Константинополь ¹).

20-го марта внязь прибыль въ Царьградъ съ большою свитой и быль принять султаномъ тотчась сь парохода, какъ всё иностранные принцы, между твить какъ румынские князья, и Іоаннть Куза, и Карлъ Гогенцоллерискій, напередъ Вхали въ свое ивстопребывание и потомъ уже получали аудіенцію оть султана. Миханлъ Обреновичъ произвелъ хорошее впечатлёніе на туровъ, а христіанское населеніе отнеслось врайне сочувственно въ владетелю Сербін. Оффиціальный міръ даваль об'ёды: такъ, быль иріемъ у великаго визиря, у лорда Лайонса, у Буре́, у рус-сваго посланника генерала Игнатьева. Султанъ подарилъ внязюпредъ его отъёздомъ пять арабскихъ лошадей изъ своей вонюшни. Сопровождать Миханла Обреновича въ Сербію назна-ченъ былъ Риза-паша, который долженъ былъ передать ему влючи отъ крѣпости. Фирманъ, передававшій сербскому князю охрану крѣпостей, врученъ былъ Миханлу Обреновичу самимъ султаномъ на прощальной аудіенцін. По словамъ французскаго посланнива Буре, въ его донесении маркизу Мутье, князь Миханль, выразившій свою признательность въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ лично султану, повториль ихъ еще разъ предъ великимъ визиремъ, который провожалъ его до выхода изъ дворца: «благоволите повторить султану, - сказаль онь, - что я удаляюсь глубово признательный за его милости, и что его величество можеть быть увёрень, что имёсть во мнё вёрнаго и навсегда признательнаго поланнаго » ²).

На другой день, 31 марта (12 апрёля), Али-паша сообщилъ Ристичу подробности по всёмъ вопросамъ, о которыхъ велись тольно переговоры за послёдние годы между Портой и Сербіей: а) мусульманские владёльцы земель въ городахъ Ужицё и Соколё могутъ продолжить срокъ продажи своихъ имуществъ чрезъ повёренныхъ, насколько они не успёли сдёлать того ранёе; б) Алибей останется въ смёшанной коммиссии, которая занимается разборомъ взаимныхъ тяжбъ между мусульманами, жившими въ Бёлградё, и сербами; в) близъ Шабацкой врёпости есть турецкие дома, и такъ какъ сербское правительство никогда не соглащалось опредёлить районъ для мусульманскаго поселенія подлё этой крёпости, то дома будуть проданы; г) земля изъ-подъ до-

¹⁾ Cm. ero unchmo Bb "Archives diplomatiques" 1867, t. IV, p. 1563-1564.

^э) Срав. письма Буре въ Мутье о пребывания кн. Миханла въ Константинополѣ, напечатанныя въ "Archives diplomatiques", 1867, t. IV, p. 1563—1565. Султанский фирманъ напечатанъ тамъ же, стр. 1411.

мовъ, взятая подъ крѣпостной районъ, остается крѣпостною; д) жалованье Аля-бей будеть получать въ Бѣлградѣ изъ дани; е) въ Смедеревѣ также есть частные дома, которые будуть разрушены, а владѣльцы ихъ будуть удовлетворены изъ турецкой казны; ж) что будетъ изъ вещей въ крѣпостныхъ зданіяхъ оставлено, то поступить въ собственность Сербія; з) жизненные припасы въ крѣпостяхъ будутъ переданы сербамъ; н) движимость изъ джамій (мечетей) будетъ перенесена въ Виддинъ; і) изъ военныхъ матеріаловъ: пушки остаются въ амбразурахъ, старыя замѣняются новыми; на всякую пушку оставляется 250 зарядовъ, а старыя пушки будутъ вывезены; к) часть матеріаловъ для лафетовъ будетъ оставлена, а другая перевезена въ Рущукъ; л) выселеніе гарнизоновъ послѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: гарнизоны изъ Шабца и Смедерева пойдутъ въ Бѣлградъ и потомъ уже всѣ направятся въ Рущукъ. Но вслѣдствіе замѣчанія Ристича, что такое движеніе войскъ можетъ напугать народъ, Али-паша объявилъ, что изъ Смедерева гарнизонъ отправится прямо въ Виддинъ, а фетъисламскій гарнизонъ выёдеть по приказу виданскаго паши.

Риза-пашё поручено было руководить передачею крёпостей и выселеніемъ изъ нихъ турецкихъ гарнизоновъ; но касательно Малаго-Зворника и Кастеля онъ не имѣлъ полномочія. Князь просилъ Фуадъ-пашу о томъ передъ самымъ отъёвдомъ своимъ; но вопросъ этотъ остался нерёшеннымъ тогда. Сербы были вполнѣ удовлетворены на то время и мирною передачею главныхъ крѣпостей въ ихъ владѣніе. Торжественная сдача бѣлградской твердыни совершена была 6 (18) апрѣля, и вотъ какъ французскій генеральный консулъ въ Сербін Ботмилье описывалъ это происшествіе въ своемъ донесеніи маркизу Мутье: «нынѣшнимъ утромъ прочитанъ былъ фирманъ, передающій князю начальство надъ крѣпостями. На Калименданѣ ¹) устроенъ былъ павильонъ; въ немъ помѣстились: члены княжеской семьи, паша, министры, консульскій корпусъ и сенатъ. Два отряда, турецкій и сербскій, образовали улицу, ставъ другъ противъ друга. Князь прибылъ въ 10 часовъ на одномъ изъ коней, подаренныхъ ему султаномъ. Фярманъ прочитанъ былъ сначала на турецкомъ языкѣ, потомъ на сербскомъ. Затѣмъ князь направился въ кавить, куда его сопровождали всё лица, находившіяся въ павильонѣ. Изъ крѣности князь прибылъ въ своей дворецъ, гдѣ и принялъ поядравленія отъ консульскато корпуса. Сказавъ въ своемъ отвѣтѣ, что Порта уступкою крѣпостей удовлетворила самня горячія желанія

¹) Тогда открытое мѣсто между крѣпостью и городомъ, теперь бульваръ. Томъ II.---Мартъ, 1879. 18

сербскаго народа, онъ прибавилъ, что счастливъ, имъ́н случай торжественно заявить, сколь тронуть былъ пріемомъ, оказаннымъ ему султаномъ въ Константинополъ́. Сербское знамя развъвается съ нынъ́шняго утра надъ кръ́постью рядомъ съ турецкимъ знаменемъ и охрана воротъ, выходящихъ къ городу, уже сдана сербамъ. Весь городъ украшенъ флагами» ¹). Такимъ мирнымъ исходомъ сербско-турецкаго спора изъ-за кръ́постей были вств довольны и прежде всего турки. Англійскій посланиясъ въ Константинополъ́ Лайонсъ сказалъ Ристичу: «вы имъ́ли большой дипломатическій успѣхъ и должны желать, чтобъ и всѣ другіе вопросы, какіе только могуть породиться между Сербіей и Портой, раврѣ́шались тѣмъ же путемъ беза посторонняю емъншательства».

Тавой случай непосредственныхъ объяснений между Портей и сербскимъ правительствомъ представился скорбе, чёмъ можно было ожидать. 4 (16) іюля, Али-паша писаль Гарашанану по поводу слуховь, распространявшихся тогда чрезъ газеты, что Сербія производить чрезвычайныя вооруженія и даже приняла законь о допущеніи иностранныхь офицеровь въ свою армію. Али-паща говориль, что опь обращается самымъ дружествен-нымъ образомъ за разъясненіями по поводу помянутыхъ слуховъ «къ выдающемуся государственному человѣку Сербія, который въ высшей степени проникнуть любовью къ своей странѣ н ея истиннымъ интересамъ». Полагая, что производимыя вооруженія превышають дѣйствительную потребность княжества, Али-паша припоминаль, что еще такъ недавно Порта получила отъ серб-скаго внязя и народа совершенно свободное и добровольное заявленіе чувствъ признательности, и потому онъ, съ своей стороны, не дасть никакой вёры распускаемымъ слухамъ, а обращаетъ на нихъ вниманіе сербскаго министра единственно изъ друже-ственныхъ побужденій. Этотъ крайне-любевный тонъ въ обращенін великаго визиря не къ князю Сербік, а къ ся министру, быль первымъ примёромъ въ исторіи дипломатическихъ сношеній Порты съ ся вассальнымъ княжествомъ. Гарашанинъ, — отвёчая Али-пашъ 17 (29) іюля, прежде всего благодарилъ за друже-ственный характеръ его обращенія и затъмъ увърялъ, что военныя преобразованія въ Сербін не имъютъ никакого чрезвычайнаго характера: контингенть войска не увеличень, никакого набора людей не произведено; но только приняты мёры въ надлежа-щему обучению солдать, что весьма естественно, съ каковою цёлію допущены въ сербскую военную службу иностранцы,

¹) Cu. "Archives diplomat.", 1867, t. IV, p. 1565.

имъвшіе уже давно доступъ въ службв по другимъ вёдомствамъ. 24 іюля (5 августа), Алн-паша сдёлаль враткій запрось Гарашанину, пославъ его съ бригаднымъ командиромъ Эссадъ-пашею, касательно вооруженія добровольныхъ отрядовъ на границахъ Сербін. Сербскій министръ отв'ялъ 18 (30) августа, что донесенія и встныхъ турецкихъ властей о вооруженныхъ сборищахъ на границахъ вняжества лишены основанія, и еще разъ повториль увбрение въ признательныхъ чувствахъ сербскаго правительства къ Портѣ 1). Но въ то же время и самому Гарашанину пришлось сдёлать запрось турецкому министру иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-пашѣ по поводу извёстнаго нападенія турецкаго отряда у рущувской пристани на австрійскій пароходъ «Германія», посл'ядствіемъ чего было умерщвленіе двухъ пасса-шировъ, изъ коихъ одинъ, Цвётко Павловичъ, былъ сербскій подданный, виблъ при себв надлежащий паснорть и нигдъ не выходнать на турецкий берегь. Возлагая долю отвётственности на австрійскія власти, допустившія турецкихь солдать на пароходь, Гарашанинъ считалъ нападение туровъ на сербскаго подданнаго нарушеніенъ только-что установившихся добрыхъ отношеній между Портою и княжествоить. Отвёть быль дань Фуадъ-пашою только 3 (15) октября. Въ немъ Цевтко Павловичъ изображался начальникомъ шайки, которая готовилась произвести волнение въ Болгарін, что будто бы доказывалось найденнымъ при немъ оружісить и другими вещами. Витесть съ твить Фуадъ-паша жаловался на проповёдь, произнесенную митрополитомъ Миханломъ въ бытрадской соборной церкви послъ торжественной панихиды по убіеннымъ на пароходѣ «Германія». Гарашанинъ тогчасъ же отвёчаль турецвому министру указаніемь на то, что рущувскія власти составили суждение о намбренияхъ Цвбтка лишь по осмотръ его вещей, произведенномъ послё катастрофы, что для нападенія на путешественниковъ во время ихъ пребыванія на пароходъ не было никавого завоннаго основания, и что такое звёрство слёдуеть считать попирательствомъ международнаго права ⁹). Само собой разумеется, что рущувское происшествие не могло служить поводомъ въ вакому-либо ухудшенію тёхъ отношеній, которыя установились между Портою в сербскимъ княжествомъ всявдствіе повядки Миханла Обреновича въ Константинополь и выхода турецкихъ гарнизоновъ изъ крѣпостей. Чувство общаго

¹) Cu. "Archives diplomatiques", 1868, t. III, p. 1009-1014, 1045-1046.

^{э)} См. "Arch. diplom.", 1868, t. ПІ, р. 1051—1053, 1082 — 1087. Эта перениска представлена была и народной скупиции 1867 года. См. протоколы са, стр. 284—292.

Когда собралась въ Крагуевцъ народная скупщина для своей очередной сессія (сь 29 сентября по 13 овтября), то внязьвъ ръчи въ народнымъ представителямъ тавъ изображалъ ревультаты переговоровъ съ Цортою по вопросу о врёпостяхъ: «Со времени послёдней народной скупщины, какъ вамъ извёстно, мы пережили столь важныя событія, что на сей разъ можемъприступить съ веселымъ сердцемъ къ нашимъ трудамъ. Одна великая забота моя удовлетворена, — одно великое мое и народное желаніе исполнено: турецкіе гарнизоны выселены изъ Сербін, врёпости на берегахъ Савы и Дуная въ нашихъ рувахъ, свобода и внутренная независимость Сербіи стали действительною истиной. Къ нашимъ справедливымъ желаніямъ, въ нашимъ трудамъ и настояніямъ о выселеніи турецкихъ гарнизоновъ мы имѣли счастіе найти въ блистательной Портѣ благосклонное н мирное расположение. Послё того, какъ наши искания увёнчались счастливымъ успёхомъ, я рёшился отправиться въ Константинополь, чтобы лично принести е. в. султану изъявление моей благодарности и признательности. Предъ вами я могу толькопохвалиться пріемомъ, воторый оказанъ быль мит въ Константиноноль. Онъ быль полонъ любевности, полонъ уважения во инъ и народу сербскому». Въ отвётномъ адресъ свупщины въ этой части вняжеской ръчи относились слъдующія слова: «потомки людей, собиравшихся въ Таковъ ¹), народные представители нынъшней скупщины благодарять изъ глубины души своей всеблагого Бога за то, что услышали, наконецъ, изъ устъ Милошева сына слова: «врёпости на берегахъ Савы и Дуная въ нашихъ рукахъ, свобода и внутренняя независимость Сербіи стали действительноюистиною». Итакъ, сынъ достойно довершилъ то дело, которое славно началь отець его. Да будеть вёчная слава имене того, вто началь, и всеобщая народная благодарность отзывомъ тому, кто довершилъ »). Такое важное значение во мивния народа нивла сдача крвпостей Сербін и выходъ изъ нея турецкихъгарнизоновъ.

Семилётнія усилія сербской дипломатіи увёнчались успёхомъ.

¹) Селеніе, гд² Милонъ и его первие сотрудники уговорились въ 1815 году поднать знама возстанія противъ туровъ.

²) См. "Протоколи редовне народне скупштвие држане о мнолюдие 1867 године у Крагуевну (Беогр., 1868), стр. 7, 8, 14. Срв. "Archives diplom.", 1868, t. III p. 1078.

Не даромъ совершилось напраженіе народныхъ силъ во время свято-андреевской скупщины, когорая изгнала Карагеоргіевича, преклонявшагося предъ Турціей и Австріей, и возвратила Обреновичей, поспёшившихъ возстановить политическія права Сербія. Но этотъ успёхъ не прошелъ даромъ для князя Михаила. Онъ возбудняъ тайную ненависть къ нему не только въ туркахъ, уступившихъ его требованіямъ по необходимости, но и въ сосёдней Австро-Венгріи. Восемь мёсяцевъ спустя послё торжественныхъ заявленій народной признательности за плоды его дипломатической дёятельности, князь Михаилъ палъ подъ ударам подкупленныхъ убійцъ, и народная молва видёла въ этомъ темномъ дёлё участіе не только изгнанныхъ Карагеоргіевичей, но и покровительствовавшихъ падшей династіи турецкихъ и австро-венгерскихъ политиковъ.

Нилъ Поповъ.

ОТЪ

1

москвы до тегерана

И ОБРАТНО.

Изъ воспоменаний русской путвшественнецы.

I.

Два года съ небольшимъ тому назадъ, русскимъ посланиекомъ въ Персію былъ назначенъ И. А. Зиновьевъ, бывшій передъ тёмъ нашимъ генеральнымъ вонсуломъ въ Румынін. Въ Персіи началась его дипломатическая варьера; онъ оставался тамъ нёсколько лётъ, и еще тогда успёлъ познакомиться и съ персидскимъ языкомъ, и съ нравами и обычаями страны и ея населенія. Въ началё ноября 1876 года семейство новаго посланника выёхало изъ Москвы. Въ качествё наставницы, отправилась вмёстё съ семействомъ и я. Мысль о такомъ оригинальномъ путешествіи приводила меня тогда въ восторть. Дёло было зимою, а потому мнё предстояло увидёть еще и Кавказъ.

До Владикавказа, въ продолжени пяти дней, мы ѣхали по желѣзной дорогѣ; эта часть пути и не представляла никакого интереса; на каждой болѣе или менѣе значительной станціи въ честь посланника устраивались различныя оваціи: являлись всѣ мѣстныя власти съ обычнымъ привѣтствіемъ, отворялись для пріема царскія комнаты, — и все это повторялось съ точностьЮ, довольно утомительною. Начиная съ Владикавказа, гдѣ мы простились съ желѣзной дорогой, наше путешествіе совершалось

болёе медленнымъ и первобытнымъ способомъ. Хотя и здёсь была зима и все сплощь было покрыто легкимъ снёгомъ, но это не наша сёверная зима съ холоднымъ пронзительнымъ воздухомъ, а мягкая, южная, съ ласкающимъ горнымъ вётервомъ. Во Владикавказё мы провели ночь, но такъ вакъ въ городё не было сколько-нибудь удобной гостинницы, а на станціи не наилось даже хлёба, то мы предпочли ночевать въ вагонё, а ужиили у полиціймейстера. Утромъ къ станціи подъёхали деё огромныя, дорожныя кареты, нёсколько конвойныхъ казаковъ, и такъ мы двинулись по направленію къ Тифлису, черезъ владинавияскій проходъ. Денъ былъ теплый, солнечный; дорога, погритая пушистымъ снётомъ, и заиндевёвшія деревья — такъ и искрились на солнцё. Тахали мы довольно быстро и постоянно перегоняли караваны верблюдовъ, медленно подвигавшихся въ . горы.

Мёстность вначалё была довольно однообразная; попадаись только холмы, воторые сначала принимались нами за горы и поглощали все наше вниманіе. Наконецъ, мы очутились въ глубовой долинъ Терева; по береганъ его возвышаются громадныя скалы отвёсною стёною; мёстами нёть даже признава растительности, -- одни вѣчно голые гигантскіе утесы; ни деревца, не быление не отыщеть на нихъ самый внимательный глазъ. Вреня отъ времени попадаются громадныя осыпи, обломви скалъ, оторванныхъ отъ родныхъ горъ и сброшенныхъ или на дно пронасти, или останавливавшихся на склонъ горы. Терекъ особенно хорошть между Ларсомъ и Казбевомъ. Но не буду вдаваться въ подробныя описанія всей красоты этой части Кавказа: объ этомъ нисали уже до меня и много, и хорошо. Къ Казбеку намъ пришлось подъёвжать въ лунную ночь; и безъ того роскошная картина этой мёстности сдёлалась еще роскошнёе оть фантастическаго освещения. Впрочемъ, намъ пришлось любоваться снёжной нанкой Казбека только съ врыши почтовой станция, потому что подняться на него въ это время года почти невозможно; кромъ того, мы спѣшили, опасаясь за благополучный переъздъ отъ Коби до Гудаура, гдъ ждали обвала, — и тогда сообщение могло би совствить прекратиться, а ночлеги на вавказскихъ станціяхъ ничего не объщали хорошаго: на нъвоторыхъ нельзя было достать не только кроватей, но даже клочка свна, и приходилось свать на полу, --- а до Персін еще далеко. На одной станцін намъ, правда, принесли откуда-то свна, но съ мышиными гнёздами, такъ что когда мы легли спать, — подъ нами вдругъ раздался нискъ придавленныхъ мышенять. Всё эти и подобныя

неудобства насъ ни мало не смущали; подъ впечатлёніемъ въ высшей степени интереснаго путешествія, ны всегда сохраняли хорошее расположеніе духа. Притомъ, хотя ны ёхали въ самое дурное время года, но съ нами не было инсакихъ серьёзныхъ дорожныхъ привлюченій; только за нъсколько станцій до Тифлиса наши лошади, вспуганные грузинами, бросились въ сторону и опровинули карету въ канаву; но это паденіе обошлось совершенно благополучно и испугало тольно мою воспитанницу: увидъвъ, что варета окружена угрюмыми, бородатыми лицами ВЪ МОХНАТЫХЪ ШАПЕАХЪ, СЪ ЗАТЕНУТЫМИ ЗА ПОЯСЪ ВИНЖАЛАМИ Н шашками, она приняла ихъ за разбойниковъ. Но и это сравнительно непріятное приключеніе вспоминалось нами какъ одинъ изь интересныхъ эпизодовъ нашего длиннаго путешествія. Осталь-. ную часть пути до самаго Тифлиса мы бхали темною, безлун-ною ночью, такъ что почти не видали твхъ старинныхъ укрвиленій, которыя здёсь попадаются чаще чёмъ гдё-нибудь, и лучшее изъ нихъ-Мцхету, столицу древней Грузін, видёли только мельвомъ, при вечернемъ освъщении. Отсюда до Тифлиса остается двадцать версть; все время дорога идеть по ущелью Куры и не особенно интересна. У самаго Тифлиса ущелье расширается какъ-будто для того, чтобы дать мъсто городу, раскинувшемуса на далекое пространство по обоимъ берегамъ Куры.

Въ Тифлисъ мы прожили цёлую недёлю и успёли хорошо съ нимъ ознавомиться.

Одна часть города состоить изъ построекъ европейской архитектуры, но прямыхъ и шировихъ улицъ немного; главная изъ нихъ-это Головинскій проспекть, который, дъйствительно, такъ хорошъ, съ такими роскошными магазинами, что легко забиваешь, что находишься чуть не въ Азів. На одной сторонъ проспекта стойть дворецъ намъстника и всъ лучшія зданія города; съ другой—садъ, спускающійся двумя или тремя террасами въ берегу Куры; садъ этоть очень хорошъ съ своими роскошными бълыми акаціями, випарисами и небольшимъ фонтаномъ. Такъ какъ мы были здъсь въ концъ ноября, то особенно выдълялись пирамидальные, въчно зеленые кипарисы. Въ концъ проспекта—площадь и караванъ-серай, далѣе—гостиный дворъ и театръ; съ запада въ караванъ-серай примыкаетъ широкая улица съ лучшими строеніями; эта часть города отличается болѣе чистымъ воздухомъ и называется «Салалаки». А въ другую сторону ндутъ грязные, узкіе, кривые переулки, по которымъ проѣзжагъ въ экипажахъ — сущее наказанье. Одной стороной городъ примыкаетъ къ высокой, почти отвѣсной горъ, считае-

ной тувемцами святою; на врутомъ свлонъ этой горы, вакъ гивадо ласточки, прилёпился монастырь святого Давида, куда въ Троицынъ день стехается на молитву безчисленное множество народа, такъ что вся гора, отъ подошвы до вершины, бываетъ силоннь поврыта богомольцами. Тамъ же за оградой находится гробница нашего посланника — Грибойдова, убитаго персіянами. Въ азіатскую же часть города, въ особенности на базаръ, лучше и не заглядывать: дома́ — грязные, маленькіе, одно-этажные, съ илоскими врышами; вибсто улицъ — вривые корридоры, вибсто мостовой — темно-сърая размазня, въ которую экинажи погружаются по ось. Базаръ состоять изъ двухъ рядовъ лавовъ, наполненныхъ всевозможными произведеніями страны и ея обитателей: въ одной вы видите цёлыя горы плодовъ, которыми такъ богаты сады Кавказа; другая имбеть видь събстной лавки, гдб динится горячій пловъ и жарится на угольяхъ шашлыкъ, пекутся чуреки (хлёбныя лепешки); сосёдъ-персіянниъ, въ своей островонечной шапвъ, бръеть голову своему собрату, а въ нъсволькихъ шагахъ отъ него фанатикъ-дервишъ, поджавъ ноги, выкрикиваетъ молитвы корана. Вездъ грязь, смрадъ невыносииня, врики и спорь погонщиковь этаковь, нагруженныхъ двумя перекинутыми корзинками, да бурдювами съ водой или кахетинскимъ виномъ, воторымъ загородила дорогу сврипучая, тяжело нагруженная арба, Богъ знаеть какими чудесами попавшая въ эту щель. Женщины здёсь встрёчаются рёдко; иногда только стороной пробирается какая-нибудь грязная, оборванная персіянка, закутанная въ пеструю или синюю чадру, или старая, уродливая армянка, сврывающая свое безобразіе подъ бѣлымъ поврываломъ. Далёе, за базаромъ, старый караванъ-серай, наполненный все-возможными товарами — азіатсями и европейскими: туть вы найдете и роскошныя шелковыя матеріи, и пестрый московскій ситецъ. Затёмъ, въ концё города, въ самомъ ущельё горы, боганическій садь, искусственно орошаемый и потому совсёмъ затонувшій въ роскошной зелени. Изъ него, по дорожвѣ, можно иодняться на вершину скалы, откуда видёнъ весь городъ, пред-ставляющійся въ видё общей, пестрой массы.

На другой сторон'й Куры находится еще караванъ-серай, общественный садъ Муштандъ и н'ймецкая колонія, состоящая наъ н'йсколькихъ десятковъ чистенькихъ домиковъ, окруженныхъ небольшими садиками. Всё жаловались намъ на климатъ Тифлиса, какъ нездоровый, страшио жаркій и слишкомъ сухой, — на недостатовъ воздуха; но для насъ этотъ воздухъ, посл'й петербургскаго, казался ароматомъ, и мы не могли имъ надышаться.

Все же, какъ ни понравнися намъ Тифлисъ съ своими роскошными, теплыми ночами, а надо было Бхать, -- и воть въ одно, двиствительно прекрасное угро мы свли въ тарантась и отправились въ Баку. Теперь мы напрасно искали величественныхъ горъ или красивыхъ пейзажей, — пришлось ёхать по свучной, однообразной мёстности. Иногда цёлыми часами надо было вхать по ваменистому руслу высохшихъ рёвъ, или перезванать въ бродъ горныя, шумныя рёчки; взбираться въ гору по невообразниой грази, такъ что въ карсту впрагали по 12-ти лошадей; но случается, что задерживающая сила грязи слишкомъ велика, тогда лошади отрывають переднія волеса, а экипажъ и путешественники остаются посреди дороги. Но, къ счастью, съ нами ничего подобнаго не случилось. Только оть постоянныхъ и сильныхъ толчвовъ-сельныхъ настольво, что мы, какъ мячики, летали изъ одного угла тарантаса въ другой — мы были страшно измучены: вазалось, что наши бъдныя кости не добдуть въ цёлости, тёмъ болёе, что ночлеги туть очень неудобны, а станція еще несравненно хуже, чёмъ до Тифлиса; почти ниглё нельзя было достать вурицы или янцъ, — на нёвоторыхъ даже хийба не было. Я только удивлялась жизни этихъ несчастныхъ станціонныхъ смотрителей и ихъ семействъ, и спранивала, кагъ имъ жавется, но оказывалось, что они были бы очень довольны своимъ положеніемъ, если бы имъ иногда не доставалось стъ требовательныхъ и нетерибливыхъ пробажихъ. Только въ Шемахѣ для нась былъ приготовленъ богатый домъ какого-то ар-, мянина, навормившаго насъ росвошнымъ ужиномъ со всевоможными фруктами и даже петербургскими конфектами, --- хоть это и мелочь, но въ тавой глуши, какъ Шемаха, и на это стонть обратить внимание. Въ Елисаветноле оказалась даже гостиница, хотя очень жалкая. Здёсь я въ первый разъ увидёла ужасную персидскую болёзнь — «годовикъ», или «bouton d'Aleppo», какъ его называють. У одного вся голова инела видъ сплотного съраго струпа, у другого были поражены объ щеви; извоторые были съ страшно изуродованными лицами, тораздо хуже, чёкъ послё оспы, такъ что видь этихъ несчастныхъ производних страшно тажелое впечативніе, и им рады были поскорви увхать изъ этого грязнаго, болевненнаго города. Навонець, послё шести-дневной тряски по невообразимо-гразнымъ дорогамъ, им въёхали въ Баку.

Посл' Тифлиса, городъ Баку показался мн' какой-то отвратительно-грязной ямой, насквозь пропитанной тяжелымъ запахомъ нефти. Онъ состоить изъ двухъ частей — верхней,

282

нохожей на европейскій городъ, хотя и туть нёть ни одной чистой прямой улицы, а б'ёлыя, казенныя зданія еще рельефнье выставляють окружающую грязь. Внику - вполна азіатскій городь сплошного грязно-сёраго цвёта, съ остатками кръ-постной стёны, развалинами ханскаго дворца, старой мечетью в Дівничься башней. Въ этой же части стойть губернаторскій домъ съ порядочнымъ садикомъ; влубъ, гдъ увеселяется все бавинское невзыскательное общество, и циркъ, окруженный чёмъ-то въ родъ парка, еще очень молодого. Съ бакинскимъ пиркомъ намъ пришлось познавомиться лично: на другой или на третій день послё нашего пріёзда было назначено представленіе съ какой-то благотворительною цёлью. Билеты намъ прислали, и мы отправились; циркъ на этоть разъ былъ полонъ больше оттого, что всёмъ хотёлось посмотрёть на посланника. Представление было изъ рукъ вонъ плохо, на вздники никуда не годились, а одна изъ набадницъ, вибсто кольца, соскочила за барьеръ и упала въ ногамъ публиви; клоуны же своею глупостью только и могли смёщить бёдныхъ людей, не имёющихъ другихъ развлеченій. Къ счастью, еще въ этотъ разъ погода была хорошая и сквозь щели крыши только сіяли ясныя звёзды, а то случается, что сидять подъ зонтиками, а если ужъ погода очень плоха, что здёсь бываеть большей частью, то представленія отм'вняются по н'вскольку разь, и б'вдная, скучающая публика развлекается только ожиданиемъ лучшей погоды. Въ хорошіе, ясные дни бавинцы показываются на свёть Божій и гуляють по набережной, грязной и зараженной до отвращенія, на которой мёстами даже въ сухое время года рискуешь утонуть нли провалиться, вмёстё съ экинажемъ; но за то съ нея чудный видь на Каспійское море, только, конечно, въ асный, солнечный день, вогда оно переливается милліонами изумрудовъ и алмазовъ, а прозрачныя, зеленыя волны слегка ударяются о берегъ, засыпанный мелкими раковинами. Но мы не любили набережной и почти каждый день вздили на Баиловъ мысъ, въ полутор' верств отъ города, гдъ чистый, морской воздухъ, да и видъ лучше. Извощиви здъсь, кажется, больше татары: у всёхъ парныя, маленькія волясочки, въ которыя, впрочемъ, страшно садиться, — того и смотри, что онв развалятся; сами же они въ разодранныхъ бараньихъ шанкахъ и въ кафтанахъ изъ сплошных заплать или просто болтающихся лоскутьевь. Вообще, банить по городу можно только днемъ, потому-что онъ не освёщается ни однимъ фонаремъ, хотя бакинской нефти достало бы освётить всю Pocciro.

Разъ им побхали въ Балахано, посмотрёть на знаменитие бакинскіе огни, которые выходять изъ расщелинъ земли въ вид'я длинныхъ, желто-волотистыхъ языковъ; только мелькомъ мы осмотрёли нефтяной заводъ Мирзоева и даже не могли посётить лельи одного индійца-отшельника, почитателя огня, потому что погода была ужасная: шель проливной дождь и сильный вётеръ задерживаль даже быть лошадей. Возвращаться оттуда пришлось вечероиъ, по ужасной дорогъ, все время фантастически освъщаемой зажженными факелами въ рукахъ скакавшихъ вокругъ казаковъ. Въ одной маленькой деревушкъ, лежащей при дорогъ, приготовили въ честь посланника иллюминацію, состоящую изъ множества зажженныхъ факеловъ и плошекъ. Вышла дикая, но эффектная картина: нёсколько маленькихъ сёрыхъ избушекъ съ плоскими врышами, на которыхъ видиблись закутанныя женскія фигуры, а внизу цёлый рядъ мужченъ въ пестрыхъ кафтанахъ и мохнатыхъ шапкахъ, - все это было облито ярвимъ, мерцаюшемъ свётомъ.

Десять дней прожили мы въ Баку и рады были, наконецъ, разстаться съ этимъ городомъ. 6-го декабря, вечеромъ, сѣли мы на военный пароходъ «Насръ-Эддинъ-Шахъ», уже нѣсколько дней стоявшій на якорѣ въ ожиданіи посланника. До утра мы простояли на рейдѣ, и при первыхъ лучахъ свѣта поплыли къ берегамъ Персіи. Море было какъ зеркало, и мы, послѣ 30-ти-часового хода, благополучно добрались до персидскаго порта Энзели, флотъ котораго состоялъ изъ двухъ десятковъ лодокъ очень первобытной постройки и единственнаго, но совершевно испорченнаго шахскаго парохода. Еще не успѣли мы бросить якорь, какъ были уже окружены персіянами въ большихъ и маленькихъ лодкахъ (киржниъ), какой-то странной формы и такихъ легкихъ, что онѣ нырали въ волнахъ какъ скорлупки; но оказалось, что какъ овѣ ни страшны на видъ, на нихъ однако можно переплыть Каспійское море, — конечно, въ тихую погоду.

Но воть подплыли деё большія лодки, устланныя краснымъ сукномъ, съ матросами-персіянами въ бёлыхъ кургкахъ и маленькихъ пестрыхъ шапочкахъ, и повезли насъ къ берегу, сопровождая каждый ударъ весла странными восклицаніями, въ которыхъ постоянно слышалось имя Али. На берегу насъ встрётили множествомъ церемоній: русскій консулъ, пріёхавшій изъ Решта, секретарь посольства, докторъ изъ Тегерана и цёлый радъ персидскихъ мёстныхъ представителей въ шитыхъ, блестащихъ мундирахъ, увёшанныхъ орденами и дорогими каменьями,

встрётнии посланника привётственною рёчью; дальше стояла шпалерами персидская гвардія въ врасныхъ мундирахъ, еще дальше сарбазы — что-то въ родѣ конвоя, въ синихъ куртвахъ н туфляхъ на голую ногу, вооруженные палками, воторыми они должны были разгонять толпу любопытныхъ, покрывшихъ берегъ сплошной пестрой массой. Послё нёсколькихъ церемонныхъ представлений, сопровождавшихся странными и непонятными для насъ внаками уваженія и расположенія, какъ намъ потомъ объяснили, насъ повели, въ сопровождении сарбазовъ, въ приготовленный для пріема посланника шахскій дворець, совсёмъ не-поддерживаемый и полуразвалившійся отъ времени, но за тоокруженный великолёпнымъ садомъ померанцевыхъ деревьевъ. Въ зучшей комнатъ дворца, устланной дорогими персидскими коврами, былъ наврыть столь, украшенный цебтами и фруктами. Не успѣли мы войти, какъ явились громадные подносы плодовъ и всевозможныхъ сладостей, приготовленныхъ на соли, такъ-что ничего нельзя было взять въ роть. Эта исторія съ приношеніями оть мёстныхъ хановь повторялась потомъ въ каждомъ городѣ и стоила всегда нѣсколько десятковъ червонцевъ.

Отдохнувъ немного, мы пошли осматривать башню, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца; башня эта довольно высокая — въ четыре или пять этажей, вокругъ которыхъ идуть крытыя галерен, а внутри комнаты наружныя стѣны сплошь украшены мелкими скульптурными арабесками, совершенно испорченными дождемъ. Комнаты тоже въ запустѣніи и только одна изъ мелкой зеркальной мозанки хорошо сохранилась. Вообще всѣ дворцы шаха, которые не посѣщаются имъ, или посѣщаются только проѣздомъ, очень дурно содержатся; можетъ бытъ отгого, что ихъ у него уже слишкомъ много, и содержать ихъ сто̀нтъ дорого.

На другой день им отправились въ Решть, сперва по заливу, иежду высокихъ тростниковъ, въ лодвъ, похожей на будку, а потомъ по маленькой ръчкъ Пефибазаръ, гдъ насъ тянула бичевой та же персидская гвардія въ красныхъ мундирахъ; потомъ насъ посадили въ тахтараваны—деревянные ящики въ родъ шкафовъ укръпленные на спинахъ двухъ муловъ; сидъть въ нихъ непреивно нужно было по-двое другъ противъ друга и не иначе, какъ вытанувши ноги, потому что скамеекъ въ нихъ не было. Когда мы стали жаловаться на неудобство этихъ экипажей, въ особенности неудобно было входить и выходить—каждый разъ надо было приносить лъстницу и лазить какъ на гимнастикъ, то намъ сказали, что здъсь это самый удобный и самый модный способъ путешествія, иначе не угодно ли сидъть въ корзинкахъ, перекинутыхъ черезъ спину осла въ такъ-называемыхъ кеджево, или вхать верхомъ по-мужски на персидскомъ свдлё, какъ дълають почти всё персіянки.

Въ Рештв им остановились въ дом'в воисула, а на другой день утромъ снова усёлись въ наши ящики и поёхали дальше. Въ самомъ Рештё и его окрестностяхъ меня поразнии испитыя сброзеленыя лица народа; овазалось, что это все несчастныя жертвы изнурительныхъ лихорадовъ, отой вѣчной эпидемія сырыхъ провинцій Персів. Въ продолженія шести дней лазили мы въ наши ящики и вхали по невообразнимиь дорогамь, поднимались и спускались по каменистымь врутымъ горамъ, такъ что нельзя было сндёть на лошади, и легко было или перекувырнуться черезъ голову, или опрокинуться назадъ; мы въ своихъ экнпажахъ неръдко пренемали почти вертивальное положение; цёлыми часами висёли надъ пропастями, на див воторыхъ по вамнямъ бъжали шумныя, горныя рёчки; завтракали иногда на открытомъ воздухё на берегу ръви подъ тёнью оливковыхъ деревьевъ; ночевали на станціяхъ, въ ужасныхъ комнатахъ, иногда безъ трубъ, такъ что надо было уходеть, пока топился ваминъ, и вибсто окошекъ съ цёлымъ десяткомъ невапиравшихся дверей; если былъ вётеръ, то ковры на полу поднимались и опускались какъ волны; бывали впрочемъ и порядочные дома, удобство которыхъ исвупало недостатви другихъ; если приходилось останавливаться въ вавомъ-нибудь городъ, то обывновенно намъ отдавался лучшій домъ. За то въ провизіи здъсь уже не было недостатка, какъ на Каввазъ, и если бы принимать всёхъ барашковъ, подносимыхъ во всёхъ деревняхъ, то пришлось бы ввести въ Тегеранъ цёлое стадо; вром'й того, цыплята, дикія курочки и какія-то маленькія птички сопровождали насъ въ изобилін; апельсины, наринги и гранаты являлись при важдой остановве въ громадномъ воличествъ. На седьмой день, версть за сто слишкомъ отъ Тегерана, шахъ выслалъ на встречу посланника свои экипажи-большую карету и воляску; я никакъ не ожидала встрётить здёсь европейскіе экипажи, и узнала, что они есть не только у шаха и его министровъ, но и у многихъ богатыхъ хановъ.

На третій день мы прівхали въ гор. Кенть, гдё для насъ быль приготовленъ загородный дворецъ шаха, и тамъ встрётили посланника остальные члены русскаго посольства: первый секретарь, драгоманъ и др. Надо было теперь приготовиться къ торжественному въёзду посланника въ столицу Персіи. На другой день, — это было 21-е декабря, — замёнивъ наши дорожные ко-

286

стюмы свёжних туалетомъ, выёхали мы изъ Кента въ Тегеранъ нёсколькими часами раньше посланника, потому что вдёсь, какъ и вездѣ на Востовѣ, женщина не показывается ни при какихъ оффиціальныхъ церемоніяхъ. Въ нёсколькихъ верстахъ оть города m-me Зиновьева была встрёчена дамами посольства, кото-рыя и проводили ее до дому. Чёмъ ближе въ Тегерану, тёмъ больше зам'ятны были приготовленія для встрёчи представителя. Россін. На первомъ план'я группа всадниковъ въ черныхъ каф-танахъ и круглыхъ шапкахъ — это армяне — русскіе подданные; затёмь, цевть персидскаго воинства, въ блестящихъ мундирахъ, двумя теренгами стояль по об'в стороны дороги, а дальте цв-лая толпа какихъ-то необыкновенно см'вшныхъ фигуръ, въ пестрыхъ костюмахъ и высокихъ шапкахъ, украшенныхъ цебтными перьями, лентами и звонками, — оказалось, что это были шахскіе скороходы и шуты. Но шахъ выразилъ свое особенное расположеніе въ руссвому посланнику тёмъ, что выслаль ему на встрёчу восемь лучшихъ своихъ лошадей съ выврашенными врасными хвостами. Лошадей все время вели подъ уздцы. Но воть, нако-нець, высокая городская ствна, громадныя ворота, украшенныя красивыми персидскими рисунками — и мы въёхали въ городъ; еще подъ воротами нъсколько персіянъ, съ мъдными чашками, предлагали намъ воды, чтобы получить нёсколько монеть. Про-тважая по улицамъ, мы ничего не видёли, кромъ высокихъ, раскрашенныхъ стёнъ, окружавшихъ дома, и верхушки выгляды-вавшихъ деревьевъ; на улицахъ толпы народа, а на стёнахъ навшихъ деревьевъ, на улицахъ толпы народа, а на ствиахъ и врышахъ суетвлись преимущественно закутанныя персіянки. Пробхавъ нёсколько улицъ, между прочимъ, Европейскую, на-вываемую такъ потому, что тамъ находятся зданія англійской, французской и турецкой миссій, мы въёхали на базаръ, на-помнившій мнё Тифлисъ; еще нёсколько шаговъ—и опять высокая ствна, ворота, и мы въ домв посольства. Я увидела большой, почти круглый дворъ, усаженный высокими чинарами, ку-стами розъ и сиренью, посреди большой бассейнъ съ золотыми рыбками, кругомъ кипарисы, обвитые розами; а въ концё большое полукруглое двухэтажное голубое зданіе съ сёрыми колон-нами, тремя арками и высокими подъёздами. Выйдя изъ экипажей, мы отправились прямо въ церковь, для которой просто отдёлена комната въ томъ же зданія; церковь оказалась очень образовъ, одинъ даже лубочный иконостасъ, нёсколько маленькихъ образовъ, одинъ даже лубочный, два подсвёчника — и все, даже лампады не было передъ царскими вратами; алтарь также очень объдный. Оттуда мы пошли домой, гдё былъ накрытъ столъ; на288

скоро позавтракавъ, такъ какъ намъ хотёлось увидёть церемонію въёзда, и мелькомъ осмотрёвъ комнаты, мы отправились, по примёру персіяновъ, на стёну дома.

Нивогда, ни прежде, ни послё, не видёла я въ Персін такого громаднаго собранія народа, какъ въ этоть день. Оказалось, что не только всё жители столицы, но многіе явились изъ окрестностей, чтобы видёть эту рёдкую церемонію. Черезъ нёсколько времени раздались выстрёлы, послышалась музыка, проскакало нёсколько конвойныхъ казаковъ и персидскихъ сарбазовъ, палками разгонявшихъ толпу, и, наконецъ, показался посланникъ: весь облитый серебромъ, горёвшимъ на солнцё, на великолёпной арабской лошади, онъ медленнымъ, церемоніальнымъ шагомъ подвигался впередъ; за нимъ члены посольства, всё въ полной формёь, толпа блестящихъ персидскихъ всадниковъ, конвой, темныя фигуры армянъ — и сзади тысячная, пестрая толпа, безжалостно давившая другъ друга. Казалось, самъ шахъ въёзжалъ въ свою столицу, — такъ торжественно было это шествіе. Но вотъ своя въёхали на дворъ, блестящая свита поскакала домой, а пестрая толпа долго еще бродила по улицамъ, все ожидая чего-то.

II.

Такъ кончилось наше шестинедъльное путешествіе; начиналась тихая, однообразная, замкнутая жизнь; первое время это не было еще очень замътно, потому что давались объды, было нъсколько маленькихъ вечеровъ, и это было необходимо, чтобы ознакомиться со всъмъ обществомъ. Но потомъ одно время мы не видали почти никого, потому что заболѣлъ малолѣтній сынъ посланника, схвативний лихорадку еще въ Елисаветполѣ; черезъ мѣсяцъ, несмотря на леченье докторовъ всѣхъ миссій, бѣдный мальчикъ умеръ, и невольно все затихло еще больше. Посольство наше состояло изъ четырехъ семействъ, священника грузинамонаха, перваго секретаря и сперва одного attaché, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прівхалъ другой, такъ что общество было не особенно большос; жизнь въ одномъ домѣ, при одной и той же обстановкѣ, такъ сблизила обще интересы, такъ ограничила ихъ, что нерѣдко при встрѣчахъ не о чемъ было говорить: разговоръ матерей вѣчно вертѣлся на хозяйствъ и дѣтяхъ; даже о туалетахъ мало говорили, потому что некуда было нарыжаться. Внѣшняя жизнь какъ-то мало насъ ватрогивала: почта приходила въ дъв недѣли разъ и, слѣдовательно, привозила далеко не

стятія извёстія; только телеграммы время оть времени сообщали. побёду или неудачу нашихъ войскъ въ Азіи или въ Европъ. За то и волновались же мы въ почтовые дни; кто ждалъ изъ Россіи писемъ отъ родныхъ или знакомыхъ, кто политическихъ изъстій, и горько было разочарованіе, если писемъ не было или ночта опакдывала иногда на сутки и даже на иъсколько, во иреня заваловъ на Кавказѣ. Я помию, разъ была назначена стрёньба въ цёль конвойныхъ казаковъ, въ верстё оть дома, даже и это послужило развлеченіемъ, и всё пошли туда же смотрёнь; черезъ иъсколько времени послышался лошадиный топоть, и инуту спустя изъ-за холма показался чапаръ (почтальонъ), съ двумя сумками у сёдла; какъ только его замѣтили, стрёльба была забыта, и всё чуть не бѣгомъ бросились домой, чтобъ только получить скорѣй письма и газеты.

Съ другими посольствами у насъ установились вполий оффи-ціальныя отношенія, ограничивавшіяся визитами и ибсколькими обдани; впрочемъ, семейные дома только и были въ англійской инссін, а францувское посольство состояло всего изъ одного представителя, очень древняго старичка; австрійское также изъ одного, А и тоть ввчно путешествоваль по персидскимъ горамъ, а семья турецкаго посольства для насъ совсёмъ не существовала, такъ что волей-неволей и приходилось ограничиваться своимъ обществомъ. Разъ только произошло соединение всёхъ европейцевъ по случаю лонашнаго спектакля у англичанъ, куда были приглашены всъ, даже и ведипломатические круги. Спектакль быль довольно удачень и послужнить тэмой для разговора по крайней мёрё на двё недёля. Играли двё небольшія англійскія пьесы, но резюме было напечатано по-французски, такъ что всёмъ было болёе или менёе цонятно. Выйзжали мы изъ дому очень рёдко, всего раза три, четыре въ зиму, вёчно съ конвоемъ — и то все по одной и той же дорогѣ, къ загородному шахскому дворцу, довольно краснвой постройкв, съ большимъ роскошнымъ садомъ въ несколько террассь, громадными бассейнами и фонтанами. Ходили раза два в наленькій дворець шаха въ городъ, всегда окруженные цвниъ десятномъ оборванныхъ сарбавовъ съ туфлями на босую ногу и буковыми палками въ рукахъ.

Дворцы въ Персін довольно однообразны, какъ по архитевтурі, такъ и по внутреннему убранству; они обыкновенно въ нісколько этажей, соединенныхъ внутренней, винтовой лістиицей; наверху башенки съ балконами; наружныя стіны украшены лішной рельефной работой и пестро раскрашены. Что касается убранства комнать, то въ каждомъ дворці есть не-

TONS IL .- MAPTS, 1879.

Digitize 19, Google

прем'внио хоть одна, где стены и потоловъ поврыты живописьно; на потолкв обывновенно вакой-нибудь шахъ снанть съ ногами . на своемъ низкомъ тронъ, окруженный министрами; чаще другихъ Фетали-шахъ, съ дливибншей черной бородой, памятный народу своей свириностью, ризавший безпонцадно носы и упин правовърнымъ, тавъ что, говорять, они валялись по улицамъ цвлыми грудами. На ствнахъ тоже нахи и принцы, иногда сцены изъ ихъ доманией жисни, -- впрочемъ, ничего невыражающія; въ одномъ дворцё мы встрётние комнату съ неображеніями звёрей кавихъто небывалыхъ породь: тутъ были п сказочные дравоны и огненныя виби, но были и существующіе звёри, хота и въ болёе ужасномъ видё. Вездё есть компаты, стёны и потоловъ воторыхъ изъ зержальной мозанки, и надо сказать, что это - самыя эффектныя; устланныя мягкимя коврами съ низними широкими двранами и мутаками (подушнами), освёщенныя хрустальными люстрами, онъ бывають необывновенно хоронии. Въ убранство нёкоторыхъ закралось уже жного европейскаго: очень часто встрётные комнаты, оклеенныя обоями, съ драпри и портыерами изъ нашихъ матерій. Въ одномъ маленькомъ дворцѣ мы видёли очень оригинальную комнату, всю оклеенную картиивами русскихъ иллюстрацій! Осматривали также бани, и вкоторыя взъ нихъ действительно хороли, вруганя вли многоугольныя, съ куполами вийсто врышъ; внутреннія стёны ихъ в потоловъ разрисованы хотя пестро, но врасиво; поль или мраморный, или изъ глазурованныхъ пестрыхъ карпичей; бассейны, фонтаны, ниши съ вдёланными въ нихъ ваннами, мраморныя горви, спускающіяся въ бассейну; хрустальныя люстры и разноцвітные фонари врасиво освъщають эту оригинальную обстановку, а небельшія отділенія по сторонамъ, съ мягвеми вовраме и диванами, придають ей уютный видъ.

За исключеніемъ нашихъ рёдкихъ выёдовъ, большую часть дня мы проводили въ своемъ саду, окруженномъ высовой, неприглядной стёной, изъ-за которой тольно и было видно вёчно сіяющее, южное, синее небо, да искрившияся на солнцё верхушки снёжныхъ горъ. Замой этоть садъ не представлялъ большого интереса, потому что большая часть деревьевъ стояла безъ листьевъ, за исключеніемъ нёскольвихъ зимнихъ розъ. Но вотъ насталъ февраль мёсяцъ, вёстникъ весни въ Персія, деревья поврылись почками, а черезъ три недёли садъ нредставлялъ роскошную смёсь зелени и бёлоснёжныхъ, душисъмъ цвётовъ, вищень, абрикосовъ и миндальныхъ деревьевъ, котя и не

290

такихъ голосистыхъ, какъ наши курскіе, и роскошныхъ персидскихъ розъ всевозможныхъ оттёнковъ и величинъ съ безчисленинъъ множествомъ лецестворъ; въ ийкоторыхъ мы насчитывали болёе двухсотъ. Я никогда не могда себё представить исдобнаго количества цвётовъ: ихъ было больше на кустахъ, чёмъ листьевъ, дорожии были буквально засываны лепестками, въ коминтахъ у насъ стояли десятки букетовъ, и все-таки ихъ некуда было дёвать. Весна въ Персіи чудо какъ хороша! въ эти дни не хотёносъ выходить изъ сада, и мы до полуночи просиживали или подъ деревьями, или на террассё, а иногда и на стёнъ; читыи, пёли и играли въ реціх јеих, а иногда и просто любовалюсь роскошнымъ небомъ и созв'яздіями.

Разъ, это случилось въ февралѣ мѣсяцѣ, быль свѣтлый лунный вечеръ, ни одного облачва не было видно, а луна мало-по-малу стала темиѣть и, наконецъ, скрылась совсёмъ; мы авали, что въ этоть день должно быть затмѣніе луны и приготовились наблюдать это интересное явленіе; какъ вдругъ начадась пальба изъ пушекъ, въ городѣ послышался страшный крикъ, затѣмъ ужасный концерть; кто биль въ барабанъ, кто колотилъ въ мѣдную посуду, даже собаки подняли страшный лай и ослы стали ревѣть; оказалось, что персіяне прогоняють этимъ шумомъ чорта, который будто би хочетъ украсть луну. Кончилось, конечно, тѣмъ, что персіяне восторжествовали надъ чортомъ, такъ какъ черевъ часъ луна стала снова проясняться и, наконецъ, явилась въ прежнемъ блескѣ.

Девятаго марта у персіянъ празднуется Новый годъ (Наурузъ), и они правы, начиная свой годъ съ весны, когда вся природа будто оживаеть и снова является во всемъ блескв. Всв носольства вздять, конечно, поздравлять шаха в его министровь, и получають обыкновенно ордена, различныя степени Льва и Солнда, вром'в того, въ прежнее время, шахъ присылалъ большіе подносы съ мелкой серебряной монетой, но при мий этого не было. Еще за долго до Новаго года, у персіянъ есть тажелый пость, въ память смерти ихъ халифа Али, и въ эти дни фанатики бъгають по улицамъ, распъвая пъсня корана и въ какомъ-то изступлении ударають себя камнями и винжалами въ грудь и голову и, обливаясь вровью, продолжають пёть. Пость нерсіянъ состоять въ томъ, что они не должны ничего ни всть, ни пить, ни даже курить, что для нихъ самое большое лишеніе, оть восхода до заката солнца, такъ что во время поста ночь заябняеть у нихъ день, а день обращается въ ночь. Но такъ нань простой народъ днемъ долженъ работать, то за время поста

19*

онъ страшно изнурается и ходить съ поглупѣвшими сонными физіономіями.

Но вотъ прошелъ и мартъ мъсяцъ, весна уже утратила. свою первую прелесть, жары стали утомительны; прошелъ н нашъ великій пость, на страстной недблё всё исповёдывались, и пріобщались, а въ посл'ёдніе дни занялись убранствомъ церкви, шили новыя покрывала на аналон, чистили образа, сдёлали гирлянды изъ бёлыхъ лилій и розъ и убрали ими плащаницу и весь иконостась; наступила свётлая заутреня, и хотя постороннихъ не было, всё надёли лучшіе туалеты, мужчины форму и, отстоявь об'ёдню, пошли разгавливаться въ посланнику, устроивъ сначала великолбиный фейерверкъ, замёнившій пушечные выстрёлы. Грустно бываеть въ такіе дни находиться далеко оть родины, но дёлать нечего, надо было довольствоваться тёмъ, что было, а было очень немного-всего врошечный уголовъ Божьяго міра за сброй, высокой стеной, и глазъ, просившій простора, ничего не видёль за ней. Садь погустёль и потемиёль, деревья и цвѣты отцвѣли, только еще гранаты красовались въ своихъ врасныхъ махровыхъ шапкахъ. Скоро созрѣли вишни, абрикосы, пора было оставить душный городъ, а между тёмъ дача не готова, и мы поневолё должны были задыхаться оть жары и проводить безсонныя ночи, благодаря мустивамъ, воторые страшно насъ мучили, а спастись отъ нихъ не было нивакой возможности, потому что эти маленьвія мошки-невидимки, и въ сто разъ несносние нашихъ комаровъ.

Только во второй половинѣ мая, когда давно уже всё европейцы жили въ горахъ, выбрались мы, наконецъ, изъ города и поселились въ долинѣ, у подошвы небольшого холма, въ двѣнадцати верстахъ отъ Тегерана, въ мѣстечкѣ Зергендэ. Дача наша имѣла видъ лагеря, потому что вокругъ были раскинуты десятки палатокъ, гдѣ помѣщалась персидская стража въ числѣ шестидесяти человѣкъ, охранявшая насъ отъ своихъ собратовъ – надежная охрана! Всѣ члены посольства имѣли отдѣльные глиняные домики изъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ, разбросанные тамъ и сямъ у подошвы холма. Нашъ домъ – большой, одноэтажный, съ громадными комнатами, такъ что въ одной залѣ помѣщался домъ секретаря и по сторонамъ еще оставался корридоръ, но, несмотря на это, очень неудобный, и мы съ трудомъ могли помѣститься. Террасса, бассейнъ и маленькій цвѣтникъ были украшеніемъ фасада, а съ другой стороны къ нему примыкалъ большой, тѣнистый садъ, лежавшій нѣсколько выше дома и шедшій до самаго холма. Въ саду было

иного тутовыхъ деревьевъ, и по утрамъ на нихъ можно было всегда видёть по нёскольку персіянь, наслаждавшихся тутовыми агодами, очень сладвении, но съ отвратительнымъ запахомъ; по всчерамъ начинался тоскливый крикъ совы, надъ головами метались летучія мыши; громадные черные жуки, сновавшіе изъ стороны въ сторону, то-и-дъло ударяли въ лицо, а по дорожвамъ нолзали черепахи, искавшія добычи. Здёсь не было уже ни роскошныхъ ровъ, ни соловьевъ, и все-таки было несравненно лучше, чёнь вь городь: честый, горный воздухь в полный просторь; не было ужасной сёрой стёны, и на далевое пространство виднёлись позеленъвшіе, на время, поля, сады, песчаные холмы, а въ патн верстахъ, свалистия горы съ бёлими вершинами и съ разбросанными по свлонамъ деревушвами и садами. Но жаръ былъ и ядесь подчасть нестерпимый: выходить до заката почти не было возножности, солнечные лучи обжигали вакъ випаткомъ, и больную часть дня ны сидели или въ полутемныхъ вомнатахъ, или в саду подъ гигантскимъ каратегомъ, не пропускавшимъ ни одного луча. Ходили мы мало, только иногда передъ закатомъ ноднимались на холиъ, чтобы посмотрёть на уходившее за горы солнце; иногда ходили версты за двё по берегу рёки, сухой в продолжени всего лёта, а больше бродили по аллев, шедшей къ большой дорогъ, или сидъли цълые вечера на мостикъ безводной рёки, занимаясь подчась астрономіей, болтая о чемъ придется. Только раза три устроены были parties de plaisir въ шахскіе дворцы съ великолёпными садами; въ одномъ осмотрёли ввёринець съ какимъ-нибудь десяткомъ ввёрей, въ маленькихъ влётнахъ и за такими непрочными рёшетками, что невольно было жутко видёть, какъ равсерженный левъ начиналъ ее трясти.

Ш.

Такъ проходнао лёто, тихо, однообразно. Ежедневнымъ развлеченіемъ были бесёды съ далялями: персидскими и армянскими купцами, которые являлись на террассу и раскладывали передъ нами цёлые магазины товаровъ — тутъ были и ковры, и́ шитыя сафетки и шали, мёдныя и булатныя вазы, рёзныя, украшенныя золотомъ, замёчательно тонкой работы, древніе кинжалы и шашки, драгоцённые каменья, преимущественно бирюза, и тутъ же какое-нибудь украшеніе, снятое съ лошади. Только конецъ іюля и августъ были немного оживленнёс; благодаря побёдамъ нашихъ войскъ, давались об'ёды, затёвались танцы, фейерверки;

293

все это нёскольно разнообразило обыденную жизнь; а туть и сентябрь подошель, начало осени; дни уже не были такь томительно жарки, а вечера были совсёмъ прохладны; на небё стали ходить легкія тучки, не повазыванніяся цёлое лёто; раза два выпаль дождь, а вершины горь сдёлались бёлёе. Черезь мёсяць надо было переёзжать въ городь, и снова запереться за высокой стёной; къ счастью, миё не пришлось испытать этого удовольствія во второй разь, потому что я должна была вернуться въ Россію въ концё сентябра.

Спутнивами монии на этоть разь были: севретарь астрабадскаго консульства и казакъ-чеченецъ изъ свиты нашего военнаго, агента, генерала В. Франкини, а свиту нашу составляли курьерь, поварь и чарвадары, т.-е., погонщики муловъ, нагруженныхъ нашими чемоданами. Рёшено было ёхать на Астрабадъ, такъ какъ въ Рештё въ это время предполагалась чума; дорога эта, хотя она вдвое длините и еще болве опасна, не страшила меня, потому-что объщала много новаго интереса. Оказалось, что žхать по этой дорогъ въ тахтараванъ немыслимо, такъ какъ придется пробираться по узкимъ тропинкамъ надъ глубокими пропастлин, гдъ тахтараванъ пройти не можеть, и потому были заказаны два деревлиныя вресла безъ ножевъ, соединенныя вибств двумя палвами, воторные они приврёплялись въ спинё мула; въ одно вресло должна была сёсть я, а въ другое положили грузъ, такъ какъ мужчини Бхали верхомъ; но было рениено, что если вто-нибудь устанеть, то сядеть " въ другое вресло, спина осла замёнить намъ столъ и им будемъ или читать, или играть въ карты.

Сборы были довольно долги, но наконенть все было готово, и 24-го сентября им вытехали изъ Зергенде, сопровождаемые несврываемыми возгласами зависти, что мы оставляли эту милую страну. Оказалось, что мой экипажъ былъ далево не такъ удобенъ, какъ думали, я каждую минуту рисковала изъ него вылетёть, потому-что осель постоянно спотывался, хотя его и вели подъ уваци; да и сидъть было страшно неудобно, такъ что я съ трудомъ добхала до станцін. Къ счастью, у меня было съ собой дамское сёдло, но такъ какъ лишней лошани пока не нашлось, то курьеръ уступнаъ мнё свою, а самъ усвяся въ мое вресло. Оволо нятисоть версть пришлось мий сдёлать веркомъ вь продолжении одиннадцати дней; первые дни я очень уставала, но потомъ при-BURIA E CEARANA, FAE TONDEO GURA BOSMORHOCTE HE CROMATE POловы; это было даже весело, и устаность какь будто проходена; такъ что эта длинная дорога оставила впечатлёніе пріятной поваден. Вставали мы рано, въ седьмомъ часу выбажали со станціи;

Постоянно приходилось намъ встрёчать или перегонять громадные караваны этаковъ, нагруженныхъ тюками или кореннками; калкіе маленькіе ослики съ трудомъ передвитали ноги по тижелой каменистой дорогё, погоняемые еще болёе несчастными чарвадарами въ лохиотыяхъ и почти босикомъ. Такъ какъ въ горахъ бывають страшнын бури, и сильный вётеръ срываеть со скалъ животныхъ и людей, а зимой матели заносатъ цёлые караваны, то по дорогё постоянно нонадаются цёлые ряды пещеръ, высёменныхъ въ скалакъ, гдё въ это время и укрываются караваны и путешественники. Остановивнись отдыхать въ одной кроиечней деревушкё, всего въ пять-шесть домовъ, мы увнали, что тамъ погребены несчастные, занесенные снёгомъ въ горахъ. Меня особение поразила одна часть Амульскаго ущелья, гдё горы поднямались въ самынъ небесамъ, то отвёсно, то громадными выступами висём надъ геловой, и казалосъ, хотёли раздавить насъ; онё калъ будто силой разданнуты здёсь, чтобъ дать мёсто рёкѣ, которая туть особенно бушуеть и рвется. Въ одной громадной скалѣ, отвёсной

н гладвой, будто колированной, -- высйчена фигура шаха и десяти его министровъ. Я видйла Кавказъ, я была норажена его красотой, величіемъ, но это еще поразнательнёе Кавказа. Люди, которие знають Кавказъ наизусть, знають Швейцарію, Италію, говорять, что нигдё не встрёчали подобнаго. На пятый или на шестой день, горы приняли совершенно другой характеръ; въ нихъ уже не было ничего поражающаго, здёсь взоръ только любованся склонами, сплошь покрытыми оть подошки до вернины дёвственными лёсами; долинами, усёянными оливковыми и другими тропическими деревьями, которыя такъ и манили отдохнуть подъ ихъ тёнью. Мы въёзкали въ Мавандаранъ, эту вторую Южную Америку, по своей роскошной растительности. Рёка Амуль, кырвавшись, наконецъ, изъ сжимавшаго ее ущелья, илавно текла широкой полосой среди зеленой поланы. Но воть кончились и горы, кончились и лёса, гдё человёкъ съ трудомъ можеть пробраться сквовь ланы, сплошной стёной встрёчающіяся на каждомъ шагу. Отроги Эльбурса остались въ сторонё, начались болота, въ которыхъ лошади вязли выше колёнъ; нотомъ поля, кустарники, ежевики, и наконецъ на десятый день прибрежива степь Каспія, гай до сихъ поръ еще шалятъ туркмены, но нападають они почти всегда только на персіянъ, которые въъ очень трусять, и разсвазывають, что иногда одинъ туркменецъ ведеть на веревочкѣ нёколько захваченныхъ персовъ, русскихъ же они не трогають, потому-что сами ихъ боятся.

Города—Амуль, Сари, Бальфрушъ и др., въ воторыхъ намъ приплось останавляваться, мало чёмъ отличаются одинъ отъ другого: одинъ больше и какъ будто чище, другой меньше и грязнѣе, — вотъ ихъ главная разница; впрочемъ, чистота того или другого города зависитъ единственно отъ мёстности, потому что населеніе вездё одинаково не наблюдаеть за ней. Постройки очень еднообразны: одно-этажные или двухъ-этажные, сложенные изъ глини или кирпичей дома, почти всё съ плоскими крышами, за исключеніемъ домовъ нёкоторыхъ богатыхъ хановъ, придерживающихся отчасти европейской архитектуры. Въ каждой комнатё у нихъ множество дверей и оконъ, похожихъ на двери, нотому что всё устроены на полу; потоловъ и стёны невремённо бёлие; въ стёнахъ ниши, гдё стоятъ маленькіе сундучки, окованные мѣдью, мосанковыя шкатулки, зернала. Полъ покрытъ кли ковромъ, или просто цыновкой, посреди комнаты небольшая яма, гдё стоитъ мангалъ съ горячими угольями, туть же пекутъ чуреки; по угламъ цѣлыя груды пестрыхъ мутакъ. Лёстницы въ персидскихъ домахъ замѣчательны: у нѣкоторыхъ ступени въ

аршинъ вышины, такъ что надо имъть особенное искусство по нимъ подниматься; дворы выложены вврпичами; сады большей частью изъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, и все это вепрем'вино окружено высокой ствной, за которую не проникнеть ни одинъ любопытный глазъ. Ствин большей частью пестрыя, съ рельефнини укращеніями. Вообще въ этомъ видѣ скульптура у нерсіянь очень развита; работають они замвчательно скоро и не бекь вкуса, такъ что невольно удивляешься, какъ они своими грубыми пальцами такъ хорошо и быстро выдёлывають очень мельне рисунки и потомъ раскраннивають ихъ. Но эти скульпторы, вакъ и весь нижній классь населенія Персіи, им'вють очень жалкій видь: грязные, оборванные, съ вёчно испуганными глупыми выраженіями лиць, или съ отталвивающими плутовскими физіономіями, и производять тяжелое впечатлёніе. Этоть жалкій видь народа ясно говорить, что его сильно давить тяжелая рука деспотизма; еще и теперь персидские губернаторы, объбажая свои провинцій, считають необходимымъ повёсить нёсволько человёкъ, чёмъ-нибудь провинившихся, а другимъ оставить на памать нёсколько десятковь палочныхъ ударовъ, такъ что одно имя губернатора наводить на народъ панический страхъ в заставляеть его исполнать всё требованія.

Положеніе женщины въ Персіи еще тяжелёе: она не польвуется никакой свободой и одна едва смёсть показаться на улицу. Тороиливо пробиралсь вдоль стёнъ, закутанныя съ головы до ногъ въ свою синною чадру, женщины съ дётскимъ любопытствомъ разсматривають пробяжающихъ европейцевъ — феринги — какъ они насъ называють; но особенный интересъ возбуждають въ нихъ женщиныферинги. Во всёхъ городахъ онё провожали меня цёлнии толнами, наполняли дворъ того дома, гдё мы останавливались, упранивали не запирать оконъ, чтобъ можно было меня видёть. Сперва это смёшило меня, но потомъ я привыкла къ этой странной любезности. Кромё этого, въ каждомъ городѣ являлся какой-ннбудь юродивый или сумасшедшій дервишъ, садился передъ овнами и начиналъ распёвать молитвы корана на ужасные мотивы, и каждий разъ это продолжалось до тёхъ поръ, пока ему не давали нёсколько монеть.

Въ главномъ городё Мазандарана Сарн мы остановились въ богатомъ домъ какого-то важнаго хана. Странная смъсъ Востока и Запада такъ и бросалась въ глаза: большой двухъ-этажный домъ, съ башенками, балконами и другими уврашеніями. Съ одной стороны примыкалъ большой фруктовый садъ; съ другой—дворъ, большой бассейнъ и на другомъ концё низень-

вое, длинное строеніе; потомъ мы узнали, что это гаремъ. Въ большой, пріемной зал'я хана дв'я стёны были изъ мелкой, стокланной мозанки всевозможныхъ цевтовъ, ечень красиво подобранныхъ; потоловъ и двё другія стёны увращены пестрымы рисунками, а двери завишени ситцевным трапками, московской работи. Посреди большой столь, поврытый богатой салфеткой, полной пятенъ, вокругъ поломанныя стулья; вездъ грязь, безпорадовъ; углы забросаны мутавами, въ которымъ страшно по-дойти; дёти тоже грязныя, оборванныя, даже боспномъ; жены въ истопланныхъ туфлякъ. Онъ загащили меня въ себъ въ гаренъ, поставили самоварь и угостили часмъ изъ маленьнихъ рюмовъ. Съ любопытствомъ разсматривали мой нарядъ и всему очень налено удивлялись. Сами онъ мит не особенно понравились, ----только глаза у всёхъ хороши, --- да тё неъ нихъ, которыя еще очень молоды, а съ двадцати лёть онё уже дёлаются старухами; при томъ всё онё страшно набёлены и нарумянены, а брови соединены на лбу черной полосой, что придаетъ имъ видъ насовъ. Жизнь онъ ведуть виолнъ затворинческую; нъкоторыя оть не-чего дёлать занимаются работами-ткуть ковры, вынивають золотомъ, шелками; но большей частью проводять время въ томъ, что пьють вофе и курять кальянь. Внутренность гаремовь везды одинавова:-вовры, низкіе диваны съ мутавами, маленькіе столики, на низенькихъ ножкахъ, въ инпакъ ръзныя, издныя вазы, зеркала, сундуки и сундучки съ нарядами, възно дымящійся каминъ, или мангалъ, и непремённо нёсколько кальяновъ.

Послё Сари намъ пришлось почевать въ степи, въ слухой туркменской деревушкё; противъ гуркменъ мы были очень предубёждены, потому что послёднее время они сильно шалили; а наружность нашего козянна-оборванца, съ вскловоченными волосами, звёрскимъ лицомъ и мохнатой бараньей шапкой (ми прозвали его фалангой), еще больше усилила нашу подокрительность. Когда же онъ показать намъ свою лошадь — великолёцинаго туркмена, настоящаго Догони-Вётеръ, мы совсёмъ струснии, вообразнии себя въ шайкё разбойниковъ и, ложась спать, разложили вокругъ себя ружья, шашим, револьверы, кинжалы — и утромъ сами надъ собой посмёялись.

На десятый день мы пріёхали въ Ашрефъ, но въ самый городъ и не заглянули, а проёхали прямо въ загородный дворецъ какого-то шаха Аббаса, гдё намъ была приготовлена квартира. Окрестности этого дворца замёчательно краснии: съ одной стороны видна безконечная, роскошная, зеленая степь, за ней море, то синее и спокойное какъ зеркало, то черное и бур-

ное; вокругь холмы, самыхъ прихотливыхъ формъ и сверку до нику поврытые зеленымъ гесомъ; между ними и даже на санихъ склонахъ лёпятся врошечныя взбушки; а на самой вернить одного нах холмовь живонисныя развалины дворца, окруженнаго цёлних лёсока фруктовыхъ деревьевъ. Дворецъ, въ которомъ мы остановнинсь, также походниъ на развалины, потому что и въ немъ сохранились почти только однъ ствиы. Потолин провалились, лёдныя укращенія и картины на стёнахъ уничтожены временемъ и дождемъ, прониканимъ скозъ врину, и во всему отому не залиравшіяся окна и двери; вибсто укранений, на всёху стёваху и волочнаху виднёлись надписи иротяжавшихъ европейцевъ, и даже персіянъ. Вокругъ дворца нъсвольво общирныхъ садовъ, вогда-то отдёлявшихся высокими, каиспными стёнами, теперь развалившимися, такъ что мы бевъ больного труда перелёзали наъ одного сада въ другой. Передъ дворцомъ огромный бассейнь, а за нимь великолёпная аллея наь вёвовыхъ инарисовъ. Съ другой стороны-васкады, падая св изсколькихъ нощадовъ, спусваются ко дворцу; узвимъ каналомъ вода протекаеть галерою, украшенную колоннами, и съ высоты нёскольних сажень надаеть въ бассейнь. Садъ напоминаеть скорбе льсь, ныть ни дорожень, ни куртинь; изръдка попадешь на тронику, Богъ знаегъ къмъ проложенную; вокругъ лимонныя и апельсинныя деревья, на которыхъ плодовъ больше чёмъ листыны; подъ ногами валяются врёлые, золотисто-желтые, какь янтерь, апельсины, вдали еще какія-то развалины; а надъ головой чудное небо, осв'вщенное солнцемъ или усванное зв'язами, блесть которыхъ удивителенъ при здёшней прозрачности весдуха.

IV.

Насмотря на то, что вадо было спённить, им остались въ Ашрефё лишній день, — такъ тутъ было хорошо, уютно. Но и другой день прошелъ, и какъ ни жаль было, а пришлось ёхать дальше. Окрестиости измёнились: мы приближались къ морю и ёхали все время степью; къ вечеру достигли Перевала, сън въ маленькій баркасъ, и черезъ часъ были уже на островё Ашурь-Адэ. Это — крошечный уголокъ земли, недалево отъ береговъ Персія, на которомъ живетъ нёсколько семействъ морявовъ, на рейдё три-четыре военныя шкуны, канонерская лодка, баркасъ, шлюпки. Это русская военная станція, окраняюща персидскіе берега отъ набёговъ пиратовъ-туркиенъ, которые

299

поэтому замётно присмирёли. Самый островь въ очень несчастномъ состоянии: во-первыхъ, его постоянно нодмывають каспійскія волны и вслёдствіе этого онъ день ото дня становится меньше и при каждой бурё рискуетъ быть залитымъ водой совсёмъ; кромё этого, онъ полонъ бологъ, заражающихъ воздухъ міазмами, отчего тамъ часто свирёпствують лихорадки. Мнё пришлось прожить на немъ цёлую недёлю въ ожиданіи парохода и наслаждаться видомъ моря, да плескомъ волнъ, сндя у самой воды. Но, наконецъ пароходъ пришелъ, и мы ноплыли къ берегамъ Россіи. Было довольно тихо, такъ что качка не была чувствительна и, черезъ двое сутокъ, мы благополучно пришли въ Апшеронъ, гдё мнё пришлось выдержать десятидневный карантинъ.

Еще съ ранней весны стали поговаривать, что въ с.-з. Персін, именно въ Рештв, чума. Одно только слово: чума-поразило всёхъ вакъ громомъ; составилось множество плановъ о томъ, вакъ спастись оть нея, если ей вдругъ вздумается явиться въ Тегеранв: вто хотёль бёжать на Демовендь, чтобы купаться въ сёрныхъ источникахъ, вто въ Испагань, потому что тамъ жарче, а чума жаровъ боится. Персидское правительство устроило санитарную коминссію, гдѣ важдое воскресенье засѣдали всѣ евронейскіе довтора. «Это все персіяне заботятся о быстрёйшемъ распространенія эпидемическихъ болёзней», — говорилъ нашъ докторъ. Но сколько ни трунили надъ персидской коммиссіей, а, наконецъ, и сами отправили въ Рештъ своего доктора, чтобы изслъдовать болъзнь на мъстъ. Докторъ пробылъ въ Рештъ нъсколько дней, видълъ десять человёвъ больныхъ и, уб'ёдившись, что это были дёйствительно зачумленные, сжегь себь со страху голову карболовой кислотой и меньше чёмъ вдвое сутовъ проскакаль триста версть. Тегеранъ пришелъ въ волнение: персіяне отправили своихъ довторовъ, турецкая миссія своего, и всё они, зная чуму только по внигамъ, объявили, что это дёйствительно она, страшная гостья Востова. Начались совёщанія о карантинё, и только мёсяца два спустя онъ былъ устроенъ на дорогъ изъ Решта въ Тегеранъ въ Менджилъ. Но вотъ прітхалъ изъ Баку докторъ Ильинъ и, осмотрёвь больныхъ, объявиль, что никакой чумы и не существовало, его начали жестово бранить и онъ принужденъ былъ замолчать. Прошло еще нѣсколько времени, и въ Персію была послана съ Кавказа новая коммиссія изъ пяти или шести докторовъ; хотя почти всё отрицали существованіе чумы, но главный докторь захотёль, чтобы это была чума, и остальные волей-неволей должны были согласиться.

Первое время персіяне смотрѣли на вмѣшательство евро-

ийцевъ довольно равнодушно, но когда доктора принялись из лечить слишкомъ горячо, они возмутились. Сперва пустаись на хитрости и сами стали приводить больныхъ съ пусищными болёвнями, скрывая настоящихъ; когда же это открыюсь, и ихъ спросели, почему они это дёлають, то они объявили, что положительно це желають, чтобы ихъ лечили, потому что эта болёвнь послана на нихъ Аллахомъ за одно преступленіе, совершённое ими въ прошломъ году, и когда срокъ наказанія кончися, болёвнь прекратится сама собой. Доктора посмёвлись надъ ихъ фанатическими идеями и стали насильно продолжать сосе дёло; тогда противъ нихъ составился заговоръ и одинъ изъ докторовъ, оставшійся въ Репитё дольше другихъ, подвергся макенькой непріятности.

Вскорѣ послѣ изслѣдованія коммиссіи, назначенъ былъ карантинъ для всёхъ выёзжающихъ изъ Персін. Много разговору было объ этихъ карантинахъ, всё, сбиравшиеся ёхать въ Европу, были недовольны тёмъ, что имъ будеть задержка на лесять дней; но объ устройствъ карантиновъ ръчь не заходила, и я была увърена, что тамъ есть дома или, по врайней мъръ, лонз, наленькія комнаты и хотя необходимыя удобства. Каково ле было мое удивленіе и ужась, когда на половин' дороги узнаю, что нашъ апшеронскій карантинъ, въ которомъ я должна просщёть десять дней, не что иное, какъ клочокъ песчанаго пелуострова, на которомъ раскинуто нёсколько палатокъ и больше ничего; и притомъ тамъ теперь отвратительная погода: постоянные дожди, Nord, срывающій палатки и другія подобныя удовольствія. Я была просто въ отчаянія, но дёлать было нечего, и пришлось плыть въ заманчивому карантину. Пароходъ сталъ на якорь у низменнаго, песчанаго берега, кое гдъ поростаго травой и мелкимъ кустарникомъ, на которомъ я увидёла нё-сколько раскинутыхъ палатокъ, каменное зданіе, для окуриванія товаровъ, и ийсколько дереванныхъ шкафовъ; оказалось, что одинь наъ нихъ вухня, а въ другихъ овуриваются вещи пассаировь. Не успъли мы еще остановиться, какъ въ пароходу подъбхала шлюшка съ чиновникомъ, подъ желтымъ карантиннить флагомъ. Чиновникъ спросилъ командира, отвуда мы, въ ные порты заходили, есть ли пассажиры. Все это время онъ стояль въ шлюпвъ на приличномъ разстояние отъ несчастнаго гарантиннаго парохода и, когда командирь хотъль передать ему такія-то бумаги, то за ними протянули щипцы, ужасной величины, защемили въ нихъ бумаги и, какъ трофей, повезли посворый на берегь, чтобы окурить ихъ сърной кислотой. Начало

оказалось очень забавнымъ, а послёдствія были еще смёшнёв. Вслёдъ за чиновникомъ пріёхалъ докторъ съ тёми же предесторожностями, наконецъ, прислали шлюпку за мной. Я, не зная всёхъ карантинныхъ условій, спокойно сошла на берегъ, помросила указать мою палатку и велёла нести вещи. Тогда мите объявныя, что я должна раскрыть свои чемоданы, все разобрать, чтобы могли составить подробный реестръ вещамъ и окурить ихъ. Я возмутилась, сказала, что всёхъ вещей вынимать не стану, потому что не хочу, да, наконецъ, и не могу; что для подобныхъ случаевъ въ карантинё должны быть женщины, а не чиновники. Мнъ принесли инструвцію карантина, но я наотръ́въ объявила, что читать ее не намёрена и вещей не дамъ. Дёло чуть не дошло до слезъ и, наконецъ, мнъ уступили: позволили самой провётривать вещи въ продолжение трехъ дней, тёмъ болёе, что оть окурки большая часть ихъ испортвлась бы.

Увидъвъ назначенную мнъ палатку, я просто пришла въ ужасъ, и стала просить, чтобы мнё дали хоть кавую-нибудь нвбушку, потому что подъ налаткой страшно холодно и сыро, что я могу захворать, а это уже значить остаться въ карантинъ навсегда, потому что больныхъ держать въ немъ до выздоровленія, а при такой обстановкѣ-до отправленія на тотъ свѣтъ. Но никакой избушки не оказалось, и я поселилась въ палатвъ. Отъ нечего дълать стала я знавомиться съ устройствомъ варантина, который оказался раздёленнымъ на три отдёленія протянутыми веревочками. Первое правлическое — гдъ живеть довторъ, директоръ, нёкоторые чиновники, и куда переводятся пассажиры, выдержавшіе карантинъ и не захворавшіе. Другое — сомнительное — гдё пассажиры держать карантинъ и гдё теперь была я; третье чумное — куда пом'ящають больныхъ; кругомъ, на высокихъ шестахъ, болтаются желтые и черные флаги. Съ одной стороны карантина, на высокой скаль, виденъ маявъ, съ другой, за пригорконъ, стоитъ отрядъ солдать. Положеніе попавшихъ въ карантинъ самое несчастное: съ одной стороны, сосёдство чумнаго отдёленія, далево не пріятное, съ другой практическое, въ которомъ всё отъ васъ сторонятся, такъ что если что-нибудь нужно передать, то каждый разь протагиваются длиннъйшіе щипцы, важдая бумажна должна быть окурена, а деньги и все металлическое омывается въ растворъ извести. Однимъ словомъ, принаты повидимому всё предосторожности противъ заразы, я каждый, вто не видаль карантина, а читаль только инструкцію, будеть просто поражень темь, что предусмотрёны всё мелочи, что при точномъ исполнение ся зараза положительно невозможна. Но

надо быть въ карантний, чтоби убйдиться, что, напротниъ, спастись отъ нея почти невозможно. Разви можетъ протянутая веревочна, спасти отъ такой болйвни канъ чума, этой безпощадной, странной гостьи, одно имя которой достаточно произнести, чтобы запворать. Самое же забавное те, что директоръ карантина накъ будто застрахованъ отъ зачумленія и совершенно спокойно нереходитъ изъ одного отдёленія въ другое. Когда я его спросила, отчего онъ можетъ проходить въ намъ и потомъ снова возвращаться въ практическое отдёленіе, а мы не можемъ, то онъ отвётнать, что пользоваться этемъ правомъ можетъ тольмо одниъ директоръ, и на мой насибщливый вопросъ о томъ, гдё они застраховываются отъ бачумленія, отвёта не напьюсь.

Плохо пассажирамъ въ варантинъ, но в положение чивовниковъ да в самого директора ечень и очень незавидное, нисколько не лучше ареста; ничего и никого, кром'в неба и воды, да въ не-дълю разъ нёсколько пассажировъ-персіянъ. Живуть они всё подъ палатнами, питаются кухней какого-то маркитанта, который при мну все время варнах им, одных день вислые, другой лённые, третій опять вислые и т. д., да жарназ баранину, расз украса картофелемь наръзаннымь ломтинами, другой цёльнымь, воть и все разнообразие его лухин. Просто удивляеться, какъ они живуть, черезъ мёсянь, кажется, кожно съ уна сойти; нёть у нихъ ни внигъ, ни газеть; во всемъ нарантинъ нашелся только одниъ № «Дъла», да н то за априль мисацъ, да Ж «Современника» 1858 года; изъ газеть получался только одинъ несчастный «Тифлисский Вестникъ», приходившій разъ въ недёлю и даже р'яже. Миз ноказалось странныма, что мы, устраивая варантины, не поваботились о накоторыхъ удобствахъ вакъ служащихъ, такъ и пассажировъ, и я, наконець, спросила объ этомъ. Оказалось, что на карантины отпущено - одинъ говоритъ --- дведцать тысячъ рублей, другой — сорокъ, и уже всё деньги издержаны. Такъ куда же вы ихъ девали? Никто и не знаеть, а кто и знаеть, такъ молчить. Неужели два десятва старыхъ разорванныхъ налатовъ съ деревянными вроватями и свиниками стоять 20 т. р.? Правда, что у чиновниковъ все казенное: столы, табуреты, самовары, чайныки, тарелки, ложан и т. д., такъ что важдый имбеть цвлое хозайство на казенный счеть, но и на все это не Богь внасть сколько нужно. А между тёмъ онтябрь въ концё, и прівзжающіе, да и сами чиновники должны мерзнуть подъ палатвами, а лёсу для назначенныхъ построекъ до сихъ поръ не вевуть. Когда я спросила, не умерь ли вто въ варантинѣ, то мнъ сказали, что умерло трое: одинъ отъ ревматизма, оставивъ

родственникамъ утвнение, что онъ умеръ все-тави не отъ чумы; во гдё онъ получиль ревиатизиъ, - развё не могло случиться, что въ палаткъ? Можеть быть – нъть, а можеть быть и – да. Другой умерь Богъ знаетъ отъ чего; третьяго же привезли мертваго на пароходъ и погребли вакъ зачумленнаго. Мив разсказали эту стращную церемонію: для погребенія умершаго оть чумы, назначаются четыре соддата, одётыхъ въ вожаные мёшки съ отверстіями для глазь; они врючьями разрывають на трупь одежду, сжигають ее, а его самого врючьями же владуть въ дереванный ащивъ, въ воторомъ и несуть до могным, бросають туда, потомъ заливають известью и засыпають землей. Никакихъ обрядовъ не совершается надъ этеми несчастными. Мит важется, можно сойти съ ума отъ этой картены. Я понемаю эте меры, когда оне необходным для спасенія цёлой страны, но при чумё, которая существуеть только въ воображении, а у другихъ потону, что это выгодно — это возмутительно! Итакъ, десять дней пришлось мнѣ выдержать испытаніе и не захворать, благодаря только тому, что на мою палатку надёли, кажется, еще двё, закутали сверху въ парусину и до половины засыпали пескомъ, тагь что я была вакъ въ землянкъ. 25 октября кончился срокъ, и въ 7 часовъ утра я отправилась на первую попавшуюся шкуну, чтобы поскорте вырваться на свободу после долгаго заключения. Но мнъ еще не суждено было разстаться съ варантиномъ: утро было ясное, тихое, слишкомъ тихое, какъ всегда бываетъ передъ бурей, а пока происходила нагрузка, поднялся в'ятерь, и послёднюю шлюпку разгружали уже при сильномъ штормъ, такъ что она не могла подойти въ берегу и ее чуть не разбило о скалы. Машина наша не пошла, такъ сильны были волны, и мы принуядены были бросить якорь, а вётеръ врёнчалъ съ каждымъ часомъ; ночью мы стали на два якоря изъ опасенія быть унесенными въ отврытое море. Къ утру опять стихло, и мы, распустивъ паруса, поплыли въ Баку, который и на этоть разъ инъ не больше понравнися, хотя всё предсказывали, что посий Персіи онъ покажется чуть не Парижемъ.

Три дня пришлось мнё ждать въ Баку парохода, шедшаго въ Астрахань. Наконецъ, насталъ и этотъ желанный день, и черезъ два дня я была въ Астрахани, а отгуда въ семь дней добхала до Петербурга, безъ особыхъ приключеній.

М. Р-чъ.

Октябрь, 1878 г.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ

H

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Зл м в т к н.

Всё пишуть, всё говорять о неудовлетворительномь состояния петербургскихъ театровъ; всё жалуются на существующіе театральные порядки, называя ихъ даже иногда безпорядками, но дёло оттого не подвигается впередъ. Если мы, несмотря на то, беремся за перо, то отчасти главнымъ образомъ потому, что въ послёднее время у насъ усиленно начинаютъ обсуждать необходимость экономіи — а измёненіе театральныхъ порядковъ могло бы, даже и въ смыслё экономіи, играть не совсёмъ послёднюю роль.

Въ теченіи посл'яднихъ 25-ти л'ятъ въ Россіи многое преобразоналось, везд'я бол'я ими мен'я пов'яло новымъ духомъ, одно только театральное д'яло сохраняетъ свое statu quo, какъ будто и въ наше время все еще нельзя ожидать ничего отъ частной иниціативы и предпріимчивости, и необходимо попрежнему возлагать на казну всю тяжесть эксплуатаціи театровъ и весь ся рискъ. Но и независимо отъ того, театральную администрацію упрекають въ сохраненін старыхъ традицій, когда канцелярскій порядокъ принимался за самое д'яло. Экономія соблюдается, пожалуй, строже прежняго, но эконовія не производительная: на предметы роскоши тратится много, а для существеннаго жал'яють лишней коп'я ма о любви къ искусству тутъ не можетъ быть р'ячи, да и публика разсматривается какъ платежная масса, какъ пассажиры; артисты — какъ подчиненные, со всёми качествами прежде всего подчиненныхъ, а уже за-

Томъ II -- Марть, 1879.

Digitized by 2000gle

тёмъ — артистовъ, если таковое случится. Объ усовершенствованіи нётъ надобности заботиться тамъ, гдё монополія ручается за вёрный сбытъ всего, что бы ни было предложено. Послёдствія такого порядка вещей всегда и вездё одинаковы: таланты бёгутъ со сцены, другого же рода таланты — артистовъ-чиновниковъ — не навлекутъ ущерба, такъ какъ сборъ обезпеченъ самою монополіею казенныхъ театровъ: пойдутъ слушать и этихъ, когда нётъ никакихъ другихъ. Но, прилагая тё же правила къ другимъ художественнымъ управленіямъ, напримёръ: къ Эрмитажу, можно было бы, пожалуй, приступить въ распродажё Тиціановъ, Рембрандтовъ, Теньеревъ и пр., и повѣсить на ихъ мѣсто олеографіи въ красныхъ рамкахъ. Когда нечего смотрѣть другого, пойдутъ и на олеографію. Надобно же быть послёдовательнымъ и не прикидывать въ одному роду художествъ той мѣрки, которая не годится для другого.

Если всё эти сётованія подвергнуть сомнёнію, то все же остается несомнённымъ тотъ очевидный для каждаго фактъ, что у насъ отечественная сцена все падаетъ да падаетъ годъ отъ году, и нельзя не видёть причины тому въ корнё самаго дёла. Между тёмъ, даже и древніе уставы 1825 и 1827 годовъ, которыми и теперь руководствуются, гласятъ слёдующее: "Дирекція должна ободрять дарованія и довести императорскіе театры до совершенства, могущаго ихъ сравнять со всёми заведеніями, дёлающими честь нашему вёку и отечеству". Со времени начертанія этихъ словъ прошло полстолётія, а о сравненіи нашихъ театровъ съ "заведеніями, дёлающими честь нашему вёку и отечеству"—говорить все еще рано. И, конечно, причина того заключается не въ томъ, что у насъ "ободряются дарованія".

Я желать бы прежде всего доказать фактами, что съ тёми средствами, которыми располагаеть дирекція, очень логко привести нашу сцену въ несравненно лучшее состояніе, уничтожнить въ то же время монополію и множество другихъ порядковъ, сильно таготёющихъ и надъ публикою, и надъ артистами.

Начну съ главной монополін, въ свлу которой запрещають отпрывать частные театры.

Дирекція театровъ пользуется исключительнымъ правомъ увеселенія петербургскихъ жителей. Оперы, русскую и итальянскую, балетъ, драматическія труппы: русскую, французскую и итальянскую, басама содержить. Другія же увеселительныя заведенія: циркъ, театръ буффъ, кафе-шантаны и проч., она допускаетъ содержать частнымъ антрепренерамъ, взимая, однако, съ нихъ часть сбора, слъдовательно, принимая косвенное участіе и въ этихъ послёднихъ увеселеніяхъ. Клубы платятъ за позволеніе давать маскарады въ теченін зимы. Исключеніе было сдёлано только для дворянскаго собранія. Кон-

церты допускаются линь въ ваннонъ носту. Въ другое время года они даются телько съ особаго разрёшеныя дирендін, и часто въ ненъ отказывають. Года два или три тему назадъ, г-ихъ Лавревской не нозволили дать эторого концерта на Святой; такое запрещеніе относилось собственно не из одной артистић, но и из публинић, лишенвой того, что она, не справедливости, считаетъ удовольствјемъ. Однимъ словомъ, всё зрёлища обложени, такъ-что накой - то фельстенистъ, въ одной изъ потербурганхъ газетъ, сказалъ, что у насъ скоро и съ генеральскихъ покеронъ будутъ братъ, такъ какъ и они сопровондаются музивою.

Мы нигдё но знаемь такой щировой монополін назенныхъ театровъ. Во время оне се мотивировали текъ, что театри издо посвщаются, и что сберовъ далено не кватаеть на расходы. Теперь. констно, нельзя этого сказать. Мы видниз, что театры нечти всегна полны не только при обниновенныхъ пънахъ, не и при тройныхъ н при четверныхъ. Варышники наживають хоронія деньги. Оно и поначно. Наводонаселение бытегро возрастаеть, желёзных дероги привовять сжедневно множество провниціаловь, особенно наденть до столичных развлоченій, довольство распространяется въ среднихъ классахъ, и вийстё съ образованиемъ развивается вкусъ въ театру. Отевидно, телерешнихъ театровъ весьма недостаточно для Петербурга. твиъ болве, что как нихъ доступны больнивству тольно два; русский онерный и русскій драматичесній. Частнаго опернаго, ненечно, не будеть, хотя бы его и разр'ящиля, на то нужны большіе каниталы, ROTODERS Y HACS HERTO BE PHONETS HOLOWRTS BE TAKON HPOLEDIATIS. Частные же драматнческие не могуть повредить казенному. На сторонъ послёднаго столько прениущество и безо изнонолія. Саное главное те. что онь инкогда но обавкрутится, и иритомъ дость пенсин своимъ артистанъ, всядаствіе чего лучніе артисты охотнёе туда пойдуть даже и за меньшее жалованье. За лучшими артистами пойдуть лучше авторы, ради жаланія ведёть свои пьесы лучше исполненными, а за ними пойдеть и толпа жаждущихъ всего лучиаро. Чего же, RAMOTCA. OBSCATHCH KORRYDDORIUR?

Въролино, од и не онасалися, по продолжанить пользоваться старинного привилегиено, благо се не отнаманить.

Вийстй съ разрёшеніемъ частныхъ театровъ, слёдуеть неминуемо освободить ихъ отъ дани, налагаемой администраціево, не въ силу какого-инбудь опредёленнаго закона, а произвольпо, и въ такопъ размёрё, какъ Богъ на душу положитъ. Одинъ годъ облагали "Буффъ" по 100 руб. за вечеръ, а другой — по 150 руб., также цириъ, театръ Берга и другия зрёлнща. Все это какъ-то несовийстно съ достоинствемъ казенной администрация, располагающей милліонами, и та-

жело для бёдинить антрепренеровь, деходящихъ часто до баниротства. У Берга, по закрыти его театра, пассивъ быль съ 24,000 р., а изъ счетовъ оказалось, что дирекции онъ выплатилъ въ течении сезона 25,000 руб. Не плати онъ ихъ-не было бы и баниротства.

То же можно сказать и о 28,000 руб., поторые беруть ежегодноизъ городской казны, несмотря на неоднократные протести городской думы. Городскія средства очень не велики, а петребности огромныя. Средствъ этихъ не хватаетъ на большицы, на училища и другіе предмети-еще болёе нужные, чёмъ театры. Притонъ субсидія эта тратится не для русской сцены; она идетъ преимущеотвенно на покрытіе дефицитовъ балета и французскаго театра.

Упомяненъ инноходонъ и о иснополіи арендатера театральныхъ афинъ; она также ничвиъ не кожетъ бить оправдана. Взимая сънего ежегодно 36,000 р., ему предоставляють исключительное правопочаталія афинь всевозножныхь зрълищь, городскихь и загороднихь. Для возм'ящения затраты арендаторъ долженъ брать съ автрепренеровъ увесслительныхъ заведеній цёну, значительно высшую противътой, которую бы взали во всякой другой не-мононольной тинографін. Алтрепренеры, въ свою очередь, заставляють публику платить дороже за ийста, или териять убытки, булучи привуждены печатать афини сокращенийе, или какъ можно ражо. Въ цаломъ міръ, кромъ Петербурга и Москви, всякий волемъ печатать объявления и афини, . гдъ онъ пожелаетъ. Прівзжіе иностранные артисты не могуть надивиться существованию такого косвеннаго налога, и заграничныя газеты неоднократно на то жаловались, но безуспёшно. При возобновления контрактовъ арендиая плата все болёе и болёе уведниявается. М. О. Вольфъ, лётъ пять чому назадъ, платилъ 14,000 руб., а г. Гоппе теперь платить 36,000 руб., и всявдствіе того ему предоставлено еще болёе правъ, стёснительныхъ для частныхъ антрепризъ. Газетамъ воспрещены всякія объявленія о зрѣлищахъ, и ивкоторыя подвергались судебнимь пресаблованіямь за вырушеніе строгяхъ правняъ.

Отказавшись отъ этихъ трехъ статей дохода, дирекція монеть весьма легко возм'встить этоть недоборъ открытіенъ новихъ источниковъ доходовъ и сокращеніемъ многихъ излишняхъ и безнолезникъ расходовъ.

Первое сокращение расходовъ, и весьма значительное, можетъ быть сдёлано по училищу, нисколько не въ ущербъ его дёйствительной нольев.

Въ настоящее время туда принимають интерновъ и экстерновъ, изъ которыхъ нёкоторые постунають на казенный счеть, а другіе на свой собственный, или состоять станендіатами. Интерновь обесто

308

нола, т.-е. живущихъ въ училищё, около 200. Содержатся они пре-прасно, учатся назко. Хорошо ёдять, хорошо одёваются, живуть въ прекрасныхъ комнатахъ, ведать въ тектръ въ каретахъ, однимъ сковонъ, пользуются достагочнымъ вонфортонъ. Само собою разунвотся, что такое содержание обходится не денево, а самое главнос-не идеть въ прокъ воспитанникамъ. По выходё изъ училища, бельшая часть нас нихъ поступаеть на службу на 200 или на 300 р. жалованья, самые счастливые на 500 нля 600. Можно ли съ этими деньтван жить, какъ они жили въ училищё? Далоко нётъ! Вольшинству приходится бёдствовать или искать посторонникъ, подъчась и тажелыхъ докодовъ. Не филантроничние ли пріучать ихъ съ нолодыхъ лёть въ менёе роскошной жизин? Притемъ же, какъ всёмъ азвёстно, жизнь въ закрытомъ заведенін задерживаеть разянтіе умственныхъ способностей дётей, образуеть из нихъ характеръ непрактичний. Кому же болёе нужна развитость, наблюдательность, нать не драматическимъ артистамъ, призвание которыхъ изображать ва спонть живнать людей со всёми ихъ національными, бытовыми и индивидуальными отличительными чертами. Тандеранъ оно все разно. Искусство ділать пирусти требуеть развитія мускуловь, а не умственных способностей, и ножеть быть пріобрітено в въ четырень стінать.

Протнеъ обращенія училища въ открытое заведеніе, въ род'й консерваторін, инегіе ратують, ссылалсь на то, что въ ненъ призр'вваются спроты и двен бёдныхъ артистовъ и придворнихъ служителей. Неужели же нельзя доставить нить кусокъ хлёба другнить образонь? Къ чему предназначать ихъ съ маюлетства къ служенио искусству тогда, когда со времененъ окажется, быть можеть, что у нихъ ирть въ нему нимкого призвания. Для 9-ти десятыхъ учениковъ гораздо полезние выучниеся какому-нибудь ремеслу, и не выходить нитой сферы, зъ которой ене родились. Въ нтогъ выходить, что дорого стоющее ваврытее заведение не только не приносить пользы, во даже и вредъ. Вичето преобразованія училища, еще лучше бы совсёнь его закрнуь, и замёнить драматическими и танцовальными **слассами** при музыкальной консерваторін. У искусства драматическаго, лирическаго и мимико-хореграфическаго весьма много родственнато характера, и потому весьма полезно бы соединить пренодавание ниъ нодъ одно инчало. Соединение это, можно сказать, даже необходино для готовницихся въ оперной карьерй. При современномъ направления оперы, пёвещь должень быть непренённо и актеронъ. Вудущему автеру также не изпасть поучиться панню для приданія гибкости голосу. Мниния всёмъ нужна, а также и танцованіе, для пріобрётенія разванности и граціовности.

Состоя въ закёдываніе лицъ, спеціально себя посвативникъ делу артистическаго образования, новые влассы принесуть несонивино болёе полькы, чёмъ теперенные, руководниме чиковиннами. Съ начала 50-хъ годовъ учителями драматическато искусства состоять не артисты, не лица, посвятившия себя этой профессии, а какие-то посторонніе господа, до назначенія своего нивогда и не помишляние о сценть. Въстародавнія премена, разсказывають, какой-то начальника, коз полиціймейстеровъ, хотёль назначнть брантнайора профессоронъ нолитической экономія, на томъ основанін, что соб должности состоять въ одномъ разрядъ. Нельзя же такиме возербніями руководствоваться и при перениеновании учителя словесности въ учителя дранатическаго искусства. Хороши будуть оттого результати. Не вана учителей, COLH BOBCE HE HORBARTCH HEPBERASCHENTS TRABETOPS, I HOTTH итъ в второстепенныхъ, но, конечно, они виноваты, если дебютанты и дебютантии, ими приготовленные, не умбють владоть голосоиз, не умёноть ни стурить, ни держать себя норидочно на сценё, не отучены оть природныхъ своихъ недостатковъ, нанъ въ внизворъ, такъ и въ манерахъ. Объ унственномъ же развити, объ образования внуса-и помину нётэ. Ученные пріучаются только подражать первымъ сюжетанъ александринской сцены, потому-что въ школъ ихъ заставляють играть современный репертуарь, а не пробують наъ снать на пьесахъ классическихъ, в вообще старинныхъ, въ которыхъ бы виз приходелось, за ненизнісиз образцова, санниз создавать роли, и основательно ихъ обдунивать. Вслёдствіе того у воспитаннивовъ могуть являться сворбе насябяственные вороки, а не наслёдственныя добродётели. Теверь выпускаются плохія конін, иревиущественно съ Савиной и Сазонова, а тогда выходнан бы артисты XOTS CROLERO-HROVES CAMOCTOSTOLISHER, HE ININGHARE BOBCO ODATHHARSности и болбе развитые.

Съ закрытіемъ училища, или даже съ преобразованіемъ его въ открытое заведеніе, потребуется для него гораздо менёе помёщенія, и сдёлается лишнимъ огромный штатъ инспекторовъ, субъ-инспекторовъ, гувернеровъ, гувернантокъ, экономовъ, докторовъ и прочихъ личностей, занимающихъ бодьнія квартири въ огромномъ зданіи театральнаго вёдомства, какъ-бы въ исполненіе невестной поговорки, что при казенномъ воробьё всегда прокормится сторовъ и вся его семья. Кстати сказать, что и другіе чиневники слишковъ интроко тамъ разиёстникъ. Иной занимаетъ такую квартиру, которая въ частномъ домѣ стоила би вдвее или втрое противъ получаенате имъ седержанія. Можно смѣло ручаться, что кослѣ тего опростается не менѣе половины всего здакія, и се можно будетъ стдать въ аренду, или отдавать въ наемъ, — по примѣру воснитательнаго дока, который

нарочно даже строить дома для этой цёли (въ Гороховой и въ Казанской) и получаеть оть нихъ порядочный доходъ. Дача училища (на Каменнонъ островё) для восентанияковъ, окажется въ такомъ случаё даже вовсе не нужною, и такъ какъ она находится на самомъ боёкомъ мёстё, то ее кунять восьма охотно.

Не лиший ли и санъ Каменноостровскій театрь? Онъ быль построень тогда, когда нинераторская фамилія проводила часть лёта на Елагиновъ, и когда дверъ и высшее общество проживало на Каненновъ островѣ. Теперь же, когда эта мѣстность осиротѣла, и когда въ Петербургѣ развилось многое множество разныхъ садовъ съ нузыкою и всевоеможными увеселеніями, никто болѣе не заглядиваетъ въ лѣтий театръ. Всякій предпочитаетъ проводить вечеръ на чистовъ воздухѣ. Спектакли приносять чистый убытокъ. По продажѣ театра сократятся всѣ вечеровые расходы и можно будетъ совсѣнъ закрывать драматическихъ артистовъ не на годъ, а на сезонъ съ 16-го августа по 1-е іюня слѣдующаго года. Экономія очевидная и совершенно безвредная.

У дирекціи есть еще доять на Вознесенскомъ, гдѣ помѣщается экпажное заведеніе. Артисты, какъ извёстно, ёздять въ казенныхъ карстахъ, какъ въ театръ, такъ и доной. При многочисленности нашихъ 6-ти труппъ, можно себѣ представить, сколько на то требуется кареть, лошадей, кучеровь, и во сколько все это обходится при нынъшней дороговизнь. Обычай развозки завелся чуть не въ доисторическія времена, когда содержаніе артистовь было совершенно ничтожное, когда жили они въ отдаленныхъ частяхъ города, когда въ городъ небыло ни коновъ, ни общественныхъ экнпажей, а сообщения были и дероги, и затруднительны. Теперь всё эти условія измёнились къ лучшему, и потому можно бы, по всей справедливости, при заключении новыхъ контрактовъ, лишить артистовъ права пользоваться казенными экипажани. Тёхъ, которые получають небольшое жалованье, слёдуеть, конечно, вознаградить небольшою прибавкою. Покойный актерь и писатель Чернышевь (авторъ "Не въ деньгахъ счастье", "Отца семейства" и проч.), въ напечатанныхъ имъ запискахъ, говорить, что еще въ то время (т.-е. въ 50-хъ годахъ) многіе артисты заявляли желаніе отказаться оть экнпажа за незначительное вознагражденіе. Контора не дала ходу ихъ ходатайству. Весьма понятно, почему!!! Опать-исторія вазеннаго воробья!

Недавно поступиль въ въдъніе дировнін, по смерти актрисы Брянской, домъ въ Тронцкомъ переулкѣ, отданный въ пожизненное ел владѣніе балетмейстеромъ Дидло, съ тѣмъ, чтобы послѣ онъ переданъ былъ театральному училищу. Домъ этогъ, конечно, слѣдуетъ BROTHERS EBPORN.

предать и вырученную сумму обратить въ непривосновенный фондъ училища или консерваторіи.

Веська легко и еще увеличить доходъ, - прикърно, тысячъ на тридцать. Стонть только разръщить спектакли на Марінискомъ театръ по субботамъ. Непонятно, почему до сихъ норъ существуетъ этоть запреть для русскихъ артистовъ, тогда какъ не воебраняются представленія итальянской оперы, французской и имецкой драматическихъ трупиъ. На представленіяхъ этихъ присутствують во иножествъ тъ же самые православные руссвіе подданные, не считая нисколько это за грёхъ. Многіе русскіе дранатниескіе артисты играють по субботанъ въ художественномъ клубѣ и въ благородномъ собранін. гай также большинство зрителей-православные. Навонецъ, танцоры, танцовщицы, музыканты, хористы, машинисты и прочій артистичоскій и ребочій чисто-русскій людъ, по назначенію самого начальства, ндеть, вийсто всенощной, на сцену Больного или Михайловского театровъ. Отчего же на одновъ только Маріннсковъ гредние играть въ день субботній? Если разрёнены спектакли великних постонь, то и подавно нътъ препятствій къ разр'яшенію ихъ по субботанъ. За что же дирекція, безъ достаточной иричний, лишаеть себя больпюго дохода? Вечеровой сборъ на Маріннскомъ театрѣ при русскихъ драматическихъ спектакляхъ простирается до 1.200 рублей, а такъ какъ суббота — лучній день, и театръ будетъ непремённо полонъ, то въ 25 субботъ знинаго сезона наверно выручится, какъ я уже ' сказаль, не менье 30-ти тысячь.

Приведя въ цифры всё указанные иною увеличенія доходовъ и совращеніе расходовъ, — неужели не получится въ итогё сумма, могущая уравновёснть недоборъ вслёдствіе отказа отъ геродской субсидіи, отъ налога на зрёлища и отъ моконоліи театральной типографіи? Если бы даже и не нолучилась, и прицілось бы прицлачивать небольшую сумму, то все оно лучше, чёмъ покрывать дефидчтъ помощью нераціональныхъ мёръ. Ни въ чемъ нельзя дойти до хорошаго результата безъ небодьщихъ жертвъ.

Теџерь снажу нёсколько словъ о самой главной статъё дохода, т.-е. о сборахъ театральныхъ и о снособё ихъ употребления. Сколько мий извёстно, они простираются среднимъ числомъ въ годъ:

Съ	русскихъ	драматическихъ	спектакией	H8	250,000	руб.
77	7	оперныхъ	7	n	150,000	n
"	7	GALETHEX'S		79	70,000	
		ADSNEY MOCKNES	7		120 ₁ 000	n
7	HÅNGUREX	b ""			100,000	· #
	HTALLAHCE	. оперныхъ		л	450,000	32
			77	- 4	140.000	

Итоге на 1.140,000 руб.

Digitized by Google

812

XPOHEKA. ---- HETEPSPFTCKIE TEATPH.

Какимъ образонъ распредбляются эти сборы при невыхъ порядняхъ. — я не знаю. Вообще о темъ, что далется въ пентральной театральной касса, до нась не доходить и слуха. А весьма бы витересно знать, расходуются ли сборы важдаго театра только на его собственныя потребности,---или же, накъ и во время дно, сборы всёхъ театровь сливаются ве-едино, и нев общей суммы отнускается на всв театры, не соображая расходовь каждаю съ его доходани. Такой распорядонь быль бы, конечно, восьма несправедлива относительно русской драматической сцены, которая една тольно дарала чистый доходъ, шногда простиравшійся до 100 тысячь. Этоть чистый доходь отечественной сцены употреблялся прежде на покрытіе дефицитовъ, или, по прайной мбрй, части дефициторь балета и французскаго театра. Дирекція поступала въ этомъ случай какъ отецъ семейства, который вадумаль бы отбирать у сыновей ихъ заработии, и распредёлаль бы эти деньги между ними по своему усмотрёний, выдавая много току, ято заработываеть мало, и наобороть...

Не смёю и дунать, что теперь существуеть еще подобная вовіющая несправедливость, не допускаемая ни въ какой странё міра. Нигдё не только не отбирають остатновь у своего національнаго театра, но еще дають ему субендін. Положимъ, что у нась этого не допускають, но навёрное за то тратять на его же надобности все, что ень заработываеть.

Покончивъ съ вопросами чисто-хозяйственными, я най вренъ теперь указать, что слёдуеть, по моему инвию, предпринять для улучшения ренертуарной части каждой ниъ нашихъ сценъ, а также состава труппы, и вообще всёхъ условій, способствующихъ успёху театральнаго дёла.

Начну съ русской драматической сцены. Ремертуаръ ся самый разнообразный. Дають оригизальныя и переводныя трагедія, драмы, мелодрамы, комедія правовъ, пьесы бытовыя, народныя сцены, водевили оригинальные и переводные — какъ приличные, такъ и самые балаганные — и, наконецъ, оперетки. Такимъ образомъ, относительно ремертуара столичная наша сцена инчъвъ не отличается отъ провинціальныхъ. За отсутствіемъ частныхъ театровъ, казенный считаютъ долгомъ угодить на всё вкусы соедишеніемъ всёхъ жанровъ.

Для примёра, я возьму 1877 годъ, воторый, по своему характеру, ничёмъ не отличался отъ предыдущихъ, а нотому всё замёчанія, относящіяся въ нему, могуть бить отнессяны и въ прочимъ ¹).

Всёхъ спектаклей было-278. Изъ нихъ посвящено: оригинальнымъ драмамъ и комедіямъ-114 (въ томъ числё, комедіямъ совре-

__

313

¹) Свёдёнія эти я навлекаю наз ежедневнаго моего журнала,

менныхъ нравовъ—61, бытевымъ—42, историческияъ—11); переводнымъ драмамъ и комедіямъ современнаго репертуара—62; мелодрамамъ—43; опереткамъ—25; ведевилять (преимущественно на Каменноостревскомъ театрѣ)—19; классическимъ пьесамъ—15. ("Свадьбѣ Фигаро"—10, "Гамлету"—3, "Школѣ женщинъ"—2).

Такниъ образонъ, на 278 спектаклей - 87, то-есть ночти одна треть, посвящены мелодрамамъ, опереткамъ и нереводнымъ водевиданъ. Очевидно, что подобныя пьесы портять вкусь публики, портять и артистовъ, особенно колодыхъ, пріучая ихъ въ несотоственной дикцін, утрировкѣ и фарсамъ, вызывающимъ аплодисменты неразборчивыхъ зрителей, собирающихся на такія представленія. Ми и теперь виднить на сцени иногнать сластова, погубившихъ молодые годы на понлостяхъ какъ мелодранатическаго, такъ и водевильнаго свойства. Въ зрѣлые годы они оказываются ни на что болёе не способными. Даже весьма талантливые актеры, въ началё своей карьеры посаженные въ такой репертуаръ, сохраняють этотъ пошнбъ до конца дней своихъ. Кстати замётить, что опереточный репертуаръ, къ тому же, и дорого обходится. Для оперетокъ нужен исполнители, умѣющіе пѣть. Таковыхъ субъектовъ въ труппѣ мужского пола — 5, и женскаго — 8. Содержание ихъ обходится около 25 тысячь рублей. Слёдовательно, важдое нев 25-ти оцереточныхъ представленій стонть около 1,000 рублей, прем'я вечеровыхъ расподовъ, а сборы съ этихъ представлений, годъ отъ году все менее и менње привлекающихъ народа, конечно, гораздо менње этой сумин (подный сборъ 1,100 рублей). Убытокъ явный. Отъ него легко избавиться, уволивь сюжетовь, годныхь только для этого жанра, и энмённых офенбаховщину пьесами болёе серьёзными.

Ни па какой порядочной европейской сценв нёть такого сившенія самыхъ неподходящихъ жанровъ. Въ Парижё, на первоиъ франдузскоиъ театрѣ (Comédie française) и на второнъ (Odéon), кроиѣ классическаго репертуара, даютъ только драмы и конедіи, имѣющія литературное достоянство. Даже на нѣкоторыхъ второстененныхъ, напримѣръ, Драматической гимназіи (Gymnase dramatique), Театрѣводевнъѣ (Vaudeville) не донускаются ни мелодрамы, яи фарсы. Точно также въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ на императорскихъ сценахъ: "Schauspielhaus", "Hofburg", оченъ разборчивы въ выборѣ пьесъ, имѣя въ виду не ронять достоянства этихъ сценъ, приравнивая ихъ въ кафе-шантанамъ, балаганамъ и прочинъ такого же свойства увеселительнымъ заведевіанъ.

Персоналъ нашей труппы весьма многочисленъ. Число автеровъ простирается до 40, а автрисъ — до 50-ти; итого 90 сюжетовъ, не считая выходныхъ. Жалования имъ отпускается въ общей слоя-

314

ности до 65-ти тысячъ рублей. 11 автеровъ и 13 автриољ налучають полный окладъ — 1,143 рублей (по старому счету на ассигнаціи — 4,000 рублей). 11 актеровъ и 7 актрисъ—оть 600 до 1,000 рублей. Остальные 38 сюжетовъ—оть 400 до 600 рублей.

12 актеровъ и 8 актрисъ, сверхъ того, получнотъ пенсіи за двадцатилѣтною службу. Изъ числа этихъ пенсіонеровъ, одинъ ноступилъ на сцену въ 1822 году, 4 актера и 1 актриса—въ 30-хъ годахъ, 5 актрисъ—въ 40-хъ, 6 актеровъ и 7 актриса—въ 50-хъ, 11 актеровъ и 7 актрисъ—въ 60-хъ. Остальные состоятъ на службѣ менѣе 10-ти лѣтъ.

Изъ 20-ти первыхъ сюжетовъ мужского персонала, 9 только вышли изъ театральнаго училища, а изъ 25-ти актрисъ, играющихъ болѣе или менѣе значительныя роли, только 4, и притомъ самыя лучшія—не изъ училища.

Поспектакльную плату, или такъ-называемые, разовые получаютъ 22 актера и 22 актрисы. Изъ нихъ:

По	4 0	рублей	1	автеръ		автрисы.
n	35	n	1	7	8	7
n	3 0	n	1	n		n
79	2 5	77	4	n	1	π
77	20	n	1	77	1	77
n	15	"	8	π	5	<i>.</i> 77
*	10	n	8	79	10	"
79	5	77	3	22	2	π

Итогъ ежегоднаго отпуска разовыхъ простирается до 65-ти тысячъ рублей.

Венефисани пользуются 12 актеровъ и 8 актрисъ. Количество бенефиснаго сбора зависить, конечно, отъ разныхъ случайностей, и годъ на годъ не приходитси. Міпішат чистаго сбора ножно однако считать 1,000 руб., а maximum — 2,500 руб. Принимая 1,750 руб. за средній нормальный сборъ, выходитъ, что за 20 бенефисовъ публика выплачиваетъ артистамъ около 35-ти тысячъ, въ дополнение въ 65-ти тысячамъ, ассигнуемынъ казною на жалованье, и 65 тысячъ — на разовые.

Въ нтогѣ содержаніе труппы обходится около 165 т. руб.; кромѣ того, на суфлеровъ, хористовъ и хористовъ отпускается еще около 3000 руб. На каждаго изъ этихъ бъдняковъ приходится отъ 180 до 240 руб., т.-е. отъ 15 до 20 руб. въ мъсяцъ. Такого содержанія, какъ говорится, и кошкѣ на молоко не хватитъ.

Вообще можно сказать, что вполий приличными содержаність пользуются весьма немногіе первые сюжеты, а огромное большинство вознаграждается не по заслугами.

Воть приблизительныя цифры годоныхъ онледовъ, считая въ томъ числё и разовия и бенефисные сборы:

	2	актера		цолучаю	гъ отъ	10	¥0	12	' T.	руб.
	—	n	1	астриса	02030	10	T.		*	n
	2	77	2	*	отъ	5	π	7	*	n
	10	79	4	*	79	8	n	5	n	
	7		18		"	1	7	8	*	
	2	39	2	"	"	700	p.	1	,	7
•	4	π	10	"	20	600	n			
	6	7	10	77 ·	n	500	n			
	4	7	8	n	n	40 0	*			

Поименно артистовъ я не называю, такъ какъ для моей статьи нужны только общіє выводы. Несмотря на многочисленность, составъ труппы далеко не полный. Нѣкоторые амплуа или вовсе не заняты, или заняты инвалидами, и именно, у насъ нътъ молодой любовницы для бытовыхъ ролей, комической старухи, резонера, настоящаю молодого перваго и второго любовника, сноснаго второго комика. Сюжеты, годные для этихъ амплуа, появлялись часто на влубныхъ и загородныхъ сценахъ, есть они въ провинціи, есть и въ числів артистовъ, преждевременно удалившихся на покой. Въ числъ ихъ укажу на гг. Самойлова, Васильева 2, Киселевскаго, Писарева, Горева, Стрёльсваго, Стружвина, Трофимова, г-жъ Стрепетову, Глѣбову, Стревалову, Глама-Мещерскую и пр. и пр. Публика ихъ видимо любить, но не пользуются они расположеніемъ закулисной всеснльной камариллы. Эти господа и госпожи опасаются невыгоднаго для нихъ соперничества. Въ оправдание говорять, что нельзя ангажировать новыхъ сюжетовъ, потому что труппа и то дорого обходится. А зачёмъ возобновляють контракты съ разными безполезными бездарностями? Увольте ихъ, и будутъ средства для освёженія трупцы новыми талантами. Это будеть полезно и въ экономическомъ отношении. Улучшения трупцы и рецертуара будуть способствовать увеличению сборовь и привлекуть въ театръ болёе порядочную публику, которая теперь рёдко туда заглядываеть. Для этой-то норядочной публики, т.-е. для болёе образованной части петербургскаго общества, и долженъ существовать казенный театрь.

При болёе избранной публикё, при очищенномъ рейертуарё, будуть формироваться и порядочные артисты. Извёстно, что публика есть лучшій учитель для актеровъ, особенно для молодыхъ. Нельзя же блистательной столицё русскаго царства, центру всей русской интеллигенцій, не имёть хоть одной сцены, могущей удовлетворить требованіямъ истинныхъ знатоковъ и любителей драматическаго ис-

нусства. Пусть тёмать публику понлини фарсани и шансовоувани Берги, Егаревы, Малафйски и пр. и вр.

Засоренію ренертуара жноге способствують слишкомъ частые бенефисы. Въ проякломъ году ихъ было 20, не считая двугъ въ нользу "Краснаго Креста". Вольшая часть бенефисовъ бываетъ въ кинній сезонъ. Поставлено для этихъ бенефисовъ въ теченін 7-ин ийсяцевъ: 5-ти или 4-хъ-активихъ оригичальныхъ дражъ и конедій—9, нереводвыхъ—8, итого: 17; одно-активихъ оригичальныхъ комедій и водевилей—5, переводныхъ—12, итоге: 17; а всего 34. На десять двей приходится среднимъ числомъ но одной больной и но одной маленькой пьесъ.

Изъ 17-ти больнихъ пьесъ осталось въ репертуврѣ околе 6-ти, а именно: "Вопругь огна не летай", "Везъ вили виноватые", "Выгодноепредиріятіе", "Свадьба Фигаро", "Послёдняя мертва", "Счастливый день". Остальныя 11-ть видержали не болёе 8-хъ или 4-хъ представленій, и затёмъ сдали ихъ въ архиръ.

Дирекція, конечно, сана бы не вядунала ставить никуда не година произведенія, и если они умиділи світь у рамны оркестра, то благодаря бенефиціантамъ, которинъ, во что бы те ни стало, нужно что-нибудь вовое, прениущественно съ заманчивымъ названіемъ, п которынъ дёла нётъ до качества этой повязин. Какоро же бёлениъ артистанъ по три раза въ ибсяцъ разучивать по няти, шести актовъ, зная навередъ, что дей трети ролей разучиваютъ тольке на два или на три раза. Особенно жутко приходится нашимъ премьеранъ. Везьненъ, напримъръ, г-жу Савнну и г. Сазонова, безъ которыхъ бенефись не въ бенефись. Первая сиграла съ 26 сентября 1877 г. по-1 января 1878 семь канитальных ролей вь ньесакь: "Чудовище", "Выгодное предпріятіе", "Свадьба Фигаро", "Счастливый день", "Яблово раздора", "Послёдная жертва", "Каковы люди". Г-из Савоновъ въ то же время 8-иь значетельныхь ролей: "Путь правди", "Наслёдство нужа", "Чудовище", "Мертвия души", "Овадьба Фитаро", "Счастливни день", "Послёдная жертва", "Кавови люди". При тавой лихорадочной длятельности есть зи возножность ренетировать какъ слёдуеть, обдумывать родь, внявать во всё подробности, заботвться. о томъ, чтобы придать настоящее эначеніе каждой фразів, наждону слову, каждому взгляду и жесту. Очевидно, -- изчь. Приходится. нграть свлеча и заболиться только о двукъ или трехъ эффективихъ ивстахь ради аплодисиентовъ. Послё ивскольних лять такой катержной жнони немногія сильныя натуры осваются невредник. Оть безпреставнаге долбления, отъ спёшнаго приготевления ролей, отъ сусты безплодвиха ревотний, большинство нашиха авторовъ и автрисъ становатся вполнъ равнодушными въ своему ремеслу, играють

манинально, рутнино, безцейно, безсовнательно, и окончательно впадають въ апатію или прибёгають къ средствань, возбуждающинть нервы. У актриов болёв впечатлительныхъ нервы окончательно разстронваются. Примёровъ току вы видёли иножество, и теперь виднить на той же г-жё Савиной. Почти ни одного сезона она не доигрываеть до конца. И неудивительно! Можно ли инвести такое продолжительное напряженное состояние.

ŝ

Если вся д'янтельность трунци ноглощена бенефисани, то нітъ, никакой возможности ставить вий икъ новыя пьесы или возобновиять старыя, и нотому весь ревертуаръ и распред'яленіе ролей находится въ рукахъ бенефиціантовъ и тяготізощей надъ ними намарилзы. Будь во главі труппы любящій и понимающій д'яло администраторъ—и тотъ инчего би не могъ сд'ялать хорошаго при такой системі, поддерживаемой; все-таки, ради экономическихъ разсчетовъ. Разберемъ же эти разсчеты касательно бенефиснаго вопроса.

Цифра сбора, им сказали, взивняется оть 1000 до 2500 руб. Положинь, что оставять семь бенефисовь нервымъ сюжетамъ по одному на ивсяць знинято сезона, а за остальные 12-ть вознаградать бенефиціантовъ деньгами, среднимъ числомъ по 1750 руб. за каждый. Вся сумма вознагражденія выйдеть не болёв 21,000 руб. Притомъ нужно принять во внимание, что съ упразднениемъ 12-ти полубенефисовъ (полныхъ, кажется, ни у кого нётъ) въ пользу дирекців останется такое же число половинныхъ сборовъ, въ итогъ около 7000 руб. (полный сборъ около 1100 р.). Внитя эту сумму изъ сумиы вознагражденія, останется двистрительнаго расхода только 14,000 руб. Для возийщения такой потери можно допустить возвышение цёнь на мёста на нёкоторые особо привлекательные снектакли, наприм'йръ, на первыя представления пьесь, которыя даются не въ бенефиси, на дебюти новыхъ артистовъ и пр. и пр. Предполагая число такихъ спектаклей въ течения года хотя не болёе 8-ми, а цифру увеличеннаго сбора не болёе 500 руб., получится не менžе 4000 р. прибыли. Затёнъ вознаграждение обойдется не дороже 10,000 руб. Неужели же улучшеніе репертуара, облегченіе артистовъ, болье нравильное распредёленіе ролей, болёе тщательная ностановка ньесь не стоять этой небольной сумны, составляющей двадцачь-нятую долю годового дохода русскаго драматическаго театра.

Вознагражденіе разовним представляеть также много неудобствь. Какъ я уже сказаль выне, ихъ видается енегодно оволо 65,000 руб. Собственно въ денежновъ отношевія для дирекція все разво би замённть поспектавльную плату соразмёрною прибавкою жалованья какдому неъ 44-хъ артистовъ въ счетъ 65,000 руб. Этого не дёлають потому, что считають разовие лучшимъ средствомъ дершать трунну

318

ръ рунать. Кбагъ болёс доволяны, того заставляеть чаще нграгь, н сну приходится болёе получать разовнихь. Если бы трупною пра-BEER GESCTROCTHUE H GESTLICTHUE CVINCCTRS. LORMENING TOLLEO VVBствоиъ справеднивости,-протевъ такого порядва нечего бы и возражить. Конечно, во главъ театральней братів и стоять люди веська ночтенные, но можно ли ручаться, что они застрахованы оть всёхъ людскихъ слабостей. Тъ изъ подчиненныхъ, которые польстивае, поугодлявие, посмиренийе, повкрадчивбе, не найдуть ли они скорйе достува въ начальственному сердцу, чёмъ та, которые болёе таленливи, болёе полезны и болёе любимы публикою. На нашихъ глазахъ оставить снену Васильевъ 2-й, потому что съ нимъ были есобенно "обходительны". Его обходили новыми ролями, и даже старыя передавали другинъ авторанъ, не стоющниъ его, всябдствіе чего цифра разевнях стала быстро уменьшаться, а такъ какъ разовые для 1-хъ сюжетовъ составляють болёе половины всего седержания, то уменьшение ихъ било весьма ощутительно для кариана. Оказалось вытодийе нграть уз нровнецін, дненомись крава на пенсію.

Благодаря поспектанльной платё, колодних артистанъ совсёнъ иётъ йоду. Пелучающіе 40, 85 и 25 руб. за вечеръ, нельзуясь своинъ вліяніемъ, захватывають самим незначительныя роли въ ничтожнихъ пьескахъ, играютъ иногда въ одинъ вечеръ на двухъ театрахъ. Водевильные jeunes premières начала 40-хъ годовъ, ingénues начала 50-хъ, — до сихъ поръ играютъ иолодихъ женщинъ. Коники 30-хъ годовъ являются въ роляхъ, ими создавныхъ сорокъ лётъ тому назадъ. Не будь разовихъ, не было бы такой потеми за ролями, тавого зансиванія у начальства, и закулисная камарилла менёе таготёла бы надъ трупной.

Держать же труппу въ рукахъ ножно би и другить образонъ. Стоить только заключать вонтракты съ артистани не на три года, какъ теперь, а только на одинъ сезонъ. Въ виду скораго наступления срока ангаженента, всякий будетъ держать себи осторожно и исполнять свои обязанности, какъ слёдуетъ, неъ онасения, что въ противненъ случай контракта ногутъ и не возобновить. Притонъ же: канал и цёль продолжительнихъ контрактовъ? Они выгодны лишъ для бездариестей, понавшихъ на службу по протекція.

О вознагражденін авторовъ можно снавать телько одно, что оно весьма не велико, и что только въ одной Россія драматическая литература такъ илоко поощряется. За 5-ти или 4-хъ-актичо пьесу въ прозё при полновъ сборё приходится на долю автора не белёе 60 руб. Такинъ образонъ, въ прошловъ году за новыя пвеси, ниёвина наяболёв усиёха, заплачено: "Выгодное предпріятіе" (10 пред.) - 600 руб.; "Безъ вины вивоватыс" (8 пред.). 480 руб.; "Послёвная жертва" (6 пред.) — 360 руб.; "Наслёдство мужа" (6 пред.) — 360 руб.; "Сообщники" (5 пред.) — 300 руб.

За такую плату почти не стоить трудиться для театра. Романь, который пишется гораздо легче, приносить гораздо больше. Выли ноинтин ходатайотвовать объ увеличении авторскаго гонорария, но они ни къ чему не привели.

Нельзя не заивтить встати, что наши театры, будучи восьми прижимисты на счоть полезныхъ и справедливнуть расходовъ, упускають часто случан увеличивать сборы. Напримъръ, нисколько не заботятся объ увеличенія ихъ цифры въ началѣ осени, въ великомъ посту и въ мав мёсяцё. Въ это время года преньеры общиновенно беруть отпускъ, и новыхъ изесъ почти инкогда не ставять. А между тёмъ чуть есть какая-инбудь новинка по части дебитовъ, театръ всегда наволилется.

Въ произомъ году, благодаря г. Невикову, майскіе и августовскіе сборы били весьма не дурны, — въ половинѣ май г-жа Савина собраль въ свой бенефисъ около 3,000 руб. Отчего же не принять за враниловъ такъ-называемый мертвый сезонъ, въ видахъ увеличения сборовъ, пригланать, наприм*ръ, изъ Москвы лучшихъ тапошинхъ артистовъ, а нашихъ отномандировывать въ Москву. Въ былыя временя каждый годъ пріёзжали въ намъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій. Въ 1870 году гостили лѣтонъ бедотова, Васильева 1-я, Живокини, бедотовъ, и театръ всегда наполиялся даже и въ бенефисы по увеличеннытъ цёнанъ. Теперь это обывновеніе вывелось, — говорять, по просьбё нёкоторихъ нашихъ премьеровъ, опасающихся невыгоднаго сравнения съ москойскими. Неужели потому мы и не видимъ бедотову, Цикулину, Ермолову, Акимову, Медвёдеву, Самарина, Музиля, Верга, Рѣшимова, Ленскаго? Очень можетъ бытъ.

Многое еще можно бы сказать о невыгодныхъ условіяхъ, въ воторыя поставлена наша драматическая сцена, но ограничусь только указанісиъ вишеприведенныхъ главныхъ недостатковъ.

Недостатии канцелярскаго отношенія къ дёлу художественному отражаются, конечно, и на русской оперё. Артнеги, любимие публиною, увольниются; другіе, сдёлавшіеся невёстинии во всей Ееронё и поющіе на главныхъ сценалъ, въ Петербургъ не приглашаются. Между тёмъ трупие. Маріинскаго театра далеко не полна, и отъ того многе терпитъ ансанбяь нёкоторыхъ сперъ. Репертуаръ не довольно рамнообразенъ. Въ сезонъ 1877-78 гг. поставили только одну новую онеру, и то плокенькую: "Тёнь Воеводи". Въ то же премя нашли возможность монтировать у итальнищевъ четире. Цёни на Маріинскомъ театрѣ все дерожаютъ годъ отъ году. Ложи стеютъ отъ 5 до 15 руб., кресла отъ 1 р. 50 к. до 4 р. (1-р. 50 к. только

съ 14-го ряда), ийста верхникъ друсовъ отъ 30 к. до 1 руб. При нервыхъ представленияхъ положительно невозножно часто туда заглядивать.

Странное діло! Когда річь заходать обь уничтоженін моненодін. то говорять о необходниости дешевыхъ удовольствий для людей недостаточныхъ, а потомъ устанавливаютъ цёвы совершенно для нихъ недоступныя. Не нужно забывать, что въ вашенъ сверненъ клината, гда въ продолжительния земы нать возможности искать себа развлеченій на воздух'й, въ тёни деревъ, пли среди полей, публичныя зрълница составляють крайною необходиность. Затрудняя входъ вь театры для бёдныхъ классовъ, для бёдной нолодежи въ особенности, ихъ заставляють искать призныхь, безиравственныхъ удевольствій въ какназ-небудь вертепахъ, или за варточными стодами въ клубакъ. Опера нигдъ не существуетъ, и не ножетъ существоватъ свонии средствани, а потому вельзя увеличивать цёнь до-нельза ради баланса. Театръ-не проимпленное заведеніе, нельзя приносить въ жертву разечету его скинкъ существенныхъ интересовъ. Акаденія художествь в Эринтакъ инчего не приносять, а только требують издержень, почену же оть русской драматической и оперной сцени хотять дебиться барншей. Гдё туть справедливость! Осылаясь опать на начало моей статья, я напомню объ указанныхъ мною безвреднихъ экономіяхъ по многимъ статьямъ. Тогда сдёлается возмолнимъ и вонежение нувых на Маринскомъ театръ, безъ ущерба его достоянству. Тогда онь будеть доступень для всёхь, а не для одныхь достаточныхъ тольно нассовъ.

Въ то же сямое вреня, хористы у насъ получають оть 240 де 360 р. въ годъ, то-есть менёе, чёмъ лакей въ зажиточномъ домё. За эти деньги они участвують по меньшей мёрё въ 120 спектавляхъ, и въ столькихъ, если не болёе, репетиціяхъ; въ итогё выходить не иного болёе рубля за выходъ. Въ прошломъ году хористы пытались подавать прошеніе о прибавжё, не безплодне.

Музыканты оркостра тоже не избаловани у нась, но все-таки съ ними немного болье нерепомятся. Въ 1877 году, имъ даже прибаным содержаніе.

Нельна также не удивляться, почему няжей оперной сцен дали приють въ саномъ глухомъ неъ театровъ, превращенномъ неъ цирка, тогда какъ, напротивъ, на той же илещади стоитъ лучиесе зданіе въ акуспическомъ отношеніи. Нанин изван портатъ себё голоса, форсируя ниъ не причнит плокого ресонанса. Тё же артисты, тё же оперы производатъ совсёнъ другой эффектъ при исполнении на Бельномъ театръ, послё отъёзда итальянцевъ.

Томъ II.-Марть, 1879.

MATERIA IBROTH.

Итальянская опера — далобленное наше дётаще. Для нея у насъ ничего не жалботь. Она состоить на сособнив превахъ. Гдавный режиссерь есть въ сущности автрепренерь. Дирекція даеть театръ съ освёщеніенъ, отопленіенъ, прислугою, декораціяни, нанивани, костонами, оркестренъ и хорами. Антрепренеръ принижасть на себя обязанность составить трупау. Въ нрежніе годы сборы дёлниксь пополамъ между диренцією и антрепренеромъ, но теперь ему отнускается 1 инлліонъ франковъ, или, по теперешнему курсу, около 400 т. руб. Представленій въ точенія сезона бываеть околе 130; вечеровой сборъ простирается де 3,500 руб., а слёдовательно годовая выручка доходить до 450,000 руб. За выдачев 400 тысячь, остается у дирекцій 50,000 руб. на покрытіе расходовь по театру, на гардеробъ, на девораціи, а также на оркестрь и на хоры. Врядъ-ли этих денегь хватить на вокрытю всёхь означенных расходовь. Если вбрить слухамъ, въ 1877 году дефицить по нетербургской и носковской итальянскимъ операнъ ирестирался до 160 тис.; не знаю, сколько приходится въ топъ числё на счоть нашей. Несиотря на дофицить, въ нынблиненть году опать приглашены итальяним въ объ столицы. Когда дёло до никъ воснотея, строгій контроль забываеть и о балансв. Въ другихъ большихъ столицахъ дёло идетъ совершение наобороть. Своей національной опер'я дають щедрыя субсидія, а нальянскую предоставляють свовить собственнымъ средствань. Въ Парнят антрепренеру театра "Вантадуръ" (Ventadour) отнускается отъ правительства телько 100 тыс. франковъ, в затёмъ онъ самъ долженъ содержить не только трупну, но и орвестръ, и ся хоры, и платить всё расходы по театру. Къ тому же, итальянский сезонь въ Париже вороче нашего, а цени местамъ ниже, вследство чего нафра годовой выручан гораздо невбе. Неснотря на то, трупна бываеть весьма порядечися. Два года тому назадь я саншаль тамъ "Анду" и "Реквісиъ" Верди, исполненине твин же артистами, что н у насъ (Мазини, Штольцъ, Вельдианъ).

Въ нёкоторыхъ сферахъ нетербургснаге свёта утверждаютъ, что для славы Россін и Петербурга необходимо поддерживать, во что бы то ни скало, нашъ балетъ, пріобрётний соронейскую рекуладію. Не знаютъ ли, во что обходится этотъ европейски-знаменихый балетъ. Громадный персоналърбалерниъ, танцевидацъ, танцоревъ, корифеевъ, балетиейстеровъ поглощаетъ болёе 100 т. руб. Постаневка новаго балета сто́нтъ енегодно отъ 20 до 80 г. р. Во что же еще обходится оркестръ, танцовальный классъ съ многочисленнымъ штатомъ учителей, учительницъ танцованія, репетиторевъ, и, навонецъ, содержаніе множества воспитанниковъ и воспитанницъ, предназначаемыхъ собственно для балета. Сколько уплачивается потомъ

жисій ветеранань хараграфів. Если бы привести въ извёстность птогъ всёхъ этихъ расходовъ, то онъ заставилъ бы ужаснуться. О некрытія расходовъ доходами и рёчи не можетъ быть. Ежегодная миручка еле-еле доходитъ до 50 или 60 т. руб. Театръ бываетъ полонъ только на первыхъ представленіяхъ неваго балета, а въ остальные вечера являются въ Большой театръ только балетные завсегдитан, и вкотерые прібажіе, и затёмъ сеон моды, т.-е. служанціе при театрѣ, и нолучающіе даровые билеты. Выходитъ, что огромныя жёртвы приносятся для налочисленнаго кружка балетомановъ, рёдѣющаго годъ отъ году.

Если у каждаго театра есть дёйствительно свой отдёльный биджеть и неприкосновенные доходы, то горе еще не большое. Но что, если для доставления удовольствия преждевременно состаривнимся вношамъ и молодымъ старичкамъ употребляются остатки отъ расходовъ по драматической сценё, остатия, которые образуются оттого, что отклазиваютъ въ деньгахъ на самыя существенныя его надобности? Что тогда сказать?

Предположнить же, что^{*} на балеть отнускается особая субсидія, и посмотринъ, нельзя ли распорядиться ею поэкономичнѣе. Въ теченія япин на Большовъ театрѣ шесть дней въ недѣлю принадлежать чтальянской онерѣ, и одних балету. Сто̀итъ ли же въ продолженін нести мѣсяцевъ содержать огромную труппу, со всѣми иринадлежнестами, для 20 или 25 представленій? Нельза ли имѣтъ одну балетную труниу для Петербурга и для Москвы? Этв труппа могла бы давать представленія въ Москвѣ съ сентабря до поста, а потомъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца. Тотъ же новый балетъ могъ бы быть съ 1844 по 1850), когда русская опера кочевала такимъ образомъ изъ одной стелицы въ другую. Для балета оно и нодавно возможно.

Никавой нёть также надобности ставить четырехчасовые балеты, разно утомительные для зрателей и для исполнителей. У самаго заклятаго любителя начинаеть рабить въ глазахъ послё двухь часовъ бёшеныхъ упражненій, балеринъ, солистовъ, и кордебалета, и отъ депораціонныхъ чудесъ, расточаемыхъ слашкомъ щедрою рукою. Пусть наши балетмейстеры примуть за правило, что ихъ великолѣцеина проязведенія не должны продолжаться болёе двухъ часовъ, считая и антракты, и тогда монтировка ихъ будетъ сто́ить вдвое дешевле. Передъ началомъ балета слёдовало бы давать отрывки или цёлые акты изъ оперъ. Я полагаю, что на такіе сборные сисктакли найдется болёе окотниковъ, чёмъ на 145-е представленіе "Дочери Фараона", или 125-е.—, Фауста".

При таконъ порядкъ престижъ Россіи въ хореграфическомъ отно-

BECTHNE'S ESPONE.

шеніе не нечезноть, а казенныхъ денегъ израскодуется горандо менёе.

Напъ французскій театръ, когда-то тоже пользованнійся свропейскою репутацією, теперь изъ рукъ вонта шлохъ, нескотря на те. что цёны на иёста значительно возросли. Ревертуаръ годъ отъ году ухудшается. Дирекція отказывается платить авторамъ за новыя вьесы, хотя требованія французскаго общества драматическихъ инсателей были весьма ум'вренны. Если не онибалось, оно облазывалось за 10,000 фр. въ годъ предоставлять нашему французскому театру рукеписи всёхъ произведеній своихъ членовъ. Не знаю, почему у насъ считается священнымъ правиломъ пользоваться даромъ чужимъ трудомъ. На литературномъ конгрессё въ Париже представители наней прессы не нашли довольно вёскихъ аргуневтовъ для оправданія такой странной протензін нашего театральнаго міра. Публика, а особенно несчастные абоненты отъ нен страдають, да и касса виднио въ убытећ. Отъ недостатва вовыхъ пьесъ уценьшаются сборы. Это особенно замътно на бенефисахъ, ---зачастую зала до половины пуста. Нёкоторые бенефиціанты сами платять обществу, и иногда очень дорого,--за право поставить что-нибудь новое. Нёть сомиёнія, что при вовобновлении контрактовъ, артисты, нийвощие бенефисы, будутъ требовать гарантированного сбора, и тогда придется приндатить за зиму гораздо болёе 10,000 фр. Туть уже нёть и экономическию соображения. Составъ трунцы также не блистательный. Хотять низть артистовъ числовъ поболёс, цёною подешевле. При влохихъ артистахъ-плони и сборы, а артисти плони потому, что лица, вербующія ихъ, нало св'ядуще въ сценическомъ искусстве, и притонъ же вовсе не занитересованы въ успаха дала. Неудачные ангажененти послёднихъ годовъ служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Поло-WENT, TTO SHANCHETOOTH LISBHHILL HADHECEELL CHEEK LOHOBO BC возьмуть, но агенть, знающій дёло, съумёсть стискать таланти и на маленькихъ нарижскихъ театрахъ, и въ провинція, нока они еще не пріобрёли извёстности.

Лучше же всего-передать нашъ французскій театрь вь частныя руки. Антрепренерь съумбеть угодить нубликё и соблюсти свои илтересы. Если театрь-буффь, когда онь былъ въ корошихъ рукахъ, велъ свое дёло корошо, не только безъ субсидій, но выилачивал еще часть сбора дирекція, то и подавно это будеть возмскию для того, кто получить въ свое пользованіе даровой театръ съ освёщеніемъ, отопленіемъ, декораціями и костимами.

Пускай сдёлають опыть хоть на одинь годь, и авось тогда наяна избавится навсегда оть необходимости принлачивать ежегодно больтую сумму на покрытие дефицита.

324

О петербургскомъ нёмецкомъ театрё говорить много нечего. Какъ слышно, расходы его покрываются доходами, и онъ посёщается весьма исправно здёшнею нёмецкою колоніею. Въ послёднее время слышатся, однакоже, жалобы на дурной составъ и этой труппы. Отчего бы и тутъ не поправить дёла передачею театра въ частныя руки?

Въ заключеніе, нельзя также не пожелать вообще пересмотра театральныхъ уставовъ, которыми руководствуются съ 1825 и 1827 года. Съ тѣхъ поръ многія постановленія, конечно, измѣнены, но этого недостаточво. Необходимо подвергнуть систематической ревизіи всё уставы и согласить всё подробности съ требоваціями времени, указаніями науки и опыта. Само собою разумѣется, что трудъ этотъ долженъ быть вокложенъ на лицъ, спеціально знакомыхъ съ театральнымъ дѣломъ.

Въ каждомъ дёлё также важенъ серьёзный контроль, и потому вездё слёдуетъ принять за правило, чтобы одно и то же лицо не ногно въ верхней инстанціи провёрять и утверждать распоряженія, итъ же сдёланныя въ низшей. Этому правилу необходимо слёдовать и въ театральной администраціи.

Все высказанное нами, конечно, можеть быть пока разсматриваемо, какъ pia desideria — тёмъ не менёе нельзя было не указать за все это въ вопросё, котораго мы коснулись. Театръ занимаеть весьна важное мёсто въ исторія общественной культури, чтобы воздерживаться оть обсужденія условій его процвётанія только потому, что оно не ножеть бить достигнуто сегодия. Пригомъ, высказанное намя, ножеть быть, вызоветь в другія соображенія относительно необходинихъ преобразованій; вопросъ, танинъ образомъ, обсудится воесторонне, в внанё севрёеть въ той счастливей эпохё, когда найдуть вознокмынъ перейти наконець еть слева къ дёлу.

Аликсандръ Вольфъ.

вольный процентъ

по ссудамъ.

По поводу отмѣны узавоненнаго роста.

I.

"Да не дася брани твоему въ лихву сребра, и въ лихву пищев. B B'S INXBY BCARIA BOULS, ONY ME AMO BOARN'S JACH. Hywodany JA Jack въ лихву, брату же твоему да не даси въ лихву" - гласить Второзакеніе (XXIII, 19. 20); стремясь къ ебонобленію набраннаго народа, завовы оврейские воспрещали только лихву нежду свреями, но не мажду свресить и инонложеннымъ. Дрезніе риклапе сильно возставали противъ непомърныхъ процентовъ. На вопросъ: quid est foenerari? - Катонъ отвѣчалъ: quid est hominem occidere? Но римскіе законы допускали проценть и узаконыли его оть 4 до 12, смотря по званию заимодавцевъ и назначению ссуды. Въ средние въка римская церковь строго осуждала ростовщиковъ. На третьемъ Латеранскомъ соборѣ. было постановлено лишать ихъ христіанскаго погребенія. У насъ въ народѣ сложнось много поговоровъ: онѣ обнимають обѣ стороны факта займа, оба интереса, въ немъ представляющіяся. "Взаймы дать--что волка накормить"-говорить одна. "Заниматься-самому продаться"---гласить другая.

Православное духовенство, слёдуя правиламъ апостоловъ и св. отцовъ, внесеннымъ въ кормчія книги, также держалось мысли, что пріобрётеніе процентовъ на капиталъ не трудомъ, а вслёдствіе нужду заемщика, есть стяжаніе, противное любви къ ближнему. Въ одномъ посланіи митрополита Фотія къ псковскому духовенству, относящемся къ началу XV вёка, говорится: "земледёлецъ снявши ко-

ХРОНИКА.----ВОЛЬНИЙ ИРОЦЕНТЪ.

косъ, полагаетъ скиена опять въ землю; а запиодавецъ получаетъ и плоды, и отданное имъ въ зайни; онъ обетъ безъ земли и жнетъ не съязния; такъ какой же это плодъ, который санъ собою родится?" Педъ вліяніситъ такъто убъкденія, въ уложенія царя Алексён Махайновича постановлено, что, въ случаё нека заемникъ денегъ, должно требовать съ долживка едну "нотину" т.-е. капиталъ, а "роста", т.-е. ирацентовъ, не править, "потому что по правилать св. апостоловъ и св. отцовъ росту на заемныя деньги имати не велёне".

Въ исторической запискъ покойнаго графа М. А. Корфа, который ынерные возбудних у нась (въ 1863 г.) въ законодательномъ порядкъ вопросъ объ отдения постановления, ограничивающих размёрь роста, уназывается нежду прочимъ, что приведенному сейчасъ постановленію "уложенія" противор'йчила испони народная практика. Въ Россін наревло было въ обнуят давать взайны изъ прибыли не только деньги, но хлёбь и другіе продукти. Хлёбь давался из "присоцъ", а недъ въ "наставъ". Процентъ съ денегъ въ псковской области BRESIDARCE "FOCTHILIONS", TTO THE SCHO TERSIDEETS HE GTO TODIODOG значение, то-есть, деньги давались взайны за проценты "гостямъ", вунцамъ, стало быть-для торговыхъ цёлей, а не по нуждё заемищверь. Въ "Русской Правдъ" рость разрёшанся, приченъ дёлалось разлечіе между займами мёсячения, третения в полётными", иля годеными. По этимъ послёднимъ дозволялось брать десять купъ на гривну, что составляеть 40% въ редъ. Въ Судебникъ Ивана IV упенныется о кабала, съ обязательствоить должника служить за рость, и постановлено, что если ресть берется депьтаки, то заимодавещь уже не ниветь права держать должника у себя въ услужения. Изъ записей видно, что въ XVI и въ XVII векахъ было въ общемъ употребление брать 20 процентовъ "какъ идеть въ людять (то-есть, какъ привлято), на плуь----шестой". Заниодавцами въ то время были **греннущественно монистири, кот**орые боматёли вкладами, владёли слани и угодьями, а заеминками-отчасти кулцы, но вь особенности служилые люди и воселане, нуждавниеся въ скоте или либов на носниь и дане на предовельствие. Итакъ, сами не менаснири нарунали церновное запрещение о ресть, выраженное въ ето время въ Стоглавъ. Нужда, въ которую впадали иногочноленные засмецики, и страшная кабала (право на службу заемицина часто по самую смерна его) вынуждаля носковское правительство въ разныя времена издазать ностоповления, облагчалина областельства должниковь. Въ дарствованіе Петра II разр'ящено было брать не 6 нроц. съ тёхъ, ито BO YELETETE BE COORS CREATERS REMOVE, WW BARL-ON LORSSNBACTE RESIDESHABIC TOPAREERN'S SAKOHOGATOLICTBON'S HOCHCETS, HEAVE, BARS DS звдё штрафа. Только въ половний XVIII столётія, а лизние сы

1

учреждения государственныхъ заемныхъ банковъ для посебія нуждающинся въ зайнахъ дворянанъ и нущанъ постановлено, наконецъ, призначіе процентовъ въ видѣ вознагражденія за польсованіе капиталонъ. Въ уставъ этикъ банковъ 1754 г. положено, что они преизведять ссуды по 6 ност., и тамъ же разрёжено частнымъ нинамъ условливаться между собою о взямания процентовъ, но не свыше тёхь же 6 на сто. "набы во всемь государстве одень проценть стоять могъ". При учреждения въ 1786 году императрицею Екатериной П новаго государственнаго заемнаго банка изданъ быль манифесть, воторнить, въ видахъ искоренения лихвы и облегчения нуждающихся въ деньнахъ дворянъ, повелъвалось наъ 6-ти унявныхъ процентовъ, сложить одних, такъ чтобы и нов частныхъ людой никто не сийлъ брать болёе ялии процентовь. Ссуды наь государственнаго банка велёно проняводить также по 5 прец., и 3 проц. вь года на ногашеніе; за вклады же банкъ платилъ 41/2 проц. въ годъ. При этонъ объявлено, что "всянить образомъ силеный рость выше нати про-HORTOPS" JOLKON'S OFFICE HOW TENNES LEXBOR HARAMEDETCH JEMONON'S всего ванитала, отданнаго въ лихвенний рость, съ обращениет этого валитала въ приказъ общественнато призрънія. При императоръ Павлё государотвенному банку быле предоставлено илатить по видадамъ 5 проц. и взниать по ссуданъ 6 проц.

Наконецъ, въ 1808 г. при императорѣ Александрѣ I разрѣнено было частнымъ лицамъ въ заемныхъ между собою сдѣлкахъ братъ пе иместно прецентовъ. Съ тѣхъ воръ и до настоящаго времени это воличество указныхъ процентовъ остается въ отношени къ частимиъ лицамъ безъ намѣненія, и это правило надожено въ от. 2020 св. зак. гражданскихъ (изд. 1857 г.), которая была редикирована въ 1854 году въ такомъ видѣ, что въ ней же запрещается вилочать въ заемныя обязательства условія о предентакъ сложныхъ, т.-е. о процентахъ на проценты. Надо отмѣтить одно особее исиличене имъ общаго правила объ указнихъ 6%: еще въ 1880 году, сенатонъ било изъяслено по одному честному дѣлу, что дворянснія онеки на нацитълъ манелѣтенкъ могутъ, по согласно съ заямизнами, брать указныхъ, преценты не считаются лихвенными. Это правило оставалось въ закатѣ н до сихъ коръ.

Упоняновъ далёе, тольно для нелноты сбеора, что из банновыхь установленіять, проценчь, платникай но вкладанъ и венисений но соуданъ, нёскольно разъ изиёналод послё постановлений Казеврины II и Павла Патровича. Такъ, наинфестонъ 1830 года переиёне било видають за заклады только 4%, и но серданъ подъ задотъ исциеннимахъ зисёній брать по 5%. Указонъ 1857 года тота и дру-

гой разніврь уменьшены били еще на одинь проценть, а указомь 1860 года приемъ въ банвовыя установления вновь частныхъ ведадовъ до востребованія быль опреділень только до 1 января 1860 г... съ тънъ, что продолжено пріена виладовь послё этого срока будеть женовть оть дальявашихь соображений правительства; проценты же но вкладамь были ночислены уже тельно по 2 на сто. Эктёмъ въ 1860 году утверждень уставь преобразованнаго государственнаго банка, и въ неиъ уже предоставлено скному банку опредёлать разивръ принименнать вкладовь, величнину процентовъ и сроиъ востребованія вкладовъ нух банка. Относичельно же процента, взимаемаго банконь при учеть рекселей и другихь срочныхь русскихь процентныхъ бунагъ и вностранения траттъ, въ этомъ уставъ было ностановлено, что учетный проценть опредёляется правлениемь банка, наждыя двё недёли и чаще, сообразно съ торювыми обстоятельствани. По соображения съ опредвленнымъ размёромъ учетнаго процента назначаются и проценты по ссуданъ изъ банка подъ залогъ процентныхь бумагь, золога и серебра въ слиткахъ и товаровъ. Таних образонь, устарь государственнаго банка 1860 года сталь нь врамое противорйчіе съ закономъ гражданскимъ, оставанийноя въ снай еще 18 лёть вослё того, а ниенно, что запрещается взямать по ссуданъ болве 8% въ годъ; учетный же проценть банна практически превосходиль ниогда этоть общий, указный размёрь.

Между твиз, из законахъ все еще сохранияся принцина, въ силу котораго дихва, то-ость исякій рость, вземаємній сворхъ унасныхъ процентовъ, есть михва, то-есть преступление, за которое виновный подвергается уголовному суду и наказанию. Это правило объ уголовнонъ наразанін за лихву восникло еще въ 1754 г. и оставалось въ полной снив до настоящаго времени. Но самое наназание за лихву, начника съ прошлаго столёгія, ностененно сначчалось. Такъ, по уставу о государственных засняних банкахъ 1754 года, у винов-BATO DE SHXBË BCO MAËRIO ROLIORARO OTOGOAHID DE MAHY, & HA OCHOмини манифоота 1786 года, миновный въ лихий подвергался уже только лишению махонимо каничала. Въ отокъ видё ностаковление было внесене и въ еба первия изданія свода запоновъ. Но въ 1845 г. оно ниринено, и въ улошение о ваназаниять изложено слёдующень образонь: "кто будеть жебличень во жати при отдачь и засих денень болбе услановленныхь по закону предектовь, теть подвергается: из нервый рась-денежному венсканию игрое протики ватных или лихоенныхъ процентовъ; ве-втерей, ---сверхъ отначениете ние денежного венекалів, ареогу на вреня еть трехъ недбль до трехъ ивсяцевъ; а въ третия, -- сверхъ таного же денежнаго всисванія, заключению из тюрьнів оть одного года до двухъ літть". Харавтернетическая черта того періода: наураўх патрафоны, но всо-таки еще личное наназаніе, вдобавокы. Эта спатья уложенія 1845 года вошла и въ наданіе удоженія о наказаніяхъ 1857 года (ст. 2300). Сверхъ того, въ устарѣ о предупрежденія в пресѣчелія вроступленій (XIV т. св., зак. над. 1857 г.), на обяваннооть полиція возлагается пресыдовать ростовщиковъ и отсывать вхъ въ уголовному суду. Здѣсь же накомены правила о токъ, какъ принямаются деносы о лихъ́в: "если доносъ объявлень будеть еть выдачи заемнаго письма въ теченія семидневнаго срока, ная по представленія изе по венсканію заемнаго письма, то, не останавлявая венсканія но такому обязательству, виѣстѣ съ тѣмъ приницается оть деносителя навѣть и отсывается въ подлежащее присутственное мѣсто для сущенія".

П.

Понятно, что такія постановленія не могли бить оставлени аь нашихъ гражданскихъ и уголознихъ законахъ на неокредъление BDONS, DELOND CD. OTNĚBOD BCERAFO OGERATEJILERTO DASNĚDA DOCTA LLE государственнаго банка, а также общественных и частных кредитныхъ учреждений. Протяворёчие это необходимо было устранить, и само собою разуниется, что устранить его и нельзя было вначе, какъ отнанивъ въ граналесковъ завона постеновление объ чакононномъ роств. Мысль о предоставление опредбления количества процентовь взанивому огланению договаризовлинися с займё оторонь---He HOBA BL Peccia; OHA BOSHBBLA CHIC DOTTE SE 3/4 CTORTIN TONY HEзадъ. Въ санонъ дёлё, въ "проектё гранданскаго улененія россій-CROR HAREPHE", BRIOMENHOME CHRISIS ROMMICCH COCERDINIS SEROвовъ, подъ главянить руководствоить Операнскаго, бало предналожано именно-предоставление разитра воста свобеднему соглашение. "Количество реста или процентовъ" — сказале въ тонъ вроентъ — . EDELGOTABLESTON IS ROLD H BEAUMER TOPORIO LOPORADERABILITA INC., OS TÊNS TOLLEO, VICÓN THONO ORNES BO ROEBONS SOCIEDAS OGзательства именно веказано было". Соотвательство съ отника, проекта нродоставляль и государозвеннымъ банкамъ, и "дебноъ м'ястянъ", назначаль рость также во своему усмотруки, сь утверждения верзог-ROB BLACTE, BO CD. TAND. QABARO, WYOOL BROBERTH, BRIMACHINE MORTANE варенными. были всядё однажаюны. При экома, улавные преценты но-JAPAIOGS OOKPAHETS TALLOO LLA DAGOVOTORS HO PAREN'S COMPARENT. erbank, by kotodukh pasušps ychosloumurs adouentors no bush виражанъ, а текие по такить испанъ и велованіянъ, едё добревольнаго условія быть не можеть, но гай; но спер законова, сла-

830 -

дуеть нолучить проценты. При разскотруван части этого вроекта, постанценной договорань, въ департаментъ законовъ въ 1812 году, излошенная основная мисль была одобрена. Но, какъ многое другое, изъ предноложеннаго въ то время она не осуществивась и по настоящее время.

Въ теорін ограниченіе законема размёра роста по нользованію ваниталонъ въ деньгалъ вовсе поддерживаемо быть не можетъ иначе, накъ если допустить вовножность регулированія вообще государствоиъ отношений между орудіями проязводства в трудомъ. "Деньги составляють такую же собственность, накъ и всякое другое инущество, которымъ собственникъ, нивотъ право распоражеться, движиное на оно или недвижниое, по своему усмотрёнію, извлекая неъ него всё возможныя, безъ нарушения только правъ другихъ лицъ, вытоды. Почему же одному только собственных денегь, т.-е. въ су-HOOTE'S TAROFO MO, BARS SOMAR, JON'S H TOBODS, BNYIGCOTBA, SABOHS запрещаеть отдавать ихъ въ засить по добровольнымъ условіямъ, за пределти свыше установленной нормы, и въ то же вражя ни мало не запрещаеть, обративь тё же самыя деньги на покупку земли, доже LIE TOBADA, HEBLEKATS HIS YROTDOGICHWARD HA CIC KARNYAM TAKON SC, накой запрещень при зайна, или еще гораздо высшій проценть?" Въ выписанныхъ словахъ графа Корфа вопросъ поставленъ ясно и совершению правильно. Но защитлини узаконеннаго роста ссылаются однако на особое значение денеть какъ средства мънн, орудія терговыхъ оборетовъ, и именно въ силу такого спеціальнаго значенія довогь оправдывають старанія законодатольства сделать вреднуь более доступнымъ и не разорительнымъ, что будто би хоть въ извистной мёрё достнизатся заврещеновть роста выне извёстной перин. Но это возражение въ сущности не есть возражение, такъ накъ сно основывается на такомъ фантъ, который въ сущности вопреса совершенно во принадлежить. Потему же, если деньги----- меновые знаки, то владільцу денегь не можеть быть доввелено ваннать за пользованіе валиталовъ накой угодно преценть? Развё потому, что это можеть ственать самую ивау? Нать, но потому, такъ какъ всёмъ понятно, что разм'ярь процента засисать оть общли или недостатка денега въ данное время и данномъ мёстё, сравантельно съ потребностью въ них торговли и промышленности, а стало быть, если бы кожно било лайствительно поманить взиманию ироцента въ естественномъ разнивой, то деньи исталлические стали бы исчезать, а деньи пре-ARTHING OGERITBENBATSON, 470 DORO ON BS SEVDYLEGRID, & HE ES SOLEIтению мёны. Въ дёйствительности же, постановления объ узаконеннить рости во всёхь занонодительствикъ истекли вовсе не нит того соображения, что деньги служать ибновыми внаками, но нев осущ-

381

денія самаго принципа роста, какъ наживы безь труда, безъ созданія новой півности, в притокъ наживы, возрастающей по квой нужани тёхъ засищиковъ, съ которыхъ она взимается. Такъ, въ приведенныхъ выше древнихъ законахъ не дълестся никакого различія между ростомъ на ссуду деньгами и ростомъ на ссуду хлёбомъ или вещани. Осуждается самый росто, а не затруднение имны высокниъ процентомъ на ссуду мъновнить знавовъ. И въ самомъ дълъ, при зайий деньги представляются вовсе не въ качествъ ибновыхъ знавовь, но въ вачествъ валичала, точесть средства производства. Въ начествъ же капитала и товара, деньги должны подлежать разнымъ законодательнымъ условіямъ съ другние видами капитала и товара. Доковладблець, который новышаеть цвны на квартиры, торговець, который возвышаеть цёну товара, нибють нолное право получить такую наживу, хотя не совдають этимъ никакой рённести. Они при этонъ только сообразуются съ предполатаемою ими дёйствительною изностью ихъ собственности въ данный нии ближавний моненть. Но точно также в канеталисть, дающій вваймы денью, сообразуеть свой рость, свою нажных, съ представлениемъ о действительной товарной стоямости канитала въ данный или ближайный моменть. Если уже допустить ограничение законодательствонъ пользования каниталонъ, то въ теорін било бы болеве основанія определить висшую BODNY SA OTJANY BE HASHE SOMRE BUE EBADTHOE BE FODOJAKE. TAKE вавь этоть видь капитала-недвижниость, обставлень вензивнымъ условіень пространства, а стало быть, пользованіе низ до изв'ястной отелени составляеть вопрось о "прав'я жить", которое уже прежде всего должно быть обезпечено законодательствомъ. Мы видимъ од-HAROME, TTO HERBEON VIRCHELEON HODEN HAMPEN CE SCHELEHBLO ESнитала не было, да и легио себъ объяснить, почему напрасно было бы одинъ видъ ванитала, въ отдёльности, нодвергать такому регулированию. А этотъ выводъ догически и совершенно въ равной степеви относится и въ капиталу въ деньгахъ.

Тёмъ не менёе находнинсь и такіе мыслители, которыхъ самая лоима не убёждала въ этомъ случай. Не будучи въ состоянін теоретически поддержать пользу дальнёйныто удержанія ограниченій роста, они тёмъ не менёе не хетёли разотаться съ предразсудками, съ которыми свывлись и которые нріучили ихъ въ мысли, что свободное опредёженіе процентовъ опасно. Послёдникъ аргументомъ въ такомъ случай обыкновенно служилъ-какъ ви страние это — такой аргументъ, который быль направленъ противъ самой лонихи, отрицалъ ся колистентность въ сферё законодательства. Въ такомъ случай обыкновение говорилось, будто вовсе не нужно, чтобъ законъ билъ согласенъ съ правилами логики, что законы строго-логическое непри-

хроника. --- вольный процентъ.

ићними и что нёкоторое ототупленіе отъ логичности не есть недостатокъ въ закопѣ, а скорѣе напротивъ. На нодобнаго реда возраленія уме налишие было бы отвѣчать. Вѣролтно, они могутъ преисходить тольно отъ нёкотораго сиѣненія нопятій о логикѣ, діалектикѣ, метафизикѣ, софизиахъ, софистахъ, критикѣ чистаго разума, такъ какъ нодъ отрицаемою для закона пельзою "легики" разумѣется иѣчто неуловимое, но долженствующее скорѣе всего обозначать собою: "вообще филосефскія тонкости". Но такъ какъ логина, логичность въ мысляхъ-дѣйствительно езначають собой правильный, посиѣдовательный процессъ мышленія, согласіе выводовъ съ тѣми посыками, на которыхъ ени построены, то странно было бы освебождать отъ нодчиненія логикѣ законъ, управляющій государствомъ. Здѣсь достаточно привесть изреченіе Вольтера: "la logique nous аpprend l'usage que nous devons faire de notre raison dans la recherche de la vérité".

Ш.

Нынъ, вопросъ объ отменъ существующихъ правилъ объ узавевенномъ ростѣ и о предоставленія размѣра процентовъ свободному согланению завиодавца и заемщика быль возбуждень въ законодательномъ порядкъ въ 1863 году, по почнау управлявшего въ то время П-иъ отдёленіемъ собственной Е. В. канцелярін барона М. А. Корфа. Внесенный имъ проектъ вредлагалъ именно предоставить опредбление разитера процентовъ добровольному соглашению, съ темъ, что только въ случанхъ, если разибръ этотъ въ сдёлкё опредёлень не былъ, онъ считается въ 6 на 100 въ годъ. Ръщение этого вопроса, однако, признаво было нужнымъ отложить до болёе удобнаго времени. Можду тёмъ, въ 1866 году орновское земское собраніе постановило ходатайствовать о допущении свободнаго процента, указывая на недостатокъ вредита, обусловленный, между прочимъ, и воспрещениемъ закона воимать болёв 6% съ ссуды, тогда какъ нёвоторыя неъ государственныхъ бунагъ приносатъ отъ 7-ми до 10% чистаго дохода. Ходатайство ото не было удовлетворено въ то время, но орловское собрание возобновило его въ 1868 году. Въ томъ же году въ одновъ наъ высшихъ установленій, при обсужденія проекта устава товариществе для заплада движныхъ инуществъ, возникан соображенія такого рода, что хотя проекть барона Корфа и признано было нужнымъ отложить, но съ тёхъ ворь въ уставать разныхъ кредитицхъ учрежденій были допущены многочисленныя отступленія отъ общаго завона объ установленномъ размёрё процентовъ, и такое противорёчіе, граж-

988

данскихи законовь съ частными уставани, получёншими законодательное же утверждение, крайне неудебно, такъ что слёдовало бел всё относящияся въ этому вопросу правила привесть въ сеглащение.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отмёнё пормы роста снова пошелть ВЪ ХОРЪ. И ВЪ БОНЦВ 1870 ГОДА ОМИЗ ВНОССИВ ДОКЛАНЪ УЖЕ МИНИСТООствоих финансовь въ томъ же синслё, какъ и прежній проектъ берона Корфа, т.-е. въ смыслё предоставлени размёра процента. свободному соглатению между частными лицами. Доводы, приводивинеся въ докладъ мнинстерства финансовъ, были настолько убъдительны, что при вторичномъ обсуждение вопроса въ одномъ наъ высшикъ установлений, уже въ 1871 году, не произопило разногласия по существу; въ теорія всё были согласны съ необходиностью етивны завонной нормы роста. Но при этомъ опать возникло сомнёние относительно своевременности такой мёры, и мийнія раздёлились именно по этому пункту. Одни признавали необходимымъ безотлагательно отивнить законъ объ узаконенномъ роств; другіе же полагали нужнымъ отложить рёшеніе этого дёла до представленія другого законодательнаго проекта, а именно-предположенія объ отмёнё личнаго задержанія за долги. Хотя эти два проекта, дъйствительно, относились въ одной и той же области, но едва ли можно утверждать, что между ними была тёсная связь. Приверженцы второго мейнія останавливались именно продъ мыслію, что, при разрёшеніи взпиать проценты въ неограниченномъ размбръ, власти окажутся въ необходиности подвергать людей личному задержанию за неплатежь чудоващныхъ процентовъ. Это послёднее мнёніе фантически восторжествовало, и дёло отсрочилось еще на нёсколько лёть.

Наконенъ, въ 1877 году, внесенъ былъ, въ законодательномъ норядев, и проекть закона объ отивне личнаго задержанія за долги. Навалось, уже не должно было еставаться никакихъ препятствій къ отивнъ узавоненнаго роств. Вопросу быль данъ снова ходъ. Но при предварительномь обсуждение его и на этоть разь возниело, какъ ин слинали, практическое возражение, при всень согласии съ теоретической стороной дёла. Возражение было слёдующее: неужели возкожно прямо отъ запрещенія взикать по сеуданъ белье 6%---перейти въ такону ноложению дель, что судебныя ивста обложны будутъ производить высканіе по обязательствань санаго непом'врнаго роста, напремёрь, по 100% въ годъ? Для устражения столь рёзкаго перехода и предларался слёдующій средній терминь, а нисино: опредёленіе разм'яра процента предоставить свободному соглашенію, но съ твиъ, чтобы судебныя ивств, при сворй по денежнымъ долговынъ обязательстванъ, ни въ каконъ случав не присуждали венсканія процентовъ свыше 12-ти на 100, сколько бы ни былъ больше раз-

ийръ, опредъленний инстаненно въ договоръ о зайнъ. Такъ какъ глазную роль при нынъмнемъ обсуждения дъла, если върить слуханъ, перела именно этотъ вепросъ объ устранени ръзнаго перекода и о принятия такого ръмения, которое было би телько полумърой, то мы и остановника на тъхъ доводахъ, которие могли би быть предъявляемы въ нольку и противъ такой временной переходней мъры.

Никто не отрицаеть, что ностановленія, ограничивающія разибръ роста, и въ особенности тв, которыя преслёдують какъ престундение - взамание процентовъ сверхъ опредбленнаго роста, не могутъ бить оправлываемы на научной почвё, и что, съ точки зрёнія теоріи, они должны подлежать экончательной отивнё. Но возражения исходать всегда взъ точки зрёнія практической. Практики не могуть примириться съ ныслыю, что завонъ, который доселя пресладоваль всяваго заннодавца, обличеннаго во взатіи процентовъ свыше 6-ти, завтра же станоть вреслёдовать должника, котораго несчастныя обстоятельства винудные согласиться на уплату роста въ 100 процентовъ. А когда противъ этого въ свою очередь является, съ другой стороны, возреженіе, что должники и тенерь влатать въ действительности боле 6 процентовъ, а иногда илатять и 100 процентовъ, но только въ виде вычета изъ выдаваемой ниъ ссуды, и что, благодаря такой уловий, законъ и ныий преслидуеть должника, неуплатившаго этого лихвеннаго, хотя скрытаго процента-то противники пелной отмёны узаконеннаго роста говорять, что пусть по крайней мара должникь знасть, что законъ не одобряеть его разорения заниодавцемъ. Они разсуждають далёе, что отмёна узаконеннаго роста враждебна интересань зекледёлія, и ссылаются на Францію, гдё правительство Нанолеона III не решалось на отмену закона 1807 года о росте именно нать онасенія вызвать неудовольствіе врестьянскаго сословія, в что нигдъ болье, чанъ въ Россін, отнана законовъ объ узаконенномъ ростё не отдасть массы народа на произволь уже ничёмь не сдеринваемой алчности мелкаго ростовщичества. Правда, законъ нынъ обходять помощью ухищреній; крестьянинь и теперь бываеть вынуждень занимать деньги для срочной унлаты податей и платить за ссуду по 100 и болёс процентовъ годовыхъ ростовщику-сврею, нин кулаку, или содержателю интейнаго ваведенія. Но если крестьянинъ склонаетъ голову предъ такой необходимостью, то онъ всетаки внасть, что государство и законъ по одобряють такого его разоревія, и что его вреднторь не посмбеть явиться гласно передь судонь съ требованіемъ о такомъ рость. Но какъ только законъ признаетъ полную свободу сдёловъ по займамъ и обязательность договоровъ о займё, при вакихъ бы условіяхъ они ни были заключены, тотъ же врестьянниъ увидить судъ-представителя государственнаго пра-

восудія — произносящій по требованію вредитора приговерь о вансканін съ жертвы ростовщика, ибрами законными, той непомбриой лихвы, которая теперь сврывается отъ глаза правосудія. Какое же впечатлёніе должно будеть произвесть на нассу населенія такая родь налача, разыгрываемая судомъ, и не слёдуеть ли опасаться, чтобы то отвращение, которымъ въ настоящее время общественная совёсть караеть ренесло ростовщиковь, не обратилось въ саному суду, принужденному, вопреви всёмъ нравственнымъ убёжденіямъ своихъ членовъ, быть пособниковъ кредитора для окончательнаго разоренія жертвы его влуности? Ожидать же, что, вслёдствіе отмёны юридическаго начала о преступности роста свыше 6%, честные капиталисты войдуть въ соперничество съ ростовщиками, и конкурренція первыхъ сама ограднть нассу населенія оть жадности послёднихъ -по этому мевнію-нельзя. Конкурренція добросоввствыхъ ваниталистовъ съ недобросовъстными мыслима въ вредитъ на предпріятія промышленныя, торговыя и, пожадуй, въ большомъ земельномъ вредить. Но въ нашихъ селахъ и деревняхъ, въ захолустьяхъ, почти не посёщаеныхъ, не имбется такихъ честныхъ капиталистовъ, которые ссудаля бы деньги врестьянамъ и мелениъ землевладёльцамъ. Тамъ нътъ и долго еще не будеть другихъ капиталистовъ, крощъ ростовщивовъ - свресвъ, кулаковъ и содержателей питейныхъ заведеній; единственный капиталь, тамъ обращающійся, есть капиталь ростовшика, который властвуеть безь всякой конкурренціи. Слёдуеть выслушивать инбніе людей, ближе стоящихъ къ жизни народа, прежде чёмъ рёшаться на шагъ слишковъ сийлий. Между тёмъ въ разработкъ у насъ этого вопроса запъчался тавой пробълъ, что съ санаго начала этотъ вопросъ не выходилъ изъ высшей административной сферы, и не были собраны свёдёнія и отзывы ни оть представителей народной промышленности, ни отъ представителей науки. Между твиъ, этотъ вопросъ – одинъ изъ твхъ, которые прямо касаются народной плоти и врови. Осторожность здёсь необходния потому именно, что если бы слишкомъ сиблая ибра повела къ овончательному разорению земледёльческаго населения и вызвала въ немъ раздражение противъ судовъ, которые какъ-бы принали нодъ свою защиту вловреднихъ ніявокъ-ростовіщиковъ, то нельва будеть поправить дёло ссылками на теорію, --- на такой, напримёрь факть, что самь Адамъ Смять въ предсмертномъ письмё призналь правильность отивны запоновъ о роств.

3**86** [`]

ХРОНИКА.----ВОЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТЬ.

Подъ вліяніснь таких опасеній, извоторые в предлагають полуивры. Они могуть при этомъ ссылаться на законъ, изданный въ 1787 г. германскимъ императоромъ Іосифомъ II для Австрін, въ силу котораго правила объ узаконенномъ мансимумъ роста отмънялись, но вмъстъ ностановлялось, что судебныя мёста на ръзнакомъ случай не должны выскивать болёе 4%, во долгамъ обезпеченнымъ и 5%, по займамъ простнить. Прим'янительно из этому будто би предлагалось постановнить и у нась. что хотя во обязательствахь по займу размёрь процентовь онредъляется но свободному согланению сторонъ, но судебныя ивста ион спорё по денежнымъ обязательствамъ ни въ какомъ случаё не ностановляють взысканыя процентовь свыше 10-ти или 12-ти на сто. Такимъ образонъ, частное лицо имъло бы право обязаться платить болье 10 или 12 процентовъ и хотя бы 100, но законъ не принуждаль бы его действительно произвесть ушату свыше 10 или 12%. Сверхъ того, предлагалось еще вестановить, что по всёмъ займанъ, въ которыхъ стороны условняесь въ развитовъ процентовъ, превннающенть 10 влн 19 на сто, должнику предоставляется право возвратить занатый имъ каниталь во всякое время, только предваривъ заниодавца за три ибсяца впередъ о своенъ намбрении это сдёлать. Привержении такой изры или-какъ она уже била названа выше--полунары, считали се только временною, переходною, однако предназначенною на время пеокредёленное. Они допускали, что внослёдствін, когда повсен'єстно въ Россін устроятся ссудо-сберегательных кассы и когда сельскому населению на всемь пространствъ России сдёлается доступнымъ легенё в спискодительный (?) вредить, -- тогда и предлагазшесся нинъ ограничение могло бы бнить отмёнено.

Но полум'йра эта была, какъ нын'й оказывается, отвергнута при обсунденія проекта. Мы просл'йдим'я теперь тії доводы, каліе, но всей в'йроятности, нийлись въ виду противъ ен принятія. Презде всего нельзя было, конечно, не остановиться на странности въ придическоить синсл'я такого денежнаго обявательства, которое замономъ допусивется, но которому заковъ впередъ отвазываеть въ своей поддержкё и своемъ охраневін. Какой синслъ нийло бы обязательство платить по 1%/с, если взискить, на основанія закона, можно было бы только 10 или 12? Это быле бы уже не придическое, а только нравственное обязательство, простозе об'ящаніе, не им'й ощее иной принудительной силы, кром'я личного жаланія засящива; для исноиновіл ме об'ящанія при личногъ зналанія ото исполнить, нёть нужды и въ инскиснномъ автё. Акть, обязательство юридическое предполагають

Тонъ II -- Марть, 1979.

принудительную силу. Затёмъ, на практикё установленіе максимума 12%, могущихъ быть взысканными по закону, равнялось бы установленію узаконенной нормы роста въ 12%, вмёсто нынёшней нормы 6%: на дёлё размёръ процентовъ вовсе не предоставлялся бы на добровольное соглашение сторонъ, такъ какъ выще 12% нельзя было бы ваыскать.

Признать ограничение ссудныхъ операций котя бы высшинъ разиброиъ 12 процентовъ невозмежно уже потому, что нътъ никакого основанія допускать, что 12% всегда представляють для каниталистовъ вознаграждение досевточное. Изъ того, что разнёръ процентовъ не доходнять до 12 въ банкахъ, еще не сладуетъ, что онъ всегда постаточень. Дело нь тока, что однить изъ существенных элементовъ, вкодащихъ въ разитръ взниаснаго заннодавценъ процента, представляется его рискомъ — потерять часть ссужаенато разнымъ лицанъ капитала, и витекающею отсюда потребностью вовышенія общаго размёря процентовъ по ссудамъ вменно для возвагражденія себя за такія потери. Это есть канъ-бы страковая премія по убытванъ. Нотъ этотъ-то эленентъ въ разнихъ случаяхъ и въ разния вренона столь изибнчивъ, что его рбинительно ибть возможности ограничноть извёстнымъ разнёройъ реста. Размёръ процентовъ, какой запиставець считаеть достаточнымъ для себя военагражденіемъ, за-BRCHTE HO TOJERO OTE CTOROHE OGREIS ERTHTEROBE, OTE OTHOHOHIA предложения его въ спросу на него, но еще отъ большей или неньшей благонадежности заемщика, оть большей или меньшей рискованности предпріятія, составляющаго предметь ссуды, оть нолитическихь, финансовыхь, промышленныхь и торговыхь обстоятельствь даннаго времени. Ванки могуть довольствоваться малних размёронь нроцента потому, что въ операціяхъ ихъ меньше риска. Они иринимають въ учету первоклассные торговые векселя не менже какъ съ двумя подвисями и выдають ссуды только подъ обесночения въ товараха, правительственныхъ и другихъ цънныхъ бущагахъ, нивющихъ биржевое обращение, и притомъ выдають ссуду въ разийрй, гораздо назшемъ номинальной цённости обеспеченія. Немротивъ, частные каниталисты, которые выдають ссуды подь единичные вевселя модей, не пріобрётшихъ еще въ торговомъ мір'в невестности, принуждены брать высшій размёръ процента, вначе они вовсе не могуть действовать, а стало быть--невезможна в та номощь, каную вотрёчають съ ихъ стороны люди, не магущіе представить обеанеченій болье солидникь. Итакъ, примъръ банковь не можеть служить довазательствомъ, чтобы 12%, представляли размёръ, всегда достаточный для вознагражденія кариталистовъ. Какъ ограничнать его опредёленной цифрой, когда могуть случаться кризисы, при которыхъ

338

хроника. польный лесценть.

диствительный размёрь ножеть подниматься горагдо внис? Въ мементы признсовь высокій разм'йр'ь процента составляеть для завнодавца необходиность, умененая его рисит, а для заемщика представляеть благоддания; пусть проценты будуть, налики, но линь бы rannyars no operator, inche 6n npegnys octabalde loctimens-bous наконь перенії нетересь засищина нь моненть кризиса. Для заси« лина, при нуждѣ на денагакъ, выгодейе заплатить дале 40°/; годо» махь, по разсчету за три изскира, нежели предеть товарь по цёнй, унавшей на 25%, нь санонь дъгъ, 40%, годенные за 3 месяца сеч ставать убытовь всего нь 10% по явий товара, а не: 25%. Для весуч LADETSA MO BILLANA OCYAL BO BOOMS ROHSECS, NOVE OH H BA BOCSHA BILH сеніе преценты, волезна въ темъ ствененія, что, благодаря сй, заен* HER DOLVAROTE EUEDORFOCTS DESCRIPTATICS OF CROMME EDGLATODAME. HO прибъгая въ продаже своихъ товаровъ, а чрезъ ото систраниятся дальнёйший унадокъ цёнь на товарь, нревращаются банкротства, до-BÉDIC BOSCTAHOBLACTCH. H"TENT CANHING BOLAFACTCH. KOHRIIG KOHRICH Воть почему из Англів не разъ было заявляено нардаменту въ производнышнися во этому предмету несл'ядоваціяхь, что отм'яна за-IDEA O DOCTĂ CEĂJALE MENĂO TAFOCTURME KOMMEDVOCEIO EDERICI. Можно ли сназать, что у нась 12% будуть дестатечны для побужденія камиталястовь нь выдать ссудь и во время вризнся, ворга достаточность этого размёра процентовь и въ обыкновенное время ене сомнительна? Если же во время вравноовъ ваниталъ станяты ненедленно нечезать, притаться, при невозножности вознаградить рискъ --- возвыниеніемъ прецентовъ, то ничто не остановить крич SHCOPL.

Воть почему разнарть нроцентовь по ссудана должень бнать безусловно предоставлень свободному соглантению сторонь. Единственной же гарантіей противь произвольнаго его возвышенія со стороння BAUHTAIHOYOFS SBIRGTOR KORFYPOHULA WORKY BENH CAMERE, TAKS BAND RECEIVED TO THE TYPE AST TO NOT THE COULD OF LEDINE чивость въ кредить. Гокорать, каниталисть молеть ждать, а нужднатийся въ деньгать по можеть, стало быть-сенонения ихи на равны. Но это было бы справедливо только въ такомъ случай, сели бы лица, открывающія предіть, дійстровали каждое тольно на свой напичаль. На дёлё же провследить нёчто внос: лида, занимыещіяся ссудани, держать въ рукахъ сумны, на которыя они сама обязаны плазичь проценты и потоку вынуждены прівскивать для этихъ сумиъ безотласательное пом'вщеніе, мначе сами разорятся, Для нать главное, жизнечное дёло состоять въ пріобратения размяни нежду процентный, поторые они плекать, и таки, которые они получають. Колечно, нельзя отвертать, что человёкь, сильно нуж-

Digitized by 2200gle

JADHIRCH BE JOHERGEE, FOTOBLESSHAARPEE KARIC FOJHO HOOLOHTEL, HO нев этого еще не следуеть, чтобы завона должень быль создавать нотребителю этого товара, денегь, привилегированнее положение нежду всёни потребителяни. Вёдь и нуждающійся из хлёбё, нь дровахъ, въ жильй, въ инструменталъ для работы, готовъ заилатить всякию цёну, лишь бы прісбрёсть ихъ, но законь предоставляеть однако разнуръ куны на хлёбъ, одежду, квартиры и т. г.---свободной конкурренція между прожнициющими отным товарами, и не вибщивается въ опредбленіе висиаго разибра абиз на пругіе предисты первой потребности. Торговля и промышленность въ настелнее время ведутся большей частью на зайны. Если терговець, ния 20 тысячахъ рублей собственнаго канятала, нользуется 15 тысячами дохода съ оборотнаго налитала въ 100 тыс. руб., то-есть волучають на собственный канаталь 4,600 руб., а вменно 28% прибыли, то ому выкакъ не убиточно заплатить 10,400 руб., т. в. 18% на 80 сыс. : раб., полученные имъ въ ларедита.

Воть но такой то невозножности опредбанть, какая прибыль вы тергений ценьгами ние другима товарона достаточна, и какая чрезмёрна, въ законё уже и быль отибнень высшій разибрь процентовь но отношению въ банкамъ государственному в частямиъ и общеотвеннымъ креднтнымъ кассамъ. Всв эти учрежденія могуть взннать болё 12%, - н судь не въ правё отказать во взновани танихъ процентовъ, какіе ими условлены съ засыщиками. Удобно ли, HOCHE STORO, OTESSHERTE VECTERINE INHANE BE TOME, WE HORBETOREство привнало необходинымъ и справедливымъ какъ для государственнаго банка, такъ и для частныхъ банковыхъ учрежденій? Когда установлень быль завонь о рость, то правительство не назало себя оть его дыйствія. Инператрица Елисавета, узанонивь въ 1754 году, чтобы викто отнидь не держать давать въ ресть денегъ своикъ свыше 6°/о, отврила въ то же времи бенки, которне выдавали ссудь за эчн проценчы. Но на какопъ же основания въ настоящее врема SHEGHE OGASHBALTE GH CYAH BENCHHBATE IDOIRCITH BE HOLESY GANKOBS в свыше 12-ти на сто --- н, вийстй съ тинь, запрензаль бы судань. выскивать боль 12% въ кользу частныхъ завиодащень? Это было бы настоящей понимеріей для баннова, и ней неудобства, какія усматривались въ противорячии гражданскихъ законевъ съ уставами банва, остались бы въ полной силь.

По вытляду, которий им теперь излагаень, слёдовало предостёвите частнымъ лицамъ въ России ту же свободу по винивно процентовъ, накор они уже пользуются въ Анени, Германи, Австриц, Ичали и другихъ государствакъ, гдё стийна закона с ростё не произвена тёхъ вредныхъ послёдствій, какін предсказывались про-

хроника. --- вольный проценть.

тининками этой шёры. Законь о ростё отибнонь окончательно въ странахъ, весьма различныхъ по богатству капиталенъ и производительности: въ Англин--съ 1854 года, въ Иснавин--съ 1856 года, въ Сардиния-- съ 1857 года, а въ прочихъ частатъ Ичалин -- по мёрё си объединения, въ Голизидии -- съ 1857 года, въ Бельгии -- съ 1865 года, въ Прусси -- съ 1866 года, въ Сёверо-Германскомъ союзё и въ Баварин -- съ 1867 года, въ Австрия-- съ 1863 года.

٧.

У насъ противъ отибны узаконеннаго роста, мы видёли, возражають, глявнымь образомь, говоря, что Россія — страна наниолёв обильная каниталами, страна по вреимуществу земледёльческая, въ которой ненье, чёнь на Занада, городовь в промышленно-торговыхь центровъ,---что въ Россін насса населенія нуждается вь займахъ для **УПОВЛЕТВОРОННИ СЖЕДНЕВНЫХЪ НУЖДЪ И ФИСКАЛЬНЫХЪ Обязанностей.** и поэтому ингай болёв, чёмъ въ Россіи, отивна закона о рость не способна отдать нассу народа на произволь алчности нелкаго ростовщичества, --- и, наконець, что хотя и телерь врестьянину приходится занимать деньги за 100 и болёв процентовъ, но онъ, по **врайней** мёрё, знаеть, что законъ не одобраеть его разорения и что вреднторъ не посмбетъ заявить суду о такомъ роств и требовать но нему взысканія. Воть почему и заявлялось нёкоторыма товждение въ необходниости ограничить 12-ю высний размёръ процентовь по ссудамъ, подлежащій судебному взысканію. Но безусловная отибна закона с роств, по другому мибнію, даже необходниве и полезное именно для техъ странь, воторыя не богаты капиталами. Чвих сильнёе нужда въ вредите, темъ менёе раціонально устранять добросовёстныхъ капиталистовъ оть конкурренцій ростовщикамъ. Оныть всёхъ странъ поназываеть, что нарушенія закона о роств везде и постоянно остаются безь наказанія, в потому этоть законъ нигий и никогда не достигарь своей цёли-ограждения нуж+ дающихся въ ссудать. Отказъ въ судебной защите по взысканию процентовъ свыше 12-ти точно такъ же не доставить заемщикамъ возможность получать ссуды за проценты, не презышающіе этого разибра, коль скоро канитальная рента, страховая премія за рискъ и разибръ вознаграждения ссудчива и его служащихъ будуть, въ совенупности, превышать 12%. Если найдутся люди, которые будуть ссущать деньги врестьянамь на ежеднованы нужды и уплату нодатей, то они будуть двлать это, конечно, только если найдуть. въ тожа выгоду, а для получения этой выгоды они и будутъ прибъ-

лать въ твиъ же неворогамъ, въ какимъ прибётають нынё. Назначеніе максимуномъ взыскиваеныхъ процентовъ 12-ти не будотъ ливть викакого значения для крестьянъ. Подебний разибръ процентовъ берется маниталнотами съ частныхъ лицъ при займа значительных сумых на долгіе сроке, но кральосрочныя ссуди врестьяланъ дъланится за 20 и болёе процентовъ -- в не могуть иначе далаться. Опасеніе, что судаль придется веыскивать съ врестьянь чудовищные проценты преувелячено уже потому, что врестьяне обывновенно при получении ссудъ не составляють такихъ документовъ, по которымъ суданъ бы пришлось взыскивать. Ссуды крестьянамъ производатся обывновенно въ видъ хлъба, съмянъ, сырого матеріала для нужныхъ аростьяницу издёлій, рёдко девьтами, причемъ заемщинъ я обявуется везвратить эти осуды не деяьгами, а хлёбомъ, работами ли издъліями. Наконець, нельзя терять изъ виду, что ссяды лицамъ, которыя не представляють на лачнаго, на имущественнаго обезпочения, не могуть быть выдаваемы иначе, какъ за очень высокіе проценты, и все-таки приносять пользу для занимающихъ, спасяя наз часто отъ большихъ потерь, а пногда отъ голода. Между тель для завиедавцевь эти ссуды не представляють обезнечения: простьянина можеть умереть, унотребнть ссуду непроизводительно, даже просто отвазать въ всеврате ся, такъ вань она выдается безъ документа. Браткосрочность и необезнененность ссуды, естественно, возвышаеть са проценть, и этого нельзя устранить никакимъ максямунонъ. На парижскихъ рынкахъ сотъ доди, которые занимаются выдачею меленах суммъ разносченамъ, не болёе 5-ти франковъ, съ обязанностью приплатить при возвращения 2 или 3 франка; это составляеть 14,400 или 21.600 проценновъ годовихъ! Съ другой сторовы, вёдь ссуды бывають нужны врестьянамь ве исключительно полько для процитанія или уплаты податей, но и для оборотовъ. Крестьянинъ занимаетъ, чтобы вущить лощадь, пріобрёсть сёмена в разные предметы хозяйственнаго инвентари, дающе ему вовможность уплатить за занатыя деньги проценты изъ барына, Во иногихь деревнякъ у насъ развита вустариан промышленность, моторая поддерживается займами въ виде получения въ долгь сырья и выдачи за это извёстнаго воличества вздёлій. Правда, что если оцённть эти издълія, то ссуда возярещается съ огромнимъ процентомъ. Но все дёло въ томъ, что отказъ въ судебной защите на взыскачию свыше 12% все-таки не можетъ улучнить положения престыянъ: деногъ за 12º/, никто имъ не дастъ — и они будутъ вынуждения не прежнему брать сырье съ условіень унлатить ва эту ссуду своями произведениями. Сами сельския осудо-сберегательныя торарищества, которыя не нивоть харантера воимерческого, внимають по сездаль

B42

18 и до 24%. Что кассопси свойнально займовъ, дълениять врестванани для ушили подятой, то подати у насъ взискнолотся не съ отяхлыных крестьянь, а съ обществъ; поэтому тотъ крестьянны, у вотераго ничего нёть, не будеть дёлать зайновь для унлаты податей. Если же крестьянить занимаеть съ этой цёлью, то только въ TON'S CHYSES, EOFIE BERGHETS GORDO BHEOHHMES LES COOL VELICETS COMBENIC INDERESTS, CE TENE, TROCH COXPANIETS TOTL MERCHTAPS, BOTOрый общество въ прави предать. Въ отихъ обстоятельствалъ какъ виконъ о ростё не номогалъ крестьенину ванать деньги за указные 6%, такъ и ограничение придическаго роста 12-ю процентами не дасть ону возножности занимать дельги по 12%. Свой же братькуларь вля ростовщикъ-сврей возьнуть св него, за отсутственъ вонкурренцін и въ виду риска потерать ссуду, такіе процентні, кане онъ сотласится дать, по нуждё, и къ венсканию этихъ процентовъ будуть нийть средство болйе двиствительное, чинъ обращение къ суду; средство это представляется въ опасенія заеминка не получить ссуди виредь и чрезъ то нопасть въ большую бёду, чёнъ та, вегорую представляеть уплата чрезніврынка процентова. Во всякома случав, безусловныя отнана узавоненныго роста можеть сворве приность пользу крестьянамъ, ченъ вредъ, такъ вамъ она можетъ тодько способствовать привлечению большихь каничаловь въ дёлу сельскаго предита. Относительно же внечатлёнія, какое произведеть новый законъ на народъ, слёдуетъ дунать, что кресльние правильние пойнуть бесусловную отивну роста, чёнь отивну его, обставленную отказонь судебнаго взысканія выше 12-ти прецентова. Въ первоиъ случай, они ноймуть, что дино просто предоставлено вольному уговору; во второих же, они ногли бы объяснить себт дело такъ, что вижель велый законь, которий просте удвонль указные проценты, ноделеь вхъ съ 6-ти до 12-ти, - энконъ, изданный, будто би, въ польку ростовициювь и направленный въ новышению ихъ требований.

VI.

Изменные на предлествующень тё главные аргументы, какіе моглы бить предъявляены у нась въ пользу безусловной отмёны узаконеннаго роста и въ пользу отмёны его съ установленіемъ наиспиума процентовь, нодлежащихъ судебному вамсканію, мы выскажень виратцё и свой взглядъ на неслёдствія принятаго нынё рёшенія и на сущность всого вопроса объ узаконенномъ ростё. На ночвё законодательства принерженцы мысли о безусловной отмёнё роста, мась навёстно, одержаля верть, и потому въ настоящую ми-

348

BECTERE'S REPORTE.

нуту им находнися накануий слёдующаго порядна вемей: 1) по займанъ велнаго рода дозволяется назначать рость въ размёрё, опредёляемомъ по взаниному соглашению сторонъ; 2) размёръ роста долженъ быть опредёленъ въ долговомъ обязательствё, а если остался неопредёленнымъ, то исчисляется въ $6^{\circ}/_{\circ}$ въ годъ; 3) рость исчисляется только на самый капиталъ; но черевъ годъ послё меуплаты должникомъ роста, назначеннаго по обязательству, заниодавцу предоставляется требовать съ этого срока но $6^{\circ}/_{\circ}$ въ годъ еще съ неуплаченной суммы, слёдующей за пользованіе капиталомъ (проценты на проценты).

Пользу такого порядка вещей мы виднить главнымь образонть въ согласовании гражданскаго завонодательства съ уставани вредитныхъ установленій, въ устраненія того противорічія, въ силу котораго прежніе законы уполномочивали банки ділать то, за что частныхъ лицъ подвергали преслёдованию; затёмъ, мы готовы донустить, что отивна узаконеннаго роста дозволять принять участіе въ производствё ссудь тёмъ капиталистань, которые доселё уклонались оть этого двла нат нежеланія обходить законъ для полученія барыма, ноторый быль бы достаточнымь. Но ны соннъваенся, чтобы даже для торговыхъ, промынленныхъ и землевладёльческихъ оборотовъ это удениевыхо вредеть привлечениеть въ вредетнымъ операціямъ новыхъ значительныхъ каниталовъ. Дёло въ тоиъ, что практиковаенцися доселё уловен - вычеть процентовъ изъ вапитала ссуды ели отнесение процентовъ лишинхъ противъ узаконенныхъ 6-ти въ платъ за храненіе (въ городскихъ ссудныхъ кассахъ) -- до такой степени вощан въ обычай, что едва ли было много ваниталистовъ, которые считали ихъ предосудительными и тольво потому и устранались отъ производства ссудъ, что существевала необходимость обходить завонь тавные путями. Такіе люди могли быть, но едва ли въ рувахъ иненно этихъ деликатныхъ людей находатся тв больше вашитали, которые теперь, когда, съ изданіемъ новаго закона, ничто ихъ деликатности смущать не будеть, обратятся въ ссуднымъ операціямъ н чрезъ это удешевать промышленно-торговый и земледвльческій кредить.

Что касаются вреднта сельскаго, какъ для удовлетворенія ежедневныхъ нуждъ врествянъ и уплаты податей, тавъ и для хозяйственныхъ оборотовъ и занятія кустарной промынленностью, то ин не вндинъ возможности ожидать его удемевленія отъ отийны узакоченнаго роста, хотя не разділяенъ и того описенія, что эта ийря отдасть нассу населенія въ руви ростовщиковъ; ванъ кажется наоборотъ-трудно не согласиться съ тёмъ мнімність, что отийна узаконеннаго роста инсколько не побудить добросовістныхъ напитали-

CTORS" SUBJETS BE HARR CLIEGENE SEXONFCTER I MERTICE DESIDING ссуды крестьявань. Этимь дёлонь ношеть занинаться только тоть, вону бливно извёстны не только всё условія сольского эпономаческаго быта данной ийстности, но още, вдобавоиз---личное полажение E JEVHILE RAVOCTRE RAMARIO SCONELIRA. OTOMAS HOBETED, VIO SCHEнаться профессионально проповодствоих ссудъ престьянанъ могуть иненно тольне куларь, набечинка пли сврей, жируще среди простьянь. Воть вочену ин не ножень не допустать и возножности таких случлевъ, что, за паданіснъ нинёвшенго закона, судачь дёйствительно придется вногда взыскивать съ крестьянь ненембрине кроценты. Правда, что обышновенно врестьяне не выдають докунента, по которопу хожно было би проязводнуь съ нихъ всисканіе. Но наз того, тто росниски не выдаются "ебыкновенно", сил не слёдуеть, что онв NO BURADTCE HEROFIA, H JOFEO MOMOTS GIVUNTSCS, TTO CS TEXS HOPS, ных для судовь станеть облазтельно взисначие преценторь въ тонъ иваствительноми размбра, какой они имбють на сельсниха ссудахь, CITAN, TTO CAPON SAXOBATE BARACTICE INTERNE LAS COOS OF CONTENTS нісить вы вид'я росписока гранотника крестькиз-умпожатся. Но ми эсо-таки но видели он нольвы отъ ограничения судебного вонскания узаконеннымъ максимумонъ 12%, При ссудъ въ 50 р. 1895 20%, не все ли равно, дается ли росписка на 50 р. по 12%, приченъ 4 р. (8%) вычитаются ваь самой сумми, дёйствительно сдаваеной крестьянину на руки, или же росписка дается на 50 р. по 20%, при ченъ ваенщина нолучаеть всю ссуду безъ всянаго мичета? Въ первонъ случав онъ платитъ 6 рублей, во второмъ 10 рублей; но такъ какъ проценти удерживаются при выдачё ссуды, то въ обонхъ случаяхъ, онъ въ дайствительности нолучить 40 рублей съ обязательствоиз возвратить 50 р. Отнёва узаволеннаго процента не возвысять, но и не подлижеть его разнара; она только устранить необходимость обходить законь нь чакъ случаниъ, когда берется формальная росписка.

Не иймаеть унокануть адбсь кстати о тіль ссуде-сберегательныхь тонариществахь, оть разантія которнахь шене ожидали "легнаго и синскодительнаго кредита" преднта, доотупнаго крестьянань, потораго распространеніе и когло бы со временень послужнуть къ отийм'я временно-пресизированной ифри — 12-ии % максимума реста, подлежащаго судебному вжиланію. Ссуды, видаваемыя этими токариществани, обезпечнываются круговою морукою ихъ членовъ, которая въ свою ечередь обезпечнываются до неибствой стейени инуществонъ мемицика. Но тапъ навъ та же сельская круговая порука обезпечнваеть взворь податнихъ клатемей, а маущество засмицика не ножоть бить продаваемо въ нользу васси прежде, чёмъ съ ненспраннято засмицика, собрани каземано влачения, то отсюда происхедить, что

престьяния, недонищных или вообще бёдному вовсе но легко сдёлаться членомь ссудо-сберегмуельной васом и предноваться въ ней въ полномъ развърв его членсенкъ дрявь. Во кнопчкъ мъсякостякъ съ нашини ссудо-сборовательными товариществами ковтеряенся то же. что случилось са ремосленизми соудо-сберегененьными ваесами Шульце (нть Делича) въ Германін: енё обращеются преимущественно въ пользу состоятельныхъ, в не бёденихъ членовъ. Тоть же куланъ находнть въ ссудо-оберегательномь товарящестий новый источникъ для расширенія своихь "кредитныхъ" онерацій среди односельчанъ. Жиу охотно вредоставляють вредетоняться вы кассы из полной наров ого правъ вакъ найщика, потому-что съ вего взискать легко, и казенныхъ недонновъ у ного не будетъ; а онъ деньги, запятыя нов кассы но 18 и 20%, пусваеть въ обороть нежду односелечанани на короткіе срожи, въ видѣ хиѣба и денерь, на свой рискъ, уже дѣйствисельно нев 100°/о и болёс годовник. Стело бник, дунать, что достаточно было бы подождать, пока въ каждой волости будеть ссудосберегательное товарищество, и тогда бъднымъ крестьянамъ будеть хоступень "логый и синскодительный" кредить, едзе ли основательно. И потому, установные однажды въ виде временной мери, что суди не венсанвають выше 12%, принцось бы мару эту октавнить нь сняз. севершенно неопред вленное время, а вовсе не до поисемистнато распространенія ссудо-сберегатольныхъ товариществь. А нежду тёмъ сана по себъ эта ибра не достигала бы своей цёли, точно такъ какъ и постановление объ узаконенноми рость въ 6% не дестирале той же цълт.

Что васается спеціально ссудъ хлібомъ нав сырьенъ на пропеводство издёлий, то ихъ нельяя даже и относнуь въ чистую область вредния. Это уже одних изъ видовъ общаго начала госнедства ваниталиста надъ рабочниъ, и высокіе проценти вдёсь представляють уже не только вапитальную ренту, рискь кредитора и трудъ спекулянта, но и настоящее участие его въ саножь баришъ нроязводителя, то-есть должника-рабочнго. По ствещению въ кулкку, ноторону врестьяне должны поставить хлёба вдеое противъ занитаго HAN Y HOLD BOLNEVECTES, OHE SEMADICS YES OTSACTE TOOCTO SACHERANE. ноторые, за прокормление и средство ка обобыснению несто своего надъла, предоставляють сну весь бирнизь санаго производства по тому количеству клёба, которое предоставные ему свернь санитаго у него. Еще болье этоть элемених прополнотся зъ ссудаль сарого матерьяла для выработки издёлий. Восьма эначительная часть всего производства такого кустерника ндога лисние кнез будое на кактокъ процентовъ, но въ дъйствительности онъ, проворціонально этой части, является уже просто рабочных предврени интеля --- свупнания,

846

который тёми издёліями торгусть. Эта форма производства уже приближается къ отношенію между торговцемъ издёліями и такъ называемымъ "штучникомъ", которые на него работають.

Въ чистомъ видъ, это отношение состоить въ томъ, что торговенъ самъ повупаетъ сырой матеріалъ и раздаеть его штучнивамъ--съ указанісиъ, сколько и какихъ издёлій должно выдти изъ части. выданной каждому; сверхъ того, онъ даеть еще часть заработныхъ денегь впередъ, и затёмъ, при поставкё, а большей частью по-недѣльно или по-мѣсячно, дѣлаетъ учетъ выданному матеріалу, поставленнымъ изділілат-и производить разгчеть. При нустарномъ производствѣ на занятый матеріаль, отношеніе это измѣняется только въ тояъ, что заработныя деньги замёняются той частью матеріала, которая осталась въ собственность рабочаго, сверхъ условленнаго числа поставляемыхъ издёлій, и на тёхъ издёліяхъ, которыя онъ выработаеть изъ этой части, ему принадлежить уже весь барышь производителя. Но настолько, насколько въ совокупности операціи капиталисть-скупщикъ участвоваль въ самомъ барышѣ производства, кустарникъ былъ уже вросто его рабочниъ, а не независнициъ произволителемъ.

Нонятно, что изийнить такихь отношений невозновно какимълибо постановленіенъ о рості. Да и вообще вийшательство закона въ отношенія между заемщиковъ и кредиторомъ въ теоріи имило бы симсять отдільной попытки ат регулированію отношеній между крупнымъ капиталомъ и мелкимъ, между капиталомъ вообще (во всіхъ его видахъ) и трудомъ. Если бы государство признало возможнымъ стараться о доставленія истинизмъ производителямъ, рабочимъ, больнаго или лоти би какого-инбудь учистія въ барышахъ производства, то беліе віранить путемъ въ этому представлянось би учреждяніе государственныйъ ссуднихъ кассъ, свеціально назначенныть для нонощи совершенно синостоятельнить артелянъ сельскано вустарнаго производства.

Послё этихъ запёчаній, памъ остается только новторить, что главную пользу отъ отпёны узаконеннаго гражденскими постановленими роста мы и видихъ только въ устранении того противорёчія, какое доселё представиляеть между этихи постановленнайи и утверждовнити саконодательнымъ же порядкомъ уставани предатнихъ учреждений.

Въ заключеніе прибавнять, что другой нопросъ, нанодящійся въ скори съ вольнымъ процентанъ, а жившко ---- подеросъ о личномъ цадержанія неисправнаго должника.---будетъ, конечно, въ сворости разэбщенъ отнёною такого личнаго задоржанія.

А. Л-въ

347

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

Марть, 1879.

I.

- F. Kanits, Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1960-1878. III Band. Mit 46 Illustrationen im Texte, 10 Tafeln und 1 Original-Karte. Leipzig, 1879.
- Народы Турнии. Двадцать нать вребнавния среди болгарь, грековь, албанцевь, туровь и армянь. Долери и жени консула. Переводь сь английскаго. Сиб., 1879. (The People of Turkey, etc. By a Consul's daughter and wife. London, 1878, 2 ols).
- Amand Preih. v. Schweiger-Lerchefeld. Bosnien, das Land und seine Bewohner. Wien, 1878.

Въ "Вйстинкѣ Евроны" было въ свое время говорено о трудахъ Каница, объ его внигѣ, посвященной Сербія, о первыхъ двухъ томакъ онисанія дунайской Болгарія и Валканъ. Вышедній недавно третій томъ еще не заканчиваетъ этого описанія Болгаріи: авторъ откладиваетъ наложеніе административно-в цервовно-отатистическихъ данныхъ до особаго дополнительнаго тома, такъ вакъ ихъ трудно опредѣлять въ настоящую минуту, вогда страна еще находител въ политическомъ броженін.

Въ настоященъ тонъ завлючестся списаціе центральныкъ и восточныхъ Балканъ и отрани между Дунаенъ, Янтрой и Чернинъ моренъ. Какъ и прежде, это — собственно разевска е путешествіяхъ Каница съ описаніемъ пути, городовъ, мъстечекъ, общаго карактера страни, ез климата, почвы, проязведеній, населенія и т. д.; къ этому присоедичнотся перёдво указанія историческія, взъ древнихъ знокъ болгарской исторіи и изъ собнтій новаго времени, наконецъ, нак послёдней войны. Мы запёчали прежде, что Каницъ былъ перенить путешественнякомъ, который обстоятельно изучнать всё области ду-

XPOHNEA. ---- JETEPATFPHOE OBOSPBHIE.

найской Болгарін: другіе могли дагь балёе падробныя сеёдёнія объ отдёльныхъ мёстностякъ прад или чертахъ нараднаго быта, но этонорвый писатель, представныцій цёлую картину страны, .cs замёчательной географической точностью. Многолётнія наученія сділали Каница въ этожь отношенія нервымъ авторитотокъ, къ которому во время войны обратились и напів военныя власти: его картой Болгаріи въ масштабё 1:800,000 воснользовался русскій генеральный штабъ. При вышеджемъ тенерь третьенъ тенер каница эта карта новторена въ масштабё 1:420,000. Особую главу въ третьемъ томѣ Каницъ посвятиль древнимъ намятникамъ византійско-болгарской архитектуры, и другую главу — римскить и греческихъ надинсякъ.

Сочинение Каница инбло въ европейской литературы большей уснёхъ, и онъ быль вполнё заслужень. Писатель сообщель нассу свёдёній о странё, очень нако извёстной, долженствованней нийть будущее, и не успёль еще довести свей трудъ до нонна, какъ ота страна слёдалась эсстронъ великихъ собетий. Вийстё съ якившейся поздийе внигой: Иречка, это: были для свремейсной литературы главные источники точники свёдбий о Волгаріи. Течна зрбина Канина (какъ и въ прежней сто кингъ о Сербін) можетъ не всегда удовлетнорнув славляеваго и русскаго чителеня: отв ивнецкато инсателя ускользають многия черты; чрезвычайно инжересныя для нась, кака слёда плененной и историчесной связи. и эрота нодостатока не разъ чунствуется въ его этнографическихъ и истерическихъ объясненіяхь; "объективность", ка которой она хотвль стремиться, ножеть повазаться индифферентизмонъ,---но вь общемъ, его сочувствая были всегда на сторение болгари. Възболгарние сни окончательно видеть тенерь будущій вультурный народь Валланскаго нолусстрова; и если принять въ соображеніе, что болгари....ену совершенно чужой HADORS. TTO HEALLY ABOTPIÈCEIS. NO CEONNE RONALEMENT CHOPANE. 25 особенности не разположени тъ сладянству, то зин должни отдать CHIMBELINBOCTS DECENTRID, DECBATHBINENY MEGTIC FORM HA BAYACHIG STOPO 'YYROPO 'BEPOZA,' BOCHEVERHIENY NE' COOB "CHEMETIN RE HONY R CRONNE TOVIANE YES NEORO HODEGOTSEMBLY HE GTO HOMESY. Hanse INтература должна въ особенности признать эту заслугу. Мы тамъ MHOTO POBODELEN O CARDANCERS, "TREE MEOPO "DODONNAL O HEN'S H O себя, такъ свазаны съ ничъ, и столько, особенно из послёдною BORNY, HOLOMBLE LLS BOID HEDOLBELLS SOPER, TO, DOBRENONY, HERO би ждать оть нашей литеретуры в наибоньшихе изучений современвой Болгарін. Но, каке нанёство, этого нёть: русская литература представила не жало вежникъ поскодонаній о болгарской старини; поная исключениеть двухъ-трехъ спеціальнымь канть и нёсколькихъ

Отвуда это странное противорйчіс, — что въ то нрамя, кака нами номагались такія гронадныя жертвы болгарскому вопросу, этоть нопрось княмаль такта мало витературной діятельности, которая бываеть отголоскомь обществовнаго мийнік и умственнаго витереса? Или вопрось назрілт во витанникь политичеснихь отношеніяхта рамыше, чёмъ во виузренней жизни общества; ная умственные инторесы дана имън такъ мало м'яста и права, что не мотям выразиться и въ этой сторон'я діла? Предоставних будущимъ ноторивань рёшать мудреную задачу.

Въ одновъ мботй своей кинен Каницъ говорить о руской картопрафической работа посладвато времени, именно объ извастной перть г. Артановова. Во время войны,---зактичаеть Каници,---явилосы иного; особенно. измецяния, карть "театра войни"; карты были враяне дурны, и, напринёръ, на нихъ предолжали фигурироваль по старынь партань города сверо-западной Волгарие, несуществование которыхь быле чес данно указано Канеценч. Эти карты были, разунвется, нистой спенуляцией, и ка нимъ нечего было прилагать серьёзных требованій. "Совейнъ не то---инданная нь Нетербургь больman rapta. Appearonona, rgh, noneuno, mago diase amigars, uro byдугь уполноблоны въ дёло многовледенные оффициальные и тайныя розыскания русскиха сфинерова и ментова на несладите годи. Но: въ удивлению, накоторыя области били запосени на карту тель. какъ ссян бы онъ находнянсь не въ достняннытъ предължть, а из Африка или на луна. Къ мастностяма, напоснате опиносчно наображенныть на атой, дорого стонещей и прекрасно литографированной нарть, призадложить область Янтры у Тернова. Теченю рыт отв Самоводоваго дейние къ съверу, неръдко рекогносниревание въ 1829, оставлено безъ вытвески, в восточные прихони Янтри, горы, дороги и ибстности набросани въ такочъ же безперидий, качъ свеклушки из калейдоскопъ. Въ виду небольшего числа новихъ даннихъ на этой картъ, повволительно спросниь: бывали ли дъйствительно въ Бодуврія посыланніеся туда, мисто стоннике рекотносценты? в есля бываля, то что они таки делали? Правда, можно GUAD ON AJMATE E TO, TTO PRIOSPARCHEME POSTALETATE ER AVGARDESлись по военнымъ соображениять. Но этому предволожению проти-POPLANTE CANHINOME REMECTIGE INCORALENSE OTHOBERACCES (die sprüchwörtliche Liberalität) русснаго тепеграфическаго в'ядоиства и, вром'й того, обнародование н'якоторыхъ, въ высшей степени замичач

850

тольныхъ новнив донникъ относительто области Испера на той же Артаненовской картё, -- чего на быле бы, если би существовало прикаланіе держать новно: натеріали въ тайнъ".

Хота умёренный любитель славяются, Каннць одново онейь рёинтельно возскоот противь туркофильскиха инсателей, когорно вз нослёдніе года полагали горянія, но жалнія старанія защижать ту-DOURIO HDESH H HODARKH BOOTHNE GOARGES, & BACLEARHER TRANTOSALA съ величайщей враждой и презр'яліснъ. Эти висаталя --- аввличане Сенъ-Клеръ и Брофи, и изменъ Розень, о которынъ ни низли окучай говорить прежде. Врофи-разсказываеть Каницъ - бывшій консуль, оставнийся жить во Турція, своло Айдоса. Сонь-Каррь, отстевной канитань англиской службы, носальное давно въ токъ же пред свверной Болгарін, прадалеги онь берега Чернаго моря: онь нивль свой чифтанкъ, пивнье, и жиль настоящимъ турсцаннъ новъщиномъ, посвящая свои досуги окотъ: въ своей окрестности, тив было гораздо бельню населения туранлаго или грекскаго, чёмъ болгарского, окъ вользованся чровничайной вопулярностью. Это по-CARLINGE HE GHAD RANNETOALDO, TARS MANS CANS CARCEN'S OTY: речнася и потому симпализироваль туркамь: онь отказался еть BCARLEY'S CRADER CE CODOLIONCEON HEBRAHOLIJON, OT'S SAUGLHARD ROLT форма,-словонь, отъ всего, что всегда тинотъ евронейца на родняу. Сень-Клерь любить турскь даже разбойныковъ, ненавидить болгарь ARE MERHARS LOCALERS. ORS. HERERORS ND. VORLOCS OF мую страсть въ ворорсиву и убійству, и не нажеть простить балтарину ни малайниево недостата, даже счевидно происходенате кар его высовово работва н увнетения. Въ прошломъ году этотъ самый Сонд-Клерь нураль замую усердную роль въ устройства "родоцскаго BORCTONIS".

Сень-Клерь и Брефи еще въ 1869 году издали въ нервий разъ книгу о Болгаріи, которая пользовалась большимъ ночетомь у чуркофильденихъ инсателей, — между прочимъ, какъ на автерияетъ, ссымался на нее Ронемъ, авторъ вниси о белгарскомъ гайдучествъ, е которой также говориловь въ "Вёстникъ Европы". Канинъ выекавивается рёшительно прошник этихъ цисателей. Сенъ-Клеръ, но его словамъ, дошенъ де "невёроятнаго" въ своикъ нанаденіяхъ на болгаръ, и Канинъ земёчесть цритомъ, что въ токъ прав, гдъ жилъ Сенъ-Блеръ, онъ не метъ видёлъ много белгаръ, и не метъ внатъ настоящимъ образонъ белгарсиаго народа. Напримёръ, относительно балканскаго гайдузества, въ которомъ Сенъ-Клеръ и Брофи, а за имин Ровенъ, видёли чуть не кларова процитствие къ благелолучно. Турціи и которое они принисывали болнарамъ, Канинъ замѣчаетъ: "тенденціозность англійскихъ авторовъ обнаруживается уже тёмъ однимъ,

чко ракоен, сисеріпанніст уроннощани "чисто-гретеннаго" Андере, у этихъ авторовъ, но "туредкимъ свъдъннять", приводятся намъ жарактеристика "болгарскаго гайдучества". О своенъ сооточественны и Розенъ Каниць отнивается болёв илгво, — йо главный интересъ его книги наледитъ все-таки тольно въ томъ, что Рессиъ перевелъ съ болгарснаго (записки гайдуна Панайота Хитова, и народныя ийслия), а въ расужденнятъ компентитора указиваетъ достолочно нелъпостей, тъмъ невъе извиничельныхъ, что Розенъ самонаделино наговорнать ихъ, опать не зная хорошеньно страни и чарода.

Книза "Дочери и жены всясула", вышедним въ подлининъв въ нрониють году и тонорь явившаяся на русскомъ язнив, есть нонулярный разсказь женщины, проживной дваддать лёть среди разныхъ народностей Турціи. Здёсь нёть притазаній ча ученое знаме исторія этихъ народностей; немворія данныя этого рода взяти агь третънкъ ная четвертихъ рукъ, но разсказь о современномъ поножение народочь Турцін, объ ихъ правихъ и общалих, взани-BUP'S CTHORECHINX'S IN MITCHOCOXS, VACTO OCHOBANS HA INVHERES HA-SIDIORIAPS BECATCLEBERS, & BOLCTCH HOCOTO' H SCHWATCLEBO LIS обыкновенныго читателя. Есть негочности девольно круниня, наприябрь, мибніе, что настоящая Волгарія должна бы простираться собстрению только до Балканъ, такъ что къ ней не долженъ бы приваненать филиппольский округь. Известно, что на этопъ инбији инстанвала инвестная доля сврокейской публанотики, и овройойская дипломатія успёла въ этоть сипслё увізальнойоно бождаеную Волгарію, - но съ какихъ событій болгарскій вопросъ сталь понедонь нь войнь? Съ твль укасныхь убществь, воторыя произошли именно въ Забалканской Болгарін, въ этомъ самомъ филинпонолновонъ округа, гда впервые проязилоса національное воз-. 01 бужденіе болгарь. ... : · • 4

Это интине, канъ и иногія другія, инсательница оченидно вынесии изъ твхъ круговъ, въ которыхъ особенно она вращанась въ Турцій. Симиятій са всего больше принадлежатъ грежанъ, и въ гораздо меньмей отепени болгаранъ: нервые образованите, даровитие, ловче и т. д. Можно привнать это превосходство грекойъ из дайную минуту, но оно венсе не даетъ основанія считать греческими тв области, гдв инстельница индъла сильный элементь греческими тв области, гдв инстельница индъла сильный элементь греческий въ городахъ и гдв однако масса сельскихъ жителей — чистые болгари, какъ въ Манедонія, до самой Салоники, и въ большинствъ такъ-называемой тенерь "Восточной Румели". Но писательница не думаетъ скрыватъ фактовъ, которые все-таки до мен декодили и, только-что опредбливъ Балка-

нами граннцу Болгарін, соглашается, что болгары составляють нассу населенія и юживе Балкань.

"Филиновольскій санджавъ нікоторыми писателями считается нечти силонь белгерскимъ, тогда какъ другіе инсатели признають его греческимъ на тожь основанія, что Станимако съ своими плинадцатью селеніями по язику и по симпатіямъ принадлежитъ грекамъ, а Дидимотиковъ съ своими сорока́-нятью селеніями представляеть сийсь греческаго и белгарскаго элементовъ. Какъ бы то ни биле, факмъ момъ, что въ филипнопельскомъ санджавѣ, вслёдствіе его близости въ Болгарія въ собственномъ смислѣ слова и благодара развитому и цвітущему состоянію края, болгарскій элементь является иреобладаціянных".

Не совстить ясно, ночему цвётущее состояніе кряя ведеть ка преобладавію болгарскаго элемента нада греческнить: это преобладавіе давнишній факть, и если писательница хотёла сказать, что белгарскій элементь не уступаеть греческому, когда интеть какуюнибудь свободу общественнаго проявленія своиха силь, то это будеть вёрно. Самая упорная борьба эллинизна съ болгарствонъ ила издавна въ Маведоніи, которая была въ сторонт оть центровъ болгарскаго движенія; наша писательница считаеть этоть край болбе греческнить, чёмъ болгарскимъ, но соглашается, что, при всемъ ситненіи національностей, при всемъ тяготёніи этихъ мёстностей къ эллинизму, народний языкъ остается болгарский.

Свёдёнія писательницы, но всей видимости, шли гораздо больше изъ греческихъ источниковъ, чёмъ изъ болгарскихъ и славянскихъ; не мудрено, что многее въ этихъ свёдёніяхъ окрашено виглядами грековъ или завадно-европейскихъ дипломатическихъ агентевъ—такими агентами бывали, напримёръ, и Брофи и Розенъ. Англійская инсательница думаетъ, что болгарское движеніе послёдняго времени мако имѣло корией въ самомъ народѣ, которий будто бы удовлетворялся турецкими рефермами и могъ бы остаться совсёмъ спокойнымъ, если бы не "заграничные комитети" и "русскія вліянія".

"Лниъ весьна ничтожная часть болгарскаго населенія ноддалась вліянію заграничных агентовъ и комитетовъ, которые употребляли всевозножния (!?) средства, чтобы возбудить общее возстаніе въ Болгарін; во всё неріоды волненій, происшедшихъ затёмъ въ Болгарін, линь эта ничтожная часть населенія воззышкала голосъ противъ оттоманскаго владычества и стремилась свергнуть съ себя турецкое нодданство. Послёднее движеніе, каке госоряте, поддерживалось болгарскимъ духовенствомъ, которое дёйствовало подъ русскиме вліяніенъ (?), и мелодыми икольными учителями, воторые по своему либераменому образу имелей естественнымъ образовъ были склонны

Тонь IL-Марть, 1879.

пропагандировать иден независимости въ народѣ. Но эти вяглядни отнюдь не раздълялись наиболёв осмотрительными и наиболёв вліятельными члепами общества, и ерганизованнаго недевольства не существовало въ Болгарія въ то время, корда всямкнумо такъ-наямнастое восстаніе. Иниціатива нёсколькихъ нылкихъ патріотовъ, яъ ногорымъ пристало вебольное число недовольныхъ престьянъ (?), ноложила начало возстанію, которое, если бы въ вему отнеслись разумно (?), можно бы было подавить, не проликъ ни единой кальи креви. Волгары, не всёмъ вёрелтіямъ, остались бы вёрными подданными Порты"...

Очевидно, что писательника, воторую нельзя обвинить въ турнобельствё, повторяеть неёніе очень распространенное эъ тонь круге, гив она жила, и очень обыкновенное въ европейской печати. Выходать такь, что болгары вовсе не желали свободы, что ахъ подбивали "заграннчные" агерты, а подъ этими нослёдными полниаются именно русскіе. Въ болёв мяткой формё, и прано какъ ходячіе толки своего круга, инсательница поддерживаеть ту же теорію, которую въ салоблевной и клеветнической форм'я пропосёдують настояще туркофилы. Она не замёчаеть, что въ другихъ своихъ разсужденіяхъ и въ этихъ ARE CROBARS ONE CANE NOOTREODŠVETE CROENE BUBORANE H ORDORODтаеть низ. За нёскольно строкь выше она говорить объ с удручающень и развращающемъ дейстин" системы турецкаго господства, которая "совершенно раздавния" болгаръ, "уничтожния ихъ старый смйлый и предпріничивый духъ", "научила ихъ рабской прилиженности". Совершенно справедливо; но могъ ли народъ, доведенный до этого, скоро придти къ "организованному недовольству"? И не поотому ли только долго не пришелъ кь нему? Организація недовольства, т.-е. пробуждение національнаго достоянства, въ таполо положения народа, разумиется, должна была требовать времени, - но она и шла мало-по-малу, и все сильнёе. Волгары сами еще не въ силахъ были освободиться; но изъ этого вовсе не слёдовало, что они не желяли свободы. "Нанболёе осмотрительные" люди, не ваздёлявшие стремленій въ свободё, были именно тё, которыхъ система турецваго господства "научила рабской приниженности"; а "канболие влідтельные" бываля иногда тё, которые грабиля свей народъ вийстё съ туркани и были ниъ орудіями. Для того, чтобы народное совнаніе пробужда-только, чтобы явились зароднине образованія, в это образованіе было урания и стрательности гларийшину "агентону", пробудивнимы вы болгарахъ стремление въ свободъ. "Агентъ" сначала былъ даже и не заграничный, потому что мысль о свобод'я явилась самостоятельно у болгаръ съ конца произваго столёнія, кань вынученный вонль и отчаянное исканіе — избавиться отъ страниаго ига. Пробудившіяся

воспонинания о старой незавизности потокъ уже били подвржилени номнорнии пребизниние въ Болгарио лучами серонойскаго образо-BARLER, CL BOSPOCTARIERS ROTODARO BOSPOCTAJO E VECLO "URIERES HOтріотовъ" —совершенно естественно и но-человічески. По единовірів, скинонаеменности и сосйдству, болгары долго вийли связи съ Россией, I BE HENE DELEVE CTORETH CTALE ECERTS SIDCE & BECHARO OGDAGOBAнія, — такъ что источникъ освободительнихъ идей быль и здёсь; во, но зам'йчалію нашей писательницы, въ посл'йдное время болгары чаще стали отправляться въ ванадно-свропейскія школы: слёдовательно, "заграничными агентами" были школы и укиверситеты Вёны, Велина и Парика. Національныя связи съ Россіей ділали то, что "русскія вліянія" (ин говорних о прежнихъ временачь) давно назались западно евронейсных наблюдателямь и полнтянамъ особенно скарыныя; она аваствительно были спльны, -- но едва ли были въ телень родь, какь дунають эти наблюдатели. То "вліянія", о воторихъ они говорять, т.-е. предполагаемыя возбуждения болгарскаго народа со сторони нашихъ правётельственныхъ агонтонъ (авныхъ и предволягаемынъ тайчикъ), кажется, внолий причадлежать нь области фантавін; а вліянія такото рода со стороны руссваго общества были горандо меньше, чёмъ бы должны были быть, и чёмъ были бы, если бы въ санонъ руссконъ обществе существовала какая-нибудь политическая жизнь. Какъ много нужно оговоровъ въ разсужденияхъ объ этомъ предметв, видно них той фразы англійской писательчицы, гдё она сопоставляеть "русскія вліянія" (т.-о. якобы происходивнія нез оффипального воточенка) съ либеральными, образоми инслей мелодини. учителей. Послёдняго русское вравительство никогда не могло ноомрять-какь можно видёть но недавных прихёрань въ дёлтальности новойнаго вн. Черезсскаго.

То, что говорить писательница о мнимомъ спокойствій болгарь подъ турецкимъ владичествомъ, которинъ опо будто бы могло быть удовлетворено, —опровергается за собственными разспазами нёсколько далѣе:

"Зам'ячательная неповоротливость ума, свойственная болгарскимъ престъянамъ, и готовность, съ которов они предоставляють другите (?) думать и д'яствовать за нихъ въ важнихъ д'ялахъ, не тавъ видна въ тить олучаяхъ, вогда р'ячь вдеть о ближайшихъ, неновредственныхъ интересахъ ихъ селенія. Прежде чъиз отдать д'яла этого рода на р'янение властей, они скодятся и спокойно обсуждають вопросъ; пер'ядно имъ удается уладить вознинающія пререканія безъ носторонияго визнательства. Усамосніе, которов болгарнить питаетъ ив сеоимо сопласненникамъ, такъ велико, что онъ во всемъ подчинается изъ руководству: туть, какъ нь важныхъ д'ялахъ, такъ и въ

BROTHERS INPORT.

желочахъ, сказывается солндарность и сплоченность всёй намии изодно цёлое. Совершенно обратное отношение проявляють болгарыт, и въ особенности болгарские врестьяне, относительно всякаго иноземнаго элемента, проимуществение же относительно *турецикать слассией.* Не взирая на покорность, съ которою они постоянно относились изоттоманскому владычеству, въ душё они не любили ето и не довёряли ему; по ихъ словамъ, турецкое правительство преслёдуеть одну только цёль въ изъ странё, доставляющей ему, ниъ всёхъ его владёній, самую богатую жатву: цёль эта--выжать какъ можно больше денеть неъ страны".

Разум'ется, турки преслёдовали эту цёль не тольно "но слованъболгаръ", но и на самомъ дёлё. Если болгары понимали эте, они, конечно, не негли оставаться особенно "вёрными подданными" Порти: "большинство" въ прежије годи и въ 1876 не ило на везстанје только потому, что слишкомъ безнадежно было предиріятіе безъ еружія, безъ денегъ и безъ надежды на помощь. Виёстё съ тёмъ видиоизъ приведенныхъ словъ, что въ болгарахъ вовсе не такъ нало былоразвито національное чувство и общественная солидарность. Въ другомъ мёстё, англійская писательница разсказываеть (довольно точно)исторію греко-болгарскаго церковнаго спора, которий былъ, въ 1860-хъгодахъ, первой пробой этой общественной солидарности: проба оказалась очень успёмной.

Во время войны не мало высказано было осужденій противъ всегохарактера болгарскаго народа. Въ виду этихъ осужденій, англійская инсательница съумѣла остаться безпристрастной. Она согланается, что если болгари принисывали турецкому правленію одну только цѣль---какъ можно больше выжать денегь изъ страны, они думали это "не безъ основанія" (т.-е. съ полиѣйшимъ основаніемъ), и продолжаетъ:

"Это общераспространенное убъждение нривнаю характеру болгарь ту алчность и любовь из нажной, которыя, развикинсь еще болёс подъ вліяніемъ послёднихъ событій, среди всеобщаго разоренія, собианили болгаръ испробовать, нельзя ли поживиться на счеть уцёлёвнаго добра, не стёсняясь въ выборё средствъ. Когда незаслуявиныя бёдствія постичають народъ и онъ долгое время испитиваетьна своё тагость угнотенія, чувство справедливости и человёволюбія иало-по-малу утрачивается и на мёсто его выступають инстичкты мести, которые и побуждають людей совершать низніе и жестокіе коступки. Удивляться тому, что оне тавъ было и у болгаръ, рёмительно нечего: стоить только приноминть, чёмъ была иза жизнь за послёдніе два года, когда имъ приходилось такъ наза ть болёе изрныя времена, въ чертахъ своего народнаго характера не проявляли

XPOHERA. ---- JHTEPATYPHOS OBOSPBHIE.

тёхъ пороковъ, которые, на основанія вёкоторихъ отдёльныхъ случасвъ, припясываются них людьми пристрастными и слишкомъ скорыми на заключенія. Напротивъ, они производния на меня висчатлёніе ипролюбиваго, работящаго народа, обладающаго иногния сенейными добродётелями, народа, который, получивъ возможность правильно развиваться при хорошемъ управленія, могъ бы составить силу государства и нийть передъ собой будущность".

Относительно Босній наша литература оказалась въ тонъ же положеній, какъ относительно Болгарій. Южно-славлискій вопрось лежалъ на нашихъ плечакъ, но у насъ не появилось въ теченій послёднихъ лётъ ни одной книги, которая давала бы читателю общее знакоиство—ни съ Болгаріей, ни съ сербскими землями. Нельзя сказать, чтобъ это было оттого, что inter arma silent Musae—такъ какъ этого не было и раньше. Двадцать лётъ тому назадъ вышла замёчательная книга Гильферднига о Босній, —не систематически-полное описаніе страны, а разсказъ о путешествій, по програмий маршрута, съ историческими и археологическими отступленіями; это была первая, и до сихъ поръ послёдная цёльвая русская внига о Босніи.

Въ нёнецкой литературё есть нёсколько книгь о Беснін, болёв нии менње обстоятельныхъ-носив стараго сочинения Тёммеля, труды Влау, Роскевича, Маурера. Для австрійскихъ пёнцевъ были, разуивстся, достаточныя основания для ознакомления съ страной, которая нивла разний слязи съ Австріей по ближайшену сосёдству, по плененному родству съ австрийскимъ сербствомъ; наконецъ, нътъ соинвнія, что въ Австрін давно смотрёли на Воснію какъ на будущую добичу - скотрёли не только правительственные диплонаты, но и яначительная часть общественнаго инвнія. Теорія обереганія пвлости и независимости" турецкой имперіи нибля, безъ сомивнія, въ виду оберечь турецкія области для своего собственнаго захвата. Нівненкіе шовинисти и накіональные либерали вообще, и австрійскіе и частности, постоянно проповёдовали "стреиленіе на востокъ", гдё должна была вайти себё поприще германская цивилизація. Первой территоріей для этого должень быль служить Балканскій нолуостровъ. Наши собственные національ-либеральные публицисты, въ рода газотъ "Всеобщее Удовельствие" и "Чего изволите", обывновенно съ величайшимъ пренебреженіемъ говерния о притязаніяхъ нёмецкихъ шовинистовъ, какъ будто это въ саменъ дёлё былъ соверщенный вздоръ, не стоющій вниманія. Но надо различать фразы ниециная изванистова, которыя ногуть быть противны по своему надугому самохвалеству, и самое дёло, потому что существованіе терновскаго отремленія на востокь не подлежить сонийнію. Не говоря о древнихъ временахъ, когда германский элементъ покорилъ и по-Digitized by Google

357

глотель цёлня племена славянь балтійскихь и полабскихь, когда на ихъ иботахъ виросъ сильнёйный отдёль герианства — Пруссія, во времена новёйшія, напримёрь-сь конца прошлаго столётія, это стренление на востокъ одержало новыя побёды, отчасти джие почти ничего на нихъ не потративши. Такова была добича Австрии в Пруссін при ділежі Польши. Этоть ділежь, съ спеціальной русской точки зрёнія, обыкновенно восхваляется какъ возвращеніе (между прочныть) старыхъ русскихъ земель изъ-подъ польскаго владычества. въ русское единство; во, за этикъ исключениемъ, съ белъе общей точки зрёнія нежду-илеменныхъ, славяно-герианскихъ отношеній. онь быль настоящей побёдой германства: отдача польскихь земель (а въ Галиціи, даже и настоящихъ русскилъ) Австрін и Пруссін была, въ обще-славянскомъ синслё, фактонъ гибельнимъ. Въ тъ вренена, когда государство играло роль понёстья и судьба народовъ слешкомъ часто бывала только деломъ династическить равсчетовь, никто не дуналь объ этой сторонь раздела польскихъ зе-ИСЛЬ, НО ТОПОРЬ, КОГДА ПОЛНТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВСО РАСШИРАСТСЯ Н народное самосознание болёе и болёе выростаеть, а съ нимъ выступають ярче племенныя отношенія, значеніе упомянутаро факта выяснается. Вироченъ, его виясняеть сама дъйствительность. Пруссвая Польна, --- если не произойдеть поверота въ славянскихъ и руссвихъ дълахъ, — идетъ видино въ герианизаціи, т.-е. уничтожению: нёкогда польская территорія и онёмеченное польское населеніе усиаять Германію, которая придвинется въ упоръ но чисто-русскимъ зенлямъ. Подобнымъ образомъ нёнецкій злементь движется на во-CTORL & MALO-HO-MALY SAXBATSIBRETS MECTO BE CLARARCERIES SEMILARS Австрія: въ Богемін, Моравія, у хорватовъ, словницавъ и т. д.

Наша война 1877 — 78 года доставила Австріи новый нодарень изъ славянскихъ земель и народевъ: Воснію и Герцеговину.

Мы упоминали врежде, какое тажелое впечатлёніе произвело это событіе въ сербскомъ мірѣ, и дѣйствительно оно было безотраднинъ разочарованіемъ для тѣхъ славянскихъ патріотовъ, которые надѣялись, что упорная борьба сербскаго народа въ Сербія, Боснія, Герцеговниѣ, Черногорін припесетъ, наконецъ, "освобожденіе" многострадальному пленени, пять столѣтій защищавшему свор національнур личность и свое христіанотво, что этому племени будетъ, наконецъ, дано собраться въ одно цѣлос... Выли инѣмія, что оккупація Боснія и Герцеговины не страшна для славянства; не говоря о хорватскихъ нублицистахъ, которые видѣли въ занятій этикъ ремель увеличеніе собственно хорватской территорія и радовались ему, другіе славянскіе политики также полагали, что это вовсе не бѣда, что оккупація, умноживъ славянскую стихію въ Австріи, тольке повбли-

зитъ иннуту, когда Австрія рухноть, нан по прайней тррё должна будеть намённіь систему и дать просторь для политической и культурной жнени своего славянства. Но это вещь очень гадатальная, а нежду тёмъ, австрійская система уже дёлаеть свое дёло, и исмоть ето дёлать тёмъ усийшийе, что страна разорена, что населеніе истощено и не имёеть силь заявить свои національныя требованія. И вмецкій Drang nach Osten совершается во-очію.

Должно сказать, что, пром'я нашихъ "національ-либераловъ", которые отвергають силу этого стремленія, есть люди совсёмъ иного склада мизній, люди, расположенные къ славянству и знакомме съ инить, которые съ другой стороны не дають большого значенія затёмть Австріи, не в'ярять въ какіе-нибудь опред'ёленные ся планы. Историческая судьба народовъ, говорять ени, управляется не нолитиками и дипломатами, а совершается по законамъ, не завислщимъ отъ ихъ вели и меланія. Австрія ножеть, пожалуй, дойти до самой Салонний, не тогда могуть стать передъ ней такія задачи, которыя будуть ей совсёмъ не по скламъ и, пожалуй, будуть роковыми для ел инибщинаго строя.

"Сила вещей", "законы народной жизня", несемийнио, сильийе дипломатовъ; но въ томъ нопросъ, на чыо сторону склоняется сила вещей в эти завоны. До свхъ норъ они подбаствовали такъ, что Австрія, не потеряния ин одного человіна во время берьбы Россін съ Турціей, усибла но окончанія ся задаронъ пріобрёсти въ собственность цёлую новую треть всей территорія сербскаго племени (другов треты Австрія уже владйеть давно) и врёзалась клиновь нежду двуна маленькими сербскими государствани. Не сила ли вещей вынудила славянсвій мірь отдать эту новую жертву германству, — вакъ въ проявлонъ столётія отдала ему цёлыя областя польскаго племена? Не продолжается ли здёсь тоть исторический фанть, что славянство по всей своей границь съ немцами постоянно передъ нижи ототупало, погибал въ разъединени и внутренней слабооти, и утучная собою герпанство? Въ разъединении - какъ изувстно-и тенерь нёть недостатка; оно таково, какого только могуть желать враги скланнотва: въ тотъ знанонательний моменть, корда отивнялся иногорбеовой факть исторического насиля и вогда для цёлнух народовь, повидимому, наступала эноха давно невиданной свободы, въ славянствъ не нанлось достаточно совнания и согласия, TTOOH BORSTS STOPS NORSETS, CS BOTODARD NORSA OH RAVATSCA HODA новаго и энсргического развития.

Для славниство патріота отрадно было бы ожидать, что въ концѣ-концовъ "сила вещей" возвратить, рано или поядно, ебобранному и оскорбленному нареду Боснін и Гердеговним его право-быть у собя дома, сохранить свою національную личность, мить но законамъ,

которые онъ собъ создасть, вынедни изъ своего рабства, нравослиться во-едино съ своими единоплеменниками. Это и могдо бы еще случиться при вакомъ-нибудь сельномъ двенение славянской народности. Но пока ножно видёть только одно, какъ серби Воснін и Герцеговным запутываются въ австрійскихъ подядкатъ - отчасти, какъ водится у славянъ, не безъ содъйствія собственныхъ единоплеменниковъ. При первонъ заняти страни, хорватские шовинисти возрадовались присседивению Воснии и Герцеговнии, видя въ немъ расширеніе своего тріединаго королевства, и Филипповичь, ревностный хорвать и клерикаль, исполналь свою диктатуру вовсе не какь другъ сербскаго и правосдавнаго большинства страны: австрійцы просто воестановили прежила турецкія учрежденія, суды, управленіе, позенельныя отношения; диктаторъ требоваль онять съ разореннаго народа уже собранные однажды подати, оскорбляль народное и нравославное чувство населения и покровительствоваль одиниъ католиканъ и уніатанъ. Правленіе Филипповича было, впроченъ, не долговременно; его преемянкъ, принцъ Виртенбергскій, нёскольке поправиль его несправедливости въ народу, --- но положение остается врайне тажелынъ и не объщаетъ народу добра. Одинъ изъ русскихъ корреспондентовъ, близьо знающій діло, рисуеть печальную нартину. "Умиротворение" врая достигается возстановлениемъ турециихъ учрежденій; рядонь сь ними стоить австрійская военная власть; къ турецкимъ судамъ прибавлены еще суды австрійскіе, но послёдніе не поправили дёла: "теперь, — пишеть II. А. Ровнискій (въ январё иннъшнято года), -- вездъ судятся христівне (7.-е. ограбленные поселяне) за преступленія противъ туровъ (они же-грабители, ноибщики в чнновники), и нигда не судять туровь за преступленія противь храстіань". Турки (т.-е. большей частью мусульнанскіе серби) были саинии двятельными участниками въ возстании, встрётношемъ австрийскую оккупацію; они были прежная власть, они-землевладёльны, в Австрія инреолнув нив, желая нийть ихъ на своей сторонё — на счеть безгласнаго народа. Злоупотребленія "заптісвъ", т.-с. турецьой полнцін, сохраненной австрійцами, предолжаются по-прежнему. "Цонатно, -продолжаеть корреспонденть, -что христане, прежде радевавшіеся приходу австрійцевъ, теперь снова опустили гелови, снова ждуть своего избавленія, не зная только откуда его ждать; они находятся теперь въ болёе жалконъ полежения, чёнъ нрежде. Неуди-Вительно, что и тенерь, нескотря на значено стуну, въ нёкоторыхъ ивстахъ, какъ въ Сребреницв, совершается денной разбой и въ горахъ ноказались гайдуцкія шайки, которыя весной увеличатся, потоку что ограбленнему нечего дёлать дона".

Поземельныя отношенія не только остание тё же, какъ кри туркахъ, но уже гровять стать окончательно безныходными. У босній-

хроника. — литиратурнов овозрания.

скихъ крестьянъ нёть собственной земли, -- она принадлежить беганъ; бывали случан, что беги давали крестьянамъ землю за ихъ усердіе, но турецное нравительство опять отбирало ее. "Говорять, что боснакъ лённых, плохо работаетъ. Но прежде нужно спроснть: былъ ли онъ обезпеченъ въ тонъ, что не ныньче, такъ завтра его не прогонять и не отнинуть у него все, что онь пріобрёль за лёто? Возножно ли работать въ странъ, гдъ не било ни завона, ни мира? И все-таки несчастный боснякъ обработывалъ землю; онъ ее унавоживаль, нотону что почва на всень пространстве между Тузлой и Серастоить ничего бы не дала безъ удобренія... Своего скота онъ не ногъ видть, потому что его бы у него отняли; ленивый боснякъ часто работаль вийсто плуга заступонь или ийсколько дворовь спрягалесь и нахали поочередно. И воть, народъ сочии лъть разработывых землю, нескотря на всё невытоди своего положенія, сотин лёть удабриваль со собственнымъ потомъ; а теперь, когда принца пора ножать илоды съ воздёланной имъ нивы, сму говорять: ты лёнивъ, ти иссинь, ты заканываенны деньги въ землю; ступай вонъ; твое мёсто SERNETS TOTS, ETO EVHETS H TOGA H TBOBTO FOCHOANHS, H RONY TH OVдень работать, какъ никогда еще не работаль! Ты турку платель треть или оть 6 до 8 дукатовъ, а изъ тебя выжну вдесятеро больше. Турокъ былъ такъ же тупъ накъ ты; а им васъ научниъ разуну". Однить словонъ, распродажа земель частными владёльцами исключительно съ руки австрийцесь уже началась и не остановится, вонечно, до таха поръ, пова все не перейдеть въ изъ руки. "Что касвотся вакуфовъ (земель, принадлежащихъ нагонетанскому духовенству и нечетанъ) и земель, принадлежащихъ христанскимъ церкванъ и монастирянъ, то онъ, конечно, большен частію будуть отданы въ аренду, а арендаторы эти, безъ сомивнія, также яватся нэв Австро-Венгрін. Государственныя же земли будуть обращены въ доходный статы, которыхь босплкамь тоже не видать какъ своихъ уней... Слёдевательно, первынъ плодонъ оккупація будеть обеззенелопье народа".

Вторынь илодонь ножоть быть нашестве нёмецкихь рабочнхь; третьних—стёснение православнаго населения и въ религіозномъ отнениения; четвертныть, разумёется, водворение и усиление нёмецкаго элемента—при нёмецкихь властяхв, землевладёльнахь, промышленинкахъ, накемець—рабочнхъ. По врайней мёрё, все это не имёетъ ничего невёролятнаго, и во всякомъ случай, "Drang nach Osten" молецъ проявиться въ такихъ формахъ, что шуточкамъ на его счетъ и самохвальнымъ фразамъ не останется мёстя.

Сочиненіе барона Швейгеръ-Лерхенфельда явилось какъ справочная книга для оккупаторовъ.—А. А.

- E. Haeckel: Freie Wissenschaft und freie Lehre. Stuttgart. 1878. - O. Schmidt: Darwinismus und Socialdemocratie. Bonn. 1878.

Въ сентябръ 1877 г. въ Мюниенъ проискоднить 50-й съязить ийнеценхъ естествонспытателей и врачей, болбе чёмъ когде-нибудь многочислевный и оживленный; пренія его всебудных тогда, глубовій интересь не только въ учененъ нірё Германін, но и ве всемъ образованномъ нёмецкомъ обществё; отголоски наъ до сахъ норъ еще етъ времени до времени слышатся въ нёмецкой нечати. Дёло въ тожъ. что можду двума ворифсами ибмецной науки, навротнымъ пропагандистомъ дарвинизма, Эристомъ Гевкелемъ, и не менйе извёстнымъ реформаторомъ натологической анатомія и гистологін, Рудольфомъ Вирховыих, завязался сворь, перенесенный послёдниих, а вслёдь за нимъ, по веобходимости, и нервымъ---съ чисто научной на нолитическую почку. Въ первомъ засъдания съзвяда Геккель произнесъ рёчь "объ отношенін современной теорін резвитія (Entwickelungslehre) къ общему состоянию науки", являясь въ ней, по обыкновению, горачних проновёднекомъ дарвенезиа и тёсно свазанело съ немъ монистическаго міросоверцанія. Нісколько дней спустя, Вирховь отвичаль ему ричью "о свободи науви въ современномъ государстви". въ которой не только вовражаль протнеъ дарвинизна, какъ противъ научной системы, но и указаль на епасность, заключающуюся въ нень для общества и государства. "Представьте себв", воскликнуль онъ, "какъ теорія развитія (или происхожденія видовъ) отражается уже теперь въ головъ соціалиста! Многимъ это монеть пеказаться сибшиымъ, но въ сущности это очень серьёзно; будемъ надвяться, что теорія развитія у насъ не повдечеть за собою тёхъ ужасовь. из которыиз подобныя теорія не самоиз ділів привеля сосідною съ нами страну. Во всякомъ случай эта тоорія, послёдовательно проведенная, ниветь чрезвычайно опасную сторону; что соціалнямь вступнать уже съ непо въ соприкосновение, это для васть, безъ соливнія, ясно". Общій выводъ Вирхова клонелся въ тому, что гипотенн настолько не подтвержденныя и настолько опасныя, какъ даряннизмъ, могутъ быть предметомъ изслёдеванія, но не пренодавания. Въ лагеръ Вирхова оказались, на этотъ разъ, текіе сонзники, ногорыхъ онъ вообще не привнить видёть радонъ съ собою. Его слова съ радостью были подхвачены, повторены, воиментиреваны на тысячу ладовъ консерватерани всёхъ отгёнковъ, илереналами, какъ католическнин, такъ и протостантскими. Отвёчали имъ и прогрессисты, защищая свободу преподавания, и люди науки, защищая дар-

винизить. Санъ Гекколь долго храниль молчаніе, желая избёжать рёзной полемики противъ бившаго учителя своего, глубоко уважаемаго имъ за прежнія научныя заслуги; возвыснть голось онъ рёшился только тогда, когда реакція, вызванная покушеніями Гёделя и Нобилинга, стала угрожать не только сеціаль-денократической пропагандъ, но и свободё мысли и нечати. Вольшая часть объемистой его брошпры, озаглавленной: "Freie Wissenschaft und freie Lehre", съ эниграфонъ: "Impavidi progrediamur" ¹) (безстрашно нойденъ впередъ), посвящена нопросавъ научнымъ, которыкъ мы здёсь касаться не буденъ; ми остановимся только на той главъ, которая посвящена отноненію дарвеннама къ соціаль-демократин.

"Дарвиназиъ", говорить Геккель, "яснъе всякой другой научной теорін проповёдуеть невозножность равенства, къ которёму стреинтся соціалнямъ, неразр'вшиность противор'вчія между этимъ стренжисть и воздь фактически существующих, неизбажнымъ перавенствонъ. Соціализиъ требуеть для всёхъ гражданъ равныхъ правя, равныхъ обязанностей, равныхъ внущественныхъ благъ, равныхъ наспандений; дарвиннамъ доказываеть, наобороть, что осуществление июго требованія немніслимо, что въ государственныхъ органическихъ consax's (Organisations-Verbände) JDgen, Rak's H B'S ROGOGHUX'S COюзахъ животныхъ, права и обязанности, имущества и наслажденія всвхъ членовъ союза инкогда не будуть и не могуть быть равныне. Великій законъ разділенія или дифференціаціи, одинаково двистентельный какь въ общей теорія развитія, такъ и въ біологической ся части — теоріи происхожденія видовъ, — показываеть намъ, что изъ первоначальнаго единства развивается разнообразіе явленій, нуь первоначальнаго равенства — различіе совершаемыхъ дёйствій, неъ первоначальной простоты-сложная организація. Условія существованія для особей съ самаго начала различны; неравны, въ большей или меньшей степени, даже унаслёдованныя качества и способности; какимъ же образомъ могуть быть повсемъстно одинаковы жазненныя задачи и ихъ результаты? Чёмъ выше развита государственная жизнь, тёкь больше выступаеть на нервий планъ волный принцинъ раздёленія труда, тёкъ болёв необходимо для существовый государства распредёленіе нежду его членами разнообразныхъ ждачь, которыя ставить жизнь. Насколько различна работа каждно и синзаниал съ нею сумма силы, умънья, искусства, настолько должно быть различно и вознаграждение за эту работу. Всё эти

¹) Этоть эпиграфъ противопоставляется конечнымъ выводамъ опрозергаемыхъ Геккелемъ рѣчей Дхобуа - Реймона ("о границахъ нашего познаванія природы") и Вирхова: "Ignorabimus" (мы не будемъ знать) и "Restringamur" (будемъ ограничимть себя).

фанты такъ прости и оченидны, что наждену разумнону, свободному оть предразсудеовь госудерственному человаку сладовало бы вид жть BS TOODIE DEBBETIE BOOGHE N BS TOODIE HDORCKOMACHIE BELOPS BS особенности лучшее противоядіе отъ безсинсленной и безпочвенной соціалистической инвеллировки (bodenloser Widersinn der socialistischen Gleichmacherei). Дарвиннамъ ножно сибнивать съ чёнъ угодщо, только не съ соціалнамонъ! Ужъ если прилиснивать этой англійской теорія какуп-нибудь опреділенную политическую тенденцію, то разві тенденцію аристократичаскую, а отнюдь не демократическую, еще меньше - соціалистическую. Теорія подбора показываеть нань, что нежду людьми, какъ и между животными и растеніями. вездё Ж всегда можеть существовать и процватать только небольшое, въ благонріятные условія поставленное меньшинство, между тёмъ какъ значительное большинство терпить нужду и раньше или ноже погибаеть. Безчисленны сёмена важдаго вида животныхъ и растеній, безчисленны и особи, образующілся изъ этихъ свилиъ; вив всякой пропорція, наобороть, ограниченно число счастливыхъ нидивидуумовъ, развивающихся до полной зрёлости и достигающихъ цёли, въ которой стремилась вхъ жизнь. Жестокая и безнощадная борьба за существование, вездѣ, въ силу необходимости, свирѣиствующая въ органической природъ, непрерывная и неумолниая конкурренція всего живого — факть, не подлежащій никакому сомнёнію; только избранное меньшинство въ состоянія одолёть эту конкурренцію, невзбёжно гибельную для большинства конкуррентовъ. Можно глубово сожалёть объ этомъ трагическомъ фантё, но нельзя ни отрицать, не измёнить его. Много званных, но мало избранныхъ! Подборъ этихъ избранныхъ неразрывно связанъ съ уладкомъ и гибелью остальныхъ. Вотъ почену одниъ англійскій учений видить девизь дарвнитема въ переживании наиболье приспособленнато (Ueberleben des Passendsten), es noondn mynuaro (Sieg des Besten). Bo BCARONS случай, принципъ подбера — принципъ аристократический въ волноиз симсяй слова. Если дарвинизиъ, послёдовательно проведенный, ихветь, но выражению Вирхова, чрезвычайно онасную сторону, то ее слёдуеть искать развё въ поддержкё, которую могуть найти въ нень аристократическія стремленія. Что въ дарвинный благопріятнаго для соціалистовь, что въ немъ общаго съ ужасами парижской коммуны-это, признаюсь, для меня решительно непостижно! Заи втемъ, по этому поводу, какъ опасно всякое непосредственное перенесеніе естественно - научныхъ теорій на почву практической нолитики. При крайней сложности нашей современной культуры, примёненіе въ ней какого-либо "естественнаго закона" требуеть со стороны государственныхъ людей величайшей обдуманности и осторож-

364

вести. Трудно понять, каки́нь образонь это ногъ забыть Вирхоръ. вскусный в опытный полетикь, прововъдующій осмотрительность и сдержанность даже въ теорія? Естоствонсянчатель въ прав'я требовать оть политическаго двателя, чтобы онь предварительно новна-BOWHLICS C'S TEODIOR, MYS ROTODOR XOVET'S CLEARTS TE BLE ADVIS HDARтическіе выводы; тогда, но крайней мера, выводы эти не будуть такъ явно противорёчить основнымъ тертамъ теорін, какъ заключеніе Вирхова — основнымъ чертанъ транеформизма и дарвинизма. Внолн'я предупреднию недоразум'янія, конечно, нельзя; но какое ученіе вообще гарантировано противъ недоразунівній? Изъ какой чистой и злововой теорія нельзя сдёлать самых нездодовнах и безунныхъ выведовь? Сь теоретическою сущностью ученія вездів в всегда ножеть находиться въ вопіющенъ разногласія примвиеніе его въ двяствительной жизни. Но остоствоиспытателю нёть никакого дёла до тавого разногласія; единственная его задача-нскать и возв'ящать NCTHHY, HE BROOTACL O TON'S, KARIO BHBOZH HOFYTS REBLEVE HOS HER различена партіи въ церкви и въ государствв".

Въ борьбъ инъвій, возбужденной монхенскими ръчнии Геккеля и Вирхова, приняль участіе, между прочниъ, Оскаръ Шиндть, профессоръ зоологін въ страсбургскомъ университеть, авторь сочниенія o gapsennant ("Descendenslehré und Darwinismus"), pomegnaro sz составъ "Международной Библіотеки". Еще въ 1877 г., въ статьв. нанечатанной въ журналъ "Ausland", онъ выразниъ убъжденю, что въ питересѣ соціалистовъ - не распространеніе, а сворѣе сокрытіе (если бы ово было возножно) теорія развитія, ясно доказивающей неосущественность соціалистическихь насй. На събядё нёнеценхъ остествонснытателей и врачей, собравшенся въ Кассель осенью 1876 года, онь произнось на ту же тэму длинную рёчь, недавно польнешурся въ печати подъ заглавіенъ: "Darwinismus und Socialdemocratie". Шиндть подоннель въ вопросу съ другой сторони, чёнъ Гекксяь. Послёдній предполагаеть, повидимому, что соціаль-демократія никогда не искала опоры въ дарвинизий; первый указываеть на вопытки, сдёланныя об въ этомъ смыслё, и подворгаеть ихъ критическому разбору. Установить внутренных связь нежду дарвинизмонъ и соціаль-демовратіей старался въ особенности Леопольдъ Якоби, въ сочинение своемъ: "die Idee der Entwicklung" (1874). Развние, но его словамъ, есть не что нное, вакъ стремление въ усовершенствованию, къ устранению несообразностей (Verkehrtheiten), къ осуществлению идей, издавна покоющихся въ лоне безсознательной природы; перевороты, революція (въ самонъ общирномъ смыслё слова)-не что нное, какъ шаги впередъ на этомъ пути. Кантъ н Лациась объясния "вёчно совершенствующееся образование всего

cymeersymmero no scenemon" (Worden und Gestakten der Dinge im gesammten Weltall); Ланариз и Дарвинь приссединили из этому offschehin vychie e chargents i nocificateliseens dasbertie bekis органическихъ существъ на земномъ шарѣ. Переходъ отъ неорганическаго во органическому и неявление человика во среди пречних организмовъ-это нервые два великіе переворота въ истерін развитія; третій, такой же-это пробужденіе человічества на самосознанію (aligemeiner Durchbruch des Menschheitsbewusstseins), ousoceoocun ofeснованное Марисонъ. Марисъ и Даринъ, работая на совершение различеных научныхъ поприщахъ, достигля, такимъ образомъ, ресультатовъ, въ высной сточени важныхъ для человъчества и взанине LOUOINGINAUNTS, DOLLEDBRIDGINETS ADVIS ADVIS. HASS, JOHANNAS DE ocnobasin cosiall-genorpatin, sapanhe onpeghladmaa es geneesie, должна осуществиться такъ же нензебжне, какъ и всякая другая идея, управляющая извёстною стороною развитія. Противь отнах, очовидво-метафизическихъ, построеній Якоби и полемизируетъ О. Шиндть, указывая на то, что новъйшая наука, а слёдоватольно н теорія развитія, не признаеть инканихь идей, управляющихъ развитемъ или заранње обусловливающихъ его; что дарлинизиъ внасть уз природё только сням и законы, причины и действія; что инкавого устранения несообразностей въ пронскондения видорь отврыть нельза; что радонъ съ прогрессонъ въ борьбѣ за существование ни виднить и застой, и регрессть, не говоря уже о гибели слабъйшихъ; что законы природы не знають различія между правомъ и безирамень, в торжество достлется сняв, т.-е. тому, вто располараеть большини средствани, лучшини орудіями борьбы. По нивнію Якоби, возвранцающагося въ теорін Руссо, человёкъ дебръ отъ новроды; мозгъ у всёхъ людей единаково способенъ въ развитию, и если до сихъ перъ степень развития людей такъ различна, то это объяснается лишь ненориальными условіния, въ которыя они поставлены привилегіями, которыми пользуются немногіе въ ущербъ многимъ. Въ глазахъ Шиндта-все это влижия, въ конецъ разрушаеныя дарвниямонь: дарвниязиь, это-научное обоснование неравенства (wissenschaftliche Begründung der Ungleichheit). Henosmownocrs accontrare perenства признають и изкоторые соціаль-демократы, накр., Энгельсь, въ полемный своей от Дюрннгомъ ("Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaften", 1878)); OHH BOLAFARDYS TOLERO, 4T9 C5 YHHYTOMSніемъ сословій прекратится и борьба за существованіе, уступнев мёсто всеобщему взаниному благорасноложению, что невто не будеть пользоваться, во вредь другимь, фактически существующимь неравонствоиъ. Опровержение этой "фантастической финци" О. Шинитъ CUNTARTS HEARINGHANS, TARS EARS ONE HE OUNDARTCH HE VUCHIG LAD-

366

вина. Въ заключение О. Шиндтъ упонинаетъ о сходныкъ съ "фикт ций" Энгельса надеждахъ А. Ланге¹), на постепенное смягчение берьбы за существование, на ностепенный переходъ ея въ мирное служение гуманности. И этихъ надеждъ Шиндтъ, повидниому, не радъядетъ; не считая себя безусловнымъ несснинстомъ, онъ не примыкаетъ и въ оптимистамъ, и не въритъ, чтобы концемъ развити могло битъ всеобщее усоверженсявование (allgemeine Vervollконшица).

И Геккель, в Шинать, обсуждають въ своихъ бронирахъ, собственно говоря, два существенно-различные вопроса: можеть ли дарвиннямь служить опорой для соціаль-демократія, подливать, по французскому выражению, воду на ея мельницу - и можно ли, наобороть, найти въ дарвинизив опровержение соціаль-домократических и вообще соціалистических взглядовь и ученій. Эти два вовроса, какъ намъ кажется, у обонхъ авторовъ --- въ особенности у Геккеля - недостаточно ръзко отграничены одинъ отъ другого; сообравно съ этимъ и разръжение ихъ оказывается не одниаково удачнымъ. Отрицательный отвёть на вервый вопросъ мотиверованъ съ больного уб'едительностью и силой; объ утвердительномъ отвётё на второй нельзя сказать того же самаго. Гексель отстуниять здёсь оть строго-научныхъ прісновъ и впаль въ ту же ошнбку, за которую онъ такъ часто и такъ горько упрекаетъ Дюбуа-Реймона: онъ предрённыхь будущее, произнесь абсолютное суждение о ибрё возможнаго и невозножнаго. Почерная свои доводы исключительно изъ учения о нроисхождения видовь или о развити вообще, онъ не воснулся ни однимъ словомъ тёхъ усложненій, какія вносить въ это ученіе исторія человёчества-тёхъ усложненій, о воторыхъ онъ санъ говорнть подробно въ своей "Natürliche Schöpfungsgeschichte", при обсуждения вопроса объ искусственномъ подборѣ. Въ природѣ не встречается случаевь искусственныго сохранения, -- следовательно, во закону насяблотвенности, и разиноженія-слабыхъ, болёзненныхъ особей; нежду людьин такое сохранение возножно, и Геккель придунагь даже для него спеціальное названіе----иедицинскаго подбора medicinische Züchtung). Въ мірѣ животныхъ жестовость и кровожадвость, поддерживаемыя надлежащимъ запасомъ физической силы, не находять никакой преграды, - а въ человѣческихъ обществаль часой преградой служить пока смертная казнь, рекомендуемая Гек-

¹) Извёстнаго автора "Исторін матеріализма" и нёсколькихь сочинскій политико-экономическаго содержанія, по многимь вопросамь близко подходящаго въ соціалистическимъ взглядамъ. О. Шмедть имёсть въ виду собственно книгу Ланге о рабочень вопросё: "Die Arbeiterfrage, ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft" (Winterthur, 1875).

каленъ, какъ хорошій способъ искусственнаго подбера (!). Этихъ двухъ примёровъ, заниствованныхъ у самого Геккеля, достаточно, чтоби доказать невозножность пепосредственнаго и бозусловнаго заключенія отъ завоновъ развитія органической природи въ развитиоособенно въ отдалениенъ будущенъ-челов'ячества и челов'ячеснихъ обществъ. Геккель упустиль изъ виду, что если безъ остоственнихъ наукъ невозножно правильное починканіе прошедшаго и скольноннбудь безошибочное предугадываніе будущаго, то одного естествоствояканія ведостаточно для достиженія этихъ ц'алей.

Ш.

— В. А. Зайнеез. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Востова. Спб., изданіе Ј. Ф. Пантелбева. 1879.

"Составляя это рувоводство, - говорить авторъ въ предисловия, -я нибль въ виду совершенный недостатокъ у насъ подобныхъ книгъ. И вообще не исторіи у насъ есть или краткіе учебники, или переведы иноготомныхъ сочинений, какъ исторія Шлоссера; достаточно же полное руководство, могущее служеть справочной книгой, существуеть только одно: "Курсь всеобщей исторія" — Вебера, въ 4-хъ тонахъ; но оно написано слишковъ исключительно съ нёмещеей точки зрвнія. Особенно же недостатокъ чувствуется у насъ въ историческихъ сочиненияхъ по древней истории. Во всёхъ сочиненияхъ, изданныхъ у насъ, отдёлъ древней исторіи Востока совершенно устарбиъ и не соотвётствуетъ современному состоянию науки. Не говоря уже о Шлоссер'й и Вебер'й, еще не такъ давно изданы у насъ по этому вредмету книги Дункера и Ленориана. Но первый очень пеудовлетворителенъ, такъ какъ въ исторіи Египта, наприибръ, держится исключительно Бунзена и современнаго ему состоянія науки. Между твиъ, наука ділаеть теперь такіе быстрые успёхи, что вниги, вышедшія едва десять лить тому назадъ, оказываются уже устар'вышнин, какъ и прекрасное въ свое время "Руководство" Ф. Ленориана; послёднее изданіе его, съ котораго сдёланъ русскій переводъ, вышло въ 1869 году, а въ своихъ послёднихъ сочиневіяхъ (1874 г.) авторъ уже вынужденъ былъ отказаться отъ всей своей системы ассирійской исторіи".

Вполнѣ раздѣляя мысль автора о своевременности и пользѣ появленія у насъ такихъ историческихъ руководствъ, какія онъ предпринялъ, мы не можемъ согласиться съ отвывомъ его о сочинения Маркса Дункера: "Geschichte des Alterthums", и думеенъ даже, что

368

въ основания его лежитъ нёкоторое недоразумёние. Мы не имёсмъ подъ рукой русскаго перевода вниги Дунвера и не знаемъ, съ какого изданія онъ сдёдань; но послёдное (четвертое) нёмецкое наданіе предпринято въ 1874 г. и переработано при свётё новёйщихъ отврытий въ области исторіи Востока. Въ предисловін къ этому изданию Дункерь прямо указываеть, наприм'йръ, на важность новыхъ нріобрётеній науки по ассирійской исторія. Такъ какъ г-иъ Зайцевъ называеть устарввшими сочиненія, вышедшія оволо десяти лёть тому назадъ, то не имблъ ли онъ въ виду одно изъ прежнихъ изданій книги Дункера? Правда, и въ послёднемъ изданіи Лункерь He BCCTAS COLISINACTCA C5 BUBOANN TEX5 HCTODHEOB5, ECTODHNH руководствуется г-нъ Зайцевь; но въ такой отдаленной области, какъ превнувшая исторія Востока, не всё же вопросы могуть считаться разрѣшенными безспорно. Дункеръ не принимаеть, напримѣръ, хронологію Манетона, насколько она касается четвертаго и пятаго тысячельтій до Р. Х., -- но не принимаеть ее на основании подробно изгоженныхъ мотивовъ, не сходныхъ съ мибніенъ Бунзена. Бунзенъ волагаеть, что нёвоторыя изъ приведенныхъ у Манстона династій нарствовали одновременно (въ разныхъ частяхъ Египта); Дункеръ отвергаеть эту гипотезу (I, 22). Что касается до начала исторіи Асснрін, то оно изложено у Дункера (II, 19 и слёд.) въ главныхъ чертахъ точно тавъ же, какъ и у г-на Зайцева. Намъ кажется, поэтому, что г-из Зайцевь отнесся въ сочинению Дункера съ незаслуженнымъ пренебреженіемъ 1). Весьма можеть быть, что въ связи съ этних находится одинъ изъ главныхъ недостатвовъ вниги г-на Зайцева-преобладание чисто-политической истории надъ историей культуры; именно по этому послёднему предмету г-нъ Зайцевъ могъ бы сделать неъ Дуннера — да и неъ Ленормана — много полезныхъ заинствованій. Г-из Зайцевь перечисляеть почти всёхъ египетскихъ и ассирійскихъ царей — и ничего не говоритъ, наприм'йръ, о егивотскихъ пирамидахъ, подъ тёмъ предлогомъ, что "о инхъ писано уже много, и читатель можеть найти описаніе ихъ въ любомъ путенествін". Одно взъ главныхъ достоннствъ руководства или справочвой книги по исторія-полнота и законченность картины; читатель

¹) Еще несправеднийе отоевался г-их Зайцевь о Бонгй, нанеся ему, безь всяией надобности, какъ-бы миноходомъ, ничёмъ не мотивированный ударъ. Говори о мини природныхъ условій страны на ед цивилизацію, онъ замёчаеть, что "англійскій писатель — болёе публицисть, чёмъ историкъ; Бокль довель эту совершенно вряую мисль до нелёвныхъ крайностей; но его натажки и парадовсы могли только временно дискредитировать идею, лежащую въ самомъ понятіи цивилизаціи". Изчёстний трудъ Бокла не дискредитироваль эту идею, а наобороть — весьма сильно сюсобствованъ ед распространенію.

Томъ II.-Мартъ, 1879.

имбеть право искать въ немъ описаніе предмета, а не ссылку на то, гдъ можно найти такое описание. Свъдъния о религи, правахъ, испусствѣ древнихъ восточныхъ народовъ отличаются у г-на Зайцева несоразмёрною краткостью, между тёмъ какъ именно въ нихъ заключается главный интересь сочинения Дункера и Ленормана. Трудно повърять, напримъръ, что у г-на Зайцева вовсе нътъ онисанія египетскаго храма, со всёми его характеристическими, крайне любопытными особенностями. Богатый матеріаль для такого описанія онъ могь бы найти не только въ любомъ сочиненія по исторія искусства (у Каррьера, Куглера, Любке), но и у Дункера (I, 126 и слёд.). Читателянъ, безъ сомиёнія, несравненно интереснёе и важнъе было бы узнать что-нибудь о содержания и художественномъ значение египетскихъ ромаковъ, только называемыхъ г-иъ Зайцевымъ, чёмъ о томъ, что въ первой-изжетъ быть, и баснословнойегипетской династіи было 8 царей, царствовавшихъ 253 года, а во второй — 9 царей, царствовавшихъ 302 года. Такихъ излишнихъ подробностей въ книгъ г-на Зайцева столько же, сколько пробъловъ въ тёхъ частяхъ ея, которыя касаются исторіи вультуры. Не иало ийста занимають и напрасныя повторенія; такъ, напримёръ, привести одну или двѣ реляціи ассирійскихъ царей о своихъ подвигахъ, конечно, было необходимо, такъ какъ онъ хорошо характеризують политику Ассиріи и уровень ся нравственнаго развитія; но приводить ихъ чуть ли не каждый разъ, когда идеть рёчь о походахъ или завоеваніяхъ какого-либо ассирійскаго царя (стр. 128-130, 140-148, 157, 160, 163, 164, 168 и др.) ибть никакого основания, потому что всё онё написаны какъ-бы по одному образцу.

Другой недостатовъ книги г-на Зайцева — слишкомъ абсолютное и недостаточно мотивированное разрёшеніе снорвыхъ вопросовъ. Мы понимаемъ, что историческое руководство не можеть заключать въ себъ подробнаго изложения и разбора всёхъ мизний, существующихъ въ науев по извёстному предмету; им признаемъ за авторомъ руководства право избрать одно изъ этахъ мийній, не опровергнувъ предварительно всёхъ остальныхъ; но упомянуть о существующемъ разногласія, когда оно касается важнаго вопроса и имбеть серьёзныя причины, - онъ, кажется намъ, обязанъ, для того, чтобы читателя не могли принять гинотезу за вполив доказанное положеніе, личный взглядъ за послёднее слово науки. Приведенъ одинъ примёръ, рёзко бросающійся въ глаза. Г-нъ Зайцевъ начинаетъ свою книгу съ положенія, что человёческій родъ раздёляется на четыре расы: бёлую, желтую (живущую съ древнъйшихъ временъ въ восточной Азіи), красную (обитавшую и обитающую исключительно въ Америкъ́) и черную (туземную въ Африкѣ и Австралін); дальне онъ говорить,

۲

что въ бълой расв историческая наука признаеть четыре великія племени — кушитовъ, семитовъ, арійцевъ и туранцевъ. Что относительно способа раздёленія человёческаго рода на расы и пленена въ наука существусть какое-нибудь разногласіе, на это гиз Зайцевъ даже не намекаетъ; чита его, можно подунать, что предлагаеное них раздёление такъ же безспорно, какъ, напринёръ, обособление арійцевь оть семитовь. Между тёмь, вопрось, съ такою сивлостью разрёшаеный г-иъ Зайцевных, принадлежить къ числу саныхъ спорныхъ, и наиболбе сильныя возраженія направлены именно противь принципа дёленія, принимаемаго г-иъ Зайцевымъ---аёленія по цебуу кожн. Перзымъ оно можетъ быть названо тольно по времени 1), но отнюдь не по степени достовърности. Гевкель, напряибрь, почти вовсе не принимаеть въ соображение цвить кожи и дилять человёческій родь на четыре главныя групкы исключительно во свойству волось ("Natürliche Schöpfungsgeschichte", лекція 23-я); Пешель находить, что ни одинъ изъ признаковъ, принимаемнаъ обывновенно за отличительную черту расы-въ томъ числъ и цвъть кожи-не инветь свиз по себя достаточной опредбленности, достаточнаго постоянства, и что правильная группировка расъ возможна только на основания всёхъ главныхъ признаковъ, взятыхъ въ совокунности --- формы и размёровъ черена, взаниваго отношения (по велеченъ) отдъльныхъ членовъ тъла, двъта коже, цвъта и свойства волось и т. п. ("Völkerkunde", стр. 337). Какъ Геккель, такъ и Пенель соединяють притомъ въ одну группу племена, у г-на Зайцева относница из различнымъ расамъ, и наоборотъ. Такъ, наприниръ, г-нь Зайцевь причисляеть мадьяровь, оснановь, остяновь, чудь (слвдовательно вообще финновъ), повидимому и монголовъ - въ туранцанъ, а туранцевъ — къ бёлой расё, наравнё съ семитани и арійцами; нежду тёмъ и Геккель, и Пенель, считають надьяровъ и финновъ принадлежащние къ монгольской рась, наравнъ съ кнуайцами и анонцами, которыхъ г-иъ Зайцевъ усдиняетъ въ особую, желтую расу. Пешель идеть еще дальше и присоединаеть из народамъ ионгольскаго типа (Mongolenähnliche Volker) съ одной стороны калайцерь ⁹), съ другой — американцевъ, т.-е. туземневъ Америки, тавъназываемую красную расу. Дривидовъ (древитатить обитателей Ин-

¹) Блуменбахъ, въ концё прошлаго или началё иннёшняго столётія, нервый предложилъ систематическое дёленіе на раси, отличающееся отъ принимаемаго г. Зайцевымъ только въ томъ, что къ расамъ бёлой, желтой, красной и черной присоедвидется еще пятая — коричневая (малайская).

²) Къ какой расё относить г. Зайцевъ малайцевъ—это не видно изъ его книги; въроятно—къ желтой, хотя они една зи ближе подходять въ китайцанъ и японцамъ, тймъ монгоды.

дін) и Геккель, и Пешель считають особой расой, довольно близкой къ средняемной (т.-е. къ арійцамъ и къ семитамъ); г-нъ Зайцевъ относить ихъ въ туранцамъ. Геккель и Пешель -- настолько вылающіеся ученые (особенно первый), что игнорировать ихъ мивнія, раздъляеныя многими другими писателями, едва ли возможно. Если вритическій разборъ главныхъ системъ дёленія на расы казался г-ну Зайцеву выходящимъ за предблы его плана, онъ долженъ былъ по крайней мёрё упомянуть о нихъ, рядонъ съ раздёдземымъ имъ самниъ взглядомъ. Указаніе на важнёйшіе спорные вопросы современной науки и на различные способы ихъ разрёшения принадлежить, по нашему мивнію, къ числу необходимыхъ составныхъ частей историческаго руководства, если авторь хочеть сдёлать его чёмъ-то большимъ, чёмъ простой учебникъ; оно не только предостерегаетъ читателей отъ односторонности, отъ принятія на въру всего имъ сообщаемаго, но и расширяеть ихъ умственный горизонть, знакома ихъ съ задачами и прісмами научнаго изслёдованія 1).

Несмотря на указанные нами недостатки, мы признаемъ книгу г-на Зайцева полезныхъ пріобрётеніемъ для нашей бёдной истораческой литературы. Распространению у насъ сочинений Ленормана в твиъ болве Дункера изшалъ бы уже саный объемъ ихъ; книга г-на Зайдева невелика и легко прочтотся всёми, интересующимися древней исторіей. Изложеніе ся вполив удовлетворительно; многіе отдёлы — напримёръ, глава о древней письменности, глава, носващенная персидской исторіи-не оставляють желать инчего лучшаго. Можно пожалёть, что г-нъ Зайцевъ отвелъ слешконъ нало нёста исторін евреевъ; ны знаемъ, что говорить объ этомъ предметь у насъ не легво, но свазать несколько больше все-таки было возможно. Жаль также, что оставлена совершенно въ сторонъ исторія Китая; едва ли можно признать, вийств съ г-иъ Зайневынъ, что она относится исключительно въ области этиологін, такъ накъ не представляеть никакого движенія, никакого развитія. Если развитіє Китая давно остановилось, то это, конечно, не значить, чтобы его вовсе не было. Почему г-нъ Зайцевъ не включаль въ свое руководство исторію Индін-этого онъ не объясняеть; вёроятно, она войдеть въ составь одного изъ слёдующихъ токовъ его труда, продолжение котораго весьма желательно.-К. К.

¹⁾ Избытокъ утвердительности и недостатокъ критическаго разбора разныхъ теорій, существующихъ въ современной наукъ, весьма замътенъ также въ той главъ книги г. Зайцева, въ которой онъ говоритъ о первомъ появления арійцевъ на исторической сценъ.

внутреннее обозръніе

1-е марта, 1879.

Чуна и нали правы.—Одесский градоначальникъ о городскомъ самоуправления.— Польза обнародования административныхъ отчетовъ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1877 годъ. — Матеріальное положеніе духовенства. — Важность собственнаго почина для духовенства. — Церковная статистика.—Отвётъ профессору Барсову.—Новая почтовая такса.

Извёстно, что у васъ всякій возникающій общественный вопросъ, даже каждый отдёльный рельсфный случай нев общественной жизни, обративній на себя общее вниманіе, всегда оказываются "состоящини" въ какомъ-нибудь центральномъ вёдомствё. Централизація, д'йствительно, такъ сильна и такъ проникла въ самие нрави, а общественныя учрежденія поставлены такъ слабо и сфера ихъ такъ узка, что низче оно и быть не можетъ. Сама публика ждетъ р'йманія "вопроса" только отъ подлежащаго в'ёдомства, и каждий видающійся "случай" ненеб'ёжно относитъ въ заслугё или ошибкѣ оцять какого-либо в'ёдомства. Такъ, напр., и чума, но всеобщему уб'ёжденію, была въ в'ёд'ёнія министерства внутреннихъ д'ёлъ; допущеніе си тотчасъ относить въ заслигія администрація, а прекращеніе си поставить въ заслугу администрація, а

И такой взглядь, предволагающій, что въ Россін ніть ничего, кромів відомства, съ ихъ іерархическими подразділеніями, сложился не въ однемь обществі. Отсюда происходить, между прочимъ, нікоторая раздражительность, съ какею у насъ каждая отресль администрація опровергаеть неточныя или невірныя частныя извістія о какомъ-либе случай или виражаеть неудовольствіе за сужденія печати о томъ али другомъ вопросі. Дійстинтельно, при данныхъ усновіяхъ и установившихся привычкахъ, эти частныя извістія или сужденія представляются какъ-би вторженіями неприяванныхъ вістовіцивовъ в судей въ сферу діятельности, строго разграниченную между подле-

жащими и жстани и лицами, а "неосторожное" сообщение или "слишкомъ рѣзкое" сужденіе хотя бы о безотносительныхъ фактахъ, пріобрѣтаетъ по-неволѣ смыслъ нападенія на какое-либо вѣдоиство. Если въ такихъ частныхъ извёстіяхъ или сообщеніяхъ бываютъ ошебки, какъ то вногда нензбъжно, то это легко принисывается злостному намёренію ворреспондента или автора, желавшихъ будто бы непремённо дискредитировать такое-то учреждение или поколебать такой-то авторитеть. Готовность же публики върнть частнымъ извёстіямъ, за недостаткомъ, неполнотою или запоздалостью оффиціальныхъ, вмёняется при этонъ случав въ вину русскому обществу: оно моль такъ еще незрёло, такъ еще мало имбетъ политическаго восцатанія, такъ мало знакомо съ дъйствительнымъ положеніемъ любого дёла, ввёреннаго какой-либо администраціи, что тотчасъ склонно преувеличивать все, и разумбется — преувеличивать въ дурную сторону. Но, спрашивается, можеть ли общество мначе поступать, если доступныхъ ему данныхъ для върнаго сужденія о дёлахъ, о замъчательнёйшихъ, рёзко выдающихся фактахъ внутренней жизни такъ мало, если эти данныя являются уже послё того, какъ частные слухи успёли все преувеличить, а иногда и дёйствительно извратить? Вспомнить, для принёра, что о чумё въ астраханской губернін вся Россія узнала съ достовёрностью только тогда, когда чума уже стала проходить. Пересе оффиціальное изв'ящение объ энидемін въ Ветлянка было получено въ Петербургѣ 16 декабря, то-есть тогда, когда чуна была уже въ санонъ разгарѣ. Это извѣстіе и ближайшія за нинъ были весьна вратия. Первое же обстоятельное сообщение о чумъ было помъщено въ "Правительственномъ Вёстникъ" 8 января, и только изъ него именно всё им узнали, что эпидемія (чумою она такъ названа и не была) началась въ Ветлянкъ еще 17 ноября; по повднъйшнить же частнымъ навёстіямъ (см. "Голосъ", № 48), заболёванія въ Ветлянкѣ начались еще съ 11 овтября. Значить, цёлыхъ два иёсяца быль нросторь для невёрнихь слуховь, не говоря уже о томь, что болёе ибсана не принималось ровно никакихъ мъръ. Мудрене ли, что респространилось нёчто въ родё паники, и что вліянію ся нодпало не только будто бы "незрилос" русское общество, но и внолий зрълня сосъднія госудерства, которыя затёмъ пряняли ибры преувеличенной строгости, а послёдствень такой строгости будуть гронадные убытки для нашей торговын.

Казалось бы, нёть причних удивляться, что, за недостатномъ своевременныхъ, вёрныхъ извёстій, тапъ сильно подёйствовали первыя невёрныя частныя сообщенія, будто чума уже въ Царицний и даже другихъ ближайникъ въ среднимъ губерніямъ городахъ. Доназательство, что могло быть иначе, что при своевременности и отпровен-

ности свёдёній оффиціальныхъ, никакой паники бы не проязопло, представилось впослёдствіи. Министерство внутреннихъ дёлъ стало нубликовать подробныя извёстія о чумё. Въ сообщеніи, напечатанномъ въ "Правительственномъ Вёстникё" 11 февраля по справедливости уже могло быть сказано: "о всёхъ такихъ случаяхъ (случай соминтельной болёвни въ рязанской губернія), а также и о распоряженіяхъ, примёняемыхъ въ видахъ предосторожности, какъ это и дёлалось постоянно, будетъ всегда своевременно объявляемо во всеобщее свёдёніе. Министерству внутреннихъ дёлъ нётъ инкакой надобности скрывать подобные случан и распоряженія, которыя при этовъ принимаются". И дёйствительно, съ тёхъ поръ, какъ оффиціальныя извёстія стали полны, паника тотчасъ исчезла, не только у насъ, но и за-границею, прежне слухи были признаны преувеличенными. Ея не было бы и въ самомъ началё, если бы свёдёнія сначала были своевременны и полны.

Къ сожалению, нельзя утверждать, что было именно такъ. Наприибръ, въ "Правительственномъ Въстникъ", Ж 22, была номъщена телеграния астраханскаго губернатора оть 26 января, въ которой говорилось: "со вчеранняго дня въ астраханской губернін нёть уже больныхъ ветлянскою эпидемію. Такимъ образомъ, деятельность врачей и чиновъ полиціи продолжаеть сосредоточиваться на девинфекція сомнительныхъ предметовъ и примѣненіи медико-полицейскихъ мъръ". Затъмъ оцисывались самыя эти мъры: дезинфекція жилищъ, сжиганіе одежды умершихъ, изолированіе зареженныхъ домовъ и т. д. Однако оказалось впослёдствін, накъ невестно, еще нёсколько случаевъ. Но въ самий день опубликованія этой телеграммы астраханскаго губернатора въ "Правительственномъ Вёстникв", а именно 27 января, въ № 26 "Голоса", была перепечатана изъ "Уральскихъ Войсковыхъ Вёдоностей" телегранна астраханскаго же губернатора къ оренбургскому генералъ-губернатору еще отъ 6 января, въ которой сообщалось буквально, что "всё заболёвшіе этой болёзныю умерли и со вчерашняго числа (т.-е. съ 5 января) больныхъ уже нёть въ астраханской губернін, въ настоящее время дезинфицируются дона, дворы и веобще все то, что можеть быть предметонъ онасенія" и т. д. Итакъ, еще за три недели до донесения астраханскаго губернатора 26 января о прекращении эпидении, онъ же сообщаль въ Оренбургъ, чте больныхъ эпиденіею уже вёть и говориль о мёракъ по деянифенцін, вакъ и въ донесенія 26 января. Въ дъйствительности же, ему пришлось сообщать о дальнёйшихъ случаяхъ заболёванія не только послё 6 января, но и кослё 26 января.

Напоминаемъ объ этомъ вессе не съ цёлью вниять кого-либо. Сама висная администрація поздно узнала о д'йёствительномъ характеръ и разибрахъ эпидемін, а когда узнала, то тотчасъ приняла ибры во всякомъ случай энергическія, хотя и не создавшія, за недостаткомъ военныхъ сняъ и общирностью губернін, дійствительнаго кордона. Но во всемъ этомъ проявились только слишкомъ знакомыя намъ явленія: слабость, несамостоятельность мёстнаго общественнаго управленія, склонность мёстной администраціи онасаться болёе всего самыхъ опассній, практика "благополучнаго обстоянія" до тёхъ поръ, пока не послёдовало свыше соотвётственныхъ распоряженій. Въ этомъ ничего нётъ новаго, кромё самой чумы, а потому удивляться возникией вдругъ паникё, а тёмъ болёе относиться къ ней съ раздраженіемъ, рёшительно не было основаній.

Между тёмъ, мы видимъ, что такое удивленіе и даже раздраженіе въ нёкоторыхъ административныхъ кругахъ проявились. Такъ, одесскій градоначальникъ, генералъ Гейноъ, въ рёчи произнесенной имъ при отврытіи комитета о народномъ здравін, поставнять панику въ вину земству и городамъ. "Земства и города" — сказалъ генералъ Гейнсъ. "нивышіе тысячи (?) полноправныхъ способовъ умыться, почиститься и стать благообразными, принялись вричать карауль! Этоть крикъ проязлился преувеличеннымъ эхомъ но Россіи и въ еще болёе карриватурномъ видё отдался на Западё. На помощь потерявшимся постпина иль обычная нянька. Правительство рёшно"..... и т. д. Положниъ, нельза не согласнъся съ темъ, что, хотя и далево не по всёмь отраслямь общественной деятельности, наши земства и города достаточно полноправны, но по очистий нечистоть они диствительно имъють если не "тысячи полноправныхъ способовъ", то все-таки достаточную вожнетентность, чтобы "умыться в почиститься". Но и въ этомъ дёлё нельзя же игнорировать оказывающійся иногда недостатовъ средствъ. Когда большан половина земскихъ средствъ обращены на расходы обязательные, а неъ необязательныхъ расходовъ нанбольшій по необходимости вызывается вароднимъ обученіенъ, для котораго сано государство содержить тольке инспекторовь и нёкоторое число образцевыхъ школь, то ножеть случиться, что недоствоть средствъ даже и на то, чтобы "почиститься" въ надлежащей ибрё, не говоря уже о токъ, что на самую чистку нужен еще разныя утвержденія. Когда въ столицахъ и большихъ городахъ расходъ города на одно содержаніе полнцін таковъ, что оть говода требуется даже меблировка доновъ для начальства, а пожарная команда заводить себѣ орвестръ, и городской бюджетъ ежегодно заключается дефицитомъ, то хотя и нельзя отрицать, что полнонравные способы для достаточной очистки у горедовъ существують, но нельзя и утверждать, будто у нихъ есть "тысячи" такихъ способовъ, ибо

"способи" въ концё-концовъ сводятся на "средства", которыхъ не инъется по крайней мёрё въ излишествё. Генералу Гейнсу, какъ долголътнему жителю Петербурга, гдё онъ занималъ постъ директора департамента общихъ дѣлъ менистерства путей сообщения, не кожетъ не быть хотя нёсколько извёстнымъ примёръ въ этомъ отношения самого Петербурга. А примёръ столицы могъ бы послужить лучнимъ возражениемъ противъ его сѣтований на провинціальное зеиское и городское самоуправление.

Но тъть не менžе, одесский градоначальникъ произнесъ въ комитетъ здранія, по поводу вопроса объ очистий, настоящій обвинительный приговорь надъ самой способностью русскаго общества въ самоуправлению. "Что сделали", — говориль онь, — "земства и города изъ очрожныхъ правъ, ниъ дарованныхъ? Вы знасте, какой отвёть нужно дать на этоть вопросъ. Вы изволите знать, что большинство городовъ и не 2010нао, в не умњао пользоваться этими правами; ния этимъ городанъ-легіонь; вы чувствуете также, что, вийсто практически-полезной работы, мы стали витать въ надаввадномъ мірв. Въ некоторихъ ибстахъ такъ называеные (?) дбятели, какъ дбти, хватились за блестящее, вийсто полезнаго, за отвлеченное, вийсто дийствительнаго, за игрушку вийсто дёла". Такой рёшительный приговоръ надъ обществожь, по поводу недостаточной очистки нечистоть, по меньпей изръ слишкомъ одностороненъ. Неужели же общество всегда только "не хотёло" и "не умёло" пользоваться огромными правами. и не было ли бы справедливе прибавить къ этимъ двумъ глаголамъ хоть въ видъ дополненія третій: а иногда и "не могло", и оговорить, что правъ "огромныхъ" не можетъ существовать отдёльно по какойлибо отрасли, хотя бы то по очистив.

Смислъ тёхъ обвиненій, которыя заключаются въ томъ, будто земскіе и городскіе дёятели стали "витать въ надзвёздномъ мірё", "кватились за блестящее и отвлеченное", вмёсто "полезнаго", намъ уже совершенно не ясенъ. Въ чемъ же состоитъ, гдё находится та сфера "надзвёзднаго міра", то "блестящее и отвлеченное", въ которомъ стали витать или за что хватились земства, вмёсто того, чтобы "умыться?" Намъ кажется, что самыя эти обвиненія вращаются въ сферё слишкомъ надзвёздной и отвлеченной. Откровенно признаемся, что генералъ Гейнсь имѣгъ полную возможность наблюсти въ нашихъ нравахъ гораздо болёе реальные поводы для обвиненій: онъ могъ упрекнуть общество въ стремленіи въ легкой наживё, въ составленію себё состоянія во что бы то им стало и указать въ этихъ порокахъ одно изъ больныхъ мёсть всей нашей дёятельности, вредящее успёху не только общественнаго, но и всякаго дёла. Это обваненіе было бы гораздо реальнёе и доказательнёе предъявленныхъ

генераловъ Гейнсовъ. Но оно все-таки не объясняло бы всего. Нравы отвываются не только въ общественномъ управления. Чтобы указать на примёръ, получившій право гражданства въ печати, достаточно напомнить о судебныхъ дёлахъ по снабжению армия, вняванныхъ войною. Но прим'тровъ можно бы, конечно, привесть очень много, но разнымъ вёдоиствамъ. Во всякомъ случаё, ни реальные пороки, ни призрачное "надавьзаное витаніе" вовсе не представляють спеціальныхъ условій собственно земской и городской діятельности. Эти спеціальныя условія могуть быть найдены только въ спеціальныхъ же чертахъ самаго устройства земсной жизни и созданныхъ ниъ условий. И моралнсть, обращающійся ко всему обществу съ нравственнымъ осужденіенъ, какъ бы онъ самъ лично ни былъ компетентенъ для произнесенія такого приговора, какъ бы высоко ни стояль надъ условіями, о которыхъ мы говорили, не долженъ быль бы упускать ихъ изъ виду, если хотёлъ оставаться на почвё реальныхъ фактовъ, а не впадать самъ въ отвлеченность. Будемъ надёлться, что земства все-таки "умоются" и "почистятся"; во всякомъ случав нравственной невозможности въ этому для нихъ не существуеть.

Итакъ, мы признаемъ совершенно неизбѣжнымъ, что въ обществѣ распространяются иногда извѣстія преувеличенныя и мнѣнія невѣрныя, за отсутствіемъ своевременныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній.

А между тёмъ сама централизація — въ той степени, какъ она существуетъ у насъ — дазала бы всё средства предупреждать многія преувеличенныя или неточныя извёстія или мнёнія, вмёсто того, чтобы вмёнать въ виму обществу его незнаніе и неподготовленность. При нашемъ административномъ устройствё, въ центрё каждаго вёдомства сосредоточиваются свёдёнія о всемъ, что только происходитъ въ странё. Если и бываетъ иногда, что свёдёнія эти запаздываютъ, то все-таки, въ концё-концовъ, они являются и служать матеріаломъ, изъ котораго, въ связи съ данными о дёятельности центральной администраціи, и составляются по каждому вёдомству ежегодные отчеты. Публикованіе этихъ отчетовъ въ возможной полнотё служняо бы именно въ ознакомленію общества съ дёйствительнымъ положеніемъ дѣтъ, съ предположеніями правительства, съ практическими послёдствіями введенія того или другого узаконенія, той или другой мёры.

Мы давно примяли за правило знакомить читателей съ двятельностью тёхъ вёдомствъ, которыя публикуютъ свои ежегодные отчеты. Мы ожидали, что этотъ матеріалъ съ году на годъ будетъ все умножаться. Но давно уже не замёчается никакого успёха въ этомъ отношеніи. Такъ, министерство финансовъ не печатаетъ никакого от-

чита о своихъ дъйствіяхъ, довольствуясь опубликованіенъ отчета государственнаго контроля, финансовой росянси и свёдёній о поступленіи сборовъ. Министерство юстиція издаеть только сводъ уголовной статистики, но не отчеть о своихъ нредположеніяхъ и мёракъ; ивнистерства военное и народнаго просвёщенія, а также вёдомство скатъйшаго синода, публикують свои отчеты въ извлеченіяхъ. Министерства же внутреннихъ дёлъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія не издаютъ и извлеченій. Между тёмъ но всёмъ этимъ тремъ вёдомствамъ — и въ особенности по первому — должна быть имсса самыхъ цённыхъ и интересныхъ свёдёній объ общихъ и . иъстнихъ нуждахъ, о предположеніяхъ и послёдствіяхъ принимаемыхъ мёръ. Въ прежніе годы еще можно было находить въ "Правительственномъ Вёстникѣ" довольно часто нёкоторыя свёдёнія и отчети по отдёльнымъ частямъ. Но въ послёдніе годы количество такихъ извёстій въ оффиціальной газетѣ значительно уменьшивлось.

Съ своей стороны, мы никогда не отступали отъ принятаго нами намёренія и ежегодно анализировали всё главные правительственные документы, въ которыхъ излагается цёльная дёятельность какой-либо изъ главныхъ частей государственнаго управленія, а изъ-за этой дёятельности хоть въ неясныхъ, блёдныхъ чертахъ выступаетъ картина самой народной жизни.

Къ числу такихъ, ежегодно избираемыхъ нами для бесёды съ читателями документовъ относятся извлеченія изъ отчетовъ по духовному вёдомству. Надо отдать ему справедливость, иризнавъ, что издаваемыя имъ извлеченія полиёе, чёмъ по инымъ вёдомствамъ. Если и въ отчетё оберъ-прокурора святёйнаго синода недостаетъ многаго, даже "главнаго", — недостаетъ свёдёній о томъ, какъ въ дёйствительности живетъ наше сельское духовенство, и соображеній о томъ, что могло бы поднять и оживить дёятельность всего нашего духовенства, такъ чтобы оно въ нассё народа явилось въ самонъ дёлё просвётительной силой, а въ образованномъ обществё пріобріло правственно-законное вліяніе, — то въ этомъ вина не отчета, конечно. Въ отчетъ входятъ только свёдёнія о томъ, что дёйствительно преднолагается предпринять, что относится къ признаннымъ и поставленнымъ уже на очередь вопросамъ или къ послёдствіямъ мёръ, уже осуществивнийся.

Къ сожалёнію, мы должни сказать, что съ каждымъ годонъ отчеты по духовному вёдомству становятся все суше и отвлеченийе. Главное мёсто въ нихъ завнимають один свёдёнія о миссіонерской дёятельности, объ окончанія реформъ, предпринятыхъ еще лётъ десять тому назадъ, и затёмъ общіе отвывы о резностномъ и неускиновъ исполненіи православной церковью священнаго ся прязванія, о благихъ увёщаніяхъ, обращаемниъ архичастырями въ духовенству и міру, о твердости русскаго народа въ върв отцовъ и его усердія къ церквамъ и монастырямъ, выражающенся обильными приношеніями. Мы не считаемъ себя въ правё предлагать какія-либо формальныя рёшенія по вопросамь не только о духовно-административновъ устройствъ, но даже о самовъ бытъ духовенства. Однако духовенство въ Россін, несмотря на законъ, вышедшій десять лёть тому назадъ, еще сохраняетъ исторически усвоенное имъ себѣ значеніе цёлаго сословія въ государствё, -- сословія довольно иногочисленнаго и имъющаго особое право на уваженіе, уже хотя би по той степени образованности, какою оно отличается оть всёхъ прочниъ сословій, вроив дворанства и персонала такъ-называемыхъ "свободныхъ профессій". Мы не можемъ не интересоваться условіями быта сословія, состоящаго изъ сотни тысячь семей. Если бы православное духовенство представляло только монашескую армію, какъ духовенство католическое, въ которой особенности призвания и отношения въ јерархів отзываются только на самихъ священнослужащихъ, то вопрось объ ихъ бытё сводился бы только на вопрось объ условіяхъ извёстной карьеры. Если бы духовенство православное, какъ протестантское, вполнё сливалось съ обществомъ, составляя только извёстное число семей, кормящихся одною изъ либеральныхъ профессій, то не было бы повода интересоваться нить въ отдёльности, валь нёть повода изслёдовать особо быть семей докторовъ, чиновниковъ, художниковъ, адвокатовъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ духовенство семейное составляетъ именно отдѣльное сословіе, — сословіе, значительно отчуждейное отъ другихъ и представляющее сотни четыре тысячъ существъ, на важдомъ изъ которыхъ—будь это женщина или ребеновъ—отзываются всё главныя условія самаго устройства духовной среды, церновные законы и правила, обособленность отъ народа и то снеціальное отношеніе, въ которомъ духовенство стойтъ въ народу.

Возъмемъ нёкоторыя цнфры только-что вышедшаго отчета прокурора святёйшаго сннода за 1877 годъ. Въ Россін имёется 532 монастыря, т.-е. безъ всякаго сравненія больше, чёмъ университетовъ, гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ, вмёстё взятыхъ, которыхъ число доходитъ всего до 363, то-есть до двухъ-третей числа обителей. Въ 532-хъ монастыряхъ находится около 10¹/₂ тысячъ мужчинъ и 16-ти тысячъ женщинъ. На особенное значеніе, какое имёютъ у насъ женскіе монастыри. указываетъ уже тотъ фактъ, что хотя ихъ вдвее меньше, чёмъ мужскихъ, и они, сравнительно, менёе богаты, — однако въ нихъ номёщается большее число душъ, чёмъ въ монастырихъ мужскихъ. Но

хроника. ---- внутренние овозрание.

далёе, на ту же особенность намекаеть еще распредёленіе живущихъ въ монастыратъ по категоріанъ. Въ то время, какъ въ мужскихъ ионастыряхь почти на 6-ть тысячь монашествующихь состоить до 41/. тысячь послуженновь, въ монастырахъ женскихъ чесло послушницъ горездо болбе, чёмъ вдвое, превышаеть число монахинь, а именно: нонахинь всего 4¹/, тысячь, послушниць же — болёе 11⁸/4 тысячь душъ. Изъ этого довольно ясно, что наши женскіе конастыри въ эначительной степени имбють значение приотовъ для женщинъ, не находящихь работы, и для сироть. Этоть фавть слёдуеть принять къ свёдёнію тёмъ неь свётскихъ людей, которые склонны относиться въ понастырямъ вообще какъ въ учреждениять безполезнымъ. Въ средъ образованной, сфера труда, доступная для женщины, еще тавъ узка и неблагодарна, а въ средъ необразованной — положение **венщаны** въ семьй еще такъ ужасно, что женскихъ монастырей--у насъ, по крайней мёрё — никагь нельзя признавать безполезными наже съ точки зрвнія общественной.

Вълаго духовенства у насъ состонтъ на лицо: священнослужителей (включая діаконовъ) до 46 тыс. чел. и 48 тыс. причетниковъ, да уволенныхъ за штатомъ по болёзни или старости обёнхъ категорій около 6.700 чел. Всего составляется итогь почти въ 100 тыс. чел., а вибств съ 26¹/, тысячами душъ монашествующихъ и состоящихъ въ послушанін-это составляеть 126¹/2 тыс. душъ. Но, оставивь теперь въ сторонѣ конастыри, мы получимъ около 100 тыс. чел. бѣлаго духовенства съ причетниками. На каждаго неъ нихъ можно положить 3 души семейства: женъ, дътей, незамужнихъ сестеръ, родственницъ вдовъ. Это составить 400 тис. душъ, составляющихъ сословіе былаго духовенства, а, включая монастыри, духовное сословіе въ Россін можно опредблить примбрно въ 426 тыс. душъ. Цифра весьма значительная и вполий оправдывающая тоть интересь, какой сама свътская печать могла бы принимать въ бытё многочисленнаго сословія русскихъ гражданъ, какъ бы ова ни считала себя нало конлетентною въ суждение о церковныхъ условіяхъ, опредбляющихъ этоть быть.

Нёть, кажется, нужды настанвать на томъ, что положение огромнаго большинства членовъ этого сослевия крайне-незавидное, что особенности его быта не соотвётствують ни предполагаемому въ этомъ сословии образованию, ни тому авторитету, какой должно было бы имъть священство. Объ этомъ было писано много и въ духовныхъ, и въ свётскихъ журналахъ, не мало толковалось—особенно въ началё. и на епархіальныхъ съёздахъ духовенства. Но изъ отчета за 1877 г., какъ и изъ предшествовавшихъ отчетевъ, не видно даже и предположения о какой-либо общей мёръ, которая могла бы улучшить быть

сельскаго духовенства. Да, дёйствительно, при сохраненія нынёнинихъ отношений между церковью и государствомъ довольно трудно н придумать такую мёру. Правда, съ понятіемъ о служенія духовнаго лица государству логично соединалась бы мысль о назначение духовнымъ чиновникамъ в служителямъ жалованья изъ казны. Но это составило бы такой расходъ, который, существуя въ виде постояннаго, быль бы слишкомъ обременителенъ для государства. Если возьменъ только цифру 38⁸/4 тыс. священнослужителей, опредбленную штатами, т.-е. значительно меньшую той, какая досель существуеть в дайствительности, и применъ размёръ жалованья въ 500 рублей, то--это уже тотчасъ составило бы для казны 16 милл. руб. расхода. А пенсін-имев ничтожныя-ихъ пришлось бы возвысить. Да и для 47 тыс. причетниковъ, положенныхъ но штату, надо было бы сдёлать чтонибудь, если требуется отибнить систему "доброхотныхъ приношеній", то-есть сборовъ за требы, которая ставить духовенство въ столь тагостное положение, устранають многихь оть самаго избранія духовной дбятельности и вредять авторитету духовенства среди народа.

Коренного изибненія въ этомъ положенін дёль можно было бы ожидать только оть предоставленія духовенству полной самостоятеляности въ устройстве его делъ. Капиталы духовнаго ведоиства весьма значительны, доходы его, въ видё свёчного, кошельковаго, кружечнаго сборовъ, сборовъ за требы, приношений въ пользу церквей и монастырей, арепдныхъ доходовъ за помѣщенія, принадлежащія монастырямъ и архісрейскимъ домамъ, -- громадны. Оверхъ того, казна отпускаеть и теперь духовному ведоиству около 10 инлл. руб. и могла бы и впредь отпускать эту сумму въ полное распоряжение духовенства. Все дёло завлючалось бы въ тэмъ, чтобы при дарованій духовенству полнаго самоуправленія, которое и можеть быть осуществлено только при полномъ отдёлении церкви отъ государства, хозяйственное самоуправление духовенства было устроено однажды навсегда на допускаемомъ православною церковью набирательномъ началь. Вся власть хозяйственная находилась бы въ рукать епархіальныхъ съёздовъ и ежегоднаго центральнаго съёзда для утвержденія церковной росписи и для выборовь такой центральной и такихъ спархіальныхъ консисторій, которыя затёмъ исполняли бы эту роснись и приготовляли отчеты для предъявленія на слёдующихъ съйздахъ. Мы убъждены, что той огронной суммы, накая въ настоящее вреня собирается саминъ духовенствонъ и получается въ итогъ всёхъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ, приношеній и процентовъ съ ваниталовъ духовнаго вёдоиства, вийстё съ 10-ти-индлюннымъ пособіемъ изъ казны было бы вполнё достаточно для без-

382 ′

біднаго седержанія не только 38³/4 тыс. священнослужителей н 47¹/₃ тыс. причетниковъ, положенныхъ по штатамъ, но и для прокорилени монашествующихъ, для обезпеченія пенсіями старцевъ, вдовъ и спротъ и для содержанія духовно-учебныхъ заведеній и церквей. Відь живеть же нынё вся масса білаго духовенства, хорошо ли, худо ли, но, главнымъ образомъ, на одии сборы съ требъ; на содертаніе причтовъ изъ казны отпускается только 6 милл. руб., изъ которыхъ, надо замётить, бо́льшая половина идетъ собственно на содержаніе православнаго духовенства въ западномъ край. А едва ли ножно сомнёваться, что если взять совокупность всёхъ остальныхъ доходовъ духовнаго вёдомства, то изъ нихъ, при болёв равномёрвонъ распредёленіи, при гласномъ для духовенства отчетё, можно было бы отнесть, за удовлетвореніемъ всёхъ нуждъ по содержанію церквей и школъ, еще весьма значительную часть въ дополненіе къ тому, что могуть давать сельскому духовенству требы.

E

1

BI:

ŗ,

U1

5:1 1 1

1

s

Исчислить этихъ доходовъ ны не ноженъ, такъ какъ не знаемъ пфры свёчного сбора, не моженъ знать съ достовёрностью доходовъ монастырей и иныхъ цифръ. Но воть тё средства, о которыхъ унонинается въ отчетахъ оберъ-прокурора: вапиталовъ и суммъ въ авбдыванін хозяйственнаго управленія сниода къ январю 1878 г. 271/2 мнля. руб., слишкомъ; изъ нихъ поступило на приходъ въ 1877 г. до 3 мнля. руб.; капиталъ попечительства о призрѣнін бъдних духовнаго званія въ январю 1877 г.-31/4 милл. руб., въ томъ числѣ около 1 инля. руб. поступило въ 1876 г.; пожертвованій отъ цервовно-приходскихъ попечительствъ 'за 1877 г. 11/2 милл. руб.; ножертвованій въ церкви за 1877 г. (кружечный и кошельковий сборъ, доходы съ имъній и опредъленныя приношенія) 101/2 милл. руб. Здёсь имбется уже цифра около 16 милл. руб. ежегодныхъ доходовъ. Присседнивъ къ ней поступленія изъ казны въ 10 инля. руб., получаенъ цифру ежегоднаго дохода въ 26 слишконъ нилл. руб.,--цифру, которая еще не обнимаетъ всего действительно поступаюцаго. Неужели же изъ такой ежегодной сунны нельзя было бы откалить накоторую часть на улучшение быта сельскаго духовенства? По всей вероятности, это оказалось бы возможнымъ, если бы богатые монастири дёлились съ бёдными, а вспоможение вазни послёднимъ получало иное назначение, если бы строилось ежегодно не по 423 новыхъ церкви (какъ въ 1877 г.), а хоть въ половину меньше, в собираемыя на это пожертвованія болье обращались на содержане цервей существующихъ, а часть стронтельныхъ расходовъ дуговнаго вёдомства относнлась бы на улучшеніе содержанія сельскаго цуховенства. Въдь въ Россин и безъ того находится уже 620 соборовъ и 38,302 церкви, да 12,408 молитвенныхъ домовъ и часовенъ,

то-есть такое число храмовъ, которое далеко превышаетъ число самихъ, положенныхъ по штату, священниковъ. Но чтобы возможно было равномёрнёе распредёлить и раціональнёе употребить огромные доходы русской церкви, ей необходимо было бы дать полную самостоятельность въ дёйствіяхъ, основавъ хозяйственное ся управленіе на началахъ избранія и гласности.

Затёмъ, вопросъ о томъ, какое вліяніе подобное выборное и гласное управленіе хозяйственными дёлами духовнаго вёдоиства оказало бы на весь порядокъ его управленія, на іерархическія отношенія, на устройство духовнаго суда и духовныхъ учебныхъ заведеній — этого мы, конечно, предусмотръть не можемъ. Извъстно только, что право опредёленія бюджета и наблюденія за его исполненіенъ представляеть собой большую силу, а потому понятно, что если бы эта сила находилась въ рукахъ большинства духовенства, въ лицѣ его выборныхъ, то и всё вообще интересы большинства его, между прочими и интересь нёкоторой личной самостоятельности, избавленія оть нынёшней забитости и приниженности какъ предъ свётскими, такъ и предъ духовными властями, были бы лучше обезпечены. Дъла человёческія, а въ числё ихъ и личныя отношенія между духовными лицами, въ весьма значительной степени зависять отъ денегь, и естественно, что если бы распорядителемъ, действительнымъ и полноправнымъ хозянномъ денежныхъ средствъ явилось большинство духовенства, а не свътская бюрократія, которая, къ тому же, избираеть епископовъ, и не нынёшнія консисторіи, которыхъ члены въ свою очередь назначаются архіереями, то, разумботся, исчезли бы епархіальный деспотизмъ и безправіе личности, а также взяточничество секретарей, т.-е. главные недуги всего устройства. Очень в' роятно, что большинство духовенства тогда добилось бы, путемъ соглашеній, и иного устройства духовнаго суда, и лучшей постановки духовныхъ учебныхъ заведеній. Все это такіе вопросы, которыхъ свётская власть успёшно разрёшить никогда не можеть, и которые одно духовенство компетентно разрёнинть путемъ внутреннихъ соглашеній. А такъ какъ церковь не можеть перестать быть церковыю, такъ какъ догматы и каноническія правила нензибнны, то самъ этотъ великій и коренной факть служнях бы надежною порукою противъ всякихъ увлеченій большинства именно въ средѣ духовной, наприибръ, противъ умаленія духовной власти епископовъ. Отношенія урегулировались бы именно путемъ обобднаго согласія. Но вёдь для соглашеній необходимо, чтобы об'в стороны, въ нихъ участвующія, чувствовали подъ собой какую-нибудь силу. Соглашеній не можеть быть, а стало быть и улучшения немыслимы, пока одна сторона дер-

384

жить въ своихъ рукахъ все, и право "вязать и разрѣшать", и право расходовать и собирать доходы, а другая имбеть только право дёдать земные поклоны и переносить эпитиміи.

Ожндать же коренныхъ улучшеній въ духовной средё оть власти свётской было бы безполевно потому, что власть свётская всегда будеть спрашивать миёнія только у архісресевь, во всёхъ случаяхъ, когда захочеть ниёнія миёнія духовныхъ. Иначе и быть не можеть, потому что иныхъ установленныхъ дргановъ управленія въ духовной средё теперь и нёть.

Мы уже видёли, во что обратился вопрось о преобразования духовнаго суда, возникий по иниціатив' св'ятской власти. Возраженія спархіальныхъ начальниковъ и консисторій заглушили этоть вопрось. Самое отсутствіе въ отчетахъ оберъ-прокурора предположеній о какихъ-либо общихъ ибрахъ къ улучшению быта духовенства доказинеть то же самое. Въ отчетахъ вопросъ этотъ разсматривается какъ ивстный, епархіальный, т.-е. могущій разр'єматься только тёми разнообразными палліативами и полум'врами, какія могуть приниматься на ибстахъ съ епархіального благословенія. Правда, свётская власть вредприняла, десять лёть тому назадь, значительныя реформы по духовному вёдоиству: отибнена была наслёдственность духовнаго сословія, духовныя училища были преобразовани, а улучшеніе бита духовенства возложено было на новое росписание причтовъ съ той основной мыслыю, чтобы совратить число духовенства и такимъ образонь сосредоточных прежнія средства въ меньшемъ числё рукь. Но досель влінніе этихъ реформъ, по крайней мъръ со стороны, не особенно ощутительно. Не буденъ и говорить о духовныхъ училищахъ, такъ какъ о нихъ судить не ноженъ. Но наслёдственность духовнаго сословія на двлё вовсе не отивнена. Духовное сословіє остаєтся обособленнымъ и сохраняеть кастовый духъ. Иначе и быть не можеть уже потому, что при нынёшвемь положенім духовенства, никто въ него не вступаетъ наъ другихъ образованныхъ сословій, а кастовый духъ поддерживается, сверхъ того, самымъ существованіемъ особыхъ духовныхъ училищъ всёхъ степеней, наченая отъ низшихъ до aragenii.

Возможно ли и удобно ли было бы устроить такъ, чтобы общее образование духовенство получало въ всесословныхъ гражданскихъ училищахъ, а духовное преподавание сосредоточивалось только въ спеціальныхъ, пизнихъ и высшихъ вурсахъ духовныхъ и цервовныхъ предметовъ — это только одинъ изъ второстепенныхъ видовъ вопроса общаго — объ отношенияхъ церкви къ государству. Хотя мы лично и склонны думатъ, что это было бы возножно и полезно, и доставило бы духовенству значительное сбережение, но мы все-таки

Токъ II.-Марть, 1879.

убъждены, что и этоть видъ вопроса могь бы быть компетентно . разрёшень только самимь же духовенствомь, по предоставления церкви полной самостоятельности. Наконець, улучшение быта духовенства введениемъ сокращенныхъ штатовъ до сихъ поръ едва ли достилнуто. Ближайщинъ послёдствіенъ этой вёры было уненьшеніе числа вакансій, а стало быть меньная доступность карьеры для молодних семинаристовь и усидение влиния консисторий, оть которыхь зависить выборь нежду вандидатами; сверхъ того, для иногназ ивра эта отразилась прямо въ уменьшение средствъ къ жизни: такъ, миогіе были уволены за штатомъ по старости, ранбе, чёмъ могли этого однаать, многію діявоны состоять нынё на нричетническихъ мёстахъ, хотя несуть службу діаконовъ и т. д. Но и въ самонъ отчете за 1877 годъ, хотя и говорится, по свидётельству преосвященныхъ, что съ сокращениемъ причтовъ и увеличениемъ приходовъ, бытъ духовенства "замётно улучшается"; но вслёдь за тёмь, виснававь еще надежду, что "въ болёе или менёе близвомъ будущемъ, съ овончательнымъ приведеніень въ д'яйствіе ноложенія 1869 года, приходское духовенство нолучить болёе достаточное натеріальное обезпеченіе", отчеть продолжаеть такь: "но въ настоящемъ его внённыя чужды еще весьма значительны и вызывають необходимость изыскивать для ихъ удовлотворенія мёстные въ самыхъ спархіяхъ способы", а эти мёстные . снособы, какъ уже замъчено-частныя паллативныя мъры.

Можно не ожидать въ болёе или менёе близвонъ времени достаточнаго обезпеченія духовенства вслёдствіе положенія 1869 г. это уясняется взъ цифръ. При церквахъ положено по штату 83,526 сващенинковъ, а состоитъ теперь на лицо 35,034. Спратинвается: когда наь приходовь выйдуть 1508 ныей состоящихь священниковь. то-есть 1 человёкь неь 20-ти, то много ли оть этого можеть улучшиться положение остальныхъ 80 процентовъ нынёшняго числя? Очень немного, конечно; положимъ хоть на одну двадцатую часть нынёшнаго дохода, при которомъ нужды духовенства самимъ отчетокъ признаются "весьма значительными". Но улучшения не можеть , послёдовать даже и въ такомъ слабомъ размёрё 20-ти процентовъ оть свуднаго содержанія. Дёло въ томъ, что главный доходъ приходскаго духовенства все-таки слагается изъ вознаграждения за требы, а меньшее число исправляющихъ требы не собереть того же дохода, какъ большее число, хотя бы приходы и были увеличены. Это -вопросъ личнаго труда. Итакъ, можно, кажется, признать, что даже и врупныя преобразованія, которыя 10 лёть тому назадъ были предприняты свётской властью въ духовной средё и которыя потребовали съ ся стороны дъйствительно иного усердія и энергін, не произвели коренного улучшения въ бытё духовенства. Такого улучшения, стало-

ХРОНИКА. --- **ВИТТРЕНИЕВ** QBOSPBHIE.

быть, и можно ожидать единственно отъ почния самого духовенства, поставленнаго въ самостоятельное коложение отдёлениемъ церкви отъ государства, причемъ законодательство, въ послёдний разъ вмёживаясь въ дёла церкви, основало бы ен хозяйственное управление на началяхъ выбора и гласности, обезпечивающихъ влиние и контроль боль; имаства.

Мы телько-что говорные о требахъ. По вашему убъядению, ворнаграждение за требы всегда останется одениъ нав главныхъ источчисовъ для содержания духовенства. Духовные капиталы, церковные локоди и пособія оть карки могли бы дать возможность назвачить всену сельскому духовенству нёкоторое желованье, не недостаточное. конечно, для удовлетворенія всёхъ его пуждъ. Вознагражденіе за требы все-таки являюсь бы необходинымъ нодспорьемъ. Но оно когло бы быть оформлено нваче, а не въ виде единичених сборовъ и даяній, которыя иногда только называются "добрехотенни". Уже въ настоящее вреня нежду духовенствонъ и сельскими обществани и ивеоторыхъ губерніяхъ производятся соглашенія о зам'яні дитнаго вознаграждения за отдёльныя требы-вазначениемы причту отъ нихожанъ опредъленнаго содержания. Въ черенговской спархи земство конотопскаго убяда положило назначить на вознаграждение луховенства за исполнение обязательныхъ требъ опредёленные оклады нать земскихъ суниъ, отъ 640 до 900 рублей на приттъ, смотря не населенности прихода, и это соглашение въ 1878 году утверждено BRCHED BRCTHD.

Мы не скрываень оть себя, что иногнах читателей ножет, уддвить, какъ нѣчто слишкомъ сиѣлос, та мнель о необходимости предоставить бельшинству духовенства управленіе войнъ ховяйствонъ духовнаго вѣдоиства, которую им старались провесть и которая представляеть телько отраженіе общаго нашего взгляда на необходимость полнаго отдѣленія церкви оть государства, въ видахъ обердной ихъ нольки. Но вѣдь им не предлагаемъ готоваго проевта, а только укавываемъ единственный путь, по которому можно достигнуть и улучненія быта духовенства, и оживленія его дѣятельности, съ освобежденіемъ ся, и устраненія изъ свѣтскаго законодательства (предмущественно — уголовнаго) многихъ обветнавшихъ законовъ, которые однако преслѣдуютъ свободу религіознаго убѣяденія.

При нынёмнемъ же устройствё трудно ожидать основного улучшенія въ бытё духовенства, возрастанія правственнаго его вдіянія на общество и авторитета его среди массы народа. Чтобы уб'ядиться въ этомъ, сто́итъ только взглянуть на рядъ ближайшихъ годовыхъ отчетовъ по духовному вёдоиству. Въ нихъ изъ году въ годъ повторяются цочта буквально тё же ожиданія и тё же инфры.

887

Въ отчетв за 1877 годъ есть только два новыхъ крупныхъ факта: окончаніе изданія священнаго писанія на русскомъ языкѣ и участіе духовенства въ подвигахъ самопожертвованія и благотворительности въ минувшую войну. Русскій переводъ св. писалія быть предиринать въ 1856 году и издавался отдёльными томани; въ началъ же 1877 года въ первый разъ издана синодомъ библія на русскомъ явыкъ въ нолновъ ся составъ. Издание сдълано было въ 24 т. экземпляровъ. и большая половина его разопилась въ первые же три ивсяца 1877 г., такъ что было приступлено во второму изданію, опять въ 24 т. экземиларовъ. Двательность духовенства въ понощь жертванъ войны выразнаась въ пожертвованіяхъ съ его стороны деньгами около 530 т. р., сверхъ собраннаго имъ съ той же цёлью особеннаго кружечнаго сбора до 70 т. р., въ пожертвованіяхъ вещами стоимостью свыше 300 т. р., въ устройства въ монастыряхъ лазаретовъ для раненыхъ и призр'вній спроть убятних, наконець, въ служение въ госпиталяхъ и санитарныхъ пойздахъ до 200 понаховъ и послушинковъ и 710ненахных и послужених. Исторія не забудеть этой заслуги, которою православное духовенство, какъ и следовало ожидать, выказало себя въ дёлё санопожертвованія въ передовыхъ рядахъ русскаго народа.

Но кроий этихъ фактовъ, и въ ныейниемъ отчете изть ничего особо-принечательнаго, ничего такого, что свидетельствовало бы о зачаткахъ оживленія въ духовной средь, что указывало бы на блазкій выходъ изъ положенія, во многихъ отношеніяхъ мало отраднаго. Для распространенія пропов'ядинчесной діятельности діялинсь преосвященными внушенія приходскому духовенству, для ослабленія расвода производились публичныя собесбдованія съ начетчиками, миссюнерское дёло ные своимъ чередомъ, а въ дёлё постройки новыхъ перквей и учреждения новых и слов и даже матеріяльнаго обезпочения духовенства главная заботливость была обращена на западный н прибантійскій края. Въ статистическихъ таблицахъ, приложенныхъ нь отчету, находниъ двѣ пнфры, которыхъ сопоставление производитъ впечатийніе въ самонъ ділів страннов. Въ таблиців о числів родив**тихся** православныхъ въ 1876 году видниъ общую цифру 3.243,165 душь, и въ таблиць умершихъ православныхъ за тоть же годъ находенъ число дётей умершихъ до 5-ти лётнаго возраста-1.320,747 душъ! Итакъ, палыя дев пятыхъ рождающихся въ Россіи дътей умирають. Общее число лиць, присоеднинившихся въ православию, ноказано въ 11,299 (въ 1876 г.-12,340). Изъ нихъ католиковъ 1339 (въ 1876 г.-1192), протестантовъ 653 (въ 1876 г.-688), уніатовъ 5 (въ 1876 г.-516), евреевъ 483 (450), нагометанъ 289 (219), язычниконъ 6088 (6728) и раскольниковъ 2491 (2539); изъ этить послед-

XPOHERA. ---- BEFTPEHHEE OBOSPBHIE.

чить присоединились на правилахъ единовбрія 501 чел. (1041 въ 1876 г.). Число народныхъ школъ, состоявшихъ при дерквахъ и монастыряхъ, было въ 1877 г.: 6321 съ 180,771 учащинися; въ предшествующень отчетё этипь цифрань соотвётствовали 6811 и 197,191. Такъ, сходныя цифры новторяются во всёхъ отчетахъ, приченъ слёдуеть замётить, что какъ цафры обращеній, такъ и цафры школь веська постоянно, хотя и слабо, уменьшаются, а не возрастають. Исключение представило, конечно, такое врупное явление, какъ присоединение нассы холискихъ унатовъ. Но этотъ фактъ уже не можеть быть отнесень въ дёятельности православнаго духовенства. Есле им замётемъ, что цёлая половена отчета (т.-е. напечатанемаъ извлеченій) посвящается именно пропагандь, т.-е. излагаеть заботы по инссіонерству среди язычниковъ и нагометанъ, обращенію раскольниковъ и иновърдевъ и построению церквей въ мъстностяхъ съ иновірческимъ населеніемъ и напомнимъ, что самые итоги обращеній съ кажднить годомъ все-таки, котя и слабо, уменьшаются, а не возвынаются, то уже это одно характеристично.

Всякое самостоятельное обсужденіе общественныхъ вопросовъ должно съ полной готовностью принимать дёлаемыя со стороны возраженія, особенно когда возраженія исходять отъ стороны компетентной и дёлаются изъ интереса къ самимъ разсматриваемымъ вопросамъ. Полемина такого рода можеть быть только полезна: она есть одна изъ лучшихъ формъ выясненія дёла разностороннимъ освёщеніемъ его. Такой случай представляется намъ на этотъ разъ, по поводу высказанныхъ нами взглядовъ на отношенія церкви къ государству.

Недавно вышла книга: "Историческіе, критическіе и поленическіе оныти" эвстр. профессора петербургской духовной академія г. Барсова. Часть поленическихъ статей почтеннаго профессора посвящена айсколькимъ нашимъ ,внутреннимъ обозрѣніямъ". Статьи профессора вомѣщались первоначально въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ, и, къ сокалѣнію, не доходили до насъ во время своего появленія. Только генерь, когда онѣ явинсь въ видѣ книги, намъ удалось прочесть ихъ, и мы прочли ихъ съ тѣмъ винманіемъ, какого заслуживаютъ сужденія лица компетентнаго. Г-нъ Барсовъ въ самомъ предисловіи амѣчаетъ, что тѣ предметы, по которымъ его мнѣніе расходится съ нашимъ, "ближе ему и знакомѣе", чѣмъ намъ. Мы такъ далеки отъ мысли присвоивать не только лично себѣ, но и всѣмъ свѣтскимъ яксателямъ вообще, какую-либо компетентность въ вопросахъ собственно духовныхъ, включая сюда все имѣющее характеръ каноническій, что всѣ наши разсущенія даже о бытѣ духовенства и его внутреннемъ ноложенін всегда высказывались въ формѣ условной, ниотетической. Но замѣчательно, что нашъ оппонентъ возстаетъ противъ насъ вовсе не по такниъ вопросамъ, которые ему дѣйствительно доляны бытъ "ближе и знакомѣе", чѣмъ намъ, а наоборотъ—по такниъ вопросамъ, которые, если предположить между ниъ и нами сисціализацію знаній, должны быть ближе и знакомѣе именно намъ, а не ему.

Это-тв вопросы, которые вызываются мыслыю о преобразование соптскихъ законовъ въ интересахъ государства. Мы инкогда не браинсь разсуждать о томъ, напримёръ, какъ лучше было бы устроить духовную іерархію, насколько правила церкви требуютъ сокранения консисторскаго суда, и если касались разсуждений о подобныхъ вопросахъ въ печати свётской, то единственно съ цёлью намомнить, что въ рёшении вопросовъ этихъ компетентно лишь само духовенство. Все преобразование, котораго пользу для церкви им положительно утверждали, заключалось единственно въ предоставление ей большей независимости, и по возможности даже полной самостоятельности. Въ этомъ ли можно усмотрёть вторжение въ ту сферу, гдё им не компетентны?

Правда, такъ какъ при этомъ мы должны били, именно на основанін нашей вёры во внутреннюю силу церкви и ся полную компетентность въ самоуправлению, высказывать убъждение, что ей была бы полезна такая полная самостоятельность, то г. Барсовъ могъ поймать насъ на этомъ, и въ самомъ такомъ отзывѣ усмотрѣть все-таки мірское, т.-е. некомпетентное сужденіе о пользахъ церкви, могъ отвётить намъ на это ссылкою на виргилевское Timeo Danaos,--онъ такъ и сдёлалъ. Но-или логика у насъ различная, или намъ не удалось взанино понять смысль своихъ словъ. Если бы г. Барсову удалось убёдить насъ, что наше инёніе о пользё для церкви полной сапостоятельности, пользё освобожденія оть подчиненія государству всёхъ ся отправленій, начиная оть мельнхъ и кончая самыми крупными, и не исключая даже вопросовъ о культъ (какъ-то: почитанія новыхъ чудотворныхъ иконъ и угодниковъ), ошибочно, и что, наоборотъ, полная самостоятельность для церкви была бы вредна,-въ такомъ случав онъ именно поколебалъ бы въ насъ впервие убвядение, что только одна церковь и компетентна въдать свои дъла. И вотъ тогда-то именно мы уже и отважились бы, съ гораздо большей рё-ШИНОСТЬЮ, ЧВИЪ НЫНВ, ИЗЛАГАТЬ СОБСТВОННЫЕ ВЯТЛЯДЫ НА САНЫЕ ВИУтренніе вопросы, касающіеся духовной среды. Во набіжаніе повыхъ недоразумёній, ны повторимъ эту мысль въ изложенія нёсполько вульгарномъ, для полной наглядности. Именне потому, что им не признаемъ мірянъ и мірской элементъ вообще (государстве) способными из рёшенію духовныхъ и церковныхъ вопросовъ, ны говорили:

890

ванъ и вниги въ руки; возъмите ихъ и рёшайте свои дёла на полной свободё, безъ всякаго подчиненія міру; въ этомъ ваша и наша польза. Но профессоръ духовной академін, которому эти вопросы "блине и знакомёв", чёмъ намъ, говорить: "съ чего авторъ взяль парализующее дёлтельность духовенства вліяніе государственной власти?.. Солидарность церкви съ государствомъ сложилась у насъ исторически, гармонируеть съ общимъ строемъ русской жизни, обособление церкви отъ государства, рекомендуемое ей непризванными доброжелателями, ничёмъ рёмительно не вызывается, какъ тольке досужею прихотью людей, рабствующихъ культурѣ Запада, и не жезающихъ инчего знать о прирожденномъ характерѣ русскаге народа и основныхъ условіяхъ русской жизни. Тітео Danaos et dona ferentes".

Воть гдё всегда у насъ оказывается пригодною ссылка на "прирожденный характерь русского народа" и "основныя условія русской жизни". Заговорите о свобод в какой-либо русской же самобитной народной силы, хоть о свободъ церкви, о свободъ совъсти, и вась же назовуть "рабствующинь"--хотя бы только культур'в Завада. Защещать самостоятельность церковной жизни, свободу проповёдинческаго слова въ Россін, это, какъ оказывается, значитъ "рабствовать". Говорить, что такая свобода была бы полезна для церкви -значить быть "непризваннымь" доброжелателень; это значить: ны не инбень права дунать, что церковь сама лучше кого-либо устроила. бы свои діла. Но відь туть есть коренное противорічне, г. профессорь. Или общество, какъ "непризванное" судить о польсахъ церкви, даже о пользё для нея свободы, не можеть тёмъ паче вліять на цервовь въ лицё государства; или, если это подчинение государству нолезно для церкви, если она безъ свётскаго руководства обойтись не можеть, даже въ дёлахъ, которыя ей "ближе и знавонёе", въ такомъ случай "непризванныхъ" къ суждению о дёлахъ ся и быть не ножеть: нее, о чемъ государство комнетентно ранать, о темъ общество-н ны въ среде его-призвано разсуждать.

"Обособление церкен отъ государства", говорить г. Барсовъ, мичелез рённительно не вызывается, противно "прирожденному характеру русскаго народа и основнымъ условіямъ русской жизни". Но, во-первыхъ, вёдъ и объ освобожденім крестьянъ, и о свебедё печати, и о равенствё передъ уголовнымъ вакономъ мужнка съ бариномъ у насъ говорилось въ свое время то же самое, а именно, что все эте можетъ битъ хорошо тапъ, на Занидё, но не согласно съ особевностями русскей жизни, цотория, возманному, вообще дёлаютъ нежелательнымъ независимостъ и полноправность чего и кого би те ни было въ Россів. Вёдь и мисль о земскихъ учрежденияъ, т.-е. о

поручения гражданскому обществу завёдывать мёстными хозяйственныме дёлами, осли бы была высказана 30 лёть тому назадь, была бы объявлена плодомъ "досужей фантавін" людей, преданныхъ обожанию Запада. Во-вторыхъ, нивлъ ли нашъ ночтонный противникъ основание свавать, что предоставление цервви полной независимости ничных у нась не вызывается? Развё ему нензвёстно, что духовные доходы распредёляются у насъ врайне неравномёрно; что для серьёзнаго улучшения быта сельскаго духовенства еще и не предвидится средствъ; что приходская проповёдь подъ вліяніенъ цензуры не представляеть живого интереса ни для общества, ни для самихъ проновёднивовъ; что дёятельность нынёшнихъ консисторій могла бы только выиграть даже оть всякой рёшительной неренёны, во ченъ бы эта переивна ни заключалась; что люди изъ образованныхъ сословій никогда не пойдуть въ духовенство при нинбишей двойной его зависимости, а стало быть и связь между духовенствоить и обществоиъ не установится; что нравственное вліяніе духовенства не возрастаеть. Конечно, все это профессору Барсову извёстно. Какъ же онъ могь утверждать, что предоставление перкви полной самостоятельности, освобождение са отъ подчиненнаго положения, мыслимыя именно только при обособлении ся отъ государства, у насъ "ничтиъ" не вывываются?

"Когда цереви предоставлена была би независниость отъ государства, когда въ ней возникла бы дбятельная жизнь и самостоятельная сняя, она могла бы исполнить свою священную миссію, путекъ нравственнаго вліянія на юношество, образованное общество н нассу народа, съ гораздо болёе вёрнымъ успёломъ, чёмъ тотъ, накой могуть обусловливать для нея искусственныя свётскія мёры въ употреблению ся вліянія съ цёлями благоустройства". Такое миёніе выражено было нами по поводу поставления на видъ низшему духовенству, между прочниъ, противодъйствія вреднымъ ученіямъ. На это профессоръ Варсовъ возражаетъ вопросонъ: "что можетъ пренятствовать духовному лицу нийть нравственное вліяніе на цаству, когда оно, кроит своего духовнаго авторитета, имботь еще авторитеть дание в солнавные солнарные со властью пражданскою?" На этотъ вопросъ мы отвёчать пространно не моженъ, но отвётныъ съ достаточной удовлетворительностью ссылков на ст. 9 и 12 устава духовныхъ консисторій (изд. 1852 г.) о проповёдяхъ, на параграфы 9, 10 и 11 духовнаго регламента 1721 года объ исноведи.

Но, наконецъ, надо же имъть въ виду не одни интересы духовенства, а также и интересы государства. Профессоръ Барсовъ становится и на эту точку и съ нея также возражаетъ противъ раздъленія церкви и государства. Онъ говоритъ, что и съ точки зрънія государственнаго блага нельзя, послъ безусловной и безконтрольной

онеки надъ народонъ, "совершенно бросить народъ на пренвволъ судьбы, въ дълъ его духовной жизни". Подъ этимъ предоставлениемъ варода на произволъ судьбы онъ разумбеть защищаемую нами всегда мысль объ устранения неъ свётскаго завонодательства всёхъ постановленій харантера в'вроисцов'яднаго, то-есть какъ о престукленіяхъ противъ религіи вообще, такъ и карахъ за отнаденіе отъ православія, небытіе у причастія и т. н. Но, из сожалёнію, авторъ ве приводить въ доказательство своего возражения никакизъ фактовъ, проий анендота о томъ, что въ какомъ-то ийстечий раскольничья пронаганда сдёлала быстрые успёхи вслёдствіе ноявленія въ нечати "описанія нікоторыхь раскольническихь сочиненій" А. В. Раскальники, изволите-ли видёть, вообразныя, что эти буквы означали слова: "Аленсандръ Благословенный". На этомъ основания гиз Барсовъ разсуждаеть такъ: "Издайте законъ о полной вёротеринности, и найдется не нало такихъ проставовъ, которые пойнуть этоть законь не какъ факть безразличного отношенія правительства въ дёланъ вёры, а какъ прямое одобреніе ниъ раскода и другихъ сектъ, какъ фактъ признанія превосходства ихъ надъ православіенть и сколько будеть совращеній..." и т. д. Да позволить намъ вочтенный профессоръ замётить, что такое возражение слишкомъ слабо противъ приведенныхъ нами доводовъ въ пользу гражданскаго уравненія цілой четверти великорусскаго народа. Відь и противъ освобождения крестьянъ отъ власти помъщиковъ можно было возражать оснавою на опасность "слишкомъ крутого перехода", на долговременность безусловной оцеки, на невёжество народа, который въ освобождении и надёлё могъ бы увидёть вызовъ въ совершенному отвазу крестьянъ работать на пом'ящичьей земл'я и даже въ присвоению себё этой земля, а по меньшей мёрё-къ повсемёстнымъ потраванъ, порубкамъ и всякимъ захватамъ. Вёдь и передъ освобожденісять крестьянть многіє разсуждали точно такъ, какъ разсуждають тенерь профессоръ: дайте сперва народу образование, "школъ, школъвоть чего нужно прежде всего русскому народу!"

Не мы, конечно, станемъ спорить протявъ необходимости скораго созданія школъ для народа, такъ чтобы сдёлалась возможною обязательность обученія, которой желаеть г. Барсовъ. Если бы тёмъ духовнымъ журналамъ, въ которыхъ онъ помёщалъ свои возраженія намъ, удалось склонить хоть, начальство духовнаго вёдомства къ ходатайству передъ министерствомъ народнаго просвёщенія о серьёзвочь почниё государства къ умноженію народныхъ шволъ (а не однихъ инспекторовъ), то это вполиё соотвётствовало бы всегдащнему нашему убёжденію. Но мы готовы спорить, и даже прамо отвергаемъ всякія ссылки на неразвитость русскаго народа, дёлаемыя съ цёлью доказать несвоевременность правнанія за нимъ человёче-

скихъ правъ, изъ которыхъ первынъ, послѣ правъ на свой трудъ, на свое твло, является право на свою совйсть. Никогда им не донустимъ, что государственное благо требуеть запрещать раскельникань отронть молельню наь опасения, что каней-инбудь православный, из силу своей неразвитости, усмотрить въ открыти раскольничьей полельни прямое правительственное одобрение из совращению въ расволь, и признание превосходства раскола надъ православиемъ. Видь въ то время, когда доминиканцы, при помощи государственной власти, жгли въ Испаніи сретиковъ, ревнители натоличества также могли разсуждать, что месса была слинкомъ еще неразвита для свободи совёсти, что въ отмёнё никвизиція народъ уснотрёль бы признаніе самних правительствомъ превосходства среси надъ правозбрісить, и что прежде требовалось бы "школъ и школъ (съ духовнынъ пренодаваніень въ нихь, конечно), чёмъ бросить народъ на произволь судьбы". Все это — чиствяние софизиы, вдобавовь софизиы рутницие, спровергнутые уже и тёми преобразованіями, какія у нась сдёланы для освобожденія и уравненія неразвитыхъ крестьянъ съ прочими граж-ISHAME.

Уважаемому нашему собесёднику — которому им весьма благедарны за его внимательное разсмотрёніе нанинкь статей и добросорестное въ нимъ отношение - очень не нравятся, что им тв на русскихъ ваконовъ, которые исходять изъ чисто-клерикальныхъ воззрёній, такъ прямо и назвали клерикальными. Онъ запёчаеть, что это-"страшное обвинение" и затвиъ спраниваетъ, гдъ же у насъ "оппозиція духовенства гражданскому правительству и хотя бы простое его участіе въ гражданскихъ дёлахъ?" Но здёсь авторъ нісколько сившиваеть вещи совсёмъ различныя. Опнознцій духовенства у насъ действетельно нёть. Но клерикализиъ заключается ве въ оппознцін, а въ тёхъ цёляхъ, съ которнин она дёлается. Оннозиція правительству, какъ извёстно, бываеть и не-клерикальная. Оппознијя же католическаго духовенства явилась въ тёхъ странать, гдѣ правительство отмѣнило подчиненіе свѣтскаго закона клерикальнымъ, вёронсповёднымъ требованіямъ. Положниъ, что у самой ръшительной, самой непримиримой изъ клерикальныхъ оппозицій на Западѣ им спросили бы: чего вы требуете отъ гражданскаго завона? Требуете ли вы, чтобы онъ полагалъ ссылку въ каторжныя работы и на поселеніе, съ лишеніенъ всёхъ правъ состоянія, за такія дівнія, какъ: "отвлеченіе и отступленіе оть вірн, и оть постановления церкви, за среси и расколы". Конечно, эта партія отвётнла бы намъ: нъть, и даже выказала бы изумленіе перель нашимъ вопросомъ. А ин приглашаемъ г. Барсова взглянуть на таблецы оффиціальной уголовной статистики, напр., хоть за 1874 годъ; тамъ, подъ рубрикою названныхъ сейчасъ преступленій, онъ найдеть

но "плоды досужей прехоти", но оффеціальное себдёніе о жниль мести человёкахь, понесшихь приведенныя тяжкія кары.

Спросниъ западнихъ влериналовъ: требуете ли вы, чтоби гращданскіе законы запрещали воздантать еретическіе (навр., протестанискіе) престолы, нечатать и продавать сретическія вниги, постановляли бы ихъ конфискацію, полагали бы правило: "вто откроетъ споры, противные правовѣрію, на того безъ суда наложить иолчаніс?" Вападные, самые энергическіе влерикалы отвѣтять намъ: нѣтъ, им этого не требуемъ, потому что не виднить возменности этого требовать. А мы отонлент г. Барсова въ статьямъ 60-77 св. зак. гражданскихъ, т. XIV (уст. о предупр. и пресѣч. преступленій).

Итакъ, спращивается, какая же нужна влерикальная оппосиція, вогда самъ существующій фанть оставляеть далево повади себя всё, саныя крайнія требованія клерикальной оппозиція на Занад'я? Вёдь вогда существовала инквизиція, клерикальной онновиція также не было. Или г. Варсовъ сважетъ, что испанская государственная виконзиція но была учрежденісиъ характера клерикальнаго? Факть, что у насъ всего лёть 7 тому назадь 10-15-ти-милліонное русское nacenetie, B' CELY BITISKA BA HELO KAR'S BA OPOTHBOB'S, BOBCE HO пользовалось гражданскими правами, огульно признавалось но закону незаконнорожденною и живущею въ прелюбодёлнін, также ли не показываль влерикальнаго харавтера завона? Г-из Барсовь ссилается на духъ терпиности, свойственный православию, увёряеть, что въ нашихъ законахъ нётъ ничего клерикальнаго, а есть только "нёчто своеобразное русское, плодъ исторнчески-сложившейся всегданией солндарности церкви съ государствоиъ, далеко не столь влокачественный" и т. д. Но легче ли оть этого твиъ ивсколькнить людянь, которые ежегодно присуждаются налими судани, на основания прежнихъ законовъ, къ каторгв и поселения за "религіозныя преступленія", и твих 10-15 милліонамъ раскольниковъ, т.-е. русскихъ протестантовъ, которымъ запрещается и ностройка молелень и даже всякое "наружное оказательство ить вёры"? Нёть, Россия необходимо не услинять себя отъ правственныхъ завоеваній всего челов вчества, ссылаясь на какую-то "своеобрезность", а окончательно включить себя въ кругъ странъ культурныхъ, давно признавшихъ и неприкосновенность личности, и неприкосновенность сов'ясти, какъ основныя черты благоустроеннаго общества.

Съ 20-го марта (1-го апрѣля) у насъ еще понизится ночтовая такса инсьменной корреспонденція, и вмёсто восьми-будетъ взиматься семь копёсть за простое инсьмо; такъ было опредёлено на

мендународномъ ночтовомъ съйздй въ Парижй, въ прониломъ 1878 году. Когда въ 1874 году введена была въ нервый разъ общая международная почтовая тавса въ 25 сантиновъ, опред вленвыхъ тогда для Россін въ 8 конфекъ, во всёхъ государстважъ носибщили понизить внутренною ночтовую таксу: такъ, наприм., въ Германін при неждународной таксё въ 20 нфен. (25 сантим.), внутренняя такса была установлена въ 10 пфен., т.-е. вдвое меньше. Только у насъ въ Россін неждународная такса въ 8 коп. осталась ц внутреннею почтовою таксою. Мы въ свое время указывали на ато обстоятельство, которое превратило всю наму внутренных морреспонденцію въ неждународную, и надбялись, что это-только временное явление. Но мы ошибались, такъ какъ въ "Празит. Вёсти.", М 34, не только объявляется о новой таксв въ 7 копвекъ, но н мотивируется необходимость сравнять неждународную корреснонденцію и внутренныю слёдующимъ соображеніемъ: новая международная такса, въ семь копбекъ, "распространится одновремение на HAMY BEYTDEEEDD RODDECHOHLEHNID ILS EDELOCTABLEHIS ZETELSML Россія значительнаго удобства, котораго не низоть жители другихъ странъ, гдъ таксы за внутреннюю и международную корреспонденцію различны, -- пересылать свою корреспонденцію по однообразной таксь по всякому направлению, какъ въ предълахъ имнеріи, такъ и заграницу". Итакъ, жители Германіи испытывають неудобство, когда, жива, наприм., въ Верлинъ, они платять 10 пфен. за письмо въ Потедамъ, и 20 нфен.-за письмо въ Петербургъ; а им, жители Россия, будень пользоваться "вначительнымь удобствонь", платя 7 конбекь н за письмо въ Царское-Село, и за нисьмо въ Берлинъ. Но сибемъ думать, что жители России не только не посётовали бы на неудобство влатить внутри страны, наприм., 4 волёйки, вийсто однообразныхъ семи, но еще возавидують "неудобству" другихъ странъ, хотя бы въ силу ноговорки: varietas nobis placet — разнообразіе нравится нанъ! Ужь если заботиться объ однообразін, то не было ли бы справедливко приравнить городскую почту съ иногородною, чёмъ приравнивать всю внутреннюю таксу къ неждународной. Быть ножеть, такому нриразниванию есть други причины, наприм., гронадность нашего нространства, но во всикоть случав оно едва ли можеть быть разсиатриваено, какъ "удобство, котораго не вибють жители другихъ странь"; при такомъ взглядѣ, слѣдовало бы и за городское письмо брать то же, что за заграничное и иногородное: это было бы самымъ большенъ удобствонъ, какинъ также не пользуются жители другихъ странъ,

396

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

⁵/17 февраля, 1879.

Сиврть Ојјивье Векайја.

Мив разсказали на-дняхъ ужасную исторію, глубово взволновавтую меня. Вёрна ли дёйствительности эта исторія во всёхъ ся подробностяхъ— не смёю утверждать. Но мий клялись, что у этой драмы есть реальная основа. Кто-то даже встрёчалъ героя за-границей. Впрочемъ, положимъ, что это и романъ. Во всякомъ случаё, это одно изъ самыхъ драматическихъ приключеній, когда-либо мною симпанныхъ.

I.

Я умеръ въ субботу, въ шесть часовъ утра, нослё трехдневной болевни. Моя бёдная жена въ это время рылась въ чемодане, вынимая бёлье, в когда поднялась и увидёла меня окоченёвшимъ, съ раскрытыми глазами, бездыханнымъ, то подбёжала ко миё, думая, что а въ общорокё, стала хватать меня за руки, заглядывая миё въ лицо. Потомъ ужасъ охватилъ ее; она отступила въ отчаянія, восклицая:-Боже мой! Воже мой! онъ умеръ!-и залилась слезами.

Я все слышалъ, но звуки доходили до меня какъ-бы издалена. Только лёвый глазъ мой видёлъ смутно какой-то бёлесоватый свёть, въ которомъ сливались всё предметы; правый глазъ былъ вполиё наранизованъ. Я больше не чувствовалъ своего тёла, не могъ нальцемъ пошевелить. Все мое существо было оковано обморокомъ, который поразилъ и сокрушилъ мена, точно ударъ грома. Воля моя уперла, ни одинъ мускулъ миё не повиновался. И среди этого омертейнія, въ моемъ неподвижномъ тёлё жила одна только мысль, иёсколько медленно и лёниво, но вполиё отчетливо работавшая.

Моя бёдная Маргарита плакала на колёняхъ передъ постелью, новторяя раздирающимъ голосомъ:

- Онъ умеръ! Воже мой! онъ умеръ!

Но неужеля же это состояніе омертвёнія, эта скованность и неводвижность тёла, въ то время, какъ умъ все еще работаеть неужели это смерть? Неужели это душа моя замёшкалась подъ череномъ, прежде чёмъ совсёмъ разстаться съ тёломъ? Съ самаго дётства я былъ подверженъ нервнымъ припадкамъ. Два раза въ ранней молодости я чуть не умерь оть горячия. Всй окружающіе меня давно привыкан къ моему болёзненному состоянию, к а самъ запретиль Маргарить появать доктора, когда, въ самый вечеръ нанно прівзда въ Парижь, слегь въ постель въ меблированной гостинницё улицы Дофинъ. Я говорилъ, что это пройдетъ, какъ проходело прежде. Надо только отдохнуть немного; меня утомело путешествіе — воть и все. Совсёнь тёнь, я быль полонь мучительной тревоги. Маргарита проведа послёдною ночь у моего изголовыя, въ сильномъ безпокойствв, и рашилась позвать доктора, какъ только наступить утро. Мы вдругь поднались изъ нашей провинции, очень бёдными людьми, съ тощимъ кошелькомъ, который едва-едва обезпечивалъ наше существовение до перваго жалованья, которое я долженъ былъ получать на ийств, добытонъ иною на государственной службѣ. Болѣзнь моя теперь разстраивала все дѣло; но надо же было лечиться. И воть вдругъ внезапный кризисъ унесъ неня въ могилу; воть я умеръ, оставивъ жену въ отчаяния и въ ужасѣ. Я ее больше не видёль, но слышаль, какь она стонала, лежа на полу, хотя не могь сказать ей, что слышу ее, не могь протянуть руки и утвинть ее послёднею лаской.

Но точно ли это смерть? Я представляль себъ болье червую ночь, болёе глубовое безмолеіе. Будучи еще ребенкомъ, я болея умереть. Такъ какъ я быль очень слабъ и всё глядёли на меня сь сожалёніемъ, то я постоянно думаль, что долго не прожнву, что меня скоро снесуть въ могнлу. И мысль о томъ, что меня зародть въ землю, новергала меня въ мучительную тревогу, къ которой я нивакъ не могъ привыкнуть, хотя она угнетала меня день и ночь. Выростая, я не разставался съ носи idée fixe. Иногда инъ казалоз, что я побёднах свой страхъ, послё долгихъ размыщаеній. Ну, что за бёда! ну, умру-и дёлу коненъ! всё когда-нибудь да умруть; нокойно, должно быть, это и удобно. И инв удавалось даже развеселяться, во мнё воскресало мужество; я готовъ быль ноглядёть въ лицо смерти. Затъкъ, вдругъ я опять принимался дрожать, холодъ оковываль меня, голова шла кругомъ, точно будто какая-то гигантская рука раскачивала неня надъ прачной бездной. Мысль о топъ, что меня законають въ землю, снова наполняла меня ужасоть в побъждала всъ разсуждения. Сколько разъ ночью я просыпался, не понимая, чье леданое дыханіе прогнало мой сонъ, и, складывая рум съ отчаяніенъ, борноталь: "Боже мой! Воже мой! надо умереть! надо умереть!" Нервный страхъ сжиналъ инв сердце, мысль о сперти представлялась мив еще ужасные подъ внечатлынемъ тревожнаю пробужденія оть сна. Я нёсколько успоконвался, когда, проснувшись совсёмъ, чувствовалъ, какъ умъ ной начиналъ работать, но засноль

я вновь съ тревогой; сонъ пугалъ меня, до того онъ пододжиъ на емерть. Ну, вдругъ я засну на-въкн! ну, вдругъ я больше инкогда не проснусь!

Не знаю, переживали ли такую муку другіе? Она отравляла мою жазнь. Смерть вставала между мной и всёма, что я любила.

Припоминал о самыхъ счастдивыхъ менутахъ, проведенныхъ много съ Маргаритой. Въ нервые дни нашего брака, когда и глидблъ на нее, когда ночью она спала вовдё меня, когда я думаль о ней, строя разлачные иланы на-счеть будущаго, ностоянно высль о роковой раздуки портила мий всй мон радости, убивала всй мон надежды. Быть межеть, намъ придется разстаться завтра, быть ножеть-черезь часъ. Страниное уныніе овладівало мной, я спрашиваль собя,-къ чену ведеть счастіе быть вийств, когда оно ненабажно должно привести въ такой жестовой разлувё. И туть воображение ное начинало увессаться печальными вартниами. Ето умреть раньше: она или я? в та, и другая возможность трогала меня до слезь, развертивая нередо-мной картину нашей разбитой жизни. Въ лучшія эпохи моего существованія я приходиль, такимь образомь, въ внезапное отчаяніе, вотораго нивто кругомъ меня не понималъ. Когда меня посётитъ. бивало, неожиданное счастіе, всё дивились моему крачному виду. А дёло въ томъ, что мысль о смерти шла на перерёзъ моей радости. Отрашное-къ чему все это?- леденило меня. Хуже всего въ этой пыткъ-то, что се переносниь не безъ тайнаго стыда. Терзаенься страхонъ смерти, не сива отврыться въ томъ нивому, ни другу, ни наже любиной женщинь. Миз приходило въ голову, что часто мужь и жена, лежа другь возлё друга, должны трепетать оть одной I TOU RE GORDHE, KOFAR CENTS HORAHEHS; HO HE TOTE. HE ADVIER HE говорять ни слова, потому что о смерти не говорять, все равно, вакь о нёвоторыхъ непристойныхъ вещахъ. Она такъ стращна, что не хочется даже называть се. Ес скрываень, какъ скрываень свою наготу. Каждый трусить про себя. Но, право, это не трусость, вотому что даже храбрые тренещуть. Ничто, вёчность - воть что слинкомъ необъятно для человъческой головы, что удручаеть се.

А думаль о всемь этомь въ то время, кань мон милая Маргарита рыдала. Мий было очень тажно, что я не могь усповонть се, сказавъ ей, что я не страдаю. Но во всёхъ другихъ отношеніяхъ я бытъ сповоенъ и даже никогда еще не размышляль я о смерти съ такой невозмутимостью. Если смерть не что иное, какъ это омертяйніе плоти, то, право, я напрасно се такъ страшился. Она била чёмъ-то въ родё эгоистическаго блаженства, счастливой неподвижностью, среди которой я забывалъ о всёхъ своихъ тревогахъ. Памить моя въ особенности стала необыкновенно ясна. Быстро вся моя жизнь

воотные ивроны.

проходная передо мной, точно зрёлнще, отнынё для меня чуждое. Диковненое и любопытное ощущеніе, забавлявшее меня! Точно какой то далекій голось разсказываль мий сказку.

Однив сельскій уголовь близь Геранды, по дорогі въ Пиріань, преслёдоваль меня. Дорога заворачиваеть, небольшая сосновая роша бевпорядочно расвинулась на скалистоиъ холив. Когда инъ было сень лёть, я ходиль туда съ отцонь въ наленькій, полу-обвалевшійся доннкъ, гдб жила сенья Маргариты,--работники, съ трудонъ перебивавніеся на сосёднихъ соловарняхъ. Потонъ я вспониналь о воллеже въ Нанте, гле я рось, запертый въ сеучныхъ четырель стёнахъ, непрерывно мечтая объ общирномъ горизонтё Геранды, о солончавахъ, разстилающихся за городомъ на необовриное простравство, и о громадновъ морй, раскидивающенся подъ небонъ. Затинъ образовался черный проваль. Отець умерь, я поступные на службу въ госпиталь; я началъ монотонную жизнь, и единственной радостью у меня было ходить по воскрессныямъ въ гости въ маленькій донивъ по дорогѣ въ Пиріакъ. Тамъ дёла шли все хуже, да хуже, нотому что соловарни ничего почти не приносили и кругомъ весь народъ обнищаль. Маргарита была еще ребенконь. Она меня очень добила, потому что я вознать ее въ телъжев. Но въ тотъ день, какъ я несватался въ ней, я догадался, что она находить, будто я дурень, такъ какъ она поблёднёла. А сама она была хороша собой, Маргарита, о! хороша, какъ царевна, съ бълокурыми волосами и большими главами. Родители тотчасъ же согласились выдать ее за меня; это раз-BASHBALO HNE DYRH. OHA TOME HE OTRASHBALACL BHATH SA NCHA SAмужь; викогда не рёнинлась бы она поперечить въ чемъ отну съ натерыю. И даже, когда она освонлась съ мыслыю стать ноей женой, она какъ будто не очень тужила объ этомъ. Въ день нашей свадбы въ Герандъ, помвю я, шель проливной деждь; когда мы вернулись домой, Маргарить пришлось снять платье, потому что оно насквозь промокло. Воть и вся моя молодость. Мы прожили такъ ийкоторое время. Я не могь продолжать моего ученья, потому что отепъ нечего инъ не оставнять. Небольшая должность, получение иною въ госпиталѣ, доставляла намъ средства въ существованію. Но воть въ одинъ прекрасный день, вернувшись доной, я увидъль, что Маргарита заливается горькими слевами. Ей скучно, ей хочется убхать. Черезь шесть ибсяцевь я скопных по грошань несколько деньжоновъ, забирая на сторонё кое-какую работншку. А такъ какъ однь старинный другь моего дона прискаль мив ивсто, то я увезь Маргариту, чтобы она не плакала. Помню, что она см'ялась, когда бхала по жолъзной дорогв. Намъ нришлось удовольствоваться третынь

400

классонъ. Ночью, такъ какъ деревянныя скамейки были очень жестки, я взялъ Маргариту къ себъ на колъни, чтобы ей было мягче спать.

Все это было проплое. И воть теперь я лежу окоченёвшій на укой кровати меблированной гостинницы, между тёмъ какъ бёдная шена моя, на полу, стонеть и плачеть. Я ничего больше не виділь; бёлесоватое патно, которое запёчаль мой лёвый глазь, омрачилось, но я особливо-помниль желтую комнату. По лёвую руку стоать комодъ; по правую каминь, и на немъ сломанные часы, безъ наятника, показывали десять часовъ и семь минуть. Окно выходило на улицу Дофинъ, темную, узкую, наполненную непрерывно стукомъ экинажей и топотомъ пёшеходовъ. Весь Парижъ проходилъ и провкиль чере́зъ нее, и отъ уличнаго стука дребезжали стекла въ рамихъ.

Мы уже три дня какъ пріёхали въ Парижъ. Въ самый день моего прівзда, я легь разбитый усталостью, а на другой день заболёль и долженъ быль остаться въ постель. Мы никого не знали; такъ какъ ин поторовились съ отъёздомъ, то меня ждали въ мёстё моего служенія только на завтра. Я повторяль, что мнѣ нужень только отнихъ, и лежалъ посреди незнакомаго мит города, мостовой котораго еще не касалась моя нога. Страннымъ ощущеніемъ было это невольное заключение въ комнатѣ, куда путешествие забросило насъ, еще не успёвшихь опомниться оть пятиадцати-часовой вады.«пр. желёзвой дорогв, оглушенныхъ уличнымъ шумомъ, выбитывъ изъ колен и встревоженныхъ. Маргарита сустилась около меня; ухаливала за иной съ кроткой улыбкой; но я чувствовалъ, какъ она смущена. Минутами она подходила въ овну, взглядывала на улицу, затёмъ возвращалась ко мий, немного блёдная, пугансь громаднаго Парижа, гдё она не знала ни одного камня, и городъ такъ грозно рокоталъ вовругь насъ. Что она будетъ дълать, если я не проснусь! Что съ ней будеть въ этой громадъ, гдъ она одинока, покинута, безъ всякой опоры, и безъ всякой житейской опытности?

Маргарита встала. Она взяла мою руку, безжизненно висёвшую, и цёловала ес, повтсряя слабымъ голосомъ:

--- Олливье, отвѣчай мнѣ... Боже мой! онъ умеръ! мой бѣдный Олливье умеръ!

Итакъ, смерть не уничтоженіе, такъ какъ я слышалъ и разсуждагъ. Меня въ дётствё пугало только уничтоженіе. Не быть больше --вотъ что леденило меня ужасомъ; я не могъ вообразить себѣ безусловнаго исчезновенія моего существа, совершеннаго упраздненія моего я; и это---навсегда, на цёлые, долгіе вёка, безъ того, чтобы я когда-либо ожилъ. Я часто содрогался, когда при миё говорили. о двадцатомъ столётів, когда въ газетё миё попадалось названіе бу-

Томъ Ц.-Марть, 1879

дущаго двадцатаго столётія. Я, конечно, не доживу до этого столётія, и это время, когда меня больше не будеть, котораго я не увижу, наполняло меня мучительной тревогой. Разв' во мнё не заключается цёлая вселенная, и разв' она не умреть вм'єстё со мной?

Но если смерть только легкій сонъ, какимъ я теперь спалъ, едно омертвѣніе, какое овладѣло монмъ тѣломъ, то я больше не боюсь смерти. Какъ—только и всего? — спрашивалъ я себя. Маргарита говоритъ, что я умеръ:—вѣрить ли ей? Мнѣ кажется, что мое тѣло уснуло, тогда какъ духъ бодрствовалъ немного лѣниво, но въ этой лѣни не было ничего тягостнаго; напротивъ того, то былъ какъбы отдыхъ отъ всѣхъ житейскихъ заботь, забвеніе всѣхъ монхъ страданій. Мечтать о жизни среди смерти—такова была моя всегдащияя мечта. Что меня ужасало—это ночь безъ сновидѣній, вѣчность уничтоженія моего я. Если я дѣйствительно умеръ, ну! такъ тогда смерть сладка, я позналъ великую тайну—и больше не боюсь ее.

Но, въроятно, это не смерть. Я въроятно сейчасъ пробужусь. Я усталъ, мнё хотёлось грезить, и я съ радостью бы продлилъ свои грезы. Да, сейчасъ я наклонюсь и заключу Маргариту въ свои объятія, чтобы осущить ся слезы своими поцёлуями.

Какъ мы будемъ счастливы свидёться снова! мы сильнёе полюбимъ другъ друга! Я отдохну еще два денька, затёмъ пойду на службу. Для насъ начнется новая жизнь, болёе широкан и привольная. Но только торопиться не къ чему. Подожду еще немного. Я слимкомъ еще усталъ. Маргарита напрасно такъ отчаявается, потому-что я не чувствую еще силы повернуть голову на подушкъ, чтобы улыбнуться ей. Сейчасъ, какъ только она скажетъ: — Онъ умеръ! Боже мой! онъ умеръ!—я поцёлую се и шепну, чтобы не испугать се: — Да нётъ же, милое дитя. Я только спалъ. Ты видишь, что я живъ и что я люблю тебя.

П.

На стоны Маргариты дверь внезанно отворилась и чей-то голосъ вскрикнуль:

- Что съ вами?... Опять видно припадокъ?

Я узнадъ голосъ. То былъ голосъ старушки, м-мъ Габенъ, жившей на одной съ нами площадк⁵. Она выказала намъ много участія по нашемъ пріёзд⁵, сжалившись надъ нашимъ положеніемъ, и старалась быть намъ полезной. Сейчасъ же разсказала намъ свою исторію. Безжалостный домовладёлецъ продалъ ся мебель, и съ тёхъ поръ она вынуждена жить въ гостинницё вмёстё съ дочерью, Аделью,

двёнадцатнлётней дёвочкой; об'ё дёлають абажуры, чтобы снискать пропитаніе, и едва заработывають этимъ два франка въ день.

- Боже ной! неужто онъ скончался?-спросила Габенъ, понижая голосъ.

Я нонять, что она подония во мнё. Она поглядёла на меня, тронула меня за руку, затёмъ съ сожалёніемъ прошептала:

- Бъдняжва! бъдняжва!

Маргарита, выбившись изъ силъ, тико всялицывала, вакъ ребенокъ. Габенъ приподняла ее и усадила на хрожое кресло, стоявшее у камина, и принялась се утёшать.

— Право, вы заболёете. Не резонъ важъ извести себя отъ горя, потому, что мужъ умеръ. Конечно, когда я лишилась Габена, я была такая же, какъ вы теперь, и въ ротъ не брала пищи цёлыхъ три дия. Но это им къ чему не повело; напротивъ, только ухуднило дёло... Ну же, будьте благоразумны.

Мало-по-малу Маргарита умолкла. Она выбилась изъ силъ; но время отъ времени рыданія снова начинали душить ес. Тёмъ времененъ старуха распоряжалась въ комнатё съ полнымъ авторитетомъ.

- Не заботьтесь ни о чемъ, повторяла она. Деде́ какъ разъ ионесла сейчасъ работу; да и что̀ за счеты нежду сосёдяни!.. Послушайте, ваши чемоданы еще не распакованы, но въ комодъ есть бълье, не правда ли?

Я слышалъ, какъ она отперля комодъ, н. должно быть, вывуда салфетку и покрыла ею ночной столикъ. Потомъ чиркнула спичкой, должно быть, зажгла стеариновую свёчу, за неимъніемъ восковой. Я слёднаъ за всёми ся движеніями и отдавалъ себё отчеть въ каждомъ ся дёйствін.

— Б'йдный челов'ять, —прошептала она. — Къ счастію, я услынала,
 сань вы плачете, ноя милая.

И вдругъ тусклый свёть, который я видёль лёвымъ глазомъ, потухъ. М-мъ Габенъ закрыла мий глаза. Я не чувствовалъ, какъ ся налыцы коснулись монхъ вёкъ. Когда я нонялъ въ чемъ дёло, холодъ оледеннаъ меня.

Но вдругъ дверь растворилась, и я услышалъ, какъ Деде́, двѣнадцатилѣтияя дѣвочка, вошла, крича своимъ тоненькимъ голоскомъ.

— Манашаl al манашаl я догадалась, что ты туть... Воть тебъ деньге! три франка четыре су... Я принесла назадъ двадцать дюжинъ абажуровъ.

— Т-съ! т-съ! замолчи же! — тщетно повторяла м-мъ Габенъ. И такъ какъ дёвочка продолжала болтать, она указала её на

Digitized by Google

26*

постель. Деде вдругь унолкла, и я поняль, что она въ тревогв отступила въ двери.

- Развѣ онъ сиять?-спросила она шопотонъ.

— Да, ступай играть, — отвѣчала мать.

Но ребеновъ не уходилъ. Должно быть, она глядёла на меня широко раскрытыми глазами, притягиваемая противъ воли къ этому зрёлищу. Вдругъ дёвочка, должно быть, страшно испугалась и убёжала, опрокинувъ стулъ и крича:

- Онъ умеръ! мамаша! онъ умеръ!

Воцарилось глубокое безмолвіе. Маргарита, измученная, не шевелилась въ креслё; я даже больше не слышаль ся слезъ. М-иъ Габенъ бродила по комнатѣ. Черезъ минуту она проговорила чуть слышно:

— Дёти теперь все нонимають, рёшительно все... Воть хоть бы эта. Воспитываю я се, слава тебё, Господи, хорошо. Никогда не пускаю играть на улицу. Когда я носылаю се съ какимъ-нибудь порученіемъ, я считаю минути, чтобы она не могла баловаться дорогой... Ну, и что-жъ! ничто не помогаеть, она все видить, — воть сейчась поняла, что онъ умеръ. А вёдь всего-то разъ въ жизни и видёла покойника, дядю своего Франсуя, да и то въ тё поры ей было всего четыре года... Нётъ больше дётей, — что вы хотите?

И вдругь перешла въ другону сюжету.

— Послушайте-ка, душенька, вёдь надо выполнить нёкоторыя формальности—объявить въ мэрін, заказать гробъ и такъ далёе. Вы не въ состояніи заниматься этимъ. Я не могу васъ оставить одну... Г-мъ! если позволите, я пойду погляжу, дома ли г. Мориссо́.

Маргарита не отвёчала. Я--какъ издалека-присутствовалъ при всёхъ этихъ сценахъ, хотя и былъ въ нихъ главнымъ дёйствующимъ лицомъ. Миё казалось минутами, что я летаю, точно легкое пламя, по комнатё, а на постелё лежала какая-то посторонняя, безжизненная масса. Однако миё хотёлось, чтобы Маргарита отказалась отъ услугъ этого Мориссо. Я видёлъ его раза два или три во время моей краткой болёзни. Онъ жилъ въ сосёдней комнатё и былъ очень услужливъ. М-мъ Габенъ сказала намъ, что онъ находится проёздомъ въ Парижё, куда пріёхалъ получать деньги по стариннымъ счетамъ отца, удалившагося въ провинцію и недавно умершаго. То былъ высокій молодой человёкъ, очень красивый, очень сильный. Я ненавидёлъ его, быть можетъ, за то, что онъ былъ такъ здоровъ. Вчера еще онъ заходилъ къ намъ, и миё было очень непріятио, что онъ сидить возлё Маргариты. Она была такая хорошенькая, такая бёленькая возлё него! И онъ такъ пристально глядѣлъ на нее, а

ена улыбалась ему, говоря, что съ его стороны очень любезно приходить освёдомляться о моемъ здоровьй!

--- Вотъ и г. Моряссо, проговорная и-из Габенъ, вернувшись въ комнату.

Онъ тихонько отворилъ дверь, и, увидя его, Маргарита снова залилась слезани. Присутствіе этого доброжелателя, единственнаго человѣка, котораго она знала въ Парижѣ, снова пробудило все ся горе. Онъ не пробоваль утѣшать се. Я не когъ его видѣть, но среди окружавникъ меня потемокъ я припоминаль его лицо, и ясно видѣль его смущеннымъ, опечаленнымъ тѣмъ, что видитъ бѣдную женищену въ такомъ отчаянии. А она, должво быть, была все-таки очень хороша съ бѣлокурыми, распущенными волосами и поблѣднѣвшимъ ликомъ, на которомъ горѣли его глаза мрачнымъ пламенемъ, со своими милыми, дѣтскими ручками, охваченными вихерадкою.

- Я въ вашниъ услугамъ -- проборноталъ Мориссо.--Если ванъ угодно поручить ните все...

Она отв'ячала ему прерывното, но когда молодой челов'ять уходиль, м-мъ Габенъ попла за нимъ, и я слышаль, какъ она заговорила о деньгахъ, проходя мимо меня. Похороны такъ дорого стоять, говорила она, и ей думается, что у б'ддишки нётъ ни гроша. Во всядомъ случай, падо се объ этомъ спросить. Мормосо просиль се замолчать. Онъ не хочетъ, чтобы безпоконли Маргариту. Онъ зайдетъ въ мэрно и распорядится на счетъ похоронъ.

Когла безнолые снова воцарилось, я спросниъ себя: долго ли еще продинтся этоть коппларь. Я живь, если такь отчетливо слышу н понныхо все, что кругонъ меня происходить. И я сталь отдавать себѣ отчеть въ своемъ подожения. Безъ сомнёния, я вцаль въ одно нуь тахь каталенсическихь сестояній, о которыхь слыхань. Еще будучи ребенвоиъ во время моей нервной болёзни, я испыталь обнодоки, длившівся по ніскольку часовь. Очевидно, такого же рода припадокъ случился со мной теперь и врель въ заблуждение всёхъ окруяающихъ. Но сердце снова забьется, кровь снова станеть передиваться въ жилахъ, -- я проснусь и утвшу Мартариту. Разсуждая тааниъ образомъ, я убъждалъ себя быть терпълнениъ. Вотъ сейчасъ, черевь минуту, желёзныя узы, связывавшія меня, распадутся. Тогда, говориль я себь, я не съ-разу пошевелюсь, чтобы не испугать ноей жены. Я исподволь приготовлю ее къ великой радости ноего воскременія. Надо ждать; мий казалось уже, что руки мон какъ будто от-X01.275.

Который могь быть часъ? Часы проходили. М-иъ Габенъ принесла завтракъ, Маргарита отназывалась съйсть что-инбудь. Такъ проиелъ весь день. Въ растворенное окно доносился уличный шунъ. Судя по слабому ввону подсейчника, который ставили на праморный ночно столикъ, я заключилъ, что м-мъ Габенъ вставила новую сейчу. Тревога снова овладъла мной, когда вощелъ Мориссо.

- Ну что?--спросила у него вполголоса старуха.

- Все устроено, - отвѣчалъ онъ. - Похороны заказаны на завтра къ одиннадцати часамъ. Ни о чемъ не тревожьтесь и не говорите съ этой бёдной женщиной.

Онъ кивнуль въ сторону Маргариты; но м-мъ Габенъ продолжала:

— Докторъ, свидётельствующій покойниковъ, еще не приходилъ. Мориссо издалъ сердитое восклицаніе, покрывшее эту фразу. Онъ сдёлалъ нёсколько шаговъ и сёлъ возлё Маргариты, сказалъ ей два слова и замолчалъ; безъ сомиёнія, онъ гладёлъ на нее и утёшалъ ее своимъ состраданіемъ къ ней. Меня же грызла тревога. Похороны заказаны на завтра въ однинадцать часовъ. Эти слова тажелымъ звономъ раздавались у меня нъ мозгу. А докторъ не идетъ, докторъ, который по словамъ м-мъ Габенъ, свидётельствуетъ покойниковъ. Онъ тотчасъ увидить, что я нахожусь въ летаргическомъ снѣ. Онъ приметъ необходимыя мёры, съумёетъ тотчасъ же разбудить меня. Я ждалъ его съ страннымъ нетерпёніемъ.

Наступилъ вечеръ. Тетушка Габенъ, чтобы не терять времени, ръщилась принести свои абажуры. И даже, съ позволения Маргариты, позвала Деде, нотому что не любитъ, какъ она говорила, оставлять долго дътей однихъ.

--- Ну, ступай, --- бормотала она, приводя дёвочку, и не будь дурой, не гляди на него, а не то я теб'я дамъ...

Она запрещала ей глядвуь на меня, находя это неприличнымъ. Деде́, должно быть, время отъ времени поворачивала глаза въ монсторону, потому что я слышалъ, кавъ мать била ее по рукамъ. Она сердито повторяла:

, — Работай, или я выведу тебя изъ комнаты. А ныньче ночьюпокойникъ придеть дергать тебя за ноги.

Обё, и дочь, и мать, усёлись за нашъ жаленьній столикъ. Я слишалъ стукъ ихъ ножницъ, которыми онё вырёзывали абажуры; должно быть, узоръ былъ хитрый, потому что работа ихъ шла довольно медленно; чтоби побороть свою тревогу, я считалъ абажуры; которые онё кончали.

Въ воянатѣ слышанся только стугъ ножницъ. Маргарита, побъжденная усталостью, должно быть, успула. Два раза Мориссо вставалъ неизвёстно зачёмъ. Мнё пришла въ голову гадкая мисль, что онъ коспользовался спомъ Маргариты, чтобы поцёловать ся волосы, и эта мысль терзала меня. Я не зналъ этого челевёка, но а

чувствоваль, что онъ любить мою жену, и пламя ревности пожирало меня. Вдругь смёхъ маленькой Деде окончательно раздражиль меня-

- Чему ты смѣещься, дура?-сказала мать.-Развѣ можно смѣяться въ комнатѣ, гдѣ покойнивъ. Я выгоню тебя за дверь... вотъ погоди-ты... Отвѣчай же, чему ты смѣялась.

Дѣвочка что-то пролепетала. Она не смѣялась, она кашлянула. Я уже вообразниъ, что, должно быть, она вндѣла, какъ Мориссо подошелъ къ Маргаритѣ, и это ей ноказалось смѣшно. Боже мой! когда же придетъ докторъ и объявитъ, что я живъ!

Зажгли ламну, когда постучались въ дверь.

- Ахъ! вотъ довторъ покойниковъ!-сказала и-иъ Габенъ.

То быль дёйствительно докторь. Онь даже не невинился, что пришель такъ поздно. Безъ сомнёнія, ему пришлось пересчитать много лёстниць за день. Такъ какъ лампа очень слабо освёщала комнату, онъ спросиль:

- Тело здесь?

- Да,-отвѣчалъ Мориссо.

Маргарита вскочила второняхъ. М-мъ Габенъ выгнала Деде́ за дверь, потому что ребенку не́чего глядёть на это, и пыталась увести Маргариту къ окну, чтобы отвлечь ся вниманіе отъ такого зрёлища. Никогда въ жизни не испытывалъ я такого сильнаго волненія.

Но вотъ докторъ торопливо подошелъ ко мнѣ. Я угадывалъ, что онъ спѣшитъ, усталъ и ноториѣливо хочетъ уйти. Бралъ ли онъ меня за руку? прикладывалъ ли свою руку къ моему сердцу? — не могу сказать. Чувствительности у меня не было никакой, и только слухъ не измѣнялъ, хотя и былъ нѣсколько слабъ. Но мнѣ кажется, что онъ только поглядѣлъ на меня съ равнодушнымъ видомъ.

- Не посвётить ли вамъ?-спросилъ Мориссо услужливо.

- Нёть, это лишнее, спокойно отвёчаль докторь.

Какъ лишиее!— это было для меня ударомъ обуха. У этого доктора была въ рукахъ моя жизнь, и онъ считалъ лишиимъ внимательно осмотрёть меня. Но вёдь я не умеръ; миё хотёлось закричать ему, что я не умеръ!

- Въ которомъ часу онъ умеръ?-спроснять онъ.

- Около шести часовъ утра, --отвѣчалъ Мориссо.

Яростное негодованіе росло во мий, сквозь путы, оковывавшія меня. О! какая пытка—не им'йть силы проговорить слово, пошевелить рукой или ногой! Добторъ прибавиль:

— Эта насмурная ногода нездорова... Ничего нёть утомительнёе первыхъ весеннихъ дней, въ особенности, когда приходится ходить по цёдымъ часамъ. Къ счастью, мнё теперь можно будетъ ёхать домой. И удалныся. Онъ унесъ съ собой ною жизнь. Крики, слезы, бранныя слова душили меня, раздирали мое горло, не пропускавшее им одного звука. Ахъ, негодяй! привычка къ ремеслу превратила его въ машину! и онъ ходитъ къ покойникамъ лишь затёмъ, чтобы выполнить простую формальность! Онъ, значитъ, неучъ, этотъ человъкъ! Наука его – одна ложь, если онъ не ножетъ по первому взгляду отличить смерть отъ жизни! И онъ уходитъ, онъ уходитъ!

- Прощайте,-сказалъ Мориссо.

Наступило молчаніе. Докторъ покойниковъ поклонился Маргаритѣ, повернувшейся къ нему въ то время, какъ м-мъ Габенъ запирала окно, и затѣмъ вышелъ изъ комнаты и я слышалъ, какъ шаги его раздавались по другой комнатѣ.

Итакъ, все кончено, — я осужденъ. Моя послъдняя надежда исчезла витетт съ этипъ человъкомъ. Теперь, если я не проснусь отъ моего летаргическаго сна до завтра, — меня нохоронятъ живниъ. И эта мысль была такъ ужасна, что я лишился сознанія обе всемъ, меня окружавшемъ.

Послёдній шумъ, слышанный мною, былъ стукъ ножницъ м-мъ Габенъ и Деде́, которыя снова принялись вырёзывать абажуры. Началось бдёніе надъ мертвымъ тёломъ. Никто не говорилъ ни слова. Маргарита отказалась идти отдохнуть въ комнату сосёдки. Она полулежала въ креслё съ блёднымъ лицомъ, полу-закрытыми главами, съ заплаканными рёсницами, омоченными слевами,---а Мориссо, сидя въ тёни передъ ней, глядёлъ на нее.

III.

Не могу пересказать теперь, какую ужасную агонію пережніть я на слёдующее утро. Мнё всноминается это какъ ужасный сонъ, причемъ всё мон ощущенія были такъ странны, такъ смутны, что мнё трудно асно передать ихъ. Что дёлало пытку мою болёе жестокой, — это то, что я все еще не терялъ надежды, и каждую минуту ждалъ пробужденія, которое бы меня спасло отъ гроба. И по мёрё того, какъ приближался часъ похоронъ, ужасъ все сильнёе и сильнёе охватывалъ меня. Постараюсь пересказать факты.

Только по-утру я снова сталь ясно сознавать все, что меня окружало. Ночью не разь до моего слуха долетали какіе-то неопредёленные звуки, но я находился въ оцёненёломъ состоянія, какъ-бы придавленный отчаяніемъ. Скрипъ петель вывель меня изъ этого оцёпенёнія. М-мъ Габенъ отворила окно. Должно быть, было около семи часовъ, потому что я слышалъ крики продавцовъ на улицё, тонкій

айтскій голосовъ предлагаль вормь для птиць, — другой, хриплый голось предлагаль овощи. Это шумное пробужденіе Парижа сначала усновонло меня немного: мий казалось невозможнымь, чтобы меня зарыли вь землю среди всей этой жизни. Къ тому же, а чувствоваль себя бодрйе: должно быть, мой обморовь сейчась пройдеть. Меня пріободрило одно восноминаніе. Я припоминыть случай, сходный сь монмь, происшедшій въ герандскомь госпиталё, когда а тамъ служніть. Тамъ одянь человёкь проспаль двадцать-восемь часовь, — и сонъ его быль такъ врёновъ, что доктора не могли рёнинть, живъ онъ или умеръ; нослё этого, человёкъ этотъ проснулся, и черевъ нёсколько часовъ могь встать съ кровати. Я спаль уже двадцать-цять часовъ. Если миё остается спать еще три часа, то а проснусь въ десять часовъ, т.-е. еще во-время.

Я прислушивался, старансь отдать себё отчеть въ томъ, кто находится въ комнатё и что въ ней происходить. Маленькая Деде, должно быть, играла на площадкё лёстницы, потому что вогда дверь какъ-то отворили, то оттуда донесся дётскій смёхъ. Безъ сомнёнія, Мориссо больше не было въ комнатё, —инчто не обличало его присутствія. Слышно было только шлепанье туфель тётушки Габенъ. Наконецъ, она заговорила.

- Душечка, сказала ова, напрасно вы не хотите выпить чашку кофе. Это бы васъ педкрёлило.

Она обращалась въ Маргаритв.

-- Я не могу обойтись безъ кофе... Въ мон годы тяжело не спать ночь. И какъ скучно ночью, когда въ домѣ несчастье... Но не слѣдуетъ унывать. Вынейте кофе, милочка, одну чуточку.

И заставния Маргариту выпить нисколько ванель кофе.

--- Ну, что, согрѣлись?--продолжала она.--А теперь, если бы вы были умница, то пошли бы въ мою комнату и тамъ дожидались бы, когда я васъ позову.

— Нёть, я останусь здёсь, -- отвёчала Маргарита рёшительно.

Голосъ ея, котораго я не слышалъ со вчерашняго дня, растрогалъ меня. Онъ измѣнидся и прерывался отъ горя. Ахъ! милая моя жена! Я сознавалъ, что она возлѣ меня—и это служило мнѣ послѣднитъ утѣшеніемъ. Я зналъ, что она не спускаетъ съ меня глаэъ, что она оплакиваетъ меня отъ всего сердца.

Но часы проходнии. У дверей рандался нумъ, котораго я не нональ сначала. Можно было подумать, что несуть какую-то мебель, которой трудно пройти, и она ударяется о стйны слишкомъ узвой лёстницы. Наконецъ, я поналъ въ чемъ дёло, услышавъ, что Маргарита опять заплакала. То былъ гробъ. вастникъ квропн.

- Вы слишковъ поторонились,-сказала тётушка Габенъ съ досадой.-Поставьте это за кровать.

Который же однако часъ? Девять часовъ, должно быть. Итакъ, гробъ уже былъ принесенъ.

И я видћаљ его мысленно среди ночи, окутывавшей меня. Воже мой! неужели все кончево? неужели меня унесуть въ этомъ ящикѣ, который стойть теперь въ монхъ ногахъ?

Меня ждало, однако, послёднее утёненіе. Маргарита, несмотря на свою усталость и слезы, непремённо захотёла сама убрать меня. Она, съ помощью старуки, одёла меня съ нёжной заботливостью сестры и жены. Я чувствоваль, что ся руки въ послёдній разъ касаются меня, когда она меня переодёвала; она останавливалась, уступая волненью, обнимала меня, орошала своими слезами. И какъ мнё хотёлось тоже обнать ее и закричать: "я живъ и люблю тебя!" Но я лежаль безпомощный, неподвижный, какъ безживненная масса.

— Напрасно вы это надёваете, — повторяла м-мъ Габенъ: — даромъ только провадеть.

Маргарита отвёчала прерывающимся голосомь:

--- Оставьте, я хочу надёть на него самое хорошее влатье, какое есть.

И я ноняль, что она одёвала меня такъ, какъ я былъ одёть въ день нашей свадьбы. У меня еще былъ цёлъ этоть милый костюмь, и я разсчитывалъ надёвать его въ Парижё въ самые торжественные случан.

Опать положнии меня на постель. Маргарита упала въ кресло, истощенная послёднимъ усиліемъ, сдёланнымъ ею. Я ждалъ, тревожась все сильнёе и сильнёе, понимая, что страшный часъ близовъ.

Вдругъ я услышалъ возлѣ себя голесъ Мориссо́. Должно быть, онъ только-что вошелъ.

- Они внизу, -прошепталъ онъ.

- Хорошо, пора, съ меня довольно-отвёчала и-иъ Габенъ тоже шопотомъ.-Позовите ихъ на верхъ, вадо кончать.

- Я боюсь огорчить эту бёдную женщину.

М-иъ Габенъ подумала съ мннуту. Потомъ сказала:

- Послушайте, г. Мориссо́, - уведите ее насильно въ мою комнату... Я не хочу, чтобы она здёсь оставалась. Мы оваженъ сё этипъ услугу... Тёмъ времененъ мы митомъ обладимъ все дёло.

Эти слова, которыя не стёснялись произносить при мий, норазвли меня въ самое сердце. Но что сталось со мной, великій Боже, когда я услышаль нослидующій запимь спорь. Мориссо́ подошель къ Маргарити, умоляя се уйти изъ комматы.

- Ради Бога, -- упрашиваль онь, -- койдемте со мной, зачёмь вамь безполезно мучить себа?

— Нётъ, нётъ, — настанвала поя жена, — я останусь, я хочу остаться до послёдней минуты... Подумайте, что у меня въ мірё былъ только опъ одинъ, и что когда его унесуть отсюда, я останусь одна въ цёломъ мірё.

Между твиъ ближе около себя я слышалъ голосъ м-мъ Габенъ, шептавшей на уху Мориссо.

- Да идите же, вы совсёмъ раскисли, скоро вы расплачетесь виъсть съ ней... Возьмите се за руку и уведите.

И громко, обращаясь въ Маргарить, замътня:

— Душа моя, въдь это для вашего же блага... ваши слезы не вернуть вамъ мужа, въдь такъ? Пожалуйста, будьте разсудительны.

Боже мой! неужели Мориссо ее послушается? неужели онъ возъметь Маргариту за руку и уведеть ее? Я жестоко страдаль. И почти туть же я услышаль, какъ жена моя закричала. Да, этоть Мориссо осийлися коснуться ее. Она рыдала, протестовала.

--- Ахъ! пожалуйста, оставьте меня... Я ни за что не уйду изъ этой комнаты... Нётъ, нётъ, я не пойду за вами, вамъ придется силой вытащить меня.

Мић хотћлось всвочить съ мѣста. Но тѣло мое мић не повиноваюсь. Ахъ! что бы я далъ за то, чтобы встать и вытолкать этого человѣка изъ комнаты! А я былъ такъ недвижниъ, что не могъ даже поднять вѣкъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается вокругь меня. Умереть и сохранить настолько живни, чтобы быть свядѣтелемъ такой сцены! До сихъ поръ не понимаю, какъ черепъ мой не лопнулъ отъ безсильной ярости, сиѣдавшей меня. Борьба продолжалась, жена моя цѣнлялась за мебель, повторяя:

- О! умодяю васъ... пустите неня, я не хочу... -

Онъ, должно быть, поднялъ ее свопни сильными руками, потому что она заплакала какъ малое дитя. Онъ унесь ее, я слышалъ, какъ онъ прошелъ по площадиъ. Рыданія Маргариты затихли вдали, и инъ казалось, что я вижу, какъ онъ, высокій и сильний человъкъ, несеть ее, прижавъ къ своей груди измученную, усталую, покорную и готовую отнынъ послёдовать за нимъ, куда ему издумается.

— Насилу-то!—проворчала и-иъ Габенъ.—Ну, живёе! теперь руки развизаны.

Да это насиліе! Ревнивый гибвъ, душившій меня, заставлялъ меня видіть въ этомъ похищенія самое отвратительное насиліе! Боже мой! отныні Маргарита навізки потеряна для меня! Со вчерашняго дня я се не виділь, но я слышаль се, и это было для меня большимъ утівшеніемъ. Теперь все кончено; се отнали у меня, мужчина похитиль се прежде даже, чёмъ меня зарыли въ землю. И онътуть, въ сосёдней комнатё, утёщаеть се, плачеть виёстё съ ней! О! зачёмъ смерть похитила меня только вполовину!

Дверь снова отворилась, тажелые шаги раздались въ комнатъ.

-- Скорће, скорће! -- повторала тётушка Габенъ. -- А то вдругъ она опать ворвется свода.

Она говорила съ незнакомыми миž людьми, которые отвёчали ей только воркотней.

--- Я, вы нонимаете, не родня, а только сосёдка. Мнё нёть никакой прибыли во всемъ этомъ. Я хлоночу чисто изъ доброты... А вёдь хлопоты-то эти невессялая, сами знаете... Да, да, я провела всю ночь. И надо сказать, что холодненько-таки было здёсь подъ утро. Ну, да ужъ я такова отъ природы, слишкомъ, знаете, добра.

Въ эту минуту гробъ вытащали на средину комнаты, и я нонялъ, въ чемъ дёло. Меня собирались укладывать въ гробъ. Кончено, я осужденъ на погибель, такъ какъ не могу проснуться. Но эта ужасная минута застала меня безчувственнымъ. Потеря Маргариты ощеломила меня, теперь мнё хотёлось умереть. Мысли мон утрачивали свою асность, все во мнё заволоклось какимъ-то мрачнымъ туманомъ, и я такъ усталъ страдать, тщетно надёяться и разбиваться о безжалостную дёйствительность, что мнё было почти облегчениемъ думать, что я не долженъ ни на что разсчитывать. Смерть ждетъ мёня на этотъ разъ нензбёжно. Я покорился своей судьбё.

--- Не ножалёли дерева, --- проговорнать хриплый голосъ одного нать носильщиковъ. Гробъ слишкомъ длиненъ.

- Ну, что-жъ! ему будетъ въ немъ просторние, - пошутилъ другой.

О! я не быль тяжель, и они радовались этому, потому что имъ приходилось спускаться съ третьяго этажа. Въ ту минуту, какъ они брали меня, чтобы ноложить въ гробъ, стоявшій передъ кроватью, м-мъ Габенъ вдругъ разсердилась.

--- Ахъ, ты, свверная дёвчонка!---завричала она, надо тебё всюду совать свой носъ... Постой, я научу тебя подглядывать въ дверн.

Она накрыла Деде́, которая пріотворила дверь и просунула въ нее свою всклоноченную голову. Она, должне быть, сторожила эту иннуту, чтоби поглядёть, какъ будуть класть въ гробъ покойника. Тётушка Габенъ поспёщно вышла, и я услышать, какъ она отпустила за дверью два здоровыхъ шлепка, за которыми послёдоваль вэрывъ рыданій.

-- Это научить тебя глядёть на мертвецовъ! -- кричала мать яростно.

И, вернувшись въ комнату, — заговорила о дочери съ носильщиками, укладивавшими меня въ гробъ.

- Ей дивнадцать лёть. Она добран дёвочна; но, внаете, любеинтна, какъ и всё дёти... Я рёдко быо сс. Но нельзя же не накаинвать сс, когда она дурно ведеть себя.

— Э, знаете, всё дёвочки на одинъ покрой, — отвёчалъ одинъ изъ носильщенсовъ... Если есть гдё покойникъ, онё такъ и вертятся вокругъ него, чтобы поглядёть, что съ нимъ дёлають.

Я покойно лежаль, и могь бы думать, что я все еще нахожусь на своей постели, если бы моей лёвой рукё не было тёсно, оть того, что се придавили нъ стёнкё гроба. Какъ вёрно замётили носильщики, мнё просторно было въ гробу, благодаря моему небольшому росту.

— Постойте, — закричала м-мъ Габенъ, — я об'вщала его женъ нодложить ему подъ голову подущку.

Но носильщики торопились. Они кос-кать засунули подушку, грубо толкая меня. Одниъ изъ нихъ искалъ молотка съ руганью: Его забыли винзу и приплось за нимъ идти. Наложили крыпку на гробъ, и я испыталъ глубокое потрясеніе, когда удары молотка вабили первый гвоєдь. Кончено, я отжилъ свой вѣкъ. Затѣмъ гвоєди стали забиваться одниъ за другимъ, и молотокъ правильно постукивалъ. Можно было подумать, что то укладчики забивають ящикъ съ товаромъ съ свойственной имъ безпечной ловкостью. Послѣ этого всѣ звуки стали делетать до меня глуше и продолжительнѣе, съ страннымъ резонансомъ, точно сосновый гробъ превратился въ больпой инструментальный ящикъ. Послѣднія слова, долетѣвшія до моихъ ушей въ комнатѣ улицы Дофинъ, былъ слѣдующій совѣтъ тётушки Габенъ, кричавшей носильщикамъ:

-- Осторожнёе спускайтесь; не довёряйтесь периламъ во второмъ этажё: они не врёлки.

Меня уносили. Миб смутно казалось, что меня подбрасывають волим на бурномъ морй. Но, начиная съ этого момента, воспоминанія мон очень тускам. Я помию, однако, что моей единственной заботой было — странной и какъ- бы машинальной заботой — отдать себё отчеть, по какой дерогй везуть меня на кладбище. Я не зналь ни одной улицы въ Парижё, я не зналь тоянаго расположенія больнихъ кладбищъ, названія которыхъ, случалось, произносили при мий; и это не мёшало мий сосредоточивать послёднія усилія ноего омрачавшагося разсудка на то, чтобы догадаться, поворачиваемъ мы направо или налёво, или же ёдемъ по прамой линія. Векругъ меня стукъ карегъ, топоть прохожихъ, весь шумъ Парижа синвался въ смутный гулъ, усиленный резонансомъ гроба. Дроги сегка подталкивали меня. Сначала я довольно отчетлию слёдниъ за наршрутомъ. Затёмъ произошла большая остановка, меня носныя

BECTERES REPOILS.

куда-то; я поняль, что мы въ церкви. Но когда дроги пустились въ дальнёйшій путь, я потерялъ всякое сознаніе пути, по какому мы слёдовали. Колокольный звонъ возвёстилъ миё, что мы проёзжаетъ мимо церкви; болёе магкій грунть далъ миё понять, что мы ёдемъ вёроятно по бульварамъ. Путь показался миё долгимъ. Я былъ, какъ приговоренный къ смертной казни, оглушенъ, подавленъ и дожидался послёдняго удара, который не приходилъ.

Вдру́гъ мы остановились, меня снали съ дрогъ и съ-разу пристунили къ дѣлу. Шумъ прекратился, я чувствовалъ, что мы находимся въ пустынномъ мѣстѣ, среди деревьевъ, подъ небомъ, ниироко раскинувшимся надъ моей головой. Безъ сомнѣнія, нѣсколько лицъ слѣдовали за похоронами, жильцы гостинницы, Мориссо и. другіе, потому что до меня доносился шопотъ. Началась служба. Священникъ читалъ на-распѣвъ по-латыни. Съ минуту потоптались на мѣстѣ. Вдругъ я почувствовалъ, что я опускаюсь въ глубину; веревки терлись о гробъ, точно смычки, а гробъ издавалъ звукъ, наноминавшій звуки разбитаго контрбаса. То былъ конецъ. Сухой трескъ, точно гулъ пушечнаго выстрѣла, раздался налѣво отъ моей головы; второй трескъ послышался у моихъ ногь; третій, еще болѣе рѣзкій, разразился надъ моимъ животомъ и до того громко, что мнѣ поназалось, что гробъ раскололся на-двое. Я упалъ въ обморокъ.

IV.

Сколько времени оставался я окоченёвшимъ и неподвижнымъ, не могу сказать. Вёчность и одна секунда равны по своей продолжительности, если мы возьмемъ ихъ внё времени. Меня больше не было. Я помню лишь, что смутно я вышелъ изъ этого оцёпенёнія, изъ этого уничтоженія всего моего существа. Я все еще спалъ, но началъ грезить. Кошмаръ выдёлился на черной ночи, застилавшей мой горизонтъ. Какъ будто жизнь возвращалась ко мнё во снё. И то, что мнё снилось теперь, было страннымъ видёніемъ, преслёдовавшимъ меня въ былое время, когда, лежа съ открытыми глазами, я, съ своей натурой, предрасположенной въ ужаснымъ выдумкамъ, находилъ болёзненное удовольствіе въ изобрётеніи катастрофъ.

Итакъ, мий мерещилось, что жена моя меня дожидается гдй-то, въ Герандй, кажется, и что я йду къ ней по желйвной дороги. Въ ту минуту, какъ пойздъ проходилъ черезъ туннель, послышался страшный шумъ, подобный раскату грома. Земля обвалилась въ туннелй. Нашъ пойздъ остался цёлъ, на вагоны не упало ни одного камня; но впереди и позади насъ сводъ обвалился, и мы очутились

такимъ образомъ въ нёдрахъ горы, запертые скалистыми глыбами. И тутъ-то начиналась долгая и драматическая агонія. Никакой надежды на спасеніе; потребовалось бы мёсяцъ на то, чтобы расчистить туннель; причемъ работа эта требовала безконечныхъ предосторожностей, сильныхъ машинъ. Мы были заперты въ пещерѣ, лишенной выхода. Смерть всёхъ насъ была лишь вопросомъ времени.

Часто, повторяю, воображеніе мое работало на эту страшную тэму. Я разнообразиль драму до безконечности. Дійствующими лицами у меня были мужчины, женщины, діти, болёе ста человікь, цілан толпа, н я постоянно изобріталь новые эпиводы. На поїздія имілось нісколько провизін; но она скоро истощилась и, не дойдя еще до того, чтобы пойдать тіла первыхь жертвь, несчастные голодные ожесточенно воевали другь съ другомъ изъ-за посліднихъ кусковь. То отпихивали старика ударами кулаковь, и онъ умираль; то мать дралась какъ волчица за носліднія крохи, предназначавшіяся ся дітищу. Въ моемъ вагоні двое новобрачныхъ умирали въ объятіяхъ другь друга; они больше ни на что не надіялись, не шевелились и ждали смерти. При этомъ міста было довольно; пассакиры выходили изъ вагоновъ и бродили какъ дикіе звіри, разыскивающіе добычи.

Всё сословія перемёшались; очень богатый человёкь, высокопоставленный сановникъ, какъ говорили, плакалъ въ объятіяхъ работника, которому говорилъ "ты". Въ первые же часы лампы погасли, огонь локомотива потухъ, и мы очутились въ полной темнотё. Переходя отъ одного вагона къ другому, держались за колеса, чтобы не расшибиться въ потемкахъ и добирались такимъ образомъ до локомотива, которий можно было признать по его простившему котлу, но его громаднымъ бокамъ-безполезная, безмолвная сила, застывшая во мракъ! Стращвая вещь былъ этотъ поёздъ, замурованный цёликомъ подъ землей съ своими пассажирами, умиравшими одинъ за другимъ въ своей общей могилё.

Я съ наслажденіемъ придумывалъ различныя подробности. По временамъ среди потемокъ раздавался вой. Вдругъ сосъдъ, о которомъ не подозръвалъ, котераго не видълъ, падалъ на ваше плечо. Но, на этотъ разъ, что меня заставляло особенно страдать—это холодъ, царствовавшій въ туннелъ, и недостатокъ воздуха. Никогда еще не бывало мяв такъ холодно; ледяной плащъ какъ - бы окутивалъ нон плечи, сырой холодъ проинзывалъ мой черепъ, и при этомъ я вадыхался. Мив казалось, что сводъ гранита обрушивался все болѣе и болѣе и давилъ меня. Между тъ́мъ раздался крикъ радости. Давно уме слышался вдали глухой шумъ, и мы убаюкивали себя надеждой, что по близости отъ насъ шли работы, что до насъ добирались

сквозь обваль. Но это было однако не то. Одинъ изъ нашихъ нашелъ колодезь въ туннелё, и мы всё бёгали глядёть въ этотъ воздушный колодезь, на верху котораго видиёлось небольшое голубое патно, величиной съ облатку. О, какъ насъ радовало это голубое патно! То было небо, и мы танулись къ нему, чтобы вольнёе вздохнуть; мы ясно видёли двоившіяся черныя точки; то были бевъ сомнёнія работники, которые отрывали нашъ поёздъ. Яростный крикъ: "спасены! спасены!" вырвался изъ всёхъ усть, и трепетныя руки протагивались къ небольшому блёдно-голубому пятну.

Громкій крикъ этотъ пробудилъ меня. Гдё же это я находился? Все еще, должно быть, въ туннелё. Я лежалъ вытянувшись во весь рость, и чувствоваль по лёвую и но правую руку какія-то жёсткія стёнки, сжимавшія мон руки и царапавшія мон локти. Я хотёль поднять голову и сильно стукнулся лбонъ. Невозможно пошевелиться, руки и ноги были тёсно сдавлены. Гранить окружалъ меня, значить, со всёхъ сторонъ? И голубое пятно исчезло, неба не было больше видно, даже и вдали. Я продолжалъ задыхаться, зубы мон стучали, дрожь пробёгала по всему тёлу.

Вдругъ, я вспомнить. Я видёль сонъ и лежаль въ гробу, за-живо схороненный. Волосы мон стали дыбомъ, когда я ясно представиль себѣ свое положеніе. Память моя дѣйствовала съ удивительной ясностью. Мельчайшіе факты этихъ послёднихъ дней представлялись инѣ. Неужели же я вышель, наконець, изъ обморока, въ которонъ находился въ продолжении долгихъ часовъ? Проснувшись, я нодиллъ голову, потому что чувствоваль еще какъ ушибъ лобъ. Да, я могъ двигаться, я провель руками по доскать моего гроба. Мив оставалось послёднее испытаніе, я раскрыль роть и заговориль, возвышая голось, инстинитивно призывая Маргариту. Но я закричаль, и голось мой въ этомъ сосновомъ ящикѣ прозвучаль такъ дико, такъ страшно, что я самъ испугался. Боже ной! Боже ной! неужели это правда, я пробудился отъ летаргическаго сна теперь, когда было уже слишкомъ поздно. Движеніе и голось вернулись ко мий; я когь ходить, могъ кричать, что я живъ, и голосъ ной не будетъ услышань, я зарыть, схоронень въ землё! Одну минуту я думаль, что съ ума сойду.

Однако я употребнат сверхчеловёческое усиліе, чтобы усноконться, обдумать свое положеніе. Неужели спасенія нётъ? нельзя ли мий выбраться отсюда? Сонъ мой припоминася мий; мысли мон все еще не прояснились и путали исторію съ воздушнымъ колодцемъ и пятномъ неба съ монмъ дёйствительнымъ положеніемъ. Раскрывъ широко глава, я глядёлъ въ потемки. Не увижу ли я, быть можеть, отверстія, дырочки, какали свёта? Но однё только огненныя искры

ХРОНИКА. --- ЖАРЕЗОКІЯ НИСЬМА.

проноснитсь въ нотенкахъ, красныя цятна появанисъ и пропадали. Ничего, одна червая, ненкихримая бездна. Затёмъ мысли мон проаснялись. Не новый ли это сонъ? не снова ли грежу я? Пойздъ въ тупнелё былъ дикой фантазіей. Настонщей привдой было то, что я лежу здёсь въ этомъ гробу. Надо мий вполий придти въ себя, привъать на номещь всю свою энергию и обсудить ноложение, придумать какое-нибудь средство вът него выдти.

Мий станоннось все трудийе и трудийе дышать. Я понниаль, что въ этомъ скрывалась главная опасность. Коночно, я могъ пробыть такъ долго безъ воздука, благодаря обмороку, прекратявшему всякую дёятельность тёла; но теперь, погда сердце мое снова билось, легия дышали, я вонималъ, что умру отъ удушения, если не высвобожусь какъ можно скорёв. Я продолжалъ также страдать отъ холода и боялся какъ-бы меня не охватило смертельное оцёленёніе людей, замерзающихъ отъ стужи.

Повторая себѣ, что необходимо сохранить спокойствіе, а чуветвоваль, что припадень безумія готовь охватить меня. И воть а уревониваль себя, стараясь припемиить все, что я слишаль о томь, накъ хоронять июдей. Безь сомийнія, ийсто, на которомь меня скороннля, откувлено на пять лёть; это ухудшало мое положеніе, потому что я замѣчаль въ былыя врешена въ Нантѣ, что въ общихь могилахь иногда гробы торчали наружу. Въ такомъ случай мий стоило би только разбить свой гробъ, чтобы спастись; но если я находился въ якъ, заваленной со всёхъ сторонь, то на инѣ лежалъ толстый слой земли, и онъ будеть представлять страшное препятствіе. Миѣ говорили, нажется, что въ Парижѣ херонять людей на 6 футь глубния. Это страшно такелая насса земли. Какъ ее пробить? Если бы даже инѣ удалось сновать прышку гроба, то развъ земля не засиплеть исйя, не набьется миѣ въ тлава, въ роть? И то будеть тоже ужасная смерть, я задохнусь въ гразн.

У меня опять голова пошла кругомъ. Нёть, не хочу бельше загадывать такъ далеко.

Сначала надо выбраться изъ этого ящияя, гдё ион члены были скованы, и эта вынужденная ненодвижность вызывала страшное нервное везбужденіе, которое все усиливалось. Потомъ увижу, что дёдать, придумаю что-нибудь. И вотъ я сталъ тщательно онцупниать вокругъ себя. Гробъ былъ великъ, я могъ довольно свободно шевелитъ рудами; однако, не могъ просунуть икъ дальне колёнъ. Въ крышкъ я не напупналъ пикакой трещины. Направо и налёво доски были единалово худо виструганы, но прочны. Я ностарался согнуть руку на груди, чтобы ощунать крышку надъ головей; тамъ и нашелъ въ доскъ сукъ, легко уступавний давленію, я сялъ ра-

Томъ II.-Мартъ, 1879.

ботать изо всёхъ снять и мий удалось вибнуь сукъ, а но ту сторону крымки, просунувъ палецъ, я напуналъ землю, жирную, глинистую и сырую землю.

Но это меня некного подвинуло внередъ. Я явлёлъ даже, что выбилъ этотъ сукъ, потому что для сырости сталъ тенерь легче доступъ, а я и безъ того весь окоченёлъ отъ холада. Съ минуту меня заняла новая попытка. Я сталъ хлопать вокругъ по гробу, чтобы узнать, не осталось ли случайно пустого пространства съ какой-инбудь стороны. Вездъ звукъ былъ одинъ и тотъ же, глукой в натовый; земля покрывала и давила меня со дебхъ сторонъ. Однако мий показалось, когда я сталъ хлопать но гробу ногами, что звукъ звоиче въ ногахъ. Но, быть можеть, это зависёло отъ качества самаго дерева.

--- Начну,---вслухъ проговорилъ я.

И звукъ моего голоса удивилъ меня. Я началъ слогка толкать дерево, выпативъ впередъ руки, нулаками. Дерево не поддавалось. Тотда я пустилъ въ ходъ колёни, осправсь на погахъ и на бокахъ. Дерево даже не затрещало. Я кончилъ тёмъ, что сталъ налегать на него всёмъ тёломъ и съ такой силой, что кости мом трещали. И вотъ въ этотъ-то моментъ я сощелъ съ ума, видя свое безсиле.

До сихъ поръ я не поддавался умопомрачению, принадкамъ ярости, плухо поднимавшейся во мив и какъ-бы опьянавшей меня. Въ особенности же я сдерживаль крики, готовые вырваться у меня наь усть; я понималь, что если стану кричать, то я погнов. И варугъ закричаль, завиль. Я сталь самь не свой. Крики сами собой вырывались изъ воего горла. Я звалъ на помощь, задавленнымъ голосомъ, котораго еще никогда не слышалъ у себя, кричалъ, что не хочу умерать, прыгаль вь гробу, цараная дерене ногтями, конвульснино былся о него всямъ тёломъ, точно волеъ, понавшій въ засаду, и съ такимъ бѣшенствомъ, что не чувствовалъ унибовъ. Я вспенянаю объ этомъ, какъ о самомъ мучительномъ, моментъ въ моей жизни, потому что я еще чувствую неумолимую твердость дерева, ' о которое я колотился, я еще слышу взрывъ криковъ и рыданій, которные я наполняль эти четыре доски. Положение было тёмъ трагичнёе, что слабый лучь разсудка, еще уцёлёвшій во мнё, подсваямваль инё, что не слёдуеть этого дёлать, а я не могь удержеться, не могь сдержать звёря, проснувшагося во мий.

Затёмъ наступило полвёйшее безсиліе. Я быль разбить, я ждаль смерти въ болёвненномъ полу-снё. Гробъ быль словно каменный, ни за что инё не разбить его; и эта несомийнность моего пораженія отнимала у меня всякое мужество возобновить борьбу. Новое страданіе, голодъ, присоединнось въ холоду и удушенію. Меня

418

тоннило оть голода. Вскорё эта цитка слада нестерлиной. Пальденъ я постарался достать земян въ дырку, пребигую иней въ крищей проба и проглотиль эту землю, что усилило мое мучение. Я кусаль свои руки, не рёшалсь прекускть жаъ до кроки.

Ахъ! какъ а желалъ кнарти въ эту минуту! Всю жинъ а боллся уничтожени моето я, а теперь я котёлъ этого, я просилъ объ этомъ, и мий казалось, что смерть не можетъ быть достаточно глуха, достатечно непропицеена. Какое ребянество болться атого: она безъ гревъ, этого вёчнаго безмолнія и мрана! Смерть тёмъ и хорона, что съ-рязу и на вйки устраняетъ ваше существо. О! заснузь тёмъ бномъ, какимъ спять камви, перестать существовать, вернуться въ состоянию неодужевленной матерія, слиться, съ неодущевленной приредей!

Мон трепещущія руки продолжали инстинктивно ощупывать дераю. Вдругъ я уволоть лёвый больпой палець и легкая боль вывела меня нат перваге усыпленія. Что это такое? Я опять ощунать и узналь, что это гвоздь, который насплыщики приво вбили, такъ что онъ процисть внутрь гроба. Онъ былъ очень длиненъ, очень востеръ. Головия доржалась въ крышкё, но я чувствовалъ, что онъ шатается. Тогда, машинально, мною овладёла одна мыслы добыть этоть гвоздь. Я принался расшатывать его. Онъ не поддавался; прудъ оназывалон нелегнимъ. Я часто мёнялъ руки, лёвая рука, неловко лежавщая, въ несчастью, мало помогала мий. Въ то время, какъ я, такимъ образовать, уперствовалъ, въ моей головё созръль пёлый планъ. Гвоздь этоть былъ монмъ снасеніемъ.

Мий его нужно. Я его дебуду, во что бы то ни стало. Не усл'яю ли я сд'алать это во премя? Среди работы на меня вдругь напала слабость. Голодъ терзалъ меня, я долженъ былъ остановаться, нотому-что у меня кружилась голове, и руки стали какъ тряпки. А умъ мутился. Я высосалъ капли крови, вытекшія наъ моего уколотаго нальда. И вдругь р'анился: прокусилъ свою руку и напилоя спосё прови, подвадориваемый болью, и меня осер'яжила тенлая струя, смотивная мей роть. Посл'ь этого я принядся за гвоядь объеми руками и наконецъ выдернулъ его.

Съ этой минуты я ревностно пустиль въ ходъ это орудіе. Я вёриль въ успѣхъ. Мой плань быль прость. Я взяль гвоздь обѣими руками и воткнуль остріемъ въ крышку гроба; затѣмъ провель прямую линію, розможно длинную и долго водиль но ней гвоздемъ, такъ, итобы продѣлать трещину. Руки мон онѣмѣли; я не могь болѣе держаль гвоздя; но я упорствоваль тѣмъ бодѣс, что пробиль доску на одинъ сантимстръ. Когда я нашель, что работа достаточно подвинулась, мий пришло въ голову перевернуться на животъ, за-

тить приподняться на колёнанъ, на доктять и спиней толикать аринику. Но кота кримка и сотрещала, по не располодась. Тренци на была недостатечно глубока. Мий приплось овять лечь на сниму и продолжать работу, что инй стоило большихъ усплій. Наконецъ, я снова попытался прийодниться на волёнахъ и на локтяхъ, и на этотъ рекъ крышка треснула вдоль, какъ-разъ по той линик, какую провель гвоздь.

Конечно, я още не быль спасець, но безумная надежда охватила ною душу. Я пересталь толкать крышку, пересталь менеличься, болсь вызвать обваль земля, воторый бы завальна меня. Я заметных съ радостыю, что семля не денталась; вброятно, дожди пропитали эту глинистую почну и она держалась одной нассой. Планъ ной завлючался въ томъ, чтобы употребить доски гробовой крышки навъ защиту, въ то время, какъ буду стараться прорыть отверстие въ глинь. Я съ осторожностью приступнать въ этому плану, но онты представляль огромныя затрудненія; обвализающіяся глыбы зекли поврывали доски и изшали инъ дъйствовать. Никогда не добраться мий до поверхности. Страхъ снова обудлъ меня, но протигиваясь, чтобы найти точку опоры, я почувствоваль, что доска, закрывавшая гробъ въ ногакъ, канъ будто уступаеть давлению. Торда и сталъ изо-всей мочи толкать ее пятками, предположивь, что, можеть быть, оз этой стороны прорыта другая могида: гораздо будеть безепасние, если я пророю себ' горизонтальное отверстіе. Доска отлетбла; а всворь почувствоваль, что ноги мон проходять въ пустое пространство. Предположение мое оказалось вёрнымъ. Радомъ была толькочто вырытая могила, и мий нришлось только пробить довольно тонвую стёнку, отдёлявшую меня оть этой могылы, и спустяться въ нее. Великій Воже! я спасень!

Съ минуту я пролежалъ на синий, устреминъ глаза въ пространство. Была ночь. На небѣ сверкали звѣзды. Минутами поднимавшійся вѣтеровъ доносилъ до меня теплое диханіе весны, арожатъ деревъ. Великій Боже! я спасенъ, я дышу, миѣ тепло, и я плакалъ, я лепеталъ несвязныя слова, набожно вздыман руки къ небу! О! какъ сладко жить!

٧.

Мий остается разсказать самое ненитересное во всемъ жоснъ повйствованія. И я буду, по возможности, кратовъ. Первой жыслью моей было бёжать къ кладбищенскому сторожу, чтобы онь носкорйе препроводиль меня домой. Но смутныя мысли удержали меня отъ этого. Я всёхъ нанугаю. Къ чему спённять, ногда все время мий

принадлежнть. Я опциаль свои члены, у меня болька только небольшая ранка, сдёланкая можин зубами на лёвой рук'; а небольная янхорадка, новорую производина эта ранка, тольке возбуждала исня, придавала инй неокиданныя сили. В'вроятно, я могь ходить. Однако, я не торешился. Смутныя гревы произселянсь у меня въ геловъ. Я почуватвеналь ковк'я себя, въ могнать, орудия, оставленныя исплыщивами, и май принала странная окота испранить произведоиный много безпорядонъ, зарознать диру, твобы не догадались о моемъ воспреямения.

Въ ту иннуту, у меня не было нинакого опредёленнаго илана; я говернить только себё, что безнолезно доводить до всеобщаго свёдёны мен исторію; я ванъ-то стидился жить, когда считали меня мертвнить. Въ какиялонибудь досять минуть времени а сгладиль вой. слёды.

И тогда выскочных нох приготовленной могнам для другого.

Какая чудная ночь! Глубокая типиник наротновала на владбищё. Черпия дерезка видълались неподвижными темпыми плинами на фонъ бълъющихъ мерилъ. Прежде чъмъ ръшить, въ какую сторону идти, я виникательно оглядълся кругенъ. Вдали, на горпзентъ, я уждълъ сверканную линию казовыхъ рожковъ. Безъ сомнѣшія, въ тей сторонѣ Паримъ. Тогда я комелъ въ противоположную сторону, идоль алден, скрывенсь въ нотемкахъ, царсивенсьными телъ деревасия. Шаговъ черезъ пятьлентъ изъ пришлесь остановиться, потону что я уже запихален. И я съяз на каменную свамейку. Я еще не подумаль о своемъ нарядѣ, и тувъ тельде оглядълся; я быль одъть съ головы до ногъ и деле обуть; миѣ недосперало телько шляни. Какъ я былъ благодаренъ моей милой Маргаритѣ за набожныя чурства, заставияныя се одъть шеня. И восперинано е Мергеритѣ снова недиало меня на ноги. Я желанъ видѣть ее, своеть ей, что буду запъ для .Во миѣ вроснулась нева энергія.

Вдругь, въ концѣ аллен, я очутнися нередъ стёной. Такъ била когиле: я взлёст, на рёщетку, затёмъ на комятникъ и, перекпнумъ ноги по ту сторону стёны, выпустиль изъ, рукъ свою точку опорм. Я упадъ съ довольно значительной высоты. Однако ноднядся на ноги и мелъ въ продолжения нёсколькихъ мянутъ но большей, пустыной улицѣ или, вёрнёс сказать, вереулка, огибавшаго кладбище. Я соверимино не вналъ, гдё я нахожусь; но порторялъ съ уноротвомъ мононана, что скумёю вернуться въ Даражъ и отнскать улицу Дофикъ. Поданались прохожіе, но 4., даже не разсираниралъ ниъ, но каной-то странной недовърчивости, не жолая довъряться имъ. Темерь я понинаю, что голова у меня была не въ порядиъ, потому что я былъ уме, въ жару и броду горачки. Намонецъ, я вышелъ не кануро-то большую дороту и са номощью сосйднаго газоваго рожка прочиталь на дощечка название бульвара. Монпарияссь. Пройди диадцать инаголь далёв, я лимияся чуютих и какъ сножь повелияся на троузаръ.

Туть вь моей жизни наотупаеть пробыть. Ва продалжение трехъ нетвиь я оставалея безь всякаго сознания. Когда я очныся въ одно утро, то увидблъ себя въ незнаконой улинь. При нив находился какой-то человёль и укаживаль за мною. Онь свазаль мий только, что подобраль неня утроить на бульварь Моннарнассь и оставилъ у себя. Позднёе я узналь, что то быль старый врачь, оставляющий практину. Когда я сталь благодарить его, оны рёзно очеблиль инё, что болёзнь ноя показалась ему дикованной и онь захотёль поближе нослёдовать сс. Но я хороню видёль, что только его велиходущеное. сердце побуднло его сдёлать доброе дёле. Впрочень, въ перзне дни выздоровленія онъ мнё не позволиль дёлать никакихь разспресовъ. Позднёе онь сань ни о чемь меня не разспраниваль, ни вто я, ни откуда, ин чиб располагаю дёлать. Въ продолжени еще двухъ подёль а оставался въ постель, съ слабой головой, не отаралсь даже инчего приломнить, нотому что это утожляло и разстранвало мони. Но въ эти-то долгіє часы я приналь рёшеніе молчать, лічть, схореничь свою тай ну и глубин сесей души. Мив было чего-то совъстно и страшно. Какь тольно я очнухоя, сраринь-дойторь спроснях ямян; изть ян у нова знаконнать въ Парижё и ве желаю ни и коро;нибудь видеть; я отрицательно визнуль головой, повинулсь накону-то тейному инстинкту. Въ бреду горячки и вёрожено проявноснить ния Маргаричи, но онъ викогда впослёдствій не намекаль на это. Его состраданіе очличалось безусловной деливатноство. Онь не захотвль узнать, кого онь снась.

Тёнь временень наступило лёто: Во одно польёное утре, ний разрённили, наконень, видти изъ дому. Утро било чудное; солще весело свётило и придавало видь молодости старынь улицель. Царика. Я тихо шель, разсиранивая прохомиль о тонь, какъ пройти из улицу Дофинь. Принель, наконець, и съ трудонъ узналь гостинивцу, въ которой им останавливалисы. Дётскій стракъ обуаль нена. Если я внезапно покажусь Маргарить, я, покалуй, убыр се. Всякаго рода проекты конойнились у меня въ годовѣ. Всего лучше будеть, конечно, предупредать старуху, тётушку Табень, ноторан тамъ жила и могла подготовить Маргариту. Не мий было непріатно замѣшивать третье лицо въ наши отношенія, и и рённаль поступить сообразно обстоятельствань. Внутри себя и опущаль какую-то нустоту, какъ-бы сознаніе мертых, давно уже принесенной инор.

Донъ быль весь залить солнечными лучани. Я узналь его по илохеньному ресторану, находившемуся нь нижнемъ этакъ, откуда

нать доставляни об'ядь. Я подняль гляза и поглядёль на послёдное окно третьяго этама наяёво. Оно било открыто настежь. Варугь молодая, растрепаниая женщина, въ плохо застегнутей кофтё подешах и обловотнлась на окне, а почади ная молодой человёкь, генявшійся за нею, высунуль голову и поцёковаль ее въ шею. То была не Маргарича. Это неяз не удивало.

Мић казалось, что а грезилъ объ этомъ и о многожь другомъ, что мић предотелло еще узвать.

Съ минуту а простоялъ на улицё въ нерёнинтельности, подумываю о токъ, чтобы подняться на верхъ и ловко разспросить этихъ молодыхъ людей, продолживнияхъ смёлться у окна, на солиминей. Потомъ рёшися войти въ маленькій ресторанъ. Я быть, должно быть, неузиавсять; за мою болённь у меня отросла бореда и лицо осунулось. Усакивансь за отокать въ глубний кощнаты, я увидѣлъ какъ разъ тетупку Габенъ, примедную съ чанкой въ рукѣ купить сваренаго кофе на два су. Она остановилось у прилавка и примялась сплетинчать съ хозийной заведенія. Вдругъ я насторожнах уни.

— Ну, что? — говоряла ховяйка, — эта б'аная дамочка, которая якла въ тротьсить этак'я, надопонть, рёшилась.

Трактирици, слогих рактибалась. Я закрылъ лицо газотой; вол-

Вс эту минуту дверь, которая вела въ ресторанъ, отворилась и Деде вошила, крича:

- Мамаша, ческъ ти не вдешь?.. Я тебя жду. Идв сворбе.

— Сейчась, ты нив надобла! — отвёчала нать.

Ребеновъ остался въ дверяхъ, прислушиваясь въ разговору двухъ женщинъ, съ спышленымъ видомъ дёвочки, выросшей на парижской иостовой.

— Что-жъ? — объясняла тетушка Габенъ, — Мориссо совсёнъ другого сорта человёкъ, чёмъ покойникъ. Она останется въ выигрышё оть этой перемёны. Покойникь мий быль не по-сердну. Чахный такой. Вёчно болень. И при этонь ни конёйки въ нарманё. Акъ! нёть, что за пріятность въ такомъ мужё для женщини колодой и здоровой, а вёдь она здоровенная женщина, и-мъ Маргарита... Ну, а Мориссоечень богать и сиденъ, какъ туровъ...

- Oro!-перебния Деде́:-я видёла разь, кань онь инися. У него такія ручници!

--- Убирайся!--закричала старуха, толкая се.--Ты всегда суеннь свой носъ туда, гдъ тебя не спранивають.

Затёнь, робавные:

- Словоиъ свазать, тотъ очень хорожо сдёлалъ, что умеръ... Это большая для вся удача.

Когда я очутнася на улицё, то замедлилъ пыти, нёсполько оглушенный. Но я не очень страдаль. Все это далжно было случиться; имё казалось, что а уже слышаль эту исторію. Я даме улыбнулся, увидя свою тёнь на солицё. Въ саменъ дёлё, я былъ ечень слабъ и малъ ростенъ, и съ моей стороны было дике меникъся на Маргаритѣ. И я приноминать, какъ ена сиучале въ Герандѣ, какъ се утонляла и какъ ей надоёдала наша одноебравная живнь. Она была добра ко миё. Но я никогда не былъ ся возлюбленнымъ; она, конечно, енлакивала меня, какъ брата. Къ чему же сталъ бы я сиеме равсяранвать ел живнь? Мертвены не ревнивы.

Поднявъ голову, я увидъть передъ собой Лимсанбургоній садь. Я вонедъ въ него, услыся на солниникъ и погрувнися въ следную думу. Мысль о Маргаритъ привена неня въ умиление. Я представляят ее себъ въ провинцін, богатей дамой, живущей въ небольшень геродкъ, счастливой, любимой, чествуемой. Я же могь обречь се только на инщету въ Царижъ. Со времененъ она станеть натерые предраснихъ дътей. А я, болькей человінъ... Нётъ, дёло устроплось въ лучинну. Я корешо сдёлаль, что умеръ, и было би шестоко ок моей сторови воскреснуть. Я слишковъ любилъ Маркариту, чтобы темерь нояти пать ел счастію.

Съ тёхъ поръ я много кутенествовалъ, побывалъ ва разнитъ мёстахъ. Я совсёщъ дожниний человёны, работалъ, тыв, навъ всё простие смертные. Смерть меня больше не путаетъ. Не, нажется, она тецерь отвернужась отъ меня; когда имъ цётъ бельно резона жить, и я даже бонов, какъ-би онв меня не забыла.

SAATP SOTT

XPOHEKA.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

МАРНАНЪ МАВЪ-МАРОНЪ В Г. ГРЕВА.

Когда сенаторскіе выборы 5-го января окончательно обезпечним преобладание республиканской партин, то враги республики съ адорадствоиъ слани прорицать, что это только "начало конца"; что за торжествонъ Дюфора послёдуеть торжество Ганбетты надъ Дюфоронъ, затёнь побёда радикаловъ надъ Ганбеттей, и наконецъ-торжество авархів, съ въроятнымъ вибшательствомъ иностранныхъ державъ и венобъжныть воэстановлениемъ монархин. Конечно, это предсказание, что называются, "хватало черезъ край", и ибсяць, истенній послё 5 января, представных скорбе удостовбреніе, что анархія во Франція вердоятна ниснее нотоку, что нолитическая зрёлость этой страны велика и дозволяеть ой переносить даже внезапные, острые правительственные вривиси безь потряссній. Кривись однаво произошель, и всё пресловутня узбренія республикансьой печати наванунё выборовъ 5 января, что избирательная побёда илъ партіи только упрочить снокойствіе, совдаєть нежду властями "гарионію" и обезпочить правильное точение жизни, устранивъ всякие вризисы и онасения, дозволивъ странъ предаться исключительно изученію "плодотворныхъ" общественныхъ вонросовъ и спокойному ихъ разръшению, нискольно не быль справлены бынжайшими носхёдствіями побёды 5 якваря. Менбе чёнь черезь нёсяць нослё этой побёды, внезанно отнёнился знаменитый сентеннать, послужившій въ свое время, какъ новестно, нервими шагома на признанию республиканского правления, и нь елисейскомъ дворщё сидить уже не "достославный солдать", коropuñ hěrorás chasalt o croent něctě: j'y suis, j'y reste, ho croenний пратскій, который при самонъ вступловій въ должность сваваль въ своекъ нослания -- чироби отличить собя отъ предшественника -je n'entrerai jamais en lutte avec la volonté nationale.

Въ этотъ мёсацъ настоящій вихрь промесся но административной нивѣ и сервала множетве колессевъ, поднижавшихъ свои головы надъ ся уровнемъ. Изъ 19-ти корпусныхъ командировъ только 9 уцёлёли на мёстахъ; нь средё превуроровъ произонно частоящее избіеніе, похожее на то, какимъ ознаменоваль себя кабинетъ Дюфора въ началѣ прошлаго года — въ средё префектовъ и подпрефектовъ. Даже дипломатическій корпусь подвергся значительнымъ камёненіямъ. Такъ,

425

напримёръ, прежній морской министръ, адмиралъ Потюо отправленъ посломъ въ Лондонъ, какъ такой человѣкъ, который займетъ это мёсто не слищкомъ крёзко, такъ что самъ нынёбислій министръ-президенть Ваддингтонъ, при весьма вёроятномъ близкомъ паденіи своемъ. получить этоть пость, прибереженный имъ себѣ про запась, а въ Петербургъ посланъ генералъ Шанзи, для того, чтобы сивнить его съ поста генералъ-губернатора Алжирін, во-первнаъ потому, что ген. Шанзи лично не нравится Гамбетть, во-вторыхъ потому, что мысто алжирского генераль-губернатора предположено было дать Альберту Греви, брату новаго президента республики. Само собой разуниется, что столь обширныя сибны личнаго состава высшаго управления представдають в вёкоторыя невыгоды для самаго дёла. Здёшній французскій посоль, генераль Ле-Фло, бывшій военный министрь правительства народной обороны, какъ только узналь объ отставкѣ Макъ-Магона и сибиб ворнусныхъ командировъ, написалъ г. Ваддингтону изъ Петербурга (4 февр. н. с.)... "почитаю за честь послёдовать въ отставку за достославнымъ солдатомъ, который вчера еще былъ президентомъ республики; я, подобно ему, глубоко убижденъ, что арија, какъ в диплонатія, не погуть быть подвергаемы колебаніять нереивнчиваго общественнаго инвнія, безь большой опасности для правительства и самого отечества"; за этими словани выражалась почтенныть генералонъ просьба объ увольнения.

Мы читали приказы, которыми сибненные корпусные кожандири прощались съ своими войсками; во всёхъ этихъ привазахъ вырежается болёзненное чувство разлуки съ теми живыми организнами, какным для военныхъ людей представляются ихъ ворпусъ, дивныя, брыгада, полкъ: им охотно вбримъ искоенности этой печали собственно по случаю перерыва связи, близво принимавшейся из серану, и допускаемъ справедливость мизнія маршала Макъ-Матена, что для армін такія чисто-политическія переивны вредни. Но нельзя унускать нэъ виду, что республиканцы теперь сдёлали только то же, что прежле ублали ихъ враги. Министерство Брольи населило администрацию врагами республики; какъ же било оставить судьбу си нь тания рукахъ, когда судьба эта ножетъ быть ришена въ 24 часа ножеданнымъ переворотомъ? Правда, на это можно возравить, что делжно же правление республиканское существенно отличаться отв имыхъ, neave neuoestho, dis vero me ero tako méradys anits, noveny ss нень видать нёчто въ рода панацен? Педь если нёть развичия во существу, то изъ-за чего же дорожить формой, и не представляется ли повода вспомнить двустятие нах "la Fille de M-ine Angot":

> C' n'était pas la peine assurément De changer de gouvernement.

Но сущеность-то зыканчастом въ центримизации. Подъ бългани Ingiane, hogy ophony, nogy thereasono a frasame R. F. and hogy гладкима красныма знаменена, Франція оставлясь и остается организмонь столь же централизованных, какь человёчесное тёло: Палаты ножно признать жолудкона, сорднень, но весь двиствующий ANALPATE DESTRIBUTIONS TOTED TARE, RAFE HEPBERS CHOTORS BE TOTOвъкъ. Нервная снотема в представляется администрацією. Можерь ли быть ниже вля не кожеть, это--- венрося, о которомъ незволятельно судить различно. Можно натоть убъяденіе, что если Франція больше DCOTO ACCOMPTE OBORNE BUDINHENE MOLVINGCTBORE, RELACTE BOSBURTETS себя утеранныя области, возстановить свой восниций престиженных таконь случай, она должна оставаться централизованною, но въ этомъ случать ой логично быть консерхісю, такъ какъ по главт воснивато лагоря должевъ стоять вождь безсивений. Иля же Франція уже OTERSEBUTTS OT CAREERS BY MANY BOCHBARY DESERTS BOOMSTL BOOT болье только истиниениъ благонъ гражданъ — инриниъ развитномъ, испалениемъ общесквеннытъ недуговъ, уславлани благосостояния. Въ таконть случай она логично должна бы среднать республику действительностью, заканны бырокозлическия силы-силами общественными. децентрализовань страну въ національную совонупность областой, управлаемыхъ мъстнымя представительствами; короче --- несредствомъ децентрализнати сдълить республику нотяною и витесть упрочнить си существование, такъ какъ захваты власти при таконъ устройстив были бы пеккалини, и судьба окраны уже не погла бы рашаться ни попойками на лагор'в Сачори, на безнорядками на улицахъ Парижа.

Не подобния разсуждения, чакъ они ни законны сами но себи, инходили бы нев области правтической политики. Она сообразуется са условіями данными, дійствиченно существующими въ данный моненть. И воть, въ силу этихъ-то условій, изъ поб'йди республиванской нартія на сенетскихъ виберахъ и истенала необходимость сибны цілаго бюрокразническить виберахъ и истенала необходимость сибны цілаго бюрокразническить виберахъ и истенала необходимость сибны цілаго бюрокразническить персонала. La те́риblique sams républicains системи Вроиви должна была сибинться въ силу локунча: la république--зих те́риblicains. Недаронъ старие роспубликанци, какъ Сенаръ, имприниръ, непоживали, что республика 1848 года потему и пегибла, что была слишновъ влатомична, что Ламартинъ съ своей "посезіето" приготовилъ въ ней президента Людовика-Маполеона съ его "провой". Натъ, разхуждали они: на этотъ расъ из принонъ свои и въры.

Да линь и то сказать: за побёдой слёдуеть раздёль добичи. Въ этой сървий политическая жинь, вслёдстве иногить ревенний, есть въболёв значительной степени, тёмъ гдё-либо, не только бериба нежду примениями, по и берьби нежду иёсколькими готовици при-

въстникъ проны.

ительственными персеналами, цёлыми арміяни алчущахъ власти и мёста, начиная отъ мёста главы государства и менчая привилетированной табачною продажею вакой-либо вдови заслуженнаго беланартнота или республиканца "сдёлавнаго свои рисцусс". На всё эти мёста готовы кандидаты; всё они давно ждуть этихъ мёсть; всё участвовали въ борьбё, всё желаютъ приза, пронорціональнаго своимъ заслугамъ передъ партією и своими связами съ ся вождами.

И воть какань образонь происходить то, что посль торноственной увертюры изъ одушевленныхъ высовных граждановыхъ чувствонъ заявленій вождей партія, хотя бы г. Гамбетти. что въль ся тольно GRAFORENCTRIE CTPARN, l'harmonie, l'union, la concorde, necri ucpuel же сцены, неображающей торжество поб'янтелей, если припеднять завъсу, которал сирываеть "фонъ", то открывается такая живая картина (скопнровонная здёсь съ дёйствительности): въ салонё свётскей женщини, сидить, развалясь на стуль, тоть же г. Гамбетта; нередь никъ изгибаются тё просители, которыхъ онъ подозвалъ нь себъ нановеніенъ вальца; вдоль ствнъ подобестрасню толиятся селаторы, депутаты, новые министры и внодголоса толкують о раздачь добычи; а сама хозайна, поочередно приблежалсь то въ кумиру, то въ поклонинкамъ его, раздаетъ кусочки бунаги, настояще былетики лотторов-сллогри, на которыхъ означены мёста, и помёхаются инсия счастливцерь, награждаеныхъ должностани, отнатания у слугъ прежняго правительства.

Но пора обратиться из связному разсказу о происшедшень. Ми потому такъ долго остановились на сибиаль и раздачё иёсть, для обевнечения республики и для награждения ал приворшенцевь, что самый кривнов, который подлежить нашему обвору, и преизонных непосредственно по поводу этого вопроса-о смёнакъ, сунщени нанансий и раздёлё добычи.

Посяб выборовь 5 января, инвестерство Дофора почувоквовало себя оврёншних; а маршаль созналь, что всяних его личных видамь и сймнатіамь наступнах конець. По всей вёроятности, опр уме вь это время сознаваль, что г. Гамбегти и лёвна сторона долёе его не ноторпять. Дёйствительно, въ ихъ рукахь били ночти поадолнима средства заотавить его уйти темерь же, за годъ слишнонь до семилётныто срока, назначениято конституціено. Онъ неть примириться съ требованіенъ объ аминскія, которое было тотчась внесено Викторонъ Гюго́ и Лун-Бланонъ. Онъ могь допустить гекатонбу врокуроронъ и хода бы дале дипломатонь. Но онь предмиділя, что затёмъ еть него нотребують еще принесския за смертву нёвкольных ого военныхь теварнией, что́, колонно, было бы дая него всего бельийе. Принглось бы уволить генерадовъ Бурбани, Кленцкана, де-Гал-

428

лиффе, герцога Ональскаго и другихъ. Онъ зналь, что этипъ будутъ военущени и т-те де-Марь-Магонь, и спископь Анжевскій. Но пусть бы, наконець, онь, смеь вэра Францін, маршаль, завоезавшій себь горногский титуль на нолихъ Мадженти, принесь и эту жертву--г. Гамбеттё. Вёдь и этемъ дёло бы не кончилось. Отъ него потребовали бы, чтобы онъ согласился на преданіе суду министерства 16 ная. Отъ другого, отъ г. Гревн, напримёръ, ногуть требовать это только такъ, для формы, для очищения севести, съ темъ, чтобы отступяться въ виду его веселания устровть такую травлю. Не отъ него, оть наршала Макъ-Магона потребовали бы этого съ настойчивостыр, разсчитывая навёрняка, что это-надежнёйное средство заставить его уйти. И въ самонъ дёлё, на эту послёднюю жертву наршаль согласниеся уже безусловно не мога. Кабишеть 16 иля быль назначень нив, действія тогденнихь министровь нив одебрялись, герцогъ де-Брольн до сихъ поръ ему близовъ, и вдругъ – предать этихь людей суду, который новеть признать ихъ дийствія неконститущовными, направленными въ государственному неревороту, а сямъ маршалъ въ такомъ случай невремённо оказался бы въ роди сообщинка преступления! Понятно, что этого онь допустить не могь не въ каконъ случай, а стало быть, онъ отлично зналъ, что у Гамбетты есть вёрное средство понудить его выйти въ отставку и что весь вопросъ только въ токъ, на долго-ни верный нинистръ Дифоръ иризнаеть возможнимъ, личнымъ своимъ автеритетомъ въ налата, охраннуь наршала оть такой крайности. Итакъ, наршаль рёшныся сообразовать свои личные дайствія съ тань-каной прісиъ будеть оназань кабинету Дюфера послё виборовь 5 января; этоть прісиз и долженъ быть ранить для нариала вопресь: оставаться ли президентокъ республики еще ибсколько ибсяцеръ, а ножетъ бить и годъ съ двужя ивсящами (до 20 марта 1880 г.), вля же уйти сейчасть, по съ честью, не познолиез протявникамъ снерза его унивнъь, a noton's BCO-TARM SDOFMATS.

Лячное значеніе Длофора было, дійствительно, не малое. Человікь честный, непреклонный, ораторь сухой, но снаьный, республиканець заслуженный, бывщій еще министромь февральской респубники. Дюфорь много сділаль и для упреченія нынізникей республики. Вообще кабинету 13-го декабря 1877 года принадлежала та заслуга, что онь своимь спонойнымь и благоразумнымъ правленіемь пріучиль буржуазію не бояться республики. Въ этомъ смыслі онь очень много содійствоваль блискательной побідів республиканцень на сенакорсинъ выборахь 5-го яникря, которые, какъ извістно, производилнов чебирателями особой категорін, т.-е, именно людьми сь нікогорнить положеніемъ, настоящими буржуд. Не результать занкъ выборовъ до такой степени подиллъ нетерпёніе лёвой сторани къ невому распредёлёнію административныхъ мёоть, ито надата депутатовъ еказала прайме-холодний пріемъ министерскому сообщенію 16-го ямваря. Оно было найдено слишкомъ сухнита и "мало-еб'вщающимъ". Потти ися республиканская нечать обружнатась на Дюфора за такое выраженіе дальнёйшаго кунктаторства. Затёмъ, въ заобданія 20-го ямваря моставнять свой знаменитый запросъ г. Сенаръ. Онъ спросніх яменно, намёрено ли министерство рёшительнымъ образомъ очистить адиянистрацію отъ элементовъ, враждебныхъ республикё, и высказалъ, что отъ отвёта на этотъ вопросъ будетъ закисйть поддержка палати тёмъ внесеннымъ министерствомъ законопроектамъ, которые самвно-себё встрёчають сочувствіе.

Итань, главныя сили республиканской нартія, вива позади себя свой штабь (г. Ганбетту), предлагаль генеральную бытву са правому крылу-немногочисленной группё приверженцень г. Анбора. Анборь должень быль отступить. Онь принуждень быль отвётить Севару, что хотя уже сивнено 5 генеральныхъ прокуреровъ, 2 сивненю, перемёщено и отставлено нёсколько генеральныхъ адвокатовъ, сийщено 177 мировыхъ судей и 168 нкъ же перемащено,---однако онъ, накъ министръ юстиціи, и доселѣ не объявляль, что дёло этимъ и ограничится. Такого объщанія не было довольно для радикаловъ: г. Мадье де-Монжо в Флове напали на министерство; но объщание, дянное Дюфороиъ и визвшее симслъ, что дальнъйшие переизны во всёмь отраслямы будуть, удовлетвернаю Ганбегту; онь подаль голось въ польву формулы перекода въ очередному порядну, предложенной Жюдемъ Ферри и одобренной министромъ де-Марсерсиъ; она выражала довёріе ниенно въ готовности кабинета "дать республиканскому большенству по отношению въ персонелу администратизныха и судебныхъ должностныхъ лицъ то удовлетворение, котораго оно, отъ лица страны, столь давно ожидаеть". Итакь, за министорство было подано, подъ вліяніемъ г. Гамбетты, 228 голоса противи 191; правая воздержалась. Но убдь такое выражение довбрия было уже положительнымъ контрактомъ-donnant donnant.

Авторичеть Дюфора оказался безсилень протичь напора всёхь честолюбій, всёхь алчностей; существованіе набинета Дюфора оказалось зависящими оть одного жеста Гамбетти. Это рёшнию вопрось въ умё маршала-президента. Онь тотчась привазаль приснособить въ жительству свою прежнюю, частную квартиру въ улидё Вейеснаязе. Въ своей супругё онь написиъ полизёщее расиоложение перебхать, не дожидаясь никакихъ дальнёйныхъ натисковъ непріятеля, а епископъ Алжерскій написаль ещу весьма неудовлетворительтый отвыть о томъ, какъ все происходившее теперь должно будеть

480

огразнийся на тонь, свучь. Но маршаль Мань-Магона все-таки не женщина в не полъ, а соддать, "достославно-побяжденный" (glorieux чаіпси) Рейстоффена (Решоффана). Поэтону, онъ ришныся уступить свою познийо не инахе, какъ съ бод. Онь зналъ, что сражение знередъ проиграно, но онъ привыкъ въ тому, чтобы быть достоелавно-побалgenting. Kart nephale, one reold commute, wo negatereduit сражение инжеть на своей сторень то преннущество, ято самъ набраль поле, на которонъ сращение будеть происходить. И воть онъ выбраль себе полень быткы -- вопроса о онвый корпуссыхъ конандировъ, твердо ренинся не устунать и быть разбитымь имение на этома, а не на другонъ вопросъ. Для него, не было нивалого разсчета, уступить въ этонъ дёлё, и затёнъ подвергнуться поражено́ю на вопросё объ отдача подъ судъ менистровъ 16-то ная. Если би онъ ранияся на послёднее, то какой синсль низда бы его отставна? Свазали бы, тто онъ принесъ въ жертву даже товарищей, - все, кремъ самоте себя; что онъ не хотёль дозволить только одного -- суда надъ своние сообщенками, и вышель въ отставку только тогда, когда нередъ них быль поставлень, вопрось о предавін суду его же прежилих инистровъ, т.-е. почти-чте его сажого.

Нёть, до этого не слёдовало донускать. Гораздо лучие было стать грудью за своихъ товарнщей — корпусныхъ командировъ и насть на этоло вопросё, унеся съ собою и влъ дичныя сочурствія, и симпатію арміи, — и, накоцецъ, уваженіе самой страны въ рицарскому чувству маршала, покертвовавнаго властью, линь бы не наложить руки на товарищей, такихъ же встерановъ, какъ енъ сами.

Не подлежнить сомнёнію, что маршаль нь умё уже цодаль нь отставку, когда о необходимости смёни корпусныхь камандировь еще только толковалось въ ворридорахь палаты и когда тамъ повторялась фраза г. Гамбетты, что у него "есть еще въ замесё не одниъ сюрприять для министерства". Но маршаль покакиваль "добрую иниу плохой игрё", и отамвадся въ частныхь разговорель въ эти дни въ томъ смысдё, что онъ — вовсе не враль уступоль, лишь бы онё не доходили до невозможнаго. "Я быль еще очень молодъ", сказадъ, онъ нь одинъ имъ втихъ дней, "когде на престолё билъ Карлъ Х-й ¹), но живе помню впечаслёніе, проязведенное на меня извёстіемъ, что произоция рекодивція потому, что г. де-Полиньять не хотёлъ сдёлать уступовъ. Въ 1848 году я былъ уме не молодъ, и осуждаль Гияо ва то, что онъ не котёль сдёнать уступонь и тёмъ визвалъ новую революцію. И въ эти нослёдніе два дня я не рать вспоминаль объ этомъ". Таць говораль маршалъ, дотя нь умѣ есо

¹) Маршаль родился въ 1808 году.

уб это время уже созрѣло намёреніе не сдѣлать той большей уступки, которой отв него собирались потребовать, и говориль такъ конечно, — съ цѣлью показать, что окъ не изъ упрямства откажется, что онъ склоневъ къ уступкамъ, ко что и столь уступчиваго чаловъка не съумѣли оцѣнить.

Такъ какъ самая побъда министерства Дрфора была вниграна только вслёдствіе принятаго низ на себя обязвательства преизвесть дальнъйщее большое "очищение" администрации, то нельзя было и удивляться, вогда г. Гамбетта нустиль вслёдь затёмь въ ходь первый ние свонкъ дальнейшихъ "сюрпризовъ", а именно, когда лёвал сторона потребовала отъ илинстерства смёны еще вёсколькихъ прокуроровъ и ийсколькихъ корпусныхъ конандировъ. Въ числё этихъ послёднихъ находились и генераль Бурбани, и генераль герцогъ Ожальскій (сынь кореля Людовика-Филнина). Странно, что г. Гамбетта не кожальль тенерь перваге неъ этихъ двухъ генераловъ. Хотя Бурбаки и боналартисть, но вёдь онъ въ то же время личная мертва г. Гамбетты; Гамбетта послаль его на перерёзь сообщений германскихъ войскъ, минуя полумилліонную германскую армію, стоявшую подъ Париженъ; Ганбетта снабдилъ его нолодыхъ солдать. только-что взатних оть плуга, ботенками и визаными шарфами, съ которыми они должны были пройти пол-Франціи въ самое суровое знинее время; если Бурбаки легкомислевно принялъ на себя такое певозможное поручение, то вёдь онъ и наказаль себя за это: разбитый Мантейфеленъ, оттёсненный въ Швейцарін, видя гибель десятковъ тысячъ юношей, которыхъ республика снабянла только ружьенъ. мундиромъ и марсельезов, бёдный Бурбани изуродоваль себя выстралонь наз револьвера, покуснениесь на самоубійство. Теперь онъ же сибнень съ должности корпуснаго кожандира по требованию своего неинлосерднаго диктатора.

Другое д'яло-герцогь Омальскій. Что Гамбетта желаль его сийни -этому вечего удивляться. Герцогь вовсе не занимался политиков и быль очень любамъ подчиненными и солдатами. Еще при жизни отца, онъ избраль себ'в спеціальностью — п'яхотную службу, и всею душой предался этой спеціальностью — п'яхотную службу, и всею душой предался этой спеціальность, —прим'ярь, р'ядкій во Франціи въ сред'я лицъ знатныхъ по рожденію; несмотря на изреченіе Наполеона (из его запискахъ), что п'яхота есть — la reine de toutes les armes, п'яхотная служба для баричей не представлялась заманчивою. Но герцогь Омальскій, если бы онъ остался корпусныхъ конандиромъ еще в'ясколько л'ятъ, могъ бы быть онаснымъ конкуррентомъ на будущихъ президентскихъ выборахъ для самого г. Гамбетты, т.-е. на т'яхъ выборахъ, когда онъ уже признаетъ оррогил выступить самъ кандидатомъ. Несмотря на полнъйшее равенство правъ, давно про-

492

веденное въ законахъ, сбаяніе родового имени во Францін еще велико, а сверхъ того, и но отношеніямъ въ другимъ державамъ, будущая налата могла предночесть герцога Омальскаго — въ которомъ заграницею видѣли бы королевскаго принца.—г. Гамбеттѣ, въ которомъ заграницею онибочно усматривали бы если не друга коммунаровъ (отъ чего весьма далевъ проновѣднияъ принципа, что la République c'est la propriété), то хоть того же fou furieux, какимъ его иѣкогда вазвалъ покойный Тьеръ. Думается даже, что при смѣнѣ корпусныхъ командировъ, г. Гамбетта особение дорожилъ именно смѣнов герцога Омальскаго. Изъ вѣжливости (такъ какъ онъ неновниетъ им въ какихъ связяхъ съ реавціею, и одинъ изъ всѣхъ орлевнскихъ принцевъ не присоединнася къ иодчиненію графу де-Шамбору), его можно было оставить пока на службё въ какомънюбо номинальномъ званіи, но необходимо было лишить его командеванія, т.-е. неносредственной связи съ арміею.

Покорное большинству, министерство Дюфора рёшилось "расширить свою программу", согласно его требованію, в поднесло маршалу из подписанію декреть о смёнё многихъ прокуроровъ и о назначеніи двухъ пріятныхъ реснубликанцамъ генераловъ на должности теварища военнаго министра и номощника товарища. Маршалъ поднисаль. Затёмъ ему поднесли декреты о смёнё и перемёщеніи корпусныхъ командировъ.

Это в быль ожиданный маршаломь моменть. Онъ рёшихельно отказаль въ своемъ согласін. Министерство тотчасъ подало въ отставку, а маршаль Макъ-Магонъ объявниъ о своемъ намбрени оставить пость президента республики и действительно выбхаль изъ едисейскаго дворца. Въ тотъ же день (30 января), въ собрание объехъ палатъ было прочтено письмо, присланное маршаломъ ихъ президентамъ. Изъ этого письма достаточно будеть привести одно мёсто. Напоненеъ, что онъ сделадъ рядъ потребованныхъ отъ него уступокъ, пока онё не противорёчили его совёсти, маршалъ продолжалъ: ,нынѣ министерство, желая сообразоваться съ мнѣніемъ большинства налать, предложило инъ относительно большихъ военныхъ командованій такія общія мёры, которыя, по моему убёжденію, противоричать интересань армін, а стало быть-и страны. Подписать нхъ я не могу. Всякое иное министерство, составленное изъ больнинства, предъявнио бы мий тё же требованія. Съ этой минуты я почитаю долгонъ сократить срокъ полномочій, данныхъ мив національнымъ собраніемъ. Я подаю въ отставку какъ президентъ реснублики". Конгрессъ объихъ палатъ (называется "національное собраніе") по прочтенія этого письма тотчась приступнять въ избранію

TOWS IL-MAPTS, 1879.

1/1 28

новаго президента; г. Греви получилъ 563 голоса, генералъ Шанзи 99. На другой день, въ палатё депутатовъ происходило избраніе новаго президента ся, вибсто г. Греви: г. Ганбетта получилъ 814 голосовъ, изъ 836 признанныхъ дёйствительными. Принимая мёсто президента палаты депутатовъ, г. Гамбетта тёмъ самынъ отврыто выразилъ свое притязаніе на президентство республики при первой послёдующей смёнъ.

Массъ имя г. Греви знакомо только потому, что онъ былъ президентомъ національнаго собранія при Тьерв и теперь состояль президентомъ палаты депутатовъ, что либеральныя газеты всегда отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ и что онв уже нёсколько мвсяцевъ говорили о въроятности возвышенія его на первую доляность въ государствв въ случав, если бы маршалъ вышелъ въ отставку. Но партія во Франція заботливо хранять свои преданія, в въ республиканской партіи не было забыто прошлое г. Греви. Этотъ осторожный и умёренный политикъ въ свое время быль пылкимъ борцомъ и энергическимъ ораторомъ. Семнадцати лътъ отъ роду, онъ въ польские дни 1830 г. дъйствовалъ съ ружьемъ въ рукахъ на парижскихъ баррикадахъ, сражаясь за республику противь Карла Х. Когда республика была "эскамотирована" въ пользу орлеанской отрасли. колодой Греви, окончивъ свой курсъ и занлышись адвокатурой, не хотёль участвовать въ политической жизни, хотя быль друженъ съ нёкоторыми депутатами, извёстными по республиканскимъ убёжденіямъ.

Но оть республиканскаго правленія 1848 года онъ приналъ полномочія коммиссара, пославнаго въ оденъ изъ департажентовъ для провозглашенія и первой организаціи республиканскаго управленія. Въ избранномъ затёмъ національномъ собраніи онъ быль депутатожь департамента Юры и игралъ значительную роль, такъ что состояль одно время въ числѣ вице-президентовъ. Тогда же онъ прославился своимъ проектомъ поправки въ статьяхъ о власти президента республики. Не довѣряя безкорыстію будущаго президента, Греви внесъ поправку въ таконъ смыслё, что президенть республики можеть быть во всякое время сивняемъ національнымъ собраніемъ. Защищая свое предложение, Греви предсказываль то, что впослёдствіи действительно случилось, именно, что глава государства, назначенный на опредѣленный срокъ, при наступленіи этого срока не захочеть отказаться оть власти. Это amendement Grévy долго оставалось знаменитымъ, и авторъ его сталъ еще болёе извёстенъ послё того, какъ государственный переворотъ доказалъ, что онъ былъ правъ. Разсказываютъ даже анекдотъ, будто одинъ изъ обитателей юрскаго департамента, слыша какъ всюду, гдъ онъ ни встръчалъ

бывнаго депутата, нентали слова: Amendement Grévy, назваль его такъ, обращаясь въ нему, въ увѣренности, что произнесъ полную его фамилію. Это прошлое, эта коизмѣниан преданность республиканскому вринципу, безупречная личная рекутація и авторитетъ, пріобрітенный имъ въ званія президента палаты, указывали именно въ немъ того человѣка, который долженъ былъ замѣнить собою маршала, предиолагая, конечно, какъ то было извѣстно что самъ Гамбетта не сочтетъ еще "своявременнымъ" (оррогип) сдѣлаться явнымъ главой республики.

Г-из Греви волупних въдолжность президента на 7 дётъ, по смыслу конституція. Такимъ образомъ, устранилось ожиданіе новыхъ презнаентскихъ выборовъ въ будущемъ году, когда истекалъ срекъ полномочій маршала Макъ-Магона. Но едва ли можно вибть увбревность, что Греви действительно выслужить подный срока. Онъ еще не очень старь (ему 63 года) и бодрь; но дело не въ этомъ. Абно въ томъ, что онъ кожетъ остаться президентомъ республики только до тёхъ поръ, пока Гамбетта не сочтеть удобнымъ занать это ивсто самь, и до тёхъ поръ, пека онъ будеть пользоваться поддоржкой большинства, то-есть пока онъ будеть слушаться Ганбетти. Въ этомъ положения дблъ есть нёчто совершенно фальшивое. Гамбетть следовало или примать самому формальную роль избранника большинства палачь, такъ какъ неоффиціально эта родь и теперь принадлежить ему; тогда положение дёль было бы согласно съ истиной; нин же ему слёдовало отказаться на время совсёмъ отъ полнтической жизни, выжидая удобнаго момента завать мёсто, на которое онь предназначень инанісиь госполствующей партіи. Нынаннее же ноложеніе дёль фальшиво и непрочно. 7-ми-лётній срокъ власти Греви вовсе не представляеть обезпеченія; прим'тръ Макъ-Магона показаль, что, при импенной конституции, президенть въ действительности можеть быть смёнень вогда угодно. Стонть только г-ну Греви вступить въ разладъ съ г. Гамбеттой: тогда вождь большенства настоить на проведение такихъ мёръ, которыя будутъ продиктованы них "въ пику" президенту республики. Если Греви не захочеть на нихъ сокласиться, то онъ не будеть въ состояни составить ин одного министерства, такъ какъ министерство зависить отъ большинства; тогда ему оставется только уйти. А вйдь для главы государства весьма тажело будеть находиться въ нодчиненности другому лиду и просить его позволенія на все, что предполагается сділять. Полеженіе это даже просто невыноснию для чедовіка, съ скольно-инбудь твердымь характеромь и независимымъ ваглядомъ. А г. Греви вменно таворь.

Возвышение Греви очень поправилось буржувани; она увидёла въ

этомъ событи окончательное торжество "нитатскаго" элемента надъ военнымъ. Разсказывали, что за день, за два до отставии Макъ-Магона, въ елисейский дворецъ посибшно прибилъ изъ дальняго гарнизона младшій сынь его, Патрикъ, оберъ-офицеръ, в старался убъдить отца не оставлять поста, увёряя его, будто армія отвазываются понять, какъ онъ, маршалъ Францін, пользующійся ся дов'йрісиъ, позволить адвоватань сибстить себя. Такое вибнательство офицера, если оно было, весьма комично, разумвется. Но было ли оно или нѣтъ, характеристично то, что разсказывались такія вещи. Говорилось даже въ газетахъ, что всё корпусные командиры нодадутъ въ отставку. Но этого, конечно, не случилось. Сивна тёхъ, которые были намёчены впередъ, благополучно совержилась, причемъ горцогъ Ожальскій быль назначень однимь изь инспекторовь армін. Разсиязывали еще, будто Макъ-Магонъ, уходя сказаль: "вы желаете преяндента во фракѣ-попробуйте". Г-нъ Греви есть въ санонъ дёлё президенть "во фракв". Въ жизвь свою онъ не носиль никакого мундира, такъ какъ при Людовикв-Филиппв какимъ-то счастливниъ способоиъ отдёлался даже отъ службы въ національной гвардіи. Когда въ 1848 году онъ былъ посланъ республивою чрезвычайнымъ коминссаронъ въ департаментъ Юры, онъ могъ, подобно другниъ, над этъ вышитый мундирь и шляпу съ нлюмажень; но онь удовольствовался трехцвётнымъ шарфомъ. Въ національномъ собранія п потомъ въ палатѣ депутатовъ онъ предсѣдательствовалъ всегда въ черновъ фракъ и бълонъ галстухв. Никакой степени Почетнаге Легіона онъ не имблъ и не желалъ; кало того, онъ въ учредительномъ собрания 1848 года подавалъ голосъ въ пользу отмѣны Почетнаго Легіона и въ новъйшее время подаваль голосъ въ пользу закона, воспретившаго депутатамъ принимать орденъ отъ правительства. Теперь однако, по встунленік своемъ въ елисейскій дворець, онъ долженъ быль надёть ленту высшей степени Почетнаго Легіона, воторую ему и привезъ, какъ главѣ государства, канцлеръ ордена, генералъ Винуа.

Но и въ звании президента республики, г. Греви въроятно будетъ держаться привычныхъ ему скромнихъ условій жизни, насколько это будетъ возможно. Такъ, слуги, въроятно, не будутъ въ ливрет. Г-нъ Греви, сынъ фермера, хотя самъ богатый землевладълецъ, никогда не держалъ въ городъ лошадей, пока не сдълался президентонъ налаты. Съ тёхъ поръ онъ завелъ' себъ въ Версалъ одноконную карету съ кучеровъ, одътниъ въ черный сюртукъ, а въ Парижъ въздилъ въ фіакрахъ и ходилъ пъшкомъ. Г-нъ Греви объкновенно носитъ не такъ называемый "цилиндръ", а мягкую полрковую шляпу. Для тѣхъ особаго рода "консерваторовъ", которые у насъ возмущаются ви-

донъ такихъ шляпъ, можно замътить, что въ настонщее проия Россія нитетъ посла, генералъ-адъютанта инязя Орлова, при человъкъ въ подобной шляпъ. Правда, г. Грези имълъ бы тенерь совершенне такое же право, какъ нёкогда Людовикъ-Наполеонъ, надъть мундиръ дявизіоннаго генерала. Но уже онъ этого не сдёлветъ. Онъ-президентъ на анериканскій образецъ. Онъ получаетъ 750 г. франиовъ содержавія и двё назенныя квартиры: елисейскій дворецъ въ Париять и денъ въ Версалё (прежняя нрефектура).

Общирность елисейскаго дворца привела въ ніжоторое смущеніе г-жу Греви, ---женицину, воторая, но нездоровыю, оставалась досожь въ сторон'в отъ свётской жазни. У г. Греви никогда не бывало баловъ и вочеравь, да ввроятно и не будеть. Въ должности президенча налати онъ давалъ обёды; и теперь въ должности президента республика уже даль обёдь, къ которому быль пригланень и Ганбетта. ненечно. Обязанности хозяйки дона, по отношению къ гостянъ, раздъляеть съ женою новаго президента его единственная дечь, дванца уже на возрастё. Когда она была еще совсёмъ неледеньной дёвумкой, она сопровождала отца въ его охотничьнать экскурсиять и сана страдала хорошо. Г-из Гревя-страстный окотных, страстный нушканть и страстный игрокъ на билліарді. Курьёвно, что одинъ неь обычныхъ его партнеровъ на биллардъ-отълвлевный бенанартнотъ Поль-до-Кассаньать. Ихъ солнанав общая страсть и равное искусство. Если въ перечисленнымъ страстамъ новаго президента прибавить его страсть въ курению, тогда мы и новончемъ ваталоръ. Въ остальномъ же г. Греви -- безстрастенъ, хладновровенъ и иолчаливъ, но теордъ.

Вслёдъ за избранісиъ новаго президента республяки, изпёнидся и составъ кабинета, такъ какъ заслуженный и бодрий, несиотря ва свои 80 явть, Дюфорь призналь, что для новыго правления требуются в новые исполнители. Составленное 4-го февраля новое ининстерство состояло изъ гг. Ваддингтона (пресидентъ совъта и иннистръ иностранныхъ дёлъ), Леона Се (финансовъ), де-Марсера (ниутреннихъ дълъ и культа, par interim), Леройс (юстицін), Жюля Ферри (пароднаго просв'ящения в искусствъ), Лепера (зепледблия), де-Фрейсине (общественныхъ работъ), генерала Греле (военный министръ) и адинрала Жоргиберри (флоть). Вліательнійние члены этого кабинота — Леперь, Леонъ Се и де-Фрейсине, а не самъ Ваддингтонъ. Очень вёроятно, что какъ только за-границей непривыкауть из новому французскому правлению, то Вадденстонъ потернить вы палаяв неудачу; тогда онъ отправится посломъ въ Лондонъ. Дело въ темъ, что отношения Ваддинитона въ всеснаьному Ганбентв не особенно хореши, какь то ноказывали различные выхазки газоты "République française" противъ Ваддингтона. Въ провинціи особенно популяренъ

де-Марсеръ. Дёло въ томъ, что во время выставки вой ночти франдузскіе мэры съ семействами неребывали на всемірной выставит, и г. де-Марсеръ, будучи и въ то времи министромъ внутреннихъ дълъ, приглашалъ ихъ къ себъ, съ ихъ женами и дочерьми и обворожнять ихъ; они убёднянсь, что телерь республива въ самомъ дѣлѣ. Гг. де-Фрейсине и Леперъ вліятельны какъ люди лично близкіе въ Гамбеттѣ. Въ числё новихъ министровъ надо отмѣтить Лерейе́. Это. — авторитетный юристъ и замѣчательный оратеръ. Онъ ирежде былъ генеральнымъ прокуроромъ, а въ послёдное время сенеторомъ.

Повёсть о дёлахъ новаго правительства покамёсть очень коретка: проведение аменсти и ибкоторое, усяблино околчивноеся столкновение съ редивальнымъ муниципальнымъ сорбтомъ Парежа, по вороду аминстированных, -- воть и все, пока. Правительственный вроенть объ амнистія, въ томъ видё, вакъ онъ биль намёненъ коминссіею и утверждень палатою, состонть вь слёдующемь: амнистін деется всёмь осущеннымь за участіе вь ворстаніяхь 1871 года и исвиъ вообще осужденнымъ за преступленія и проступки нолитическаго свойства, воторые были или будуть освобеждени или прошены врезндентонъ республики въ теченін 3-къ мйсяцень по обнародованія атого закона; кары, опредёленныя заочно (раг сельшпасе) за тё же евиствія, могуть быть слагаемы путемъ помилованія. Такимъ обравоить, въ силу этого завона, всё получившие уже доселё облогчение своей участи помилованісих пріобрётають вой прежиня права, а помидованіе можеть распространаться и на вобхъ прочихъ осужденныхъ, а также и на осужденныхъ заочно. Исключение постановлено только протных тёхь, которые, независимо оть нолитического преступленія, совершили еще нныя, общія преступленія или проступки противь обыкновенныхъ зелоновъ (de droit commun), повледшіе за собей приговоръ на болёв чёмъ годъ заключенія. Полной аменстія коминссія но нащия возможнымъ дать, ссылансь на то, что въ дёлахъ о нёвоторыхь людахь, замёшанныхъ въ вочетанін коммуны, есть свёдёнія о многочисленныхъ (до 24-хъ) осужденіяхъ за обманъ, воровство и т. и.

Хоти Лун-Бланъ очень сильно защищалъ свое предложеніе нолней аминскій, доказывая полную невозможность строгого разграниченія между преступленіями политическами, но сопряженными съ посягательствомъ на жизнь и вредомъ для имущества, и преступленами обыкновенными, но большинство оказалось въ пользу правитольства и номинссіи. Въ засъданія 21-го февраля изъ проекть быль принять большинствомъ 333 голосовъ, противъ 94-хъ. Между тъмъ, паринатъ большинствощъ зовъть вотироваль 100 тыс. фр. пособія изъ городскихъ средскать въ пользу аминстированныхъ, изъ кото-

хроника.----иностранная политика.

рыхъ большая часть возврататся на родину безъ всякихъ средствъ къ жизни. Это городское пособіе должно было поступить въ руки учреднишагося особаго комитета всионоществованія амнистированнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ де-Марсеръ отозвался совершенно одобрительно о намѣреніц города пособить прощеннымъ, но вашелъ неправильнымъ приговоръ совѣта объ отдачё суммы изъ городскихъ средствъ въ распоряжение комитета, имѣющаго частный харакиеръ. На этонъ основание постановление совѣта было отмѣнено декретомъ. Комчилось дѣло такимъ соглащениемъ, что геродъ предостанитъ названную сумму въ распоряжение совскаго префекта.

Наязая не занічнує, что во всень этонь краннсі обнаружнось сталь пранцімов и спонойное теченіе діль, что, несмотря на многія несепершенства, остающійся въ нолитическомъ устройстві Франція, всё еще разь должни были отдать французской націи справедянюсть въ полной ся способности къ самоуправленію. Республива во Франція, если она установитол окончательно, дасть неизбіжнымъ въ этой странів періодическимъ сибианъ правительства карактеръ закончніхъ, правильныхъ оправленій, и дійствительно закроетъ неріодъ революціоннихъ потрасеній. Но все-тапи, для того, чтебы рескублина стала потиною и неотийнениъ фактомъ, Франція долява оказаться на неопреділенное пока время отъ мысли о возвращеніи укеранныхъ областей войною, осуществить децентрализацію и усидить вліяніе общественнаго олемента на всёхъ ступенахъ управленія.

3 A M 5 T K A.

По поводу редензіи на книгу: «Исторія славянскихъ литературъ».

Моя книга объ исторія славянскихъ литературъ вызвала довольно облирный разборъ г. И. (или П.) С-ва, въ "Невоиъ Времени", Ж 1063 и 1070. Авторъ разбера, "спеціалнеть", по слеванъ редавцін Газеты, показываеть много усердія въ своемъ контическомъ труда, но очень недостаточно спекействія, --- между прочень, вереятно потому, что зарание не расположень быль относиться спокойно во мий, видя во мнё сретика. По поводу монть общихь понятій с славянскомъ вопросъ я не буду инчего отвъчать на обвинения критика ("противорачія", "привлесенные моснь ввгляды" --- откуда конь? и т. п.): мей случалось не одних разъ говорнть объ этомъ предмети, н если критикъ чего не желаетъ нонать въ коей точкъ зрения, то это ого добрая воля, ----я говорыль, важется, настолько ясно, насколько позволяють русскій литературный языкь. Въ кіноторыхь частныхь подробностакъ я считаю поправки и дополнения критика полееными, но въ больжинстве другихъ онъ не позаботнися о безиристрастия, и, не почрудившись обратить вниманіе на программу книги, относкивають ошнбин и пробълы тамъ, глё ихъ не имъется. Для объясненія этой программы я и хотёль сказать нёсколько словь.

Разборь упрекаеть меня, что я, во веодной главё, не изложных вопроса о "все-славянскомъ языкѣ"; но тамъ было вовсе не мѣсто говорить объ этомъ предметѣ: опредѣленная мысль о "всеславянствѣ" и особенно мысль о всеславянскомъ языкѣ есть вообще новѣйшій результатъ славянскаго литературнаго развитія, и говорить объ этомъ подробно умѣстно въ конце его исторіи, а не въ началѣ. Критикъ и по 1-му изданію моей книги (съ которымъ онъ справлялся) могъ это видѣть; слѣдовательно, нечего было говорить, что я забылъ о Колларѣ, Юнгманнѣ, Гильфердингѣ и т. д. Замѣчу встати, что изложеніе этого предмета уже приготовлено мной и, быть можетъ, появится въ "Вѣстникѣ Европы" (во 2-мъ томѣ лишь вкратцѣ).

Критикъ требуетъ отъ меня изложенія особенностей славянскихъ нарёчій. Но это могдо бы и не входить въ исторію "литературы"; въ 1-мъ изданіи моей книги не было совсёмъ той небольшой главы объ этомъ предметё, какую я прибавилъ въ 2-мъ изданіи. Ученыя работы по русскому языку—не перечислены подробно, но онё опять должны явиться въ своемъ мёстё, когда будетъ идти рёчь спеціально о русской литературѣ.

У неня, но сновамъ притика, недостаточно (опять со сводной навѣ) изложены взгляды снавянофильскихъ писателей, и авторъ рекомендуетъ миѣ добросовѣстное изученіе г. Н. Данилевскаго, И. Аксякова, В. Ламанскаго, словака Штура и проч. Намѣреніе автора препадать миѣ полезное наставленіе похвально; но сиѣю думать, что съ указанными писателями довольно знакомъ, а о сочиненія словака Штура еще очень недавно имѣлъ случай (гдѣ это было умѣстно) говорить довольно недробно, и не безъ сочувствія къ благородному цеалноту. А во сводной главѣ говорить обо всемъ этомъ было бы

У меня не изложены всё подробности изслёдованій о Кириллё в Меюдів;-----во, думаю, соть предёль, который дёлить исторію исркои оть исторіи литературы.

Авторъ разбора недоволенъ составонъ библіографическихъ указаній въ моей книгѣ, и многія указанія почитаетъ "балластонъ". Но въ моей книгѣ не единъ разъ (см. стр. 4, 37, 38) объяснено, что иногое указываемое приводится именно для исторіи сопроса. Для читателя, болѣе спокойнаго, чѣмъ г. И. (П.) С-въ, это не требуетъ объясненій. Назвать, напр., д-ра Антона, писавилаго въ прошломъ столѣтія о славянской этнографія, или архимандрита Ранча, или энтеля, пли многихъ другихъ старыхъ писателей подобнаго рода, по моему мнѣнію, совсѣмъ не линиее, — если надо дать понятіе о разитія славянскихъ наученій; но только человѣкъ, черезъ-чуръ наивный, подумаетъ, что, называя ихъ, я хотѣлъ ихъ рекомендовать какъ руководство въ настоящую мниуту. Или, говоря объ ивученіяхъ старославнискаго языка, было бы нелѣпо не указать "Institutiones" Доброскаго, не быю бы странно считать его за учебникъ, возможный тецерь.

Автору разбора осебенно непріятно увидёть у меня "стремленіе" гь полнотё указаній "по части иностранцевь" — тогда какъ, по словиъ его, "славяновёдёніе разработывали и разработывають славянскіе ученые, и преимущественно (?) русскіе".

Что касается утвержденія, что славяновёдёніе разработнвалось преннущественно русскими, — это утвержденіе требовало би очень большихъ оговоровъ. Въ русской литературё, до сихъ порь, *не било* и нене ничего, что бы, относительно, равнялось такимъ цёльнымъ трудамъ, какъ "Древности" — Шафарика, "Этнографія" — его же, "Сравнительная грамметика" — Миклопича, "Истерія Болгарін" — Иречка и друг. Намеки "по части иностранцевъ" я вынужденъ назвать просто ребяченним, цотому что на указанія изъ русской литературы я обращалъ именно особое вниманіе, и онѣ простираются даже на небельнія журнальныя статьи. Въ свеей книгѣ я не сосчи-

TON'S II.-MAPTS, 1879.

тываль, кто сдёлаль больше для славяновёдёнія — ниостранцы или славяне: ясно, что славянскіе ученне работали больше; но вань быть, если труды самихь славянь являлись зачастую въ нёмецной одеждё? По-нёмецки писали часто даже столиы славяновёдёнія, какь Добровскій, Шафарикъ, Палацкій, Миклошичъ (исключительно); далёе—Воцель, трое Иречковъ, Гиндели (первый чешскій историкъ, послё Палацкаго), и т. д., даже нашъ почтенный ученый — А. Н. Веселовскій; по-нёмецки издаваль свой панславянскій журналь Іорданъ, теперь Ягичъ, — по-нёмецки писали свои воззванія даже пламеннёйшіе панслависты, Колларъ и Штуръ! Что скажеть объ этонъ критикъ?

Пропускаю негодующую, не совсёнъ вёрную и не совсёнъ приличную тираду (вторично) противъ меня за невниканіе въ трудамъ славянофильской школы, — замёчу лишь, что другіе упрекали меня, что я слишкомъ много ими занимался.

Далйе. Авторъ требуетъ отъ меня свёдёній о содержанів Законника Стефана Душана. Вообще, оно и указано, но въ частности эти свёдёнія принадлежатъ исторів славянскаго права, а не литератури; иначе — въ исторіи русской литературы пришлось бы излагать содержаніе свода законовъ.

По поводу Крижанича, я оговорился ясно, что разсвазъ объ его трудахъ отношу въ исторін русской литературы, такъ какъ въ Россів и для нея составлены его главнъйшія сочивенія. Критикъ тёмъ не менёе упрекаеть меня за "пробёль", что я не помёстных Крижанича въ хорватской литературѣ. Какъ угодить вритику, не знаю; разву писать одно и то же и въ хорватской, и въ русской литератур'я? Въ онору своего требованія вритикъ приводить, во-первыхъ то, что я отнесъ, напр., Костомарова въ малорусской литератури-но Костонаровъ, подъ псевдонимонъ Ісренін Галки, былъ настоящниъ малорусскимъ писателенъ, этимъ пріобрёлъ первую литературную извёстность, и изъ дальнёйшикъ его сочиненій большая часть посвящена именно южной Руси, которой видимымъ образомъ принадлежать его горячія сочувствія; во-вторнять, вритикь ссылается на то, что "въ курсалъ русской литературы обывновенно не дають ийста Юрію Крижаничу", - а инй какое діло было бы до такихъ курсовъ? Да это и неправда, будто о Крижанича не говерится въ курсахъ русской литературы. Укаженъ ученому вритику на курсы Галахова, Караулова и Порфирьева — лучшіе, какіе у насъ есть: во всёкъ трекъ говорится о Крижаничё.

Еще одно зам'язаніе. Авторъ разбора желаеть вид'ять во 2-мъ том'я указаніе вс'язь *пересодого* на русскій языкъ книгъ, цитуемыхъ много по подлинникамъ: "мечально,—говерить онъ,—если при суще-

442

ствованія русскихъ переводовъ, читатели, по незнанію, будутъ искать подлинниковъ". Мы скажемъ наоборотъ: печально, если читатели, по незнанію качества переводовъ, будутъ искать, напр., такихъ книгъ какъ русскіе переводы сочиненія "Фриллея и Влохити" о Черногоріи, или Каница о Болгаріи, гдѣ переводчикъ не съумѣлъ перевесть даже заглавія. Переводы перядочные я очень радъ указать, и указываль въ своемъ мѣстѣ.

Значительная доля требованій вритика, которыя я должень быль устранять, произошла изъ того, что онь не потрудился обратить вниканіе на нланъ моего сочиненія, о которомъ отчасти могь бы имъть нонятіе и по первому изданію. Во 2-мъ томъ, послё изложенія литературы польской, чешской и лужицкой, заключительная глава будеть посвящена общему вопросу славянскаго возрежденія и панславязка; тамъ вритикъ найдетъ тѣ предметы (напр., толки о всеславянскомъ языкѣ), изложенія которыхъ онъ оть меня требуеть уже въ общемъ введенія. За 2-мъ томомъ, я предполагаю издать излокніе исторія русской литературы (которое можетъ служить и третьичъ томомъ Исторіи славянскихъ литературъ): здѣсь будетъ, между прочимъ, вкратцѣ изложена исторія русскаго славяновѣдѣнія и вообще славянскаго вопроса въ нашей литературѣ, — отсутствіе чего во сезении причницю также безпокойство моему критику.

Наконецъ, критикъ, новидимому, не имѣлъ представленія о томъ, какъ трудно овладёть компендіарной формой, особенно при первыхъ ощитахъ и при такомъ разнообразія матеріала, не нарушая равномёрности и оставаясь въ извёстныхъ границахъ виёшняго объема.

Критикъ сдёлалъ мий столько поучительныхъ наставленій, что я, кажется, обязанъ отблагодарить его хотя однимъ, — напримёръ: научиться относиться добросовёстиёе къ чужому труду и не впадать въ дётскій задоръ, когда можно говорить спокойно.

А. Пыпенъ.

20 февраля 1879.

DECTHWE'S ERPOILH.

ИЗВВСТІЯ

ОТЪ ВОМИТЕТА ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Государь Императоръ, по ходатайству комитета общества русскихъ драматическихъ писателей, Высочайше соизволилъ на открытіе подписки для составленія капитала, проценты съ котораго назначаются на ежегодную премію за лучшее оригинальное драматическое произведеніе, съ навменованіемъ таковой премія "Грибождовскою".

Комитеть общества русскихь драматическихь писателей, озабочиваясь составлениемъ правиль этой преміи для представления ихъ общему собранию членовъ общества (имѣющему быть текущимъ великимъ постомъ), приглашаетъ гг. членовъ общества доставлять въ комитетъ свои соображения по этому предмету; соображения эти будутъ доложены комитетомъ въ предстоящемъ общемъ собрании членовъ общества.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Государя Императора сонзволенія комитетъ общества русскихъ драматическихъ писателей открываетъ повсемъстную подписку на составленіе капитала, изъ процентовъ котораго назначается енегодная иремія за лучшее драматическое произведеніе, съ наименованіемъ таковой премін "Грибоъдовскою".

М. Стасюлевичъ.

REPERSENCE OF THE REPORT OF TH

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.-КНИГА 4-я.

АПРЪЛЬ, 1879.

петербурга

пографая М. М. Станизича, В. О. 2 лин. 7.

исторія, Віографія, МЕМУАРЫ, ПЕРЕЦНОБА, ПУТКШКОТВІЯ, ЦОЗЕТИТА, ФИЛОСОФІЯ, АПТЕРАТУРА, ИСЕРССТВА.

КНИГА 4-я. — АПРБЛЬ, 1879.

- L-СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.- L. ГРОТАРК 11.-АВСТРИИСКИЕ СЛАВЯНЕ въ 1848-1849 гг. - І. І. Первольфа. III.- МОЛОДЫЕ ПОБЪГИ.-Повъсть.-Часть патая.-А. А. Потъхвиа. IV.-РУИНА.-Историческая монографія изъ исторія Малороссія, 1663-1657 п.-Часть первая.-Гетманство Бруховецкаго.-І.-IV.-Н. П. Костомарова . . . V.- ЛЕШЕВЫИ ГОРОДЪ.-Хроника-романь,-Часть вторая.- I.-XV/II.-Я. П. По-VI.-МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШКОЛЬ И ЖИЗНИ.-Л. А. Саккети. VIII.-ХРОНИКА.-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.-Новыл вниги русской и вис-IX.-ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ.-Канга проф. Гусева и ся упреки русской журналистикь. - Защита имъ профессора Цитовича. Оплть вопросъ о повреждения нравовь. - Наше объяснение по поводу вгорой брошюры г. Цитовича. - Предподожения о признания въ России бантистской секты.-Тургеневский обызь. Х.-КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.-Изь общественной и парламкит-XI.-ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.-XLVII.-ЛЯТЕРАТУРА В ПОЛЯТИКА. - Эм. Зода ХИ.-ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.-Вопрось о смертной казия въ Швейнария. ХИЦ.-ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.-А. М. Косичь. ХУ.-ИЗВЪСТІЯ.-І. Огь общества взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ. - П. О преміи фрейлины М. С. Муханской за жизнеописаніе императрицы Марін Өсодоровны
- XVI.—БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Земля и люди. Всеобщая географія, 94. Реклю. Томъ III. — Картинки домашиаго воспитанія. А. — вой. — Пераоватальные уроки русской грамматики. Состав. Марія Корсакъ. — Родеой прай. Ө. С. Матеђевъ.—Сказка о Плелф-мохиаткъ. В. П. Авенаріуса.

ОБЪЯВЛЕНИЯ см. ниже: I-XII стр.

Объявление объ водания журнала "Въстинкъ Европы" въ 1879 г. см. ниже, на оберта

TABHAS KOHTOPA "BECTHUKA EBPOIL

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДЪЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

Москва, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Месту

~~~~~~

ОБЪ ИЗДАНИ ЖУРНАЛА

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1879-мъ году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ", ежемъсячный журналь исторіи, мантики, литературы, въ 1879-иъ году издается въ томъ не объемъ и въ тъ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составиющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

поднисная цъна:

OID-12 BHHTS: **B**⁵ POCCIN: 3A FPAHRILEID: . 1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію 17 р. — к. 19 p. 2) Съдоставкою, по городской почтв, въ Спб. 16 > -- > В) Безъ доставки, въ Главной Конторъ журнала 15 > 50 > **ЕТЕРТБ-3** КНИГН, СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ. 5 > --- > 7 > Примичание.-Подписка по четвертянъ отвривается CL ARBAPA, ANPELS, IDIA & ORTABPA. ВСЕДЗ-1 книга, съ доставкою и пересылкою 2 > 50 >Подинсывающиеся въ Москва, въ Отделения Главной Конторы жур-HARA, BDH RHEREON'S MARABERS H. M. MAMOHTOBA, BA KYSHCURON'S-Мосту, могуть получать при подпискё тамъ же всё прежде вишедине нумера журнала.

🎩 Анежные нагазным пользуются при подлиск'я обычною уступною 🦈

Ha obopoma:

отъ редакціи.

- 11 --

Редакція отвъчаеть вполнъ за точную и своевременнув доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тъмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почть въ Редакцію «Въстника Европы», въ Спб., Галернан, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: ния, отчество, фамилія, губернія и уъздъ, почтовое учрежденіе, гдъ (NB) допущена правильная выдача журналовъ.

О перемљић адресса просятъ извъщать своевременно в съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городские 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если полписка была сдёлана въ вышеуказанныхъ мёстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не повже, какъ по получении слёдующаго нумера журнала.

Билеты на получение журнала высылаются особо тыть изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммъ 16 коп. почтовыми марками.

<u>_____</u>

Въ Главной Конторт журнала и въ ея Московскомъ Отдълении можно получать полные экземпляры «Въстника Европы» за 1878 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

новая внига: 🦇

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

Съ портретомъ, факсимиле, біографіев, приложеніями, примѣчаніями и т. д.

Сиб. 1879. Т. I: LXXXII и 318; т. II: 417; т. III: 404; т. IV: 131 и ССХ. Біографія, въ первомъ томъ, составлена А. М. Спабичевскимъ; примъчанія, въ четвертомъ томъ, были приготовлены отчасти самимъ поэтомъ и дополнены С. И. Пономаревымъ.

Четыре тома, на обывновен. бумаги: 7 р. въ обертки, н 9 р. въ переплети; перес. 1 р. На веленевой бумаги: 12 р. въ переплети; перес. 2 р.

Гр. ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Избранныя изста изъ романовъ, повъстей, разсказовъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Томъ ІХ-ый "РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ".

Сиб. 1879. Стр. 384 и VII. — Цёна 75 коп.; въ англійскомъ нереня. 1 руб.

ИСТОРІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пынина и В. Д. Сцасовича.

Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ І-й. Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 3 рубля, съ пересыл.

воспоминанія и критическіе очерки

П. В. Анненкова.

ОТДЪЛЪ ВТОРОЙ: собрание критическихъ статей, очерковъ и замётокъ, за 20 лётъ-1848 – 68 гг. Спб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. – Цёна за оба тома – 3 р.

курсъ

ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

въ связи съ торгово-промышленной статистикой России и главиъйшихъ государствъ міра.

Одобрено Ученних Комитетоих Минист, народн. просвёщ. для реальныхъ училищъ.

А. П. Субботниъ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 328. Цена 2 рубля.

КАТАКОМБЫ.

ПОВЪСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТІАНСТВА.

Евгонін Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цёна 1 рубль.

восьной тонъ "РУССКОЙ БИБЛІОТВКИ": МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатири, съ біографическимъ очерконъ и портретонъ. Сиб. 1878. Стр. 438 и VIII.-Цана 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по норучению Комитета Грамотности, состоящато ври Императорскоиъ Вольномъ Экономическомъ Обществъ, спеціальною Коммиссіею. Спб. 1878. Стр. 744. Цёна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 ком.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ І: Бальзавъ. – Флоберъ. – Гонкури. – Додэ. – А. де-Моссе. – Тэнъ. – Ремпеа.– Шатобріанъ. – Тьеръ. – Ж. Зандъ. – В. Гюго. – А. Дома-сынъ, Спб. 1878. Стр. 351. Цвна 1 рубль.

БЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пынина. Въ двухъ томахъ. Сиб. 1876. Ціна 4 рубля, въ переплеті 4 руб. 50 коп.

Въ этоить отдёльномъ издания біографія Бёлинскаго значительно дополнена новыми мате ріалами, явившимися въ печати за послёднее время, и новымъ радомъ писемъ Бёлинскаго, доселё неизданныхъ.

Книгопродавцанъ обычная уступка.

За пересылку по почтв иногородные прилагають 10% съ цвны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

современный романъ

BЪ

ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

«У современнаго романа», --- говорить Эмиль Зола въ одномъ изъ своихъ Парижскихъ Писекъ 1),---«изть больше рамовъ; онъ вторгся во всё литературныя сферы и выжиль всё другіе роды пронаведеній. Какъ и наука, онъ властвуеть надъ вселенной. Онъ трактусть обо всёхь сюжетахъ, пишеть историю, излагнеть фивіологію и психологію, нозвиннается до самой высовой новзін, заленается самыми разнообразными вопросами: полнтикой, соціальной экономісй, релягісй, правами. Вся природа принадлежить сму. Онь свободно двигается въ ней, усвоиваеть ту форму, RARAE CMV HDABETCH, DDEHENACIS TOTS TOPS, BAROE CMV BARCICS нандучинить, не будучи стёсняемъ никакним преградани». Въ этихъ словахъ можно найти преувеличения, но въ нихъ есть, безъ сомниния, и большая доля правды. Область современнаго романа чрезвычайно шврова; задачи, которыя онъ себё ставить, часто совпадають съ важнъёщими вопросами политической и общественной жнени; отражая собою действительность, онъ, въ свою очередь, не остаелся безъ вліянія на нее, хотя вліяніе это въ настоящее время - что бы на говорилъ Э. Зола - меньше, чёнь нёсволько десятнаётій тому назадь. Въ каждой неь гладныхъ литературъ западной Европы современный романъ представляеть свои характеристическія особенности, но все-таки его

Digitized by GOOGLE

¹) "Вёстинкъ Европы", 1879 г., январь, стр. 415—416. Токъ II.—Апраль, 1879.

можно разсматривать какъ одно цёлое, —такъ много въ немъ общихъ тенденцій и пріемовъ. На первое мёсто выдвигается въ нашемъ столѣтіи то англійскій, то французская романтическая романъ. Вальтера-Скотта смёняеть французская романтическая школа; когда она начинаеть клониться къ упадку (въ концё сороковыхъ годовъ), англійскій романъ достигаетъ своего апогея, въ лицё Диккенса и Теккерея; шестидесятые годы — періодъ наибольшаго процвётанія нёмецкаго романа; теперь самое крупное движеніе въ сферё романа происходить оцять во Франціи. Предполагая набросать общую картийу современнаго романа въ цёломъ рядё очерковъ, посвященныхъ главнымъ его представителямъ — мы начинаемъ съ Германіи, литература которой (за исключеніемъ классическаго періода) меньше всего знакома русскимъ читателямъ.

І.--Густавъ Фрейтагъ.

I.

Германія переживала одну изъ санняъ тяжелыхъ и печальныхъ эпохъ своей исторіи, когда выниель въ светь (въ 1855 г.) первый романъ Фрейтага: «Soll und Haben» 1). Реакція пятидесятыхъ годовъ была въ полномъ разгаръ; прусское министерство Мантейфеля поворно и даже охотно шло на бувсире Австри, передъ которой только-что унизилось въ Ольнюце; въ ретроградной палать господь и консервативной палать депутатовь конституціонная жизнь существовала только по имени; возстановленный германскій сеймъ — по-прежнему, несмотря на глухую оппозицію Висмарка, руководимый своимъ австрійскимъ президентомъ предупреждаль всякое свободное развнује въ среднихъ и малыхъ нёмецкихъ государствахъ, изъ воторыхъ весьма немногія, впрочемъ, и давали поводъ въ такому предупреждению; безусловный нейтралитеть въ восточной войну становился для Германін все труднѣе и труднѣе, а для рѣшительнаго шага въ ту вли другую сторону государственнымъ ся людямъ одинаково недоставало

446

¹) Если ми не ошибаемся, — это единственный романь Фрейтага, переведенный на русскій языкь (онь печатался подь заглавіемь: "Приходь и расходь" въ "Отечественныхь Запискахь" 1855 или 1856 года). На французскій языкь онь также переведень, подь заглавіемь: "Doit et avoir".

и мужества, и искусства. Не только журналистика, связанная по рукамъ и по ногамъ, но и литература, сравнительно болёе свободная, не представляли ничего выдающагося, на чемъ могло бы успоконться оскорбленное національное чувство, сдавленная народная мысль. Романтическая школа и выступлешая протчеъ нея школа «юной Герианіи» — об'в сошли со сцены: Гейне умералъ въ Парежъ, Гуцковъ — почти умолвъ, Фрейлиграть и Гервегъ — были въ изгнаніи, Ауэрбахъ — еще не выходилъ изъ области «деревенских» разсказовь». Все было сёро, тускло, безотрадно; немногіе только могли сказать вмёстё сь Арндтомъ: •Wir sind geschlagen, nicht besiegt; in solcher Schlacht erliegt man nicht » 1); господствующей чертой общественнаго настроенія было уныніе или апатія. Въ это именно время раздается жнесе, свёжее слово Фрейтага, показывающее нёмецкому народу, какъ въ зеркалъ, неизсякаемые источники его силы въ прошедшенть и будущемъ. Политическая струна въ «Soll und Haben > звучить не особенно громко - но это скорње усвлило, чёнь ослабнао произведенное имъ впечатявніе. На другой день послѣ неудачь в разочарованій соровъ-восьмого года, проповёдь новой борьбы, радикальныхъ и немедленныхъ преобразований государственнаго и общественнаго строя не нашла бы отголоска въ сердцахъ большинства; нужно было не мало времени, чтобы въ немъ опять могло укрѣпиться довъріе въ самому себъ, опять возникнуть жажда болёе широкой деятельности. Призывъ въ упорному, честному, скромному труду, вакъ въ приготовительному фазнеу будущаго движенія, долженъ быль найти, наобороть, вполнѣ подготовленную почву. На долю Фрейтага выпала, такить образомъ, счастливая участь сказать, по выражению поэта: «das rechte Wort zur rechten Stunde» — доброе слово въ добрый часъ. Не въ этомъ одномъ, однаво, завлючается разгадка его успёха, — успёха колоссальнаго, почти безпри-иёрнаго въ Германів. Провзведеніе, выдвинутое впередъ только обстоятельствами, проходить вийстё съ ними; успёхъ «Soll und Haben » пережнять всё перемёны, совершившіяся съ 1855 года во визшнемъ устройстви Германии и во внутренней жизни нъмецкаго народа. Въ продолжени двадцати лить этоть романъ выдержаль двадцать одно издание; еще между 1871 и 1876 годами (о послёдующемъ времени у насъ нёть свёдёній) они слёдовали одно за другимъ ежегодно. Немного найдется въ Германіи (особенно сверной, протестантской) сколько-нибудь достаточныхъ

1) "Мы разбяты, но не побъждены; въ такой битей поражение невозножно".

Digitized by 2500gle

семействъ, для воторыхъ «Sell und Haben» не былъ бы настольной внигой. Объяснить эту понуларность можеть только знаномство со всёми сторонами дарованія Фрейгага.

«Soll und Haben» быль первымъ романомъ, но далево не нервимъ литературнымъ трудомъ Фрейгаса. Густавъ Фрейтасъ родился въ Силезіи, въ 1816 году, слушалъ левци въ университетахъ берлинскоиъ и бреславльскоиъ, былъ нёсколько времени привать-доцентомъ нёмецкой литературы въ Бреславлё 1), но въ вонит сороковыхъ годовъ переселнися сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Лейпцигъ, и сдълался журналистомъ по профессии ²). Еще молодных челонвкомх онь сталь работать для сцены и написаль до 1855 года одну историческую комедію, три драмы и одну комедію взъ современной жизни. Изъ числа этихъ пьесъ. драма: «Die Valentine» (1846) имъла довольно большой успъхъ, а комедія изъ современной жизни («Die Journalisten», 1853) до срхъ, поръ держится въ репертуаръ ибмецкихъ театровъ; но ни одна наз нихъ не носить на себе нечати истиннаго таланта. Онъ сопланы болъе или менъе ловко – не даромъ же Фрейтатъ изучаль технику драмы и написаль о ней спеціальное сочиненіе («Die Technik des Dramas», 1863); но характеровь, какъ и вдей, исвать въ нихъ было бы напрасно. Мелкій салонный вутила, неловво драпирующийся въ давно встасканную мантио байроновской разочарованности (графъ Вольдемаръ въ драмъ того же имени); необывновению добродательная дочь садовника и необывновенно страстная и мстительная, но въ глубинъ души тавже добродётельная танцовщица, ставшая вакъ-то русскою графиней (тамъ же); авантюристь, соединяющій ловкость Фигаро съ самоотверженіемъ маркиза Позы (въ «Валентинѣ»); беахарактерная, хотя и съ большими претензіями на карактерь, придворная дама, спасаемая этимъ авантюристомъ оть паденія (тамъ же)-воть самыя рельефныя лица драмъ Фрейтага; сравнительно съ ними можеть показаться удачной даже ненравдоподобная, но не безъ юмора нарисованная фигура мошенника, почти противъ воли обращающагося въ честнаго человъна (Веньяминъ въ «Валентинѣ»). Крайне бѣдна та драматическая литература, въ которой могла занять и долго сохранить видное мёсто такая комедія, какъ «Die Journalisten» Фрейтага. Это не болёе какъ воденны.

¹⁾ Главнымъ мѣстомъ дѣйствія "Soll und Haben" служнтъ Бреславль, главнымъ мѣстомъ дѣйствія слёдующаго романа Фрейтага ("Die Verlorene Handschrift")— "Jейпцигъ, въ которомъ онъ провелъ вторую половниу своей жизни.

³) Онъ издаваль сначала, вийстй съ Юліаномъ Шмидтомъ, журналь: "Die Grenzboten", а тенерь участвуеть въ издания журнала: "Im neuen Reich".

съ прибавной сантиментальной исторіи двухъ ибжныхъ, но скуч нажъ любовниковъ. На сцені происходить журнальная и изби-рательная борьба, но ибсто дійствія са скоріе похоже на арвадскій городовь всь вакой набудь оперетна Оффенбаха, чвих на реальный, современный ніженкій городь. Журналисти хотя н говорять о деле, объ ндей, но сильно наповинають гостанодворскихъ приназчиковъ, на-перерывъ зазывающихъ въ себи почтеннѣйшую публику. Сцена, въ которой одинъ изъ нихъ — герой пьесы, остряжь и шутникъ Больцъ — переманиваеть въ свою партію вліятельнаго избирателя (вяннаго торговца) востор-женными похвалами его товару, цёликомъ могла бы войти въ одинъ взъ современныхъ берлинскихъ фарсовъ (Possen) на по-литической нодкладкъ. Трудно повърнть, что между ноявленіемъ «Journalisten» и «Soli und Haben» прошло липъ два года до такой стелени реманъ возвышается падъ комедіей. Сходство иежду ними, и то не слимковъ большое, можно замбтить разиб въ нъкоторыхъ особенностахъ языка, вообще свойственныхъ Фрей-тагу. Талантъ Фрейтага-----ирениущественно эпическій; его гланная сила из детальной живописи, въ тщательной, всесторонней разрисовка избраниато предмета. Очертить характеръ немиорими крупными, аркими штрихами, соединать въ немъ типическія свойства съ р'взмо-обозначенною видавидуальностью, направить детви въ быстрой, решительной развлане онъ не въ состоянія — а воб біт условія гораздо важибе для дражы, чёмъ для романа. Понявъ, хотя в не своро, свою опнову, сознавъ свое настоящее призваще, Фрейтарь вступиль на новый путь-н изъ посредственных дранатурга съ-разу сталь заничательнымъ ронанистомъ. Послё «Soll und Haben», онъ написаль только одну тра-гедію, въ стихихъ: «Die Fabier» (1859), сюжеть которой заниство-ванъ няв римской исторіи. Менёе удобная для сцени, она въ литера-турномъ отношении стойть выне всёхъ другихъ его драматиче-скихъ произведений, но все-тами не двогъ новода жалёть, что онъ затвиъ онончательно пересталь писать для театра. Огдельния прокрасных сцени не выкупають холода, которымъ вбеть оть цвлаго.

Возвращаемся въ «Soll und Haben». Завляка романа пряйне проста, дъйствія въ немъ, сравнятельно съ его объемонъ, немного. Герой романа, синъ бъднасо чиновника, Антонъ Вольфарть поступаеть почти налачивонъ на службу въ вонтору богатаго купда-Шретора — человъка стараго покрон, чеотнаго и въ сущиествдобраго, но суровано и гордаго, наподпинающато средневъвеныхъ ингриціевъ --- горожанъ навого-инбудь Аугсбурга или Нарабсерта/

Безусловно предавный своему долгу и своему патроку, Антонъ видить въ контор'й и семейства Шретера свою вторую родину, пока любовь въ молодой аристократев. Леноръ фонъ-Ротзаттель. не переносить его язъ мирной обстановки купеческаго быта, изъ правильной живни большого нёмецкаго города въ заброшенную, полуднвую польско-ирусскую деревню, въ самый разгаръ національной борьбы между полявами и нёмцами (дёйствіе происходить въ Познани, въ 1848 г.). Здёсь его ожидаеть не только тажелый, непривычный трудъ, не только онасность, но и разочарование въ той, которой онъ все принесъ въ жертву. Утомленный, разбитый, Антонъ возвращается, наконецъ, на свое старое пенелище, и тамъ неожиданно находитъ успокосние и счастье въ союзъ съ сестрой Шретера, Сабиной. Съ этвиъ главнымъ дъйствіемъ переплетается другов-подкопы, двухъ евреевъ, Эренталя и Итцига, подъ благосостояние семейства Роглаттель, и трагичесвій всходъ этехъ подкоповъ для об'якль занитересованныхъ сторовъ. Къ числу выдающихся лицъ романа принадлежать еще другъ Антона, фонъ-Фянкъ, и злой реній Итцита, его учитель и менторъ Гиппусь; вся остальные — вонторщави Шретера, дочь и сынь Эренталя, носильщикъ Штуриъ и его сынъ Карлъ, еврен Пинкусь и Тинкелесь — составляють одивленный, разнообразный фонъ картины. Какъ ин кратокъ этоть очеркъ, онъ даеть возможность угадать, въ чемъ ваключается руководящая тенденція романа. Мы видимъ прежде всего измецкую буржуваю, солидную, сорьёзную, трудящуюся, проникнутую идеей долга; контрастами ей служить, съ одной стороны, близорукое, тщеславное, эгонстическое дворянство, съ другой - лихорадочная, жадная въ нажней, перазборчивая въ выборй средствъ сврейская спекуляція. Затёмъ передъ нами выступаетъ на сцену накъ-бы вся нёмецкая нація, въ лицё піонеровь нёмецкой культуры на востоке, въ лицё представителей знаменитаго Drang nach Osten, вооруженных всёми начествами нёмецкой буржувзін; противонолагается вых славянский элементь, въ лиць легвомысленной польсвой шляхты и тажеловъснаго, забятаго польсваго врестьянства. Остановнися нёсколько дольше на этихъ двухъ главныхъ сторонахъ вниги Фрейтага.

Торговый донъ Шретера — это микровосносъ, въ которомъ отражается, сквозь поэтическую призму, нёмедное среднее сослоніе, или по врайней мъръ лучная часть его. Эло----нарство труда, методическаго и добросовъстнаго, царство, на которое указываетъ эниграфъ въ «Soll und Haben»: «Der Roman soll das deutsche Volk da suchen, wo es in seiner Tüchtigkeit zu finden ist, näm-

lich bei seiner Arbeit». Отношенія принципала из своимъ под-чивеннымъ предотавляють сибсь формалныма съ задушевностью, ибщещкой недантичности съ ибмецкою Gemüthlichkeit; они на-поминають сворбе катріархальную семью, чбмъ повёйшую дёло-вую машену. Даже Финкъ, — на половния ибмець, на половину американецъ, на половину купецъ, на половия арвстовратъ, — Финиъ, свентически относящійся въ прад'ядовскамъ порядкамъ, видящій въ нихъ сначала одну мертвую регулярность и филистеревое односбране, водается понемногу согравающему вліянію среди и не тольно не обращаеть Антона въ восменолитизмъ, но санъ пріучается чузствовать и сознавать себя сыномъ нёмецкой родним. Въ одномъ неъ первыхъ фазисенсь этого процесса Финъъ. громътъ нёмециую сантяментальность, близно граничащую съ непрантичностью и узкостью, изсм'яхается надъ способностью ница привазиваться из мастности, из вощань, из животнымъ и противопоставляеть ей американское go ahead, ничёмъ не скланное и не стёсненное, идущее въ общей вользё путемъ удовлетворенія личныхъ интересовъ. Въ откёть на это Антонъ произносить рёть въ защиту нёмещнаго нравственнаго склада, откживаетъ признани его въ натурё самого Финка, превозносить населизацию даже мелочей жизни, вносящую сердечный элементь въ дѣловия огношенія, парализующую господство эгоника и раз-счета. Благодаря этой идеализація, простой работникъ въ конторё Шретера чувствуеть себя частью обширнаго цёлаго, радуется успёкань фирмы, горость надъ ся меудачами, переносится мысленно, всявдъ за ел операціями, въ различныя части свёта и ве тихотится своей спромной работой, нь виду крупныхъ результатеет, из которые и она вноснть свою небодышую ленту. Образь мыслей, выработанный Антонокъ во время занятий въ конторъ Шрегора, вседушениеть и поддерживаеть его и на новомъ полъ диятельности. Чувство солидарности съ товарищами, съ пранци-наломъ превращается теперь въ чувство солидарности съ измещнить народень, съ правиченствонь, лучше другихъ съунвашниъ понять признание Германии. Сопрогнанаясь возставщимъ полянамъ, отстанвая камдую падь земля, коноренную нёмецной культурой, Актонъ сояваеть себя продолжателень работы, начатей пять или. шесть столёгій тому назвать нёмеценин волонистами и рицарями нь беретахъ Одеря и Висли, всеебновленной въ Х.V.Ш-иъ выкъ Фридрихомъ-Велинимъ. «Я сторо адёсь», говорить онъ Финну, «наять одинь нез завоснателей, отщавшихъ эту почну у болёе слабой раси, но давнихъ ей въ замънъ свободный трудъ в болёе человёчную культуру. Мажду нами и славянами борьба идеть

давно, и им съ гордостью чувствуенъ; что из назнай сторонтъ образование, вреднть, любовь въ труду. Вой удучнения, сдълащ-HER BOEDVIS BACS HORSCHME SCHLEBLARE BISTAME - A MCHAY HERE немало боратыхъ и умныхъ людей, --- обязение своимъ проискозиденіемъ, прямо вля восвенно, нёмецкой вителянтенців. Наянным овцами облагорожены снада польскихъ понбиривовъ; им сооружаенть машины, съ комощью которыхъ они канолисноть свои спиртовыя бочки; даже ружья, изъ когорыхъ они тенерь въ насъ стреляють, изготовлены на наннихъ фабрикахъ ван поставлены налими торговими фирмами. Не полятическием интригами, а марнымъ путемъ груда ми преобрёзи настоящее госпонство надъ этою землею».---«Ты держниць гордия рёчи на чужой землё», возражаеть ему Финкь, «а домя теперь нодь зашийи ногами волеблется ваша собственная почва». Автонь, отвёчають уназанісять на заслуги пруссвихъ королей въ пропискиенъ, на родь сплоченнаго нин государства, воспатанные вын народа вь будущенть Германін. «Какъ смёлые люди и хоронніе хозяева», говорить онъ про Гогенцоллерновъ, «они соединили нъ одне цъдое разнородные элементы и создали живую свлу посреди всеобщаро безсний. Правда, они работали для себя, - но ихъ работа дала намъ жизнь, в признанія этой жазня ми теперь требуемъ отъ нихъ. Исполнить наше требование вых будеть нелегко, потому что страну, сложившуюся нодъ наз рукою, они слинкомъ при-BURIN CURTATE SARONHHME ACCOUNTIONS CROCES MORE; CODECE MERLY ные и наме окончится, можеть быть, нескоро-по вь одномъ я убъждень несомнанно: наше госудерство выйдеть нав этой борьби невредниымъ. Народъ нашъ еще слабъ и биденъ, но съ важдних. годом' онъ ноднимается все выше и выше; вийств съ благосостояніень и умсявеннымь развитіень растеть и внупренней его единство. Пусвай вдаля отъ насъ кыпнуь междоусобная войнездёсь, вь пограничной странё, им оознаемь в чувствуемь себя братьями».

Въ жизни Антона было однаво время, конда опъ, несмотря на прочные корни, пущенные имъ въ бурнузаной ночвё, испытывалъ невольную тигу въ аристокрания, къ биестящей вершинъ, высоко – такъ ему казалось – подпинаещейся надъ сравнительно тъсной и блёдной сферой его ежедненной жинин. Польпласъ и росла эта тяга витесть съ любовью Антона въ Леноръ. Съ той минуты, какъ знатная дёвочна улибнулась бъдному, усталому мальчику на его пути въ неинаколый городи, Ленора одёлалась въ глазахъ Антона воклощениемъ не только менетосний предести, но и всего портическаго, свётдаго, изищейся, чего онъ не воло-

дать въ своей буркуханой обстановий. Для разв ему приходелось оталкавалься лицонть из лицу сь предолжителями волмебнато ніва, совраннате осо фантазіей — на балаха тосножи фонъ-Вальлевень и на вечеринных воснной полодежи въ польскомъ городъ, SARATON'S UDVCCREWE BOUCHAME; OH'S BEARLE, CROALEO MERIVON BE этонъ волотв, сволько пустоты в нелочности подь этими красивыин формами - но обязние все еще продолжалось, котя и съ невышено силой. Одно слово любиной или, лучше сназать, сявнооболаеной дивушки заставляеть его бресить дорогихъ ему людей, ворогую изательность н носвятить себя неблагодарной задачё приведения въ порядовъ сапунанных для разоричналося дворанские сенейства. Только теперь, въ усдинении и вынужденной инимности деревенской жизии, его глаза начинають медленно раскрывалься. Онь видить, что между нимь и Роганителями иють и не можеть быть почти инчего общало. «Они стояли всегда на точкъ зрёнія интересовъ своего сословія; что благопріятствоваю этикъ интересамъ, то правилось имъ, хотя бы для обыкно-BEHHNAT CMEPTHIAT OR W GLAS HEMHOCHNO; BCE OCTALING 97000галось име или вакъ-би для нихъ не существовало. О мнотонъ он суднин мягко, даже либерально, во надъ головой ихъ постепно высклоя незримий рыцарский шдемъ; они смотрёли на жазнь скоссь отверстія его забрала или просто надвигали его на глава, вогда не котёли чего-либо вид'ять». Варонъ фонъ-Ротзатель игнорируеть заслуги и самоствержение Антона, считаеть его обывновеннымъ слугею, снособнымъ и обмануть своего геспедных. Его жена лучше понимаеть Антона, но все-така не можеть относные из нему, накъ къ разному; нъ самой благодарности ея приминивается изчто въ родь повровительственнаго снасхожденія, потому что ся умственному ввору, по ибтиому выражению Фрейнага, Антень всегда представлялся из биленъ парико н серебрянныхъ прамнахъ, казъ върнопреданный найордонъ барской семья XVII-го вля XVIII-го въка. А мажду тъмъ, но образованно, по развитно, по внусамъ Антонъ чувствуеть себи стоящимъ горанно внине своихъ онновныхъ хосненъ- не исплючая и самой Леноры. Вийстё съ салонной обстановной исченаеть тумани, на навораго Ангонъ завъ долго не видълъ настоящей Леноры, сь са поянымы отсужениемы уметвенныхы интерсовны. Узель, 88влалний стольными годами новлонения и мечтийн, развлыевается нало-шо-малу, не безь боли для обънхъ схорона; Антонъ оканчинеть свою беккорыствую службу Ротантинань, сдалась для никь вое возножное, в беза сожальние предоставляеть ЛепоруФинку, мередъ женйвнынъ характеронъ вотораго сиприласъ СП повидимому энергическая, но въ сущности слабая натура. Неспособность отръшиться отъ въковнихъ предразсудновъ, при-

вычка цвнить модей не по внутреннему ихъ достоянству, а но вибшиния, случайнымъ признавамъ, --- не единственныя черты, характеризующія у Фрейтага представителей прусскаго родовитаго дворянства. Брезгливо замыкаясь въ свою скорлупу, заботливо отдалялсь оть новаго общественного движенія, баронь фонь-Ротзаттель увлекается, однако, одною его стороною - стренленіенть къ обогащенію. Бурахуазія — ная, по крайней ибрі, луч-шая часть ся — нщеть богатотва въ вравильной, усиленной работь; аристоврать, неприготовленный и нерасположенный въ труду, кидается въ спенуляцію, въ рискованныя предпріятія. Здёсь его сторожать мастера этого дёла, виртуски въ искусстве наживаться на чужой счеть. Они инбють передъ дилеттантомъ спекуляців не только преимущество онытности и ловкости, но и преимущество беззастёнчивости, смёлости, не стёсняемой ниванны правилами правственности и чести. Ротваттель хочеть удвонть свой доходь, не сходя, по везможности, съ примой до-роги; нарушить данное слово онъ рёшается только подъ гиетомъ крайней необходимости и вслёдъ затёмъ повущается на само-убійство. Эренталю и Итцигу чужды всякія колебанія; избили-стий нуть обмана. — ихъ настоящая, хороню знакомая дорога. Цонятно, что Ротзаттель дёлается ихъ жертвой; столь же понатно и то, что наиболёе хитрый и рённительный изъ нихъ вырываеть у другого и присвоиваеть себь одному илоды побъди. Эготь побъдитель-Фейтель Игцигь, бывшій школьный товарищь Антона. Чтобы рельефийе выставить на видь контрасть между честныма трудомъ и безчестною аферой, Фрейтать ракоказываеть исторію Антона параллельно съ исторіей Итцига. Они вийстё иступають въ городъ, гдё ных суждено дёйствовать, и, разойдись тамъ въ разных стороны, одновременно начивають знавониться съ дълами и жизнью, одновременно подвитаются эпередъ, наждий въ своей сферъ, одновременно слагаются въ опредъленные тялы. Наконець, въ нервый разъ носях многихъ лёть, они встрёчаются опять на одной дорогё - Антонъ, какъ защатения витересовъ Ротвателя, Итцигь, какъ главный, хотя и сврытый, ихъ противникъ. Встрича эта становится фатальной для Итцига. Ему угрояваеть раскрытів давно совернённаго виз преступленія (похищенія документовъ, принадлежавнихъ Ротаттелю); онь уби-ваеть своего сообщинка—н погибаеть самъ, ночти въ то самое время, какъ совершается счастливый перевороть въ судьбё Антона.

C

Мы вочернали, нажется, всю сумму тенденціоспости, заключающейся въ «Soll und Haben», иля, по крайней муру, уяснали се себъ настолько, насколько это необходимо для са опбник. Теперь, ночти четверть вёка спустя послё появленія романа, отдляение въ немъ элементовъ временныхъ, случайныхъ отъ болбе прочных, истины оть фальния, не представляеть большихъзатрудненій. Собитія, совершившіяся съ тахъ поръ, бросають spain perpocuentenent contra en anoria cropoen «Soll und Haben»; но для того, чтобы освёщение это не сдёлало насъ несправедливыми въ автору, мы постоянно должны имъть въ виду ть обстоятельства, при которыхъ онъ нанисалъ свою книгу. Прославление лучшихъ свойствъ нѣмецкаго народа въ настоящую мянуту было бы тысяча первою варіаціей на набятую, забаженную тому, хвалебнымъ гимномъ, въ которомъ вовсе не нуждаются побъдетели, поощревіемъ національной гордости, бевъ того слешкомъ разветой; но не темъ, какъ мы уже веделя, оно было въ 1855-мъ году. Оно звучало тогда вакъ признит къ бодрости, въ деятельности, обещало обезсиленному, упавшему духомъ обществу новые, лучшие дни, какъ естественный результать мирнаго и честнаго труда, а не насилія и завоеваній. Нась, русскихъ читателей, всего скорбе можеть непріятно поразить высокомбрное отношение Фрейтага въ славянству, какъ въ низщей расв, обязанной пассавно воспринимать благодванія нёмецвой вультуры; но если им, не поддаваясь переону впочатлянию, постараемся стать на точку зрвнія Фрейтага, то строгость нашего приговоря должна будеть значительно смягчиться.

Колонизація славянскихъ и литовскихъ провинцій — одна изъ тъхъ страняцъ измецкой исторія, на которихъ съ особенною любовью останавливаются мисль измецкихъ патріотовъ. Она уравновѣшиваетъ въ ихъ глазахъ, до извёстной степени, потери, понесенныя нѣмецкою національностью на Западѣ; она доказываетъ свособность нѣмецкаго народа дѣйствовать но собственной иниціатинѣ, безъ руноводства и попужденія свыше; она представляетъ собою массу труда, котраченнаго не напрасно, создавшаю такіе города, какъ Данцигъ, Эльбнигъ, Ториъ, такіе центры нѣмецкой культуры, какъ Кенигсбергъ и Бреславль ¹). Параляельно

¹⁾ Русской исторіи, какъ и измецкой, знакомо стремленіє къ состоку; наша колонизація финскаго заволжья представляеть много общаго съ измецкой колонизаціей Силезіи, Помераніи и Пруссіи. Въ типъ русскаго, свободнаго колонизатора столь же иного симантичкаго для насъ, свойько въ типъ измециаго полонизатора—самватичкаго для пімиевъ. Разница можду ними обусловливается съ одной сторони отсутотвіенъ, аврядахъ нашихъ кодонизаторовъ, дворянскаго и слабостью дерионнаго зменета, съ-

съ трудомъ илю, правда, насиліе достаточно всионнить вровавые подвиги рицарей нёмецваго ордена; но насиліе должно быть поставлено превмущественно на счеть дворянскихъ, завоевательныхъ тевденцій и церковнаго, монацескато фанатизма, а трудъ – насчеть настоящихъ колонизаторовъ края, ибмецкихъ земледёльцевъ и ремесленинковъ. Какъ бы то ни было, оборотная сторона медали забывается изъ-за лицевой, цёна, котороко добыты результаты – изъ-за самыхъ результатовъ, и громадное большинство яёмцевъ, бронизанихъ судьбою на окраины Германіи, до сихъ поръ готово повторить, особенно въ коментъ борьбы, горделивия слова, вложенныя Фрейтагомъ въ уста Антона.

Пова не угаснеть племенная вражда, пова не прекратится плекенное сопернячество, ожидать отъ пъмцевъ, на спорлой территорія, уступчивости славянамъ, было бы прекраснодушіемъ, черезъ-чуръ непракичнымъ. Бевспорно, писатель, пирово понимающії свою задачу, можеть возвысяться надь общепринатыми наглядание, и, обращаясь не столько въ прониедшему, сколько въ будущему, не столько въ частному, свольно въ общему, намътить путь, ведущій нь примиренію и единству; но это удвется немногамъ и не во всявое время. Событія 1848 г., заставнышія нъщеть въ Познани перейти отъ наступления из оборонъ, были еще слишномъ свъжи въ памити Фрейтага, чтоби онъ могъ оънестись вполнё объективно въ вёковой талбё между славанами и нёмцами. Какъ уроженецъ Силезіи-и притомъ, если мы не ошибаемся, именно той ся части, въ которой всего больше сохранился славанскій элементь, -- онь быль съ самаго детства свидетелень этой такон; кака защитника голендоллорнскиха преданий, онь быль вь ней стороною; вакь значокь и любитель нёмецвой исторіи, онь чувствоваль себя пранкимъ потонкожъ многочесленныхь поволёній, трудивнихся нада гернанизаціей Востока. Прибавамъ къ этому, что въ упорной, неутомимой работв нимцевъ на востове Фрейтагъ ввделъ вообще прототниъ немецваго труда, а въ трудъ-зворь спасенія для тэмецааго народа, --- п ны ве только пойменъ горячій патріотизиъ, быющій черезъ врай въ ронанъ Фрейтага, но и поставнить ему възаслугу, что увлеченіе его не доходить до систематической несправедливости въ противнивань. Онь даже сочувствуеть рыцарской храбрости польскаго

другой-меньшень устойчивостью туземнаго населенія за Велгей, чёнъ за Одеренъ и Вислей; но изъ этого еще не слёдуеть, чтоби нана колонизація обходилась и негие обходиться воюсо безь насилія.

L

совремяный романь.

дворянства, наявному добродущію польскаго мужика; въ самомъ описаніи мятежа у него слишится скорбе юмориспическан, вёмъ гибвная нота. Не въ «Soll und Haben», коненно, сканеть новать вдохновенія ибмецкій государственный человбиъ, желающій вяработать себё безпрястрастный ввглядъ на славянсяво; но хорощо уже и то, что романъ Фрейтага не обострилъ жручаго вопроса, что разрёшеніе его Фрейтагь, говоря устами Антона, видить не въ насялия, не въ политическихъ интрыгахъ.

Борьба ивнецкаго элемента съ славанскимъ-только эпезокъ въ романѣ Фрейлага; врасугольный его камень---ото вопросъ о нъмецкой буржузвін. И здъсь, прежде всего, необходимо принять въ соображение время, когда писаль Фрейтагь. Въ изчалъ пятидесятыхъ годовъ среднее сословіе въ Германін одно только было настолько организовано, одно обладало настолько малеріальною и уметвенною силой, чтобы дать какой-нибудь отпоръ торжествующей реанции, т.-е. союзу абсолютивия съ феодальными «юнкерствомъ» и лютеранскимъ церковничествомъ. Среднее сословие сражалось и было разбито въ соровъ-восьмомъ году; средние сословіе протестовало теперь-гав опнозвнія была еще возможнапротивъ ретрограднаго вандализка, уничтожавшато одно за другниъ всё пріобрётенія вратвовременной вамецкой свободи. Поддержать его на этомъ пути, окружать его импонирующимъ ореолонть, возвыснить его въ собственныхъ его глазакъ и нъ глазакъ всего нёмецкаго общества -- такая задача представлала много привленательнаго, и неудивительно, что за нее взялся Фрейтагь, выростий среди буржуазін и усвоившій себь всь лучшія ся стремления. Чтобы очистить дорогу для буржуазія, нужно было свести счеты съ дворянствомъ, обазніе котораго было нотрясено, но не сломано. Въ рядахъ буржуазія были еще Антоны Вольфарты, невольно благоговёвшіе передъ недоступнымъ для нихъ блескомъ соціальныхъ верхушевъ. Развёнчаніе феодальной знати, предпринятое Фрейтаромъ, не было, слёдовательно-канъ это кожетъ показаться теперь — безполезною тратой зарядовь, не было тёмъ, что французы называють enfoncer une porte ouverte. Средство для достиженія цёли Фрейтагь выбраль сь болынима тактома. Барона Ротзаттель — не влодёй въ родё тёха, которыха мы встричаены въ первыхъ Шпильгагенскихъ романахъ (особенно въ «Die von Hohenstein», этой портретной галерей аристократичеснихъ извергонъ); это даже не вакоренталый феодалъ, а просто добрый, честный баринь, недостатии и слабости котораго принадлежать не столько ему, сволько его сословію. Въ такомъ именно человёке всего удобнёе олицетворить цёлый слой обще-

ства, не отвѣчающій за выродновь, возможныхъ вездѣ и всегда, но отвичающий за средний уровень умственнаго и правственнаго развитія своихъ членовъ. Посл'йдующія событія повазали, 410 Ротзаттель, какъ типъ, скорбе выше, чёнъ ниже этого уровня. Его спекуляція---иладенческій лепеть въ сравненія съ тіми, въ ноторыхъ участвовали разоблаченные Ласкероиз аристократиче-свіе приндеры 1871 и 1872 г. Его колебанія, оговорки, угрызенія сов'єти-terra incognita для посл'ядникь, са леннима сердцема опускавшихся въ самую глубину биржевого омуга. Правда, нежду Ротзаттеленъ и героями недавнихъ авціонерныхъ сатурналій лежить двадцати-пяти-лёгній промежутовь, многое намёнившій въ Рерманіи; но кровное родство между ними все-таки носомнённо. Романь Фрейтага повазываеть намъ наглядно, вакъ, въ извъстный моменть жизни сословія, традиціонные предразсудви, продолжая заграждать ему движение впередъ, перестаютъ предохранать его оть слабостей и порововь, невогда считавших ся достояніемъ однихъ низшихъ влассовъ общества.

Чувство мёры, руководившее Фрейтагомъ въ нападеніяхъ на дворянство, изыбнило ему въ прославлении буржуззін. Ореолъ, приготовленный имъ для нея, черезъ-чуръ раззолоченъ; свъть, безъ достаточной примъси теней, ръжеть глаза и предраснолагаеть зрителя противъ самаго содержанія вартины. Первая ошнбка Фрейтага заключается въ томъ, что олицетвореніемъ буржуазнаго быта выбрана такая его форма, которая и тогда уже встричалась ридко, а теперь, черезь увадцать съ небольинить леть, представляется почти вовсе антиввированною. Полъвъка тому назадъ патріархальныя отношенія между фермеронь иля мельнить вемлевладёльцемъ и его работнивами, между мастеромъ и его подмастерьями, между купцомъ и его привазчиками, были въ Германіи явленіемъ довольно обыкновеннымъ; но затвиъ они постепенно стали исчезать, вслёдствіе развитія крупной фабричной промышленности, вслёдствіе паденія цехового устройства, всл'ядствіе свободы и удобства передвиженія — однинъ словомъ, вслёдствіе измёненія условій вёмецкой экономической жизни. Остановать эту перемёну восторженными похвалами сгарому порядку вещей, было невозможно; возводить на степень типа основныя черты разлагающагося общественнаго свлада было по меньшей мъръ неосторожно. Сравнивая дъйствительность съ отраженіемъ ся въ романь Фрейтага, невольно спрашиваеть себя, ---въ вавой степени осуществямы надежды Фрейтага на буржуазію, если основаніемъ ихъ служать обычан и нравы, быстро отходящіе въ прошедщее? --- Но это еще не все; неудачный выборъ

среды не высупается вёрностью ся неображенія. Замкнутый ремесленный или купеческій мірокь, устроєнный и управляеный по образцу патріархальной семьи, им'яль, безспорно, цівноторыя изъ достоинствъ своего первообраза, но имбять и иногіе изъ его недостатвовъ. Положниъ, что деснотнамъ принцинала - какъ и отца или родоначальника-быль смягчень любовью, регулировань, до изивстной стопени, обычаемъ и преданісиъ 1); положамъ, что подчиненные -- вакъ и дети -- свыклись съ мыслыю о своемъ beschränkter Unterthanenverstand, что повиновение иль было основано не только на страхъ или разсчетв, но и на псиренней привязанности въ цёлому и въ его представителю; безъ столкновеній разнаго рода, безъ злоунотреблений властью съ одной стороны, возстанія вли ропота противъ нея---съ другой, дело, въ огрожномъ большинстве случаевъ, все-таки не могло обходиться. Въ конторъ Шретера им видимъ, между твиъ, полную типь и гладь, едва нарушаемую легинин ссорами служащихъ между собою. Всё одинаково исполнены безворыстной любви къ делу, бевусловной преданности въ принципалу; это кавая-то Аркадія, случайно попавіная въ прозачческое общество современнаго провинціяльнаго города и - что еще удивительнье - побідоносно выдерживающая ежедневное сопривосновение со всёми дрязгами конмерческой деятельности. Рисуя симпатичную ему картину, Фрейтагь не пожалёль розовой краски - и не могь, вслёдстве этого, схватить и передать живой колорить дийствительности. Другихъ представителей мемецяаю торговаго ніра, вром'я Шретера и его адъютантовъ, Фрейтагъ на сцену не выводить, подчервивая, такимъ образомъ, минио-типический характеръ созданныхъ имъ фигуръ. Добру нужно было, однако, противопоставить зло; но такъ ванъ между соотечественниками Фрейтага людей настольно злыхъ, наскольно добродътельны Шретеръ, Вольфарть и Ко, не оказалось, то ихъ пришлось исвять нежду евреяни, и здѣсь Фрейтагу предстояль только embarras du choix. Игцигь, Пинкусь, Эренталь, Тинкелесь представляють собою всё разновидности порова, начиная съ смълаго флибустьера въ современномъ фракъ, не отступающаго даже передъ убійствомъ, и оканчивая мельникь торгашень, не вдущимь дальше обывновенныхъ обмановъ прилавка. Правда, въ эту компанию попаль одниъ нумець — Гиппусь, но что за нумецъ! — настоящій отверженець

¹) Желая сократить для Антона обычный четырехлётній срокь ученичества, Шретерь выслушиваеть сначала мизніе по этому предмету своихь служащихь, и, только заручнымись ихь согласіень, возводить Антона вь сань компорицика.

общества, «ein Trunkenbold, ein läderlicher Schlemmer». Мы не сомнёваемся въ томъ, что Илцигъ, Эренталь и др. списаны съ натуры; но пріємъ, посредствонъ котораго Фрейтагъ сваляваеть все грязное, безправственное на одну національность, чтобы не ванатнать безукоризненную чистоту другой, все таки кажется намъ недостойнымъ мыслящато художника. Нельзя же допустить, въ самонъ дълъ, чтобы причвям правственнаго наденія Итцига и Эренталя коревилесь исключительно въ ихъ происхождения и религии. Положних, что, вслёдствіе историческихъ условій, отчасти созданныхъ самими христівнами, подобные типы между свреним встрёчаются сравнительно чаще; но общественное устройство, содъйствующее ихъ подвлению, обнимаеть собою всё національности, всё исповёдания и отражается на никъ одинавово въ существі, различно разві въ степени. Та ле буржуазія, изъ среды воторой выходять Шретеры и Вольфарты, порождаеть, напримвръ, коммерціенратовъ Штреберовъ (въ «Hammer und Amboss · Шпильгагена), въ врови которыхъ пътъ ни одной еврейсвой капли. Защитнику буржузайе-если онъ не хочеть сайлаться ея панегиристомъ -- не зачёмъ сврывать ся темпия сторони; увазаніекъ ихъ онъ только рельефние выставить на видь са достониства, ся заслуги и виботь съ твиъ предстоящія ей задачи, въ числу которыхъ неизбъязно принадлежить работа внутрениято обновленія. «Все обстонть благополучно» — плохой девизь для сословія или учрежденія, плохой залорь его дальнойшаго развития.

Односторонность тенденція «Soll und Haben» повліяла и на хававтеры, созданные Фрейтагомъ. Не въ этой сторонѣ художественнаго творчества заключается, и вообще говоря, главная сила Фрейтага; а вдёсь, вдобавокъ, его стёсняла предваятая, слишеонъ узвая тома. Герой романа -- воплощенная добродътель. ein Ausbund aller Tugenden, вакъ говорять нёмим. Мы сотувствуемъ Антону въ отдёльныя минуты его жизни - вогда онъ храбро схватывается съ аристократомъ конторы Финкомъ, когда онъ опровергаеть ложные слухи, отврывшіе ему доступь въ земной рай, т.-е. въ салонъ госпожи фонъ-Бальдеревъ, когда онъ даеть отпоръ сухой разсудительности Шретера; но въ цёломъ это-не живое лицо, а ходячая пропись. Съ единственною его слабостью мы уже знавомы; но и она почти не можеть быть принята въ разсчеть, потому что въ аристократическимъ сферамь Антона влечеть не мелкое тщеславіе, а скорбе врожденное чувство изящнаго (не говоря уже о юношеской любви къ Леноръ). Еще менье жизненна Сабина Шретеръ, въ лицъ которой Фрейтагъ хотёлъ совийстить шировій умъ и прочное образованіе съ мел-

кими слабостями нёмецкой ховяйки, гордящейся своимъ столовымъ бёльемъ в составляющей себё понятіе о человёкё по степени бережности обращенія его съ салфетками и занавёсками. Само собою разумёется, что эта задача не разрёшена Фрейтагомъ; мелочность Сабины мы видимъ въ ея поступкахъ, а высокія ен качества должны принимать на вёру. Фейтель Итцигъ— настолько же черенъ, насколько бёлоснёжны Антонъ и Сабина. Уже въ школё онъ воруетъ перья и бумагу, уже мальчикомъ твердо рёшается разбогатёть во что бы то ни стало. Какъ созрёла въ немъ эта рёшимость — мы не узнаемъ; а между тёмъ Фрейтагь сообщаеть намъ, что мать Итцига была честная женщина, что снаряжая его въ большой городъ, она снабдила его послёдними своими деньгами и добрымъ совётомъ. Въ рёшительный моменть жвани Итцига, когда онъ готовъ отдаться въ руки искусителя— Гнипуса, воспоминаніе о матери вызываетъ въ немъ минутное колебаніе, и эта минута (вмёстё съ послёдними днями Итцига, къ которымъ мы еще возвратимся)— единственная, когда мы видимъ въ Итциге человёка, а не рыжаго злодёя бульварной мелодрамы.

Второстепенныя лица уданись Фрейтагу больше, чёмъ главныя. Мы видёли уже, что въ характеристикё барона Ротзаттеля онъ съумёлъ изобжать утрировки, а впасть въ нее, при симпатіяхъ и антипатіяхъ Фрейтага, было очень легко. Глава торговаго дома, Шретеръ, значительно идеализованъ, но не настолько, чтобы вовсе стушевалась оборотная сторона воплощеннаго въ немъ типа. Его строгость доходить до черствости, его осторожность до жестокости. Когда Антонъ умоляеть его помочь Ротзаттелямъ, въ его отказё слышится сухая теорія человёка, регулирующаго свою дёятельность одними законами купеческаго благоразумія. «Кому недостаеть зрёлаго сужденія и привычки въ постоянному труду», —говорить онъ, — «тоть не заслуживаеть помощи. Наша способность работать для другихъ ограниченна; ирежде чёмъ жертвовать своимъ временемъ для слабохарактернаго человёка, нужно подумать, не отнимаешь ли этимъ у себя возможность служить другому, лучшему дёлу?» Когда Антонъ, возвращаясь оть Ротзаттелей безъ средствъ, безъ иликозй, почти безъ свлъ, ищеть убёжища у Шретера, какъ у стариннаго друга, Шретеръ отталкиваеть его до тёхъ поръ, пока не убёждается, что Антонъ не совершилъ, въ польской глуши, ни одного поступка, несовмёстнаго съ щекотливою честью кёмецкой торговой фирмы. Еще болёе живыя лица.—Финкъ, весеный, остроумный, съумёвшій сохранить что-то рыцарское и въ вёчномъ

Тонъ II.-Апраль, 1879.

Einerlei нимецкой кунсческой конторы, и въ повлонающейся одному доллару средѣ американскихъ промышленниковъ-аван-тюристовъ; Ленора фонъ-Ротзаттель, взбалмошная и пустая, по добрая барышня, въ минуту опасности, угрожающей любимому человику, способная обратиться въ геронню; ся брать, воспитанный на половину въ салонахъ, на половину въ конюмичъ, по уши погразлий въ мелене предразсудин, смотрящий на Антона съ висоты своего лейтенантскаго величія, но не стёсняющийся занимать у него деньги, не умёющій жить такъ, чтобы поддержать честь знамени, но всегда готовый умереть за нее. Съ больинимъ искусствомъ, навонецъ, обрисованъ Эренталь, котераго -въ противоположность злому демону корысти, олицетворенному въ Итциге - можно назвать наивнымъ и до навестной стенени делисатнымъ опустопнителемъ чужвать пармановъ. Онъ желаетъ воспользоваться имвніемъ Ротзаттеля, но вовсе не хочеть разорить его до тла; онъ *работает* не столько для себя, сволько для нёжно любимаго сына, и трагизмъ его положения заключается въ томъ, что этотъ сынъ, воспитанный въ другихъ взглядахъ и интересахъ, ученый мечтатель, ни во что не ставящій богатство, не только не цёнить трудовь отца, но гнушается ихъ плодами. Сцена, въ которой умирающій сынь убъкдаеть отца отказаться оть его видовь на имение Ротзаттеля, а отепъ волеблется между любовые въ сыну и давно лелёяннымъ, близкимъ въ осуществленію планомъ, принадлежить въ числу лучшихъ страницъ «Soll und Haben» и вообще современной измецкой беллетристики.

Большая, неувядаемая прелесть «Soll und Haben» заключается въ той дегальной живописи, о которой мы уже упомянуля, отрицая призваніе Фрейтага въ драматическому искусству. Романъ Фрейтага состоить изъ цёлаго ряда небольшихъ жанровыхъ картинъ, изрёдка только уступающихъ мёсто болёе широкому размаху исторической живописи. Не даромъ Фрейтагъ защищаетъ такъ горячо нёмецкую задушевность, проливающию свой мягкій, поэтическій свёть на прозу ежедневной жизни; онъ самъ обладаеть этимъ качествомъ въ высокой степени и соединяеть съ никъ большой запасъ юмора — не того юмора, подъ которымъ чувствуется негодованіе или слышатся слезы, а юмора добродушнаго, довольствующагося легкой, дружелюбной насмѣшкой. Онъ умѣеть придать интересъ самымъ зауряднымъ лицамъ и самымъ зауряднымъ фактамъ, подмѣтить въ нихъ симпатичную или забавную черту, сгруппировать ихъ такъ, чтобы отъ нихъ получалось цѣлостное вцечатлѣніе, большею частью хорошее, успо-

жеть быть незанитною для нёмецваго читателя, но чувствительною для иностранца; въ большей части случаевъ, однако, Фрей-тагъ унъегь набъжать этого недостатва. Кто читаль «Soll und Haben», тому въроятно намятны разныя сцены домашней жизни служащихъ въ конторѣ Шретера (назовемъ для примъра церемонно пріема Антона въ вонгорщини, ссоры между Шпехтомъ и Пиксонъ), танцовальные вечера молодежи у госпожи фонъ-Бальдерекъ, исторія веливана-носильщива и его варлива-сина, осада замка Ротзаттелей польскими повстанцами, и многое другое. Можно находить, что все это слишкомъ мелочно, недостойно Серьёзнаго вниманія — но въ такомъ случай придется признать мелочными большинство вартинъ фланандсвой шволы, сходство воторой съ манерой Фрейтага не подлежить, въ нашихъ глазахъ, никакому сомивнию. Укажемъ, для примъра, на «концерть» Д. Теньера: нѣкоторые его участники точно срисованы съ членовъ квартета, сосредоточнвавшаго въ себъ всю музывальность конторы Шретера - или наоборогь. Удаются Фрейтагу почти всегда и тв страницы, въ воторыхъ выступаеть на сцену шутливо - фантастическій элементь, въ которыхъ говорять или дъйствують вещи, духи, силы природы; подъ нъкоторыми взъ тавихъ страницъ могь бы подписаться Диккенсъ, великій мастеръ этого жанра. Приведенъ небольшой огрывонъ изъ описанія ночи, предшествующей возвращению Антона, посл'я долгаго отсутствія, въ домъ Шретера. «Всё въ домъ спять, нивто не думаеть о томъ, что приближается потеранное дитя конторы. Но домъ это внастъ, и во всёхъ углахъ его замётно какое-то смятенье; въ деревѣ что-то трещить, въ галереяхъ слышится легвое жужжанье, за стёною идеть таниственная работа, и луня проливаеть всюду свой матово-серебристый свёть. Удивился бы тоть, вто увидблъ бы теперь желтую гипсовую вошку 1). Она вытагивается и умывается, спрыгиваеть со стола и идеть обходомъ по дому. Вездъ на ся пути приходять въ движение старъйшие обитатели дома — гномы; они выходять изъ-ва печей, изъ-подъ пюпитровъ конторы, метуть лъстницу и дворъ, кружатся около дворовой собави, которая не можеть заснуть и съ легвимъ ворчацьемъ смогритъ на сусту врошечнаго народца. На въсахъ сидить многочисленное, веселое общество, и посреди его облизывается оть радости гипсовая вошва. Самые шаловливые изъ гно-

¹⁾ Эта конка стоить на нисьменномъ столё Антона съ самаго вступленія его въ контору и является какъ-бы нёмою свидётельницей и участницей всёхъ перипетій его жизни.

мовъ влёзають на коромысло вёсовъ и носылають оттуда гримасы по направленію къ комнатамъ, духи которыхъ не хотять или не рёшаются раздёлить общую радость — къ комнатамъ принципала и самой любимицы гномовъ, Сабины».

Напоминають Дивренса, по тонкости исеходорического анализа, по силё и картинности выраженія, и тё страници «Soll und Haben», воторыя посвящены убійству Гиппуса, терзанізых н гибели убійцы 1). Итцигь тольво-что сбросиль Гиппуса въ воду, надвинувъ ему на глаза старую его плапу. «Нъсколько минуть онъ оставался безъ движенія въ темнотв, опершись на перила; потомъ онъ медленно поднялся по лёстницё, ощупывая свои мокрыя платья. Онъ думаль о томъ, что должень высущить ихъ передь огнемь, въ своей комнать - передь тымь огнемь, у котораго онъ любиль сидёть по вечерань, отдыхая оть дневныхъ заботь и приготовляясь мысленно къ вавтрашнимъ. Онъ чувствоваль усталость и потребность въ усповоении. Въ этомъ полусовномъ состоянія онъ простояль еще нёсколько минуть, чувствуя гай-то глухую боль, ийшавшую ему свободно вздохнуть и сжимавшую ему грудь точно тисками. Онъ опять виделъ, какъ погружалась въ воду брошенная имъ туда тяжесть, онъ оцять слышалъ плескъ воды — и вспомнилъ, какъ поплыла по ся поверхности шляца этого человёва. Онъ ясно видёлъ передъ собою эту шляпу, потертую, съ оторванными на половину полями, съ двумя жирными пятнами наверху — очень невзрачную шляпу. Ему пришло въ голову, что онъ могъ бы теперь улыбнуться, если би вахотвлъ — но онъ не улыбнулся. Онъ бросилъ еще взглядъ на воду, въ воторой спустились двое, а поднялся только одинъ. Онъ идеть въ свою квартиру, изъ которой полчаса тому назадъ вышель виёстё съ Гиппусомъ. «Когда онъ возвращался доной передъ тёмъ, онъ слышалъ еще съ лёстницы шумъ, производимый въ его квартиръ пьянымъ старикомъ; теперь онъ остановился и сталъ прислушиваться, нъть ли опять того же шума. О, какъ дорого онъ бы дялъ, чтобы еще разъ его услышаты... Онъ взялъ стаканъ — и по тёлу его пробёжала лихорадочная дрожь. Тоть, кого больше не было, пиль изъ этого стакана. Онъ потушилъ лампу — и когда пламя въ послёдній разъ вспыхнуло, прежде чёмъ погаснуть, онъ вспомныль, какъ нёчто безразличное, случайное, что съ пламенемъ сравнивають жизнь человбка.

¹) Ср., напр., "Martin Chuzzlewitt" (галяюцинація Іоны Чеззльвитта), а также "Преступленіе и наказаніе" нашего Достоевскаго (Раскольниковъ-посл'я убійства, Свидригайловъ- въ ночь передъ самоубійствомъ).

Такое планя онъ потушилъ сегодня. Опять онъ ночувствоваль глухую боль въ груди, но смутно; его силы были истощены -онъ заснулъ». Описание пробуждения Итцига, первыхъ дней нослё убійства не менёе замёчательно; им приведень только овончаніе его. «Онъ не живеть больше, навъ другіе люди; его жизнь отнынё - борьба, странная борьба протявь трупа, борьба HE ANE ROLO HOSDEMAS, HO HADOJHSIOMAS BOD CTO LYMY. BCC, 4TO онь двлаеть вь обществь живыхъ-одна ложь, одна форма. Онъ сибется и жиеть руку знакомымъ, онъ даеть деньги подъ закладъ и беретъ патьдесатъ со ста-но все это только для того, чтобы обмануть другихъ на счетъ самого себя. Онъ знаетъ, что не принадлежить больше къ обществу людей, что все предпринимаемое имъ безсодержательно и ничтожно. Одно только его занимаеть, противь одного онь борется, изъ-за одного и пьеть, н болтаеть, и толкается между людьми; это одно — трупъ ста-рика подъ водою». И когда его преступленіе отврито, когда онь, въ лихорадочномъ бъгствъ, снускается къ той самой водъ, гдъ совершилось ужасное дъло, ему представляется, въ смутномъ очертанія, знакомая фигура, въ знакомой шляпъ; она простираеть въ нему руви - онъ оступается, падаеть, и гривная струя смывается надъ его головою, вакъ сомвнулась за нёсколько дней передъ тёмъ надъ головою Гиппуса.

II.

Вгорой романъ Фрейтага: «Die verlorene Handschrift» вынеять въ свёть девять яйть спуста посять перваго, въ 1864 г. Онъ имбать большой успёхть, въ дебнадцать яёть выдержалъ восемь изданій, но далеко не достигь нопулярности своего предшественника. Объясняется это какъ содержаніемъ романа, такъ и обстоятельствами, при которыхъ онъ появился. 1855-й годъ былъ періодомъ ватипъя, 1864-й — періодомъ борьбы, борьби иежду Бисмаркомъ и прусской паватой депутатовъ, между веикогерманскою и малогерманскою нартіями, между идеей національности и идеей свободи. Война за Шлеквитъ и Голштинію телько-что окончилась, внеся новые элемейты раздора въ ряди поб'ядителей; въ воздухё мосялось предчувствіе новой, болёе серьёзной войны — войны нежду Австріей и Пруссіей. Въ ибкоторыхъ либеральныхъ крумка́хъ начинался уже тоть новореть въ сторону «политины отна и желёза», который примерлът, дав года снусти, прусскую оннозицію съ Бисмаркомъ, соедалъ партію

наніональ - либераловъ и приготовнать патріотическую горячку 1870-го года. Въ литературномъ нірѣ успѣль, между тёмъ, занять видное м'ёсто Шпильгагень, избаловавшій читагелей пря ново пищей бурно-демокрагическихъ рокановъ его перевго періода («Durch Nacht zum Licht», «Die von Hohenstein»). Понятно, что роменъ, не затрогивавшій прямо злобы дня, не могъ произвести, въ 1864 г., такого сильнаго впечатлёнія, какое, среди всеобщей тишины, выпало на долю «Soll und Haben». Фрейтать вообще не человёнь борьбы; его натура для этого слишкомъ мягжа, слишкомъ созерцательна. Тяжелая эпока патидесятыхъ годовъ сдёлала его на время человёкомъ партія, въ самонъ общемъ, впроченъ, и неопредбленномъ смыслё этого слова; въ «Verlorene Handschrift» онъ является самемъ собою, т.-е. вабянетнымъ мыслителень безь ярвой политической окраски, преданнымь идей. гуманности и прогресса, но не отстанвающимъ извёстный способъ правлическаго са осуществленія. Съ другой стороны, среда, въ воторой происходить главное действіе романа, не могла привлечь въ себе всеобщаго вниманія настольно, насколько оно было вовбуждено «Soll und Haben». Купеческій мірь, выведенный насцену въ «Soll und Haben», знакомъ и банзовъ массъ читателей гораздо больше, чёмъ міръ профессорскій, университетскій, къ воторому принадлежить repox «Verlorene Handschrift». Послъднему изъ этихъ двухъ романовъ недоставало также того живого источника интереса, какимъ являлось въ первомъ столкновение между нёмцами и славянами на окраинахъ Германіи. Правда, второй романъ Фрейтага проникаеть отчасти въ ту сферу, которая всегда служить предметомъ любонитства для большинства читалелей - въ сферу придворной жизни; но эта именно часть рожана всего менёе удалась автору.

Профессорь влассической филологіи, Феликсь Вернерь, случайно нападаеть на слёдь существовавшей въ XVII-ить вёкі, нивому ненавёстной рукониси Тацита. Желаніе найти эту рукоинсь овладёвсеть имъ съ силою настоящей страсти; надежда восполнить съ ся помощью иробілы «Исторіи» или «Лётописей» опьянаеть его вообще трезвую, сдержанную натуру. Вибсть съ своимъ ученымъ другомъ, Фрицомъ Ганомъ, онъ спиравляется на воиски, пронинаеть въ домъ, въ стёнахъ или подвалахъ котораго, по его предположению, долженъ скрываться драгоцённый манускрипть---но находить, виёсто румописи, невъсту; онъ влюбляется въ дочь хозянна дома, Илису, и желится на ней. Несметря на первую реудачу, онъ не отвазывается отъ своей надежди, в оцять устремязется за добичей, какъ только передъ

его глазами является новий, слабый шансь успёха. На этоть разъ ивстоиъ его исканій служить резиденція владітельнаго ниявя, сниъ потораго былъ слушателенъ его въ университетъ и въ тайнъ, почтительно и безнадежно, любить Ильзу. Князь---чувственная и надорванная почти до сумасноствія натура — вь свою очередь, по-своему, влюбляется въ Ильзу, и чтобы удержать се близь себя, элеленаеть Вернера мираженъ отривка --ва самонъ двла подложнаго -- всвомой рукописн. Въ разставлен-HUX'S RESPENTS CETAX'S SRITYTHEBACTCH GOALENCE ECCTO ON'S CAN'S H окончательно сходить съ уна; для Феликса и Ильзы все развявывается благоволучно, страдаеть только самолюбіе ученаго, повволившаго себя поддаться обману. Параллельно съ главнымъ двяствіенть романа идоть исторія комической вражды семействь Гунмеля в Гана, буржуавныхъ Монтекви в Капулетти, и приипренія ихъ силого любин Ромео — Фрица Гана — къ Юлін — Лаур'в Гуниель.

Совершенно чуждыть тенденціозности и второй романь Фрейтага назвять неяьзя. Нёменкій профессорскій пірь-не что нное, какъ уголовъ нёмецваго среднято сословія. Выставляя на видь его лучшія стороны, его выдающуюся роль вь унственной жизни народа, Фрейтагь продолжаеть дёло, начатое низ въ «Soil und Haben», довершаеть апоссову нёмецкой буржуазія. Ея свётлому облику, оттёненному такъ образами Ротваттелей и Эреяталей, противопоставляются здёсь не менёе густыя тёни нънецкой придворной жизни. Князь, оберъ-гофиейстеръ, каммергерь, даже наслёдный принць - ное это представители отживающаго прошеднаго; Феликсъ Вернеръ — апостолъ и провозвъстникъ будущаго. Мисль автора выразвлась всего яснъе въ длинной бесёдё Вернера съ оберъ-гофиейстеронъ. «Я чувствую, -говорить послёдній, - уменьшеніе жизненной силы въ воздухі, воторый неня окружаеть. Моя молодость относится вь тому времени, когда дворы не были чужды умственному движению націн. Я вижу съ глубекою горестью, что они теряють надолго, мо-жеть бить навсегда, свое м'ёсто въ нервыхъ рядахъ этого движенія. Послёднія десятняйтія били тяжелой эпохой 1); оть душной нуъ атносферы пострадали больше всего именно высшіе слон общества. Прежная тонкость ощущеная в обращения исчезля, а новаго, въ санднъ ез, ничего не пріобритено. Везди господствуеть восруженная праканость, мелочность, ворчянвая и раз-

¹⁾ Дійствіе "Verlorene Handschrift" пропеходиті, ковидимому, въ сороновикъгодиха, до фенеральний рединий.

драженияя замкнутость; неумбные держаться въ оборонительномъ положения влечеть за собою безразсудные скачия въ сторону.--«Но если отдёльныя потери вознаграждаются выигрышемъ для цёлаго», — возражаеть Вернерь, — «то стонть ли сожалёть о нихъ? Оъ тёхъ поръ, какъ руководящая роль перешля въ другія руки, умственное превосходство немногихъ уступнаю м'всте болёе шировому распространению вачествь, составляющихъ внутреннюю силу націн». — «Я не отряцаю успёховь, сдёланныхь буржуавіей за послёднія пятьдесять лёть; но довёрія въ самому себѣ въ нашемъ народѣ еще слишкомъ мало, ему недостаетъ прочнаго положенія, этого необходинаго условія политичесной снан. Онъ слишкомъ часто волеблется между чрезибрнымъ неудовольствіемъ и чрезм'єрною покорностью; онъ слишкомъ многаго желаеть и слишеомъ немногимъ готовъ пожертвовать. Пониманіе высшихъ интересовъ націи растеть медленийе, чёмъ матеріальное ся благосостояніе». — «Ето живеть, тоть поднямается все выше и выше. Нани сыновья будуть свободние и энергичнёе, чёмъ мы; въ политической области, какъ и во всявой другой, будущее принадлежить труду. Неопытность новыхь политическихъ дъятелей долго еще, можетъ быть, будетъ вызывать въ вась горькую ульбиу; даже произведения науки не всегда будуть удовлетворать требованіямъ, воторыя вы въ правъ предъявлять въ нимъ; но пова въ налиемъ народъ живетъ уваженіе въ умственной работв, простодушная честность въ любян и въ ненависти, до техъ поръ мы можемъ быть увърени, что для него не прошель періодь юношеской, творческой силы. Пона онъ способенъ обновлять самого себя, онъ можеть влить новую жнань и въ своихъ квазей, и въ ихъ совътниковъ и министровъ». Въ этихъ словахъ Вернера, безъ сомийная, слёдуеть видёть политический символь вёры самого Френтага.

Дворъ, съ которымъ понски за руконисью приводять въ соприкосновение Вернера и Ильзу — одниъ въъ тѣхъ небольшихъ германскихъ дворовъ, которые мирно прозябели подъ сѣнью реакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ владѣтельномъ князѣ, какъ онъ первоначально изображенъ Фрейтагомъ, есть черти, наномивающія отчасти Людовька І-го баварскаго, отчасти Фридряха-Вяльгельма IV-го. «Князь, по уму и образованию, стоялъ выше большинства своитъ собратій. Въ молодости онъ раздѣлялъ увлечение тогданией модней (т.-е. романтической) поэзіей. Онъ велъ перециску съ извѣстными художниками и учеными, гордился знакомствомъ съ знаменитостями и еще болѣе-сознаниемъ, что полетъ его мысли внике и свободите обыс-

новеннаго. Но молодость его в врёлый воврасть совпали съ бо-лёвшеннымъ періодомъ нёмецвой національной жизни. Юношей, онъ подобно другимъ нѣмециимъ государямъ преклонялся передъ чужевемнымъ завоевателемъ, и подобно имъ во время его бро-силъ, чтобы не потерять своихъ владъній. Въ его небольшомъ, истощенномъ войною государстве не было ни общественнаго мизнія, которое бы сдерживало его, ни энергичныхъ людей, запатниковъ народнаго права, которыхъ онъ могъ бы уважать, Его окружали одни чиновники, и характеръ управленія его ста-новился все болье и болье бюрократическимъ. Сначала онъ не равдёляль сощей всенной мании, потомъ сдёлаль ей значительныя уступки. Онъ былъ до извёстной степени популяренъ, потому что зналь лично многихъ нов своихъ ноданныхъ и умвлъ сказать имъ во-время любезное слово; но въ сношеніяхъ съ приближенными онъ быль суровь, тажель, вапризень; семейный его деспотвань соблюдаль взейстныя вейшена формы, но въ сущности не зналь предёловъ». Этой характеристике Фрейтагь, къ сожалёнию, не остался вёрень. Его соблазнила мысль предста-вить князя Тиверіемъ или Нерономъ нашяхъ временъ, уменьневнымъ, конечно, до размъровъ почти миніатюрныхъ, но стра-дающимъ тою же болѣзнью, которую мастерскими чертами опи-салъ Тацить — Caesarenwahnsinn. Отсюда нъсколько эффектныхъ сценъ, изъ которыхъ всего замъчательнъе та, когда Вер-неръ, безъ всякой задней мисли, прображаетъ по Тациту ходъ развитія этой болёзни, а внязь принимаеть его слова на свой счеть и съ трудомъ сдерживаетъ безумный гнёвъ, болёвненную ярость. Но для усиленія эффекта Фрейтагь пожертвоваль съ одной стороны послёдовательностью и цёлостью характера внязя, съ другой стороны — его типичностью. Онъ вналъ здёсь именно въ ту ошибку, которой такъ удачно избъналъ въ изображени Ротваттеля. Условія, при поторыхъ сложился харантеръ князя, не принадлежать въ числу тихъ, которыя способствують раки-тію тацитовскаго недуга. Князь, какинъ онъ является перионачально — естественный продукть своей среды и своего временя; низь дальнёйнихъ сценъ — ничёмь не объясненный анахроннзиъ. Павильонъ съ потаеннымъ ходомъ, ночное — въ счастью для Ильзы, запоздалое — появленіе въ немъ внязя, нокупеніе выязя на жизнь Вервера — все это придаеть посл'ядией части романа мелодраматический оттёновъ и во всякомъ случай мало педходить въ нравамъ XIX-го вбва. Гораздо проще и върнбе обри-сованъ синъ внязя, застбичный, замкнутий въ самомъ себъ, совданный для тихой, спромней жизни частваго человъна и глубоко несчастний на своемъ высокомъ мъстъ, безропотно нереносящій отцовскую тираннію и ръшающійся протестовать противънея только тогда, когда затронута честь любимой имъ женищини. Личность принцессы Сидоніи (дочери князя), задыхающейся среди рутины и этикета и готовой полюбить Вернера, какъ периаго человъка, отъ котораго она услышала живое, свободное словозадумана хорощо, но въ исполнения замысла чувствуется нъкоторая натянутость, манерность, вообще несвойственная Фрейтату. Изображение университетскаго міра въ «Verlorene Handschrift»

Изображеніе университетскаго міра въ «Verlorene Handschrift» страдаеть отчасти тёмь же недостаткомь, какь и изображеніе буржуззін въ «Soll und Haben»; свёть и тённ и тамъ, и адёсь распредёлены не довольно равномёрно. Когда бывшій студенть, состарёвшійся, утомленный, вспоминаеть о своей университет-ской жизни, она часто представляется ему въ каконъ-то осо-бенномъ, волшебномъ свёть; мысль о ней воскрепнаеть на ми-нуту всё надежды, всю силу и бодрость молодости; все, что было въ ней мелочного, пошлаго, рутиннаго, забывается, отки-дывается въ сторону, и остается въ памяти или, лучше ска-зать, въ воображения лишь та дорогая, поэтическая айна татег, которую воспёвало столько иоколёній. Такъ, или по-чти такъ смотрить на университетскию живнь въ своемъ вочти такъ смотрить на университетскую жизнь въ своемъ ро-манѣ Фрейтагъ. Самъ Вернеръ, Фрицъ Ганъ, всѣ профессора, виведенные на сцену — безкорыстные, преданные до самоотвер-женія служители науки, заботящіеся одниавово и о движеніи ся ження служители науки, заботящиеся одниаково и о движени ея впередь, и о распространение ся въ обществё, чуждые педан-тизма, мелочности и зависти. Мы узнаемъ, правда, что есть профессора другого склада, повторяюще зади, покоющеся на давно-пріобрётенныхъ, дешевыхъ лаврахъ; но мы слышинъ о нихъ только мимоходомъ, ни одниъ изъ нихъ не опрачаетъ сво-ей нечальной фигурой блестящую картину университетской жизни. Студенческій міръ также рисуется съ кавоваго конца, въ лицё тружениковъ, групнирующихся около любимаго учителя, млад-щихъ. но равнонованнутъ инастичновъ учатоля бастан. шихъ, но равнонравныхъ участниковъ ученой бесёды. Ком-мершъ и мензура мелькають передъ напими глазани въ мяркомъ полусивтъ, не повволяющемъ различить хорошенько ихъ настоянія, будинчныя черты. Не нужно быть глубовань знатовонь німеценах нравовь, чтобы зам'йтить пробыли этой картины. Танізысціяная правові, чтом знатвінтя проован этон картины. Та-ніе профессора, какъ Вернеръ или Рашие — исплюченіе, а не общее правило; истинно товарищескія отношенія нежду профес-сорани—такая же р'ядкость, какъ и живое общеніе между про-фессорами и студентами. Недавнія витриги въ берлинскомъ унк-верситетъ, окончивніяся пигиаціенъ оттуда Дюринга, у всіхъ,

вонечно, еще въ свёжей намяти; мы приведенъ еще одниъ факть, менье взевстный и особенно интересный твиъ, что онъ совнадаеть, по времени, съ появленіемъ «Verlorene Handschrift» и поеволяеть провести параллель между финцiей и действитель-ностью: Въ романе Фрейтага профессоръ Струвеліусъ-филологь, наять и Вернерь-поступаеть не по-товарищески въ отношения въ носятеднему, издавая безъ его вёдома вновь найденный отрывокъ изъ Тацита, между тъмъ какъ Вернеръ спеціально зани-мается этимъ историкомъ и сообщаетъ Струвеліусу результаты своихъ занятій. Отрывокъ оказывается подложнымъ; Струвеліусъ быль введень въ заблуждение ловкимъ обманщикомъ. Вернеръ предлагаеть Струвеліусу, чтобы онь самь заявиль о своей олинокв, и только послё его отказа отдаеть въ печать собранныя имъ доказательства подлога. Завязывается полемика; одни профессора беруть сторону Вернера, другіе — сторону Струве-ліуса, но борьба ведется съ достопнствонъ, подобающимъ ученому спору, и только изъ среды студентовъ раздаются ризмо-ванныя насмёшки надъ Струвеліусомъ. Побёдителемъ остается Вернеръ; Струвеліусъ совнается наконецъ, что сдблался жертвой обмана; туча, набъжавшая на университеть, разсъевается не съ-разу, -- но когда Вернеръ въ свою очередь поддается обнану, Струвеліусь одинь изъ нервыхъ является къ нему на помощь и примыкаеть въ числу ближайшихъ друзей его. Тавъ разыгры-ваются ученыя распри въ мірё фантазів; посмотримъ теперь на ходъ одной изъ мяхъ въ дёйствительной жизни. Въ началё 1865 г., въ боннскомъ университетъ сіяди съ разнимъ почти блескомъ два свётила влассической филологіи, Ричль и Янъ. Отношенія между ними давно уже были самыя натянутыя; поводемъ къ отврытой вражде послужило, если им не ошибаемся, сдъланное Яномъ министерству, непосредственно отъ себя, помимо факультета, представление о лицъ, могущемъ занять вакантную наседру филологія. Главнымъ орудіемъ борьбы сдёла-лись журнальныя статьи, бо́льшею частью иниёмъ не подписанныя, наполнанныя самыми рёзвным обвенсніями — во лже, въ клеветь и т. н. Вокругь обонхъ протизниковъ образовались партін; дёло доходвло даже до личныхъ осворбленій. Ни съ накой стороны не проввучала примирительная нота, и межлоусобная война окончилась только тогда, когда Рачль перешель ни Бонна на Лейпцигъ. Прим'връ, приведенный нами, далево не единственный; тщеславія, бол'взненно развитаго самолюбія, не-доброжелательства въ н'імецкой профессорской сред'ь едва-ли меньше, чемъ въ какой бы то вн было другой. Не менъе идеа-

лизпрованы Фрейтагонъ и отношения студентовъ къ профессо-рамъ. Послёдніе, въ большинствё случаевъ, мало доступны для студентовъ, которые, въ свою очередь, радко нщуть сближения съ профессорами. Число слушателей профессора чаще зависитъ оть степени вліянія его въ экзаминаціонной воммиссіи, чёмъ оть достоинства его левцій; лучшимъ доказательствомъ этому служить малочисленность слушателей у привать-доцентовъ, даже у такихъ, какимъ былъ, напримъръ, Дюрингъ. Темныя стороны нёмецкаго студенческаго быта, съ его обязательными выпивками и не менте обязательными дуэлями, слишкомъ извёстны, какъ извёстна и быстрота обращения «свободныхъ академическихъ гражданъ» въ самыхъ заскорузлыхъ филистеровъ. Конечно, Фрейтагъ-не публицисть и не историвъ, и требовать отъ него оденавово ярваго освёщенія всёхъ сторонъ ввбраннаго нить предмета было бы несправедливо; но есть черта, за которой и въ художественномъ произведения неполнота близко граничнъть сь невърностью - и передь этой чертой Фрейтагь не всегда унълъ остановиться.

Козломъ очищенія въ «Soll und Haben» являлся еврейспекулянть, въ разныхъ видахъ и формахъ; въ «Verlorene Handschrift» эта роль выпала на долю нецехового ученаго, магистра Книпса¹). Сынъ бёдныхъ ремесленниковъ, 1995-за бёдности, вброятно, и оставшийся въ сторонв оть торной дороги авадемическаго образованія, онъ влачить жалкую жизнь литературнаго чернорабочаго, хотя по разносторовности и основательности знаній ничуть не уступаеть большинству своихъ ученыхъ натроновъ. Онъ составляеть акфавитные указателя въ сочинениямъ профессоровъ, держитъ за нихъ корректуру, съ насябшкой и влорадствоиъ замъчая при этомъ ихъ ошибви или недосмотры, и вообще разсматривается ими какъ полезный, но въ сущности ничтожный участникъ ихъ ученыхъ священнодъйствій. Годы смиренія и незаслуженнаго униженія накопляють въ немъ громадный запась затаенной знобы, воторая, вийстё съ жаждой прибыли, приводить его въ совершению литературныхъ подлоговъ. Жертвой этихъ подлоговъ становичся сначала Струвеліусъ, потомъ самъ Вернеръ — единственный изъ профессоровъ, которий обращался съ Книпсомъ сволько-нибудь по-человъчески, и кото-раго Книпсъ, по-своему, любилъ и уважалъ, сознавая его прево-сходство надъ собою. Обманъ отврытъ — и Вернеръ произносить

¹⁾ Въ Германія званіе нагистра, теперь уже полтя антикнированное, не инфеть того значенія, какь въ нашень учедонъ мір'я.

надь Кинпсомъ неумолимо-строгій приговоръ, которому Книпсъ безпрекословно подчиняется. «Вы совершили», говорить Вернерь Книпсу, «преступление противъ высшаго изъ благъ, принадлежащихъ человъчеству — противъ честности науки. Въ ся царствъ важдому грозить ошибеа, потому что силы важдаго ограниченны; тёмъ болёе необходимо намёреніе, желаніе быть правдивымъ». «Если бы другіе», вовражаеть Книпсь, «считали меня равноправнымъ съ ними ученымъ, я не сдёлалъ бы того, въ чемъ теперь виновень».--«Вы сами считали себя ученымъ -- и этого довольно; вы совнавали свое призвание и гордились тёмъ, что стонте въ ряду жрецовъ науки. Нёгъ обязанностей болёе высо-, кихъ, чёмъ наша; мы руководимъ умами, мы стоимъ на стражъ мыслей и знаній нашего народа. Мы передовые борцы противъ лян, противъ фантасмагорій прошедшаго, все еще носящихъ на себе маску жизненности. На васъ, вакъ и на всёхъ людяхъ науки, лежала отвътственность за духовную жизнь націи. Вы оказались недостойнымъ вашего сана-и я съ прискорбіемъ долженъ отрёшить васъ отъ него». Потрясенный до глубины души, уничтоженный, Книпсь думаеть о самоубійстве, но его останавливаеть мысль о неовонченномъ трудё надъ однимъ изъ римскихъ всторивовь. Онъ бросаеть родину, старушку мать и сврываеть гдё-то за моремъ повинную голову невёрнаго служителя науви (er entwich und barg sein Haupt, ein untreuer Diener und ein Opfer der Wissenschaft»).

Осуждая Книпса, Вернеръ сожалѣетъ о немъ, упреваетъ себя за то, что не оказалъ ему правственной поддержки, которая могла бы предупредить его паденіе; но въ справедливости приговора Вернеръ не сомнѣвается ни на одну минуту. Таково ли впечатлёніе, выносимое читателемъ изъ сцены между Вернеромъ и Книпсомъ? Въ насъ, по крайней мъръ, она вовбуждаеть вопросъ: вто больше виновать, судья или подсудимый? Книпсь приводить въ свое оправдание немногое, но это немногое въсить больше, чёмъ всё доводы Вернера о достоинстве науки и о святости ученаго сана. Книпсъ — оденъ изъ легіона нёмецкихъ ученыхъ, сильныхъ только знаніемъ, восполняющихъ---насколько это возможно — недостатовъ дарованія и самостоятельной мысли неутомимымъ трудомъ, вносящихъ въ общій запась науки врупицы едва замътныя, если взять каждую отдельно, но составляющія въ совокупности почтенное и полезное дёлое. Разница между Книпсомъ и его многочисленными собратьями только та, что въ нему не пришпилено никакого оффиціальнаго ярлыка, что онъ не носить того или другого званія или титула. И этой разницы

достаточно, чтобы не только профессорская мелюзга, но и такіе люди, какъ Вернеръ, считали себя въ правъ относиться въ Книпсу свысова, отвазывать ему въ равномъ съ ними м'еств въ храме науки! Затемь, когда отвергнутый и забитый ученый, подавленный нуждою, ожесточенный несправедливымъ пренебреженісиъ, совершаеть литературный подлогь, его судьямъ — или лучше свазать, настоящнить виновниванть его проступка-не приходить даже въ голову мысль, что не имъ, баловнямъ оффиціальной науви, подобаеть поднимать руку на ся жертву. Проповёдники гуманности, всепонимающей и всепрощающей, забывають о своей теорін виенно тогда, когда прим'вненіе ся было для нихъ не только возможно, но даже обязательно; Вернеръ ндеть еще дальние и становится судьей въ собственномъ своемъ деле. И что же въ сущности сдёлаль Книпсь, чёмь навлекь на себя перуны олимпійцевъ? Его подлогь, безъ труда обнаруживаемый Вернеромъ въ первую минуту критическаго отношения къ найденному отрывку, нанесь ударь только самолюбію ученаго, считавшаго себя непогръшимынь; другого вреда онъ не причиниль и не могъ причинить. Наукъ, отбрасывающей оть себя все фальшивое и неполновъсное, нечего бояться Книпсовъ и ихъ маленьнихъ хитростей; для нея гораздо опаснье полицейсвое усердіе Вернеровъ. Любовь въ наувъ удержала Книпса оть самоубійства; служеніе ей онъ, безъ сомнёнія, будеть продолжать и въ своемъ изгнанін. Самовольно отнимая или по врайней мёрё повушаясь отнять у науки рабочую силу Книпса, Вернеръ совершаеть передъ ней преступление болёе тяжкое, чёмъ ловкій повидимому, но на самомъ дёлё неуклюжій подлогъ Книпса.

Итакъ, герой «Verlorene Handschrift» — далеко не идеальный представитель тѣхъ началъ, защиту которыхъ влагаетъ въ его уста Фрейтагъ. Само собою разумѣется, что мы не думаемъ упрекать за это автора; напротивъ того, Вернеръ является вслѣдствіе этого болѣе живымъ лицомъ, болѣе вѣрнымъ дѣйствительности. Можно только спросить себя, сознаетъ ли самъ Фрейтагъ слабыя стороны своего героя? Отчасти, да; опибка, въ которую вводитъ Вернера подложный отрывокъ, является какъ-бы возмездіемъ за строгость, съ которою онъ отнесся къ подобной опибкѣ Струвеліуса; но въ столкновенія между Вернеромъ и Книпсомъ авторъ, повидимому, всецѣло на сторонѣ перваго. Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что въ лицѣ Вернера воплощенъ типъ, несомнѣно существующій въ Германіи к играющій не малую роль въ ся жизни — типъ ученаго, исвренно преданнаго своей наукѣ, не замыкающагося въ тѣсныя ея рамки, многое обнимаюнаго инрокних и свободным веглядом, но не отрёшненнагося наслий оть корпорахленых, цеховых предраксудковь, съ серьёзностью жреца соеденяющаго и его гордость, не умёющаго ни сочувствовать слабымь, ни конниать тёхь, которые идуть пеобнчной дорогой, хотя бы и къ одной съ нимъ цёли. Если мы привомнимь выходку Вирхова протякъ Геккеля на съёвдё естествоиспытателей 1877 г., участіе Гельмгольца въ изгнанія Дюринга изъ берлинскаго университета, то мы уб'ядимся, что черты сходства съ Вернеромъ можно найти даже въ передовыхъ предсивителяхъ современной измециой науки. Типъ ученаго, прониклутаго истинной гуманностью, Фрейтагъ попробовалъ нарисовать въ профессорѣ Рашке; но результатовъ этой понытки явнася, къ сожалѣнію, только блёдный, хотя и симпатичный эскизъ, въ которомъ на первый планъ выступаетъ комическая разсѣянность, добродушная наивность.

Герояня «Verlorene Handschrift», Ильза Вернеръ-одно изъ саныхъ художественныхъ созданій Фрейтага. Это ибмецкая женщина въ лучшемъ смыслё слова, чуждая мелочности и тщеславія, безусловно преданная семьй, но не игнорирующая всего остального, энергично всполняющая всякое дело, выпадающее на ея долю. Воспитаниая въ сельской типи, вдали отъ умотвеннаго движенія, и внезапно перенесенная въ другую, совершенно противоположную сферу, она скоро свывается съ нею и входить въ нитересы своего ученаго мужа съ такимъ же жаромъ, съ какимъ прежде занималась деревенскимъ хозяйствомъ. Подчиняясь, въ вопросахъ научныхъ, вліянію своего мужа, она сохраняеть полную самостоятельность въ вопросахъ нравственности и жизни, и часто ръшаеть вхъ лучше, чънъ самъ Вернеръ. Она держить сторону Рашке въ попыткахъ его примирить Вернера съ Струвеліусонь, сана способствуеть ихъ примиренію; если бы она была возлѣ Вериера въ моментъ произносенія приговора надъ Книпсомъ, судьба послёдняго, вёроятно, устронлась бы иначе. Когда наслёдный принць — наслёдный принць ся стравы, члень династіи, въ которой она въ это время относится еще съ благоговъніемъ, —отдаетъ себя на ея судъ въ дъль совъсти, она даетъ ему честный совёть, не стёсняясь общепринятыми обычаями и взглядами 1). Весьма интересна могла бы быть картина борьбы

1) Наслёднаго принца, слушающаго лекція въ университетё, оскорбляеть одинь изъ студентовъ; аристократическая студенческая корпорація, почетнымъ членомъ которой числится принцъ, уполномочиваеть одного вэъ своей среды, въ качествё представителя принцъ, уполномочиваеть одного вэъ своей среды, въ качествё представителя принцъ, драться на дузли съ его оскорбителемъ; принцъ колеблется между требованіями этикета и нежеланіемъ подвергать опасности другого, вийсто самого себя; Ильза совётуеть ему лично выйти на дузль, и онъ слёдуеть са совёту. между прежнимъ, наивнымъ міросозерцаніемъ Ильзы, и новымъ, съ которымъ она знакомится въ средѣ профессоровъ, которое она, что еще важнѣе, встрѣчаеть въ своемъ мужѣ; въ сожалѣнію, картина эта не дорисована Фрейтагомъ до конца. Мы видямъ, какъ напоръ новыхъ мыслей доводить Ильзу почти до отчаянія, до тяжелой болѣзни; но мы не узнаемъ, чѣмъ разрѣшилась борьба, на чемъ успоконлась Ильза. Отказадась ли она отъ надежды найти въ самой себѣ отвѣть на ваволновавние ее вопросы, отступила ли она назадъ подъ охрану преданы, перепла ли она военноплѣнной въ лагерь своего мужа, или, наобороть, выработала самостоятельный взглядъ, одинаково независимый отъ старыхъ и новыхъ авторитетовъ—этого Фрейтагъ не объясняетъ, оставляя такимъ обравомъ характеръ Ильзы незаконченнымъ, а дѣйствіе романа лишеннымъ одного изъ существенно-важныхъ его эпизодовъ ¹).

Въ «Verlorene Handschrift» Фрейтагь является такинъ же мастеромъ детальной живописи, какъ и въ первомъ своемъ романь. Вражда между фабрекантомъ войлочныхъ шлянъ, Гуммелемъ, и фабрикантомъ соломенныхъ шляпъ, Ганомъ – вражда, опутывающая сначала и ихъ семейства, но въ концъ-концовъ благополучно разрёшающаяся сведьбой - дополняеть главное дёйствіе романа массой эпизодовъ, то забавныхъ, то мелыхъ, задушевныхъ. Особенно удалась автору фигура Гуммеля, воренастаго буржуа, прямого потомка нѣмецвихъ ремесленниковъ XV-го или XVI-го въка, грубаго, ворчливаго, но въ сущности добраго, висово-цвиящаго свое сословіе и равнодущиаго въ визшинить отличіямъ и титуламъ. Это-нёмецкій самодуръ au petit pied, смягченный разлитымъ вокругъ него образованиемъ -- онъ живетъ въ университетскомъ городъ и гордится этемъ, - научившійся уважать твердость воли не только въ самомъ себъ, но и въ другихъ. Его малая война съ сосъдомъ-Ганомъ, неръдко переносниая передъ лицо полиція или полицейскаго суда, не ибщаєть ему помочь старому врагу, когда тоть действительно нуждается въ помощи. Его буржуазная заносчивость не мѣшаетъ ему подружиться съ лавеемъ Вернеровъ, Габріелемъ, отставнымъ солдатомъ, сохранившимъ въ городъ деревенскую наивность и добродушіе. Дочь Гуммеля, Лаура, любить молодого Фрица Гана, долго борется съ своямъ чувствомъ, но, наконецъ, уступаеть

¹) Въ концѣ романа ми находниъ, правда, намекъ на то, что внутренняя работа мисля привела Ильзу къ гармонін и свободѣ; но въ художественномъ произведенія для насъ важенъ не результать псяхическаго процесса, а самий процессъ, со всёми его подробностями.

ену и заставляеть упранство отна свлониться передь ся энергичною рёшиностью. Постепенное сближеніе Лауры съ Фрицемъ, анонимная ихъ корреспонденція, похищеніе, совершиемое съ согласія и благословенія родителей — все это прелестныя страницы, иначительно способствовавшія успёху «Verlorene Handschrift». Есть еще одно дійствующее лицо, умолчать о которомъ — аначило бы дать веполное нонятіе о роман'я Фрейтага: это собана Гуммеля, Шпейтанъ. Портреть и исторія этого уродливаго, угранаго, меланхолическиего пса, четверовогаго мизантропа, страниинца своей улицы, предмета гордости для Гуммеля, суев'ярнаго страха — для Габріеля, отвращенія — для всіхъ остальныхъ, орудія въ борьб'я Гуммеля противъ Гановъ — настоящій маленькій сhef d'oeuvre, достойный стать на-ряду съ изображеніями животинхъ у Снейдерса или Поля Поттера.

Къ нѣкоторынъ мысламъ, выраженнымъ въ « Verlorene Hand-schrift», мы еще возвратнися, когда нопробуемъ представить об-щую оцёнку дѣятельности Фрейтага; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ особенностахъ его языва и слога, всего болѣе замѣтныхъ именно во второмъ его романъ. Входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса русскому критику и трудно, и не нужно; но совершенно оставить его въ сторонъ нельзя, потому что вцено совершенно оставить его въ сторонъ нельзя, потому что впе-чатлёніе, производимое сочиненіами Фрейтага, въ значительной степени обусловливается ихъ визлиней формой. Отдёлка фразы у Фрейтага тирительнёе и визстё съ тёмъ краснейе, чёмъ у другихъ современныхъ нёмецияхъ романистовъ. Шпильгагенъ нишеть большею застью деловних, вногда сухних язнкомъ; въ намеръ Ауербаха много дъланности, претенціозности; у Фрей-тага больше простоты, чёмъ у Ауербаха, и больше художествен-ности, чёмъ у Шпильгагена. Онъ любить пороткія, сжатыя предности, чинь у Шпильтагена. Онъ люонть пороткия, сжатыя пред-ноженія, избёгаеть, гдё только можеть, тяжеловёсныхъ глаго-ловъ, старается сосредоточить въ нёскольнихъ словахъ цёлую картину, напоминая этимъ вногда классическихъ латинскихъ пи-сателей, въ особенности Тацита, играющаго такую важную роль въ «Verlorene Handschrift». Въ юмористическихъ мёстахъ Фрей-тагъ достигаеть большого эффекта контрастомъ между серьёзностью, торжественностью выраженій и комичностью содержанія. Вездів, гдів этого требуеть широкая мысль или глубовое чувство, онъ безъ труда возвышается до истинной поэзіи. «Ihm hatte», говорить Фрейтагь про Книпса, сокрушеннаго карающимъ сло-вомъ Вернера, «zu rechter Zeit der Segen des Wortes gefehlt, welches aus dem Munde in das Ohr, vom Herzen zum Herzen

Тонь П.-Апры, 1879.

81/:

DOTTENTS HIDDENI.

klingt. Denn was wir als das Gemeinste gebrauchen, ist uns auch das Höchste. Geheimnissvoll ist uns noch heut, wie unsern Vorfahren, seine Gewalt. Das Geschlecht unserer Schriftseit, geübt die Laute in ihrem Bilde zu schauen, gewöhnt, die Kräfte der Natur durch Maass und Waage zu schätzen, denkt selten daran, wie mächtig klangvolles Wort der Menschenbrust in uns waltet. Es ist Herrin und Dienerin, es erhebt und zerstört, es macht krank und schafft Heilung. Glücklich der Lebende, dem es voll und rein in das Ohr tönt, der den weichen Laut der Liebe, den herzhaften Ruf des Freundes unablässig empfängt. Wer den Segen der Rede entbehrt, die aus warmem Herzen quillt, der wandelt schon als Lebender unter den Andern wie ein Geist, der vom Leibe gelöst ist, wie ein Buch, das man aufschlägt, benützt, von sich abthut nach Gefallen ¹)». Taras прова gbüctbyerts на читателя—ним трать болёв на слупнателя почти съ силов стиха, вынедшаго изъ-подъ мера художника.

Ш.

«Soll und Haben» н «Verlerene Handschrift»—единственные рожаны Фрейтага, сюжеть которыхъ взять изъ современной жизня; послѣ 1864 г. онъ замывается въ область историческаго романа. Нёмецкая исторія всегда была любинныть предметонъ его закатій. Громадный успѣхъ «Soll und Haben» воебуднять бы во всяконъ другонъ писателѣ желанье сдѣлать какъ можно сворѣе второй нагъ на томъ же поприцѣ; Фрейтагъ погружается, виъсто того, въ взученіе исторія, ревультатомъ котораго явился, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, длинный рядъ культурно-историческихъ этодовъ, связанныхъ единствонъ плана и общимъ имененъ

^{1) &}quot;Онъ не испиталъ, въ свое время, благотворнаго вліянія слова, ндущаго веносредственно изъ устъ въ слуху, отъ сердца въ сердцу. Слово-самое общенное наше орудіе, вмъстъ съ тъмъ высшее, вакимъ только ми распелагаемъ; таниственна до сихъ поръ для насъ, какъ и для нашихъ предковъ, заклочающался въ немъ силь. Наше ноколъвіе, привнишее соверцать звуки въ ихъ необращеніяхъ, овредъять сини природи мърод и въсонъ, ръдко думаетъ о томъ, какъ негущественно дийстве живого человъческаго слова. Оно служитъ намъ ----и властвуетъ надъ намъ, оно воввищаетъ и уничтожаетъ, заставляетъ страдать и приноситъ исцъление. Стастлют тотъ, для кого оно раздается полнимъ и чистимъ звукомъ, съ магеостью добян, съ ободрященъ привныетъ дружби. Кому незнакома благотворная сила теплой, сердетной ръчи, тотъ скитается на землё какъ духъ, отръменный отъ тъна, накъ имиъ, которую берутъ, читаютъ, бросаютъ въ сторону, когда вздумается".

«Bilder aus der deutschen Vergangenheit»¹). Bis namgents priorit рассиатривается каная-нибудь една сторона нёмецкой общественной жизни въ ту или другую эпоху (рыцарство, средневъковой городъ, бродячіе люди, позже — крупное и мелкое дворянство, солдатский быть и т. п.); центромъ этюда служить, вогда это возножно, разсназъ современных, вокругь него группируются въ живой, часто блостящей формъ данныя, собранныя самимъ Фрейтагонъ. Для насъ «Картини ибмецкаго пропывго» важни тольно какъ путь, приведний Фрейтага къ историческому роману. Коротное внавоиство съ судьбани ибиециаго народа внушило Фрейтагу мисль изобразить извоторые коменты его развити въ цілонъ ряді романовъ, содержаніе воторнихъ было бы почеринуто наъ жизни одного и того же семейства. Къ исполнению этой задачи Фрейтагь приступиль своро послё окончанія «Verlorene Handschrift», и начиная оз 1872 г. издаль въ свёть семь ронановь (въ пяти томахь), подъ общинъ заглавіенъ: «die Ahnen» (Предки). Начавъ съ энохи, предшествующей великому пересезению народова, Фрейтага дошель уже до XVIII-го вбва, така что овончанія предпринятаго виз общирнаго труда можно ожидать въ непродолжительномъ времени.

Авть пятьдесять тому назадъ, историчесній романь быль въ большой моды: по стонамъ В. Скотта шли такіе писатели, какъ В. Гюго (Notre-Dame de Paris), Манцони (i Promessi sposi), нашъ, Пушкинъ («Арапъ Петра-Великаго», «Капитанская дочка»). Несколько позне эта отрасль беллетристики перешла изъ рукъ норнфеевь въ руки статистовъ; исторические романы продолжали появляться десятвами, но производили ихъ А. Дюма, Луиза Мюльбахъ, Кукольникъ и т. п. Въ наше время исторический ронанъ, подписанный громкимъ именемъ, составляетъ довольно большую ридвость. Текперей написать «Эсмонда», Элліоть-«Роnony», 3. 3angs-«les Beaux messieurs de Bois doré», B. Fioro-«l'Homme qui rit», Флоберъ---«Salambo», но не эти произведенія составные и составляють ихъ славу. Упадовъ историческаго романа — явленіе вполн'я естественное в понятное. Современный романъ стремится въ вёрному изображению дёйствительности,--а оно тёмъ болёе затруднительно, чёмъ болёе отдалена оть шишущаго ввображаемая имъ эпоха. Современный романъ доро-

¹⁾ Послёднее, десятое ихъ изданіе винно въ свёть въ 1876 г., въ цяти томахъ, изъ которихъ нандий составляеть и самостоятельное цёлое: "Aus dem Mittelalter", "Vom Mittelalter zur Neuzeit", "Aus dem Jahrhundert der Reformation", "Aus dem Jahrhundert des grossen Krieges", и "Aus neuer Zeit".

жить психологическимъ анализомъ, тщательною и тонкою обрисовкой характеровь -- а эта задача исполнива лишь при тожаестве или большомъ сходстве условий, окружающихъ автора, съ условіями, подъ вліяніемъ которыхъ разниваются и двйствують создаваемыя имъ лица. Современный романъ черпаеть громадную силу въ соприкосновения съ жгучими вопросами эпохи, съ идеями, воднующими общество или только-что зарождающимися въ немь: этоть источныхь интереса также на половену закрыть для историческаго романа. Спътимъ оговориться: все сказанное нами объ историческомъ романъ относится сполни только къ темъ произведеніямъ, сюжетъ воторнать заниствовань изъ времень отдаленныхъ-настольво отдаленныхъ, что писатель, даже при больпой эрудиція и большой силь воображенія, не можеть заставить себя жеть ихъ жизнью, смотрёть ихъ глазани. Въ этомъ спислѣ «the Tale of two cities» Диккенса (дѣйствіе этого романа происходнть въ послёдней четверти прошеднаго въка), «Quatre-vingt-treize» В. Гюго, «Война и мирь» гр. Л. Н. Толстого — не вполнѣ исторические романы, потому что эноха, изображаеная въ нихъ, слишкомъ близна въ нашей и соединена съ ней самою живою связью; писать о ней можно почти такъ же, т.-е. въ тъкъ же ранкахъ, въ томъ же духъ и съ соблюденіенъ тёхъ же прісмовъ-какъ в о современной жизни. Но если романъ проникаеть дальше въ глубь прошедшаго, онъ перестаеть, въ сущности, быть романомъ и становится культурно-историчесвимъ вослёдованіемъ, тёмъ болёе цённымъ, чёмъ меньше преобладають въ немъ отличительныя черты романа, чёмъ больше ивста въ немъ отводится общему, сравнительно съ частнымъ ¹). При такихъ условіяхъ историческій романь можеть представлять большой интересь (назовемъ, для примъра, «Дочь египетскаго царя»-Эберса), но интересь этоть немногимъ развѣ отличается оть того, съ воторымъ мы читаемъ талантливо нанисанное историческое сочинение, въ родъ «История Антлии» Маколея, или «Разсказовь о временахъ Меровинговъ» Огюстена Тьерри.

Если смотрёть на историческій романь сь этой точки зрівнія, то нельзя не пожалёть объ исключительности, съ которою отдался ему Фрейтагь. Для писателя съ дарованіемъ Фрейтага со-

¹) Въ романъ всего важнъе индивидуальная жизнь, судьба или развитіе личности, на которой уже косвенно отражается вліяніе общества, среды, историческаго комента; между тъкъ, воястановить внутреннюю жизнь человъка, отдъленнаго отъ насъ цэлими въками — задача почти неосуществимая, и въ историческомъ романъ по необходимости выдвигаются на первий планъ крупныя, не индивидуализированным черти обмчаевъ и правовъ.

временная жиень Германін могла бы служнть ненстощницих матеріалонъ, гораздо болžе богатымъ и благодарнымъ, чёмъ любая эпоха ибиециаго прошлаго. Повороть въ настроении умовъ и въ группировке нартій, визванный событіями 1866 г., борьба нежду партнауляризномъ и общенаціональнымъ чувствомъ, доходяная почти до трагизма въ критические июльские дин 1870 г., упосніе поб'ядами и славой, экономическій разгуль 1872-го и «врахь» 1873 г., отчаянныя уснлія католическихь и протестантскихъ клерикаловъ удержать за собою ускользающую отъ нихъ нозицію въ центр'я государственнаго организма, надвигающаяся туча соціальнаго вопреса все это могло бы внушить Фрейтагу нарляны, достойныя стать радомъ съ «Soll und Haben» и «Verlorene Handschrift». Онъ предпочелъ удалиться съ ноля битвыи этимъ самымъ отревся оть выдающейся роля, пренадюжавшей ену между представителями современнаго романа. Нельзя свазать, чтобы его «Ahnen» не имъли успъха; они читаются съ любонытствомъ, выдерживають по нёскольку изданий -- но не производать, да и не могуть произвести того глубоваго впечатлёнія, какое выпало на долю двухъ первыхъ романовъ Фрей. тага. Неудачнымъ, притомъ, слёдуетъ признать не тольно выборъ вадачи, по отчасти и исполнение ся.

Дъйствіе перваго романа, «Ingo», происходить въ 357 году по Р. Х. Его герой — и вийстё съ тёмъ родоначальникъ сомън, исторіи воторой посвящена вся серія романовь — владётельный внязь одного наз вандальскихъ племенъ (въ то время жнвущихъ еще между Одеромъ в Эльбой), лишенный власти честолюбивымъ родственникомъ и скатающійся по Германіи, во главё небольшой горсти вірныхъ сподвижниковъ. Вийстё съ аллеманами, онъ сражается противъ римлянъ въ большой битвё при Страсбурге, окончившейся полнымъ поражениемъ германцевъ. Онъ находить убъжнще у одного изъ меленхъ владътельныхъ князей Тюрангін, влюбляется въ его дочь, похищаеть ее, основновенъ, съ своими вандалани и однимъ изъ тувемныхъ нлеменъ, новое иоселеніе на южной спраних Тюрингенвальда и погибаеть жертвою двоякаго мщенія - соверника, у потораго онъ отбиль невъсту, н королевы тюрянговъ, любовь которой онъ отвергъ. Герой второго ронана, «Ingraban», живеть въ Тюрингія — свободнымъ, но бёднымъ землевладывыемь, участвуеть въ борьбе тюринговь противь сосбднихъ славанскихъ племенъ, сначала относится враждебно къ христіанскому ученію, только-что проникающему въ его страну (действіе происходить во второй четверти VIII-го вела), потомъ становится ревностнымъ его приверженнемъ и умираетъ за него,

витесть съ епископомъ Бонифаціемъ. Третій романъ, «Das Nest der Zaunkönige», переносить насъ въ начало XI-го въка, т.-е. въ эпоху уже вполн'я историческую. Потомки Инго и Инграбана являются здёсь рыцарями, сохраняющими въ своемъ небольнюмъ тюрингенскомъ замкъ горделявую независимость отъ более сильныхъ сосёдей и свлоняющнинся только передъ властью ниператора. Старшій членъ семьн-Иммо-отданный натерью въ монастырь, вырывается оттуда, сражается за императора (Генрика II-го) противъ воеставнихъ князей, не не извленаеть наъ своей преданности инкакихъ выгодъ, а наоборотъ, едва удерживаетъ на плечахъ свою буйную голову. Въ четвертонъ романь: «die Brüder vom deutschen Hause» (время двйствія — первая половина XIII-го столётія)-маленькое царство рыцаря Иво рунится подъ ударами фанатическаго духовенства, поддерживаемаго вассалами тюрингенскаго ландграфа; Иво вступаеть въ нёмецкій ордень и находить вийсти съ нимъ новую родину по ту сторону Вислы. Одниъ изъ его потонковъ достигаетъ званія гроссмейстера; но въ пятомъромань, «Marcus König» (время дъйствія — третье десятильтіе · .XVI-го въка), мы находимъ семью Кёниговъ (эту фамилию она теперь принимаеть) поселившеюся въ Торий и занимающеюся торговыми делами. Воинственныя навлонности ся, однако, не угасли; отецъ замышляеть возвращение Торна — признающаго надъ собою верховную власть польсваго короля — въ рувн нёмецкаго ордена, сынъ сражается въ рядахъ ландскиехтовъ. Планы старика Марнуса не удаются; онъ оставляетъ Ториъ и умираетъ на рукахъ у Лютера, въ Кобургѣ, на тонъ самонъ нѣстѣ, гдѣ двёнадцать столётій передъ тёмъ стояло жилище Инго. Въ шестоиъ романѣ, «der Rittmeister von Alt-Rosen», Бернгардъ Кёнигь переживаеть тажелую эпоху послёднихь годовь тридцатилётней войны, сражаясь за ибмецкое дёло, вибстё съ остатвани веймарскихъ полковъ, то подъ французскимъ, то подъ шведскимъ внамененъ. Наконецъ, съ седънымъ романонъ-«der Freicorporal bei Markgraf-Albrecht -- ин вступаенъ въ XVIII-ое столётіе и видамъ одного изъ Кёнаговъ полковнить процеведникомъ, другего - солдатонъ въ войскалъ вороля врусскаго, Фридриха-Вильгельна І-го.

Удачно ли выбраны Фрейтагомъ энохи, къ которнить отнесено дъйствие его историческихъ романовъ? Виолић утвердительно на этотъ вопросъ отвёчать нельзи. Много ли, напримъръ, характеристичнаго въ началъ XI-то въка? Это — переходное время между могуществомъ Отгоновъ и борьбою крупныхъ киней противъ центральной власти, разгорающеюся при императорахъ салической

династів. И предидущая, в послёдующая эпохи дали бы Фрейтыту гораздо болье типическаго, выдающагося,--- а пріурочить къ нимъ онисание монастырскаго быта, рыцарскихъ правовъ, способа веденія войни можно было бы съ такимъ же удобствомъ, какъ и во времени Геприха И-го. Еще менее понятна остановка Фрейтага, въ седьменъ роканъ, на царствованія Фридриха-Вильгольна І-го. т.-е. на одномъ изъ самыхъ байдныхъ періодовъ въ исторія Пруссія в Германія. Но даже тамъ, где эноха выбрана удачно, Фрейтагъ не всегда извлекаетъ изъ нея все, что можно, не всегда касается самыхъ главныхъ сторонъ ед. Четвертый романъ, напряжёръ, относится во времени веливой борьбы между Гогенитауфенами и наиствоиъ, оставленией такие глубовие слёды въ нёмециой исторіи. Бливное соприкосновеніе западной цивилязація съ восточною, нёмецкой съ арабскою; сочетаніе, въ послёдникъ крестовнить походахъ, знучзівана съ разсчетомъ, фанатизма съ равнодущіємъ; свётская, завоевательная полнтика достойныхъ преемниковъ Инновенчія III-то-все это явленія крайне интересныя; но напрасно было бы всиять ввображенія ихъ въ «Brüder vom deutschen Hause». Фридрихъ II-ой выведенъ на сцену, но преямущественно какь участныхь личныхъ судебъ героя романа. Иво; разговорь его съ магистромъ ибинцивато ордена --- талантливо HALBCANHAS CIDANNIA, BARADTADDIAS BL COOS MHONO JANHHIT JIS вирной характеристики выператора; но она толеть безслёдно въ разсказё о похожденіять вёмецваго рицаря. Дёйствіе пятаго ронана происходить въ эпоху реформация, но отголосковъ великаго событія въ немъ почти не слиніно; самъ Лютеръ нграсть въ немъ тольке энизодическую роль казунста, разрёшающаго спорний вопрось брачнаго права. А между твих, Фрейталь BELETS BE JEORED'S SCLOBERS, BE ROTODOMS, «RANS HE BE RON'S другомъ, совийстились величіе, сила и простодушіе нёмецной натуры», — человйка, погорому Германія обязана глубнной своего правственнаго чувства и своей умственной свободой. Очевидно, что такое вліяніе принадлежить не Лютеру-назувсту, не Лютеру - основателно лютеранской церкви, а Лютеру-протестанту въ первоначальномъ, лучшемъ смислё слова; этого Лютера ин въ «Marcus König» не видних. Наконень, нестой ронанъ носвященъ именно наименее замечательному періоду тридцатилетней войныможеть быть, впрочемъ, потому, что первые ся періоды описаны въ нъсколькихъ романахъ Лаубе, весьма посредственныхъ, но пользующихся въ Германии довольно большого изв'ястностью. Какъ бы то ни было, энохъ Гогенштауфеновь, реформаціи, тридцатильтвей войнъ отведено хоть небольшое, скромное мъсто въ романахъ

483

Фрейтага; многихъ другихъ, не менёе важныхъ историческихъ моментовъ и народныхъ движеній они не затрогивають вовсе. Тавовы, напримъръ, борьба за обладание Италия; борьба между духовною и свётскою властью; борьба за восточныя окранны и колонизація славянскихъ провинцій ¹); борьба городовъ противъ рицарей и владътельныхъ вназей; восрождение наукъ и искусствъ въ Германін; врестьянскія войны; врайнія севты протестантивия. Положимъ, что первыя два явленія относятся больше въ полнтической исторіи Германіи, чёнь въ жизни нёмецкаго народа; но всё остальныя воренятся именно въ послёдней, и игнорирование ихъ составляетъ существенний пробълъ въ грудъ Фрейтага. Чтобы убёдиться въ томъ, насколько интересъ и значение историческаго рожана возрастають оть искуснаго переилетенія общаго съ частнымъ, стоять только прочесть вторую часть «Ahnen» («Ingraban»), въ которой исторія героя есть вийстё съ твиъ исторія исихологическаго процесса, совершавшагося въ душт полу-дикаго германца при сопривосновении съ христіанствоить и оканчивавшагося, въ большинстве случаевь, торжествоиъ новаго вероучения.

Имбемъ ли мы, однако, право предъявлять из Фрейтагу слинкомъ большія требованія, упревать его за то, что въ предпринятой имъ серіи историческихъ романовь отразились не всв типическія черты в'вмецкаго прошлаго? Не унусваємъ ли мы пря этомъ изъ виду слова самого Фрейтага (въ посвищения его книги горманской вронпринцессь Вивторів): «das Buch will Poesie enthalten, und gar nicht Culturgeschichte?» Haurs Basserca, vro эти слова не должны быть понимаемы слишкомъ буквально. Если бы Фрейтагъ хотълъ просто, безъ всявей тенденцін, нарисовать нёскольво поэтическихъ вартинъ, заимствуя для нихъ сюжетъ нъь нёмецьой исторіи, то ему не зачёмъ было бы связывать отдёльные романы между собою, дёлать каждый нов нихъ главою нать лётописи одного и того же нёмецкаго семяйства. Такое расширеніе и усложненіе задачи заставляеть нась ожидать широкаго размаха въ ся исполнения, все равно, кавую оговорну на предпослалъ бы авторъ овоей работв. И дъйствительно, въ семи вышедшихъ до сихъ поръ частяхъ «Авиеп» можно удовить соединительную нить, обездейченную, до известной степени, указан-

¹⁾ Въ "Инграбанѣ" выведено на сцену столкновеніе между двумя сосѣдними племенами, славянскимъ и нѣмецкимъ; но оно имѣетъ мало общаго от носдиѣймен борьбою между савлиствонъ и германсквомъ, обѣ стороки являются вдёсь еще однородными воличинами, и вражда ихъ ничёмъ не отличается отъ вражди двухъ иёмецихъ племенъ между собор.

ными нами пропусками и пробълами, но все-таки замётную для внинительного глаза. Сенья, льтопись которой пишеть Фрейтать, представляеть иного общаго съ немецикиъ народомъ. Подобно ену, она борется сначала съ римлянами, нохомъ съ славянами; подобно ему, сначала противодъйствуетъ распространению кристівнокой вбры, нотомъ предлется ей всей душою; подобно ему, съ наприымъ благочестиемъ участвуетъ въ врестовыхъ покодахъ; подобно ему, горачо любить свою родену, свой отеческий донть, и оставляеть ихъ только подъ гнетомъ непреодолнной силы; подобно ему, двигается съ занада на востоиз, переходить за Вислу, и, наконецъ, подобно ему, становится подъ знамя движенія, обновняющаго старую вбру. Не случайны, конечно, и такія черти, какъ превращение Кёнкговъ наъ рыцарей въ горожанъ, наяъ нисколько разъ повторенное освижение илъ арискократичесной породы прим'ёсью плебейской, крестьянской врови ¹), какъ соприкосновение ихъ судьбы съ судьбою Пруссии и Готенцоллерновъ, какъ преданность ихъ общенёменкому дёлу въ то время, вогда едва существовало въ лучнихъ умахъ представление о Германін, о германскомъ народв.

Но если и стать на точку врёнія, указываемую самимъ Фрейтагонъ, если взглянуть на его исторические рожаны просто какь на поэтеческія произведенія, то результать такой опувики будеть не болёе благовріятень для автора. Затрудненій, представлиеныхъ самыми условіями историческаго ремана, Фрейтагь не преоделёль; онъ не съумёль воестановить давно угасніую жизнь, не съундлъ создать, съ помещью скуднаго матеріала, жившхъ фигуръ, одиналово върныхъ и психологически, и исторически. Всего менйе удовлетворительны у него именно главныя диствую-щія лица, герои и геронин. Попытва индивидуалисировать ихъ такъ слаба, что многія наъ нихъ могли бы быть переносены, безъ всякаго нарушения иллюзи, изъ одново романа въ другой, впередъ или назадъ на нёсколько столётій. Такъ, напримёръ, Юдноь въ шестоиъ ронанъ-конія съ Фридеруны въ четвертоиъ, Имно въ третьенъ-съ Инго въ первонъ. Есть и такъ-некиваеныя stehende Figuren, повторяющіяся почтя безь персийны во всёхъ нан многихъ ромянахъ, нодобно тому, какъ каждая всевдоклассическая французская трагедія инбла своихъ confidents и confidentes. Таковы, наприкиръ, фигуры мудраго и преданнато

¹⁾ Дже изъ геронъ Фрейтага, Ньо въ "Вгйdar vom deutschen Häuse" и Вернгардъ въ "Rittmeister von Alt-Bosen", женятся на престъящиять, треній—Георгъ, тъ "Marcus König"—на дочери спроянаго буржуа, учителя дравнихъ языкозъ.

сов'ятника (Бертаръ въ «Ingo», Вольфранъ въ «Ingraban», Гоп-неръ въ «Brüder vom deutschen Hause», Готтинбъ въ «Rittmeis-ter von Alt-Rosen»), сиблаго и преданнаго оруженосца (Вольфъ въ «Ingo», Брунико въ «Nest der Zaunkönige», Лупцъ въ «Brüder vom deutschen Hause»), коварваго и истительнаго интригана (Теодульфъ въ «Ingo», Концъ въ «Brüder vom deutschen Hause», Рейнбольдъ въ «Rittmeister von Alt-Rosen»). Даже въ завяже и развязв'в романовъ зам'ятно иногда черезъ-чуръ большое сходство; въ шестомъ романъ, напримъръ, похищение Юднон напоминасть похищение Ирыгарды въ первомъ, смерть Юднен и Бернгардасмерть Иригарды и Инго. Полу-дикій вандаль IV-го выка побить и объясняется въ любви точно такъ же, какъ отдяленный оть него на цёлое тысячелётіе торискій патрицій времень реформацін; этоть патрицій, въ свою очередь, обнаруживаеть такую тонность чувствъ, которой могла бы позавидовать любая ноъ «schöne Seelen» конца XVIII-го въва. Отсюда односбразный, «Schone Seelen» конца Аунг-то выса. Отонда односорана., искусственный, байдно-розовый колорить, которымъ окрашены, въ большей или меньшей стенени, всё отдёлы «Ahnen». Нёмец-кое прошлое, какъ его рисуеть Фрейтагъ въ своихъ историческихъ романахъ, совсёмъ не похоже на иёменкое прошлое, нвображен-ное имъ же въ «Bilder aus der deutschen Vergangenheit». «Напрасно ищеть нёмець» — говорить Фрейтагь въ предисловия въ этому послёднему сочинению — «добраго стараго времени. Если бы благочестивый ревнитель, осуждающій Гегеля и Гумбольд-та какъ атенстовъ, или консервативный землевладёлецъ, отстанвающій противъ новыхъ общественныхъ силъ привилетіи своего сословія, могли перенестись внезапно въ одно изъ прошедшихъ столётій, то и они почувствовали бы сначала безмёрное удивленіе, потожь отвращеніе ко всему окружающему. Чего они теперь желають, то сділало бы ихъ несчастными; недостатокъ того, что они безсовнательно или ворчливо принимають отъ современной культури, довель бы ихъ до отчаянія». Съ этимъ трезвимъ, нолн'я в'ярнимъ выглядомъ впечатлёніе, виноснмое наъ чтенія историческихъ романовъ Фрейтага, р'яшительно несовийстимо. Тому, вто познакомился бы съ нёмецкимъ прошедшимъ тольно но этимъ романамъ, оставалось бы разв'я пожалёть, что ему не приходится жить въ одно время съ такимъ славными людьми, долнаятными, чувствичельными, одиналово сильными и изжиными. Все черствое, грубое, звърское до такой степени стушевано Фрейтагомъ или по крайной мере отодвенуто на задній планъ, что существуеть какъ-бы всключительно для большаго прославленія добродётельныхъ героннь и героевь. Читая «Ingo» или "Brüder

486

vom deutschen Hause», можно подумать, что вся разница между тёми временами и панниз заключается въ степени конфорта и безенасности, сумма поторыхъ теперь больше, чёмъ прежде. Чёмъ ближе лётопись Фрейтага подходить въ нашему вре-

мени, твиъ свободийе, новидимому, онъ могъ бы становиться отъ стёсненій, валагаемыхъ на писателя историческимъ романомъ, твиъ тверше и увёреннёе могъ би двигаться по дорогъ, все болёв и болёв ему знакомой. Къ сожалёнию, предноложение это не оправдивается на самонъ двлъ; слабъйлнин неъ семи отдёловъ «Ahnen» оказываются именно послёдніе. Въ особенвости седьной романъ-«der Freicorporal bei Markgraf Albrecht» ---- не что иное, какъ интересный, хога и ийсколько растинутий анендоть о двухь добродётельныхъ братьяхъ и о королё, моноинніей котораго были солдаты-великаны. Попытка Фрейтага скрасять возмутительные результаты этой мономание - изображениемъ въ ярконъ свётё прирежденнаго великедуния короля — никанъ не можеть быть названа удачной. Вообще говоря, неблагодарная задача, очевидно, утомила Фрейтага; онъ принялся за дёло горячо, но чёмъ дальше онъ подвигался впередъ, тамъ больше оставляло его вдохновение. Действие романа, которымъ закончится вся серія, должно, судя по свазанному въ посвященін, происходить въ наше время; будемъ надъяться, что на этой почвъ, на почвъ «Sell und Haben» и «Verlorene Handschrift», Фрейтагъ опять найдеть утраченную творческую снау.

Само собою разумиется, что въ пяти большихъ тоналъ, написанныхъ такихъ писачеленъ, какъ Фрейчагъ, не можетъ не быть превосходныхъ мъсть, блестащихъ страницъ, выдерживающихъ сравнение съ прежинии произведениям Фрейтага. Унаженъ, для примъра, на ту сцену въ нервоиъ романъ, когда странствующій пъвецъ Фолькиаръ, въ денъ тюрингенскаго вназн Ансвальда, прославляеть подвити Инго, котораго онъ считаетъ погибнимъ въ битвъ съ рандянами; Инго присутствуетъ при этомъ, внему вензействый; но радостное велиение, овладъвающее них, выдаеть его тайну, и дружник Ансральда громко привутствуеть героя. Разсказь Фолькмара данеть истинно-эническою силой и простотою. Осяда замка Инго, гибель его и Иригарды, смерть Готфрида, обращающая Инграбана въ христіан-ство, борьба съ фанатическими менахами, рёшающая участь Иво — всё эти картини вполит достойны таланта Фрейтага. Полен интереса и жиени описанія монастирскаго бита въ «Nest der Zaunkönige», öhra Jangensensens es «Marcus König», pa-HABCHEN'S HDABOBS DS «Brüder vom deutschen Hause». Ecrs H

цілыя фигуры, художественно нарисованныя — наприм'ярь, епискогь Бонвфацій вь «Инграбанѣ», соединяющій усордіе миссіонера сь ловкостью волитика, ивиѣженный аббать Беригери и воянствующій монахъ Тутило въ «Nest der Zaunkönige», деревенскій судья, сь твердостью мученика стоящій за чистоту евангельскаго слова въ «Втйder vom deutschen Hause», гордый, сосредоточенный въ самомъ себѣ, самоотвершенно служащій безнадожному дѣлу Маркусь Кёнить. Все это, виѣстѣ ваятое, не викупаеть, однако, многочисленныхъ ведостатковъ, зависящихъ отчасти отъ самыхъ условій всторическаго романа, отчасти отъ ошибокъ въ общемъ замыслѣ и планѣ произведенія, отчасти, наконецъ, отъ свойственной Фрейтагу односторонности въ освѣщеніи излюбленныхъ имъ предметовъ. Юмору Фрейтага, его искусству рисовать сцены обыденной жизнь, историческій романъ, съ другой стороны, не даетъ достаточнаго простора. Нациния Фрейтагъ только «Аhnen», — онъ не видвинулся бы въ первые ряды современныхъ романистовъ; единственнымъ прочнымъ основаніемъ его славы остаются и теперь два нервне, по времени, его романа.

Если бы значеніе выдающагося писателя поддавалось опреділенію двумя-тремя словами, то Фрейтага можно было бы наявать півщемъ нёмецкой буржуазія; но такія коротвія характеристики опасны тёмъ, что он'я легко дають поводъ нь недоразум'яніямъ. Съ имененть буржуазія часто соединають понятіе о ченъ-то узкомъ, бливорувомъ, разсудочно-практичномъ, себялюбивомъ, чуждомъ общихъ идей и витересовъ; между тёмъ, прим'яненіе этого понятія нъ Фрейтагу было бы врайнею несираведливостью. То среднее сословіе, представителенъ и защитиякомъ вотораго является Фрейтагъ, отдёлено р'язкой чертой отъ высшихъ, привидегированныхъ влассовъ, но не отъ народа; оно соединено съ нимъ не только происхожденіемъ, крънкнить свладомъ семейнаго союза. Оно сосредоточиваетъ въ своитъ рукахъ не только матеріальное, но и умотвенное богатство нація; оне яўнить пріобр'ятеніе и накопленіе кацитала не выше, чѣмъ нія, въ которомъ нѣтъ мѣста для самоновлоненія и самообаланія, нътъ мъста для исключительнаго служенія частныть нитересамъ, какъ бы дороги и священны они на были. Фрейтань

упрежають нногда въ топъ, что опъ ставить жине всего семейния добродётели, забывая неъ-за нихъ объ обязанностяхъ передъ обществонъ, нередъ народонъ; опроверженіемъ отого упрева могуть служить многія страницы «Verlorene Handschrift».

«Кандий куз нась, — говорить Вернерь Ильзь, вводя ее въ чуждую ей до тёхь порь область философскихь обобщеній, - зависить и оть своего народа, и оть всего человъчества. Они иногое тобѣ дали, инстаго могуть в требовать оть тебя. Они охраниям твое тѣло, образовали твой умъ-за то они имъють и право на всё стороны твоей дёятельности. Какъ бы свободенъ ни быль полеть твоей личной жизни — передь этими кредиторами ты обязяна отчетомъ въ употреблении своей свободы. Оставляють ли они за тобою, вакъ кроткіе властелины, мирное пользованіе жизнью, требують ли ся у тебя, въ данную минуту, торжественнымъ призывомъ – обязанность твоя одна и та же; ты живешь и умираешь на самомъ дълъ для нихъ, а не для самой себя. Съ этой точки зрёнія жизнь отдёльнаго человёка-величина неизибримо малая сравнительно съ цёлымъ. Деятельность умершаго человёка замётна для насъ лишь настолько, насколько она вліяла на другихъ, насколько она связана съ общимъ дѣломъ предыдущихъ и послёдующихъ поволёній. Цённа, въ этомъ смыслё, жизнь всяваго, вто внесъ хоть что-вибудь въ общую совровещницу своего народа. Безчисленны такіе дбятели, слёды воторыхъ исчевають, подобно ваплямъ въ морѣ, самое имя воторыхъ остается неизвёстнымъ; но они все-таки жили не напрасно. И величайшій герой, благороднъйшій реформаторъ представляеть собою только небольшую часть народной силы; и онъ платить только свой долгь, работая для настоящаго и будущаго. При такомъ взглядѣ на исторію, въ ней нѣть мѣста для смерти. Результать жизни становится важнёе, чёмъ самая жизнь; надъ человѣкомъ возвышается народъ, надъ народомъ -- человѣчество».

Гдѣ же туть обоготвореніе семьи, вознесеніе частныхъ внтересовъ личности надъ общими интересами народа и человѣчества? Нѣть, Фрейтагъ—не буржуа въ банальномъ смыслѣ этого слова; онъ человѣкъ средняго сословія, но не того средняго сословія, которое существуетъ въ дѣйствительности, а того, которое онъ желалъ бы видѣть—и иногда, подъ вліяніемъ увлеченія, какъ-бы видить — на его мѣстѣ. Въ этомъ источникъ односторонности Фрейтага, ложной идеализаціи, на которую мы нѣсколько разъ указывали; но въ этомъ же источникъ его силы, главная разгадка впечатлѣнія, произведеннаго и производимаго его первыми романами. Идеалъ Фрейтага — идеалъ неполный и недостаточно внозній: неполный, потому что онъ не обнимаеть всего народа и не даеть онъёта на существенно-важные вопросы, поставленвые на очередь требованіями современной живни; недостаточно высокій, потому что онъ не свободень оть сословныхъ, порноративныхъ в національныхъ предразсудвовъ. Популярности Фрейтага способствовали, можеть быть, именно эти пробълы и недостатки; но если проязведенія его займуть мёсто въ ряду тіхъ, въ которыхъ отравилась освободительная работа XIX-го віна, то они будуть обязаны этимъ долё истины, заключающейся въ идеалѣ Фрейтага.

Z. Z.

АВСТРІЙСКІЕ СЛАВЯНЕ въ 1848—1849 гг.

"Das slawische Element habe ich immer für gefährlich gehalten". Фельдмаршаль ин. Виндиштрець.

I.

Ровно тридцать лёть тому назадъ, почти всю Еврону охватило движеніе, направленное въ разрушенію или взиёненію существующихъ политическихъ порядвовъ. Такое движеніе не могло не отожаться на разноплеменной Австрін. Старая Австрія поколебалась; вопросъ національностей, подготовляемый въ ней нёсколько десятилётій, выступилъ наружу со всею, силой: идея народноснии стала самымъ важнымъ вопросомъ новой Австрін.

Австрійскіе славяне заняли въ этомъ новомъ стремленіи съ самаго начала очень видное мъсто. Всё тё стремленія и желанія, о которыхъ славянскіе патріоты только мечтали, появились текерь на свёть божій, и домотались своего осуществленія. Чехи требовали не только полной равноправности своему языку въ школахъ и присутственныхъ мъстахъ, но также возобновленія автономной ченской короны, т.-е. болёе тёсное соединеніе Чехів, Моравін и Силеків. Галицскіе поляки домогались того-же и для Галиція; словенцы требовали соединенія всёхъ разбросанныхъ частей своей территоріи въ одну Словенію; лорваты желали фактическаго возстановленія трієдинаго короевства, т.-е. присоединенія въ Хорватіи и Славоніи Военной Границы и Далиаців; сербы-образованія давно имъ объщанной

сербской войводины; словаки — полной равноправности въ зани-маемой ими территоріи; русскіе надбялись, что поляки имъ не откажуть въ равноправности. Пробуждались къ жизни и другіе славяне, какъ, напр., далматинцы: «стыдно отпираться отъ своей народности: я славянинъ!» восклицаетъ дубровничанинъ Братичъ. Но, вмёстё съ этими требованіями отдёльныхъ славян-скихъ народовъ относительно ихъ болёе тёснаго политическаго и національнаго быта, явилось у нихъ живое сознаніе общеславян-ское, желаніе сблизиться и фактически: славянская взаимность, ле-лізянная до тіхъ поръ боліве въ теоріи, пробивается и въ практическую жизнь; слово «славяне» выходить изъ рамки этнографической и требуеть себѣ въ новой Австріи признанія и въ жизни политической, дѣлается политическимъ факторомъ. Возникающіе въ разныхъ славянскихъ земляхъ читальни, клубы и другія обще-ства выставляютъ своей цёлью, между прочимъ, и поддержку сла-вянской взаимности, посредствомъ выписки славанскихъ газетъ, журналовъ, внигъ, переписки о разныхъ предметахъ, и другихъ связей. Такія общества были «Славянскія Липы» въ Прагъ и связей. Такія общества были «Славянскія Липы» въ Прагв и въ другихъ провинціальныхъ городахъ Чехіи и Моравіи, рас-пространившіяся потомъ и въ другія славянскія земли, въ Львовъ, Загребъ. Подобную цёль имёли и общества у словенцевъ, осо-бенно люблянское, и позже возникшій «Славянскій сборъ» въ Тріестъ. Чешская и хорватсвая депутаціи, встр'ятившіяся еще въ началё апрёля въ Вёнё, надаютъ сообща возваніе въ словен-цамъ, чтобъ они требовали своей Оловеніи, примкнули тёснѣе наяв, чносв она пресовани своен словени, привинуни писиве къ хорватамъ, и не забыли взаниности съ братьями на Волтавъ, Вислё и Карпатахъ, той, взаниности, которая должна теперь упрочить австрійскій тронъ. Такая взаимность въ политической упрочить австрійскій тронъ. Такая взаимность въ политической жизни вскорё оказалась и для славянъ необходимой въ виду угро-жающихъ имъ событій внутри и внё Австріи. Раздавініяся въ первомъ порывё общаго восторга между австрійскими народами слова: fraternité, égalité, liberté — продолжали свое существованіе только нёсколько дней; разноплеменные народы Австріи скоро увидали, что они вовсе не «братья», что нёть никакого «равен-ства» между нёмцемъ и славяниномъ, между мадьяромъ и сло-ваномъ или сербомъ; а «свободу», взарендовали для себя только нёмцы и мадьяры, предоставляя славянамъ ихъ вёковое рабство. Такъ опровление, слова воохущевленнаго пёвна, слонень славнаять ихъ вёковое рабство. Такъ оправдались слова воодушевленнаго пъвца «Дочери славы», словава Колара: «Иноплеменники считають напну свободу грё-хомъ, и наше имя служить для нихъ мищенью глумленій». Общимъ европейскимъ движеніемъ 1848 г. задумали восполь-

зоваться и вёмцы, для достнатенія завётной мысли всёхъ нёмец-

кихъ патріотовъ, въ соединенію всёхъ нёмецкихъ земель въ одну имперію, подразумёвая подъ иёмецкими землями также и всю западную половину Австріи, именно Чехію, Моравію и Словенію. Это патріотическо-нёмецкое движеніе охватило всёхъ австрійскихъ нёмцевъ, и нёмецкій триколоръ развёвался и виднёлся вездё въ нёмецкихъ рукахъ, ею махалъ даже самъ австрійскій императоръ изъ оконъ своего дворца. Повскоду въ нёмецкихъ земляхъ выбирали депутатовъ въ будущій нёмецвій парламенть во Франкфурть, и требовали, чтобъ и чехи съ моравянами, и словенцы явились туда же. Тогда-то и написалъ Палацъїй свое внаменитое инсьмо франкфуртскому предварительному комитету (11-го апрёля), гдъ рыпительно высказался противъ присоединенія западной половины Австріи-въ томъ числь и Чехів и Моравіи-въ будущей Германін, в въ пользу сильной австрійской вмперіи. «Если-бъ не было Австрін», — восклицяеть чешскій историкь, «то мы бы должны были, въ антересахъ Европы и даже гуманности, поскорѣе постараться создать Австрію!» Эти слова сдёлались какъ-бы наролемъ большинства австрійскихъ славянъ; чехи и словенцы не выбирали депутатовъ во Франкфурть, и если франкфуртскіе послы грозили чехамъ «остріемъ меча», то чехи грозили нёмцамъ гуситскими «цвпами». Во Франкфуртъ выбирали только въщы и нъвоторые онъмеченные города въ Чехіи, Моравіи и Словенія.

Если нѣмцы еще собирались создать новую Германію, и въ нее вогнать чеховъ и словенцевъ остріемъ меча, то мадыяры такимъ способомъ уже создали свою новую Венгрію. Они вынудили себѣ у вѣнскаго правительства почти полную самостоятельность, съ своимъ министерствомъ; но вся эта «свобода» была только для нихъ; о равноправности, какой требовали словаки, сербы, румыны, — мадьяры не хотёли и слышать; Семиградію присоединили прямо въ Венгріи, а Славонію старались оторвать оть Хорватін; министрь Кошуть не могь на варть отысвать Хорватін, говоря, что она годится едва на завтравъ, сербамъ пригрозняъ «мечомъ», а словаками украшалъ висълицы. Понятно, что этой мадьярской «свободы» венгерскіе славяне принимать не хотвли, да и не могли, и вынуждены были отбиваться отъ нея съ оружіемъ въ рукахъ: скоро узналъ Кошуть, ют Хорватія и хорватско-сербскіе граничары. Наконецъ, и въ Далмаціи славянскій и итальянскій элементы заняли враждебную другъ другу позицію, а въ Галиціи поляки и рус-скіе стали смотрёть другъ на друга, какъ во время Наливайка и Хмельницкаго.

Тонъ IL.-Апрыль, 1879.

Австрійская имперія, этоть «червами изъёденный домъ».--какъ се назвалъ двадцать лётъ тому назадъ самъ императоръ Францъ, — существовала тогда, такъ сказать, только по имени; вънское правительство, съ слабымъ императоромъ Фердинан-домъ во главъ, нотеряло совсъмъ голову. Оно то повволяетъ выборы франкфуртскіе, то опять не придаеть будущимъ декретакъ ожидаемаго нъмецваго парламента нивакой силы. Оно предлагаеть Палацкому министерскій портфёль, а на другой день очень радо, что Палацкій его не принимаеть, такъ какъ мысь возможности, что и славянинъ-чехъ будеть австрійскимъ министромъ, приводитъ вёнцевъ въ б'ешенство, и одна вліятельная газета южной Германія восклицаеть, что это больше чёмъ пре-ступленіе, это политическая ошибка; жизнь Палацкаго въ Вёнё не была безопасна, и членъ комитета Музея, рыцарь Нейбергь, умоляеть Палацкаго и Шафарика скорбе оставить Вбну, опасаясь для нихъ разныхъ оскорбленій: «Всякое оскорбленіе васъ было бы оскорбленіемъ всёхъ славянъ и могло бы теперь сдёлать много зла». Австрійское правительство даеть мадыражъ все, отнимаетъ у только-что назначеннаго хорватскаго бана Елачича всё пожалованныя ему достоянства, не признаеть «сербовъ» въ Венгріи, называя ихъ прямо въ глаза «греко-неун-тами», разгоняетъ славянский съёздъ въ Прагё — а вскорё стремится опять отнять у мадьяръ все, величаеть Елачича спасителенъ Австрін и ласкаеть «сербскій народъ» и вообще всёхъ славянь. И около такого-то правительства австрійскіе славяне вынуждены и около такого-то правительства австрінскіе славане *сынудосны* сгруппироваться, а Палацкій вынужденъ скавать: «Еслибъ Австрін не было, то надо ее создать»; банъ Елачичъ велитъ эти слова иаписать на знаменахъ своего хорватско-сербскаго войска. Но то же оставалось славянамъ дѣлать, какъ не сохранять и даже созда-вать Австрію новую, — какъ они предполагали, — если, съ одной стороны, нѣмцы грозили мечомъ присоеднить ихъ къ слиниюмъ извёстной низ Германіи Альбрехтовъ Медвёдей и Фридриховъ Великихъ, а съ другой - естественные союзники этой Гериа-Великихъ, а съ другои — естественные союзники этой гериа-ніи, мадьяры, навязывали имъ свою «свободу» мечомъ, огнемъ и висѣлицами. Съ одной стороны, Германія, между Балтійскихъ и Адріатическимъ моремъ, готовилась поглотить послѣдніе остатки полабскихъ и альпійскихъ славянъ, чеховъ и словенцевъ, и на-станвала на союзѣ Германіи и Австріи въ виду великой задачи нѣмецкаго народа на Востокѣ въ дунайскихъ странахъ. Съ дру-гой стороны, мечты мадьярскихъ патріотовъ о великой Мадьярія между Карпатами и Балканомъ принимали болёе осязательния формы: не въ шутку думали уже тогда многіе мальяры о такой

494

Вентрія. «Я хочу федеративную дунайскую республику», — сказалъ подъ конецъ 1848 г. патріоть Вешеленьи на сеймѣ; «на востокѣ соединимся съ румынами, на югѣ — съ славннами, а на западѣ — съ соединенными штатами Германіи; Венгрія будеть составлять центральное государство, и Буда-Пештъ могла бы быть метрополіей средней Европы!» Эти планы мадьяръ не были, конечно, неизвѣстны и южнымъ славянамъ, о нихъ вспоминали и сербскій патріархъ Разчичъ, и нравительство сербскаго княжества ¹).

При такомъ положени дбяъ могли ли австрийские славяне долго затрудняться, и могли ли не выбрать изъ двухъ золъ меньшее а меньшенъ влонъ была несомнённо Австрія. Кромё того, они, подобно другимъ народамъ, французамъ, ибицамъ, итальянцамъ, были тогда исполнены самыхъ розовыхъ надежать на будущее, и, дэйствительно, думали, что Австрія совсёмъ преобразуется, и что въ этой новой Австріи они займуть надлежащее положеніе. «Если славяне искренно и честно пожелали спасти Австрію», -справеданно замёчаеть повже Гавличевъ, «то пусть нивто не нолагаеть, будто славане, можеть быть, еще не дошли до того нолитическаго сознанія, чтобъ думать, что еднественная, Богомъ на нихъ возложенная цвль — спасать старое зданіе австрійской имперів, вогорая образовалась вслёдствіе разныхъ случайностей. Каждый народь должень, по законамь Божінмь и естественнымъ, обращать главное вниманіе на себя и на свое будущее: если им говоримъ, что славане хотёли спасти Австрію, то надо это, конечно, понемать такъ, что славане въ спасения Австрін увидали и свою собственную пользу, свою собственную свободу». Это совершенно вёрно. Если славяне въ этомъ ошибались (н ошиблись), то вто же тогда въ Европт не ошибался? Скаване даже воображали, что взлелёянный ими австро-славизиъ осуществится, что новая Австрія станеть центромъ западной н вжной славянщины, какъ протявовёсъ чуть-ли не всей Европы -восточной славянщини России. Палаций въ своемъ письми во Франкфурть прамо указываеть на постоянно усиливающееся могущество Россін, которая «сделалась уже давно опасной своимъ сосвяямъ, и стремится въ основанию универсальной монархии, т.-е. из необозримому и невыразимому злу, бези вриому и безпредвль-ному несчастью, объ чемъ бы я, славанинъ твломъ и душой, нъ-за человъческаго добва очень налват, хотя бы эта монар-

¹) Срв. наму статью "Мадьари и восточной вопросъ" въ Вёстнике Европи, 1877, сентябрь, онтабрь.

хія провозглашала себя славянской. Совершенно также несираведливо, въ Германіи называють меня врагомъ нёмцевъ, какъ считають меня многіе въ Россіи врагомъ руссвихъ. Нисколько, говорю я громко и явно, я не врагь русскихь; напротивъ, я слёжу съ радостнымъ сочувствіемъ за каждымъ шагомъ, который этоть великій народь вь своихъ естественныхъ границахъ двлаетъ впередъ на пути образованности; но, несмотря на всю свою горячую любовь въ своему народу, я все-таки ставлю благо человъчества и науви выше, чъмъ благо народовъ, и поэтому уже самая возможность универсальной монархін русской встрётить во мий самаго рышительнаго противника и поборника, не нотому, что эта монархія была бы русской, но потому, что она была бы универсальной. На юго-восточной сторонъ Европы, вдоль границъ Россіи, живуть многіе народы, значительно отличающіеся происхожденіемъ, языкомъ, исторіей и бытомъ, славяне, румыны, мадьяры и нёмцы, не говоря уже о гревахъ, туркахъ и албанцахъ; изъ нихъ ни однеть самъ-по-себе не настолько силенъ, чтобы могъ слишкомъ сильному своему сосъду на Востокъ сопротивляться съ успѣхомъ на все будущее время; они могуть это сдёлать только тогда, когда ихъ всёхъ будеть соединать въ одно тёсный и прочный союзъ. Настоящая жизненная жила такого необходимаго союза народовъ-это Дунай; центральная власть союза не должна нивогда слишкомъ отдаляться оть этой реки, если хочеть вообще остаться действительной. Воистину, если бы австрійская держава не существовала уже из-давна, то мы бы должны были, въ интересахъ Европы и даже самой гуманности, поскорѣе постараться, чтобы Австрія создаacs!+

На такую же тэму говорнать черезъ нёсколько дней н другой выдающійся тогда политическій вождь ченіскій, молодой д-ръ Ригеръ, въ своемъ отвётё франкфуртскимъ посламъ, прибывшимъ въ Прагу. Онъ указывалъ на то, что Австрія должна теперь отказаться отъ Германіи и Италіи, но ва то она должна опереться на славянъ и обратить все вниманіе на югославянскія земли. «Одинъ нёмецкій публицисть сказалъ, что мы, чехи —вередъ Германіи, пусть же этотъ вередъ будетъ выръзанъ. Ми не хотимъ быть паразитомъ на благородномъ стволъ нёмецкаго дуба, мёшая его роскошному росту и свободному развитію. Оставьте этотъ паразить свободно рости на его родной почвѣ въ Австріи, и онъ разростется могучимъ деревомъ, и, вмѣстѣ съ другими деревьями великолѣпнаго австрійскаго лѣса, будеть охранать лѣсъ Германіи отъ бурь, грозящихъ ему съ

Востова! Самостоятельная Австрія между Россіей в Германіей--самый надежный оплоть противь угрожающаго съ Востова деснотивма, и такъ же необходима, какъ необходимымъ полагали ибноторые ибмецкіе политики съ тою же цёлью возстановленіе Польния».

Итакъ, мы видниъ, что нёмцы, мадьяры и западные славяне тольно и мечтають о стремленіи на востокъ, въ Турцію, и о соаданіи на Дунаё прочнаго оплота, нёмецкаго, мадьярскаго или славянскаго, противъ Россів, которая, по ихъ мнёнію, не смёеть двинуться дальше на югъ за Дунай. Видно, что общее тогда во всей Европё настроеніе на счеть Россіи (оффиціальной, конечно, ибо о другой вечего и говорить) нерешло въ значительной стевени и къ западнымъ славянамъ. Они ся боятся, какъ врага новой свободы, и не принимають ся даже въ свои политическіе равсчеты: они надбются не на Россію, а на Австрію. Посмотримъ, насколько вхъ разсчеты и ихъ взглядъ на Россію были вёрны.

Русское правительство, руководимое Австріей, смотрёло не совсёмъ благосклонно на славянское движение въ Австрии и даже въ Турцін, приписывая его агентамъ революцін. Славизмъ въ Россіи допусвался только въ строгой наукв, въ тёсныхъ рамвахъ славанской филологіи и археологів, какъ онѣ преподавались въ университетахъ, да, пожалуй, еще въ туманныхъ толкахъ съ такъ-называемой славянофильской закваской. Виѣ этихъ границъ славизиъ не допускался, и не мало поплатились нёкоторые члены віевскаго вирилло-мезодіевскаго общества за свои славянскія стремленія, за то, что они пожелали сблизить «братьевь» славянь другь съ другонь, а славяне до твхъ поръ «выростали у кайданахъ славяньскія діти и забули невольники, чім вони діти». Зорко слёдела Россія за начавшимся во всей Австріи движениемъ вообще, но особенно за движениемъ въ сосъдней Галицін. Уже въ нарть місяць 1848-го г. раздавались во Львовь крики: «да здравствуеть Фердинандь, конституціонный король польскій!» Поляки желали, чтобъ «австрійскій императорь приняль титуль вороля польсевго и чтобъ виз позволили вооружиться аротивъ врага польскаго, имени, противъ русскаго царя». Польсвое двяжение въ Австрии пона дальние идти не могло; на простой народь, только - что освобожденный правительствонсь отъ барецины, нельня было разсчитывать; онъ, подобно тому, вакъ въ 1846-мъ году, такъ и теперь говориль: «мы не поляки, а австрійци; им не знасиз короля польскаго, а им знасиз императора австрійскаго!» Галицская Русь совсёнь была не надежна, ставь во враждебномъ полякамъ загерё. Но, несмотря на всё эти до-

вольно неблагопріятныя для польскихъ илановъ обстоятельства, австрійскимъ властямъ надо было подавлять два революціонныхъ двяженія въ Галиців, одно весной—въ Краковѣ, а другое осенью во Львовѣ. При усиливающейся революціи во всѣхъ концахъ Австріи, поляки стали все больше надѣяться на осуществленіе извѣстныхъ своихъ плановъ; они являются на баррикадахъ, въ Прагѣ и въ Вѣнѣ, и въ рядахъ революціонной мадьярской арміи, вѣрные словамъ одного польскаго эмигранта: «Мы какъ вороны, которые собираются тамъ, гдѣ почуютъ падаль». Все это не могло скрыться отъ русскаго правительствя, ко-

торое возмущалось вообще революціоннымъ движеніемъ въ Ав-стріи, и, конечно, никавъ не желало воспользоваться внутренними затрудненіями своей союзницы. Въ докладъ государственнаго канцлера Нессельроде, отъ 15-го іюня 1848-го г., подробню разсматриваются причины внутренняго разложенія Австрін и опредѣляется положеніе Россіи въ отношенія центробѣжныхъ (?) спредваленся положение госсия въ отношения центроовжныхъ (?) стремленій славянскихъ народностей въ Австріи. Русское прави-тельство категорически отрицаетъ мивніе, что будто уже насту-нилъ послёдній часъ существованія Австрів. Государь импера-торъ и канцлеръ были совершенно согласны въ томъ, что Россія не можетъ желать присоединенія въ себё славянскихъ земель Австріи. Чревъ это быль бы нанесень ударь великому единству Россіи, прочно основанному на общности религіозныхь върованій, историческаго прошлаго и солидарности интересовъ. Включить же въ свой составъ разнородные религіозные и политическіе элементы, значило бы нанести ударь Россіи и политическому ся менты, вначило ом нанести ударь России и политическому ек единству. Но вакова будеть судьба славнискаго населения Австрия, это—вопросъ, относительно вотораго можно сдёлать равличных соображения. Согласно съ этими возарёниями русскаго правитель-ства дъйствовали его представители въ Вёнё. Такъ, напр., когда въ полё въ русскому повёренному въ дёлахъ, Фонтону, пришли хорватские депутаты, чтобы отъ имени Елачича жаловаться на притесненія мадьаръ и просять защичи Россін, Фонтонъ виъ объявназ, что онъ не можетъ вхъ ни принимать, ни выслушивать въ качествъ представителя русскаго правительства. Только какъ частное лицо, онъ можетъ дать имъ дружескій сов'ять, не надёяться на помощь Россія, польтика которой проникнута мыслью охранять неприкосновенность австрійской имперія и благо ся династін; русское правительство не будеть вибнинваться во внутреннія діла Австрін. Но при все болёе и болёе поднимаю-щихся волнахъ революцін, Россія все-таки вынуждена била но-смотрёть на положеніе ділъ въ Австрія пваче, при токъ о

русской интервенціи стали просить и изъ самой Австріи. Фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, осаждая возставшую Вёну, сказаль уже тогда Фонтону, что, можеть быть, будеть необходимо обратиться за помощью къ великодушному сердцу е. в. императора. А государь написалъ на децениъ Фонтона какъ-бы въ отвёть: «и я отвёчу», «и они не ошибутся». Уже тогда австрійское пранительство предлагало руссвому занять своими войсками Галицію и прекратить тамъ волненіе. Россія не приняла тогда этого предложенія, но черезъ нёсколько мёсяцевъ развёвались уже русскія внамена въ Венгріи.

Таковъ былъ, насколько теперь знаемъ, взглядъ русскаго прави-тельства на положение дъяъ въ Австрии. Соотвётствовалъ ли этотъ взглядъ интересамъ Россів, слёдовало-ли именно отвазаться оть занятія Галицін, гдб поєже, літомъ 1849 г., даже поляки симнатизировали Россіи — это вопросы, воторыхъ мы не беремся рё-нать. Какъ бы то ни было, но этотъ ввглядъ Россіи на австрійскія діла оправдываеть еще больше тогдашнее поведеніе австрійскихъ славянъ, искавшихъ свой политическій идеаль и свое будущее не внё Австрін, какъ думалъ Нессельроде (по чьему наущенью?), а въ Австрін. Предположимъ даже невёроятное, что всё эти малме славянскіе народы придумали бы какой-нибудь политическій быть внё Австрін, и были бы въ состояніи осуществить его на переворъ желавіямъ нёнцевъ и мадьяръ, такъ, напр., венгерскіе серби, брошенные вёнсвикъ правительствоиъ на произволъ судьбы, думали нивоторое время о соединении съ сербскимъ княжествомъ; ивиоторые чехи, въ ихъ числѣ Гавличенъ, смотря на все-увеличивающееся разложение Австрин, думали о болёе близкихъ связяхъ съ поляками. Но и это, въ концовъ, все-таки ни къ чему не повело бы, такъ какъ славянъ вскоре заставили бы повиноваться вновь Австріи. Итакъ, австрійскіе славане, сообравуясь съ обстоятельствами и съ необходимостью, поступили въ политическомъ отношения весьма послёдовательно, написавъ на своихъ знаменахъ «Австрію», воторую защищалъ чехъ Палац-кій перомъ, а хорвать Елачичъ — мечомъ.

Общая опасность, угрожающая австрійскимъ славянамъ со сторони нёмцевъ в мадыяръ, равнымъ образомъ и усиливающаяся слабость правительства, заставили славянъ подумать объ общемъ образё дёйствій. Уже въ началё апрёля бывшіе тогда въ Вйнё Шафарниъ и Елачичъ сговорились о необходимости такого соедивенія австрійскихъ славянъ; а въ концё апрёля появилясь одновременно у чеховъ и хорватовъ мысль о сизадъ славянскияз доявременно у чеховъ и хорватовъ мысль о сизадъ славянскияз доявславянами съ восторгомъ. Въ самомъ вонцё анрёля собрадся въ Прагё временный комитетъ, состоявшій изъ разныхъ славанъ, пренмущественно чеховъ, чтобъ посовётоваться о необходимыхъ приготовленияхъ въ такому съёзду. Комитетъ надалъ 1 мая вовзваніе ко всёмъ славянскимъ народамъ Австріи, приглашая ихъ довёренныхъ собраться 31 мая на съёздъ въ Прагу, чтобы совёщаться о дёлахъ и нуждахъ всёхъ австрійскихъ славянъ; неавстрійские славяне допускались какъ гости.

«Славяне-братья!» говорелось въ этомъ воззванія, составленномъ на основание проекта Штура: «кто изъ насъ не взглянетъ съ грустью на наше прошлое? вто не знасть, что все, что мы перестрадали, произошло отъ нашего незнанія и раздробленія, раздёляющаго братьевъ отъ братьевъ. Но послё столькихъ вёвовъ, въ которыхъ мы забыли другъ о другё, въ которыхъ столько несчастій разразнлось надъ нашими головами, мы узнали, что мы одно, что мы братья». Это воззвание подписали, между прочемъ, графы І. Тунъ, Вальдштейнъ, Деймъ, Коловрать, Шафарикъ, Палацвій, Ганка, Штуръ, Миклошичъ, князь Любомірскій. Добрянскій и др. Вибсть съ твиъ, обнародовано и воззваніе въ не-славянскимъ народамъ Австріи для ихъ усповоенія на-счеть замысловь славянскаго събзда; въ этомъ воззвании провозглашается непоколебимая вёрность славянъ австрійскому дому, цёлость Австріи, равноправность не-славянскихъ народовъ, но также твердая рёшимость защищать права славань. Комитеть выработаль вмёстё дёлопроизводство и программу для съёзда. Въ программъ указывается на бурныя времена и на необходимость, чтобъ соединились австрійскіе славяне, близкіе другь другу родомъ, языкомъ, характеромъ, бытомъ и исторіей. Въ виду усиливающейся неурядици въ Австрін, Вене, Венгрін, необходимо, чтобъ народы Австрін, пренмущественно славанские, слиднсь въ союзное государство, въ воторомъ всё народы, вполнё равноправные, рёшають дёла на народномъ сеймё въ Вёнё. Что касается отношеній австрійскихъ славянъ въ не-австрійскимъ, то авторы программы желають примиренія поляковъ и русскихъ, политической свободы для русскаго народа въ Галиціи, освобожденія юго-славянъ изъ-подъ турецкаго нга и присоединения ихъ въ славянскому соювному государству; они протестують противь германизаціи поляковь и лужицкихь сербовъ въ Пруссін и Савсонін; лелають мёръ для усиленія славянской взаниности въ области науки и литератури, именно преподаванія славянскихъ нарёчій въ выснихъ школахъ во всёхъ славянскихъ земляхъ, ежогодныхъ съёздовъ славанскихъ ученыхъ, и поллержки славянскихъ талавтовъ со стобоны всёхъ славян-

скихъ заведеній, научныхъ и художественныхъ. Наконецъ, они протестують противъ какого бы то ни было подчивенія Австріи, Германіи и франкфурскому парламенту. Всё эти вопросы и предметы комитетъ предлагалъ обсуждать на будущемъ съёздё.

Славанскій съёздъ привётствовали всё и не-австрійскіе славане, особенно поляки. Мицкевичь прибыль въ начале мая въ Миланъ, и прововгласнать въ своей р'йчи, что онъ приходить отъ имени полявовъ, чеховъ и юго-славянъ; благородное славянское племя било до сихъ поръ раздроблено, но часъ соединения пробилъ, н Слава поднимается въ вёчной славё. Парижскіе поляки посылають съйзду адресь, привётствують его съ радостью, выражають живзённія симпатіи чехамъ, и желають, чтобъ совёщанія съёзда послужели въ славе, счастью и благу всего славянскаго племени. Прусскіе поляви, тёснимые нёмцами, увидали въ славянскомъ събъдв помощь противъ нёмцевъ; въ Прагу пошли: Либельть, Морачевскій, Цибульскій, Янишевскій, Потулицкій и др. Галинскій польскій поэть В. Поль прив'ятствуеть «первое в'яче славанъ» песнью «Слово и Слава», впрочемъ, довольно туманнаго содержания и исполненной благочестиваго мистицияма: славяне, шемя искони мирное, незавоевательное, должны и теперь бороться не силой оружія, а силой слова, провозглашать всёмъ народамъ слово, которое даеть миръ, а не войну, славу, но безъ ущерба ближнему, и свободу всёхъ при народоправствё и общеславянскихъ вёчахъ; они, какъ народъ Богомъ избранный, должни вообще измѣнить весь злой міръ романскій и германскій. Таковъ должень быть голось недавныхъ еще «двтей неволи» оть береговъ «прасавицы ченіской Волтавы и оть Праги, великой стражници нашихъ земель». Поотъ обнимаеть всяхъ братьевъ любви, върн и надежды, прибывшихъ съ разныхъ странъ, и желаетъ имъ уситха: «славно будеть племя слова!» Наконецъ, собирались въ Прагу и польскіе «во́роны», почудеть здёсь случай въ рево-люцін и въ осуществленію извёстныхъ польскихъ плановъ. Но съйздъ славянскій возбуждаль страхъ и въ врагахъ славянъ; вангерскій министръ-президенть изв'ястиль министра нностраннихъ дёль, что предстоящий съёздь ноддерживаеть панславистскія подстревательства, и что ноэтому желательно, чтобъ онъ ограничнася тольво ченскимъ народомъ; надо особенно исполнить желанія галицскихъ поляковъ, чтобъ они не исвали опоры въ союзё съ другими славянами. Въ Прагу отправился мадьярскій агенть, словавъ М. Туранскій.

Въ концъ мая собрались въ Прагъ члены съёзда изъ разнихъ славянскихъ странъ, довъренныя лица своихъ народовъ,

ученые, литераторы, извѣстные патріоты, — больше всего чековъ, моравянъ и словаковъ (237), поляковъ и русскихъ изъ Галиція (вийстё съ нёвоторыми польскими гостями, 61), юго-славянь (42); юго-славанъ было меньше всёхъ, такъ какъ въ то время васбдаль сеймь хорватскій, въ воторомь участвовали многіе хорватскіе и сербскіе патріоты; хорватскій сеймъ и сербскій комитеть, впрочемъ, прислали на славянсвій съйздъ своихъ дов'вренныхъ депутатовъ. Изъ чеховъ были здёсь: Палацкій, Шафаривъ, Ганка, Гавличекъ, Марекъ, Пурвинье; словаки: Гурбанъ, Штуръ, Годжа; члены аристократіи: внязья Лобковицъ, Шварценбергъ, графы Чернинъ, Гаррахъ, Тунъ, Вальдштейнъ, Коловрать, баронъ Виллани, рыцарь Нейбергъ и др.; изъ поляковъ и русскихъ: внязь Любомирскій, Сапега, Горчинскій, Семенскій, Валевскій, Краннскій, Стальмахъ, Гельцель, Борысикевичъ, Гинилевичъ, Милорадовъ (старов'яръ изъ Буковины); прибылъ также изв'естный руссвій революціонеръ — Бакунинъ; изъ юго-славанъ были: Ка-раджичъ, Банъ, Праусъ, Кушлянъ, Топаловичъ, Стаматовичъ, Вразъ и др. Члены събяда раздѣлились на три севціи: чешскословенскую (предсёдатель — Шафарикъ), юго-славянскую (пред-сёдатель — сербскій протоіерей Стаматовичъ), и польско-русскую (председатель — Либельть); президентомъ или «старостой» съёзда выбранъ Палацкій (Шафарикъ не хотвлъ принять этой должности), вице-старостами — Любомірскій и Вразь. Съёздь начался 2-го іюня (новаго стиля), въ большой залё Софійскаго острова, украшенной славанскими гербами. Тамъ собрались члены съёзда, выслушавь въ старинной Тынской церкви, передъ статуами святыхъ апостоловъ Кирилла и Меводія ¹), горячія слова священника В. Штульца, благодарившаго Бога за то, что въ славянахъ пробудился духъ единодушія и братской любви.

Събядъ отврылся воодушевленной рёчью старосты Палацнаго: «На что наши отцы никогда не надёялись, что въ молодости казалось нашему сердцу лишь превраснымъ сномъ, чего мы еще недавно не посмёли заявить даже какъ горячее желаніе — все это является въ нынёшній день передъ нашимъ осчастливленнымъ всоромъ уже какъ живое событіе: братьяславяне изъ всёхъ своихъ вширь и вдаль раскинутыхъ странъ собрались въ многочисленномъ количествё въ намъ въ достопамятную Прагу съ тёмъ, чтобы здёсь выступить членами

¹) Эти статуи подариль въ 1847 году императоръ Фердинандъ. По этому поводу Коубекъ написаль историческую поэму о святихъ Кирилив и Мезодів, въ которой, между прочимъ, просить императора бить иплостивних въ славнимъ.

великой семьи и подать другь другу руки для вёчнаго союза любен и братства». Приветствуя собравшихся славянъ, Палацкій указываль на этоть важный моменть, когда славяне, интая другь въ другу чувство братской любви и единодушія, добились опять своего вёкового достоянія - свободы, которой великій славянскій народъ никогда бы не лишился, еслибъ не разорвался, не раздробнася, не отчуждился другь оть друга,еслибъ всякій не вибралъ своей особой и различной полнтики. Славянинъ есть и будеть непоб'ядимымъ, пока служить ему пароленъ «свобода и единодушіе». Послѣ Палацкаго говорили разные славянскіе ораторы — всё на своихъ языкахъ ¹): полякъ Любомірскії — о свобод'я и равенств'е всёхъ народовъ, что вносить въ Европу славянство; хорвать Топаловичь — о страданіяхъ южной славяницины; чехъ Коубекъ — о славянской взаимности; слованъ Годжа – о великомъ будущемъ славянства; русский Борысвкевичъ — отрицелъ всякую связь галицскихъ русскихъ съ Россіей; сербъ Грунчъ — приносилъ сердце своего народа на алтарь матери Славы.

Навонецъ, всталъ славанинъ, вотораго тогда признавали всё славяне своимъ патріархомъ, и котораго надо было считать какъ-бы духовнымъ отцомъ этого собранія. П. І. Шафарикъ прив'ятствоваль всёхъ «братьевъ изъ славянскихъ странъ, сыновь одной матери, которыхъ здёсь собрала одна мысль, одна воля». «Мое сердце расширяется, смотря на вась, расширяется вслёдствіе неизвёстнаго до тёхъ порь чувства и пыласть, чтобъ слиться съ вашими сердцами въ одно чувство, въ одну мысль. Слушайте же мон раннія чувства и мысли на зари этого во-вини достопамятнаго дия. Что насъ здись собрало? Движеніе народовъ трехъ племенъ, — двеженіе, кавого не было въ всторіи челов'ячества, отъ котораго земля дрожнть и потрясается, оть вотораго бъгуть могущественные всполнны, правительство штывовь и иппоновъ падаеть инцъ, народъ требуетъ наслёдства, Богонъ ему переданнаго, - это движение тронуло и нась и собрало нась вдёсь. Правительство штыковъ и ипіоновъ впредь положительно невозножно. Еслибь правительство штывовъ и шпіоновъ было возможно, то оно не выпало бы воз рукъ твхъ, которые его держали, вбо это были исполнны ума невиданнаго и отваги неслыханной, но сердца безбожнаго! Народы

¹) Это правило соблюдалось строго во всёхъ публичныхъ засёданіяхъ съёзда, Но мы очень сомиёваемся, чтобъ славяне понимали всё обороты и тонкости произнесенныхъ рёчей. На славянскомъ съёздё больше говорнам и слушали, а дебатирована нало; дебаты велись, газаннымъ образовиъ, въ семціяхъ.

завладёли своими вёчными правами. Они собираются и совёщаются о себь и о насъ, о своей и нашей будущности, совъщаются на Майнъ-во Франкфургь, и на Дунат-въ Буда-Пештъ: дома и виз нашей имперіи. Когда другіе народы сов'ящаются о насъ и опредѣляютъ наше будущее, посовѣтуемся и мы сами о себѣ и о своемъ будущемъ! Навѣрное, мы сами знаемъ лучше, чёмъ другіе, себя и наши нужды, желанія, цёли. Какой же приговоръ произносять о насъ другіе народы, наши сосёди-нёмцы, мадьяры и итальянцы? Признаемъ это про себя и не скроемъ, хотя оно и горько. Ихъ приговоръ такой, что мы неспособны въ полной свободѣ, что мы не способны въ высшей полнтичесвой жизни тольво потому, что мы - славяне. «Славянинъ», такъ гласить ихъ судъ, «отъ природы осужденъ въ служебности, къ подданству другимъ избраннымъ, болёе даровитымъ и благороднымъ народамъ». Кто они, которые такъ судять о насъ? Это тв, воторые до сихъ поръ надъ нами держали желёзную руку и отчасти еще держать; тв, воторые стригли волну нашихъ овець, - которые толствли мозгомъ нашихъ востей; тв, которые нитались потомъ и мозолями нашихъ крестьянъ; тв, за которыхъ воевали и кровь свою проливали наши братья, сыны нашихъ дорогихъ матерей; тъ, которые называютъ себя образователями и защитниками нашими, -- которые насъ лишаютъ славянской народности и которыхъ мы, стало-быть, называемъ притеснителями нашими, убійцами нашихъ душъ. Братья! тв, вто о насъ такъ судитъ, это - наши враги и притеснители; ихъ сведётельство пристрастно и поэтому вриво. Ихъ приговоръ противится себ' самому, какъ всякая ложь. Если мы не хотемъ обравовываться, вавъ они говорять, т.-е. если не хотямъ онемечнъся, омадьяриться, обънтальяниться, то насъ ругають дикарями, варварами и рабами. Если мы действительно хотимъ образовываться, т.-е. насквозь ославаниться и быть славянами, какъ намъ велить голосъ совъсти, чтобъ довавать, что мы, вакъ славяне, способны въ свободъ и высшей полнтической жизни, -- то они честать вась измённиками отечества и преступниками, врагами нхъ свободы. Итакъ, дълай и говори, что угодно, - они всегда терзають и мучать раскаленными клещами невинную нашу совъсть, они всегда влейнять раскаленнымъ желъзомъ наше чистое чело. Братья! Это положение дёль не должно продолжаться. Жребій народовъ брошенъ; наступила и для насъ ръшительная пора раньше, чёмъ мы надёялись. Невинность передъ совёстью и Богомъ-ничего не значить передъ судомъ міра сего, передъ судомъ народовъ. Либо очистинся дёломъ и докаженъ, что мы

способны нъ свободё, либо преобразнися быстро въ нёмцевь, мадьярь и итальянцевь, чтобъ для другихъ народовъ не быть дольше въ тягость и обиду, чтобъ не перенести нашего позора и нашего униженія на нашихъ сыновъ. Или достигнемъ того, чтобъ съ истой гордостью сказать передъ народами: «я славя-нинъ», или перестанемъ быть славянами. Моральная смерть это наихудшая смерть, а моральная жизнь — наивысшая жизнь. Поэтому, мы раньше чёмъ сдаться на милость другимъ народамъ, взглянемъ поглубже во внутрь нашихъ душъ, посмотримъ, какая въ нихъ моральная сила, попытаемся, сможемъ ли под-нять нашъ голосъ въ совътъ народовъ, сможемъ ли разсуждать съ ними о равенствъ народныхъ правъ на основании справедливости, сможемъ ли доказать имъ, что мы умёемъ владёть и по-сохомъ свободы, такъ какъ они насъ обваняють, что мы до сихъ поръ были только молотомъ и орудіемъ рабства. Если въ насъ, будетъ моральная сяла, если проникнется одною мыслью, одною волею тёло нашего народа, то народы цёлой земли не устоятъ передъ ней. Ибо все, что подъ солицемъ и надъ солнцемъ, превосходитъ моральная сила. Сила, которая двигаетъ звёзды, которая весь міръ давить къ своему центру, не достигаеть сням великаго народа, который достигь моральнаго самосознания снам великаго народа, которыи достить порадьнаго самосознани н который защищаеть свое существованіе въ справедливой борьбь. Хочеть и можеть ли нашъ славянскій народъ стать всей своею силой за свои права, добыть ихъ себѣ, на основаніи справедли-вости къ себѣ и другимъ народамъ, — воть что составляеть вели-кую, сватую задачу нашихъ совѣщаній! Изъ рабства нѣтъ дороги къ свободѣ безъ борьбы: либо побѣда и свободная національносты—либо почетная смерть и по смерти слава!» Впечатлёніе, сдёланное рёчью Шафарика на слушателей, было огромно; вос-торженные славане махали саблями и долго не могли успоконться. Шафарикъ говорилъ съ необыкновенной силой и энергіей; его нростыя, но до глубины души потрясающія слова раздавались някь раскаты грома, и онъ стояль туть посреди своего возлюбленнаго народа, какъ тоть великій ветхозавётный пророкъ, слова котораго онъ поставилъ во главѣ одного своего ученаго труда: «Господи, ты размножилъ этотъ народъ, но ты не увеличилъ его радости!»

Посяб отврытія събзда начались въ отдёльныхъ секціяхъ совёщанія о разныхъ предметахъ, по программе временнаго помитета, говорилось и о разныхъ вопросахъ, касающихся ближе до народовъ отдёльныхъ секцій. Такъ, напримеръ, въ чешско-словенской секцін, словаки Штуръ и Гурбанъ требовали

политическаго устройства австрійскихъ славянъ на основаніщ народности, учреждения самостоятельныхъ союзныхъ славянскихъ общинъ подъ австрійскимъ правительствомъ; противъ этого требованія Шафарикъ возражаль и требоваль, чтобы славяне домогались только народной равноправности въ присутственныхъ мъстахъ и шволахъ, а не занимались устройствонъ государствъ. Въ польскорусской севція говорили, вонечно, и о будущности польсваго народа, о возрождения Польши, которое, по одному мивнию, должно было состояться при номощи Австрін, а по другому бевъ и даже противъ Австріи; говорили тоже о деспотизмъ и пр., и старались повліять въ этомъ смыслё и на чеховъ, и на юго-славянъ. Въ этой секцін начали уже проявляться зачатки той непріязни между полявами и русскими, которая скоро послё съёзда и обратилась въ открытую вражду; нёкото-рые русскіе требовали уже тогда раздёленія Галиціи на части русскую и польскую. Невоторые поляки желали сыграть неблагодарную роль посредниковъ и примирителей между своими «друзьями --- мадьярами» и «своеми братьями --- славянами»; но скоро увидёли, что туть всякое посредничество совершенно неумёстно. Югославане были очень озабочены опаснымъ положеніемъ дёлъ на ихъ родний, гдй надо было ежедневно ожидать вооруженнаго столвновения съ мадьярами; поэтому они, особенно же сербы, пожелали, чтобъ ихъ требованія на-счеть будущаго устройства родины представлены были императору также и со стороны славанскаго събзда. Это желаніе принято обвими другими секціями, и поляки и руссвіе тоже заявили желаніе, чтобъ и ихъ петиціи были поддержаны съёздомъ. Вообще согласіе между разными славянами было полное; политическия, національныя и религіозныя дрязге, воторыми такъ изобилуеть славянскій мірь, замольли и уступили чувству солидарности интересовъ. Славяне католнки, православные, уніаты, протестанты собрались въ католической церкви, около славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меоодія, и слушали вдёсь горячія слова католическаго священника Штульца; они собрались и на православную литургію, воторую служиль Стаматовичь около статуи чешскаго патрона, святого Вячеслава, и въ которой онъ упомянулъ и о Петръ-Великомъ, Жнжки, Стефанъ Душанъ и Черномъ Юріъ; они присутствовали на уніатской литургін, воторую служиль русскій каноникь Гинилевичь въ Тынской церкви.

Между твих, программа временнаго комитета была заменена другой, предложенной познанскимъ полякомъ Либельтомъ, которону — вакъ и другимъ не-австрійскимъ славянамъ — хотвлось распро-

странить задачу славянскаго съйзда и на славянскіе народы вий Австрін. Либельть предлагаль обнародовать манифесть къ народамъ Европы о принципахъ и цъляхъ славянскаго съйзда, подать императору петицію о требованіяхъ австрійскихъ славянся и заключить союзъ славянскихъ народовъ. Либельть – особенно въ виду нолитическаго раздёленія своего народа – требовалъ, между прочимъ, отъ съйзда высказаться, что отдёльныя славянскія отрасли, теперь политически раздёленныя, должны опять соединиться въ одно національное цёлое, и поэтому они остаются въ настоящемъ своемъ положеніи только на время; что не-славянскіе парламенты не смёють навязывать своихъ рёшеній славянскимъ народамъ; что по примёру союза австрійскихъ славянские народы союза не должны воевать другъ съ другомъ, а, напротивъ, пусть они обяжутся во взаимной помощи противъ внёдпинхъ враговъ; славинскіе съёвды должны собираться два раза въ годъ; постоянный литературный вомитеть для всего славянска должень представлять и поддерживать для всего славянской библіотеки и славянской академіи.

Проекть Либельта, упрощающій прежнюю программу дійствій, быль по большей части принять. Взгляды славянскаго съйзда на разные вопросы формулировались въ «манифесть къ европейскимъ народамъ», который въ главныхъ частяхъ вышелъ отъ Цалацкаго; Либельть, Бакунинъ и Цахъ (чекъ изъ сербскаго княжества, нынё сербскій генералъ) прибавили мёста́, относящіяся особенно къ не-австрійскимъ славянамъ. «Славянскій съёздъ въ Прагѣ»— такъ начинается манифесть — «это событіе новое въ Европѣ и между самими славянами. Первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ насъ называетъ исторія, мы, разрозненные члены народовъ великаго племени, съёхались въ многочисленномъ количествѣ изъ дальнихъ странъ, чтобъ ознакомиться другъ съ другомъ опять какъ братья и спокойно совѣщаться объ общихъ дѣдахъ. Мы поняли другъ друга не только своимъ прекраснымъ восьмидесятью милліонами употребляемымъ языкомъ, но и согласнымъ біеніемъ нашихъ сердецъ и тождествомъ нашихъ духовныхъ интересовъ». Дальше объясняется, въ какѣстномъ духѣ Палацкаго, различіе между исторіей завоевательныхъ германцевъ и романцевъ—и мирныхъ, свободолюбявыхъ славянъ, которые линились самостоятельности и свободы, но нынѣ, когда новсюду кипитъ новая жизнь, домогаются опять древняго своего достоянія — свободы, не только для себя, но и для всѣхъ осталь-

ныхъ, беть различія сословія и народности. «Свобода, разенство и братство всёхъ гражданъ государства — воть нашъ пароль какъ за тысячелётіе, такъ и нынё!» Манвфесть ващищаеть полную равноправность всёхъ народностей, отвергаеть всё стремленія нёмцевъ и мадьяръ къ господству надъ славянами, высказывается противъ произвола правительствъ, и въ пользу Австріи, какъ союза равноправныхъ народовъ, въ числё которыхъ славяне должны пріобрёсти тё же самыя права, какъ нёмцы и мадьяры. Пугало политическаго панславизма, выдуманное врагами славянъ, съёздъ предлагаетъ сдёлать безвреднымъ справедливостью ко всёмъ славянамъ. Съёздъ высказывается въ пользу «несчастныхъ братьевъ поляковъ, которые поворнымъ насиліемъ лишены своей самостозательности», и вызываетъ правительства поправить этотъ старый грёхъ; протестуетъ противъ провзвольнаго терванія повнанской *вемли и противъ германизаціи поляковъ и лужицияхъ сербовъ въ Пруссіи и Саксоніи; требуетъ отъ мадьяръ равноправности для всёхъ венгерскихъ славянъ, навлажаетъ надежду, что безчувственная политива не будетъ долго мёшать славянамъ въ Турціи въ дѣлё вхъ освобожденія; наконецъ, предлагаетъ общій съёздъ европейскихъ народовъ для совёщанія о разныхъ международныхъ вопросахъ.

Проевть «адреса събяда австрійскому императору», предюженный Любомірскимъ и Гельцелемъ, принять коммиссіей, но въ събядъ уже внесенъ быть не могъ. Адресъ замбчателенъ тъют, что отдѣльные славянскіе народы Австріи представляють въ немъ всё свои прежнія требованія и желанія сообща, какъ желанія славянскія. Славяне домогались устройства Австріи какъ союза равноправныхъ вародовъ. Чехи и мораване требовали, на основаніи патента отъ 8-го апрѣля, своего отвѣтственнаго правительства; того же самаго требовали и поляки, и русскіе, которые обязались въ строгой равноправности объвхъ народностей въ Галиція; венгерскіе словаки и русскіе требовали, чтобъ они были прявнаны особымъ народомъ и пользовались равнымъ правомъ съ мадьярами; сербы и хорвати—чтобъ исполнялись всё рыпенія сербскаго собора (особенно на счеть Войводины) и сейма тріединаго королевства; словенцы — чтобъ всё ими обитаемыя земли были соединены въ одно королевство словенское. Наконецъ, чехи, моравяне и словенцы протестовали противъ всякаго присоединенія въ нѣмецкому союзу и высказались, вмѣстѣ съ остальными славянами, въ пользу вполнѣ суверенной Австріи. Третій предметъ проекта: опредѣлить ближе союзъ и договоръ между австрійскими славянами—не конченъ. Проекты Либельта

и Напунина не могли быть принясы, такъ какъ они относнянсь но всёмъ славниамъ; проектъ Любомірскаго относняся только въ актрійскимъ славниамъ, и новтому могъ быть принять основой працій; этотъ проекть балёе тёснаго союза арстрійскихъ славнить данкенъ быть представленъ всёмъ австрійско-славянскимъ сеймамъ для утверидения; въ немъ предлагалось издавать центральный органъ славнискій, устроить славниссую библіотеку и славнискую академію наумъ. Обо всемъ этомъ должно было разсуждаться въ нослёднемъ засёданія 14-го йоня, вакъ вдругъ 12-го іюни возникия въ Прагё безпорядки, близкіе къ революція, в превразили самый съёздъ. Члены его разъёхались, но заяман, что съёздъ телько отсрочень до болёе благонріятнаго времени.

Пранская революція не низал ничего общаго съ словянсних събедонх, и возбуждена разными виллиними факторами, индырскими агентами и разными «воронами» обще-евронейсной революція, въ рода Бакунина. Для мадыярь было очень важно ниставить славянсное движение и выражающий его пражский съёздъ какъ движение революціонное, направленное противъ Австрія; ин видёли, что уже въ май мёсяцё венгорское правительство было снавно озабочено, чтобъ предстоящий озбедь въ Прагъ осланся ограниченнымъ только чеками, а не сделался общеславлискимъ. Вся эти внание фанторы, воспользовавшись, съ едной стороны, возбужденнымъ состояніемъ недаленнять массь, радикаловъ и веразсчитывающей колодежи, а съ другой - нерасположениемъ высшихь правичельственныхъ и военныхъ кружновъ во всявому національному дишженію вообще и въ чешекому и славянскому въ особенности, вызвали нечальное столиновение съ войскомъ, барриганный бой и бомбардировку Праги, впрочемъ очень милостивую. На славящений събедъ смотрбли мадьяры и ибмин, австрийские и ве-австрійскіе, съ. какниз-то тренетомъ и ужасомъ, и выдумивали пре него, и во время его засъданий, и послё его разогнаныя, разяня нелёпия и чудовтания веки. Уже въ перенхъ дняхъ поня въ Винъ распространялнов слухи о возстания на Прагъ и о бомбардировий города, таки что само правительство вынуждено было ихь опреверянуть. Потомъ стали говорать, что чехи собщрались устроить славникачно республику или другое вакое-нибудь госуларство на развалинахъ Австрія, -- все это, разумбется, подъ новровительствоих Россин (!) и при помощи русскихъ рублей; беровъ Видлани быль посредникомь между Россіей и австрійскани славинами, уговоривая ихъ присоединиться въ Россін; 34 то онь получных семь милліоневь рублей, которые у него Ton's IL-AIPERS, 1879.

38/ Google

отчасти и найдены, и пр. Нёмци величали гнавновомандующаго въ Прагъ, внязя Вняднитреца, понорителемъ сланянской революцін; лейнцигскій университеть отябшиль Іордана за его учасліе BE CLARAMCROME CEERS OF A CLARAMCREE SHE новь, и т. п. Снаряженный военный судь пранскій сваль суднь пойманныхъ «государственныхъ преступливовъ и революціяверовь», членовь съёвля, ченскихь и другихъ славянскихъ патрютовь, отыснивая нити «широко и далено развътнаеннако славянскаго ваговера», о которомъ свобщилъ суду оденъ изъ арестованныхъ преступниковь, тотъ же маньярский аданть-нодствекатель Туранскій. Онъ будто подружнися еще передъ пасней 1847 г. из Пранева (въ верхней Венгрін) съ накоторыми слованами и полявами, которые посвятили его въ великую свою тайну; они и нувоторие славянские вожани намереванись нез славнесних земель Авотрін совдать одно славянское государство, респубнику ния королевство; для втой цёли должно было вспихнуть возстаніе одновременно въ Прагѣ, Кравовѣ, Загребѣ и Пресбургѣ въ 1850 году; но французская революція 1848 года ускорила зво приготовляеное славянское возстание. Въ Чехия участвоваль въ этомъ заговоръ Палацкій, переписываяов тайнымъ образовъ съ заговорщинами. Въ то же самое врени, ногда мадыярсній агенть сосощаль военному суду объ этихъ странинихъ панолавистскитъ зитысхъ, другой мадыяръ пишеть въ аугобургскую газету ам Вѣны, что пражское возстание было несомнённо носяйдствиемь преждевременно вспыхнувнаго панславистскаго эксовора, нен возораго были развётвлены далеко по всёнъ славянскимь страням. Палаций, Либельть и Бакунинъ били напередъ вланачени членани диревторіи, которая должна была рувовадить революціей въ Чехін, Польний и Венгрии. Въ одно и то же самое время вийсти съ чехани должны были начать рацы (сербы) въ Венгрія и граничари въ Хорнати, подъ предводительствонъ Елачича и Гая. Навонень, въ тога же самый день (12-го іюня), въ козерний тенераль Ванднигрець начинаеть непріатольскія дійствія въ Прагі, другой виператорский гонераль Грабовский, коменданть Петроварална въ южной Венгрін, отрицая существованіе «сербскато нареда» въ Венгрін и ссылаясь не привазаніе венгерскаго правительски, бомбардируеть столицу сербскаго пагріарха, Карьевцы, и начинаеть войну съ «радами». Но воть что сгранної Туранскій сообщаеть пражскому военному суду имя главнаго заговорщива въ Чехи, старосны славянскаго събада; а этотъ «государственный престунникъ», Палаций, — которий, впроченъ, въ Прашевъ не навъ

оспастся нетронутимъ, и узнаетъ о своемъ обянненія изъ газотъ только черезъ восемь яйсяцевъ! Мало того, все это дёло о славинскомъ заговорё вопорё бросногоя и забывается, да и самъ Виндинтрецъ, собяраясь позне съ чешской арміей противъ воеставней Вёны, въ своей прокламація чеханъ (11-го октября) всенародно заявляетъ, что «нечальных іюньскія собитія выяваны преничинественно чужнить вліяніенъ».

ниущественно чужних вланнень». Все это, виёстё ваятое, показываеть достаточно, что праж-скія собнитія были одной вза тёхъ ловкихъ политическихъ веме-дій, на какія мадытры больніе мастера. Маркелъ Туранскій, выстрёливъ изъ своего пистолета противъ военнаго караула и сообщивъ военному суду о «панславистскомъ заговорё», такъ и исчезаетъ безъ слёдовъ; съ нимъ улетаютъ и «во́роны», во и исчезаеть сель следовь, съ нипъ улегають и «вороны», во главе ихъ Миханлъ Бакунинъ, увидавъ, что въ Праге все нотеряно, и почуявъ «падаль» въ Германіи, Франціи, Венгріи, въ Венге. Но дело было сделано: часть австрійской арміи задержана въ Чекіи и не могла соединиться съ арміей въ Италіи, правительству отведены глаза отъ притоговляеныхъ воз-Италін, правительству отведены глаза отъ притотовляемыхъ воз-скиній мадытрскаго и нёмецкаго, и внушенъ стракъ передъ сла-внами, передъ пансаванателими сатёхми, и, наконецъ, бронено-нодоврёніе в обякненіе на собраванихся въ Прагё представителей австрійскихъ славянъ, на тёкъ славянъ, которые высказываются самынъ торжественнымъ образовъ въ нольку сильной Австрін-какъ союза равноправныхъ народовъ. Главные автеры кровавой трагедія истехня, а остались пранскіе дровоевке, мельники и студенты, думавшіе нтрать видную роль, а между тёмъ сыграв-ніе жаляую роль статистовъ, во вредъ себё и ченскому народу, который и подужить не смёлъ о вооруженной революція; одникъ воъ самыхъ печальнихъ послёдствій іюньскихъ событій было то, тра пранскихъ печальнихъ нослёдствій іюньскихъ событій было то, что приготовляений ченіскій сейнь не состоялся, и чехи не могли формулировать своихъ требованій закопнымь путемь. Славнискій формулировать своихъ требований закопнымъ путемъ. Славниский съйздъ развенали, но воть черезъ нёсколько мёсяцевъ послё-того, накъ императорские гемералы бомбардирують Прагу и Кар-лощы, и хорватский банъ гемераль Елачичъ лишается всёхъ по-калованныхъ ему достоянствъ, измёняется сцена: на пенитскомъ мосту лежить растереанный групъ императорскаго генерала Ламберга, замученныго мадъярской чернью, а въ Вёнё висять на фонарё стращие обесебраженный трупъ другого император-симго генерала, военнаго министра Латура, замученнаго нёмец-вой чернью; чешскіе и корватово-сербскіе полки, подъ началь-ствонъ Виндипереца и Елачича, приступомъ беруть Вёну и иступають нь взбунчованнуюся Венгрію, а военные суда судать

511

Digitized by **38** 00gle

BOTHERS REPORT.

уже совсёмъ другихъ преступниковъ, а не тёхъ, кого судили три-четыре мёсяца тому назадъ въ Прагѣ. Мысли славянскаято оъёзда о новомъ устройстве ионархін обсуждаются въ правительотвенныхъ кружка́хъ австрійскихъ, и императоръ лъскаетъ депутаціи разныхъ славянскихъ народовъ.

Все же, славянскій съёздъ не достигь своей цёли, не нийль вообще никакихъ практическихъ результатовъ. Но, несмотря на это, съёздъ остается важнымъ событіемъ въ исторія славянъ: онъ былъ попытною ввести славянскую взаимность или солидарность въ практическую жизнь, воплотить сдавянскую идею.

II.

Посл'в всего этого куда было д'вваться австрийскимъ славянамъ? Ихъ взоры обратились на славянский югъ, гдё одновременно съ славянскияъ съёздомъ засъдалъ хореаниский сеймз, и гдёуже началась борьба сербовъ съ мадьярами. Согласие между хорватами и сербами было полное; серби желали тъснаго соединения съ хорватами, и хорваты считали д'яла сербовъ своими. Банъ Елачитъ не разъ выражался на хорватскомъ сеймъ и въ другихъ мъстахъ, что хорваты и сербы—одинъ народъ; въронсноведание ихъ не раздъляетъ, всё они — «славяне, сыны одного славнаро племени, братья».

Такія рёчи были очень нужны; надьярскіе агенты внушали сербскимъ и хорветскимъ католикамъ, что сербское двежение направлено противъ ваголицияма, что банъ приняять православіе и хочеть его навазать и югославянскимъ католикамъ. Эти надкярскіе происки не осланись безъ посл'ядствій, такъ что даже сербскій вомнтоть вынуждень быль обнародовать прокламяцию нь натоликамъ югославянамъ въ Войводянъ и Славонія, и предостерегать ихъ. чтобъ они не вёрили такимъ рёчамъ, а назъ провные братья участвовали бы въ защите общаго дъла. Юго-славянские натріоты вообще старались сглаживать разний недоразум'яни между хорватами и сербами, что имъ и удавалось. Какъ-бы въ под-тверждение словъ Елачича, опъ былъ возведенъ въ банское достониство сербскимъ патріархомъ Раячичемъ. Торноственъ быль этотъ день «инсталлации» (5 июня). Елачних въ своей ручи высказался рёшательно протавъ притладній мадьяръ, напоминая ниъ слове бана Эрдэды: Regnum regno non praescribet leges (корожезство не будеть королевству предписывать запоновъ); онь рашетельно отвергаеть всявую влевету, будно онь в хорваны быля

512

протинь. Австрія, «и будне я вась и пороли нам'йреваюсь предать сбверному колоссу. Что касаевся до подовр'яній на нась въ панклавиделикъ стремленіять, то прамо заявнить, что всё нани симпати и расположение из нанимъ сладинскимъ CANHOULICHER HERRE OTHOCATCA HERREFERENDED BE HEDOLEN'S, NO ни чуть не на них пранительствань, и мы въ этой общей налимной любая находних прочиванее ручательство намей національной жизни». Патріариъ Расчичь, принавь оть бана присату, поскравные — онь вновы хорватско-сербскаго народа — его, сына великой матери Славы, назначение которана знаненательно для всёхъ когославанъ и привётствовадось оть Адрія до Карцатовь и дальше, во всяхъ оденинскихъ земляхъ. Блачичъ сдёлался, съ санаго перваю для своего назначения хорватскимъ банонъ (23 марта), любимцень всяхь австрійснихь и не австрійскихь славянь; онь уще торда посналъ свое привётствіе не тольно всёмъ житекних Трісячнаго королозства, но и славянскихь одиненникамъ зив воролевства; ощь въ началё апрёля сонназся въ Вйнё съ Шафариномъ синосительно необходимости болье тренаго союза австрій-CREATE GLABSHYL. H BHOJHE COLLEMANCH CL HOJEVHUGENOH HDOFDAMной Палициаго с необходимости Австрін для славяни, а слова: «еслибъ не было Анстрін, то нало было бы се создеть» - видивлись на знаменахъ хорватсно-сербскаго войсна. Въ тапомъ скислё Елачние всегда гонориль и действоваль. Собираясь вторгнуться вооруженной рукой въ Венгрію, онъ говориль, что онъ кунь нат народа, не реакцинерь, не панслависть, и что онъ желетъ единой, сильней, авободной Австріи. Стоя подь вабунтовавшейся Вёной, вилоть съ арміей Виндишгреда, состоявшей по большей части изъ чениснихъ нолновъ, Елачичъ въ письмъ пражсвой скаланской Лица (22 октября) называеть себя исвренныть славененень и австрійцень: «Разнілиз обрезонь какь я одущевлонть жобовью нь славанству, такъ и глубово уббанденъ, что славанстве-нанбельным онора Австрія, но за то и Австрія для славянотва-условие жизни, и солибь нини ис было Австрии, мы должны SELE OR CO COSANS. OHL, RAKS «DEBROOTHER CARBERDS», OGSзаять быль двенуться протикь надырь, противь антиславанской и антнавогрійской нартін; но мажду тинъ еказалась потребность новернуть претивь возетезшей Вёны, гдъ токо нодили голозу «праги славансков» 1). Поска укрощения Вани, Елачник высравыся-тепутація вёнськух славянь, -что онь всегла интересовался

вопросонь о разноправности народовъ. «Я не могь никогда но-MITE, TTO TOURSO HEROTOPHIC HADOON HOCETE HA VORE METATE GRACEродства; я не могъ фонять, что еденъ народъ долженъ стоянь подъ другимъ, одниъ бить господотвущимъ, а другой-служащимъ. Къ славянамъ относелись въ теченія вёновь какъ въ рабанъ. А нежду вънъ славянские вароди занинались земледалиенъ и терговлей еще въ то времи, когда другю народы жили въ данонъ варварстви, грабили и разбойничали. Но славанский нонолинъ проонулся; онъ, правда, не вбрать еще свенна гласамъ н оскатранается ваях проснувшийся ребенокъ, но ех помонию Вожието зажнется ва немъ божественная вскра и уже не нотухнеть. Славане составляють основу и прасугольный камень австрійской выперія; на должна вружно соминуться жить братья. Цёль монхъ стремленіё -- единая, сильном и свободная Австрія!» Олонуциой сладянской Лип'в банъ сказаль, что онъ понертвуетъ своей живных за свободу славань въ Австрин. Таковы былы мисли и планы этого врупнаго диателя австрийскихъ славянъ въ тв бурных времена. Онъ остался нить нарнымъ до своей вончины, хотя, послё подавленія мадырскаго возстанія и водворенія абсолютнема, и не могь нать привесть за дійствіе. Онь опинбся на счеть Австріи, наравить съ другими славянами.

Хороннопій сейма или, какь онь обыкновенно важивался, сейнь Тріедиваго королевства, зас'ядавшій літонь 1848-го года, была плавной и единственной надеждой всёха австрийскихъ славань. Онь отличался горячных напріотнисть югославлясних н вообще славянскимъ; что ему придавало особий вись, это быль хорватскій бань, кань главновомандующій Военной Граници, стотысячной армін хорнателе-сербеной, часть которой сражалась за Австрію въ Италін, а другая, именно сербовая, уже налинала военныя действія противъ мадьарь, прилинувь въ сербсвому двянению. Вентерские сербы требовали полненчесной связи свеей будущей Войводных съ Тріединних веролевствонъ. Этого донатвлись и славянские далиатинци, но напрасно; итальниские, вли сворће, объегальяниениеся города и извлиянская биорокранія отнесансь из соединскию Лалмации съ Хорнанией крайне враждебно; славнекіе патріоти преслідовались, писатель М. Ванъ дояжень быль спасалься бытствонть въ горы, невно не сиблть навизаль харьатовъ своими братьями и Елачича покровнияламъ. Это про-

валь съ нимъ около получаса; онъ мив показался еще болёе славяниномъ, чёмъ въ этомъ письмё". Караджичъ тоже пишеть, что всё славяне очень радуются, что имперазоръ Нимолей вочнить Елечича ордененъ, да еще често спавлясния, ов. Владинова.

должанося даже точка, ногда Елачичъ бякъ наяначенъ (эз донабрё) губернахоронъ Дажикин. Благодари итальнискому элементу и бюрокразия и вёнскому правичельских, Дажиація все-таки не соединента въ Хорбахіей; тщетники остались привыви харватскато сейма, притланианнато дажиатинцевъ въ свои ряди на благо имъ и всёнкь австрійскить славянамъ. Елачичъ уже въ май ийсяцё инсанъ ченскому національному комитету, что въ хорватскоть сейщё будуть предоставленому комитету, что въ хорватскоть сейщё будуть предоставленому комитету, что въ хорватскоть сейщё будуть предоставлены міста представителять нандой австрийсно-сызниской земли, и кусть ченский братский народь приикоть туда своихъ представность. Предложение Елачича принято съ восторномъ, и національный комитеть отвётнать бану инсьмомы (3 июно), нанисаннымъ Шафаракомъ, из поторомъ уноминаютов спаранники взанинна отвонения между обонин славянскими народами.

На загребский сейих отправились К. Эрбень и В. Лянбиь (якынъ профессоръ заринявского университета); послёдній привётствоваль, на ченекомъ жинъ, херналскій сейнъ егь нисян че-корь въ духій славинскаге брагсква, а Кулевичъ назваль присутелие чеховъ на сейне иналенительныт явленіень славанской эры. Вийстй съ техами нрибыль и слевенець Кочеварь, и нь своей рёче заявиль о жнимих спонатияхь словенцевь въ хоростамъ, опоръ всего южнаго олавянства; Словенія имбеть будущность только въ сами съ Трісдинимъ порелевствоить, и словенцы воздагають воб свои наденди на бана и загребский сейнъ. На хорзахонь и вхл бана вознагали свои надежда и мостоко просявдуение словани. Штуръ повнакомился еще до мартовскаго данженія съ Радинчень въ Пресбургі и получиль оть него денежное нособіе для народныхъ цёлей; пробывая полонъ въ Вёнъ, онъ во началё апраля сбланнася и ов Блачичемъ, поторый ему уже тогда спальт: «ване двао становится и нанинъ дваонъ, BREE PRACTED & BREERENS; BUTTA MEI CRAHENTE BOCBATE SA CROUGHY кореалаль и сербонь, то сденаень все возножное и для вась».

Славанскіе натріоты нанын такимъ образомъ уб'яжнще въ Загребі, и корнатскій осійть не преминуль заступиться за «славянскихъ братьскі въ верхней Венгрін». По поводу прибитія ченкнихъ насіреннихъ на хорастскій осійть, пося'ядній приняль особую силтью (Х) «е веанничени огавнить и о виборахъ денутатоль на спалянений съблать и на ченксий сеймъ»; сеймъ пор'яннять, чтобъ доказать редственному тепскому народу свою взанимию любовь, вислать тоже депутатовъ на предстоящій ченский сеймъ и наимачнять членами сдананскаго съблать Враза, Кунцяна, Црину и Прауса. «Впрочемъ----говорится дильне въ зной сеймовай самий----

BROTHERS METHOD.

хорначеко-славонскій народь принимаеть живійшов учасків въ благії и герії остальнихь австрійскихъ славник. Твердо рімнивпись разделять съ ними судьбу, онь не можеть спонойно смотрёть, чтобъ иношлеменных, какей бы то ни быль, притёсныль его славанскихъ братьевъ; поэтому сейнъ въ числё усковій для примиренія съ мадьярами ставить и за, чтобъ всё славане, которие за защиту и поддержку славнисной національности со-держатся въ тюрьмё, тотчасъ били освобождени». Въ своемъ якнефесть сейнь указываеть на то, что онь стренное нь болье тёсному соедененно всёхъ австрійсянать юго-слизни въ однить организиъ; объщаетъ сланискинъ братьние считать ихъ справедливня требованія вань свои соботвенныя; его ціль-федеративная Австрія, союзъ свободныхъ и развоправнихъ народовъ, съ исключеніемъ всякой гегемонін, нёмецкой и мадьярской или славянской; въ случай гегенонія гавовая принадлежала бы славянамъ, какъ самому многочисленному пленени въ Австрин. «Но мы, славяне, которыхъ называютъ народомъ рабскимъ и преданнимъ тиранији, должны стыдиться такого стрекления, которое не согласуется съ достоянствоиъ человёчества и съ духовъ времени, и поэтому мы не стреженся ин въ ваному тоснодству, а въ еденодущію и въ любен. Кл німцамъ в надьярямь ми взылаемъ серьёзно и по-братени-отвазаться отъ властолиейи».

Какъ-бы въ отвётъ на всё руманныя вознанія славянъ, нов Франвфурта и Пешта раздавались врини, что отрепливыхъ славянъ HAZO «OCTPIENTS MENS» IIDOYARTS & SACTRENTS INDREASTS HAR HEACHRYD, нан надьярсную гегемонію. Между Франвфуртонъ в Пепронъ явилась — вакь за тисячелётіе во времена Арнульфи и Арпада, соеди-нившихся противь Связополка — полное entente cordiale относительно общихъ дъйствій противъ ненавистныхъ славаять, станшихъ вдобавокъ еще за «Австрію», которую нінцы и надъяры собирались разбать. Уже въ най місяці надъярскіе уполномоченные дентер-скаго правительства во Франкфургі, Пазманды и Садай, хлонотали о болёе тёсныхъ связяхъ между нёмцами и мадьярами; они должны были, даже съ одобрения австрийскито жинистра. Пиллерсдорфа, внущить франкфуртскимъ политикамъ, канъ пепріятно было би Венгрін, еслибъ занадкая положна Австрін, часть импецкаго бунда, превратилась въ славянских госудярска. Черевъ нісколько ябсяцевь мадьярские уполноноченные уже предлагають Герналія союзь на случай войны; Германія и Венгрія должин выставить стотысячную армію для взаниной конощи, на случай, еслиба на Гериянію или Венгрію вапали «славнисній элементь вли другом съ славянских элементонъ соющая доржава». Хота это предно-

жнийе не принито, — австрійсное пракимельсно тогда, въ начал'я сентибря, уже стало наспрійсное пракимельсно тогда, въ начал'я меральний союзъ между н'ямцани и маньярами состоялся. Онъ процвался также въ собравшения тогда въ Ван'я австрійсномъ державномъ сейм'я, гдё н'ямца и воляни явно самиатизировали мадыграмъ противъ своихъ токарищей ченскихъ и мораоснихъ, своиевскихъ и русскихъ.

Положение австрийских снавань литонь и осенью 1848-го г. било всобще тамело и незавидно. Въ Чехін, послё разогнанія сваннскаго съйзва, сейнь не состоялоя, а коравский сейнь быль по большей части нёмецкій или исключительно моравскій, т.-е. не хотйгь и слышать о болье твоной снян съ Чехіей, кань ен желали нувоторые славанские патріосы Моравін. Нувния вли онтысченные славане въ Чехін, Моравін в Силевін были вообще убщительными противнуками славникато движения и приверженцами франифуртскихъ стремлений, котория они старались распространить повсюду, и въ сваранскихъ округахъ Чехин и Моравин 1). Поприщенъ политической дбятельности чощевихъ депутатовъ сдвлался-ватёсто чешскаго сейна-державный осйнъ въ Вёнт, гдё OBE SARAR OFBO BOS CANNYS BRANDERCE MACTS. ORE BRECTS съ другими славинскими децутатали Австріи (т.-е. невенчерскихъ земель), исключая полнковь, составляли партию федералистовь, новоркя ближе опредёлилось впослёдствія въ Кронтаниріс они-то и защещали, насколько возножно, интересы австрійскихъ сланить вообще. Въ самой Чехін поддерживала политическую жизнь славанская Ляна пражская к ся отрасля въ провинція. Такъ какъ Шафарикъ посяй іюньскихъ собятій отназался отъ продсёдательства, то выбрали старостой В. Ганка. Славенская Липа представляла какъ-бы народомъ нризнанную наивисную инстанцію во разныко полническихо и соціальнихо вонносяхо; она

¹⁾ Ніконорие изъ ралкихъ франкфурзисновъ венаня тода зъ ракны челюнія удичныя вісни политическаго содержанія, такъ напр.: Куранда, Маконича, Шузенька. Особенную извістность пріобріла пісня: "Шузенька напъ пишеть", сочненная Гавличконъ на мелодію народной пісни: "На томъ пражскомъ мосту", которая отень напонинаеть малорусскую: "Гей за гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькить". Въ вісній риссионанська, что "Шузенька намъ нишеть язъ Германія, чкоїъ им нузними на денова німицать, что у викъ урмить на камоті; во ви, вікци, каки, на не пидемъ съ вана, что у викъ урмить на камоті; во ви, вікци, каки, на не пидемъ съ вана, что у викъ урмить на камоті; во ви, вікци, каки, на не пидемъ съ вана; что ви себь накропили, то и съблиьте сами; Германія вана, а Чехія наша, не дуйте намъ изъ бранкфурта въ напу славянскую капу, и пр.". Эта піснь стала самой любимою, и сділала свое діло лучше всёхъ манифестовъ, брошюръ и газеть; се віли вовсюду, и авторъ этой статьи живо ножий Чехія, віль, шать другий изъ парайов", въ глуми южной Чехія, віль мария: "Ле-аризька, самъ, камъ варить, какъ онъ, итрая съ другий.

была вибстё важных факторонь въ правтичесной слазнений взанивести; она заботнаясь о токъ, чтобы распрестранылось и развивалось оближение и участие из судьбахъ слазнискахъ наро-довъ между чехами и мораванами, возявани и русскими, слованами, словеницами, хорватеми и сербами, чтоби осуществилась истичная взаимность между одавниеми. Такими словами виранала свою цёль пражская Липа въ письмё Липе олонуцкой. Славнияская Липа высказалась противь выской революціи и въ пользу Австрія, какъ единственной защиты славань; она собирала малеріальния вспоноществованія для борющихся ов надьярами югооневань и словаковь; Штурь и Гурбань отправляють при номощи Аяцы своихъ словенскихъ волонтеровъ въ Венгрію; хорвансный ищебаять Лентулай благодарить Лину за денежные пособія юго-славянамъ, сражающимся противъ «наилютвённыхъ враговъ ска~ важъ». Славянская Липа просытируеть учредить въ нражскончь университеть казедры всёхь славансянкь языковь, наявсть воеулистренного вносери всихо сназносних в азанови, лецино в вов звание из югославнискимъ студентамъ посбщать пранский унивор-ситетъ, что одобряется хорватами и сербами; из ней обращается далматинецъ Петрановичъ, собираясь учредить національное обнество; въ ней пинеть Елачниъ свое знаменное письмо, объясняя свою полническую программу, а Лина въ своемъ отвътъ вполнъ соглашается съ нимъ, съ исврениямъ славяниномъ, и замъчаетъ, что она всегда обращаля свое особенное внимано на югославянскихъ братьевъ, и что она въ Елачичъ и въ юго-Славянахъ видитъ сласение австрийскихъ славянъ, что сна оттуда онидаеть восхода солнца славянской свободы. Славанская Лина обратныет и въ полякамъ, когда они все больше отвораливались оть остальныхъ славянъ и примывали къ ибмециому и надыерскому революціонному движенію. Она внужають нис — не чуж-даться славничь. Славние прежде мученники между народани, теперь — апостолы, впредь — защитники истинной свободы человёчества. «Только единодущіємъ, единствомъ и братствомъ расцейтетъ славянство и взойдетъ его спасеніе, и ваша отчивна, ваша польская мать, будеть перломъ въ вёнцё свободныхъ славянскихъ земель, и возвёстительницей свободы на востокё!» Когда поздней осенью и зимой 1848-го г. императорскій дворъ вынужденъ быль общать нев вобунтовавшейся Вёны и поселился въ Оломуцё, то оно-муцкой славянской Липё не разъ пришлось привётствовать разныя славянскія знаменности и депутація. Она поднесла также адресь Елачичу, она же в сербская депутація обивнялись адресані въ славянскомъ духв вакъ сыны великой Славін; сербы вирекали сожалиніе, что славяне доляны розорать другь сь другонь на

518

WYRCOWE SELLED, HO HAABARCE - & STO AOREHO CANATION HOPISE ная славянских отремления-что, развиних обравоих, никь они серемника въ общнить интересана, то для ихъ поддержки будеть со времененъ употребляться одних язнах. По приниру пражской, учрожнени сланянски жины и въ другить славянскихъ замлянъ, наприневръ-въ Вагребъ, Львовъ. На общенъ собрания ченскихъ и ибкоторыхъ моравскихъ Липъ (въ концё 1848-го г.), где выбранъ предсёдателенъ старый патріоть чонскій А. Марскь, н гдъ присутствовало также нъсколько словенцевъ, живо проявлялось славанское чувство чеховь; ораторы пожелали всего лучшаго славянскимъ народамъ; будущее славянъ имбетъ и соціальное яначение: слание будуть преднисывать народань вовые соціальные порядки; надо ходатыйствовать за арестованныхъ поляковъ ны Пруссія в Россія, чтобъ полани мовбрели всяреннему располежению въ никъ чеховъ; надо обнародовать новение въ галиц-CREMES DYCCERMS, WOODS ONE GOOCHAM COOR BRIVONSE CHODE OF нопячинии; надо заботяться о токъ, чтобы прекративнийся славанский събядь собрался вновь, и т. Д.

Словенцы заняты были особенно протестами противъ франафуртастовъ, к протавъ итальянскихъ причизаній на Горицу и Триссть. Они, какъ уже выне сназано, стремклись къ соединенно вскът словенскихъ земель въ одну Словенно, и къ болбе тёсному совену съ Херватіей, но не достигля ни того, ни другого. Изъ депутаты на державномъ сеймъ принаднежали къ снавниской нартии и въ приверженцамъ федератявной Австріи ¹). Къ ней принадлежали и славнискіе депутати изъ Далмаціи, которая, нескотря на желаніе далиатскихъ патріотовъ в корватовъ, не свединена съ Хорватіей.

Печальную вартину славянской ровни представляли оба славинскихъ народа из Галиціи, ноляки и русскіе. Ихъ сотласіе и сдинодушіе, высказанныя на славянскомъ съберё, были пратиовременны; скоро общружилась старьнима времяда обоихъ народовъ въ полной силё. Поляки сморо стали обвинать русскихъ из самнатіяхъ въ Мосявё, царю, кнуту, схизиё и пр.; они отрицали даже существоване русскаго народа, который выдумань только недаещо австрійскимъ правительствоиъ, и о раннопраености польскато и русскаго языка не хотёли опослёдствія и одними;

³) Уже нослі 1850-го г. сконсичца Космера составна пропрасную этнографическую карту словенскаго народа, этой ненавистной для всёха австрійскиха наицева "Словеніи"; но обнародованіе нацечатанной уже карти было запрещено, авторъ обявнена чуть не въ государственной измёна, и опала снята съ карти только въ 1861-их году.

случанось, что поляжи воднии собанъ въ руссия аудигория, такъ накъ только собаки достойны-моль неучать руссий линить. Русскіе, конечно, истили поляканъ са ихъ разныя налалисяна; они стали рёнительно на сторонё австрійскаго правительства, и ихъ депутаты въ держанномъ сейиё, озищенники и престъяне, линись усердными привержанцами правительства. Русскіе требовали раздёленія Галяціи на двё половины, польскую и русскую, и они-то сочинили извёссную народію:

> Ieszcze Połska nie zginęła, ale zginąć musi: Co Austryak nie zabije, Rusin to zadusi.

Центральная «русская рада» имбла громадное вліяніе изстрань, и такъ какъ поляки не могли синскать себъ расположенія своего польскаго сельскаго народоваседскія, то Ганиція быля одной нев саныха «черно-желтыха» основь Австрія. Между TENT, RANT DOILCRIG HEASTING HONOFALE HEMCHEOR I MARSHDCHOR perosnonis, rashacaie no.ra, no.bckie a pycchie, man uporana Въны и Пешта; а когда генералъ Гаммеритейнъ бонбардировялъ Львовъ-возставшій одновременно съ Веной, то окрестные престыяне радовались этой божбардировий и предложили генералу свои услуги, объщая, что они сами возмуть городь и неребыють «поляковъ». По истинъ нечальная страница «славященой взанивости!» Эта польско-русская рознь возбуждвла въ остальнихъ австрійскихъ славянахъ искренное сожалёніе, и прансная славанская Липа обратились, из русскима, чтоба они отказались она вражды въ полявамъ. Но между ченсквин радикалами канцика и телие, которые, подчиняясь внелий польскему вліянію, откаживали русскимъ въ имени народа: «горсть руссвихъ поновъ» не заслуживаеть такого имени.

Пезанн скоро совсём'я отрёшились но большей части оть программы славинскаго съёзда, оть федеративной Австріи. При усианваяшенся революціонномъ движенія нёмедкомъ и мадырсконъ, галицскіе подани стали все больше отворачиваться отъ Австріи и оть другиять австрійскихъ славянъ, въ надеждё на воспрененне Польши посредствомъ революція; они желали, чтобъ занадная половина Авспріи сдёлалась частью Германіи, а. Вентрія достигла би самостоягельности. Въ такамъ симсять дъйствовали польские денутаты въ державномъ сеймё, поддерживая крайнюю нёмецкую нартію, и симимизируя надвярамъ. Между тёмъ, какъ остальные депутаты были вынуждены бёжать изъ взбунтовавшейся Вёны, польскіе депутаты остались на мёстё; на ихъ глазахъ приняли польскіе эмигранты, во главё ихъ Бемъ, участіе въ нёмецкомъ вое-

спанія, и — послё его подавленія — біжали из надаяранть, сра-жалов противь австрійцевь и озвелить подь надьяронны зна-ментами, предводительствуемие Денбиневнить, Висоцийнъ, Беменъ. Наравнё съ польсними депутатами дёйствовали зъ такомъ смыслі и польскія «народовня рады» и исльская печать; кра-повсная «Jutrzenka» и львовская «Gazeta Narodowa» стали різно писать противъ «славанской» т.-е. «ченской» Австрия, и про-тивъ оказиваемой ей поддержки, со сторони славянъ, стали вич ражать симначи мадьярань; они стремятся только из воестановленію Польши польской, а не австрійской, которая не должна раснаться въ славянствъ; стремиться въ возстановлению Польния посредствоить славанства —значило бы убить эту Польну, звачило бы убить и славанство; иниванное же славанство по заявило нигдъ саностоятельнаго направленія. Но виёсть съ таками зен-денціями верёдка встрёчалноь между галицейным поливами люди, вогорые не раздёляля сангвиническихь надеждъ своихъ помнатріотонъ, а держанись болёе реальной почни въ предёлахъ Австрін. Таковы были иннеь Любомірскій, графъ Здиславъ Замойскій, Гель-цель и др. Замойскій въ касьмё и въ рёчи въ своимъ избирателянъ называеть соють своихъ компатріотовъ и товарящей съ нёмцами политической ознибкой; старяя польская политина, ноторая поддерживала господство нёмцевъ и мадьяръ, гонить австрійскихъ славянъ въ объятія Россія; лучней защитой нодяавстріясках слакань из объяти госсия; лучшен защиток моли-новъ служнть федеративная Австрія, въ поторой славнисно-народи займуть ноченное м'всто; таная Австрія будеть протизо-насонъ противь огромной самодержавной Россія. Еще р'внитель-нае висказался Гельцель из своимъ правовскимъ набирателянъ (въ ноябрѣ), которые его и вибрали. Гельцель считаеть себя (въ ночоры), которые его и внорали. Гельцень силиеть сеон славяненомъ, и уназываеть на то, что ень удео на славянскомъ съйздё дёйствоваль въ пользу федераціи славянскихъ народовъ и въ пользу примиренія славянъ съ мадаярами; онъ не согласенъ съ обрязонъ действій польскихъ депутатонъ на державномъ сеймё; опъ пойдеть, канъ въ Прагё, такъ и въ Вбий, съ свения сла-вянскими соплеменниками, и будеть ващищать федерацію подявонь съ австрийско-славянсками народами, примирение венсерскихъ снавянь съ мадыярами, примиреніе поляновъ и русскихъ, и бу-деть бероться съ франкфуркистами. Въ сенинбръ была основана во Львовъ даже славянская Липа, цёлью которей было поддераннать братевую взаимность между славанскими народами и распространять свёдёния о славанахъ. Эта славанская пария между полаками, не стёснаясь, говорила, что надо сворже под-держивать Елачича, чёмъ мадъяръ, хозя банъ служить реакція.

Союнь поляковь съ врагами всего славянства возбуждаль въ австрійскихъ славянахъ сожалёніе и негодованіе. Пражская славянская Лина въ своемъ возвани въ полянанъ (16 нолбоя). нанисанновъ рынымъ полонофиломъ Штульцемъ, горько жалуется. на такое ихъ поведение: «Братья подави! Довъряя объщанияны нашихъ враговъ, вы стали нодъ ихъ знамена! Обольшенные заманчевымь голосомь той провлятой полнтики, которая, прововглашая свободу, равенство и братство, кусть цёпи неволи, приротовляеть тюрьки, возденгаеть высёлним для вёрныхъ сниозъ славанскихъ, — вы присоединались въ нашинъ злъйниятъ врагамъ, которые изо всёхъ сыль стремятся въ гибели славящства!» COMS5 HOLSEORS C5 BDAFAME CLARENTS TRENG HODHEASTS HOSEE OFHES валять эмегранть, неебстный Юл. Клячко, въ своей рёзвой антинімецной бротнорі: «Die dentschen Hegemonen»: «поляки-выскаженъ отврыто это горькое и тямелое признание --- не имъли ни обязанности, ни нрава быть въ вёнской аулё». Но худнимъ CHIE VIDERON'S ALS HOLSEOP'S OF M HOLESAR MAY B'S VCTAX'S BRAговъ славанства. Во время осади Вйны императорсками войсками, ночти наванунѣ ся паденія, восхвалялъ поляковъ въ берлинскомъ демократическомъ вонгресств однить еврей, легіонеры-студенть наз Вены; «Властолюбнеза репская ванарелла хочеть немецеую свободу подавить при помонди славник, воторые, преклоняясь рабски передь вресломъ, называемымъ трономъ, дозволили употребить себя какъ орудіе тараннін. Варварскія орди подъ нредводительствомъ Едачича, который бъналъ какъ грусъ отъ мадьяръ, угрожаютъ Вёнъ. Только саное благородное славянское нлемя, поляки, не дъйствують сообща св остальными славянами. Какъ прежде Собрсский снасъ Вену оть турокъ, такъ и ныне благородные поляна понивнули въ вёнщамъ, чтобъ съ ними пообщить или пасты» И-пали. Въ то же самое время съ Виной наль и воэставшій Львовъ, и такимъ образомъ превратились надожди полновь на осуществление ихъ плановъ путенъ революция.

уминаль на «нансланноския автён» мезаду слованами, громник имехныхъ «рацаръ» и малевалъ своимъ свотечественнивамъ приракъ «сланнеской» Австрія; онъ требовалъ отремной арміи и денегъ, и сеймъ даять все. Нёмин въ Австрія и Германія, наль и итальяния симпахизировали мадяпрокому дилжению, накъ дилжению «свободы» и протяннали всёхъ рацовъ, кроатокъ, чеховъ, валаховъ и пр., — борцовъ «рабства» и абсолюнима, царата и инута. А какъ-бы въ подиверждение этихъ обинений — австрайская армія въ Италіи состояла, кихъ нарочно, по большей части изъ этихъ здополучныхъ славянъ! Вдобавонъ попадались между славниями и ремегаты, приминувние въ мадъярихъ, нь родъ страннаво серба Дамянича, этого «Рацо-бда», киорий гроянать своимъ соплеменникаять, что онъ ихъ всёхъ преблеть и воздвиляетъ горы неъ ихъ труновъ; а чтобъ ни сминь ранъ не остался въ живних и чтобъ, нее это отредне било истреблено,---онъ пустить самъ себе пулно въ лобъ!

Но какь ни тежело было положение вонгерскихь юго-славань, они не пали духомъ. Сербский натріпрать Ранчинъ, подобно руссина Гермогенамъ и Палицинымъ, сдёлался дипломатить и вон-вонь, отнежвая повскоду помощь и средства для успёшнаго веденыя борьбы. Онъ обращается въ правительству состаднаго сербскаго нанества, умодяя его о номощи; и тысяти сербскихъ волонтеровъ из Сербін (сербіянцевъ) сибнать своинь братынь на понощь, во главе ихъ Стофанъ Кничанинъ. Въ эту мадлярско-юно-славнискую борьбу чуть-чуть не попали и черногорцы; владыка Перръ предлагаль Елачнчу вспомогательный отрядь наь 10,000 черногорневь, во банъ не приняль этого предложения. Разчить умоляль в русскій святійшій синодь, чтобь онь представних бидствія сербскаяо народа государю императору и проских у него нонощи, назеріальной и дипломатической; императоръ Наколай чено православия, но превосходству сербскаго народа, крупний, былотворный попровняель; онъ единъ силенъ въ илстоящее время шеріальнымъ в моральнымъ втеченіемъ своямъ спасти народь сей православный оть влобы и свириствія иноплеменическихъ мраарь». А въ самое тажелое время, вогда хорватский балъ CREATS HORE BENOR, PASURES HEMETE DYCCEONY BOBCYAY BE Выпрадъ, преся представить императору несчастие сербсваго нареда, чтобъ иниератеръ приказалъ Сербін помогать всёми самия и чтобъ присладъ наъ Руминии оружіе и деньги, или чобь посредникаль нежду мядырами и сербами. «Что мыслить ббь насъ великая Россія? Будеть-ли допустить потребленіе нанію ⁰⁷⁵ лица земли? Отъ крупицъ падающихъ отъ трапезы ея мы

DACENES DEPOSIS.

насятнинся бы. Довяйать ей ращи едние слово, и мы снасовим есми. Почто не вала бы нась она въ свое новренительство, отда австрійскій нашъ имперагорь того намъ подати не можеть, самъпомощи требуя? Лучше намъ есть на подобіе иняжества Сербік подъ снаьнымъ повровительствоеть са и турещкое, нежели мадьярсное иго носите». Не знаемъ, отвѣтили-ли Разчичу синодъ и консуль; но если и отвѣтили, то вѣрозино въ таконъ омысять, какъ русскій повъренный въ Вънъ Елачичу, т.-е, что Россія не намърена визниваться во внутреннія дъда Австріи. Но, несмотря на разныя затрудненія, сербы продержансь противъ мадьяръ до вступленія австрійскихъ войсять въ Венгрію.

Менте тажело, но все-таки затруднительно было положеніе корваторь в нах бана. Вёнскій дворь, увлекаемый мадьярами, сначала сталь противь Елачича и лишиль его даже всёхь достоинствь; но вскорё, узнавь свою ошибку, сталь онать на сторонтёбана сначала тайно, а нотомъ явно. Намцы и ноляки въ державноить сеймъ, симпатиевруя національнымъ стремленіямъ и бмецкимъ и мадьярскимъ, относклись враждебно въ слаканско-австрійскому движенію вообще и къ юго-славянскому въ особенности. Одна тольке славянская партія сейма стояля за хорватскаго бана; въ вей онь, тёснимый если не дворомъ, то иравительствомъ, и обратился съ посланіемъ Штросмайера; чешскіе денутаты Палацкій и Ригеръ наставвали на томъ, чтобъ манистерство въ спорѣ мадьяръ и хорватовъ, стало на сторонъ послёднихъ, что́ всворѣ и случилось.

Въ началё сентября Елачичъ, возвразяваній себё пріязнь двора и всё свои достоянства, вторгается въ Венгрію, направляясь нь Пениту; вилость съ темъ, входять и словенсвие волонтеры въ съверную Венгрію. Но мадыярамъ и нёмецкамъ революціонерамь удается возбудить воэстаніе въ Вана, и Еланичь, ототь «хань Батний» съ своей «саранчей», съ своими «дижним славянскими ордани» - такъ ихъ честили тогда нёман и мадыяры, въ томъ числё и Кошуть --- повернуль къ вебунгованшейся стоянце Австрія и соединияся здёсь съ «чешской» арміей Виндиштрена. Экспедиція словенскихъ волонтеровъ не удалась, и мадыярскіе ваммиссары, въ чисяв ихъ баронъ Есенанъ, стали въшать сло-BERCERXS HETPIOTOPS, H JARE CTPAHCTBYIOMINKS VERICENXS H MOравснихъ недиастерьевъ, какъ «панславистовъ». Нёмецкая н мадьярская революція, приготовляемыя уже давно, вспыхнули темерь отврыто. Существование Австрии вискло на волоски, но н положение австрийскихъ славанъ было опасно. Правъ былъ банъ

Елачичъ, записань — изъ лагеря подъ Вёной — пранской сла-вянской Лип'я: «Какъ ревностный славянинъ, я долженъ былъ придавить и уничтожить анти-славянскую и анти-австрийскую партію въ Пештѣ; но между тѣмъ какъ я пошелъ противъ этого гийзда мадьярскаго господства, наши соединенные враги подняли голову въ Вёнё, и еслибъ они восторжествовали въ Вёнё, то ноя побёда въ Пенитъ бяда бы только на-половину, и наши враги стели бы крёнче въ Вёнь. Поэтому я съ войскомъ повернуль противь Вѣны, чтобъ укротить врата славанъ въ отолиць Австрія. Я обрадовался чрезніврно, увидавь, что и ченскіе братья, побуждаенне тімь же самымь убіжденіень - какь подтверждаеть возвращение наъ депутатовъ взъ вёнскаго сейна. - несуть свои побёдоносныя знанена въ Вёнё, чтобъ протянуть братскую руку инѣ и моему войску, — и туть или торже-ственню побёдить, или славно пасть. Убёжденный, что я иду протних врага славянства, я пошель въ Вене, и надёнось, что ви мое д'вйствіе понимаете и поддержите». И не только славянсная Липа вполий одобряда образь дийствій Елачича, — на его стороні стояли всё австрійскіе славяне, исплючал поляновы. Какъ-бы въ оправдание славянъ, доносвянсь въ нимъ въ то время — когда славянские полки осаждали Вену — взъ Франкфурта вловёщіе голоса нёмецкахъ патріотовъ, совёщающихся о способ' присоединения Австрии из будущей Германия. Нумецие патріоты требовали непрембино присоединенія западной половины Австріи из Германія, не заботясь много о Венгрія и Галиція; другіє хотёле включить въ Германію всю Австрію, считая послёднюю важнымъ фангоромъ германизаціи на Востокѣ: Чехія необходима для Германіи, какъ «горная крёность противь Россия»; занадные и южные славане должны соединиться съ Гернаніей и составлять съ ней, съ мадьярами и румынами, оплоть свободы противъ «царата»; народы, живущіе на востокв по Ду-наю, «не нива ни призванія, ни права на самостоятельность, LOLZERI OUTS BEARLICHEN BE FENELIKVIO HARHETHVIO CECTONY, KARS драбанты», и пр. Но эти народы вонсе не хотёли быть ни н'вменною крёпостью противь Россін, ни нёмециным драбантами, в вообще какъ-то не очень довъряли нъмецкой «свободв»; онн надбались, что ихъ національный и политическій быть устроится въ новой Австріи, которую они себъ представляли какъ федерацію равноправныхъ народовъ. Пештъ и Франкфуртъ говорили очень ясно, Россія соблюдала глубовое молчаніе, отсылая славянь въ Австрія: не мудрено потому, что австрійскіе славяне пор'яшили: TONL II.- AUPALS, 1879. 84/s

5**25**

DOCENES JOPOIES.

«им слясемъ Австрію и переустронив ес» ¹). Они слясни Австрію, но---не нереустронди ся.

Ш.

Вёнская революція была вратковременна: 6-го октября, она началась, а 31-го, Вёна была уже въ рувахъ Виндиштреца. Цо улицамъ австрійской столицы марнировали ченисніе полни подъ звуви песни: «Шузельна намъ пинеть»; оволо бивуачныхъ огней ILIACAIH INTO-CLARAHCELE COLLATSI CROE EOLO; MOTTEHNNE BAHINI HOлучали на свои вопросы стереотниный отв'ять: «нывсь дайчь» (nichts deutsch — ничего по-нёмеция), и были рады, если знали нёсколько словь по-ченски или по-хорвато-сербски. Действительно, оригинальныя сцены въ недавнемъ очагъ «нъменкой» революцін! Императоръ и его дворъ пребываль въ Оломунь, въ Моравін. Здёсь, въ городё Кремёнире (Кременре), собрался и державный сейнь, и сталь, вибств сь новымъ министерствонъ Шварценбергь-Стадіонъ, вновь трудаться надъ новынъ устройствомъ Австрін, которая получила неваго императора - Франца-Іосяфа. Виндиштрецъ и Елачичъ выступные въ походъ въ Венгрію; въ нимъ присоединильсь и словенскіе велонтеры, которымъ помогали въ матеріальномъ отношенія чехи-а по вхъ побужденію-н Миханль Обреновичь; ими командовали ченскіе офицеры: Блоудекъ, Цакъ, Янечекъ, вийств съ словенскими патріотами. Дела шли успёшно, и въ начале 1849 года вазалось, что и мадьярская революція усмирена, и единство монархіи Габсбурговь воестановлено.

Въ державномъ кромъкирскомъ сеймъ славянсние депутати заняли видное мъсто, стоя на сторонъ правительства. Славянские депутаты, отчасти и польские, продолжали домогаться устройства Австрии какъ федерации разноправныхъ народовъ; Палацкий предлагалъ, подобно хорвату Острожинскому, образование національныхъ территорій, пользующихся общирной автономіей и связанныхъ одной династией, дипломатией, армией. Но австрийские

526

¹) Въ октябръ 1848 года, хорвать Острожнискій издаль подробную програмну о новомъ устройствъ Австрія, на основанія идея народноств. Австрія должва раздъляться на десять національныхъ территорій, каждая съ своимъ правленіемъ и сеймомъ; въ Вёнѣ былъ би центральный сеймъ и общія министерства — иностранныхъ дёлъ, военное, финансовъ и торговля; и канцлери (министры территорій). Соединяющимъ звеномъ центральныхъ мёсть и территорій былъ би языкъ нёмецкій, какъ языкъ культурный и обще-распространенный.

иймцы, желая удержать за собой господство своего зненента, стремились въ централизація и дёйствовали въ такомъ смыслё и на сеймъ. По желанию славянской парти, принципъ національныхъ территорій долженъ былъ распространиться и на Венгрію, вогорую слёдовало раздёлить по этнографическимъ границамъ населяющитъ ее народовъ; чехи и мораване думали именно о болье тесной полнтической связи съ словавами. Менистерство Шварценбергъ-Стадіонъ сначала, во время надырскаго возстанія, нуждаясь въ славянахъ — н, можеть быть, двяствительно желая устронть новую Австрію на болбе прочныхъ осповахъ - раздёляло мысли славянскихъ, особенно чешскихъ федералистовъ. Министръ Стадіонъ, способный администраторъ и бившій губернаторь вь разныхъ славянсвихъ земляхъ Австрін, въ Приморьв (Тріеств), Галиців и Чехін, намвревался раздвлить всю Австрію на новыя «національныя провинція», поторыя, подобно французскимъ департаментамъ, были бы подчинены прямо центральнымъ властамъ въ Вёнё. Такъ порёшено въ концтв декабря въ министерскомъ совётё, который замётилъ, что •раздѣленіе народностей — единственное средство соединить интересы государства и народовъ»; министерство объщало себъ иногое оть тавого раздёленія именно въ Венгріи, которую надо разделить по главнымъ народнымъ группамъ; такимъ образомъ, будеть нанесень смертельный ударь мадьярнаму, и многіе до тёхь поръ забитые народы – напримъръ, словаки – со временемъ разо-въются въ своей силъ. Императоръ и министерство принимали разныя славянскія депутацін очень любезно; въ Оломуцъ были депутаців сербская, русская, словенская, представлявшія желанія своихъ народовъ объ учрежденія сербской войводины, о разділенія Галиців на двё половины, объ учрежденія особой Словакін. Всё они выслушали разныя любевности и обнадеживанія, что вхъ желанія будуть по-возножности исполнены, торжественныя увбренія, что всё народности Австріи внолні равноправны, и что миновало то время, когда одинъ народъ господствовалъ надъ другимъ; съ сербами императоръ разговаривалъ не только по-нъмеция, но даже и по-чешски, такъ что славянская взаниность какъ-бы подтверждалась самимъ монархомъ ¹). Всъ славанские народы, въ Австрии и въ Венгрии, надбялись на новую эру, въ которой они займуть принадлежащее имъ мёсто, надёя-

¹) Изв'єстно, что Габсбурги учатся, пром'ї разныхъ европейскихъ языковъ, тоже по-мадьярски и по-чешски. Посявдній язикъ былъ для нихъ въ XVI-иъ и въ начал'ї XVII-го стояблія такъ необходниъ, какъ теперь мадьярскій, и императоръ Максиинліанъ II-й говориль и съ полянами по-чешски.

лись и на славянскую партію державнаго сейна. Когда сербскими депутація возвращалась наь Оломуца, то со прив'ятствоваль вть Кромъжнов славянский влубь; за уженомъ, габ присутствовалъ тавже старый сербсейй внязь Милонть Обреновичъ, пилось за здоровье сербовъ и чеховъ, всёхъ славянскихъ народовъ — въ томъ числъ, и славянъ подъ турециямъ игомъ, и полявовъ, воодушевленныхъ славянскимъ духомъ; Палацкій пилъ за здоровье Милоша, а Милошъ — за вдоровье Палацкаго и Елачича, что принято съ троевратнымъ «ура»; пилось за здоровье сорбсинхъ патріарха Раячича и войводы Шупликца, Шафарика и пр. Раячниъ благодарнаъ поеже славянский влубъ за его участие въ интересахъ сербскаго народа и за дружелюбный пріемъ сербсвой депутація; сербамъ сопутствують эти «дорогіе представители славянскихъ народовъ» и «наша добрая мать, великая славная Славія, — этоть нашь неповолебный столпь, о воторый разбился убійственный врагь нашихъ временъ, который снасътронъ и единство Австрін, -- который, подъ защитой этой державы, укривниль политическое существование славянскихъ наро-IOBE ».

Когда ганави, славянскіе жители окрестностей Оломуца. и Кромбжира, представили адресь державному сейму, то имъ опять привётствовалъ славянскій клубь, не только чехи и моравяне, но и другіе славянскіе депутаты: словенець Черне, полякъ Козавевичъ, русскій Ломницкій, — всё на своихъ славанскихъ явыкахъ. Славане все надбялись на Австрію. «Принципъ цёлости Австрів, высказанный въ нашихъ газетахъ, въ нашемъ народноиъ воинтеть, на славянскоиъ събздь, остался съ самаго начала нынёшнихъ смуть нензиённымъ. Славяне Австріи не хотять исчезнуть въ русскомъ десполнямъ. Они хотять быть свободными австрійцами, и поэтому они любять эту Австрію и стоять за нее всею силою дуни, всею рашительностью воли; ибо симпатін народовъ основываются на ихъ великихъ интересахъ, на условіяхъ ихъ человёческаго и политическаго существованія, и всё эти интересы и условія находить австрійскій славянинъ соединенными въ австрійской имперія». Такъ разсуждали въ ноябрё и въ девабрё одинъ словенскій и одинъ моравскій патріоть, именно въ то время, когда за-границей М. Бавунинъ проповёдоваль необходимость разбить Австрію и создать федерацію всёхъ славянъ. Но въ то же самое время, когда славяне просто восхищались своей возлюбленной Австріей и нёмцы онасались, что сдёлаются «добычей славизма», что будуть служить «скансечкой для славянь», ---- въ то же самое время нокоторые

528

славинскіе натріоти смотр'яли треоз'я вокругь себя, не безь онасенія на будунее. «Славяне, берегитесь!» восклицали еще въ ноябрё хорвать Кукуленнуь и чехъ Гавличенъ. «Славяне, вании губернаторы и преведенты - всё почти нёмцы. У вась еще многіе убедные начальники и чниовники, которые при вась говорать въ пользу свободы, а за ваме — кують тяжелыя в вечныя цёни. У вась еще много совретарей и писарей, которымъ платире своями славянскими деньгами, и поторые, не зная вашего прекраснато языка, убнають вашь національный духь. Славяне, вы поворная изальянцевь и великую Вёну, вы вскорё истребите разбейничьи орды мадьярскихь азіатцевь, ---разві вы не въ состоянія защитить себя оть тіхъ, которые безь оружія сидять у вась на шей? Пусть будеть проклять всяній славянних, который въ преділахь своей земля приниметь приказанія оть другого, а не оть славянина, который принимаеть оть чиновниковь и самь представляеть другія бумаги, а не писанным по-славянски, -- который на сейнахъ в судахъ говорить на другомъ язывё, а не на славянскомъ!»

Но славяне не знали, что виз не поможеть и усмирение «надьярскихъ азіагцевъ!» Между тёмъ какъ они надёлянсь и трудилесь надъ переустройствомъ Австрін, тв «авіатцы» викинули опять одну взъ своихъ ловкихъ штукъ. Мадынры находинись въ полной революція, Кошуть приготовлялся въ отзаянной борьбе противъ покорителя Вены, — и воть въ Олонуце и въ главной ввартир' Виндиштреца появляются мадьярскіе магнаты-Сеченъ, Дежефи, Жеденьи, Ирменьи, Іошика, ybeda, uto one aductordati-Roncedbatodii, n Beckolbso ле ранилляють революціонных стремленій Кошута и другихъ деновратовь. Этинь мадьярскимь аристократамь удалось опутать яменно внязя Виндингреня — аристоврата до мозга костей. Уже въ началё полодя, нёсколько дней послё наденія Вёны и переаго сраменія императорскихь войскь сь мадьярами, когда Винанитрець увлаль только приготовления въ походу въ Венгрію, князь Фелинсь Шварценбергь (тогда еще не министрь) предостереталь Виндипитреца оть этихъ мадьярскихъ аристовратовъ, которые, «несмотря на то, что они — враги Коніута, эсе-таки въ сердні своенъ — истие надыры (Stock-Magyaren); надо шенремённо выслушать ніовольно благоровунных хорытовь, сербовь, славонцевь, словавовь, валаковь, семиградцевь, австрійцевь; относячельно будущаго устройства Венгрін вадо быть очень осторожнымъ; для вентерскихъ марнатовъ важно только то, чтобъ инэть вновь такую Венгрію, въ

который они бы могли существовать и госполствевать. Они навёрное не намёреваются воспользоваться удобнымь случаенть, чтобъ связать Венгрію тёснёе сь цёлой монархіей. Мадьяризить, навъ онъ свиренствовалъ съ 1825 г. по 1847 г., находится въ головахъ ихъ всёхъ. Венгрія должна быть иначе устроена, Ж это можеть состояться во благу цёлой монархія нынё или никогда. Для этого намъ нужно содъйстве развыхъ народностей; какинъ образомъ они тутъ должны учествовать, это скоро висснится. Министерство, именно Стадіонъ, предлагаетъ разбитіе Венгрів на «національныя провинців», поддержку забитыхъ до тёхъ поръ немадьярскихъ народностей, вообще такую радикальную, совершенно «неавстрійскую» мёру, что надо удявляться, отвуда у государственныхъ людей Австрін взалась вдругь такая неслыханная энергія. Предлагаемая мура, проводимая твердой, безпощадной рукой въ жизнь, новела бы дъйствительно въ полному ослаблению мадыярскаго алемента, но — повела бы и къ усилению славянскаю элемента во всей Австрин. Воть, канень претвновенія!

Понятно, что мадьярскіе магнаты сь ужасовь думали о возможности осуществленія такикъ плановь: вдругь этоть «не человёкъ словавъ» и не менёе презираемый «руснявъ» будуть господствовать въ своей древней родинъ между Карпатани и Дунаемъ, презрънные «валахи» — между Тисой и семиградскими Карнатами, и «дилю рацы» съ ненавистными хорватами — на всемъ южномъ пространстве венгерской короны! Это было нёчто ужасающее для гавную людей, какъ графъ Сечень или баронь Іошика, считавшихъ до твхъ поръ только однихъ себя «Hof-und Regierungsfähig». Но не нужно падать духомъ. Не даренъ Шварценбергъ в Вяндишгрецъ-князья, такіе же кровные арасто-враты, какъ и Эстэрхази, Батяни, Зичи, Дежефи; вов эти богатые венгерские аристократы, по своему воспитанию, положению, ваглядамь - стояли, консчно, ближе въ ченско-нёменкимъ наявлямъ и графамъ; всё эти рыцарскіе магнаты въ своихъ блестанняхъ доломанахъ, вонечно, представительние, чить скромные быдине «пасторы» Гурбанъ и Коларъ, или «не-унитевій архіенископъ» Раячнить въ своей рясё и въ своемъ влобуве. Оть тёхъ гордихъ потонковъ Арпада жевлъ правления должевъ перейти въ разнымъ славянскимъ «дротарямъ» и «свинарямъ»? Нѣтъ, это невозможно, этого «мадыярскій богь» никогде не допустить! И не допустиль. Не даремъ же фельдмаршалъ князь Винлишгрецъ разогналь «славянскій» съёздь, усмираль «славянское» воестаніе въ Прагъ, не даромъ его судья искали слёдовь «панславися-

530

снаго заговера» отъ Шумани до Карнатовъ, на всемъ простран-ствъ древняго меравскаго царства великато Святополка! И ротъ, этону внязю Вилдингрецу мадьарскіе марнаты стали нашептизать разныя мысли: словани — народець добродушный, съ которымъ можно легко справнъся; но если они останутся нодъ вліянісять такихъ агитаторовь, какъ Штуръ, Гурбань и другіє «лютеранскіе» пасторы, и будуть ими наставляться въ «конмунистическомъ» смыслё, то они могуть быть возбуждены из страничённых гнусностяма, и первыми ихъ жертвами сдёлаются «ном'ящики» ¹). Агенты «Славансвой Лины», подъ пред-лотомъ защищать династію противъ в'вроломныхъ мадьяръ, агитирують между словаками въ пользу великаго славянскаго государства отъ Шумавы до границъ Бувовины и Семиградія. Гене-ралъ Руссо составляеть, по приказанію князя Виндишгреца и на основанія оффиціальныхъ актовъ, особую записку объ управленіи внязенть Венгріей (съ декабра 1848 г. по апрёль 1849 г.), н пом'ящаеть въ ней особую главу «Пронски Словаковъ» (Slowa-kische Umtriebe): словаки желають образовать особое оть Венгрін не зависящее внажество словенское; Гурбанъ, Штуръ и Цахъ созвали въ липтовскомъ комитать (губернів) народное собраніе и выбрали здёсь депутацію, чтобъ это желаніе народа представить нинератору; чель Бреунерь должень быль быть выслань въ Вснгрію въ качестве главнаго уполномоченнаго коммиссара для словенскихъ комитатовъ: но Браунеръ — такъ говорится въ запискъ — преступникъ и демократъ (ein Criminal-Verbrecher und Demokrat par excellence), сидъвшій всявдствіе своего участія въ ноньскихъ праженихъ собитіяхъ въ тюрьмё, изъ воторой освобожденъ повелёніемъ мнинстра юстиція Баха. Словенскіе волонтеры совершали разные безпорядии и безобразія; Гурбанъ, Штуръ и Яноченъ — люди дравяние (schlechte Subjekte), отъ которыхъ Виндингрець желаеть поскорёс избазиться, и пр. Въ подобномъ синсяв говерится въ этомъ оффиціальномъ довументв о другихъ ділахъ, 0 «свойственномъ славянамъ лукавстві» и пр. Въ конці нарта 1849 года прикавано генералу Кемпену, въ Пресбургѣ, на-бандать за издаваемой д-ремъ Лихардомъ словенской газетой, чтобъ отделениемъ, въ которомъ трактуется объ нитересахъ всёхъ славань, не влоунотреблять для «илиславистскихъ чревифримхъ upurgaaniä» (zu panslawistischen Uebergriffen).

Виндишгрець не соглашался съ мыслью Стадіона на счеть раз-

1

³) Веспой 1848 г. эти сание "номбилин" менду следанами, котя мадаярони, разсчитивали на помощь императора Николая.

увления Венгрія на національныя провянція, указывая на то, чво народности слешкомъ перенёнани, такъ что строгое ихъ ограниченіе очень затруднительно ¹); особенно пострадаль бы оть этого разбросанный нёмецкій элементь. Программа мянистерства о разноправности всёхъ народностей возбудила надежды и опасения, а въ Венгрін самые преданные люди (мадьяры) напуганы угрожающимъ раздробленіемъ земли и притёсненіемъ племени и языка. Виндишгрецъ защищаетъ даже господство мадырснаго язнива въ Венгрін какъ оффиціальнаго; по его мивнію, національное мадьярское чувство, ограниченное надложащимъ образонъ, едва ли сдёлается въ Венгрін опаснымъ, и даже обравуетъ «сильний оплоть противъ славянскихъ чрезибрныхъ притязания» (einen mächtigen Damm gegen slawische Uebergriffe»). Виндиштрецъ вообще онасался этнографическаго элемента въ новой Австріи. Въ началъ января 1849 г., вогда австрійская армія только-что начала свои двяствія противъ мадьярской революцін, министръ Шварценберіъ пишеть Виндишгрецу, что отделение словенскихъ вожитатовъ (убздовь) оть мадьярскихъ представляеть ибвоторыя выгоды, но онъ уничтожаются опасностями, происходящими отъ такого раздвоенія, «такъ какъ въ новбялнее время мы онять получили предостерегающія довязательства о селаратистичеснихъ тенденціяхъ славянской партін». А Виндингрецъ, вполнъ соглашаясь съ министромъ, прибавляеть: «Я всегда считала славянский SAEMENING ORACHUMS .

Воть тайныя мысли руководящихь государственныхъ людей Австріи о славянахъ, высказываемыя еще въ то вреня, могда славянскіе полки воэстановляли единство монархіи Габсбурговъ, когда словенскіе волонтеры и сербы дрались съ мадьярами, когда тысячи хорватско-сербскихъ граничаръ покрывали побонща итальянскія, венгерскія, и около Вёны, когда всё славяне тольно и кричали въ одинъ голосъ о единой, великой Австрія! Можно себё вообравить, что должно было предстоять славянамъ со сторени такихъ правительственныхъ людей послё нодавленія мадьярокаго воестанія, когда эти защитники Австріи сдёлаются ненужными! Вёдь не даромъ князь Шварценбергъ сказалъ, что Австрія удивить міръ своей неблагодарностью.

Между тёмъ, славянские депутаты державнаго сейма все трудились надъ новой конституцией, которая однано выходила вовсе

¹) По оффиціальной этнографической карті Австріи (Чернига) видно, напротивь, что главния масси народовь, населяющихь Венгрію, распреділени говольно отрого; разбросаннихь эть нихъ инонграменнихь поселеній напьзя, коночно, принимать въ разсчеть.

не федералистской, а очень централистской; кром'й того, сейнъ не былъ ув'вренъ, будеть ли его проектъ принятъ; галицскій ноликъ Сислька, выбранный президентомъ сейна, голорилъ еще раньше, когда конституціонный комитеть сейна занимался проектани: «Къ чену все это усилю? развув вы думаете, что вонсти-тущія, какую би вы ни предложняя, будеть действительно принята и войдеть чь жизнь?» И не ошибся Смолька. Въ концё февраля 1849 г., Виндингрець перазиль мадаярское войско подъ Каполной и приближался из столиць Вентріи: казалось, все кончено, индыпрскан революція педавлена, и единство Австріи возстанов-лене. И воть — австрійское правительство сбрасиваеть, наконець, инску, разноняеть державный сеймъ, и октропруеть само свою конскитуцію, въ смисл'я вполн'я централистскомъ. Славане не ноличный почти имчего, крои равноправность; не осуществелись им проекть Отадіональную равноправность; не осуществелись им проекть Отадіона о національныхъ провинціяхъ, ни проекты Палациаго и Острожинскаго объ устройстве Австріи на основанін національныхъ группъ; болёе близкое соединеніе чеховъ, моравниъ и словаковъ, соединеніе словенцевъ въ одно цёлое, присоединение Военной Границы и Далмация въ Хорвати, -- все это осталось мечтой; позже учрежненная коронная земля сербская Вейводнна не удовлетворная сербовъ, такъ какъ къ ней присоединенъ тоже Банать, земля по большей части румынская, и справедливо замётиль Ранчичь, что это сдёлано только для того, чтобъ возбудить раздоръ и зависть между сербами и румынами, и что Войводина не была сербской, а скорбе землей, учрежден-ной дла пристройства чиновниковъ всёхъ народностей, но менъе всего сербской. Галиція, правда, рандълена на два округа; но это раздъление имъло значение администраливное, а не національное. Ошибнесь славяно, стренивниеся въ тому, чтобъ - вакъ провозглаными чешскіе депутаты разогнаннаго вромвжирскаго сейма-«создаль невую Алстрію на основе федерація въ видё союза; это государство не вазывалось бы на намецених, на славянсникъ, ни мадырскимъ, ни рунынскимъ, и представляло бы соноть свободныхь и разноправныхъ народовъ». Это ниъ не удалось,а все-таки они, скраня сердце, и впредь не могли не говорить объ Австран. Не дарокъ насибхался уже черезъ пъскольно дней носях вроихжерской ватастрофы одинь менистерский органь надь безныходнышть ноложениенть австрийскихъ славянь: «Еслибъ Австрия распались, то Прага не была бы столицей вороля, а изменкимъ мадатнымъ горадомъ, и Загребъ вричаяъ бы «живіо» династія Конуть. Вания свобода обесночения только въ единой велиной Ав-

стрія!» Но славяне не отчалвансь, липь бы сохранилась тольно «октропрва»! Пражская «Славянская Липа» усердно провозгланнана, славянскую взаниность, и ся органъ написалъ – наканунъ своей кончини (въ апрълъ) – следующія замъчательныя свова: «Ми, славяне, хотамъ быть соединенными. Какимъ образовть? Это пусть выяснится въ будущемъ. Какими путямв? Это пусть окредёлять обстоятельства. Но выскажемъ это волнебное свово: соединенное славянство! Пусть оно будеть нашимъ солицемъ, а наши вемли пусть будуть звёздами! Нанть великій ученый Шафаринъ сложилъ славянскія кости въ своемъ народописанія; буденъ стремиться къ тому, чтобъ славить ихъ воскрешеніе. Мы, славяние въ Австрія, призваны подготовлять это соединеніе; им нивначены къ освобожденію всего славянства. Мысль соединенія проникнеть и въ Россію, въ славянамъ въ Пруссіи и въ Турніи. Будущее и его судьба передъ нами закрыты; но положенные нами зародыши могуть насъ по крайней мъръ наполнять надеждей, что настанеть великое, блестящее будущее свободнаго свединенначены къ освобядение славянся о соединение нами

Между тёмъ, распущеніе державнаго сейма, октронрка и вообще ликованіе правительства были лишни и преждевременны. Капак Винднійгрець, засёвь въ Будинё и въ Пештё, ночиваль на своихъ дешевыхъ лаврахъ, прислушивался въ разнымъ «вёрнойодданническимъ» декламаціямъ мадьярскихъ магнатовъ, посылаль къ словакамъ мадьярскихъ комиссаровъ, тракчовалъ сербовъ чуть не какъ революціонеровъ. «Вотъ какъ съ нами обращаются», — восклицаетъ сербскій дрганъ «Напредакъ», «когда наши вонны стоять еще съ оружіемъ въ рукахъ, когда храбрий Кничавинъ съ своими богатырскими братьями находится еще посреда насъ. Что же. съ нами будетъ, когда это покровительсяво будетъ у насъ отнято?» Итакъ, Виндингрецъ и другіе австрійскіе генералы, кийсто того, чтоби воспользоваться славянами для окончательнаго ослабленія мадьяръ, улибалисъ мадьярскихъ магнатамъ и магнаткамъ, и видуминвали разный вадоръ о «лунавыхъ и онаснихъ» славянахъ, и слёдили, по примёру Конутъ ианславистовъ»: точно они пришли въ Венгрію усмярять сласянскую революцію! А между тёмъ, мадьярскіе генералы организовали свою арино въ восточной Венгрія, начали настунательную войну, и стали тёснить австрійсяно арино въ западнимъ границамъ. Нёвоторые изъ славянъ, вокнущенные образонъ дъйствій. австрійскаго правительства, стали даже снанативировать мадыярсвому дѣлу. Но бавгоразумные патріоты рёшительно

воославали протнох таких онносочных михний, и Гавличекь не нереставаль внушать своимъ землявамъ, что единстичнимъ пока убілкніненть австрійснихъ славних - одна тольно Австрія; ниаче, жь случав распадения Австрін, Чехія сдёлалась бы пронинціей Пруссін или Россін, или была бы, подобно Польний, разділена. «Раньше или посже», -- утётается чешскій публициоть, -- «Австрая должна сдёлаться соединенными славянскими землями. Славянсьое теритино и чествая наша деновратия, которая ни у кого ничего не отнимаеть, во остается сираведвивою во всемъ, должна, навонець, побёдить». Австрія, находясь на краю гибели, пресила помощи у Россін; императоръ Ниволай не отвазалъ, и Паспеннчъ двинулся черезъ Галицію въ Венгрію. Напрасно надьяры попробовали разънграть новую комедію, предлагая корону св. Стефана руссвому императору; то, что имъ удавалось съ австрійснимъ дворонъ, съ министрами и генералами, конечно, не могло разсчитивать на усибхъ въ Россін. 12-го августа 1849 г., подъ BEFATOMENT MALIFICERA ADVIS CIONELS ODVERIG DEDELT DUCCEMME. и Паспенича вав'ящаль своего государа: «Венгрія у ногъ ваннего BREN SOCTOR! >

Не станемъ распространяться объ этой русской интервенцін, отъ которой Европа, особенно всі німцы, были виз себя. Русское вызшательство, предиринатое непосредственно противъ революців и для спасенія погибающей Австрін, было и косвенной помощью для австрійскихъ славянь. Австрійскіе славяне, не исключая даже многихъ галициихъ полявовъ, привитствовали русское войско съ исвренией радостью. Воть что писаль тогда Гавличевъ въ своихъ «Народныхъ Новинахъ», самомъ важномъ органъ австрійскихъ славянъ, о «русскомъ войскъ въ Венгрія». «Со всёхь сторонь получаень самыя похвальныя извёстія о вёжлизонъ и любезнонъ поведение русскихъ вовновъ, особенно офицеровъ, во всему народу вообще, и ко всёмъ сочлеменникамъ въ Меравін и Галиція въ особенности. Эти извёстія приходить съ самыхъ различныхъ сторонъ отъ людей самыхъ различныхъ MEBHIE; 18, HO-LUXX5 S BEREATS DECIMO OLHOTO DOJICERO OMEгранта, кеторый нашеть объ этомъ справедляво въ такомъ же синслі. Я бы могь уже давно нанередь писать все это о руссвой армів, которую знаю данно, но лучное, когда самъ оныть говорить. Русскій солдать, какъ неяснорченный славяния, уже самь по соб'в любееный, услужлявый, чувстветельный и магный, и, вроий того, содержники въ строжайшей дисциплить, не новоляеть себя инкогда вести себя повеличельно и грубо отне-CERCELMO CROHX'S FRANKLAHCEREL'S COOTOTOCORDENENBOBS, H TA HOOMAR-

тая солдатчина, которую иное войско (им не хотимъ назвать ни-кого по вйсене) такъ любитъ показинать штатскимъ, у русскаго войска совсёмъ незамётна. Въ этомъ отношения многія войска могли бы себё взять прим'йръ съ русскихъ, при имени которыхъ весь міръ любить пожимать плечами. Мы упоминаемъ нына объ этихъ вещахъ тольво потоку, что замачаемъ многияъ людей, которымъ такія хорошія манеры рубскаго войска какъ бъльно на глазу. Они, какъ ожесточенные завистники всего славянсваго, можеть быть, желали, чтобъ русские вели себя кавими-нибудь дикими звёрями и такимъ образонъ оправдали илъ славянойдство. Эти люди, которые всегда любять причаться за каждой военной полой, которые не могуть снокойно спать нижче RARL BE OCALHOME HOLOMONIN, STH ME CANNE JICAN OUCHALCHLI тёмъ, что мы справедливы въ русскому войску и что его не по-носимъ. Вотъ еще, чтобъ мы ради иёсколькихъ людей, о кото-рыхъ мы давно убъкдены, что они хотёли бы все славансное утопить въ ложкъ воды, чтобъ мы ради этихъ людей умолчали о хорошних вачествахь войска славянскаго, и чтобь им сь этинь войскомъ нарочно не поддерживали хорошихъ и дружескихъ сношеній! Русскіе пришли въ Австрію по приказацію своего царя, и равнымъ образомъ, какъ нашъ цесярь не спрашивалъ насъ, долженъ ли онъ ихъ призвать, такъ и ихъ не спрани-валъ ихъ царь, хотатъ ли они идти. Что наши братья русские находятся еще подъ неограниченнымъ правительствомъ, въ этомъ мы не виноваты, и намъ не зачёмъ ихъ презирать. Если бы, наприя., въ прошломъ году какая-нибудь германская армія прибыла въ Чехію, чтобы насъ принудить въ выборамъ во Франкфурть, то мы навърное знаемъ, что ихъ бы торжественно привътствовали не мы, а вто-нибудь другой. А теперь, когда русские будуть доставлять нашень братьянь словакамь и югославянамь ихъ право, то мы ихъ за то навёрное не станенъ ругать». Чемскій публяцисть говорных такъ отъ имени огромнаго большинства австрийскихъ славянъ. А русскіе солдаты съ удивленіемъ увидали, что и въ нёметчинё жнвуть народы, словани, русскіе, «съ виду-то больно похожи на налихъ православныхъ», разсваямваеть солдать Петровь: «равговорь ихъ им бевь трудности понимать могли; ласковый народь да и смирный, къ тому же----извёстно, у ибмцевъ въ загонё». Увидали также русскіе солдаты, что огронное большинство австрійснихъ солдать не понниметь по-измеция. «То мий тольво чудно-сь», --- разовазываеть Петровь, «что вёдь между нини иного есть таких», что совсёмъ ни слона. по-нёмещки не понникотъ, примёрно, свозаки аль руспяки,

536

особливо послёдніе: вёдь это все-равно, что наша холлы. Ну, гдё же, сами, сударь, скажите, хохлу, Горобцу навому-вибудь, иёмецкую рёчь понять? Ну, а у нихъ воманда вся по-иёмецки, и вачальники нёмци. Бёда-говорять-съ кёмцемъ, ни якъ ёго не равумённо, чорти ёго бахьку!»

Посяз сдачи Гергея подъ Вилагонисть, послёдовали австрійскія высёлецы вь Арадё; качающіеся на няль труны мадаярснихъ революціонныхъ вождей, въ ихъ числё и трупъ Даняни-ча, — только слабая Немезида за повілшенныхъ мадырами славинскихъ натріотовъ! Онасенія и надежды австрійскихъ славанъ посяв усмиренія мадьярскаго возстанія выравнять, въ конці 1849 г., Гавличевъ слёдующемъ образовъ: «Мы слышныт и читаемъ въ вискихъ газетахъ, что въ Винъ решена судьба народовъ Венгрін. Что именно заключено, до сихъ поръ неизръстно; но мы предполагаемъ, что только Хорватія и сербская Войнодина сдёлались самостоятельными воронными землями, а словани и русскіе, несмотря на всё старанія, останутся несомибино соединены съ надъярами какъ одна коронная земля. Эта статья посвящается накъ надгробная надпись бъдному ребенку, какъ слеза неь братскихъ славянскихъ глазъ на бъдную уже въ своемъ распаденьи увядщую землю словенскую. Что же тобъ, ты, бъдный, исвоие угнетвеный смарный, голубиный родь славанской матери, помушало садиться за столъ между разными тебе коронными народами Австрія? Что-же сдёлало тебя недостойнымъ судьбы наленьной Буновины? Что же вытолинуло тебя, трехмилліонный народъ, взъ общества остальныхъ? Не требуйте отъ меня нолнаго отвіта на такой тажелый вопрось; старая привычка, вакь гово- . рять, тврань человёчества, и нерённиюсть-главный знакь нывъшняго правительства. Министерство съ одной стороны пренебрегаеть симпатіями кадьярь и велить, вопреки общему мейнію, казнить большое число ихъ вождей; съ другой стороны, бонтся утратить всв симнатін, и не хочеть расділить того, что не хочеть быть соединено: съ одной стороны, забываеть цёлость веп-герской короны и отрываеть Хорватію и Войводину; съ другой стороны, стёснается отдёлать землю словенскую и русскую, чтобы цёлость короны не пострадала. Съ одной стороны, оно привнаеть справедливыми требованія сербовь въ Войводинѣ, а съ другой --- по тэмъ же самымъ причинамъ не признаеть справедливость требования словаковь и русскихъ. Странное министерство! Развъ вы думаете, что этой уступкой пріобратете себа расноложеніе мадьярь? Мадьяры будуть упорными ванними врагами, еслибъ вы имъ и все та́мъ оставили, ка́къ это било до марта;

ноо должень бы изийниться весь порядовь и общчай въ міри, чтобъ побъжденный и наказанный не думаль о мщении побъдетелю! Ви этой уступной не пріобрівтете ни одного сердна мадьярскаго, а только усилите своего врам, и отверноте оть себя тысячн-тысячь сердець словаковь, которые ожваляе оть вась за свою вёрность лучшаго положенія, самостоятельности, а будуть обмануты въ своихъ, такъ долго лелвяннихъ надеждахъ. Уже первый взглядъ на карту и другой взглядъ на вонгерскую исторію новаваль бы, ножеть быть, всякому другому министер-ству путь въ полному нарализованію революціоннаго элемента мадьярснаго, и указагь бы на саностоятельность словенской земли, какъ на главную гарантію будущаго мира въ Венгрія. Но этого не будеть! Гдё же разумныя причины этого необыжновеннаго риненія? Мы не видинь никавой существенной причины, лишь, можеть быть, страхъ передь увеличенной силой славянства. Но здёсь не можемъ не привести шуточнаго сравненія. Одинь деревенскій парень боялся жениться, и вогда сму указывали на прим'връ отца, то онъ сказаль: что же - тятя, тотъ женнася на мамъ, - это другое дъло; но я долженъ жениться на совершенно чужой! Такимъ намъ кажется страхъ австрійснаю министерства передъ возрастающей силой славянства. Пра-вительство боятся именно того, за что оно должно бы благодарить Бога, какъ за особенное счастье. Что же будетъ душой налей возобновленной свободной Австріи? Что же будеть нынъ держать ващу Австрію, когда уже лопнули цёни абсолютизма, которыни она прежде была связана? Не что вное, вакъ панславизиз! Не будемъ пугаться этого слова: это не панславевыть отъ Камчатки до Адрія, оть Енисся до Черной горы, это не тоть Великань Веливановичь, а это панславизмъ меньшій, болёе веселый, не столько опасный, это нанславнамь юго-западный или средноевропейскій, братское соединеніе меньшихъ славянскихъ народовъ для защиты своей собственной народности и самостоятельности. Теперь Австрія должна плотно держаться, и держаться добровольно. Спрашиваемъ: что же вное ножеть поддерживать этодобровольное общее сожительство, если не совнание австрийскаго панславизма? Если эта тайна нынъ еще непонятна, то будущее тёмъ лучше подтвердить наши слова. Когда въ прошломъ году нтальянцы, мадьяры и нёмцы бросали расматанный и обрушающійся австрійскій домъ подобно мышамъ, бигущимъ изъ обрушивающагоса зданія, тогда сказали славяне, до тёхъ поръ толыю слуги и пасынки въ этомъ домъ: этотъ домъ еще довольно прочень, поддержимь и починимь себь его, и мы будемь вь немь

сперенойно жить! Измённически поступаль бы сь этимъ деномъ тотъ, вто безъ причним разгонялъ бы взъ него техъ, воторые добревольно хотить оставаться, и вто бы дълалъ пребывание въ номъ до такой столени несноснымъ, что недовольные винуждени были бы оввраться на другія жилища. А такое огромное опасное жилище находится точно въ сосёдствё и само, такъ-скиевть, представняется глазамъ недовольныхъ! Кто не желесть налаго пансланизна, тоть пусть старается, чтобъ на себя не наклиналь большого. И ито же можеть похвастаться, что онь заглянуль въ темную будущность судьбы? Въ самонъ-деле, если сообразить ней действія нашего министерства, то намъ кажотся, будто оно не унветь дорожить твиъ, что важдый хорошій росударственный человъкъ долженъ признать самой важной основой Австріи: таково именно австрійское славянство, которое стремится въ самостоятельности, и, смотря по обстоятельствамъ, не видить для себя нигдъ бблыней гаранти, чёмъ именно въ Австріи. Могущество снавлиства, стало быть, Австріи не опасно, а полезно, оно не грознить, а даеть надежду на большую силу и прочность. Дай Богъ, чтобъ это, наконецъ, узнали тё, воторымъ ввёренъ государственный ворабль въ опасномъ плаванія!.

Ничего подобнаго не случилось. Единственный австрійскій министръ, который понялъ всю важность славянскаго элемента для Австрін, графъ Стадіонъ, — не даромъ же поляки прозвали его «нвобрётателенъ руссвихъ» — уже черезъ два мёснца нося октрои-рованія конституція вышелъ въ отставку, и въ скоронъ времени сошель съума, а другіе его товарищи и вообще государственные люди Австрів не вожелали нати по его слёдамъ. Австрія, спасенная славинами, русскими и австрійскими войсками, стала онять сильной державой: пора сбросить личину и начать удивлять міръ неблаго-дарностью. Сказано — сділано. Не очень были дальновидни тё государственные люди вовобновленной Австріи, которые сочли славянь, нонституцію, равноправность народовъ н пр. лишнимъ балластомъ. Славянамъ сказали: мавръ сдёлалъ свое дёло, онъ можетъ идти, и довольствоваться нёвоторыми врохами съ богатаго вёнскаго стола; октроированная конституція кроміжирская была просто шутка, воторая никогда не вошла въ жизнь, и скоро была отмѣнена и фор-мальнымъ способомъ; наконецъ, черезъ нѣсколько гѣтъ «родная Австрія» пожазала когти и своей сиасительницѣ, тоже славянской Россіи. Въ Австріи водворенъ строгій абсолютизмъ, централнамъ и германизиъ: вибсто бившей нёмецко-мадьярской державы стала «нёмецкая» имперія, опираясь не на свои народы, а на армію в бюровратію; всякія національныя стремле-

нія, исключая нёмецкаго, были строго запрещены и преслёдуемы; не-ивиецкie народы сдвлались «равноправными» съ своими нёмецьныя согражданами только относительно государственныхъ повненностой, но не относительно своей національности; а вір-ные славяне пострадали даже больше, чёмъ воеставніе мадьяры. Для поднятія славянской національности — а многіе славянскіе народы, напримёръ, словави, русскіе, словенцы, нуждались туть въ помощи со стороны самого государства — сдёлано очень мало или ничего. Руководящіе люди Австрія забыли, что многія теперь забитыя славянскія племена, поддерживаемыя нравительствомъ, развившись въ народы съ полнымъ сезнаніемъ, моган одблаться впредь вадежной опорой правительства противъ центробъжныхъ стремленій другихъ народовъ; правители новой Австріи забыли, что эти забитыя массы, оставленныя въ матеріальной и духовной зависемости отъ разныхъ враждебныхъ имъ и правительству элементовь, могуть и усилить эти вослёдніе элементы, какъ это и было во время мадьярскаго возстанія, гдъ тисячи венгерскихъ славянъ сражались въ рядахъ мадьярскихъ; въ ихъ числё были, напримёръ, храбрые словенские волонтеры «красния шапки», и когда однажды релегать Дамяннуъ говориль ниъ что-то по-мадьярски, то они потребовали, чтобъ онъ имъ это сказаль по-словенски. Это смёлино и грустно, тёмь болёс, что подобныя сцены въ рядахъ вооруженной силы Австро-Венгрія нонадаются на каждомъ шагу, ностоянно напоменая трогательныя слова юрославянскаго патріота: «Славане! вы слуги народовъ, стражи парствъ, чужіе вонны! где ваши знамена?» Все это австрійскіе государственные люди забыли, а можеть быть, и не забыли, вто вкъ знаетъ: ослабление и унижение ненависинато славянскаго элемента могло входить и въ ихъ политические равсчеты; всё они словно сговорились, чтобъ «travailler pour le roi de Prusse», все-равно, сознательно ли или безсознательно. Какъ бы то ни было, эта враждебная славянамъ политика принесла уже чересь нёсволько лёть свои плоды.

Не долго продержалась сильная, саходержавная нёмецкая Австрія. Послё несчастной нтальянской войны 1859 г. стазо необходнимиъ обратиться вновь къ «народамъ» имперія и начать тамъ, гдё остановились десять лёть тому назадъ. Но начали опять съ той же самой ненависти протикъ славянъ. Славяне возобновили свои требованія: чехи требовали уже не національной территоріи, а возвратились къ первоначальной своей программъ,

требуя признанія «историческаго права» ихъ пороны, т.«е. чеш-скако государства; поляни требовали общирной автономія для скато государства; поляни требовали общирной автономія для Галянція, но галицкіе русскіе, не дов'ряя полякамъ, настанвали на полной равноправности своей народности и держались В'вни; вентерскіе словаки и русскіе требовали образованія особыхъ на-ціональныхъ территорій; хорваты — осуществленія Тріединаго по-ролевства, т.-е. ирисоединенія Возниой Границы и Далмація; серби—настоящей сербской Войводины; сповенцы — соединенія всёхъ словенскихъ вемель въ одну Словенію. Мадьяры также заявили свои требованія, т.-е. требовали полнаго возстановленія своего государственнаго права. Требовали полнаго возстановленія своего государственнаго права. Требованія мадьяръ были настойчивы, и принали, во время другой иссчастной войны съ Пруссіей 1866 г., даже угроятающій видъ. Австрійское правительство, вёрное своинъ антипатіянъ противъ славянъ, не дало посл'яднимъ ничего, п если оно въ Венгріи и д'ялало повытки воспользоваться опять славянами и руминами противъ мадьяръ, то эти попытки били слабы и нербнивтельны, а вдобавонъ явились поядно: мадьяры слаом и нерънительны, а вдооавонъ явились поядно: мадьяры воспользованись послёднимъ десятилётіемъ, окрёпли, собрались съ силами и забрали онять всю Венгрію и Семиградію въ свои руки. Мадьяры, навовецъ, взяли свое: они добились цёлости короны св. Стефана, полнаго возстановления своето государства и своей конституців; словаки, русскіе, сербы и румины не по-лучили ровно ничего; Семиградія, Войводина и Банатъ вошли въ составъ новей Венгріи, хорваты сохранили свою автономію, но не добились ни Воевной Греницы, ни Далмаціи. Мадьяры но не доонных ни посяной гранци, на далжани. надара осуществили свою политическую программу, которой они добива-лись мирнымъ путемъ въ течения первой половины нашего въка, а подъ конецъ и вооруженной рукой; императоръ Францъ Іосифъ, усмиривний мадьярское возстаніе, долженъ былъ, черезъ 18 лётъ усмиривній мадьярское возстаніе, долженъ былъ, черезъ 18 лёть послё того, примириться съ мадьярами, короноваться королемъ венгерскимъ, и позвать въ свой совёть бывшихъ мадьярскихъ «революціонеровъ», въ томъ числё и графа Андраши, нынёшияго кормчаго на кораблё «Австро-Венгрія». Изъ австрійскихъ славянъ одни только поляки достигли, по извёстнымъ причинамъ, осу-ществленія своихъ желаній, т.-е. полнаго господства и хозяйни-чанья въ Галиціи, и часть хорватовъ нолучила авгономію; осталь-ные славяне не добились ничего или почти ничего, кромѣ об-щихъ основныхъ конституціонныхъ правъ. Все это и входило, въроятно, въ политическіе разсчеты австрійскихъ государствен-ныхъ людей; не наше дѣло разбирать, были ли такіе равсчети— особенно послѣ вытѣсненія Австріи изъ Италіи и Германіи — върны, и соотвѣтствовали ли они интересамъ монархіи и линавёрны, и соотвётствовали ли они интересамъ монархіи и дина-

Токъ II.-Апгаль, 1879.

стін. Какъ бы то на было, собитія послёднихъ трехъ лётъ на Балканскомъ полуостровъ и ихъ громкіе отголоски въ Авсяро-Венгрін должны бы-такъ, по крайней м'брй, кажется намъ навести династию Габсбурговъ и ихъ советниковъ на разния серьёзныя размышленія, и напомнить нить, между прочнить, слова Гавличка о «маломъ, австрійскомъ пансламемъ» 1). Славянскій элементь вовсе не такъ начтоженъ, какъ себе еще недавно воображали нёмецвіе и мадьярскіе гегемоны въ Вёнё и Пешть, въ своей племенной в сословной спёси, чтобъ межно было виз пренебрегать и третировать его по прежнему en canaille, Теперь екропейская половина восточнаго вопроса почти уже ранена, не въ польну османовь, а въ пользу христіансьнать народовь, пренмущественню снавянь; на границё Австро-Венгрін образовались три малыхъ, но самостоятельныхъ славянскихъ внажества и одно румынское. Въ рукахъ Габсбурговъ лежитъ теперь развазна важнаго для нихь вопроса: должень ли «восточный вопрось» переселиться съ береговъ нажняго Дуная на средній Дунай, гдъ живеть носем-шей части не пользующихся равноправностью, - въ томъ числъ песть милліоновъ славянъ и цочти три милліона румынъ въ Венгрія, управляеной тоже плененскъ надыръ. Важность славянскаго элемента для Австрія обнаружится, въроятно, уже въ скоромъ времени: не навсегда же захотять славяне оставалься «слугами народовъ и стражами царствъ». Отъ самой Австріи зависить подтверждение или опровержение словь фельдмаршала князя Виндишгреца, сказанныхъ имъ за тридцать лёть: «я всегда счаталь свалянскій элементь опаснымь».

L. Парвольеъ.

1

¹) Въ статъй "Мадьярн и восточный вопросъ" ("Вістникъ Евроны", 1877. октябрь), ми высказали мийніе, что Австро-Венгрія, несиотра на всё свои отпренаванія, пожеметь пріобріженій на Балкавокомъ полуострові. Текущія собятія подтверждають наше предположеніе: Австро-Венгрія находится изъ-за Босніи и Герцеговини въ настолщей сойнь сз Турціей, но уже не какъ союзница славянства: Россія, Румьнін, Сербін и Черной-Горн, а одна, впрочемъ, какъ уполномоченная полиція "Европи" противъ славянства. "Nous étions venus pour оссирет la Bosnie, et c'était la Bosnie qui nous оссире"-сказаль, говорять, одних австрійскій генорать. Эта "оквупаціа" будеть, кажется, очень долговременна.

молодые побъги

ПОВВСТЬ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ *).

I.

Въ селъ, гдъ Василій Явиничъ быль учителенъ шволы, собирался волостной сходъ. Мужики, въ ожиданіи, пока волостной пісарь «управнися съ ділами» и вливнеть ихъ на-верхъ, въ правленіе, наполняли сборную избу, толнились у врыльца, на самонъ крыльнуй и въ корридоръ, раздълявшемъ нижній этажъ волостного дома. Василій Явимычь получиль уже овончательный разсчеть, расплатился съ долгами, попрощался съ дётьми и наизревался сегодня же отправиться на фабриву, такъ какъ ему било объявлено, что на слёдующій день квартиру его долженъ занять новый учитель. Несмотря на то, что онъ оставлялъ свое изсто съ надеждою и почти увъренностью получить лучшее, Васний Яваничь быль въ недовольномъ, жолчномъ расположения луха. Разставаные со школой, въ которой онъ училъ около трехъ лёть, съ мёстомъ и людьми, въ которымъ успёль привыкнуть, само-по-себъ грустное, дало ему много тажелыхъ впечатлёній, во иногомъ разочаровало его. Ему казалось, что онъ отдавалъ школьному дёлу всю свою душу, все свое сердце; онъ быль увбрень, что трудь его, вакъ учителя, приносить пользу не только дътямъ, воторыхъ онъ училъ, но и всему обществу, что онъ имъетъ значеніе общественной двятельности, и потому ожидаль большаго

*) См. выше: марть, 108 стр.

въ себѣ сочувствія, — по врайней мъръ, хоть со стороны тъжъ врестьянъ, дъти которыхъ были у него учениками; но ни одинъ отець, ни одна мать, не пришли проститься съ нимъ, сказатъ ему «спасибо», пожелать счастья въ будущемъ. Три дня назадть, всё ученики его уже знали, что онъ уходить отъ нихъ: слёдовательно, должны были знать и родители, но нивто не счелть нужнымъ придти въ нему и выразить сожалёніе, что швола лишается такого учителя. Дёти, правда, показали ему и любовь, и привязанность, но выразния ихъ, какъ и слёдовало ожидать, по-дътски: кричали въ одниъ голосъ, что жалвють его, что имъ другого не надо, лёзли въ нему всей толпой, но туть же подняли драку и толкотню, шумъ и хохоть, а на другой день больше половины школьниковъ вовсе не явилось, пришедшіе же собрались, очевидно, не для ученья и учителя, а потому, что дома дёлать нечего, — а въ школё, кучей, веселёе баловаться: нивто даже и внижевъ не принесъ съ собой, - всв были увърены, что отставной учитель учить не будеть: что ему ва не-BOJS!...

Василій Якимычъ, приготовляясь нанять подводу до фабрики, заглянулъ въ свой кошелекъ и нашелъ въ немъ только два рубля да нёсколько мелочи—вотъ всё денежныя средства, съ которыми отпускала его школа послё трехлётнихъ трудовъ, а прочій скарбъ его заключался въ двухъ узлахъ да маленькомъ мёдномъ самоварѣ.

«И одиновъ, и бъденъ, и никому не нуженъ!...» мрачно думалъ Василій Якимычъ, шагая, въ послёднюю ночь, по шконьной комнать.

Напрасно прождавши заявленія съ чьей-нибудь стороны сожалёнія и сочувствія въ себё, онъ сначала хотёлъ-было уёхать изъ села ни съ вёмъ не простившись, но собиравшійся сходъ измёнилъ его намёреніе: онъ почувствовалъ потребность высказаться... услышать, что будетъ говорить ему міръ.

Онъ вышелъ въ сборную. Она была полна народонъ: мужики сидёли по скамьямъ и на полу, стояли и среди изби. Иные сидёли понуро, опустя голову, — другіе, казалось, дремали; большинство громко, даже съ крикомъ, разговаривало; слышались ругательства; въ воедухё стояло густое облако табачнаго дыма.

Замѣтившіе появленіе Василія Якимича прекратили разговоръ и вопросительно смотрѣли на него, ожидая, что онъ скажетъ, но ничего не спрашивая.

- Я въ вамъ, господа міряне... - сказалъ Василій Яви-

мыть.-Пришель нопроняться съ вами, поблагодарить за хлёбъ, 38 COHL ...

- Отъбяжаень, значить, вовсе отъ насъ?-спроснять вто-то. - Кто такой это, паре?..-спроснять другой.

— Не вёдань развё? — учитель нанкь... — сказали ему. — Да, отъёзнаю совсёмъ, — отвёчаль Василій Якимичь. — Три года прожнах въ вашей волости учителенъ, -- человъкъ, чай, триднать ребять ванных внолих граноть обучных: и читать, и нисать унбють, и въ арнометикъ, счигать то-есть, порядномъ маракують... Обучнать бы и больше, и еще чему-нибудь, кабы не брали раньше изъ шволы, давали бы ребатамъ подольше учиться... Кажется, старался: авось, хоть не вы, такъ дёти вани добремъ помянуть...

- Ты старался!.. Нечего сказать: старание твое было больнос... Робята на тебя не жаловались... Одобряють тебя!.. Что же, им ничего... Мы тобой довольны!..-ваговорили мужние съ разныхъ сторонъ.

- Воть тельно, если бы, парень, ты, на врылосу чтобы, въ цернови п'вли, обучиль... Ахъ, чудеоно бы!.. Воть этого въ теб'в ныть...-говораль муживь, большей любитель церковнаго благоan nis.

- Ну, ужъ чего нёть, - на томъ не вышате, а что могь, умбать и зналь, - такъ учелъ всему, старался, важется...

- Да мы начего... Мы что же?.. Мы тебя не рекаемся... Жазн себь... Ты на что же убяжать-то хочешь?.. Куда?.. Сь чего прощаенься-то?.. Можеть, гдв, въ другомъ мъстъ складние теби будеть, на-счеть жалованья, али харчей?... Какое положеные то тебе у нась оть волости шло?..

- Пятнадцать рублей в получаль...

- Ну, вотъ спращинаетъ, ровно не знаетъ... О запрошломъ году сму два рубля наккнули: пережъ дебнадцать получалъ...

- Ну, да, пятнадцать!.. Такъ что же, парень?.. Тебъ положение навы есть... слёдующее... Пятнадцать рублей на мёсяцы... Что-жъ?.. Жить можно... Чего тебв еще?.. Ну, а послужить обцеству... опосля не оставных, -- може, еще праканенъ рубльто навой, али два... А. ты постарайся, послужи...

- Да я совобыть не изъ-ва того ухожу, что жалованыя мало... Празда, что нежного, - ве разгуляенься на нятнадцать рублей, на своихъ харчахъ... да мей немного и нужно... Я, братцы, не для жалованыя у несь лиль и дётой ванных училь... Црибавка просыть у вась а не думаль, и въ проньломъ году вы май прибавили не но моей просьбй, а самъ волостной старитина.

оть себя предложных вамъ увеличнъ ное жалованье... Я не объэтомъ хлопоталъ, а мнё хотёлось пользу сдёлать и вашниъ дётямъ, и вамъ: я вхъ училъ не только одной грамотё, а старался, чтобы изъ нихъ вышли люди честные, трудолюбные, чтобы онн уважали свое мужицкое званіе, понимали бы, что они не только люди-такіе же, какъ и всё другіе, --но что въ мужние вся сила... что на немъ все держится... что если всё мужние будутъ грамотные, а при этомъ честны и трудолюбны, да увнають свои права, тогда... никто ихъ не обидитъ, не будотъ ни бъдности, ни пьянства,... ии того униженія... тогда все измѣнится, настанетъ другая жизнь, придуть другіе, хорошіе порядки...

- Ну, брать, ты это точно что...- перебиль Василія Якимыча среднихъ лёть, бахвалистый мужикъ:--она, грамота, знамо въ пользу, кому если она далась... Говорить вечего: польвительна... А только-что на одной грамотв, безъ капитала, далеко не увдещь... Вотъ если капиталъ имбень, да грамотный человёкъ, -- воть оно тогда точно что... А нищаго съ сумой хоть какой грамотв обучи... пущай кошь всё ввёзды на небё сосчитаеть, а все онъ нищимъ пойдеть съ сумой... Вотъ богатому человёку, -- тому грамота прибавляеть, а бёдный что съ ней подёлаеть?--такъ она, ни въ чему... одно званіе, что грамотный.... Вотъ ты и грамотный, и ученый, -- да что толку-то? велики ли капиталы-то наживаень?..

Ореди мужниовъ послышался сдержанный смёхъ, тотчасъ же, впрочемъ, заглушенный и остановленный неяснымъ, отрывистимъ ропотомъ: нашлись разсудительные люди, осуждавше этотъ неумъстный смёхъ, не согласные съ доводами оратора-мужния, завитересовавшеся словами Василія Якимыча.

— Нѣть, ты это не дѣло, Прокофій Иванычъ, — говорили эти послёдніе: — ты его не сминай... Ожь, учитель, свою линію гонить, онъ въ добру говорить... из нашему, вначать... благополучію... Ты помодчи, Прокофій Иванычъ, ты опосля... а ты говори... говори знай свое, не взирай!.. — уб'яздали они Василіи Якимнича.

- Да мий говорять-то, братцы, больше нечего... Воть развё ему только въ отвёть свазать: отгого ты, нечтенный, грамоту считаещь нужною для однихъ богатыхъ людей, что сами вы люди темине, ничего не знаете; привикли, что богатие васъ въ рукахъ держать, распоряжаются вами, йздать на васъ, какъ на скогахъ; привикли думать, что только и есть одна благодать на свътё--богатство, деньги... и что грамота, дескать, тольно на то и вужна, чтобы въ деньгамъ деньги наживать... въ счетё не

очинонться, не просчитать самону, и не дать себя обсчитать другому!. Воть ти на меня указаль, а другіе, умники нашлись, и насивансь назъ твиз, что я гранотенъ и ученъ-да бъдень... А я воть зебі что про себя скажу: правда, я бідень, -- бідніве, можеть, вась эсёхъ, --а вланяться богатому не стану, командовать ему надъ себой не позволю, а коли онъ еще богать да продлець, такъ я ему это прано въ глаза скажу... И какъ жеветь богатый - ине дела иеть, хоть онь пропади совоень-для меня все равно, а вотъ вы-бъдняни, нище, сърые мужнин, а я вамь служнать и желаль добра, и опять служить буду, - не вамъ, такъ другних, такинъ же, какъ вы... И не стидно мий несволько не беднимъ бить, на служить вамъ, а богатому служить я не хочу, за низость для себя считаю... А ты бы скорбе къ богатому пошелъ служить, чёмъ бёдному, - а отчего такъ? какъ ти думаень?.. Отгого, другъ, что я грамотний, а ты человыть темный... Ну-ка, посмотри: какъ вы живете?.. другъ противъ друга, -- все вроень... вакъ бы одному отъ другого пожевиться, одному другого надуть!.. какъ бы только тебъ корошо было, а на другого наплеваты. А коли вто чуть сталь богатёть между вами, такъ сейчасъ и норовить всёмъ ужъ остальнымъ на шею сёсть, да покрёнче всёхь въ руви забрать, міройдонь дівлается, - сосеть ная бізныхъ-то людей въ одно свое брюхо?.. Что?.. Неправда, что ля?

--- Нізті, празда!.. это празда!.. Это такъ точно!.. Истинную онъ говоритъ!..-послышались вругомъ голоса.--Мы ужъ промень себя что? какъ живемъ? надо правду говорить: какъ бы какъ одинъ подъ другого!.. а не то, что по-божески бы, подушевно: въ одну руку тянутъ, за-одно!.. Нівтъ, этого нівть промежъ насъ!.

--- А все отного, что темные вы люди; а будь-ка вы граметны, такъ узвали бы, что надо не врозь нати, а помогать другъ другу, стоять за-одно, что каждаго изъ васъ легко вы руки веять, а всёхъ-то вмёстё по-мудренёе, что за-одно вы иного бы больше и сработали и денегъ выручели, узнали би, что не въ деньгахъ сила, а въ вашемъ трудё, что обнжають, притёсняють васъ, потому тольно, что вы ни правъ своихъ, ни свли своей не знаете... Да мало ли би вы что узнали!..

--- А, вёдь, это онъ все въ дёлу говорать, ребята... -- заийталь одинь.

--- И по инсанию: вань въ писания!...

---- Знамо, по писанию... Вонъ онъ и по новымъ внижвамъ, по гражданскимъ, учитъ, а все оно... въ одному, значитъ понорачиваетъ...

- Ты на что же оть нась уходить-то лонешь?.. Мы тобой довольны остаемся... Обеды оть нась ты, важись, тоже не видалъ?.. Прибавки ты не вресниь... Съ чего же ты эте?..

- Да я ухожу, братцы, не по доброй воду: меня выгнали... - Кто тебя выгналь?.. Что ты?.. Сдынь: им инчего... Желаемъ тебя... Остаемся довольны... Ты для нашихъ робять старателенъ... Что же?.. Ты воть ихъ и обучаеть въ грамоту, и для насъ желателенъ... Намъ не надо другого...

- Ну вотъ, спаснбо вамъ, господа міряне: мнѣ больше ничего и не нужно, чтобы вы меня добромъ поменуля, да не велёли вашимъ ребятишвамъ забывать того, чему я ихъ училъ... А выгнали меня за то, что я будто бы порчу валихъ дътей, учу ихъ не двлу...

- Да кто, кто выгналъ-то?.. Неужто Осдоть Семеничь?

- Ноть, нъть... Мое начальство... школьное... Видно, ктонибудь порадёль... обнесли меня передь начальствомь... Другого на мое мёсто назначнин: отпа Матебя свояка... а мий велёно вонъ убновться...

- То-то, я-братцы, слышаль оть писара: на учителя, чу, надбавка будеть на тоть годь... въ жалованье... Воть оно что значить!..-сообщиль одинь изь врестьянь.

- А мы не согласны... Вотъ!.. Мы для своихъ робять тебя желаемъ!.. Давай, господа міряне, приговоръ о немъ сдёлаемъ...

- Приговоръ!.. Приговоръ и нужно!.. Безпрембино!.. - загадибла тодиа. Пойдемъ въ инсарю... Ведемъ писать... Онъ вонъ и прибавки не хочеть: на томъ остается доволенъ... А тотъ съ чего это еще надбавку просять?.. Незнаемый человёкъ... а надбавку... Мало что отца Матвбя своякъ... А мы, не желаемъ!.. Плевать!.. Приговоръ... приговоръ!.. Пойдемъ приговоръ писать!..

Толпа шарахнулась-было въ дверямъ, но ее остановиль ножилой мужлеть.

- Погодите-ка... Слышь: начальство его смению... чего-жъ ти съ приговоромъ-то полёзениь?.. Чумище!.. Развё можно.... ноли ежели начальство...

- Начальство!.. Такъ что начальство?.. А им желательны его, по тому начальству не правильно про него... Видь, деньги-то мы ему влатных за своихъ робять... Ну, значеть, в желаемъ...

- Да чудные... Деньги, знамо, мы платемъ... И за все платимъ... Да развѣ можно супротивь начальства?.. Теперь бы исправникь сотеваго сивиказ, али ближе сказать, носредникъ старосту съ ивста осадиль, а ты бы на своемъ стоять, да приговорь писать: не желаю другого, этого желаю... Ето же это

васъ слушать-то станеть?.. Плши, пожалуй... Ты приговоръ напиниень, а тобъ другого посадять: воть только и будеть!.. Да писарь и писать-то не станеть и Федоть Семенычъ не валить... Бунтоваться, что ли, пойдете изъ-за учителя-то?.. чумные, право, ну!..

- А что, вёдь, и дёло, ребата... Супротнов начальства навъ же теперь?..

--- А что такое... Какое такое начальство? мы не знаемъ... Ничего не будетъ...

--- Переберуть всёхъ: воть только и будеть!.. Тогда и начальство тебё покажуть: узнаешь какое!.. Полно, ребата, и не затёвай пустяковь...

— Да и не цужно, братци, — сказалъ Василій Якимычъ, совсёмъ безполезно... Очень вамъ благодаренъ за ваше наиѣреніе, только все равно: я не останусь у васъ... Да миѣ и не пезволятъ остаться, хотя бы вы и приговоръ составили... Прощайте, господа міряне... Спасибо вамъ на добромъ словѣ...

— Прощай, брать... Ну, что дёлать-то?.. Начальство, такъ ужъ ничего не подёлаешь!.. Какъ же ты теперь?.. Куда?..

---- Да авось, Богъ милостивъ, не пропаду... Найду себъ вусовъ хлъба...

— Да знамо... только теперь ужъ тебъ нужно въ дальнія мъста вакія, коли начальство супротивь тебя...

- Куда ужъ судьба приведетъ... не внаю... Прощайте...

Васнлій Якимычъ вышель въ свин и вся толна изъ сборной послёдовала за нимъ. Въ это время въ врыльцу волостного дома нодъёхалъ Осдоть Семенычъ. Увидя въ сёняхъ учителя, онъ подобвалъ его въ себё.

-- Еще не убхаль...-сказаль онь, подавая руку.-А я ужь боялся: не застану тебя...

--- Совойнъ ужъ собрался и йлать бы надо... -- отвёчалъ Проскуровъ, да вотъ только подводчика своего жду... Послё скода поёдемъ...

— А мы, Федоть Семенычь, желетельны его при себя оставить!.. выступнать изъ толцы однать мужнить. — Не надо бы его отпущать-то, потому онъ для насъ и для робять нашихъ. больно согласенъ...

— Мы приговоръ желаемъ на-счетъ его... Приговоръ, что желательни... саговорили въ толий имскольно голосовъ. — Желательны, чтобы безпремённо его... А больше инвого... Потому онъ для насъ въ польку... Почто обижать человёна?.. Онъ старателенъ для насъ... И отъ насъ доволенъ... Вотъ!.. А прибавки

на учителя мы не желаемъ... Почто еще прибавку?.. И бесътого не въ сносъ!.. Приговоръ желаемъ, Осдотъ Семенниъ!.. Вотъ!..

— Да я бы самъ, ребята, хотвлъ, чтобы онъ остался у насъ, — отвѣчалъ старшина. — Онъ парень тихой, не пьющій, а ужъ накъ для ребятъ-то старался, самъ я видѣлъ: здѣсь учвлище-то у меня на глазахъ... Да какъ же его оставишь, коли начальство не желаетъ?.. Начальство для тото поставлено: оно лучше знаетъ...

- А мы попросимъ за него... Похлопочемъ...

— Я ужъ благодарилъ мірянъ... — сказалъ Проскуровъ, н толковалъ инъ, что мнё нельзя остаться здёсь ни въ каконъ случав...

-- Ну, воть слышите... Что же делать... Жалко его, да делать-то нечего...

--- Ну, такъ ужъ и прибавлять же другому учителю мы не согласны... Не вёдомо какой еще будеть, а ужъ ничего не види прибавку просить...

-- Объ этомъ им воть на сходъ потелкуемъ, братцы, не здёсь... -- возразнять Секеннчъ. Пойдемъ-ка, я зайду къ тебѣ на минутку, Василій Якимычъ, -- обратился онъ въ Проскурову: -- попрощаться съ тобой порядкомъ, да потолковать...

- Пойденъ, Өедотъ Семенычъ... Оченъ радъ...

— А вы, ребята, собирайтесь на верхъ, въ правление: я тотчасъ приду...

Проскуровъ и старшина вошли въ училище, а толпа шарахнулась на лёстницу.

--- Ну, какъ же ти, куда теперь, Василій Якинычъ? -- спросилъ Федоть Семенычъ, когда они усблись въ коморкъ учителя.

--- Гдё-нибудь да надо иссать дела...-уклончиво отвёчаль Проскуровъ.

--- Обидѣли, брать, тебя... Понапрасну обидѣли... Ну, что дѣлать!.. Перво и хотѣлъ тебя въ волостные писаря звать, да раздумался: и самъ-то я скоро изъ старшинъ уйду, да и, Богъ знаеть, посреднику ты потрафинь-ли... Онять же и исправникъ, и становой: все начальство!.. Всёмъ угодить надо, а ты толодъ еще, горячъ...

— Да нёть, спаснбо Өедоть Семенычь: я въ писаря не нойду... Это ве по мив...

- Я то и думалъ, что не по тебъ... Да и то разсудняъ, что ужъ теперь тебя изъ учителей все разно, что выгнали, и у всёхъ ты, значитъ, госнодъ будешъ въ сумнѣніи, потому они всё на человёка смотрятъ одинъ по одному: одному согрубняъ или не потрафилъ, ужъ и другіе отъ тебя того же ждутъ...

Однить склюль: начница, али человёвъ ненадежний, али тамъ что другое... всё ему и вёрать: такъ ужь ты и останенныся у всёхъ въ подозрёніи...

- Это я знаю...

-- Ну, то-то н есть... Ужъ тебъ, значить -- хоть бы въ учителя -- опять здёсь ни куда не попасть... Воть, въдь, горе-то!.. А я что про тебя думаять: не поизгаться ли тебъ къ кунцамъ на фабрикахъ, въ конторщики?.. Ты человъмъ письменный, ученый... Можеть, воекмуть?.. Либо дътей малыхъ у нихъ учить: тоже, бываетъ, нуждаются... А? Попитался бы!.. Вотъ послъ схода я поъду къ Сединкъ, къ дружку-то твоему, на фабрику... Не хочень ли подвезу кстати?.. И за подводу тебъ не изакить, и съ Седей повидаенься... А можеть, что и выйдеть...

- А вы что же, Өедю пров'ядать здете? -- спросиль Проскуровъ, не р'вналсь сназать, что к онъ собирался зкать туда же, только съ другой цёлью.

--- Да вотъ и про Федю-то инъ съ тобой хотълось потолновать... Прибъгалъ ко инъ его отецъ, -- сватъ, въдь, онъ инъ приходится... ирибъгалъ совътовать на-счеть Феди... И невъстка-то ион, Федина сестра, сказываеть, что и онъ-то самъ, Феди, очень ужъ проситъ побывать въ нему... Такъ вотъ и думаю съъздить... Ти ничето не слыхалъ о Федъ-то написиъ?

--- Особеннаго ничего не слыхаль...

--- Спотникнулся, брать, нашъ Осдя, спотыкнулся: жениться задужаль противь родительской воли, да невёсту-то, сказывають, больно ужъ плоху выбраль...

- Знаю я про эту любовь, Өедоть Семенычъ: оть него, самого, слышаль... Вы что же хотите дълать?..

— Да чего туть двлать?.. Туть двлать нечего, врожв что постыдить, да посовёстить: не образумится ли самъ... Отпу, чу, на-отрёзъ сказалъ, что не то, что кого-нибудь, а и его не послушаеть: женится на ней... Велёлъ-было отецъ домой идти — и въ этомъ не послушался... Эначить, ужъ очень его вакружнати ташъ!.. Воть я и думалъ: не поможешь ли и ты образумить его по вашему съ нимъ дружеству... А между прочимъ и объ ийстё-то бы про себя похлоноталъ... Право!... Поёдемъ-ва...

— А что же, побдемте, Семенничъ, мей все равно... Батажа со мной не много, я не нотёсню насъ: все уложится и саминъ пёста будеть... Побденте...

--- Ну, воть и чудесно!.. Такъ отнажи нодводё-то твоей: скажи, что со мной ёдень... BROTHERS REPORTS

Часа черезъ два нослё этого разговора Эедоть Семенычъ съ Проевуровымъ ёхали уже въ Старос-Село.

II.

Өедоть Семенычь съ Проскуровымъ прійхали въ Старос-Село въ гуляній день. Всё окрестныя деревни праздновали пресимону своей приходской церкви. Работа на фабрикв въ этоть день препращалась: въ первый годъ открытія фабрики Кузьма Иванычть хотёлъ-было обойти этотъ праздникъ, какъ не указанный въ святцахъ кружкомъ съ крестомъ по средний его, и не хотёлъ останавливать фабрики; но народъ въ этомъ отношенія ему не уступилъ; напрасно шипёлъ паровикъ, напрасно раздавались свистки, напрасно шипёлъ паровикъ, напрасно раздавались свистки, напрасно угрожали штрафами: мѣствые рабочіе на фабрику не шли, а смотря на нихъ, ушли съ нея и тѣ, которые принадлежали къ другому приходу и для которыхъ этотъ праздновать мѣствому престолу и на фабрикъ.

Осень уже сибиялась замою. На скозанную врёпкими утреннивами вемлю выпаль молодой снёжокь, устанавливалась давно жданная, въ этотъ годъ запоздавшая, санная дорога. Она усиливала веселое, праздничное настроение деревенскаго, гуляющаго люда. Весь народь быль на улицё и особенно толинася оволо трактира и кабаковь. Пёсня, смёхъ, говоръ и гармонія слышались со всёхъ сторонъ. Время было послёобеденное, веселье въ полномъ разгаръ. Всв, кого ни встрвчалъ Өедоть Семенычъ, подъбажая въ фабрикв, были поголовно или пьяны, или на-весель: мужная, бабы, дёвки, даже подростан, почти дёти; всё горланили, шумёли, точно старались перевричать другь друга. Молодые ребята изъ мъстныхъ жителей катали, по первопуткъ, фабричныхъ дёвовъ, расвраситенияхся отъ мораза и ведки и цёлниъ десятвомъ ввалившихся въ розвальни. Девни визжали, хохотали, толкались, вываливались изъ саной и кидались на нихъ чуть не внись головой, а ребята послёнвались, отпускали своеобразных остроты, цанали девокъ, или гагайвали и нахлестывали выбившуюся изъ снать лошаденку. Трактиръ, большое двухъ-этажное вданіе, какъ видно, былъ наполненъ народомъ черезъ край: на врыльцв, на люстницъ в оволо него толпился народъ; непрерывная волна народа лівля вверять по лёотянцё, сталкиваясь сь другою, спускавшеюся внизъ: дверь почти не успъвала затвораться и отгуда, нанутри травтира, несся оглушительный шумъ врика, визга, говора, пъсни

552

и рёзкаго брява носуды. Отдёльныя кучки рабочить мужчинь и женщинь прохаживалноь и распёвали фабричныя, часто непристойныя пёсни, приплясывая, притопывая, выжидывая разныя колёна: вто во что гораздь. Мужчины въ цвётныхъ рубашкахъ, въ поддёвкахъ на распашку, съ картузами на затылкахъ бетъ церемоніи обнимали и цёловали женщинъ, а тё, въ свою очередь, нередь нижи приплясывали, кривлялись и размахивали цвётными платками. Въ одной кучкё пёдв:

> Корпусь длянный, двухъ-этажный, На верху свистокъ отважный, Свистокъ взвоеть, зареветь, Народъ на фабрику пойдеть. Старосельскіе ткачи Носять плюсовы рубахи, Безъ нодметокъ сапоти: Стиросельсан-то ткачи:

Толпа мальчишевъ подроствовъ, съ вакимъ-то особеннымъ бахвальствомъ, пѣла:

> Гдё ни пройдемъ, ни пройдемъ, Вездё ворами зовуть. Мы не воры, не разбойнички Мы лихіе рыболовщички: Ловимъ рубу по сухіемъ берегамъ: По амбарамъ, по клётямъ, По инатулкамъ, сундукамъ, Да по каменнымъ домамъ.

Въ другой толий описывалась и прославлялась фабрика:

Какъ во Староемъ селъ. На господской на земль, Въ преогромномъ томъ врагу Кузьма выстронль трубу. Туть стонть труба высока, Корпусъ длянный съ нолверсты, Во стѣнахъ связя толсты. Туть ширують мужики; День и ночь они ширують, Во котлахъ вода кипитъ, Колесо паромъ вертить. Оть того ли волеса. Проведёны чудеса: Не разсмотришь въ три часа. Корпусъ длинный, двухъ-этажный, На верху свистокъ отважный. Свистокъ извоеть, зареветъ, Народъ на фабрику пойдеть.

Среди этого движения, разгула, шума и гама, Өедоть Семенычь вкаль, насупнышись, опуста голову, съ недовольнымъ лицомъ. Василій Якимычъ, напротлавь, чувствовалъ себя веселымъ, довольнымъ и чуть не съ востортомъ любовался народнымъ равгуломъ. Когда они перейхали черезъ рёку и повернули из фаб-рикѣ, народу стало встрёчаться все меньше и меньше: гулянье осталось свади ихъ, и шумъ сталь затихать. Василій Якимичъ повернулся, смотрёль назадь и прислушивался; старикь подняль голову и взглянулъ на спутника.

- Экое безобразіе! экой срамъ!..-проговорнать онъ.-Ровно съ цёни сорвались, всё ровно какъ оглашенные!.. Тьфу!..

Өедоть Семенычъ плюнулъ.

- Что это вы, Өедогъ Семенычъ!..-возразнать Проскуровъ.-А я тавъ смотрёлъ да радовался: вотъ, думалось мнё, что вначить фабрика, свободный, ничёмъ не стёсвенный народъ, готовый заработокъ, лишній грошъ въ кармань!.. вонъ какъ разгулялся рабочій народъ!.. Всв веселы, беззаботны, ни одного лица хмураго нъть... Всъ: оть мала до велика!.. Никого знать не хотять, ни о вомъ не думають... У всёхъ душа на распашку!..

Өедоть Семенычъ сердито посмотрёлъ на Проскурова.

— Ну, я думаль, что ты... умнёе по врайности... — Что такъ, дёдушка... За что же глупымъ-то ты меня счелъ?..

— Да развѣ это веселье?.. Это разврать... пьянство... рас-путство одно: воть что!.. Развѣ ты думаешь, отгого шумять, что у нихъ на душѣ весело, на сердцѣ покойно?.. Какъ же!.. Водка въ нихъ бурлитъ одна: вотъ что!.. Запри-ка кабаки, не давай водки: что изъ нихъ будеть?.. Говоришь: лишній грошъ въ карманъ!.. Нашелъ лишній грошъ... да!.. Не то лишній, ничего у нихъ нъть за душой!.. Одинъ изъ десатка развъ что домой принесеть: все здёсь останется и въ тому же хозянну въ карманъ пойдеть, все здёсь пропьють, проёдать, да прогуляють... Это голь, да горе, да распутство гуляеть, а не то что готовый за-работовъ да лишній грошъ!.. Воть, что деньжоновъ вчера получилъ --- сегодня спустить, а завтра еще не проспится, либо опохмблиться захочется, на фабрику-то не попадеть, да подъ штрафъ себя подведеть... А ужъ, брать, купецъ свое возьметь, не думай: не помилуеть, штрафы-то у нихъ такіе, что за прогульный-то день недблей не заработаешь... Воть тебе и всё заработви!.. А. окромѣ того, разврать-то этоть, бахвальство, дѣвки-то распутныя, ребятишки пьяные... что, хорошо это по-твоему?.. Слышаль, али нѣть, о чемъ пѣсни-то поють?.. Вѣдь, не даромъ?.. Что же, и

этому радоваться, что ли, нужно?.. Что народъ-то свободний, узды-то, палки-то на него изть?.. что съ десяти годовъ и водву ињеать, и никому не уважаеть, и распутство всявое знаеть, и бахвалится еще этикъ?.. Этому, что ли, ты радовался-то, смотря на все это безобразие?..

Василій Якимычъ внутренно согласился, что старикъ во многомъ правъ; понялъ, что и онъ самъ увлекся народнымъ весельемъ потому только, что у него у самого было весело на душѣ отъ надежды получить на фабрикъ хорешее мъсто: при другомъ настроеніи онъ, въроятно, и самъ иваче посмотрѣлъ бы на этотъ ракгулъ и сдѣлалъ бы выводы, бливкіе къ разсужденіямъ старика; но ему не хотѣюсь въ этомъ признаться.

--- Само собой, Федоть Семенычь, --- возразнать онъ, --- я не пъзнству и не распутству радуюсь, а тому, что есть у нужнка возможность заработать на фабрикѣ больше, чѣмъ сняя дона, а какъ онъ употребять этоть заработовъ---это другой вопросъ. Извъстно, если бы мужнът у насъ былъ грамотный, да не такой объдный, такъ онъ не только не далъ бы мальчиникѣ своему пьянствовать, но и самъ бы не сталъ пить... не сталъ бы пропивать заработка, а сберегалъ бы...

--- И то не правда: вонъ у меня сынъ и грамотный, и не въ бъдвости выросъ, а вышелъ бездъльникъ... бездъльникомъ такъ и останется... и пъдницей...

- Одинъ валяъ сынъ не примёръ...

— Да и не одинъ: и другихъ знаю грамотныхъ: тотъ провороважя, тотъ спился съ кругу, другой въ мошениичествъ понался... Да вотъ, коротко тебъ сказать: сколько я инсарей перемънилъ, а ни одного путнаго найти не могъ: либо плутъ, либо иъяница, либо на объ руки удача... Нътъ, это пьянство и безпутство не оттого.

. — А отчего же по-вашему?..

— А такъ думаю, что не отъ воли ли этой самой... Жилъ мужнить прежде, ровно малый ребенокъ, подъ началомъ да подъ палкой... А вотъ теперь пораспустили поводыя... Онъ и забралъ форсу, ровно саврасъ безъ узды...

— Полно, Осдоть Семенычъ... Какой форсь, какая особливая воля у нашего мужика?.. Только, въдь, и барыша-то всего, что на барщину не гоняють... А кому онъ не подначаленъ, кто его не обидить, коли захочеть, кто съ него не береть сволько вздумается?.. Самъ ты лучше меня это знаешь... И міръ у него начальство, и писарь— начальство, и староста, и ты— начальство, не говоря ужъ о чиновникахъ... И всякаго онъ бонтся, и всяваго

слушаетъ----и въ дёлё, и не въ дёлё... И до сихъ перъ хорошенью не знаетъ, что его, что чужое, что слёдуетъ отдатъ, чего и йтъ... Пошевелиться, подумать-то не смёетъ самъ ни о чемъ, а ищетъ глазами, кто бы распоряднися имъ, да приказъ отдалъ... Видалъ я, вонъ, какъ онъ повинности свои платитъ: не знаетъ хорошенью, сколько съ него слёдуетъ, свольно съ него везли, сколько за намъ остается, дадутъ квитовъ, ---тикъ ладно, не дадутъ---и такъ уйдетъ... А покричи-ка на него, примугни хорошенько, ото всего отступится, только бы свою-то шкуру унести... А отчето все это?.. Оттого что не грамотенъ, инчего не знаетъ, вступиться за себи не умѣетъ...

- Ну, такъ ужъ и фабрика же твоя хваленая богатства ему не дасть, и отъ пыянства не отучить, а только еще больше избалуеть, да въ распутству пріучить... И ничего хорошаго отъ этихъ фабрикъ для нашего народа не будетъ: отъ земли онъ отобьется, богатства не наживеть, а всякой мервости научится съ малолётства съ самаго... Вонъ какихъ принимаютъ-совсёмъ сосунчивовь: чего онъ вдёсь насмотрится, что хорошаго перейметь, какой человыкъ ввъ него вийдеть?.. Дома-то нужнить сидить хоть и въ нуждё, и въ бёдности, да въ своемъ мёстё, въ своей семья: мужъ при женъ, жена при мужъ, вакъ и слъдуетъ, за молодымъ парненъ старшіе приснотрять, за дівной мать, али бабка... Да и міра всявой опасится, оть міра стыдно бываеть, какъ что не хорошо, да не ладно дълаетъ... А вдъсь что, на фабрикъ?.. Кону вто нуженъ? Кто за кого вступится, остановать, или поможеть?.. Всякому только до себя... За одно-то только пьють да гуляють!. Воть ужь въ этомъ другь оть друга отстать нельзя, потому винпанство большое, людно, весело, да и сподручно: въ долгъ вврять, знають, что у фабричнаго человъка жалованье недъльнее, либо мисячное... Воть онъ, твой готовый-то заработовъ - первынъ долгомъ, въ вабакъ, али въ трактиръ в уйдетъ!.. А какъ живуть-то: ни сыть, ни голодень, клёбь въ сухомятку ёдять, безь варева, только и радости, что часмъ брюхо парать, да табачищемъ либо водкой дуржанять себя... Съ этого здоровъ не будень.. И смотри-ва, много ли враснорожихъ-то да толстыхъ: у всёлъ бова подвело, всё ровно въ болёзни какой, и большіе, и малые!.. Нать, не въ путь, и не въ корысть намъ эти фабрики: не разбогатееть оть нихъ мужнить, и не поправится, а только вдосталь испортится!...

--- Тебя послушать, Өедоть Семенычъ, такъ хоть указа ждать, чтобы всё фабрики закрывали... А на чемъ же бы мужнку заработать безъ фабрики-то, особливо въ валикъ мёстахъ?... Земли

у мужние мале, да и та плохал, не проворанть; въ нной семьй лимий рукк-дивать вкъ некуда, работы ийть про инхъ: чимъ не воринться-то?.. чисть нодати планить?.. А подати ныньче, самъ знаень, накия... Иной би молодой парень, или дияка, сидя дона, вимой, такъ бы, безъ дила произатались, даромъ бы хлибъ или, а тенерь они на фабрики и сами прокорматся, и домей къ литу, что-нибудь заработають, а литомъ опять горовы на полевую работу... Вотъ и выгода!..

- Ну, ужь, брать, вто на фабранев пожнать, нь этой безпутной фебричной жизни привыкь, тогъ плохой работникъ на полё... Нёть, его и из чею танеть, и слива не гнется, и руки не тъ, да и моди онъ всякія узналь: въ сищевыхъ рубахахъ, да въ платьяхъ, въ сапогатъ да въ башилкахъ выучился ходить... Нёть, его на коле-то развё палкой гнать, а доброй волей онъ не нейдеть, не поправится!.. Да и онь домой-то придеть съ фабрики, скажеть: устань, измаялся, отдохнуть надобно, а страхъ-то и нослуніаніе ужъ потернать, инкого домашнихъ-то въ грошъ не ставить: отъ-фабричный человёвь, бойкій, въ картузё, въ сапогахъ, а тё доманные — мужкин сърые, станеть ля онъ ихъ по-читать — слушать?.. Нэть, ужъ фабричный на землю и смотрёть не станеть: его оть нея воротить, а земля-матушка тому вь рукн дается, про того родять, вто се любить, на нее надвется, оть нея кормиться кочеть... Да воть я теб'я что скажу: пускай въ нашихъ м'ястахъ ота фабрика еще внов'й, кародъ еще въ ней сили не ужиль, а я бываль въ твиъ мёстахъ, гдё этихъ фабрикъ много и онъ тамъ изданяя, такъ совсёмъ тамъ мужния заброснан землю-то: либо вовсе внуств лежить, либо кое-какъ вско-вирена, розно нехотя, отъ бездвлья... Ну, знамо, и не родить ничего... Вотъ весь тамъ народъ фабричный, а этакой бёдности, да голодовки я нигий и не виднивать, дарокъ всё въ суконныхъ поддёвкахъ да въ ситцевыхъ платьяхъ ходятъ и самовари въ наждомъ домъ нозавели... А ужъ на-счеть порядвовъ-то и говоинадонъ дожв ноплена... и ужъ насчеть порядковьто и тобо-рить нечего: испроворовался, испьянствовался, распустился народъ новсе... Ни стыда, ни сонбсти!.. Не приведи Господи, чтобы и въ нашемъ краю такъ сталося, а будетъ то и у насъ, коли много фабринъ пооткрывается... Вотъ она что фабрика-то значить!.. Походи-ка за землей-то хорошенью: какая бы она ни была плохая, она тебя проворнить и худому не научить, а фабрика, только одёнеть тебя, за то голоднымъ оставить, и безпутнымъ сдёлаеть!.. Оть этихъ фабранъ только однимъ купцамъ хорошо: них он'я въ пользу, и самъ онъ толстветь, и варманъ у него пухнеть, а для народа?.. Нёть, не радуюсь я этимъ корпусамъ

Токъ II.-Апрыь, 1879.

наменнымъ, и трубанъ висонимъ: остати онъ изъ мужива все ванотають и вийстё съ дыномъ на вёторъ пустять!.. Ти тево-DEMIS: MYMARA BERGE OCHMANDTS, OCCUPITERMOTS, & SABES TH AVилешь что? Объ ненъ что ли клопочуть, для него стараются, не обижають и не обсчитывають, что ли?.. Всого, брать, ровольно и адёсь, еще больше, чёжь дока, въ деревнё, а ужь насчеть начальства-то, да всявой строгости... Онъ въ деревий-то того и не видываль: здёсь ужь и вовсе никакого ражовора не слушаюты.. Въ одномъ свобода полная: отстояль свои часы, или куда знаешь, ней сколько душа приметь: вабаля то да трактиры от ховячна. же сданы, онь за нихъ аренду получають... Нъть, нускай бы ужъ эти фабрики коть въ городахъ, что ли, строили: тамъ народъ бойчёе, развязиве, себи въ обяду по дасть, а въ деревню би, въ сврону мужнеу, ихъ не надобно... Мужниу оть земли питаться указано: пускай бы оть нея, да оть своего промясла, вто что умфеть, и кориелиса... Лучше бы было...

Проскуровь, слушампій Федока Семеннча съ улибной, собирался что-то возразять ему, но остановился. На встрёчу имъ съ фабричнаго двора виёхали легонькія бёговыя сания, въ которыя биль заложень сёрий раскормленный леребець, сь крутой мирной шеей, съ толстыми потами. Ожир'йвній прасавець конь фыркаль, озирался изъ-подъ длинной густой чолки, порывался бёжать, но, чувствуя туго изтинутыя возни, кругло и високо векидыналь передними ногами. Въ санкать сидёни Алевсандръ Кузьмичь, который самъ правилъ лешадью, и Алёна Николавна. Федоть Семенычъ тотчасъ узналь хознискаго сына и сообщиль о предотоящей встрёчё Проскурову.

--- Воть этоть самый, дружовъ-оть и благодінся. Осдинь, --- сказаль онь. -- А иго это съ нимъ--- но знаю. Видать, кататься побхали. Ти смотри, держи правде: дай имъ дорогу... -- приназаль онъ своему кучеру.

--- Экой вонь богатий... Настоящій кунечесній!..- проговериль этоть нослёдній, обращансь въ своимъ сёдокамъ.---Инь ты, нотами-то, ногами-то что дёлаеть... Воть такъ корменъ!.. Ан, корменъ!..

Когда сани поровняжись, Өедоть Семенычь молча поклонился.

- Кто это?-спресила Алёна Николавна.

- Ахъ, да это... Это... Чернушкина старикъ... Старшина!.. - торопливо отвъчалъ Александръ Кузькичъ, осаязивая свою лошадь и окликнулъ Осдота. Семеныча, ими котораго онъ забылъ.

- Вы въ кому?-спроснять онъ оборачиваясь. Тятеным нёть:

онъ на старой фабрикъ, и Динтрія Тимовенча изгъ-вь гости убхаль.

— Нёть, им въ Өедеру, въ своему...

--- Его нёть на фабрикъ: онъ въ деревнё... Онъ теперь же живеть въ мастерской...

— А гдъ же?..-невольно спросиль Өедоть Семенычь...-Я н не зналь.

— Повзжайте за мной: я нокажу. Заворачивайте... Не стойть никажь мой-то... рестся... Повзжайте за мной...

Өедоть Семенычь привазаль заворачивать.

— Не поспѣешь, сударь, за вами... Вона какой у ваоъ!.. рисакъ должно бить?.. товорилъ, осклаблядсь, извоечикъ Өедота Семеныча.

— Ничего, я погихоньку поёду... Буду поджидать васъ, чтобы не отставали...-отвёчалъ Александръ Кузъмичъ, но, польщенный похвалою лошади, не могъ удержаться, чтоби не ноказать ся бёгъ.

— Да, это рысякъ!.. хорошо б'ялить!.. — сказалъ онъ, далъ лошади свободу, и слегка тронулъ се возжами. Она понеслась, какъ вихра, и игновенно оставила далево назада волостную нару.

--- Да, вотъ угонись за нимъ!..- говорилъ извовчикъ, нахлестивая своихъ лошадей.-- Ни въ жизнь не догонищы.. Купеческа лошадь... она сытая!.. Опять же--- рысакъ!..

Но Алевсандръ Кувъмичъ, промчётшись до моста, оглинулся назадъ, поворотилъ свою лопадъ и шагомъ пойхалъ на встрёчу ямской парѣ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что показалъ рёввую и красивую побёжку своей лошади, которою самъ правилъ, доволенъ тѣмъ радостнымъ впечатлёніемъ, которое произвела на Алёну Николавну быстрая ѣзда; онъ былъ счастливъ чувствомъ свободы, независимости и какъ-бы полной самостоятельности, когорое онъ испентывалъ въ настоящую минуту, благодаря отсутствію отца, зятя и сестры. Пользуясь этимъ отсутствіемъ, онъ пригласилъ съ собою Алёну Николавну прокатиться, и кстати осмотрёть школу. Молодые люди были вполнё повойны и безваботно веселы. Алёна Наколавна забыла свои серьёзныя задачи, оставила напускную озабоченность, сосредоточенность и суровость, она весело болтала и хохотала; Александръ Кузьмичъ больше, чёмъ когда-нибудь, чувствовалъ собя человёвомъ, мужчиной и достойнымѣ товарищемъ ученой барышие.

--- Зайденте и мы, Алёна Ниволавна, къ Өедору, предложилъ Александръ Кузъмичъ: познакомътесь и посмотрите на его невъсту... Вамъ же нужно поговорать съ ней на счеть восвресной шволы...

— Тавъ что же, зайдемте: я съ удовольствіемъ... Куда хотите!..

--- Поговорите съ ней... И потомъ скажите миъ ваше миъніе о ней...

— А что же?..

- Такъ, мий хочется знать ваше мийніе...

— Я зам'йчаю, что эта особа вась очень интересуеть... А?.. Алёна Николавна засм'йнлась. Алевеанаръ Кузьмичъ вспыхнулъ и смутился.

--- Нътъ, нисколько... -- оправдывался онъ. -- Я только... для Оедора... Годится ли она ему въ жены?.. Вы же сами говорили... Помните?..

--- Хорошо, хорошо...-смёялась Алёна Николавна:-- я ее повондирую... Надо посмотрёть, не удобнёе ли она для кого другого... Хорошо, посмотрю...

-- Ну, вотъ вы какія... Алёна Николавна... Я такъ... просто... Мив что же?.. Я, ввдь, не стану же жениться на ней...

--- Да гдъ вамъ жениться: вы богачъ, а она врестьянская дъвка, бъдная!.. Вамъ нужно богатую нервоту... съ капиталомъ!..

-- Да совсёмъ я не про то... Воть вы все придираетесь... Она Чернушкина невъста: онъ безъ памяти въ нее ваюблевъ... Онъ непремѣино хочетъ жениться на ней... А воть, какъ она въ нему?.. Я на счетъ нашего дѣла... Поминте: вы говорили, что женитьба можетъ его отвлечь... Что онъ весь отдастся женъ, ни о чемъ больше думать не будетъ... А если она мало его любитъ?...

--- Такъ не дучше ли, чтобы васъ полюбила?.. А?.. Такъ, что ли?..

Алёна Ниволавна опять засм'ялась.

— Да полноте, право... Ну, что вы вто...— отыгрывался Александръ Бузьмичъ...—Что вы какая сегодня?.. Я объ дѣлѣ, а вы все смѣстесь, шутите...

--- Совсёмъ не шучу: я серьёзно... Не даромъ вы такъ расписывали мий ен прасоту... Ну, я въ этомъ отношении ужъ не судья... А вотъ на счетъ правственной, интеллектуальной стороны, извольте, постараюсь для васъ: изслёдую и сообщу... Но, вёдь, вы, чай, однихъ похвалъ и восторговъ будете ждать отъ мена?.. По вашему мийнію, вёдь, при наружной смазливости, должны быть и всякія высокія душевныя качества?...

- О чемъ: объ этомъ?..

— А о дёлё... Вы надо всёмъ сегодня смёютесь... шутите... насмёхаютесь...

--- Такъ разнё неправда, что вы никогда не обратите вниманія на женщину, какъ бы они ни была умна и развита, если у нея нётъ смазливой вывёски?.. Развё вы съумъете оцёнить, или полюбить такую женщину?.. Ну-те-ка---отвётьте... Я тенерь серьёзно васъ спрашиваю?..

Въ тонъ Алёны Николавин проввучала какая-то вовая, неслыханная прежде Александровъ Бузъмичемъ нога. Онъ чувствовалъ, что Алёна Николавиа повернула къ нему свое лицо, смотритъ на него въ упоръ и ищетъ его взгляда. Ему сдълалось неловко, онъ старался спрятать отъ гувернантки свои глаза, растерялся и не зналъ что отвътить... Къ его счастію, въ это время они почти съёхались съ лошадъми Федота Семеныча: онъ долженъ былъ объёхать ихъ, чтобы снова поворотить лошадъ назадъ.

— Богатый конёки у васъ...— проговорнать въ ето время Осдотъ Семенычъ.

— Да, ничего...— отвёчаль Александрь Кузьмичь, стараясь вхать рядомъ съ санями старика.—Съ аттестатомъ!.. Съ обговь въ Москва купленъ... Застоялся только очень... Давно на пробядкъ не быль... А вы, чио же, нарочно повидаться съ Осдоромъ прівхали?..

— Да, провъдать... Просялъ побывать... Какъ онъ туть поживаеть у вась, Алексиндра Кузьмичъ, хорошо ли работаеть, не балуется ли?..

- Ничего, хорошо... Онъ не такой, не избалуется...

--- Отчего это онъ на деревие-то сталъ жить, а не на фабрике... Вёдь, кажись, ему позволено было въ мастерской находиться?..

-- Да, вёдь, тамъ же, въ деревнё, онъ съ невёстой живетъ ему лучше тамъ, удобнёе, невёстина мать про него и страпаеть, а туть, гдё же---на фабритё... На одномъ хлёбё жиль, безъ нриварва...

- Такъ, стало быть, ужъ и вамъ извёстно это саное...

— Что тавое?..

- А намёренье его... на-счеть женитьбы?..

- Кака же... Онт мий списать...

- Воть какъ!.. Отало быть, ужъ у него это дёле рёшен-

- Да!.. Развё вы не знале? Развё онъ вамъ не сказываль?..

BROTHERS EDPORTS.

- Въсть-то эту онъ мнъ подалъ... А отъ самого-то его еще ничего не слыхалъ...

--- Мий онъ признался тотчасъ же, какъ невйста его слода. нрійхала... Вотъ мы и теперь, вмёстё съ вами, хотриъ заёхать нъ нему тоже, побывать...

--- Милостивый вы госледния... Дай Богъ вамъ здоровья: не оставляете его... За великое счастье онъ это долженъ ночитать...

— Какое же туть счастье особенное?.. Я-то его, прявда, что люблю, да пользы-то ему оть этого мало: воля-то не моя... Воть жалованье-то ему все еще малое влени... Все еще не у малинить, а въ столярной работаеть...

--- Ну, что же ділать: не все вдругъ... Пускай подождеть... Коли ховяева будуть имъ довольны, не оставать: до всего дойдеть...

--- Скажете ножалуйста: вы, вёдь, важется, волостной старшина?-- спросила Алёна Ниволавна.

--- Точно такъ, сударыня... Извините, не знаю какъ величать васъ...--- отвѣчалъ Федотъ Семенычъ.

— Это все равно... А сважите...

— Осмёлюсь спроснть: сестричка, али сродственницы какія вамъ будуть?..— обратнася Өедотъ Семенычь мъ Алевсандру Кувьмачу, считая неудобнымъ вести разговоръ съ лицомъ неизвёстнымъ.

--- Н'ють, я учительница въ дом'е его затя, отв'ечала сама Алёна Николавна:---занимаюсь съ д'ятьми, учу племянниковъ и племянницъ Александръ Кузьмича...

Лицо Осдота Семенича невольно выразно недоумёніе, но Алёна Николавна не обратила на это инкакого внимація, н продолжала:

— Я вась хотёла спросить... У вась при волостя, вёдь, есть школа?

- Какъ же-съ, сударния... Это ужъ теперь неложение танос: при каждой волости училище пелагается...

— Да это я знаю... А въ вашемъ, вѣдь, училищѣ былъ учителемъ Проскуровъ?..

Василій Явимычъ сдёлалъ невольное движение.

- Точно такъ, -- въ нашей...

— Отличный человёкъ, препрасный учитель, которяго, какъ н сяйдовало у насъ ожидать, увельли, — по-проету свезать: прогнали съ мёста!.. Скажите, пожалуйста, гдё онъ теперь?.. Но знасте ли?..

562

- Какъ не анагъ... знающ... - медленно, съ улыбаей отръчалъ Осноть Саменичъ.

— Гдё же онъ?.. — повторила свой вопросъ нетеритинвая Алёла Наколавна.

— Да не далечко отселё... Воть онъ!.. — проговоридь съ той же улыбной Осдогъ Семеничь, указывая на Просдурона, которий сиянь фураницу в собяранся объявать о собё.

- Какъ, это вы? - всеричали въ одинъ голосъ Кошахищковъ и Алёна, Николавна.

- Я самый ... - отв'ячень Проскураль съ сіяющинъ лицонъ.

---- Погодите, погодите... Остановичесь...-- приназывала Алёна Николавиа, и выокочные нев сацей проиде, чёмъ лошади успёли остановиться.

---- Я кочу, непремённо кочу нервая ножать вамъ руку!..--говорная она, цодоблая въ санямъ отаринны съ той стороны, гдъ съдёлъ Проскуронъ, и протагнама ему руку.---Вы честный труженника!.. Вы благородный, высовій дёятель!.. Мы за-очно уважали васъ и окнядан съ нетерпёнісмъ...

Васний Якимычъ совсимъ растерялся отъ талихъ неожналиныхъ заявленій сочувствія: онъ былъ веволнованъ, умяленъ и тронутъ почти до слезъ. Перегнувшись воймъ корнусомъ изъ саней, онъ съ чувствонъ сжималъ и котрясалъ проязвутую ему женскую руку.

— Вы из намъ?.. Конечно, из намз!.. Мы весь идали!.. Мы весь не отпустимы!.. Здёсь ви найдете много дёла... Вы необходимы адёсь!.. - говорила Алёна Ниволавна, стоя ещоло саней и не випуская руки Просмурова. Федотъ Саманынъ и его невозчинъ съ удилаеніемъ смотрёли на эту сцену.

--- Аленсандръ Кузыничъ... Вотъ ето -- Аленсандръ Кузымичъ, который... вы знаете!..-продолжала Алёна Неподавна.---Аленсандръ Кузыничъ, что же бы инчего не говоряте?., Что вы не примётствуеле дорогого госта?..

--- Да я самъ очень радъ... Здравствуйте... Я бы тоже желалъ помать руду, но мей логисть нелья остовна... Вотъ когда въ бедору прійденъ... Вотъ обрадуется онъ... Алёна Ницанала, нодалуйте, садинесь... Пойденте послерба...

— Да, поблемте... Теперь я вполнъ, внолнъ довольна... Насъ прибиваеть... Теперь напе дъдо нейдеть... - говорила Алёна Нивелана, усаживаясь нь сами, нодзъ Конатникова. Побяжайте ща, Александръ Куньмичъ...

 Семенычъ. — Зачёмъ же ти танлся-то отъ меня, Василій Янимычъ?.. — спросилъ онъ, когда лошади опичь диннулись и Кошатниковъ поёхалъ впередъ.

- Я еще и самъ ничего не зналъ на-вѣрное... Не зналъ, накъ меня примуть здѣсь...

- Да на кавое же двле-то теби сида зовутя?..

— Послё, послё, Өедоть Семеничъ... Пускай они сами вамъ все разсвануть...

- Ну, только чудная мий эта барышны. Не знала, видь, тебя, а какъ обрадовалась, ровно брату редному!. Смотря-ка, п теперь все йдетъ, да на тебя оглядывается... Что ей въ тебй?..

- Да воть, подивитесь, Өедоть Семенычь: совсёмъ ин другь другу чужіе, некогда не встрёчались, не знались и не разговаривали, --- а какъ обрадовались одинъ другому?.. накъ старые друзья!.. Не подумайте и того, что это изъ-за выгоды какойинбудь, изъ-за личнаго интереса... Нъть, мы ничего не моженъ сдёлать другь для друга, да солн бы и могли, такъ на это им не обращаемъ никакого вниманія, не придаемъ втому никакой цёны... не то насъ соединаетъ и связываютъ... А, знаете, что?.. Вы, старые люди, можеть быть, даже не ноймете, или не повърште: насъ соединяетъ и роднить между собото не личный, а чужой нитересь, — любовь къ народу, желание принести ему пользу, готовность пожертвовать даже собою для его блага... Воть этоть сёрый, невёжественный кужика, негорый даеть себя обяжать и притеснать, который нась не знасть и не понимаеть, но вотораго ин любнить, - воть вто насть сближаеть нежду собою!.. Признайтесь, Осдоть Семеныча: мись дино, странно слышать это отъ меня?.. Вы, вёдь, дунаете, чай, что я эте нез хвастовотва товорю, - хочу передъ вани показать себя; похвастаться?.. Ну, признайтесь...

- Да чёмъ туть хвастачься?.. Хвастаться-то туть не-чёмъ... Ну, коли ты жалостливъ, хочень номочь обдаому человёму, добрая, значить у тебя душа, а сдёлаещь добро — Вогь тебя за это самого не оставить... Что объ этомъ говорить: жало ли на свётё добрыхъ людей... Дёлаютъ добро и мончать, не стануть про него разовавывать: ужъ это не милостиня, коли расхвастана, да ославлена, — милостыня творится втайнё... Нёмъ, не про то я думаю... Тебё, знаме, повёрнуь можно, что ти мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника пелюбилъ и добра ему желаены: коть самъ и не мужника телоруча.мъ... Ну, узналъ его и понялъ... И самъ ты бъдный челорёжъ, --зиаещь, какова жужда на себятъ жновъ... А ють съ чего

барынны-те?.. Мужнаа-то она, я думаю, нак оконная тельне видала, въ избу-то из нему разва по особявному случаю какому заходнла — е, можеть, и не бывала нивогда, — разговоронь съ имиъ тоже, чай, не важивала: гдё ей мужникую жизнь, мужнцкое горе, нужду, заботу узнать?.. И за что ей нолюбить мужика, думать и хлопотать о немъ?.. Ни ему до нея, ни ей до него никакого дала, никакого касательства нать... Съ чего она будеть и любить, и жалёть и хлопотать за мужника?.. Учить купецкихъ дётей, завсегда при нихъ, живеть въ экихъ палатахъ, на рысанахъ катается, а объ мужний будто думаеть... Да и какую она помочь можеть ему оказать?... Не такъ ли, полно, сутолочится только?..

- Я такъ и зналъ, что мы другъ друга не поймемъ. Вы воть, хорошіе старые люди думаете, что все добро, что можно сделать, — это милостыню подать, деньгами въ нуждё поддержать, и что заботиться можно больше всего тольно о своемъ Слизномъ челочене, об которчить висте живень, визсте хлебъсоль вны, редооть и горе делинь... А им любнить не техть только, съ вёмъ живемъ, кого знаемъ, а всёхъ, весь народъ, -хотных помогать не одному Ивану да Петру, что съ голода сегодня умирають, а всёмъ несчастнымъ, угнетеннымъ, обяженнымъ, страдающимъ отъ неязжества и притеснения; желаемъ уничтожить вло въ корив, просвётить народъ, облагородить, возвысить... По-вашему, нъть внязе подвига, какъ если богатый человых раздасть имбије ницимъ, а въ нашихъ глазахъ этотъ нодвить вызденныхо яйна не стоить и нинакой пользы не принесеть, коть бы богачь не то - по рублю, вле но полтинь, а но сту рублей на брата раздължиз... А воть если онъ все свое состояние употребить на устройство школь, на какое-нибудь предпріятіе, которое улучшило бы быть рабочнять, -- одничь словонь, на какое-нибудь дело народное, общеполезное не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, -- вотъ это будеть подвигь!.. Повашему, тольно влисть имбющій мощеть неибнать негодные порядки, бороться съ влоупотребленіями, улучниять быть и тольво оть богатаго можно ожнать убиствительной помощи, а нонашему... Да, впроченъ, чиб я говорю?.. въ чему?.. Вотъ увленся!.. Вы, рёдь, нивогда не согласитесь со мной и въ намъ HE INDECTORIONS ....

--- Да, брать, занесса ти и самъ не знаещь куда... Горячки въ тебѣ много... и сердне нировое... тольно размякъ-то, нажись, не по силъ: смотри, перекумирнешъся... людей насибинше!.. Не чаклъ я въ тебъ этакой прити!.. И говерншь хороню, опладно:

BAOTHERS ENPORTS.

не даромъ Оеданка дуни въ тебё не часть; видао, и сму въ голову ты все это вдожнать... Будеть ди путь-то инъ того?.. А. мнё ужъ, само-собой, приставать въ вамъ и не но годамъ... да и не по разсудку моему... Учены мы мало, а выросли на терпъньи да на нослушаньи... А нъ васъ другой дужъ, въ молодежв!.. Давно это вижу!.. Очень вы много на себя надъстось, большія дъла объщаете... Что-то отъ васъ будеть?.. .

Разговоръ на этомъ прекратился, такъ какъ подъёзжали из изоб, у которой остановился уже Александръ Кузьмичъ, и гдё жила Дарья Тихоновия. Осдя усиблъ уже выскочать на-встрёчу своимъ гостямъ.

III.

Гости застали Өедю въ дурномъ расположении духа. Фабричный праздникъ примесъ ему не радость и веселье, а тажелое раздумье и много тревожныхъ, непріятныхъ впечалівній. Осля ожидаль этого дня, какъ такого, который онъ можеть провести, на свободѣ, весь, около Парани, тихо и уединенно; совсѣмъ не тавовы были мечты и одинания Парани и Дарьи Тихоновны: и той, и другой успёли уже порядкомъ надойсть конотонность и однообразіе фабричной живни. Пока Параня и Ванька были на фабрака, Дарьа Техоновна приходелось проводнть время совершенно одной, почти безъ всякаго дала; зналочнихъ и пріятелей она не успала еще варести, да и вса, ного она видала вопругъ себя, были люди хмурые, озабоченные, недовольные, усталые и главное - бъдные. Пробовала-было она ходить на фебрику, подъ предлогомъ — провожать и встръчать Параню, но тамъ нижо не обращаль на нее вниманія, несмотря на прётные платки, кото-DINNE OH& HOBERSHBALACE. H HA BHRIBADILLIE BRIJALIN; & CHIHS разъ молодой сустливый принаечиеъ, которому оне попалась на дорога, даже обругаль и прогналь се, - а огъ приназчивовъ-то именно она и ожидала совсёмъ другого обращения. Правда, молодые фабричные ребята, съ перваго же дня запримъчното Параню, начали преслёдовать ес, приотавать --- и тё, которые выходили изъ фабрики въ одну смёну съ нею, провожали се до дому и даже заходили въ избу, но Дарья Тихоновия, жиричала и выпроваживала ихъ не ласково: она съ-разу видела, что это была все таная голь и бъдность, которая сама рада бы была пожненться на-вчеть ближняго и сорвать что-нибудь съ нерваго встрачнаго, а не то, что оказать номощь в нокровительство бы-

566

ной вдовъ; относительно же Парани у нея были извъсяния надежды, которыя заставляли ее дёлать дочери внушенія о томъ, что она должна держать себя вакъ можно осторожнёе, скроиибе, неприступийе и ни съ кёмъ не сближаться. Въ этомъ отношеніи ее поддерживалъ и Оедя, который говорилъ Паранё то же самое, хотя и совершенно изъ другихъ побужденій.

Параня слушала всё эти наставленія молча, вногда съ улыбкой, по онъ ей очень надобдали: въ ся хорошенькой головкъ были своя соображенія, --- она сама знала, вакь ей нужно было держать себя. На первыхъ же порахъ съ ней случныся на фабрикъ навусь, который обратиль на нее общее внимание и поставиль ее въ нъсколько особое положение отъ другихъ работницъ. На фабрикъ существовало обыкновеніе — послѣ каждой смѣны, передъ уходомъ домой, для предупреждения воровства, осматривать войхъ рабочнать, у которыхъ была на рукахъ бумажная пряжа. Осмотру этому нодвергались какъ мужчины, такъ и женщины; проивводнася онъ приказчиками, которые, охраная интересы хованна, нисколько не стёснялись стыдливостью превраснаго нола, особенно падкаго на почалки, мотки пражи и тому подобную бунажную дрянь, воторую он' повушались вногда уносить, по словамъ преказчиковъ, подъ головными платвами, въ чулкахъ, подъ рубахой. Привычныя въ этому осмотру, фабричныя женнины обыкновенно только посивневлись, а вногда внажали и ругались, и оверація эта рідко кого возмущала, --- напротивь, служила источнивомъ разныхъ остроть, прибаутовъ и сопровождалась весенымъ хохотомъ. Параня, ни къмъ не предупрежденная, съ перваго раза была поражена безперенонностью производимаго обыска и, когда дошла до нея очередь, -- рышительно воспротивняясь ему; но, из общему удовольствию и смаху всёха окружающихъ, охранитель хозяйскаго нитереса не холыть отказаться оть своего права и старался исполныть свою обязанность съ наябольниею тщательностью. Оскорбленная Параня, не долго думая, ударила обидчива по щеве, отголенула его и бросилась бъжать вонъ неъ паляты; поднялся шумъ, говоръ, - вто-то подняль на полу два мотна праже, будго бы, выкинутыхъ Параней во время обыска; съ этими метнами въ рукахъ, обиженный приказчивъ догналъ Параню на къстичнъ и потащилъ на судъ въ Петру Архиничу. Петръ Архиничъ выслушалъ жалобу и обвиненіе приказчика, выслушаль и Параню, которая расплаканась, влялась и божилась, что она не брала ни одной нитки, и, оправдываясь въ своемъ буйствъ, объяснила старику, главному

приказчику, какъ могла, то, что ее вынудило на сопротивление и драку.

--- Да, тебя бы тавъ и пропустить, а ты бы хозяйское добро стала воровать...--- защищался приказчикъ.--- Вишь ты, какая, еще выискалась----благородная...

- Ничего я не воровала, ничего!.. Врешь ты, безсовъстный!..

--- Безсов'єстный... А это что?... Отвуда мотви-то взялись?... Воть оно, поличное... Не въ карман'й же я ихъ носиль, изъ тебя же вытащиль... Что?... Вишь ты!.. Да еще она же и драться... швура!... Много васъ этакихъ... драться-то давать вамъ... Право, швура!..

- Не швура я... Самъ ты подлецъ!..

- Не хорошо, дввушка, не хорешо!... - прекратиль этоть споръ Петръ Архипичъ, съ-разу понявшій настоящую суть діла, но не желавшій показать этого Парань.— Нивогда впередъ этого не ділай... Молчи, не перебнвай меня... Говорить нечего: улика на лицо, поличное принесъ, на свидителей ссылается... Слидовало бы тебя за это оштрафовать, а, пожалуй, и съ фабриви согнать, да на первый разь теб'я прощается... по глупости твоей!.. Да нътъ, ты слушай, не перебивай меня: не воровала, говоришь, а все-таки приказчика ударила... Какъ же ты это сийна?... Ужъ очень ты, выходишь, бойва... Ну-ка, съ перваго же дня, благослови Богъ-и будинть!.. Приказчикъ тебъ-не своя сестра: онъ отъ хозявна поставленъ, свое дёло наблюдаеть, не одну тебя: всёхъ обыскиваетъ... Безъ этого нельзя!... Подумай-ка: если не надапрать за вами, да если важдая изъ вась по два тольно мотна утащить, такъ какой хозянну ущербь... А дай-ка вамъ волю, такъ вы целыми штуками таскать будете... Безъ этого, милая, нельзя, бесть досмотру!.. Ну, а если онъ тебя обидаль, такъ ты пришла бы — пожаловалась: мы бы разобрали, не велёли обижать... А ты, ну-ка, сама расправляться... буяниты... Нёть, смотри: впередъ этакъ нельзя, у насъ на-счеть этого строго, Воже сохрани!... Ну ужъ, на первый разъ такъ и бить, я это дело поврою, ровно ничего и не было... И его попрошу, чтобы простиль тебя, не обназался бы... привавчика... А только впередь у меня смотри, не двлай этого!.. Ну, ступай съ Богомъ...

— Да не дамся я себя этакъ обыскивать и впередъ: вотъ я вамъ прямо сказываю... Я не воровка какая! Да и этакъ развѣ можно?... Я дучне и на фабрику не пойду совсѣмъ, такъ и самому ховянну скажу, а ужъ этакъ... всякому... срамиться не дамся...

- А какъ же другія то?.. Что же, для тебя другой законъ,

568

что-ли, заводить?.. Вншь ты!... — визшался общенный приваз-THES.

- А мив наплевать, вакъ другія... А я не хочу!.. А, право, воли вы, Петрь Архипычъ, не вступитесь: не закажете ему этакъ делать, поныю матушку въ самому... въ хозянну... Неужто онъ этавь велить!?.

- Къ ховянну еще!.. Къ самому!..., Вишь ты, вакая!... Станеть съ тобой хозяннъ разговаривать... со сволочью!... съ воровкой!...- говорных досмотрщикъ, недовольный снисходительностью Петра Архинича.

— Ты, можетъ, самъ воръ-то и сводочь, а не я!.. — отбранивалась Параня. — Дя, и пойду въ козямну, и нойду!.. Онь добрый!... Небось, не дасть тебе надругаться: я еще не та-KOBCERS!...

- Постой ты, молчи!... - нахмуривни брови, сердито остановнать Петръ Архинычъ своего исполнательнаго чиновнака, который началь было возражать что-то Паранб...-Ты, я вижу, дввушка хоть и бойкая, а честная и стыдинвая... опять же вновы, и порядковъ нашихъ фабричныхъ не знаешь... Оттого я тебя н жалёю: а съ другой бы и разговаривать не сталь, а велёль бы прамо съ фабрики согнать... Хованиз нашть, точно, добрый, добрёй его на свёте нёть... И охальства онъ, точно, не побять, и не повволить... Но только теб'я дойти до него, минуя меня,не придется: онъ върно, что и разговаривать съ тобой не будеть... потому у насъ на это порядовъ; вакъ вы всё прямо въ хозянну полёвете, такъ онъ нивакого новоя себе не увидить!.. Ты воть думаещь, что онь тогда милостиво съ тобой поговориль. такъ и другой разъ станеть?... Да онъ бы и тогда-то званія не взаль и ваглянуть-то на васъ съ маткой, вабы не я его попросниъ за васъ... Что сказала: въ хозянну пойду!... Хозяннъ!... Хозяннъ-то развё шутка?... Нашь брать, что-ли, онь, ты думаешь?... Хозяннь-то, дурочка, вёдь, милліонами ворочаєть, вёдь, у него вашего брата на двухъ-то фабрикахъ тысячи-четыре, вёдь, къ нему большіе чиновные господа за счастье считають подойти да поговорить, а вы, в'ёдь, червяви передъ нимъ пресмывающіе: онъ васъ кормить, пойть, онъ и ногой раздавить можеть... Воть что аначить хозавить-оть!... И мы-то, его слуги старые, вёрные, близкіе, вотъ хоть бы я, п то подходимъ въ нему со страхомъ и трепетомъ, говоримъ и слушаень со всявных раболёніемь, а вы, простые рабочіе, и за глава-то должны о немъ говорить со всякой осторожностью, да съ почтеніемъ. Вотъ что, дурочка!... А обяжать тебя в я не покролю... Я для того и поставлень оть ховяния, чтобы вась

569

нанимать и разсчитывать, взыскивать и защищать вась... И воть, коли ты мий жалуешься, и, по глуности своей, въ обиду себъ этоть досмотръ ставишь, такъ воть и прикажу: и не будуть тебя больше трогать... Воть слышищь, Потрускичъ: не прикавываю тебъ никогда ее такъ доглядывать... Вели руки показать, вели платовъ съ головы снять для порядку, только, для виду одного, и пропускай... А больше чтобы ни-ни... Слытишь?...

- Слушаю, Петръ Архипичъ... А только-что ужъ я больше за нее отвёчать не могу, если она что утащить...

— Ничего я не утащу!... — промолвила Параня. — Ну, ты дуракъ!... ты слушай, что я теб'й говорю... — остановиль приказчика Петрь Архипычь. - Коли я что приказываю, такъ слушай!.. Я внаю, что она ничето не угащить... Она дъвочва еще молодая, непривычная, опять же у нея женихъ есть... я знаю... Съ ней не годится такъ, вакъ съ другнин... Въдь, я васъ знаю, дуравовъ, чертей!... Разсудку въ васъ на грошъ нъть... Да, увидъли вотъ, смазлива... Ну, и не смъй трогать въ другой разъ: сказано тебе!... Въ рукахъ нёть ли чего-посмотри, узель несеть -- вели развязать, показать, а больше того не смъй пальцемъ тронуть ее... Слышишь?

- Слиму, Петръ Архипичъ... Мив все равно, какъ ирикажете...

--- Ну, довольна ты теперь?-- обратился главный приказчикъ въ Парань.

- Что же... Я очень довольна... Поворно благодарствуйте...

- Ну, такъ вотъ и ступай съ Богомъ... И маткъ своей, и жениху своему разсважн, какъ я съ тобой разсуднлъ... Стуnaž ze...

Этоть случай огласился на фабривѣ между рабочими и по-велъ въ разнымъ голвамъ и предположеніямъ. Всѣ замѣтили и то льготное положение, въ которое стала Параня на фабрикъ послё этого случая: приказчики, очевидно, смотрёли на нее вообще сквозь пальцы, не взыскивали за работу, не ругались сь нею, старались какъ будто обходить и не зам'вчать ее, либо заиснивающе улыбались ей. Все это возбуждало зависть и недоброжелательство въ Паранъ, и, вивств съ недоступностью ея для фабричныхъ ловеласовъ, оставило ее и Дарью Тихоновну совершенно одиновнии среди фабричнаго многолюдства.

Өедя быль очень доволень такямь положеніемь, но Дарья Тихоновна и Параня скучали. Онв объ ожидали съ нетериъ-ніемъ фабричнаго праздника, о которомъ и въ доревнё, и на фаб-ривъ уже нёсколько дней шли разговоры: всё заботились о томъ, чтобы приготовить денегь на гулянье, вспоминали, накъ весело прошель правдникь въ произонь году, заная у ного била шаль, сволько платьевь перенъннла такая то въ продолжение гуляние, сколько кто выпиль, кто кого поколотиль, разсчитывали, накіе запасы водки и чаю дёлаются въ кабакахъ и трактиръ. Дарья Тихоновна съ Параней обдумали, въ какихъ онъ платьяхъ будуть показываться на гуляньв... Одёжей Дарья Тихоновна всегда щеголяла и сарафановъ нивогда не носила, — въ этомъ отношении фабричных призычки были ей не въ новость и фабричное щегольство ее не путало. Она надвялась даже провзвести собою извоторое внечатибніе. И воть, какъ только гулянка дошла до разгара, какъ хохоть, говоръ, пёсни и музыка гармонін, бубнарь и ибдинах тареловъ стали доходить до ихъ слуха, а на улицъ, жимо овонъ, задвигались веселыя толим народа, Дарья Тихоновна и Паваня стали горопливо собяраться на гуланку. Осдя съ большею бы охотою просидель дона, съ главу на главъ съ Параней, но онъ не рёнинася даже висказать этого желанія и присослинияся ВЪ нимъ.

Сначана они гуляли втроемъ тихо и сповойно: имвто ихъ не трогалъ, нивто и не обращалъ особенваго вниманія. Осдя былъ очень доволенъ, но Дарья Тихоновна не безъ грусти выскавалась:

---- Воть и видно, что въ чужомъ мѣстѣ живемъ: никто-то тебя не знаеть, не подойдеть, не заговорить, не поподчуеть... Ровно оглашенные какiе ходимъ!...

- А и не хуже это, Дарья Тихоновия, -- возразниъ Оедя.

---- Чего ужь туть хорошаго... не знаю!...-- проговорила съ досадою Парзня.

— Да давно ли еще на фабривѣ-то... Невогда еще внакомства-то свести... — продолжалъ Оедя. — Да и съ къмъ тутъ знатьсято?... Вонъ народъ-то какой фабричный... И дъвка, и баба, и паренъ — всъ пьяные!.. Ломаются, да ругаются... Вонъ идутъ: хороши ли?...

Өедя указаль на подходившую имъ на встрйчу толпу мужчинъ и женщинъ. Всё они были пьяны, на испитыхъ блёдныхъ лицахъ горёлъ багровый неестественный румянецъ, глаза были восналены, шапки сдвинуты на затылокъ, платки на головахъ женщинъ въ безпорядкъ, у многихъ торчали изъ-подъ платковъ пряди растрепанныхъ волосъ. Вся эта помпанія только-что вывалиласъ изъ трактира. Всё въ одно время горланили, обникались другъ съ другомъ, цъловались, пошатывансь на ногахъ, ругались на восдухъ самыми отборными выраженіями, желая перещеголять другъ друга въ наобрётательности, запёзели пёсни самаго циническаго содержанія, приченъ монщины заллебывались етъ удовольствия, невизгивали, припласывали, махали илатжами и били въ ладоши. Одна дёзка пёла:

> Онъ за то его любилъ, Сюртукъ, брюки подарилъ, Что сестру въ нему водилъ.

У другой въ рукахъ былъ штофъ воден и стаканъ, который она, прикранивая и припласивая, поднимала отъ времени до времени надъ головой, стучала ими другъ о друга, наликала воден и подносила то тому, то другой, не забывая и себя. Каждый выпитый стаканъ сопровождался какой-инбудь неблагопристойностью, поторая возбуждала общій востортъ и хохагъ.

Өедя совётоваль уйти оть этой толны подальше въ сторонку, или воротиться назадъ, но Дарья Тихоновна и Параня остановились и засмотрёлись на эту вакханалію, первая не безъ внутренняго сочувствія, вторая — съ любонытствомъ и улыбаой.

- Право, пойдемте... Чтой-то... Не хорошо... уговаривалъ Осди, когда толиа подходила ужъ очень близко, но его не слушали.

Вдругъ нёвоторыя женщины изъ толпы замётили Параню, и она въ никъ уннала своихъ сосёдокъ по падатё, въ которой она работала.

— Паранька...-вскричала одна.

--- Паранька... да!... ваша...-подтвердила другая.-- Что-жъ ты, дьяволъ, угости!.. Съ тебя спрыски нужно... Тебъ хорошо!.. Пошатываясь она подошла къ Паранъ. Вся толна приблизи-

Пошатываясь она подошла къ Паранъ. Вся толпа приблизилась вслъдъ за нело и остановилась.

--- Рада бы угостить, да нечёмъ: начего еще не зажила, не заработала...-бойко отвёчала Параня.

— Врешь, подлаз!.. У тебя, чай, денегъ-то больше нашего... Твоя работа легвая, барышная: тебѣ сполагоря!..

Женщина нахально захохотала.

--- Какая моя работа: такая же, что и твоя, только жалованье-то мое меньше, потому я вновё...

— Да что тебѣ это жалованье?.. Наплевать... Развѣ ты за ту работу жалованье (серешь?.. Знаю я твою работу!.. И мы ее любимъ, да про насъ кунцовъ-то богатыхъ нѣтъ... Вотъ твои работа какая... — Она сдълала жестъ, который вызвалъ гомерическій хохотъ въ цьяной толпѣ.

— Что ты, подлая тварь, — вступилась Дарья Тихоновна,

672

обядёвниясь: — она при матери, — при мий, живеть, она дёвушка честная!..

Она схватила дочь за руку в посийшила уйти прочь оть толпы. Осдя, блёдный, какъ полотно, сжимая кулаки и озираясь назадъ свержающими глазами, точно дикій звёрь, ожидающій нападенія и готовый броситься на врага, медленно шелъ вслёдъ за невёстой.

— Инъ ты, невидаль: дъвка!... Я сама была дъвка... н тоже не безъ матери родилась!. — кричала имъ вслъдъ пьяная баба. — Про меня только-что ни купца, ни ириказчика не выгоръло... А твоя, видишь ты, купециой товаръ!.. А подлая-то не я... а ты, да дочка твоя... купециая!...

Өедя, который слышаль всё эти слова, бросился-было назадь, но хохочущая толпа, доведенияя до восторга послёдней выходкой, двинулась впередь и увлекла съ собою ругавшуюся женщину, загородивъ ее оть Өеди, движенія котораго никто и не замётняъ. Онъ остановился, опустиль голову и руки, и, не поднимая глазь, ничего не говоря, послёдоваль какъ шальной за Дарьей Тихоновной и Параней, которыя тоже молчали, тоже упали духомь, также не смотрёли на Өедю, и, уже не интересуясь болёе гулянкой, опустя голову, пошли домой.

— Экой народъ здёсь каторжный, батюшки... влятой какойто, безстыжій!... — говорила Дарья Тихоновна, когда вошла къ себб въ набу.

- Я вамъ говорелъ: не слушали...-отозвался Оедя, взглядывая на Параню.

— Охота была и бхать сюда... Только и есть, что единъ срамъ да ругательства... А хорошаго-то еще ничего не видно... —сказала Параня канризнымъ рездражительнымъ тономъ.—Сидъть бы въ Онучинъ — гораздо лучше: по крайности никто не обнжалъ!..

--- И здёсь, Параня, нивто бы не обядёль, вабы сидёли дома...-сь упрекомъ замётиль Осдя, у вотораго до сихъ поръ еще стояли из ушахъ слова женщины и заставляли его первио вадрагивать.

— Да что же мы: въ тюрьму, что-ли, сюда попали... что изъ дома нельза выдти?.. — раздражительно отозвалась Параня. — Да, правда, что не лучше тюрьмы!... Что ужъ это за жизнь?.. Двънадцать часовъ на фабривъ трубн... Домой придешь — въ заперти сиди, а на улицу вышла, такъ того жди, либо осрамять тебя, либо обругають ни за что!..

Өеда робко и неръшительно подсвлъ въ Паранъ.

Томъ П.-Авръль, 1879.

BECTHER'S HEPOHEL.

— Послушай... — заговориль онъ, послё нёкотораго колебанія. — Нельзя такъ... чтобы кто смёль это говорить... хоть и въ пьяномъ видё... Несносно мнё это слышать!.. И съ чего только люди взяли?.. Все сердце во мнё горить!.. Глаза застилаеть!.. Повёнчаемся, Параня, поскорёй... Теперь не, до Филиппововъ...

- А тутъ что будеть?..-спросвая Параня холодно, не оборачиваясь въ Өедъ.

--- Какъ что будетъ?.. Жена моя будешь... Всёмъ ротъ завроемъ: нивто не посмёсть подумать, не то слово сказать...

— Чёмъ-же это ты ротъ-то людямъ зажмешь?.. На ту же фабрику ходить буду, та же жизнь-то будетъ... Никому не закажешь и говорить что вздумается...

— Да я убыю...

--- Всёхъ не перебъещь... а за перваго на каторгу сошлютъ...

— Тавъ не ходи на фабрику... Не надо!..

— А чёмъ же жить-то будемъ?.. На двёнадцать-то рублей не больно разгуляешься... Да какіе еще двёвадцать... Оброкъ спросять, подушны, въ домъ потребують: себя-то одного не прокормишь, не то, что меня съ матушкой...

-- Живутъ же, Параня, люди... и меньше еще меня получають...- робко проговорилъ Өедя.

--- Да, воть оно что!.. Воть что заговорнаъ!.. Такъ ты за этимъ, что ли, сюда насъ заманилъ, чтобы волей-неволей, оть стыда, оть срама, да отъ ругательствъ, я за тебя, за бъднаго, замужъ вышла... на нужду, да на горе?..

— Параня... — вскричалъ Оедя съ болью въ сердцѣ. — Да ты говоришь со мной, точно я тебѣ врагъ заклятый... точно не то, что ты любишь меня, по охотѣ идешь, а ровно по-неволѣ, но принужденью... или только потому, что богатства отъ меня ждешь... изъ-за денегъ!.. Времечко только, вѣдь, потерпѣтъ не долгое... Не останусь я съ этой добычей: больше буду получать... Все, что ни добуду, все про тебя... И матушку, и брата твоего никогда не оставлю... Коли любишь ты меня, такъ неужго не въ силу тебѣ мѣсяцъ-другой, али полгода въ нуждѣ-то перебитьса?..

--- Полгода!.. А какъ всю жизнь?.. Отъ кого у тебя росписка дана, что черезъ полгода другое будеть, а не то же самое, что теперь, не та же нужда?.. Ты воть и въ приказчики не хочешь идти: дурь въ тебъ какая-то... На машины свои надъешься... А можетъ и не нужны никому твои машины-то?.. Теперь-то даже ты вонъ какъ козыряещь: этого не хочу, да другое не подходяще... Выдумаль что: чего люди добиваются, за счастье считають: въ приназчики попасть, --- для него это эморно... Кань ты и вакъ-оть свой этакой будень, такъ каново жене-то будеть чережь тебя?.. Ты бы воть о ченъ подумаль!.. Мит тоже своя голова дорога!.. Замужъ-то одинова выдти; а туть что будеть?

Оедя собирался что-то возразить, но Дарья Тихоновна, смотр'ввшая въ окно, вдругъ вскрикнула:

-- Глядите-ка: вто-то подъбхалъ въ воротанъ... Лошадь-то какая!.. Ай, да никакъ молодой хозяннъ?.. Онъ и есть!.. И съ барыней съ какой-то!..

И Парани, и Оедя, бросились въ окнамъ. Параня вспыхнула. Оедя поблёднёль, нахмурился, но вышель изъ избы на встрёчу гостямъ.

IV.

---- Здравствуйте, Чернушкинъ, --- говорила Алёна Николавна, протигивая руку Седъ, когда онъ вышелъ за ворота.----Вотъ я къ вамъ въ гости пріздала вмъстъ съ Алевсандромъ Кузьничемъ. Желала навъстить васъ и познавониться съ вашей невъстой...

---- Милости просвиз... пожалуйте...---отв'язаль Өеди какъ-то разс'вянно и не вполи'я прив'язанно.

--- А ты посмотри, Федоръ, кто еще къ тебё ёдеть...-говорняъ Александръ Кузьмичъ занскивающимъ голосомъ, точно оправдываясь въ какой иннё: передъ этимъ онъ только-что замётилъ въ окиё личико Парани и самъ весь вспыхнулъ. Онъ указывалъ Федё на приближающуюся по улицё нару лошадей.

---- Батюшви, -- вскрикнуль радостно Оедя:---да, вёдь, это Оедоть Семенничь съ Василіонъ Якимычень.

--- Мы ихъ встрётили передъ фабрикой... И дорогу въ теб'я сюда ны имъ указали... Они на фабрику бхали, думали, ты еще тамъ дивешь, въ мастерспой...

Өедя побъжалъ на встръчу подъёзнающимъ, забывши даже, что слёдовало бы сначала проводить или, по-прайней мёрё, показать дорогу въ избу Алёнё Николавнё и принять лошадь изъ рукъ Александра Кузьмича. Вирочемъ, на послёднюю услугу явилось много охотниковъ изъ случившихся на улицё мужиковъ, воторые съ низвими, подобострастными поклонами окружили тотчасъ же сани ховяйскаго сына и его лошадь. Александръ Кузьмичъ поручилъ двониъ, болёе, по его миёнію, благонадежнымъ выять лонгадь подъ уздци и подержать ес, пока онъ зайдеть въ избу.

Всё бросникь исполнять эту просьбу, и кому не удалось схватиться за удила лошади, старались показать свое усердіе къ хозянну, поврайней-мёрі, хоть тёмь, что трепали лошадь по шеё, но снинё, оправляли на ней вполиё исправную сбрую, полами и рукавами своихъ кафтановъ обтирали ся тучные бока и смахивали сибгъ, приставшій къ передку саней. Жеребецъ фыркаль, недовёрчиво поводилъ глазами и настораживать упри.

--- Вы не малитесь около него, пожалуйста...-уговариваль Александрь Кузьмичь.---Не пугайте его...

— Зачёмъ махаться, Алевсандра Кузьмичъ...—отвёчалё мужики. — Мы техо... ласковымъ манеромъ... Воть какъ!.. Го-го!.. милый!.. Сс!.. Что? что?.. О-о-о!..

Встревоженный передъ тёмъ и мрачно настроенный, Оеди былъ безмёрно радъ и какъ будто даже усповонлся отъ пріёзда Оедота Семеныча и учителя. Они являлись къ нему, точно неожиданные защитники и покровители въ тяжелую минуту его жизни. Радостно обнималъ онъ то того, то другого.

— Здравствуй, здравствуй, Оедюнка... Здорово...—отвёчалъ Оедоть Семенычъ на его привётствія. Даромъ, весело живень, а, видать, обрадовался же и намъ... Да что же ты проклажаенься съ нами?.. Мы свои люди... Вонъ Александръ-то Кузьмичъ съ барыней стоять одни, ждуть тебя... Поди же, поди... Примай ихъ... Они тоже къ тебё пріёкали въ гости...

Осяя, какъ послушный ребеновъ, бросился въ Кошатникову. — Александръ Кузьмичъ... Алёна Николавна, извините... Пожалуйте... Милости просимъ... Никакъ не ждалъ я... Осдотъ Семенычъ и Василій Якимычъ всё вдругъ... Вотъ Василій-то Явимычъ... учитель!..—говорилъ Осдя.

--- Мы ужъ познакомились: я ужъ пожала ему руку... Съ удовольствіемъ пожму и еще разъ...-- отвёчала Алёна Николавна, направляясь на встрёчу Проскурову.

--- Позвольте и мнѣ... Очень радъ... Мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ: у насъ все готово, недоставало только васъ... --- говорнять и Александръ Кузъмичъ, пожимая руку Проску рова.

- Здравствуйте...-обратнися онъ въ Өедоту Семеннич.

--- Очень вамъ благодаренъ, Александра Кузьмичъ, что вн не оставляете моего Осдю... Много я наслышанъ о ванняхъ милостяхъ въ нему...-говорилъ Осдоть Семенычъ, вланяясь.

стонть за своить мужечновь горой... Всё его любеть и ува-

— И ной благодётель и повровитель!.. — примолянить съ своей сторены Осда.

--- Очень пріятно...-нёсколько висло отвёчала Алёна Николакия.-- Я не сомнёваюсь въ ваянихъ достоинствахъ и готова уважать васъ, но, извините меня: вы благодарите Алевсандра Кузъмнча за какін-то милости, а по-коему, истивный гражданинъ не долженъ ни пользоваться, ни надёяться на чьи-нибудь милости... Милостей не должно быть: онё унижаютъ и оскорбляють того, кто ихъ принимаетъ и показываютъ душевную низость въ томъ, вто ихъ хочетъ дёлать и считаетъ себя въ правё дёлать... Люди всё равны и имёютъ одинасія права... Можетъ происходить взаимный обмёнъ услугъ, но о милостихъ и покровительстять не можетъ быть и рёчи...

Өсдоть Семенычъ съ недоумёніемъ, молча, смотрёль на Алёну Николавну. Она это замётная и продолжала:

--- Вамъ, конечно, дико слушать такія рёчи: вы выросли и состарйлись на другихъ понятіяхъ... Но васъ мий отревомендовали, какъ отличнаго человёка... Я хочу, чтоби и вы знали, съ вёмъ вмёете дёло... чтобы зналъ и г. Проскуровъ, что я съ нимъ единомисляща... А что онъ такъ же думаеть, въ этомъ я вполий увёрена... Однано, что же, госиода, мы, вёдь, на улицё дебятируемъ... Пойденте же въ набу... Что же вы, ховяннъ, не зовете насъ?..

- Пожалуйте... Я вась ждель...-отвёчаль Өедя.

- Да, да, Чернушкинъ, - говорила Алёна Николавна, идя виереди другихъ вслёдъ за Осдей, -- нои слова и въ ванъ относятся... Въ наленъ вексивонё не должно быть такихъ словъ, какъ «благодётель», «покровитель» и «милости»... А вы ихъ употребляете: это не хороню!.. Надёнсь, что это по привычкё только и что настоящія уб'яжденія у вась совсёмъ другін... А въ противномъ случаё вы намъ не тонарницъ...

— Федоть Семяннчъ — мой дийствительный другь и благодиталь... Всегда скажу и въ глаза, и за глаза... — упрямо настанваль Феди. — Я не изъ лести, Алёна Николавна, но изъ нодности!.. Да онъ и не такой человить, онъ — старикъ, а съ молоднить париенъ будеть разговаривать, нанъ со своимъ братонъ... и волное добро старается сдёлать... Танихъ людей на свётё мало!..

Отверенныя въ нюбу дверн пенёнали Алёнё Николаний возразни. У норога гостей встрённая, какъ хозяйка, Дарья Тихоневна. Свади си стояла Парани. Алёна Ниволавна прямо подощла итней и заговорила первая, прежде чёмъ успёли войти въ вобу остальные гости и Өедя.

--- Безъ сомнѣнія, вы невѣста Чернушкина... Познавомнитесь... Я, другъ его... то-есть, хочу быть его другомъ, если только онъ... Впрочемъ, вы этого не поймэте... Вѣроятно, вы слышали отъ него обо мнѣ? я гувернантка... учительница дѣтей Дмитрія Тимоесича... Меня зовутъ Алёна Николавна... Вѣроятно, слышали обо мнѣ?.. А васъ, вѣдь, зовутъ Параня? да?..

--- Такъ точно-съ...

- Ну, воть видите: я знаю... Здравствуйте же...

Но Алёна Николавна напрасно протягивала Паран' руку: та не знала, что съ нею делать, и смущенная, озадаченная, только улыбалась и кланялась.

- Ахъ, да, я и забыла: у васъ свои привычки... спохватилась Алёва Николавиа. Ну, поцёлуемтесь... О, накая вы красавица!.. Я понимаю, что могли вскружить голову Чернушкину... Но не злоупотребляйте этимъ: помните, что у него есть другія обязанности, кромѣ любви и заботы о васъ!.. Ну, объ этомъ мы еще послѣ поговоримъ... Я хочу съ вами сблизиться...

Между тімъ Дарья Тихоновна, тавъ безцеремонно обойденная и оставленная безъ всякаго привётствія и вниманія незнаномой барыней, съ которой она и не знала еще какъ и держать себя, разсипалась въ любезностяхъ нередъ остальными гостник и особенно передъ Александромъ Кузьмичемъ; но она скоро почувствовала, что и остальные гости пришли не въ ней и мало ею интересовались: у нея стало настолько такта и соображенія, чтобы тотчасъ же стушеваться подъ предлогомъ ховяйственныхъ хлопотъ объ угощенія дорогихъ гостей, оставняв ховяевами въ необъ дочь и бедю. Она сдълала это тъмъ охотибе, что чувствовала невольную неловкость и даже какой-то безпричивний страхъ передъ бедотомъ Семеншчемъ, даже, встрёмая его, не могла заставить себя взглянуть ему прямо въ глава, и собнавала, что ластовыми ръчами она не подкупила бы его.

Усадньъ мужчинъ, Оедя обратился въ Паранъ, съ которой все еще продолжала разговарнать Алёна Николавиа.

- Ужъ нознавомникь, - свазалъ онъ, подходя въ нимъ.---Просила бы, Параня, садиться.

---- Пожалуйте, садитесь... Покорно просник... --- говорила Параня, разсканно слушавшая свою собесканицу и на половину не понимая, что и въ чему та говорить: ей хоткнось веглануть на остальныхъ гостей, на Александра Бузъанча, которий се

интересоваль, и на Осдота Семенича, котораго она никогда не видала и который, она знала, прібхаль для того, чтобы говорить съ Осдей о ней.

— Алёна Николавна, пожалуйте, присядьте... — повторилъ Осдя просьбу Парани.

--- Сядемте, сядемте...- отвѣчала Алёна Николавна. --- Я знаю: но-русскому обычаю нужно непремѣнно сначала усѣсться, чтобы разговоры вести. Ну, пойдемъ, Параня, сядемъ виѣстѣ и потолкуемъ объ ученьн... Я ужъ успѣла не только познакомиться съ вышей невѣстой, но и упрекнуть ее и васъ, виѣстѣ съ ней, за то, что она до сихъ поръ грамотѣ не знаетъ... А это бы, кажется, нервая обязанность влюбленнаго: развивать, или по-крайнеймѣрѣ хоть выучить ее грамотѣ...

— Некогда было, Алёна Николявна... Знаете сами: она на фабрикъ, я — въ мастерской... когда же?.. Параня, поди поклонись Федоту Семенычу... Воть они...

— Здраствуй, милая, здраствуй...-отвёчаль ласково Өедоть Семенычь.

--- А вы еще развѣ до сихъ поръ не знали его невѣсты? --- вмѣшалась Алёна Николавна.

--- Нѣтъ, еще впервой вижу...-- отвѣчалъ Өедотъ Семенычъ, любуясь на Параню, которая стыдливо стояла передъ нимъ съ опущенными скромно глазами, съ раскраснѣвшимися щеками: онъ, конечно, не могъ догадаться, что Параня застыдилась не передъ нимъ, а потому, что рядомъ съ нимъ сидѣлъ Александръ Кузьмичъ.

— Ну, это инё по-крайней-мёрё нравится, что Чернушкинъ хоть самъ себё невёсту выбраль, а не ждаль, чтобы ему навязали ее родители, или блонодпители... хоть этой добродётели въ немъ нёть, а то быль бы совсёмъ благонамёренный юноша... Красавица, красавица!.. И умненькая, кажется... Жаль воть только, что неграмотная... Ну, да мы это скоро поправимъ: хорошо, по-крайней-мёрё, что жеваеть учиться...

--- А воть это твой старый знавоный... Васный-то Якимычь... Узнала, чай, Параня?...-спросныь Өеди.

- Какъ не узнать... Узнала...- отвечала она. Здраствуйте.

- Зараствуй, — Параня... Помнинь, какъ ты меня отдълала за то, что я твоего братнику не хотълъ изъ инколы выпустить?.. - говернаъ, улибаясь, Проскуровъ. – Помнишь?..

--- Нужда наша не позволяла тогда... -- отвъчала Параня, покраснъвъ еще болъе.

- А встани, гдб же онь, мой ученинь?..

--- Гуляетъ... Съ угра на гулянкъ... -- отвъчала Парани, отходя и садясь около Алёны Николавны.

- Въ книжку, чай, и не заглядываеть никогда?..

— Нёть, вогда читаеть: заставляемъ...

- Воть какъ: заставляете!.. Ну, это хороню!.. Да, эбдь, чай Осдоръ больше заставляеть, а не ты?..

--- Когда и я!.. Что же, не все ему баловаться... Коли время нозволяеть, пускай и почитаеть... Отчего же?... И я велю!..

--- Ну, вначить, и ты изм'янила свои взгляды на грамотность!.. Это хорошо!.. Тогда и самой, конечно, сл'ядуеть обучиться грамать...

— Да воть что, госнода...— заговорила опять Алёна Николавна. — Почтеннаго старца, судя по отзывамъ о немъ, намъ стёсняться нечего: онъ насъ не выдасть... Намъ можно и при немъ ноговорить о нашемъ дёлё, благо мы всё здёсь и Проскуровъ пріёхалъ... А впрочемъ мы это сейчасъ обмозгуемъ... Вы канъ... Θедотъ Семенычъ, кажется?...

— Такъ точно-съ...

- Вы какъ, Өедоть Семенычъ, на-счеть школъ для народа?

— То-есть какъ это на-счеть школъ?.. Что вы вволите спрашивать-то?.. Въ какомъ родъ?..

- А то-есть слёдуеть учить народъ грамоте, или нёть?..

--- Кабы не слёдовало, такъ и училищъ бы не заводили... А, напротивъ того, у насъ стараются сколь возможно больше школъ заводить...

— Значить, вы не принадлежите вашими убъжденіями въ людямъ вашего поколёнія, которые думають, что ученье, образованіе развращаеть народъ?..

--- Какое ученье, какое образованье!.. Воть какъ этакое, что мы сегодня на фабричной гулянки видили, такъ тутъ хорошаго мало... А каждый фабричный думаеть, что онъ много образованиве простого сбраго мужика...

--- Да нѣть, я собственно на счеть народнихъ школъ... Ви не думаете, что грамотность нортить народъ, пріучаеть его къ вольнодумству, къ самомитенію... къ неповиновенію, что ля?..

--- Я на своемъ вёку всего много видалъ: видалъ грамотныхъ и хореникъ людей, видалъ и такихъ, что хуже не надо... Дёло не въ грамотё, дёло въ человёнё: и ножъ въ хороникъ рукахъ на пользу идетъ, а дай его разбойнику въ руки, онъ виъ человёна зарёжетъ... То и грамота... Умнону она въ пользу, а дурака умнымъ не сдёлаетъ...

— Да нёть, вы все говорите односкоронне, а я желала бы

знать валю мийніе въ общенъ синслі: что лучше, учить ли народъ, или оставить его въ тонъ нев'янестві, въ воторонъ онъ находится?..

— Да ужъ это не иной видумано и до насъ сказано, что ученье — свётъ, а неученье — тька... Да что вы меня, сударыня, пытаете?.. Я старияъ старый... Думаю самъ про себя... Вы люди учение, а я мужикъ простой, темный, хоть и грамотный маленько... Развё вамъ можно со иной считаться?.. Что вамъ въ монкъ мисляхъ?.. Слышу я, что вамъ нужно о чемъ-то поговорить промежъ себя по секрету: велите, такъ выйду, — разговаривайте, а и при миё будете говорить, такъ я въ ваше дъло не впутаюсь и въ доказчики на васъ не нойду... Вы, въдь, чай, не прочивъ закона что замышляете?..

--- Да, вёдь, законъ закону рознь... Вы, пожалуй, и это, что мы задужываемъ, сочтете противозаковнымъ... Пожалуй, у васъ и за такое дёло можно пострадать...

Өедоть Семенычь вопросятельно взглянуль на Өедю. Тоть не выдержаль.

- Нёть, Өедоть Семенычь, - сказаль онь, - нечего туть нёть такого и завсегда бы я вамь это открыль - не побоялся бы... Все вь томь, что Александрь Кузьмичь, потеконьку оть татеньки своего, шволу открываеть, для фабричныхъ, потому Кузьма Иванычъ противъ всякаго ученья... Воть и Василія Якимыча пригланають въ эту школу учителемъ... Больше ничего и нёть...

— Такъ что же, сударыня, вы сумнѣвались говорить-то при миѣ?—обратнися Осдогъ Семенычъ къ Алёнѣ Ниволавиѣ:— ничего туть вѣтъ, окроиѣ хорошаго в противъ закона ничего нѣтъ... Это доброе дѣло Александръ Кузьмичъ задумалъ!..

- Но однако... все-жъ-таки... нёкоторымъ образомъ туть подрывается авторитеть родительской власти...-- иронически произвесла Алёна Николавна:-- сынъ вдеть проимвъ отцонской волв!..

— Да кабы онъ на худое шелъ, такъ та́къ, а то, вѣдь, онъ на доброе... Никто его за это не осудитъ, коли если только... извини ты меня, Александра Кузьмичъ... если денежки не будень на это потиконъку отъ родителя брать...

- Нёть, я на свои, на собственное звлованье...-посийшно отвёчаль Конативсова.

--- А воть, по нашену мибнію, для добраго, общеполезнаго діла, не стыдно было бы даже и понихоньку ваять денегь у такого згонста, эксплуататора и самодура, какъ родитель Александра Кузымича... А вы какъ думаете?--говорила неугоменная Алёна Наколания.

вотникъ изрони.

- Ну, ужъ на-счеть этого не знаю какъ вамъ сназать... Эго ваше разсуждение!..-промолвилъ, нахмурившись, Өедоть Семенычь и опустиль глаза.

- Такъ вотъ, Василій Явинычъ, милости просимъ...-обрателся въ Проскурову Кошатниковъ. У меня все готово... Какія будуть ваши условія?.. Я ничего не пожалёю, скольно могу... Коли сойдемся, такъ воть поёдемте: в квартира вамъ готова, н сторожъ нанять: онъ и прислуживать ванъ будеть...

- Между нами условій никакихъ быть не можеть...-отвічалъ Василій Явимычь. - Сволько заплатите, то и ладно, линь бы меё сытымъ да одётымъ быть: воть и все... Объ этомъ и толковать нечего... Я вдёсь совсёмъ... Оедя меня позваль отъ вашего имени: я и прібхаль вовсе...

- Браво!.. Воть это люди!..-восторженно всеричала Алёна Николавна... Воть, Өедоть Семенычь, воть какихь людей им ищемъ, воть какихъ, надёемся, образуеть школа и ученье!.. нодей, которые ндуть на дёло не изъ-за рублей, а изъ любви къ нему, изъ желанія сдёлать пользу!.. Воть, заикнись только Василій Якимичь о рубляхь, заговори только о жалованые, начни торговаться, я потерала бы въ нему половину уважения, а теперь

фузливо говорилъ Василій Явимычъ.

- Неть, неть, оставьте... Не преувеличиваю я, а говорю ECEDEHHO...

- Воть видите, - продолжала она, обращалсь въ Өедоту Семенычу, --- им можемъ деньги взять потихоньку для общаго дела, что называется по-вашему: украсты и мы же всегда готовы для общей пользы пожертвовать всёми своими интересами, даже самыми собой... Вы, хорошій человікь стараго поколівня, способны презирать за это насъ, молодежь?.. Ну-те-ка, скажите, по совѣсти...

Өедоть Семенычъ выглануль на Алёну Николавну и улиб-HYACS.

- Добрыя вы, я вижу, только горяченьки...-сказаль онъ.-А украсть, все-таки не украдете...

- Нътъ, украду... со спокойной совъетью украду, - горачилась Алёна Николавна, -- но это не будеть воровство въ монтъ главахъ... Онъ обноровываеть, обнраеть народъ, живеть его трудомъ, его вревыю и его тижеднии заработнани, набизаеть свой карианъ, слёдовательно, взявши у ного для общаго дёля, для общей пользы, я только возвращу отнятое насяльно току, кону

оно принадлежить по праву... Вы, вёдь, уважаете людей, которые владёють огромнымъ богатствомъ?.. Признайтесь: уважаете воть, напримёръ, его отда?..

Алёна Николавна указала на Аленсандра Кузьмича.

Признайтесь, вёдь, въ вашихъ глазахъ его отещь чуть не великій человёнъ, предъ которымъ всё должны преклоняться, благоговёть и унижаться?.. Такъ, вёдь?.. Не правда ли?..
 Что же? правда!.. У насъ Кузьму Иваныча всё почн-

--- Что же? правда!.. У насъ Кузъму Иваныча всё почннають!.. Да онъ и сто́ить того: скольво народа оть него ворматса!.. Опять же онъ чевовёнь добрёй, благотворительный: вонъ мосты сгроить, которые больше, не подъ силу мужикамъ; пожарнымъ, почитай, накогда у него отказу иёть: всегда помогаеть... И такъ милостыню подаеть: воть когда помвики, али что... тысячи народа къ нему издалека собираются, на лошадяхъ ир'йзжають за подаяніемъ, значить хорошо одёляеть: ва пошадяхъ ир'йзжають за подаяніемъ, значить хорошо одёляеть: ва пустымъ мѣстомъ не поёхали бы!.. И къ мужику не прижимисть, всегда льготу дасть, если мужикъ безъ грубости, повенится и милости попросить: это ужъ я знаю, по своимъ дёламъ и но разговорамъ его... Какъ же его не почитать?.. Всякій его уважить, потому для всего общества человѣкъ полезный: воегда скажу!.. И не въъ того говорю, что сынокъ его здёсь, а и не будь его то же бы сказаль!..

--- О, я такъ и думада!.. А я воть тоже при Александрё Кузьмичё скажу, что въ можъ глазахъ его отецъ не больше, какъ эксплуататоръ, грабитель, который безъ стыда и безъ совъсти обираеть народъ, жиреть и богатёсть насчегь другихъ, да еще грошовыми подачками заставляеть этоть же обобранный имъ народъ считать себя своимъ благодётелемъ... Ноть какъ я понимаю вашего Кузьму Иванича и всёхъ ему подобныхъ!.. И, невёрыте, не я одна, а вмёстё со мною и вся передовая, развитая молодежь!..

--- Про другихъ не знаю, а что отъ васъ слишу, такъ довольно мий это удивительно, особенно накъ сназали вы, что ихныхъ внучатъ учите, стало быть, въ ихъ домё жилете, яхную хлёбъ-соль ёдите, да, поди еще, и жалованье не малое получаете....

Алёна Николавна искусственно и преувеличенно расхохоталась.

--- О, если бы вы даже этого и не высказали, я знала, что вы это думасле!.. Какъ, въ самомъ дёлё: мять въ домѣ, получать жалованье и о хозяниё своемъ такъ думать?!. Да въ этомъ-то и вся сила, этимъ-то нале поколёніе и не похоже на ваше, этомуто воть, вийсти съ грамотой, мы и хознить обучить нашть бидный, загнанный, невыжественный народъ, чтобы онъ не дуналь, что богатый купецъ, нанявши его въ работниви и платя ему жалованье, оказываеть сму инлость и благодбяние, а понималь бы, что кунець при этомъ обираеть его и отдаеть только малую частицу того, что ему слёдуеть!.. Вы разсудите только: кто преизводить весь этоть товарь, съ вотораго кушець наживаеть барыши? вёдь рабочій? Такъ?.. Отчего же онъ взъ своего барыша отдаеть рабочену тельно каную-нибудь нонвику съ рубля, а остальное береть себё?.. По накому праву?.. Онъ нанимаеть рабочаго за сто рублей, а тоть ему сработаеть на тысячу... Зачёнь же онъ береть всё эти деньги себё, а не дёлится съ рабочный?.. Развѣ это не грабежъ?.. Да еще мало этого: онъ старается н эту-то ничтожную плату уменьшить... вакъ бы еще подешевле платить... И воть рабочіе въ нищетв, въ лишевіяхъ, а овъ строить дворны, роскошествуеть, не знаеть что делать со своими деньгами... И этакихъ людей вы называете благодътелями народа, людьми полезными обществу!.. Вы умный и честный старикъ: всв этого говорять, и я сама внаку, - а потому такъ откровенно н высказналось передъ вами... Вы подумайте о монхъ словахъ!..

Теперь Осдоть Семенычь въ свою очередь улыбнулся, но скромно и сдержанно.

— Ужъ вы такъ, кажись, сударыня, полагаете, — сказалъ онъ добродушно, — что мы вовсе начего не дунаемъ... А можетъ, все ето давно ужъ передумано... Не отъ первой отъ васъ слыму я эти рѣчи: говоратъ ихъ и мужички которые, бахвалистые, слыхалъ ихъ и отъ господъ, кон свои достатии поразстроили и завиствуютъ на купеческое богатство... У народа нашего русскаго, простого зависти нѣтъ: онъ Вога благедаритъ и за малое!.. Все ужъ это было переговорено и пересумско... И объ этоить, если то́нкоить говорить, надо много и долго... А вотъ вы мнѣ что молите: вотъ вы хотите, чтобы весь народъ думалъ такъ, по-вашему, тому обучать его хотите и втолковывать... Ну, а будетъ ли лучшето, накъ сковъ? ка́къ полагаете?..

— Безъ сомньнія — лучше!..

- А чёнь же?.. Что туть народь подёлесть?..

--- Мало ли что!.. Онъ будетъ дёлатъ стачин, отказываться отв работы, подъ угрозой остановин фабринъ можетъ вынудить возвышение илаты, уменьшение рабочнать часенъ, даже участие въ прибынать...

- Не одолёть бёднымъ людямъ богатаго... Не угровать ему

тиль, что фабрика станеть: перебореть онь ихь... На ийсто бунтовщиковь тотчась другіе окотники найдутся... А и разорять они купца, — положних такь, станеть фабрика, совсёмъ закроется: кому какой оть того барышь? только лининаго заработна себя линиать... А тамъ судъ да взысть съ бунтовщиковъ — и вовсе значить себя раворять... Не люблю я фабрикъ, не но мысли онъ мнё, потому народъ портять, оть земли отбивають... Ну, да народъ пока рвется на нихъ: видать, лишній рубль можно заработать... На купцовъ не жалуются, а еще хвалять, благодарять и кланяются, что работу дають... остаются довольны... На что же вы хотите учить его своей-то наукъ, коли она вовсе и не нужна ему?.. А ну, — какъ онъ такъ ващу науку пойметь, что коли насъ грабять, такъ стало и намъ грабить можно, да разбоемъ пойдуть на богатыхъ-то кущовъ?.. Развѣ не можеть статься?..

--- Это было бы, можеть быть, лучше всего...-воскликнула Алёна Николавва.

— Ну, ужъ, сударыня, извини ты меня... Это, выходить, языкъ безъ костей: все скажетъ!.. Въдь, разбойникъ-то человъкъ безсудный: онъ не станетъ разбирать, не однихъ купцовъ, а, пожалуй, и тебя задънеть, и другого, третьяго оберетъ, кон ни въ чемъ не виноваты и не причинны... На кого ни взглянетъ, на всякаго позавиствуетъ: что ни увидитъ, все ему подавай, все ему мало... Да объ этомъ и подумать-то такъ... не приведи Госноди!.. и говорить-то странно!.. А не то, что — лучше всего!.. Нътъ, ужъ это ти, по женскому своему разуму, перемахнула слишкомъ... безъ всякаго разсудна сказала!.. Извини ты меня!.. Не обидься!..

--- Ну, дёдушка, ничего: я не обидчива!..--отвёчала Алёна Николавна со снисходительной улыбкой.----Не бойся: не разсержусь... Гдё же тебё и понять настоящій омысль монхь словь... Мнё, вонечно, не слёдовало бы и заговаривать сь тобою объ этихъ вопросакъ... Они очень чужды вашему міровозэрёнію, вашимъ привычкамъ: я понимала это впередъ... Помните, сказано: въ мёха старыя нельвя вливать вина новаго!.. Но я увлеклась общими похвалами о васъ нашихъ, тёмъ доверіемъ, которее они вамъ оказываютъ... Я, впрочемъ, увёрена и теперь, что вы не доносчикъ какой-нибудь!.. Во всякомъ случаё вы здёсь между друвьями, воторие, замётьте, всё думаютъ одинаково со мною... Въдь, вы, нонечно, доносить на насъ не будете?..

- Доносить!.. - усибинулся Осдоть Семенычь. - О ченъ доносить-то?.. Развё оть ваших разговоровъ что станется?.. Правда,

что въкъ прожняъ — дураномъ не считали, а ужъ если я ванияъ словъ въ толкъ не возьму и нъ сердцу не примаю, а такъ думаю, что съ вътру вы это говорите, такъ кто васъ слушать-те будеть?.. Подите, поговорите, попробуйте!.. Доносить!.. Смъщана вы, сударыня... Право!.. Да вонъ Осдюща-то, изъ ванияъ, говерите, и тоже рабочій на фабрикъ, а спросите-на его: согласенъ ли, чтобы рабочіе разбоемъ пощли на хозявна, и пойдеть на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?.. Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?... Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?... Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?... Да вотъ, правда, и хозявна, и пойдетъ на онъ съ ними?... Да вотъ, правда, и хозявна... Чудная, сударния... право, чудная!... Желаемъ, говоритъ, этого!... Лучше бы всего обнло!..

Өедоть Семенычь добродушно смеялся.

--- Вы, Өедоть Семенычь, не совсёмъ такъ принали слова Алёны Николавны, -- замётилъ Проскуровъ: -- она про разбой не говорила, это вы сами сказали... Она говорила почти то же самое, о чемъ и мы давеча дорогой съ вами толковали: слова только другія подошлись...

- Какъ то же самое? что ты!. И украсть, говорить, хорошо! и ограбить можно и слёдуеть!.. Коли я бёдень, а ты богать: ну, вначить, ты грабитель, ограбилъ меня, а я долженъ тебя грабить... Вотъ, вёдь, она чему учить-то хочеть!.. Какъ же это не разбой?..

Өедоть Семенычь усмѣхался.

— Ну, довольно, довольно, дёдушка!.. — перебила его Алёва Николавна. — Положимъ, я не совсёмъ то говорила, да оставниъ это: напрасно только опять поднимать объ этомъ разговоръ, а намъ время бы, Александръ Кузьмичъ, ёхать... Въ школу, вёдь, хотёли побывать... Вотъ кстати возьменте съ собою Проскурова и водворямъ его на новосельн...

— Ахъ, въ самомъ двлё... Поёденте... — отозвался Адевсандръ Кузьмичъ. — Это отлично!.. Только негдё намъ посадиъто васъ... Нельзя ли бы лощадь промыслить?!. — обратнися онъ въ Өедё.

— Да пускай мой ямщикъ отвезетъ...— сказялъ Өедотъ Семенычъ.— Развѣ что далеко?..

- Нѣть, близеконько: всего съ версту отсюда...

Вонъ ужъ, слышалъ, и безъ науки-то вашей, сами-по-себъ, какія они пъсни здъсь переняли...

— Въ одномъ, дёдушка, не сомнёвайся, — подстала Алёна Николавна: — наши ученики, если тольно не забудуть нашихъ наставленій, будуть людьми честными, подлости никакой не сдёлають, но и унижаться не стануть, а сами за себя постоять!.. Ну, прощайте же, дайте вашу руку, разстанемтесь друзьями!.. Мы хоть и не сходимся съ вами въ уб'виденіяхъ, но, я вижу, вы честный старикъ!..

Алёна Ниволавна кръпко сжала и сильно потрясла руку Осдота Семеныча.

— Ну, Параня, такъ будешь ходять въ нашу школу по воскресеньямъ?.. я сама буду тебя учить... — обратилась она къ Паранѣ.

--- Коли время позволять, такъ отчего же?.. --- отвёчала Параня.

--- Ну, вакъ времени не найти... Мы надбемся, что ты и другихъ своихъ товарокъ будешь зазывать, а Чернушкинъ --рабочихъ... Ты и не замбтишь, какъ выучишься: мы, вёдь, не но-старому будемъ учить, --- у насъ черевъ два-три мёсяца и читать, и писать будешь умбть...

— Добре бы это... — подстала молчавшая до сихъ поръ Дарья Тихоновиа. — Покорно васъ благодаримъ за вашу ласку... Какъ ей не ходить: будеть безпремённо ходить... А что же, у меня, вонъ, самоварчикъ посиёль... Чайку бы, удостонли, откушали...

- Нёть, нёть, векогда... Въ другой разъ когда заёдемъ...

- Да что же это, - я сейчась бы, в'дь... Воть и они съ дорожив-то отвушали бы...

Дарья Тихововна указала на Проскурова, но тоть тоже отказался. Александрь Кузьмичь молчаль: онь съ удовольствиенъ бы посидѣль еще здѣсь, гдѣ была Параня, но боялся это обнаружить. Онъ плохо даже слышаль, о чемъ говерили и снорили вокругъ него: онъ заботился во все время только о томъ, чтобы незамѣтно для Феди взглядымить на Параню. Онъ хотѣлъбыло предложить, чтобы и Федя, и Федоть Семенычъ ѣхали вмѣстѣ съ нимъ, подъ предлогомъ осмотра школы, и взяли бы съ собою Параню, но не рѣшняся сказать, и уѣхалъ разстроенный и недовольный. А между тѣмъ Федя ревниво наблюдалъ и за нимъ, и за Параней, замѣтилъ ихъ робкіе взгляды, ихъ смущеніе, — и молча страдалъ... Осдоть Семеничь съ Осдой вышли проводить гостей, но послё ихъ отъёзда старвиъ не пошелъ въ побу и остановниъ Осдо на улицѣ.

--- Ну, воть просня: я прійхаль...- сказаль онь.-- Почю же зваль? говори здйсь... Тамь, можеть, при бабахь, не складво будеть намь разговаривать... Анна мнё все разсказала, и скаринь твой жаловался на тебя... Ты его слушать не хочешь... На что же я-то тебё?.. Меня, чай, и подавно не послушаещь?.. Ну, говори... Потолкуемъ...

Осдя забыль о намбренін своемь просить сод'яйствія Осдота Семеныча въ уб'яжденію отца — согласиться на его женитьбу; въ настоящую минуту онъ видёль въ немъ тольно друга, который разрёшить его сомиёнія, устранить мучительную тревогу, которая наполняла его душу.

- Видбли вы ее?-спросиль Оеда.

- Кого это?.. невысту-то твою нареченную, что ли?

— Да, Параню.

- Кавъ же не видёть: самъ знаешь, что видёль...

- Ну, какъ она вамъ неказалась?..

--- Ка́въ?.. Дѣвка, какъ дѣвка... Пригожа, смаялива, а тамъ... вто се знасть, съ-разу развѣ поважется...

- Я на ней безпрем'вно женюсь, Өедоть Семенычъ: ве сжить мий безъ нея...

--- Ты, въдь, ужъ и отцу то же сказалъ... Нивого слушать не хочешь...

--- Про нее это все напрасно... Она ни въ чемъ не виновата: она хорошая, честная!.. Разви она мамъ не ноказалась чёмъ?..

--- Да много ли я ее видёль?.. И рёчей оть нея, ночитый, никакихь не слыхаль...

— Поговорите вы съ ней, ~~Седоть Семенича, попытайте вы~~ се. Для меня, батюшка, родиный!..

--- Да на-счеть чего попытать-зе?.. Что, подуривать, что ли, она стала, замёчаешь?.. обманываеть, что ли, тебя?..

--- Ой, нётъ, нётъ... Грёкъ это свазать... А мучитъ меня, не споноснъ я сталъ: мёсто адёсь, фабрика, не хоронес... Народъ гакой... бёдовый!.. А жениться своро нельзя... Буденъ ждать да ждать, а какъ кто се сманить отъ меня, какъ надоёсть ей ждать-то?.. Куда я дёнусь?.. Я пропаду тогда... Изму-

чнася я совсёмъ!.. Посожётуйте миё, Седотъ Семенычъ, помогите.... Я на васъ, какъ на отца... Вы умный, вы меня любите, я знаю! Тяжело миё, такъ тяжело!..

--- Да въ чемъ, номочь-то тебъ, дурашка?.. А совъть мой тебъ одинъ будеть: брось ты ихъ, уйди отсель, вовсе съ фабрижи уйди, куда нодальше... А то пропадешь, пожалуй... --- Кавъ, отъ нея-во уйти?.. отъ Парани?.. Нътъ, Федотъ

--- Кавь, оть нея-то уйти?.. оть Паранн?.. Нёть, Оедоть Семенычь, нёвь!.. Пусвай ужь лучше пропаду, а мнё оть нея по доброй волё не уйти... И не уйду, в се неь глазь не выпущу, сторожить стану, никому не отдамъ!.. Я, нажется, ножь всаку всямому, кто подойдеть-то только къ ней близко!.. Себя не пожалёво, а ей либо за мной быть, либо...

- Стой-на, стой... Воть что, Осдорь: инъ непристойно н слугнать-то такія рёчн... Я тебя не затёмъ на фабрику представнать в не того отъ тебя ждаль: я думаль, ты дело делать хочешь, работать... А это, выходить, безпутство!.. Слышу-жениться хочеть, полюбиль равку и она его тоже... Говорать, мать ся такая-сявая... Ну, думаю: бываеть, что дочь и не по матеря выходить, а, значить, ужъ судьба его такая... Не всегда и роизели потрафляють, -- бываеть, онибаются: это дёло оть Бога, кому каная судьба!.. Дунаю себъ: зоветь, повду, посмотрю, коли ужъ не больно зазорне, — попровну отца, чтобы очень-то не тв-сниять его... Что дблать-то?.. Самъ не дуравъ, видить!.. А теперь съ твоихъ словъ ныходитъ, что либо дёвка эта вовсе безпутная, либо въ тебъ бязнъ какая ходить... Говоришь невъдомо что, тоскуешь, ножомъ вохваляеться, - и въ свадьбѣ дѣло не подвигается, и сторожить ее хочешь... Нать, видать, что тебя закружили, одурили совсёмъ... Я тебе туть не помощникъ и не совытчины!.. Да признаться сназать, и все мнё туть не по мысли: и дружество это, и съ учителемъ тайности, и разговоры всъ эти... и учительные эта блажная!.. Нётъ, Оедя, не хорошо, не хорошо, не того я ждаль!.. Правду отець говорить, что надо бы тебя отскода хоть силой взять... Пожалуй, что лучше будеть: самъ буденнь посяб благодарить, хоть перво и посердишься...

- Нёть, Осдоть Семенних, хоть этого-то вы батюшей не сов'ятуйте, пускай не діласть: нути не будеть... Нёть, вы попросите лучше батюшеу, чтобы онь ни о чемь не дуналь, не тёсниль бы меня, а даль бы мий волю. Я самь по себё лучше, а будете силой разводить съ Параней — хуже сдёлаю... На мое счастье и безь того завиствують, такъ пускай ужь хошь домашню-то горя не прибавляють...

Tens IL-Aursas, 1879.

88/10

BIOTHERS REPORT.

---- Кло это теб' вавиствуетъ?.. экое счастье твое, подумаенть!.. ---- насм'яливо сказалъ Өедотъ Семенычъ.

— Вы не смёйтесь, Өедоть Семеннить... Я вижу... н все нонимаю!.. Сердце—вёщунъ!.. Не даромъ адёсь, на фабрикё, Параня много хуже стала... Тамъ, въ деревнё, я Кярням боялся, а здёсь приходится, видно, еще больше онасаться... Правда это, что бёдные на богатство завидують, а ужъ богатне то рады все отнять у бёдняка, — не то, что послёднюю суму спять, а что и въ душё-то у него, въ серддё, в то вытащить, — н то, дескать, ему лишнее: мнё надобно... И неужте вправду они вакія милости дёлають людямъ?.. нёть! Кто ниъ не нуженъ, инчего тоть съ нихъ не получить, и если дають что, такъ или нотому, что самимъ нужно взять съ того человёка, или добиваются, чтобы имъ кланялись, хвалили, прославляли... Совёсти, жалости у нихъ нёть къ людямъ!..

— Ну, Өедя, убиль же ты бобра, выбраль же самь себё суженую, коли ужь теперь, ничего не видя, еще до женштьбы, она до такихъ думъ, да до этакихъ рёчей тебя довека... На себя ты не похожъ....

-- Нёть, это не она довела, Осдоть Семеннить... Это та́на только къ слову пришлось, а какъ пожнать я здёсь, посмотрёль на всё порядки, такъ точно увидёлть и по себё, и по другних, что все на томъ держится: какъ бы бёднаго человёка получие нажать, да побольше взъ него вытинуть!.. А хуже всего то, чю и за человёка-то бёдняка не считають!.. И из деревие это видио было, да не такъ какъ здёсь... И хоть вамъ и не по мисли было, что Алёна Николавна говорила, а, пожалуй, что много и правды есть въ ся рёчахъ... Василій Якинычъ еще прежде мий иного похожаго разсказываль, а теперь и самъ мику... И нравда, все это отгого, что народъ у насъ добрый и неграмотный... думаетъ, что всему такъ и слёдуетъ быть, -- все терцитъ, что съ нимъ ни дёлаютъ!..

-- Ну, Федоръ, -- прервалъ его Федотъ Семеничъ, -- угоститъ ты меня сегодня... Спасибо!.. Наслушался я много хорошаго со всёхъ сторонъ: денёчекъ сегодня миё выпаль, нечого сказать... Было зачёмъ вызывать меня, мою старость тревожить!.. Спасибо, утёшилъ!.. Прощай, братъ!.. Вопъ мон лошада возвращаются: я домой поёду... Миё здёсь дёлать больше нечего... Прощай...

Өедя спохватился.

--- Өедоть Семенычъ, да за что же вы прогитввались на меня?.. Я, вёдь, вамъ какъ отцу: что на душте, -- все говорю... Тяжело мит было, не стерпелось: воть и скакалъ, что на умё. было

не съ сегодинаннато дия... Въ другой бы разъ, кожеть, остерется, промолчалъ бы, самъ въ себё передумалъ, а сегодня проговорился... Ви не гитвайтель на меня, ради-Христа...

- Что инъ гиввалься?.. За что?.. Да и что съ моего серина будеть?.. У всякаго свой царь въ головё, всякій по-сезону ду**насть...** А. только и позвалить мельзя, и радоваться нечему!... Давно, брать, ужъ я вижу, что все какъ-то идеть не въ норялий... Старине спялись съ вруга: всякую правду, и судъ, и COBECTS HA OLEY BOLKY MERADIS, GOS'S HER IMARY HE CTVHATS!. A. молодне... одни безнутинчають, шалберять... никого знать, инчего путемъ дълать не хотять, въ чему-то раутся, чего-то ждуть, на налин слова сибюсся... А другие, которые поумние. на кого належда, --- тъ вонъ какія рёчи говорять, вакія думы думають!.. Вонъ вась компанія какая: учитель біднякь, купецкій сыль богатый, ты — мужных простой, да еще барыня ученая... а нов вы за-одно, и вой одно дунасте... И свониъ дунамъ народъ учить котите... О тебъ я полагаль, что нъть тебя смирнъе, добръе н покорнье, что ни до чего тебе нёть дела, кроме своей работы и что разунъ у тебя твердый и душа храстіанская... А теперь вижу, что и въ тебъ не нанъ старый духъ, а новий наной-то... Можеть, такъ и надо, не знаю я: вы умнёе, ученёе... А тольно страшно мнѣ и непріятиеі.. Жалко тебя и досадно на тебя!.. Вину, что ничего мнъ противъ васъ не сказать: забьете вы меня словами, а монхъ ръчей даже и слушать не будете, либо хошъ и выслушаете изъ сов'всти, такъ не пов'врите... И ти холь промолчишь, чтобы не согрубить, не обидать старика, а сделаеть все цо-своему... И -- внасшь, что, веда?-- навогда я такъ не чувствоваль, что я старь и никуда не годень, какъ сегодня, особливо при твоихъ ричахъ... Слава Богу, что скоро уйду изъ стариния и что хату себе спроесвую вистрониь: уйду и запруся вь ней ото всёхъ... Да, не годинся мы, старини, про насъ, управляй-тесь сами!.. Только одно тебя скажу, любя тебя: береги свою голову, пожалёй себя!.. Ну, процай, Өедя; не сержусь, брать, я, - не бойся!.. только чно... неть, не гозкусь я больше!.. Думалъ, вёдь, я про себя, что уменъ, что все вижу и понинаю, всёхъ въ рувахъ держу и пользу міру делаю, а выходить-ни-RYAR & HE FORSYCL: CAURA REPOCTETS ... CAMEL SHREML, KAROPS... H нь тебё не умёль доснарыть и понеть, что деластоя... и любиль тебя совсёмь не за то, что есть въ тебе... думаль, что ты тоже, что и мы, -- только погремотите, поучение... Мы и не то неретеритан и пережали, да у нась и положаго на вани дуны въ головахъ не было... Ну, прощай же, Седя!.. Люблю я тебя...

BROWNERS MERODEL.

Во всякой нуждё приходи, ровно къ отщу, вли къ брату, а теперь дёлать миё вечего...

— Да хоть зайдите, Өедоть Семенычь, чайку покушайте... а то я буду думать, что огорчиль вась, протийкиль... Мучиться буду...

---- Нѣтъ, нѣтъ... Слишинь: вичего!.. А такъ мнѣ самому ровно вакъ горько, тяжко стало...

--- Да и передь домашними-то монии не ловко мий будеть... Ну, какъ имъ сказать, что вы не захотъли зайти, убхали, отъ чашки чаю отвазались?.. Подумають: гнунаетесь... Хоть для меня зайдите... Тамъ, вёдь, ждуть...

--- Ну, изволь, для этото зайду, пожалуй, на минутку... только не говори со мной ни о чемъ объ этакомъ... А помни одно мое слово: береги свою голову!.. Дороган она, не того сто́итъ!..

Въ избъ, за часмъ, Осдотъ Семенычъ очень ласково разговаривалъ съ Параней, шутилъ, смъзлся, сказалъ даже нъсколько словъ съ Дарьей Тихоновной, но ни однимъ словомъ не воснулся женитъбы Осди и вообще его отношеній къ невъстъ. Уъзжая, онъ обнялъ Осдю, расцъловалъ и, садясь въ сами, шепнулъ сму на ухо:

- Еще проту, ради Христа, оберегай ты себя...

- Я васъ провожу маненько, Осдотъ Семенничъ... - годорилъ Осдя.

--- Нёть, зачёмъ?.. Знаешь, лишніе проводы... Оставайся съ Вогомъ!.. Прощай!.. Все ужъ переговорили, ибдь...

--- Да вы хоть миз скажите, что Аннушка? Какъ Кирила?.. --- спрашивалъ Оедя, идя рядомъ съ двинувшинися санями к придерживаясь за нихъ.

- Все, брать, то же... Все одно... Ничего нить ни новаго, ни хорошаго... Эхъ, лучше бы не помниалъ!..

Оедоть Семенкить съ отнадньенъ махнуль рувой.

--- Прощай, Феди... Прощай!.. -- прибавнить онъ такнить тономъ, который какъ-бы проснить оставить его одного съ самниъ собой.

— Прощайте, Осдотъ Семеничъ... Повнонитесь балющей... Скажите, чтобы не думалъ, не сомивнался обо мий... не боялся бы ничего... Не трогалъ бы меня... — управинвалъ Осдя, но быстро двинувшіяся лошади оторвали его руку отъ саней и онъ долженъ былъ остановиться, не разслышающи отвёта Осдота Семенича. Онъ видънъ только, какъ старикъ обернулси, дружелюбно кивнулъ ему головой и нерекрестилъ его на воздухё.

592

Глубово тронутий этим'з посябдним'з выраженіем'з любен старика, съ тосной на сердцё, съ мрачными нервасстными думами, медленно возвращался бедя зъ свеей неб'в. Въ первий разъ еще онъ не рвался въ Параш'в: ему хотёлось остаться одному и какъбы разобраться въ наплыв' разнообразныхъ мыслей и онущеній дия. Онъ миновалъ свой домъ, прошелъ черезъ всю деревню въ ту сторону, куда убхалъ Александръ Кузьмичъ, подальше отъ правдничнаго шума. Онъ вышелъ ва околнцу и въ поле.

«Неужно, въ самонъ дълъ, Алевсандръ Бузьмичъ ухажинаеть за Параней и та ему отв'яметь?..» думаль онь на свободъ. «Ведь, онъ влялся мне, обещаль, что этого не будеть... Зачвить же эти осторожные взгляды? Зачвить Параня улыбалась на нихъ?.. А ньяная баба?.. съ чего это она сказала?.. Вёль. не такъ же, зря, она выдумала?.. И Параня совсемъ не та стала: какая-то степенная стала, не какъ прежде: не улыбается, не кохочеть, точно все о чемь думаеть и мной все недовольна, на бъдность, на нужду, на свуку жалуется, и ни ласки, ни привъла, ни шутки отъ нея не внаку, а о свадьбъ какъ она давеча сказала!.. И зардёлась она вся, навъ онъ давеча нодъ-Эхаль... И онь точно самь не свой... Воть она, вупечесвая-то совъсть!.. Онъ хоть в лучше другихъ, а все же вупецъ, богатый, балованный... У нихъ все на деньги, —что захотвлъ, сейчасъ ку-пилъ, переманилъ... Думаетъ и отъ меня деньгами отдёлаться... Что, дескать, ему... Я потвинусь, а онъ женится после!.. Развв онь ное горе, мою муку понимаеть?.. Воть будь я голодень, не одёть, въ рубнщё, обнакай, бей меня вто-яябудь другой, на его глазаль, онь пожальеть, потому -- добрый, поможеть, пожалуй, даже вступнися, воли посметь, это ему ничего не стоить!.. А туть надо оть самого себя отвазаться... самого себя переломить, наъ-за совёсни, изъ-за жалости из другому-самому себе горе сдёлать, или хоть радости, забавы, себя лишить... Нёгъ, ему этого не саблахь, не спонеть его на это!.. Да если бы и въ томъ дёлё, если бы онъ зналъ, что ему дёйствительно большая бёда можеть быть, развё бы онъ пошель на это?.. Передъ Алёной Ниволавной ему стидно, хочется себя показать, да свучно, дълать нечего... ну, и на отца досадно, что воли инкавой не дветь воть изъ чего все!.. А сдинися на онъ самъ полнымъ хозянномъ, дай ему всё капиталы въ руки... ну, можеть быть, -подобрёе бы другиять быля... а съ нами за-одно не пошель бы... Нёть, не пошель бы!.. И Алёна Николаяна?.. Эта наз-за чего?.. Жалованье большое получаеть, живеть въ полное свое удовольствіс?.. Что ей до народа и самь-двай?.. Разв'я она: была въ

593

BROTHERS INFORME.

этой шкурй, знасть что-ннбудь?.. Такъ, но наслыший, да нать задора... Около такихъ людей водилась, наслучнаявсь, въ книжкахъ начиталась... За что ей любить и жалбть нужния, коли съ богатыми кущами водится?..»

Размышленія Феди вдругь были прерваны вылетёншимъ въ нему на встрёчу изъ-за перелёска рысакомъ Александра Кукьмича. Конь былъ пущенъ во всю свою рысь и несси точно на крыльяхъ, какъ видно, въ полному удовольствію сёдововъ, веселый говерь которыхъ смутно слышался Федё. Не по мысли была ему ета встрёча въ настоящую минуту. Онъ невольно остановился и осмотрёлся по сторонамъ, какъ-бы ища мёста, куда бы спрятаться; но вругомъ его было чистое поле. Федя повернулся и ношелъ назадъ; онъ надёнлен, что авось его не остановать и проёдуть мимо; но меньше чёмъ черевъ иннуту, рысакъ былъ возлё Феди и, осъженный во-время, поровняем съ нимъ и пошелъ шагомъ, фыркая, нокачивая головой и прядам ушами.

- Какъ бъжнтъ!.. Прелесть!.. - сказалъ Александръ Кузъмечъ, обращаясь въ Өедѣ.

- Да... - угрюмо и стараясь не снотрёть на него, отвёчаль тоть.

— Какъ ты ноналъ сюда? Вотъ нежданияя встрѣча?.. — опять промодвилъ Конатниковъ.

— Такъ... шелъ...

- А я очень рада, что им встрётелись... - заговорила Алёна Николавна, по-крайней-мёрё, переговоримъ теперь же... Ну, Проскурова им вселили и устроили... Онъ осгался всёмъ очень доволенъ... Да ему, вирочемъ, ничего и не нужно, кроите дёла... Да, это, дёйствительно, человёкъ хорошій, отъ него можно иного ждать!.. Я съ нимъ ноговорила!.. Чернушкинъ, да что вы какой мрачный?..

---- Нуть... я ничего...-отвучать Оедя, стараясь казаться сполойнымь.

--- Какъ ничего?.. Развѣ я не вижу...

- Да, да... есть что-то... - подтвердиль и Кошатниковь.

- Ничего нъчъ ... - упрано и сухо отвъчалъ Осли.

--- Гдъ же вашь старикъ?..

— Орь ублаль.

--- Убхалъ?.. Такъ своро?.. Куда ме окъ побхалъ? --- безпокойно спроскла Алёна Николавна.

---- Доной увхаль.

- Да вы не поссорнател ли съ нима поз-за чего-нибудъ?

594

-- Не нев-за чего мив съ нимъ ссориться: я его люблю и уважаю, какъ отца родного... пожалуй, еще больше... Я отъ него все выслушаю, что бы онъ ни сказалъ и инвогда не обяжусь, и не согрубно...

---- Ну, такъ съ нев'естей покадорили, что ля?..--- насм'ящанно спросила Алёна Инколаниа:-----вы, в'ёдь, чувствительный юноша... Влазбленний!..

Аленкандръ Кузъмнчъ при эточъ вопросъ быстро отвернулся и сталъ внимательно разсиатривать съ, боку походку лошади. Осдю передернуло, но онъ старался сдержать себя.

- Ну, однаво, Чернушкинъ, скажите мнё пожалуйста... Меня очень безпоконть... Я давеча увлеклась и черезъ-чуръ, кажется, высыжалась при вашемъ старикѣ... Вполнѣ ли вы увѣрены въ его честности?.. Хоть Проскуровъ и успононваетъ меня, но, всетаки, ванъ старикъ ретроградъ и обскуранть, въ этомъ вы меня не разувѣрнте... А вотъ скажите, по-крайней-мѣрѣ, вполнѣ ли вы увѣревы, что онъ не донесетъ?..

— Осдоть Семенничь станеть доноснть!.. — возразнять Осдя. — Такихъ людей не много на свётё, какъ онъ!.. Онъ ничего не бонтся и псе дёлаеть прямо: если бы онъ сбирался доноснть, онъ нримо бы вамъ это сказаль... Да и о чемъ доноснть?... Что по-говорили, такъ етъ разговоровъ не много сдёлается...

-- Ну дя, вёдь, вто вавъ смотрить: въ словахъ выражается идея, обнаруживается міровоззрёніе, по нимъ можно судить о намёреніяхъ и цёлихъ... Конечно, вёроятиёе всего, что онъ ничего не могъ понять... и я очень этому рада... По-врайней-мёрё, не съумёеть пересказать, что слышаль...

— Напрасно вы дунаете: все онъ понимаеть и видить дальще другого... Но только доносить о каждомъ пустомъ разговорё не станетъ, не такой онъ чележить!..

--- Но мнё странно, Чернуниниз: мнё кажется, вы-те сама не понимаете, что въ словахъ иногда вся суть дёла, что ва слова пресяёдують больше всего... потому-что за словами всегда слёдуеть дёло, съ которных управиться потруднёе... Неужели вы этого не понимаете?..

---- Разгозоровъ-зе я много слышаль, тольно двла еще не видаль никакого...

--- Надо же било сначала организоваться, обдумать, собрать сили, а теперь начиется и дёло... Воть нікола уже есть... Потомъ становть ваїять на набочних... О-о, Чернуликный да ви мий становитесь подозрительны... Или вы вовсе никогда намь не сочувствовали и только притворялись, въ резочети въ самонъ дия на купеческія милости, о которыхъ говорилъ давеча ванть старикъ, или вы теперь, когда начинается дело, испугались, хотите отлынивать, дале измёнить намъ?.. Такъ комниче, чко эта измёна. для вась будеть самая гнусная... Помните, что на нашемъ знамени стоить: народъ, служение ему, все для народа... А вы сами изъ народа и первый собираетесь убъжать изъ-подъ этого знамени... Это поворно, Чернушкинъ, гнусно!..

Өедя вспыхнуль. Глава его загорёлись.

- Полноте, Алёна Николавна. Я мужникъ... мужниомъ родился, муживомъ и останусь!.. Мит отъ своего брага убъжать нельзя: я завсегда съ нимъ и телоть и душей... И горе, и нужду его я знаю... Стану я говорнть съ нимъ, онъ меня и слушать будеть, и пойметь, и повёрить!.. На-міру, коли сказали всёмъ стоять за-одно, такъ всё и стоять, потому одному больновсёмь отзывается... Какая туть можеть быть оть моня измёни: не откажусь же я самъ отъ себя!.. И воли до дъла дойдетъ, не испугаюсь и не побёгу!.. А воть, что вы-то съ Александронъ Кузьмиченъ дёлать можете?.. Вась-то слушать будуть ли?.. Повурять ли, что вамъ есть какая забота о бидномъ народъ, когда вы живете въ каменныхъ купеческихъ палатахъ, катаетесь на рысакахъ, рядитесь вонъ какъ... Кто повъритъ, что ви мужникое горе знаете и помочь ему хотите?.. Да и съумбете ли, если и въ санъ-деле захотите?.. Вотъ вы-то, оба, не испутайтесь и не сбъгите своръй меня...

- Ну, Чернушкинъ, если все это исврению, что вы сказали, я нисколько не сержусь на вась... Напрогнизь, очень рада, что вы, наконець, высказались, и уважаю вась, мотя вы говорни и грубо, в обидно... Придеть время, я ванъ довану себя!.. Дайте руку....

- Онъ сегодня ужасно раздраженный каной-то... - свазаль Алевсандръ Кузьмичъ съ ласковой улибкой.

- Будеть раздражень, Александрь Кузьничь, -- сказаль Федя, метнувъ на него вывывающій, многозначительный воглядь, --- когда... Эхъ, да пойзжайте вы впередъ, ради Сездателя!.. Что вамъ во инъ приставать... И безъ того тошно!..

• Осда остановныся и отвернулся въ сторену. Конначниковъ тронуль лошадь.

--- Чудной онъ сегодня!..---вам'ятиль онъ, убежня. --- Дойствительно, онъ долженъ систрёть на насъ съ ирезрёніемъ на этомъ тысячномъ жеребить, въ этой обстановить...-

промолвела Алёна Николавна: — Толкуемъ про трудъ, про горе рабочаго, а сами натемся на рысакъ... Это дъйствительно большая описка!.. Я этого никогда себё не прощу!..

Алёна Николавна возвращалась доной разстроенная.

Осдя, придя домой, ни слова не снаваль о встрёчё и весь остатокъ двя быль скучень и неразговорчить. Параня не рёпинаесь, или не котёла его разспранивать о причинё такого расположения дума.

٧I.

Пойздка Алёны Николавны вдвоемъ съ Аленсандромъ Кузьмичемъ сдёдалась извёстною Лизаветё Кузьминишнё, и, получинны характеръ случайно-открытой, скрываемой тайны, дала новодъ въ разнымъ соображениямъ, комментаріямъ и выводамъ. Припомнилось, что въ послёднее время молодой Кошатниковъ былъ особенно скученъ и задумчикъ, что его нерёдко заставали въ бесёдё съ гувернантвой съ глазу на глазъ въ присутствии одникъ только ничего не понимающихъ дётей; было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что Алёна Николавна часто изёщивалась въ разговоръ и принямъла сторону Александра Кузъмича, что и послёдный не только защищалъ иногда гувернантиу передъ ся хоздевами, въ случаё икъ неудовольствія, но и указываль на ся доброту, нетребовательность, усердіе въ обученія дётей, на ся ученость, оковомъ — тавъ расхваливаль ее, кавъ и не слёдовало бы вовсе молодому человіку, не имѣйощему никакихъ особенныхъ видовъ на дѣвицу.

«Какъ это я раньше-то не догадалась?» Какъ это мий раньше-то въ голову не пришло?» задавала себѣ вопросъ Елизавета Кузьминация. «Да. ийть, я замёчала, и прежде замёчала ихъ содружество, только кто не могъ это вообразить себѣ?.. Изъ себя ничего въ ней нётъ этакого: ни вежи, ви рожи, ни бйдизны, ни запаса, ни пріятиести инкакей особливей... ни наряду этакого, чтоби замётнаго, а напротикъ даже того — всегда въ неглизе: и юбокъ-то, такъ кажетси одну. только юбку надёваетъ, и то не прахмаленную!.. Развѣ что разговоромъ своимъ, язывомъ виша?.. на явнкъ бойка точне, дай только юбку надёваетъ, и то не прахмаленную!.. Развѣ что разговоромъ своимъ, язывомъ виша?.. на явнкъ бойка точне, дай только волю!.. Ну, да что, кажется, дли этакого мужчины, какъ Алековидра, что вначичъ одинъ женскій разговоръ, особливо ме но наужѣ: втимъ не завлечень?.. И окать ото: Коначникона сынъ и губернанка!.. И представить-то этого себѣ, камется, исвор

597

можно!.. А бываеть, все бываеть, все случиться можеть: сидить, на сидить одинъ, хоть бы и Аленсандра, менскаго пола тольно и есть, что я да прислуга... Ну, правда, прила фабрина тоже... Да это все не то: недочесть!.. Для компания-то неть никого неть RENCEATO BOJA: BOHS ONS TOKE BCE HA-CHEFS BAYES A HA-CHEFS внижевъ любить поговорить... Вотъ и заговорила она его... безпрем'внно, что заговорила, больше и быть не отчего: почёнсь ей взять!.. Да кабы только этакъ-то, такъ нанлевать, куда бы ни шло: ну, даль денегь, побажай съ Богомъ, матушка, сама виновата: не съ кого взыскивать, не докажешь!.. Ну, извъстно, непріятно, хлопоты, разговоры, срамъ, да все-таки еще ничего!.. А воть бъда: онъ совъстливъ, Александра, какъ онъ да задумасть жениться на ней? Воть это — такъ бъда будеть настоящая!.. Да туть татенька, важется... И Боже сохрани, что будетъ!.. А бывали и такие случан бывали, что и мелионщики на нивинкъ, саныхъ бёдныхъ женятся... Да вотъ недалево ходить-Харитона. Галавтіоныча смить... Что подблаешь: взяль да женныся на становаго дочерн... А капитали тоже... не много разв'я послабе татеньви будеть... Отець-то ужа послё и бесплся, и запиваль съ горя... и послъ свадьбы срамилъ молодыхъ-то всячески: по всёмь внантамь вознаь сь музыкой, сами вь воляске ёдуть, а впереди на тройкъ въ телъгъ мужиковъ куча пьяныхъ въ сновороды, да въ заслоны, въ кострюли быють, песни срамныя поють... Да, вёдь, пожалуй тогда что хочешь дёлай: не развёнчаешь!.. живуть теперь, какъ быть надо, мужъ съ женой!.. Нить, инъ надобно безпреизнно сначала самой съ ней переговорить: постращать ес, попугать... А ужъ не возьмоть мой страхъ, тогда и съ Дмитріемъ Тимоеенчемъ поговорить... Да я, накъ загеворю Съ ней, такъ и узнаю всю подноготную, что у нихъ такъ: такъ ли только, одно ед поведеніе... али она надбется отъ него?.. Можеть быть, явдь, чего добраго: и объщание ужъ вытребовала оть него - жениться на ней... Она бойкая, а онъ слабый человъсъ, добрый, чувствительный!.. Долго ли?...»

Елизавета Кузьминншна, какъ въ туманъ, припомнила подробности собственнаго брака, только на свое мъсто ставила брата, а на мъсто Дмитрія Тимовенча гувериянтну. Она велъла послать въ себъ въ спальню Алёну Николавну одну, безъ дътей, в заперлась съ нею, приказавши предварительно осмотръть, изтъ ли кого лишнихъ въ сосъданитъ комнатахъ.

---- Что за секреть такой, Лизавета Кузьмининия? -- бойно, съ улибною, спросила Алёна Николавиа, види эти такиственным приготовления.

Лизавета Кузьминишна, разсчитывавшая смутить гувернантку Однимъ уже своимъ многозначительнымъ пытливымъ взглядомъ, а затъмъ намъреніемъ объясниться съ нею на-единъ, при закрытыхъ дверяхъ, была сама поражена смёлостью Алёны Николатны.

--- Ахъ, какъ ты, мать моя, бойна... какъ бойка!.. такъ я надивиться не могу!..-говорила Лизавета Кузьминнина. Да другая бы, кажется, на вашемъ мъстѣ, смотрѣть-то не знала би куда отъ стыда-совѣсти... А эта?.. Еще усмъкается!.. Да стыдъотъ есть въ васъ какой-нибудь, коли ужъ нътъ ни страха, ни совѣсти?..

Лизавета Кузъминищна многозначительно ужимала губы, таращила свои лённыме заплывшіе жиромъ глаза и старалась вообще придать своему лицу строгое внушительное выраженіе.

- Да что это ны мий за зам'ячания д'ялаете? что за вопросы задаете?.. съ какой это стати?..

— А воть съ каной, губернаночна прекрасная... Я разскажу. все узнаешь, не безпокойся!.. О праздникъ я убжала въ гости, на чьихъ рукахъ у меня дъте оставались?.. Есть у меня для нихъ губернанка, али нътъ?.. Платимъ мы вамъ за это жалованья, али нътъ?.. Для чего, позволь спросить, мы васъ нанимаемъ, понмъ, кормимъ, подарки дъжаемъ?.. Вотъ отвёть-ка ты мив на все это...

--- Какія вы глупости спрашиваете... Туть и отвёчать-то не о чемъ... Да для чего вы прямо не говорите, зачёнь эти обходы?.. Говорния бы ужь прямо: я сейчась догадалась, къ чему вы рёчь ведете... Вамъ, вёронтно, донесли, что я убзавала прокатиться на какой-инбудь часъ времени, ---такъ, вёдь, я и ияньку, и всёхъ дёвушекъ просила присмотрёть безъ меня за дётьми... И что же, развё что-инбудь случилось?.. дёти здоровы, инкто не ушибся...

- Да не въ томъ тольно, сударыня... Этотъ-то разъ-разомъ, что бесь хозяйхи, изъ дену, отъ двтей, уйхала кататься... Это ужъ тоже хорошо, не оправишься тимъ, что на няньку оставила: мнй что нанька, коли у меня губернанка про двтей нанята, коли они ей на руки сданы... Это ужъ само собой!.. А главное-то двло: съ винъ кататься-то няволиля и не часъ, а можетъ три часа?.. А?.. Съ кимъ?..

--- Съ кёмъ?.. Съ Александромъ Кузьмичемъ!.. точно вы не знасте -- спрашиваете: вёдь, знаете...

---- Знаю-то, я знаю... И все очень хорошо знаю!.. Только развё пристало вамъ, губернанкё, безъ хозяйния, потихоньку, съ холостымъ мужчиной, да еще съ хозяйнияты братонъ, вдвоемъ,

невёдомо гдё, часа по три пронадагь... А?.. Пристало это вамъ?.. Не захорно?.. Ну-ка вотъ теперь про это самое вы со мной и поговорите, и подержите мнё отвёть?.. Бойка-то очень... Ну-ка?.. Я послушаю...

--- Да что же туть такого заворнаго?.. это вёдь только въ днияхъ нравахъ здёшняго темнаго царства считается зазорнымъ, если дёвушка съ мужчиной останутся одни, вдвоемъ, и будутъ разговаривать между собою... А я это считаю... ровно ни за что... Мнё и разсуждать то объ этомъ смёшно, а не только оправдываться!..

— Да вы гдё живете, въ чьемъ дому, въ своемъ, что ле?... Какъ вы здёсь живете-то у нась по найму, али сама себё хозяйвой?.. И воли я вамъ говорю, хозяйка ваша, что по здёшнимъ мёстамъ, та дёвушка путная, воторая глаза спадится на мужчину-то поднять, а которая сама забёгаетъ, да заговариваетъ, да норовитъ какъ бы съ холостымъ человёкомъ въ компаніи время провитъ какъ бы съ холостымъ человёкомъ въ компаніи время провитъ какъ бы съ холостымъ человёкомъ въ компаніи время провитъ какъ бы съ холостымъ человёкомъ въ компаніи время провести... такая безо всякаго поведенія считается... такъ что же вы митё говорите?... Какое митё дёло до вашихъ-то понятіевъ?... Вы мон соблюдайте, что митё нужно, а но свои!... Какая вамъ пара, накая компанія, брать Александра?.: Что онъ вамъ—сродственникъ, что ли, близкой, чтобы съ нимъ въ саночкахъ-то разкатываться, вдвоемъ, безъ кучера?.. Али въ женихи, что ли, закручить его собираетесь?..

Алёна Николавна засмёллась.

--- Да, въ женихи, въ женихи его прочу!.. Миллоны его хочу захватить, вупчихой Кошатниковой сдълаться!..

---- Да чему ты, мать моя, смѣеться-то?--- спрашивала Ливавета Кузьминишна, недоумѣвая и сердясь.---Я не на-смѣхъ говорю, не шутки шучу... Я ей выговариваю, а она смѣется!.. Безстыла ужъ очень... Смѣется!.. невѣдомо чему!..

— Да вавъ же не смъяться, води вы мив смъщны...

-- Какъ смѣшна!?.. Какъ я смѣшна?.. я, хознйка, смѣщна?.. Да ты, полоумная, что ли?.. Вѣдь, я тебя прогоню, вахочу----куска хлѣба лашу...

— Воть она, буржуазная-то жилка: сейчась одна угрова: куска хліба липу!.. Да, знаю, жалко валь важдаго вуска хліба, который вы не сами сжираете!.. О, вы, паразити, паразити преаріанные!.. Да, желала бы я вийть вали милліоны, чтобы ноказать, что нужно сь ними ділать... Не хочу я вашего вуска хліба, и даже прогнать вамъ меня не удастся: не доставлю я вамъ этого удовольства!.. Я сама ухожу оть вась...

- Канъ уходине?.. Канъ?.. Куда?..

600

--- А ванъ. что за дёло? Куда хочу, туда и уйду... Меня инкто остановить не можетъ!.. Къ мужикамъ пойду, чорный хлёбъ буду ёсть съ нами, ихъ дётей учать стану, сарафанъ надёну, за мужицкую работу примусь!.. А на ваше чужеядное богатетно, на ваше жранье, на ващу дурацкую роскошь плоно и презвраю се!.. Поняли?.. Нёть, конечно!.. тёмъ лучне!.. Надобли вы мнё до смерти!.. Ищите себё другую гузернантку... Я ухожу...

Алёна Ниволазна пошла въ двери и стала отпирать се.

Лизавота Кузьминищна смотрžла на нее вслёдъ, выпуча глаза: она была не стелько разсержена, сколько поражена, даже испугана.

— Не сумасшедшая не она?.. мелькало у нея въ головъ. Право, сумасшедшая... Чтей-то она такое наговорила-то?.. Батюнци мон, и не перескажены!.. Воть обернется вдругь да бить станеть!.. Запричать развё?..

Но Алёна. Николавна ушла, не огланувшись даже назадь. Нёсколько успононванись, Лизавета Кузьминиятна послада за мужемъ, велёла звать его сейчасъ же, по вужному дёлу, а Алёна. Николавна накинула салопъ и пошла на фабрику разнскивать Александра Кузьмича. На дорогё она встрётилась съ Динтрiенъ-Тимоеенчемъ.

- Это вы куда? - спросыть онъ ее, остановившись.

- А вамъ что за двло?.. - резко отвечала Алева Николавна.

--- Какъ же однако-съ... ваенить это родомъ вы говорите?.. что мить за дъло?..

- Очень просто: вду, куда мий нужно....

-- Позвольто однаво же, какъ же такъ... А дъти при комъ же остались, коли ежели вы гувернантка?..

--- Ахъ, надойли... Я отвазалась... свазала уже вашей женй, что не хочу болйе быть гувернанткой и ухожу оть вась!.. Приготовьте мий деньги, сволько съ васъ слйдуеть: за прогульные часы можете вычесть... Спросите тамъ Лизавету Кузьминишну: еща ванъ все разскажеть, а мий противно и разговаривать-то съ вами!...

Алёна Ниволавва упла, оставивъ и Дметрія Тимосенча почти въ тако́мъ же недоумбиїн, въ накомъ ждала его Лизавета Кузьминищина.

Алёна Николавна отыскала Александра Кузымича на фабрикё, и отвела его въ сторону.

- Знаете что я сдёлала, - свазала она ему безь всявихъ

BROTHERS EBPOREL

предясловій:—я сейчась отказалась оть мосё должности у ваннего затя и ухожу оть вась.

Александръ Кузьмичъ выразилъ изумленіе.

- Ничего нёть туть удивительнаго: развё я могла оставаться долго въ этой затхдой атмосферб?.. Я давно задыхалась въ ней... Но усворная мою рышимость одно обстоятельство: помните слова Чернушкина о томъ, что народъ намъ не повърить и слушать не станеть, потому-что мы живемъ въ ваменныхъ паларахъ, не дблимъ съ нимъ его нужды и горя, хорошенько не знаемъ его... Это была правда, горькая правда: она поразнла меня, какъ упрекъ совёсти, и я тогда же рёшилась идти въ народъ, жить съ нимъ одной жизнью... Я воспользовалась первымъ же стеляновеніемъ съ ожиръвшей дурой, вашей сестрой... извините!.. которая ввдумала-было дёлать мнё выговоры, наставленія и гнусныя инсинуация, по поводу нашей съ вамя побядки тогда, на праздникв... Я не стала съ нею объясняться, впроченъ кое-что высказала ей, чего она, кажется, не поняла даже, и отвазалась... Ну, воть теперь въ чемъ дёло: гдё мнё воселиться?.. Я хочу остаться вдёсь, чтобы продолжать наше кыло... Воть что, пойденте въ Чернушвину: я хочу попроситься, нельзя ли мив поселиться съ его невъстой... Это было бы чудесно!.. Ну, а если нельзя, въ такомъ случаъ, на первое время, я поселюсь въ нашей школь, виъсть съ Проскуровынь... Это инчего... Я безъ предревсудковь... Мы уживемся съ нимъ. Да это будеть даже еще и лучше, и удобиве, пожалуй... Ну, да это увиднить!.. Пойдемте же сейчась въ Чернушвину...

Александръ Кузьмичъ безпрекословно повеновался и пошелъ съ Алёною Николавною, но онъ былъ изумленъ и озадаченъ ел неожиданною выходкою.

--- Какъ же вы такъ вдругъ ръ́шились, Алёна Николавна?-спращивалъ онъ ее дорогою. --- Я просто въ себя придтя не могу...

-- Да что же туть удивительнато?.. Не думаете ли вы, что я могла бы, по-вашему, цёлую жизнь переносить это иниение свободы, это унижение, эту жизнь среди людей, не только не развитыхъ, но пошлыхъ и подлыхъ, молча выслушивать ихъ дурацкія разсуждения, ихъ гнусныя эксплуататорския тенденция, позволять имъ даже дёлать наставления и внушения?.. Нётъ, я на это не способна!..

- Да нѣть, я про то, что накъ же вы будете жить теперь бевъ жалованья... безъ всакихъ средствъ?..

— А вавъ живуть тысячи, милліоны тёхъ тружениковъ,

602

BOJOHNE DOBSTE.

ради когорыхъ мы хотимъ действовать?.. Что вы за галиматью говорите!.. Хотите служить народу и спращиваете накъ я буду / жить... безъ навихъ-то средствъ?.. А насъ живеть народъ?.. Какъ живеть Проскуровь в иножество ему подобныхъ развитыхъ людей?... Онъ будеть учить мальчивовь, я буду помогать ему, а внослёдствін устрою въ школё отдёленіе для дёвочекь... Вы платите сму жалованье, платите и мнз... Да, наконець, вы имбете эти средства: я смотрю на васъ, какъ на нашего кассира... При вашей зависимости отъ отда, вообще при ванемъ положения, вы ничёмь пока и не можете служить нашему общему дёлу, какъ этими средствами... Разумбется, миб лично оть вась ничего не нужно: деньги нужны для дёла... Или въ вась ужъ заговорила купеческая жилка: вамъ стало жалко ваникъ рублей?.. Такъ вы скажите впоредь, теперь же, сейчась... и убирайтесь изъ нашего общества... Я сважу объ этокъ Проскурову и Чернушвину, нанинну Промитову и мы условныся, что намъ дълать... А про расъ будемъ внать, по прайней мъръ, что вы трусъ, или измън-HEE'S.....

— Что вы, Алёна Николавна, зачёмъ вы такъ меня обежаете?.. Вы знаете, что мнё ничего не жалко... Я съ радостью огдано все, что получаю... Но если этого будеть мало?.. А главное воть что: я не успёлт вамъ сказать... Сегодня зать получиль висьмо оть отца, въ которомъ онъ сообщаеть, что имёсть въ ваду мнё невёсту очень богатую, что онъ уже началъ переговоры, и что если онъ приплетъ телеграмму, такъ я бы тотчась же виёзжалъ къ нему въ Москву... Я не кочу ёхать... Я не хочу такъ жениться, по приказу... Я не поёду, а онъ тогда, пожалуй, не велить мнё ничего выдавать...

— А но-моему вы должны непремённо ёхать и женнъся, чтобы имёть свои собственныя средства, чтобы поскорёе вять фабрику въ свои руки... Что за важность, что вась женять тамъ на какой-нибудь тегёхё, что она вамъ будеть не по вкусу... Еще лучше!.. Туть не миндальничанье ваше нужно, а важно то, что вы тогда можете свободно служить дёлу, принести много ноньвы... Я увёрена, что и Промптовъ вамъ то же сважеть...

— Но, вёдь, я человёкъ ме...

--- Все-равно, васъ женять не на той, такъ на другой, не сегодня, такъ завтра...

Они подходили въ столярной мастерской.

--- Да воть поговоримъ еще съ Чернушкинымъ: -- сказала Алёна Николавна:---я увърена, что и онъ такъ же посмотрить на ващу женитьбу... --- Нѣтъ, онъ тякъ не посмотрить: онъ самъ себъ вибралъ невъсту, онъ женится по любви!...

- Ахъ, да... Я и забыла!.. Это, пожалуй, правда... Въ этомъ случаё онъ не можетъ подать безпристрастнаго мнёнія... Но я вамъ скажу: эти нёжности въ немъ мнё противны... Онё дёлаютъ его подоврительнымъ въ моихъ глазахъ... Я боюсь, что онъ не будетъ годиться для нашего дёла, что онъ не можетъ быть даже вполнё солидарецъ съ намн... Жалко, что Промитовъ мало обратилъ на него вниманія: интересно бы его мнёніе... Но я думаю, что онъ согласился бы со мною... Впрочемъ, если буду жить съ Параней... мы еще увидямъ!..

Въ мастерской Федя былъ одинъ. Алёна Ниволавна, не теряя времени, разсказала ему, что отошла отъ хозясевъ, рёшилась идти въ народъ и жить такою же живнью, какъ крестьяне.

- Я давно объ этомъ думала, -- говорила она, -- это было давнишнее мое намъреніе... Я сама всегда вполнѣ сознавала, что народъ можетъ върить только людямъ своей среды, испытавшимъ всю ту нужду, горе и тажелый трудъ, который выпалъ на его долю... Въ прошедшій разъ вы исторонились, Чернушкинъ, дѣлять вашъ приговоръ обо мнѣ, о жизни въ каменныхъ палатахъ, въ роскоши и т. п. Полагаю, вы должны теперь признать во мнѣ искреннюю готовность идти на борьбу, глубокое убъжденіе въ идеѣ, способность и право быть настоящимъ дѣятелемъ... Что же вы не воодушевляетесь, не протягиваете мнѣ руки?.. Вамъ больше, чъмъ всякому другому, сгѣдуеть сочувствовать моей рѣшимости... Теперъ ужъ никто не назоветъ меня барышней, теперь я вполнѣ ваша... простая мужнчка!.. Ну, что же вы скажете?...

--- Трудно вамъ будетъ, Алёна Ниволавна, съ непривычки... Вотъ развѣ учительницей будете въ школѣ... и Александръ Кузъмичъ будетъ поддерживать... а то...

— Что вы за свинство говорите, Чернупівнить!.. Что за поддержва?.. Кто осм'ялится ми'я се предлагать?.. Оть кого я согланусь се взять?.. Какъ въйлась эта мерзость въ русскихъ людей: это в'яное ожиданіе подачекъ, помощи со стороны, что даже лучшіе изъ нихъ не могуть разстаться съ этикъ... рабскимъ понятіенъ... Вамъ стыдно, стыдно, Чермушкинъ, дунать и говорить подобныя вещи!..

--- Нъть, въдь, я только насчеть того, что съ непривычки вамъ трудно и тажело было бы... еслибъ во всю крестьянскую работу... во всю нужду!.. Родиться, вырости нужно въ ней, чтобы свыкнуться, переносить!.. Вонъ Параня... Ужъ, кажется, въ кре-

стъянствё и родилась, и выросла, да не на томъ положения, не на такой работё жила весь вёкъ, такъ даже и здёсь, на фабрикъ, работа, кажется, пологче деревенской, а ей тяжела: скучаеть, жалуется... А еще для нея льготы тамъ дёлають разныя, слышу я... Александръ Кузьмичъ, что ли, приказалъ...

Өедя какъ-то особенно холодно и непріязненно взглянуль при этихъ словахъ на Кошатнякова, но тотчасъ же отвелъ глаза и старался казаться спокойнымъ.

Кошатниковъ вспыхнулъ.

— Я ничего не приказывалъ... — поспѣшно проговорилъ Александръ Кузъмичъ. — Я ничего даже и не знаю объ этомъ...

-- Ну, такъ стало быть, приказчики сами оть себя.. Стараются подслужиться...

Өедя говорилъ это, повидимому, покойно, но голосъ его былъ неровенъ и обличалъ внутреннее волненіе.

— Ну, а я докажу вамъ, что не боюсь нивакого труда, никакихъ лишеній... — возразила Алёна Николавна. — Вы увидите, Чернушкинъ, что значитъ убъжденіе... увлеченіе идеей!.. А воть вы кстати упомянули о Параней... Я хочу поселиться съ вами, то-есть съ нею, съ Параней... Я затёмъ и пришла въ вамъ, чтобы переговорить объ этомъ... Кавъ вы на это посмотрите?.. Я полагаю, что мое вліяніе было бы полезно для вашей Парани... Ужъ о томъ и говорить нечего, что я обучу ее грамотѣ, но, можеть быть, достигну и того, что она пойметь наши цѣли и будеть намъ содѣйствовать... Вамъ этого не сдѣлать: вы слишкомъ влюблены!.. у васъ не то въ головѣ и на сердцѣ!.. вѣроятно, и разговоры съ ней больше сладкіе, миндальные!... Ну, а подъ моныъ вліяніемъ, въ монъъ рукахъ, она во всякомъ случаѣ была бы намъ полезна: вѣдь, она постоянно на фабрикѣ, среди рабочихъ... Это очень важно!... Вы понимаете?..

Осдя встревожился. Въ послёднее время онъ сдёлался недовёрчивъ и подокрителенъ: въ головё его мелькнула мысль: не Александръ ли Кузьмичъ это подстраиваеть, чтобы имёть предлогъ часто ходить въ Паранё, приврываясь необходимостью видёться съ Алёной Ниволавной.

- Конечно, если бы я не боялся...-отвёчаль онъ нерёшительно...-если-бъ я быль увёрень, что вы можете имёть на нее доброе вліяніе... научите се грамотё... заставите уважать трудь.. не гнушаться бёдностью и не соблазняться богатствомъ... я быль бы очень радь и благодаренъ!.. Она все можеть понять!.. Но я боюсь...

— О, въ такомъ случай, я обязана поселиться съ нею... И Токъ II.—Апръдь, 1879. 89/11 я тамъ поселяюсь... Я надёюсь на себя... Я съумѣю ей все объяснить... Ну, мы, можеть быть, не поладимъ съ матерью, но на это нечего обращать вниманія... Да мы и это еще увидимъ... Не бойтесь, Чернушкинъ: я вамъ разовью се... я сдёлаю изъ нея вамъ настоящаго друга и товарища, а не только красивую самку!.. Это будетъ первая моя работа, первый дёйствительно практическій шагъ во имя нашей идеи!.. Если я достигну цёли, она будетъ намъ безмѣрно полезна: я внаю, съ этимъ согласился бы и Промптовъ!.. Но о чемъ же вы еще задумались?.. Что вы хмуритесь?.. Отчего колеблетесь?.. Говорите прямо и откровенно.... Насчетъ денежныхъ средствъ, что ли?.. Насчетъ разныхъ тамъ условій?.. Не бойтесь: у насъ будетъ все общее, по крайней мѣрѣ, все, что я имѣю, будетъ находиться въ ихъ распоряжение... Объ этомъ думать нечего...

— Н'ёть, не о томъ... — сказаль Өедя съ усиліемъ. — Пожалуй, вы см'ёйтесь надо мной, сволько хотите, но я скажу вамъ прямо: мн'ё Параня дороже всего на св'ётё!.. Я безъ памяти люблю се!.. И если вы думаете отнять се, разлучить со мной... разстроить насъ... такъ лучше и не... Я вамъ впередъ говорю: я себя не пожалёю, но ужъ и...

Говоря это, Өедя волновался все больше и больше: голосъ у него обрывался, захватывало дыханіе, глаза горёли...

— Да что вы, сумасшедшій?.. Любитесь вы сколько хотите: кому нужно?.. Только бы эта любовь оть дёла вась не отрывала, не мёшала бы вамъ... Для этого-то я и хочу ею заняться: развить ее, направить, какъ намъ нужно... Съ чего вы это выдумали, что есть мнё охота и время заниматься вашими любвами?... Плевать я на нихъ хотёла!.. Мнё нужны вы, какъ дёятель... и изъ вашего предмета я хочу сдёлать тоже помощницу, а не помёху намъ... Воть и все.. Кажется, ясно!..

- Но коли со всёхъ сторонъ я слышу, что Параню считають... купеческой любовницей!.. если я самъ замёчаю, что вонъ Александръ Кувьмичъ потихоньку огъ меня поглядываетъ на нее не хорошо, а самъ обёщалъ, что инкогда этого не будетъ?.. Коли я знаю, что она за богатствомъ гонится, а онъ богатъ... Я бёденъ... Что же?.. Терпёть мнё это нужно?.. Или смотрёть сквозь пальцы: не обижаться, радоваться, можетъ быть?... Развё это не та же обяда, не то же притёсненіе бёдному отъ богатаго?.. Коли есть деньги, такъ сманить ими, сбить дёвку, ничего, что ли, хорошо? не подлость это?.. А коли я ее люблю безъ ума, больше души, такъ мнё что же?.. Не горевать, не злиться, молчать, али отступного проснть?.. Богатый заплатить

съ радостью!.. Кну что!. А ты — бёднянь, животное, ты будь доволень, что тебя мизиоть, награждають, а не вовсе уничтожають, кань гадину какую!.. Такъ что ли?..

--- Ахъ, такъ вотъ въ ченъ дело!.. -- вскричала Алена Николавна съ насибнивой улибкой. --- Значитъ, я не ошиблась, Алевсандръ Бузьмичъ?

- Да это совершению напрасно, Чернушкинъ...-оправдывался Кошатниковъ.-Этого совсёмъ ничего нётъ!.. Я тебё обёщалъ и послё того даже одного слова съ вею не сказалъ... А что тамъ, почему говорять, я ничего не внаю... это сплетни!.. Ты напрасно обо меё такъ думаень: я не только не хочу отбивать... я желаю тебё счастья отъ всей души!.. Я давно замёчаю, что ты сердишься... сталъ совсёмъ другой со мною... Я не могъ понить: отчего это?.. Если я и взглядывалъ на нее... ты замётнлъ... такъ что же? Я все-таки никакихъ намёреній подлыхъ не имёлъ...

- Такъ я теперь понимаю: почему вамъ и жениться-то не хочется, отнуда у васъ явилось держесе намбреніе и смёлость тятиньвиной волё сопротивляться?..- продолжала насмёхаться безпощадная Алёна Николавна... Ну, батюшка, если у васъ въ головё один амуры да любовныя похожденія, такъ отъ васъ нечего ждать толку!.. Зачёмъ же вы въ дёятели-то лёзете, зачёмъ передового человёжа изъ себя хотите корчить?.. Идите ужъ по тятинькиной дорожвё: будьте понілякомъ, набивайте карманъ, гнетите, притёснийте, общрайте... наслаждайтесь чужими страданіями, тоичите людей!... Ужъ и не суйтесь въ среду людей, у которыхъ одна цёль, одинъ интересъ общее благо, которые во имя своихъ принциновъ, во имя идеи готовы на все!... Зачёмъ же вы притворяетесь, вачёмъ рисустесь передъ нами своимъ сочувствіемъ въ нашимъ идеямъ?..

--- Алёна Николавна, да что же это такое?.. За что же вы меня обижаете?.. Я не притворяюсь... я дъйствительно, искренно предань!.. Я самъ готоръ на все!.. Не оскорбляйте меня!.. Если я не хочу жениться по-неволё, такъ не потому... что вы говориче... а потому, что считаю это унизительнымъ... Съ этимъ и Чернуникить согласенъ!.. Мы еще прежде объ этомъ съ нимъ говорили... Спросите его!..

--- Мий нечего его спранивать: я вижу очень хорошо, наскольно и Чернушениь еще не освободился оть старыхъ предракудковъ... Но если ванъ говорать, что вашъ бранъ долженъ быть не больше, какъ фикція... что онъ не только не долженъ васъ ничёмъ стёснать, но развижеть ванъ руки, дасть самостоя-

тельность... еслв, наконець, онъ нуженъ для дъла? Если ванъ говорять, что, женясь по-неволъ, вы совершаете гражданский подвигь, пріобрътаете возможность содъйствовать великому дълу?.. Это униженіе по вашему?.. Если это униженіе, въ такомъ случаъ унявительно и всякое самопожертвованіе, всякое отръщение отъ личныхъ интересовъ во имя иден и общаго дъла... Въ такомъ случаъ унивительно и то, что я отназывають отъ удобствъ жизни въ вашемъ домъ и иду переносить всякаго рода лишенія!.. Почемъ вы знаете: можетъ быть, вы самой мнъ нравитесь, какъ мужчина... Но это не мъщаетъ мнъ говорить вамъ, что польза дъла требуетъ, чтобы вы женились на богатой... Александръ Кузъмичъ в Чернушкинъ опустили глаза. Алёна

Александръ Кузъмичъ и Чернушкинъ опустили глаза. Алёна Николавна насильственно засм'ялась.

— Не бойтесь, не бойтесь: это не признаніе въ любен... Я неспособна на такія нёжности!.. Однаво довольно, господа... Подадимъ другъ другу руки и скорёе въ дёлу... Ссориться намъ не приходится, а пустявами заниматься тёмъ больше... Чернушвинъ, помиритесь съ Кошатниковымъ... Я сму намылила голеву, но ручаюсь вамъ за него: онъ оставить валиу невёсту въ нокоё, тёмъ болёе, что я сама буду жить съ ней... и не позволю сму ловеласничать... Но и вы, пропу, помните, что у насъ есть задачи по-серьёзнёе вашихъ личныхъ сердечныхъ ощущеній... Мы докажемъ Промптову, что можемъ сдёлать больше, чёмъ онъ думаеть!.. Ну, подайте же, господа, руки... Миръ!..

— Ты не думай этого, Чернушкинъ... Право, напрасно... – говорнять Алевсандръ Кузьмичъ, протягавая руку Өедь.

- Очень ужъ тутъ говорили не хорошо... А вы переглядиваетесь... Да и она-то... Эхъ, все это мать ся!.. Я ничего, Алеисандръ Кузьмичъ... Мнё только горько, обидно было!..

И Өедя подаль свою руку.

— Ну, воть и чудесно! — вскричала Алёна Николавна. — А, честное слово, господа, а могу быть отличнымъ организаторенъ!.. Тавъ скажите же вашимъ, Чернушкинъ: а сегодия же неребду иъ нимъ... Скажите имъ, что Александръ Кузьмичъ прослъ васъ пристроить меня у нихъ на время, впредъ до пріисканія другого мъста... Ну, а тамъ ужъ мое дъло!.. А на счетъ плати, чтобы не сомнъвались: сколько я буду имъ стоить, скольно скажутъ, столько и заплачу... Ну, пойдемте Александръ Кузьмичъ... Вы проводите меня до дому: пускай, вани златся и думаютъ, что я хочу васъ женить на себъ... Это меня очень забавляетъ!.. До свяданія, Чернушкинъ... Наймите и принлите миъ подводу посль объда: пожадуйста, попроще, самыя простыя розвальни...

Я хочу убхать отъ этихъ... буржуа... вавъ слёдуетъ мнё: совсёмъ по-мужиции!..

Когда Федя сообщилъ своимъ домашнимъ о новой жилицъ, Дарья Тихоновна очень было-возстала, но имя и желаніе Алеисандра Кузьмича, а также объщаніе безусловной оплаты всёхъ расходовъ и настойчивость Феди заставили ее согласиться.

Къ вечеру Алёна Николаевна перебхала къ нимъ, и съ-разу завоевала расположеніе и матери, и дочери, подаривши каждой по хорошему платью изъ своего гардероба.

Альксъй Потэхинъ.

РУИНА

Историчиская монография

1663 — 1687 гг.

«Рунною» называется въ исторін малороссійскаго края время смуть, потрясавшихъ этотъ край во второй половниъ XVII въка - преимущественно съ разделения гетманщины на два гетманства по двумъ сторонамъ днёпровскаго побережья. Этотъ періодъ можно считать со второй половины 1663 г. по іюль 1687 г., въ управление трехъ утвержденныхъ московскою властью оденъ за другимъ гетмановъ: Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича-до избранія, витесто послёдняго, въ гетманы Мазеци. Названіе «Рунна» — невыдуманное; оно осталось въ народновъ воспоминания, особенно по отношению въ правобережной Украйна, которая буквально была обращена въ «рунну»; лишившись своего народонаселенія на нікоторое время, тамошній край превратился въ совершенную пустыню. Настоящая монографія служить непосредственнымъ продолженіемъ нашихъ двухъ монографії: «Гетманство Выговскаго» и «Гетманство Юрія Хмельницкаго», печатанныхъ нёвогда въ періодическихъ изданіяхъ, а потоиъ вошедшихъ въ сборнивъ нашихъ историческихъ трудовъ, подъ названіемъ: «Историческія монографіи и изследованія».

При составленій новой монографій мы руководствовались главнымъ образомъ документами московскихъ архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи; нёкоторая часть этихъ документовъ была напечатана въ изданныхъ археографическою коммиссіею, подъ нашею редакціею, «Актахъ, относящихся въ исторія Южной и Западной Россіи». Затёмъ мы пользовались и другими историческими печат-

ными источнивами, какъ русскими, такъ и иностранными, указанія на которые приводятся въ надлежащихъ мёстахъ, подъ слёдующими сокращеніями:

А) Русскаго языка:

1) А. И. Д.: Дёла бывшаго посольскаго приказа, заключающія сношенія съ Малороссіею и разными иностранными государствами и хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивё министерства иностранныхъ дёлъ въ связкахъ и особо отдёленномъ отъ нихъ собраніи подлинниковъ.

2) А. Ю. З. Р.: Акты Южной и Западной Россіи. Изданіе археографической комписсіи. Томы VI—Х.

3) Арх. Ю. Р.: Архивъ Югозападной Россін, издаваемый временною коммиссією для разбора древнихъактовъ, Высочайше учрежденной при кіевскомъ военномъ, волынскомъ и подольскомъ генералъгубернаторѣ.

4) Арх. Юст.: Дъла московскаго архива министерства постиціи, завлючающіяся въ книгахъ и столбцахъ.

5) И. К. З.: Исторія о казакахъ запорожскихъ. Издана въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей, 1847 г.

6) И. М. Р.: Исторія Малой Россін, Бантышъ-Каменскаго. Изданіе 1822 в 1842 гг.

7) К. О. М.: Краткое описание Малороссии, изданное киевскою временною коммиссиею 1878 г. при Латописи Самовидца (малороссийская латопись, не лишенная любопытныхъ свёдёний и въ нёкоторыхъ мёстахъ представляющая подобие съ Латописью Грабянки).

8) Лаз. Р. А.: Очерки малороссійскихъ фамилій--Александра Лазаревскаго. Русскій Архивъ, 1875—1878 гг.

9) Л. Вел.: Лётопись событій въ Югозападной Россіи въ ХVЦ въкъ-Самуила Величка. Издана кіевскою временною коммиссіею. Четыре тома. (Авторъ, жившій въ первой четверти ХУ въка, собиралъ и заносилъ въ свое повъствованіе все, что ему попадалось подъ-руку бевъ малъйшей критики, и самъ сознается, что въ его сочиненіе вошло много невърнаго. Даже есть цълые акты и документы чисто сочиненные, поэтому имъ можно пользоваться только съ крайнею осторожностью).

10) Лют. Граб.: Лётопись Григорія Грабянки. Издана кіевскою временною коммиссіею 1854 г. (Авторъ, жившій въ началё XVIII вёка, заимствовалъ многое изъ иностранныхъ сочиненій своего времени, но сообщаетъ также многія туземныя свёдёнія. Ею пользовался, главнымъ образомъ, Ригельманъ въ своемъ повёствованіи).

11) Л. П. Рил.: Лътописное повъствование о малороссийскомъ народъ Ригельмана. Изд. Моск. общ. ист. и древ., 1846 г.

12) Л. С. 1846 г., н Л. С. 1878 г.: Лётопись самовидца о войнахъ Вогдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бившихъ въ Малороссіи по его смерти. Издано моск. общ. ист. и древ., 1846 г., и кіевскою временною коммиссіею, 1878 г., по новооткрытымъ спискамъ. (Лучшее и достовёрнёйшее изъ туземныхъ повёствованій).

13) Мил.: Историческія сочиненія о Малороссія и малороссіянахъ -Миллера. Изд. въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древ., 1847 г.

14) П. К. К.: Памятники, изданные кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

15) П. Кор. М.: Дела польской коронной метрики, заключающія сношенія польской Ричи Посполитой сь иностранными державами. хранящіяся въ моск. глав. архивѣ иностр. дѣлъ.

16) П. С. З.: Подное собрание законовъ Российской империи. Томы I-IV.

17) С. Г. Г. Д.: Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранащихся въ государственной колдегіи иностр. діяль.

18) Симон.: Краткое описание о казацкомъ налороссийскомъ народѣ-Петра Симоновскаго. Издано въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древ. 1847 г. (Сборникъ извъстій, почерпнутыхъ преимущественно изъ разныхъ иностранныхъ сочинений).

19) Сол.: Исторія Россія—Сергвя Соловьева. Томы XII—XIV. 20) Чт.: Чтенія императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей, 1858 г. Тоиз первый. (Документы, относящиеся въ гетманствамъ Многогръшнаго и Самойловича, извлеченные изъ Москов. глав. архива мин. иностр. дёлъ).

Б) Иностранныхъ языковъ:

21) Ann. Pol., H Klimakt. IV.: Annalium Poloniae Climacteres Scriptore a Kochowo Kochowski. Четыре тома. Четвертый томъ изданъ въ польскомъ переводъ. (Авторъ, извъстный своего времени польский поэтъ, написалъ исторію своего времени, отличающуюся, впрочемъ, не вездё строгою вёрностью).

22) Coll.: Collectanea. Изданіе Senkowskiego. Два тона. (Турецкіе источники, переведенные по-польски, съ примѣчаніями).

23) Ds. P. Ssujs.: Dzieje Polskie podług ostatnich badań, przez Józefa Szujskiego. Четыре тома. 24) *H. P. J. K.*: Historya Panowania Jana Kazimierza, przez

nieznajomego autora. Два тома. (Очень похожа на Annalium Poloniae Climacteres Scriptore a Kochowo Kochowski).

25) Kr. M. L.: Kronika Miasta Lwowa, przez Lubrzyckiego.

26) L. Jerl.: Latopisiec Jerlicza. Два тома. (Авторъ, южнорусскій православный шляхтичъ, жившій въ XVII вѣкѣ, велъ дневникъ своей жизни, записывая нное по слухамъ, а потому не вездъ отличается вфрностью).

27) Ojcs. Sp.: Ojczyste Spominki. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki, etc., z rekopismów zebrane przez Ambrozego Grabowskiego. Два тона.

28) P. Jem.: Pamiętnik Jemiołowskiego.

29) P. Pas.: Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska, 1656-1688.

30) Tag. Gord.: Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Tou roua. (Известія о разныхъ событіяхъ въ Малороссін, писанныя очевидценъ, довольно правлявыя и любопытныя, нежду прочимъ-о чигиринской войнь, крымскомъ походъ и низложени Самойловича).

31) P. L.: Volumina Legum. Восемь томовъ.

PJHEA.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Гетманство Бруховецкаго.

I.

Правобережный гетманъ Тетеря приглашаетъ польскаго короля въ походу противъ московскаго государства. — Вступленіе польскаго войска въ Украйну.— Совътъ въ Бълой Церкви:—Ставище—складъ боевихъ запасовъ. — Переходъ черезъ Дибпръ. — Универсалы Тетери. — Запорожская Съча. — Косаговъ. — Сърко. — Битвы съ татарами, тогдашними союзниками Польши.

Осенью 1663 года, послё вазни Сомка съ товарищами и послё ссылки другихъ лицъ въ Сибирь, Бруховецкій утвердился въ своемъ гетманствъ надъ Украйной левой стороны Дивпра. Новому гетману предстояла борьба съ соперникомъ, съ гетманомъ на правой сторонв, утвержденнымъ въ своемъ достовнствв польскимъ королемъ. То былъ Тетеря. Избранный еще въ январъ 1663 года, онъ съ самаго своего избранія приглашалъ короля Яна Казимира двинуться съ войскомъ въ Украйну и предпринать возвращение подъ власть Польши лёвой стороны Дибпра, захваченной Москвою. Человёкъ хитрый, честолюбивый столько же, какъ и корыстолюбивый, Тетеря передъ королемъ и панами привидивался, будто решился принять гетманское достоинство, единственно исполная волю своего государя, польскаго короля, и опасаясь оскорбить его отказомъ. Въ письмѣ своемъ въ Яну Каземеру, оть 15-го іюля, онъ жаловался, что, ставши гетманомъ, попалъ въ лабирнитъ золъ и затруднений, увърялъ въ готовности всегда оставить гетманский сань безъ всякихъ для себя почестей и преимуществъ 1), но повамъстъ просняъ вспомогательныхъ сняз. 25-го іюля, онъ отправняз къ королю посланцами Гарадзу и Олистратенка и проснять, чтобы король осчастливнать Украйну своимъ посъщеніемъ, принявши лично начальство надъ войскомъ, туда назначеннымъ ⁹). «Великое вняжество литовское (писаль онь тогда въ коронному канцлеру Пражновскому), часто вибеть ту конселяцію, что его королевское величество не отказываеть ему въ своемъ посвщения, а ны, жители вняжества русскаго, и войско запорожское, признаемъ свонить особеннымъ несчастиемъ, что намъ adimitur aspectus (отьемлется лицезрение) его величества». Тетеря указываль, что

³) Ibid., 856-859.

присутствіе короля полезно под'я ствуеть прогивь московскихъ козней, будеть удерживать въ повиновеніи и в'врности русскій народъ въ Украйнѣ, увлекающійся непостоянствомъ именно оттого, что не знаеть и не видаль никогда въ лицо королевской особы; оно укрѣпить и союзъ съ татарами, которые, по замѣчанію Тетери, уже начали лукавить. Наконецъ, прибытіе короля полезно будетъ и потому, что тогда онъ самъ лично можеть поставить надъ казаками гетмана, а самъ Тетеря продолжалъ изъявлять готовность отвазаться отъ возложенной на него должности ¹).

Король Янъ Казимиръ по такимъ подущеніямъ сталъ готовиться къ походу. Нёкоторые паны были противъ такого похода и въ числё ихъ знаменитый государственный человёкъ и полководецъ польскій Юрій Любомирскій. Онъ представлялъ королю, что нельзя ни довёрять казакамъ, ни возлагать надежду на союзъ съ татарами; притомъ если уже идти въ походъ, то, по мнёнію Любомирскаго, надлежало идти съ весни, и для этого созвать посполитое рушенье. Король не только не послушался такого совёта, но окончательно не поладилъ съ Любомирскимъ, котораго уже и прежде не любилъ за его обличенія злоупотребленій въ финансовомъ управленіи. Любомирскій, раздосадованный тёмъ, что его совётовъ не слушалъ король, отказался идти въ предполагаемый походъ, а король не дозволилъ участвовать въ этомъ походѣ и полку, устроенному Любомирскимъ.

Въ началъ сентября прибылъ король въ Сокольники, и тамъ учиненъ былъ смотръ войска. Нашли его въ количествъ сорока тысячъ; оно казалось красиво, но уже тогда представлялась опасность, что, при обычной въ Польшъ неисправности въ платежахъ жалованья служащимъ, многіе скоро уйдуть изъ войска.

ность, что, при оомчной въ польше неисправности въ платежахъ жалованья служащимъ, многіе своро уйдуть изъ войска. 15-го сентября навначено было выступить. Войско пошло тремя отрядами и тремя путями. Первый отрядъ подъ командою короннаго гетмана Потоцкаго двинулся на Тарнополь, другой подъ начальствомъ русскаго воеводы Чарнецкаго на Дубно, третій — Яна Собъсскаго на Баръ, гдъ надлежало сойтися ему съ союзными татарами, которые съ своимъ ханомъ Махметъ-Гиреемъ стояли уже на Цецорскихъ поляхъ. Ханъ писалъ въ королю, что хотя падвшахъ и повелъвалъ ему идти съ ордою противъ нъмецкаго императора, но онъ, ханъ, предпочитаетъ всему на свътъ дружбу съ королемъ и желаетъ за одно съ поляками воеватъ московитянъ, исконныхъ враговъ татарскаго народа. Самъ

¹) Ibid., 868—870.

король шель съ частью войска, составляющаго четвертый отрядъ, бывній подъ командою лифляндца Бокуна. Изъ-подъ Сокольниковъ король двинулся въ Бёлый-Камень и тамъ разстался съ королевой; проводивши супруга, она вернулась въ Варшаву; король съ военною силою отправился въ Подгайцы¹). Простоявши тамъ шесть дней, пока починали переправы на рёкахъ, король прибылъ въ Шароградъ. Тёмъ временемъ Собёсскій сошелся съ передовымъ татарскимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Дединтъ-аги; Собёсскому сообщили, что, всябдъ за этимъ татарскимъ отрядомъ, идетъ орды соровъ тысячъ, подъ начальствомъ двухъ султановъ, а если этого для ноляковъ окажется недостаточно, то явится самъ ханъ со всею крымскою силою, накая у него есть подъ властью ²).

8-го овтября прибыль король въ Бълую Церковь; то была уже среднна Украйны. Здёсь явился королю Тетеря и полковники правобережныхъ казацкихъ полковъ, находившихся подъ начальствомъ гетмана "Тетери; тутъ были въ числё ихъ: Ханенко, Миленико, Гоголь, Богунъ, Гуляницкій; всё кланялись воролю накъ своему государно и изъявляли готовность жертвовать за него жизнью. Всёхъ насчитываля вхъ тринадцать 3). Здёсь явялась тогда депутація отъ православнаго духовенства съ архимандратомъ Гедеономъ, бывшамъ гетманомъ Юріемъ Хмельнацкниз. Тольво-что передь тёмъ совершился въ Кіевё выборь мнтрополнта-событие всегда важное для Украйны и особенно важное при тёхъ смутныхъ обстоятельствать, въ какихъ колебался край: нравственное и политическое положение народа много зависвло оть того, чынкъ сторовникомъ: московскаго государства или Польши, явится новый владыва. Большинствомъ голосовъ нобранъ билъ бълорусскій епископъ Іосифъ Тукальскій. Королю этоть виборь не правился; не нравныся онъ и воронному канцлеру Пражмовскому. Угодничая имъ, пытался-было Тетеря не допустить тавого избранія, но не могъ сдёлать ничего. Говорили, что Гедеонъ Хмельницкій, теперь являвшійся въ королю на челі депутацін отъ духовенства, самъ хотель быть избраннымъ въ санъ митрополита. Королю во всякомъ случай желалось, чтобы этоть человёнъ, а не вто другой сталь тогда главнымъ святирелемъ Южной Руси. Королю и вообще поликамъ думалось, что такого святителя можно будеть повернуть вуда угодно, а сладовательно употвебить ову-

¹⁾ Мізстечко на різгі Коропці, въ Галиція.

²) Ann. Pol. Climact., III, 82.

^{*)} H. P. J. K., I, 245.

діемъ для служенія вав'ётному польсному замыслу—введенію унів. Тетерѣ во время выбора хотѣлось услужить полявамъ, однако онъ долженъ былъ тенерь сознаться въ своемъ безсилін въ духовномъ дѣлѣ¹).

Въ Бѣлой-Церкии на собранномъ у короля военномъ совътѣ возникло два противорѣчивыхъ мнѣнія; одни говорили, что надобно со всѣми силами вторгнуться въ предѣлы московснаго государства и отвоевать обратно лѣвобережную Украйну; другіе находили, что лучине вести войну на беретахъ Диѣпра, но не удаляясь далеко въ глубь лѣвой стороны. Первое мнѣніе вяло верхъ, тѣмъ болѣе, что его поддерживали и Тетеря, и татарский предводитель Дедышъ-ага, твердившій, что воевать въ чужой землѣ всегда лучше, нежели въ своей. Рѣшили въ иѣстечкѣ Ставищѣ устроить центральный складъ боевыхъ принадлежностей. Для его охраненія съ отрядомъ оставленъ былъ полковникъ Себастіанъ Маховскій.

Гетманъ Тетеря прилагалъ стараніе расположить казаковъ и народъ лёвой стороны въ пользу польскаго короля. 22-го октября онъ распустилъ универсалъ, въ которомъ убъждалъ жителей скадениться на вольскую сторону и отступить отъ Москвы. «Лёвая сторона Дибира», — писаль онь, — «отпавши оть вороля, своего наслёдственнаго государя и отдавшись подъ высокую руку московскаго паря попала въ неволю. Уже многихъ знатныхъ особъ казнили, пожитен и имущества другихъ захватили, женщинъ и дётей загнали въ неволю. Услышалъ объ этомъ милосердый король, государь вашь, соболёзнуеть онь о разорения людей своихъ, и, ришившись подвергать опасностямъ свое королевское здравіе, идеть противъ непріятелей съ твиъ, чтобъ освободить вась, своихъ подланныхъ, и, соединивши, учинить жиръ. По долгу христіанской любви и по своей готнанской обязанности-остеретаю васъ. У короля сила не малая, и наше казацвое войско идеть съ нимъ, и орды сильныя съ самимъ ханомъ придуть; если вы поклонитесь королю вашему, то забвенны будуть прежнія вины ваши и вы останотесь вь милости у RODOLS > 2).

Мало вліянія оказали такія воззванія на жителей л'явой сторони. Только городки Потокъ, Переволочна и Кременчугъ поддались правобережному гетману, и самъ Тетеря посибшилъ въ Кременчугъ, но вскор'й Пархомъ Нужный, войсковой генераль-

616

¹) II. K. K., IV, 382, 888, 391.

²) A. IO. 3. P., V, 188.

ный осауль Бруховецкаго, овладёль Потоконь, потонь пристуныхь въ Кременчугу. За Нужнымъ явился подъ Кременчугонъ самъ гетманъ Бруховецкій съ царскимъ воеводою, находивнимся при его особё, Кирилломъ Хлоповымъ. Тетеря поспёшняъ убраться обратно за Дибиръ, по оставилъ въ Кременчугё своихъ правобережныхъ казаковъ, засёвшихъ во внутреннемъ городё, составлявшемъ сердцевину-Кременчуга ¹).

13-го ноября вороль съ своимъ войскомъ перенравнися черезъ Дийпръ у Ржищева. Татары переплывали Дийпръ подъ Тринольемъ, своимъ обычнымъ способомъ — держась за хвосты своихъ лонгадей. Тетеря снова явился въ Кременчутѣ и тогда отправилъ посольство въ Сйчу съ увѣщательною грамотою. Онъ напоминалъ запорожцамъ, что ихъ дѣды и прадѣды рождались и славы добывали на морѣ и на супиѣ, находясь подъ воролевскою, а не подъ иною властью, объщалъ отъ имени короля милости и сохраненіе вольностей, и увѣрялъ запорожцевъ, что не желаетъ гетманской власти и готовъ передъ ними снять съ себя урядъ, предоставляя запорожскимъ товарищамъ право избрать, кого захотять сами. Онъ объщалъ особую милость отъ короля кошевому Сѣрку и обнадеживалъ его, что если онъ передастся на королевскую сторону, то польское войско выведетъ его семъю нъ Полтавы, гдѣ она тогда находилась, и, такимъ образомъ, поляки избавять ее отъ царскаго мщенія²).

Въ Запорожской Свчв находился съ царскими ратними снлами странчий Косаговъ, прибывший туда въ концё сентября. Въ октябрё, вмёстё съ Сёркомъ и запорожцами, онъ отправляся въ походъ противъ татаръ и чуть было не вялъ Перекопа: турки и крымцы успёли подойти къ нимъ сзади, русскіе отступили, но увели съ собой много плённыхъ, которыхъ всёхъ, не исключая менщинъ и дётей, Сёрво приказалъ перебить. Впослёдствія Сёрко въ своемъ донесеніи изиниялъ такое нарварство тёмъ, что будто это сдёлалось по причинё свирёнствовавшаго тогда въ Крыму морового пов'ягрія; но запорожскіе носланцы, бывшіе въ Москвё, объяснили, что никакого повётрія не было, а сдёлалось такъ по войсковому приговору. Запорожское товариство, находясь подъ правственнымъ вліяніемъ Сёрка, всячески показывало преданность и угодливость московскому государю, и Косаговъ въ своихъ донесеніяхъ, отправляемных въ маюроссійскій приказъ, могъ тольно ихъ хвалить за это, но въ

¹) A. KO. 3. P., V, 189.

²) A. 10. 3. P., V, 146.

другомъ тояте принцось ему отназываться, когда въ Свчу донгин универсалы Тетери. Правда, большая часть товарищей не хотёла. слушать воззваний задиборовскаго готмана, прислужиния ляховъ, но общество запорожское было такъ же разнообразно, какъ и непостоянно. Самъ Сврео былъ человъкъ харавтера, легко поддававшагося впечатлёніямъ, не отличался всегда твердостію н постоянствомъ въ разъ принятомъ направления; въ то время не было ничего, что бы могло возбудить въ немъ какую-нибудь досаду и нерасположение въ Москвё, а потому онъ тогда быль искренно преданъ московской сторонъ. Но мимо его въ Свчъ нашлось не мало такихъ, которымъ было по вкусу, что Тетеря подаеть виз поводъ въ волненіямъ, и положеніе находившагося въ Сбчё предводителя царской рати стало ему казаться не безопаснымъ. «Пришло, важется, послёднее мое». — писалъ Косаговъ въ отцу своему: — «вёрно мнё уже не быть дома и не видать тебя, государя моего. Если червасские городы сладутся королю, то и Запорожье сдастся ему, и тогда инв съ Свреонъ туть будеть мать» 1)! Бывшіе съ Косаговынь великороссійскіе ратные люди - воцейщиви, рейтары, солдаты и донскіе казаки но обычаю стали бѣгать, в это, по донесению Косагова, дѣлалось тогда не оть голода: разнесся слухъ, что ляхи, татары и измънники черкасы хотять приходить въ Свчу. Побеги ратныхъ до того умножелись, что съ Косаговымъ осталось великороссіянъ всего двёсти человѣкъ²).

Но храбрый и на то время върный Сърко успъль на время удержать товарищей и направить ихъ на дъло, полезное царю. Къ счастью Косагова, къ нему прибыли калмыки, заклятые враги крымцевъ, всегда готовые помогать той сторонъ, которая была въ войнъ съ послъдними. 6 декабря, Сърко съ запорожцами и Косаговъ съ калмыками отправились снова протикъ татаръ, съ цълію помъшать ханскому походу на помощь къ польскому королю. Запорожцы пожгли нъсколько татарскихъ ауловъ около Перевона, освободили болъе сотни малороссійскихъ и великороссійскихъ полоненниковъ, и 16 декабря нанесли пораженіе нереконской ордъ: ся начальникъ Карачбей, его брать, его племянникъ, его писарь и казначей—пали въ этой битвъ. Извъчые враги крымцевъ, калмыки съ остервененіемъ кололи всъхъ и не дозволяли брать никого живьемъ въ плънъ. Эта побъда была тъмъ блистательнъе, что съ Съркомъ было всего девяносто съче-

¹) A. IO. 3. P., V., 146.

²) A. Ю. З. Р., V., 141.

жиковъ, а у Косагова, кром'в калимковъ — великороссійскихъ ратимих людей всого тридцать и донскихъ казавовъ шестьдесятъ челов'екъ; татаръ же съ Карачбей-мурвою участвовало въ этой битв'е до тисячи ¹).

Важнёе всего, послёдствіенъ этой побёды было то, что ханъ прымскій долго послё того не рёшался выступать съ ордою въ Украйну на помощь королю, а счелъ нужнымъ оберегать съ ствлера предёлы крымскихъ юрть оть вторженія запорожцевъ н калымковъ³).

У польскаго короля послё перехода черезь Дивпръ было намърение овладъть Киевомъ, но такое намърение было оставлено. Кіевъ быль самымъ крёвкимъ городомъ и тратить надъ нимъ время сочли неумъстнымъ; поляви надъялись, что, когда весь врай будеть завоевань, то Кіевь в самь одастся нобедителямь 3). На лёвой сторонё Днёпра не встрёчали они противь себя московсвихъ силъ, но слыша, что Ромодановский гдв-то далеко стоитъ, думали, что онъ - полководецъ великаго ума и сообразительности, что онъ нарочно привидывается медлительнымъ и мало исвуснымъ въ военномъ дѣлѣ, а у него разсчеть хитрый и очень върный: «этоть московитинъ понялъ, что полякъ горячъ, словно солома-скоро загорается и скоро стораеть и огня нослё мало оставляеть; поэтому-то Ромодановский стоить съ войскомъ на одномъ мѣстѣ, разославши по сторонамъ отряды, чтобъ у насъ живность отнимать, и мы бы, въ чужой землё находясь, голодъ терители». Бруховеций, напротивъ, изъ Кременчуга посылалъ въ приказъ жалобы на Ромодановскаго, что онъ не слушаетъ царскихъ указовь и не спёшить съ войскомъ на оборону малороссійскаго края: всю осень продержаль войско въ сборь, какъ-будто на готовъ къ военному походу, а какъ тольво слухъ пошелъ, что король переходить Дивпръ и встунаеть въ налороссийский край, то словно умышленно своихъ ратныхъ по дожамъ рас-пустилъ ⁴). На самомъ дълъ Ромоданевский не былъ отличнымъ стратегомъ, какъ подозръвали о немъ враги, но не былъ и внновень, вакъ доносилъ на него Бруховецкій, обвинявшій его почте въ евибнъ. Ромодановский дъйствовалъ, строго подченяясь царскных указамъ. Онъ по царскому указу распустиль наъ Бълграда ратныхъ людей по домамъ на однеъ месяцъ, а когда

- *) H. P. J. K., II. 249, 250.
- 4) A. 10. 3. P., V., 192.

¹⁾ Ibid., 148.

²) Ibid., 150.

услыхаль о вторженін польскаго войска и получнль новый царскій указь, тогчась разослаль вь разные города гонцовъ съ отписками о высылкъ разныхъ людей, отправиль въ Вруховецкому своего товарища Петра Скуратова съ вспомогательнымъ отрядомъ и объщаль гетману идти на соединеніе съ нимъ, какъ только ратные, отпущенные по домамъ, соберутся ¹). Ромодановскій слушался, своего правительства, которое поступало по давнему московскому обычаю, распускать военныя сили, какъ только не предвидится близкой опасности, и тъмъ подавать поводъ врагамъ дёлать неожиданныя вступленія въ предёлы государства.

Послё прихода Свуратова, Бруковецкій доносиль въ приказъ, что и теперь съ Хлоповымъ и Свуратовымъ все-таки онть не въ состояніи выступать противъ польской силы и просилъ, чтобъ указано было Ромодановскому и Петру Шереметеву идти съ своими ратями на выручку Малороссіи²).

II.

Движеніе польскаго войска въ лѣвобережной Украйнѣ. — Ваятіе Воронкова. Барышполя, Остра, Ромна, Борзны, Солтыковой-Дѣвицы, Сосницы. — Осада Глухова. — Неудачные приступы. — Отступленіе къ Новгородъ-Сѣверску. — Стычка подъ Пироговкою. — Колебаніе малороссіянъ. — Казнь Богуна.

Польскіе источники передають, что, тотчась послё переправи поляковь черезь Дибпрь у Рясищева, къ королю прібажаль московскії гонець съ изъявленіемъ оть своего правительства готовности начать переговоры о мирё, но польскіе паны, окружавшіе нороля, разсудили, что не слёдуеть поддаваться уловкамъ непріятеля, который думаєть какъ-инбудь продлить время въ своихъ видахъ. Гонцу данъ былъ отвёть, что поляки не прочь толковать о мирё, если московскій царь пришлеть своихъ уполномоченныхъ для этой цёли ⁸).

Вступивши въ лёвобережную Украйну польское войско мало векло за собою продовольствія, надежда была найти все нужное въ необилін въ непріятельской странё. Оказалось, однако; что войско въ этой непріятельской землё не такъ легко могло доставать себё все нужное. За сборомъ провіанта и фуража посылались

¹) A. IO. 3. P., V., 178.

³) Ibid., 192.

⁸) Krajewski. Hist. Jana Kazim., II, 330.

отряды; вазаки нападали на эти отряды, иногда отбивали вовы, нагруженные занасонъ, иногда и самихъ жолнеровъ истребляли. Отъ этого польское войско не нолучало необходимаго; сперва итъхота стала терпёть голодъ, а за нею конница; тоже и лошади иропадали отъ безкормицы.

Приходнось полякамъ на пути рездёлываться съ укрёпленными городами, а тавихъ городовъ впереди насчитывали поляви до трехсоть. Изъ нихъ прежде всего удачно расправилнсь ноляни съ Воронковимъ: онъ былъ ограбленъ и сожженъ войсковою прислугою, которая у поляковъ называлась лузьною челядью (luźna czeladź). За Воронковымъ слёдовалъ Барышполь, также укрѣпленный. Сначала барышпольцы храбрились и на требованіе полявовь сдать городовъ отвёчали: «мы вамъ дороги не загораживаемъ, можете себъ идти мимо нашихъ валовъ, только насъ не зацёнляйте, а если зацёните, то знайте, что и мы не безъ рукъ, и Москва отъ насъ не далече: придутъ въ намъ на выручку». Польный воронный писарь Сап'йга взялся добыть м'ёстечко; п'йхота пошла на приступъ; бросили въ городовъ несколько бомбъ и гранать; загорёлось мёстечно, моснентане не приходеля на выручку; тогда духовные первые подали совёть сдаться. Извёстиля барышиольцы Саперу, что готовы проснть у вороля пощады и милосердія. Ворота містечка отворились, вышли впереди всіхъ духовные, заправлявшие сдачей городка, за ними жители вели выдавать полякамъ своего сотника Собу, совътовавшаго держаться до врайности. Этимъ барышиольцы вупили себй жазнь, но затвиъ должны были доставлять провіанть и своть для нольскаго BONCES.

По невообразниой осенней слякоти двигалось польское войско до Остра. Этоть городокь лежаль въ углу, образуемомъ Десною и впадающими въ Десну Остромъ и Папрокомъ. Съ одной стороны городокъ защищали болота, съ другихъ сторонъ были выведены укрупления. Осенний розливъ воды въ тотъ годъ быль такъ великъ, что поляки остриля, называн городокъ плавающею уткою. Король послалъ требование сдаться.

«Мы не можемъ сдаться, еслибъ даже и захотёли» — отвёчали полякамъ жители: городъ нашъ охраняють московские ратные люди, у нихъ во власти и ворота, и валъ, и всё укрёпленія».

Ваять этоть городовъ было трудно, но, въ счастно полявевъ, вдругъ стало мерзнуть и притомъ—такъ быстро и сильно, что черезъ нёсколько дней можно было уже ходить по льду. 6 декабря, польская пёхота разложила по льду фашиннивъ и стала подходить въ городку, а войсковая прислуга пустилась въ при-

Тонъ II.—Апрыль, 1879.

городныя села набирать дерева; разбирали для этого даже хати и стали строить мость. Такимъ средствомъ успёли приблизить въ городу пунки, когорыхъ невозможно было повезти по льду еще не окрёпшему, начали изъ нихъ пускать ядра и гранати, а пѣхота пошла на приступъ. Остерскіе обыватели усердно помогали казакамъ и приступъ отбили; но польскія ядра и гранати сдѣлали свое дѣло. Въ полночь поднялся въ городё шумъ и крикъ, а утромъ изъ города сообщили полякамъ, что московскій гаринзонъ ушелъ изъ города, и тогда поняли поляки, что происходилъ шумъ ночью во время ухода москвитиновъ, которыхъ, какъ они догадались, вовсе и не было слишкомъ много. Король объщалъ остерцамъ пощаду, если обяжутся давать провіанть на войско¹).

Здѣсь военный совѣть рѣшилъ дать войску роздыхъ и переждать время наступившихъ тогда жестокихъ холодовь; жолнеровъ развели по зимнимъ квартирамъ, и самъ король помѣстился въ предмѣстьѣ, въ хаткѣ, на-скоро выстроенной нарочно для него. Съ нимъ было два полка тѣлохранителей и королевская прислуга. Въ такомъ положеніи поляки проводили правдники Рождества Христова.

Между твиз другая часть войска, что была подъ начальствоиъ Чарнецкаго, отправлена била въ сторону отъ Остра-приводить городки и месточки къ повиновению королю. Къ Чарнецкому примкнуль отрядь правобережныхъ казавовь нодъ начальствонъ полковниковъ Богуна и Гуляницкаго. Ограженный Чарнецкима, Тележнискій взяль Ромень: жители выпустили московскихъ ратныхъ людей задними воротами и сами за ними ушли изъ городка, оставивши свои дома пустыми во власть врага. Тележинский велёль въ обрестностяхъ собирать провіанть и фуражъ. Вслёдь за Ромномъ стали сдаваться и другіе городки и ивстечки; сдавались они превмущественно Богуну, потому что имя этого сподвижника Хмельницкаго было еще вь уважении и въ славъ у налороссійсваго народа. Въ нёвоторыхъ иёстечвахъ налороссіяне не только сдавались на королевское имя, но к сами присоединялись въ отряду Богуна. Только мъстечно Монастырище упорно сопротивлялось полякамъ в было разорено жолнерами: тамошніе казаки и жители въ навазание за свое унорство были отданы татарамъ въ полонъ ²). Но вогда одни подяви брали русскія ивстечен, русскіе платили за то другимъ полявамъ: вазацкія

³) I. C., 42.

١

¹⁾ H. P. J. K., II., 251.

ватаги нападали на жолнеровъ, расположенныхъ на ввартирахъ около Остра и безпрестанно тревожили ихъ.

Обогатившись яссыромъ, татары оставляли поляковъ и уходили прочь съ толпами малороссійскихъ плённиковъ; напрасно король силился подарками удержать ихъ султановъ. «Мы уже и такъ довольно помогли вамъ» — отвёчали султаны. Въ утёшеніе полякамъ одинъ мурза именемъ своего хана обёщалъ королю, что скоро снова придетъ на помощь полякамъ свёжая орда. Утрата союзниковъ побудила короля потребовать къ войску казацкаго гетмана Тетерю съ тёмъ казацкимъ войскомъ, которое оставалось на правомъ берегу Диёпра. Въ то же время послано было приказаніе литовскому войску приблизиться къ королевскому для совмъстнаго дёйствія противъ непріятеля. Послё рождественскихъ праздниковъ король рёшился не терять больше времени и идти прямо въ границы московскаго государства ¹).

Въ первыхъ числахъ января 1664 года король Янъ Казимиръ выступилъ изъ Остра; затёмъ и все его войско оставило зимнія пом'вщенія. Поляки обогнули Нёжинъ, не отваживнись нападагь на него, потому что этотъ городъ былъ и укрёшленъ и снабженъ значительнымъ гарнизономъ; поляки прошли на Олишевку.

Богунъ между тёмъ взялъ Борзну, гдё находился тогда лубенскій полковникъ; городъ Борзна сдался бевъ сопротивленія; самъ лубенскій полковникъ изъявлялъ готовность покориться королю³). Гетманъ Тетеря, получивъ приказаніе присоединиться къ королевскому войску, проходилъ черезъ Прилуки и Изню.

На пути воролевскому войску стояло на берегу Десны мастечко Солтыкова-Давица. По извастю польскаго латонисца, это мастечко было притономъ всякаго рода бродягъ, жившихъ грабежомъ; награбивъ въ разныхъ мастахъ чужое добро, они свозили награбленное въ это мастечко и торговали, то продавая, то проманивая добычу. Такъ изображаютъ это мастечко польские источники ³). Мастечко это было укранлено палисадомъ и валами; къ нему примыкалъ замокъ въ вида полумасяца; его обтекала съ трехъ сторонъ рака, незамерзавшая въ жестокую стужу, потому что въ глубина ея на диа струилось множество родниковъ. Замкомъ и мастечкомъ начальствовалъ какой-то донской казакъ, по прозвищу Трикачъ. Жители рашились упорно защищаться, но

¹⁾ H. P. J. K., 254.-J. B., II., 80.

²) J. C., 42.

^{*)} H. P. J. K., II, 255.

на случай, если ужъ никакъ не возможно будеть удержаться, приготовили себё мёры въ спасенію. Они затопили въ водё паромы въ противоположной сторонё оть той, отвуда приходило польское войско, надёясь приподнять эти паромы, когда нужно будеть---и ускользнуть на нихъ. Эта предосторожность имъ же во вредъ обратилась. Королевскій трубачъ, подъёхавши въ валу городка, закричалъ:

«Солтывова-Дёвица должна сдаться его величеству воролю, своему законному государю».

Ему отвѣчали съ вала:

«Солтыкова-Дёвица принадлежить не воролю, а его царскому величеству».

Послѣ того въ другой разъ съ тѣмъ же предложеніемъ послалъ король трубача.

Казаки на этотъ разъ отвётили выстрёлами изъ смиговищъ (родъ старинныхъ стённыхъ пушекъ).

Тогда поляки острили: «упрямая Дёвица! она достойна того, чтобы быть изнасилованною»!

Король приказаль идти на приступъ.

Зимній день склонялся къ вечеру. Раздались пушечные вистрёлы; дымъ поднялся тучею, помрачившею дневной свёть; ядра и гранаты полетёли въ мёстечко; пёхота полёзла на валы. Казаки мужественно отбивались, пёхота подалась назадъ; затёмъ казаки сами сдёлали три вылазки одну за другою. Уже стаю смеркаться. Пёхота еще разъ попыталась начать приступъ в катила передъ собою заставы изъ бревенъ для защиты оть выстрёловъ. Но казаки и теперь отбили наступающихъ съ прежнею храбростію.

Ночь уже покрыла землю. Бой продолжался. Но въ то время, когда казаки бились на вылазкъ, польская войсковая прислуга толною отправилась на противоположную сторону мъстечка — искать брода и случайно открыла затопленные въ водъ паромы. Поняла прислуга въ чемъ дъло; тотчасъ принялась копать плотину: вода ринулась черевъ прокопъ, паромы поднялись, броснянсь на нихъ жолнеры, достигли дубоваго палисада, составлявшаго стъ́ну за́мка и принялись топорами рубить палисаданыя бревна. Отпора не было: въ за̀мкъ́ были только женщины и дъ́ти, которыхъ оставили тамъ казаки, вышедшіе на вылазку. Они надъ́ялись, что ихъ семьи вполнѣ будутъ безопасны въ этомъ за́мкъ́, пристроенномъ въ мъ́стечку. Но польская войскован прислуга, открывши убъжнще казацкихъ семей, дала знать въ польское войско; жолнеры массою бросились туда и подвезли тараны для скоръ́йшаго

разрушенія стінь. Туть казаки, бывшіе на вылазкі, бросились назадь; но спасенія ихъ семьямъ уже не было: въ палисадѣ сділано было нісколько проломовъ.

«Згода! инлосердія!»— вричали казави.

Поляки объщали имъ милосердіе, если сдадутся, и русскіе отворили имъ ворота, покидали оружіе ¹).

- Нёть вамъ милосердія!-запѣли имъ тогда поляки. Разсвирѣпѣвшіе жолнеры, опьянѣвши отъ торжества побѣды, темною ночью неистово истребили и старыхъ и малыхъ, и мужчинъ и женщинъ, сами не видя въ потьмахъ, кого бьютъ. «Мстимъ за нашихъ погибщихъ братій!- кричали они. Упрямая Дѣвица, потанцуй-ко теперь съ нами военный танецъ! Пропала твоя краса, пропали твои наряды! Виъсто свадьбы, погребеніе твое правднуется!»

Невозможно было остановить одурёвшихъ отъ врови жолнеровъ. Какой-то капитанъ вздумалъ-было черезъ-чуръ энергически удерживатъ ярость жолнеровъ, и тё его искалёчнии. До десяти тысячъ народа обоего пола, всякаго возраста, погибло въ этой свирёной рёзнѣ. Начальникъ Трикочъ найденъ мертвымъ съ прострёленнымъ горломъ²). Украинскій лётописецъ иначе описываетъ покореніе поляками этого мёстечка: онъ говоритъ, что поляки вытёснили русскихъ изъ мёстечка въ замокъ, потомъ брали ихъ тамъ приступомъ нёсколько дней³); русскіе, дошедши до крайности, увидали, что нётъ имъ спасенія, — просили пощады; поляки имъ пощаду обёщали, но не сдержали объщанія. Послё вватія Солтыковой-Дёвицы, войско двинулось въ Сосницё;

Послё ваятія Солтывовой-Дёвицы, войско двинулось въ Сосницё; на дорогё пойманные языки наговорили, что въ Сосницё находятся московскіе посланники, что они привезли съ собою отъ своего государя тридцать большихъ возовъ, нагруженныхъ деньгами, чтобъ роздать эти деньги въ жалованье казакамъ. Повёрныши этой баснё, поляки подступили къ городу Сосницё. По принятому поляками обычаю, прежде всякихъ военныхъ дёйствій, послали они приглашеніе сдаться. Въ Сосницё не было полеовника, онъ находился въ Березной; казаки соснице сообразили, что, при своемъ малолюдствё, — не въ силахъ будуть отстоять себя, и согласились. Поляки болёв всего старались добраться до московскихъ людей съ денежными возами, о которыхъ ниъ наболтали языки. Жители Сосницы выдали ѣхавшихъ черезъ ихъ городъ москов-

^{&#}x27;) J. C., 48.

²) H. P. J. K., II, 258.

⁸) J. C., 48.

скихъ людей. Послёдніе увёряли, что никакихъ денегь у нихъ не было; они, напротивъ, тали въ Кіевъ-забрать тамъ сложенную казну, составившуюся изъ податей, собираемыхъ съ украинскихъ жителей въ пользу царя. Московскихъ людей подвергли пыткъ огнемъ, но они ничего не сказали подъ огнемъ болте того, что прежде говорили, а только прибавили, видно въ утъшевіе полякамъ, что вторженіе польскихъ войскъ въ царскія кладёнія произвело большой переполохъ въ самой Москвъ. Поляки заковали московскихъ людей и держали подъ карауломъ; казацкихъ же посланцевъ, изъ Батурина отъ Бруховецкаго ёхавшихъ къ царю въ Москву и пойманныхъ, казнили смертію какъ измънниковъ. Такъ поступлено было съ ними потому, что поляки признавали всёхъ малороссіянъ вообще польскими мятежными подданными, а не иноземными непріятелями ¹).

По ввятіи Сосницы король съ войскомъ двинулся къ Новымъ Млинамъ. Мёстечко было не укрёплено, а потому вовсе не сопротивлялось; польское войско прошло черезъ него и расположилось станомъ за его предѣлами, разбивая шатры и разводя огонь. Канцлеръ Пражмовскій, ѣхавшій съ важными бумагами и со множествомъ дорогихъ вещей, расположился ночевать въ самомъ мёстечкѣ. Про это провѣдалъ конотопскій сотникъ Нужный, и со своими казаками ворвался въ мѣстечко, пользуясь продолжительностію зимней ночи. Канцлеръ едва успѣлъ выскочить и уйти отъ полона, но казаки захватили много цённыхъ вещей, серебряную посуду королевскаго буфета, всё бумаги канцлера и даже ввяли канцлерскую серебряную черинльницу.

Сначала у короля была мысль идти на Батуринъ, гдѣ, какъ доносили языки, остановился тогда гетманъ Бруховецкій съ главными силами казацкаго войска. Для точнѣйшаго дознанія отправили туда подъёздъ. Воротившисъ назадъ, подъёздчики донесли, что Батуринская крёпость довольно сильна, взять ее трудно, людей у Бруховецкаго иного, и казаки не допустили польскихъ подъёздчиковъ до хуторовъ, окружавшихъ городъ Батуринъ. Сообразно такому донесенію, король отмёнилъ намёреніе добывать Бруховецкаго въ Батуринѣ и двинулся съ войскомъ далёе на сёверъ.

Между тёмъ литовскій гетманъ Сапёга и польный литовскій же гетманъ Пацъ шли на соединеніе съ королемъ. Московское войско подъ начальствомъ князя Барятинскаго перегородило имъ путь подъ Бранскомъ; тамъ произощло сраженіе и окончилось

¹⁾ H. P. J. Kaz., II, 260.-Hist. J. K. Krajew., 4.

бевъ рімнительной выгоды и для той, и для другой стороны. Однако въ Путивлё стоялъ князь Куракинъ и въ нему шелъ въ соединение внязь Яковъ Куденетовичъ Черкасский; эти московские воеводы намёрены были не допустить литовскаго войска соедиинться съ короннымъ. Король услыхалъ объ этомъ и повернулъ съ войскомъ своимъ къ Путивлю. Князь Черкасский уклонныся отъ битвы и ушелъ лёсомъ, а король не сталъ добывать Путивля: ему явыки донесли, что туда прибыли свъжня сямы московскаго войска. Король повернулъ въ Новгоредъ-Съверску и оттуда двинулся въ Глукову.

Король расположнися обовомъ за ибсколько отъ Глухова верстъ, а въ городу отправниъ передовой отрядъ на вывѣдку. Осажденные сдёлали противъ него вылазку, отогнали поляковъ, но послёдніе успёли схватить нёсколько полонениявовъ, годныхъ быть явыками. Они сказали, что глуховцы ожидаютъ прибытія сильной московской рати для пополненія гарнизона. Надобно было предупредить прибывающихъ. Король, не выходя самъ нзъ обоза, отправняъ Чарнецкаго, съ пёхотою и артилеріею на приступъ.

Въ городъ Глуковъ были вазави глуховской сотни¹) подъ начальствомъ Дворецкаго²) и разнаго рода жители изъ оврестностей, ушедние въ осаду. Но тамъ былъ и выше начальникъ, генеральный судья Животовскій 3). Быль тамъ и гарнизонь веливорусскихъ ратныхъ людей подъ начальствомъ Аврама Лопухина⁴). Городъ былъ опоясанъ двойнымъ валомъ и двумя рвами; глуховскіе казаки ділали необходимыя понравки въ укрипленіяхъ и готовились биться съ врагомъ, хотя бы многочисленнимъ и сильнёйнимъ. Удержать Глуховъ било не маловажнымъ двломъ; отъ судьбы его зависвли дальнвище обороты войни: ватіе Глухова отврывало полявамъ путь въ предёлы московскаго государства, и потому полевно было для русскаго двла задержать яхъ подъ Глуховнить, пова трить времененть отъ Батурвия могли двенуться Бруховецей и Ромодановскій и ударить на воролевское войско съ бону. Если би поляки миновали этотъ горедь, вые сделали съ Багуранымь, то могле бы нанести царскихъ владеніямь чувствительное опустошеніе.

Прежде всего Чарнецкій потребоваль дебровольной сдачи

627

¹⁾ J. Bez., 8.

¹) H. P. J. K., II, 267.

^a) Hir. Граб., 185.

⁴⁾ A. KO. 3. P., V, 195.

города. Ему отвёчали отвазомъ. Тогда Чарнецкий началь приступъ.

Съ трехъ сторонъ ударили на Глуховъ. Прямо противъ входа, который назывался «водною брамою», поляки на скорую руку насыпали шанецъ, утвердили на немъ пушки и стали изъ нихъ метать ядра и гранаты; подъ прикрытіемъ этихъ выстрёловъ пѣхота бросилась съ другой стороны на валъ, а съ третьей стороны начали такой же приступъ охотники и военная прислуга лузьная челядъ. Но пальба изъ орудій не причинила глуховцамъ вреда; польскій шанецъ съ поставленными на немъ орудіями расположенъ былъ на далекомъ разстоянія отъ города: выстрёлы, пускаемые польскою артиллеріею, достигали городскихъ валовъ уже на отлетъ. Глуховцы бодро отбили ненріятельскій приступъ на объихъ сторонахъ, несмотря на то, что польскіе воины шли очень отважно: одинъ другого вызывалъ на поединовъ, когда кто опережалъ кого, поспёвая на приступъ. Отбивши приступъ, казаки сами сдёлали вылазку и нанесли иного вреда непріятелю выстрёлами изъ ручныхъ самопаловъ.

Такъ неудачно для поляковъ окончился приступъ въ первый день; Чарнецкій и старые паны говорили тогда королю:

«Намъ слёдуеть добыть этотъ городовъ, вначе будеть намъ срамъ. Мы обощин уже нёсколько такихъ городковъ, что и потверже укрёплены. Какъ можемъ отважитъся идти въ глубь московскаго государства, когда не въ силахъ овладётъ пограничнымъ мёстечкомъ?»

Король послушался и приказаль подвинуть обозы. Рёшили осадить Глуховь, вести подвопы, произвести висзапный вэрывь и въ то время двинуть пёхоту чрезъ образовавшіеся оть взрыва проломы въ городъ.

Начали вести подземную галерею; она нослё нёкотораго протиженія раздвоялась: одна вётвь пошла въ «водной брамё», другая въ другой «брамё» и сдёлана била нёсколько глубже нервой. Чтобъ осажденные не догадались о нодкопахъ, продолжали дёлать приступы въ городскимъ валамъ, пока подковы будуть совсёмъ готовы, но зежля была мерзлан в неудобно было копать ее. Когда, наконецъ, были подконы готовы, вкатили туда иёсколько десятвовъ бочекъ пороху. Одна изъ проводенныхъ минъ вворвана была не подъ самыми воротами «водной брамы», куда се направляли инженеры, а захватила часть вала: въ прорву ринулась пёхота, драгуны побросали лошалей и спёмились, даже королевская гвардія поспёшила въ дёлу съ мотивами и топорами, но съ своей стороны осажденные устремили всю силу

628

въ опасному мъсту. Схватка завизалась отчаянная. Поляки влёзали на валъ, съ гордостью водружали на шемъ свои хоругви, какъ знакъ победы, но потомъ падали стренглавъ съ вала, сбиваемые выстралами вазавовъ; навоторые по кучамъ земли разсыпаннаго вала перебрались черезь ровь в принались рубить стоявшіе за рвомъ налисады, но, сбрасываемые ударами защитниковъ, слетали въ ровъ, какъ въ адъ, по выражению польскаго историна. Счастливци, успёвшіе заранёе уносять ноги, съ прискорбіенъ разсназывали товарищамъ, что черезъ щели палисадовъ видъли другой ровъ, а за рвомъ еще валъ, и разсуждали, что если бы имъ удалось овладёть первою наружною линіею укреплений, то пришлось бы еще повозниться съ другою, внутреннею. Такъ всудачно окончизась попытка ворваться въ городъ черезъ прорву, образованную подкопомъ, недошедшимъ до вороть, куда онъ проводелся. Поляки потерали тогда болёе тысячи человёкъ, не нало и офицеровъ было убито 1).

Совершенно безъ посл'ядствій осталась другая вътвь подземной галерен, которая направлялась къ другой бражь. Работавшіе надъ нею инженеры такъ дурно запавовали мину, что когда пришлось поджечь ее, то не произошло настоящаго взрыва, а бывшіе въ польскомъ войскі казаки, которые должны были бросяться къ валу, въ это время только кричали да стрёляли на воздухъ: впослёдствій открылось, что, сговорнишись тайно съ осажденными земляками, они умышленно дъйствовали такъ; чтобы помѣшать полякамъ.

Битва продолжалась до сумерокъ. Ночью поляки стали подбирать тёла своихъ убитыхъ для погребенія, но глуховокіе казаки, сдёлавши вылазну на подбиравшихъ тёла, многихъ изъ нихъ перестрёляли.

Такъ веудачны были всё попытки взять городокъ и стоили полянамъ очень дорого. Между тёмъ зниная стужа сильно безнововла польское войско; жолнерамъ прихедилось, при постоянныхъ воежныхъ трудатъ, териётъ отъ мороза, дурного пом'ёщена и недоскатка въ предозольствіи и фуражё²).

Соображая эти обстоятельства, ибноторые паны, окружание нороля, стали подавать совёть некинуть осаду и уходить. Король не поддавался на эти совёты и говориль: «какъ? все московское царство трепещеть оть насъ, а туть какой-инбудь плохой пограничный городокъ будеть хвалиться, что мы не могли

١

¹⁾ H. P. J. K., U, 269.

²) J. C., 43.

ему ничего сдёлать!» Еще сильнёе вороля вооружался противъсиятія осады Чариецкій и говориль: «нашихъ много легло, но вёдь и враговъ не мало погибло, много илъ отъ ранъ инемогаеть; сдёлаемъ еще приступъ и попытаемся ворвать валъ, они ради не ради, а должны будутъ сдаться».

По настоянію Чарнецкаго, очень уважаемаго за свою храбрость и военное искусство, рёшили снова вести подкопы и приступать къ Глухову. Но туть пришло извёстіе, что Бруховецкій съ казаками и Ромодановскій съ ратною великороссійскою силою наступають на польское войско¹). Это понудило поликовъ оставить новыя попытки къ овладёнію Глуховомъ.

Приготовляясь въ встрёчё непріятеля открытымъ боемъ, польскіе военачальники устронли обозъ свой къ боевому походу и приказали держать день и ночь запраженныхъ лошадей. Произошла битва, описанная подробно въ лѣтописи Величка²). Мы не рѣшаемся принять за достовёрную историческую правду этого описанія, потому что источникъ, передающій нодробности этой битвы, нерёдко является невёрнымъ. Другихъ описаній этой битвы и въ русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ мы пока не нашли, но что битва эта дѣйствичельно происходила — указываетъ царская грамота въ 1665 г., по которой пожаловано Бруховецкому боярство: тамъ говорится, что Бруховецкій въ совокупности съ княземъ Ромодановскимъ бился противъ короля ³). Битва эта была не удачна для поляковъ, такъ какъ они, по окончаніи ея, съ наступленіемъ сумерокъ отступили къ Новгородъ-Сѣверску ⁴). Они боялись, чтобъ на нихъ не пришли съ разныхъ коеводъ.

Когда поляки двинулись из Новгородъ-Сйверску, Ромодановский догналъ ихъ у Пироговки на переправъ черезъ Десну. Ледъ сталъ уже хрунокъ; тогда, какъ надобно предполагать, былъ уже конецъ февраля. Полякамъ переходить ръку было не безопасно, подъ ненріятельскимъ натискомъ. Но ноляки хоть и иного своего войска нотеряли, отбиваясь отъ Ромодановскаго, однано переправились черезъ Деску ⁵). Мы не знаемъ подробностей дъла, происходившаго на переправъ, но, по замъчанию укравискаго лътописца ⁶), стоявние въ Бринскъ и Путивлъ царские воеводы

^{1).} Літ. Граб. 1.

²) Стр. 82—85.

¹) II. C. 3., I, 632.

⁴⁾ С. Г. Г. Д., IV, 156.

⁵⁾ J. C., 44.

¹⁾ Ibid.

не нрибыли въ пору въ Ромодановскому на помощь, а если бы такъ сдѣлалось, то русскіе не только побили бы польское войско, но и самого короля живьемъ могли бы взять въ плёнъ. Русскимъ воеводамъ помёшало то, что они тогда вели между собою мѣстническіе споры.

Король съ войскомъ благополучно добрался до Новгородъ-Ойверска; этотъ городъ не впустилъ въ себй поляковъ. Здйсь въ военномъ совйтй польскихъ предводителей ришено было такъ: королю идти съ частию войска въ Литву и на пути соединиться съ литовскимъ войскомъ; другой же части короннаго войска подъ командой Чарнецкаго и Собискаго идти на правый берегъ дийпра въ Украйну для усмирения народныхъ волнений, которыя, какъ доходили висти, опять возникли въ право-бережной Украйни, едва только король и гетманъ Тетеря переправились на ливый берегъ Дибира.

Тогда для поляковъ отврылось, что во время стоянки ихъ войска подъ Глуховомъ навазный гетманъ, начальствовавшій мвсколькими тысячами казаковъ, прикомандированными въ королевсвому войску, полковникъ Богунъ передавалъ тайно Глуховцанъ извъстія о движеніяхъ и намъреніяхъ поляковъ, а предводимые имъ вазаки, по его привазанию, стриляли не свою братию глуховцевъ, в на вовдухъ. Дознались поляки, что Богунъ тайно снесся съ Бруховецкимъ и условняся съ нимъ: вакъ только поляки стануть переправляться черезь Десну, а московскія войска будуть имъ мёщать, казави, содъйствуя москвитянамъ, ударять съ тыла на ляховъ и такимъ образомъ довершятся пораженіе последнихъ. По оплошности мословскихъ восначальнивовъ не состоялся планъ вазациаго польовника, еще во времена Богдана прославившаго себя военными хитростими надъ ляхами. Полевой военный судъ, состоявшійся подъ Новгородъ-Северскомъ, приговорилъ его къ смертной казни, и Богунъ быль разстрёлянъ съ нъсволькими соучастниками своего замысла.

Украннцы, сбитые съ толку смутными обстоятельствами своей родины, сами не знали, чего имъ держаться, и хватались то за то, то за другое, за что схватиться въ данную минуту считали возможнымъ; оттого у нихъ происходили безпрестанныя измѣны и приставали они то къ той, то къ другой изъ воюющихъ между собою сторокъ. Ничего не значкио для многихъ наъ нихъ сегодни служить царю, завтра присягнуть короаю, то нерейти изъподъ власти Бруховецкаго подъ власть Тетери, то опять изъподъ власти Тетери поступить подъ власть Бруховецкаго.

Когда въ воролевскомъ войскъ Богунъ, предводитель вър-

631

ныхъ воролю казаковъ, соглашался тайно съ врагами вороля подвергнуть истребленію королевское войско, въ Глуховъ, дер-жавшемся царя, во время прихода короля возникла измъна царио въ видахъ оказать содействие королю. Изъ грамоты, данной про-. топопу Шматеовскому 1), видно, что какъ только король съ войскомъ вступилъ въ Северскую землю, въ Глуховъ у казаковъ составижа заговоръ сдать городъ вородю. Начальствовавшаго ратными людьми Аврама Лопухина посадили въ тюрьму и мучили; тридцать человекъ великороссіянъ засыпали въ землю; но протопопъ Шиатковскій успаль остановить дальнайшее водненіе; онь бранился съ глуховскимъ полковникомъ Кирилломъ Гулянициямъ (вёроятно, тогда выбраннымъ мятежниками въ званіе полковника) и провлиналъ его за безчеловъчіе; успълъ освободить и укрыть у себя въ домѣ двухъ поповъ, да шесть человѣвъ дѣтей боярскихъ, и не допустилъ побить остальныхъ государевыхъ ратныхъ людей. Не знаемъ подробностей, какъ была окончательно усмирена затвя намвниковъ, но по уходв вороля тотчасъ вошель въ Глуховъ гетманъ Бруховецкій и казнилъ измѣнниковъ, назначиль такъ полковникомъ Василія Черкашеницу. Тогда глуховцы отправили къ царю сначала войта и сотника, потокъ протопона, усмирившаго бунть-просить вспомоществования, такъ какъ весь глуховский ужадъ быль очень разоренъ. Протоцопъ выпроснять у царя за свое раданье пустошь и довволение построять церковь во имя Успенія Богородицы на томъ мёств. где ратные царскіе люди были засыпаны землею оть измённиковъ. Вслёдъ затёмъ архіепископъ Лазарь Барановичъ просиль наря о милостяхъ и пособін для отстройки Новгородъ-Сёверскаго монастыря, сильно пострадавшаго оть пушечной пальбы во время прихода въ городу полявовъ 2).

III.

Повороть готмана Техери.—Кара надъ нередавшимися нодякамъ малороссіянами.—Возстаніе въ правобережной Украйнѣ.—Сёрко.—Сулимка.—Маховскій и Тетеря въ Бѣлой-Церкви.—Смерть Сулимки.—Выговскій.—Трагическая судьба его.

Вогда король нодвигался из Глухову, гетманъ Тетеря съ казаками правой стороны Дибира и съ поляками, бывшими подъ

632

¹⁾ A. 10. 3. P., V., 195.

⁴⁾ A. IO. 3., P., V. 196.

командой короннаго хорунжаго, сообразно королевскому приказу, шелъ другою дорогою на востокъ, по лёвой сторонё Днёпра. Онъ доносилъ отъ 8-го декабря ¹), что ему сдавались городки съ охотными или дейнецкими полками: иные отъ страха отворяли ворота добровольно, другіе послё принужденія оружіемъ; Лохвица упорно не сдавалась и взята была пристуномъ. Тегери дошелъ до Гадача: гаринзонъ въ немъ былъ большой и орудій не мало. Тегеря не рёшался брать Гадяча приступомъ, но повернулъ по теченію рёки Псла къ королю, подъ Глуховъ ²).

Тетеря опоздаль: прибыль въ Глухову, когда уже король отходиль оть этого города.

Въсти о волненияхъ въ правобережной Украйнъ побудили Тетерю быстро повернуть навадъ въ Дибиру.

Надежда поляковъ на возвращение всей Малороссии подъ польсвую власть вывазывалась тогда сустною: ничего не значило, если какой-нибудь малороссійскій городовь, увидя подъ стінами своным польскія силы, сдастся и жители его признають польскаго вородя своимъ законнымъ исконнымъ государемъ. Въ однё ворота они готовы были пустить въ себъ поляковъ, въ другія-московитянъ, какъ только цоляки отъ нихъ удалятся. Король, говорить украннскій лётописецъ» ⁸), своимъ походомъ на лёвую сторону Дивира не сдвлаль себв много добра, а не мало причиниль вла украинцамь. Послёднимъ приходилась бёда съ двухъ сторонъ: туть поляки да правобережные казаки разоряли ихъ, требуя покорности польскому королю, а тамъ свои малороссійскія власти именемъ царя наказывали ихъ за то, что они покорались полякамъ, хотя бы въ крайней нуждъ. Еще не успълъ Янъ Казнынръ отойти отъ Глухова, какъ уже позади его началась расправа надъ твин, воторые временно ему поворились. Изъ Переяслава вышли въ числё четырехъ тысячъ московские ратные люди въ Воронковъ, наказывать тамошнихъ жителей за покорвость воролю. Не сдёлавши тамъ на первыхъ порахъ ничего, они двинулись въ Барышполю, гдъ Собъсскимъ поставлено было 150 гайдуковъ: эти гайдуки погибли въ свчв, исключая тредцати человъкъ. Барышпольцы сдались; московскіе люди тольно ограбили ихъ, потомъ воротились къ Воронвову, взяли его и поступнын тамъ суровие за то, что жители съ-разу не сдались низ; они сожгли городовъ, перебили жителей и веротились въ

¹⁾ II. K. K., IV, 395.

²) H. P. J. K., II, 875.

^{•)} Лвт. Граб., 86.

Переяславъ, но тамъ застали они волненіє: переяславскіе жители поднялись противъ московскихъ ратныхъ людей, перебили многихъ изъ нихъ, остававшихся въ городѣ и встрѣчали пушечными и ружейными выстрѣлами возвращавшихся отъ Барышполя и Воронкова. Царскіе ратные люди не сладили тогда съ переяславцами и ушли въ Кіевъ¹). Надъ другими городками, сѣверскими, покорявшимися королю и Тетерю, велъ жестовую расправу Бруховенкій послѣ ухода королевскаго войска изъ-подъ Глухова; не давалось пощады царскимъ измѣнникамъ, истребляли ихъ семьями, жилища ихъ сожигали до тла²). Только Кролевецъ избѣжалъ страшной мести тѣмъ, что по уходѣ короля жители, не дожидаясь Бруховецкаго, сами напали на оставленныхъ въ городкѣ польскихъ жолнеровъ, однихъ перебили, другихъ, успѣвшихъ уйти отъ бойни, прогнали, разграбили оставленное въ этомъ городкѣ имущество короля и польскихъ сенаторовъ³).

Соб'есскій, возвращаясь съ войскомъ на правый берегь, издаль нь жителямъ лёвой стороны Дибпра универсалъ такого содержанія:

«Теперь уже нечего намъ воевать, мы люди свои; можемъ удадить между собою и устроить все дружелюбно; воть уже начались переговоры о миръ съ Москвою; есть надежда, что при помощи Божіей миръ состоится. Пусть же только одни войсковые люди обращаются съ оружіемъ, а посполитые должны прекратить свои взаимные раздоры, обратиться къ земледѣлію и съ наступленіемъ весны заняться васъваніемъ полей, уповая на Бога и ожидая утѣшительныхъ плодовъ отъ дѣлъ рукъ своихъ. Его величество король приказалъ миѣ обнародовать его водю: пусть Украйна остается въ настоящемъ положеніи до окончанія мирныхъ переговоровъ, исполняя обязанность давать войску продовольствіе и квартиры въ мъстечкахъ. Жители, однако, не будуть териѣть отъ своевольства жолнеровъ, которымъ дано строгое ириказаніе обходиться оъ ховяевами дворовъ дружелюбно, жить смирно и оказывать номощь всѣмъ, кто будеть ея требовать».

Не вёрнан украинцы этому универсалу, а толковали его такъ, что поляки потерпёли неудачу и теперь хотять по добру по вдорову убраться съ лёвой стороны Диёпра. Толпы дейнековъ наскакивали на воввращавшееся войско Собёсскаго и Тетери; приходилось королевскимъ военнымъ силамъ на своемъ обратномъ

¹) L. Jerl., 86.

²⁾ Лѣт. Самов., 44. Грабяния, 86.

³⁾ Літ. Вел., 84.

пути каждымъ шагомъ овладёвать съ бою. Близъ Сосницы напалъ на Собъескаго Свиданъ, но былъ разбитъ, скваченъ и посаженть на воль, однако это не остановило другихъ. На пути, до самаго Дибира, дейневи преслъдовали воролевское войско и сзади и съ бововъ, особенно вогда приходилось проходить сквовь явся и переправляться черевь воды; въ селахъ и деревняхъ жители не давали жолнерамъ хлёба и лошадямъ ворма; потерявъ верховыхъ лошадей, польские вонники должны были, идучи пъшкомъ, тащить на себё свои сёдла ¹), а между тёмъ, оть изнеможени сами чуть двигали ноги. Когда пришлось имъ переправляться черевъ Дивпръ, туть присоединияся въ Собъсскому Чарнецкій, проводившій короля къ Могилеву и ворочавшійся въ Украйну. Поляки достигли Дебира въ самое неудобное время: ледъ на ръкъ только-что тронулся и еще не прошель; одни переправлялись на байдакахъ и лодкахъ между плывущими по ръвъ льдинами, другіе пробирались на салавкахъ въ тёхъ иёстахъ, гдъ льдвны быле еще кръпки. На другомъ берегу Дивпра ихъ принимали выстрёлами правобережные малороссіяне, воторыхъ подняль Сёрво противь польской власти; самь Сёрво стояль на берегу тамъ, гдъ готовился переправляться Чарнецкій. Но польскій военачальникъ перехитриль тогда своего непріятеля. Чарнецкій приказаль разложить большой огонь близь Дибпра и разгласиль, что въ этомъ мъстъ будеть совершаться переправа; по такных вёстямь туда бросился Сёрко съ вазаками; тёмъ временемъ поляки переправились въ другомъ мъстъ близъ Ржищева и переправились благополучно, хотя сь большою тревогою, важдую минуту ожидая, что отвлеченный военною хитростію непріятель узнаеть свою ошибку и быстро броентся на полявовь, прежде чёжь они всё перейдуть на правую сторону. Самъ Чарнецвій переправнися черезъ Дивпръ съ своимъ драгунскимъ полномъ верхонъ вплавь посреди тающихъ и быстро несущихся льдинъ. Казави узнали свою ошнбку тогда уже, когда не нашли никого на томъ мъств, гдъ горбли огни, а когда, повернувши оттуда достигли до Ржищева, переправа у полявовъ уже окончилась. Стрио изготовился-было вступить въ битву съ перешедшимъ на правый берегь Чарнецкимъ, но вдругъ ему доставлена была вёсть, что недалеко оттуда татары, воввращаясь съ войны во свояси, гонять съ собою множество плённыхъ и стадъ. Сёрно погнался за татарами, разбилъ ихъ и освободилъ изъ неволи нѣсколько соть малороссіянъ ¹).

¹) H. P. J. K., 11, 277.

¹) H. P. J. K., II, 283.

Правобережная Украйна оказалась не врёпче въ повиновенія у поляковъ, чёмъ лёвобережная. Малёйшая надежда на помощь со стороны Москвы пробуждала въ такошнемъ народъ давнюю непримиримую вражду въ ляхамъ. Января 8-го, копевой атаманъ Сърко сдалъ свое атаманство какому-то Пелинчатъ и отправился съ охотнивани изъ запорожцевъ и украницевъ сперва подъ Тягинь (Бендеры), сжегъ тамъ и разорнать нёскольно турецьяхъ селеній, а отгуда повернуль въ Украйну возбуждать народъ противъ ляховъ и склонять на сторону московскаго царя. Къ нему явился на содъйствіе посланный оть Бруховецкаго Семенъ Высочанъ, называемый «полвовнивомъ гетманскимъ» 1). тоесть посланнымъ отъ гетмана въ отличіе отъ другихъ начальниковь народныхъ ватагъ, выбранныхъ въ разныхъ мёстахъ и навы-. вавшихся также полковниками. Предпріятіе Сбрко удавалось. Едва только въ народъ разнесся презывь славнаго атамана, какъ по всёмъ городкамъ, построеннымъ по берегу Буга и Диёстра въ полкахъ брацлавскомъ, кальницкомъ, уманскомъ, въ Могилевъ, Рашковъ и вообще на всемъ протажении отъ Дивира до Дивстра, назави и поспольство, не дождавшись еще прихода въ себв Сврва, составляли ватаги, истребляли поляковь и жидовь, находившихся у нихъ въ городахъ, и потомъ произноснии присягу держаться нодъ врёнкою рукою парскаго величества, доколё души у нахъ въ телесахъ будуть. Брацлавский полковникъ Остапъ Гоголь объявилъ себя царскимъ сторонникомъ ²). 18-го марта, Сбрко извъщалъ Косагова, что уже всё увраннскіе города оть Днёстра до Анъпра склонились подъ царскую руну.

Едва ли вто-ннбудь изъ сторонниковъ Польши въ тё дни вовбуждаль къ себё такую ненависть въ малороссіянахъ, какъ гетманъ Тетеря. Воэставшіе, избивая ляховъ и жидовъ, выражали свою злобу къ этому «измённику, ляхскому прислужнику» тёмъ, что воображали себё его особу, когда расправлялись съ другими. Такъ, въ Мешнахъ ³), какой-то малороссіянинъ, убивая польскаго пахолка, кричалъ: вотв такъ скоро будетъ и съ вашимъ гетманомъ! Самъ Тетеря, поспёшившій по королевскому приказанію усмирять народное возстаніе на правомъ берегу Дибира, расположился станомъ подъ Ольховцами ⁴).

Вспыхнувшее въ правобережной Украйнъ возстание захватило въ свой омуть и поглотило Выговскаго. У этого бывшаго

¹) A. IO. 3. P., V, 201.

^{*)} II. K. K., IV, 896.

³) Нывѣ мѣстечко черкасскаго уѣзда, кieвск. губ.

⁴⁾ Нына село звенигор. увяда, кіевси. губ.-П. К. К., IV, 407.

вазациаго тетмана, возведеннаго потомъ въ санъ восводы кіевскаго, было много враговъ: они рады были всёми средствами причинить сму вло. Между такими врагами видное место заниивли Тетеря и польскій полковникъ Себастіанъ Маховскій, человёкъ важный въ то время, потому что ему новёрена была команда надъ польскимъ отрядомъ, оставленнымъ на правомъ берегу Дибира на время удаленія Чарнецкаго на лівый берегь. Заправщики возстанія пустили въ народ'я слухъ, что это возста-ніе предпринято съ согласія Выговскаго. Противод'я такому слуху, Выговскій, въ званія віевскаго воеводы, 1 марта ввдаль универсаль по своему воеводству и сообщаль въ немь, что на-чались толки, будто огонь междоусобія возгорёлся оть него, ради его желанія достигнуть снова гетманскаго сана. «Ваши милости» — выражался Выговскій въ своемъ универсаль, обращаясь къ казацкому товариществу -- «хорошо знасте, что я самъ добровольно отрекся отъ этого сана, знаете и то, что и прежде, тотчась по смерти славной памяти Богдана Хмельницкаго, я отвазывался отъ гетманства, когда мий его предлагали». Теперь Вы-говский приглашалъ казаковъ собраться на выборъ новаго гетмана, если прежній, Тетеря, сниметь съ себя достоянство гетмана, а Тегеря, какъ ему Выговскому извёстно, таготится своимъ Саномъ 1).

Давно, еще при Богданѣ Хмельницкомъ, Тетеря, бывшій гогда переяславскимъ полковникомъ, не питалъ дружбы къ Выговскому, занимавшему должность генеральнаго писаря. Послѣ между ними возникла домашняя вражда. Тетеря женился на вдовѣ брата Выговскаго, Данила, дотери Богдана Хмельницкаго, Еменѣ, и захватилъ въ свое владѣніе богатое приданое своей жены, которое иначе было бы въ распоряженіи Выговскаго, накъ достояніе вдовы его брата. Кромѣ того, сдѣлавшись гетиномъ и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ затемъ Богдана Хмельницкаго, Тетеря захватилъ себѣ и другія сокровнща Богдана, вѣроатно, на томъ основаніи, что единственный сынъ Богдана постригся въ монахи и отрекся отъ міра. Выговскій съ своей стороны предъявлять на нихъ какое-то право для себя. Тетеря былъ гетманомъ, лицомъ важнымъ; соперникъ его, переставній быть гетманомъ, носилъ важнымѣ санъ воеводы, но важный болѣе по именя, чѣмъ по дѣйствительной свлѣ располагаемыхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, если бы этимъ двумъ лицамъ приплось мѣраться услугами, оказанными Польшѣ, которой они оба служили, пре-

¹) II. K. K. IV, 465.

Томъ II.-Апраль, 1879.

имущество остаться должно было за Выговскима, но важности

наущенно оснания должо онно на Быховения, но вышности того, что онь сдёлаль для нея, будучи гетманомъ. Казалось, что въ спорё между ними польское правительство приняло бы сторону Выговскаго. Тетеря, ожидая дурного для себя исхода въ спорё съ такимъ соцерникомъ, какъ Выговский, искаль случая очернить его и лишить той чести, какую дали ему прежнія его услуги Польшев. Такой случай и представняся. Сърко поднялъ воэстаніе на правомъ берегу Днъпра. Тетеря, какъ гетманъ, обязанъ былъ узнавать и доносить королю о причинахъ возникшаго безпорядка. Тетеря написалъ королю, что тайною виною возникшихъ безновойствъ не вто другой, какъ Выговскій, действующій за-одно сь новонзбраннымъ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ и съ православными духовными. Они хотять поддать снова всю Уврайну московскому государно; Сърво возбуждаеть народь въ бунту по наущению этихъ лицъ. Доказательствомъ тому приводылось письмо какого-то игумена, писанное кому-то въ Москву: въ этомъ письмё говорилось, что ніевскій воевода Выговскій голько ждеть случая покавать свое доброжелательство московскому государю. Это письмо, не дошед-шее до насъ им въ подлинникъ, ни въ коціи, было доставлено въ руки короля въ то время, какъ Янъ Казимиръ находился подъ Глуховомъ. Подозрѣніе было брошено, но, разумѣется, по этому одному невозможно было обвинять въ намънъ человъка, отдавшаго Речи-Посполитой отпавшую оть ней Украйну. Король ограничился только тёмъ, что написалъ Выговскому ласковое письмо и убъждаль его за-одно съ Маховскимъ употребить всё возможныя мёры въ поганению вовстания. Получивши воролевсвое письмо, вёроятно, и написаль Выговскій свой универсаль, приводенный нами выше. Когда послё того король изъ-подъ Глухова повернуль въ Литву, а Тетеря отправился въ право-бережную Украйну, пришло въ Тетер' отъ вороля приказаніе истреблять поскорбе и рышительные главныхъ зачинщивовъ бунта. Тетеря оперся на этомъ королевскомъ предписания и растолко-валь его себё въ такомъ смыслё, будто оно относится примо къ Выговскому, которыго онъ уже прежде выставлялъ предъ коро-денъ главнымъ вановникомъ безпорядковъ, хотя королевское предписаніе, по зам'язанію польскаго историка ¹), относилось скор'ю въ Сулимев и другимъ.

Воестаніе съ каждымъ часовъ возрасладо. Ваята была воз-

638

¹⁾ H. P. J. K., II, 275.

станцами Лисянка, віято было мёстечко Ставище ¹), важное потому, что назначено было воролемь быть свладочнымъ мёстомъ боевыхъ занасовъ; Маховскій, выступивши съ польскимъ отрядомъ противъ возстанцевъ, не сладилъ съ Сулимвою и заперся въ Вёлой-Церкви. Тутъ явился на выручву ему Тетеря. Сулимка отступилъ отъ Бёлой-Церкви.

Тетеря и Маховскій соединились: у Тетери были оставшіеся върными королю вазави, у Маховскаго — около двухъ тысячъ полявовъ и белоцервовский вазачий полет. Скода пристало достаточное число охотнивовь изъ шляхты. Съ понощію этихъ силъ Тетеря и Маховскій прогнали возстанцевь до Ровитной ³). Самь Сульника положнить голову въ бою 3). Выговский въ это время сидёль въ Хвастовё '), онъ выдаль оттуда универсаль, которымъ совываль шляхту віевскаго воеводства на сейминь въ Житомарь и теперь ждаль исполнения 5). Онь повазываль видь, что никакъ не изшается въ казацкіе бунгы, что казацкія дёла до него вовсе не васаются; онъ хочеть имъть двло тольво съ одною шляхтою. Но шляхта ему уже не довъряла; настроиваемые его врагами, поляки не слушались Выговскаго и кричали, что онъ нажённые отечества. Узнавши о томъ, что происходить подъ Билою-Церковыю, кіевскій воевода вытізжаеть изъ Хвастова въ Білую-Церковь — новидаться и объясниться съ Тетерею, но Тетери тамъ не было: Тетеря въ то время погнался за возстанцамя въ Рокитной. Туда отправился и Выговскій ⁶).

Въ Рокитной Выговскій подучиль оть Маховскаго черезь посланца приглашеніе прибыть въ Корсунъ на совѣть о важныхъ дѣлахъ. Выговскій поѣхалъ въ Корсунъ. Не любилъ Выговскаго Маховскій уже давно, но не рѣшился бы самъ поступить съ нимъ отчаянно и превысить власть свою, еслибъ Тетеря не сообщилъ Маховскому королевскаго повелѣнія истреблять зачинщиковъ возстанія и не растолковалъ по-своему, что Выговскій есть главный зачинщикъ всѣхъ смуть. Выговскій въ Корсунѣ засталъ у Маховскаго Тетерю и нѣкогорыхъ господъ, составлявшихъ съ ними какъ-бы военный совѣть.

«Надлежить помыслить о способахъ, какъ бы усмирить бунтующее поспольство и истребить заправщиковъ, поджигающихъ

¹⁾ Нине изстечко таращ. увзда, кіев. губ., при р. Гинломъ-Тикачь.

²) Міст. васнаьк. уізда, кіев. губ., при р. Рокитной. L. Jerl., I, 87.

⁵) Лёт. Самов., 44.

^{•)} Міст. васильк. уізда, кіев. губ., при р. Унаві.

⁵) Latop. Jerl., 87.

^{•)} Ibid., 88.

чернь въ мятежу», — такъ говорили совътники, обращаясь жъ кіевскому воеводъ и какъ-бы требуя его мивнія объ этомъ вопрость.

Выговскій, всегда искусный въ діалектикъ, началъ-было вести ръчь, какъ вдругь, перебивая его ръчь, возвышають противъ него голосъ разомъ и Маховскій, и Тетеря, обзывають кіевскаго воеводу измънникомъ отечества и руководителемъ бунта.

Выговскій силится сохранить спокойствіе и говорить: «ваши обвиненія напрасни. У вась нёть никакихъ доводовъ, и никтоне доважеть противъ меня вины, какую вы на меня взводите».

Ему представили передъ глаза показанія мятежниковъ, уже казненныхъ смертію ¹).

Выговский сталь доказывать неосновательность свидътельствъ тёхъ, которые дали такія показанія: они были преступники и уже казнены; мало ли чего и мало ли на кого наговорить можеть преступникъ подъ пыткою. Такъ представляль Выговский. Его не слушали и говорить ему не давали. Лица, приглашенныя Маховскимъ и Тетерею, держали ихъ сторону; собраніе, вуда прибылъ Выговскій какъ-бы на совъть, обратилось въ судъ надъ нимъ²).

Тетеря и Маховскій приказали читать военный артикуль: въ немъ нашли они, что за преступленіе, въ какомъ обвинялся кіевскій воевода, виновный подвергался смертной казии разстріяляніемъ.

¹) Погазанія эти, въ то время прочитанныя, гласных тагь: носимній званіе пахотнаго полковника въ ватаге Сулники Павло Рабуха показивалъ, что Сулника, взявши отъ Выговскаго трехъ заложниковъ, прітхаль на свиданіе съ нимъ въ Саволешь, визсть съ товарищами своеми (Василемъ Турчиненковъ, Улашиненковъ, Михайлонъ Сонтовскимъ, Динтронъ Солоненконъ, какими-то Грицькомъ, Василемъ и другими). Вытовскій нередь ними присягнуль на свангелін, а они отъ себя пр оненесли передъ нимъ присягу. Тогда воевода кіевскій далъ Сулимки 20 талеровъ на подкопы и другимъ товарищамъ его подарилъ по мести талеровъ; сверхъ того, далъ ных хоругвь неструю и универсаль, въ которомъ приглашалъ малороссіянъ собяраться подъ знамя Сулники протных поляковъ. Сулника, прітхавши въ Торговицу. разослаль тридцать казаковь со списками этого унвесрсала совнеать поспольство. возбуждая его противь поляковь оть имени Вытовскаго. Другой преступникь, когораго ноказание было прочитано, быль Тисенко, брать Кальницкаго, колковянка Вареницы. Онъ показалъ, что Сулника по возвращение отъ Выговскаго, по повелёнию послёдняго, отправных списокъ универсала въ Терлицу, съ мошоровскимъ сотникомъ Иваномъ Данченкомъ — побуждать народъ истреблять старость, пановъ и шляхту. Третій преступникъ, Солонка, подтверждалъ сказанное Рабухов, но зам'ятилъ, что самъ лично не былъ при свиданія Сулимки съ Выговскимъ, потому что казаки его не пустили въ избу, где находились последние, а сказывали ему три попа о томъ, что у Сулимки съ Выговскимъ происходила взаниная присяга. Пам. Кіев. Ком., IV, 409-411.

²) Hist. J. K., II, 276.

«Вы не судья», сназаль нить Выговскій: «ви не имбете права читать мий приговоры по артикулу. Я воевода и сенаторъ Ричи-Посполитой: меня судить могуть тольно король и сенать. Ихъ суду я вполиб подчиняюсь, а вашего суда не признаю».

Выговскій говорних юрнанчески сущую правду, но его не слушали. Велерёло. Самозванные судьи вышли молча. Сторожа схватили Выговскаго нодъ руки и увели въ избу, назначенную быть для него тюрькою до исполненія приговора. Кругомъ изби ноставленъ быль карауль.

При наступлении ночи вышель къ Выговскому офицеръ Маховского и объявиль, что приговоренный къ назни будеть разстрълянъ на разскътъ.

Выговскій заплакаль и спросиль: «гдё король? но крайней мёрё, дайте миё написать къ моему государю. Его воля пусть будеть!» Послёдоваль отказь.

Когда стала заниматься заря, къ Выговскому въ избу вошли нараульные. Выговский стоять на волёняхъ передъ образомъ и читалъ акасистъ пресвятой Богородицё. Ему сказали, что пора идти на смерть.

«По врайней м'йр'й», сказалъ тогда Вытовскій, «позвольте же мнё умереть, какъ прилично христіанину. Пришлите ко мнё православнаго священия ка исповёдать меня и напутствовать призащеніемъ святихъ тайнъ».

И на это последоваль отвазь.

Караульные потащили его изъ избы, и едва Виговскій вышель за дверь, какъ поставленные заранёе съ ружьями жолнеры послали ему смертоносныя пули почти въ упоръ.

«Онъ погибъ, — говорить польский лётописецъ, — скорёе жертвою личной къ нему вражды, чёмъ дёйствительнаго преступленія! Безпримёрно несправедливое дёло: сепаторъ и воевода безъ надлежащаго суда казненъ полковникомъ королевскаго войска • 1).

«Онъ окончилъ жизнь поносно и безчестно за пролитую нѣкогда по его волъ кровь людей и за несоблюденіе присяги, давной русскому государю», — говорить о немъ русскій лѣтописепъ ²).

Супруга его, урожденная Стетеовичъ, какъ тольво услыхала о трагической судьбъ, поствгшей мужа, въ ту же минуту упала и умерла³).

¹⁾ Hist. J. K., II, 277.

²) Лътонись Грабянки, 198.

^{*)} Южно-русскія літоннен, изданные Вілонерскинть, II.

Въ сущности остается неяснымъ и неизвёстнымъ: въ вакой степени быле справедливы поднатия протить Выговскаго обященія въ желаніи подчиниться снова царю и везстановить украниское поспольство противъ Польши. Сбитые съ колен малороссіяне въ то время такъ легко перебёгали съ одной стороны на другую, что никакая предшествовавшая дёятельность казака не давала возможности рёшить, на что впередъ онъ былъ способенть или неспособенть. Поэтому нельзя поручиться, чтобъ и Выговскій, нёкогда соблазнившійся льстивыми увёреніями поляковъ, об'янавнихъ Украйнё федеративную свободу, не увидёлъ вносл'ядствіи но опыту всей неосуществимости такихъ видовъ и пе пришелть къ мысли, что его любимой родинё нётъ другого списенія, какъ только оставаться въ непоколебимой вёрности и подчиненіи русскому государю, которому онъ когда-то присягнуль вмёстё съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Вёсть о казни Выговскаго разнеслась между возставинить носпольствомъ и усилила негодование противъ польсной власти. Возстанцы еще пуще злобились на Тетерно и хотёли извости его. Тетеря отправился въ свой Чигиринъ, чтобъ укрёпить его въ оборонте противъ угрожавшаго съ лёвой стороны Диёпра Бруховецкаго. Между тёмъ въ самомъ Чигиринте противники Тетери искали его гибели и тайно подсылали въ Бруховецкому, который во второй половинте марта находился со своими казаками въ Переяславте; съ нимъ была и великорусская рать стольника Скуратова и казаки слободскихъ полковъ.

IV.

Уннверсать Бруховецкаго къ жителямъ правобережной Украйны.--Походъ его къ Сокирной и къ Чигирину.--Чарнецкій приводить татаръ противъ возставшаго народа Украйны. -- Бесёда Чарнецкаго съ митрополитомъ Іосифомъ и архимандритомъ Гедеономъ.--Чарнецкій отправляеть ихъ въ Польшу и прогомаеть Вруховецкаго отъ Чигирина.--Поруганіе праха Хмельницкаго.-- Ваятіе Чарнецкимъ Отеблова.-- Неудача Косагова, послимито для веятія Корсуна.--Чарнецкій у Ставищъ.-- Самовольное бёгство со службы царскихъ ратныхъ подей.--- Правобережные города начинаютъ покоряться полякамъ.-- Взятіе Чарнецкимъ Ставищъ.-- Твердость возстанцевъ въ Умани.--Косаговъ и Стрво увзжають въ Великороссію.--Сношенія Бруховецкаго съ Крымомъ.

23-го марта, Бруховецкій изъ Переяслава разослаль универсаль, обращенный въ жителямъ правобережной Украйны. Онъ извѣщаль, что по слѣдамъ прогнаннаго и бѣжавшаго польскаго войска идеть онъ, гетманъ, на правую сторону Дивира съ тѣмъ,

чтобь и эту сторону, «яно единое православное россійсное тіло, привести къ бранственному единению, небавить се оть татаръ, опустоплающить врай нодь предлогомъ своего волчьяго союза съ полянами, освободнуь русский народь вь Украйн'я оть ярма иновърнихъ ляковь, счистить край отъ людскихъ плевель, восроснихъ между писницею, и присоединить правую сторону Украйны, вивств съ лёвою стороною, въ монархии единовърнато государа»¹). Бруховецкій уб'яжаять жителей правой стороны приставать въ твить, которые всюють противь безбожнаго Тетери и раздёлаться съ полякани еще прежде, чёмъ успёсть прияти Ромодановский съ велинороссіднами и съ валимками, сдулавь, такить образомъ, налищею стоянку въ своемъ край этихъ союзниковъ. Такимъ образонъ, разлитая народные норывы въ польку московской стороны, гезнанъ въ своемъ же возбудительномъ универсалё выинваль такъ-сказать ушать холодной воды на стремление народа въ той же московской сторонъ, выставляя великороссійснихъ ратныхъ людей такими нособниками, съ которыми нежелательно IOITOE COMMTELLCTBO.

Посят такого универсала, Бруховеций переправился черезъ Дибпръ у Сокирной ⁹) и отправиль лубенснаго полковника Гамалти на Черкаси. Лубенци сомгли этоть городъ, державшійся польской сторомы; то же стали ионытывать и другіе сосёджіе городки и селенія, некорившіеся польской власти болбе изъ страха, чёнъ изъ расположенія. Крёнче всёхъ держався польской стороны Чигиринъ, гдё находился Тетеря. Были тамъ таніе, что присывали тайно въ Бруховецкому, и просили избавать ихъ еть Тетери, но были и такіе, что посылали въ Чарнецкому просить выручить ихъ оть гетмана моссовской стороны ³).

Бруховецкій, ставши въ Сояврной, послаль въ воеводъ Чаздаеву из Кіевь просить присылии разныхъ дарскихъ людей и пушевъ. Отправленъ биль по берегу Дибпра изъ Кіева начальникъ артилеріи, инскепець Страсбухъ. Но не успёль этоть Страсбухъ дойти до Бруховецваго: на пути, подь деревнею Конмсиния, истригить его поронний хоруншій Янъ Собёсскій съ польскимъ нойсконъ в разбиль твоударевыхъ разныхъ людей. Страсбухъ,

³) Лэт. Самов., 45.

¹⁾ Пам. Кіев. Кон., IV, 422. — Уже Бруховенкому была въ то время извёстна судьба Вытовскаго, какъ показывають слова его въ универсалё: "когда одни изъ братій ваннахъ понадають въ бусурманскую неволю, другіе гибнуть потою смертью отъ няховь, какъ потерпёни отъ нихъ Богунъ, Виговскій, Несачь съ сятемъ своимъ в другихъ не маю".

²) Нынё деревня и приставь на Дийпрё, чернасскаго уйзда, кіевсной губернія.

какъ инпуть поляки, первый убёжаль съ боя, нодавли другимъ постидный прим'връ. Поб'ядители овладёли орудіями и другими запасами; тогда ноймали они педпихъ съ валикороссіянами казацкихъ предводителей — и, между ними, того самаго конотопскаго сотника Нужнаго, который, во время похода короля къ Глухову, такъ ловко въ Новомъ-Млинъ отнялъ у канцлера Пражмовскаго драгоцённости королевскаго буфета. Поляки судили казацкихъ предводителей, какъ изм'ённыковъ своего короля, и Нужнаго приговорили военнымъ судомъ новъскить, но онъ самъ упросилъ, чтобъ его посадили на волъ. «Такою смертью мій батько померъ», говорилъ онъ ¹). Разбивши Страсбуха, Соб'ескій не пошелъ дагбе на Бруховецкаго, потому что, какъ думали поляки, къ нему безпрестанно прибывали толиями новыя силы съ лѣваго берега, и разм'ёръ ихъ былъ полятамъ невзейстенъ. Бруховецкій, не дождавшисъ Страсбуха, оставняъ Сокирну и

Бруховецкій, не дождавшись Страсбуха, оставнять Сокврну н направился въ Чигирину, рёшнвшись польтаться расправиться съ этимъ городомъ, прежде чёмъ явится Чарнецкій. Этотъ польскій полководецъ, разставивши войсво свое въ Поволочн²) и Корсунё, поручить начальство свое Собёссвому и Маховскому, послалъ нёсволько хоругвей въ Чигиринъ для защиты отъ Бруховецваго ³), а самъ съ тринадцатью человёками отправился въ Крымъ убёждать хана поскорёе прибыть съ большою ордою въ своимъ союзникамъ — подявамъ; но хана не застагь онъ въ Крымъ убёждать цесарцевъ. Поэтому Чаршецкій взъ Крыма отправился въ буджавской ордё, гдё его привиле засково. Два султана, Саламъ-Гирей и Салетъ-Гирей, вызвались ндти на помощь къ подякамъ: по однимъ невёстіямъ, съ ними было до 20,000 татаръ ⁴), по другому ⁵) — тольно до 5,000. Когда Чарнецвій, заручивнись татарскою помощью противъ

Когда Чарнецейй, заручившись татарскою помощью противъ неповорнаго русскаго народа, возвращался въ Уврайну, Маховскій съ восемью хоругвами выступилъ въ Городище⁶) встрічать Чарнецкаго. Городищане, ноказывая наружно полорность королю, тайно снеслись съ Сёркомъ; тотъ звилия вежданно ночью, но долженъ былъ отступить, порому что и полякамъ нежданно явилась

¹) Hist. J. Kaz., II, 302.

²) Местечко сквирскаго уззда, кіевской губерній, при раке Раставиць.

³) Лют. Самов., 45.

⁴⁾ Hist, J. K., II, 207.-A. K. 3, P., V. 201.

⁵) A. IO. 3. P., V, 200.

^{•)} Мёстечко черкасскаго узада, кіевской губернія.

помощь оть проходнашаго случайно мимо Городища польскаго отряда. Черевь день нослё того явился Чарнецкій сь тагарами.

Много надеждь полагаль полные на приведенныхъ татаръ; чтобъ имъ польстить, Чарнецкій заранье даль имъ довводеніе забирать въ полонъ жителей всёхъ тёхъ городовъ, которые стануть сопротивляться полякамъ, и тагары тотчасъ же стали рас-ходиться загонами, разорять поселенія и загонять жителей въ полонть 1). Но въ то же время Чарнеций поназываль и миролюбизые способы из усмерению народа: написаль универсаль ко всему укранискому поспольству, об'ящаль именень короля пощаду всёнъ тёнъ, которые поворятся Польшё и отстануть отъ сообщества съ мятежниками; въ случай упорства гроенлъ оснемъ, нечемъ и татарскимъ плёномъ. Эта синскодительность, по замёчанию польскаго историка, показана была только для того, чтобы внослёдствін оправдать суровое обращеніе съ русскими; Чарнецкій, какъ и всё польскіе паны, хорошо зналь, что между русиномъ и полякомъ деверіє стало невоєможно: легче вода съ огнемъ сойдется, чёнъ упорное казацкое сердне склонится въ поворности; казакъ присагаеть только для того, чтобы тёмъ удобнъе обмануть понка; вазать дасть поляку руку, объщаеть дружбу и неожиданно изъ друга дъластся враготь. Такъ разсуждали тогда HOLSEH ²).

Въ это время Чарнецкій обратиль вниманіе на духовенство. Гетманъ Тетеря, незадолго передь тімъ просившій короля объ утвержденія въ санъ митрополита Іоснфа Тукальскаго, выбраннаго въ этоть санъ, дознавшись, что королю такой выборь не совсёмъ правится, визываль теперь въ своихъ письмахъ Тукальскаго главнышъ затёйникомъ и хвасталь, будго самъ прежде пронедёлъ пророческимъ духомъ лукаветво этого челонёва³). По такимъ наговорамъ Чарнецкій пригласиль въ Васильковъ митронолита Іоснфа и съ нимъ нёсколько знатныхъ лицъ православнаго духовенства; въ числё приглашенныхъ быдъ и архимандяятъ Гедеонъ, бывний Юрій Хмельницкій. Чарнецкій для бестары съ ними отправился ная Городица въ Васильковъ, обошенся съ ними отправился ная Городица въ Васильковъ, обошенся съ ними отправился ная Городица въ Васильковъ, обошенся съ ними сначама оченъ ласново, заговорилъ прежде всего о свободѣ православной религи, о неприкосновенности церковныхъ и ионастырскихъ имуществъ, о повровительствѣ короля православному духовенству, потомъ объявилъ, что король съ своей сто-

^{*}) Пан. Кіев. Кон., IV, 408.

645

¹⁾ A. IO. 3. P., V, 900.

²) Hist, J. K., II, 300.

роны желаеть и требуеть, чтобы правослазные духовные на дълж показали свое доброжелательство и верность королю и Ричи Посполитой, и содействовали своимъ вліяніемъ въ усмирению возставшаго поспольства. Тукальскій оть лица всего православнаго духовенства изъявляль благодарность королю за инлость его, но замётиль, что духовнымь, по ихь званию, надлежить заниматься дёлами, относящимися собственно до цереви, а вибливаться въ мірскія діла имъ непристойно. Изъ такого отвіта Чарнецкій уразумёль, что православные духовные, и первый изъ нихъ митрополить, сврытно благопріятствують замыслань руссваго народа и сказаль: «въ таконъ случай вы пойдете въ Варшаву и объясните его величеству, почему считаете веприсхойнымь духовенству мёшалься вь мірскія дёла». Онъ назначиль почетный карауль сопровождать ихъ до Варшавы. Прійхавши туда, Тукальскій и Хмельницкій были отправлены въ Маріенбургскую врилость въ заточение 1).

Покончивши дёло съ духовными, Чарнецвій двинулся съ войскомъ въ Чигирину, приказавши идти туда и Тегери. Бруковецкій, уклонившись отъ битвы съ нимъ по малочисленности силъ своихъ, отопиелъ къ Бужину²), гдѣ былъ Сѣрко⁸). Чарнеций отправаль за намь вь потоню часть войска подь начальствомъ Незабитовскаго и Тетери 4), а самъ принялся поворять вовставшіе русскіе городки. Тогда вошель онъ въ Суботово ⁵), бытвшее нивніе Богдана Хмельницваго, гдё нёкогда ских содержался въ плёну, взятый повойнымъ гетманомъ Вогданомъ на Желтоводсвой битев. Вёроятно, воспоминание былого унижения усилная въ немъ влобу къ покойному врагу польской нація. Онъ привазаль выкопать язь могили въ церкви гробъ Богдана Хмельницкаго и разметать прехъ его на поругание псамъ 6). Оттуда Чарнецкий двинулся въ Смёлой, гдё произошля у жего стычка со стольникомъ Косаговымъ, неимѣвшая, какъ видно, никавого важнаго послёдствія. Потонъ Чарнецкій подступилъ въ Отеблову⁷). Прежде нослаль онъ съ трубачонъ предложение добровольно сдяться. Осяжденные воспротявились. Чарвенкій приназаль нячать приступъ. На биду освященнымъ сдилался вирывь въ ненжви.

¹⁾ Hist. J. K., II, 801.-Jisr. Грабяния, 186.

²⁾ Нынѣ село чигиринск. уззда кіев. губ., при Дивира.

³) **J**±r. Camob., 45.

⁴⁾ Hist. J. K., II, 303.

⁵) Нинѣ село чигиринск. уѣзда, кiев. губ., при р. Тяснинь.

^{•)} Літ. Граб., 186.

⁷⁾ Мист. канев. увзда. кіев. губ., при р. Росн.

гдё хранился складь пореха. Во время происшедшаго переноюка поляки стали вырубать ворота. Осажденные сдались. Тогда поляки, а за ними татары бросплись въ городъ на грабежъ и убійства; буджаяские и ногайские татары сами передрались между собою изъ-ва добичи¹).

Соединившись съ Маховскимъ и Тетерею снова, Чарнецкій ношелъ противъ Бруховецкаго, который отъ Бужина вокнелъ въ Каневъ и засёлъ въ немъ. Послё нёсколькихъ неудачныхъ нападеній на Каневъ, Чарнецкій отступилъ къ Корсуну²) и занялся укрёпленіемъ этого городка, а въ сторону послалъ два отряда для укрощенія воеставшаго поспольства: одинъ пошелъ къ Умани, гдё засёлъ тогда запорожецъ Сацко Туровецъ съ съчевиками и съ отрядомъ царской рати подъ начальствомъ майора. Свиньина³), другой — къ Лисянкъ⁴), гдё собралась ватага вовстанцевъ въ 7,000 подъ начальствомъ какого-то Гладкаго⁵).

Бруховецкій, тотчась посл'я ухода Чарнецкаго оть Канева, въ конц'я мая, отправиль по сл'ядамъ его Обрка и Косагова къ Корсуну, а полковнивовъ Матв'я Шульгу и Филипна Стр'ялю----на подмогу къ Гладвому въ Лисянку. Посл'ядніе исполнили свое норученіе удачно, прогнали приступавшихъ въ городку поляковъ, носланныхъ гуда Чарнецкимъ, вошли въ Лисянку и усяляли собою возставшую ватагу Гладйаго⁶). С'ёрко же и Косаговъ, не доходя до Корсуна 25-ти версть, услыхали, что на усиление Чарнецкому идетъ скъжая орда, свернули въ сторону, разбили татаръ, прогнали ихъ назадъ въ Крымъ, а потомъ, не идя въ Корсуну, повернули къ Умани съ ц'ялю соединиться съ воеставшими въ пользу царя полкъми Подн'ястранскимъ, Кальницкимъ и Уманскимъ, и тогда уже съ ними вибстё идти на Корсунъ противъ Чарнецкаго⁷).

Между тімъ изъ Корсуна, гді находился Чаршецкій, явизась въ Бруховецкому тайная подсылка: ворсунцы изв'ёщали, что желають быть въ подданствё у московскаго царя, просили присылки ратной силы, об'ёщали съ своей стороны перебять иёмецкій гарнизонъ, поставленный у нихъ Чаршецкимъ и выдать Бруховецкому всёхъ начальныхъ людей; они жаловались, что

- •) А. Ю. п З. Р., V, 200.
- 7) Ibid., V, 208.

¹) Hist. J. K., II, 804.-A. D. 3. P., V, 206.

³) A. KO. 3. P., V, 200.

³) A. IO. 3. P., V, 200 H 201.

⁴⁾ Село звенигородск. утвда, кіев. губ.

⁵) Hist. J. K., II, 805.

имъ невыносимо приходится отъ Чарнецкаго, потому что въ уплату приглашеннымъ на помощь татарамъ онъ дозволилъ имъ уводитъ людей въ неволю. Бруховецкий далъ ворсунцамъ тайно отвётъ, что какъ только прибудетъ къ нему свёжая сила, то онъ немедленно двинется самъ въ Корсуну: Бруховецкий ожидалъ подкрёплений съ лёвой стороны Дибира и, сверхъ того, надёялся, что Косаговъ и Сёрко приведутъ изъ Умани вооруженную громаду возстанцевъ¹).

- Чарнецкій сильно облобился на Ставище. Во время отправленія королевскаго на лёвую сторону, жители дали присягу въ върности, но когда вспыхнуло и разлилось на правой сторонъ Дивира возстание, ставищане перебние оставленный у нихъ польскій гарнизонь, не пощадили притомъ и ременнать ляховь, находившихся въ устроенномъ госпиталъ, разобрали по рукамъ свезенные для войска причасы и разорили близь Ставища имбије, пожалованное Чарнецкому въ ленное владение. Чарнецкий, сделавши распоряженія объ укрѣпленія Корсуна, двинулся усмарять Ставище. Янъ Собъсский всегда отличался твиъ, что совътовалъ поступать вовможно мягко и кротко съ русскимъ народомъ; и теперь подявалъ онъ мысль дозволить мятежникамъ отправить къ воролю пословъ съ изъявленіемъ поворности и оставить ихъ свободными отъ нападеній до возвращенія посланцевь оть вороля. Чарнецвій смотрёль на это дёло вначе, и отвёчаль: «я не умбю и не люблю льстить; опыть научиль меня, что своевольство казацьое удобние укрощать суровостию, чимъ кротостию». Чарнецкій приказаль буджавской ордь пожечь всь деревни н хутора около Ставяща, истребивъ или забравъ въ полонъ жителей. «Всть не буду, спать не буду, пока не добуду это гнёвдо бунта, этотъ вертепъ разбойниковъ», говориять онъ 2). Такой же ваглядь выразниь онь въ донессния, посланномъ тогда же въ королю: «въ отврытомъ пол'я непріятеля не встр'ячаю, онъ засёль по изслечкамъ и городкамъ и такъ упорно держится московской протекція, что важдое поселеніе приходится брать штурионъ. Сердца ихъ до такой степени нечувствительны ко всепронцаю. щему милосердію валіего величества, что они хотять лучине погибнуть съ домами своими отъ огня, терпъть голодъ и всякія лишенія, чёмъ возвратиться въ вёрному подданству королю своему. Вся Украйна ръшилась умирать, а не покоряться поля-камъ ³).

²) Пам. Кіев. Ком, IV, 454-455.

648

¹⁾ Ibid., 203.

²⁾ Hist. J. K., II, 307.

По извёстно польскаго историна 1), начальствовали надъ вовставшимъ поспольствомъ въ Ставищѣ нѣкто Дачво, бывшій долго въ турецкой неволё на галерахъ, и Булганый-еще при Богданъ Хмельницкомъ полковникъ пъхоты; оба они были теперь полковники такъ-называемыхъ «серденецвихъ» ³) полковъ, возникшихъ въ недавнее передъ твиъ время изъ охотниковъ. Въ городе заперлось много народа; поляки въ своихъ известияхъ ководять число всёхь годныхъ въ бою до 16,000. Приступы начались 4-го іюля. На первыхъ порахъ они пошли неудачно для полявовъ. Дачко, отбивши ихъ, привазалъ своимъ людямъ конать ровъ, чтобъ не допускать поляковъ до вала; изъ высыпной земли этого рва образовался новый валь-и, такимъ образомъ, городъ опоясался двумя земляными оградами. Поспольствосъ валовъ издёвалось надъ своими врагами. Когда Чарнецкій объёзжаль свое войско, одётый въ бурку изъ леопардовой кожн, осажденные вричали ему: «о то ряба собака!» Послё нёсколькихъ дней, проведенныхъ въ битвахъ, Чарнецкій уб'вдился, что не подёлаеть ничего силою съ осажденными. Онъ отправилъ въ городъ шляхтича съ убъжденіями сдаться и не губить себя напрасно. Ставищане отвёчали: «пусть польское войско прежде отойдеть оть нашего города, тогда мы пошлемъ постановить уговорь съ Чарнецвимъ, съ тёмъ, чтобъ мы были вольны отъ военнаго постоя и не было бы у насъ польскаго гарнивона». Такой отвёть раздражнять гордаго пана; онъ приназаль татарамъ по оврестностамъ довершать разорение селений и безъ милосердія убивать женщинь, дътей и стариковь, потому что изъ этихъ сезеній находились въ город'в жители; между тёмъ привезли поляканъ свъжіе боевые снаряды; пальба гранатами и бомбами нстребнла разомъ большую часть строеній въ Ставищё. Дачко быль убнть; на его мёсто выбраля сотника Чопа, который, по выражению польской лётописи 8), быль, къ досадё полявовъ, предводитель дёльный и отважный. Много потерь понесли тогда поляки. Погибла вся пёхота, упёлёвшая послё зимней кампанія; полки такъ умалились, что гдв прежде были тысячи, тамъ оставались сотни. Чарнецкій вообще мало щадиль жизнь подчиненныхъ, и въ отвътъ на жалобы о потеряхъ въ войскъ, говорилъ: «что-жъ, война людей не рожаеть!» Хотелось Чарнецкому, во что бы то ни стало, взять городъ приступомъ, но другіе паны,

*) H. J. K., II, 309.

¹⁾ Hist. J. K., II, 807.

²) Въроятно, отъ прозвища Серденя, которое носиль первий ихъ нолионникъ.

составлявшіе оволо него военный сов'ять ¹), находили, что гораздо лучше, ради пощады собственныхъ силъ, принудить къ сдачѣ городъ блокадою, — тёмъ болёе, когда плённые показывали, что въ городѣ чувствуется недостатовъ съёстного, а людей, наб'єжавшихъ туда съ селъ, — много, и всё эти поселяне на зиму себѣ не с'яли, а отъ прежняго лѣта полевыхъ плодовъ не успѣли собрать, а потому и въ осаду съ собою не взяли. Итакъ, по общему приговору военачальниковъ, городъ Ставище былъ обложенъ кругомъ: ни въ городъ, ни изъ города ни одно живое существо пройти не могло ³).

Было бы возможно подать помощь осажденнымъ въ Ставнщё, если бы гетманъ Бруховецвій соеденилъ раздробленныя казацкія силы и если бы въ пору пришли въ нему великороссійскіе воеводы съ своими полками. Этого не сдёлалось. Весь іюнь Бруховецкій ожидаль, что Обрко и Косаговь приведуть въ нему свёжія силы народа, воеставшаго въ прибужскомъ и приднёстранскомъ враяхъ. Но вышло не такъ, какъ объщали Сърко и Косаговъ. Сърко съ Косаговымъ разошелся; самъ Серко отправился въ Очакову разорять татарь, а Косаговь изъ Умани воротился въ Бруховецкому въ Каневъ безъ Сърка и почти безъ новыхъ силь. 30-го іюля Бруховецкий отправиль его снова въ походъ: Косаговъ долженъ былъ соединиться съ казацкими полками зиньковскимъ ³) и мліевскимъ ⁴), да еще съ двумя п'яхотными, и идте съ ними на Корсунъ ⁵). Изъ Канева взялъ съ собою Косаговъ только-что прибывшихъ веливороссійскихъ ратныхъ людей и слободскихъ казавовъ до тысячи человёвъ ⁶). Не доходя до Корсуна пяти версть, Косаговь 1-го августа встрётных польскій отрядь н вступныть съ нимъ въ бой, продолжавшийся съ утра до полдня. Бывшіе въ этонъ бою государевы ратные люди и слободскіе вазаки не устояли - побъжали, побросавши оружіе, и на переправъ черезъ болото потопили своихъ лошадей. Косаговъ привелъ 3-го августа въ Каневъ остатовъ своего войска пъщить н безоружнымъ. Было у него на этой несчастной битев 85 рейтаровь, 120 солдать, 470 вазавовь, а съ малороссійсвими пол-

¹⁾ Янь Собеский, Іеренних Синявский. Станиславь Яблоновский и другие.

²) Ibidem, 310.

⁸) Временно явившійся и не долго существовавшій польть — по Знаькову, нынѣ увядный городъ полтавской губернія.

⁴⁾ Мліевъ-нынъ село черкасскаго увада, кіевской губернія, при ръкъ Ольшанойвременно явившійся и потомъ не существовавшій полкъ.

⁵) A. IO. 3. P., V, 158.

⁶⁾ lbidem, 159.

нами --- около полуторы тысячи. Все постыдно бъщало: убито въ сражение было только 10 человъкъ казаковъ и 21 наймить. Многіе царскіе ратные люди, слободскіе и донскіе казаки, еще не дождавшись встрёчи съ непріятеленъ, убъжали въ домы свои. Косаговъ, въ своемъ доносения царю, объясняеть это такъ: изъ налороссіань, въ его полну настоящихъ назавовъ было немного: все нас насмныхъ окуаровъ, да изъ работавшихъ на винокурнахъ; били между ними даже малые ребята; у вазавовъ заводняся тогда обничай поставлять за себя наймитовъ, вибсто того, чтобъ самниъ ндти на войну 1). Когда Косаговъ возвращался съ своего пораженія черезь Мошны, мошенскіе жители, узнавши о несчастія, постигинемъ руссвое войско, собрались на скоро съ жнами, дётьми и имуществами, какія успівли захватить, біжали за Дневнуь и начали водворяться на жительство въ разныхъ налороссійскихъ городахъ. Они боялись поголовнаго мщенія со стороны ляховъ надъ всёмъ малорусскимъ народомъ-и не ошибнез. Вслёдь за уходомъ ихъ, явились по слёдамъ разбитаго Космова поляви и сожгли Мошны до основания.

По возвращения Косагова въ Каневъ, бывшіе тамъ на службв вазани слободсвихъ полновъ: сумскаго, харьковскаго и острогожскаго, тайкомъ распродали полученные запасы и ушли въ свои дена: это, между прочних, проивошло оть несвоевременной раздачи запасовъ; они волучили ихъ еще не доходя до Канева и, стоя нёсколько времени подъ Миргородомъ, истребили, продали и пропили, а принедщи въ Каневъ, очутились въ такомъ поло-жени, что имъ нечего было ёсть ²). Сперва такіе побёги ратних людей происходели по-одиночей, но въ концу августа до торо вожли въ обычай, что и начальныя лица стали уходить визств съ подчиненными. Убъжале таких образомъ двое сотниковъ острогожскаго полка, а за ними двое сотниковъ ахтырскаго и харьковскаго съ казаками своихъ сотенъ. Сентября 2-го принью изв'ястіе изь Умани, оть майора Свиньина, что поб'яги ратныхъ государевыхъ людей донали до того, что въ Умани осталось ихъ не болёе ста человёкъ, да и бывшіе съ найоромъ Свиньнимъ малороссіяне такъ же разбъганись ³). Бруховецкій, недавно ожидавшій изъ Уманк подмоги, теперь долженъ былъ бы самъ посылать людей въ Умань, но посылать было некого: свёжнахъ силь не приходило, а туть поляки и татары стали без-

^a) Ibidem, 159-160.

¹) A. 10. 3. P., V, 158. ⁴) A. 10. 3. P., V, 159.

поконть Каневь. Косаговь неодновратно писаль въ Бёлгородъ къ князю Ромодановскому, и послёдній, по его письмамъ, разсилалъ въ разние города отписки о поникѣ и выснякѣ бёглыхъ войсковыхъ людей, но ни одинъ бёглый не былъ высланъ въ Каневъ и ни одинъ добровольно на службу не воротнися; остальные же, видя безнаказанность за побёги, сами собирались улизнуть изъ Канева. Въ концѣ сентября Косаговъ доноснять въ приказъ, что у него осталось рейтаръ 68, а солдатъ — 169, и у тѣхъ запасовъ было мало, и подавало опасеніе, что и они разбёгутся: дѣйствительно, вновь послѣ того убѣжало 18 человѣкъ, а въ слёдующую затѣмъ ночь — 24. Такимъ образомъ, нестроеніе въ войскѣ какъ великороссійскомъ, такъ и малороссійскомъ было причиною, почему гетманъ и Косаговъ не могли все лѣто до октября подать помощь геройскимъ защитникамъ Ставища и нанести пораженіе Чарнецкому.

Между твиз вака Чарнецкій держаль въ блокадѣ Ставние, гетманъ Тегоря отправился съ татарами приводить къ покорности возставшее поспольство прибужскаго и приднёстровскаго врая. Онъ разсылаль универсалы, гдё уговариваль народь отречься оть московской протекців и возвратиться подъ власть законнаго короля. Кальницкій в винницкій полковникь, Василь Вереница, умоляль Бруховецкаго скорбе присылать помощь и предостерегаль, что иначе ляхи своими прелестным многихь въ себв прилучать ¹). Бруховецкій прислать имъ ратныхъ людей не могъ, а возстанцы действовали въ разбродъ, безъ руководящей головы, которая бы заправляла всёмъ дёломъ вовстанія. Поэтому и неудавительно, что возстанцы, такъ горячо увъравшіе въ своей твердости, начали сдаваться и покоряться Тетерь, послё того, когда татары стали сожигать поселенія и уводить толпами въ полонъ всёхъ, вого поймать могли, жителей обоего пола и всяваго возраста. Побужскіе города: Брацлавь ³), Бершадь ³), Лодыжнить ⁴), Тростеница ⁵) и другіе, одинь за другимъ, покорились королевсвой власти и согласились давать стаціи на польсное войско 6). Полковникъ Остапъ Гогодь нёсколько времени быль такъ-сказать душою воестанія въ подольскомъ край, но поляки веяли его сына,

652

¹⁾ Ibidem, .162.

²⁾ Уведный городъ подольской губернін, при рёке Буге.

^{*)} М'встечко ольгопольскаго увзда, подольской губернін, при р'як'я Бершади и Дахив.

⁴⁾ Мъсточно гайсинскаго уззда, подольской губернія, при рълъ Бугъ.

^{»)} Село брациавскаго уйзда, подольской губернін.

^{•)} Ibidem, 164.

учившагося во Львовѣ, грозили убить его — и отецъ, для спасенія живни дѣтища, покорился королю¹). Крѣпче всѣхъ изъ западныхъ возставшихъ городовъ держался Умань; Сацко Туровецъ и майоръ Свиньинъ извѣщали Бруховецкаго, что ляхи и татары безпрестанно угрожаютъ Уманю, но уманцы будутъ стоять твердо, пока гетманъ не пришлетъ имъ помощи ²).

Октября 20-го, новаго стиля (10-го — стараго), сдалось, навонецъ, осажденное Ставище. Не стало долёе возможности тернёть голодъ, а усиленная пальба изъ польскихъ орудій обратила въ пепелъ почти всё жилища; приходилось въ осеннюю непогоду оставаться безъ врова подъ непрерывными непріятельскими выстрёлами. Въ такомъ положеніи осажденные рёшились просить нощады и выслали священниковъ съ предложеніемъ капитуляціи.

«Не можете толковать о капитуляцін», запальчиво отв'ячаль имъ Чарнецкій: «я не разъ уже вамъ предлагалъ милость свою, а вы пренебрегли ею. Теперь вы недостойны помилованія; сдавайтесь на имя короля, присягайте хранить в'врное подданство, отворяйте ворота безъ всякихъ кондицій, если хотите, чтобъ и оставилъ жизнь вамъ, но всёхъ вашихъ коноводовъ и подстрекателей къ бунту приведите ко миѣ».

Ставищане связали и привели въ польскому военачальнику 13 человъкъ: въ числъ ихъ были атаманы — Чопъ и Подобня. Булганый скрылся заранъе. Чарнецвій поручилъ выданныхъ подъ караулъ Тетери, который прибыдъ тогда въ станъ Чарнецкаго изъ своей экспедиціи на западъ. Поляки взяли въ Ставищъ множество боевыхъ запасовъ и такое количество пороха, что стало бы осажденнымъ на цёлый годъ ³).

Чарнецкій пощадиль сдавшихся, но въ наказаніе за долговременное упорство велёль заплатить за свою жизнь окупь татарскимъ султанамъ, расположилъ въ Ставищё два полка на все время, пока будеть идти война въ Украйнё, и отнялъ у Ставища колокола — въ наказаніе за то, что въ нихъ звонили въ набать, собывая поспольство въ битвамъ противъ подявовъ.

21-го октября стараго стиля, послё неоднократныхъ просьбъ уманцевъ, Бруховецкій и думный дворанинъ Хитрово, находившійся тогда при гетманъ, выслали на выручку Умани Косагова съ отрядомъ, какой могли собрать изъ неуспъвшихъ еще разбъжаться великороссіянъ и малороссіянъ. Отдълавшись отъ осады

¹⁾ H. J. K., II, 299.

²) A. IO. 3. P., V, 165.

^{*)} H. J. K., II, 811.

Тонъ IL-Апръль, 1879.

Ставища, Чарнецкій съ Тетерею не допустили Косагова до Умани. Косаговъ принужденъ былъ запереться въ Медвинъ 1) и сидель тамъ въ осаде виесте съ лубенскимъ полковникомъ Гамальею цёлыхъ четыре недёля, отбиваясь оть непріятельскихъ приступовъ. Тетеря стояль подъ Ансянвою; тамъ заперансь полковники: Прилуцкій, Лазарь Горленко и генеральный бунчужный, бывшій полтавскій полковникъ Григорій Витявенко, съ частью полковь прилуцкаго, зеньковскаго и полтавскаго 2), и они просили Бруховецкаго о помощи, а гетманъ отговаривался малолюдствомъ; присланы были ему въ подврёпленіе стольники, но привели съ собою едва нёсколько соть человёкъ, потому-что у нихъ на пути государевы ратные люди разбъжались. Малороссійскія же войска были размёщены еще прежде въ другихъ мёстахъ: віевскій, черниговскій и овручскій полки берегли Кіевъ и его окрестности; оть Гомля по свверной граница размащень быль на стражь полкъ Стародубский; часть войска послана была внизъ по днипровскому берегу къ Черкасамъ и Чигирину, а на правобережной Украйнъ были размъщены вазацкие залоги (гарнизоны) въ городахъ и мёстечкахъ, признавшихъ царя, въ Жаботинѣ, Медвѣдовкѣ, Старобурьѣ, Смѣлой-со стороны Чигирина, въ Ольшаной, Млбевъ, Тарасоввъ, Медвинъ, Лисанвъ - со стороны Корсуна для береженія оть Чарнецкаго, и въ Обуховѣсо стороны Бёлой-Цервви; — во всёхъ этихъ городеахъ залоги были преимущественно изъ казаковъ лёвой стороны, подчиненныхъ Бруховецкому; самъ же гетманъ снявлъ въ Каневъ съ небольшимъ числомъ малороссійскаго войска ³). Въ концъ овтября доносилъ въ Москву кіевскій воевода, что многіе изъ городовъ, отложившихся отъ поляковъ – опять имъ поворяются, а другіе находятся въ утвсненія ⁴).

Уманцы продолжали упорно держаться противъ поляковъ. Не проходило дня, чтобъ у нихъ не происходило съ поляками разговора изъ ружья, сообщалъ гетману тамошній полвовникъ ⁵). Косаговъ освободился отъ осады въ Медвинѣ не ранѣе декабра и воротился въ Каневъ, виѣсто того, чтобъ идти въ Умани. Въ Каневѣ засталъ онъ вторичный царскій указъ, предписывавшій ему ѣхать въ Бѣлгородъ и отыскивать бѣглыхъ ратныхъ. Виѣсто Косагова полкъ его въ Каневѣ велѣно было вѣдать стольнику

¹⁾ MISCT. KAHEBCE. yB3ga, KieBCE. ry6.-A. Ю. З. Р., V, 165.

²) Ibid., 284.

⁸) Ibidem.

⁴⁾ Ibid., 216.

^{•)} Ibid., 228.

Өедору Протасьеву 1). И Сёрко въ то же время прибыль въ Великороссію. Послё разлуки съ Косаговымъ онъ громилъ татаръ и засёлъ въ Торговицё, потомъ покинулъ Торговицу и прибыль въ свою любимую Свчу, но вскоре после того не поладилъ съ запорожцами и убхалъ въ Харьковъ, гдё у него была семья, а изъ Харькова въ Бѣлгородъ 2). Причины, по которымъ Сърко убхалъ тогда изъ Съчи, связаны были съ вознившими севретными сношеніями Бруховецкаго съ крымскимъ ханомъ. Въ Крыму многіе вліятельные мурзы представляли своему хану: «ляхи, насъ, татаръ, все манятъ украинскими городами, которые надъются покорить. Эти же украинские города поддаются царю, а не виз, а наиз никакой корысти нёть; лучше было бы намъ замириться съ казаками и съ Москвою » 3). По такимъ совѣтамъ, въ октябрѣ ханъ крымскій прислалъ Бруховецкому письмо съ предложениями устроить миръ. Гетманъ отправилъ это письмо въ Москву, и получилъ отъ царя указъ завести сношенія съ ханомъ 4). Бруховецвій, исполняя царскій увазъ, отправилъ своихъ посланцевъ въ хану. Запорожцы остановили гетманскихъ посланцевь, распечатали гетманскія граматы и прочли, а потомъ, вогда гетманъ послалъ другое посольство, то запорожцы не пропустили посланцевъ вовсе. Сърво, въ звани кошевого атамана, хотвлъ удерживать запорожское товарищество въ повиновении царю и въ подчинении гетману; запорожцы не слушали его, шумъли, и Сърво удалился изъ Съчи. Въ Бългородъ тамощий воевода внязь Решнинъ объяснияъ ему, что сношения съ Крымонъ начались по царской водё и привазываль Сёрку снова Бхать въ Запорожье, но Сбрво отвёчаль, что ему безъ царскаго указа бхать въ Сбчу нельза; казаки могуть его тамъ убить, а надобень такой царский указь, где бы значилось, что сношения Бруховецкаго съ ханомъ начались по царской воль.

Н. Костонаровъ.

¹) Ibid., 210.
 ²) Ibid., 217.
 ³) Ibid., 202.
 ⁴) Ibid., 218.

655

ДЕШЕВЫЙ ГОРОДЪ

хроника-романъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ *).

I.

Юноши шестидесятыхъ годовъ, нерёдко вступавшіе въ бракъ чуть не на школьной скамьё, едва ли поймуть, почему юноша сороковыхъ годовъ, Елатомскій, боялся брака, какъ чорть ладона.

Неужели на Елатомскаго, какъ на върующаго въ текстъ изъ священной книги. Печоринская фраза о женитъбъ могла имъть такое неотразимое вліяніе?

Но что значить фраза, — хотя бы и гевіальнаго писателя, если бы цёлою массой лично нами пережитыхъ впечатлёній не признавали мы законности ся позвленія, в не откликались сй!

Припомнимъ, что наши знаменитёйшіе писатели сорововыхъ годовъ, всё почти остались холостявами. Значитъ, не одинъ Печоринъ боялся, или чуждался семейной жизни. Что же мудренаго, что общее настроеніе повліяло и на впечатлительнаго Елатомскаго, наклоннаго въ нёкоторому свептицизму и анализу.

Откуда же? Неужели только изъ французскихъ романовъ повъяло на насъ такою фанатической враждой къ гименею и цёпямъ его?

Не думаю. Поверхностное, чисто салонное воспитание дивиць того времени; скандальныя истории, безпрестанно случавшияся въ

^{*)} См. выше: марть, 5 стр.

выс шемъ аристовратическомъ обществъ, и, за отсутствиемъ научныхъ, политическихъ и иныхъ интересовъ, разносимыя по всей Россіц — «огъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Тавриди» — праздность и жажда любовныхъ привлюченій; хвастовство съ одной стороны и поклонение съ другой стороны побъдамъ надъ сердцемъ женщины, и насмъщка надъ ся добродътелью... все это, вмъстъ взятое, порождало не только Печориныхъ, но и женщинъ въ родъ Эвиной.

Въ наше время Эвина и въ средній классъ женской гимназін не выдержала бы экзамена; по части наукъ каждая серьёзная дѣвушка, слушающая курсы, заткнула бы ее за поясъ — и что же? — въ тѣ годы Эвина не только могла блистать своимъ образованіемъ, но и — вліять на молодые умы своими отборными фразами, — была чѣмъ-то въ родѣ Рудина въ юбкѣ. — Успѣхъ ея опять-таки обусловливался настроеніемъ тогдашняго интеллигентнаго общества, начинавшаго сознавать: то ненормальность крѣпостного права, то судебныхъ порядковъ, то семейныхъ безобразій, слишкомъ явныхъ для того, чтобъ не видѣть ихъ. Въ неасныхъ рѣчахъ краснорѣчивой Эвиной слышался протесть, — и этого было достаточно, чтобъ ее слушали.

Бавинъ не испугался бы брака, — какъ юристъ и философъ, онъ признавалъ неизбъжную роль его въ развитіи человёчества, а то, что признавалъ Бавинъ, было для него свято, и никакая барыня не могла бы его въ эгомъ случаё съ толку сбить. Одними своими проповёдями Эвина не могла бы имёть на него никакого вліянія; —но она съумёла стать съ нимъ чуть не въ братскія отношенія и при этомъ нравилась ему, какъ женщина. Кто не знаетъ, что люди, избёгающіе женщинъ, буки, динари, и даже такъ-называемые тюфаки и увальни, по большей части, страстно привязываются въ тёмъ изъ нихъ, которыя ближе всёхъ съумёютъ подойти къ нимъ.

Бавинъ сошелся съ Эвнной такъ, какъ въ письмѣ совѣтовалъ ему братъ его, — и далъ ей скоро почувствовать, что онъ уже смотритъ на нее не иначе, какъ на жену свою.

Не прошло и недбли со времени ся торжества надъ неподатливой дикостью Бавина, какъ уже она стала трусить... страхъ за себя, за свою независимость уже зародился въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ души ся.

Но такъ какъ отътядъ ся изъ Одессы съ Бавинымъ замедлился, то ми еще вернемся къ ней. Теперь же начнемъ прерванный нами разсказъ съ Зок Меркуличъ.

«Ну, я уже сказаль Зов», — думаль про себя Елагонскій,

въстникъ ввропы.

---- «я уже прямо и отвровенно сказаль ей, что я не женюсь на ней. Ну, и значить, я правъ, и не о чемъ мий больше думать»...

«Да—да!» думала про себя Зоя, «что онъ тамъ ни говори, какъ ни хитри, а онъ меня любитъ, любитъ! Не приди мама и не помѣшай намъ, онъ бы кончилъ тѣмъ, что признаяся бы мнѣ въ любви своей».

Съ этой мыслью, вернувшись домой отъ Клары Петровны и еще чувствуя въ рукй своей пожатіе руки его, Зоя котила какъ можно сворйе лечь, задуть свичу и думать, думать...

Но Въра Георгіевна позвала ее въ себе въ комнату.

- Мама, я хочу спать, -- сказала Зоя.

— Еще успѣешь... погоди... сядь воть туть... Ну, такъ вакъ же? что же ты ничего не сказала мнѣ... Можно тебя поздравить? А?..

Тавими словами, ложась въ постель, начала Вёра Георгіевна допрашивать дочь...

- Съ чёмъ же поздравить? Я... не внаю...

И Зоя исподлобья поглядъла на мать.

— Да ты, можеть быть, согласилась... Не даромъ же эта Клара Петровна шепнула миз, будто бы у васъ двло-то на задъ идеть... А?..

- Да, мама... я... я подала ему надежду...

Зоя отвѣчала нерѣшительно, ей какъ будто не хотѣлось въ эту минуту лгать своей матери.

- Какъ же ты подала ему надежду?

— Какъ я подала ему надежду! да просто: я сказала, что... — (Зоя при этомъ вёвнула и поглядёла въ темный уголъ, гдё на креслахъ кучей лежали сброшенныя пыльныя юбки и платье матери). Я сказала ему, что прежде чёмъ дать ему слово... я должна еще убёдиться, — такъ ли еще онъ меня любитъ, какъ я хочу... Вообще, что онъ за человёкъ... Мама, отпустите меня... такъ хочется спать!

— Да погоди... Ради Бога!.. какая ты право!.. точно я не мать тебв... Ну... и ты сказала ему, чтобъ онъ какъ можно чаще бывалъ у насъ...

Зоя опять погляделя на мать.

— Ахъ, мама! что же мнѣ. говорнъь. Я, можеть быть, и глупо поступила... я сказала, чтобъ онъ лучше и не приходиль въ намъ... Да, потому, мама, вдругъ, — съ необыкновенной живостью заговорила Зоя, — что у насъ, я не могу, не могу съ нимъ разговаривать... то папа́, то вы, то сестри... Ахъ... Боже мой!

658

накія он'й глупыя, какія несносныя! Когда Владныіръ Григорьевнчъ въ посл'йдній разъ былъ у нась, — что вы думаете? не усп'йлъ челов'йнъ за ворота выдти, какъ он'й на ц'йлый дворъ кричать: «ну, что! проводила женишка! проводила женишна!!» Какъ вы думаете, — разв'й это было пріятно ему слушать... въ такую минуту... когда...

--- У! противныя дёвчонки! --- произнесла Вёра Георгіевна, набрасывая на себя легонькое, лётнее одёяло и въ подушки опуская свою голову.

--- И когда я сказала ему, --лучше вы и не ходите въ намъ, Владиміръ Григорьевичъ, пока...-О, да, это, говорить, гораздо лучше... Такъ какъ я еще женюсь на васъ не скоро -- то и не хочу вамъ мъшать... Можетъ быть, въ это время вы кого-нибудь н другого полюбите...

— Ну?..

--- Туть я... Ахъ! что бишь такое? Ахъ, да... я ему повлялась, что... вивогда нивого я любать не буду...

--- Что же инѣ сказать твоему отцу? Надо вѣдь и приданое готовить... и все...

Зоя задумалась. Мысль о приданомъ ни разу не пришла, да и не могла еще придти ей въ голову. Готовить приданое! а что, если папенька израсходуется, и — ничего...

— Зачёнъ, мама, приданое... Это еще мы успёемъ... Знаешь что... Хочень, чтобъ я откровенно передала тебё слова его... хочешь?..

— Хочу.

- Ну, тавъ вотъ что... онъ сказалъ мнё, что онъ до тёхъ поръ не рёшится назвать меня своей невёстой, пока не найдетъ мёста — и я ему сказала: ищите... хоть два, три года ищите, я буду ждать... Ну, теперь я все сказала; кажется, ничего не осталось. Можетъ быть, онъ и еще что-нибудь сказалъ бы мнё, если бы вы не пришли и не номёшали... Намъ еще о многомъ, о многомъ надо переговорить... Спите, мама. Можно мнё вашу свёчку взять?.. Ахъ, Боже мой! я ушла... и не потушила свёчи за ширмами... Я не знала, что вы меня такъ долго задержите. Ахъ... долго ли до пожара! Прощай, мама...

Зоя задула свёчу, и при тускломъ свётё нагорёвшей лампадки оставила чему-то улыбающуюся мать свою, а сама, черезъ корридоръ, ощупью, пробралась въ свою комнату. Свёча ея, дёйствительно, не была потушена и страшно нагорёла, сало отекло, и черный колпачовъ изъ сажи прикрываль свётильню...

Сестры ся спали. Юлинька храпкла. Одно овно на дворъ было настежъ отворено, ночь была темная, темная, претемная.

Зоя щипцами поправила свётильню, сняла юбочку и стала молиться; едва ли не впервые Зоя, такъ сказать, импровизировала молитву... говорила съ Богомъ своими словами...

Радостная надежда, что она любима, въ особенности распо-дагала ее въ такимъ душевнымъ изліяніямъ. И до тёхъ поръ стояла она на голомъ полу голыми колёнями, пока не почувствовала въ нихъ боли и усталости. Затёмъ, потушивъ свёчу, она бросилась въ постель и заспула... такъ, какъ давно не спалось ей съ тёхъ поръ, какъ она, не шутя, влюбилась.

II.

Трофимъ Евлампіевичъ, воротцвшись изъ Крыма, не встрітилъ въ семьё своей ни радостныхъ объятій супруги, ни бёготни дътей, ни разспросовъ, ничего такого, что воображалось Гоголю, когда писалъ онъ: «счастливъ семьянинъ, у котораго есть такой уголь; но горе холостяву!» Жену свою засталь онь вь вухнь, и очень быль радь, что она завариваеть накароны, - его любимое кушанье; ---Зоя встрётнла его въ корридоръ и молча поцъловала у него руку. Онъ снялъ съ себя дорожную, плетеную фляжку съ водкой, и, отхлебнувъ одинъ глотокъ, отдалъ Зой отнести ее, куда слёдуеть.

— Будете спать?—спросила его Зоя. — На пароходѣ спалъ,—отвѣчалъ отецъ. — Вели инѣ дать завусить... Мив невогда, нужно по двламъ...

И, позавтракавъ, Трофимъ Евлампіевичъ переодёлся и тотчасъ же, торопливо посмотрёвь на часы, вышель на улицу.

О томъ, что въ Крыму онъ покупастъ виноградники, ни слова не сказаль онъ женъ своей, онъ вообще не считаль за нужное толковать съ нею о делахъ своихъ, или посвящать ее въ свои намѣренія.

«Чорта съ два она понимаеть!» думалъ про нее Трофимъ Евлампіевичь.

Влюблена или не влюблена въ Елатомскаго дочь его, до этого сму также мало было дёла, какъ и Вёрё Георгіевнё до его хлёбнаго магазена; но о томъ, дать или не дать ей деньги въ приданое (если состоится свадьба), и сколько именно дать, объ этомъ онъ думалъ. Что Елатомский, сватаясь за Зою, прежде всего имблъ въ виду его денежки. а вовсе не черные глазви

660

Зон, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, и это его нисколько не печалило, напротивъ, ему казалось, что такъ и слёдуетъ.

Не разъ мечталъ онъ выдать дочь свою за такого богача, который и не подумаеть залёзать въ нему въ карманъ; но онъ зналь чуть ли не всю Одессу, онъ зналь, что богатые негоціанты, или женаты, или имъють на содержание чистокровныхъ француженовъ; зналь, что великосвётскіе фаты, молодые и старые, увиваются около великосвётскихъ данъ и барышень, и что Зоё далево до нихъ, - какъ до звёзды небесной. Одинъ Сашинъ, повидимому, собирался свататься, да, видно, раздумаль, пересталь ходить и даже гдё-то, кому-то сказаль, что оть об'вдовъ Меркулича у него по три дня въ животв бурчить; зналь, что за Зою сватался какой-то бёдный учитель, и что она ему отказала. Елатомскій же, несмотря на то, что самъ не разъ признавался, что у него всего только полтораста десятинъ земли, въ глазахъ практическаго Меркулича, быль ловкій молодой человёкь — н какъ будущій мужъ его дочери, подъ его руководствомъ, можетъ нажить состояние. Кром'в странной симпатии, которую возбуждаль въ немъ этоть юноша, онъ удивлялся его способности съ-разу стать на равную ногу не только съ какимъ-нибудь Сашинымъ, но и съ Хавазовымъ, и съ генераломъ Охотышевымъ, и съ княземъ Д... и съ внягинею Ш...дь.

То, что Елатомскому давалось безъ всяваго съ его стороны разсчета, безъ всякой мысли о томъ, чтобы пользоваться своимъ положениемъ, Меркуличъ понималъ по-своему.

«Не м'яшаеть», думаль онъ, «им'ять въ зят'я своемъ такого челов'яка, который такъ воспитань или такъ ловокъ, что везд'я прол'язеть».

Но, захлопотавшись по дёламъ своимъ, Меркуличъ, повидимому, совсёмъ забылъ объ Елатомскомъ, и только на третій день чослё своего пріёзда почему-то ввдумалъ заговорить о немъ, сидя въ однихъ носкахъ и въ одномъ вижнемъ бёльё, въ спальнё у жены своей.

--- Ну, что, -- равнодушнымъ голосомъ, какъ о чемъ-то постороннемъ, спросилъ онъ: -- какъ идутъ дъла: слаживается или... гого... провъвалв?

Въра Георгіевна съла около него на диванчивъ, вздохнула и проговорила.

— Да, Троша, кажется, ндетъ на ладъ. Только вотъ, у него еще мъста нътъ...

— Ги!.. онъ, значить, такъ и говорить, что будь у него ивсто, онъ бы... того... Ги! дбло! воотныкъ Европы.

— Да, важется, что тавъ... А какъ ты дунаешь, — добавила она, помолчавъ, — могутъ они видёться?..

--- А вто же имъ запретилъ!--- з'ввая во весь роть, проговорилъ Трофимъ Евлампіевичъ.

--- А если что-нибудь этакое... -- робко произнесла Вира Георгіевна, поглядывая на окиснувшее отъ сна и жары лицо его.

Трофимъ Евлампіевичъ очень хорошо пональ, что она хочеть сказать, но прикинулся, будто не понимаеть.

Иная благовоспитанная русская маменька, можеть быть, совершенно спокойна въ отношения къ своей дочкъ, хотя бы женихъ этой дочки наждый вечеръ потихоньку отъ всёхъ обнималь и цёловалъ ее. Вёра Георгіевна думала иначе: на ел роднит, въ греческой семьё, никто, никогда бы не повёрилъ въ благоравуміе поцёлуевъ, или въ платонизмъ объятій.

- Что-жъ это такое... этакое? -- повторилъ супругъ, освёжившись холоднымъ квасомъ.

- Фу! Мало ли что можеть быть, люди молодые.

--- Да что же тавое можеть быть, воли она ему отвазала... Не влечеть, значить... Не по хорошу миль, а по милу хорошть... Тавъ-то!

- А если онъ опять посватается?

— Ну, такъ что-жъ?

- Ну, и будуть вести себя, какъ женихъ съ невестой...

— Ну, и повёнчаемъ, — съ сердцемъ договорилъ Меркуличъ. Не́што мы, когда ты была моей невёстой, дурачились, а? Чтоже ты это выдумала? Али на тебя дурь нашла?

Въра Георгіевна покраснъла.

---- Ныньче въкъ другой, не тъ люди... Все другое, --- проговорила она, какъ-би оправдываясь.

--- Ну, матушка... И туть Трофимъ Евлампієвичъ привелъ ей такую русскую пословицу, когорую повгорить печатно нѣть никакой возможности. Даже Въра Георгіевна, и та сморщила свой нось и проговорила:--фу! какая гадкая пословица!

Горничная принесла только-что вычищенные сапоги и платье, и Меркуличъ, свирбпо сдвинувъ брови, сталъ натигивать на себя сапоги, потомъ повязалъ галстухъ, напялилъ на себя сюртувъ,

(не безъ помощи супруги, которая всунула ему одну руку въ лёвый рукавъ), пощупалъ, въ карманё ли письма и очки, о чемъ-то подумалъ и вышелъ.

А Въра Георгіевна совершенно успоконлась: она уже убъдилась, что мужъ браку Зон съ Владиміромъ Григорьевичемъ препятствовать не будеть; что Зоя смъло можеть съ нимъ видаться, даже кокетничать—даже увлекать его.—Не бъда! повънчають! Къ тому же, подумала она, никакой бъды быть не можеть: Клара Петровна будеть строго наблюдать за ихъ поведеніемъ. Она же будеть молча радоваться, глядя на ихъ пламенную взаимность и внушать, внушать!.

И воть она тотчась же пошла въ дътскую съ намъреніемъ внушить Зов нъчто, въ висшей степени правственное и честное. Но Зою застала она за ширмочкой, на постели, съ французской книжкой въ рукахъ, и ничего не внушила. Сказала только, что читать лежа въ жаркую пору вредно; что сынъ Клары Петровны именно отъ этого самаго и съ ума сощелъ.

--- Да мы всё этакъ любимъ читать, --- замётила Юлинька. -- потому что весь день неглиже... Ну, и лежа гораздо пріятнёе.

-- Воть посмъй ты у меня только, только посмъй! -- пригрозила, ей мать и тотчасъ же вышла.

И тотчась же Юлинька взяла свою грамматику, легла на свою кроватку, подчяла ноги и вслухъ стала долбить урокъ свой.

— Да перестань! — съ досадой сказала Зоя, вскочила съ ностели и пошла искать себё въ дом'в какой-нибудь другой уголокъ, где бы ей было хоть сколько-нибудь уютнее, где бы никто не пом'вшалъ ей ни читать, ни мечтать, ни думать.

Убѣдившись, что папаши дома нѣть, Зоя прошла въ гостиную; подогнувъ ноги, сѣла на подоконникъ и стала читать. Окно было открычо; ставни притворены; яркая полоска солнечнаго свѣта позолотила ей волосы, прошла по ея плечу и голому локтю.

Иногда въ щели, между ставнями, Зоя прикладывала глазъ свой и та же солнечная полоса отчетливо отбрасывала ей на щеку стрёльчатыя тёни приноднятыхъ рёсницъ, а въ этихъ тёняхъ, какъ черный бриллантъ, загорался и мелькалъ ен зрачокъ; потомъ на всемъ ел личикъ являлось кавое-то млёющее ожиданіе, что-то похожее на безнадежность или на текое душевное настроеніе, при которомъ все прочитанное въ романѣ, какъ бы ни билъ онъ нелёнъ и фантастиченъ, кажется чёмъ-то реальнымъ, а все реальное чёмъ-то въ родъ тяжелаго сна, котораго никакъ одолёть нельзя. Жизнь не похожая на романъ, жизнь безъ любвя, тайвыхъ сведавіё, поцёлуевъ и проч. и проч., для Зон была

въстникъ ввропн.

именно тотъ тяжелый сонъ, отъ вотораго ей хотёлось какъ можно сворёй очнуться. — «Лучше страдать, чёмъ такъ прозябать», думала бёдная Зоя. «Лучше бёжать на врай свёта, чёмъ въ одной комнатё жить съ этими несносными дёвчонками!»

III.

Быль дебнадцатый чась дня. Хавазовь только-что выбрился и, умытый, сидёль у себя въ комнатё въ зеленомъ шелковомъ хадатё, въ туфляхъ и, откинувшись на задокъ сафьянныхъ креселъ, занимался тщательною отдёлкою крупныхъ ногтей своихъ. Онъ былъ въ хорошемъ настроении духа, потому что вчера въ палки выигралъ около двухъ тысячъ: везло такъ, какъ давно не везло.

Изъ раскрытаго окна вътерокъ подувалъ на полуобнаженную, волосатую грудь, и относилъ голубой дымъ сигары, которая торчала въ зубахъ его; руки пахли одеколономъ; подъ ногами на полу стояла тоже сафьянная скамеечка.

Въ трехъ шагахъ отъ него, на диванѣ, развалясь, полулежалъ пріятель его Сашинъ, надъ которымъ онъ постоянно труннлъ, н котораго какъ-то особенно любнлъ за то, что тотъ ни разу съ нимъ за это не поссорился; за то, что тотъ никогда не отказывается идти на вечеръ туда же, куда и онъ идетъ. Отлично ѣстъ н пьетъ и въ преферансъ играетъ, — «дворянская косточкя!» думалъ про него Хавазовъ.

Сащинъ зналъ уже о клубномъ выигрышѣ Хавазова и зналъ, что въ этотъ день влость его будетъ самаго безобиднаго свойства, будетъ подправлена не задирательнымъ, а весело подтрунивалщимъ смѣхомъ, съ тѣмъ же оскаливаніемъ зубовъ, но безъ той же желчи. Къ тому же, Сашинъ тавъ привыкъ въ злорадному ржанію Хавазова, что безъ него ему было скучно.

— Воображаю себь, — говориль Хавазовь о наконъ-то новопрівзжемъ франтв, — какъ этогь петербургскій маменькинъ сынокъ будеть финтить въ Тифлисв! Видвль ты, съ какимъ хлыстикомъ расхаживаеть и какимъ козыремъ? Ха, ха! Какъ же!... Показываль мнв греческіе костюмы: феску, куртку какую-то атласную, шитую волотомъ. Что это такое, говорю?... Да это, говорить, мой костюмъ, нарочно, говорить, ваказываль:—на прошлой масляницё у графа Салтыкова въ маскарадъ былъ. — Везу, говорить, съ собой къ Тифлисъ. Дуракъ, а предвидить, значить, что въ Грузіи маска-

рады затёются. Какъ же!.. Безъ маскарадовъ невозможна никакая цивилизація. Охъ, ужъ эти мий цивилизаторы!

Сашинъ глядёлъ въ овно и какъ будто не слушалъ.

— А ты былъ сегодня утромъ въ маскарадъ? — спросилъ Сашвнъ, намекая на купальню.

— Нѣть!... проспаль.

- Гдѣ же ты ныньче вечеромъ?

— Еще не знаю. Звали на преферансъ въ Росконаки – да не знаю. А ты гдъ?

--- Тоже не знаю. Ахъ, да, собираюсь быть у этого Меркулича, знаешь?

— Охота тебѣ таскаться къ этому скоту Меркуличу. Тоже, виноградники въ Крыму покупаеть... Какъ же!.. Терпѣть не могу этого.прохвоста, съ позволенія сказать. И всегда бѣсило меня, что этотъ графъ, бывало, руку ему подаеть. Скажите пожалуйста!.. Написалъ человѣкъ, что въ 10 лѣтъ въ Ялтѣ новыхъ 10 домовъ прибавилось, да что въ Керчи, а не въ Өеодосіи, долженъ быть портъ устроенъ, его сіятельство и улыбается... Терпѣть не могу... Что тебѣ за охота?..

--- Господинъ Меркуличъ!---доложилъ, появившись въ дверяхъ, камердинеръ, и, судя по испуганнымъ глазамъ его, точно недо-умъвалъ: слъдовало ли или не слъдовало ему докладывать.

Хавазовъ, вмёстё съ сигарою, перекосиль роть и поглядёлъ на Сашина. Сашинъ поглядёлъ на Хавазова.

- Зачёмъ это его чорть принесь?-проговорилъ Хавазовъ.

--- Позови, узнаешь, --- отвёчалъ Сашинъ, не двигаясь ни однимъ суставомъ.

--- Проси!--- свазалъ Хавазовъ и, взявъ съ туалета маленьвія ножницы, занялся заусеницей на большомъ правомъ пальцъ.

Вониелъ Трофимъ Евлампіевичъ въ сюртувѣ форменнаго темнозеленаго цвѣта, но безъ форменныхъ пуговицъ, съ старой, немного помятой шляпой, которую, входя, держалъ онъ надъ животомъ, и тотчасъ же опустилъ, когда Хавазовъ, слегка вивнувъ головой, молча протянулъ ему два пальца.

— Зналь, что застану! — началь гость, стараясь быть какъ можно развязнёе. — Ну, ей-Богу, зналь! Тавъ и шелъ въ увёренности... День воскресный, думаю — отплачу визить. — Ну, вотъ, и вы здёсь, милёйшій человёкъ, — обратился онъ въ Сашину и, подойдя въ нему довольно фамильярно, обнялъ его за талію. — Что это вы, милый, давно у насъ не были?

Сашинъ не пошевелился.

- А вы во мнѣ по дёлу, или такъ? - спросилъ Хавазовъ,

вынувши сигару изо рта и повернувши въ гостю длинное, вубастое лицо свое.

— Какія д'вла, помилуйте!..

- Ужъ не хотите ли новый подрядъ ввять? А?..

Меркуличъ озадаченными глазами погладёль ему въ глаза и засмёялся.

- Ну ихъ-съ этими подрядами!

— А что? или довольно дескать, а? — уже ядовито подсмёнваясь, началъ Хавазовъ и потрепалъ рукой по тому мёсту своего хадата, гдё былъ карманъ. — Не сребролюбивы же вы, почтеннъйшій!

Трофимъ Евлампіевичъ присвать на стулъ, слегва свривилъ ротъ и, какъ-бы рёшась не сдаваться, началъ:

--- Нёть, я сребролюбнев. Кто же не сребролюбнев, Захарь Николаевичъ! я люблю деньги --- да вёдь и вы ихъ любите ---только, ради Бога, не считайте вы меня такимъ богачомъ, что... Ну, воть, право же, въ пять разъ могъ бы богаче быть, да совёсть одолёваеть... Ей Богу!

— Полноте, почтеннъйшій, какая совъсть! А по скольку вы скупали векселя графа Гиккела? Смотрите, не обмишурьтесь. Ничего, ни лысаго чорта онъ вамъ не заплатитъ.

— И потеряю... Пять тысячъ и 600 рублей потеряю, — что дѣлать!

- А выгодно вы вупили въ Крыму виноградники?

- А сволько съ васъ просить этоть Сызрановъ - а?

- Да шесть тысячь... Шутва свазать, гдъ я ихъ возьму?

— За 100 десятинъ — шесть тысячъ не дорого. Если вы не вупите, я вуплю. Сашинъ, вупимъ? Своего собственнаго издёлія будемъ вино пить, хочешь? ха. ха. ха!

--- Такъ, по-вашему, шестьдесять рублей за десятиту запущеннаго виноградника не дорого?

— Дешевле пареной рёпы!

--- Гы! А если я вуплю по 50 рублей десятину, дедите вы миż 60?

— Да сважите вы мий: на вой лядъ вамъ виноградника? Крымъ съ году на годъ пустветъ, разваливается... скоро тамъ жить будеть негдъ. Али вы за дочерью въ приданое хотите дать?..

- А можеть быть и дамъ, воли вуплю.

— А женихи есть?

— Хоть нёть, такъ будуть.

666

- А вашъ Елатомскій, что-жъ онъ не женится!

- А дайте ему м'ёсто въ тысячу рублей, можетъ быть-и женится.

--- Мѣсто?.. Гм!.. Молово еще на губахъ не обсохло. Кавое же ему мѣсто дать? На что онъ годенъ?..

У Хавазова была особенная страсть трунить или дурно отзываться о тёхъ, вого любать или кого хвалять.

— Дайте ему сначала мёсто и увидите: годенъ-ли, — возразилъ Меркуличъ. А то, что онъ? ни Богу свёча, ни чорту вочерга, — такъ только землю бременить.

— Ужъ точно, что землю бременить! А что, сами вы пришли ко мнё, или онъ просиль вась, чтобы вы ко мнё обратились?

--- Признаться сказать, онъ именно просилъ меня обратиться къ вамъ... Но... какое же я могу имъть на васъ вліяніе... никакого... не такой я человъкъ, чтобъ за кого-нибудь просить...

Пока Меркуличъ говорилъ это, Сашинъ приподнялъ голову, и поглядълъ на ухмыляющагося хозяина.

— Я такъ и сказалъ ему, — продолжалъ Мервуличъ, разведя руки и слегка нагнувъ свою круглую голову, — такъ и сказалъ; захотятъ — сдёлаютъ, не захотятъ — не сдёлаютъ.

--- Гм!.. (Хавазовъ весело оскалилъ зубы) --- Хорошо-съ! А если я съ васъ за это возъму взятку...

— За что?

— А за это...

--- Почему же взятку? Воть, если вы дадите мит вексель, то съ маленькими процентами, -- извольте...

— Знаемъ мы ваши маленькіе проценты!.. ну, а безъ вевселя? На лицё Меркулича сперва изобразилось что-то въ родё недоумёнія, даже брови приподнялись... потомъ онъ захохоталъ.

- Какъ безъ векселя?

— Да такъ... На честное слово...

— Да какъ же это на честное слово? Ну воть, я живу натый десятовъ; вотъ, у меня, извольте поглядъть, какая плёшь начинается, а Господомъ Богомъ поклянусь, что никто еще и 25 рублей не далъ мнъ на честное слово.

— Да его, можеть быть, и нёть у вась.

— Чего? Честнаго-то слова нёть? да такое же, какъ у всёхъ, совершенно такое же. Родному отцу не повёрю... Кто же въ наше время честному слову вёрить?.. Что вы, Иванъ Ивановичъ, на это скажете, — обратился онъ въ Санину.

Сашинъ ничего не сказалъ, только налился вровью пуще прежняго.

667

- Ну, это еще бабушка на-двое сказала, — возразня Хавазовъ, — это еще неизвёстно. Впрочемъ, мнё теперь вашихъ денетъ и не нужно-съ... Не нуждаемся, Трофимъ Евлампіевичъ. Мнѣ прислали оброкъ, такъ какъ я уже вамъ и докладывалъ, что я оброка жду. Ха, ха, ха! Сашинъ, не надо ли тебѣ, братецъ, денегъ? а?..

- Спасибо!..-промычалъ Сашинъ.

— Мнѣ тоже не надо. А что васается до этого молодца, Елатомскаго, то дѣйствительно у насъ въ канцелярія открывается одно мѣсто. Только почему же онъ самъ нейдетъ ко мнѣ, а васъ, своего будущаго тестя, выбралъ въ посредники. Пришлите его ко мнѣ, — погляжу. Семенъ! — крикнулъ онъ въ дверь и, поввонилъ въ колокольчикъ:

--- Вёдь, я думаю, этоть вашъ Елатомскій и докладной записки самъ написать не съумёсть... Знасмъ мы этихъ, университетскихъ!

Хавазовъ опять позвоннать въ воловольчивъ.

Въ дверяхъ повазался камердинеръ.

. — Сволько ты мив разъ звонить прикажешь... болванъ!.. Одвваться.

Хавазовъ одной ногой отодвинулъ скамеечку и, запахнувши халать свой, даль почувствовать, что воть онъ сейчасъ встанеть и начнеть одбваться.

Меркуличъ тотчасъ же это почувствовалъ и своею шляпой опять прикрылъ желудовъ свой.

— Значить, позволите обнадежить и направить къ вамъ молодого человъка... подъ ваше, такъ сказать, покровительство? — сказаль онъ вставая.

- Можете, можете... а тамъ увидниъ! Прощайте.

--- Ну, я васъ больше не безпокою... Прощайте, ваше превосходительство!

Хавазовъ опять протянулъ ему два пальца.

--- А вы, милъйтий, когда же это вы ко мнъ соберетесь, --- обратился Меркуличъ въ Сашину.

--- Да вотъ... почемъ знать! Если ничто не помъшаетъ, сегодня вечеромъ забреду въ вамъ на чашку чаю.

— И великолѣпно!.. До свиданія, значить...

Едва онъ вышелъ, какъ Хавазовъ оскалилъ зубы и заржалъ отъ удовольствія.

- Ну что, не говорнить я теб'я, что Елатомский женится!?.

--- Это асно!-- пробормоталъ Сашинъ, вытирая фуляронъ вспотвещее лицо свое.

— А ты еще спориль...

— Какая однако же бестія, этоть Елатомскій!.. Не дальше какъ третьяго дня, вообрази, встрѣчаю... Ну, что? говорю... Хотите, говорить, я вамъ Зою Трофимовну посватаю? Я говорю: сватайте... шутя, разумѣется... Хорошо, говорить... и хоть бы намекъ о томъ, что самъ за ней пріударяеть, — никакого намека!.. Какой каналья!.. Дай ему, видишь, какое-нибудь мѣсто, и онъ тебя же въ посаженые отцы попросить... Эхъ!.. знаены что? — добавилъ Сашинъ, до такой степени разгорячась и приходя въ пасосъ благороднаго негодованія, что одна рука его сжалась въ кулакъ и все туловище пришло въ какое-то колебаніе: — Лукавство, подъ видомъ идеальнѣйшаго простодушія, чутьчуть не младенческой чистоты, воть что ужасно!.. Ныньче же постараюсь уличить его.

— Да, чорта съ два, получитъ опъ м'есто! облекаясь въ лётній пиджавъ, проворчалъ Хавазовъ.

IV.

Прошла недбля съ тбхъ поръ, вакъ Бавинъ объявилъ Елатомскому, что онъ и Эвина убъявають, но...

Эвина, какъ благовоспитанная барыня, не хотѣла ѣхать на счетъ Бавина, а у ней самой деньги были на исходѣ. Денегъ отъ мужа, который далъ ей паспортъ и весьма охотно отпустилъ ее на всё четыре стороны, лишь бы она къ нему не являлась ни подъ какимъ предлогомъ и никакихъ претензій не имѣла ни на него, ни на дочерей, — денегъ отъ мужа Эвина ждала не раньше первыхъ чиселъ августа, и подъ разными предлогами уговаривала своего Адріана не спѣшить въ деревню...

- Къ чему спѣшить, -- говорила она: -- отъ добра -- добра не ищуть. Я счастлива, мнѣ и здѣсь тепло...

Нечего и говорить о томъ, что Эвина скорѣе удавилась бы, чѣмъ пошла бы къ кому бы то ни было на содержаніе... Бавинъ даже и не подоврѣвалъ, что у ней денегъ нѣть...

Одна надежда оставалась ей: попросить въ займы у Сызранова. Зашелъ Елатомскій, и она стала просить его разузнать: воротился ли Сызрановъ изъ Крыма, продалъ ли свои виноградники и гдё остановился.

Елатомскій выслушаль ся просьбу и сказаль:

- Пожалуй... Но отъ вого же я это узнать могу?..

Тонъ II.-Апрыл, 1879.

43/15

въстникъ вврощн.

— Да узнай оть Меркулича – говорять, онъ покупаеть его виноградники...

— Да я не хожу въ нему...

- Это почему?

- Да такъ... что мнё тебё объяснять?.. не хочу да и только... А что, сестра, читала ты «Гамлеть Щигровскаго убада» — Туртенева? - А?

- Нѣть еще, не читала...

— Прочти...

- Что же это такое?.. почему именно тебя интересуеть этоть Гамлеть?.. и почему ты такимъ страннымъ голосомъ сказаль инъ: прочти!

- Не знаю, какое разсказъ этоть на тебя произведеть впечатлёніе; а я цёлый день не могь оть него усповонться, цёлую ночь спать не могъ. Многое онъ мнъ уяснить... Чорть возьми!.. Въришь ли?.. Да что говорить! Если ты не читала, то... ты и не поймешь меня, -- да если и прочтешь, можеть быть, не поймешь. Ты-оригинальная женщина. Бавинъ, хоть и гегелисть, тоже въ своемъ родъ оригиналъ; а я?.. Есть ли во мнъ что-нибудь оригинальное?.. я тоже, вавъ будто и любаю, и трушу: и волнуеть меня всякій вздорь... и, какъ муха въ паутинъ, путаюсь я въ своихъ собственныхъ мысляхъ... Вотъ, у тебя сегодня, сестра, такое веселое, счастливое лицо, ну, и давай по этому поводу равсуждать съ тобой по-гамлетовски!

-- Веселое лицо!.. а въ сущности миъ, брать, не весело. Не дальше, какъ часъ тому назадъ, у меня былъ разговоръ съ Адріаномъ... Я... ты знаешь, отвровенна... онъ присталъ во мнъ. чтобъ вхать... я сказала, что я дожидаюсь Сызранова, оть котораго мнё слёдуеть получить деньги... Какія? спрашиваеть. Оть мужа, говорю. Оть какого мужа?... Оть моего, говорю... Онъ свлъ въ уголъ и надулся... И тебѣ не совъстно, говорить, получать деньги съ человъка, съ которымъ ты не живешь, котораго не уважаешь, не любишь... и на эту тэму столько наговорнать мнѣ разныхъ вещей, что я не знала, что отвѣчать ему. Адріанъ правъ, совершенно правъ, но какъ же жить безъ денегъ?..

— Значить, и правъ, и неправъ, — усмѣхнувшись отвѣтилъ Елатомскій.

— Я только тёмъ его и усповоила, что эти деньги вовсе не мужа, а мон, — обровъ съ моего же имънья. — И онъ на это ничего не возражалъ тебъ?

— Ничего.

- Гм! а ты бы его спросила: не совъстно ли и ему полу-

Digitized by Google

670

чать деньги съ врестьянъ, съ вогорыми онъ тоже не живетъ. Эхъ! что бы тебё стоило спросить!.. Впрочемъ, далеко еще напъ до такой совёстливости... Вотъ и мнё отецъ прислалъ 100 рублей, тоже, чай врестьянские... А дюбить или отдаться влечению сердца — совёстно!.. Чортъ знаетъ, что такое!..

- А ты, брать, все еще влюбленъ... въ эту... Зопо... нан еще въ кого-нибудь?..

- И самъ не внаю... Ну, точно «Гамлеть Щигровскаго увзда»! Чорть возьми!.. Съ тёхъ поръ, какъ я на отрёзъ сказалъ ей, что я никогда не женюсь на ней, и что любить ее не нахожу никакой, — ни физической, ни правственной, возможности, съ тёхъ поръ, ну, такъ воть и тянеть... зайти, поглядёть, ношутить съ ней, поболтать... такъ и тянеть... Ей-Богу!.. Господи! хоть бы нищая она была... или хоть бы горничная какая-нибудь, было бы легче... Кажется, если бы я встрётилъ ее въ обществё падшихъ женщинъ, я воспользовался бы ея любовью, чтобъ вытащить ее изъ грязи, нравственно поднять и просвётить ее... былъ бы хоть подвигъ съ моей стороны, — а то... Меркуличъ... дочь бывшаго взяточника и афериста... о которомъ... право, если только половину вёрить тому, что говорать... руку протянуть совёстно...

— Что же ты намбренъ дблать?.. ббдный мой, ббдный Владиміръ!..—съ нбжнымъ участіемъ спросила его Нина.

— Ничего не нам'тренъ... Разв' Гамлеть знаеть, что онъ будетъ дѣлать?.. И, знаешь, до чего я могу дожить?.. До того, что будутъ не замѣчать меня, пренебрегать, считать хуже всякаго, на чужой счетъ, съ фальшивыми въсами, разжившагося лабазника; хуже всякаго тува-негодяя, или лакея съ гордой миной, разжиръвшаго отъ подачекъ, купленныхъ лестью и поклонами... Эго весьма можетъ быть, Нина... Прочти «Гамлетъ Щигровскаго уъ́зда» Тургенева.

Эвина видёла, что Елагомскій разстроенъ, что никогда еще на свою будущность не смотрёлъ онъ такими глазами, сквовь такія черныя очки, — и, насколько могла разговорами и смёхомъ развлекать его, развлекала, т.-е. сама надёла розовыя очки и въ розовомъ сіяніи стала казать ему его будущность. — Только не женись, добавила она, полюби женщину такую, которая могла бы вполнё сочувствовать твоему благородному сердцу и понимать твои стремленія.

--- У меня одно стремленіе, Нина, --- что-нибудь дёлать... До такой степени противно мнё мое бездёлье! Но что дёлать, что начать, къ чему пристать, къ какой плодотворной дёятельности себя пріурочнть! — убей меня Богъ, — не знаю! Я начнаю думать, чю, или я ровно ни на какое дёло не гожусь, или потому только не гожусь ни на какое дёло, что нёть праведныхъ дёлъ, нёть дёлъ, которыя бы нуждались въ молодыхъ, честныхъ, непочатыхъ силахъ... Вся надежда на Кавказъ; тамъ, какъ кажется, идетъ работа, которая объщаеть въ будущемъ принести золотые плоды. Но, кажется, и на Кавказъ надежды нётъ. Крылья связаны у меня безденежьемъ, и нётъ миё пути... «Всё пути мнё ваказаны!»

Елатомскій задумался и пропустиль мимо ушей цёлый потокъ великолёпныхъ фразъ, которыя полились изъ усть Нины Александровны...

Ничего не возражая, молча, просидѣлъ онъ съ полчаса, потомъ, тряхнувъ головой, сказалъ: ну, что будетъ, то будетъ! Прощай, сестра!

— Узнай же, пожалуйста, пріёхаль ли и гдё остановился Сызрановъ, — напомнила ему Нина, дружески, врёпко, пожавь ему руку и до дверей проводивъ его.

٧.

Бавинъ, по поводу вышеприведеннаго Эвиной разговора съ нимъ, воротившись домой, тотчасъ же принялся за перо и написалъ ей письмо, излагая ей, что, рано или поздно, оба они должны готовиться въ тому, чтобъ жить на свои собственныя средства, — трудомъ заработывать право на жизнь.

Богъ вёдаетъ, почему это вздумалъ онъ «писать», когда и такъ, чуть ли не каждый день видался съ ней. И какимъ именно трудомъ, думалъ онъ, можетъ Эвина заработывать жизнь свою, тогда какъ онъ, отказавшись отъ казедры, а стало быть и отъ жалованья, самъ не зналъ, чѣмъ, какимъ трудомъ, будетъ онъ заработывать деньгв? Или онъ надѣялся, что его «Феноменологію духа», если онъ ее напечатаетъ, будутъ раскупать, и вся Россія будетъ читать ее, и, просвётленная разумомъ, почуя въ себѣ Бога, увѣнчанная цвѣтами и лаврами, подъ музыку, торжественно и побѣдоносно, пойдетъ по пути прогресса... «Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ».

Запечатавъ письмо облаткой, Бавинъ кликнулъ Аксёна и сказалъ:

- Эту записку отнесешь ты къ Нинѣ Александровнѣ...

---- Не понесу!---отвѣтилъ Авсёнъ такъ смѣло и дерзко, что Бавинъ остолбенѣлъ и вскинулъ на него удивленные глаза свои.

---- Огчего же ты не понесепь?--помолчавъ немного, спросилъ его Бавинъ.

---- Что хотите ділайте, хоть на кострі меня жинте, хоть распинайте!----не объясняя причины, горячо ваговорнить Аксёнь, не глядя на своего барина, и какъ-бы опасаясь увидіть гийнь на лицт его.

--- Гм! такъ ты не хочешь у меня служить, --- сдерживая себя, сдержаннымъ голосомъ, тихо проговорилъ Бавинъ.

- У вась до гробовой досви готовъ...

- Ступай вонъ!

Авсёнь тотчась же вышель.

Бавинъ съ полчаса сидълъ, понуривъ голову, и о чемъ-то думалъ, пощинывая подбородовъ свой.

— Авсёнъ!

Авсёнь показаль изъ-за двери свою голову. Глаза его были врасны, лицо смутно. Тому, кто въ эту минуту, ничего не зная, заглянуль бы ему въ лицо, оно повазалось бы заспаннымъ.

— Не понесешь записки?

Аксёнь, молча, покосныся на ного и погупился.

--- Ну, оставайся здёсь, въ Одессё: -- вдёсь я дамъ тебё паспорть, а изъ деревни пришлю тебё вольную...

Аксёнъ вспуганно поглядёлъ на барина.

- Зачёнь меё вольная!..- проборноталь онъ...

Не поёхать въ деревню, пе дохнуть роднымъ воздухомъ, не увидать ни старой рощи, ни дяди Трифона, ни тётви Мароы, ни Мароутки племянницы; не посидёть на томъ крылечкё, на тёхъ вытертыхъ ступенькахъ, гдё онъ, будучи ребенкомъ, снянвалъ; не лазить по той крышё, съ которой онъ когда-то голубей гонялъ, и ни одной знакомой горничной орёхами или тыквенными сёмячками не поподчивать, а остаться въ Одессё, да поступить на службу къ какому-нибудь незнакомому барину--все это показалось Аксёну такъ ужасно, что и воли ноказалась ему чёмъ-то для него обиднымъ и огорчительнымъ. Ему въ эту минуту и въ голову не пришло, что съ вольной онъ можеть точно также когда-нибудь вернуться на свое родное пепелище.

--- Что мий вольная!--- проговорнать онъ, стоя бовожь и вертя желёзную ручку двери... точно эта ручка была виновата, и онъ хотёль въ наказаніе сломать ес.

- Что же теб' сдвлала Нина Алевсандровна?

673

--- Она мнѣ ничего не сдѣлала... Что она мнѣ сдѣлала?... Ничего она мнѣ не можетъ...

— Такъ за что же ты? — хотѣлъ было спросить его Бавинъ, но что-то какъ-будто ущипнуло его за сердце: — онъ вспомнилъ, что Аксёнъ перемѣнился въ нему, — сталъ какъ-то не́хотя служить ему, даже хозяйскую посуду бить, именно съ тѣхъ поръ, какъ занемогла Эвина, съ тѣхъ поръ, какъ онъ цѣлыя ночи сталъ у ней просиживать. Онъ вспомнилъ, съ какимъ недовольнымъ лицомъ отворялъ онъ ему ночью дверь, когда Карай веселымъ вивгомъ встрѣчалъ его позднее возвращеніе.

Бавинъ смутно понялъ, что его слуга не доволенъ его поведеніемъ, и — смутился... Неужели, подумалъ онъ, — вто-нибудь знаетъ, — смёвтъ догадываться!.. Почему же Елатомскаго онъ не иодозрёваетъ, даромъ что тотъ иногда и вовсе дома не ночуетъ? Почему Елатомскій имёетъ право возвращаться поздно, а я не имѣю?.. Гм!...

И превративъ разговоръ свой съ Аксёномъ, Бавинъ на объденномъ столъ позабылъ запечатанное облаткой письмо свое, и мрачный ушелъ въ свою комнату.

Аксёнъ же, Богъ знаетъ, зачёмъ прошелъ сперва въ пустую комнату Елатомскаго, Богъ знаетъ, для чего, машинально, взбилъ нодушку на его постели, поправилъ на столё подоженныя книги, ---ребромъ поставилъ ихъ къ стёнкё, и, на обратномъ пути въ переднюю, какъ-бы нечаянно, мимоходомъ захватилъ забытое на столё письмо къ Эвиной и минуты черезъ двё, съ фуражкою на головё, былъ уже на улицё.

Чтобы объяснить поведеніе Авсёна, слёдуеть только одно сказать: ни Акулина, горничная Эвиной, ни онъ — не върили въ болёзнь ся. Прикидывается, — думала горничная, — не въ нервый разъ ей штуки-то эти продёлывать!.. Притворяется... ---облапошить хочеть, — говорилъ Аксёнъ, дёлясь съ Акулиной своими мыслями... Ишь, больная! — Какая же больная, коли во всю щеку румянецъ такъ и пышеть! Ишь ты, въ постель разлеглась! — Энатную штуку придумала...

При этомъ нужно вспомнить, съ какой гордостью сказаль однажды Ансёнъ Ельтомскому, что баринъ его святой. Мало того, не разъ, за воротами онъ, балагуря съ сосъдними горничными, хвастался имъ, что, какъ ни верти онъ хвостомъ, — шалищь! — барина его не осъдлаещь, не таковский! Не то-что какой-нибудь...

И вдругъ, эта прівзжая барыня, къ которой ненависть Акулины и къ нему сообщилась, — барыня, уже не молодыхъ лётъ, —ваворожила, причаровала, одурачила!

Иначе нельзя и объяснить себё поведеніе Аксёна, который, дъйствительно, не только совершенно иначе относился въ Елатомскому, но самъ готовъ быль познакомить его съ какой-небудь разудалой девушкой, нарядившейся въ платокъ или шляпку своей барышни.

Письмо Бавина передаль онь Авулинь и сказаль: передай барыну.

--- Передай самъ, -- отвёчала она, стоя надъ корытомъ и мыльными руками выжимая вакія-то бёлыя тряпочки, можетъ быть, воротнички, манишки, рукавчики и прочія мелкія туалетныя принадлежности Нины Александровны.

— Ну, вотъ еще толкуй тутъ съ тобой! Есть мий время... И, бросивъ письмо на кухонный столъ, Аксёнъ вышелъ на улицу.

На улицъ, въ трехъ саженахъ отъ воротъ, онъ встрътилъ иолоденькую барышню, очень хорошенькую, блёдную, съ черными LIBSEBNU...

— Не знаете ли вы, гдъ живеть г-жа Эвина?.. — робкимъ голоскомъ спросила его барышня.

Съ Авсёна тотчасъ же сошла вся суровость, онъ любезно предложилъ ей свои услуги, воротился, и черезъ растворенную калитку показалъ ей на нивенькое крылечко.

— Пожалуйте, вонъ туда, сударыня. — Онв-съ туть живуть... ----туть ихъ самая квартира...

Барышна поглядёла въ калитку, постояла, подумала, и, вийсто того, чтобъ войти на дворъ, прошла мимо воротъ.

Авсёна это немножко удивило, долго глядблъ онъ, какъ легко ступали ся маленькія ножки, развёвалась лента и волыхалось быле платьние...

«Хоть бы этакую... не ей чета», подумаль онь о своемь баринв... «По врайности, молоденькая... да еще дъвица... барышня, должно быть... Какіе глаза чудесные, расчудесные!.. Есть же выдь такое канальство!.. И зачымъ это только на свътъ бабы живуть?.. - Безъ нихъ и гръха бы не было. - Ей **Bory!...**»

Сашинъ сдержалъ свое слово, и вечеромъ, того же дня, отправился въ Трофиму Евлампіевичу. Онъ давно былъ неравнодушенъ въ Зой и, тая отъ всёхъ

безысходную страсть свою, вздыхаль по ней и ревноваль въ ней

издади... Всю прошлую зиму Зоя и не подоврёвала, зачёмъ онттакъ часто ходить къ нимъ, садится въ гостиной на диванъ, то молчить какъ истуканъ, то разсказывають ей н ся сестрамъ разные смёшные анекдоты и позволяеть дёвочкамъ, чуть не за уши и за носъ теребить себя... — словомъ, было время, когда Сашинъ былъ въ домё Меркулича чёмъ-то въ родё одушевленной мебели. Вёра Георгіевна выносила его, потому-что онъ самъ требовалъ, чтобъ на него никто не обращалъ вниманія. Зоя не разъ подчивала его имъ же самимъ преподнесенными конфектами; Юлинька откровенно насмёхалась надъ несоразмёрной толщиной его. Люлинька называла его «папасей». Одинъ практическій Трофимъ Евлампіевичъ думалъ иногда, что Сашину надоёла холостая жизнь, что онъ мечтаетъ о подругё жизни и въ Зоё высматриваетъ себё невёсту.

Немного знакомыхъ посёщало Меркулича. Все больше дёловые или коммерческіе люди заходили къ нему въ кабинеть. Два-три молодыхъ человёка, изъ сферы мелкотравчатыхъ чиновниковъ, въ манишкахъ и модныхъ галстухахъ, большихъ любителей женскаго пола, но невлюбчивыхъ, иногда, по воскреснымъ днямъ, заглядывали къ нимъ въ гостиную; но Сашинъ, тоже воскресный гость, въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ подмѣчать смѣшную или пошлую сторону и, подстрекаемый ревностью, какъ-то очень ловко въ глазахъ Зои спѣшилъ окарикатурить ихъ. Ему же безпрестанно казалось, что Зоя глядитъ на всѣхъ такими огненными глазами, что каждый брѣющій усы и бороду можетъ, Богъ знаетъ, что вообразить себѣ.

Появленіе Елатомскаго въ стёнахъ, за которыми обитало маленькое божество его, — смятеніемъ и тоской наполнило душу Сашина.

Съ особенной проворянностью онъ сталъ слёдить за его поведеніемъ и на тэму, что Елатомскій фать, что Елатомскій терп'ють не можеть шелку, что чорть знаеть, что воображаеть Елатомскій объ ум'й своемъ, сталъ острить такъ зло и ядовито, какъ еще никогда не острилъ онъ въ присутствіи Зон.

Увы! Зоя уже не смѣялась. Зоя слушала его безъ улыбки, и разъ, въ спальнѣ матери, разговаривая съ Кларою Петровной, назвала Сашина морскою чучелой. (Можетъ быть, Зоя и не подоврѣвала, что онъ уже сидитъ въ гостиной). У Сашина слухъ былъ чутвій. Лицо его налилось вровью и дневной свѣтъ показался ему враснымъ, какъ-будто въ солнечнымъ лучамъ примѣшалось ночное зарево...

Крехтя поднялся онъ съ дивана, почувствовавъ удушье, н

вышель на свъжій воздухь. Съ тёхь порь онь почти-что прекратиль свои посёщенія. Если же и заходиль иногда, то больше няь влостнаго желанія подразнить себя, или изъ любопытства узнать, что дёлаеть Зоя.

Онъ слышалъ, что Елатомскій сталъ у Меркулича чуть не ежедневнымъ гостемъ, что вся семья на рукахъ его носитъ, не знаетъ, гдё посадить, чёмъ угостить и что Елатомскій у нихъ, какъ сыръ въ маслё катается. И что же? — ни разу не удалось ему застать этого Елатомскаго у Меркулича.

Съ весны большую перемёну находилъ онъ въ Зой. Она точно вся въ самой себё сосредоточилась: была уже не такъ рёзва и кокетлива, и глаза ея стали задумчивы, тогда какъ прежде они никогда ни о чемъ не думали, блестёли, какъ блестятъ черные алмазы — и только... То нёчто новое, что появилось въ выражения миловиднаго лица ея, не ускользнуло отъ вниманія Сашина. Онъ рёшилъ, что она влюблена... и непремённо въ Елатомскаго, потому-что въ Елатомскаго всё влюблены, всё находять, что у него чудесные каріе глаза, красиво выведенныя брови и такая нёжная на лицё кожа, что любая дёвушка можеть ему позавидовать.

Неизвёстно, завидовали ли дёвушки цвёту лица Елатомскаго, но Сашинъ въ глубинё души своей завидовалъ ему и ненавидёлъ, хотя и встрёчался съ нимъ, какъ добрый малый съ добрымъ малымъ. Вёсть, разлетёвшаяся по-городу, что Елатомскій женится на Зоё, для Сашина была тёмъ же, что набатный колоколъ для провинціала, предупрежденнаго, что какіе-то злодён, не сегодня-завтра, подожгутъ домъ его или спалятъ весь городъ. Онъ долго этому не вёрилъ и вёрить не хотёлъ; но когда Меркуличъ пришелъ къ Хавазову просить Елатомскому мёста, онъ убёдийся, что это правда. Теперь, — подумалъ онъ, — самъ чорть не разубёдитъ меня!..

И воть, чтобъ раздразнить себя, быть можеть, даже сказать дервость, бросить ядовитое слово, и, такимъ образомъ, какъ-бы винырнуть хоть на минуту изъ той прозы, которая, какъ стоячая, мутная вода, со всёхъ сторонъ заливала его, куда весь съ головой уходилъ онъ, и гдё барахтался, — Сашинъ отправился къ Меркуличамъ.

Но и на этоть разъ не засталъ онъ Елатомскаго и долженъ былъ засъсть играть въ карты, такъ какъ Меркуличъ пригласилъ двухъ преферансистовъ — ради того только, чтобъ составить партию, и тъмъ доставить удовольствие Ивану Ивановичу Сашину. вестникъ ввропы.

«Нътъ, нътъ! мнъ никогда не вынырнуть!» думалъ несчастный Сашинъ, жирными ручками подбирая карты и меланхолическими глазами слъдя за игрой и взятками.

Ему везло — онъ выигрывалъ. Но что значила временная хандра Елатомскаго, навъянная на него разсказомъ о какомъ-то чудакъ-Гамлетъ, передъ этой глубоко-оскорбленной душой, заплывшей жиромъ... Сашинъ мысленно злился даже на то, что выигралъ.

— Ну, а гдъ же вашъ женихъ?.. — спросилъ онъ Зою, когда разъ удалось ему встать изъ-за ломбернаго стола и на нъсколько минутъ перекочевать въ гостиную.

- Его вътъ-лаконически отвъчала Зоя.

- Что вы такое читаете?

-- «Современникъ».

- Кто вамъ даль?

— Сама... взяла...

— Прощайте.

— Развѣ вы уходите?

— Нѣтъ, я еще не ухожу.

Зоя холодными глазами (такъ по крайней мёрё показалось Сашину), поглядёла на него и опять, облокотнышись на столъ, принялась за чтеніе.

Она была очень рада, что ея сестры въ гостяхъ, а гости играють въ карты.

VII.

На другой день Сашинъ, по обыкновению, об'ядалъ все въ той же гостинницъ «London» и, встрътившись съ Хавазовымъ, подтвердилъ ему, что, судя, по всему, Елатомский женится на Зоъ Трофимовиъ.

— Коли дасть взаймы тысячи три-четыре, безъ процентовь, такъ и быть—сдёлаю его (т.-е. Елатомскаго), помощнивомъ столоначальника; поглядимъ, что изъ него выйдеть, — проговорилъ Хавазовъ, скаля зубы.

«Не только взаймы, я и такъ, — въ видъ взятки, не откажусь взять три тысячи. Ей Богу, не откажусь!» уже про себя думалъ Хавазовъ. «Что ему въ зубы-то глядъть — мошеннику!»

Затёмъ начался безконечный разговорь о картахъ — любниый разговоръ Хавазова; да и вообще разговоръ о картахъ на святой Руси замёняеть всякій иной разговоръ между людьми солидными,

ничего вромѣ вреда не видящими въ разговорахъ о земскихъ дѣлахъ, о шеолахъ, о литературѣ или о политивѣ.

Елатомскій же и не подозрёвалъ, что о немъ заботятся. Озабоченный порученіемъ Эвиной (узнать, гдё остановился Сызрановъ), онъ отчасти радъ былъ случаю идти къ Меркуличу, отчасти чувствовалъ нёкоторое безпокойство, въ родё сосанія подъ ложечкой, при мысли о встрёчё съ Зоей. Какими глазами онъ, благоразумный молодой человёкъ, будетъ глядёть на эту влюбленную дёвушку! Неужели онъ будетъ ей мораль читать? «Какъ это глупо!» думалъ Елатомскій... «Какое я ничтожное

«Какъ это глупо!» думалъ Елатомский... «Какое я ничтожное совданье!! Боюсь, что она лишний разъ руку мнв пожметъ! боюсь сплетенъ... и чортъ знаетъ чего! Пойду къ нимъ».

И онъ пошелъ.

Но на поворотѣ въ улицу, гдѣ жила Зоя, на тротуарѣ, встрѣтилъ онъ ся папеньку, Трофима Евлампіевича. Трофимъ Евлампіевичъ былъ не одинъ. Жестикулируя всѣми

Трофимъ Евлампіевичъ былъ не одинъ. Жестикулируя всёми десятью пальцами, онъ разговаривалъ съ какимъ-то юнымъ херсонскимъ помёщикомъ въ сёрыхъ клётчатыхъ брюкахъ и въ сёрой шляпѣ.

«Чего вы боитесь, я непремённо надую вась!» — выражало собой ястребиное круглое лицо коротенькаго Меркулича.

«Ты меня не надуешь, но я все-таки боюсь тебя», — выражало лицо херсонскаго джентльмена.

Меркуличъ хотёлъ по дешевой цёнё купить у него прошлогодніе запасы хлёба, для того, чтобы къ осени заграницу продать его чуть не вдвое дороже. Юный хозяинъ увёрялъ, что ему деньги не нужны (несомнённо вралъ — нужны были до-зарёзу), и что онъ самъ подождетъ продавать свой хлёбъ до осени благо есть магазины, гдё можно будетъ его ссыпать.

До того ли было Меркуличу, чтобъ замѣтить Елатомскаго, но онъ все-таки однимъ глазомъ увидѣлъ его и махнулъ рукой: дескать, погодите, любезнѣйшій!

Елатомскій подошель.

— Извините, Трофимъ Евлампіевичъ, я шелъ въ вамъ, спросить, гдъ остановился Сызрановъ... и вернулся ли онъ изъ Крыма?

— А вамъ зачѣмъ?

- Барыня одна желаеть его видеть: онъ ей нуженъ.

— А ей зачёмъ?.. Воть и мпё тоже нужно васъ видёть... Куда вы запропастились, милёйшій?.. Фу! какая пыль!.. Господинъ Маревичъ! зайдемте за уголъ, здёсь какъ будто потише... А этотъ Сыврановъ поёхалъ сухимъ путемъ: качки, изволите видёть, выносить не можеть. Когда прівдеть—не знаю, а остановиться хо-твль у Отгона въ гостинницв. — Вы въ Крыму были, г. Ма-ревичъ? Я тамъ покупаю виноградники... Жду я этого, Сызра-нова. Еще, чего добраго, придется въ Херсонъ Вхать съ нимъ.

Такъ говорилъ Меркуличъ, поворачиваясь животомъ своимъ

то въ Елатомскому, то въ херсонскому помѣщику. Елатомскій поняль, что въ эту минуту онъ мѣшаеть Мер-куличу обдѣлывать дѣла свои, пробормоталь, что въ наискорѣй-шемъ времени, всенепремѣннѣйше онъ зайдеть въ нему, попросилъ повлониться Върв Георгіевнъ и Зов Трофимовнъ, и съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ домой.

Между тъмъ Бавинъ, сообразивши, что письмо его къ Эви-ной упесено Аксёномъ, ибо само собою оно не могло исчезнуть, успокоился и принялся за свою головоломную работу...

Прошель чась — онъ услышаль шаги Елатомскаго.

- Ты опять куда-то уходишь, Елатомскій. Если увидишь Нину, г-м! спроси ее, получила ли она письмо мое.

— Хорошо. А ты, другъ Адріанъ, получи отъ меня долгъ мой за квартиру и столь.

- Не нужно, прибереги деньги... Я теб' говорю, что не нужно... - разсердился Бавинъ и сморщилъ лобъ свой, освненный вихрами, разлетьвшимися во всъ стороны.

Елатомскій настаиваль (живи онь сь Бавинымь, какъ когда-то съ студентомъ Игнатьевымъ – душа въ душу, онъ бы не настаиваль). Бавинь, по-неволь, должень быль получить слёдуеныя ему деньги, и заперъ ихъ въ столъ, взявши съ Елатомскаго честное слово написать ему о высылей денегь въ минуту нужди или врайности.

Давши ему адресъ своей деревни, Бавинъ спросилъ:

— А гдѣ ты, братъ, сегодня обѣдаешь?

— Объдаю съ полявами у Карруты.

— Съ вавими поляками?

— Да такъ, съ молодыми людьми.

«Какъ это онъ такъ можетъ со всёми знакомиться?» подумалъ Бавинъ. «Вотъ и Нина тоже... Не понимаю...»

Елатомскій заказаль у Карруты дорогой об'ядь на четыре персоны, съ устрицами, спаржой, фрувтами и шампанскимъ.

Изъ числа молодыхъ людей, которыхъ ждалъ онъ, явились только двое: студентъ четвертаго курса Ясицкій и молодой чело-въкъ Зыбко, съ пожилымъ, какъ-бы закаленнымъ лицомъ, съ

рыжеватыми бакенбардами и въ очкахъ, съ синими стеклами, изъ-за которыхъ выглядывали зеленоватые глаза, грустно-мрачные и углубленные...

— Панна Жозефина шлеть вамъ свой повлонъ, — сказалъ онъ Елатомскому.

— А! спасибо. Что же это она не пришла съ вами? Какъ жаль!.. Ну, господа, шестого половина, давайте объдать.

И Ясицвій, и Зыбко были люди недюжинные, у нихъ была цѣль. И такъ какъ у Елатомскаго никакой цѣли не было, они думали перетянуть его на свою сторону. Елатомскій долго поддавался имъ и заслужилъ ихъ полное довѣріе; но они пересолили, и Елатомскій, хотя и не былъ политикъ (думать тогда о политикѣ было чѣмъ-то въ родѣ преступленія), сталъ съ ними спорить.

— Только, почему, по какому праву вы Одессу называете вашимъ городомъ? — возражалъ Елатомский.

— Потому, что намъ нужно море, — отвровенно отвъчалъ дипломатъ Ясицкій.

— Потому, что еще до перваго раздѣла Польши, до границъ врымскаго ханства все это была Польша, — утверждалъ политикъ Зыбко.

— Нёть, туть были турки и — хотите — я найду вамъ свидётеля. Здёсь, въ Одессё, у собора, стоить нищій, длинный, худой старикъ, который говорить, что ему девяносто лёть съ хвостикомъ; я вимой отдаль ему свой сёрый плащъ, за который меня здёсь проввали молью. Я разговорился съ нимъ, и оказалось, что еще при Потемкинѣ онъ былъ здёсь солдатомъ. — «Вишь, какой теперь городъ, говорить, а тогда здёсь былъ край степи и росли травы да бурьянъ, да такъ росли, что человёкъ могъ въ нихъ спрятаться; на берегу стояло турецкое укрѣпленье, на земляномъ валу расхаживали турецкіе часовые и по ночамъ горѣлъ фонарь». — Какой фонарь, гдѣ фонарь — этого онъ хорошо объяснить мнѣ не могъ, помнить только день штурма, — бой и бѣгство турокъ.

Зыбко увёрялъ, что Турція была въ союзё съ Польшею, и такъ какъ этотъ край былъ пустымъ мёстомъ, то его могли занимать то поляки, то турки.

Такимъ образомъ, иногда молодые люди спорили о древнихъ границахъ Польши, и Елатомский, нерёдко, уходя отъ нихъ, забъгалъ въ библіотеку Тотти и искалъ, нётъ ли какихъ-нибудь книгъ, относящихся къ польской исторіи и, разумёется, никакихъ такихъ книгъ не находилъ. Кто же въ то время на святой

•

Руси интересовался такими книгами, кромѣ лицъ спеціально посвятившихъ себя славянству или русской исторія, но такія лица были на перечеть, и не изъ ихъ числа былъ нашъ юноша Елатомскій.

Пока об'йдали молодые люди и пили шампанское, въ первую комнату, гдъ, съ романомъ Эжена-Сю, сидъла конторщица, зашелъ Хавазовъ, закурилъ сигару (тогда еще фосфорныя спички только что распространялись и не были во всеобщемъ употребления). Услыхавъ голоса спорящихъ и въ томъ числъ голосъ Елатомскаго, Хавазовъ постоялъ, послушалъ, оскалилъ зубы и вышелъ... «Чортъ знаетъ, что такое'» подумалъ онъ, собралась эта сволочь и пророчитъ всякія бъды и напасти отъ кръностного права! Чего зъваетъ полиція...»

Хавазовъ, раскачиваясь, пошелъ на бульваръ: надо же походить и поразмяться между обёденнымъ и карточнымъ столомъ... между утреннимъ и ночнымъ сидёньемъ. Елатомскому подали счетъ; онъ его провёрилъ, расплатился, далъ мальчику на водку, простился съ новыми пріятелями, послалъ поклонъ свой паннѣ Жозефинѣ и, выходя изъ Палерояля, натолкнулся на Аксёна.

— Я въ вамъ, — свазалъ Авсёнъ и подалъ ему записву отъ Эвиной.

«Другъ Елатомскій, — писала Эвина, — мы сегодня въ театрѣ. Приходи въ намъ въ ложу, № 6. Непремѣнно. Бука тебя приглашаеть».

— Скажи, что буду, — отвётилъ Елатомскій, и въ веселомъ настроеніи духа пошелъ на бульваръ, гдё уже играла военная музыка.

VIII.

«Не встрвчу ли Зои?» думаль онъ

На бульварѣ было много гуляющихъ, но встрѣгвлъ онъ не Зою, а другую поразительную врасавицу, — она была въ бѣлоё бедуинкѣ и греческой красной фескѣ съ золотою вистью, и шла подъ руку съ графомъ Гиккелемъ, и, улыбаясь, встрѣчала пристальные взгляды мужчинъ, какъ-бы сознавая торжество красоты своей...

Елатомскій тоже встрітиль веселый взглядь ея, и затімь, обернувшись, полюбовался ея походкой, плавной и мірной какь музыка, точно она на ходу сдерживала или уміряла жажду танцовать, жажду, помимо ея воли ощущаемую всёмь ся кіломь, стройнымь и легкимь, какь нічто воздушное.

682

Елатомскій сёль на скамьё в задумался.

«А! воть онъ! воть онъ!» послышался голосъ Хававова, сопровождаемый, поведимому, дружелюбнымъ хохотомъ.

Елатомскій привсталь и приподняль шляпу.

Хавазовъ сълъ возлъ него, а Сашинъ, который, запыхавшись, шелъ по слъдамъ Хавазова, остановился, и посоловълыми отъ рейнвейна глазами, уныло сталъ глядёть въ открытое море. Онъ съ умысломъ не подошелъ къ свамьъ, чтобъ не протягивать руки Елатомскому, котораго въ эту минуту онъ презиралъ всъми силами души своей.

— Ну-съ! Теперь, кажется, можно, такъ-сказать, оффиціально поздравить васъ, — началъ Хавазовъ, заглядывая въ лицо Елатомскому и скаля вубы.

- Съ чёмъ это? - спросилъ Елатомскій.

— Съ невъстой и съ деньгами... Смотрите же вы — того... Я вамъ по-просту, по-человъчески, говорю: смотрите въ-оба... Трофимъ-то Евлампіевичъ, будущій тесть-то вашъ, человъкъ хорошій — а надуеть. Объщаеть съ три короба — и ничего не дасть. Это ужъ такъ... Это вы имъйте въ виду, любезнъйшій. А что касается до мъста, которое вы просите, то я очень радъ помочь, чъмъ могу. Не все же вамъ, молодой человъкъ, баклуши бить...

Пока говорилъ Хавазовъ, Елатомскій сидёлъ, потупившись, и то краснёлъ, то блёднёлъ.

--- О чемъ вы говорите, ничего не понимаю... --- не безъ досады, тихимъ, сдержанно-раздраженнымъ голосомъ проговорилъ Елатомскій... ---Какая такая невъста! Впрочемъ, это еще я извиняю вамъ. Ходилъ я въ домъ, гдъ есть взрослая дочь на выданьъ, стало быть, могъ дать пищу всевозможнымъ сплетнямъ. Такова ужъ видно наша милая Одесса! Сочинили изъ меня жениха и поздравляютъ, ---это въ порядкъ вещей. Но о какомъ мъстъ вы говорите -- не знаю. Я... никогда васъ объ этомъ не просилъ...

— Ха, ха, ха!— залился Хавазовъ, тогда какъ шампанское ударило въ голову Елатомскаго, и злость шевельнулась у него на сердцѣ.

— За васъ, милѣйшій, просили, отъ вашего имени обращались именно во мнѣ, знали, что воли чего я захочу, такъ ужъ дѣло то будеть въ шляпѣ... Такъ-то.

- Кто же это васъ за меня просиль?

Елатомскій поднялъ голову и подозрительно поглядёлъ въ лицо Хавазову.

— Да вто!... Вашъ будущій тесть, Мервуличъ. Кому же больше? Что вы такъ смотрите... невинный человъкъ! Ха, ха, ха!...

683

въстникъ ввропы.

- Скажите этому Меркуличу, что онъ вретъ.

— Полноте, молодой человѣкъ, не сердитесь. Съ чего ему врать! Онъ пронюхалъ, — а эта каналья вездѣ все пронюхаетъ, что у меня одинъ чиновникъ опился и Богу душу отдалъ. Вотъ, такимъ образомъ, на ваше счастье, и очистилось мѣстечко въ помощники столоначальника.

— А я лучше буду бить баклуши, чёмъ пойду къ вамъ на службу...

— Это отчего, удивился Хавазовъ, и тотчасъ же пересталъ смѣяться.

— Да такъ — блаженъ мужъ, иже не иде на совътъ нечестивыхъ...

— Да нивто васъ и не воветъ на совътъ, — перебилъ Хавазовъ, сильно озадаченный. — Вамъ даютъ мъсто для того, чтобъ вы служить начали...

— У васъ подъ начальствомъ?—въ свою очередь перебняъ его Елатомский.

— А хоть бы и у меня подъ начальствомъ.

— И это для того, чтобъ я за 20 или за 25 рублей въ мъсяцъ слушалъ ваши дерзости или у приказныхъ учился взятки брать! Нътъ, ужъ позвольте мить лучше баклуши бить.

— Да чорть васъ возьми! — крикнулъ взбёшенный Хавазовъ, и скулы его задвигались. — Что я, развё навязываюсь вамъ или вланяюсь: дескать пожалуйста, сдёлайте такое одолжение: московскій умникъ!... Да какъ вы смёете, милостивый государь, такъ мнё отвёчать!... Да сто́итъ мнё слово сказать, чтобъ упечь васъ туда... куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Знаемъ мы васъ, — вставая и разставляя ноги, чуть не на весь бульваръ голосилъ Хавазовъ. — Революцію вы туть затвваете! Освобожденіе крестьянъ пропов'вдуете! Развратъ, вм'єто брака!... Общественные порядки подрываете! съ подозрительными лицами, съ поляками якшаетесь! Знаю я васъ! Берегитесь!

Онъ погрозилъ Елатомскому пальцемъ и пошелъ по бульвару, пошатываясь въ одну сторону и размахивая лёвою рукой больше обыкновеннаго.

Какъ сидълъ Елатомский слегка сгорбившись, такъ и остался сидъть. Онъ былъ такъ взволнованъ, такъ блёденъ, какъ никогда.

684

И — хоть это и недостойно героя, — я долженъ добавить, что Елатомскій струсиль. Послёднія слова Хавазова пахли доносомъ и курьерской тройкой съ жандармами.

- Владиміръ Григорьевичъ! Елатомскій! - услыхаль онъ плаксивый голось не менёе его встревоженнаго толстака Сашинае

--- Что ванъ угодно?

— Ей Богу, это... это удивительно... Ей-Богу! онъ съ саиммъ добрымъ намъреніемъ подходилъ въ вамъ. Меркуличъ дъйствительно просилъ его за васъ, при мнъ просилъ... а... я свидътель...

— Я не ум'вю говорить съ вами, чиновниками!—глухимъ, взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Елатонский, и горькая слеза обиды — признавъ нервности — показалась у самаго глаза его на щекъ... — Скажите вашему другу — этому Хавазову, что я его не боюсь, и что я скоръй въ Сибирь пойду, чёмъ подъ его начальство! Такъ и скажите.

И чтобъ скрыть свое волненіе или горечь обиды — (впервые оть роду на него кричали, какъ на мальчишку), Елатомскій всталъ, надвинулъ шляпу, и пошелъ по бульвару, въ противоположную сторону той, въ которую Хавазовъ направилъ шаги свои...

«Что же это?» думалъ Сашинъ, слегка пошевеливаясь и приложа въ губамъ набалдашникъ своей трости. «Значитъ, опять вздоръ!... Будь онъ женихъ... развѣ онъ могъ бы такъ?... Этакій однаво дерзкій, этотъ Елатомсвій! Отчего я не могу... хочу иногда дерзость сказать какую-нибудь и... никакими судьбами!... Эхъ!»

Въ это время въ Одесскомъ театръ раздавались рукоплесканья... хлопали не только мужчины, хлопали и кричали дамы... Пъла синьора Паска итальянская примадонна, бывшая любимица невзыскательной публики.

Бавны сидёль въ ложё, за плечомъ Эвнной, глядёль и слушаль. Не безь нёкотораго презрёнія глядёль онь на толиу, шумящую оть райка до первыхъ рядовъ кресель. Дёти мрака идуть на маленькій огонекъ, который свётится имъ въ звукахъ вдохновенной музыки, и какъ мотыльки хлопають своими врыльями, такъ они хлопають руками. Завтра погрузятся они въ такой же мракъ и будуть какъ черви копошиться въ немъ. Но эти дёти мрака искренно восторгались разбитымъ голосомъ пожилой примадонны и плохой обстановкой оперы, а онъ, Бавинъ, слушая, ничего не слышалъ и только равсуждалъ о музыкъ, о содержаніи «Нормы» и о толиъ. Присутствіе любимой имъ женщины не вдохно-

Тонъ II.-Апрыль, 1879.

44/16 Digitized by Google . вило Бавина. Изръдка онъ высказывалъ ей свои замъчанія, и она на-лету ловила ихъ и съ гордостью влюбленной женщины удивлялась ихъ глубинъ и ихъ широкому смыслу.

Въ антракта передъ третьимъ дъйствіемъ, въ ложу къ нимъ вошелъ Елатомскій.

Лицо его еще было блёдно, но онъ уже справнися съ самимъ собою и вазался спокойнымъ.

— Погляди, Елатомскій!—не много въ носъ проговориль ему Бавинъ.—Погляди, какая противъ насъ въ ложъ сидить прасавида. Это по твоей части.

- Почему же это по моей части! Кажется и по твоей точно также, - почему-то разсердясь, отвёчаль Елатомский.

Бавиеть покосился на него и не сказаль ни слова, но Эвния. вмъщалась въ разговоръ.

--- Развѣ не говорилъ ты, брать Елатомскій, что красота имѣеть на тебя неотразимое вліяніе, развѣ красота не есть гармонія, развѣ она не такая же музыка! Если бы ты не любилъ красоты, ты бы не понималъ и поезія, а ты ее понимаешь; и мы тебя любимъ за то, что ты еще не успѣлъ грязью прозы замарать себя.

«Да, но на меня кричать, какъ на мальчишку», подумаль про себя Елатомскій, и—опять живо приномнивъ себ'в сцену на бульвар'в — побл'ёдн'ёлъ.

Въ это время изъ противоположной ложи врасавица, поторую встрётилъ онъ на бульварё, навела на него свой бинокль. Она сидёла рядомъ съ графомъ Гиккелемъ.

-- Кто этоть молодой человёкь? -- по-французски спросняа врасавица у графа Гивнеля.

— А! я не знаю его фамиліи, я его разъ мельномъ встрётилъ въ кабинетъ своего креднтора — стараго князя Д — кова. Онъ, должно быть, филологъ. Князь читалъ ему свой переводъ изъ одной старинной русской иъсни, которую никто понять не можетъ, — кажется, о какомъ-то князъ Игоръ. Если хотите, я съ нимъ познакомлюсь, и его представлю вамъ.

--- Онъ богать?

--- Не знаю... Но, chère Doudou, если вы его въ себя ваюбите, онъ, какъ кажется, будетъ приличный кавалеръ для васъ...

- Я сама то же думаю. Отчего онъ такъ блёденъ?

- Или проигрался, или влюбленъ, или страдаетъ малокро-

віемъ. Воть онъ ваяль биновль у этой барынн... и глядить на вась... Опустите глаза... воть такъ...

И оба они засмѣздась. Нечего и говорить, что рѣчь шла объ Елатомскоиъ.

IX.

На три четверти сократившійся місяць зологник серномь стояль на небь, и надъ засыпающить городомъ, въ техной сивевъ, мигали и жмурились звъзди, когда въ театръ опустился послёдній занавёсь, музиканты укладывали свон инструменты, а публика стала расходиться... «Сыны Авзоніи счастливой» можеть быть в въ эту ночь напевале какой-нибудь мотивъ игривый, но нашъ Елатонскій, нескотря на то, что ночь казалась волнебной и располагающей въ мечтамъ, такимъ же неопредъленно сладвимъ, кавъ и музыка,--несмотря на то, что въ этомъ темномъ и душисто-пыльномъ сумравъ мелькала передъ нимъ бълая бедунные какой-то пріфежей красавецы, Елатомскій быль молчаливъ и грустенъ. На всѣ вопросы Эвиной: «Что съ нимъ?» онъ отвъчаль: - Ничего... у меня сегодня голова болить. Отвазавшись оть ся приглашенія вийсть съ Бавннымъ зайти въ ней на чашку чаю, онъ ущелъ, и дома, не зажигая отня, разделся, разулся и легь въ постель... Ночью онъ всталъ и хотёлъ писать, но не нашель ни труга, ни сърной спички и опять въ подушку опустнать затыловь свой.

Но едва показался день и засвётнлось въ овнахъ, Елатомский бросился въ перу и на почтовомъ листиве безъ помаровъ написалъ слёдующее послание:

«Милостивый Государь, Захаръ Николаевичъ! «На мою необдуманную дерзость Вы могли бы отвъчать мить тъмъ же, чъмъ я отвъчаю Вамъ на Ваши клеветы и угрозы, а именно: вызовомъ. Записку эту получите Вы изъ рукъ моего секунданта, съ которымъ я всепокорнъйше прощу Вась, Милостивый Государь, передать мить Ваши условія и сообщить ему о мъсть и времени.

«Остаюсь Вашъ покорный слуга «В. Елатомский».

Несомнённо, что всю ночь онъ эти строки сочиналь и обдумываль, и въ вакія нибудь пять минуть письмо было ноложено въ конверть, надписано и запечатано маленькой гербовой пе-

687

чатью (ноображающей въ щите пустой колчанъ, съ маленькими крыльями и увёнчанный чёмъ-то въ родё рогатаго шлема съ страусовыми перьями). Елатомскій рёдко, почти никогда не употреблялъ этой фамильной печати, но въ настоящую минуту онъ употребилъ ее не безъ умысла: дескать, я такой же дворянинъ, какъ и ты, и, стало быть, знай, что «noblesse oblige»... Онъ даже посмотрёлъ на свётъ, чисто ли эта печать оттиснулась и достаточно ли ясно на красномъ сургучё вышелъ гербъ и колчанъ съ крыльями.

Затёмъ Елатомскій хотёль, по примёру всёхъ людей съ сильной волей или характеромъ, выспаться и встать съ освёженной головой и съ новыми силами, но не туть-то было! Не столько мысли, сколько забёгающая впередъ услужливая фантазія безпрестанно возбуждала, шевелила моють его: онъ то воображалъ себя убнтымъ, то раненымъ, то убійцей, то сосланнымъ и, иъ чести его, ни разу не вообразвиъ себя струсившимъ или поколебавшимся въ своемъ рёшеніи. Вдругъ вопросъ, о которомъ онъ менёе всего думалъ, когда писалъ, очевидно простой вопросъ: а вто же будеть секундантомъ? — озадачняъ, и даже смутилъ нашего юношу.

Чтобъ рѣшить его, онъ одѣлся, и пошелъ прогуляться на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Карай взъ-подъ кушетки поглядѣлъ на него съ убійственнымъ равнодушіемъ и сталъ, чаввая, языкомъ облизывать свои лапы, какъ-бы напоминая Елатомскому, что и ему слѣдуетъ умыться или позаботиться о чистотѣ рукъ своихъ. — Кого же я позову въ секунданты? продолжалъ самого себя вопрошать Елатомскій, шагая по узенькимъ тротуарамъ, мимо отпирающихся харчевенъ и лавочекъ. Окна домовъ были открыты настежъ, — признакъ, что еще не наступила жара и что не мѣшаетъ утренней прохладой освъжить душныя, дыханіемъ спящихъ вараженныя комнаты.

Перебравши мысленно всёхъ своихъ знакомыхъ, Елатомскій съ нёкоторою увёренностью остановился только на своемъ сожителё. Бавинъ, думалъ онъ, самъ же не разъ говорилъ, что путь страданія и смерти есть единственный путь для современнаго человёка, не утратившаго мысли; стало быть, что ему стоитъ подвергнуть себя вое-какимъ непріятностямъ.

Вернувшись домой около восьми часовъ, Елатомскій уже засталъ Бавина у самовара. Нагибаясь въ столу, онъ то читалъ, то прихлебывалъ чай изъ стакана, въ промежутки же между чтеніемъ и прихлебываніемъ, длинный черешневый чубукъ съ янтарнымъ мунштукомъ дымился во рту его, и затёмъ тоть же

дымовъ поднимался изъ глинаной, на полъ опущенной трубочки. Карай, поджавши хвость, чинно сидёлъ противъ Бавина и ожидалъ подачки.

- Налей и мнѣ стаканчикъ, Адріанъ, -сказалъ Елатомскій, усаживаясь на стулъ спиной въ окну.-Какъ тебѣ понравилась вчерашняя опера?

--- Гм! Музыку эту я въ Москвё слыхаль... но видаль ли ты гравюры, плохо оттиснутыя на какой-инбудь сёрой бумагё... или оттисви сбитыхъ клише?

— Видалъ.

---- Ну, такъ вотъ такое же точно и выполнение было этой оперы. Кое-что разобрать можно, и для толпы не дурно...

Затёмъ Бавинъ, молча, подалъ ему стаканъ съ часмъ и поглядълъ на него. Вчера, разговаривая съ Эвиной, онъ пришелъ въ заключению, что Елатомский его ревнуеть, или не безъ зависти смотрить на его отношения къ Эвиной или, — уже про себя думалъ онъ, Елатомский, точно также какъ и Аксенъ, не доволенъ монмъ поведениемъ и съ пошлой, чисто животной точки зръния смотритъ на мою любовь, если только подозръваетъ, что я любимъ и люблю.

Такъ, по крайней мёрё, старался онъ объяснить себё вчерашній рёзвій отвёть его въ ложё, разстроенную физіономію и нежеланіе зайти въ Эвиной, въ ся немалому удивленію.

- А у тебя все еще голова болить?-спросиль Бавинь.

- Нѣтъ... но... со мной вчера была непріятность.

- Непріятность!-удивился Бавинъ.-Что такое?

Елатомскій подробно разсказаль ему вчерашнюю сцену на бульварѣ — и Бавинъ едва ли не впервые изъ усть его услыхалъ имя Зон и отца ея — Меркулича.

Бавинъ сперва задумался, потомъ, сдвинувъ брови и расширивъ ноздри, устремилъ взглядъ свой прямо въ глаза своему пріятелю...

- Ну, что же ты теперь намбренъ дблать?..

--- Я долженъ буду съ нимъ драться, и уже написалъ ему вызовъ. Иначе, вакъ дуэлью, это не можетъ быть кончено. Надбюсь, другъ Адріанъ, ты не отнажешься быть монмъ секуидантомъ.

Бавинъ еще пристальнёе поглядёлъ ему въ глаза, канъ-бы сомнёваясь, въ здравомъ ли умё этогъ Елатомскій.

- Ты же виновать, -и ты же хочешь убивать...

- Я знаю, что я вановать, но я не угрожаль ему Си-

бирью и при всёхъ не грозился ему пальцемъ. Окъ вскочиль, какъ бъщеный, и принялся воть такъ грозить миё...

Елатомскій всталь со стула, подняль свой указательный палець и, потрясая имъ, изобразиль сцену, вакъ Хавазовь осивлился грозить ему... Елатомскій въ эту минуту быль въ такомъ возбужденномъ состояніи, что весь дрожаль и голось его дрожаль.

Но это янсколько не повліяло на Бавина.

- Все это не что инсе, началь онь разсуждать, какъ результать твоей распущенности. Кто проснать тебя сходиться съ этимъ народомъ? Если ты со всёми знако́мъ, всёхъ знаень и всё тебя знають, значеть, и неси на себё ярмо ихъ мнёній, страстей и порововъ. Хавазовъ, я его знаю: онъ иначе и не могъ постунить съ тобой. Ты унололъ его въ самое чувствительное мёсто. Что значены ты для всёхъ этихъ Меркуличей, Швабровъ, Хавазовыхъ?.. Ничего ты для нихъ не значаны. Зачёмъ же ты лёзень въ нимъ? Я говорилъ тебё... учись, занимайся... думай, пиши или иди и работай, если рабета есть, но ты предпочелъ разсбявать хандру свою, ну, воть... это вчерашнее твое приключеніе... развё это не разсбянье? Ты говорилъ мнѣ: для гого, чтобъ жить, нужно изучать жизнь. Ну, воть тебё и урокъ! Живя съ волками, ты и вой по-волчьи... а я-то что́? зачёмъ же я-то буду вмёстё съ тобой по-волчьи выть...

Нельзя сказать, чтобъ эта ричь Бавина отрезвляющимъ образомъ не подийствовала на Елатомскаго, но онъ все-таки проговориль:

- Ты отказываешься. Я найду себ' другого.

--- А я тебѣ говорю, -- ухватясь за рукавъ Елатомскаго, продолжалъ Бавинъ, -- я тебѣ говорю, что эта дуэль -- бевсмыслица, непростительная глупость. Изъ-за чего ты въ жертву принесещь живнь свою?

---- Изъ-за того, что честь мый дороже жизни.

— А ты развѣ не осворбилъ честь его? Ну, и жди, пока онъ тебя не вызоветъ. Мечта твон объ освобождении крестьянъ для него хуже смерти. Понятно, отчего онъ взбѣсился, а ты, развѣ ты слынгалъ отъ него, что взятва — вещь хорошая или что онъ мечтаетъ о томъ, чтобы нажиться взятками... Какое же ты имѣлъ право бездоказанно дурно говорить о немъ?..

- Я сказаль вслухь только то, что всв говорять.

— А вто эти всё? — пигме́и, въ родѣ Меркуличей. Да имъ, можетъ быть, вавидно, что Хазазову взятки даютъ, а имъ никто не даетъ, — вотъ они в вричать. Да ужъ если быть послёдовательнымъ, такъ прежде всего виновать этотъ твой Меркуличъ.

Г-мъ! Зачёнъ онъ, не спросясь твоего согласія, вздумаль о тебё хлопотать... его и вызывай. А можеть быть, ты при немъ насънибудь и высказаль желаніе получеть какое-нибудь мёстечно, ну, воть онъ и захотёль доброе дёло сдёлать. Во всякомъ случаё, онъ — главный виновникъ этой исторіи. Нёть... все это... это глупости! а тебё говорю — глупости! Отупай въ сестрё Нинё, и спроси ее, что она тебё скажеть?..

Елатощский сокрушенно поннить головой: для него было ясно, что секунданта нёть, что послать записки ие съ кёмъ и что медлить не слёдуеть.

Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и вакъ былъ, не раздѣваясь, прилегъ на свою измятую, еще не прибранную постель.

Черезъ часъ защелъ въ нему Бавннъ и засталъ его спащимъ. Елатомскій спалъ, какъ убитый, или какъ набытавшійся младенецъ. На блёдномъ лицѣ его проступила краска, лобъ былъ покрытъ ваплями пота, вокругъ головы его кружились мухи какъ надъ лакомымъ блюдомъ.

Бавенть не безъ нёкотораго умиленія поглядёль на него и, взявши шляпу, отправился узнать о здоровьё Эвиной.

X.

Часа въ три пополудни Елатомскій испуганно расврыль глаза... и увидёль, что возлё него стойть вакая-то плотная сёрая масса, и мельваеть что-то въ родё волотой чёни и перламутровыхъ пуговицъ.

Эта сёрая масса быль не вто иной, какъ Иванъ Ивановичъ Сашинъ. Около десяти минуть стоялъ онъ у вровати, даже успёлъ прочесть письмо съ надписью: «Его превосходительству З. Н. Хавазову», — даже подумаль, что несомиёмно въ этомъ письмё Елатоискій просить Хавазова извинить его и мысленно радъ быль, что Елатоискій, какъ и всё, ничуть не лучше. Вчера былъ пьянъ, немного нагрубилъ, а сегодня выспался, струсилъ и извиняется.

«Кавъ же я разбужу его?» думалъ Сашинъ. Наконецъ, фуляровынъ платкомъ смахнулъ онъ муху съ лица спящаго соперника и разбудилъ его.

--- Это вы?--- очнувшись и мигая глазами, спросиль Елатомскій, спустиль съ кровати отекшія въ узкихъ сапогахъ ноги и провель рукою по волосамъ своинъ.

- Это я.

١

692

- Вы оть вого? оть Хавазова?

- Нёть, я такъ зашель къ вамъ.

--- Ни разу у меня не были и вдругъ удостояли заглянуть... Спасибо! Чему приписать такое съ вашей стороны лестное для меня внимание?

— А почемъ вы знаете? — Я, можетъ быть, зашелъ въ вамъ для гого, чтобы на дуэль васъ вызвать, — храбро проговорилъ Сашинъ, досадуя, что Елатомский ему не обрадовался и даже не подалъ руки ему.

- Ну, очень радъ. Это вы за Хавазова?

- Нать... это я за самого себя... не за Хавазова.

--- Хорошо. Напрасно только вы не прислали мить своего секунданта, а сами изволили побезпоконться.

Елатомскій, должно быть съ просонья, не шутя, за честую монету принялъ слова Сашина и такимъ серьсанымъ тономъ отвёчалъ ему, что Сашинъ измёнился въ лицё и уставилъ на него глаза свои...

- Кавъ когда-нибудь?-Вы теперь меня вызываете?

--- Я это дёлаю просто для эмоція, ради того, чтобъ испытать какую-нибудь эмоцію. Чёмъ чорть не шутить! Если вы меня подстрёлите, ибо цёлить въ такую просторную цёль, согланога моя толще вашей талів), --- цёлить въ такую цёль, согласитесь, Елатомскій, сов'єстно... а я не допускаю мисли, что вы такъ безсов'єстны: я думаю, что вы или вана пуля только задёнеть меня за руку или за ногу и я --- похудёю. А если я вакъ-нибудь убью васъ нечаянно, захочу выстрёлить въ сторону и попаду въ васъ, --- то ужъ навёрное похудёю оть угрызеній сов'єсти. Такъ съ гигіенической точки зрёнія такая эмоція для меня дёло подходящее.

Елатомскій уже по голосу Сашина догадался, что онъ струсилъ и отшучивался.

--- Уже это ваше дёло--съ какой точки зрёнія: мое дёло принять вашъ вызовъ, и я его принимаю... Есть у васъ пистолеты? Если нётъ, я сегодня же ихъ достану... и какъ вы думаете? За дачей Ланжерона или въ Ботаническомъ саду?.. У меня же встати и секундантъ готовъ.

- Секунданть? Оставьте его при себь, пожалуйста, - тажело

дыша и вытирая потный лобъ свой, проговорилъ Сашинъ... Что вамъ за охота шутитъ? Да и что это будетъ за дувль? Меня кондрашка хватитъ, прежде чёмъ вы успёсте выстрёлить. Нётъ, ужъ это вы оставьте, Владиміръ Григорьевичъ. Терпётъ не могу никакого кровопролитія! ненавижу...

— Да, помилуйте, вёдь вы же меня вызвали? — проговориль Елатомскій, у вотораго сквозь досаду и ожесточеніе уже пробивалась наружу веселая сторона его характера. Всячески старался онъ не захохотать, но губы его невольно растянулись въ улыбку, и каріе глаза заискрились.

— Да мало ли что? — сталъ оправдываться Сашинъ... — Напла на меня храбрая минута, а вы уже и рады... Ну, сами посудите, за что я стану вызывать?.. За что?!.. Върите ли, до вчерашняго вечера я ненавидълъ васъ... презиралъ, — думалъ, что вы говорите одно... поступаете иначе. И върите ли, что я со вчерашняго вечера обожаю васъ... удивляюсь вамъ... завидую... Сколько разъ хотълось миъ этому Хавазову дать щелчовъ по носу... этакую какую-нибудь дерзость сказать ему, —и никакъ... никакъмъ способомъ! Дайте же миъ вашу руку. Вы по части дервости превзошли меня. Я уважаю васъ.

---- Хорошо, -- вотъ вамъ моя рука. Только сдёлайте мнѣ одолженіе, отнесите вы вотъ это письмецо въ Хавазову.

- А что вы ему туть написаля? Извиняетесь... или...

- Можеть быть, взвиняюсь.

«Нивогда я ему не прощу, если онъ извиняется», про себя подумалъ Сашинъ.

- А вы не сважете мий содержание письма?

--- Это вамъ самъ Хавазовъ снажеть, даже непремённо понажетъ вамъ письмо мое.

— Хорошо... я ену его снесу... И ужъ это не мое дёло, если вы въ этомъ письмё пишете ему, что онъ скотина или зв'ёрь безъ разума и чувства. Мое дёло — передать. А къ Зой вы ничего не нацишете?

-- Пожалуй, напищу ей, что вы въ нее влюблены и просите руки ся.

— Это для того, чтобъ и меня оставить съ носомъ, — проговорилъ Сашинъ, оглядывая со всёхъ сторонъ деревянный неврашеный стулъ, и, уб'ёдившись въ его прочности, сёлъ по серединъ комваты.

Елатомскій сёль на подоконникь и спросиль:

- А давно вы ее видаля?

-- 3010?

— Да.

--- Папеньку ся видёль сегодня. Онъ шель на аукціонь, а я къ портному. Ну, воть и сказаль окъ мнё одну штуку... уднвительную!

--- Какую же это удивительную штуку онъ вамъ сказаль, --не секреть?

- Не севреть, если вы не разсердитесь.

— Не разсержусь.

- Честное слово?

- Честное слово.

--- Я ушамъ свениъ не въриль. Онъ мнъ сказалъ, что вы сватались за Зою и что она отказала вамъ.

Елатомскій повраснёль, и съ удивленьемъ-тоже не вёря ушамъ своимъ-поглядёлъ на расплывшееся лицо голубоглазаго Сашина.

- Сватался, и Зоя отназала?

- Сватались, и Зоя отказала вань.

— И это говорнтъ ся отецъ?!

- И это говорить ся отець.

Елатомскій замолчаль, Сапинъ уставиль на него свои глаза.

— Ну, вчера на бульварѣ я этого Трофима Евлампіевича обозваль вралемъ, а теперь я скажу: онъ вдвойнѣ, втройнѣ враль, — квинтъ-эссенція враля.

— Да зачёмъ же ему это выдумывать?

- Подите и спросите...

- И сказать ему, что вы назвали его вралемъ?

. — И скажите ему, что я называю его вралемъ и что онъ листъ и на меня и на дочь свою самымъ безсовъстнымъ образомъ.

- Скажу. А жаль, если это неправда. Знаете, что? пока всё говорили, что вы женитесь, — я не вёриль. Шуры-муры не всегда же къ алтарю ведуть. Теперь сказали инё, что ванъ отказали и миё тоже какъ-будто не вёрится. Такъ вотъ и представляется, что черезъ мёсяцъ будеть ваша свадьба, что я у васъ — шаферъ и что отъ держанья вёнца у меня рука отекла...

- И сердце отекло?-вставая, сказалъ Елатомский.

- И сердце... Ово, впрочемъ, у меня давно отекло. Къ этому я привыкъ! Ну, прощайте.

- Прощайте, Иванъ Ивановичъ.

И едза Сашинъ, простившись съ нимъ, вышелъ за дверь, Елатомскому стало и больно, и стыдно, и грустно. Но вдругъ онъ что-то вспомнилъ и разразился неудержимымъ хохотомъ.

Живо онъ представилъ себѣ изумљеніе и ужасъ Сашина, вогда Хававовъ прочтетъ ему письмо его.

«Сашинъ — мой севундантъ! О, что подумаетъ Хавазовъ!» продолжалъ отъ души хохотать Елатомскій.

XI.

Нахохотавшись и находившись изъ угла въ уголъ по своей номнатъ, Елатомский сообразилъ, наконецъ, что онъ поступилъ хоть и смъшно, но легкомысленно. Что Сашинъ не таковский человъкъ, чтобъ согласился быть чыниъ-либо секундантомъ, это ясно; что Хавазовъ, если не извинится, непремънно пришлетъ къ нему какого-нибудь господика — сообщить ему часъ и мъсто, ибо Хавазову поступить иначе нъть уже никакой возможности и это ясно...

Мысль, что не ныньче завтра онъ можеть отправиться на тоть свёть, легкой дрожью прошла по спинё его; дрожь эта отозвалась въ немъ нёвоторой слабостью въ ногахъ и, такъ сказать, легкой потяготой...

«Все это отгото, что я ночь не спаль», утвшаль себя Елатомскій.

— Повдно легь, — вехотя отвѣчаль Елатонский.

- Чай, опять къ ней собираетесь?

- Къ кому: въ ней?

--- Ну, да ужъ извёстно въ кому,---въ этой Нинй Александровнв.

- Ты ее за что не любншь? Она любить русскій народъ, желаеть всёмъ свободн и всякаго добра, а ты ее не любншь!

--- Знаемъ мы, что она любитъ!.. А не слыхали вы, баринъ, никакъ она въ намъ въ деревню собирается?

--- Не слыханъ... Можеть быть!..-- разсвянно отвѣчалъ Елатомскій.

Черевъ часъ, онъ уже былъ въ Палероялб----сборнонъ месте всёкъ холостановъ передъ обедонъ и передъ уживомъ. Хотя онъ и зналъ, что Хавазовъ обедаетъ въ гостиннице, но, не желая до дуэли встречаться съ нимъ, зорко поглядывалъ во все стороны.

У Каруты въ вондатерской, онъ засталъ поляка Зыбку, съ

BECTHER'S REPORT.

французской газетой въ рукахъ, которую читалъ онъ сгорбившись, низко опустивъ вооруженные очками глаза свои и слетва приподнявъ верхнюю губу, изъ-за которой видиблся кончикъ оскалившагося зуба.

Новости изъ Франціи до такой степени занимали его, что онъ и не зам'ятилъ, какъ вошелъ Елатомскій.

Другой изъ числа посётителей былъ графъ Гивкель, — въ томъ же самомъ коротенькомъ сюртучкё, изъ англійской лоснящейся парусины, въ той же самой соломенной шляпѣ и съ хлыстикомъ. Онъ, сидя на диванѣ, поднялъ брови и съ выраженіемъ особеннаго любопытства поглядѣлъ на Елагомскаго.

— M-г Зыбво! Извените...—сказалъ Елатомскій: — что вы читаете?.. Могу я побезпоконть вась... на пару словъ...

Зыбко, какъ-бы спохватясь, пожалъ ему руку, разогнулся и, не выпусвая изъ рукъ газеты, отошелъ съ нимъ въ овну...

...— Это не въ нашихъ правилахъ, — слегва поблёднёвъ, сказалъ ему Зыбво, выслушавъ разсказъ его... — Мы вамъ сочувствуемъ, но это не въ нашихъ правилахъ... увеличивать собою воличество ссыльныхъ... Каждий изъ насъ бережетъ... обязанъ беречь себя...

— Такъ вы отказываетесь? — проговориль взволнованный Елатомский.

— Да... отвазываюсь, — рёшительно связаль Зыбко, — в не наь трусости... нёть!..

— Я понимаю васъ... Но что же мий дилать? «Эхъ! Токаревъ уйхалъ въ Тифлисъ»...—подумалъ про себя Елатомскій, вспомнивъ, что э́тотъ москвичъ, какъ истый романтикъ своего времени, на каждомъ шагу дилалъ вещи невироятныя, и на все былъ готовъ ради друзей и пріятелей.

Графъ Гиккель, вытянувши ноги, въ маленькихъ щегольскихъ полуботникахъ съ стальными пряжками, все время слёдилъ глазами за выраженіемъ лицъ обоихъ коношей и несомиённо уловилъ два-три слова изъ разговора ихъ...

Когда Елатомскій, закуривъ свгару, вышелъ, онъ тоже закурилъ сигару и вышелъ вслёдъ за нимъ, на широкій тротуаръ, подъ холстаной навёсъ кондитерской.

Елатомскій оглянулся и увидалъ прив'ятно улыбающееся, цыгански-смуглое лицо графа, ос'вненное полями соломенной пиланы.

- Извините меня, — началъ графъ... Вы о чемъ-то просили этого господина въ синихъ очкахъ и онъ отказалъ вамъ... Не могу ли я... быть въ чемъ-нибудь полевенъ вамъ?

696

- Извините меня, я не имъю чести знать васъ...

--- Ну, такъ познакомимтесь. Им'ею честь рекомендоваться: графъ Гиккель...

— А я — Елатонскій! — протягивая руку, проговориль Елатомскій.

«Этоть на Токарева смахиваеть», — подумаль онь, «такой же смуглый, худой и черноглазый и такимъ же смотрить отчаяннымъ джентльменомъ... Попробую-ка я пригласить его... Не согласится, — ну, и чорть съ нимъ! а можеть быть и согласится...»

---- У меня ость просьба очень щекотливая, и для перваго знакомства съ вами, мий не хотвлось бы...

— Какая просьба?.. Можеть быть... вамъ нуженъ... секундантъ?..— лукаво прищуря глаза и весело усмъхаясь, процъдилъ сквовь вубы курчавый графъ.

- Именно... да... Но почемъ вы внасте?

- Я слышалъ, на бульваръ у васъ была съ въмъ-то вакая-то непріатность. Да?..

- Такъ неужели вы согласни?-воскликнуль Елатонскій.

- Мић не совсћи удобно, - сказаль графъ, - но я согласенъ... Съ одной стороны - неудобно, съ другой - полезно... Неудобно потому, что полиція взяла съ меня подписку о невы взда изъ города и есть такіе люди, - воторые, какъ за дикимъ зв времъ, слѣдятъ за мной. Удобно потому, что если меня вышлють кзъ Одессы, то чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Елатомскій не совсёмъ его поняль.

--- Если такъ, -- сказалъ онъ, -- то благодарю васъ... Гдё вы живете? Позвольте мий зайти въ вамъ, и подумать... что и ка́къ... здёсь мёсто въ высшей степени неудобное.

— Пожалуй, зайдемте во мић, но хоть я и графъ, внайте, что у меня помѣщеніе вовсе не графское... Я живу, какъ бъдный студенть... и какъ птица небесная питаюсь, чѣмъ Богъ попідеть...

- Значить, вы моего поля ягода, --отвѣталь ему Елатомскій.

«Ну, не совсёмъ», — подумалъ про себя графъ — великосвётскій левъ своего времени.

XII.

Трофимъ Евлампіевичъ, того же дня утромъ, когда встрѣтился съ Сашинымъ и узналъ отъ него исторію Хавазова съ Едатомскимъ, ни слова не сказалъ Сашину, но былъ озадаченъ. «Ишь вѣдь какъ можно влопаться!» думалъ онъ: «не спросясь броду не суйся въ воду... И чорть знаеть изъ-за чего я хлопоталъ! А что онъ не признаётся въ томъ, что Зоя носъ ему навленла-ну, и чорть его возьми, пусть не признаётся!

Затёмъ на аукціонъ, совершенно случайно, чуть не даромъ, пріобрѣлъ онъ кое-какія вещи, преимущественно мебель для строющагося у него на дворѣ флигеля, куда хотѣлъ онъ перебраться на жительство, съ тѣмъ, чтобы домикъ свой отдавать въ найми, ибо предчувствовалъ повышеніе квартирныхъ цѣнъ, по милости увеличивающатося одесскаго народонаселенія.

Вернувшись домой къ об'вду, онъ былъ въ нормальномъ настроеніи духа, т.-е. не ворчалъ на жену, не величалъ ее дурой, не вричалъ на дочерей и не грозился пустить семью свою поміру, ибо всякій разъ, когда онъ очень влился, онъ клялси и божился, что все продасть, все промотаетъ, уёдетъ, всёхъ пошлетъ къ чорту или оставитъ семью свою безъ коп'вйки денегъ. Это, конечно, не м'вшало ему на другой же день, облекшись въ халатъ, предаваться нёгъ и мирному отдохновенію въ н'дарахъ семьи, даже казаться добродушнымъ и нѣжнымъ папенькой.

Итакъ, вернувшись домой, Меркуличъ, какъ-бы совершенно забылъ о новости, сдышанной имъ отъ Сашина, слишкомъ ужъ былъ поглощенъ онъ своими дълами, слишкомъ ужъ былъ радъ, что на аукціонъ не явились враги его-еврен-скупщики; а не явились они потому, что въ то же самое утро былъ другой аукціонъ: на биржъ продавали вещи, захваченныя таможней, да товары, отнятые у контрабандистовъ усердіемъ кордонной стражи, -- товары, количество и достоинство которыхъ уже напередъ было оцъвено горговцами-евреями.

Мервуличъ свлъ за столъ и вушалъ съ аппетитомъ. Бараній бокъ съ кашей въ особенности раздразнилъ его, н онъ, огладывая ребрышко (зубами, которымъ бы позавидовалъ любой петербургскій золотушный юноша), что-то сначала промычалъ, потомъ свазалъ, не то вслухъ, не то себв подъ носъ: — «а этотъ шутъ гороховой, Елатомскій, преглупо повелъ себя; Зоя хорошо сдълала, что накленла ему носъ».

Зоя дрогнула, поблёднёла и потупилась.

Въра Георгіевна подняла свои маленькія бровки такъ высоко, что весь низенькій лобъ ся покрылся ровными складками, а въ черныхъ глазахъ промелькнулъ тотъ блескъ, который появляется иногда, въ ожиданіи молнін, грома или страшнаго налёта бури, при слабомъ мерцаніи оконъ⁶ въ потемнёвшихъ комнатахъ.

И какъ Трофимъ Евлампіевичъ ни слова не сказалъ Сашину,

такъ и онъ ин единымъ звукомъ не отозвались на мамолетное замъчание Трофима Евлампиевича.

То, что пробурчалъ онъ себѣ подъ-носъ, могло обратиться въ нъвій громъ, и — онъ боялись... Такъ съ недоумъвающимъ чувствомъ страха и встали онъ изъ-за стола...

Паценьва пошелъ спать. Юдинька сняла съ него сапоги (видно была ся очередь). Люлинька повисла на шею Въры Георгіевны и шепеляла: «мамася! дай намъ мелмеладу... у тебя въ шкапчикъ есть мелмеладъ и олъхи и фяники»... Зоя пошла въ дътскую за свои ширмы, съла на кровать и стала думать... съ тъмъ же пугливымъ блескомъ въ глазахъ, который за объдомъ промелькнулъ въ глазахъ ся матери...

Страшная тоска легла ей на сердцѣ. До самаго поздняго вечера она мъста не находила себѣ въ отцовскомъ домѣ, не могла ни читать, ни работать...

-- Кавія это глуности могъ надълать Елатомскій? -- И то воображалось ей, что онъ сошелся съ какой-нибудь актрисой, то лишнее выпилъ и заснулъ въ гостяхъ, то попалъ въ вертепъ картежниковъ и проигралъ всё свои деньги... Богъ знаетъ, что приходило ей въ голову... Она была увърена, что ея папенька, также какъ и маменька, чуть не влюбленъ въ Елатомскаго, и вдругъ говоритъ, что онъ очень радъ, что она ему отказала! Давно ли онъ бранилъ ее, именно за то, что она отказала!... Что же это такое? Господи! что это?!..

Пришелъ вечеръ, потемнѣло на дворѣ, подали самоваръ и свѣчи. Трофимъ Евлампіевичъ, напившись чаю, тогчасъ же ушелъ въ свой кабинетъ работать...

Зоя выбъжала на дворъ, и долго не сводила глазъ съ того окна, за воторымъ, при свътъ ламцы, вруглиласъ темная, съ плъшью голова ся родителя, обрисовывались брови, носъ и его указательный палецъ, каждое движение котораго сопровождалось то щелканьемъ костяшекъ, нанизанныхъ на мъдныя проволоки счетъ, то неслышнымъ ей посврипываниемъ пера, уткнутаго въ большую приходорасходную книгу.

Ничего, ровно инчего не пояснилъ ей образъ ся родителя. «Можно-ли, думала она, такъ перемъниться къ человъку, осудить друга дома, и быть такимъ спокойнымъ, писать какiе-то счеты!»

И вотъ, Зоя, безъ всявой опредъленной мысли, подошла въ воротамъ, отодвинула засовъ и вышла на улицу.

Будь у ней крылья, полетбла бы она по всёмъ улицамъ, заглянула бы въ каждый переулокъ, въ каждую кондитерскую,

A

въ каждый рестора́нъ, въ каждое окно, лишь бы только увидёть, что дёлаетъ Елатомскій, лишь бы хоть мелькомъ увидать его...

Мёсяцъ серпомъ стоялъ на темномъ небё, воздухъ не двигался; не шевелился сосёдній, одиновій тополь, тускло горёли фонари; у перекрестка, стуча колесами, двигались экипажи, слишались шаги, приближающіеся, удаляющіеся, медленные, торопливые... и опять все было тихо; только собаки лаяли, да высоко, сквозь пыльную мглу, мигали, какъ бисеръ, зв'язды.

Зоя присвла у калитен на скамеечку и погрузилась въ думы, не замвчая времени.

Вдругъ, показалось ей, на противоположной сторонъ улицы прошла тёнь мужчины: точно Елатомскій, —его рость, его шляпа. Воть онъ замедлилъ шаги, остановился; поглядёлъ въ ихъ темныя окна, съ раскрытыми на ночь ставнями; постоялъ, сдёлалъ нъсколько шаговъ; дошелъ до половины улицы... Воть онъ, показалось ей, увидалъ и не узналъ ее, —спрятавшуюся въ тёнь глухой калитки, и, вдругъ, поворотивъ назадъ, сталъ удаляться, постепенно исчезая въ сумракъ.

Замерло сердце Зон... Ей хотёлось всвривнуть: Елатомский! вы ли это? Но и голось замерь... Что, если папа услышить и выбъжить! Что, если это не онъ?!..

О! это непремённо онъ! И Зоя, какъ маленькая дёвочка, побъжала вдоль тротуара, одними только носками прикасаясь къ камнямъ, — побёжала за нимъ, въ ту же сторону; но тёнь Елатомскаго исчезда. Зоя или не успёла догнать его, или это ей просто мерещилось...

— Зоя! это ты? — послышался изъ темнаго корридора сдержанный окликъ Вёры Георгіевны, когда та воёжала въ переднюю и на крючокъ заперла за собою дверь въ темныя сёни.

— Я, мама.

- Гав ти была?

— За воротами.

--- Отчего ты вся дрожншь?

— Онъ, мама, сейчасъ, проходилъ по улицъ и глядълъ къ намъ въ овна. Я его узнала, а онъ не узналъ меня... не узналъ и... убъжалъ... Я хотъла позвать его, и... к не могла. Ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело любить! Какое это ужасное мученье!

— Зоя, успокойся!..

— Ничего папа не сказалъ... вакія такія глупоств?

— Да видно нечего и свазать, такъ, сбрендилъ... Будь что-

700

нибудь, небось, не сталь бы молчать!.. Но прощай, спи, Богь съ TOGODO!

И мать въ темномъ корридорчикъ перекрестила Зою, поцъловала ее и, шлепая туфлями, исчезла за скрипучей дверью, въ лампадномъ скётё своей спальни.

Мать вела себя не лучше любой сантиментальной, молоденькой девушки: также волновалась, приходила въ испугъ и смятеніе, и отъ всей души сочувствовала страсти, загор'явшейся въ груди ся старшей, любимой дочери...

На другой же день, около 4-хъ часовъ пополудни, подъ кровлей Меркуличей раздался негодующій, бранчливо-скрипучій голосъ почтеннаго Трофима Евлампіевича.

Войдя въ гостиную, съ притворенными отъ солнца ставнями, где сидела жена его и слушала, какъ Зоя читаеть русскую книгу, Меркуличъ сбросилъ съ себя сюртукъ и началъ:

- Ну ужъ, матушка... Чорть его побери, этого вашего Елатомскаго! Чтобъ ему ни дна, ни покрышки! Мороженую собаку ему въ зубы!.. — Что такое, Троша, душа моя!

— Дуракъ... дурачина... изъ дураковъ дуракъ!.. Отъ васъ же узналь я, что ищеть онъ себё мёста, ну, и пошель я къ Хававову за него попросить. Его превосходительство принялъ меня очень ласково,... и чёмъ же мнё отплатиль этоть молокососъ, вашъ Елатомский?!.. Я, говорить, скорби пойду баклуши бить, чёмъ пойду служить у васъ подъ начальствомъ, потому что вы, говорить, и такіе и этакіе... подлецы, говорить... взяточники, казнокрады... и, чорть знаеть, чего, какихъ дерзостей не наплелъ! И вому же? Хавазову! который того и гляди что выскочнть въ директоры генералъ-губернаторской канцелярін... Какъ это вамъ нравится, уменъ онъ послѣ этого? А?.. Уменъ, я васъ спрашиваю? — Вмѣсто того, чтобы поблагодарить меня, — я же за него вланялся... просилъ. И что же? Вралемъ меня назваль! Ну, не бестія не онъ послё этого! не ваналья-ль?

И, стащивъ съ себя галстувъ, еще гроиче продолжалъ Трофимъ Евлампіевичь.

- Мало этого... нивогда, говорить, я за Зою Меркуличь не сватался, никогда, говорить, она мий не отказывала и, если эти слухи распустиль Трофимъ Евлампіевичь, то онъ вреть!

Зоя врбпво ухватилась за спинку вресель, чтобъ не упасть въ обморовъ, но отецъ, въ однихъ брюкахъ, сталъ ходить по гостиной и вричаль, не обращая на нее вниманія.

Тонъ II.-Апръль, 1879.

— И опять, значить, я враль! Чорть его поберн!.. Свинья онъ этавій! И чёмъ вы думаете это вончилось? Сошелся онъ съ графомъ Гиввеленъ, съ твиъ самымъ промотавшимся графчивонъ, котораго, не позже первыхъ чиселъ августа, за долги, я же посажу въ тюрьму, въ долговое отдёленіе, и послаль его въ Хавазову. Какъ вы думаете, зачёмъ? Ну, какъ вы думаете? Визвать его на дурль... Это сегодня утроиз... на дурль!.. Не успъль Хавазовъ главъ продрать... на дуель!.. Разумбется, его превосходительство, выслушавъ графа, повазалъ ему на дверь и даже не сталъ съ нимъ разговаривать... Еще бы! Такъ воть онъ на кавія фортели сталь пускаться, — вашь-то Елатомскій! — А я-то принималь его... я-то думаль!.. Ахъ, ты канальство этакое!.. какимъ умникомъ прикинулся... думалъ, звёзды съ неба хватаетъ... Знаеть, где раки зимують! и что же!.. Да я... я пускать его въ себѣ не велю!.. да и вы... строго я вамъ запрещаю принимать его!..

--- Папа́... я дала ему слово, -- тихо пролепетала Зоя, дрожа всёмъ тёломъ.

- Кавъ! Ты... А вавъ ты смбла?..

--- Да вы бранили меня, зачёмъ я ему отказала, вы меня бранили...

И Зоя залилась такими истерическими слезами, что мать бросилась поддержать ее, а Трофимъ Евлампіевичъ остановился въ недоумѣніи, съ отврытымъ ртомъ, откинувъ назадъ голову и выпятивши животикъ свой.

Что всявая дёвчонка строить глазки и любить разныя шурымуры, что за каждой изъ нихъ нужно присматривать это онъ зналъ; но что Зоя влюблена, это ни разу еще не пришло ему въ голову, онъ былъ слишвомъ практиченъ для такихъ наблюденій, въ первый разъ онъ это подумалъ, и пришелъ въ недоумѣніе...

---- Ужъ ты не влюблена ли въ него? А?---спроснаъ онъ дочь свою тономъ ниже.

--- Я виновата, я во всемъ виновата, -- рыдая и ломая руки, проговорила Зоя. -- Бейте меня, браните, выгоните вонъ меня... я виновата!..

--- Нивто не будеть бить тебя... нивто, Зоя! Что ты! Что съ тобою!---лепетала растерявшаяся мать, ухаживая за дочерью.

Въ это время, изъ дверей спальной, повазались головки Юлиньки и Люлиньки. Увидавъ рыдающую Зою, онъ ей высунули языки и засмбялись.

- Пошли вонъ!-притопнувъ ногой, кривнулъ на нихъ Тро-

Digitized by Google

702

финъ Евланціевичъ в, сурово поглядёвъ на жену свою, ушеть къ себе въ комнату.

- Что же об'вдать! - сказалъ онъ черевъ полчаса, полурастворивъ дверь въ сумрачную, отъ закрытыхъ ставенъ, гостяную. --Слевы слезами, а об'вдъ об'вдомъ. Я и самъ не радъ, что вашъ Елатомский дуракъ; я самъ не радъ, а плакать не стану... Ей Богу! Ну... оставь се, жена... Пускай себъ хнычетъ... Такая же видно дура! Какъ будто даннаго слова нельзя и назадъ воротить. Слова — не деньги, что за черемонія!

XIII.

А надъ Елатонскимъ стряслась такая бёда, которой никто и ожидать не могъ, которой даже самъ Трофимъ Евлампіевить не могъ бы предсказать ему.

Не дождавшись съ вечера ни отвъта, ни привъта отъ Захара Николаевича Хавазова, онъ предположилъ, что Сашинъ, изъ трусливой подлости, не передалъ ему его записки, и въ 11-мъ часу ночи пошелъ къ графу Гиккелю, не засталъ его дома, и оставилъ ему записку, совершенно ненужную, послъ разговора ихъ, записку, въ которой значилось:

«Будьте такъ добры, графъ, отъ Х., завтра утромъ, прівзжайте прямо во мив, буду ждать васъ... съ нетеривніемъ».

Ночью, вернувшись домой, онъ писаль коротенькія письма и заключиль ихъ длиннымъ письмомъ на Каввазъ къ Уютину, которому онъ описываль свое столкновеніе съ Хавазовымъ, и, на случай смерти, прощался съ нимъ. «Каждый человъкъ, — писалъ онъ, — видя передъ собой обду неминучую, становится фаталистоять, такъ и я. Нуженъ я еще для чего-нибудь въ эвономіи природы, или въ жизни человъческой, — буду цёлъ, здравъ и невредимъ; не нуженъ — судьба меня вычеркнеть изъ списка, и хорошо сдёлаетъ... Увы! сдается миё, что я ни для чего не нуженъ. Будь я нуженъ для теперешняго строя русской жизни, или хоть для приплода, я бы иначе велъ себя. Итакъ, если пуля уложитъ меня спать вёчнымъ сномъ, не брани меня! Вёдь ты не станешь же бранить дерево за то, что вётеръ его повалитъ... да и вётра ты бранить не станешь— «что дъйствительно — то разумно», по философіи Гегеля, а Гегель... это солнце; только орлы и могутъ на него глядёть, а я бы непремённо ослёнъ, если бы вадумалъ унирать въ него свои слабыя очи»... и т. д.

Всёми этими разсужденіями Елатомскій думаль себя совер-

шенно усповонть, но... не все сповойно было у него на душё... Жаль было жизни... досадно было портить свою молодость. — По временамъ слова Бавина отзывались въ ушахъ его: «глупости! глупости! все это глупости!» Но если Хававовъ не глупъ, вто мёщаетъ ему написать и прислать свое извинение.

«Я самъ, продолжалъ онъ думать, ничуть не вровожаденъ. Но... что же мнё слёдуетъ дёлать? Неужели позводить всякому болвану пальцемъ грозиться мнё! Если онъ не глупъ, пусть извиняется!»

Хавазовъ дёйствительно былъ не глупъ. Когда, на другое утро, явился въ нему графъ Гиккель, въ качестве секунданта, онъ сказалъ ему: «дайте еще подумать, пріёзжайте черезъ чась, я буду дома».

Графъ пришелъ въ нему черезъ часъ, но ему свазали: барина дома ибтъ!

- Ну, такъ я буду ожидать его, - сказалъ графъ.

---- И не дождетесь, --- сказалъ ему камердинеръ. --- Убхали и прібдуть не скоро, развѣ къ ночи...

А Хавазовъ, захвативъ съ собой записку, полученную имъ отъ Сашина, поёхалъ къ генералъ-губернатору и предъявивъ ее, сказалъ:

--- Считаете ли вы возможнымъ, ваше высокопревосходительство, чтобъ всякій недоучившійся молокососъ нивлъ право вызвать на дуэль лицо, состоящее на службё и въ такомъ чинѣ, что такіе вызовы могуть только компрометтировать!

--- А! я распоряжусь! -- сказаль генераль-губернаторь, внаменитый въ то время, Павель Ивановичь Өедоровь.

Скажу о немъ нёсколько словъ.

Представьте себѣ человѣка — высокаго, широкоплечаго, остриженнаго по-солдатски и съ манерами, далеко не свѣтскими, человѣка, созданнаго какъ-бы для того, чтобъ быть совершеннымъ контрастомъ графу Воронцову, котораго аристократическое достоинство нисколько не страдало отъ его утонченной вѣжливости, или отъ того, что его сіятельную руку не разъ пожимала рука бѣднаго колониста, ремесленника или татарина.

Когда вто-то упрекнулъ графа Воронцова за его покроветельство бѣглымъ крѣпостнымъ людямъ и за ихъ распущенность, онъ сказалъ: «мое дѣло заселить пустынный и обшерный край, мнѣ нужны рабочія руки; водворать же между ними порядокъ, это дѣло будущаго».

Можеть быть, не слово въ слово привелъ я этоть отвёть, но смыслъ его быль именно таковъ.

704

Генералъ-губернаторъ Өедоровъ, въ отсутствіе графа, новидимому, вовсе не сталъ дожидаться этого будущаго и тотчасъ же весь край взялъ въ ежевыя руки. Затрепетали жиды-контрабандисты, затрепетали губернсвіе и уйздные лихоимцы, притихли объглецы, стали трусить воры, душегубцы и фальшивые монетчики.

Өедоровъ, какъ снътъ на голову, иногда вдругъ, неожиданно, являлся то въ уъздный судъ, то въ пожарную часть, то въ острогъ, то наъзжалъ на исправника, то ловилъ станового, и безъ всякаго снисхожденія каралъ малъйшее злоупотребленіе или упущеніе.

Разсказывають, что когда исправники получали оть него бумагу: поймать или изловить такого-то (бродягу или разбойника), только тогда и начинали дышать свободнье, когда въ подписи Федорова не находили какого-то, имъ однимъ извъстнаго условнаго знака, какой-то черточки или закорючки, такъ какъ эта черточка или закорючка въ переводъ означала слъдующее: «если ты, такой-сякой, въ самый кратчайшій срокъ да не исполнишь моего предписанія, то, берегись! Я тебя, голубчикъ, въ бараній рогъ согну».

Одинъ изъ приближенныхъ графа М. С. Воронцова мастерски-картинно разсказывалъ, какъ, однажды, во время поёздки графа по краю, въ какомъ-то мёстечкё, евреи встрётили его у своей сивагоги, яко пророка, съ длинными свёчами, и какъ эти свёчи спокойно и торжественно горёли; но едва только въ свитё графа увидали они загорёлое лицо Оедорова, фигуры ихъ вытянулись, руки стали лихорадочно трястись и свётильники стали подплясывать.

Несомнённо, что Өедоровь о Елатомскомъ не имёлъ ни малёйшаго понятія, и, какъ человёкъ, вышедшій изъ простого званія, не имёлъ утонченнаго понятія о дворянской чести, нначе сказать, на дуэль смотрёлъ только съ дёловой точки зрёнія, а въ дуэлистахъ видёлъ не болёе, какъ нарушителей порядка, причиняющихъ немало всяческихъ хлопоть какъ людямъ, такъ и администраціи.

--- Хорошо, -- свазалъ онъ Хавазову, -- будьте сповойны, я распоряжусь.

Хавазовъ убхалъ на службу и, говорять, все утро ни на кого не ворчалъ, молча подписывалъ бумаги, не хохоталъ и не ругался...

А одессвій полиціймейстеръ, — еще молодой человёкъ, съ небольшимъ лёть тридцати и уже полковникъ, франть, любезникъ и волокита, — въ то же утро получилъ привазъ арестовать дъйствительнаго студента Елатомскаго за вызовъ на дузль дъйствительнаго статскаго совътника Хавазова, и посадить его на гаунтвахту и внушить, что если онъ не оставитъ своего намърения, то будетъ высланъ изъ края немедленно.

«Чортъ возьми! — подумалъ полиціймейстеръ, моргнувъ и глазами и усомъ, — вакая глуперищая исторія!...»

Давно-ли, дня три-четыре тому назадъ, на бульварѣ онъ подсажывался въ Елатомскому, въ этому милѣйшему малому, отъ котораго сама графиня Ш—ель была въ восторгѣ, и сообщалъ ему, какъ новость, что въ Одессу прибыла изъ Тріента удивительная красавица, родомъ изъ Бухареста, воспитанная въ Питерѣ и жена какого-то итальянскаго банкира, старика лѣть 60-ти, что этотъ банкиръ далъ ей полную волю жунровать, и что, стало быть, не грѣхъ за ней пріударить.

Онъ готовъ былъ на амикошонство сойтись съ Елатомскитъ и вдругъ долженъ арестовать его.

Дёлать было нечего, съ Өедоровымъ шутить нельзя.

Это было около двухъ часовъ пополудни. Въ это время у Елатомскаго въ комнатъ, на томъ же стулъ, на которомъ сндълъ наканунъ Сашинъ, — сидълъ графъ Гиккель.

Онъ давно уже передалъ Елатомскому о своихъ неудачныхъ визитахъ въ Хавазову. Оба они вурили и, весело остря, смъялись. У Елатомскаго отлегло отъ сердца. Онъ сдълалъ свое дъло:

У Елатомскаго отлегло оть сердца. Онъ сдёлалъ свое дёло: вызвалъ за дерзкое съ нимъ обращеніе и былъ очень радъ, что дуэли не будетъ. Онъ даже мысленно торжествовалъ: Хявазовъ оказался трусомъ и одесская интеллигенція этого не простить ему... Одно было ему досадно, — письмо его въ Тифлисъ уже съ утра отнесено было Авсёномъ на почту... Если-бъ было возможно, Едотомскій воротилъ бы его, и написалъ бы другое, безъ предчувствій и равсужденій о своей ненужности.

Бавинъ, который все время, молча, слёднлъ за Елатомскимъ, и догадывался, что онъ затёваеть что-то недоброе, въ первый разъ, послё разговора о дуэли, издали, услыхалъ смёхъ и голосъ своего сожителя. Смёхъ этотъ для него былъ добрымъ вёстникомъ: «Эге!» подумалъ онъ: «видно трагедіи-то не будеть!»

И воть, онъ съ длиннымъ чубувомъ вышелъ изъ своего одиночнаго заключенія, прошелъ въ комнату къ Елатомскому, сухо отрекомендовался гостю, и снисходительно модча сталъ слушать разговоры ихъ.

— О, да, — сказаль графъ — l'amour c'est une folie, mais c'est une jolie folie.

«Что на это сважеть Елатомскій?»—подумаль про себя Бавинь. Но Елатомскій ничего не сказаль, —только засмѣялся.

— Да, есть люди, — свазалъ Бавинъ, — для которыхъ вся жизнь, по миёнію Лермонтова, — пустая и жалкая шутка! Для кого она пуста, тому и простительно наполнять ее всякими любовными шутками...

- А вы были влюблены? - спросилъ графъ, точно выстрѣлилъ, и насмѣшливыми, цыганскими глазами, снизу вверхъ, поглядѣлъ на Бавина.

Бавинъ сконфузился, - онъ не ожидалъ такого вопроса.

- Нёть... не быль, -просврипёль онъ, нахмурившись.

— Ну, такъ вы и не знасте, что это за штука, какая это милая и измънчивая игра фантазіи... У меня ся много... этой фантазіи, и я бы удавился, если бы у меня ся не было...

Богъ знаетъ, чёмъ бы окончилось это начавшееся между ними препирательство, если бы, вдругъ, въ сосёдней комнатъ, не послышалось бряцанья шпоръ и сабли, заглушаемое неистовымъ лаемъ Карая...

На порогѣ появилось румяное, съ лоснящимися глазами и съ лоснящимися усами, лицо полиціймейстера...

- Здёсь г-нъ Елатомскій?

— А! здравствуйте... кавими судьбами?

- Я за вами. Уфъ!-усталъ. Думалъ, что не застану васъ. Здравствуйте, графъ, ваше сіятельство!

— Куда же вы хотите везти меня? — не безъ удивленія спросвлъ Елатомскій.

— Ужъ и не спрашивайте! — махнувъ рукой — отвѣчалъ поанціймейстеръ. — Дайте чего-нибудь покурить! — цѣлое утро затянуться не успѣлъ... — проклятая должность!

Аксенъ принесъ чубукъ, картузъ съ табакомъ и свъчку.

— Благодарю... Собирайтесь, милёйтій Елатонскій, — время дорого.

Елатомскаго. что-то кольнуло подъ самое сердце. Глаза всёхъ обратились на незванаго гостя, туго перетянутаго шарфомъ, затянувшагося и съ легкимъ шумомъ пускающаго длинную струю табачнаго дыма изъ молодцоватой груди своей.

— Что дёлать! — пожавъ золотыми плечами, сказалъ полиціймейстеръ. — Мий велёно васъ арестовать и отвезти на гаунтвахту. — Вотъ, полюбуйтесь-ка, какое я получилъ сейчасъ предписаніе...

Елатонскій прочель бумагу и передаль се Бавину...

- Такъ этоть подлецъ вздиль жаловаться на меня въ генераль-

губернатору! — Ну, что дёлать — поёдемте. Эй, Аксёнъ, собери мнё... ... Надёюсь, вы позволите мнё взять хоть подушку...

--- Это вы все получите: пришлете кавого-нибудь соддата, и напишите, что вамъ будетъ нужно, не въ острогъ же я веду васъ, въ самомъ дѣлѣ!... Да и законъ не запрещаетъ...

- А меня вы арестусте?-спросаль графь.

— Васъ?-нѣть.

--- Слёдуетъ вамъ и меня арестовать --- я въ секунданты напрашивался...

— «Вамъ!»—да развѣ это я? Какое мнѣ дѣло! Да у насъ, въ гвардіи, я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ... Дуэль — дѣло самое обыкновенное. Тутъ не я, а вотъ эта бумажонка.— Читаля?

--- А на-долго? -- спросилъ Елатомскій, съ помутнышися лицомъ, кусая губы, и въ то же время стараясь быть какъ можно равнодушите.

---- Увѣренъ, что не на-долго... --- Увѣренъ! Ну, дней патьшесть посидите... --- не велика бѣда!.. Я же самъ поѣду къ Θедорову, и буду хлопотать за васъ. Поѣденте!...

- А если я оть вась уб'вгу?

Полиціймейстерь удивился, вытаращиль глаза и захохоталь.

- А если убъжите?...- Федоровь шутить не любить.

— Какой Өедоровъ?

--- Генералъ-губернаторъ.--Неужели вы и этого не знаете, милъйший вы человъкъ!...

— Ахъ, да! — слышалъ. — Ну, прощай, Адріанъ! — Жаль, если ты убдешь. Впрочемъ, вланяйся Нинъ.

— До свиданья, графъ... — Благодарю васъ за рискъ. Удержите на всявій случай для меня ту комнату, которую мы съ вами видѣли... А что, monsieur le colonel, могутъ они до этой гауптвахты проводить меня?

— Да вёдь это близехонько— на Соборной площади, — свазаль полиціймейстерь. — У меня же дрожки, а живо довезу вась.

Пока онъ, такимъ образомъ, утвшалъ Елатомскаго, Елатомскій, крбпко, раза три поцёловался съ Бавинымъ, взялъ свою шляпу, захватилъ со стола первую попавшуюся ему подъ-руку книгу, засунулъ въ карманъ пачку сигаръ, пощупалъ, съ нимъ ли носовой платокъ, и блёдный — вышелъ изъ комцаты, рядомъ съ полковническими эполетами.

За воротами ждала ихъ легонъкая пролетка, запряженная парою ухорскихъ лошадей въ пристяжку и съ кучеромъ на козлахъ, который тоже, выпуча глаза, глядёлъ русскимъ ухаремъ.

XIV.

Была уже ночь. Хавазовъ въ клубе игралъ въ преферансъ. Сашинъ на этотъ разъ измёнилъ ему;.. — его не было ни за карточнымъ столомъ, ни въ газетной. Два, три человѣка военныхъ (отправляющихся въ Тифлисъ), прохаживались по комнатамъ, и, не находя себё партнеровъ или не желая проигрываться, скучали въ ожиданіи ужина. Нѣкто Ильинъ, знаменитый въ то время разсказчикъ, ходячій музей всевозможныхъ исторій и смёшныхъ анекдотовъ, тотъ самый Ильинъ, котораго присутствіе до такой степени было необходимо для процвётанія одесскаго клуба, что клубъ, въ стёнахъ своихъ, отвелъ ему даровую квартиру, такъ какъ человѣкъ онъ былъ очень бёдный, нигдё не служилъ и пользовался всеобщимъ расположеніемъ, — Ильинъ былъ тоже не въ ударё и, засёвши въ уголокъ, въ неизмённомъ холстяномъ сюртукё и шароварахъ, разговаривалъ вполголоса съ княземъ Г — , будущимъ кутансскимъ губернаторомъ, не предчувствуя, что онъ, будущій кутансскій гость его, погибнетъ у него въ кабинетё вмёстё съ нимъ отъ кинжала разсвирёцьвита осетинскаго княза.

разсвирбибвшаго осетинскаго внязя. — Правда ли, — спросвяъ этотъ Ильинъ, подходя къ играющему въ карты Хавазову, — правда ли, что Елатомский на гауптвахтѣ за то, что вызывалъ васъ на дуэль?

— А почемъ я внаю! — красный, какъ красная мъдь, — отвъчалъ Хавазовъ... — А что этотъ молокососъ нагрубилъ мнъ и меня же вызвалъ... это правда. Тоже — секунданта прислалъ! Какъ же! Да я... я его спровадилъ, друга любезнаго... Всякій недоросль, всякій дуракъ будетъ изъ фанфаронства вызывать.... а я буду такой же дуракъ, что ради его буду подставлять ему свою голову или портить жизнь свою! Какъ же, держи карманъ!

— А вы на него жаловались? — спросилъ Ильинъ, облизываясь, заложа руку за пазуху и глядя на него съ боку своими свътлосърыми, немного оплившими глазками.

— Пасъ!... — пробормоталъ Хавазовъ, разбирая на рукахъ карты.

- Я куплю...-отозвался одинъ всъ нгравшихъ.

709

— Дошла эта исторія до Өедорова... онъ и того... и распорядился... и хорошо сдёлаль. Это не то, что вашъ графъ Михаилъ Семеновичъ... баловства не любить... Знаю, знаю, вы готовы заступаться! знаю... — продолжая играть, ворчалъ Хавазовъ. — Сами вы... небось... того... Ну, да что съ вами говорить!... — А вы съ чего это пошли? — обратился онъ вдругъ въ своему партнеру... — Какъ же вамъ не грѣхъ! Игра какъ на ладони, а вы... Чортъ знаетъ, что это такое!... Съ вами играть нельза! Какую игру погубили!... Почему вы не пошли съ трефъ?!. Что, мы лапти, что-ли, плетемъ? Это не игра... это чортъ знаетъ что!

Въ это время Сашинъ, пользуясь темнотою душной ночи, прохаживаясь мимо дома Меркулича и увидавши что-то бълёющееся въ раскрытомъ окнъ гостиной, подошелъ къ нему.

Бѣлѣющееся пятно въ окнѣ отскочило въ глубь коменты и стушевалось.

— Это у васъ резеда на окнѣ? — Слышу такъ хорошо, сладко пахнетъ, я и остановился, — проговорилъ Сашинъ, стоя на улицѣ.

--- Бѣлѣющееся пятно услыхало знавомый голосъ и опять выступило изъ мрава.

- Это вы, Иванъ Ивановичъ?

«А! я зналъ, что это Зоя!.. Остальные спять, она не спить... я... я зналъ»...-подумалъ про себя Сашинъ.

- Что же это вы не спите. Зоя Трофимовна?

- А вы что не спите?

- Я все хожу, да все думаю, о нашемъ другѣ, Елатонсвомъ.

- Разві вы его другь?-Что же вы о немъ дунаете?

- Я сожалью о немъ. Жизни не знаетъ... не понимаетъ людей, думаетъ, что можно лбомъ ствну пропибить. Я говорилъ ему... я говорилъ... будьте осторожны! Ну, вотъ, и... допрыгался.

- Да что съ нимъ такое?

— А вы не знаете?

— Не знаю...

— Подъ арестомъ, въ тюрьмъ сидить.

Зоя помолчала.

- Не правда...- произнесла она шопотомъ.

— Я такъ слишалъ... въ тюрьий сидить.

— На гауптвахтѣ, а не въ тюрьмѣ...

- Ну, воть, вы лучше меня знаете... Оттого и не спите.

Зоя уже сидёла радонъ съ резедой на подоконникё, и Сашинъ видёлъ уже не патно, а дёвушку въ шемизеткё, съ коротенькими рукавчиками и въ юбкё, дёвушку съ глазами, которые чериёлись и какъ-бы расплывались въ темнотё, слабо оваренной фонаремъ съ противоположной стороны улицы.

- А скоро его оттуда выпустать?

- Если похлопотать, то скоро. - Хотите, я похлопочу.

— Развѣ вы умѣете... хлопотать?

— Я хоть и «морское чучело», а все-таки человѣкъ... захочу хлопотать, такъ ужъ все пущу въ ходъ.... все, барынямъ ручки стану цѣловать, самого Хавазова уговорю, пристыжу, усовѣщу...

- Хорошо, похлопочите, милый Иванъ Ивановичъ.

— Ara! «милый»! А что вы мнѣ за это... чѣмъ вы меня за это наградите?

- Я не знаю чёмъ... Чёмъ же я могу вознаградить васъчёмъ?!- уже съ увлеченіемъ проговорила Зоя...

— И я не знаю.

- Ну, я за это при немъ поцёлую васъ.

- При немъ! - съ горечью повторилъ Сашинъ. - Вы все еще думаете, что онъ на васъ женится.

- Нѣтъ, я этого не думаю.

- Что же вы думаете?

— Я ничего не думаю.

--- Нѣть... я хлопотать за него не стану... нѣть!.. Еще чего добраго, надѣлаеть онъ дѣлъ... Сумасшеднихъ держать надо на привязи...

- Что же онъ можетъ надълать?

- Что?..-а возьметь пистолеть, да и выстрёлить.

— Въ кого?

— Въ меня, — въ Хавазова, въ вашего папашу. Почемъ я знаю.

---- Ну... въ васъ онъ не выстрёлить...-какъ-бы соннёваясь въ словахъ его, медленно проговорила Зоя.

Сашину вообразнлось, что въ словахъ Зои тантся самая ядовитая насмёшка, или такое презрёніе, какого еще никто, съ тёхъ поръ, какъ на свётё живеть онъ, не смёлъ выражать ему. «Гм!» подумалъ онъ,—я такое ничтожество, но ся мнёнію, что даже не зачёмъ и стрёлять въ мена! Я никому не помёшаю—я не могу быть ни опаснымъ соперникомъ, ни врагомъ словомъ, ничтожество... въ полномъ смыслё слова!.. и... не тодько досада — злость на Зою невельнулась въ душё его...

А Зоя просто думала, что Сашинъ боится за жизнь свою и

хотёла его успоконть. Не до того ей было, чтобы шутить или ядовито острить надъ Сашинымъ.

— Ну, прощайте, — свазалъ Сашинъ, — если будетъ возможно, похлопочу, чтобъ Елатомскаго изъ Одессы выслали. Я его ненавижу... и ненавижу отгого, что вы... съ тёхъ поръ, какъ онъ пріёхалъ, стали презирать меня. Прощайте!

И, медленно повернувшись, онъ удалился отъ окна и исчезъ во мрамѣ.

Зоя закрыла окно, прилегла на диванъ и слезы... о! эти слезы! — капля за каплей, неудержимо потекли по щекамъ ся. Она похудъла. Мысль, что своей ложью довела она Елатомскаго до такого раздражения, что онъ «вралемъ» назвалъ отца ся и вызвалъ на дуэль Хавазова, день и ночь не давала ей покою... «О! если бы только могла я за него пострадать, съ какою бы радостью за него я мучилась... чего бы не вынесла!»

А Сашинъ медленными шагами дотащился до своей квартири.

Затёмъ, всю ночь, лампочка подъ зеленымъ абажуромъ горёла въ его комнатё, съ развёшанными по стёнамъ литографированными и раскрашенными нимфами и освёщала тускло-зеленоватымъ свѣтомъ грузное туловище Сашина. Онъ лежалъ не на постель, а на своемъ широкомъ канапе, на которомъ, неръдко, проводнят онъ цълыя ночи, особливо лътомъ. Передъ нимъ стоялъ низеньвій столикъ, съ откупоренною бутылкой дорогого рейнвейна; темно-зеленый, точно черпый, ставанчивъ, кавъ-бы завязнувши въ мятвой рукв его, то опускался, то медленно приподнимался въ его маленькому припухшему ротику; если бы не этоть ставанчивъ, трудно было бы издали и отличить, гдѣ у него голова, гдѣ грудь, гдѣ шея. Лежалъ онъ въ одной ванаусовой желтаго цвёта рубашкё, в только голыя ноги его были приврыты плэдомъ. Завёшанныя пестрыми гардинами, окна были отворены настежъ, и такъ какъ Сашинъ жилъ въ нижнемъ этаже, то всякій воръ могъ бы весьма легко съ улицы перелъзть въ нему въ вомнату, но онъ не думалъ о ворахъ, онъ думалъ объ Елатомсковъ, которому вавидовалъ; о Хавазовѣ, котораго мыслено осуждаль и которому поворялся; о Зов, которую любиль, и о своемъ ничтожествъ.

— Какъ а сегодня тонко выпыталь у нея и признаніе въ люби къ этому счастливцу... и что она обо мнѣ думаеть...—Экое торе, что попаль на гауптвахту! да я бы за такое горе тысячи рублей не пожалѣль. Еще героемъ бы прослыль, заставиль бы всёхъ говорить о себѣ... Бывають же на свътѣ такіе счастливцы!

Зеленый стаканчикъ приподнялся и прикоснулся къ губамъ его.

Кну вспомнилось открытое окно, запахъ резеды и легкое, какъ дымка, очертаніе полу-раздётой дёвушки. Онъ вспомниль ту злость, которая закипёла въ душё его... и Сашинъ опять опустиль стаканчикъ свой.

--- Какая безплодная влость!.. Какое ей дёло!

Ночной воздухъ покачнулъ гардины, онй надулись, зашуршали и слегка раздвинулись. На Сашина пахнуло предразсвётной ночною свёжестью. Онъ вздохнулъ, ему показалось, что какой-то незримый духъ посётилъ его... но опять все стало тихо, зеленовато-сумрачно и сонно... Онъ закрылъ глаза, опять поднялъ стаканчикъ и губы его чмокнули, точно онъ поцёловалъ воображаемую имъ красавицу.

Когда онъ допнаъ до дна всю бутылку и задремалъ, ему казалось, что кто-то треплеть его и ласкаетъ. Точно струйки ручейка набъгаютъ на него... Точно Зоя, въ видъ русалки, опускаетъ надъ нимъ черные, какъ смоль, щекочущія волосы свон... Зубы Зои сверкаютъ надъ нимъ ослъпительной бълнзной своей... голосокъ ся насмъщанно говоритъ ему:---ну! вотъ и я!.. ну, что же? что же ты лежнить какъ чурбанъ!... Не двигаешься, точно каменный! Эхъ, ты... чучело, чучело ты заморское!..

И тяжело ему — ни рукой, ни ногой не можеть онъ двинуться. — Боже мой! кто это? Неужели это она?.. Зоя встала однимъ колёномъ на грудь его, соскользнула и опять хохочеть...

Какъ видно, бутылка стараго вина, прежде чёмъ усыпить его, стала наполнять мучительную дремоту его безпрестанно измёняющимся, соблазнительнымъ образомъ Зон. Наконецъ, пустой стаканчикъ выпалъ нуъ руки его и послышался легкій храпъ.

Во снѣ Сашинъ былъ и тоновъ, и смѣлъ, и лововъ. Безъ одышви взбѣгалъ на какія-то высокія, мраморныя лѣстницы, волочился, чей-то черный, восточный глазъ все время любовно и робко слѣдилъ за нимъ, а онъ скакалъ верхомъ на бѣшеной лошади, вызвалъ кого-то на дуэль и убилъ своего соцернива.

Лампочка его погасла и распространила чадъ на всю комнату. Заря заглянула въ окна.

Поздно проснулся Сашинъ. Долго, лежа, старался приномнить онъ, кого это убиль онъ во снъ и думаль:

«Какъ я жилъ, какъ полна была жизнь моя, пока я грезилъ. О, противная, жалкая дъйствительность! Пора одъваться, илестись въ канцелярию и слушать длинные разсказы Хавазова о томъ, какая у него была вчера масть на рукахъ, какъ онъ ремизилъ и какъ его ремизили».

XV.

Въ сорововыхъ годахъ Одесса помѣщала въ стѣнахъ своихъ около 60-70 тысячъ жителей. Верхній слой одессваго общества, навъ масло на поверхности воды, былъ не особенно глубовъ и не особенно блестящъ, несмотря на множество именъ съ преданіемъ и людей зажиточныхъ. Всё другъ друга знали и, несмотря на интриги и сплетни, рѣдко ссорились. Каждый другъ другу прощалъ грѣнки его, и никто другъ друга не уличалъ настолько, чтобъ въъ-за этого выходнатъ скандалъ на весъ городъ. Ссора неоперившагося юноши съ такимъ пътухомъ, кажниъ назался Хавазовъ, можетъ быть потому и произвела нѣкоторый шумъ, что это былъ едва-ли не первый скандалъ въ продолжения всего лѣтняго сезона.

Масса пробежихъ, — бдущихъ, кто въ Крымъ, кто на соленыя озера, кто на Кавказъ, по слёдамъ намъстника, разумъется, объ Елатомскомъ и о Хавазовѣ не имъла ровно никакого понятія; но постоляное одесское общество (хотя и оно тоже по большей части разъбхалось) скучало, и, стало быть, ничего нъть мудренаго, что за арестъ Елатомскаго оно ухватилось, какъ ва развлеченіе: одни стали бранить, другіе хвалить его, и бранили не за то, за что слёдуетъ, и хвалили не за то, ва что слёдуеть.

Богъ знаетъ, почему многіе нать числа людей, болѣе или менѣе отъ службы независимыхъ, воображали себѣ, что Елатоискій одинъ вать молодыхъ людей, подающихъ надежды. Какія надежды? на какую такую должность или общественный трудь въ будущемъ? — этого, конечно, никто изъ просвѣщенныхъ одесситовъ даже и не позаботился объяснить себѣ.

Одинъ Бавинъ думалъ, что онъ будетъ ученый труженикъ — п разочаровался. Только невёжественный Меркуличъ полагалъ, что Елатомскій отлично пойдетъ по службё: получитъ, рано или поздно, хорошее содержаніе, и, по милости связей, будетъ кое-какія дѣлишки направлять вправо и влѣво, смотря по надобности, — и тоже разочаровался.

Напротивъ тѣ, которые Богъ знаетъ что воображали себѣ подъ словомъ «надежды», услыхавъ объ его вызовѣ Хавазова и его арестѣ, еще пуще прежняго утвердились въ этихъ надеждахъ, туманныхъ и безотчетныхъ. Особенно тѣ, которые мысленно терпѣть не могли Хавазова, задѣтые рѣзкимъ языкомъ его, отнеслись къ Елатомскому съ большимъ сочувствіемъ.

Но то, что не объясниле себё эти надёвощіеся и сочувствующіе, было вовсе не трудно объяснить.

Когда наступаеть время или, что одно и то же, подростаеть илемя, предчувствующее непабёжность тёхь или другихь реформь въ будущемь; когда въ интеллигенціи (какова бы она ни была) просыпается совнаніе, что такъ дёла идти не могуть, что старый порядокъ идеть не въ гору, а подъ гору, невольно взоры обращаются на тёхъ молодыхъ людей, которые, иногда по неопытности или наивности, высказывають то, что другіе таять про себя.

Елатомскій быль именно однимь изъ этихъ неонытныхъ и наменыхъ смёльчаковъ. Почему, думалъ онъ, не говорить миё противъ крёпостного права, если оно претитъ миё! Почему я долженъ хвалитъ то закорузлое, рутинное чиновничество, которое, по-моему, утратило божій образъ, а стало быть и человёческій! Почему я долженъ быть слёпъ въ скандаламъ и безобразіямъ семейнаго быта, и проч. и проч.

Елатомскій не былъ краснорёчнеь, подобно Эвиной, и не думалъ о томъ, чтобъ пропагандировать свои уб'яжденія; онъ даже не вполнѣ вёрилъ ей, даже въ себѣ сомнѣвался. Но онъ былъ настолько искрененъ среди неискреннихъ, настолько наивенъ среди многоопытныхъ, и настолько свёжъ среди увядающихъ, что въ средѣ этихъ лицемёрящихъ, трусливыхъ и увядающихъ, ироизводняъ самое пріятное впечатябніе, т.-е. внушалъ такія же неопредѣленныя надежды, какъ неопредѣленны были его собственныя цѣли и стремленья.

Не даромъ Сашинъ, которому судьба отказала въ возможности быть героемъ не только въ жизни, но и на страницахъ романа, и который, къ несчастію, былъ такъ уменъ, что не могъ не сознавать своего безсилія, глубоко, отъ всей души завидовалъ и завидовалъ никому другому, какъ Елатомскому, одному изъ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, но съ такими качествами, которыя, несмотра на его безхарактерность и безденежье, придавали ему видъ человъка, независимаго ни отъ какихъ Фабровъ, Ахлестышевыхъ, Хавазовыхъ, Росконаки и tutti quanti.

Ничего этого даже и не подозр'ввалъ самъ Елатомскій. Первые три дня, на гауптвахтѣ провелъ онъ полный такой тоски и отчанья, что похудѣлъ, повеленѣлъ даже. Онъ уже воображалъ себѣ, что для него все кончено, что онъ ошельмованъ и обезчещенъ насиліемъ; что просидитъ онъ не песть дней, какъ увѣрялъ его полиціймейстеръ, а шесть мѣсацевъ; что когда его выпустятъ, онъ будетъ окончательно безъ всякихъ средствъ къ существованію; что отецъ махнетъ на него рукой, какъ на погибшаго сина, и что нигдё никакого мёста, ни въ Одессё, ни на Кавказё, онъ уже не найдеть себё. И въ обществё его совершенно забудуть; даже Зоя въ это время успёсть выдти замужъ и, встрётившись съ нимъ, постарается не узнавать его. А Хавазовъ донесеть на него за какія-то свяни съ какими-то подозрительными лицами, и курьерская тройка умчитъ его туда, куда Макаръ телять не гоняль.

Комната, гдё его помёстели, была довольно просторная, съ рёшетчатымъ окномъ (обыкновенныхъ размёровъ), выходящимъ въ переуловъ, но она показалась ему отвратительной. Онъ тотчасъ же сталъ курить, чтобъ избавиться отъ ся запаха, какогото особеннаго запаха водки, тютюна и пареныхъ вёниковъ.

Несмотря на то, что караульный офицерь (который приналь его подъ росписку) оказался говоруномъ и добрымъ малниъ, тотчась же, съ наступленіемъ сумеровъ, послаль унтера за его одбяломъ, простыней и подушвами, и затёмъ, предложивъ сму закусить и вышить, весь вечерь развлекаль его разными разсказами изъ своей ранней молодости, ранней трактирной жизни и ранняго разврата, причемъ хохоталь, хвастаясь своимъ удальствомъ, н... увърядъ Елатонскаго, что все трынъ-трава, но что не выручи его какой-то дядюшка коннозаводчикъ, быть бы ему подъ судомъ, что разъ въ Лебедяни, для того, чтобы поддержать свою репутацію въ обществѣ, пронграль онь казенныхъ денегь три тысячи, и проч. и проч. Елатомский быль молчаливо уныль, и въ 8 часовъ вечера, жалуясь на головную боль, легъ спать ва жествій, въ двухъ мѣстахъ продавленный диванчикъ, и заврыль одвялонъ свою голову, чтобы не слышать разсказовъ добраго MAJARO.

А добрый малый, подходя къ нему, спрашивалъ: — Знаете ви нѣсню: «На зарѣ ты ее не буди?»

- Знаю, нев-подъ одбала отвбчалъ Елатонскій.

- Я ес... ха-ха-ха! Я ес пересочниных по-своему:

На зарѣ ты ее разбуди, На зарѣ не давай ты ей спать.

- А знаете вы, какой богатый русскій языкъ?.. А?..

- Ги! да!-отвёчаль изъ-подъ одбяла Елатомскій.

---- Напримѣръ: чего, чего не выражаеть собой слово «драть»? «Я деру», напримѣръ, значить: бѣгу... труса праздную ----«деру» --- раздираю... «деру» --- «сѣку кого-нибудь на обѣ корки»... «деру» --- скачу во всю Ивановскую... Ха-ха-ха! «Драло!» вна-----

716

чить — валяй по всёмъ по тремъ!.. Въ каконъ хочень симсяй употребляй... Не правда-ли? Удивительное богатство язына!.. А у васъ очень голова болить? А выпили бы стаканчикъ сивухи, и... все бы прошло... Ну, спите, съ Богомъ. Я не мёщаю вамъ... — А вы и въ картники не играсте?

— Нъть.

--- Ну, спите, ските... Эй, Андрей! Нельва ли, братецъ, достать гдё соленыхъ огурчиковъ? А?..

«Ну, слава Богу, отсталь!» думаль про себя несчастный Елатомский, сжимая виски и жилы, которыя стучали въ нихъ.

Вдругъ, когда на соборной баший ударило девать, трескъ и дробь барабаннаго боя заставили его привскочить и оглануться... Это били вечернюю зорю!

Тьфу! точно надъ самымъ ухомъ... думалъ, голова треснуда!
 про себя пробористалъ Елатонский и перевернудъ подушку.

Затёмъ онъ слышалъ, какъ солдати возвращались въ сёни, стуча по досвамъ ворриреда, вакъ брикнули ружья... и какъ вараульный офицеръ воротился къ себё въ караульную пить и ожидать соленихъ огурцовъ.

Тревожно спалъ Елатомскій, то садился на диванъ и прислушивался къ солдатскому храпу, то проклиналъ клоповъ и день своего рожденія; но такой же точно ръзній барабанный бой на заръ, при восходъ солица, уже же вспугалъ его...

На другой деях, въ счастью его, пришла на смѣну другая рота, и вошелъ другой офицеръ, который только погладълъ на него, покругилъ усы, слегка поклонился, и вышелъ.

На третій день утромъ, посйтили его Бавинъ и Эвина. Они принесли ему полфунта чаю и фунть колотаго сахару. Съ полчаса онъ съ ними бесбдовалъ и казался веселъ, къ немалому ихъ изумленію.

На четвертый день, тоже утромъ, по сосёдству съ его комнатой, въ сёняхъ, на дереванной сваньё съ растопыренными ножками, сёнли какого-то провинившагося кантоннста. Елатомскій замеръ, онъ слышалъ, какъ хлестали розги и какъ вто-то охалъ и вскрикивалъ.

Вся кровь прилида из лицу Елатомскаго. Онъ даже у себя въ деревнъ ни раку не видалъ и не слыхалъ, какъ наказывають розгами... Отецъ его нимогда въ его присутстви не прибигалъ из этипъ мёрамъ; только разъ при немъ далъ въ субы какомуто лохматому мужнионкъ, за то, что тотъ нагрубилъ старостъ и не пощелъ на барщину.

Когда офицеръ, находившійся при экзекуців, съ задумчи-Томъ II.—Апрыь, 1879. 46/18 вымъ и почти унылымъ лицомъ, проходилъ черезъ вомнату Елатомскаго, Елатомскій не вытерпёлъ и сказалъ ему: вотъ, если бы вы меня такъ наказали, я бы сдёлался негодяемъ, ношелъ би въ разбойники...

--- И я бы тоже, --- отв^виаль тоть сквозь зубы, и затёмъ, молча, прошель въ свою караульную комнату.

Сильно весь этоть день хандриль раздражительный Елатомскій. Онь такь и жаждаль свободы, такь и порывался... Бакое счастье, думаль онь, выдти на улицу и подышать другимь, не казарменнымь воздухомь!

Вечерная заря, — не та, которую быють барабаны, — а та золотая, небесная заря, которая предшествуеть ночи, которую могучая фантазія древней Эллады воплотила въ младую, съ перстами пурпурными, Эось, мелькнула въ окнё, и заставила скучавнаго Елатомскаго присёсть на подоконникё и сквозь пыльныя стекла и желёзныя полосы глядёть въ переулокъ, глядёть на противоположную каменную стёну, изъ-за которой торчало деревцо, — глядёть на прохожихъ...

Переулокъ заволакивали сумерки. Ствиа темићаа, прохожіе равнодушно проходили мимо.

Но вотъ, на тротуаръ, около стъны, появились двъ женщины: онъ остановились и сталя смотръть въ овошко.

Елатомскій отскочнять, сердще его сильно забилось: онть узналь В'вру Георгіевну и дочь ся Зою... Об'в он'в показались ему тавими худенькими, такими бл'ёдными...

Но изъ кавого-то гордаго стыда ему не хотёлось, чтобы онё его видёли, чтобъ онъ показался имъ чёмъ-то въ родё звёря, посаженнаго въ клётку, чтобъ онё какъ-нибудь не вздумали жалёть его... Онъ глядёлъ на имхъ ототупя настолько, что сквовь пыльныя стекла онё не могли разглядёть его физіономіи... Онъ видёлъ, какъ Зоя, не поднимая руки, таниственно показала на его окно своимъ пальчикомъ, какъ Въра Георгіевна соминтельно покачала головой, какъ онё оглянулись и ушли, по направленію къ Соборной площади.

«Нѣтъ!» — подумалъ Елатомскій, «онѣ не зайдутъ ко мнѣ... не рѣшатся; но я дорогъ ниъ... оди мевя любять, и, кто знаетъ, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ никто меня такъ не любить...»

Не зналъ Елатомский, что не солги Зоя, никто би и не поздравлялъ его съ невъстой, да еще съ деньгами. Не сважи она своей матери, что онъ ищетъ мъсто, и что до тахъ норъ, пока не найдетъ его, на ней не женится, ся папенька не пошелъ би хлонотать за него у Хавазова, и, стало быть, не было би взаим-

718

дашевий рородъ.

ной обиды, не было бы вызова, и не сидёль бы онъ, какъ звёрь, за рёшеткой...

Но развев и онъ не заставиль се страдать тёмъ, что вначалё увлекся ся красотой и ради ся познакомился съ Меркуличемъ.

XVI.

Хавазовъ и Сашинъ пришли въ гостинницу «London» объдать, —застали въ общей столовой человѣка три-четыре незнакомыхъ, сидящихъ передъ своими кувертами: ито съ ножомъ и вилкой, ито съ зубочисткой и запоздалыми московскими газетами, и оба тотчасъ же замътили, что на диванѣ, головой къ растворенному балкону, спитъ какой-то грузный господинъ, широколицый, въ усахъ, въ щароварахъ и сюртукъ на распашку, а подтяжки и часть бѣлья видны изъ-подъ приподнятаго жилета. Животъ большой, на одной рукъ перстень...

Хавазовъ повосвыся и тотчасъ же вознегодовалъ.

— Здёсь не кабакъ... какъ можно позволять себё спать въ комнатѣ, гдё обёдаютъ? Мало еще туть всякой вони!... Эй! человѣкъ!... Что у васъ сегодня?... А это, что еще за порядки! А! —спроснять онъ кельнера и указалъ ему на сиящаго.

— Пріважій помёщикъ — пооб'єдаль и заснуль, — отв'єчала прислуга.

— Это тоть самый пом'ящикъ, что угощалъ насъ шампанскимъ — пріятель Эвиной, — сказалъ Сашинъ, — тотъ самый, у котораго Меркуличъ покупасть виноградники.

Действительно, это быль Сызрановь, сухимъ путемъ воротивнийся изъ Крыма. Онъ заёзжаль въ Херсонъ справиться о формальностяхъ при совершения купчей крёпости, и запоздаль въ дорогв. Въ часъ пополудни прибылъ онъ въ Одессу, послалъ за Меркуличемъ, пооб'ядалъ, выпилъ бутылочку шампанскаго, прилегъ и заснулъ, продуваемый вётеркомъ съ балкона.

— Блаженны спящіе, которыхъ сны лучше, чёмъ дёйствительность, — проговорилъ Сашинъ.

- Очень было бы пріятно, если-бъ сочли меня за литератора.

--- Человёвъ! Сначала водев, да двё дюжины устрицъ подай мве. Пошелъ, хлоночи, не два же часа ждать намъ...-Ну да-а!

Digitized by 600gle

Какъ же! — обратнися онъ въ Сашину, воторый усвися противъ него и снялъ съ прибора салфетву. — Кавъ же! Вы вёдь и Гоголю поклоннетесь. Знаю я васъ... А я такъ и читать-то не могу теперешнихъ вашихъ литераторовъ. Чортъ внаетъ что! Булгаринъ и тотъ былъ чище.... Да вотъ еще баронъ Брамбеусъ, такъ себё: по крайней-мёрѣ, сейчасъ видно, что образованный.... Эй, человѣкъ, поди сюда! Накрой намъ въ другой комнатѣ. Я въ свиномъ хлѣвѣ не привыкъ обѣдать... Коли хочетъ спать, скотина, пусть въ свой нумеръ ндетъ... Что за бевобравіе!

Но въ эту минуту въ комнату воиналъ Меркуличъ. Поклонившись Хавазову, онъ тотчасъ же подошелъ къ Сызранову и по плечу потрепалъ его.

Сызрановъ раскрылъ свои коричневыя вёки, выпучилъ на него глаза, и не то испуганно, не то свонфуженно, тотчасъ же, тряхнувъ животомъ, спустилъ свои ноги, сёлъ и пообтянулъ съ боковъ жилетву.

--- Фу! канальство! чуть-было не заснуль!... Ну ужъ эти херсонскія степи! Не будь он'в въ недобрый чась помянуты --измучили... Ну, какъ ваіне здоровье?

— А я какъ пришелъ домой, такъ сейчасъ прочелъ вашу записку, и — къ вамъ въ нумеръ, а вы вотъ гдй?... Ну-съ... хорошо, что я заглянулъ сюда. Милости просимъ, любезиъйший! норосеночекъ подъ хрёномъ ожидаетъ васъ, — я какъ будто предчувствовалъ, что вы сегодня у меня объдать будете...

— Да я ужъ об'вдалъ!

- Об'вдали!... Какъ же норосеновъ-то! Н'вть, ужъ мы пойдемте; я вовсе не желаю, чтобы вы меня огорчали... Не отбояритесь... мей милый — не отбояритесь!

--- Да еще рано... еще успѣю... -- сназалъ Сызрановъ: -нельзя ли намъ пока вынитъ... ну, коть бутылочку шампанскаго.

--- Какое теперь шампанское? -- угощу я васъ такой водочкой, что апистить къ вамъ тотчасъ воротится, и хоть бы вы сто разъ об'ёдали, захочется вамъ еще три об'ёда съёсть.

--- Ха-ха-ха! --- заржалъ Хавазовъ. -- Отчего же вы, Трофинъ Евлампіевичъ, не хотите покупки вашей спрыснуть? Купили дешево, да еще скупитесь. Это не порядовъ! Вы намъ, по-крайней-мъръ, дюжину должны поставить въ ледъ... Да-а! Это уже вы какъ хотите!

--- Въ другое время... отчего же не спрыснуть, но въдь я еще ничего не купилъ... далеко это дъло еще не коичено, еще, можетъ быть, и откажусь... Кто знаетъ.

- Конечно, вром'я вась, знать этого не кому. Ну, а что

ванть другь, Елатомскій? А? своре свадьба?... Я уже и мѣсто ему приготовиль... Какъ же!... Очень, говорить, благодарень я Трофиму Евлампіевичу... что похлоноталь за меня. Пойду, говорить, и ручки у него за это поцѣлую...

- Что ему мон ручви, я просто ожидаль, что онь благодарень будеть, а онь оказался скотина неблагодарная, моня же конфузить...

--- Да про кого вы это говорите? --- забасилъ Сызрановъ, протирая глава свои. --- Если про Елатомскаго, то я слыхалъ о немъ... Фатоватъ, говорятъ, а ничего --- съ сокомъ. Я знаю барынь, которымъ онъ очень по вкусу.

--- Онъ и не барынамъ, онъ и Трофиму Евлампіевачу тоже по ввусу... приходилъ за него съ поклономъ... вакъ же! Взатку хотблъ дать... Ха-ха!... засмбялся Хавазовъ.

— А нельзя-ли, господа, завтра намъ и его позвать сюда, да съ вами вмёстё и пообёдать, —простодушно проговорилъ Сызрановъ.

Мервуличъ захохоталъ, Сашинъ съ умиленіемъ поглядёлъ на Сывранова. Хавазовъ, точно его блоха укусила, накинулся на Сашина.

- Ну-съ... вы ужъ этого вашего Елатомскаго и съ его благородіемъ познакомте. – Извините, обратился онъ къ Сызранову, – не вибю чести знать вашего имени и отчества.

— Андрей Потаповичъ Сызрановъ, — сказалъ Сызрановъ, и, слегка привставъ, кивнулъ ему головой.

— Закарь Николаевичь Хавазовь, — сказаль Хавазовь, тоже привсталь, и, какь-бы пародируя кивовь Сызранова, тряхнуль головой, но тотчась же опять обратился кь несчастному Сашину.

— Это вы... вы меня съ Елатонскить познакомили... этого я никогда вамъ не прощу! Чего усмъхаетесь? — Елатомскій проновъдуеть, что мы должны врестьянъ освободить, — то, чего никогда не будеть, да и быть не можоть. — А вы — чиновникъ, состоящій як службь, съ этимъ негодяемъ не только сами знакомитесь, да еще и меня знакомите, еще и меня подъ отвётственность подводите. Что простительно всякой мелювгь, всякому верхогляду, всякому...

--- Милостивый государь!---раздался рёзвій голосъ изъ другого угла комнати, и, изъ-за столика, на ноторомъ стояла недонитая чашка кофе, поднялся какой-то молодой человёкъ, худощавый, подслёповатый, горбоносый, съ узенькими губами и длиннымъ подбородкомъ, на которомъ были еще какия-то прасноватыя пятна, также какъ и на его правой щеке, не далеко отъ уха. --- Знайте, что я товарищъ Елатомскаго, и не позволю вамъ въ моемъ присутствия порицать его.

Всё обернулись на этотъ незнавомый голосъ. Сызрановъ разинулъ рогъ, подъ Сашинымъ затрещалъ стулъ, Хавазовъ сталъ врасенъ, и гордо поглядёлъ на этого новаго негодяя, осмёлившагося возразить ему.

- А вто вы такой, милостивый государь?

--- А если вамъ угодно знать мою фамилію, то позвольте мнъ узнать вашъ адресъ...

- Зачёнь вань мой адресь?

— Вотъ вамъ моя карточка. Остановнися я въ 1-мъ нумеръ этой гостинницы, и къ вашимъ услугамъ, если вамъ угодно будетъ поговоритъ со мной, а бранитъ Елатомскаго въ моемъ присутствіи я не позволю.

Хавазовъ прочелъ карточку, и поблёднёлъ: онъ прочелъ одну изъ очень въ то время извёстныхъ фамилій. И догадался, что это или сынокъ, или племянничекъ одного изъ очень вліятельныхъ особъ.

— Такъ вы товарищъ Елатомскаго? — топомъ ниже спроснать Хавазовъ. — Ну-съ, извините,... если вы его товарищъ, мы, такъ и быть, помолчимъ до поры до времени. И, сказавъ это, Хавазовъ поспѣшилъ сѣсть за столъ и какъ-бы съ явнымъ намѣреніемъ прекратить эту непріятность, сталъ ѣсть. Чувствовалъ ли онъ въ эту минуту вкусъ того, что жевалъ — неизвѣстно.

Юный незнакомецъ, съ впалой грудью и длинными руками, тоже опустился на свой стулъ, допилъ чашку чернаго кофе, потомъ вытанулъ ноги, свёсилъ голову, и точно погрузился въ сонъ, — о чемъ-то задумался. Судя по всему, — это былъ одниъ изъ тёхъ, которые, также какъ и генералъ-губернаторъ Өедоровъ, шутить не любятъ.

Хавазову угрожала новая дуэль, оть которой онъ врядъ-ли бы отдёлался, не потерявши мёста, а стало быть и не утративши всего своего значенія. Онъ быль не глупъ, тотчасъ же сообразилъ опасность, и, не будучи въ силахъ переждать этого новаго негодяя, спокойно усёвшагося и какъ будто застывшаго въ одной и той же задумчивой позё, Хавазовъ ушелъ вслёдъ за Меркуличемъ и Сызрановымъ.

Остался Сащинъ. — Пересъвъ на диванъ, овъ сталъ глядёть на юнаго незнакомца, окатившаго такой холодной водой горячую желчь Хаказова.

«Да что же это онъ не двигается?» думалъ Санвить. Инъ ты, про себя, должно быть, говорить, улибается... Что за чело-

вёкъ!.. Нельзя ли заговорить, познакомитьса?... Не-е-возмольно!... Чувствую, что иёть нинакой человёческой возможность. Воть онъ куда-то покосился... Какіе глаза! узенькіе, сёрые, золотушные, дане какъ-будто и рёсниць иёть... Поклянусь чёмъ угодно, что онъ в забыль даже о томъ, что сразнять всю нашу честную компанію, даже и не думаеть о насъ... Фа! какое я ничтожество!... по три дня готовъ волноваться изъ-за пустяковъ, могу цёлыя недёли злиться, и хоть бы слово! Никто и не догадывается, что я заюсь... Ну, догадывается ли Хавазовъ, что я на него такъ золь, что, будь у меня юнитеровскіе перуны, я бытрахъ! на мёстё бы поразнять его! — А!... Ветесть наконецъ! распрямяяется... кости свои вытягиваеть. Человёку на водку три рубля оставиять на подносирѣ... Должно быть, богать..... остановылся въ первомъ нущерѣ...Ну, слава Богу, ущеяъ!...»

Въ тотъ же день вечеромъ Сашинъ до полуночи засидълся у Эвиной. — «Милый, добрый, Изанъ Ивановичъ! Вы отличный человъвъ, Иванъ Ивановичъ! Подъ вашей оболочкой хорошая, очень хорошая душа спрятана», — говорила ему Эвина, и до того довела его, что онъ, дъйствительно, выложилъ передъ ней всю свою хорошую душу: каялся въ зависти въ Елатонскому; разсвазаль ей утренній анекдоть въ гостинниць, и, стуча себя въ грудь вулавомъ, говорилъ: «Ну, почему я, — пріятель вашего пріятеля, я не могъ заступиться? Почему онъ, а не а осм'влился въ его защиту возвысить голосъ свой! Развѣ я не то же самое чувствоваль? Развѣ я такой правственный уродь, что могу сочувствовать Хавазову? И что же? Эхъ! что говорить, Нина Алевсандровна, я несчастное существо, я и вась подовраваль въ связи съ Елатомскимъ, и смотрёлъ на васъ съ самой пошлой точки зрѣнія... Вы мнѣ сегодня глаза раскрыли... Но я вовсе не хорошій, я никуда негодный комъ сала, и больше ничего!---Воть пойду домой и до утра буду пить... Ей-Богу!... Эхъ, Нина Александровна, я цёню ваше дружесное участіе... да вёдь на одномъто участье далеко не ублень. Хорешо участіе, когда человёкь дійствительно заслужных его, а чемь я его васлужных, только что пришель въ вамь, вибсто того, чтобъ засйсть за зелений столь, да дунну ною передъ вами обнажиръ... Ну, и что же вы увидели ВЪ НЕЙ НОВАГО ИЛИ ЗАНИМАТЕЛЬНАГО ДЛЯ ВАСЪ, ВЪ ЭТОЙ-ТО ДУШТЯ?!»

---- Ничего новаго я въ ней не увидъла, Иванъ Ивановичъ; но не все то корошо, что ново... въчное не можетъ бытъ ни старымъ, ни новымъ. Любовь не нова, какъ содержаніе, только форма ся мёняется... Ваша любовь въ человёчеству ищеть себб новой формы, в еще не нашла се. Воть отчето вы и грустите, хорошій мой!

«Чорть внаеть, что она такое говорить», думаль Сашинь, «а слушаешь, и какъ будто вёришь ей, точно и въ самомъ дёлё у меня въ душё есть какая-то любовь къ человёчеству! Можеть быть, и есть! Господь ее вёдаеть»...

--- Ну, вогда же вы узъжаете? И какъ вамъ не гръть, Нина Александровна, повядать насъ...

--- Я только жду Сызранова, мнё нужно съ намъ переговорить о дёлахъ своихъ.

--- Сызранова!.. этого пом'вщика съ м'вдными пятаками вм'всто глазъ и съ усами отставного драгуна? Онъ зд'ясь и остановился въ гостинниц'в «Лондонъ»... гд'в, поминте, подо мной подломился стулъ, и вы спасли меня отъ паденья.

— А, такъ онъ прібхалъ! Ну, Иванъ Ивановичъ, если намъ скоро суждено равстаться, и Елатомскаго еще не выпустать, пожалуйста, всёми вашими силами хлопочите за него, б'еднаго. Поручаю я его вашему вниманію и ванией любви, если вы его любите; не дайте ему погибнуть!

— Ахъ, Нина Александровна, — отъ всёхъ насъ гибель на волосокъ висить, сто́итъ только сдёлать шагъ куда-нибудь въ сторону, не по той линіи, ну, и провалишься. Со всёхъ сторовъ про́пасть. Вы бы лучше посовётовали ему не дёлать козлиныхъ приякловъ... Мы всё должны произростать и плоды приносить, а онъ, чего добраго, захочетъ самостоятельнымъ звёремъ быть... ну, и... попадется въ капканъ. Кто же будетъ вановать!..

Тавъ бесёдуя, Сашинъ досидёлся у Нины Александровны до перваго часу пополуночи...

XVII.

Разнообразіе или изм'ячивость иравственнаго настроенія, такъ-сказать разносторонность чувства, можеть быть, и доказываеть богатство души, но чёмъ богаче душа, тёмъ неудовнийе цёльность харавтера. Елатомскаго нивто бы не дюбилъ и инвто би не ненавидёлъ, и даже Сашинъ ему бы не завидовалъ, если би у него не было ровно нивакого карактера.

На четвертый день своего ареста Елатомскій, казалось, свикся съ своимъ положеніемъ. По крайней м'йрів, опъ сіль за работу...

724

и не столько на свой аресть, сколько на самого себи изливаль свою желчь, или негодование...

Въ этотъ день, утромъ, получилъ онъ записку отъ Т--каго, съ просъбой налисать фельстонъ въ следующему воскресному нумеру «Одессиаго Вестника» — «Разумъстся» — говорилось въ занискъ, «за обычное съ наней сторовы вознаграждение».

Елатомскій отв'ячаль «постараюсь». Затёмь, сь дозволенія караульнаго офицера, послаль в'ёстового вупить себ'я десть бумаги, и принялся за перо, придвинувъ въ окну столикь, обитый клеенкой, съ явными сл'ядами чайниковь, стакановь и чернильныхъ пятенъ, съ присохнувшими въ нимъ песчинками.

Елатомскій мастерь быль писать инсьма. Иногда, эти письма интересовали друзей его болёе, чёмъ онъ самъ; но всякій разь, когда брался онъ за перо для печати или для публики, когда онъ принимался сочинять, скогъ его становился натянутымъ, языкъ безцейтнымъ, и чёмъ больше старался онъ, чёмъ больше зачеркивалъ слова, и сокращалъ фравы, тёмъ болёе сознавалъ, что исе имъ исписанное — весьма неудовлетворительно.

Явно, что литературнымъ талантомъ не обладалъ нашъ герой, и что на это поприще едвали онъ могъ разсчитывать.

Въ однихъ брювахъ и рубаникъ, съ разстегнутымъ воротомъ сидълъ и макалъ онъ перо свое въ вазенную, писарскую чернильницу.

Началъ нисать онъ объ одесской пыли — и зачеркнулъ... Началъ нисать о томъ, что въ Одессъ на 70 т. жителей всего только деб книжныя лавки, что книгопродавцы порядочные невъжды, и что для нихъ выкисать новую внигу такъ же трудно, какъ «Левіасана на удъ вытянуть на брегъ», — и тоже зачеркнулъ. Навонецъ, подумалъ онъ, что будетъ, если я такъ начну:

«Недавно, въ нашемъ богоснасаемомъ градѣ совершилось сгёдующее, не совсёмъ обывновенное приключеніе... Однать поваръ — врёностной одного изъ нашихъ магнатовъ, встрётнать на бульварѣ каного-то школьника, растерявшаго свои тетради и книги, а потому и находившагося въ прачной меланхоліи, и сталъ пригвашать его илюнуть на ученье и поступить къ нему иъ поварню, въ качествѣ поваренка. — А что, дяденька, сказалъ сму озадаченный школьнивъ — что, если я выучусь у васъ воровать врупу, мущу, масло, сахаръ и разния овощи, вы меня не висъките?.. Новаръ взбиленныся (правда всегда глаза колеть) и сталъ грозить икольнику, что если онъ такой дерскій, сибеть говорить ему такія вещи, то онъ доносеть на него и диревтору, и инспектору, и смотритемо училища, и что его непремѣнно изъ шволы выгонять за пьянство, буянство и ночное шатаніе. Тогда школьникъ тоже взбёленился и вызвалъ повара на дубль».

«Кажется, это будеть не дурно», — подумаль Елатонскій, но ногда перечель нанисанное, сообразняь — во-первыхь, что если никто не пойметь этой аллегоріи, то въ чему писать ее; во-вторнях, если поймуть, то, чего добраго, меня же стануть обзывать швольникомъ; въ третьихъ — что за поварня?.. Не лучше ли сказать, просто-на-просто «кухня». Это меня дёдушка Крыловъ съ толку сбиль, — продолжаль думать Елатомскій: «какой-то поваръ грамотёй съ поварни побёжаль своей». Въ-четвертыхъ... да... все это надо переправить.

Но въ эту минуту вто-то подочлелъ въ нему сзади и остановился за стуломъ. Елатомский обернулся и, прежде чёмъ досада (на самого себя) успёла сойти съ лица его, увидёлъ знакомое лице...

Ничего не могло быть неожиданнѣе появленія этого знакомаго янца. Оно принадлежало одному изъ его товарищей по университету—нѣкоему Олафьеву, окончивниему курсь свой кандидатонъ, и, добавлю, тому самому, который, не дальше какъ вчера, въ гостинницѣ, обѣдалъ съ Хавазовымъ и своимъ заступничествоиъ за Елатомскаго такъ неожиданно поразилъ его.

Олафьевъ родился въ Петербургѣ, и, какъ наслёдникъ громаднато состоянія, воспитывался точно такъ же, какъ веспитываются всё подобные наслёдники. Племянничекъ одного туза, чуть ве министра, жилъ онъ въ отдёльномъ флигелё, им'ёлъ воспитателенъ и`вица, гувернеромъ — француза, учителемъ — н`ёкогда знаменитаго латиниста и педагога Классовскаго, и другихъ, болёе или менёе заслужившихъ у своего начальства славу лучшихъ преподавателей.

Олафьевъ былъ спрота. Дядя былъ опекунонть его. Двёнадцати лють онъ отданъ былъ въ пажеский корпусъ, но, по совёту врачей, хилий и золотушиний, пествадцати лёть отправленъ былъ за-границу на воды.

Мальчикъ онъ былъ прилежный, но дикій, молчаливо подозрительный, не въ мёру застёнчивый и сосредоточенный. Трудно было чёмъ-нибудь развессянть или растормошить его. Вяло и не́хотя принималъ онъ участіе въ играхъ своихъ сверстниковъ, въ тёхъ княжескихъ и графскихъ домахъ, куда возная его по праздникать или на имянины. Даже тсть и пить надо было заставлять его, точно у него никогда даже и апиститу не было... Мальчншки-друзья собывали его мозглякомъ, тахоней, старой дёмой. Олъ молчалъ и въ глубнит души своей ненавидълъ ихъ... Сашка Олафьевъ чувствуеть, что ему не долго жить, говорнан одни; Санка золъ и завистливъ, говорнан другіе. Начиная съ

726

дяди, всё почему-то видёли въ немъ одни недостатии, хоть и надёялись, что онъ выровняется, вышлифуется, оботрется, и если вдобавовъ женится на благовоспитанной, великосейтской барышнё, то будетъ, со временемъ, человёкъ, какъ и всё... лицомъ въ грязь не ударитъ, т.-е. съумёстъ воспользоваться своими деньгами, родствомъ, связями и протекціей.

Заграницей Олафьевъ какъ будто ожилъ. Подъ лучами итальянскаго солнца стали краснёть его бяёдныя щеви. Онъ сталъ смёлёе даже разговаривать... и ученый нёмецъ, который сопровождалъ его, часто, по цёлымъ днямъ не видалъ его. Олафьевъ пропадалъ Богъ знаетъ гдё, и Богъ знаетъ съ кёмъ знакомился. Въ это время вся Италія была наэлектризована революціонными идеями... Папа раскаявался въ своемъ либерализмѣ, народъ раскаявался въ своемъ довёрія къ Пію IX. Разумѣется, то, что Сашѣ Олафьеву и въ голову ие приходило, когда онъ учился въ корпусѣ, въ стѣнахъ Рима или Флоренцін стало волновать его. Долгія, бевсонныя ночи проводилъ онъ читая «Les paroles d'un Croyant», брошюры Мадзини, вообще книги, несомивнно неодобрительныя. Ученый нѣмецъ не мѣшалъ ему. Онъ только не разъ говорилъ ему... «Бъ чему все это для васъ... вы не французъ и не ятальянецъ... вы русскій. Другая исторія, другіе нравы, другая судьба у вашего отечества.— Вамъ, батушка, добавилъ онъ уже по-русски, трепля его по плечу, — вамъ еще далеко до Запада... Россія... это большой ребеновъ... ей еще соску нужно...»

Олафьевъ—вытянувшійся, худой, съ длинными ногами и длиннымъ носомъ, не спорилъ съ нёмцемъ, но... думалъ по своему. Онъ не зналъ ни Россіи, ни русскаго народа, какъ и всё, на иностранный ладъ воспитанные, русскіе, въ особенности петербургскіе баричи, — онъ носилъ въ душё своей воображаемую Россію и съ недовёріемъ относился къ брюзгливымъ рёчамъ своего наставника. «Эка вреть!..» думалъ онъ... «тысячу лётъ растеть Россія и все еще не гыросла... эка вреть!» думалъ Оляфьевъ.

Навонецъ, объёздивши чуть ли не всю Европу, юноша Олафьевъ вдругъ объявилъ своему наставнику, что онъ ёдетъ въ Москву и будетъ тамъ готовиться къ университетскому экзамену. Видно, слава тогдашнихъ молодыхъ профессоровъ: Криокова, Рёдкина, Грановскаго и другихъ, достигла ущей его. Нёмецъ отвёчалъ ему, что онъ очень радъ, — но что на это скажетъ епекунъ его? «А какое миё до него дёло?» отвёчалъ Одафьевъ. — «Какъ какое дёло?» изумился нёменъ. — «Я васъ очень прошу на слова не писать ему». — «Какъ же я могу не писать?»— «А вы развё крёпостной его?»— «Нёть, не крёпостной».— «Или боитесь мёсто потерать?» нотупившись и враснёя произнесь Олафьевь (онь, въ высшей степени на обиду щекотливый и отзывчивый, боялся обидёть своего воспитателя).— «А, разумёется, миё это будеть очень непріятно», кривя рогь и хигро улыбаясь, отвёчаль ему нёмець.— «Ну, такь не мёшайте миё, и вы будете получать хорошую пенсію... а будете мёншать... какь вамь угодно!» Нёмець покраснёль: онь поняль угрозу будущаго милліонера и процёдиль сквозь зубы: «Я, батушка вы мой, я никогда вамь не мёшаль... и мёшать не буду...»

Какъ-бы проёздомъ черезъ Москву, молодой Олафьевъ остановился у своей тётки — княгини Гальской. Княганя была очень рада и отвела ему въ своемъ домѣ двё комнати, обитыя коврани и установленныя дорогою старинною мебелью. Такъ въ этихъ двухъ комнатахъ и поселился будущій студенть.

Когда весной 1842 года, до ушей его петербургскихъ родственнивовъ дошла новость, что ихъ Сама поступилъ въ московскіе студенты, — ихъ озадачило его своеволіе, и... такъ, между собою, принялись они разсуждать или судачить: «Ну, возможно ли съ его здоровьемъ, съ его слабой грудью зацисываться въ цехъ ученыхъ? Да и къ чему это съ его состояніемъ? Да и чему онъ тамъ научится? Еще — чего добраго — наберется разныхъ либеральныхъ идей и собъется съ пути-дороги...»

Много общаго было между его знатной петербургской родней и провинціальной тётушкой Глафирой, которая тоже боллась, что ся Володя Елатомскій въ университеть научится чернокнижию и душу свою ни зачто продасть бёсу, врагу человьчества. Какъ часто среди такъ-навываемаго образованнаго общества случалось миз подслушивать опасенія того же невъжества, надъ которымъ иная столичная барыня готова трунить и смъяться, не замъчая своего кроннаго родства съ этимъ самымъ невъжествомъ.

И какое при этомъ отсутствіе логики! Пребиваніе въ Парижё или Лондон'в считать чёмъ-то въ висней степени невиннымъ (съ консервативной точки зр'внія), и — волноваться при мысли, что русскій журналъ, какая-нибудь критическая статья или какаянибудь горячо прочитанная лекція могуть повліять на умъ молодого челов'яка сильн'е жизни, сильн'е факта. Какъ-будто фраза, какова бы ни была она, сильн'е висчатлёній, получаемыхъ вн'в нашего отечества,

Повздивши по Европъ, Олафьевъ, напротивъ, ожидалъ отъ университета чего-то большаго, и былъ удивленъ, что на такъназываемыхъ философскихъ факультегахъ не читается философія.

Но все, чему онъ уднвлылся, чёмъ восхищался и что его огорчало, — все это до такой степени тщательно пряталось въ душё его, что ни его тёгка, ни ся гости, ни товарищи, — никто даже и не нодозрёвалъ въ немъ ни сильныхъ страстей, ни медленно совершающихся процессовъ въ мозгу его.

Только его чудачества и бросались всёмъ въ глаза, дёлали его замътнымъ среди фешенебельнаго общества, -- замътнымъ, какъ человѣка разсѣянно-скрытнаго и при томъ непостижимаго меланхолика. Цёлые часы могъ проснживать онъ въ своихъ вреслахъ и, разглядывая свои ногти, о чемъ-то думать, --- онъ часто не слыхалъ обращенныхъ въ нему вопросовъ и только улыбался. витесто того, чтобъ отвёчать. Всёмъ казалось, что Олафьевъ никогда не чигаеть левцій-н всё удивлялись его хорошинь баллань при переходѣ съ одного курса на другой. И странно же онъ велъ себя на этихъ экзаменахъ! Бывало, вызванный, прочтеть онъ билетикъ свой, скажетъ двё-три фразы и замолчить, — долго мол-читъ, точно копается въ своей памяти; затёмъ опять что-нибудь нроговорить --- и всегда проговорить то самое, что нужно... ни-когда не совреть... Ясно, что новть его быль далеко не няъ числа поворотливыхъ. Не оттого ли иногда и оставался онъ бевотвѣтнымъ, что отвѣтъ его слишвомъ поздно являлся въ головѣ его... Ясно, что для салоннаго разговора онъ былъ никуда не годенъ, для ученаго спора — тоже, для товарищескихъ бесёдъ былъ нёсколько способиёс, но мало было у него товарищей. Многимъ изъ нихъ, и въ томъ числё Елатомскому, было какъ-то жутво ходить въ нему черезъ вавіе-то длинные корридоры, по коврикамъ, и въ сопровождения лакея — въ ливрейномъ фракъ. Такимъ образомъ, ръдко вто посъщалъ его. Разъ пригласилъ его къ себъ студентъ О-въ, не разъ тан-

Разъ пригласилъ его въ себѣ студентъ О — въ, не разъ танцовавшій на вечерахъ, даваемыхъ его фешенебельной тётушкой, — пригласилъ его въ себѣ на пирушку. Это было на святкахъ.

Цёлый чась Олафьевъ думалъ, ёхать ему или не ёхать? рёшилъ ёхать и велёль закладивать сани.

Веселый кружовъ молодежи встрётилъ его радушно и весело. «Ка́къ это онъ пріёхаль?» думалъ О—въ. «А что если его подпоить?» думалъ Н—въ. «Глунъ онъ или уменъ?» думалъ третій. Елатомскій распоряжался жжёнкой и ничего не думалъ.

Вечеръ прошелъ, по обыкновению, безалаберно-весело, — не безъ умничанья однихъ, не безъ остроть, розсказвей и смъха другихъ. За ужиномъ пили шампанское и орали во все горло: «Edite, bibite, collegiales!», или «Gaudeamus igitur», или «Ich ging ein Mal spazieren», — или «Студентъ молодой, студентъ удавестникъ явропн.

лой, ровнёхонько въ часъ полуночи...» и Олафьевъ подтигивалъ-онъ былъ въ духъ.

Послѣ ужина всѣ поднялись, вооружились бовалами и стали пить по-очереди, обращаясь то къ одному, то къ другому:

Наполнимъ кубки мы скоръй, И вкругъ тебя мы встанемъ, И въ честь красавицы твоей Мы дружно пъсню грянемъ: Какъ, братъ, твою красу зовуть? Какъ, братъ, твою красу зовуть?

И каждый долженъ былъ произнести имя своей возлюбленной. Пришла очередь съ тою же пъсней обратиться къ Олафьеву.

— У меня нёть никавой врасавицы, — отвёчаль онь, какъбы озадаченный.

--- Какъ нътъ?.. ты не хочешь... ты скрываешь... думаень, что мы старые сплетники, бабы... а не товарищи...

Разгоряченныя головы вообразили себѣ, что Олафьевъ, какъ богачъ, презираетъ ихъ, — плюетъ на всѣ ихъ порядки и обичаи... и какъ съ ножомъ къ горлу пристали къ Олафьеву.

- Не скажу... - брякнулъ имъ Олафьевъ и поблёднёлъ...

Поднялся ропотъ, послышались колности: Олафьевъ столяъ съ бокаломъ въ рукахъ, потупившись, глядѣлъ исподлобъя и въ глубоко-сѣрыхъ, прищуренныхъ глазахъ его уже загоралась и бродила исворка, готовая вспыхнуть...

Еще одно лишиее слово — и бокалъ его съ шампанскимъ полетёлъ бы въ чью-нибудь физіономію, была бы исторія... и Богъ знаетъ, чёмъ бы это окончилось...

Какь вдругь раздался звонкій голось:

--- Господа, я знаю, какъ зовуть его красавицу.

Олафьевъ дрогнулъ. «Неужели», подумалъ онъ, «этотъ Елатоискій знасть мою Александру Степановну!» (Александра Степановна эта была просто хорошенькая швейка, которую инкогнито посёщалъ иногда Олафьевъ). Тайная ревность заговорила въ душё его... Никого такъ не любиль онъ, какъ эту простенькую, безграмотную Сашу — н, разумёется, не щадилъ денетъ и требовалъ отъ нея вёрности...

— Знаю, — повторилъ Елатомский: — се зовуть Маланьей. Раздался хохоть и хоромъ поющіе голоса:

> Да здравствуетъ Маланья! Да здравствуетъ Маланья!

Затёмъ всё полёзан ченяться и обниматься съ Олафьевымъ. Олафьевъ стоялъ какъ истуканъ, — со всёми чокался и чувствевалъ, какъ сильния руви-хватають его за шево, и какъ горячія губы цёлують его въ раскраснёвшіяся, хотя и впалня щеки. Наконецъ, онъ разомъ выпилъ бокалъ свой, захохоталъ... и, просидёвъ чуть не до разсвёта, уёхалъ домой, ухмыляясь и не переставая думать объ Елатомскомъ... Что бы было, если бы не онъ?.. И какъ это онъ самъ не догадался выдумать какоенябудь вмя?!.

Но этотъ случай, повидимому, нисколько не сблизилъ его съ Елатомскимъ. Они, встрёчаясь, жали другъ другу руки — и только. Елатомский, почему-то, считалъ Олафьева олухомъ паря небеснаго и даже не подозрёвалъ одного его качества... его непомёрной щедрости. Олафьевъ, гдё только могъ и сколько могъ, раздавалъ свои нарманныя деньги. Выгодно было быть его камердинеромъ, — выгодно было и Александрё Степановие потихоньку, въ условленные часы, отворять ему дверь свою...

Нивто еще изъ числа тёхъ, которые нуждались и имёли сиблость говорить ему о своихъ нуждахъ, не уходилъ отъ него безъ денегъ, причемъ онъ же благодарилъ просящаго за то, что онъ обратнися въ нему съ тавой щевотливой просьбою. Самъ же онъ былъ тавъ конфузливъ, что никогда не рённися бы спросить: нужны ли вамъ деньги? Этой кенфузливости никогда онъ не могъ побороть въ себё...

И воть этоть саный Олафьевь, уже двадцати-четырехлётній юноша, въ качествё кандидата ёхаль служить на Кавказь, и въ Одессё случайно увналь, что Елатомскій сидить на рауштвахтё... и бёдствуеть.

XVIII.

«Что за чудеса!» подумаль Елатомскій, глядя на Олафьева... «Этоть маменькинь сыновь, этоть богачь, страдающій золотухой, рішается посётить меня въ моемъ невазистомъ завлюченін...»

Онъ былъ очень радъ всяному посёщенію — и все-таки не бросняся обнимать Олафьева. Олафьевъ тоже не обнаружнять на тавовыя объятія ни малівйшаго пополановенія.

- Изваните, - сказалъ Елатонскій, - что застаете меня въ таконъ дезабилье...

— Я очень радъ, что вижу васъ... – ласково щуря глаза и улюбаясь, произнесъ Олафьевъ, – слегка выставивъ внередъ худее, дленное съ запиленными бровями лицо свое... – Здравствуйте. **BBOTHERS REPORT.**

--- Садитесь на сіе жоствое ложе мос... Канини судьбани вы въ Одессѣ?

- Вду служить на Кавназъ...- отв'ечаль Олафьевъ, садесь на диванъ около подушин и свернутаго од'езла... Вы воть спдите на гауптвахтё-и, какъ кажется, судя по глазать, не хандрите, а я не знаю, куда мит д'вваться отъ тоски... Впроченъ, я пос'етилъ васъ не отгого, что хандрю или скучаю... Я всегда любитъ васъ, хоть вы меня и не жаловали; о... да... я знаю... не жаловали... но я помню, какъ вы меня однажды виручили...

- Я васъ выручель?

· — Да... Помните Маланью? — усмёхаясь глуноватой усмёнвой, спросиль Олафьевь.

--- Маланью? --- пожавъ плечами, не безъ удивленія переспроснять его Елатомскій.---Кто такая Маланья?

--- Гм!.. Вы забыли... да, вамъ, конечно, не стоятъ и вспоминать объ этомъ... а я... нисогда ничего не забываю...

- И стало быть, нивогда ничему не прощаете?

- Ги... Зло прощаю, обеду-нъть...

— Это не корошо!..

- Почему?

--- Обида... это личное чувство. Кто очень самолюбивь илисебялюбивь, тоть и обидчивь... Воть и я... и я тоже не выношу обиды... но укажите мий на эло, оть котораго страдаю не я одинь, но и вы и все общество, непростительно будеть, если я не забуду обиды, лично мий нанесенной... Такъ мий кажется...

Олафьевъ поглядёлъ на него исподлобыя.

- Вся наша жизнь есть одно ненсчерпаемое зло... — нотупившись, началь Олафьевъ.. — Зло — нищета; зло — богатство; зло деспотивмъ; зло — свобода; зло — излишнее здоровье, и зло — болёзнь... все зло... Я объ этомъ много думаль.

Елатомскій былъ немного озадаченъ и съ любопытствомъ поглядёлъ на молодого человёка, который хандрить, получая одннъ около полутораста тысячь годового дохода.

- Май вась жаль, если вы такъ думаете. Есть не, наконецъ, выборъ... все не имущій ----счастливёе неимущаго, здоровый счастливёе больного, независимый человёнъ счастливёе раба... Такъ, напрямёръ, вы несомийнно счастливёе меня: вы можете ходить по улицамъ, а я подъ карауломъ... вы можете путешествовать ---я не могу, вы можете не служить, а я... что я буду дёлать, если не получу какого-небудь мёста съ жалованьемъ---мостовую гранить... или въ деревнё ругать мужиковъ, да за дёвками бёгать.

Олафьевъ сгорбился и погрузился въ задумчивость... онъ соображалъ---и, очевидно, не безъ труда, копался въ мозгу своемъ, чтобъ отискать подходящій отвёть.

--- Вы не такъ скучаете, сидя за р'вшеткой, какъ я у себя, въ лучшемъ нумеръ гостинницы. Вы хотите путешествовать, а мнъ, правду сказать, страшно надобло таскаться, перекочевывать съ мъста на мъсто. Я хандрилъ и въ Рамъ, на лъстницъ Капитодія, и на Вандомской площади въ Парижъ... Научите меня быть счастливниъ и возъмите мон деньги...

- Счастье условно... Я быль бы счастливь, если бы сознаваль, что живу не даромъ, что оть моей жизни-всёмь тепло и никому не холодно...

Олафьевъ поднялъ на него глаза свои — странные глаза, сухіе и въ то же время точно заплаванные...

- Тавъ, тавъ! Гм!.. Тольво трудно это... Мић самому не тенло, вавъ же могу я другихъ согрѣть?..

— А нельзя ли вамъ наоборотъ сказать... оттого, что я не могу или не умѣю другихъ согрѣть, мнѣ не тепло...

— Не понимаю...

- Не понимаете?

- Да.,. если вы намежаете на больницы, на школы, на пенсін, то... все это есть у меня въ нибныя... Заведена больница, есть врестыянская швола... и восемь тысячь въ годъ идеть на пенсін, да пособія.... Но больницъ врестьяне не жалують, довторамъ не дов'вряють, --- б'вгуть оть нихъ лечиться у знахаровъ да у волдуновъ... Изъ школъ выходять иногда писаря, воторые народъ обнанывають... Пособія размножають дармойдовь... Гдъ же добро?.. Я невыразимо хандриль и страдаль, когда я у себя въ деревнѣ гостилъ... Что же значить ваше согрѣваніе другихъ? Если это любовь... то и Христось, любя все человфчество, не согрѣлъ его. Одно есть счастье, возможное на землѣ-это мечта о счастьй... мечта о томъ, что все идеть въ совершенству и что, рано или поздно, всё будуть благоденствовать. Когда я быль заграницей — разъ и ми улыбнулось это счастие.... но... развё мечта эта живуча? развѣ можеть она продержаться?.. Много тысячь лёть помнить себя человечество, и-какая грубость!.. вакое еще невъжество!.. Воть, помяните мое слово, что еще доживемъ мы до ужасной войны... Я это чувствую... душно стало... Неужели вы не чувствуете этого?..

Пришла очередь задуматься Елатомскому... Ему очень хотвлось утёшить словомъ своего хандращаго молодого товарища, но... не давалось ему это слово.

Тонъ II.—Апрыль, 1879.

Долго думалъ Елатомский-навонецъ выдужалъ.

— Если не удовлетворяеть дъйствительность, — сказаль онъ, — остается одно — идеаль... Върьте въ него, какъ апостоли върши въ Спасителя – и въ этому идеалу стремитесь всёми ванния чувствами и всёми вашими мыслями; стремитесь для торо, чтобь, если не въ другихъ, то хоть въ самомъ себв вонлощать его.

Олафьевь долго молчаль.

- Неужели вы... такъ върите... и такъ стремитесь?..-ироговорилъ онъ, наконецъ, не безъ удивленія. — Я... нёть...—произнесъ Елатомскій и повраснёлъ.—Мы

оба съ вами свептики... Великій будеть геній тотъ человікъ, который придеть и когда-нибудь скажеть намъ: воть идеаль-достигать его слёдуеть, потому что возможно тавое достижение и докажеть намъ эту возможность, такъ докажеть, что ни во мнъ, ни въ васъ не останется уже ни малъйшаго сомнънія. — Тогда и вы, и я, будемъ во-истину вёрующіе люди и хандрить не бу-демъ. — Такъ ли я говорю, Олафьевъ?..

— А если такой геній... тоже невозножень... что тогда?.. Чёмъ тогда им наполнимъ жизнь свою?..

- Ну, чёмъ Богъ послалъ, лишь бы не вонночниз навозомъ и не щебнемъ!--съ оживленіемъ сказаль Елатомскій.

Ему надобло уже говорить о томъ, о чемъ можно трое сутовъ говорить и, все-таки, ни до чего не договориться.

Олафьевь повёсиль голову-и вь разговорё наступила пауза. Елатомскій лумаль.

«А что, не изложить ли мий всй оти мысли въ этомъ самомъ восвресномъ фельстонъ?.. Съумъю ли только... А что, если съунвю?...

- За что вы здёсь?-спроснять его Олафьевъ.

Елатомский откровенно равсказаль ему, за что онъ посажень.

- Ги!.. Вы никогда не жили въ Петербурги?

- Нивогда; ни разу не былъ... А что?

— Да такъ... — Былъ бы умнёе, практичнёе?.. не это ли вы хотите сказать?

— Да... практичнье... но хуже...

- Странная вещь, върите ли, я самому себъ вногда кажусь необывновенно правтическимъ человъвомъ, даже страсти не отдаюсь всецёло, боясь опошлить жизнь свою...

- Гы! настоящіе-то правтическіе люди не болтся пошлости, напротивъ... въ ней одной видять свое спасеніе. Ну, а какъ вообще... относительно денегь... нуждаетесь?

— Теперь нёть... три-четыре недёли могу прожить, а тамъ... что Богь дасть... Похлоночите тольно тамъ, въ Тифлисё, чтобъ меня выпустили на волю... право, кусаться не буду... Да найдите тамъ нёкоего Уютина... скажите ему, что я здёсь пропаду, есла не получу мёста на Кавказё... Тамъ началось движеніе, тамъ жизнь... Тифлисъ становится европейскимъ городомъ... Затёваются ученыя эвспедиців, думають о новой газеть, о календарь, о театрь, о библіотекь, — изучають естественныя богатства края... Словомъ, тамъ что-то двигается... а это-то меня и влечеть туда.. Ну, какъ я вернусь въ свой губернскій городъ, гдъ въ продолженія 10-ти лють не прибавилось ни одного домика, ни одной лавчонки, ни одного фонвря... гдъ, какъ въ болоть стоячая вода, жизнь засасываеть въ свою тиму всякаго, кто вообразить себъ, что по болоту можно плавать, какъ по морю.

Олафьевъ всталъ и, слегва потянувшись, связалъ:

- Прощайте, Елатомскій...

- Прощайте, Олафьевъ.

Они пожали другъ другу руку дольше и крѣиче, чѣмъ при свиданія.

-- Денегь не нужно вамъ? -- повраснѣвъ до ушей и смутившись, проговорилъ Олафьевъ. -- Вовьмите... сто, двёсти... цятьсотъ... сколько нужно.

— Не искушайте, Олафьевъ!.. Поступлю, какъ человѣкъ практическій... Вообразите себѣ, что я возьму у васъ деньги — и вдругъ, вызываютъ меня въ Тифлисъ, и тамъ я безпрестанно встрѣчаю васъ— своего кредитора... Хорошо, если у меня будутъ средства съ вами расплатиться, а если не будутъ... придется краснѣть... Нѣтъ, не искушайте... Не будь Одесса такой дешевый городъ, можетъ быть, вы бы соблазнили меня; но... за 5 р. въ мѣсяцъ я уже нашелъ себѣ комнату меблированную и съ прислугой... Спасибо вамъ!.. великое спасибо!

Олафьевъ все время отоялъ, потунившись, точно осужденный. — Не наводите на меня пущей хандры, — проговорилъ онъ, возымите...

--- Нътъ, не возьму... Но вотъ что: объщаю вамъ написать въ Тифлисъ, когда судьба доведетъ меня до того, что... хотъ въ петлю... тогда я буду на васъ разсчитывать... я не гордъ, и прямодушно обращусь къ вамъ съ моей всепокорнъйшей...

--- Такъ вы хотите, чтобъ а дожидался всепокорнъйшей просьбы... Прощайте, Елатомскій -- Богъ съ вами!..

Проводивъ Олафьева, Елатомский свлъ на тотъ же стулъ, но

47*

уже спиной въ столу, и, охвативши сврещенными пальцами рукъ одно изъ колёнъ своихъ, сталъ думать...

Елатомскій мысленно раскаялся, что не взяль денегь. Ему уже казалось, что Олафьевь и не ждаль оть него такой церемоніи, что Олафьевь сь этой цёлью только и посётиль его, чтобъ помочь ему. Живо представилось ему странное, болізненное выриженіе лица его, брови точно запыленныя, красноватые білки глаяь, торячія руки... и... это «Богь сь вами!» произнесенное такь, какь будго сь этимь словомь тижелый вздохь вырвался изъ груди его...

«Чорть внаеть, для чего я поцеремонился!» думаль Елатомскій. «Что ему значать какихъ-нибудь 300—400 руб., когда онъ самъ не внаеть, повидимому, куда ему дъваться съ свонин деньгами!.. и хандрить.—А я!.. я бы могь, въ тоть же день или на другой же день, послё моего освобожденія — купить билеть на пароходѣ, отправиться за море, и тамъ на Кавказѣ—искать себѣ мѣсто; въ крайнемъ случаѣ, поступить въ юнкера и испытать походную, боевую жизнь. Все же это была бы жизнь, а не прозябаніе. Чего бы я, кажется, ни сдѣлалъ, чтобъ не встрѣчаться ни съ Хавазовымъ, ни съ его другомъ Сашинымъ, ни съ этимъ противнымъ Меркуличемъ, и — что же? сдѣлалъ то, что отказался отъ возможности не видѣть ихъ... Единственное существо, которое мнѣ было бы жаль — это Зоя... но... ей слѣдуеть выдти замужъ, а мнѣ жениться не слѣдуеть! Чго же дѣлать?.. Эхъ, жизнь!»

Я. Полонсвій.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

въ

ШКОЛѢ и ЖИЗНИ.

«Музыка — господствующее искусство въ настоящее время; она не только проникла въ самые отдаленные слон общества, но вивств съ твиъ признана важнымъ воспитательнымъ средствомъ; високій и серьёзный интересь въ музыкъ составляетъ принадлежность важдаго образованнаго человёва ¹)». Такъ говорить извёстный историнь музыки, Брендель, обращаясь въ своей нёмецкой публику. Но его слова вёрны и по отношению въ нашему обществу, гдъ, виъстъ съ сознаніемъ важности эстетическаго образованія, и самое изученіе музыки распространяется все болѣе и болѣе. Эстетическое наслажденіе, нося характерь вполнѣ безворыстный, отвучаеть человёва искать удовольствія въ однихъ физическихъ удовлетвореніяхъ низшихъ потребностей организма, пріучаеть смотрёть на тёло, какь на орудіе духа, и знакомить человѣка съ правственными наслажденіями, облагороживая чувство, возбуждая симпатію въ радости и скорби ближняго. Майнлендеръ въ своей книге «Philosophie der Erlösung» весьма наглядно увазывасть, какъ чистыя эстетическія наслажденія, при простомъ созерцании природы, приводять человёка въ забвению даже собственной матеріальной выгоды: «врестьянинь, который вечеромь, по окончанін работы, любуется преродой, слёдить за видонзмёненіями формъ, цевта и полета облавовъ, не думая о пользв и вредв дождя для посёва, или же соверцаеть волнующуюся ниву сь ся

¹⁾ Geschichte der Musik, v. Brendel, S. 1.

колосьями, облитыми пурпуромъ заходящаго солнца, не вавъшивая прибыли жатвы, — относится къ окружающему его міру съ эстетической стороны. Если косецъ, наткнувшись на гийздо жаворонка, осторожно разглядываеть врасныця, пестренькія янчки, или птенцовъ, обнаруживающихъ свой страхъ смущенными взглядами, между тёмъ, какъ родители ихъ безпокойно порхають туда и сюда, - находится тавже въ эстетическомъ состояни созерцанія. Охотникъ, при внезапномъ появленія врасиваго оленя забывшій выстрёлить въ него, потому что осанка, формы, походка дикаго животнаго привовывають его вниманіе, - вошель въ эстетическое отношение въ объекту» 1).

Вообще, севреть вліянія изащныхъ исвусствъ на нравствен-ность состонть въ возможности для нихъ дъйствовать прямо и непосредственно на наше чувство. Способность изящно воодушевлять насъ, побуждать насъ въ деятельности и во всяваго рода подвигамъ, не даромъ замъчена еще въ глубовой древности, когда воины народовъ, находившихся въ младенче-скомъ состоянии культуры, искали возбуждения воинскихъ доблестей въ пёсняхъ своихъ рапсодовъ и бардовъ. Бокль, хотя и видить въ цивилизаціи результать успёховь исключительно разума, говорить, однако, что «желать исполнить долгь - сторона нравственная, а знать, наяъ его исполнить, — сторона умственная» ³). Въ средствъ для достиженія извъстной цёли не заключается еще импульса для стремленія къ послёдней: разумъ указываеть до-рогу къ прогрессу, но не играеть роли двигателя. Рычагъ дёятельности завлючается въ чувствъ, «въ желаніи исполнить долгъ», и это чувство, это правственное требованіе нашей природы можеть быть до высшей степени развито одними изящными исвус-ствами. И цявилизація состоить не въ одномъ накопленіи по-внаній, но и въ распространеніи послёднихъ въ массё народа и въ примънении ихъ въ жизни. Для практическаго примънения теоретическихъ повнаній нужна двятельность, согратая страстнымъ служениемъ ндеъ; слёдовательно, чувство, вызывающее человбка на такую пылкую дбятельность, также ваяно въ дблв цевилизаціи, какъ и разумъ; поэтому и искусства, развивающія и облагороживающія чувство, имбють право стать на-ряду съ наувами, составляющими удёль разума. Такое значение искусства, все болёе проникая въ общее сознание, побуждаетъ въ отведению вых болбе серьёзной роли въ воспитания. Современное

Die Philosophie der Erlösung, von Ph. Mainländer, S. 116.
 "Исторія цивилизаціи въ Англін", Бокля, томъ I, стр., 181.

воспитаніе останавливается преннущественно на изученія поэкія и музыви, какъ искусствъ, наиболёе соотвётотвующихъ характеру современной эпохи. Оставляя въ сторонё поэзію, постараемся выяснить вліяніе изученія музыви на развитіе духа вообще, связь этого искусства съ характеромъ современной эпохи, и опредёлить, насколько существующій способъ взученія музыки пригоденъ для того, чтобы воспользоваться всёмъ ся образовательнымъ вліяніемъ и способствовать пониманію въ ней отраженія духа современнаго человёчества.

L

Такъ какъ причина правственнаго значенія вообще искусства заключается въ действін красоты на чувство, то прежде всего необходнио опредёлить: производить ли музыка какое-либо вліяніе на эту сторону нашего духа, и если производить, то каково это вліяніе, благотворно оно, или нать. Гансликъ, не видя въ вовбужденія чувства ин главнаго эстетнческаго значенія мувыки, ни ся отличительнаго свойства оть прочихъ искусствъ, способныхъ тавже производить болёе или менёе сильное впечатлёніе, все-таки признаеть за музывой, благодаря физическому вліянію тоновъ на недвы, болёе сильное и быстрое действіе на чувство, въ сравнение съ остальными искусствами. «Если мы должны,говорить онъ-признать способность всёхъ искусствъ безъ исключенія дійствовать на чувство, то все-таки нельзя отрицать, что роль музыки въ этомъ отношения представляеть нёчто особенное, ей одной присущее. Музыка действуеть на состояние духа быстре и сильнёе, чёмъ какая-либо другая художественная врасота. Немногіе авкорды могуть провзвести въ насъ настроеніе, тогда какъ стихотворение достигаетъ этого лишь продолжительнымъ изложеніемъ, а картина заставляеть насъ упорно вдунываться въ нее, хотя обониз этемъ вскусствамъ, превмущественно передъ музыкой, служить весь кругь представлений, оть котораго, какъ говорить намъ умъ, зависять чувства радости и скорби. Дъйствіе тоновъ не только быстрие, но и непосредственние я сильние. Другія всеусства уб'ящають нась, музыка же охватываеть все наше существо»²).

Итакъ, музыка, уступая другимъ искусствамъ въ ясности понятій и представленій, превосходитъ вхъ въ способности силь-

¹⁾ Vom Musikalisch-Schönen, von Ed. Hanslick., S. 80-81.

нёйшимъ образомъ дёйствовать на наше чувство. Эту силу она проявляла даже въ глубокой древности, когда еще сама толькочто зарождалась, и съ нашей точки зрёнія една заслуживала тогда наеваніе искусства. Объ ен могучемъ вліянія въ эту пору свидётельствуеть цёлый рядъ сказаній о музыкё, дошединихъ до насъ изъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Всякому извёстно свидётельство библін о вліяніи искусной игры на арфё Давида, врачевавшей мрачное настроеніе духа царя Саула. Сохранилась легенда объ Александрё Македонскомъ, который отъ пёнія одного пёвца пришелъ въ бёшеное состсяніе и пёніемъ же другого пёвца былъ успокоенъ. Благодаря способности музыки укрёплять въ насъ мужество, возбуждать въ немъ геронзмъ, она сохраниетъ свое значеніе на войнё и до сихъ поръ; исторія Марсельезы принадлежить уже нашему времени.

Развиваясь все болёе и болёе, музыка пріобрёла способность выражать всё тоны настроенія человёческаго духа. Въ первыя эпохи своего художественнаго развитія она ограничивалась выра-женіемъ самыхъ общихъ настроеній, какъ то видно въ произведеніяхъ первыхъ композиторовъ католической церковной музыки, холодной, спокойной, торжественной, вполнъ соотвётствующей стремленію въ той небесной жизни, гдв «нёть печалей и болёзней». Но съ успѣхами техники въ музыкѣ замѣчается все уснянвающееся преобладание страстнаго элемента, достигающаго апогел своего развитія въ современной оперѣ, гдѣ композиторъ стре-мится придать чуть-ли не каждому слову соотвѣтствующее повышеніе и пониженіе голоса, и это обстоятельство двлаеть изъ опернаго пёнія настоящій музыкальный языкь, внолнё понятный для слушателей и способный возбуждать въ нихъ тв настроенія, вавія должны вспытывать леца, находящіяся въ данномъ дражатическомъ положении. Способность интонаціи голоса выражать душевное состояние человёка и вызывать въ другомъ представдуневное состояние чоловыми и вномения из кругост средство леніе объ этомъ состоянія, то-есть заставлять его испытывать въ большей или меньшей мёрё то же чувство, — въ высшей степени развиваеть симпатію. Это могущество интонаціи зависить оть того, что она является не произвольно, а потому вполит искрення, такъ-что мы часто болёе вёрнит *тону*, съ которымъ сказани слова, чёмъ самымъ словамъ. Гербертъ Спенсеръ въ своей статъё «О происхожденіи и двятельности музыки» видить въ такомъ непроизвольномъ измвненіи интонаціи нашей річи, физіологически-коренящемся въ испытываемыхъ нами онущенияхъ, начаю музыки, и производить ее изъ «языка душевныхъ волненій» Но вивств съ твиъ, онъ признасть полное взаниодвиствіе между

740

интонаціей рёчи и музыкой: первая послужила началомъ, неходнымь пунктомъ послёдней; музыка, действуя обратно, научаеть человёна говорить съ такою интонаціей, которая давала бы воз-можность слушающему понять, то-есть до нёкоторой степени испытать чувство, волнующее говорящаго. Эта музыкальность рёчи, давая возножность дёлиться не только понятіями и представленіями, но и чувствами, тёснёйшимы образомъ соединяеть людей между собою. А такъ канъ вся сила человека заключается въ прочновъ общественновъ соединения, причевъ вся масса людей является силоченною въ одно цёлое, стремящеюся въ одной цёли общаго блага, то отсюда ясно, вакое соціальное значеніе получаеть музика съ точки зрёнія Спенсера; онъ видить въ этомъ нскусстве одно изъ лучшихъ средствъ въ усилению симпатия между людьми. «Изм'вненія голоса, — говорить онъ, — производимыя чувствомь, служать средствомъ воебужденія подобныхъ же чувствъ въ другихъ. Въ соединения съ телодвижениями и выражениемъ лица, они придають жизнь мертвымъ словамъ, въ воторыхъ разумъ выражаеть свои иден, и такимъ образомъ даютъ слушателю возножность не только понимать то состояние духа, которое они сопровождають, но и принимать участие въ немъ; вороче, они суть главнъйшіе проводники симпатіи (сочувствія). А если мы разсмотрных, вакъ много наше общее благосостояние, равно какъ и наши непосредственныя удовольствія зависять отъ симпатін, то поймемъ важность всего, что діласть эту симпатію сильнёе. Если мы вспомнимъ, что сочувствіе заставляеть людей поступать другъ съ другомъ справедливо, съ лаской и уваженіемъ, что различіе между жестовостью дивнать и человёволюбіемь цивилизованныхъ людей происходить отъ усиления сочувствия, если мы вспомнимъ, что ота способность, дълающая насъ участниками радостей и горя нашего ближняго, есть основание всёхъ высшихъ привязанностей, что въ дружбё, любви и всёхъ доманинихъ радостяхъ оно составляетъ существенный элементъ, --если мы вспомнимъ, въ какой значительной мъръ непосредственныя наши удовольствія увеличиваются симпатіей; словомъ, если вспомнимъ, что этой же симпатія им обязаны всей тей долей удовлетворенности, которая недоступна узвику, лишенному друзей, то мы увидимъ, что едва ли можно преувеличить значение дёятельности, которая развиваеть эту симпатию» ¹). Однаво въ этомъ благотворномъ свойствъ музыки развивать

¹) Герберть Сненсерь. Ониты научные, колитические и философские, томъ I, стр. 164.

симиалю усматривають иногда и невыгодную сторону. Оуществують оть природы слабыя, нервныя натуры, воторыя до того чувствительны въ музыкъ, что послёдная приводять ихъ въ плансивой, бездівательной сантиментальности. Для подобныкь людей, вакь шутливо зам'ячаеть Амбросъ, «каждая партитура есть знакъ педнимающавося слезнаго дождя, и дирижерскій жевль есть жевль Монсея, способный ударами своими вызывать слевы» ¹). Бить можетъ, эта сторона дъла заставила Платона изгнатъ музику изъ своей «Республики». Но величайщий композиторъ, болбе другихъ способный возбуждать въ насъ любыя настроенія, Бетховенъ, требовалъ, чтобы «музыка зажигала искру въ душъ чело-въка» («Die Musik solle dem Manne Feuer aus dem Geiste schlagen»), - сайдовательно, считаль музыку способною не разслаблять душу слевлявостію и сладострастіємъ (въ чемь тоже многіе унрекають музыку, благодаря ея чувственной прелести), — а, напротивь, зажечь вь человёкь ту искру, которая одушевляеть его во всему доброму и даеть ему непреклонную силу въ борьбъ со всякным препятствіями. Потому справедниво только то, что нѣкоторые роды музыки дѣйствительно способны принести вредь, вслёдствіе своего разслабляющаго и сладострастнаго вліянія, но это свойство отнюдь нельзя приписать музыкъ вообще, такъ какъ другіе ся роды пронивнуты сильной энергісй, здоровой жизнію. Главный вредъ отъ музыви можетъ произойти только отъ неумъреннаго нользованія ею; на это указываль и Марксь 2) измецкой публикъ, среди которой музыка распространена болъс, чъкъ гдв-либо. Вбрно его также и по отношению къ намему обществу, гдэ, при весьма шатвомъ понимания значения музыки, часто занимаются ею безъ строгаго выбора, предаются ей какъ забавъ, и, при неумъренномъ занятия музывой, приходять въ полное въ ней равнодушіе, порождаемое утояленіемъ нервовъ всябдствіе сильнаго возбужденія отъ патологическаго вліянія на организиъ самаго матеріала этого искусства, — тоновъ. Въ противоположность распространевному мийнію, что главное значеніе музыки состоять въ возбужденія чувства, благодаря ся способности выражать настроенія нашего духа, существуєть взглядъ на музыку, какъ на простую, безсодержательную игру звувовыми формами. Даже Гансливъ, утверждая за музыкой способность сильнъе и непосредственние другихъ искусствъ действовать на чувство, видить однаво въ отомъ дъйствіи линь субъективное, случайное явленіе,

^{/ 1)} Die Grenzen der Mäsik und Poesie, von W. A. Ambros. S. 44.

^э) Всеобщій учебникь музыки, Маркса, стр. 360.

зависямое отъ болёзненнаго расположенія нервовъ, иногда слиш-комъ чувствительныхъ въ элементарной свяй звука. Съ свеей же точки зрёнія онъ сравниваеть музыку съ «слуховымъ калейдоскопонъ». Такое мизніе о музыки распространено между многими учеными, преимущественно принадлежащими въ партіи психологовъ; они смотрять на свою науку, какъ на часть физіологів, а потому отрицають въ музыкѣ какое-либо духовное содержаніе и объясняють ся действіе однимъ нервнымъ возбужденісить. Подобное же отношеніе въ музыва замачается со стороны практическихъ, сухихъ, дъловыхъ людей, погруженныхъ въ свои будничныя хлоноты, съ цёлью метеріальнаго пріобрётенія; для тавыхъ людей, музыка есть дёло одного слуха, теряющаго въ этомъ случай роль посредника между внутренними мі-рами музыканта и слушателя, потому что послёдній не въ состоянія возвыситься до того настроенія, которое воодушевляло художника. Даже между музыкантами истричаются люди съ весьма развитымъ слухомъ, и которые могутъ только интересоваться одними гармоническими и контра-нунктическими комбинаціями тоновъ, наслаждаться прелестью тембра и виртусенымъ всполненіемъ, вовсе не испытывая нам'яненія обычнаго настроенія духа, не переживая выбств съ композиторомъ мгновений восторга, побудившаго художника въ творчеству. Но намърение композиторахудожныха состонть не вь томъ, чтобы заинтересовать слушателя оригинальными звуковыми комбинаціями, пощеголять передъ нимъ своные познаніями всёхъ хитростей теорія вомпозиція, а есть потребность подёлиться тёмъ, что наполнало его душу, вызвать въ другихъ то чувство, когорое всецило охватывало композитора, зажечь въ слушатели ту всяру, которая горила чистымъ пламенемъ въ душѣ самого художника. Весьма сильно и рёшительно выступаеть противъ такого взгляда на музыку, какъ на простую игру тонами, упомянутый уже нами Амбрось: «зачатое и рожденное въ душъ музыкальное произведение никогда не преминетъ произвести свое действіе. Композиторъ вложиль въ него то, что волновало его при творчествё, свое настроеніе; въ слушателѣ музыкальнаго произведенія оно возбуждаеть подобное же настроеніе, и онъ какъ-бы живеть душою композитора. Если испытанное не, и онв нако он анното душого конпонтори. Доли испитанное нослёднимъ было велико, достойно, благородно, то и мы чувствуемъ себя настроенными одинаково. Воть причина, по которой музыка неизмёримо выше простой, остроумной забавы игрою тонами и благозвучіемъ; воть причина, по которой музыку можно назвать силой правственной, облагороживающей, почему Бетховенъ, по разсказу Шиндлера, видёль въ своемъ искусстве нечто святое

и ставилъ его гораздо выше всякой философія, — почему, навонець, наждый возвышенно-мыслящій музыканть пятаетъ въ своемъ искусств`в ненависть, граничащую съ отвращеніемъ, ко всему грубому, низвому, пустому, изн'эженному » 1).

II.

Кром' общаго вліянія на чувство, оказываемаго въ большей или меньшей степени всёми искусствами, они обладають еще весьма важнымъ свойствомъ, доставляющимъ имъ серьёзное педагогическое значение. Задача искусства состоить въ облечения присущихъ человёческому духу идей въ красивыя формы. Послёднія представляють главное, характеристическое отличіе искусства, потому-что иден могуть быть выражены и въ простой, точной, научной форм'в. Тавемъ образомъ одна и та же идся можетъ быть содержаніенть одного художественнаго и другого не-художественнаго, напримёръ, научнаго произведенія, и разница будеть только въ формѣ. Степень изящества формы зависить вовсе не оть иден, представляющей результать общаго міровоззрівнія данной эцохи, а отъ развития самаго искусства, его техники, стремящейся въ достижению возможнаго для человёна совершенства. Дёйствительно, художественныя произведенія представляють тв продукты человёческой дёятельности, которые всего ближе подходять въ абсолютному совершенству. Весьма справедливь потому взгладь Дж. С. Милля на способность искусства достигать высшей врасоты, что двлаеть изъ художественныхъ проезведеній модель возможнаго для человёчества совершенства. «Чувство совершенства, --- говорить Милль въ своей ричи объ унственномъ воспитании ²),--побуядающее оть каждаго произведенія человіка требовать нанбольшаго, что оно должно было бы дать, и воторое не допускаеть насъ сносить ни малбйшей оннови въ насъ самихъ, или въ томъ, что мы дёлаемъ, это чувство совершенства есть одниъ ная результатовъ научения искусства. Никакия другия человическия произведения не подходять такъ близко въ совершенству, какъ произведения чистаго искусства. Во всёхъ другихъ вещахъ ин удовлетворяемся и можемъ разумно удовлетвориться, когда степень совершенства такова, какой, повидимому, заслуживаеть непосред-

¹⁾ Die Grenzen der Müsik und Poesie, von W. A. Ambros, S. 111.

²) Отривокъ изъ этой рёчи номёщенъ въ русскоиъ переводё книги Тэна "Филсофія искусства", стр. 95.

ственно ся цёль. Если бы мнё нужно было опредёлеть искусство, я бы склонень быль назвать его стремленіемь въ совершенству въ исполненія».

Эти слова Милля обо всёхъ искусствахъ вообще особенно върны по отношению въ музыве, представляющей более широкую область въ дёлё стремленія въ совершенству, чёмъ другія нокусства. Преимущество музыви состоить въ томъ, что, вромѣ нанболёе совершенной отдёлии самыхъ музывальныхъ произведеній, она требуеть и самаго точнаго, художественно-обработаннаго и вмёстё съ тёмъ ремесленно-педантическаго исполнения своихъ провзведений. Кром'в музыки, существують еще тольво два искусства, произведения которыхъ, для полнаго доствжения ихъ эстетическаго значенія, пуждаются еще въ такомъ исполненін. -- и это именно: архитевтура и драма. Въ архитектуръ собственное художественное творчество состоить въ начерганія плана строенія рукою архитектора; художникъ создаетъ лишь этотъ планъ, н послёдній представляеть въ точномъ смыслё слова художественное произведение архитектора. По причанъ грубости натеріала эгого искусства, архитевторъ передаеть исполнение своего плана въ руки ремесленнивовъ. Слъдовательно, на долю этихъ послёднихъ выпадаетъ трудная задача достигнуть нанбольшаго совершенства въ исполнения даннаго архитевтурнаго плана; но вавъ бы ни была удачно воспроизведена въ строенія архитектурная идся, выраженная въ планб архитектора, все-таки ремесленники, трудивніеся надъ выполненіемъ этого плана, вслёдствіе рабской зависимости отъ архитектора, не становятся сами художниками. Въ музыкъ же исполнитель находится въ совершенно свободномъ отношения въ композитору, и его дбятельность состоять вовсе не въ пассивномъ исполнения приказаний композитора. Музыкантуисполнителю нужно самому внивнуть въ духъ сочинения, чтобы вполнѣ понять намвреніе вомпозитора и быть въ состоянія произвести на слушателя исполняемой пьесой то впечатлёніе, которое хотвлъ ся композиторъ¹). Исполнитель относится въ музыкальному произведению, какъ переводчикъ-поэтъ къ оригиналу; а, вёдь, навъстно, что для перевода художественнаго поэтическаго произведенія, который приближался бы въ эстетическому доскониству

٠

³⁾ На замѣчаніе: "вёдь, духъ композитора только отгадивается и обнаруживается исполнителемъ"—Гансликъ отвѣчаеть: "но это-то усвоеніе въ моменть воспроизведенія и есть дёло его, исполнителя, духа". Далѣе этоть писатель говорить: "Самая искусная музыкальная табакерка не въ состояніи виволновать чувство слушателя, а самий проотой музыкальная табакерка не въ состояніи виволновать чувство слушателя, а самий проотой музыкальная табакерка не въ состояніи виволновать чувство слушателя, а самий проотой музыкальная. У совершить это, если всей душой участвуеть въ исполнения своей ийсни". Vom Musikalisch-Schönen, von Ed, Ganslick. S. 79.

растанка пароны.

оригинала, нужно имёть чуть не таланть поэта, написавшаго само оригинальное произведеніе. Точно также для того, чтобы вполнё выразить намёреніе композитора, нужно всецёло вишкнуть въ духъ его сочиненія. «Вполнё же постигнуть генія, бить можеть, способень только геній», замёчаеть Роберть Шумань въ своихъ «Жизненныхъ правилахъ для молодыхъ музыкантовъ».

Такое же вниканіе въ духъ произведенія нужно и для актера, который поэтому тоже находится въ весьма автивномъ отношения въ исполняемому произведению. Но все-таки въ исполненін драматическаго произведенія далево нѣть той шировой арены въ дёлё стремленія въ совершенству, какъ въ музыке, гдъ самый матеріаль требуеть въ высшей степени вропотливой технической обработви и но причний своей зопрности допускаеть весьма изящную отдёлку. Техническая сторона всполненія драматическаго произведенія состоить въ пріобр'йтенія гибвости голоса, выразительности жестовъ в подвежной игры фезіономія. Все это важно, какъ средство придать настоящій характерь исполняемой роли и авляется не столько результатомъ технической работы, сколько вниканісить въ драматическія положенія изображаемаго лица. Такинъ образомъ, въ исполнительномъ искусствъ драматическихъ произведеній, техническая сторона, имбя значение только средства изображать характерь роли, вовсе не представляеть такой шировой области ремесленной отдёлки самаго матеріала, какъ это мы видимъ въ музыкъ. Чтобы уяснить себъ, какъ важна эта ремесленная отдълка матеріала музыки и насволько она имбеть болбе самостоятельное значение въ изучение этого искусства въ сравнении съ драматическимъ, всего лучше обратить внимание на время, которое требуется для образования автера и музыканта-исполнителя, хотя бы посредственнаго: актерь, начиная готовиться въ сцене въ молодыхъ годахъ, въ несколько лёть выучивается мимний и умёнью владёть голосомъ (недостатия въ этомъ случай вависять скорйе не оть трудности техники, а оть неспособности проникнуться характеромъ лица, войти въ роль); а музыканту-исполнителю нужно начать работать надъ техникою своего искусства чуть-ли не съ дътства и всю жизнь совершенствоваться или, по врайней мёрё, поддерживать достигнутую ЛОВЕОСТЬ.

Искусства, произведенія которыхъ нуждаются въ особонъ исполненіи, допускають, такъ-сказать, двойное стремленіе къ совершенству: въ самомъ созиданіи художественнаго произведенія и въ его исполненіи. Въ этомъ отношеніи музыка соперничаеть съ остальными искусствами, а нёкоторыя даже превосходить.

Digitized by Google

746

Она требуеть со стороны композитора самой совершенной обра-ботки его произведенія, чтобы ни одна нота, ни одна пауза не были написаны безъ сознательнаго значенія, и тогда только достигается нанбольшая музыкальная врасота. Такимъ образомъ, музыка доводнть свои образцовыя произведенія до одинаковой иузыка доводить свои образцовыя произведения до одинаковой стенени совершенства съ образцовыми произведениями остальныхъ искусствъ. Она требуетъ отъ исполнителя понимания характера исполняемой пьесы, умёнья угадывать намёрение композитора, и такимъ образомъ ставить иснолнение музикальныхъ пьесъ на одинъ художественный уровень съ исполнениемъ драматическихъ произведений. Но вийстё съ тёмъ она превосходить исполнитель-ность драматическаго искусства тёмъ, что представляеть собою мате-ріалъ, нуждающийся въ сямостоятельной технической отдёлкё, независные отъ роли выразителя, — превосходить и архитектуру тёмь, что требуеть отъ исполнителя не пассивнаго послушанія, а антивнато воспроизведенія нам'єреній номпозитора. Весьма сложная техническая сторона какъ композиціи, такъ и исполненія музыкальныхъ произведеній требуетъ при изученіи этого искусства весьма сосредоточеннаго вниманія и весьма быстраго соображенія — способностей, въ высшей степени необходимыхъ въ живни, вся вствие чего музыка и съ этой стороны можеть быть важнымъ всязыствие чего музыка и съ этон стороны можеть оыть важнымъ средствовъ для воспитанія. При изученіи композиція требуется весьма быстрое соображеніе всёхъ сложныхъ одновременныхъ сочетаній тоновъ съ ихѣ разнообразнымъ ритмомъ, потому-что эти комбинаціи представляють только форму, облекающую данную художественно-музыкальную идею, и легко могутъ представить свльный тормавъ въ изложеніи идеи, если композиторъ не пріобрёль способности соображать ихъ моментально. При медленной н усиленной борьбё съ самымъ художественнымъ матеріаломъ онъ можеть потерять одушевляющее его вдохновение. При исполненін музывальныхъ произведеній быстрое соображеніе тоже ненія музывальныхъ произведеній быстрое соображеніе тоже пграєть весьма важную родь, потому-что музыка, какъ искусство времени, не допускаєть свободнаго унотребленія посл'ёднаго, такъ какъ исполнитель связанъ безостановочнымъ, регулярнымъ дви-женіенъ такта, иногда весьма скорымъ. Кромѣ того, исполнителю нужно привыкнуть одновременно обращать вниманіе на чистоту интонація, на върность ритмическаго дѣленія тоновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на художественное измѣненіе темпа и на разнообразіе въ си тѣ ваукъ (на оптѣнън). съ тыть на художественное изятьнение темца и на разносоразие въ силъ звука (на оттънви), что придаетъ исполнению задушев-ность. Все это представляетъ весьма сложное умственное отпра-вление, могущее служитъ хорошниъ средствомъ для развития вни-мания и бистроты соображения.

Ш.

Мы находимъ, такимъ образомъ, въ музикъ весьма сильнее средство для развитія иъвоторыхъ сторонъ человъческаго духа, именно: чувства (симпатів), стремленія къ совершенству, винианія и быстроты соображенія; все это дастъ музыкальному искусству серьёзное педагогическое значеніе. Но изученіе музыки тоже важно ради нея самой, если желаешь понимать ее и наслаждаться ею, такъ какъ она представляетъ собою искусство современной исторической эпохи, нанболъе соотвътствующее эстетической потребности даннаго времени, наяболъе способное выравить харавтеръ внутренней жизни современнаго человъка.

Особенности идей въ разные періоды исторія обусловливають преобладание то того, то другого искусства. Восточныя цивилизація, съ ихъ эксплуатацією массь въ пользу представителей духовной и свётской власти, создають архитектуру, какъ искусство, нанболбе способное выразить свою идею въ постройнахъ громадныхъ храмовъ, дворцовъ и другихъ памятнивовъ, одицетворяющихъ могущество владывъ. Греческая цивилизація, съ своею антропоморфическою религіей, съ народомъ, всецьло преданнымъ радостямъ вемной жизни, наслажденіямъ всесторонне развитаго организма, совдавшимъ идею высшей человъческой красоти, производить свульптуру, какъ нскусство, могущее всего удачные выразнть свою ндею въ совершенныхъ формахъ статун. Катодичесвая цивилизація, съ своею теологіею, недоступною разуну, возбуждающею лишь чувство любви своею благостию и чувство страха своимъ всемогуществомъ, начавшаяся съ нден презръни въ земной жизни, полная трепетнаго ожиданія загробной участи.производить свою музыку, и эта музыка въ своихъ «Missae solemnes» славословить всемогушаго Бога, въ своихъ «Dies irae» напоминаеть весь ужась вёчнаго провлятія, въ своемъ «Requiem acterпат - испрашиваеть помилованіе прегр'яшеній земной жизни. Поэтому музыка, хотя и встрёчалась во всёхъ преднествоваршихъ формахъ цивилизація, но по справедливости она можеть быть названа искусствоиъ христіанскимъ; христіанство вывело се изъ зародышиаго состоянія и дало ей толчовъ въ дальнъйшему развитію.

Правда, религіозные интересы въ новъйшій періодъ европейской цивилизація теряють свое исключительное значеніе, но музика все-таки продолжаеть быть искусствомъ преобладающимъ. Музика оказывается лучшимъ облегчающимъ средствомъ оть страданій

«балёзнію вёка» (Weitschmerz). Тэнъ въ своей «Философін искусства» говорить, что «господствующей личностію, то-есть главнымъ дёйствующимъ лицомъ, къ которому зрители относятся съ большимъ интересомъ и симпатіей, является грустно-задумчивый честолюбецъ, каковы Рене, Фаустъ, Вертеръ, Манфредъ, сердца вёчно жаждущія, смутно тревожныя, неизлечимо несчастныя»... «Нѣтъ ничего удивниельнаго въ появленія этого новаго искусства (музики), потому что оно соотвётствуетъ появленію новаго генія, этого тревожно-пламеннаго больного, котораго и старался описать вамъ; въ нему-то и обращаются Бетховенъ, Мендельсонъ, Веберъ; къ нему-то въ настоящее время пытаются обращаться Мейерберъ, Берліозъ и Верди; къ его утрированной и утонченной чувственности, къ его неонредёленнымъ и бевпредёльнымъ вдохновеніямъ обращается музыка» ¹).

Мучительное состояние современнаго человёва, драблаго гёлонъ, вследствие покойной, роскопной обстановки жизни, слабаго характеромъ, вслёдствіе гложущихъ соннёній, при глубокомъ аналивё его просвёщенной мысли, раздраженнаго честолюбивыми стремленіями, вслёдствіе общедоступности всёхъ видныхъ общественныхъ положеній, — такое мучительное состояніе происходить именно оть того, что при возбужденныхъ въ высшей степени желаніяхъ овазывается недостатокъ силь для ихъ удовлетворенія. Этому состоянию какъ нельзя болье соотвытствуеть музыка, которая въ высшей степени способна выражать страстное стрем-леніе въ далевому, неясному блаженству; и въ этолъ отношенія особенно выдвигается инструментальная музыка (въ современную эпоху все болье оснаривающая первенство у вокальной), какъ возбуждающая. При своемъ неопределенномъ содержания и при своей способности овладёвать душою, она действуеть чрезвычайно сильно на воображение, несвязанное, при слушании этого рода музыки, никакими опредбленными представленіями. Генрихъ Гейне, лачность, въ выслей степени носныпая на себѣ печать современной исторической эпохи, представляеть намъ образецъ дъйствія, которое производить мувыка на современнаго мечтателя. Вспомнимъ его разсказы о винессиныхъ имъ впечатлёніяхъ отъ музыки (въ его «Письмахъ о музыкъ» и въ его «Флорения»скихъ ночахъ»). Подобное вліяніе мувыки испытываеть важдый изъ насъ въ большей или меньшей мёрё, смотря по степени висчаливлельности, и смотри потому, насколько им приближаемся

¹) Философія испусства, Инполита Тэна, стр. 79. Томъ II.—Апрадь, 1879.

PROTHER'S DEPOILS.

къ Вертерамъ, Фауопамъ, Манфредамъ и прочимъ типамъ современнаго образованнаго человъчества.

IV.

Теперь обратимся въ правтическому вопросу: какъ ведется музыкальное образование; способствуеть ли оно пониманию музыки какъ искусства, нанбелъе соотвётствующаго внутренней живни современнаго человёчества, и пользуется ли оно всёмъ восможнымъ для него педагогическимъ вліяніемъ.

Начнеть съ частнаго музыкальнаго образования.

Большей частью дёти любять музыку, подчинаясь прелести элементарной стороны звука, интересуясь сложными музыкальными инструментами. Но вмёсто того, чтобы воспользоваться природамих расположениемъ ребенка къ занятно музыкой, пренодавание обыкновенно ведется такъ, что снособно на первыхъ же порахъ парализировать всякую охоту къ изучению этого искусетва. Ребенка засаживаютъ за инструментъ, велятъ сидётъ смирно, по правиламъ держатъ руки, ноги, голову и игратъ скучныя упражнения для пальцевъ. Эти упражнения представляютъ для ребенка трудностъ и со своей ритмической стороны. Объяснение рима напоминаетъ ему классъ ариеметнымъ и производится имъ на практикъ обыкновенно въ обпровождения весьма не-музыкальныхъ ударовъ такта раздражительнымъ педагогомъ ¹).

Такая работа продолжается нёсколько лёть, покуда ученикъ не достигнеть техники, необходямой для исполненія художественныхъ музикальныхъ произведеній. Изученіе послёднихъ мало чёмъ отличается отъ скучныхъ упражненій, а красота исполняемыхъ учевикомъ пьесъ часто ему недоступна, вслёдствіе неразвитія музыкальнаго слуха и внуса. Но одною бёглостію пальцевъ нелька достигнуть не только художественнаго, по даже вёрнаго исполненія. Весьма часто можно слышать, какъ обучаемый по подобной методё ученикъ, не замёчая, береть не тё ноти, которыя написаны, и безъ внушительныхъ ударовъ такта педагогомъ не можеть ни одной музыкальной фразы сыграть ритинчески вёрно. Причина такихъ погрёшностей не въ недостаткё ловкости пальцевъ, а въ неразвитости слуха, который не можеть служить контролемъ вёрности исполненія. Недостатовъ музыкаль-

¹) О вредё подобной стуботин, которою многіе учителя надёются научить ребенка играть въ такть, см. "Всеобщій учебникъ Маркса", стр. 384.

наго слуха особенно часто встрёчается въ Россін, въ сравненіи съ другими евронейскими народами, въ особенности протестантскими; послёднимъ помогаетъ развитію слуха участіе всего прихода въ цервевномъ пёніи, такъ накъ пёніе всего лучше развиваетъ слухъ. Поетому раціональное изученіе музыки отнюдь не должно состоять въ одномъ упражненіи пальцевъ, но непремённо и въ пёніи (въ сольфеджіо), какой бы ни былъ вибранъ инструменть для изученія ¹). Только при этомъ условіи можно доститнуть развитія музынальнаго слуха, способнаго замёчать ошибки исполненія, и такимъ образомъ помогать успёхамъ въ дальнійшемъ наученія музыки. Кромё того, пёніе разнообразило бы скучную работу надъ развитія техцики и увеличило бы интересъ учащагося въ музыкі.

Развитие же слуна даеть возножность замёчать музыкальныя врасоты, часто усвользающія вслёдствіе того, что неразвитый слухъ не въ состояніи уловить всёхъ сложныхъ вомбинацій современной многоголосной музыки. Впрочемъ, для пониманія осто-тическаго досточнства музыкальнаго произведенія нужно развитіе не одного слуха, но и вкуса, достигаемое только частымъ слушаніенть образцовыхъ сочиненій при художественномъ ихъ исполненін. Поэтому развитіе музикальнаго вкуса всего чаще встрёчается между зажночными классами общества, всябдствіе ихъ близости въ музыкантамъ- виртуозамъ. Развитіе музыкальнаго внуся достигается однимъ слушаніемъ образцовыхъ музыкальныхъ произведеній потому, что музывальная врасота, являясь резуль-татомъ комбинацій тоновъ, инсколько не зависить оть нашихъ представленій и нравственных понятій. Можно встрётить, съодной стороны, весьма умныхъ, благородныхъ людей, которымъ, при неразвити эстетическаго музыкальнаго слуха, доступна одна тривіальная красота вавихъ-нибудь весьма невначительнихъ му-зыкальныхъ произведеній. Съ другой стороны, иногда замёчается весьма вврное понимание эстетическаго достоинства музыкальныхъ сочинсній даже между музыкантами, относящимися въ своему искусству болле жакъ въ ремеслу (между орвестровыми музыкан-тами, хористами) и, вслёдстве узкаго спеціализированія, лишившимися возможности обратить должное внимание на свое развите въ другихъ отношенияхъ. Но если одно слушание образцовыхъ музыкальныть провведений помогаеть развитию эстетиче-

¹) "Даже если ти не обладаещь хорошимъ голосомъ, старайся пёть съ листа безъ помощи инструмента. Такимъ образомъ, ти постепенно разовьещь свой слухъ". "Жизненныя правная для молодыхъ музикантовъ", Роберта Шумана, стр. 8.

скаго музыкальнаго вкуса, то твиъ болбе научение подобныхъ произведений. Поэтому для развития въ учащихся вкуса было бы весьма важно изучение пьесъ въ строгомъ порядяй, основанномъ на ихъ эстетическомъ достоянствъ, тогда какъ при существующемъ методъ музыкальнаго обравования онъ выбираются соотвёгственио достигнутой бъглости пальцевъ.

Наслаждаться врасотою художественнаго произведения еще не значить понимать его содержание, его историческое и правственное значение. Красота художественнаго произведения и его связь съ историческими явленіями и правотвенными понятіями — двъ вещи различныя. А въ этой-то связи и заключается правственносоціальное значеніе искусства, и музыка въ этомъ отношенія во-все не представляетъ исключенія изъ другихъ искусстве. Несмотря на свою самобытную врасоту, она находится въ теснёй-цвей связи со всёмъ историческимъ движеніемъ данной эпохи н носить на себъ печать нравственной высоты композитора. Гансликъ, признавая красоту музыки въ эстетическомъ достоинствъ однёхъ ввуковыхъ комбинацій, безъ всякаго отношенія къ субъективно-вложенному въ нихъ содержанию, все-таки не отрицаеть связи музыки съ умственнымъ и правственнымъ развитіемъ и понимание этой связи считаеть весьма важнымъ. «Лишь недавно, говорить Гансликъ, — начали разсматривать художественныя произведенія въ связи съ идеями и явленіями пронаведшаго ихъ времени. Въ этой неопровержимой связи находится и музыка. Представляя одно изъ выраженій челов'вческаго дука, она должна находиться во взаимномъ отношения съ остальными духовными двательностями: съ современными поэтическими, соціальными, научными положеніями, навонець, со всёмь тёмь, что пережиль авторъ въ своей личной жевни, и съ его убъжденіями. Поэтому наблюденіе и доказательство такой связи въ отдёльныхъ музыкантахъ и музыкальныхъ произведеніяхъ вполнѣ законно и пред-ставляетъ истинную выгоду»¹). Но на эту сторону изученія музыки, при теперешнемъ способъ ся преподаванія, ръшительно не обращается нивакого вниманія. Въ этомъ отношенія положеніе поэзіи въ современной педагогикъ несравненно выше. Теперь немыслимо, чтобы изучение поэзи состояло въ одномъ зубрения стиховъ разнаго стихотворнаго размъра, представляющаго для декламаціи большія или меньшія трудности, оснленіе которыхъ составляло бы главную цёль работы. Обыденное же преподаваніе музыки представляеть нёчто подобное. Изучаемыя пьесы не раз-

1) Vom Musikalisch-Schönen, von Ed. Ganslick, S. 62.

752

MYSHKAJLHOE OBPASSBAHIE.

сматриваются по отнещению къзнохѣ, въ воторую онѣ везникии, и даже не уноминается ихъ связь съ личностію ихъ автора, связь столь глубокан въ этохъ, въ висшей степени, субъективномъ искусствѣ. Конечно, при такомъ преподаваніи музыка не представляетъ нивакого иравственнаго пріобрѣтенія.

Помимо того, что только такое всесторожнее изученіе музыки когло би дійствятельно принесить польку духовному развитію изучающаго, оживналось бы само преподаваніе этого искусства, указаніемъ связи музыкальныхъ произведеній съ исторіей вообще и каждой изучаемой пьесы съ личностью са автора. При существующемъ же способъ преподаванія музыки и при трудности си технической стороны, изученіе этого искусства иногда даже заглушаетъ самую любовь къ музыка и даже способно поселить непріязнь къ тому почти механическому занятію, которое требуется для ся изученія. Если же послёднее и продолжается, то исрёдко совсёмъ не изъ-за художественныхъ цёлей. Всего чаще продолженію са изученія снособствуеть рабская зависимость отъ моды; къ тому же, музыканть---интересное лицо въ обществё, обращающее на себя вниманіе. Вдобавовъ музыка, особенно вокальная, представляетъ широкую область для нёжныхъ въліяній и, такимъ образомъ, помотаетъ музыканту расположить къ себё дамскія сердца.

Въ средѣ послѣднихъ тоже можно нерѣдко занѣтить занячiе музыкой, вполнѣ далекое отъ всявихъ художественныхъ цѣлей. Сплонь и рядомъ случается, что дѣвушка-музыкантша бросаетъ свое искусство по выходѣ замужъ: музыка была иной нужна накъ одно изъ средствъ ноймать женеха. Между тѣмъ, музыка могла бы дать женщинѣ-матери одно изъ

Между тёмъ, музыка могла бы дать женщинъ матери одно изъ лучшихъ средствъ для пробужденія стремленія въ преврасному въ дѣтахъ. Но чтобы женщина могла своею музыкой имѣть такое вліяніе на свою семью, она сама должна быть художницей, должна сама быть способна въ эстетическому воспріятію музыки и понимать ед исторяческое и правственное значение. Современное жа музыкальное образованіе, истребить въ женщинъ безсмысленнымъ ложаціемъ нальцевъ самую любовь въ музыкѣ, даеть ей въ руки линъ нёсколько понлыкъ салонныкъ пьесъ и пріучаеть се смотрѣть на музыку, какъ на одно изъ средствъ блистать въ обществѣ бѣглостию нальщевъ, виѣстѣ съ своюми кольцами и браслетамв.

Подобнымъ же образомъ ведется музыкальное образоваліе въ женскихъ вянсіонакъ и институтахъ. Слова Гоголя, мътно охарактеризовавшаго получаеное въ этяхъ заведеліяхъ воспитаніе,

сохранають свое значеніе и до сихь порь, по врайней изрі, вь отнощеніи къ музыкі, изучаемой тамъ на-ряду съ вязаньемъ «конельковь и сюрпризовь»: то же ислючительное вниманіе къ развитію бытлости пальцевь, то же полийшие пронебреженіе музыкальнымъ слухомъ и эстотическимъ вкусомъ и отсутствіе какихъ бы то ни было попытокъ указать связь музыки съ историческими явленіями и съ личнымъ карактеромъ авторовъ изучаемыхъ пьесъ. Если чёмъ-нибудь отличается музыкальное образованіе, получаемое въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ частнаго, то развё только тёмъ, что тамъ учителя попадаются иногда технически лучшіе, отчего и ихъ ученицы умѣють правильнѣе держать руки, проворнѣе перебираютъ пальцами при игрѣ на фортепіано и граціознѣе открывають роть при ивнін. Въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ даже и того относительно-серьёзнаго вниманія къ технической сторонѣ музыкаль-

Въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ нётъ даже и того относительно-серьёзнаго вниманія къ техничесной сторонѣ музыкальнаго образованія, какое встрёчается въ женскихъ училищахъ. Напримёръ, въ нёкоторыхъ нанихъ гимназіяхъ хотн и учатъ пёть въ хорѣ и даже занимаются элементарной теоріей, но дѣло ведется такъ, что, при маломъ количествё посвящаемаго временв, музыкальныя знанія равняются почти нулю. Но если бы должное вниманіе обращалось на развитіе слуха, то, пожалуй, и того малаго количества посвящаемаго на музыку времени хватило би на изученіе хорового пёнія. Существують же у насъ пёвчіе въ церковныхъ хорахъ, которые, почти безь знанія нотъ, умёютъ подтягивать общей хоровой массё. Загранящей можно встрётить людей всявихъ спеціальностей, вовсе не получившихъ какогонибудь особеннаго музыкальнаго образованія, а, собравшись вмёстё, они поютъ хоромъ, въ свое удовольствіе, народныя пёсни. Впрочемъ, хоровому пёнію можно научиться въ настоящее время, помимо элементарныхъ школъ, въ спеціальныхъ хоровыхъ обществахъ, гдё дёло ведется гораздо успёшнёе. И дёло это

Впрочемъ, хоровому пѣнію можно научиться въ настоящее время, помимо элементарныхъ школъ, въ спеціальныхъ хоровыхъ обществахъ, гдѣ дѣло ведется гораздо успѣшнѣе. И дѣло это важное: хоровыя общества, при ахъ полной доступности, благодаря ничтожной платѣ за право ученія (въ нѣкоторыхъ обществахъ обучаютъ безплатно), привлекаютъ большія массы людей и служатъ лучшиме проводниками музыки въ народъ. При этомъ, хоровая музыка имѣетъ весьма важным преимущества передъ остальными родами этого искусства.—своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Въ ней нѣтъ блеска преодолѣваемыхъ механическихъ трудностей, которыя могли бы отвлечь отъ настоящаго содертанія художественныхъ произведеній этого рода. Содержаніе ихъ висланія высказано въ словахъ, и музыка только успливаетъ внезатаѣніе идеи, заключенной въ теметѣ.

. .

, <u>,</u>

Оть частнаго музыкальнаго образованія, перейденть къ спо-ціальному, какъ юно ведется въ спеціальныхъ музыкальнихъ учи-

ціальному, какт ющо ведетея въ спеціальныхъ музикальнихъ учи-линцахъ, — въ консерваторіянъ. Наскольно въ частномъ музикальномъ образованія обнаружи-вается недостатовъ старанія развить музикальный слухъ н эскетиче-скій вкусь у учащинся, настояько въ консерваторія то и другос составляетъ славийскирю цёль. Цёлые годы учанціеся всёкъ спеціаль-ностей поють въ кансой сольфеджіо, чтобы достигнуть высшаго раз-витія слуха; этому же спозобствують хоровой классъ и всё другие классы сововупнато, иснолненія. Точно такое же ворное вниманіе облациело на портига цитато пакое же ворное вниманіе обращено на развите мувыкальнаго вкуса. Нёкоторые роды музыки, не соотвёнствующе отребяному направлению консерваторіи, изне соотвёктвующіе стреёному нанравлению консерваторіи, из-гтаны совсёмь. Строгій выберь пьесь для власснаго изучения коти и дёлается съ преобладмощею цёлью развить виртуозность, еднаке, найстё съ тёмь способствуеть в развить виртуозность, еднаке, найстё съ тёмь способствуеть в развить виртуозность, отрогато стиля, въ поторомъ написяны церковныя произведения компеситоровъ древнёйшаго періода, отличающися простымъ, величавымъ характеромъ. Для знакомства съ лучшими музыкаль-ными произведеніями вейкъ временъ, учащимся доступна богазая образцовыми произведеніями вейкъ выдающинся полекиторовъ библіотева. Наконещь, учащимся отврить входь во всё концерты русскаго мувывальнаго общества, для изощрения музыкальноэстотическаго внуса слушанісник, для посцорення нузывники луч-ннихь европейскихь арпистовь. Такнись образонь, всякій, изслаю-ній получить основательное музыкальное образованіе, можеть быть увёрень, что нь вонсерваторія онь найдеть самое добро-сов'ястное стараніе вамочь сму овладёть техинческой стороной музыкальнаю некусства и развить нань музыкальний слухь, такъ и эстопический вкусь. Но эсе ли это? Воспринимать художественное произведение съ его эстетичесной стороны еще не значить ное произведение съ его эстетичесной стороны еще не значить ненимать его содержание и историчесное значение. Развите му-ывально-остетическаго вкусы также не даеть возможности про-никнуться такж настроениемъ, которое воодушевлыло комперитора при творчествё, понять связь даннаго музыкальнаго произведения съ историческими явленіями эпохи, въ которую это произведеніе возникао; накомедь, ецёнить нравственное его значение по со-бытию, которое вызвало въ немпозитор' изв'ествое настроеще, излившееся въ его музывальномъ творенін, --- по представленіямъ,

.... 1.11 визываемымъ имъ въ слущателъ. Посмотрямъ, помогаеть ли консерваторія поняманію этой стороны искусства, которая соединаеть музыку съ остальными проявленіями человѣческаго духа и даеть ей высовое правственное значеніе. Самнить лучинимъ средствомъ освѣтить отношеніе музыки из общему развитію человѣческаго духа представляеть исторія этого искусства, наяъ наука, разсматривающая музыку въ различныя историческія эпохи и объясняющая встрѣчаемыя въ музыкё явленія на основанія канмодѣйствія послѣдней съ остальными преявленіями культури. Вообще мало обращають винманія на эту философскую сторону исторія музыки; но въ особеннасти въ консерваторія преподаваніе этого предмета чреквичаймо тѣсно ограничено однимъ разсматриваніемъ фактической стороны. Въ классѣ исторія музыки, обявательномъ для всѣхъ учащихся въ консерваторія, довольно подробно изучается музыка всѣхъ народовъ во всё историческія времена, ознакомляя съ именами композаторогъ, ихъ произведеніями, музыкальными инструментами, нотяціей и т. п. Но при этомъ наученія почти совсѣять не обращается вниманія на каравтеристическія отличія культуры различныхъ народовъ и на вліяніе этихъ отличій на музыку, не обращается достаточнаго вниманія на біографія комнозиторовъ и на отношеніе ихъ произведеній къ ихъ личности, къ событіямъ ихъ кизни, — наконець, оставляется бевъ вниманія вліяніе ихъ произведеній на современнаковъ и вхъ собственное общественное положеніё ¹).

Подобно тому, наяъ учащимся въ вонсерваторія исторія предстарляеть музыку искусствоять, совершенно полированнымъ, такъ и собственное отчужденіе учащихся отъ обществонной жизни ийшаеть имъ зам'ятить связь ихъ искуссива съ остальными проявленіями д'яттельности челов'язвекаго духа. Консерваторія представляеть весьма замвнутое училище: учащеся въ ней не интересуются ни научнымъ двименіемъ, ни даже произведеніями другихъ искусствъ. Они разъединены даже между соббю но выбраннымъ снеціальностямъ п'йнія, итры на различныхъ инструментанъ и номисанція; такимъ образамъ, учащівся въ консерваторіи вовее не представняють ц'яльной масси съ единою, всёкъ едущевляющею цёлью труда, въ интересахъ общаго развитія и нропрётный искусства.

Такому широкому преподаванию исторіи музики преплиствуеть всего боліе малое поличесное времени, опредішненое консернатеріей на этоть предметь: всего одлять годовой курса, но для часа нь надіон.

Но возму этому присоединается довольно низній уровень образованія учащихся въ консерваторіи (исключан, вонечно, тіхъ, которые получнин научное образованіе виё этого спеціальнаго училища). Въ высшей степени трудная и общирная техническия сторона музыкальнаго искусства отнимаеть у людей, посвятивникъ себя научению музыки, почти все время и всё силы, что приводить въ веська узному спеціализированію. Существують талантянныя натуры, которымъ дается относительно легко осилить технику, но танихъ счастливцевъ иногда задеть весьма жалкая участь въ консерваторіи.

Въ обществе распространено мизије, что преуспеванје въ взучение музыки есть двло одного таланта, что трудъ, побеждая ремесленную часть нокусства, безсилень съ художественной сторены. Конечно, никакой трудъ не въ состоянія дать вдохновенія, необхедниаго для творчества, ---одущевленія въ исполненіи, очаревывающаго слушателей; какъ для творчества, такъ и для художественнаго исполнения, нужна та искра, которая дается немногнив избраннымъ натурамъ. Но эта исера тлёсть во многихъ едва замѣтно, трудъ можеть раздуть се до дрваго пламени художественныхо гения. Безь труда же она можеть потухнуть и вь самынъ талантинныхъ натурахъ. Изъ біографій великихъ музывантовъ, напринъръ, Бака, Бетховена, видно, что они всю живнь чрезвычайно усердно работали надъ своимъ искусствомъ, такъ что результаты ихъ дбятельности зависвли сколько отъ природныхъ ихъ дарованій, столько же и отъ ихъ личной энергіи. Черевъ-чурь усердное повлонение таланту въ консерзатории развиваеть из обладающихъ нать ученикахъ и ученицахъ пагубное убъедение, что ножно обойтнов безъ труда. Этому убъедению снособствуеть и лёность, которой, какъ вообще замёчено, особенно часто подвержени талянтлиные лоди, избалованные лег-HIME ACCTHRENIENS VCITEXOBS.

Поэтону случаются иногда, что талантливая, но еще не установнышаяся личность, напищенная мыслію о своихъ дарованіяхъ, не пріученная къ труду, выходить изъ консерваторія недоучившись, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерванорія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. Консерваторія, канъ инсь, и таланть си погнбаетъ для общества. В пось, и таланть си погнбаетъ для общества.

Уназавъ на изноторые недостатви спеціально-музыкальныхъ училищъ, заслоняющіе отъ учащихся общій смысла музыки и подающіе имъ поводъ стать на одну слунень съ общественными увеселителями, накъ это случаевся нёкоторымъ, далее внаменитымъ виртуозамъ, — ны новволнить себё предложить, съ своей стороны, нёсколько соображеній, которыя могли би илониться, но нашему крайному разумённю, нъ устраненію такого увкаго снеціализированія учащихся музыкантовъ и ихъ отчужденія отъ прочихъ интересовъ жизни, какъ причинъ указанныхъ недостатиовъ.

Для донимения связи музыки съ остальными проявлениям человическаго духа самый способъ ввучения истории музчии въ консерваторін оказывается несостоятельнымъ. Подобно тому, вакъ преповаваніе исторіи музыки состоять вь перечні имень комповиторовь, ихъ произведений, инструментовъ и т. н., въ каждую историческую звоху развития разныхъ народовъ, - и преподавание всеобщей исторіи ограничивается. одними голыми фантами но довольно свудному учебянку ¹). Такъ какъ всеобщая исторія представляеть въ этомъ случай лишь элементарное приготовленіе въ исторіи музники, то съ подобнымъ преподаваниемъ согласнися еще моявно, хота и туть было бы желетельно, чтобы не столью обременалась память политическими событиями, сколько бы останалась внутренияя сторона жизни народа, — представляющая главное объяснение върований и содержавия художественных произведений даннаго народа. Въ втомъ отношения для вонсерваторія всегда будеть болёе пригоднымь воть учебжинь, гдё обращено особенное внимание на улснение религиознихъ въровеній, внутренней жизин народа и на его обыденную обстановку --- сторонъ, имбющихъ главное вліяніе на направленіе худенественной делельности деннаго народа. Въ влассъ же история музыви въ высшей степени важно при изложении развития саней музыни обранить внимание учащихся на связь общаго характера народа, --- направления его культури съ его музыкой, на наміненіе послёдней, въ зависимости отъ историчеснихъ энохъ, нереживаемыхъ народомъ. Незбходимо провести параляелъ между музыкой изучаемаго народа и остальными искусствами, которыя нультивировались послёднимъ, указать причены преобладани того или другого исвусства и выяснить обстоятельства, которыя способствовали развитию музыки или задерживали это развите. При втокъ представищась бы возможность указать вліяніе жу-

758

¹) При консерваторія учреждени научные власси приблизительно въ разнірії первила ченирела мнассова гимналія, —комочно, беза власоплескиха язивена; за то яъ яках прохвянися физика и особенно надробно акусинка.

ченія музыки на жизнь народа и, при подробнощь изученія бісграфій композиторовь, указать на историческую обстановку того или другого ихъ проваведенія, указать на влідніє ихъ твореній на современниковь и, такимъ обравомъ, выяснить общественное вняченіе музыки.

Кром'я изучения история музыки весьма важно изучение общей эстетиви для пониманія сущности врасоты, ся особенностей но остетики для пониманія сущности красоты, ей особенностей по свойствамъ матеріала разныхъ испусствъ и для опредбленія точ-ной области каждаго изъ послёднихъ. Эстетика входила въ про-грамму предметовъ, изучаемыхъ въ консерваторія (на нее по-свящался остатовъ времени отъ пвученія исторія музыки), но впослёдствія, по малому количеству времени, и для самой исторія музыки, остетику исвлючили совсёмъ. А эстетика представляеть музыки, эстегику иснлючили совенить. А эстегики предстакилеть особенную важность для современнаго момента развита пузыки. Громадный успёхъ текнической стороны этого искусства способ-ствуетъ страннымъ притязаниямъ композиторовъ выражать въ субъективной музыкё то, что вовсе не лежитъ въ ся области: явленія чисто реальныя. Вслёдствіе этого являются произведенія, субъевтивной музыкй то, что вовсе не дежить въ ся области: явленія чисто реальныя. Вслёдствіє этого являются проживеденія, содержаніе воторыхъ до того произвольно, что сана музыкаль-ная форма оказывается совершенно несостоятельною для взобра-женія намёреній вомпозиторовъ (напримёръ, Ачапt l'homme, Ф. Давида). Стремленіе къ «реализму» въ музыкё замёчается и между нёкоторыми наз нашихъ композиторовъ; наъ утрарован-ное направленіе вообудню въ литературё появленіе одного сатири-ческаго очерка, въ которомъ реалисть-нузыканть изображаеть въ музыкё, напримёръ, «исканіе извозчикомъ кнута». Совершенная непонятность подобныхъ произведеній принуждаеть изъ компо-виторовъ приойтать къ «программё», въ которой указывается, что произведеніе воображаеть. Это обстоятельство всего лучше свидётельствуеть о невозможности для самой музыки служить художественной формой ийкоторымъ ндениъ, же входящимъ въ область этого искусства, и о тонъ, что номпозиторы программой музыви переступнан границы втой области. Эстетическая сторона художественнаго произведенія должна выженаться сама по себѣ---ова непосредственно обращается къ чувству; для новиманія же содержанія и историческаго и нравствовнать «Программи» жудожественнаго произведенія необходимо многостороннее взученіе и набеторая научная к философская подготовка. «Программы» же не могуть помочь въ этонъ отноненія, потому что естетическое достовниство заувевыть комбинацій инсколько не вынграсть оть того, что мы будемъ внать намёреніе композитора выржить ими «извоечний снуть», или солоньниую трель, Чайльда Гирольда, или адъ Данте; пониманию содержания и значения музыкальнаго произведения можеть номочь опять-тави не «программа», а глубокое взучение историческихъ условий, повлияющихъ на направление музыки, въ которому принадлежить данное музыкальное произведение, изучение личности автора, знакомство съ пережитыми имъ событиями и испытавниями имъ впечатлёниями, которыя побудили его къ творчеству, осённые его вдохновениемъ и отразились въ его произведенияхъ.

Изучевіе эстетвви нужно и для того, чтобы установить правильный взглядь учащихся на значеніе и самой техники въ исполнительней части музыкальнаго искусства. Эта сторона музыкальнаго искусства весьма самостоятельна и представляеть весьма инрокую арену для достиженія совершенства. Искусаоє музыкальное исполненіе иногда способно засловить собою само провзведеніе, и весьма часто случается, что цублика болёе интересуется тёмъ, кака исполнено, чёмъ-что исполнено. Такинъ образовъ, музыка возбуждаетъ одно язумленіе передъ ловкостію виртуоза и получаеть однивавовое вначеніе съ искусствонъ акробатовъ.

Вийстй съ тімъ врасота звука, его томбра заставляеть многитъ искать удовольствія из музыві оть одного впечатлівнія слуха. Наслажденіе, испытываемое при слушаніи какой-инбудь пошлой мелодіи на вакомъ-инбудь прекрасномъ инструменті, весьма походить на наслаждение оть ввуснаго вушанья или оть ароматическаго запаха: разница только во вибшнихъ чувствахъ тамбръ инструмента пріятно щекочеть нервы слуха, кушанье нервы вкуса, духи—нервы обояднія. Такимъ образомъ, музика становится на одинъ рядъ съ кулинарнымъ искусствомъ, приготовляющимъ кушанья для услаждения вкуса, — съ химической лабораторіей, доставляющей блягоуханіе для обовянія. Изученіе вдравой эстетики должно показать учащимся настоящее значеніе техника ибвусства, какъ средства, — и не болёе, какъ средства нъ достижению художественныхъ цілей: возбужденія настроеній, которыя хотілъ произвести композиторъ, и исполненія всёхъ его намбреній. Эстетика не должна объяснить вначеніе вибинято чувства какъ только проводника, посредстволь котораго вдем и чувства какъ только проводника, посредствомъ котораго вдем и чувства какъ только проводника, посредствомъ котораго вдем и чувства какъ только проводника, посредствомъ котораго вдем и чувства кудожника произведенія общества.

Эстетные разно обнимаеть всё вскусства, но изъ нихъ одно представляеть особенную важность для музыки, это именно ноэзія. Та и

другая, по сходству матеріала, представляеть тоническое искусство и исвусство времени. Эта близость способствуеть сліянию повен и музыки, приченъ взанино уравновѣшиваются недостатки нять оббаха: поэгія доставляеть музыкв определенныя представления, музына сообщаеть поэтическимъ словамъ способность неносредственно дбйствовать на тувство слушателя и захватывать его за душу. Музыка въ нервое вреня своего существования неразрывно была связана съ поэзіей въ фонже весни, гамна н т. п., и только со временемъ достигля самостоятельности въ изструментальномъ родѣ. Поэтому изученіе поэзіи для музыканта представляеть особежную важность, тёмъ большую, что поэзія, становясь наравнё съ музыкой въ вокальномъ родё послёдней, доставляеть этому искусству способность производить сильнёйшія впечатлёнія и дёлаеть подобныя музывальныя произведенія навболбе понятными. Для учащихся въ консерваторіи, изученіе поэтической литературы пригодно тёмъ болёе, что оно всего лучше знакомило бы съ идеями, характеризующими историческія эпохи, и, такимъ образомъ, способствовало бы уяснению связи музыки съ народною жизнію даннаго времени. Иностранная поэтическая литература должна проходиться, по врайней мъръ, тавже подробно, какъ и русская ¹), потому что преимущественно произведенія иностранныхъ композиторовъ представляютъ предметъ власснаго изученія. Поэтическая литература, проливая такой свъть на внутреннюю жизнь народа, которому принадлежить изучаемый композиторъ, въ высшей степени способствовала бы пониманию твхъ идей и настроений, которыя сообщили извъстное направленіе его творчеству²).

Вообще, намъ кажется, что болѣе широкое изученіе исторіи музыки, въ связи съ исторіей цивилизаціи вообще, изученіе эстетики и поэтической литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной, ослабленіе чрезмѣрной спеціализаціи между учащимися — все это должно быть разсматриваемо какъ дѣло чрезвычайной важности. Оно способствовало бы возвышенію умственнаго уровня учащихся въ комсерваторіи, проливало бы свѣть на

¹) Пока въ научныхъ классахъ консерваторіи проходится одна отечественная интература.

²) Нёсколько лёть тому назадъ, г. Ларошъ въ Соляномъ городкъ прочель нёсколько лекцій, въ которыхъ провель параллель между Бетховеномъ и Шиллеромъ. Какъ уленились би музыкальныя провзведенія ученикамъ консерваторіи, если би подобния параллели проводились и между другими композиторами и поэтами, напримъръ, между Байрономъ и III уманомъ и т. д.

нсторическую связь музыки съ остальными проявленіями вультуры, уясняло бы содержаніе произведеній музыки и ихъ нравственное значеніе; наконецъ, приготовляло би къ сознательному выполненію своей роли будущихъ діятелей въ области искусства, столь благодітельно дійствующаго на развитіе лучшихъ сторонъ человіческаго духа, столь тёсно связаннаго съ общинъ хедомъ цивиливаціи и наиболёе соотвётствующаго характеру общей жизни человічества въ переживаемий имъ историческій мементь.

J. CARBETTE.

ТУЧКИ

I.

НАРОДУ.

Да, народъ, ты великъ, какъ гора-великанъ, Что поднялъ къ небесамъ сибговыя вершины. Но — увы! — и гора-великанъ состоитъ Изъ ничтожныхъ песчинокъ и глины...

II.

РОДИНЪ.

Ты вротвимъ заснула ребенвомъ, проснулась — старухой сѣдою, И вновь принялась за игрушки, считая себя молодою: И утромъ, и вечеромъ солнце свервало нарядно,

Лишь въ полдень оно утопало во мглъ непроглядной.

Ш.

ИСТОРИКУ.

Государства изучая, Все ты приняль во вниманье: Почву, климать и науки Благотворное вланье.

Лишь одна тобой забыта Всёхъ земель и странъ основа, И о глупости народовъ Въ книге нёть твоей ни слова.

IV.

поэту.

Не до пъсенъ, поэтъ, не до нъжныхъ пъвцовъ! Нынъ нужно отважныхъ н грубыхъ бойцовъ. Родъ людской пополамъ раздълился, — Закипъла борьба. Всявій стройся въ ряды, Въ комъ не умерло чувство священной вражды. Слишкомъ рано, поэтъ, ты родился!

Подожди, — вёковая разсёстся тьма, И сравнятся всё люди, сравнятся дома, Стихнеть бой, что столётія длился. Родъ людской возмужаеть и станоть уменъ, И спокоенъ, и честенъ, и сыть, и ученъ — Слишкомъ поздно, поэть, ты родился!

V.

мечта и опытъ.

МЕЧТА.

О! въкъ золотой еще будетъ: нътъ правды въ легендахъ чудесныхъ! Пусть нынъшній въкъ — дереванный, но въкъ золотой впередя!

опытъ.

Дитя! и ты вёришь, что могуть на вёткахъ древесныхъ Плоды золотые рости?!..

VI.

прометей.

Къ скалѣ прикованный, за долгій рядъ вѣковъ Все испыталъ титанъ, чтобъ гнётъ своихъ оковъ И коршуна забыть. Отъ боли и отъ скуки, Теперь онъ принялся за точныя науки.

На-дняхъ онъ снился мнѣ. Въ работу погруженъ, Изъ чиселъ выводилъ онъ стройный легіонъ. Онъ строго вычислялъ, въ какую часть минуты, Чтобъ печень рвать ему, слетаетъ коршунъ лютый. И улыбнулся онъ довольно и свётло, Когда нашелъ искомое число...

VII.

БЕЭСМЕРТІЕ.

Вода и прахъ, эемръ и звёзды Все, кром'й духа челов'йна,— Все въ мір'й цёлымъ сохранится До окончанья вёка.

Безсильна смерть передъ пылинкой, Властна надъ гордыми мечтами... Завидно, сердце? Ахъ, мы скоро Безсмертны станемъ сами...

VIII.

СЕРЕНАДА.

Танутся по небу тучи тяжелыя, Мрачно и сыро вокругъ. Плача, деревья качаются голыя... Не просыпайся, мой другъ! Не разгоняй сновидёнья веселыя, Не размыкай своихъ глазъ.

Сны беззаботные, Сны мимолетные

Снятся лишь разъ.

Счастливъ, вто спитъ, кому въ осень холодную Снятся лобзанья весны.

Счастливъ, вто спитъ, вому время свободное Снится за дверью тюрьмы.

Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную Имъ не соменуть своихъ глазъ.

Сны беззаботные,

Сны мимолетные

Снятся лишь разъ...

Н. Минскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

Аврёль, 1879.

- I.
- Черногорія в ся война съ турками въ 1877—78 годахъ. Изъ воспомнивній д-ра А. В. Щербака. (Въ двухъ выпускахъ). Выпускъ первый. Изданіе А. Г. Миронова. Спб. 1878.
- Illyrian Letters, a revised selection of correspondence from the Illyrian provinces of Bosnia, Herzegovina, Montenegro, Albanis, Dalmatia, Croatia, and Slavonia, addressed to the "Manchester Guardian" during the year 1877. By Arthur J. Evans. London. 1878.
- Л. Добровъ. Южное славянство, Турцій и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Спб. 1879.

Сочиненіе д-ра Щербака есть одна изъ самыхъ любепытныхъ княгъ, вызванныхъ у насъ послёдней войной. Въ періедъ войны 1877 г., авторъ находился въ черногорскихъ войскахъ въ качествё врача, завёдывавшаго перевязочнымъ пунктемъ, и вийстё съ тёмъ былъ корреспондентомъ одной изъ здёвникхъ газетъ. По своему положенію, онъ былъ близокъ къ событіямъ, часто былъ ихъ цепосредственнымъ свидётелемъ, но въ газетныхъ корреспонденціяхъ онъ долженъ былъ, во-первыхъ, выпускать многое, относившееся къ соціально-бытовой сторонѣ черногорской жизни, во-вторыкъ — въ разсказѣ событій не договаривать многаго по времени и политическимъ обстолятельствамъ. Теперь авторъ желаетъ подёлиться съ читателемъ своими впечатлѣніями, не стѣсняясь прежними препятствіями и стараясь быть, сколько можно, объективнымъ.

Этому послёднему старанію нельзя не отдать полной похвалы. Въ теченін самыхъ событій мы почти не видёли примёровъ объективности, которан передавала бы намъ факты, не прикрашивая ихъ въ ту или другую сторону, — а такъ какъ "славанскіе братья" до

послёднихъ войнъ были почти неизвёстны огромному большинству нашего общества, да и сами корреспонденты, тоже почти безъ исключенія, знакомились съ "братьями" въ первый разъ, то писанія "собственныхъ корреспондентовъ" слишкомъ часто бывали источниконъ невёрныхъ свёдёній и пристрастныхъ приговоровъ. Чего не быле наговорено о сербахъ и болгарахъ раньше, чёмъ установилось болёе близкое знакомство съ ихъ бытомъ и народнымъ характеромъ. Многимъ вдёсь начинало казаться, что мы совсёмъ напрасно собрались освобождать ихъ. Слёдовательно, предёлъ былъ достигнутъ.

Черногорія всего больше была знакона въ руссконъ обществъ; о ней вздавна знали тё, кто очень мало зналъ о другихъ сербахъ и совсёмъ не зналь о болгарахь; въ нашей литературъ бывали цълыя книжки, посвященныя ся описанию и истории. Тёмъ не менёе едва ли можно было бы сказать, чтобы и здёсь нашихъ свёдёній было достаточно для толжнаго пониманія черногорскихъ дёль и нашихъ нежду-славянскихъ отношеній въ Черногоріи. Корреспонденты разсказывали почти исключительно о военныхъ событіяхъ, рёдко говорили о внутренненъ бытв и національныхъ отношеніяхъ. Д-ръ Щербакъ, коснувшись виенно этихъ предметовъ, далъ полезное дополнение въ существуюшимъ взглядамъ. До сихъ поръ, на Черногорію смотрёли у насъ съ точки зрѣнія Гомеровской эпопен-и черногорское юначество имѣеть несомнённо эти черты; но, не споря противь этого сравненія, надо было припомнить, что гомеровские герон, кромѣ своего воинственнаго величія (которое въ нихъ по бо́льшей части только и видять). имвють другую сторону, гдв патріархальная первобытность гораздо меньше можеть подлежать опоэтизированию. Это примёняется вполнё и въ сынамъ Черногорін.

Во время неслёднихь войнь руссвое общество, чёмь и насколью могло, заявило свои сочувствія и сербамь княжества и черногорцант; но оказалось, что у самого славанскаго комитета, который надо было, предполагать близко знающимь отношенія, не достало точныхь свёдёній, и онь должень быль дёйствовать на удачу. Мы говоримь не о тёхь неустройствахь, которыя обнаружились въ веденій отчетности самого комитета, — эти неустройства имёють свое объясненіе, и они не такъ важны; — но гораздо прискорбийе были тё неустройства, какія, оказывается, происходили на самомъ мёстё дёйствій. Ходили давно слухи, что помощь, посылаемая въ Герцеговину и Черногорію, слишкомъ часто не доходила по назначенію, д-ръ Щербакъ подтверждаеть эти слухи довольно опредёленными указаніями. Правда, обстоятельства были слишкомъ исключительныя, и кабиветные люди, управлявшіе славлискимъ комитетомъ, конечно, не могли быть вполить подголовлены къ новой дёятельности, которая

на нихъ вдругъ свалилась и для которой, притомъ, они вовсе не имъли необходимаго простора, — твиъ не менъе очевидно, что во вагладахъ и прісихъ комитетонъ присутствовала немалая доля идеализма, который велъ за собой и теоретическія преувеличенія, и нрактическую неопнитеость, палишною довърчивость и т. п. Д-ръ Щербакъ не имълъ въ виду и не дълалъ общихъ выводовъ о южно-славянскомъ движеніи, но въ его разсказъ есть не мало фактовъ, наблюденіе которыхъ пожетъ служить для исправленія упоманутыхъ теоретическихъ преувеличеній и описокъ. Самъ д-ръ Щербакъ, какъ это кожно видъть нау его кинги, передъ поъздкой не имълъ особенныхъ свъдъній о Черногоріи, — онъ былъ на урових огроинаго большинства русскаго общества; но онъ былъ довольно наблюдателенъ, и отъ него ве ускользнуло иногое, что ускользало отъ идеалистовъ, н въ темъ числъ отъ славянскаго конитета.

Д-ръ Щербакъ, ло указавной причний, не имблъ никакихъ предваятыхъ идей о черногорско-герцеговинскихъ отношеніяхъ; онъ и разсказываетъ просто, что самъ видблъ и могъ узнать или угадывать на мѣстѣ. Онъ отдаетъ всю справедливость извѣстнымъ военимпъ доблестямъ черногорскаго народа, но не закрываетъ себѣ глазъ на глубокіе недостатки въ его настоящемъ характерѣ и бытѣ; онъ видѣлъ собственными глазами страшное положеніе герцеговинскихъ инсургентовъ и бѣглецовъ, и не скрываетъ —какъ мало доходили до нихъ (по крайней мѣрѣ въ Черногорія) тѣ пособія, которыя шли изъ Россіи. Отвошеніе черногорцевъ къ ихъ ближайшимъ, роднымъ, "братьямъ", герцеговинцамъ, постоянно оставляло въ нашемъ наблюдателѣ самое тяжелое впечатлѣніе.

Насколько выдержевъ дадуть вонатие о положения вещей.

"На плонцади (въ Цетиньй, черногорской столици) стояла толпа голодныхъ и оборванныхъ нищихъ. Между ними были дряхлые старики, женщины, но болие всего дити. Тутъ расположился ихъ чуть не цилий таборъ. Понинутно приставая въ проходящимъ, они назойливо провожали ихъ фразою: "молимъ едно соло", пока не получали просимое или угрозу налкор.

"Вольшая часть ихъ привадлежала въ выходцамъ Герцеговины; только немногіе были нэъ племени Васовичей (такъ пишеть авторъ; должно быть: Васоевичей).

"Появленіе этого голоднаго люда на черногорской территоріи относится въ началу возстанія въ Герцеговний. По м'йр'й расширенія и продолжительности его увеличивалось число б'йгунцовъ, спасавшихся отъ фанатической жестокости туровъ... Найди себ'й единотвенное уб'яжище отъ пресл'ядованій въ странів, терлащей постоянный недостатовъ въ матеріальномъ довольствія, б'йгунцы стали въ тагость черногорцамъ. Всё, такъ-называемыя братскія отношенія къ нимъ нослёднихъ были скорёв по формё, нежели но сущности.

"Съ уселеніемъ эмиграція въ Черногорію, Россія стала овазывать иомощь пострадавшимъ, хлёбомъ и деньгахи. Но за отсутствіемъ въ ней (т.-е. въ помощи) всякой организація, результати были незначительны. Народъ продолжалъ *вымират*ь отъ голода и сопровождавшихъ его болёзней.

"Во главѣ лицъ, занимавшихся раздачею хлѣба, стоялъ черногорскій воевода Матановичь, которий, по общему голосу людей, внавоныхъ съ дёлонъ, заботился главнымъ образонъ о приращения своего вармана, продавая хлёбъ прибрежнымъ далиатинцамъ... Что же васается до денежныхъ субсидій, то становится весьма сомнительныть, достигали ли онъ до голодавщихъ, и если только выпадало что-либо на ихъ долю, то вёроятно вичтожныя врохи. Другія нужды, какъ ремонтировка дворца, военныя приготовленія штаба и т. п., оправдываеныя, можеть быть, временень и положениемь вещей сь точки зрёнія черногорскаго правительства, (но) наврядъ ли входившія въ разсчеть жертвователей, поглощаля почти всё денежных присылки. Въ этомъ отвошенія частная благотворительность, въ лиць г-жи Воголюбовой, члена петербургскаго данскаго кружка, хотя и дъйствовала въ ограниченномъ районъ, сообразно имъвшинся средстванъ, оказивала помощь болёе реальную и цёлесообразную, подъ ся личнымъ наблюденіемъ и контролемъ, --- нежели другія невосредственныя присылки (стр. 21-22).

Эти слова лица, бывшаго на мъств, должны бы привлечь внимавіе славянскаго комитета.

Въ Оріа-лукъ, д-ръ Щербакъ въ нервый разъ видълъ киязя и его штабъ, съ которымъ послъ встръчался неръдко. Впечатлъніе штаба било слёдующее.

"Громкія французскія фразы съ своеобразнымъ акцентомъ, прерываемыя черногорскими словами, давали чувствовать простому смертному, что это—сливки черногорской интеллигевців. Ихъ варужный видъ невольно вызывалъ въ памяти представленіе о конвой няъ кавказцевъ въ Петербургѣ. Большинство принадлежало къ благороднымъ чераогорскимъ фамиліямъ и получило висшее образованіе въ Парижѣ. Но, къ сожалѣнію, выразителемъ его главнымъ образовъ являлся внѣшній аляповатий лоскъ, при отсутствіи всякаго внутренняго содержавія: то быгъ дикій человѣкъ, воспринявшій по-своему одну только, дѣйствующую на глазъ, яркую сторену предмета. Познакомввшись съ ними поближе, съ трудомъ вѣришь, что это черногорци, —народъ, который, при нѣкоторыхъ своихъ отрицательныхъ сторбнахъ, несомнѣнно обладаетъ и положительными достониствами; его

любовь из родинё, его герейская храбрость-фанжы общензействие. Въ нихъ же лочти все это утратилесь".

У насъ обывновенно принисывають это развращающему славлиское начало вліянію "запада": но дёло, конечно, не въ "западъ", а просто въ тонъ, что образованіе велось дурно — вакъ око могло бы вестись (и тысячу разъ ведется) и на "вестокъ" — въ тёхъ особенныхъ школахъ, которыя не думають заботиться о "внутреннемъ содержани". Д-ръ Щербакъ, повидниому, такъ это и понимаетъ.

"И не мудрено, продолжаеть онъ, принявъ во вниканіе отсутствіе того внутренняго образовательнаго элемента, который даєть осмысленная первоначальная школа. Есть исключенія, но они р'вдки, будучи въ свою очередь обусловлены другими причинами", именне боліе серьёзной школой.

"Я помню черногорца, воторый быль нёноторое время вольнослупнателень московскаго уннверситета. Началась война... Студентьчерногорець очутняся въ рядахъ вошновъ, своикъ собратьевъ: "вы не повёрнте, —говориль енъ мнё, — какъ трудно ужиться съ нашею аристократіею! Князь, узнавъ, что я въ войскахъ, пожелаль оставить меня при себѣ. Я вёдь его стипендіатъ. Ну, ужъ былъ же мнё сдѣланъ пріемъ въ его штабё!... Поминутныя остроти, осворбительныя насявшия надъ мониъ староватниъ костюмонъ, со всёхъ споронъ занъе упреви въ какомъ-то руссофильства, просто бѣги, куда глаза глядятъ. Я вёдь люблю Черногорію и черногорцевъ — это моя родина. Зачёмъ же я пріёхалъ, какъ не затёмъ, чтобы умереть за свободную и лучную жизнь своихъ собратьевъ. Но я ненавижу этихъ себялюбивыхъ льстецовъ, этихъ лживыхъ лицемёровъ", — говорилъ онъ съ яростью и желчыю. Это — слова развитаго черногорца; они говорятъ сами за себя"....

Русскій консуль въ Черногорія проязвель очень благопріятное впечатлёніе на нашего автора. Консуль живо принималь въ сердцу интереси Черногоріи, постолино участвоваль въ совёталь князя, — несмотря на свою болёвненность, дёлнать всё его воходы; черногорци его уважають. Но, по миёнію автора, во взглядё нашего поисула было слинеють иного онтимизма: "врядъ ли онъ когъ допускать въ нихъ какіе-либо существенные недостатки и пореки, — поторые неизбёжно развились въ силу историческихъ условій; иётъ, это били, по его уб'якденію, доблестные герон, рицарской честности, чуждже земныхъ грёховъ". Вынекриведенный занводъ объ уметребленіи русскихъ донежныхъ нособій ноказиваетъ, что д-ръ Щербакъ съ своей стороны не наклонень въ этому оптимизму. По его миёнію, было бы имивностью допускать въ отношеніяхъ черногорцерь въ русскому консулу и вообще къ русскимъ что-вибудь, кроиё страла потерять всеножность той матеріальной помощи, вакую они олицетворяли из консулё. "Черногорець любить только самого себя и свое, нонимая это въ самонь узкоиъ симоль. Культура его нека остановилась на этой грани" (стр. 37-39).

Выть можеть, и д-рь Щербакъ преувеличель въ другую сторону. Велкій народъ любить только самого себя и сесе, и степень культури только дёлаеть шире его нонимание своей выгоды: такей выгодой бывають и національныя связи, но почнивніе ся еще не выросло въ сознания черногорцевъ иначе, какъ въ форкъ осязательнаго полученія денегь нан оружія,---но ясно ан оно и у иногить другихь, гораздо болйе образованныхъ славанскихъ народовъ, напримъръ (проий исключеній) у русскихь и поляковъ? Д-ръ Щербань нийль вёроятно въ мысли упомянутаго Матановича, извёстнаго воеводу Машу Врбицу, воеводу Вукотича и проч.,-но развё ин сами въ послёдною войну не нивли знаменитаго интендантства? У нась, вакь у первобытныхъ черногорцевъ, не доставало одного, что помоглеть въ подобнихъ случанхъ -- общественной самодвятельности и контроля. Двлая черногорцамъ упревъ въ грубомъ себялюбін, д-ръ Щербакъ върентно припоминаль и (приводниме въ его книге) примеры недовения, которое черногорцы на первое время оказывали русскимъ: они не довёряли, напрамёрь, даже артилерійскому полковнику Филиленко, который съ истиннымъ самоотвержениемъ работалъ для устройства черногорской артиллерін, и только тогда стали относиться въ нему иначе, когда нельзя было не видёть, сколько пользы дала ниъ его работа. Это -- онять слишеснъ извйстная черта народной и общественной неразвитости, которую им въ изобяли моженъ наблюдать и у себя дона, не только въ простоиъ народъ, но и выше его.--Но въ концъ-концовъ замъчанія д-ра Щербака не нанини, какъ противовёсь тёмь идеалистическимь заблужденіямь, которыя вь послёдніе годи, между прочнить, така много конёнали пожертвованіянь общества достигать своего действительныхо назначеные, дв и вообще до сихъ поръ ибщають здравому и реальнему пониманию междуславянскихь отношений.

Д.ръ Щербавъ нѣсколько разъ возвращается въ однону факту, очень вепривлекательному: это — крайне недружелюбное отношение черногорцевъ къ герцеговинцамъ (сн. вапр. стр. 104—106, 109—110, 190, 151—158). Приведенные авторовъ привърн едва ли донускаютъ сомнѣние въ фактѣ; новѣйшие корреспонденты указывели также на перовность этикъ отношений, и серьёвно недоумѣвали с томъ, какъ будетъ. Черногорія управлять нововріобрѣтеннымъ "братекныт" краснъ.....Въ послѣдное время много годорялось о пробуждения славияства и его борьбѣ св "Евронай"; но, къ сокальнію, мало дѣдалось

772

для того, чтобы успраниць эти зловредным явления из самой славанопой средв. Будеть ли удивительно, если герцеговинцы, наглядёвшись на подобное обращение со стороны "братьски", не будуть особенно почалиться, что остальной ихъ землей овладёвають Австрія?

Д-ръ Щербакъ очень живо, хотя не совершение жио, насколько самъ видёлъ, описываетъ тетъ грезный заиводъ черногорско-турецкой войны, когда Сулейманъ, отбивщи черногорденъ отъ Никиича, самъ вступняъ въ Черногорію и прошелъ ее насквозь, —когда судьба Черногорін висйла на волоскё, н ока спаслась телько тёмъ, что Сулейманъ съ его войсками внезапно былъ отозванъ въ Константиноноль. русскіе перешли Дунай. Д-ръ Щербакъ, канъ очевидецъ, разсказываетъ объ этой катастрофѣ: турви, какъ наведиеніе налимнули на Черногорію, сопретивленіе было безплодно, Чермогерія была на краю гибели, — когда грова кончилась неожиданнымъ уходовъ Сулеймана въ Антивари, гдѣ онъ посадилъ свои войска на суда и отмыллъ нъ Константиноноль. Пераое навёстіе объ этовъ принесъ австрійскій агентъ, извёстный колновникъ Тёммель, объяснивній уходъ турокъ заступничествовъ Австріи.

Когда червогорцы уб'йдились, что турокъ уже нёть, ими овладёлъ взрывъ б'йшеной радости; недавнее прошедшее стало тотчасъ представляться имъ совсёмъ въ иномъ видё. "Хвала Богу, русскому цару, русскому народу! Живіо, господаръ! живіо, приогорцы!" гудёло на позиціяхъ.

"Въ княжеской свитѣ, — разсказываетъ д-ръ Щербакъ (видавшій кияза въ самыя страшныя минуты этой катастрофы), — между приближенными, шелъ оживленный разговоръ о чудесакъ храбрости, оказанной нёкоторыми изъ присутствующихъ. Одинъ изъ сыновей Матановича (см. выше) чуть ли не съ-разу разрубняъ двухъ баши-бузуковъ, встрётившихся ему по дорогѣ, когда они отвозили какое-то приказаніе. Другой гиалъ передъ собой цёлую толиу и вогналъ ихъ куда-то въ пещеру. Увлекаясъ собственными повѣствованіями, разсказчики депли кресчендо въ такое царство хвоса фантастическихъ событій, гдѣ все уже перепуталось: и мѣсто, и время, и люди. Такъ напримѣръ: событіе у Пресики (штабныхъ тамъ не было) смѣшивали съ событіемъ у Острога.

"Казалось, что не турки проходили Бѣлоцавличи, а черкогорцы; . Судейнань же ихъ задерживалъ, а они разносили его.. Потомъ все какъ-то перемѣнилось, и черногорцы съ Сулейманомъ шли радышкомъ. У Даниловограда черногорцы такъ стиснули турокъ, что имъ не оставалось другого выхода, какъ удрать съ бистротой гранаты прямо въ Константиноноль. .Отопли на Стамбулъ ако кумиуръ".

"Дипломатическій телеграфъ также исполниль свое дёло. Въ

большинствё нашей неріодической прессы, готорилось, что послё упорнаго 7-дневнаго бол на Острога и т. д., чершогерци, разбиль турокъ, выгнали ихъ совсёмъ изъ своей территеріи. Въ Москвё, по этому случаю, былъ отслуженъ благодарственный колебенъ. Тольво одна изъ нёмеценхъ газетъ, кажется, "Politische Presse" (вёроятно Pol. Correspondenz) усмотрёла нёкоторую двойственность въ донесеніяхъ нашего военнаго агента о послёднихъ дёлахъ въ Черногорія" (стр. 128-129).

Князь отвравился въ свою столицу; туда ношелъ и санитарный отрядъ.

"Черногорская столица замётно оживилась и повеселёла. Наёхали иностранцы-туристы, кое-кто изъ воеводъ съ позицій... Поверду говоръ, толки про недавнія военныя действія. Штабные ерали замослъ: Редакторъ "Гласа Црногорца", г. Стово Чутурило, доказываль самымъ неопровержимёйшимъ образомъ геніальность стратегическаго плана "Неговой Свіетлости" съ сподвижниками: заманить Сулеймава внутрь страны, разнести его тамъ въ пухъ и прахъ и выгнать, подъ конецъ, съ поворомъ изъ Черногоріи. Г-нъ Перо Субботичъ (директоръ черногорской почты, устроитель вслкихъ увеселеній) занимался клейкой воздушнаго шара изъ папиросной бумаги".

Приведенъ еще одинъ эпизодъ, который оставляется авторонъ безъ ближайшей квалификаціи и опять бросаетъ чрезвычайно странный свёть на отношенія Черногоріи къ герцеговинскимъ людямъ.

Дѣло происходило во время осады Никшича.

Осадныя перицетів, немного разнообразившія монотонную жизнь черногорцевъ, сидъвшихъ цълые дни за камиями, были нарушены въ своемъ мирномъ теченів зниводомъ другого характера. Онъ былъ хорошо понять перцегозинцами... Въ вняжеской свить, нежду прочими, находился герцеговинскій эмигранть, извёстный своимъ удальствоиъ, попъ Мило Поповичъ изъ Марковниы (два брата его погибли въ 1858 г., въ битвъ при Граховъ). Лишенный послъднихъ остатвовъ своего имущества родственникомъ П. Вукотича (воевода Вукотичъотець черногорской княгени Мидены), Ивановь Матановынь, конандероиъ чевскаго баталіона, попъ Мило не терялъ надежды вернуть себъ хоть что-нибудь, надъясь на правосудіе и справедливость. Чёмъ больше онъ упорствоваль въ своемъ желанін, тёмъ сильнёе росло въ нему недоброжелательство Вукотича и его родственника, которые не видали возможности отвязаться отъ Мило безъ ущерба своему карману, хранившему, между другими, и крохи попа Мило. Скромный герой, одинъ изъ рьяныхъ борцовъ за освобождение своей родины, съ мягкой любящей душой, понъ Мило готовъ былъ отдать

нослёднее инщему-собрату, но не Вунотичу или его боратому родственнику-командиру.

--- "Для нанихъ братьевъ довольно будетъ и земли; не отдавать же имъ послёднюю рубаху, -- говерилъ онъ миз, разсказывая свою грустную исторію.

"Въ одну изъ прогуловъ по лагерю, внязь, замётнать попа Мило въ средё окружавшей его свити, подозвалъ его въ себё и сказалъ съ легкой насмёшкой въ голосё: "О тебё, попъ, что-то не слишно въ эту войну; ты, какъ я вижу, сдёлался бабой". Окружавше засшёнлись. Попъ Мило, не проронивъ ни одного слова, молча отошелъ въ сторону.

"Приговоръ этотъ герою, въ устахъ представителя черногорскаго народа, былъ почти тождественъ съ конфирмаціей на смертную казнь. Только необычайная заслуга или какая-либо изъ ряда вонъ выходившая храбрость могла уничтожить его.

"На другой день съ черногорсваго шанца раздался окликъ "въра". (По этому оклику обывновенно между двумя сторонами устроивалось временное перемиріе, въ теченім котораго онъ сходились для отдыха въ мирной бесёдё; на "въръ" можно было сговориться и о поединкъ, какъ въ давновъ случаъ). Вслъдъ за послёдованиять отвётомъ вышелъ новъ Мило, при одновъ ятаганъ за ноясомъ. Приблизившись къ непріательскому укравлению, онъ громко закричалъ:

— "Вызываю на мейданъ (поединовъ), одинъ на одинъ: у мена атаганъ; противникъ можетъ виёть вистолетъ! Отвётонъ была мертвая тнична.

"Прождавъ съ менуту, Мело крикнулъ вторично:

— "Зову двухъ! Я одинъ. Забейтесь, юнация сердца! Или вы глухи?

"Тоже молчаніе.

"Понъ Мило крикнулъ въ третій разъ, но уже съ раздраженіемъ:

— Выходите трое! Молчите, измыя собаки. Трое!.. я одинъ. Труси! "Послёдовалъ отвёть: залнъ въ упоръ. (Говорять, что выстрёлили родственники турка, который быть убить, въ прежнія войны, отцомъ попа Мило).

"Нѣсколько турекъ, выскочнеъ неъ шанца и подбѣжавъ къ Мило, быстро отрубили ему голову и трупъ стащили, къ себъ. Казнь исполнилъ непріятель чрезъ разотрѣляніе съ отсѣчещемъ головы.

"Вечеромъ въ черногорскій шанецъ явилась турувния, принесшая голову попа Мило.

"Утромъ вернули трупъ; ко мий пришли за саваномъ. Я далъ кусокъ полотия; приставили голову, окутали худое тёло и оцустили въ могилу. "- Онъ былъ великій юнакъ, - тихо говорили черногорны при погребеніи. Герцеговинцы только смотрёли на нихъ и молчали..."

Очень странная была эта "вазиь", если фанты были дёйствительно такого характера, и странное отношение къ "освобождаемынь братьямъ".

А-ръ Шербакъ близко видёлъ ту боевую жизнь, которая и составляеть до сихъ поръ главное поприще, заботу и преднеть честолюбія черногорца; и такъ какъ авторъ не склоненъ къ прикрашиваныю внавивато, то твив болбе пвини его замбулнія для историва этихъ " событій. Столь же цённы некногія этнографическія подробности его разсказа: черногорскій быть сохраняеть и донынь тв черты нравовь и порзін, накія свойственны эпическимъ періодамъ; здёсь донынё можетъ найтись живой и наглядный матеріаль для комментарія въ Гомеру. Въ этихъ враяхъ сербскаго племени, въ Герцеговнив и Черногоріи всего сидьние сохранялось народное поэтическое творчество, и эническій стиль есть еще нерёдкая черта обычнаго языва и поэтическая обрядность обязательна (см., напр., зам'ячения автора о причитаньяхъ черногорскихъ "кукавицъ" --- женщинъ, оплакивающихъ смерть кужей и родственниковъ, стр. 65-66, 119-120, и т. нод.). Въ нравахъ народа точно также еще много эпической патріархальности съ ел поэтическими сторонами и простодушіенть, и съ ся другими, вовсе непривлекательными качествами, --- какія именно бывали и у гонсровскихъ героевъ, въ средѣ которыхъ, мапр., считался "мудрымъ" тоть, кто унёль ловчёе надуть иля обобрать.

Вообще, книга д-ра Щербака даеть очень любопытное чтеніе. Къ сожалёнію, въ ней есть недостатки довольно крупные. Проживъ въ Черногорія довольно долго, авторъ успёль освоиться съ краемъ, но видимо не быль зарание приготовлень въ его изучению; онь, кажется, не читаль даже тёхь книгь, какія есть на руссконь язник о Черногорія, напр., Попова или Ковалевскаго. Онъ, наприм'връ, не называеть правильно нёкоторыхъ мёстныхъ названій (Васовичи, вм. Васоевичи; Рьеки вм. Рьека, или Рёка; Бёлонавличь, вм. Вёлонавличи); написание словъ какъ "бырдо" (брдо), "бырзо" (брзо) и т. п. приведеть слависта въ ужасъ; языкъ черногорцевъ авторъ считаеть "черногорскимъ" (это въ томъ же родъ, какъ въ Рязани найти дзыкъ рязанскій, а въ Тулъ-тульский). Нечего говорить о тонъ, что если би авторъ прибыль въ Черногорію вёскольке болёв приготовленнымъ, горизонть его наблюдение воль бы шире. Другой крупный недостатокъ книги д-ра Щербака ся литературная визшность, крайне пеудовлетворительная. Кы сожалёнию, въ послёднее время этоть недостатокъ встрёчается очень нерѣдно, и особенно писатели не по профессія полагають, что могуть избавить себя оть заботы не только о какой-нибудь

отдёлеё формы своихь произведеній, но даже о простой грамматической правильности ления, — часто они достигають того, что лениь имъ становится и вобое не вразумителень:

Отр. 81. Вы описания черноворскаге города Резки: "вода образовала доновьно ипрекую, но не биатрую раку, которая, окаймаяя радъ голестика холмовь, проразывазощиха. се ва продольнома направлении, вытекаеть изъ ущелыя по разнини въ Скутарийское озеро". Топография довольно мудреная.

Стр. 38: "...умереть за свободную и болье лучшую жизнь своихъ собратьевъ".

Огр. 48: "Оборонительная линія южной границы (Черногорін) сь цёлинь рядонъ, неурекных управленій Ведія-Бардо и кріпости Свужа, близь дороги за Цетицье и прамого нути черезь Балонавличь из Никищчу, промі обходнаво черезь гору Острогь (въ Даниловоградскомъ округі и др.) играла не маловажную роль".

Стр. 52: "...рядъ укрппленій, составляющихъ цёпь холмовъ Велія-Бырдо". Какъ украпленія составляли цёпь холмовъ, — непонятно.

Стр. 112: авторъ описываеть настроеніе черногорскаго князи въ ту имнуту, когда во время бол съ Судейнають черногорданъ грезило полное порашеніе: "Смотря на князя, трудно было узнать въ немъ его же... Все въ немъ сдавниось въ потенсіальное напряженіе (?)... Минутами, онъ рвался кннуться впередъ съ ятаганомъ и умереть съ своими черногорцами. Въ искренности этихъ порывовъ трудно было сомивваться... То былъ слишкомъ высокій и торжественный моменть для привычной театральности...

"Проренсь ударь! (?)... И вся эта внёшная баестяная оболочка традний истевнеть (??)... Развалинами останутся человёческій страданія (?), до которыхь сердке его было слишкомъ глухо (?), судя по тому, что творилось и творится кругомъ его съ тёмъ народомъ, знамя освобожденія котораго онь же считаль себя поднявшимъ⁶.

Совсѣмъ непостижимо.

Стр. 140: "Никшичская долнна (NB. въ Герценовини»)... замкнута се всёхъ сторонъ гориния кряжани. Протажение ихъ на югъ и востояъ составляетъ черногорсную граищу; на съверъ и западъ-терценовниккую" (?).

Стр. 141: "Шослѣдняя гряда яхъ (холмовъ) отстаетъ отъ врёности не более двухъ верстъ", т.-е. отстоитъ.

Стр. 156: "Съ особенною утонченностью и ловкостью, нежели хлёбные черногорскіе интенданты, действоваль министрь финансовь Церровичъ"...

Стр. 158: боснійскіе беги называются "біти" (дважди).

Авторъ любить употреблять иностранным слова, но но-своему, напр.: "ивлечение ранъ прогрессировалось съ привздомъ врачей" (стр. 131). Авторъ упоминаетъ, что, по словамъ Тёммеля, Австрія въ пользу черногорцевъ произвела на Турцію "орргіmassion active" (стр. 127,147): можно съ уввренностью сказать, что такого слова не существуетъ во французскомъ языкъ, --развъ только въ тощъ, который унотребляется въ Черногория.

Приведенные примёры достаточно уназывають, какъ нецеремонно авторъ обращается съ русскимъ языномъ. Желательно, чтобы по прайней мёрё по второму выпуску своей книги авторъ сталъ къ нему списходительнёе.

Иня Артура Ивэнса довольно извёстно у насъ по кингё его о Воснін, вышедщей три года тому назадъ. Книга эта: "По Боснін и Герцегоринё пёщиомъ во время возстанія" (Through Bosnia and Негzеgovina on foot during the insurrection, Lond. 1876), для авторавеславянина, шихла заийчательныя достоинства. Ивэнсъ не быль ни простымъ туристомъ, котораго случай и любопытство завели въ страну событій, возбуждавшихъ первы, ни обикновеннымъ корреспондентомъ, собирателенъ новостей. Это былъ, напротивъ, писатель съ научно-историческими интересами и пріемами; онъ былъ уже прежде знакомъ съ исторіей, этнографіей, мъстными отношеніями, на почвѣ которыхъ совершались событія. У насъ, нослёдняя война еще не вызвала до сихъ перъ книги, которая была бы составлена съ такой заботливостью. Наши корреспонденты были только "военные", рѣдко кто ранѣе имѣлъ понятіе о прошлой исторіи, и совреженномъ бытѣ страны.

"Илирійскія письма" составляють продолженіе прежней книги. Въ теченін войны Ивэнсъ писалъ, при случай, корреспонденція въ "Manchester Guardian"; теперь онъ пересмотріль и дополниль случайныя письма, и связалъ ихъ въ цілое. Ивэнсъ разсказываеть о новійшемъ ході боснійскаго возстанія, о турецкомъ терроризмі и страшномъ опустошении страны; о значении Албаніи въ западно-балканскомъ вопросії; о черногорскихъ ділахъ, — ділаетъ обзоръ черногорской войны, описываеть паденіе Никшича и герцеговинский походъ черногорцевъ.

Въ предисловін онъ такъ опредёляетъ характеръ своего труда:

"Прежнее мое знакомство съ этимъ краемъ и еще болёе раннее знакомство съ его исторіей внушили мий чрезвычайный интересь въ его положению, и потому я поселился въ Рагузв, какъ очень удобномъ центръ для занятій языкомъ, древностями Иллиріи и правами и обычаями ся жителей. Но потрясающія событія дия отвлекли меня оть этихъ мирныхъ изученій. Отчалиное положеніе Боснін, філско новой (турецкой) конституція, ежедновныя насилія пррогулярныхъ войскъ, носказанныя бъдствія бъглецовъ, трудныя задачи, представ**ляемыя внутренними раздорами провинцій; возстаніе; борьба на** жизнь и смерть въ Черногоріи, движеніе въ сосёднихъ славянскихъ областяхъ Австро-Венгрін-этихъ и другихъ предметовъ самаго настоятельнаго интереса было бы достаточно, чтобы исчервать энергію многихъ лётонисцевъ. Но между тёмъ кавъ вимманіе Евроим сосредоточивалось на поляхъ битвъ въ Волгарін и Арменін, эти не менбе важныя для наблюденія поля были почти совернгенно забыты. Въ то время какъ журналисты были отвлечены въ другія ивста, выжидательная и безиравственная политика Австро-Венгріи сдёлала все, что могла, чтобы покрыть боснійскій терроризив покрываломь диплочатическаго молчанія; и ложныя понятія объ этой области. составляежыя въ стёнать англійскаго вонсульства, из ращали даже тё немногія

свъдвија, которна проникали на синја канти англијскаго Foreign Office".

Въ своей инитё Инэнсь не свободень оть онибонь въ сунденіяхъ о внутреннихъ отношенияхъ боснійснаго населенія; онъ не всегда понадаль на правдненихъ свидётелей и совётчиновъ, —такимъ не былъ, напрямъръ, одинъ изъ боснійснихъ егитаторовъ Узелацъ, въ которомъ послё разоблачали просто австрійскаго агента. Но изъ приведенныхъ сейчасъ словъ видно, что Ивэнсъ умълъ остаться очень самостоятельнымъ въ своихъ выводахъ. Перспектива австрійскаго владичества въ Восніи вовсе не кънется ему благонолучнымъ и честнымъ рёшеніенъ вопрося; роли англійской политики опъ также не сочувствуетъ и донесенія англійскихъ консуловъ не считаетъ правдой.

Ивонсь не браль на себя последовательнаго историческаго разсказа ни о беснійскомъ возстанія, ни о черногорской войн'я; компетентнаго разовяза о нослёдней онъ ожидаеть оть корреспондента "Тішев" Стильнана. "Моей цёлью, --говорить онъ, --было дать по вовможности общій обзоръ налирійскихъ провинній, и, распространая нов наблюдения оть Савы до центральной Албании, вислануть на нихь сь разныхъ точекъ зрънія. И при этомъ я не считаль вий своей задачи природную обстановку этихъ странъ, ихъ древности, и даже народныя предалія и домашною жезнь ихъ населенія. Я часто съ наибреніенъ предпочиталь нати въ политическимъ выводанъ этими повидиному непрамыми путами. На двлё невозможно отдёлять таніе перисбитные народы, ваку обитатели этихъ странъ, отъ ихъ обстановки. Гдё человёкъ невёжественъ, природа все еще повелёваетъ имъ. Тъ большія различія, какія существують у цивилизованныхъ народовъ нежду полнувной и оунощевіями доманіней жизин, здёсь не существують, и даже инифы (вилы) и дракони, витающіе въ боснійскихъ лікахъ и пещерахъ, могуть, по-своему, играть такую же реальную роль въ дёлахъ людей, канъ насургенты и бана-бузуки. Точно такъ же тотъ, вто желаетъ должнитъ образомъ представить свёту "илирійскій вовресь", не можеть по врайней м'брё не коснуться древностей этихъ историческихъ земель, гдъ памятники пронедшаго представляють самий вёскій вротость противь настоящаго разрушения и дають вырное зернале будущаго...

"...Мон письма скорфе представляють тольно навёстное освёщение росточнаго вопроса, чёмъ нопытну представить одних авть русскотурещной войны. Въ самомъ дёлё, онё не касаются собственно ин туровъ, ни русскить. Въ Босніи даже между природными мусульманами, строго говоря, вовсе нёть туровъ; а съ другой стороны, Россія намёранно (deliberately) отдала эту провинцію въ сферу австрійскихъ интересовъ.

"Сколько и могу видёть, то, что и разсказываю въ этихъ инсьмахъ, ведеть къ одному заключенію, — именно, что въ интересакъ населеній, находанникся между Седой и Адріалическимъ моренъ, въ интересахъ самой Габсбургской монархів, въ интересакъ Европы и человѣчества, Австрія должна иключить Боснію въ свои владѣнія, и возстановить.¹) навшее верховнее право (lapsed suzerainty) Габсбурговъ надъ всей Имперіей. Я не любяю Австрін, и никто не сканетъ, чтобы и отмосился въ вей мягко въ теченіи этой книги. Я приналь къ этимъ выводамъ съ больнимъ сомалѣніемъ. Но к признансь, что, сколько и могу видёть, распространеніе Авотрін на ють и востонъ, и окончательное возсозданіе (гессоляціяновъ) этой монархіи на илирійскомъ или южно-славанскомъ основанія, есть единственное, что́ можетъ номѣшать Россіи подойти, наконецъ, въ берегамъ Адріатики".

Мивнія анцийсько писателя счень любопатини. Онъ заявляеть самь, что не очень сочувствуеть австрысскимь принципамь; онь положительно обвиняють во лжи англійскую динломатію, - и однаво же дунаеть, что вліяніямъ Россія вадо положить предёль. Въ винь очевидно отражается то всеобщее враждебное отношение къ Росси, воторее столько разъ обличалось въ нашей литературй, особливе или ноключительно шовинистской, и которое действительно сквозить даже въ ум'вренныхъ цисателяхъ Европы, касающихся России и русскихъ дель, внутреннихъ и иностранныхъ. У насъ принято говорить, что Еврона ненавидить цась нев антипатия къ высшимъ свойстванъ нашего національнаго существа, котерато не можеть ценять ея себялюбіе и меркантильный матеріализмъ. Надо думать, что причина ненависти не такая метафизическая. Политическое себялобе обыкновенно не старится въ упрекъ народамъ, — правда, у насъ въ послёднее время строго осуждали Европу за это себялюбіе, по въ то же время скорбёли, что Россія не стояла упоряде за свои національные интересы, т.-е. не показивала больне политическаго себялобія. О метафизическихъ отличіяхъ національностей думають только теоротики; въ умахъ большинства горавдо онлыве дёлають впечатлёніе простые реальные факты. Европа имбеть свое предотавление о политическихь формахъ русской жизни, и на этемъ осневание она не довёряеть освободительной программё, виставленной Рессиев, и онасается, что за ней сврывается влань расширения полнтическаго господства, захвать сёвера Балканскаго полуострова и Конотантиненаля. Это вёроятно думаль и Ивэнсь, не находя для Боснін другой вознояности существовании, кромё какь сдёлаться австрийской провинной.

¹) Ивзнет разундеть такъ-називаеныя "историческія права австро-венгерской ворони", подлежащія, конечно, величайшему социбнію.

Не буденть иходичь въ подробности книги, которая дасть интересное чизнае современнему читачело и хоронія свёдёнія будущему исторниху этихъ событай. Упенянемъ только, что въ концё книги авторъ передаетъ свою беоёду о беснійсникъ дёлахъ съ единиъ ченскимъ "авторитетнымъ политическомъ человёкомъ" (leading bohemian statesman) въ Прагё, куда привело Ивенса именно желаніе выяснить себё ченские вэгляды на этотъ вопросъ.

Австрійской еккупаціи еще не было, когда происходнах этоть разговоръ и когда авторъ оканчивалъ свой трудъ, но оккупація била въ виду. Ченскій политикъ биль уб'яжденъ, что она должна произойти -потоку что дёло это уже варанёе рёшено между Россіей и Австріей, и оккупація пронвойдеть съ согласія Россій. Мадьяри нова противъ нея, отчасти изъ нежелания дёлать непріятное Турцін, отчасти неъ опасенія умножать славянскій элементь въ имнерін; но дёло безь сомнёнія уладится, тадьяры будуть ожидать, что найдуть союзниковъ въ боснійскихъ берахъ, котому что первые относятся въ славянамъ такъ же, какъ послёдніе въ райй. Самъ ченоскій политикъ не желаль приссединения Восния, -- оно повлекло бы къ пресладованию тамъ славянской народности, а надыяры съунбють сдёлать это горевдо лучше туровъ; если же би Воснія была присоединена въ Австріи цислейтанской, это тяжело легло бы на финансы этой нослёдней. Сербская національность, быть ножоть, выдержала бы надвярскій THETS. BO VEXAND OVERS HEBECTHO. WTO SHAVHTS DOARTHVECKOE H VECTBERное притъснение, и они не желали бы, чтобы босняви испытали его даже на вороткій періодъ. Говорить о томъ, что Воснія "усилить славянскій элементъ" въ Австрін и тёмъ дасть ему перевёсь, есть наниность. Славянский элекенть и теперь численно очень селень въ Австрін, но все-таки не ножеть добиться своего права всябдствіе господствующихъ порядвовъ внутренней политики, напр., того избирательнаго закона, по которому округь въ 30 тысять нёкецкаго населенія вийоть больше представителей, чёнь округь славянскій въ 100 тысячь. Ченскій политикь быль однако увбрень, что славлие дождутся, наконець, своего права и значения.

Онъ не думаль, чтобы Боснін предстояло такое будущее, какое казалось возможнымъ англичанину но древнимъ и средневёковымъ воспоминаніямъ. Напротивъ, чешскій политить думаль, что будущее промышленное и торговое движеніе пойдеть черезъ Бёлградъ, и Боснія должна быть сербской. Онъ не считалъ труднымъ этого послёдняго. "Вудьте увёрены, — говорилъ онъ, — что если бы Сербія завтра захотёла присоединить Воснію, Австрія не могла бы поднять пальца, чтобы помёщать этому. Какъ бы могла Австрія помёщать? Объявить Сербіи войну? Правительство довольно хорошо знаеть, что есть вещи,

Токъ II.-Апрыль, 1879.

BROTHER'S REPORTE.

которыхъ славянское большинство имперія не потеричть, и война противъ Сербія или Россія есть одна изъ такитъ вещей. Тавал война означала бы распаденіе имперія. Если Австрія займетъ Воспію, это сдёлается въ силу соглашенія съ Россіяй и съ позволенія русскаго царя.

Англичаннить думачь, что Англіп ийть интереса мёшать образованію южно-славянскихъ государствъ. Англичане, особенно глубово изучавшіе балканскія дёла, полагали, что основаніе южно-славянскаго государства будетъ лучшимъ средствонъ противъ захвата Константинополя Россіею. Для свободной Болгаріи лучшимъ совеникомъ была бы Австрія, устроенная какъ славянское государство; Волгарія могла бы даже владёть Константинополемъ, до котораго уже раньше достигла болгарская колонизація; и до послёдняго времени большинство учениковъ въ лучшемъ учобномъ заведенін Константинополя, Robert College, были болгары.

"Воже небави Болгарио оть такой столици", возражаль чешский волитивъ. Эта столица отравила бы все государство. Станбулъ есть Кануя имперій; это-родина фанаріотовъ, сборное мъсто для подонкорь Европн. Константичополь можеть принадлежать болгарань, но столицей ихъ пусть будеть Адріанополь. Для Европы не было бы никакой опасности въ автономія Болгарін или южно-славянскихъ государствъ. "Нелбибищее заблуждение дунать (говориль ченский полятикъ), чтобы вто-нибудь изъ насъ желаль повасть подъ иго Россін. Вы, англичано, поддерживая Турнію, просто подарили Россію гроиаднымъ вліяніемъ можду южно-славянскими населеніями Балканскаго полуострова! Какой прекрасный случай выбеть теперь (т.-е. въ концъ пронилаго года) ваше правительство снова поставить на нрочномъ основанія весь Балканскій полуостровъ! Все дёло ногло бы быть норёшено съ Россіей въ нолчиса. Волгарія, Сербія, Воснія, Албанія пусть будуть свободными государствами, в Греція нолучить Өессалію и половину Эпира. Когда турецьое господство будеть перенесено въ Малую-Азію, вопросъ о Босфорб ръшается санъ собой; большая трудность настоящей мннуты состоять въ томъ, что одво государство владбеть обонии берегами узваго пролива, но когда турки будуть находиться только на азіатскомъ берегу, проливы ірео facto будуть нейтрализованы".

Ивэнсь запётнят, что Англія не столько за Турцію, сколько протива Россіи. Освобожденіе южнаго славянства, собственно говоря, не мёшаеть ся интересанъ. Она посылаеть поты въ Бёлградъ, только чтобы доставить удовольствіе Австріи, и чтобы Австрія могла говорить въ ся пользу въ Азіатскихъ дёлахъ. Останавливаясь на Австрін, онъ замётилъ, что нигдё не видёлъ что нарывается "ein guter Oester-

782

reicher", а что, разговаривая съ мадьярами, видёлъ, что они очень мало заботятся о политическихъ взглядахъ славянства, которое вообще считаютъ низшей расой.

Ченскій политикь подтверждаль, что "хорошаго австрійца" въ Австрія не существуеть, а есть только нёмцы, славяне, мадьяры и т. д.; относительно же инвнія мадьярь 'о славянской расв пришель въ негодование. "Это было уже слишкомъ даже для мадьяра". Онъ утверждаль, что факты утверждають именно противное; что величайшіе люди, какими могуть похвалиться мадылры, по рожденію были всѣ вностранцы, в большей частью славяне: ихъ величайший поэть, Петефи, родоить сербъ, и назывался собственно Петровнчъ; Вамбери --нъмець Бамбергерь, Кошуть-словакь, и весь его таланть, энтузіазиъ, характеръ-славянские. У мадыръ есть свои высовія качества, но они не произвели ни одного литературнаго таланта. Какъ и турокъ, мадьярь-туранець, и инветь двиствительно хорошія качества и недостатки османлиса. Одинъ французский путешественникъ разсказываль, что самый простой турокь въ состояние быль кожандовать полновъ арабовъ или египтинъ. Какъ бы онъ ни былъ невъжественъ, ему надо только дать офицерскій чинъ, и онъ держаль дисциплину и конандоваль. Арабъ можеть быть гораздо болёе развить, гораздо болёе способенъ, но онъ никогда не быль такимъ хорошимъ офицеромъ, какъ турокъ. Это, -- говориль чешскій полнтикъ, -- навело меня на параллель. Мадьяръ между славянами тоже, что туровъ между арабами и африканцами. Онъ умбеть командовать. Простой мадьяръ иожеть управиться съ десятью славянами. Это неумёнье приказывать, управлять, поддерживать дисциплину, есть главный недостатокъ нашей расы. У мадьяра нельзя отнять и многихъ общественныхъ добродётелей. У него достойное и вёжливое обращение; онъ гостепрінменъ (какъ и турокъ); но, какъ турокъ, онъ неисправимо лёнивъ. Онъ не имветь ни малвйшей способности къ деловому занятию. Вольшая часть знатныхъ мадьярскихъ фамилій разорились. Даже вентерское государство, повидимому, не въ состояни контролировать своихъ счетовъ. Эта врожденная неспособноеть мадьяръ въ управленію финансами и была однимъ изъ главныхъ возраженій по сю сторону Лейты противъ автономія мадьяръ въ "банковомъ вопросв". Мадьяръ не въ состояние даже собрать своей жатвы; ему нужны для этого словаки. Вогатство страны быстро уходить отъ правящихъ васть. Вездё въ Венгріи, гдё вы видите порядочно содержничю ферну, вы можете быть увёрены, что хозяннъ ся — нёмецъ, или еврей, или кто-нибудь изъ нашихъ славянъ. Въ Венгріи есть теперь большое чешское население.

"Мадьяры утверждаютъ, — и едва ли есть одинъ изъ нихъ, который

не пропитанъ этой идеей: им должны, пли нравить имперіей или погибнуть. Но въ деватнадцатомъ вйкй не довольно властолюбивой гордости, чтобы дёйствительно господствовать; выигрываеть то племя, которое работаеть. Тенерь, мадьяры — небольшая господствующая каста, управляющая враждебнымъ населеніенъ. Въ газетахъ говорится, чт і въ Венгріи 5.000,000 мадьяръ и около 10.000,000 другихъ національностей. Эти цифры не вёрчы. Мадьяры составляютъ еще менёе значительное меньшинство; но въ цензё считается мадьяромъ всякій, вто понимаетъ ихъ языкъ—будь онъ сербъ или румынъ, нёмецъ или словакъ. Госнодство этого меньшинства умретъ естественною смертью; но мадьяры не должны бояться, что съ ними будутъ поступать дурно, если они въ концё-вонцовъ будутъ поглощены славянскимъ государствомъ. Наше племя—не истительно".

По всему характеру бесёды видно, что Иврись вёрно передаваль мивнія "авторитетнаго чешскаго политика", въ которомъ можно, пожалуй, угадывать извёстное лицо. Въ этихъ миёніяхъ отражаются резныя положенія старо-чешской партів, надежды на успёхъ "нассивной онпозиців", разсчеты на окончательное торжестве славянсваго большинства, на предстоящее паденіе мадырства и т. п. Но поболытно для насъ въ особенности отношение въ России. Чешский цолитикъ пе думаеть оспаривать англійскихъ отношевій къ Россія, самой по себѣ. Онъ заявляеть, правда, о существования симпатия, такихъ, что по его словамъ австрійское славлиство не потернить войны Австріи противъ Россіи или Сербін, — но туть же категорически заявляеть, что чехи нимало не желають попасть подъ русское нго". Что касается послёдняго, то хотя и не предвидится подобной возможности, но это заявление понятно: чехи, хотя и вытерийвшіе много въ своей старой и новійшей исторіи оть австрійской власти и въ настоящую минуту живущіе въ состоянія "лишенія нёкоторыхъ правъ", все-таки сознають великую разницу между своимъ режимомъ и тёмъ, который господствуеть въ Россіи, и мёну не считають для себя пріятной и выгодной. Зам'ятичь только, что поэтому чешскій политикъ видимо вналъ въ преувеличеніе, подтверждая мивніе Ивэнса, будто въ Австріи ивть "хорошихъ австрійцевъ": они очевидно есть, потому что неужели не "корошій австріецъ"-тоть, вто свазаль, что если бы не было Австрін, то ее нужно было бы создать (слова, сказанныя въ первый разъ, кажется, хорватомъ, знаменитымъ Елачичемъ, и повторенныя чехо-мораваномъ, знаменитымъ Палацкимъ), и неужели не хорошіе австрійцы чё, которые и въ настоящую мануту предпочитають оставаться въ нёмецко-мадьярской Австрін, а не идти въ связь съ единоплеменнымъ сильнымъ государствоиъ?-Выходить вавъ будто, что Россія цвния для чеш-

скихъ братьевъ" только накъ натеріальная сила, которая можетъ иной разъ дёйствовать и выгодно для славянскаго интереса? Извёстно, что этоть упревъ не разъ былъ высказанъ съ русской стороны, —и въ самонъ дёлё, въ различныхъ выраженіяхъ западно-славянскихъ сочувствій къ Россін за послёдною войну, спазывалась почти исключительно именно эта точка зрёнія, разсчетъ о выгодахъ политической солидарности съ Россіей и русскимъ народомъ, и очень рёдко —иысль, что нужна друган, болёю глубокан солидарность обществъ въ образованія, внутреннемъ развитія тёхъ національно-племенныхъ элементовъ, которые и составляють единственное общее между нами и славянскимъ Завадомъ. Связи съ южнымъ славянствовъ были издавна, и до-нынѣ, тёснѣе — потому что туть дѣйствовало единовѣріе, и совпаденіе политической вражди къ Турція; но и здѣсь элементъ собственно-національный и образовательный очень мало участвовалъ.

Мы не разъ выражали убёжденіе, что безъ этой именно, внутренней солидарности, славянское "единство" можетъ подвергнуться очень большому риску. Такъ, уже и въ настоящее время недостатку этой солидарности (вы считаемъ его на обёнхъ сторонахъ) надо приписать и неполноту рёщенія болгарскаго вопроса и потерю Босніи.

Старо-чехи, наиболёе сильная, господствующая партія въ своемъ народѣ,—образчикъ мнѣній которой и представляеть бесёда, записанная Ивэнсомъ,—сколько ни считають себя глубоко постигними славянскую идею, на дѣлѣ также еще очень далеки отъ внутренней солидарности съ другими славянскими обществами. Съ другой стороны, какъ ни пріятно видѣть увѣренность чеховъ въ будущемъ торжествѣ славянскаго элемента въ Австрін (достигаемомъ "нассивной оннозиціей"), является сомнѣніе въ томъ, чтобы это было такъ асно и торжество такъ легко. До сихъ норъ славянскій элементь не торжествоваль; мадьяры, какъ бы ни были мало способны въ литературному развитію, все-таки умѣютъ "повелѣвать", и этого качества, разумѣется, дешево не уступять; Петефи можетъ быть родомъ сербъ, а Комутъ—словакъ, но въ томъ и бѣда, что эти физически сербскія и словацкія великія силы имли однако именно на вользу мадьярства и были шадьярскими не духу.

"Южное Славлиство" — большая внига (643 стр. большаго 8°), посвященная главнымъ образомъ исторін болгаръ и сербовъ. Сколько мы слыштали, авторъ въ послёдніе годы нёсколько разъ нутешествовалъ но южно-славянскимъ землямъ и знако́мъ съ жизнью южнаго славянства не только внижнымъ образомъ. Въ предасловін авторъ такъ высказываетъ свою точку эрівнія: "Трудно прінскать въ исторія-два такихъ предмета, какъ южное славянство и Турція, о которыхъ бы такъ много тенденціознаго наговорено было.

"Симпатія или антипатіи, когда рёчь идеть объ этихъ двухъ предметахъ, доходя неръдко до страстности, совершенно заслоняють истныу и заволанивають густымь туманомь настоящий смысль событій на Балланскомъ нолуостровъ. Такой участи не избъгли даже сочиненія этнографическаго содержавія и иногочисленныя путешествія" по Балканскому полуострову. Здёсь также какъ въ кингахъ историческихъ, на каждой страницъ просвъчнваетъ заранъе (?) избранная теорема, которую авторъ берется дохазать. Словонъ, изъ массы книгь о южномъ славянствъ и Турцін затрудняенься выбрать двё-три, поторыя бы не имёли фельстоннаго характера (?) при всей своей ученой форм' и внушительной сухости издожения. Поэтому авторъ настоящей вниги, — нало заботясь о благорасположевии въ ней людей, фатально заминувшихся въ тёсный кругь предваятыхъ ндеекъ о великой инссіи той или другой націи на Балканскомъ полуостровѣ,-поставилъ себѣ главною задачею отрѣшиться отъ ходачихъ положеній и теорій во всёхъ тёхъ случаяхъ, гдё онё авляются но результатомъ вполнѣ безпристрастнаго изслёдованія фактовь, а обвинительнымъ приговоромъ или защитою-смотря по тому, о конъ идеть рёчь".

Задача-такова, какую и долженъ ставить себѣ всякій серьёзный изслёдователь. Но авторъ напрасно думаеть, что ниенно по вопросу о Балканскомъ полуостровѣ писатели погодовно поддавались предвзятымъ идейкамъ". Этотъ вопросъ раздъдяетъ судьбу множества другихъ неторическихъ и современныхъ вопросовъ, гдв сталкиваются разныя теченія понятій и натересовъ. Наприм'єрь, католическій писатель о реформація до сихъ поръ берется доказать одно, а протостантский также берется доказать совершенно другое. Биваеть, конечно, недобросовъстная тенденціозность не только личная, но и цёлыхъ политическихъ партій; но въ большинстве случаевъ "ндейки" вовсе не случайны и не произвольны, а имбютъ свой источникъ въ самыхъ реальныхъ политическихъ отношенияхъ (какъ у писателей западныхъ), или фактахъ общественной образованности (какъ у нёкоторыхъ нашихъ). Если бы г. Добровъ взглянуль на литературу о Валканскомъ полуостровѣ съ этой точки врзнія, онь увидель бы дело проще и яснее и могь бы прибавить въ своему изложению очень любопытную и полезную главу о господствующихъ взраядахъ на карактеръ и судьбу балканскаго вопроса.

Книга г. Доброва не есть изслёдование по вервымъ источнивамъ; онъ просто взялъ главиййшие исторические труды (напр., по Визан-

тін и Турцін-Вейсса, Ланалле; по Велгарін - Веледина, Гильбевдинга, Дринова, Голубинскаго, Иречна; но Сербін-Ранне, Каница, Каллая, Н. Понова, Коналовскаго; истерію г. Соловьева и т. д.), и связаль ихъ въ цёльное изложение, связаль хорожо, останавливаясь особенно на харагтеристическихъ и ръжающихъ пунктать негорін балканскина народовъ и объясняя ихъ внутренній симсль. Въ концъ книги, по поводу послёднихь собятій, авторъ насается тёхъ мнёній о балканскомъ вопросё, которыя всего чаще высказывались въ теченін войны. Онъ нимало не сочувствуеть "фантастическимъ мечтаніямъ панславистской клики", находить, что достигнуто не только то, что было возножно, но и что было желательно. Онъ высказываеть прамо, что берлинскій договорь кажется ему дёломь цёлесообразнымъ для успокоенія Балканскаго полуострова, что онъ исправилъ ошноки и увлечения саяъ-стефанскаго трактита,---ниенно, хотя берлинскій договорь и уменьшиль Волгарію до 1/з противь того, что было предположено въ Санъ-Стефано, не, отдёливъ отъ ная забалканскія области "съ крайне сибшаннымъ населеніемъ", гдё "греческій и турецкій элементь конкуррируєть сь болгарскимъ", устранняъ поводъ въ онесточенной борьбѣ народностей, которая неизбѣжно возникла бы при нолитической главоистей болгарь на территорін, гай оне "далеко не составляють этнографическаго элемента".

Но авторъ, кажется, завелъ свое благоразуніе и унвренность слишконъ далеко. Развё, въ самонъ дёлё, ножно серьёзно сказать, что усновоеніе и, предполагмется, общественное развитіе балканскихъ земель обезночены тімъ, что "Восточная Румелія" и Македонія оставлены подъ турецкой властью? Уже тенерь, когда еще года не прошло отъ берлянскаго трактита, очевидно, кажется, что онъ вовсе не успоконль "народностей", и основание "Восточной Румели" хотять (какъ говорять) заназать тёмь, что са генераль-губернаторомъ быль бы болгарский князь. Введение порядковъ, предписиваенных берлинскимъ трактатонъ, гроенть тенерь же саной настоящей "борьбой пародностей", т.-е. простей різней. Соображенія автора тікъ болів странны, "фельстонни", что въ основание ихъ положенъ и факть совсёнь невёрный, будто бы въ забалванскить областяхь болгары не составляють "этнографическаго элемента". Напротивь, очень составляють, - и оставлуь болгарь Восточной Рунелін и Македонін подъ властью турова и грековъ-фанаріотовъ (въ родѣ митрополита Діонисія, небитаго подавно грочесними и болгарскими женщинами вийств), оставнуь для избёжанія "борьбы національностей"-ость неунъстная шутка, или прайное заблуждение, или желание возвратить нкъ въ преянее бесобразное положеніе. Мы вакъ-то ужъ слишкомъ признын въ тому, что болгаръ рёжуть... Санъ-стефанская конби-

нація, бить можеть, нийла свои неудебонна по существу; но очень странно думать, что берлинская конбиланія се исправляеть. Даже "Правительственный Вёстинкъ" заявляль, что берлинскій догеверь есть только этапъ въ разр'яженія болгарскаго вопроса.

Въ книгъ есть неясправности, котерынъ не слъдевало бы быть; сербскій министръ Влазнавацъ названъ Власновать, болгарскій гайдукъ Тотьевъ названъ Тотій, и тому подоблов.—А. А.

II.

- П. В. Анменкосъ. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замітокъ. Отділь второй. С.-Петербургъ, 1879.

Второй, недавно вищедшій въ св'ять отділь сочинений IL В. Анненкова заключають въ себё критическія статья его, понёщенныя въ разныть журналаль, въ промежутокъ времени съ 1849 года по 1868 годъ. Двядцатнятіе, въ вотороку они относятся, паченаются вслёдъ за смертыю Бёлинскаго и оканчивается въ годъ смерти Писарева, обнимая собою нёсколько глубово-ревличныхъ періодовъ развитія русской литературы и литературной критики. Госнодствующей ролн П. В. Анненковъ ни въ одномъ наъ этихъ періодовъ не нграль; статьи его читались и цёнились по достоянству преимущественно въ небольшонъ литературнонъ пружкв, нало интересуя нассу публики. Объясненія этому слёдуеть искать отчасти въ обстеятельствахъ, при которыхъ писалъ г-иъ Анненковъ, отчасти въ самонъ свойству его тадацта и характеру его вритической дуятельности. Онъ выступних на сцену, вань вритинь, въ одну наь самыхь мрачнихь знохъ нашей общественной жизни, когда надъ нечатнымъ словомъ таготёль, кроий обычного, еще чрезвычайный гнеть. Прескинки Бёлияскаго ногли продолжать - и то не бозъ труда - его эстехическую вративу, но должны были отважаться оть точновности, отъ нублицистическаго оттёнка, которыми — чёмъ блише нъ концу, тёнъ сильнёе — были проникнуты статьи умершаге ихъ учителя. Односторонность замысла и ибноторая баздность формы были почти неизбёжными принадлежностами журнальных стотей 1849-1855 гг. - и кто началь писать въ эко время, токъ съ трудомъ когъ отрёшиться, и при лучшихъ условіякъ, отъ однажды принатаго и усвоеннаго тона. Почти въ одно врежя съ П. В. Анненковнить дебютвировали на вратическомъ поприщё повойные Дудынинить и Ап, Григорьовъ, —и осли изъ всёхъ нашихъ выдающихся вритичевъ именно овы отличаются нанбольшею тупанностью выраженія, наниеньнейражигольностью мысли, то опналение это едно ли случайно; нри-

788

чины его корекатся въ той обстановкъ, о которой ны только-что уноминули. Ванантисе ибсто, оставленное Вёлинскимъ, не могле быть занато нивых, пока не наибнилась въ лучшену эта обстановка. Новой эрб, наступниевой, наконець, въ 1856 году, соотвётствуеть новый періодъ въ неворія нашей критики, которому во праву принадленить название "Добролюбовскаго". Сочувствиемъ н вниманіень общества всепью овладьть нолодой писатель, огранное дарованію нотораго какъ нельзя больню отвёчало требованіянь времени. Торжество новой публицистической критики надъ старой, эстетической, било полное; представители вослёдней были отоденнуты на задній планъ, и въ настолщее время немногіе только помнять имена тогдашних защитниевы "чистаго искусства" (нанрыябръ, Эдельсона, Н. Соловьева). Школа пережила своего основателя; ся господство, ноддерживаемое - хотя и на другихъ основанияхъ, съ несравненно меньшних искусствоих - Писаревних и другими критиками "Русскаго Слова", прократилось только во второй половний шестидесятыхъ годовъ, устунивъ ийсто той безцейтности, на которую слышалось и до сихъ поръ слышится столько жалобъ в въ публикъ, н въ литерачуръ. Итакъ, критическая дъятельность П. В. Анненкова, начавшаяся при отсутствін какихъ бы то ни было овредівленныхъ литературныхъ теченій, продолжелась и окончилась при преобладания течения, если и не пряно противоположивго ей, то, ве всяконъ случай, нивежаго съ ней нало общато. Видержать борьбу и отстоять за собою видное мёсто ножеть, при такихъ условіяхъ, только рёзне обозначенная, през расцейченная, бызшая въ глаза критическая доктрина, которой им у г-из Анненкова не находнить. Но если холодность публики, незаничение журналистики къ г-ну Ан-HOHRODY J.H. HACL HOHATHN, TO DTO CHE BE SRAVITS, TTOOR TAKOS OTношение въ нему им считали безусловно справедливнить. Въ болте спокойное и мирисе время сиз, безъ сомийна, быль бы болйе заивчень; за родомъ критики, имъ избранициъ, было бы признано право на существование наравий съ другини, хотя и не на одной съ ними степени. Что не было сделано въ свое времи, въ разгаръ борьбы, то ножеть быть сдёлано тенерь; собрание критичесныхъ статей гал Анненнова, новволая онннуть однимъ взглядомъ его многолётною далиельность, даеть удобный новодь въ безпристрастной ол оцёнкё. Мы ограничныся указаність нёкоторыхь данныхь, могущихъ служить натеріалонь для такой оцінки.

Въ подемний конца интидесятихъ и начала шестидесятихъ тодовъ съ именемъ П. В. Анненбова часто соединялось представление объ эстечической критикъ въ самемъ крайнемъ, самомъ одноотероннемъ са видъ. Это — ошнока, доказательство которой не трудно

найти во многнув слатьнув П. В. Анненнова. Отведя такъ-називаеной "чистой художественности" первое миого въ области искусстве, пропов'ядуя ся громадное воспитательное значение для общества. онь не отвергаеть безусловно тенденлюзности въ искусстве, не возстаеть противь внессия въ его сферу сознательных стреилений въ асно намвченной піли. Его profession de foi издожена всяго подиве въ статьб: "О старой и новой критик", нанечатаниой въ "Руссконъ Вістникі 1856 года. Возражая противь парвыхъ повытокъ развънчать" Пушкина вменно за его "всялючительное служение искусству"-- понытокъ еще неръжительныхъ я робънхъ, сравнятельно съ посянайными нападеніями Писарева — гнъ Анненковъ замізчаеть: да, конечно, не отыщеть въ нихъ (т.-е. въ проязведенияхъ Пункина) указанія на правственную бёду, которой надо цомочь всёми силами своего разунания и готовности къ добру, не встратинь живого упрека, поднимающаю со дна души жажду неправления; есе ото было дано другому, потому что одному нихонда не дается всего^в. Итавъ, упреки, призывы въ номощи-т.-е. именно черты, свойственныя тенденціозности-не исключаются вритикомь изъ области неозін; OTCYTCTBIC EXT Y HYBRIER HO CTABETCE CMY BE SACEVITY, & TORED объяснается ненебажною неноднотою всякаго индивидуальнаго ноэтическаго творчества. Безусловно необходимой авторь признаеть лишь нудожественность формы. "Только въ облачения некусства и въ художественной ферий укное слово и благородный порывь находять достунь въ сердцамъ. Сами-по-себъ они не имъють достаточно сили, чтобы обваружать себя. Въ простоиъ, необделяновъ виде низ, по больней части, заграждень естественный путь въ сферу народнаю сознанія... Художественное наложеніе мысли істраняеть всё прелят-CTBIA (ES CA BOCAPHERTID & DECOPOCTDANCHID), TAES BARS CYURIOCTS его состоить въ нелиййшень распрыти всяхь са свойствь. Художественное наложение, прежде всего, синиаеть харантерь односторояности съ наждаго предмета, предупреждаеть всв возражения в. на-BOHOUS, CTABETS ECTARY BS TO BUCILCO OTHORSERIE BS HDEARS, ROLA частные натересы ихъ и воззрѣнія уже не могуть ям потемянть, на перетолярвать ся". Мы приводных эти положены не потому, чтобы они назались намъ безусловно правильными, по такъ депарательство того, что г-нъ Аннендовъ видить въ искусства, нежду прочинъ, проводникъ сознательной мысли, способъ дъйствія — не случайваго, а намбреннаго — на умъ и сердие толен. Съ такимъ ваглядомъ, очевидно, несови встне теорія "безсознательнаго творчества", по которой ивень поэта-то же самое, что песнь птицы,-несовиества также в знаменятая формула: "некусство для некусства", по которой рефлексия

790

"испусства беев некусства". Требуя для испусства нолной свебеди дъйствія, не ограниченной никакою заранье установленною программой, г-яз Аннеакогз убъждень. что вользоваться этой свободой оно будеть и для непосредственныго служения обществу, для отвёта на очередные вовросы общественной жазан. Онъ далекь отъ мысли, чтобы замысель, развивающійся вь головів автора дедуктивно, нов одного основного положенія (употребляемъ выраженіе одного современнаго критика, ратующаго противъ тенденціозности въ HCEVCствъ) истаючаль возможность жизненности, священияго огня, однамь словомъ - истанной художественности. "Понятія", говорить г. Анненковь въ статъй о Помядовскомъ, "могуть быть положены въ основаніе зам'ячательныхъ произведеній изяжной дитературы, если только творчески воплощены въ образъ, а не просто олецетворены. Все ABIO BE TONE, KAKHNE DYTCHE ABELIKE DOBATIA, DABH IN OHR HANE жизныю, или придуманы нами помимо ед. Что такое знаменитьйшіе тялы современной нашей литературы -- Облоновъ и Базаровъ, какъ но понатія, сдёлавшіяся людьки нодь рукани двухъ истинныхъ художниковъ? Эти понятія - типы нисколько не стыдятся и не могутъ стыдиться своего происхожденія оть мышленія; напротивь; они безпрестанно и отврыто намекають сами объ источникъ своего существованія". "Повѣствованіе гр. Л. Н. Тодстого", читаемъ им въ замѣтвѣ о "Детствъ" и "Отречествъ", написавной еще въ 1854 г.-., имбетъ многія существенныя качества изслядованія, не нива ин малбйшихъ вижинихъ признаковъ его и оставаясь, по преимуществу, произведеніемъ наящвой словесности. Искусство находится здёсь въ дружномъ отвошения въ мысля, постоянно присутствующей въ разсвазъ". Въ статьв о "Литературномъ твив слабано челосписа" г. Анненковъ признаеть даже законность и пользу митературныю поучения, т. е. творче-СТВА НЕ ТОЛЬЕС СОЗНательново, НО В Преднамвренато: "Литературное поученіе", говорить онь, "часто смотрить поверхь жизненныхь явленій и далеко за ними, на дальнемъ и еще пустомъ горизонтъ чертить пророческія слова свон". Итакъ, г. Анненновъ донускаеть внесеніе въ искусство вонятій и тенденцій, подъ условіенъ только облаченія ихъ въ художественную форму; по необходимость этого условія могуть отвергать только фенатаки вублицистической контики и тенденціознаго испусства. Правда, у г. Ависикова можно найти и отступления отъ установленныхъ имъ самямъ принциновъ 1); но встрёчаются они

¹) Такъ, напр., въ той же замётей о гр. Толстонъ онъ называетъ пятнами современной литературы не только внесение въ художественное произведение извий заготовленнато другият — съ чёмъ нельзя не согласиться, но и отражение въ немъ влиния какихълибо любинихъ идей, почеринутитъ въ особенномъ представлений общесията и человъна, более или менее благородномъ, более или менее инемънато похивальную цёль.

большего частью въ статьихъ, относящихся къ раннему періоду его притической діялельности.

Пониманию задачь искусства всегда болёе или менёе соотвётотвусть понимание задачь критики. Г-из Анисиковъ нигдъ не возводить въ принципъ вритнку исключительно эсретическую, останавливающуюся на одной форму вроизведения и изучающую содержание ого развё настолько, насколько оно связано съ формой; ему случается даже, хотя и рёдко, самому дёлать экскурсін въ область публяцистической вритики. Одна ноъ такихъ экскурсій, и притомъ весьма удачная --- это статья по поводу тургеневской "Асн", озаглавленная: "Литературный типъ слабаго человёка" ("Атеней, 1858). Она была вызвана другой статьей на ту же тэну, до сихъ поръ намятной тогдашиенъ читателянь, какь одние изъ самыхъ блестящихъ образцовъ воваго критическаго жанра. Въ линъ "Русскаго человъка на rendez-vous" авторь этой статьи — извёстный другь Добролюбова, публицисть по преямуществу, рёдко прибёгавшій ка орудію литературной критики, во владъвний имъ, въ случав надобности, съ твиъ же настерствонъ, какъ и другими-----наобразнать типъ неренительнаго, безхарактернаго человёка, не умёющаго переходить оть словь въ дёлу, пасующаго передъ энергіей и страстью, гдё бы онъ съ нами ни встрётныся, въ ченъ бы онъ ни проявились. Указание условий, при которыхъ могъ сложиться подобный типъ, послёдствій, въ которынь ведеть его преобладание во всёхъ сферахъ личной и общественной жизни, поднало мысль автора на такую высоту, съ которой почти неважатия его исходчая точка — прелествая новёсть Тургенева. Защитникъ эстетичесной аритики quand même ногъ бы только возстать иротивъ критическихъ пріемовъ, низводящихъ художественное произведсніе на степень предлога въ полнтаческой диссертаціи; г. Анненковъ не только не двляеть этого, не только отдаеть полную справедливость названной нами статьй, но самь вступаеть на путь, проложенный ся авторомь, и въ поставленному имъ общему вопросу .о слабомъ человъвъ" присоединаеть другой, не ненье общий: "каковъ русский слилый человакъ на rendes-vous и при друпих обстоятельстваля?" "Ася" остается и здёсь совершенно въ сторенё, и въ занёнъ разбора художественныхъ врасоть ол ны получаемъ чисто-публицистичесное неслъдование о цильныхь характерахь энохи-нескъдованіе, направденное въ-реабилитація слабаю человика, какъ единственнаго, въ то время, восителя залоговъ дальнъйшаго нравственнаго развитія.

Сказаннаго нами, кажется, достаточно, чтобы снять съ г. Анненкова обвинение въ односторонности, въ узкомъ доктринерствё. Несомийнио, однако, что главная его область, единственная, въ которой опъ чувствуетъ себя какъ дома, къ которой естествение тигответъ

его дарованіе -- область эстетической критики; въ этонъ его сила и его слабость. Чуткій въ художественнымъ красоталъ и недостаткамъ произведенія, онъ рёдко схеатываеть и опредёллеть его значеніе для энохи, его внутренных связь со всёми сторонами общественной жизни. Процессь технической выработки художественныхъ образовъ для г. Анненкова яснёе, чёмъ процессь накопленія отразнашнися въ нихъ факторъ или происхождения вонлощенныхъ въ нихъ веглядовъ. Напрасно было бы вскать у него обобщений въ родъ тваъ, въ которыхъ состояла главная сила Добролюбева-обобщеній, сводящихъ къ нёсколькимъ крупнымъ, типичнымъ чортамъ, съ одной стороны, обликъ писателя, съ другой стороны-самый міръ, ниъ воспроняведенный. "Темное царство" Островского, "Забитые люди" Достоевскаго-во возникають ля при этихъ словахъ въ вашенъ уна цалыя картины, въ которыхъ образь художника неразрывно слить съ образомъ критика, геніально окредёлнышаго симсль его творческой дёятельности? Сто́ить только сравнить статью, написанную г. Анвенковыять по новоду "Грозн" Островскаго, съ статьею Добролюбова: "Лучь свёта въ темномъ дарстве", чтобы понять, почему г. Анненвовъ не могъ пріобрёсти ни популярности, ин вообще широваге, сильнаго вліянія на читающую массу. Продолжать эту параллель мы не буденть; им намётний ее только для болёе точнаго установленія предёловъ, въ которыхъ-въ большинствё случаевъ-вращается критическая мысль г. Анненкова и въ этихъ предблахъ для нея остается еще не мало простора. Подводить всёхъ критивовъ подъ одну обязательную ибрку, требовать оть нихъ одинаковаго отношенія въ предмету-такъ же неосновательно, какъ и признавать искусство только подъ условіенъ тенденціозности, или, наобороть, вовсе не допускать тенденціозности въ искусстві. Послідуенъ же за г. Анненковымъ въ ту сферу, которую онъ для себя выбралъ.

Мёрнломъ художественнаго пониманія, которымъ обладалъ критикъ, можетъ служить впечатлёніе, производимое его сужденіями лётъ двадцать, тридцать послё того, какъ они были высказаны. Если критикъ не умёлъ различять мишуру отъ настоящаго золота, если онъ шелъ на буксирё у той части публики, которая слёпо отстанваеть старину, или у той, которая увлекается всякой новинкой, въ особенности трескучей и прямой, то отзывы его уже для слёдующаго поколёнія представляють развё интересъ курьёза, какъ комментарій къ давно забытымъ убёжденіямъ и предразсудкамъ. Чёмъ больше, наобороть, позднёйшая оцёнка литературныхъ произведеній оказывается предугаданною критикомъ, разбиравшимъ ихъ въ моменть изъ ноякленія, тёмъ выше мёсто, принадлежащее ему по праву въ исторіи литературы. Статьког. Анненкова хорощо выдерживають эту пробу. Ему случалось, конечно, хвалить чрезъ мёру то, что отвёчало только требованіямъ минуты и тенерь уже почти забыто; но къ похваланъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно прибавлялась оговорна, показывающая, что слабыя стороны произведения не ускольнули отъ вняманія критика. Такъ, напримёръ, г. Анвенковъ восхищается .Рыбакани" г. Григоровича, но указываеть и на сочиненность языка, которымъ говорять крестьяне въ этомъ романъ, и на сильную приийсь въ немъ литературной выдумки къ чертамъ, взятниъ изъ дъйствительнаго быта. Такихъ полу-ошибокъ у г. Анненкова немного. Отбрасывая, какъ легков всный товаръ, популярныя, въ свое время, конедін гр. Соллогуба и Львова, протестуя противь крайностей выродившейся натуральной школы, строго порицая "Вибалонученное море" г. Писенскаго, г. Анненковъ съ-разу понялъ и оцёнилъ дарованіе гр. Л. Н. Толстого, угадаль въ Глёбе Успенскомъ писателя, способнаго на нёчто гораздо высшее, чёмъ буквальное записывание безсинсленныхъ разговоровъ, предсказалъ успъхъ Щедрина въ новоиъ. болёв широкомъ родё сатиры. Неудивительно, что каждый фазись двятельности Тургонева нашель себя вврнаго истолкователя въ лицъ г. Анненкова, тъсно связаянато съ Тургеневынъ и одновременностью развитія, и общими воспоминаніями, и личной дружбой; но для того, чтобы безпристрастно отнестись въ Поиядовскоич, нредставителю другого времени, другихъ прісмовъ, другихъ тенденцій, во многомъ несямнатичныхъ вритику, ему нужно было имість столько же добросовёстности, сколько и критическаго такта. Иногда этоть такть приводить г. Анненкова въ такому же вёрному опредёленію будущей дёятельности писателя, къ какому приходила, съ другой точки зрёнія и другимъ путомъ, публицистическая вритика. Разбирая "Дворянское гийздо" и указывая на сильное развите въ Тургеневв ,чутья къ тончайшенъ поэтическенъ оттвеканъ жизни, нониманія невидимыхъ струй и теченій общественной мысли", г. Анненковъ пришелъ въ заключению, что отъ Тургенева "всегда ножно ожидать именно того слева, которое на очереди или которынъ занято большинство умовъ", что Тургеневъ, бывшій до тёхъ поръ "ивбраннымъ и непревоскоденымъ лётописцемъ безвыходныхъ положеный", исчерпаль эту тэму до дыа и должень выдти на другую дорогу. Почти тоже самое говориль Добролюбовь годь спусти, въ статьв о "Наканунъ". "Г-нъ Тургеневъ", читаемъ мы въ этой статъй, "бистро угадываль новыя потребности, новыя идеи, и въ своихъ произведенияхъ обыкновенно обращалъ внимание на вопросъ, стоявший на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество... Чутье настоящей минуты и на этотъ разъ не обмануло автора. Сознавши, что прежніе герон уже сдёлали свое дёло и не могуть возбуждать

791

ирежней симпатии въ лучшей части нашего общества, овъ ръжняся оставить ихъ и, уловивши въ нёсколькихъ отривочнихъ преявленикъ въяніе новыхъ требованій жизни, попребовалъ стать на дорогу, но которой совержается передовое движеніе настоящаго времеви".

Долголётная вритическая дёятельность немыслина безь руководянных началь, бесь основныхъ положеній, однинь словонъ---безь теорій, съ помощью которой оріентировался бы критикъ среди безконсчно-разнообразныхъ явленій въ мір'в некусства. Теорія эта можеть оставаться не внолн'я высказанною, можеть быть даже не вполн'я сознана вритикомъ, но все-таки должна составлять необходимую нодвладку его отзывовь и приговоровь. Съ нёкоторыми чертами теорія г. Анненеова мы уже познакомылись, говоря о взглядв его на задачи и сферу искусства; въ статьв о "старой и новой критикв" ножно найти увазание и на то, какъ понимаетъ г. Анненковъ отнонение ислусства въ действительности, значение народности въ вскусствѣ. Привести въ систему, на основание отдёльныхъ замёчаний, разсванныхъ въ разныхъ статьяхъ г. Анненвова, мивнія его що главнымъ вопросамъ искусства, было бы довольно трудно, вслёдствіе неовредвленности, часто свойственной его ивложению, вслёдствие недостаточно ясной и полной мотныровки высказываемыхъ иногда какъ-бы мимоходомъ выслей. Въ статъв о "Дворянскомъ гиведв" ии встрёчаенъ, напринёръ, слёдующее опредёленіе идеала: "идеалоть, на языка эстетнии, означается всякій образь, соеднияющій въ себе всю ту сумму нравственныхъ и поэтическихъ черть, какая ему свойственна по природъ его. Это очень просто и, пожелуй, межеть быть выражено еще въ другой формуль, именно: всякій нравственный и поэтический образь, вёдный дёйствительности и самому себъ. есть идеаль". Не входя въ разборъ этого опредъления, по меньшей изр'в спорнаго и ужъ, конечно, вовсе не такого простого, какъ кажется г. Анненкову, спросниъ только, какъ согласить его съ слёдующими словами того же писателя (въ статьё о ,старой и новой критикв"): "все, что носить на себв печать идеала, заствнчиво отъ природы и почти никогда не выступаетъ впередъ". А если нэвъстному образу, върному дъйствительности и самому себъ, свойственно именно отсутетвіе заствичивости? Которымъ изъ опредвленій вритики придется намъ тогда пожертвовать? Что предположение наше возножно, доказательствоиъ тому служить замёчаніе г. Авненвова, что "н вомическое лицо (напр., Хлеставовъ?) подъ перомъ художника-писателя, можеть оказаться идеалонъ". Не слёдуеть ли заключить отсюда, что въ стать в о "Дворанскомъ гнезде" г. Анвенвовъ допустилъ смъщеніе понятія объ ндевлё съ понятіемъ о художественномъ тний, а въ святъй о "старей и новой притики" остався свободнимъ отъ этой ошибни 1)?

Тенерь, когда со времени появления ув свёть бельшинства контическихъ статей г. Аниснкова прошло отъ натиаднати ко триднати авть, правнаьной оцёнкё его общихь разсужденій часто и визаеть CHIE OLEO OCCTOATELECTEO: HEROCTATELE TOTO, TO AHTLETERE HASHBALTE илмостранией — прекъровъ, пректическить премънение отвлечение инсле, прямыхъ указаній на того вли другого писателя, на то или другое художественное произведение. Вслёдствие этого недостатва нёкоторыя нёста въ статьяхъ г. Анненкова просто неудобонекатны и требовали бы пелаго комментарія. Лаже читатели, переживарніе вивств съ г. Анненковнив консиз патидосатыхъ годовъ, заточанатся определить съ перваго взгляда, кого именно, какую литературную партію этого времени разунветь вритись поль наяваність ператенся идеаловъ", о которыхъ кдетъ рёчь въ разборѣ "Дворянскаго гитада" (1859). У какнать искателей идеаловъ идеаль обязанъ билъ узавонять низшій порядовъ вещей и мириться съ нимъ"? У ванихъ иссателей идеаловъ "всякая попытка облагородить будинчныя, такъ сказать, подробности жизни, пошлый ходъ ся, грубыя и закоронивши ея привычки" называлась стремленіенъ къ идеализаціи? Мы не отрицаемъ, что въ концв натидесятыхъ годовъ, какъ и въ другія эпохи нашего развитія, ложная идеализація, т.-е. возведеніе въ перлъ созданія типовъ и свойствъ далеко не инеальныхъ. была у насъ въ большомъ ходу; но защитники и проповёдники ся никогда не были Искателями вдеаловъ, т.-е. додьми, тяготящимися настоящимъ и стремящимися вайти путь къ лучшему будущему. Исканіе идевловъ предполагаеть недовольство собою и окружающимъ-а у г. Анненвона искатели идеаловъ "любять покой, физическую и унственную ибну; идеаль для нихь почти тоже, что праздникь для школьника, освобождающій его оть всёхъ обязанностей и оть всякой заботы"; они " вндять въ идеаль "щегольскія шириы для устраненія оть глазь авленій и событій, волнующихъ общественную совъсть и нарушалщихъ безиятежное состояние души, которое ниъ такъ дорого". Судя по выводу, дълаеному г. Анненковымъ изъ этихъ общихъ разсуждения. можно догадаться, что они направлены протнеть славянофильствующихъ приверженцевъ смиренія и кротости; но въ такомъ случав чёнь объяснить сочувственное отношеніе вритика въ госпоже Кохановской, одной изъ главныхъ представительницъ этого направления? - Статья о "старой и новой критики" имила бы гораздо больше

¹) Въ статъв о "старой и новой критикъ" выраженія: "положительныя свойства жизни" и "идсальныя свойства жизни" употребляются какъ симонимы (стр. 21).

вначенія, если би различные вэгляды и системы, оснориваеные г. Анненковымъ, были связаны имъ съ именами ихъ представителей, съ произведеніями или статьями, въ которыхъ они всего ясибе выразились. Говоря объ отношеніи искусства въ дъйствительности, г. Анненковъ въроятно имълъ въ виду извёстное сочиненіе объ этомъ предметё, только-что написанное тогда критикомъ – публицистомъ, уцомянутымъ изми по новоду спора о литературномъ типъ "слабаго человъка"; но полемика г. Анненкова не направлена прямо противъ главныхъ положеній автора, и теряеть, вслёдствіе того, много ожнъленности и силы.

Стремление найти и формулировать общие законы искусства не должно переходеть въ регламентацію творческой дёлтельности художника. Установлять для нея строго-обязательная правила, прописывать ей, если ножно такъ выразиться, разъ навсегда годные реценты --работа по меньшей изрё безплодная и неблагодарная. Въ статьяхъ г. Анненкова разсбяно немало такихъ рецептовъ - и всё они, какъ и слёдовало ожидать, оказываются совершенно несостоятельными. Такъ, напримъръ, г. Анненкову не правится форма "личнаго повъствованія", т.-е. разсваза отъ лица самого автора или отъ подставного лица, исправляющаго его должность; онь находить, что разсказчикъ обязанъ выразить личное мийніе свое о каждомъ предметь, встрвчающемся на пути его, чего никогда не требуется отъ правильнаго повёствованія, гдё только важно общее внечатлёніе; затёмъ приввры и наблюдения ого должны отличаться самостоятельностью. зоркестью и умонъ въ степени, какой другого рода произведения не обязаны достигать". Установивъ такія мнимыя обязанности произведенія (?) и автора и констатировавь трудность исполненія этихь обязанностей, г. Анненковъ восклицаетъ: "Кто не знастъ, что разсказы нанболбе вялые, ничтожные и понио-притязательные, какъ въ нашей, такъ и въ другихъ литературахъ, обыкновенно начинаются съ я"... Любопытнымъ паматичкомъ несостоятельности разсказовъ отъ собственнаго лица служить, но мивнію вритика, повъсть Тургенева: .Три встрёчи", въ которой "есть нёсколько блестящихъ страницъ, но фантастическое, эффектное содержаніе которой въ тому только, важется, и направлено, чтобы освётить лицо разсказчика наиболёе благопріятнымъ образомъ". Теоретическая сторона тезиса, поддерживаемаго г. Анненновымъ такъ же слаба, какъ и практическия доказательства его. Кто помнить "Три встричи", тоть въроятно согласится съ нами, что лицо разсказчика вовсе не играсть въ этой новъсти главной роли, и отнессть сс, независино отъ ся формы, къ числу лучшихъ небольшихъ вещицъ, написанныхъ Тургеневыиъ. А "Давидъ Копнерфильдъ" Диккенса, "Эсмондъ" Теккерея, "Мопра"

Токъ IL.-Апрыл, 1879.

51/ss Digitized by GOOg[C Ж.-Занда? Неужели они что-инбудь терлють оть того, что ванисани въ форм'в разсказа? Истинный художникъ ум'ветъ владёть этой формой, какъ всякой другою; никакихъ стёснительныхъ обязанностей она на него не налагаетъ, а условіямъ, естественно изъ нея витекающимъ, онъ безъ труда остается в'вревъ.

Утверждая, что каждый изь главныхъ родовъ литературъ "обладаеть своимъ особеннымъ вругомъ ндей, равно неспособныхъ въ переднижению и подивну", г. Анненковъ находить, что основную идею повёствованія, разсказа, составляеть "развние всихологическихь сторонъ лица или многихъ лицъ", что нивавой другой мысан "не межеть дать повествование и не обязано къ тону". Не обязано - это иравда; но не можетъ — ночему? Гдв же, притомъ, граница между повёстью (или разсказомъ) и болёе общирнымъ эпическимъ произведеніенъ? Есля различіе нежду ними обусловливается объемонь, то при каконъ числё листовъ или страницъ оканчивается повёсть и начинается романъ? Если оно обусловливается формой, то что же ниенно въ форми разсказа больше, чинъ въ форми романа, несовийство съ тенденціей, съ политической или общественной идеей? На пріурочения въ каждому литературному роду особаго цикла идей мы не останавливаемся только потому, что опровержение этого тезиса вника бы нев предвловь бытаой критической замытки.

"Противоноложности или вонтрасты", - говорять г. Анненкевь, "могуть быть допущены въ литературномъ преизведения, но съ услевіень, чтобы въ сущности ихъ не заключалось упорной и неприняримой вражды; только тогда они могуть сдёлаться достояніемъ искусства и подлежать его вёдёнію, когда между ними есть возмежность иримиренія, хотя бы случайнаго, мгновеннаго и непредвидённаго". — "Фантазія, сознающая законы производства", читаемъ мы въ другонъ мёстё, выбираеть одно преступленіе, довольствуется однимъ мгновеніень въ исторіи и въ жизни людей, ловить совъсть человёка въ одномъ опредъленномъ состояния, но разработываеть всё эти явленія съ такимъ предчувствіемъ всего наз содержанія, что легко даеть просвѣть на нхъ прошедшее и будущее. Это второй законъ для творческой фантазін, который должень быть поставлень рядонь сь первымъ, возвышающимъ се на степень судьи людскихъ дълъ и побужденій, возстановителя всёхъ правъ в карателя влыхъ помысловъ". Мы сопоставели эти два положенія, потому что мы видимъ какъ въ томъ, такъ и въ другемъ, одинаково неудачную попытку съузить сферу вскусства, сказать творчеству: "до сихъ норъ, не дальше". Если допустить, что въ жизни есть абсолютно-непримирнаме контрасты, то нать причины исключать ихъ изъ области искусства, отражающаго въ себѣ жезнь. Писатель видить въ дъйствительности ръзкія проти-

798

воположности, находить въ нихъ матеріалъ для потрясающей картины; неужели для того, чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ, ему необходимо разрёшить предварительно вопросъ о возможности примиренія контрастовъ? Вёдь она можеть наступить въ отдаленномъ будущемъ, при условіяхъ, которыхъ еще нётъ въ данную минуту, и писатель еще не можеть ни опредёлить ихъ, ни даже предвидёть; неужели до наступленія этихъ условій явленія, требующія и заслуживающія художественнаго воспроизведенія, должны оставаться для художника книгой за семью печатями? Что касается до воображаемаго закона, обязывающаго фантазію "донольствоваться однимъ игновеніемъ въ исторіи и въ жизни людей", а слёдовательно и однимъ преступленіемъ, если изображается великій преступникъ, то для надлежащей его оцёнки достаточно назвать "Макбета" или "Ричарда Ш-го". Если г. Анненковъ правъ, то неправъ Шекспиръ въ двухъ драмахъ, принядлежащияъ въ числу величайшихъ его созданій.

Въ нослёднихъ, но времени, статьяхъ г. Анненкова всё указанные нами выше недостатки замётны меньше, чёмъ въ предыдущихъ. По силё и тонкости критики, разборъ "Дыма" и "Войны и Мира" (1867 и 1868 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ, когдалибо написанчихъ г. Анвенковымъ. Нельза не пожалёть потому, что критическая дёлтельность его внезапно прекратилась, безъ всякой идимой причины, именно въ то время, когда приходилось особенно дорожить каждей наличной силой въ области литературной вритики. Чте дарованіе его не ослабёло, доказательствоиъ тому служить изданная имъ нёсколько лёть спустя кинга: "А. С. Пушкинъ въ Александровскую экоху". Если би онъ остался на прекней дорогъ, исторія нослёдняго десятилётія представляла бы меньше явленій, просмотрённыхъ или одностороние оцёменныхъ нашей критиков. — К. К.

Digitized by Google

51*

внутреннее обозръніе

1-е априя, 1879.

Книга проф. Гусева и ся упреки русской журналистики. — Защита них профессора Цитовича. — Опать вопрось о повреждении нравовъ. — Наше объяснение по поводу второй броппоры г. Цитовича. — Предположения о признании въ Россия баптистской секты. — Тургеневский объдъ.

Намъ не случалось писать писемъ къ "ученнить людямъ"; но из обязаны отвёчать на печатныя обращенія въ намъ ученыхъ людей. Въ прошломъ мъсяцъ намъ пришлось бесъдовать съ проф. Барсовымъ, по поводу его возраженій намъ относительно свободи сов'єсти въ вышедней недавно его книги. На этотъ разъ наиъ предстоять отвѣчать на возраженія, которыя намъ предъявлены, уже совсѣнъ по иному вопросу, проф. Гусевымъ, въ только-что вышедшей его кныгѣ: "Натуралисть Уоллесь, его русскіе переводчики и критики". Вопросъ — тотъ же, который быль поднять проф. Цетовиченъ, в г. Гусевъ является противъ насъ защитникомъ последияго. Это вопросъ-о повреждении нравовъ, о развращении русскаго общества журналистиков. Вёдная русская журналистика! Казалось бы, главный упрекъ ей можно слёдать въ томъ симслё. что она не принесла обществу всей той пользы, какую могла бы ему принесть при боле благопріятныхъ условіяхъ. Но оназывается нначе. Оказывается, если принять въ разсчетъ весь арсеналъ обличеній г. Цитовича, что въ Россін за послёднія 20 лёть не было и нёть ничего столь вреднаго, столь требующаго осужденія, какъ журналистика, несмотря на всё рёшительныя мёры въ тому, чтобъ сдёлать ее безвредною, такъ-что собственно трудно даже понять, къмъ люди недовольны: журналистикою, или тёмъ вёдоиствомъ, которое наблюдаетъ за нею.

Профессоръ Гусевъ стоятъ, впрочемъ, на точкѣ существенно различной съ тою, на которую сталъ проф. Цитовичъ, хотя и одобряетъ вполнѣ нападеніе послѣдняго на русскую журналистику за распро-

страненіе зловредныхъ "новыхъ" идей. И различіе это-такого свойства, что съ г. Гусевымъ пріятийе спорить, чимъ съ г. Цитовичемъ, Послёдній нграсть въ недомолеки, и если его не легко уличить положительно въ чемъ-либо, то это не потому, что онъ правъ, но потому, что онъ прячется за разными оговорками и обходами. Едва выслёднить у него обвинение, направленное въ какую-либо сторону и -стройно-проведенное страницахъ на трехъ, какъ на четвертой встрёчаень такую оговорку, что онъ именно этой-то стороны и не ималь въ виду спеціально обвинять. Въ другомъ обвиненіи являются такія недомолеки, что теряещь изъ виду, кого собственно обеннаеть г. Цетовичь, и потому не можешь опровергать его по существу. Если бы г. Цитовнчъ говорилъ прямо, что, напримъръ, указываемыя имъ "прискорбныя явленія" истекли изъ ослабленія религіозныхъ началъ основными принципами матеріализма, что эти "прискорбныя явленія" нивоть органическую связь съ "враждебнымъ учению Уоллеса (объ участін высшаго существа въ происхожденіи человбия) возарвніемъ", какъ въ томъ убъжденъ г. Гусевъ, въ такомъ случав вовсе не проязощь бы той путаницы въ полежний съ г. Цитовичемъ, какая случилась въ нашей цечати. Но за то, если-бъ г. Цитовичъ отврыто сталь на точку зрёнія г. Гусева, то главная вина въ новёйшемъ "раввращенів" русскаго общества падала бы во всякомъ случав уже не на русскую журналистику, а прямо на виднийтнихъ представителей матеріализма, какъ научной теоріи, и (спеціально по отношенію въ происхождению человёка) — на Дарвяна и его ученыхъ сподвижниковь, и ни въ какомъ случав на кого-либо изъ сотрудниковъ "Отечественных Записокъ" или хотя бы на всёхъ сотрудниковъ всёхъ руссвихъ журналовъ.

Мы ставили это въ упрекъ г. Цитовичу еще въ нашемъ разборѣ его первой брошюры. Если бы г. Цитовичъ высказывалъ ноложительно то же миёніе, котораго держится г. Гусевъ, въ такомъ случаё, онъ могъ бы привлекать на скамый подсудимыхъ русскую журналистику только въ качествё "пособницы" главныхъ преступниковъ, и между прочимъ—Дарвина, а пе обрушиваться всёмъ громомъ своего обличительнаго негодованія на нее, какъ на главную виновищу, соверменно умалчивая объ истипныхъ, но ученыхъ высоко-авторитетныхъ "развратителяхъ". Но г. Цитовичъ сталъ не на эту точку зрёнія. Онъ обвиняетъ журналистику не въ распространеніи мыслей замѣчательнѣйшихъ естествоиспытателей Запада, но только въ искажении этихъ мыслей, въ превратионъ ихъ толкованів, и наконецъ, въ намѣренномъ заимствованіи развратительныхъ мыслей не изъ "главнаго русла" европейской науки, но изъ какихъ-то "боковыхъ си потоковъ". Вотъ тотъ обходъ, въ склу вотораго г. Цитовичъ оберегаетъ свою ученую тогу, спасаеть себя оть необходимости изречь анасену великимъ ученымъ, и мещетъ громы только противъ русскихъ журналистовъ, разсчитывая на то, что въ обществё диплонъ профессора имъетъ болёе вёса, чёмъ положеное русскаго журналиста.

Все это, какъ мы увидниъ, прямо противорѣчить убѣжденію г. Гусева, и—онъ тѣмъ не менѣе вполнѣ одобряеть обличенія г. Цитовича. Обращаемъ прежде всего вниманіе г. Гусева на это весьма существенное различіе между его основной идеей и той точкой, на которую, между прочимъ, становится г. Цитовичъ (говоримъ: "между прочимъ", потому, что у г. Цитовича—иѣсколько "точекъ", и вотъ что дѣлаетъ его отчасти неуловимымъ).

Не такъ у профессора Гусева. Его точка одна и неизийния, его ввглядъ совершенно опредвленный-и воть печему ебълснение съ нимъ легко. Но объяснение это вовсе не будеть состоять въ томъ, чтобы опровергать духовное міровоззр'вніе нашего уважаємаго противника или доказывать ему безвредность матеріализия, какъ правственной философін. Всякое искреннее уб'яжденіе ны уважаемь. Книгу г. Гусева о Уоллесъ мы прочли съ удовольствіемъ и наняли, что онъ весьма основательно воспользовался для своего дъла ученіень Уоллеса, а ибстани остроунно защищаль это ученіе противь разныхъ возраженій. Намъ только показалось, что г. Гусовъ слишконъ ужъ энергично воспользовался однинъ изъ веглядовъ Уоллеса, такъ что, въ пылу своей защиты его отъ возражений, начинаетъ въ концё-концовъ какъ-бы полемизировать съ саминъ Уоллесонъ, довазывая ему, что тоть не можеть остановиться на полнути, но долженъ признать и всё догматическія основы. Отсюда внослёдствія, в въ силу строго-логической связи, придется требовать отъ Уоллеса признанія и каноническихъ правилъ и т. д. Это уже что называется: дай инъ два пальца-и я притяну тебя всего.

Мы относямся съ полнымъ уваженіемъ и въ простому, ненаутному, но испреннему върованію, и въ научнымъ спорамъ о высвихъ антропологическихъ вопросахъ. Но мы лично не считаемъ себя ин въ правѣ, ни въ обяванности принимать въ нихъ участіе. Наята сфера — жизнь политическая, и борьба между представителями наутныхъ или философскихъ взглядовъ педпадаетъ налгему разсмотрѣнію только по мърѣ того, къ какимъ нолитическимъ ресультатамъ клонится то или другое заявленіе, исходящее изъ кабинетовъ ученыхъ или раздающееся съ каседры. Единственно въ этомъ симслё им и танялись брошпоров г. Цитовича. Практическій выводъ изъ нея, отчасти и мимо воли автора, билъ тотъ, что въ Россіи главные недостатки, порча, всякія вины и всякое зло сидять въ обществѣ, въ журналистикѣ и въ "новыхъ идеяхъ", ею распространяеныцъъ. Правда,

г. Цитовнът упонинать еще и о ибкоторыхъ условіяхъ, въ которые моставлены спеціально профессора. Но повторяемъ — у него на все есть оговерка, на которую онъ можетъ сослаться въ свое оправданіе. Несомийно однако, что брошюра его была понята именно въ такомъ емыслё, канъ мы только указали, а именно — какъ обвинительний актъ противъ русскаге общества и спеціально его молодежи, противъ русской либеральной журналистики и "новыхъ идей", въ числё которихъ были не однё только матеріалистическія иден, но и экономическія. Этотъ односторонній и фальшивый вэглядъ былъ политически тёмъ вредийе, что названная брошора получила большое распространеніе и дала нашниъ обскурантамъ новое, довольно острое орудіе, какого они были лишены съ тёхъ поръ, какъ окончательно притупились театральныя шпаги московскаго Страстного бульвара, нёкогда искоренявшія внутри измёну и устрашавшія извиё коварный Западъ.

Итакъ, съ точки зрвнія политической мы обязаны были дать отпоръ г. Цитовичу, и для этого намъ совершенно достаточно было доказать слёдующія положенія: недостатви, присущіе обществу, полодежи и журвалистикв,---ие главные недостатки, заивчаемые въ Россін; русское общество теперь нисколько не хуже того, чёмъ оно было до проповёди новыхъ идей "журналистиков", и въ тёсно правственномъ смыслё не хуже всей массы народа; русская молодежь даже лучше нассы руссваго общества; либеральная журналистика должна была знакомнть общество съ новыми идеями, и посправедливо, будто она черпала только изъ "боковыхъ потоковъ" науки; выставлять ее главной веновницей какихъ-лебо научныхъ теорій слишкомъ странно и показываеть только робость ученаго обличителя, не дерзающаго броснть свой канень въ корнфесвъ науки; наконецъ, въ числё проводившихся либеральной журналистикой "новыхъ ндей" не только имвли мвсто, но положительно преобладали тв саимя иден, отъ которыхъ единственно и можно было ожидать улучменія хотя бы условій, препятствующихъ профессоранъ, по признанію самого г. Цитовича, руководить студентами.

Все это им и высказали въ связи, въ нашемъ возражени на брошпру; свои положения им доказали, насколько могли. Но г. Гусевъ требуетъ отъ насъ иного. Онъ предлагаетъ намъ доказать, что "матеріалистическия иден вовсе не благопріятствуютъ возведению въ норму и ббльшему возрастанию тёхъ дурныхъ явлений, которыя сами по себѣ существуютъ и существовали въ русской дъйствительности". Но им инсколько не обязаны были разсматривать этого вопроса; оцѣнка философскихъ системъ вовсе не входитъ въ область волитики. Съ точки врѣна г. Гусева, матеріализмъ непремѣнно водетъ къ возведению безиравственности въ норму: "нензбѣжное по-

слёдствіе матеріалистическихъ идей, послёдовательно примёненныхъ" есть утрата "самыхъ опоръ сознанія противоноложности нежду добрымъ и правственно злымъ". Мы очень хороню понимаемъ, что, въ силу такого убъжденія, онъ долженъ признавать "крестьянна, какъбы дурно онъ ни жилъ, но если онъ не утратилъ христіанскихъ върованій, все-таки не безнадежнымъ въ моральномъ отношения", а каждаго ученаго приверженца натеріализна-безнадежнымъ въ нравственномъ отношения, такъ какъ онъ логически должено возводнть "дурныя явленія въ принципъ". Но мы не моженъ входить въ исихологическій анализь нравственнаго свойства философскихь ученій. И вотъ, съ нашей, политической точки зрвнія, мы судниъ только о дниствіяхъ, а не о настроеніяхъ. Если наиъ будетъ доказано, что всякій ученый натуралисть, склонившійся въ такой-то научной потезё, въ своей личной жизни поступаль хуже, чёмъ любой преступникъ, который не утратилъ вёрованій, а потому и остался не безнадеженъ въ моральномъ отношения, тогда мы, конечно, принуждены буденъ допустить въ самомъ этомъ учения вредный политический факть, -- но не ранбе, такъ какъ мы, подобно суду, разсматриваемъ только реальные фавты, а не можемъ входить въ психодогическія гаданія.

Итанъ, мы инсколько не обязаны были, какъ то думаетъ профессоръ Гусевъ, доказывать, что "матеріалистическія иден вовсе не благопріятствують возведенію въ норму-дурныхъ явленій". Это было бы психологическимъ анализомъ, а не политическимъ разсуждениемъ. Напротивъ, мы имѣемъ полное право оставаться на почвѣ реальныхъ фактовъ, и предлагать самому г. Цитовичу доказать намъ, что въ русскомъ обществё и молодёжи, начиная съ 60-хъ годовъ, дёйствительно, совершается болёе безчестныхъ и безправственныхъ поступковъ, чёмъ совершалось въ то время, когда журналистика не могла проводить "новыхъ идей", и чёмъ по настоящее время совершается въ быту фабричныхъ и крестьанъ, до которыхъ "новыя иден" не донесены журналистикой. Г-иъ Цатовичъ, въ третьей своей брошюрі, ставить даже факть хищенія кассиромь общества поземельнаго кредита — въ прямую зависимость отъ мнимаго развращения общества проповёдью "потребностей организма", которой, будто бы, занималась журналистика. Но г. Гусевъ, конечно, не приведсть въ связь вёрованій нашего врестьянства съ растратой 10 тысячь рублей вазенныхъ и общественныхъ денегъ старицион Гречищевныть и старостой Игнатовных, о которой заявлено въ № 57 "Московскихъ Вёдомостей". А вёдь даже по разыёру этого похищенія, оно выдается воъ целаго рада другихъ подобныхъ. Для крестьянина 10 тысячъножалуй, тоть же милліонъ. Не гаданіе о "моральной безнадежно-

804

отн" тутъ важно, а факти. Политическое разсуждение основывается только на фактахъ.

Надбенся, что почтенный оппоненть намъ въ предшествующенъ уже найдеть, отвёть на обращаемый низ лично въ намъ вопросъ: "сказалъ ли самъ пишущій во внутреннемъ обоврѣніи "Вѣстника Европы" хоть одних разъ какое-либо слово противъ матеріалистическихъ основныхъ воззрёній?" Нётъ, рёшительно отвётниъ им. Но столь же рённительно прибавных, что не сказали ни одного слова и противъ анти-матеріалистическихъ воззрвній, противъ религіозныхъ убъжденій. Мы держинся мевнія, что эти вопросы совершенно выходять нев сферы полнтической. Оставаясь въ ней, мы можемъ только находить полезнымъ полное освобождение научной мысли отъ вибшних стёсненій, точно такъ, какъ им всегда защещали принципъ полной свободы религіозной совёсти и принципъ полной самостоятельности церкви оть государства. Мы остаемся на той же политической почвь, когда пытаемся отразить обвинение, понятое всёми въ такомъ смыслё, что главные недостатки, порча, вины и всякое зло представляются въ Россін именно въ зловредномъ вліянія новыхъ ндей на общество и молодёжь. Чёмъ пригоднёе это орудіе для политической реакціи, твиз явнёе была наша обязанность сдёлать его безвреднымъ.

Но мы пойдемъ далёе, и именно съ своей же точки зрёнія сдёлаемъ г. Гусеву уступку, которою онъ вёроятно удовлетворится. Онъ указываетъ намъ, что часть журналистики слишкомъ безусловно увлекалась иёкоторыми чисто-научными восзрёніями, преслёдовала всякую вритику ихъ "ругательствомъ и циническими насмёшками", мы допустимъ, что были и увлеченія, а иногда и недостаточно серьёзное отношеніе къ вопросамъ научнымъ, односторонность. Но мы не можемъ не замѣтить и односторонности, и увлеченія, и совершенно-ненаучнаго задора и легкомыслія въ ученомъ, когда ученый, какъ г. Цитовичъ, рѣшается судить объ историческомъ явленіи — а направленіе большинства журналистики за какія-нибудь двадцать лѣтъ есть безспорно историческое явленіе какъ о чемъ-то проязвольномъ, придуманномъ такими-то людьми, спеціально для удовлетворенія дурныхъ инстинктовъ. А въ чемъ же выражались за это время нравственнозаконныя стремленія общества?

Многинъ фактамъ общественнаго быта предстояло преобразоваться. Но преобразованіе старыхъ формъ нигдѣ не шло безъ борьбы съ старымъ началомъ. А именно потому, что въ каждымъ отдѣльномъ моментѣ старыя начала воплощены въ реальныхъ формахъ и дѣйствуютъ въ видѣ реальныхъ силъ, защищан себя средствами, не чмѣющими ничего общаго съ діалектикою, — естественно, что защитни-

ки началь новыхъ не могуть удержать себя въ границахъ снокойнаго академическаго разсужденія. Взгляните туда, гдё борьба новыхъ формъ со старыми открыто течеть въ свободныхъ, многообразныхъ руслахъ: въ полнтическихъ совѣщаніяхъ, на полахъ выборовъ, на площадяхъ и улицахъ, гдъ происходять митинги или движутся процесси разныхъ партій. Развѣ вы не видите, что въ этой борьбѣ ни одна партія не имбеть аптекарскихъ вбсовъ для точнаго взебшиванія малёйшаго скрупула противныхъ ученій, не нийеть ни теринности, ни снокойнаго отношенія даже въ личному достоянству нротивниковъ? Развѣ вы не находите неизбѣжнымъ, что въ этой борьбё не всегда соблюдается куртуазность, что въ крикахъ, раздарщихся съ объехъ сторонъ, выражаются часто не только "скоросивлость и эфемерность", но и "ругательства и циническія насмізники" надъ противниками-то-ость тв именно свойства, за воторыя вы упрекаете борновъ нашихъ новыхъ литературныхъ направленій. Конечно, вы можете указать на различіе, вы скажете: зачёмъ же было вносить нетерпиность боя въ сферу науки и литературы? Но въ томъ-то и дбло, что вся борьба у насъ и могла происходить только въ этой области. Нёть сомибнія, что, при иныхъ условіяхъ, и пріємы въ этой собственно научно-литературной сферь были бы иные, что въ полемикъ было бы болъе терпимости и справедливости въ противниванъ, менње азарта. Только всћ эти особенности именно оть того и зависвли, что для борьбы новыхъ стремленій со старыми, преобладавшими, не поддававшимися ни на какіе компромиссы началами-не было яной арены, кроий сферы науки и латературы. Мы согласны, что нотерпимость, а особенно ругательства и циническія выходки не соотвётствують академическому тону. Но за то же вёдь въ собраніяхъ нашихъ господствовале не только спокойная академичность, но институтская невенность, площаде отличались благоустройствонъ безнолвія, а на улецахъ ничто не останавлявало спокойнаго двеженія звипажей и пѣшеходовъ. Назрѣвшую борьбу можно искусственно загнать изъ одной, соотвётственной ей сферы, въ другую; можно перенесть набирательный митингъ съ площади въ академію искусствъ. Но за то уже и не сокрушайтесь, если тамъ не пощадать Рафазля, если въ Корреджіеву "Ночь" попадеть гнилое яблоко, предназначенное для того оратора, который за нее скрылся. Да, наконець, развъ тъ литературные діятели, которыхъ вы вините за "скороспілость, эфемерность и циническія насмёники", и сами-то находились въ личныхъ условіяхъ душевнаго спокойствія в безонасности? Положнить, какойлисо приверженець Фейербаха безпощадно язвиль Гегеля, обзываль всю синритуалистическую философію "вздоромъ и ерундой", и при отоиз уналчиваль о тоиз, что фейербахь сань - ученить Гегеля.

806

Конечно, это и несправедливо, и скороспёло, и если хотите даже "ценично". Объ этонъ можно ножалёть, но говорить, что этотъ нолемисть именно и быль причиной развращения русскаго общества, что пріемы имъ внесенные въ литературу, его нетерпиность и азарть, его фанатизиъ заставляли подростающее поколёніе думать, что ни въ чемъ, кромъ именно теорія Фейербаха, нъть спасенія, а чрезъ это и губили новыя поколёнія-слишкомъ одностороние и даже наявно. Слёдуеть же принять во вниманіе, что полемисть этоть не нийль возножности открыто сказать, что прежнее прусское государственное устройство, въ которомъ Гегель видёлъ совершенство, никакъ совершенствомъ не было, и что Гегель при этомъ случав былъ отчасти въ такомъ положения, которое называется "въ чужомъ пиру похм'ялье". Справедливость требуеть еще нивть въ виду и то, что за Гегеля ополчались при этомъ на смёлаго полемиста разные литературные гады, которые шипели доносомъ, и что въ конце-концовъ выходилъ такой результать: Гегель преблагополучно оставался себь Гегелень, шипфвшія литературныя пресмыкающіяся здоровёли и тучнёли, и даже навязывались потомъ самому обществу какъ спасители отечества, а самые полемисты, въ которыхъ вы указываете такихъ мнимыхъ диктаторовъ и деспотовъ, исчезали. Дальнёйшій результать: одно молодое поколёніе передавало другому эти факты, поймите-факты реальные, а не слова, пролетавшія во врежя борьбы, со всёми ихъ преувеличеніями и скороспёлостью, но и со всёмъ жаромъ глубокаго, недосказаннаго, внутренняго убъжденія. Verba volant, manent-facta. Повёрьте, что будущій историкъ, когда станетъ описывать періодъ съ 1860 года, не придастъ большого значенія преувеличеніямъ въ одну сторону словъ, недосказанныхъ въ другую сторону, вреду, нанесенному великой картинъ палкой, которая была пущена въ скрывтуюся за ней крысу. Историкъ главное значение придасть фактанъ; личности онъ оцёнить по ихъ судьбё, личныя усилія по трудностямъ, среди которыхъ они предпринимались, по тёмъ цёлямъ, въ которымъ они были направлены въ дъйствительности. Историкъ найдетъ нячтожнымъ, просто пропуститъ такой факть, что кто-нибудь несправедливо обругалъ Момизена — о чемъ такъ вопіеть г. Цитовичъ, или хотя бы самого г. Цитовича; но историкъ не скажетъ, что жертвами за весь этоть періодъ въ Россіи были только германскіе ученые и нѣкоторые русскіе профессора.

Г-нъ Цитовичъ теперь предпринялъ изданіе особой коллекцін, которую онъ называеть "хрестоматією новаго слова", или пробъ изъ "источниковъ живой воды". Но кто рёшится предпринять тоть геркулесовъ трудъ, который понадобился бы, чтобы собрать хотя образчики содержанія главныхъ стойлъ въ авгіевыхъ коношняхъ нашего застоя, нашего литературнаго сыщинчества, наускиваныя всякаго рода, то становыхъ на литераторовъ, то "цатріотовъ своего отечества" поочередно на всё его окранны, то мяснямовъ на учащихся; собрать изверженія всёхъ этихъ развратниковъ мысли, которые протявъ одного женскаго труда понацисали болёе мерзостей, чъмъ когда-либо могло быть сдёлано въ любомъ ненавистномъ ниъ фаланстеръ, вредныя пощлости всёхъ тъхъ отводчиковъ глазъ, которые кричали, что спасенье не въ успёхахъ развитія, а въ псевдоцатріотическомъ трепакъ и національной камаринской, съ ен роднымъ, народнымъ припъвомъ... Пусть бы кто нибудь попробовалъ дать намъ хрестоматію этихъ прелестей. Но нётъ, никакіе нервы не вынесутъ зловонія, сопряженнаго съ этой работой.

Итакъ, профессору Гусеву, когда онъ думаетъ поравить насъ приглашеніемъ указать, были ли помъщаемы въ теченіи послёднаго 20-ти-лётія какія-либо статьи, въ которыхъ отрицались бы преувеличенія новыхъ идей, мы отвётимъ опять вопросомъ: находилась ли либеральная журналистика въ такомъ положеніи, чтобы она была обязана и даже могла спокойно и равномърно выслушивать объ стороны; равномърно ли поставлены объ стороны въ самой нашей жизна? Г-нъ Цитовичъ остритъ въ одномъ мъстъ, что общины нѣтъ повода защищать (хотя въ дъйствительности для защатниковъ были поводы), потому что она защищена положеніемъ 19 февраля 1861 года (котораго пересмотръ требовался съ одной стороны, а потому и отвергался съ другой). Но съ большей справедливостью мы скажемъ, что очень многое изъ того, что́ въ печати впервые подвергалось—и то иносказательному—разсмотрѣнію, слишкомъ достаточно защищено положеніями разныхъ чиселъ и годовъ. Чего же лучше?

Правда, г. Гусевъ спеціально жалуется на то, что либеральная журналистика не выказывала полнаго безпристрастія при обсужденія такихъ вопросовъ, которые имѣютъ отношеніе къ религін; что въ ней не было "статей или замѣтокъ, въ которыхъ бы отрицались матеріалистическія и грубо-реалистическія иден и дѣлались сочувственныя указанія на религіозно-правственныя начала или, по крайней мѣрѣ, на противоположныя матеріализму и грубому реализму философскія тенстическія доктрины". Но вѣдь это только одинъ взъ примѣровъ, въ которомъ отражалось общее отношеніе либеральной журналистики къ борьбѣ новыхъ идей со старыми началами. Такъ какъ обѣ стороны не равноправны въ жизни, то не было никакого основанія къ оговоркамъ въ пользу той, которая и безъ того сильна фактически. Начать съ того, что выражать открыто сочувствія хотя бы только къ тенстической философіи, отрѣшенной оть догматовъ, журналистика не имѣда права; разбирать религіозные вопросы—тѣмъ менѣе.

Что касается матеріализна (съ которымъ грубый реализмъ вовсе не такъ неразрывно связанъ, какъ полагаетъ уважаемый нашъ оппонентъ), то онъ, въ числъ другихъ новыхъ ученій, могъ проникать въ руссиую печать только сквозь такіе узкіе фильтры, что казалось излишнимъ противопоставлять ему еще сочувственныя указавія на то, что само пользуется всякниъ покровительствомъ.

Профессоръ Гусевъ неправъ особенно въ одномъ: онъ не хотѣлъ принять въ разсчетъ мѣстныхъ условій; мы согласны, что при иныхъ условіяхъ его требованія были бы основательны; что научное безпристрастіе требуетъ указанія на всё недостатки новаго ученія, на всё нанболѣе успѣшныя новѣйшія возраженія его противниковъ. Но *тахъ* разсуждать можно только тогда, когда ничто внѣшнее не препятствуетъ договаривать главную свою мысль. Если же ся-то договорить нельзя, то кто же сочтетъ себя обязаннымъ еще ослаблять свое разсужденіе оговорками въ пользу противной стороны, которая вдобавокъ имѣетъ всё средства для откритой самозащиты?

Повторямъ еще, что между исходными точками г. Гусева и г. Цитовича-существенное различіе; первый прямо винить во всемъ матеріалистическую философію, въ которой видить причину развращенія. Стало быть, онъ долженъ признать, что главными виновниками новвишаго развращения русскаго общества были все-таки тв ученые, которые распространили матеріалистическое воззрѣніе, а русская журналистика должна для него являться уже только на второмъ вланё обвенительнаго акта — въ качестве пособницы. Но г. Цитовичь не ръшается идти противь ученыхь, онь не ръшается даже прямо осудеть матеріалистическое ученіе; рёшимости у негохватаеть единственно настолько, насколько нужно, чтобы взвалить все на плечи русской журналистикѣ. По его отзыву (брошора вторая, посвященная намъ), послёдніе выводы науки, которыми питали н петають русскую публику, не были подлинными, а поддъланными"; "зам'ячательные представителя всей науки (это, зам'ятимъ, касается и матеріалистовъ) собствению неповинны въ нашей отечественной кутерьмъ". Вотъ почему у г. Цятовича русская журналистика, которая развратные общество не матеріализномъ, а выводами домашняго изготовленія", и является главной виновницей. Г-из Гусевъ поступниъ, пожалуй, еще неосмотрительно, выступнвъ на защиту г. Цитовича. Извёстно ли ему съ достовёрностью, кого онъ защищаеть? Выть ножеть, г. Цитовнчь безусловно согласень съ подлинными "послёдними выводами" Фейербаха, Дарвина и Карла Маркса, а ополчается только на искажение ихъ русской журналистикой? По крайней ибрё, онь ничёмь не заявиль себя приверженцень тёхь уважаемыхъ нами върованій, которыхъ поборникомъ выступаеть г. Гу-

809

севъ. Въ темъ-то и дёло, что г. Цитовичъ---иеуловимъ; онъ скользитъ въ рукѣ, и потому г. Гусевъ, незамѣтно для самого себя, очутился въ оригинальномъ положении: онъ предпринялъ одновременно и борьбу съ Фейербахомъ, Дарвиномъ, и защиту г-на Цитовича, который ни въ чемъ не винитъ ни Фейербаха, ни Дарвина, и даже, повидимому, сожалѣетъ, что русская нублика питалась не прямо ихъ произведениями.

Окончнить нашу бесёду съ автороить книги "Натуралисть Уоллест" замѣчаніемъ по существу его взгляда на причину "уродливыхъ явленій въ жизни нашихъ интеллигентныхъ классовъ". Онъ указываетъ ее въ развити новъйщихъ матеріалистическихъ ндей, которыхъ неизбъжное послёдствіе, при логичномъ примёненін, -- утрата распознанія добра со вломъ. Какъ ин дурно жить, но если не утрачены религіозныя върованія, не замёнены матеріалистической доктриной, то человёкъ все-таки не безнадеженъ въ моральномъ отношения: "положеніе діль еще не такъ ужасно, когда люди живуть безиравственно, но однакожъ сохраняють сознание ненормальности своей жизни". Но безнадежно то положение, когда "дурныя явления не только существують, но и возводятся въ норму, въ принцинъ". Мы не моженъ, да и не хотниъ спорить съ г. Гусевынъ въ защиту натеріализна; ны не о немъ веденъ рёчь, а о роди русской журналистики. Воть вочему для насъ всякіе реальные факты, хотя бы простыя числя, важаве всякихъ догадокъ о внутреннихъ правственныхъ свойствахъ ученія. Къ какому періоду, въ настоящемъ снорѣ, относится развращеніе русскихъ интеллигентныхъ людей и приведеніе ихъ въ "безнадежное" состояние? Къ періоду, начавшемуся 1860 годомъ (1857-иъ по отзыву г. Цитовича, въ предисловія къ третьей брошорів). Не г. Гусевъ позволитъ намъ противопоставить его авторитету - авторитеть преосвященнаго Амеросія, епископа динтровскаго. Въ ричи, произнесенной въ Москвѣ 8-го марта, преосвященный сказалъ: "Въ послёднія полтораста лять наши вередовыя сословія увлонились оть цёлости православной вёры и правиль христіанской жизни и повлекли за собой простой народъ". Итакъ, "повреждение нравовъ" въ русскихъ интеллигентныхъ слояхъ гораздо древнёе, чёмъ полагаеть г. Гусевъ, и послёдній тридцатилётній періодъ вовсе не совдаль этого явленія. Между тёмъ, если поврежденіе совершалось въ продолжения полутораста лёть, то ужь изъ этого ясно, что современная русская либеральная журналистика не могла быть его виновницей, такъ какъ 150 лёть тому назадъ вообще инкакой журналистики у насъ не было, а были одни невинные "куранты", и тъма невъжества, въ которое мы были погружены за 150 лёть предъ сниъ, една на-

чала тогда разсваваться подъ свётомъ, внесеннымъ въ нашу жизнь Великимъ Петромъ.

Такъ какъ обращеніе къ намъ префессора Гусева въ послёднемъ его трудё побудило насъ космуться вновь обвиненій г. Цитовича, то будеть умёстно сказать при этомъ случаё нёсколько словъ о второй его брошюрё: "Объясненіе по поводу Внутренняго Обозрёнія ("Вёстникъ Европы", 12, 1878 г.)". Высказавъ разъ наше миёніе объ обвиненіяхъ, имъ предъявленныхъ на русскую журналистику, им мегли предоставить ему послёднее слово; затёмъ судьей должно было быть общество. Но, кстати, не мёшаеть намъ замётить одесскому профессору, что просторъ самозащиты долженъ же имёть границы; нельзя побивать противника, навязывая ему свои миёнія и присвоивая себё его взгляды. А такъ именно поступилъ съ нами г. Цитовичъ, что значительно охладило насъ къ продолженію бесёды съ нимъ о существё затронутаго имъ вопроса, т.-е. о миниомъ "поврежденіи нравовъ".

Во второй своей брошюрь г. Цитовичь позволиль себь даже нутку: онъ взялъ на себя защищать протист наст русскую нолодёжь! Онъ приписываеть намо такое положение: "итакъ, современные отцы не причемъ, непорочны вакъ агнцы, чисты вакъ годуби, и, кроих иолодежи, въ остальныхъ частяхъ общества все обстоитъ благополучно, какъ нельзя лучше". И этотъ взглядъ прицисывается намъ, усматривается въ разсужденія, которое все построено на мысли, что общество и семья не имвють права предъявлять въ молодёже такихъ требованій, которымъ ни малбйшимъ образомъ не удовлетворяють сами. Впрочемъ, самъ г. Цитовичъ тутъ же выписываеть наши слова, что ,учащаяся колодежь обывновенно бываеть выше и чище общества ("хорошо же оно!"-прибавляеть самъ г. Цетовнчъ) уже потому, что молодёжь вообще отзыечива въ влечениять благороднымъ, въ занятио идеями, которыя --каковы бы даже онё на были (?! г. Цитовича)-все таки оказывають на правственное существо человѣка болёе благотворное вліяніе, чёмъ житейскія дрязги, нажива и безсодержательныя наши увеселенія. Сверхъ того, молодёжь все-тави стоить близко къ наукв, которая можетъ только возвышать человёка", и т. д. Мы нарочно приводниъ цаъ своей статьи это мёсто такъ, какъ привелъ его г. Цитовичъ и сирашиваемъ, какое онъ имълъ право --- не скажемъ нравственное, но логическое, --- приписывать намъ, рядомъ же съ этой выпиской, мибніе: "итакъ, современные отцы непорочны, чисты какъ голуби, и, кромъ молодежи, все обстоить благополучно? Или те источники .мертвой

811

воды", которыми пользуется г. Цитовичъ, фатальнымъ образомъ разрушають логическій аппарать мышленія?

Г-нъ Цитовичъ позволилъ себъ утверждать, будто им перелагаенъ внну "съ больной головы на здоровую", т.-е. на молодёжь; увбрлеть, будто бы мы "слагаемъ на хрупкія плечи колодежи различныя безобразія, какихъ натворили другіе". Мы напоминали г. Цитовичу, что, по его же слованъ, "на аренъ свободной любви подвизаются прокуроры, адвоваты, чиновники всёхъ вёдомствъ и ранговъ", и завлочали, что, стало быть, уже по одному этому "обвиненія автора не могуть падать спеціально на молодёжь". Онъ же, сославшись на эте ивсто, приписываеть обвинение молодёжи намь саминь. Онъ говорить, что "у насъ ровно безъ всякаго повода привлечена молодёжь, какъ ultima ratio всего спора; но, съ другой стороны, на счеть молодежи выбълены отцы стараго и новаго затора, отцы криостной заправки, съ отцами выдёлки на источникахъ живой воды" (это у насъ-то!). Все наше разсуждение онъ сводитъ въ обвинению нами молодёжи: "однитъ словомъ, говоритъ онъ-, вездѣ молодежь, молодежь и молодежь". И затёмь укоризненно восклицаеть намь съ тремя подобающими знаками: "нѣтъ, не молодежь". Наконецъ, г. Цитовичъ уже прямо сочиняетъ тексты и приписываеть намъ, напр., такой отзывъ, что будто указываеныхъ имъ и допускаемыхъ нами явленій "въ остальномъ обществъ, кром'в молодежи, не встричалось и не встричается"; онъ цитуеть изъ насъ такія слова, которыя у насъ и не написаны.

Итакъ, всю вину свалили на молодёжь мы, а г. Цитовичъ ее противъ насъ защищаеть. Это недостойное профессорскаго званія (не говоря уже о нравственномъ призвани профессора) фокусничество все основано на слёдующей "штукъ": въ первой брошоръ г. Цитовнчъ подробно живописалъ, какъ русская журналистива портила молодёжь 60-хъ годовъ, "дётей 60-хъ годовъ", изъ которыхъ одни виослёдствін "пристроидись въ м'встамъ", а другихъ "нанвныхъ, исвреннихъ и неопытныхъ теченія уносять въ тюрьмы и ваторгу, въ родильные дома и на кладбище". Изъ этого живописанія, г. Цятовичь ни мало не исключаль молодёжи нынёшней: "ставши скоро отцами, тогдашнія дёти передали задачу своимъ дётямъ, эти своимъ и т. д. по нынюшний день; долго ли продлится такая пресиственность---сказать не умёю, но готовъ думать, что на нашъ вёкъ хватить". Далбе описывается въ настоящемъ времени нигилистка съ влассическими ен особенностями: мужская шанка, зеленоватый цвътъ лица, стриженые волосы и т. д., съ прибавленіемъ, что все это "совершалось и совершается" по послёднимъ выводамъ науки, рядомъ съ безправственнымъ отцомъ (изъ дътей 60-хъ годовъ, усвоив-

шихъ теорію полового подбера); указывается нолодая дёвушка, которая дёлаеть неднку соблазвительный вопрось, и т. д.

Разбирая объннения г. Цитовича им и допискали, что извинение грубости правовъ и правственной распущенности - худе-понятния словами вауки-встрёчалось и встрёчается среди полодежи, разунёя какъ молодежь 60-хъ годовъ, такъ и нынёшнюю; но что зрёлое общество и вся насса народа никакъ не была и не есть въ нравственномъ синслё выше молодежи: что молодежь всегда была и есть нравственно выше общества. Теперь г. Цитовичь, пользуясь твиъ, что иы допусками не въ видъ уступки ему, но для добросовъстнаго разбора его аргунентовъ, притворелся, будто онъ говорилъ только о нынёшнихь отцаль, о дётяхь 60-хь годовь, в о нолодежи никогда не поминаль, и обвинение на нее взвалили им, а онъ се защищаеть. Не забавная ли эта "ттука"? да развѣ, отвергая обвиненія г. Цитовича нротивъ журналистики за развращение иолодежи 60-хъ годовъ, им ногли разунать единотесние нолодежь нынашнов, какь она уваряеть; вёдь въ то вреня ся не было или она была въ пеленкахъ. Но затёмъ и въ ныибиней молодежи им допускали то же явленіе, но единственно въ той же ибру, какъ г. Цитовичъ обвиналь и эту молодежь, объясняя, что она преемственно приняла отъ своихъ отцовъ ту же задачу "отстанванія крёпостническихъ повадокъ лёни и половой распущенносте" новыми теоріями.

Значить ли это, что мы безъ всяваго повода привлекли иолодежь? Между тёмъ г. Цитовичъ теперь утверждаеть передз нами, что онъ "никогда не думаль и не думаеть обвинять молодежи", что его брошю ра направлена не противъ иолодежи, "а противъ отцовъ". Да вёдь и нынёшняя молодежь будеть отцами; вёдь это — вопросъ 10-и лёть; а увертка г. Цитовича—простое эсканотиравление словъ: описывая 60-е годы, онъ положительно обвиняль молодежь, послё журналистики конечно, которая ее развращала; а, обращаясь къ имиёшнимъ журналистамъ, принисываль имъ ту же роль, и современной колодежи принисиваль ту же самую преемственную задачу искать теорій для оправданія лёни и половой распущенности.

Мало того. Въ своемъ отвётё намъ, гдё онъ увёряетъ, что обвинили молодежь мы, а не онъ, г. Цитовичъ говоритъ о "коммунахъ, гдё занимаются наборомъ прокламацій", "о школахъ хитрой механики", "о женщинё съ револьверомъ въ рукё", "объ экстазё полового подбора въ оргіяхъ свельнаго грёха среди вольныхъ автонемныхъ общинъ", "о пріобщенной въ вою и гаму части учащейся молодежи, сбитой съ толку большой и малой прессой", о такихъ русскихъ женщинахъ, которыя "если и поселились на поляхъ Болгаріи, то уже никакъ не для больныхъ, а развё для вдоровыхъ, своихъ и чужнхъ", такихъ,

Томъ II.-Апрель, 1879.

52/24

которые "на поляхъ Волгарів не пали, но мадами (!) гдѣ попало"; н прибавляеть, что это были "жертвы фатальныя, какь и натери ихъ быля жертвы вечернія"; объявляеть прано, что "между вынёшними отцами и дётьми только возрасть", -- "но теорія правъ молодежи остается одна и таже"; что "отвывчивным объщають стать гимнависты и гимназистки"; что благодаря отчасти уставу 1863 года, отчасти поздивищимъ распоряжениямъ, среди "университетской молодежи спокойное и занятое большинство не имбеть средствъ и возкожности предупреждать свандалы меньшинства, держать въ уздъ эту буйную вольницу, дёйствующую впрочень безь нолнаго разунинія"; что среди "учащейся молодежи, на которую смотрять соровь сорововъ товарищей обоего пола съ высоты учебныхъ сканей", -начинается действіе:---, ревъ, топоть, свисть", и т. д.--, настоящая пляска ошалёвныхъ хлыстовъ", что молодель соблазняють исполвять незавидную роль безпокойныхъ животныхъ въ заношенномъ бваьв". Довольно, кажется. Или все это говорится г. Цитовичень объ отчахъ? Или только о молодежи 60-хъ годовъ? Но у него, кать нарочно, собраны всякія черты современности; даже о Болгарін уномануто, воторая въ 60-хъ годахъ была извёстна только славяно-ÖLIAND.

Весьма курьёзно еще слёдующее обстоятельство. Стараясь отбиться отъ нашихъ возраженій, г. Цитовичъ увёряетъ, что брошюра его была направлена противъ отцовъ, а не противъ молодёжи. А между тёмъ, въ вступленіи въ тому же отвёту онъ ссылается, въ утёшеніе себё, на такой фактъ: снова оказалось что "русскую публику" не слёдуетъ смѣшиватъ съ русской прессой. Стало быть, утёшеніе доставлено было г. Цитовичу изъ среды "отцовъ" или изъ среды "молодёжи?" Какъ же это странно! Отдѣланные г. Цитовичемъ отщи утѣшаютъ его, а молодёжь (нынѣ имъ защищаемая противъ насъ) его не утѣшаетъ.

Но фокусъ, совершённый г. Цитовичемъ въ полемикѣ съ нами таковъ, что пусть онъ извинитъ насъ, если мы ограничиися возстановленіемъ своихъ словъ, не вступая въ разборъ его возраженій намъ по вопросу, послужившему поводомъ къ этой полемикѣ.

Всё эти и подобные вопроси, носящіе на себё по пренмуществу общефилософскій и политическій характеръ, и наиболёв волнующіе читателя, доселё не отражаются въ какихъ-либо дальнёйшихъ успёхагь законодательства. А между тёмъ, законодательная работа, конечно, продолжается, и хотя она посвящена разрёшенію вопросовъ второстепенныхъ, однако на печати лежнуъ обязанность слёдить за ся шагами и въ этой скромной области. Одно изъ новёйшахъ законо-

дательныхъ улучшений касается проживающихъ въ Россіи — баптастовъ.

Ваптисты — одна изъ тёхъ протестантскихъ секть, которыя не имъють священства. Но характеристическая особенность бантитской севты въ томъ, что балтисты не допусвають врещенія дётей, а совершають крещеніе только надъ взрослыми. Они основываются на томъ, что Спаситель принялъ врещеніе когда ему минуло 30 лёть и что Іоаннъ Креститель крестилъ только взрослыхъ, и сверхъ этихъ священныхъ примъровъ на соображения, что крещение должно изображать правственное перерождение, которому должно предшествовать раскаяние. Сверхъ того, они требують, чтобы обрядъ крещенія совершался непремённо въ рёкё, по примёру самого установителя этого таниства. Причащение у нихъ совершается въ таконъ видъ, что "старшій" преломляеть хлъбъ, вкушаеть его и передаеть стоящему съ нимъ рядомъ брату, а тотъ передаетъ его слёдующему и т. д.; такниъ же образомъ они передаютъ другъ другу и вино. Миссіонеры избираются обществоить изъ достойныйшихъ, и когда миссіонерь успёль пріобрёсть полное довёріе общины, то онъ получаеть званіе старшины, причемъ однако требуется, чтобъ онъ выдержаль испытание изъ богословія и быль утвержденъ другимъ старшиною (Aelteste).

Баптисты соблюдають строгій надзорь всего духовнаго общества надъ важдымъ братомъ. Никто не допускается въ причащенію безъ предварительнаго признанія его достойнымъ отъ всего общества. Если вто изъ братьевъ питаетъ вражду въ кому-либо, то не допускается въ причащенію, пока не примирится съ врагомъ. Каждый братъ подлежитъ общему надзору; если вто-либо замѣтитъ другого въ небогоугодномъ образѣ жизни или безнравственномъ поступкѣ, то приводитъ увѣщевать виновнаго одинъ или въ сопровожденіи днухъ другихъ фленовъ общины, а въ случаѣ неудачи двукратнаго увѣщанія, виновный подвергается уже суду всей общины и лишается права пріобщаться, то-есть исключается изъ общины, на время до исправленія, или окончательно.

Бракъ у баптистовъ заключается съ согласія общины, и обрядъ его совершенно простъ: прочтеніе старшиной молитвы. Но хотя бракъ и не признается ими за таинство, однако разводъ не допускается; не допускается и бракъ съ иновърцами, исключая, если былъ совершёнъ до вступленія одного изъ супруговъ въ секту баптистовъ.

Всѣ баптисты твердо держатся за свой отличительный догматьврещеніе послѣ раскаянія. Въ остальномъ они допускають полную свободу въ толкованіи священнаго писанія. Вслѣдствіе того у нихъ является большое разнообразіе вѣрованій, и баптисты дѣлятся

на много толковъ. Въ 1849 году, на конференція въ Верлинѣ германскіе баптисты пробовали изложить нёкоторыя общія правила этихъ сектъ; изъ нихъ оказалось, что вообще баптисты не имѣють выработанной системы догматовъ. У германскихъ бантистовъ есть центральный органъ—конференція, собирающаяся въ Гамбур́гѣ разъ въ три года.

Двѣ главныя отрасли старинной бантистской секты существують именно въ Англін и въ Америкѣ; новѣйшія же ихъ развѣтвленія распространены въ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи. Первыя явились въ Англін въ XVI вѣкѣ, при Генрихѣ VIII и Елисаветѣ. Они подвергались преслѣдованіямъ, даже смертной казни; ссылка послужила къ подвленію ихъ въ англійской Америкѣ. При Вильгельмѣ III, они воспользовались актомъ о вѣротернимости 1689 года.

Въ половинъ XVII въка, балтисти нерешли въ Америку, и секта быстро тамъ распространилась. Главное дёленіе англійскихъ и американскихъ балтистовъ происходитъ по вопросу о предопредълении; но, сверхъ того, разныя отрасля бантизма представляють еще и другія особыя начала; такъ, среди free-will baptists есть и унитаріи, тоесть противники ученія о Троицѣ; пістисты, противники научнаго, догнатическаго богословія; скакуны, субботники. Впрочень, баптистскіе секты находятся въ постоянномъ движения: то соеденяются, то раздёляются, причемъ поводомъ служить сходство или различіе въ пониманін какого-либо текста. Для нёкотораго противодёйствія въ дробленін ихъ въ Англін еще въ 1813 году учредилось Baptists' Union. Въ Америкѣ баптисты много сдѣлали для уничтоженія рабства, распространения библин, учреждения разныхъ благотворительныхъ заведеній. Въ послёднее время, подъ названіемъ "дётей Господнихъ", они явились и въ странахъ европейскаго континента. Впервые они явились въ Гамбургѣ въ 1834 году. Съ 1851 года баптисти стали являться въ Вестфалін, Ганноверѣ, Гессенъ-Касселѣ, Нассау, Берлинѣ - преимущественно между ремесленниками. Въ Германія они подвергались полицейскимъ преслёдованіямъ: ихъ сажали въ тюрьми, подвергали штрафамъ; но съ 1854 года преслёдованія ослабёли, а въ 1858 г. явилась въ Германія полная въротерпимость. Распространеніе ихъ по главнымъ странамъ такое: въ Америкъ около 1¹/2 мил., въ Англіи около 200 тыс., въ Австраліи около 38 тыс., въ Азій 16 тыс.; въ Германи-5,818, въ Швеци-3,479, во Франци-700, въ Швейцаріи—127.

У насъ баптисты живутъ преимущественно въ волынской губерніи, куда они переселились изъ царства польскаго; число ихъ въ этой губерніи, по свёдёніямъ, которыя были доставлены лютеранскимъ духовенствомъ, въ 1865 году доходило до 3,000 душъ. По от-

вывамъ ивстныхъ административныхъ начальствъ, ученіе бантистовъ, въ своенъ примёненія въ жезни, проповёдуеть прежде всего христіанское смиреніе, любовь къ ближнему и повиновеніе властямъ; баптисти, живущіе въ волынской губернін, отличаются правственностью в трезвостью жизен. Въ половиев шестидесатыхъ годовъ, когда впервые возникло предположение о признания баптистовь особой дозволенной сектов, иёстныя начальства свидётельствовали, что на нихъ вовсе не поступало жалобъ; что всё споры между собой они ръшають общественнымъ судомъ, а вто ему не подчиняется, тоть у нихъ подлежить исключению изъ общены, но такяхъ примъ-. ровъ еще не представлялось. Ваптисты не скрывають своихъ убъяденій, и даже считають долгонь заявлять о нихъ и вразунлять находящихся, по ихъ мивнію, въ заблужденіи. Но духъ прозелитизна все-таки у нихъ развить слабо, и принятіе въ бантистскую общину обставлено нёвоторыми затрудненіями, а именно: согласіемъ общины и испытаниенъ желающаго, которое продолжается ибсколько ибсяпевь.

Но такъ какъ нёкоторая пропаганда все-таки происходила, причемъ баптисты вступали въ столкновение съ лютеранскимъ духовенствомъ, и такъ вакъ это духовенство становилось въ невозможность весть метрическія книги о баптистахъ, то оно-то главнымъ образомъ и ходатайствовало за признание баптистовъ отдёльною севтой. Справедливость требуеть признать, что въ ходатайстванъ лютеранскихъ консисторій и вообще и вмецкой колоніи у нась относятся всегда съ особеннымъ вниманіемъ. Достаточно напомнить, что школы трехъ нѣмецкихъ церквей въ Петербургъ пользуются правами правительственныхъ гемназій, хотя преподаваніе въ нихъ производять на нёмецкомъ языев. Можду твиъ наеъ въ самомъ Петербурге существують, такимъ образонъ, три нёмещкія гимназіи-независимо отъ училищъ и нёмецкаго университета, находящихся въ балтійскомъ край - въ варшавскоиъ университетѣ преподаваніе производять на русскомъ языкѣ, а въ гимназіякъ царства польскаго ученики подвергаются наказаніямъ за простой разговоръ на родномъ нъъ языкѣ. Это замѣчаніе, мемоходомъ, мы дёлаемъ вовсе не съ цёлью подавать мысль объ изгнаніи німецкаро азыка изъ дерігскаго университета, что, по нанему убъждению, было бы и несправедляво, и неволитично, ни даже съ цёлью предлагать какія-либо намёненія въ курсё петербургскихъ нёмецкихъ гимназій. Цёль наша-только въ тонъ, чтобы вапомнить, сколько протяворёчій въ существующей у нась практикъ вообще. Отивна мелочныхъ и безплодныхъ преслёдованій наъ-за языка въ школахъ парства польскаго могла бы сильно поддержать аримирательное настроеніе, возникшее уь польскомъ край. Да и дозволение хотя бы учредить въ варшавскомъ университетъ казедру исторіи польской литературы инсколько не повредило бы истинному единению того края съ Россією.

Что касается спеціальнаго вниманія, съ какимъ издавна удовлетворялись разныя ходатайства нёмецкой колоніи въ Петербургѣ, предпочтительно даже передъ желаніями "русской колоніи", то премёровъ можно бы привесть еще не малое число. Напоминить только, что нёмецкій клубъ въ Петербургѣ былъ дозволенъ, когда не существовало даже клуба русскихъ чиновниковъ; что уже болѣе 15 лѣтъ существуетъ общество нёмецкихъ рабочихъ "Пальма", имѣющее нассу вспоможенія, устраивающее лекціи, вечера, хоровое пѣніе, однимъ словомъ, такое общество, котораго не могутъ имѣть русскіе литераторы; "обѣдн" русскихъ литераторовъ и ученыхъ въ Петербургѣ принуждены скитаться по трактирамъ, и И. С. Тургеневъ предсѣдательствовалъ на одномъ изъ этихъ обѣдовъ—у Борела!

Но возвратимся къ ходатайству лютеранской консистория въ пользу баптистовъ. Оно было уважено, сдёланы были необходними сношенія, и уже въ 1869 году составленъ былъ проекть правилъ о баптистахъ. Но проектъ этотъ въ свое время не прошелъ потому собственно, что возникло сомивніе, не находятся ли среди баптистской секты, проникшей въ Россію, такіе толки, которые отвергаля бы ношение оружия, а стало быть и военскую повинность. Затёмъ ходатайство о признания баптистской секты было возобновлено уже саними бантистами и притомъ живущими въ Саратовской губернія; но мёстное начальство высказалось противъ признанія секты, онасаясь, что вслёдствіе такого признанія усилится ея пропаганда. Навонець, вопрось возобновился вслёдствіе затрудненій, встрёченныхъ въ Бессарабіи при составленія призывныхъ списковъ для исполненія воннской повинности. Списки эти, какъ извёстно, составляются на основанія метрическихъ выписей изъ церковныхъ книгъ. А такъ какъ баптисты отвергають крещеніе младенцевь и уклоняются оть сношеній съ лютеранскими пасторами, то существующій порядовъ оказался въ нимъ непримённимымъ.

Поэтому явилась необходимость установленія особаго метрическаго порядка для баптистовъ. Предположено было сперва приравнять ихъ къ раскольникамъ, т.-е. подчинить ихъ правиламъ 19-го апрѣля 1874 года о метрическихъ книгахъ для раскольниковъ. Но эта мысль была потомъ отвергнута на томъ основанія, что "такое сопоставленіе сектаторовъ протестантской церкви съ раскольниками, отпавшими отъ церкви господствующей, могло бы подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ". По этому соображенію, предположены особыя правила о метрическихъ записяхъ для баптистовъ, которыя,

XPOHNKA. ---- BHJTPEHHEE OBOSPBHIE.

впрочекъ, тёмъ тольво въ сущности и будутъ отличаться отъ правиль, установленныхь для раскольниковь, что инбють видь отдёльныхъ правняъ для баптисторъ-сектантовъ протестантизиа, а не общихъ правиль для нихъ виёстё съ сектантами, отпавшими отъ православія. Какъ слышно, проекть закона по этому предмоту въ прошломъ ивсяце быль уже одобрень въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и вотъ его сущность: баптистанъ предоставляется безпрепятственное исповёданіе яхъ ученія и отправленіе обрядовъ въ донахъ, отведенныхъ ниъ для этого съ разрёшенія губернаторовъ; наставники или старшини бантистовъ могутъ отиравлять свою должность по утверждение ихъ въ этомъ звании губернаторами; если они-иностранцы, то на время пребыванія въ Россіи приносять присягу върности службы; истрическія записи браковъ, рожденія и смерти бантистовъ ведутся изстными гражданскими властями. Сверхъ того, предиоложено впослёдствія выработать одно общее узаконеніе о различныхъ протестантскихъ сектахъ, являющихся въ Россін и о метрическихъ записяхъ для лицъ, къ никъ принадлежащихъ.

Мы можемь только привётствовать этоть акть религіозной теринности, но вийстё съ тёмъ, мы обязаны разъяснить сущность того вида вёротернимости, который проявляется въ этомъ актё, какъ и во всемъ нашемъ завонодательствъ доселъ. Съ точки зрънія принцила въ новоиъ актё нёть никакого успёха законодательства. Нашъ законъ никогда не предпринималь охранать цёлость существующихъ въ имперіи инов'врныхъ церквей. Онъ предоставляетъ гражданское полноправіе и свободу богослуженія католикань, протестантань, нагометанамъ, евреямъ, даже язычникамъ, но никогда не предприниналь охранать какое-либо иновёріе оть расноловь; онь бевразлично относится въ католикамъ, признающимъ догматъ непоррёшимости и вепризнающимъ этотъ догматъ, въ лютеранамъ, кальвинистамъ, реформатамъ, меннонитамъ и другимъ подраздёленіямъ протестантезна; въ суннитать в шінтать въ нагопотанстве, въ разлечнымъ толкамъ еврейства. Если какой-либо толкъ, возникшій среди иновърія, еще не признанъ въ нашемъ законъ правоспособнымъ, то только нотому, что законъ не успълз еще выразить своего признанія, что не было повода или случая выразить такое признание.

Но совершенно иначе относился и относится доселё законъ къ русскому расколу, къ сектамъ, отпавшимъ отъ православія; по отношенію къ нимъ онъ врямо задается цёлью клерикальною-охранать цёлость господствующей церкви. А потому, онъ доселё не признаетъ раскола, а относится къ его развётвленіямъ какъ къ злу, съ которинъ слёдуетъ бороться, различая только свои запретительныя или отраничительныя вёры по свойству раскояьничьихъ ученій, признавая 820

однѣ русскія секты болёе вредними, другія менёе вредными. Итекъ, крайная уступка закона по отношенно къ какой-либе русской сектѣ есть только нёкоторое смягченіе ограничительныхъ мёръ, какъ къ "менёе вредной".

Обращаемъ спеціально вниманіе нечтеннаго профессора Барсова, который въ недавно изданной имъ книгё опровергалъ наше положеніе, что русскій законъ доселё во многомъ имѣетъ характеръ клерикальный, на то различеніе, которое выше приведено нами какъ мотивъ выработанныхъ нынё отдёльныхъ правилъ для бантистовъ; а именно, что "сопоставленіе сектаторевъ протестантской церкви съ раскольниками, отпавшими отъ церкви господствующей, могло бы подать новодъ ко многимъ недоразумёніямъ", а потому оказывается нежелательнымъ даже въ такой совершенно безравличной вещи какъ общее правило отнесительно веденія метрическихъ книгъ.

Итакъ, нослё того какъ нынённый проекть закона получить высную санацію, баптисты въ Россін будуть свободно отправлять свое богослужение, проповёдники ихъ будуть утверждаться въ этонъ званів губерналорами, и бацтисть будеть во всёхь отношеніяхь равноправенъ съ лютеранниомъ и съ православнимъ. Бантисть получитъ право государственной службы, онъ можетъ со времененъ сдёлаться дивизіоннымъ и корпуснымъ командиромъ, даже министромъ. Вёдь минстры-лютеране нер'ядко у насъ бывали, а бантистовъ законъ хёлаеть вполнё равноправными съ лютеранами и православными. Ми не ноженъ не сочувствовать этому авту въротерниности, какъ акту вполнё либеральному, внушенному заботливостью о бытё хотя бы 3-хъ тысячъ нашихъ согражданъ-балтистовъ, проживающихъ въ волынской губернін. Но вийстё са тёмъ всё ин знаемь, и напрасно стали бы умалчивать и такой факть, что 10-15 миллоновь нашихь же сограждань, русскихъ расвольниковъ, стёснены въ самонъ исповёданія своей вёры, за которое, какъ за наружное ся оказательство", установлены въ завонъ кары; ограничены въ самонъ правъ богослужения, такъ какъ не нибють права строить новыхъ коледенъ, не могуть ходатайствовать о разрённение на то губернаторовь, какъ могуть теперь баптисты; что не только наставники молоканъ или духоборцевъ, признаваемыхъ селтами болье вредными, но хотя бы архіевископы безпеновцевь не могуть бынь, подобно пропов'єднякамъ бантязма, утверждаемы въ своемъ званін губернаторами, на ляже назывели въ оффиціальновъ декументі иначе какъ лже-нонами, лже-архіепископами, и самое пребываніе них въ Москві, Ярославла в въ другихъ городахъ зависить тольно. отъ допускаемаго, независямо отъ закона, послабленія. Мы виолий почных вабетли-ROOTS SAROHA O 3/22 MAN 5-TH THEOTAKE HENCEKERE GAUTHEROPE: BO

ХРОНИКА. --- ВНУТРИНИЕВ ОВОЗРЪНИЕ.

утёнаемъ себя мыслыю, что дояжна же скоро настать очередь и для обезпеченія 10—15 милліоновъ русскихъ сектантовъ гражданской равноправности и основныхъ условій придическаго благосостоянія.

Шесть ведёль, проведенных Иваномъ Сергеевиченъ Тургеневыть въ Москвё и Петербургь, составние свътлую страницу не только въ его жизни, но и из исторіи самого нашего общества за нослёдніе дни; это быль какой-то торжественный праздникь, сопровождавшійся самыни искреннями, задушевными выраженіями симпатін и въ личности Тургенева, со стороны внавшихъ его скольконибудь близко, и въ его высокому общественному значению, пріобрётенному имъ одною силою литературнаго таланта-со всёхъ сторонъ. Мы нивемъ причины нисколько не удивлаться первому обстоятельству, такъ какъ считаемъ себя въ числё знающихъ Тургенева лично; для насъ неудивительно и то, что въ двательности Тургенева одбанвають не одну великую силу его таланта, но также и общественныя заслуги его чисто-литературной деятельности, съ нею связывають воспоменанія объ успёхахь нашей общественной жезне, и усматривають при этомъ отношенія причины въ слёдствію; все это давно комментировалось въ литературныхъ кружкахъ, органахъ печати, но еще никогда не выражалось съ такою силою и непосредственностью самемъ обществовъ въ массъ. Нынвшній разъ общество вакъ-бы воспользовалось рёдкою для него возможностью, безъ нашего посредничества, высказать прямо. Тургеневу свой вяглядъ на значение его литературной двятельности, и твиъ самынь придало этому значению еще болёе общественный характерь. Театръ, гдъ давались его пьесы, литературные вечера, гдъ онъ самъ читаль небольшіе разсказы изъ "Записокъ Охотника", об'яды, на которые онь быль приглашаень, -- все служило обществу средствонь для независимой оцёнки писателя, именень котораго наполнень быль періодь болёе, чёхь тридцати лёть; однимь словомь, публика не пропусвала ни одного случая выразить самую горячую симпатію Тургеневу. Вышло такъ, что вынёшній разь какъ-будто печать шла за обществоиъ, а не напборотъ; по поводу возвращения Тургенева . изъ Москвы, обычный еженийсячный об'ядь петербургскихъ профессоровъ и литераторовъ устроенъ былъ раньше срока, 13-го марта, и этоть объдъ самъ собою превратился въ Тургеневскій объдъ.

Подробности этого обёда были своевременно разсказаны въ газетахъ, и все же онё даютъ далеко не полное понятіе о прекрасномъ характерё праздника, который, за исключеніемъ не болёе, какъ одного замёчательнаго во себё зиязода, былъ самымъ вёрнымъ отра-

821

женіемъ преобладавшей въ ту минуту общественной мысли и общественнаго чувства.

Даже саный этоть энизодь послужиль новымь поводомь къ одушевленной демонстрація со стороны огромнаго большинства представителей печати противъ лицъ, неискусно взявшихся за неблагодарное дёло-подвергнуть искусу Тургенева: "Сважите же телерь - завлочнаъ одинъ ораторъ свое обращение въ нему - какой же вашь идеаль? говорите!"-и, не дождавшись отвёта, отвернулся и пошель прочь. Тэна, очевидно, древняя-народія на великую историческую сцену: "рцы убо намъ, достойно ли есть дати винсонъ Кесареви, лля ни",---съ присоединеніенъ къ фарисейству мимики Пилата, задавшаго вопрось и не дождавшагося отвёта. И. С. Тургеневь успёль дать отвёть, но этоть отвёть могь быть только видёнь находившимися вблизи, такъ какъ отвётъ былъ безъ словъ: Тургеневъ опустилъ низко годову и развелъ руками. Правда, что туть ничего и не оставалось, какъ развести рукама; но общество было менее терпаливо, и со всяхъ сторонъ раздались восклицанія, обращенныя къ Тургеневу: "не говорите! знаемъ!" Чей-то голось попытался-было взять сторону того оратора: "нёть, вы не знаете!" -- но быль заглунень новыми восклецаніями. Тёмъ и кончился этоть характерный энизодъ, въ противность ожиданіямъ оратора, разсчитывавшаго совсёмъ на другой эффекть: если-моль Тургоновь промолчить, то тёмь самымь признается, что никакихъ у него идеаловъ нётъ, и покроется стыдомъ; а онъ навърное промолчить, по той же причина, по которой, напримаръ, ему трудно было бы ръшиться на взданіе своего "Дневника Писателя", въ подражание г-ну Достоевскому,-хотя, по нашему мнѣнию, Тургенева удерживаеть отъ этой счастливой мысли вовсе не то, чтобы онь могь опасаться неуспёха. Мы остановились на этомъ эпизодѣ долёе, чёнь онь, быть ножеть, заслуживаеть того, главнымъ обравоиъ съ цёлью пожелать, чтобы въ будущемъ наша печать продолжала собою то единодушие, которымъ она отличалась на Тургеневскомъ оббдё, а не тотъ расколъ и раздоръ, сбия которыхъ попитались бросить и тогда - съ ревностью, достойною лучшаго дёла.

Первымъ на объдѣ сказалъ ръчь В. Д. Спасовичъ; первый заздравный тостъ былъ произнесенъ Н. И. Костомаровымъ. Вотъ текстъ рѣчи В. Д. Спасовича:

"Дорогой нашъ гость, Иванъ Сергбевнчъ! Если въ той жизни, которую вы себё устроили вдали отъ насъ, на Западё, вамъ могла придти тягостная мысль — не та, что васъ менёе поминають (не поминать васъ нельзя: вы записались въ исторію и притомъ въ самоважнёйшую ся часть — въ исторію идей въ Россій), но та, будто вы женёе любимы, будто поколёніе, народившееся уже въ то время, когда

вы окончательно переселнись на Западъ, относится въ вамъ менёе сердечно, будто оно чуждается вась, то вась, я думаю, убёднло въ совершенно противномъ переживаемое вами въ двъ последнія недъля. Вашъ теперешній прівздъ въ Россію сопровождался иногнин для васъ неожиданностями. Вы бывали окружены, но это не была свита, которая всегда и везд'в сопровождаеть лицо мощное, выдающееся, всяваго потентата по власти, потентата по таланту. Такой вортежь - и весьна иногочисленный - изъ друзей, сторонниковъ, учениковъ могля вы всегда имъть, я притокъ вортежъ многочисленный. Но дело въ томъ, что куда вы ни обращались – толпы незнаемыхъ людей стояли на вашей дорогѣ, къ вамъ простирались незнаемыя руки; когда вы появлялись въ собраніяхъ, публика, какъ-бы по внезапному побуждению, вставала, чествуя васъ, какъ умфеть чествовать только вольный, самосознающій народъ своихъ именитыхъ гражданъ, излюбленнъйшихъ изъ своихъ сыновъ. Въ прісит, оказываемомъ вамъ, была еще и та особенность, что усерднайшимъ образомъ участвовали въ сплетаніи вамъ вънковъ два разряда людей, которыхъ вы могли не безосновательно считать ващими непримиримыми противниками. Въ теченін вашей литературной дівятельности вы, европеець, много стрёль каленыхъ пустили и самыми ёдвими сарказмами преслёдовали русскій шовинизмъ, увлечевія народнаго самомнёнія, народную исключительность, а нежду твиъ - васъ горячо привътствовали въ Москвъ славянофилы. Вы не щадили и молодежи отрезвляющихъ словъ. Въ "Отцахъ и Двтяхъ", въ "Нови" вы двлали прижиганія, какъ-бы лаписомъ, по больнымъ мёстамъ рукою искуснаго хирурга --- и, несмотря на то, эта молодежь писала вамъ адреси, готова была нести вась на рукахъ. Можетъ ошибаться эта молодежь и въ постановкъ цълей, и въ выборъ средствъ, — въ одномъ только ся инстинать непогрѣшимъ: въ распознавании съ-разу, вто ся другъ,--кто недругъ. Наконецъ, всего болве удивляетъ въ пріемв, оказываемонъ ванъ, то, что дълается онъ вовсе не для дъятеля политическаго и что, слёдовательно, къ нему не примёшиваются никакія страсти полетическія, что эти оваціи не содержать въ себѣ никакнхъ манифестацій, нивакихъ протестовъ противъ чего бы то ни было; что отдается просто и безъ всякихъ заднихъ мыслей дань тому, что велико, что славно и честно, — дань одинавово достойная и съ точки зрвнія чествуемаго, и съ точки зрвнія чествующаго, потому что ве хорошъ тотъ народъ, что поблаеть своихъ унственныхъ во-SATUXS, HIH JASC OTS HUXS OTBODAVEBACTCS, A XODOM'S TOTS, BTO унветь ихъ цвинть и поднимать на свой щить. Вы, Иванъ Сергъювачъ, нивогда не была человъвонъ политичесвимъ, ваше честолюбіе было инос, — оно было повыше. Ваше имя не принадлежить въ разряду тёхъ, которые ногуть быть отдёляемы отъ носящихъ ихъ субъектовъ, которые прибиваются гвоздами къ древку и обносятся потомъ какъ знамя, или гремятъ, какъ лозуніъ въ ожесточенной борьб'я партій, хотя бы носители этихъ именъ уже сощли со сцены въ погилу, или хотя и не умерли, но превратились въ живна мощи, въ символы движенія. Въ васъ мы привётствуемъ художника, одного только художника, но, кроих того, и живое лицо въ полной снив дарования. Я не могу не упенануть о тонъ, что въ звучащенъ

въ вашу честь акнордъ слышатся многія ноты, я не могу не разобрать, какія онё, и которая изъ нихъ будетъ посильнёе. Звучить, конечно, въ этомъ аккордъ нота заслуги --- но заслуженныхъ людей есть не мало на Руси. Звучить еще и другая нота - глубовое уважение въ ваниему характеру, къ тому, что вы не были никогда ретроградомъ, - къ постоянству вашихъ убъяденій; но я долженъ заивтить, что и такихъ людей найдется у насъ малая толика, которые не мёняли своихъ убёжденій и не были похожи на флюгера на прышахъ. Но главная нота не та. Въ прісмахъ, дѣласмыхъ вамъ, сказывается еще чувство несравненно менње высокое, но болње реальное,--чувство, если хотите, своекорыстное, которое можно выразить такъ: вы намъ пригодны, вы намъ полезны, вы намъ нужны, Иванъ Сергбевичъ! Вы сами то, чёмъ вы назвали недавно при мий ващего друга, наститаго представителя французской демократіи, Виктора Гюго: "une force naturelle enorme"-- огромная природная снла. Вы сами такая природная сила, могучая, неистощимая, - на вась не дъйствуютъ года. Но именно потому, что вы такая живая сила, отъ котораго ин иногаго можемъ ожидать, позвольте инв, Иванъ Сергвевичь, повести разговорь на чистоту, съ полною откровенностью, раснахнуться и высказать вамъ не одни только любезности, но и наши упреки, - но и наши къ вамъ претензіи. Вы догадываетесь, какого предмета я касаюсь,---я разумбю тоть заровь, который вы наложнан на ваше перо въ мннуту – не знаю – утомленія или досады. Есля это утомленіе — то оно состояніе преходящее, если это досала — то вы могли убъдиться, что по поводу вашего послёднаго произведения раздавались только голоса, воторые не могуть не раздаваться при появлени всякаго замъчательнаго произведения. Мы люди вольные, или, но крайней мёрё, пріучающіеся быть свободными, привыкаемъ выслушивать всякаго рода голоса. Позвольте отъ вашего недостаточно мотявированнаго рёшенія аппелировать въ вамъ же, Иванъ Сергъевичъ. Заровъ долженъ быть снять, какъ мнъ кажется, по слёдующимъ причинамъ.

"Бывають и въ политикъ, и въ литературъ отставка и отставка: не всякая отставка морально возможна, не всякая своевременна. Я понемаю такую отставку, какъ — Дюфора. Послѣ борьбы не на животь, а на смерть, одержана полнайшая побада, враги раздавлены, вырвано имъ жало,-и удаляется старинъ, говоря: "дъти, доканчивайте сами остальное". Если бы то быль Тьеръ, то онъ бы продолжаль; но удаляющійся только умомь додумался до необходимости много строя вещей, въ которомъ онъ многому и не сочурствуетъ, по прежнимъ старымъ привычкамъ. Я понимаю и отставву художникапоэта. Когда-то онъ владълъ вполнё струвами своей лири, теверь рука дрожить и извлекаеть дребезжащие звуки, --- онь и передлеть свою ляру вовому, подающему надежды пёвцу, въ полной увёренности, что она не останется безгласною. Тавъ передаль триста лють тому вазадъ свою "славянскию дютню" Николай Рай величайшену до Мицкевича польскому поэту - Яну Кохановскому. Зная, Иванъ Сергеленчь, какъ мало въ васъ себялюбія, зная, что въ васъ нёть ни капли зависти, что сами вы старались выводить новые таланты и LABAIN MNT BCOLLA CRODEC CIMMEONT BUCCEVED, HOROIN HUSEVED OUTHER,

потому что всякниъ новымъ замысломъ поэтическимъ васъ можно. было подкупить, хотя бы ваныслу не отв'ечало исполнение, я утверждаю, что если бы явился новый великій поэть грядущій-нельзя сказать, чтобы часмый, но горячо всёми нами желасмый-то вы бы первый благословили его на путь. Но сообразите, Иванъ Сергѣевичъ, возможно ли подобное рукоположение поэтическое? Оно бываеть въ спокойныя минуты, среди яснаго дня, при свётё восшедшихь свётиль. Таково ли настоящее время? Нёгь, не таково: кругомъ глухая ночь 1), на часахъ нашей общественной жизни стойть часъ полуночный, пора всякихъ искушений, соблазновъ и падений, въ воздухъ такъ и носится отречение Петрово, а п'ятухъ не скоро еще пропостъ. И тошно намъ, потому что у насъ вакъ-будто живого дбла вовсе нътъ. Кругомъ все не устроено, - но ничто не строится, и опускаются руки вслёдствіе какой-то невольной забастовки. Въ эти тажелыя импуты невыразимо-томительной неизвёстности, не время разсыпаться и отходить на покой, надо держаться вкупѣ - н, по чувству самосохраненія, общество группируется вокругь тіхь, у кого чувства острію. Оно вноилеть тому, вто, приникнувъ чуткимъ ухомъ въ вемлё, съумбеть распознать далекій гуль наскакивающихь міровыхь событій, или тому, вто различить первыя полоски свёта, занимающагося зарею на востокв. Вы одарены этою способностью, у васъ зрвніе проницательное и върное, у васъ сердце откликающееся и чуткое. Кроив того, вы отличаетесь еще двумя необывновенно пенными для насъ способностями. Вы замѣчательно наблюдательный натуралисть: не успѣли еще сложиться нарождающиеся въ нашемъ обществъ новые типы,вы ихъ накалываете на булавки и предлагаете, чтобъ мы смотрёли, каковы мы въ самомъ дёлё? Въ то же время, вы - идеалисть: въ ваши произведенія входить всегда и занимаеть важное место тоть элементь, который называли прежде идеаломъ, безконечнымъ,---то невъдомое и непознаваемое, отръшенный отъ котораго человъкъ превращается въ ничтожество, безъ чего поэзіи нѣть, и жизнь сама становится непривлевательною. Вы изобразили въ "Нови"---въ стихахъ Нежданова-великаншу, вакъ она спить глубокниъ сномъ, "лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ". Мы по этой великаншѣ ползаемъ точно мурашки, - не намъ, конечно, ее пробудить, но можемъ же мы наблюдать, не начинають ли сокращаться ся мускулы, не раскроется ли роть, не выпрямятся ли ея члены. До этого момента, до этого если не самаго пробужденія, то признаковъ-предвозвъстниковъ пробужденія, никто не въ правѣ проситься на покой. Тогда только можно будеть повторить Симеоново: "нынв отпущаеши", -тогда только и вамъ, Иванъ Сергвевичъ, дозволено будетъ опочить".

Послё В. Д. Спасовича, обратился въ Тургеневу проф. Н. С. Таганцевъ съ краткой рёчью, гдё справедливо указалъ на воспитательное значеніе произведеній Тургенева; какъ его рёчь, тавъ и това-

¹⁾ Къ этому м'ясту р'ячи относится высказанное посл'я возражение И. С. Тургенева: "Нельзя назвать ночью то время, когда вишуть такие писатели, какъ Л. Толстой, Достоевский, Гончаровъ и др.".

востанкъ ввроны.

рищеское слово Д. В. Григоровича появились уже въ печати, а потому мы ограничнися пом'ящениемъ текста ричи другого Тургеневскаго современника, К. Д. Кавелина:

"Иванъ Сергъевичъ! Васъ привётствовали теперешніе люди. Позвольте привётствовать васъ отъ имени людей сороковыхъ годовъ.

"Всв высоко цвнять ваши таланты и заслуги; мы, люди сороковыхъ годовъ, гордимся въ васъ своимъ однонолчаниномъ, которому выпало на долю р'вдкое и завидное счастье - возстановить порванную и долгое время потерянную и забытую связь преданій въ интеллигентныхъ и культурныхъ слояхъ руссваго общества. Въ своихъ произведеніяхъ и больше всего въ безсмертной трилогіи: "Отцахъ и Детяхъ", "Дыме" и "Нови", вы доискались общей почвы разныхъ нашихъ поволёній и правдиво, съ вашимъ неподражаемымъ нскусствомъ, передали завётныя стремленія, надежды, думы, сомятнія, волебанья и скорби русскихъ культурныхъ людей нашего времени. Вы сдёлали насъ, людей сороковыхъ годовъ, понятными и сочувственными подростающимъ поколёніямъ, которыя недавно такъ горачо прив'ятствовали васъ въ Москвѣ. Благодаря вамъ, окончился у насъ разрывъ поколёній, надъ которымъ скорбно задумывались лучшіе русскіе люди. Живо помню, какъ я разъ засталь Грановскаго грустнымъ и разстроеннымъ; онъ только-что прочелъ біографію шведскаго историка Гейера. Между Гейероиз-отцоиз и Гейероиз-сыноиз была большая разница лёть, знаній, взглядовь, но оба любили и уважали другъ друга; оба стояли на одной почвъ и понимали это. А у насъ?-Враждебно, дико и злорадно смотрели отходящія поколёнія на новыхъ дёятелей; съ презрительнымъ равнодушіемъ глядёли эти на отходящихъ, пока не занимали ихъ мъста и, въ свою очередь, не обращались въ старое поколёніе, пренебрегаемое новымъ. Скорбно, одиново, тоскливо и безплодно прошла такъ жизнь многихъ руссвихъ поволёній, разрозненныхъ, безсильныхъ и забытыхъ. Какой туть быль возможень рость интеллигенція и культуры, накопленіе культурныхъ привычевъ, капитализація умственнаго труда? — Какъ въ безплодной степи, вътеръ приносилъ песокъ, который завтра сметался другимъ вѣтромъ и замѣнялся другимъ пескомъ. Благодаря вамъ, нарождающіеся дѣятели узнали себя въ дѣятеляхъ, сошедшихъ со сцены, дёти узнали и признали отцовъ, отцы-дётей.

"Пыю здоровье достойнъйшаго представителя мыслей и взглядовъ людей сороковыхъ годовъ, честнаго носителя тогдашняго знамени, талантливъйшаго истолкователя тогдашнихъ людей передъ новыми поколѣніями".

Первый тостъ, какъ мы сказали, былъ произнесенъ предъ тѣмъ Н. И. Костомаровымъ; послѣ краткаго, горячаго и задушевнаго привѣтствія, маститый профессоръ провозгласилъ тостъ "за безсмертіе произведеній Ивана Сергѣевича". Затѣмъ слѣдовали безчисленныя обращевія и тосты, между которыми обратилъ на себя вниманіе тостъ со стороны двухъ редакторовъ польскихъ газетъ изъ Варшавы, съ друже-

826

ственными пожеланіями, той нація, среди которой насрось таланть, подобный Тургеневу, этому всеславанскому писателю". Знаменательность этого тоста не требовала поясненій, и тость быль принять съ самыми восторженными рукоплесканіями. Пожелаемъ, чтобы сказанное редакторами польскихъ газеть какъ можно скорйе нашло себё возможность отголоска въ ихъ соотчичахъ; но пожелаемъ также, чтобы и мы, рукоплескавшіе, не позабыли своихъ рукоплесканій, и чтобы наши руки также вёрно и честно держали перо, когда имъ послё придется писать, какъ онё рукоплескали на этомъ памятномъ об'ёд'ё.

Видимо взволнованный всёмъ происходившимъ вокругъ него и но его новоду, И. С. Тургеневъ, вставъ и объленявъ коротко причину, побудившую его не надёлться въ такую минуту на свои силы, прочелъ слёдующее написанное имъ слово:

"Ми. Гг! Въ отвётъ на все слышанное мною, на всё эти горачія приветствія мив слёдовало бы только повторить то, что я сказаль неделю тому назадъ въ Москве участникамъ обеда, подобнаго сегодняшнему: благодарить невозможно-нбо где найти довольно сильныя выраженія? — Такіе часы не забываются до конца жизни; въ нихъ высшая награда для писатели, для всякаго общественнаго двателя. Но здёсь, въ Петербургё, въ виду многихъ монхъ товарищей и друзей, твхъ людей "сороковыхъ годовъ", о которыхъ такъ иного стали говорить въ послёднее время и сближение съ которыми, столь замётное въ рядахъ современной молодежи, составляеть событіе, --- событіе знаменательное, --- въ виду всёхъ васъ, гг., мий хочется подёляться съ ваме слёдующимъ, но истивё отраднымъ соображеніемъ. Что бы ни говорили о перерывѣ, будто бы совершившенся въ постепенномъ развитін нашей общественной жизни, о расколь между поколёніями, изъ которыхъ младшее не помнить в не признаёть старшаго, а старшее не понимаеть и тоже не признаеть младшаго,-что бы тамъ ни говорили большей частью непризванные судьи, -- есть однако область, въ которой эти поколёнія, по крайней мёрё въ большинствѣ, сходятся дружески; есть слова, есть мысли, которыя имъ одинавово дороги; есть стремленья, есть надежды, кото-рыя имъ общи; есть, наконецъ, идеалъ не отдаленный и не туманный, а опредбленный, осуществиный и можеть быть близкій, въ который они одинаково върять. Еще недавно, очень недавно нельзя было это сказать; но теперь это истина, это факть, видиный всякому непредубъжденному главу — и нынъшній объдъ одинъ изъ такихъ фактовъ.

"Мнѣ не для чего увазывать болѣе настойчивымъ образомъ на этотъ идеалъ; онъ понятенъ вамъ и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ общественной жизни. Говорящій въ эту минуту передъ вами написалъ, 16 лѣтъ тому назадъ, романъ: "Отцы и Дѣти". Въ то время онъ могъ только указать на рознь, господствовавшую тогда между поколѣніями; тогда еще не было почвы, на которой они могли сой-

тись. Эта почва теперь существуеть-осли еще не въ дъйствительности, то уже въ возможности; она является ясною глазамъ мыслителя. Напрасно стануть намъ указывать на нёкоторыя преступныя увдеченія. Явленія эти глубоко прискорбны; но видѣть въ нихъ выраженіе убѣжденій, присущихъ большинству нашей молодежи, было бы несправедливостью, жестовой и столь же преступной... Правительственныя сням, которыя заправляють и должны заправлять стяьбами нашего отечества, могуть еще скорбе и точнее, чемь ны сами, оцвинть все значение и весь смыслъ настоящаго, - скажу прямо: историческаго мгновенія. Оть нихъ, оть этихъ силъ зависить, чтобы всё сыновыя нашей великой семьи слились въ одно дбятельное, единодушное служение России, — той России, какою ее создала исторія, создало то прошедшее, къ которому должно правильно и мирно примкнуть будущее. А потому позвольте мий, человаку произеднаго, человёку 40-хъ годовъ, человёку старому, провозгласнть тость за молодость, за будущее, за счастливое и здравое развитие ся судебъ, н да совершатся наконецъ слова нашего великаго поэта, да вастанеть возможность каждому изъ насъ воскликнуть въ глубанѣ душя:

> "Въ надеждѣ славы и добра "Глядниъ впередъ мы безъ болзни!"

21-го марта, друзья и пріятели Тургенева провожали его на станціи варшавской желёзной дороги. Они стояли предъ нимъ такъ же, какъ стояла небольшая горсть друзей, провожавшая его около 25-ти лётъ тому назадъ, въ 1856 г., когда онъ, вскорё послё трехлётняго обязательнаго пребыванія въ деревнѣ, въ первый разъ ёхалъ заграницу--не съ тёмъ, чтобы учиться или путешествовать, какъ то бывало и прежде, но съ тёмъ, чтобы жить, и точно также окружавшіе его могли и тецерь повторять стихи, обращенные тогда къ Тургеневу провожавшимъ его поэтомъ:

> "Счастлявецы вза доступныхъ міру "Ти наслажденій взять умілть "Все, чімъ прекрасенъ нашъ удіять: "Богь далъ тебі свободу, лиру!..

Какъ Тургеневъ воспользовался этою "свободою" и своею "нерою" — въ теченій прошедшихъ съ того времени 25-ти лётъ — мы можемъ судить по непосредственному выраженію общественной мысли и чувства, какое ему довелось нынё испытать на себё; не иного лётъ осталось теперь до полустолётія его литературной дёятельности: половина второго двадцатипятилётія почти миновала; да позволить онъ нашему обществу ожидать новыхъ плодовъ его "свободы" и его "лиры".

<del>~~~~</del>

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

19/24 Mapra, 1879.

Изъ овщественной и парламентской жизни.

Всёмъ надойла политика, и поэтому на этотъ разъ я поговорю о другомъ. Я не обёщаюсь однако, что настоящее нисьмо будеть все посвящено вопросамъ и предметамъ, не касающимся политики, но послёдняя не будетъ въ немъ играть преобладающей роли; я займусь нашей общественной жизнью, нравами, литературой, искусствоить и театромъ, которыми, признаюсь, слишкомъ долго пренебрегалъ, и даже часто жаловался на безплодіе, господствующее въ этой области. Но если и посредственной или плохой почвё дадутъ нёкоторое время отдохнуть, то она приноситъ затёмъ сносную жатву; быть можетъ, такъ это будетъ и въ настоящемъ случаё.

Начну съ общественной жизни. Она играеть чрезвычайно важнур роль въ культурномъ развити страны. Извёстно, какое необыкновенное значеніе имѣли во всѣ времена салоны во Франціи и въ особенности въ Парижб. Довольно долгое время Берлинъ также славнися своими салонами, и въ нихъ, также какъ и во Франціи, царило остроуніе, хотя нёсколько иного рода. Эти салоны оттёснены на задній планъ новыми формами жизни: именно съ тёхъ поръ, какъ городъ разросся, сообщение въ немъ стало затрудинтельние; вслидствіе отдаленности разстояній, знакомые дона не могли уже такъ часто. какъ прежде, навъщать другъ друга, и потому пожелали вознаградить себя за рёдкость прісмовъ ихъ относительно большей пышностью. Затёмъ наступнять періодъ авціонерной горячки, когда роскошь и мотовство вытёснили всякія болёе благородныя наслажденія. Толим людей, разбогатёвшихъ въ началё вынёшняго десатилётія, придумывали, какъ бы побольше промотать денегъ, и бросали ихъ за окошко. Скороспёлые богачи соревновали другь передъ другомъ: вто составитъ болёе длинную обёденную карту и выставить болёе тонкія вина. Я знаваль одного молодого человёка, который также разбогатёль въ самое воротвое время и вотораго мнё случилось навёстить вскорё послё такой счастливой для него перемёны. Я пришель поутру по дёлу, которое им и уладнии черезъ нёсколько минуть, и юный банкирь пригласных меня позавтравать съ нимъ. Къ его дёловому пом'вщению примыкаль цёлый рядь великолёпныхь комнать; въ одной изъ нихъ быть накрыть столь на двёнадцать персонь, и стояло на вытяжку

Токъ П.-Апраль, 1879.

53/25

нёсколько слугь. Мы усёлись вдвоемъ за этоть столь, и онь объяваль мнё, что привыкъ завтракать за столомъ съ такой сервировкой. За годъ передъ тёмъ онъ былъ бы счастливъ-хотя онъ въ этомъ мнё не признался-сли бы могъ истратить на свой завтравъ одну марку. Извёстно, какъ быстро миновали эти времена. За опьянёніемъ послёдовало горькое похиёлье. Казалось, что благородный металль, въ такомъ изобилін находившійся въ продолженія двухъ, трехъ лівть, вдругъ пропалъ подобно мыльнымъ пузырямъ. Если передъ тёмъ говорили: золото валяются на улицахъ, сто́итъ только нагнуться, чтобы подобрать его,---то теперь ловали голову надъ твиъ: гдв би достать денегъ, потому что гдё-нибудь да онё должны быть, такъ вакь по всёмь правиламь логики, философіи и политической экономи изъ ничего и не создается, и вапиталь можеть только лережёщаться изъ однёхъ рукъ въ другія: одинъ потерялъ, другой долженъ выиграть. Только позднёе спохватились, что цённости, надъ воторыми спекулировали, были чисто фивтивныя. Времена становились годъ отъ году все хуже и хуже. Съ наступленіемъ каждаго года надвялись, что безденежью долженъ наступить конецъ, и положение дваъ измёнится въ лучшему. Виёсто того, происходило постоянно обратное, и каждый новый годъ не только не приносняъ переивны въ лучшему, но, напротивъ, положение дёлъ ухудшалось. Это и есть причина, сказать мимоходомъ, экономической реакціи, наступившей со всёхъ сторонъ. Эта реакція идеть вовсе не сверху, но изъ нёдръ санаго народа, в я по крайней мёрё убёждень, что характерь послёднихь диствій Висмарка обусловливается главнымъ образомъ политическимъ соображениемъ, что если онъ не постарается овладъть этипъ движеніень, то послёднее смететь его. Реакція политическая, какъ и экономическая, свирбиствуеть въ большей части Европы. Въ либеральной Швейцарін, наприм'йръ, проявилось весьма сильное реакціонное движеніе, требующее, между прочимъ, возстановленія смертной казни и ванона противъ ростовщивовъ, причемъ внимательные наблюдатели отнюдь не убъждены въ томъ, что этому движению не удастся выдти побрантелень.

Въ Германія, и въ особенности въ Пруссія, упадокъ промышленности тяжко отзывается на рабочихъ классахъ, а высшіе и средніе классы жестоко пострадали отъ потерь, которыя они понесли почти всё безъ исключенія. Вотъ причина, почему королевскій дворъ, который, какъ извёстно, служить образцомъ экономіи и хозяйственности, въ нынёшнемъ году имёеть нёсколько больше блеску, чёмъ обыкновенно. Императоръ, хотя здоровье его далеко не въ блестящемъ состояніи и самъ онъ не особенно склоненъ къ веселостямъ, приказалъ, чтобы обычныя придворныя празднества на масляницё шли своимъ чере-

донъ: высшее общество послёдовало этону примёру, и гораздо чаще устранвало у себя пріемы, чёмъ въ прошлые годы. Даже отдёльные несчастные случан не ившали праздникамъ, и если самъ императоръ и быль нездоровь - онь, какъ извёстно, поскользнулся недавно и причиниять себѣ поврежденіе, благодаря которому долго еще не будеть въ состояния выходить изъ своей комнаты-за то императрица. появлялась въ обществъ. Такъ-называемое придворное общество въ Берлине не такъ велико, не такъ блестяще и не такъ богато, какъ въ другихъ большихъ столицахъ. Я сомнёваюсь, чтобы набралось съ дожни знатныхъ фамилій, имбющихъ въ Берлинь свой дворецъ нин домъ и проживающихъ въ немъ зиму. Это обусловливается историческимъ развитіемъ Пруссін, которое шло такимъ образомъ, что дворянство всегда посвящало себя придворной и военной службы и при этонъ ръдко богатело. Мы нитемъ, следовательно, здёсь во главъ общества двухъ-трехъ медіатизированныхъ принцевъ, затвиъ иностранныхъ посланниковъ, нъсколько придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ и министровъ. Но изъ этихъ последнихъ только одинъ богать, а именно: сельскохозяйственный министрь Фриденталь; всв остальные живуть почти исключительно однимъ жалованьемъ и по возможности скромно. Министръ Фриденталь первый нарушилъ преграды, которыми ограждалось оффиціальное и знатное общество отъ журналистики. Онъ сначала сталъ приглашать на свои такъ-называемые парламентские вечера писателей и представителей печати, и съ той поры это вошло въ обычай, такъ что теперь почти не происходить такихъ собраній (разумбется, исключая частныхъ сборищъ, не им'вющихъ ничего общаго съ общественной жизнью), на которыхъ бы не участвовали представители берлинской прессы. Я считаю это за большой общественный прогрессъ, тёмъ болёе, что еще живо помню, на какой низкой общественной ступени стоями журналисты всего какихъ-нибудь лёть 25 тому назадъ, и какой жаркой борьбой и какимъ тяжкимъ трудомъ завоевали они себѣ это почетное положеніе. Совершенно справедливо, что во Франціи и въ Англіи въ этомъ отношенія сильно ушли впередъ; но въ этихъ странахъ конституціонная и парламентская жизнь гораздо старше, чёмъ въ Пруссін, гдѣ еще въ 1847 г. существовалъ полный абсолютизмъ. Виёстё съ повышениемъ общественнаго уровня писателей, вездѣ шло рука объ руку и улучшение ихъ финансоваго положения, и если бы писатели прежнихъ временъ могли взглянуть на своихъ потомковъ, то очень бы удивились тому, какъ они обставлены. Первый демократический шагъ въ тому сдёлало само пруссвое воролевство. Въ бёдственные для монархін годы послѣ битвы при Іенѣ, король Фридрихъ-Вильгельиъ III учредняъ впервые орденскій праздникъ, на который были

53*

приглашены всё тё, кто получили въ теченіи этого года орденъ или какое-нибудь отличіе, до курьеровъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ включительно — нововведеніе, которое тогда представлялось чёмъ-то неслыханнымъ!

Вы помните, быть можеть, небольшую картинку, изображающую комическую сцену, — какъ студенть или референдарій самъ чистить себѣ сапоги. Лакей въ богатой ливреѣ входить въ его небольшую комнатку и подаеть приглашеніе, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ старается спрятать сапоги за спиной, чтобы не разсмѣшить лакея. То же самое могло прежде случиться со иногныи, кому въ одинъ прекрасный день лакей принесъ бы пригласительный билеть съ обичной формулой, гласящей, что князь и княгиня Сундзе покорнѣйше просять почтить ихъ посѣщеніемъ. Я попытаюсь описать два-три такахъ собранія, и начну съ парламентскаго вечера у вышеупомянутаго министра сельскаго хозяйства. У Фриденталя есть свой собственный домъ, но онъ оставилъ его и переселился въ министерство сельскаго хозяйства на Лейпцигской площади, гдѣ его квартира расположена въ первомъ этажѣ. Она отдѣлана очень богато, но съ большимъ вкусомъ.

Министръ всегда былъ любителенъ картинъ и мебели во вкусв роково, такъ что посттителямъ его салоновъ есть чёмъ полюбоваться. По здёшнему обывновению, гостей "просять пожаловать" къ 9-ти часамъ вечера. Въ четверть или въ половинъ десятаго гости начинають събажаться. Министръ и его жена — единственная дама, присутствующая на этихъ вечерахъ — стоять въ первой пріемной и встрёчають гостей, подавая каждому руку, такъ какъ обычай жать руку сталь повсемёстнымь. Здёсь встрёчаешь депутатовь всёхь партій, за исключеніенъ соціаль-демократовъ, которые не хотять имѣть ничего общаго съ вапиталистами, министровъ, офицеровъ, чиновниковъ министерства и много лицъ, съ которыми министръ приходитъ въ соприкосновение по дёлу, художниковъ, ученыхъ, писателей. Въ продолжение получаса идуть самые оживленные разговоры; каждый розыскиваеть своихъ знакомыхъ и обивнивается съ ними нёсколькими словами, заводятся новыя знакомства, пока, наконецъ, не растворатся двери въ столовую. Эта послёдняя-большая зала, очень просто, но изящно отдёланная, съ стёнами подъ мраморъ и барельефами, изображающими аттрибуты сельскаго хозяйства. Здёсь на длинныхъ столахъ разставлены яства въ изобилін, а также и въ прилегающихъ небольшихъ покояхъ-на маленькихъ столикахъ, такъ что все общество размѣщается за ними, хотя ему и приходится потёсниться. Прислуга разносить кушанье, мёняеть тарелки и т. д. Пьють бълое и врасное французское вино, пиво — у министра Фри-

денталя въ его имѣнін есть большая пивоварня, приготовляющая превосходное пиво — и шампанское. Трапеза длится полчаса, тричетверти часа, разговоры становятся все громче и громче, затѣмъ вдругъ гости начинаютъ расходиться, — въ одиннадцати часамъ все утихаетъ. Внизу въ гардеробной стойтъ нѣсколько ящиковъ тонкихъ сигаръ, которыми и запасается каждый уходящій гость.

Совсёмъ вной характерь вийеть вечерь въ знатномъ домё.-въ особенности когда императоръ или императрица удостоятъ его своимъ присутствіемъ. Такіе вечера бывають часто у князя Плецъ. Князь Плецъ — одинъ изъ знатнъйшихъ и богатейшихъ господъ въ Пруссін. Онъ привелъ въ блистательный порядовъ свои большія владенія въ Селезін, в поэтому пользуется весьма солиднымъ состояніенъ, чего никакъ нельзя сказать о большинствъ знатныхъ господъ. Каждый, кто хоть разъ былъ въ Бердинѣ и проходиль по Вильгельнштрассе, видёль дворець, выстроенный князень. Среди монотоннаго однообразія здёшнихъ домовъ, онъ выдёляется своей нёсколько причуданной постройкой. Князь приказаль выстроить его по плану одного стариннаго парижскаго отеля, и многочисленныя, башнеобразныя трубы, отличающія этоть стиль, вызывають насмёшки берлинцевъ, прозвавшихъ этотъ дворецъ академіей трубочистовъ. Князю ставили также въ упрекъ то, что онъ поручилъ постройку дворца французскимъ архитекторамъ и частью даже французскимъ рабочимъ. Но это не мъшаетъ зданию быть весьма удобнымъ и конфортабельнымъ. Оно образуетъ прямоугольный четвероугольникъ; главный корпусъ идеть параллельно съ улицей, отдёленный оть нея дворомъ, а одинъ изъ флигелей примываеть въ улицъ. Этоть флигель занять шировой мраморной лёстницей, которая ведеть въ первый этажъ, и въ немъ въ большую переднюю. На-лёво идуть жилыя комнаты, расположенныя вокругь танцовальной залы, имѣющей форму продолговатаго овала.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ожидаютъ императора и императрицу, гости собираются весьма пунктуально къ назначенному часу, чтобы опередить императорскую чету. Въ половинѣ десятаго обыкновенно снизу даютъ знать, что подъѣхалъ императоръ. Хозяинъ и хозяйка спускаются съ лѣстницы на-встрѣчу ихъ величествамъ. Императоръ въ обыкновенномъ генеральскомъ мундирѣ, рука у него все еще на повязкѣ; у него довольно бодрый видъ, хотя и далеко не такой, какой былъ за годъ нередъ тѣмъ. За нимъ идутъ кронпринцъ, принцъ Карлъ, братъ императора, и придворные. Въ тотъ моментъ, какъ императоръ съ императрицей войдутъ въ залъ, начинается балъ, бывающій всегда очень оживленнымъ отъ присутствія множества офицеровъ, главнымъ образомъ — изъ гвардія. Общество, по преимуществу, аристовратическое; пославники тоже присутствують, нёсколько парламентскихъ друзей князя, — въ остальномъ преобладаетъ мундиръ. Самъ князь, носящій званіе придворнаго егермейстера, не носить мундира; онъ въ черномъ фракъ съ орденской лентой и держитъ въ рукъ складную шляну. Въ большой комнать, рядомъ съ танцовальной залой, помъщаются знатные посётители и сидять тамъ нёкоторое время съ хозяйкой дома и знакомыми дамами и кавалерами. Туть же имъ представляють и тёхъ, съ которыми они еще не знакомы. Танцы не прерываются ёдой, но около одиннадцати часовъ императоръ переходить въ большую залу, гдѣ не наврыть столь, а стоять много небольшехъ столовъ, поврытыхъ обыкновенными цебтными скатертями. Тамъ же находится и буфетъ. Императоръ усаживается за большимъ круглымъ столомъ, и хозяннъ подводить дамъ одну за другой къ столу, за которымъ можеть помъститься человёкъ четырнадцать. За другими столами также разивщаются гости одниъ за другимъ, и слуги приносять вушанья съ буфета. Танцы въ это время не прекращаются; императоръ очень оживленно разговариваеть за ужиномъ, который длится около получаса; затёмъ встаеть, за нимъ удаляется остальная публика, и ивстя ихъ занимаетъ вторая серія гостей. Императрица уже убхала доной. Съ отъбядонъ императора балъ оживляется, и танцы вступають въ свои права.

Графъ Штольбергъ, вице-президенть государственнаго министерства и намёстникъ имперскаго канцлера, тоже выстроилъ себё въ нынёшнемъ году дворецъ въ Вильгельмштрассе и далъ нёсколько вечеровъ, на которые были также приглашены депутаты рейхстага. Графъ Штольбергъ принадлежитъ къ бывшей владётельной фамилін, т.-е., по германскому государственному праву, равенъ, по рожденію, царствующему дому. Жена его тоже изъ владётельной фамилін, урожденная кнагиня Рейссъ. Графъ Штольбергъ очень богать и домъ его отдёланъ роскошно и изящно. Здёсь дёло происходитъ нёсколько иначе. Императоръ и императрица сидять въ самой танцовальной залё, на особомъ возвышенія, и оттуда смотрятъ на танцы, — а оттого вся церемонія получаетъ нёсколько болёе чопорный характеръ.

Совсёмъ иное мы видимъ на парламентскихъ вечерахъ князя Бисмарка. Какъ извёстно, князь переселился съ нёкоторыхъ поръ въ бывшій Радзивилловскій дворецъ, который примыкаетъ къ старинному дому министерства иностранныхъ дёлъ. Комнаты въ немъ очень общирныя, но не уютныя и глядятъ сухо, хотя и нарядно. Парламентскіе вечера у князя Бисмарка отличаются, если можно такъ выразиться, демократическимъ характеромъ. Полномочіе депутата — вотъ един-

884

ственное, что требуется для того, чтобы быть на нихъ приглашеннымы. Само собой разуместся, что на нихъ бываеть множество лицъ, совсёны HO IDREALERAILEXS ES JOUVETANS, HO HO OHH JANTS OTROVATORS этних вечерань. Не слёдуеть забывать, какних великних денократическимъ и инвеллирующимъ шагомъ было самое создание германскаго рейхстага. Каждый членъ его вполий равновравенъ, будь онъ герногь или токарь Вебель, и это признается и поддерживается въ самонь рейхстаги, такъ какъ каждый члень его сознаеть, что въ этой самой равноправности и заключается истинная нравственная силя рейхстага. Надъ нассой рейхстага возвышается президенть и два вине-президента. Эти ибста самыя высшія на парламентской почей; они дають тёмъ, вто ихъ занимаеть, доступъ ко двору, который очень трудно достается вь јерархів гражданскихъ чиновниковъ. Президенты привётствують императора оть имени палаты, они бывають при дворй, приглашаются ко двору; короче сказать, эдйсь снова выказалось, какъ глубоко проникли новыя парламентскія учрежденія во всё сферы общественной жизни, потому что до основанія рейхстага положение превидента зандтага было отнодь не столь почетное, и никому не приходило въ годову отличать этихъ лицъ вслёдствіе ихъ положенія. Но это иниоходомъ. На парламентскихъ вечерахъ князя Виснарка давно уже вошло въ обыкновеніе, чтобы присутствовали и дамы, жены министровъ, офицеровъ высшаго ранга, высокопоставленных имперскихь чиновниковь, и общество получаеть оть того весьма оживленный и веселый характерь. Прісиъ происходить, въ большой залё конгресса, гдё князь и княгиня встрёчають гостей, но Бисмаркъ весьма скоро отвлекается отъ этой церемонии и заводить оживленную бесёду съ кёмъ-нибудь, чаще всего съ президентомъ рейхстага, фонъ-Форкенбекомъ, или фонъ-Венингсеномъ, ные какинъ-нибудь другинъ выдающенся вожаконъ партія. Сыновья князя, графы Герберть и Вильгельнъ Бисмарки, и ийсколько тайинхъ совётниковъ изъ мниистерства иностранныхъ дёлъ принимають гостей и представляють князю и княгинь техь, которые сще незнаконы съ ними. Въ большой залъ присутствуетъ также знаменитая имперская собака, надъ которой такъ много потёщаются и безъ которой имперскій канцлеръ, повидимому, но можотъ жить. Въ десять часовъ или немного позже большинство присутствуюнихъ отправляется въ буфету, обильно снабженному, и темъ закусываеть стоя ние сидя за маленькими столиками. Здёсь нарить только одинь напитокъ: пиво, наливаемое неъ большихъ. ирекрасныхъ, массивныхъ серебряныхъ вружевъ въ маленьніе ставаны, которые слуги непрерывно подають гостямь и снове уносять. Туть происходять тё разговоры, которые уже на другое утро

835

польнотся во всёхъ газетахъ и благодаря которнить пардаментские вечера князя Бискарев пріобряли всесвётную вавёстность. Здёсь онь висказываеть свои задушевныя идея и нербяко случается. что ноздийе онъ говорить въ парламенти то, что высказаль раньше въ дружеской бесёдё. Причина этому та, что онъ желаетъ найти привержендевъ не только въ членахъ парламента, но и между публикой. Само собой разумвется, что въ своемъ собственномъ домв онъ меньше сресняется говорить, чёнь вь парланентё, и когда провёрить дона, накое впечатлёніе производять его рёчи, тогда уже сиблёе произвоснть наъ въ нарламентв. Но не слёдуеть, впрочень, дужать, что ояъ читають левцій, точно профессорь; непосвященный человівь уйдеть съ такого всчера очень разочарованный, потому-что совских не услышить инканихъ знаменитыхъ политическихъ бесбазь. Здёсь, вакъ и во многнаъ другнаъ случаяхъ, требуется взавстная подготовка, чтобы войти во вкусъ. Князь перекинется нёсколькими словами то съ тънъ, то съ другниъ, эти передають его слова дальше съ собственными комментаріями, наконець приходить ловкій журналисть, нивющій кногочисленныя свази, и на следующій день разговорь неявляется въ газотахъ въ такой формъ, которая вравится публикъ. По всей вёроятности и тё, кто присутствовали на вечерё, найдуть въ этомъ изложения нёчто новое. Весьма рёдно случается, чтобы Биснаркъ высказывался передъ болёе иногочисленнымъ кружкомъ людей, чтобы вовругъ него столиндась толиа, внемательно прислушивающаяся ES BARAONY CTO CAOBY. TARS STOOL RARAOS CRASSHEDO HAS CAOBO ENELO много слушателей. По минованія перваго приступа въ буфету-унонану инноходонъ, что въ буфете этонъ всю знич нивлась нира, не емотря на запрещение --- большинство гостей удаляется, всё тё, которые незнакомы лично съ канцлеронъ и его семействонъ, и тогда TOLASTCS VIENTS ALL LAWS M MX5 RABALEDOBS. IIO OROHVARIH STORU ужина ведутся еще болёе интихных бесёды, приченъ предоставляется уже самыхь присутствующихь рёшать, что сообщить нев нихъ для всеобщаго свёлёнія.

Таковъ характеръ вечеровъ у кназя Бисмара, которые стоятъ въ тёсной связи съ парламентской и вообще общественной жизньр.

Придворныя празднества не отличаются оригинальнымъ характеронъ и единственныя нёсколько своеобразныя сборнща по зиманъ---это такъ-называемые четверги у королевы, посвященные главнымъ образенъ музыкальнымъ бесёданъ, и на которие приглашаются также и выдающеся писатели и художники. Вообще общественную жизнь въ Веринаѣ особенно занимаетъ музыка, гораздо больше, нежели театръ. О послёднемъ нельзя не сказать, что онъ въ послёднёе геды и даже, иклу того, въ нослёднёе десятия лётъ глубоко палъ. Драматическая

хроника. ---- корреспонденция изъ верлина.

литература почти не дала ничего новаго и выдающагося, и вкусь нублики развратился въ той мёрё, въ какой упала сцена. Иное дёло музыка. Любовь въ ней охватила всё общественные кружки, и туть не только появляются выдающеся таланты, но и, помимо оперы, производится самая серьёзная музыка. Существуетъ, напримёръ, и это кажется миё весьма характеристичнымъ — чрезвычайно многочисленный кружовъ офицеровъ, которые даютъ музыкальные вечера въ очевь тёсномъ кружкё, причемъ всё голоса и всё инструменты составляются неъ офицеровъ, и исполнение ихъ, говоратъ, безупречно.

Каждую зиму въ королевскомъ оперномъ театръ дается рядъсимфоннческихъ концертовъ, исполняемыхъ королевской капеллой, и мъста на эти концерты абонированы впередъ на многіе годы, такъ что ихъ можно получить только по наслёдству или вслёдствіе особенной любезности ихъ владёльцевъ.

Въ послёдніе годы у насъ основана консерваторія, и директоромъ ся знаменнтый скрипачь Іоахимь. Это въ высшей степени своеобразное учрежденіе, и оно внушають такой сильный интересь, что не только публика раздёляется на партіи и живо сочувствуеть или порицаеть различныя направленія, царствующія въ этой школь, но даже въ налать депутатовъ по случаю обсуждения бюджета происходили продолжительныя пренія объ этомъ учрежденін, касавшіяся не одной только финансовой части его, но и показавшія какъ много депутатовъ внтересуется музыкальнымъ дёломъ. Самъ я не знатовъ музыки и не могу судить объ этихъ вещахъ; но, по моему мивнио, исключительная любовь къ музыкъ не особенно полезна, и я былъ бы болъе доволень, если бы процватало драматическое искусство, которое можеть при благопріятныхъ условіяхъ оказать гораздо болёе благодётельное вліяніе на народъ, чёнъ музыка. Упадокъ театра —вещь всёми признанная, и здёсь снова выяснилось, какія ложныя понятія царствовали лёть десять тому назадъ. Тогда вменно всё требовали безусловной свободы театровъ. Говорели, вакъ и всегда въ подобныхъ случанхъ, что при свётё свободы все должно процвётать, а также и театрь. Самые рьяные приверженцы свободы театра рисовали обольстительныя картины будущаго, какъ на всёхъ театрахъ по дешевымъ цёнамъ будутъ предлагать народу классическія произведенія нёмецкой литературы, которыя до тёхъ поръ давались почти исключительно на воролевскомъ театръ, гдъ цвны на мъста таковы, что достудны только для немногихъ богатыхъ. При существованія конкурренціи разовыются драматическіе таланты среди автеровъ, а писатели, увѣренные въ выгодномъ сбытѣ для своихъ произведеній, будутъ создавать мастерскія вещи. На дёлё же случилось совсёмъ наобороть. Конечно, везд'в появилось множество театровъ, и многіє изъ нихъ въ

началь и пытались давать хорошія пьесы съ серьёзнымъ содержаніемъ; но вскорѣ оказалось, что для такихъ представленій не имѣется публики, и мало-по-малу театръ упалъ до уровня какихъ-нибудь cafés-chantants, которые оказывають такое пагубное вліяніе на нравственность, что приходится принимать строгія полицейскія мёры, чтобы остановить дальнейшую порчу нравовь. Какъ разъ въ среднихъ и маленькихъ городеахъ тавъ сильно сказались слёды этого худого вліянія, что пришлось прибёгнуть въ слёдующей мёрё: обложить такимъ высовимъ налогомъ каждое представление, чтобы предпринимателю невозможнымъ стало вести дальше дёло. Весьма вёроятно, что при следующемъ обсуждении ремесленнаго устава этотъ вопросъ снова будетъ поднятъ въ рейхстагѣ, и при этомъ обнаружится, насколько взгляды на этоть предметь измѣнились. Я не желалъ бы, чтобы меня сочли реакціонеромъ, но въ этомъ случав, какъ и во всёхъ другихъ, оказывается, что безусловная свобода, про которую думали, что она заключаеть въ себе панацею противъ всёхъ золъ, вовсе не обладаеть такой цёлебной силой, но допускаеть здо существовать и даже укореняться, пока, наконецъ, не вибшается сила. грубая сила, то-есть государственная сила, а не логика идей, о которой вёчно толкують. Признаніе этого факта сильно повредило стремлению въ свободъ, и остается только желать, чтобы поскоръе наступиль болёе благопріятный повороть вь соззрёніяхь, чтобы можно было обезпечить свободное развитіе, которое однако, къ сожалёнію, не можеть существовать безъ всякихь ограниченій ¹).

Своеобразная черта новѣйшей свободы театровъ состонть въ томъ, что драматическія труппы пользуются полной свободой передвиженія и ведуть номадную жизнь. Цёлыя труппы, которыя въ былое время изъ году въ годъ проживали на одномъ мёстё, теперь переёзжаютъ изъ одного города въ другой. Мало того, въ самомъ Берлинѣ бываетъ такъ, что какая-нибудь труппа вдругъ перекочевываетъ съ одного театра на другой, расположенный въ болѣе отдаленной части города. Причина этого явленія очень проста: публика желаетъ одного только-перемѣны. Но вредъ этого очевиденъ, такъ какъ пере-

¹) Позволяемъ себё замётнъ нашему почтенному корреспонденту, что какъ въ настоященъ случай, такъ и во многихъ другихъ подобныхъ случанхъ, есть опасностъ принимать роек hoc за propter hoc. Паденіе нѣмецкой сцени дѣйствительно нослёдовало посля провозглашенія свободы театровъ, но это не значитъ, что оно произопло еслидствие того. Выше разсказанный имъ завтракъ на двёнаддать персонъ и данный человёкомъ, не имёвшимъ годъ тому назадъ марки на завтракъ, говоритъ о томъ, что въ наше время съ общественными нравами не совсёмъ благополучно; а въ такомъ случай, почему же искать причину маденія сцени въ свободё театровъ, а ие въ "свободъ" современныхъ правовъ. Театръ – не виз общества. – Ред.

мёна служить для развлеченія, а не для искусства. Это послёднее можеть развиваться только при томъ условін, чтобы и артисты, н публика по возможности не извялись въ продолжени долгаго сравнительно періода времени. Настоящее положеніе діль какъ разь обратное и должно убивать художественное чутье у публики. Многіе полагають, что паденіе искусства въ Верлинь, и во иногихъ другихъ большихъ городахъ, слёдуетъ приписать необыкновенно какъ усилившемуся вліянію евреевъ въ обществъ. Несмотря на всё свои иныя превосходныя качества, у евреевъ въ огронной массъ совствиъ не существуеть художественнаго чутья и въ особенности въ дълъ драматическаго искусства, а между тёмъ они очень любять появляться тамъ, гдѣ ножно людей посмотрѣть и себя показать. Понятно, что они очень усердно посёщають театры, и всё содержатели театровъ въ Берлинѣ подтвердять тотъ факть, что худшимъ днемъ въ недвив относительно театральной выручки является пятница, когда еврейское общество удерживается оть посещния театра необходимостью бывать въ синагоге; напротивъ того, лучшимъ днемъ въ недбив --- за исключеніемъ, разумвется, воскресенья --- является суббота, которое в есть настоящее еврейское воскресенье. Посёщеніе театровъ евреями вредно отозвалось на немъ въ двоякомъ направлении: во-первыхъ, у нихъ вполнѣ отсутствуетъ критическое отношевіе въ дёлу и такъ, где они достигають своихъ цёлей, т.-е. могуть показать себя людямъ, да еще поглядёть на отборное общество,-что уже само по себё для нихъ кажется чрезвычайно лестнымъ --- и тамъ, гдё они совсёмъ не могуть критически отнестись къ представлению, между тёмъ какъ, съ другой стороны, они необыкновенно какъ пристрастны въ тому своеобразному, Бакому, разлагающему остроумію, которое присуще Берлину и, по общему мивнію, оказываеть чрезвычайно вредное вліяніе даже на политическія отношенія.

Обзорь берлинской жизни остался бы неполонь, если бы не упомануть, хотя вскользь, о еврейскомъ вонросё. Миё приходилось въ молодости водиться съ евреями, и я знавалъ много прекрасныхъ людей между ними, — да и вообще я не раздёляю національнаго предубёжденія противъ нихъ. По моему миёнію, корень зла въ настоящемъ положеніи дёла заключается въ томъ, что эмансинація евреевъ совершилась не сто лётъ тому навадъ; но что зло существуетъ-этого отрицать нельзя, и при всеобщемъ реакціонномъ направленіи весьма возможная вещь, что эта антипатія будетъ имётъ худыя послёдствія. Замёчательно при этомъ, что главными противниками евреевъ въ политической сферё ябляются обѣ крайнія стороны, какъ крайняя правая, такъ и крайняя лёвая. Соціальдемократъ ненавидить евреевъ по весьма понятнымъ причиванъ,

и не менье чемь приверженець ультранонтань или крайней правой. По всей вёроятности у соціаль-демократа это происходить оттого, что хотя онъ, лично, и способенъ возвыситься надъ предразсудками, но долженъ принимать во внимание массу своихъ единомышленниковъ, проникнутыхъ этикъ предубъжденіенъ. Въ средъ умвренной левой тоже замвчается очень сильная антипатія къ евреямъ, и даже такой выдающійся человёкъ, какъ покойный Циглеръ, предводитель демократической партіи, который боролся бокъ-обокъ съ прославляенымъ либералами евреенъ Іоганномъ Якоби, былъ самый ярый ненавистникъ евреевъ, какого только можно встрётить. Что всего сильнее вліяеть при этонь на народъ-это необыкновенная погоня со стороны евреевъ за богатствомъ, недвежямымъ имуществоить и вліяніемъ. Обыкновенно утверждають, и это не совсёмъ несправедливо, что Подъ - Липами изъ трехъ домовъ два принадлежать евреянь. Вліяніе еврейскаго населенія такъ велико, что, наприивръ, въ собранін городскихъ депутатовъ они насчитываютъ гораздо больше представителей, чёмъ христіанское населеніе.

Заивчательнымъ выражениемъ существующаго направления служить оригинальная книга, появившаяся въ Берив, подъ загла-Biemz: "Der Sieg des Judenthum über das Germanenthum, vom nicht-confessionellen Standpunkt aus betrachtet von W. Marr". Abторъ ся — весьма оригинальный человъкъ, завзатый либералъ, не могний ужиться ни съ одной партией, благодаря сильно развитой нидивидуальности, и поэтому стоящій особнякомъ. Онъ уже раньше писаль противь евреевь, затёмь долго молчаль и теперь совершенно отвровенно сознается, что не надбется, чтобы его мибніе нашло гдбнибудь отголосовъ, твиъ менве въ печати, которая уже вся находится въ рукахъ евреевъ или подъ ихъ вліяніемъ. Книга его написана также не ради нолемние съ евреями, но съ тёмъ лишь, чтобы отибтить культурно-историческій факть, а именно: что еврейство въ своей тысячелётней борьбё съ германствомъ, наконецъ, побёднло нослёднее, и что этому факту остается покориться. Действительно ли это такъ--остается отврытымъ вопросомъ, но авторъ весьма оригинально высвазываеть свои сътования. Онъ обращается въ тому времени, когда свреи впервые явились въ Германію. Они имѣди, какъ и всё, остоственное право бороться за свое существованіе, и такъ какъ сила была не на ихъ сторонъ, то имъ приходилось прибъгать въ хитрости. У вихъ совершенно отсутствуетъ снособность къ основаию государства. Въ этомъ отношения они, послё падения древнаго еврейскаго царства, Фже больше и не дёлали никакихъ попытовъ. Герианцамъ же, по мнёнію автора, не хватало умственной устойчивости, чтобы защищать себя оть нанлыва іудейскихъ идей, и они

бевумно вообразили, что можно подавить ихъ силов. Но всё преслёдованія приводили лишь къ тому результату, что еврейство выходило изъ него спльнёе и могущественнёе. Спла его опирается на совнательномъ, типическомъ реализмѣ, соединяющемся съ необычайной снлой иниціативы, которой у нёмцевъ совсёмъ больше нёть. Онинбка германскаго міра заключалась въ томъ, что онъ посмотрёлъ на еврейскій вопросъ съ одной лишь религіозной точки зрёнія, и лучшимъ примъромъ этой ошибки, по мизнію Марра, можеть служить одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній поэтическаго творчества въ нѣмецкой литератури: "Натанъ Мудрый" - Лессинга. Восемнадцатое столитіе, въ которомъ жилъ Лессингъ, говоритъ Марръ, было вёкомъ философіи, освобождения отъ предразсудковъ всякаго рода, и вменно отъ религіозныхъ. Но замёчательно, что всё англійскіе в французскіе свободные мыслители постоянно держалесь на-сторожё относительно іудейства. Великій геній Вольтерь даже очень рёдко воеваль сь формализмомъ евреевъ; онъ в въ Англін милордъ Болинбрукъ нисколько не скрывали своей антинатии въ евреямъ и не обинуясь высказывали, что у евреевъ, собственно говоря, нътъ никакой религи. Въ Германии же великій Лессингъ впалъ въ очень крупную философскую ошибку, и замёчательно, что эта ошнбка глубокомысленнаго писателя и вритика благороднаго человёка, рёзко бросающаяся въ глаза, совсёмъ оставлена безъ внеманія въ наму эпоху всеравлагающаго анализа. Сказаніе о трехъ кольцахъ представляеть собой самое прекрасное, что только могла создать поэзія въ вопросё о терпимости. Но вому въ уста вкладываетъ Лессингъ эту возвышенную истину? еврейскому Ротшильду, подъ скинетроиъ султана Саладина. Нужно ли это въ тенденціозной драм'я? спрашиваеть авторь, и отв'язаеть на этоть вопросъ твиъ, что весьма остроумно доказываеть, что самъ Лессингъ совсёмъ наивно отожествляеть евреевъ съ банкирами. Германскій идеализиъ очаровался поэтической сагой и прогляделъ, что Натанъ Лессинга не что инос, какъ сказочное лицо. Съ "Натаномъ" Лессинга и "евреяни" Кумберленда идея объ эмансипаціи евреевъ начинаеть проникать въ массу публики; театръ становится ся форумомъ, и послёднимъ драматическимъ произведеніемъ этого направленія была "Дебора" Мозенталя, въ которой выказались какъ іудейская скорбь, такъ и іулейскій гиввъ.

Эмансипація евреевъ былъ посвященъ цёлый отдёлъ литературы въ Германія, и послё того, какъ почва была такимъ образомъ подготовлена, политическая равноправность была завоевана евреями, какъ раньше гражданская. Авторъ ведетъ эмансипацію евреевъ съ 1848 г., и онъ правъ вообще, хотя въ частностаяъ нёкоторыя изъ ограниченій ихъ свободы отмёнены уже поздибе.

Посл'в революція 1848 г., по его метнію, началась тридцатильтики война, во время которой іудейство боролось съ германствоить равнымъ оружіснъ-и одержало побёлу. Авторъ предсказываеть, что не пройдеть четырехъ поволёній, вакъ не останется буквально ни одного государственнаго поста, начиная съ самаге высшаго и кончая самымъ низшинь, которое бы не было захвачено евреями. Не буденъ же упревать іудейство!-восклицаеть онъ.-Оно восемьсоть лёть боролось съ западнымъ міромъ и победило этотъ міръ, подчинило его себв. Мы побвяденные и совершенно въ порядка вещей, чтобы ноовдитель восилицаль: Vae victis! Нашь германскій элементь оказался безснаьнымъ въ культурно-историческомъ отношения передъ чужанить церковь, католицизиъ, протестантизиъ, символъ христіанской вёры и ея догиаты должны преклониться передъ еврейскимъ ареопагонъ въ печати. Изъ всёхъ европейскихъ государствъ-продолжаеть авторъостается теперь одна только Россія, которая оказываеть сопротивленіе оффиціальному, иностранному вторженію. Послёдною параллель въ этомъ послёднемъ больверкё еврейство смело въ Румынін, и судя по тому, вакъ поставлено дело, вапитуляція Россін есть только вопросъ времени. Еврейская живучесть ввергнеть Россию въ такую революдію, какой еще свёть не видаль. Общественный нигилизмъ, отвлеченный индивидуализыть выразится въ такой правтической формѣ, что русское царство не въ снлахъ будетъ устоять передъ ними. Въ Россіи іудейство имбеть послёдною позицію, съ которой ему ножеть грознть тыльная атака; разъ оно завоюеть Россію, разъ тыль его будеть вполнё обезпечень, разь оно добьется въ России, вакъ и у насъ, доступа въ оффиціальнымъ мъстамъ и должностямъ, тогда начнотся распаденіе западнаго общоства передъ іудейскооффиціальнымъ міромъ и пробьеть послёдній чась осужденной Евроны. Чего должна ждать Россія оть іудейства-ясно. Вся іудейская пресса высказалась во время русско-турецкой войны за азіатскій міръ н протных Россін. Ни религіозные моменты этой войны, ни вультурноисторическая идея, которая стоить выше всякой дипломатия, идея о тысячелётней борьбе съ азіатскимъ міромъ, ни эллинскія традиціи не могли внушить іудейской прессі боліе возвышенную точку зрвнія, и т. д.

Остановнися на этомъ. Такъ далеко никто еще не заходнлъ въ эксцентрическихъ и парадоксальныхъ выходкахъ противъ евреевъ, какъ В. Марръ, и я бы вообще не упомянулъ о его книгѣ, если би она пе разошлась въ значительномъ количествѣ и не возбудила большого вниманія въ обществѣ, несмотря на то, что печать прошла ее молчаніемъ. Повторю только высказанную мною выше мисль: ко-

рень зла заключается въ томъ, что эмансипація евреевъ совержилась не сто лётъ тому назадъ, а нотому и вся тяжесть переходного состоянія вала на насъ.

Позвольте инё - такъ какъ я уже заговорнать о литературномъ произведенін — перейти къ другому, о которомъ печать не молчить и которое представляеть собой событие, если и не первостепенной важности, то все же весьма врупное. Я геворю о лервой части "Нёмецкой исторіи въ девятнадцатомъ столётін" — Гейнриха фонъ-Трейчке (Лейпцигь, изданіе Гирцеля, 1879 г.), всёмъ извёстнаго своей нарламентской дёлтельностью. Онъ очень любимый доценть нсторія въ здёщнемъ университеть, и лекція его очень усердно посъщаются, а многочисловныя сочиненія находять много повлоннивовъ, хотя многіє порицають въ немъ нёкоторую поверхностность, воторая, какъ они дунають, ибшаеть ему достичь вершины свесй науки. Въ самомъ дёлё, Трейчке въ такой мёрё человёкъ партін, что это несовийстние съ объективностью историка; онъ страстенъ, патетнуень, реторичень, и изъ его сочиненій выноснию такое впечатлёніе, какъ изъ лекцій и рёчей, а не такое, какое мы привыкли выносить изъ книгь. Такое сочинение, какъ исторія Германіи, вышедшая изъ-подъ такого пера, натурально, должно разскатриваться, какъ результатъ всей дёятельности и всего міросозерцанія автора. Нанисать исторію своего отечества-это вообще высшая цёль, какую только ножеть поставить себё историкь. Вышедшая нынё первая часть доводнть исторію Германіи до второго парижскаго мира и представляеть объемистый томъ страницъ въ 800, такъ что не совсёмъ легво одолёть его. Все сочиненіе, скажу это теперь же, должно состоять нуь пяти томовь. И нуь нихь второй наполнится эпохой реставраціи до 1830 года, третій будеть посвящень іюльской революція и началу царствованія Фридриха-Вильгельма IV-го, четвертый-революція и реакцін, съ 1848 по 1850 годъ, и пятыйостановится на 1866 году. Интересу перваго тома очень вредить то обстоятельство, что авторъ начинаетъ слишкомъ издалека, а именно съ вестфальскаго мира, а такъ какъ ему приходится ограничиться при этомъ лишь краткимъ резюме, въ которомъ, вдобавокъ, не высказывается никакихъ новыхъ взглядовъ, то оно невольно пріобрѣтаеть нёсколько тривіальный характерь. Трейчке-фанатическій приверженецъ инссін Пруссін. Родомъ саксонецъ, онъ возненавидълъ мелкія государства, и его соотечественники, сильно проникнутые духомъ партикударизма, укрѣпили его въ этой ненависти. Цъдая школа новъйшихъ нёмецкихъ историковъ поставила собъ задачей освётить прусскую исторію какъ-разъ съ того періода, который нанменње блестящъ, и выяснить причины, почему правители не могли

поступать иначе, чёмъ они поступали. Такимъ образовъ выяснилось, что тё самые государи, которые всего менёе знамениты въ династія Гогенцоллерновъ, постоянно были одушевлены высней государственной идеей — и нельзя отрицать, что стремление довазать это веська патріотично: во-первыкъ, потому, что укрѣпляетъ монархическія чувства въ народъ, которыя только и ногуть поддерживаться инслыр, что династія озабочена судьбани государства, что этихъ заботь не наивнаеть большая или меньшая даровитость отдёльныхъ личностей и что даже въ самыя плохія времена она не теряла своей силы. Воть что придаеть такое значение монархической формѣ, и въ Германін оно твих необходниве, что національно-политическая идся въ народѣ положительно слабее, чемъ во всякой другой большой странь: въ Англін, Францін, Италін или Россін, что проистекаеть частью изъ первоначальнаго склада характера, частью - изъ исторіи націн. Безъ образованія прусскаго государства и безъ гогенцодлериской династіи преобразованіе Германіи и ся возрожденіе были би совершенно невозможны. Но не слишкомъ ли далеко заходять люди, желающіе представить все безь исключенія въ таконъ прекрасновъ свётё-это остается вопросонъ отврытымъ. Трейчке стоятъ во главъ этого направления, и таковъ характеръ его книги, который можетъ сильно новредить ей въ оцёнкъ заграничныхъ читателей. Впроченъ, новъйшія изслёдованія выступять впередь лишь въ послёдней части, в потому до тёхъ поръ лучше воздержаться отъ сужденія.

Возвращаюсь оцять въ свободё театровъ. Настоящей натеры теорія о всеобщей свободі была въ Германіи, безъ сомнінія, эконоинческая школа свободы торговли. Она особенно сильно развилась въ эпоху величайшей политической реакціи, и ся передовые борцы очень хорошо знали, что, удаляясь, повидимому, съ политической арены, они отстаивали иден, которыя рано или поздно должны оказать чроввычайно сильное и плодотворное вліяніе на политическую сферу. Я говорю это не въ упрекъ и не хочу этимъ сказать, чтобы въ ихъ двиствіяхъ было сознательное лиценфріе, но весьма честное и вполнѣ законное стремленіе, имѣвшее свои прекрасные результаты. Разумбется, въ сферб экономической жизни, какъ и во всёхъ человёческихъ дёлахъ, нельзя постановить норму, пригодную для всёхъ временъ и для всёхъ обстоятельствъ. Кроме того, такъ-называемое манчестерское учение имало еще то невыгодное посладствие, что вытёснило правительство изъ значительной области его дёлтельности, и этичь не только умалило авторитеть правительства, но также и породило враждебную для государственности идею, что правительство есть вло и его слёдуеть, по возможности, ограничивать. Школа свободной торговли въ Германіи постоянно утверждала въ

хроника. — коррескондения изъ верлина.

послёднее время, что нашямъ единственнымъ и истиннымъ врагомъ является соціаль-деновратія, что она одна въ состоянія бороться съ этой послёдней, и такъ же, какъ и политическая либеральная партія, она обвиняеть правительство въ томъ, что оно своими соціалистическими ндеями — какъ, наприм'ярь, нам'яренісмъ забрать въ свои руки всю свть желізныхъ дорогъ — д'яйствуеть на-руку соціа-листамъ. '"Мы", говорять приверженцы этой школы, "доказываемъ, что свободное развитие каждой личности всего лучше для блага какъ этой личности, такъ и всего общества. Въ борьбё развиваются и укранияются индивидуальныя силы, и производительная способность всего населения усиливается въ высшей степени". Какъ-разъ противъ этого пункта соціаль-демократы направляють свою оппозицію, утверждая, что именно этоть самый родъ свободы въ дъйствительности приводнть въ угнотению слабайшихъ сильнайшими, бёдныхъ — богатыми. Исходя изъ этого принципа, предпривяли они борьбу противъ капитала - и аргументы, выставляеные ими, натурально, важутся очень привлекательными рабочных, жаждущимъ благосостоянія. Но въ этой оппознцій соціаль-демократій противъ всеобщей и безусловной свободы заключается, безъ сомивнія, извъстная доза правды, и правительство, которое обвиняють въ зангрыванія съ соціаль-демократами, просто-на-просто является приинряющимъ элементомъ нежду этими двумя крайними воззрѣніями н. не уничтожая свободы, необходниой для развитія благосостоянія, стремится помочь бёднёйшимъ классамъ населенія. По несчастному стечению обстоятельствъ, вожди соціальной демовратии очутились, вивств съ твиъ, на самой крайней политической сторонв. При жизни Лассаля дёло было не такъ, и извёстно, что онъ даже навлевъ на себя подозрёніе въ топъ, что стойть въ слишкомъ тёсной связи съ правительствомъ. Онъ былъ, кромъ того, ръшительный приверженець національныхъ ндей; даже его ближайшій пресмникъ, фонъ-Швейцерь, раздёляль эти воззрёнія, и навлевь на себя подозрёніе въ томъ, что онъ въ заговоръ съ правительствомъ. Вскоръ послъ этого партія быстро выступила на путь безусловной враждебности къ государству вообще, а къ прусскому и нёмецкому въ особенности, н уже съ тёхъ норъ не сходила съ этого пути.

Говорять, конечно, что на "если бы" нельзя построить исторія, но исторія тімъ не менйе учить, что возможны случайности, благодаря которымъ событія могли бы принять совсёмъ иной обороть. По моему мийнію, такая случайность, и въ высшей степени злополучная и готовящая, быть можеть, тяжкія испытанія германской имперіи случайность заключается въ томъ, что непосредственно нослё трехъ великихъ войнъ, путемъ которыхъ достигнуто было

Томъ II.-Апраль, 1879.

54/se Digitized by Google

845

національное единство, выступний впередъ два явленія: ультрамонтанство и соціаль-демовратія. Не было нивавой необходимости въ текъ, чтобы въ 1870 г. на престолё св. Петре сндёлъ такой воннственный папа, вакъ Пій IX. Теперешній папа натурально приняль наслёдіе своего преднественника, и долженъ сообразоваться съ нниъ въ своихъ дёйствіяхъ, такъ вакъ традиція римской курін обязывають его ничего не уступать наь добытаго. Если бы все дело зависвло только оть его личнаго настроенія, то онь давно бы --- на этоть счеть сходятся всё миёнія-заключиль мирь сь государствонь. и будь онъ папою въ 1870 г., онъ не началь бы ту борьбу, которая, не принеся инкакой пользы римовой церкви, приченила Германии ненсчислимый вредъ. Не было также никакой необходимости въ томъ, чтобы у сощаль-демовратін явился тоть даровитий вождь, который въ короткое сравнительно время съ-разу создаль изъ соціаль-дежократін настоящую партію, далеко превзошедшую родственныя ей нартін во Францін и въ Англін, какъ по интеллигентности, такъ и по числевности. Всёми соціаль-денократами признается, что нёмецкая соціаль-демократія стоить во главѣ всего движенія, и нельзя, напримёръ, отрицать того факта, что она заключаетъ въ себе очень нного интеллигенцін. Подобно тому, накъ Лассаль вступнять въ борьбу "вооруженный полнымъ образованіемъ своего вбла" — эти слова онъ броснать въ лицо своимъ противникамъ, -- такъ и его пресминки, хотя и стоять нензибрино ниже его, все же извлекли изъ этого образованія вою пользу, какую только можно было извлечь, и соціалистическая литература, которая теперь исчезда съ рынка, благодаря закону протикъ соціалистовъ, была далеко не такъ незначительна, какъ въ этомъ желали бы увёрить ся противники. Весьма естественно, что сильный перевороть въ какой-нибудь области влечеть сильныя движенія также и въ другихъ, и великая побёда надъ Франціей, само собой разумбется, вызвала сильное движение въ народъ; но то обстоятельство, что это движение обратилось какъ разъ противъ государства, что оно стремится истребить плоды и результаты тёхъ веливнать двяній---это есть несчастный рокъ, тоть самый рокъ, котораго такъ страшинсь древніе и противъ котораго тщетно борятся люди. Каждый нёмець можеть линь съ глубовой болью взирать на эту рану на твлё его родины, вызывающую самыя сильныя опасенія за ся будущее, если не удастся своро залечить се. Что съ римской церковью пытаются завлючеть мерь — это несомейне, но это не можеть состояться на принципъ подчинения са требованиять, и Бисмаркъ всего менее согласится на это. Поэтому все зависить оттого, признаеть ли напа, что и для римской церкви крайне пагубно такое положение дёль, и убъдится ли онь, что Германія можеть

дол выдержать борьбу, чёнь ринская курія. Въ этонъ отношенін иля государства было весьма невыгодно то обстоятельство, что непризванные посредники держались ложной тактики, поддерживая въ папъ мысль, что ему стоять только стоять на своемъ---и правительство непремённо уступить. Требованія подобнаго рода всякій разъ только удлинияли борьбу, и насколько они не основательны, видно нать того, что Висмаркъ все еще остается на своемъ посту, а также и министрь Фалькъ, что слухи о шаткости его положения не оправдались, и сами ультрамонтаны признали, что они могуть заключить миръ только съ однимъ Висмаркомъ, потому что онъ одинъ настолько проницателенъ, чтобы понять всё эти отношенія и заставить всёхъ покориться тёмъ условіямъ, которыя онъ признаетъ необходимыми для достиженія соглашенія; не слёдуеть также упускать изъ виду, . что если бы, пожертвовавъ Висмаркомъ, ножно было купить такой миръ, то противъ тъхъ, которые заключили бы его, немедленно разразилась бы страшная буря со стороны протестантской части населенія, которая успотрвла бы въ этомъ угнетеніе своей религія н сочла бы себя преданной въ руки католицизму. Всв тв, кто въ настоящее время не одобряеть культурную борьбу не съ ультрамонтанской точки зрёнія, стали бы въ жестокую оппозицію къ новому порядку вещей въ тотъ самый моменть, какъ быль бы заключенъ миръ, тогда какъ если самъ Бисмаркъ заключить миръ, то нація отнесется съ довёріенъ въ тому, что онъ не пожертвовалъ интересами и правами государства, за которое всю жизнь боролся.

Вопрось о томъ, не принесеть ли послёднее движение во Франціи счастливую диверсію для борьбы въ Германіи, я долженъ оставить открытымъ; во всякомъ случав ремская курія не будеть такъ неосторожна, чтобы навязать себт на шею двухъ такихъ сильныхъ противниковъ. Но весьма возможно, что она заключить въ Германіи лишь временное перемиріе, чтобы им'ять возможность обратить всё свои силы на борьбу съ Франціей. Съ другой стороны, французскіе полетеки ни вакъ не могутъ желать, чтобы борьба въ Германіи пріостановилась. потому что она, очевидно, ослабляетъ Германію; слёдовательно, если бы во Франціи у воринла правленія стояли люди Тьеровскаго закала, то они постарались бы изо всёхъ силь устранить возможность борьбы или скорве окончить ее. Но можеть быть и то, что теперешніе рёшительные республиканцы упускають изъ виду эти политическія соображенія, и будучи доктринёрани во что бы то ни стало, начнуть борьбу, не принимая во вниманіе, какое действіе окажеть эта тактика заграницей. Они скажуть быть можеть, что, побъдивъ ультрамонтанство, республика во Франціи такъ упрочится, что станеть гораздо сильнее прежняго въ своихъ сношенияхъ съ

другими государствами, и что прежде всего съ побёдой надъ ультрамонтанствомъ она дёйствительно пойдетъ во главё свободы и цивилизаціи.

Словомъ, отношенія слагаются такимъ обравомъ, что невозможно навёрно предвидёть что будетъ; но въ тотъ моментъ, какъ начнется борьба во Франціи, вёроятно явятся извёстные шансы для Германіи, и князь Бисмаркъ съумёстъ, какъ дипломатъ, воспользоваться ими, чтобы устранить затрудненія въ собственной странё.

Въ моемъ предыдущемъ письмѣ я говорилъ вамъ о предстоявшей сессін рейхстага, что она об'ящаеть быть очень интересной. Это предсказание почти исполнилось. Сессия оказалась интересной, вопервыхъ уже потому, что правительство или лучше сказать Бисмаркъ, какъ отвѣтственное лицо за все правительство имперія, понесли два весьма чувствительныхъ пораженія. Первое пораженіе можно было уже предвидёть, когда зашла рёчь о такъ-называемомъ "Maulkorbgesetz", т.-е. о "намордникѣ-законѣ" противъ соціалистовъ; но правительству пришла въ голову нъсколько странная идея, устроить какъ-бы небольшой прологъ. Въ рейхстагъ было внесено предложение, что находящиеся здёсь два соціаль-демократаческихъ депутата: Гассельманъ в Фриче, высланные изъ Берлина въ силу закона противъ соціалистовъ, должны быть арестованы за нарушение этого предписания. Это требование произвело непріятное впечатлёніе на всё партія, такъ какъ всё онё проникнуты до извёстной степени сознаниемъ своей солидарности и понимають, что то, что они допустять совершить теперь надъ своими противниками, можеть быть со временемъ обращено противъ нихъ.

Итакъ, неудовольствіе было всеобщее; несмотря на то, пренія были не особенно поучительны, потому что тѣ самыя партіи, которыя всего ожесточеннѣе набросились на предложеніе правительства, указывали не безъ нѣкотораго лицемѣрія на существующее будто-бы громадное противорѣчіе въ томъ фактѣ, что депутатъ, явившійся въ рейхстагъ по приглашенію императора, вдругъ натыкается на полицейское запрещеніе.

Этотъ аргументъ показался неотразниымъ или по крайней мёрё оказалъ ту услугу, что хотя совершенно ясно было, что съ такимъ же правомъ можно сказать про депутата, посаженнаго въ тюрьму по суду, что онъ былъ призванъ императоромъ,—а между тёмъ это не такъ. Гг. Бебель и Либкнехтъ проснживали цёлыя сессія или большую часть ихъ въ тюрьмѣ, и приглашеніе императора не освобождало ихъ. Тёмъ не менѣе впечатлёніе было такое непріятное, что даже тё немногіе господа, которые никогда не могуть рёшиться ни при какикъ обстоятельствахъ вотировать противъ правительства,

хронива. --- корреспонденція изъ верлина.

какъ графъ Мольтке, напр., воздержались отъ голосованія, такъ что предложение было единогласно отвергнуто. Со всёмъ тёмъ пренія по "Maulkorbgesetz" утратили вслёдствіе этого пролога значительную дозу своего паеоса и не доставили ни одного веливаго момента. Палата единогласно или почти единогласно ръшила, что требованіе законопроекта, чтобы дёйствія депутата въ рейхстагё подвергались суду вев рейхстага стоящихъ судей, совершенно невозможно, потому что наносить ущербъ принципу неотвётственности отдёльныхъ членовъ и достоинству всего рейхстага. Взамбиъ того, правая настанвала на необходимости значительно расширить власть президента, в національ-либералы, которые, вначаль хотвли-было отвергнуть этоть проекть цёликомъ и нападали на него очень сильно, во время преній сдёлали одну взъ свойственныхъ имъ уступовъ и предложили напослёдокъ измёненіе, въ силу котораго коммиссія порядка веденія дёль должна заняться вопросомь, HACKOALKO выяснались недостатки этого порядка. Такимъ образомъ, правительство, собственно говоря, дешево отдёлалось и могло сказать, что оно ничего другого и не желало, какъ того, чтобы рейхстагъ занялся этимъ обстоятельствомъ и представилъ бы встръчный проектъ на его предложение, такъ какъ оно не считало его совершеннымъ и неизмённымъ. Къ этому проекту пристали почти всё партіи.

Большая часть времени рейхстага была поглощена преніями о бюджеть, не представившими ничего особенно выдающагося. Всего интересние было обсуждение морского бюджета, коснувшееся, между прочимъ, катастрофы, происшедшей въ прошломъ году съ "Великимъ Курфюрстомъ". Рёшеніе суда уже извёстно, но документы хранятся у императора, и весьма сомнительно, вслёдствіе различныхъ военныхъ соображеній, чтобы они были обнародованы. Поэтому положеніе морского министра фонъ-Стоша во время преній было очень затруднительное, такъ какъ онъ дъйствительно ничего не могъ сообщить и не имблъ возможности защищаться оть взводимыхъ на его систему обвинения. Фонъ-Стошъ въ настоящее время очень милъ оппознція, потому что предполагають, что онъ противникъ Висмарка, и одной этой причины уже достаточно, чтобы снисвать ему симпатів оппозиціонныхъ партій, хотя каждый, кому знакомы здёшнія отношенія, очень хорошо это знаеть. Стошъ не только не либералъ въ духъ Кампгаузена или хотя бы Дельбрюка, но совстить простой солдать и бюрократь съ крайне автократическимъ образомъ мыслей, и навёрное не надёлилъ бы германскій парламенть всеобщей подачею голоса, какъ это сдёлалъ Висмаркъ. Но ослёпленіе партій такъ велико, что онъ хватаются за всякое оружіе, могущее послужить противъ настоящаго противника, не дуная о томъ, что могуть по-

849

вреднть самымъ себѣ. Самъ Бисмаркъ показывался всего раза два въ рейхстагѣ, но говорилъ съ своей обычной энергіей и вызвалъ удивленіе даже въ противникахъ. Послѣдная рѣчь его объ управленіи Эльзасъ-Лотарингія обращаетъ на себя особенное вниманіе. Эльзасъ-Лотарингія желаетъ, какъ извѣстно, побольше провинціальной автономіи, и въ средѣ рейхстага расположены имъ ее датъ. Князь Бисмаркъ, говорятъ, думалъ даже одно время, что хорошо бы было назначить кронъ-принца намѣстникомъ завоеванныхъ провинцій; но, судя по его послѣдней рѣчи, онъ совсѣмъ оставилъ эту мысль. Пренія въ палатѣ по этому вопросу до сихъ поръ еще не окончились.

Объ экономическихъ вопросахъ я не могу говорить на этоть разъ; обсуждение проектовъ начнется лишь послѣ Святой, а до тѣхъ поръ положение дѣлъ прояснится; но затѣмъ долженъ наступить рѣшительный кризисъ.

K.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

⁵/17 **марта, 1879.**

XLVII.

ABTEPATYPA N HOJHTHEA.

I.

Я ничёмъ не связанъ съ политическимъ міромъ и ничего не жду отъ иего для себя. Я говорю это не изъ высокомърія, но считаю нужнымъ просто-на-просто засвидътельствовать такой фактъ, прежде чёмъ продолжать мое письмо. Я стою одиноко и сохраняю всю мою свободу; я трудняся и продолжаю трудиться; свой хлёбъ я заработываю тёмъ же трудомъ.

Съ другой стороны, мий нужно сдёлать еще одну оговорку. Я не свёже-испеченный республиканецъ; то-есть, я хочу этимъ сказать, что мною защищались однё и тё же иден въ книгалъ, въ газетныхъ статьяхъ, и тогда, когда существовала имперія. Я могъ бы участвовать въ дёлежё "добычи", будь у меня хоть какое-нибудь по-

литическое честолюбіе: ни в даже не приплось бы для этого перебйгать на сторону побадителей. Мий стопло бы только нагнуться, чтоби подобрать сразанные колосья.

. Итакъ, положение ное ясно. Я республиканецъ, не желающий поживиться насчоть республики. Потому инй и пришло въ голову, что въ таконъ ноложени весьма удобно говорить вслухъ правду. Я знаю, HOTENY MHORIE HE MELADTS ELICRASHBATS TORO, TTO AVMANTS: OAMAS дорожить иёстомь, полученнымь виз въ администраціи, другой надвется на новышение, третий разсчитываеть сдёлаться совётникомъ, , затёмъ депутатомъ, затёмъ министромъ, затёмъ, -- ито знасть? -- президентомъ республики. Нужда, честолюбіе-врвикія цвии, сковывающія самыя откровенныя уста. Какъ тольно человёкъ нуждается въ дельгахъ или гоняется за почестами, такъ онъ уже не властенъ въ санонь себь; онь должень взвёшнвать каждое свое слово, каждый свой шагь. Ему приходится вращаться среди такой путаницы интересовъ, что онъ долженъ въчно быть на сторожв. Если онъ откровенно выскажеть свое мийніе о такомъ-то человёке, то закрость себѣ деступъ въ такой-то домъ; если онъ осмѣлится правдиво разобрать такой-то вонрось, -- на него обрушится цёлая могущественная партія. И вотъ, конецъ его честолюбивынъ мечтанъ! и вотъ, его подожение сконпрометтировано! Но стоять только ин зачёмь не гнаться, ни въ конъ не нуждаться, и тогда цёли ваши немедленно разбиты. движенія свобедны, вы идете направо, налёво, куда вздумается, и радостно совнаете свою независимость. Да! воть идеаль! житб въ своемъ собственномъ уголку, плодами рукъ своихъ, не разсчитывать на сосёдей и гронко высказывать свои миёнія, не боясь, что вётерь можеть разнести ихъ по бѣлу свѣту!

Въ политическихъ партіяхъ существуетъ такъ-называемая дисциплина. Это сильное, орудіе, но очень дрянная вещь. Къ счастію, въ литературѣ дисциплинѣ нѣтъ мѣста, въ особенности въ наше время, когда личному творчеству удѣляется такое большое мѣсто.

Если политическому дёлтелю необходимо группировать вокругь себя большинство, поторее бы его поддерживало и безъ котораго онъ не могъ бы и существовать, за то инсатель живеть самъ по себё, помимо публики; пусть сочинения его мало раскупаются, но онъ существують, и со премененъ одержатъ тотъ успёхъ, котораго достойни. Вотъ почену писатель, если только условія его жизни не подчиняють его дисциплинъ, особенно выгодно поставленъ для того, чтобы судить о политичесномъ дёлтелѣ. Онъ стоить выше условій современной среды, онъ говорить не подъ давленіемъ извёстнихъ фактовъ, не ради извёстныхъ рекультатовъ; словомъ, онъ имѣеть право оставеться при свесиъ собственномъ инѣніи, хотя бы оно было и одиночное, потоку что не входить въ составъ пѣлой группы, и можетъ говорить правду, не разстранвая своей жизни и не рискуя своимъ благосостояніемъ.

Какъ бы то ин было, а я не пустился бы въ эту каторжную поинтику, если бы ний не предстояло разскотрёть весьма важный на мой взглядъ вопросъ. Вопросъ этоть заключается въ тонъ: будуть ля жить въ ладу республика и литература, или ибть; я разунски новъйшую литературу, тоть реалистический или дозитивистский переворотъ, -- какъ хотите, который начать Бальзакомъ. Давно уже собираюсь я поговорить объ этомъ, и все колебался, потому что вопросъ этоть представляется мнё жгучниз. Къ тону же, въ послёднія восемь лёть было такъ щумно, событія чередовались съ такой бистротой, что пытливому человёку трудно было провавести серьёзное неслёдованіе и въ особенности сдёлать разумный выводъ. Не въ настоящее время, хотя гвалть все еще продолжается, однако зачаточный неріодъ заключенъ, республика существуеть въ принципѣ и на дѣлѣ. Она дъйствуеть, о ней можно судить по ся дъйствіянь. Итакъ, наступило время поставить республику и литературу лицомъ въ лицу, и посметрёть, чего слёдуеть ждать послёдней отъ нервой, словонъ, встратимъ ли мы, аналитики, анатомы, собиратели человъческить документовъ, ученые, признающіе исключительно авторитеть фагтовъ, —встрётимъ ли им въ республике друга вли недруга? Решеніе этого вопроса крайне важно. На мой взгладъ отъ него зависить самое · существование республики. Республика будеть прочна или не будеть прочна, смотря по тому, признаеть она нашъ методъ нан отвергнеть его. Республика будеть, такъ сказать, реалистической, или ся совсѣмъ не будетъ.

Итакъ, я разсмотрто настоящій политическій моменть въ его связи съ литературой. Это роковымъ образощь, номимо моей воля, заставить меня высказать свое сужденіе о людяхъ, нами управляющихъ. Но, повторяю, я не имѣю намѣренія рѣшать судьби Франція, приплетать свое миѣніе къ общей путаницё чужихъ миѣній. Я отвравляюсь отъ того пункта, что республика существуеть, и кочу просто-на-просте, какъ инсатель, разобрать: ка̀къ относится республика къ литературё?

Но прежде всего инё нужно разспотрёть, и́якь есновалась реснублика во Франція. Ничего не можеть быть характеристичнёе. Я вёдь основываю свои сужденія только на фактахь, и туть инё представится цёлый рядь фактовь, на основанія которыхь я и вызеду свое заключеніе. Не пускаясь въ подробное надоженіе сложной и смутной исторія послёднихъ восьми дёть, легко набросать се въ сощнихъ чертахъ. Во-цервыхъ, имперія рукнула вслёдствіе того, ите

огнили подперки, на которыхъ она опиралась. Представьте себъ деворацію, разналеванную зелотомъ и пурпуронъ, но ноддерживаемую жидения столбивани, изъйденными червями и долженствующими разсывачься въ прахъ отъ перваго сильнаго толчка. Война 1870 г. была такимъ толчкомъ, и имперія естественно рухнуда въ моженть овоей величайшей пышности. Затёкъ, нослё намихъ пораженій, послёдовали Бордо и честная политка. Я быль такъ: я видёль прибыте того большинства, которое только поженало плечани, когда говорили о республики; ене считало себя сильными, могущественнымъ--- и думало, что стоять ему только преизвести голосование, чтобы возстановить ионархію. Поэтону оно принало президентство Тьера безъ налёйшей тревоги, увёренное въ токъ, что удержитъ судьбы Франція въ своихъ рукахъ. Между тёмъ, на другой же день партія респредёлелись. Если республиканцы были въ меньшинствё, монархисты, нивышіе на своей сторонь больнинство, распадались всявій разь, какъ ниъ случалось ясно высказать свои желанія: въ ихъ средв были легитинисты, орлеанисты, имверіалисты, и ни одна изъ этихъ партій не была въ силъ, какъ скоро изолировалась отъ другихъ. Отспда нытекала безусловная невозможность что-либо создать и неизбивное удержаніе statu quo. Затімъ наступнля продолжительния интриги, нарламентская борьба въ Версали. Тьерь сказалъ съ своимъ буржуазнымъ тонкимъ чутьемъ, что Франція будеть принадлежеть самымъ благоразумнымъ. Дёло въ томъ, что онъ уже предвидвать овончательное торжество республиви, онъ повторяль, что три претендента взанино истребять другь друга. Всё помнять, съ какой ловностью онъ играль этини претендентами, какъ пънками, съ тёнъ, чтобы продлять республяванский оныть. Дражатическая исторія коммуны и ся поданленія упрочила республиканское правительство, вийсто того, чтоби ночрясти его. Гораздо болйе серьёзная опасность угрожала сму; заговорные о вримировін представитской французскаго королевскаго дома, и сліяніе легитимистовъ съ орлеанистами готово было совершиться. Наступило 24 мая, нисвержение Тьера, торжество монархистовь. Одну минуту кожно было думать, что республива погнбла. Генрихъ V готовился вступить въ Парижъ, были уже заказани нарадныя кареты. Эатёмъ, въ моменть голосованія, партія роздистовь распадась изъ-за вопроса о билокъ знамени-и республика одержала веркъ.

Конечно, то была еще не окончательная побёда. Но можно было уже свазать, что монархія осуждена, потому что ей предстояло медленно и изо дня въ день понемножку убивать себя своими собственными руками. И воть, при президентствё маршала Макъ-Магона намъ пришлось быть очевидцами дикованнаго зрёднща, представляемаго

монархическимъ большинствомъ, члены котораго ножирали другъ друга и помимо воли работали на утверждение республики. Ръзвія нанадки, глухіе подкопы, самыя искусныя и ловкія интриги — все приводило въ упрочению правительства, которое большинство желало низвергнуть. Объяснить это явление не хитро. Сильное республикавское теченіе установилось въ странѣ естественныть образонъ, потону что одна только республика представлялась разунной и возможной. Въ то время, какъ монархическое большинство само связывало себя по рукамъ и по ногамъ и безплодно изощрялось въ безсильныхъ попыткахъ возстановить монархию, оно становилось все непопулярийе, н, наконецъ, вся страна поднялась, чтобы изгнать его изъ парламента. Отсюда непрерывная избирательная перетасовка, нотоку что каждый удаляющійся монархисть замёнялся республиканцень. Отсюда законодательные выборы 14 октября, давшіе большинство въ собранія республиканцамъ, послё отчаянной попытки 16 мая. Отсюда сенатскіе выборы 5 января, окончательно передавшіе власть въ руки республиканцевъ и создавшіе изъ республики правильное правленіе, дійствующее на томъ же основания, какъ и всё установленныя правления. Надо сказать, что лёвая сторона собранія запомнила и стала приводать въ исполнение слова Тьера: Франція будеть принадлежать самымъ благоразумнымъ". Конечно, меньшинство врайней лівой стояло за врайнія рёшенія; но Гамбетта, безспорный глава партін, пустилъ въ ходъ словечко: "opportunisme", чтобы харавтеризовать, насколько положение требовало терпёния, ловкости и благоразущия. Несомнённо, что побёда явилась главнымъ образомъ результатомъ этой благоразумной тактики лёвыхь францій, ихъ праветельственнаго такта, спокойствія, съ какимъ онв дожидались, чтобы страна высказалась. Если Греви избранъ въ настоящее время президентомъ, если республиканцы взяли верхъ въ оббилъ излатахъ, то потому, что республиканцы дали совершиться въ ваціи новому неревороту, не тороня его развязкой.

Воть въ коротнихъ словахъ факты, какъ они происходили. Нѣть надобности входить въ подробности; я хочу только вывести заключеніе, что республика, чтобы существовать, должна быть логическимъ слѣдствіемъ извѣстныхъ фактовъ, а не отвлечениой формулей политической шволы. Для многихъ республиканцевъ реснублика есть человѣческое право, единственное законное правленіе, правленіе всѣхъ; единственный возможный государь—это народъ. Конечно, это ирекрасно сказано, и я съ этимъ согласенъ. Но туть мы переносимся иъ чисто отвлеченную сферу. Только математикъ можетъ равсуждать такимъ образомъ, потому что у цифръ нѣтъ воли. А попробуйте-ка приложить теоретическую формулу республики къ народу, и немедленно

все пойдеть виривь и вкось. А все потому, что вы вводите новый элементь, страшный человёческій элементь, не такой покорный, какъ цифры, полный скачеовъ и капризовъ. Поглядите на Францію въ 89-мъ году. За ней стояли въка монархін; она усвощла себѣ обычан, привычки, извёстный складъ мыслей, извёстный образь дёйствія, характеризовавшій то, что называлось французскимъ обществомъ; раса, учрежденія, сами нравы содбёствують недленному образованію народа, усвонвають ему извёстный характерь, кладуть особенный отлечатовь. И что-же! какъ ни старались насильственно преобразовать Францію въ 89 г., она оказалась монархической, пережнить одинъ изъ стращнъйшихъ переворотовъ, когда-либо выпадавшихъ на долю государства. Конечно, старый мірь не могь воскреснуть, начался новый віль; побёды, одержавныя свободой, быле значительны. Но имперія должна была пригнуть всё головы, а за ней нослёдовало возмездіе реставрацін. Это происходнио оттого, что человѣческій матеріаль, такъ холго обработывавшійся вёками монархін, не могь съ-разу освоиться съ-республикой, несмотря на силу республиканскаго давления. Фанатики, сектанты, всё тё, что повинуются экзальтаціи крупкой вёры и торопятся насладиться идеальнымъ устройствомъ общества, о воторонъ мечтають, -знають, что делають, вогда требують сто тысячь годовь, когда стремятся установать террорь. Они сознають необходимость силою обуздать людей, раздавить въ человъвъ все то, что посвано въ немъ прошлымъ, очистить человёка посредствомъ кровопусканія отъ всего, что раса, среда, нравы, учрежденія заронния въ его кровь. Тщетная попытка! еще не бывало примъра нація, которую бы удалось съ-разу пересоздать такимъ снособомъ. Рёки крови идолялись на эшафотв, а изъ нихъ выросъ Наполеенъ, и въ свое время остановилъ революдіонное движеніе и совершиль свое дёло. Произошли еще двѣ революціи, а реснублика все не учредилась; одна революція привела въ іюльской монархін, другая во второй имперіи. Этому существуеть только одно объяснение: общественные и историческіе факты еще не влекли за собой республики, человіческій матеріаль во Францін еще не подчинался республикь; въ немъ все еще сидбла старая нонархическая закваска. Всё теоретическія формулы, всё математическіе выводы отсвавивають оть человёка, въ которомъ крѣпко засѣла привычва. Прочтите нашу исторію, и вы увидите, что то, чего терроръ не могъ совершить, то готово осуществиться въ настоящее время путенъ медленнаго, нереворота въ умахъ. Допустимъ, что страшный толчовъ, данный революцією старивному французскому обществу быль необходных для того, чтобы всковать почву, на которой долженствовало вырости новое общество. Но какая понадобилась затёмъ долгая культура, чтобы это общество созрёло!

Въ этомъ состоитъ вся наша исторія за послёднія восемьдесять лётъ. Мы видимъ, какъ растетъ непопулярность династій, съ каждой новой попыткой реставрадія; сначала ломается старшая вётвь, затёмъ младшая не въ силахъ дать цвётъ, затёмъ вторая имперія сметена вторымъ непріятельскимъ вторженіемъ. Въ это время народъ пріучается къ свободъ, глухое и непрерывное броженіе толкаетъ народъ въ республиканскому порядку, и какъ это всегда бываетъ, когда какая-инбудь историческая сила двигаетъ народомъ, всё мельчайшія случайности, даже тѣ, которыя, повидимому, должны были бы задержать движеніе, сообщаютъ ему только большую стремительность. Словомъ, когда фахты, а не теорія, потребують республики, республика учредится.

Воть что я хочу ясно установить въ началѣ моей статьи.

Во всякой политической задачё есть два фактора: формула и человъкъ. На мой взглядъ республиканская формула-единственная научная формула. Если бы люди были чистые абстравты, оловянные солдативи или пътин, воторыхъ можно разставлять, какъ вздумается, то инчего не было бы легче, какъ превратить въ какой-инбудь часъ времени монархію въ республику. Но какъ скоро въ дёло замъщиваются живые люди, они тотчасъ же ставять формулу вверхъ дномъ, страшно усложняють вопросъ хаосомъ идей, желаній, страстей н безунствъ, какія вносять въ нее. Отсюда вовникаеть политика; самал ничтожная перемёна береть иногда сотни лёть, чтобы осуществиться среди борьбы, безпрерывно возобновляющейся. Къ счастію, факты развиваются, дёло дёлается, формула осуществляется, сообразно нёкоторымъ законамъ, которыхъ историки до сихъ поръ еще вполнъ не уловили. Необыкновенно интересно было бы изучить эту борьбу людскихъ страстей, подчиняющихся новой политической и общественной формуль и написать исторію французскаго общества съ половины прошлаго столётія. Это было бы труднымъ дёломъ. Я удовольствовался тёмъ, что вскользь указалъ, какимъ образомъ послё первой революціи жы постепенно пришли къ республикъ, и какъ въ послёдніе годы республика была основана фактами среди препятствій, долженствовавшихъ, повидимому, преградить ей путь. Теперь мий остается разобрать различныя группы республиканской партін. Затёмъ, познакомнешись съ нашей теперениней республикой, мнѣ будеть легче изучить ся отношенія къ современной литературѣ.

Само-собой разумъется, что я скоро заблудился бы, если бы вздумалъ классифицировать всё оттёнки республиканской партіи. Я долженъ ограничиться тремя или четырьмя характерными типами. Понятно, что я остановлюсь на самыхъ вліятельныхъ группакъ. При

этомъ я отнодь не имаю въ веду полемике; я только наблюдатель. Итакъ, у меня не кайдуть не именъ лицъ, не названій газота.

Во-первыхъ, существуетъ республиванецъ-довтринеръ. Онъ членъ вакой-небудь совты. Зачастую онь протестанть, съ строгных и нуританскимъ складомъ характора. Онъ желесть нопасть въ академию, щеголяеть празильностью рёчи, счастливных равновёсіень духа. Онъ либералъ, ловко эквилибрирующий между крайностами, не склоняясь слишкомъ ни направо, ни налъво. Если онъ человъкъ съ сильными убъжденіями, то общиновенно бываеть тупь и ограничень; тогда это формалисть, буржуа, воторый бонтся народа и отчаялся въ основания монархия по своему вкусу. Но если у него нать твердыхъ убъжденій, то онъ бываеть изумительно ловокъ и уменъ. Его манеры, его рёчь, приличная человёку серьёзному и совёстлявому, скрывають самый мнаый скентицизмь. Въ сущности въ немъ живеть одно только честолюбіе. Овъ понякъ, какъ человвиъ практическій, что лучшій способь управленія — это никого не запугивать и быть скучнымъ. Поэтому онъ создають газету золотой средним, гдъ преобладають сёрый цвъть въ литературъ и политикъ, органъ изъ картона, не гоняющійся за остроумісить и угощающій читателя трудновариными статьями. Этого достаточно, чтобы пріобрёсти вёсъ. Стоять только облечь въ бѣлый галстухъ самыя избитыя пошлостии онѣ тотчасъ же пріобрѣтають торжественный видь. Общирная публика группируется вокругь этой величественной дустоты и живеть академической умъревностью и аккуратностью. Тамъ викогда не называють вещей ихъ именами. Тамъ фабрикують республику, пригодную для благовамбренной буржуазін. То-буржуазный салонъ, съ его предравсудвами, чопорными манерами, неопредбленной религиозностью, торжественностью и скукой. Дёло въ томъ, чтобы прилично эксплуатировать средніе классы; отсюда догматизиъ, готовыя и успоконтельныя миёнія, вёчныя недомольки и добродётельныя завёренія. Я предлагаю присвоить республиканцамъ-довтринерамъ назвеніе протестантскихъ ісвунтовъ. Они возмечтали о власти со дня рожденія-н ихъ долгая кампанія была лишь медленнымъ и осторожнымъ подходомъ въ желанной цёли. Это люди уловокъ. Будьте увърены, что въ республикѣ они признають этикетку. Водкая научная формула имъ противна.

Перехожу въ республиканцу-романтику. Этотъ далеко не такъ опасенъ и очень забавенъ. Къ несчастию, онъ слишкомъ много нумитъ въ наше время. Вступленіе романтизма въ политику — цёлая исторія. Я ее уже разсказалъ въ другомъ мёстё. Нёкоторые драматурги 1830 года, видя, что театральная выручка становится плоха, вздумали перенести въ журналистику свою риторическую шумиху.

Дёло происходило въ концё имперія, въ тоть моненть, когда публика пожерала опповнціонные листки. Въ эту экоху страстныхъ нападокъ на власть, романтизиъ производилъ фуроръ въ прессъ. Тярады, надъ которыми начинали сибяться, слыша изъ на театральныхъ подмоствахъ, повазались новы, вогда появились въ передовыхъ статьяхъ газоть. То Эрнани требовалъ свободы; то Д'Артаньявъ, то Вюридокъ въ широкополихъ шляпакъ съ перьями раскланивались съ самодержавнытъ народонъ и величали его величествоиъ. Никогда еще карнаваль не нивль такого блестящаго усивка. Конечно, народъ не узнаваль своихъ любницевъ нев "Tour de Nesles" или "Трехъ Мушкетеровъ"; ему надовло апилодировать имъ въ "Ambigu" и "Театрв Сен-Мартенскихъ воротъ"; но вся его былая нъжность къ нимъ воскресла, онъ готовъ былъ воскликнуть: - "Враво, Меленгъ!" Такимъ образомъ, на романтическую республику установился большой спросъ на рынкв. Оборъ былъ такъ великъ, что республиканцы-романтики, довольные своей удачей, ограничивались своими напыщенными фразами, не порываясь въ депутаты или посланники, какъ другіе. Подумайте только: никогда театръ, никогда романъ не приносили текнуть колоссальныхъ денегъ: примененie романтическаго нетода въ политивѣ было одной изъ тѣхъ находовъ, которыя съ-разу обогащають ввобрётателей. Пріень быль санни простой: обсужденіе общественныхъ дёлъ пересыналось трескучным фразами, отчаянными антитезами, необузданнымъ бредомъ самой растрецанной фантазія. Сковомъ, требовалось подпустить побольше лиризма, декламировать то à la Трибуле, то à la Рюн-Влазъ, проноситься верхомъ на крилатомъ, фантастическойъ конъ передъ глазами изумленной толпы. Подумайте тольно, во что должна была превратиться политика,----наука, изучающая факты и людей — пріуроченная из романтической формуль. Съ-раву исчезли всъ серьёзныя данныя для наблюденія: риторика замённые анализъ, слова пожрали иден. Рокантики ударились въ гуманитарныя мечты: всеобщее братство народовъ, близкій конецъ всёхъ столкновеній и войнъ, равенство и свободу, сіяющія надъ міромъ, какъ солнце. Съ другой стороны, такъ какъ они эвсплуатировали народъ, то преклоняли передъ нимъ колъно, и нътъ такого вздора, какимъ бы они его не убаюкивали; народъ сталь ниператороиъ, папой, богомъ, и ему нужно было молиться на колвняхъ, подъ угрозой величайшей кары. Рабочіе были бы право очень скупы, если бы не пожертвовали имъ двуми су. Но какое жалкое ломанье, какое безстыдное торгашество! Республиканцы-романтики насибхались надъ здравымъ синсломъ, надъ новбишей наукой, надъ точнымъ анализомъ, надъ экспериментальнымъ методомъ, надъ этими иогущественными орудіями нашего въка, долженствующими пересоз-

дать общество. Это канатные плясуни, покрыние блестнами и иншурей, и кумыркающеся въ идеалё для ващией потёки толны.

Рядемъ съ республиканцами-романтинами сущеотвують республинанцы-фанатики, тъ, которые облевлись въ скрутувъ Робеспьера и обуднось въ сапоти Марата. Эти послёдние замкнулись въ историческую фигуру и не иогутъ изъ нея видти; диковинныя головы, желающія выкроить будущее изъ прошедшаго, не вонимая, что каждый переворотъ наступаетъ въ свой часъ, и уто чалов'ячество не новторяется.

Впроченъ, я сказаль, нев было бы очень трудне власенфицировать республиканцерь, такъ какъ группы вхъ очень многочисленны. начаная оть нетерпёливыхъ крайней лёвой и кончая довольными "оппортунистами". Есть между ними и сектанты, есть и ловне люди, люди, живущіе прояглымъ, и люди, живущіе будущимъ. словонъ-пъляя телпа. Я удовольствуюсь пова характеристикой республиканцевъ-доктринеровъ, республиканцевъ-ронантиковъ и республиканневъ-фенативевъ. Это самыя могущественныя грунин, во всякомъ случав тв. которыя располагають весьма распространенными газетами и, слёдовательно, нанболёе вліятельные. Я вполив уб'язлень. что они точли бы республику на другой же день, какъ стали бы властелинами ся судебь. Республиканцы-доктринеры привели бы насъ къ конституціенной монерхін, и у насъ оказалась бы динтатура черевъ полгода, если бы во главъ управления стали республиканцыромантики и реснубликанци-фанатики. Это натематически вёрно. Кто нествуеть не за-одно съ истиной, тоть естественно должень сбиться съ вути и привести въ заблуждению.

Итакъ, въ монть гланать существуеть только едень реснублеканець, который является настоящимь тружениковь дажной минуты, это — республиканецъ-натуралисть. Если бы я не далъ себъ слова нивого не называть по имени, то я бы яснье высказаль свою инсль, приведя примёры. Республиванецъ-матурадисть, представите-LANE ROTOPAPO ABLADICA BECLUS CHALHELA LATHOCTH, OCHOBEIBROTCA главнымъ образомъ на анализъ и онытъ. Онъ въ полнтивъ провзводять то, что наши ученые создали въ химін и физики, и что наше инсатели готовятся совершить въ романъ, въ истории и въ притикв. Это возврать въ природв и въ человеку, въ природе, ражиятриваеной въ ея явленіяхъ, къ человёку, съ точки зрёнія его иотребностей и инстинитовь. Республиканець-натуралисть прининаеть во внинание среду и обстоятельства; онъ ноступаеть съ наро-LOND HE RAES CE LINHON, NOTONY WTO SHAETS, TTO Y HADORA CCTE CHOR собственная жизнь, свой особый симсль жизни, и его слёдуеть сперва изучить, а потомъ уже направлять его. Общественныя формулы.

.

также каке и натенатическія, отличаются угловатостью, которынь нельзя съ-разу подчинить народъ, и политическая наука, въ топъ видь, въ каконь она существуеть ений, какв-разь инветь въ виду привести, самымъ короткимъ и практическимъ путемъ, страну къ такому правительственному складу, къ какому его влечеть естественная склонность, успленная действіень фактовь. Республиканцунатуралисту чуждо накрахиаленное лиценбріе республиканца-доктринера; онъ держить въ рукахъ скальнель, а не кропильницу; онъ не выгораживаеть одинъ классь на счетъ другого, называеть вени свония вменами, рискул скандализировать буржуазію. Республиканецьватуралисть ничего не понимаеть въ галимать республиканца-романтика, и отчанника риторика послёдняго и идеаль изъ раскранеяваго картона заставляють его пожнисть плечани. Для него всв эти шутники-шарлатаны, облечены ли они въ бёлый галстухъ или въ какой-вибудь средневёковой кафтанъ, выхваченный изъ гардеребной "Ambigu". Они закостюмированы, прицёпляють себё фальниный нось и пользуются политическимъ положениемъ, чтобы обдёлать свои дёлешке, тогда какъ онъ не что вное, какъ труженикъ науки. Даже допустивъ, что существуютъ люди съ убъяденіями среди доятринеровь и романтиковъ, нужно признать, что они строять въ воздухи зданіе, лишенное всякаго фундамента; они вращаются среди заблужденій, примёняють лживня формулы въ людямъ не существующимъ, въ чистъйщимъ отвлеченностямъ, созданчымъ фантазіей; неудиветельно посл'й того, что дёло ихъ рушится, и что посл'йдствіень нач республиканскихъ понытокъ будетъ то, что странъ окажется нужныхъ диктаторъ, чтобы очистить почву отъ развалинъ, которыми они се завалили. Напротивъ того, республиванецъ-натуралисть строить лишь послё того, какъ изучиль и изслёдоваль почву; онь знаеть, что каждый камень, заложенный имъ, будеть проченъ, потому что лежить, какъ слёдуеть, и тамъ, гдё онъ требуется въ силу характера почвы и постройки зданія. Онъ человёкъ фактовъ; онъ сдёлаеть изъ республики не протестантский храмъ, не готическую цервояь, не тюрьму, ведущую на лобное м'есто, но большой преврасный AONT, NONTECTHICLIGHIE ALS BCENT RASCCOPT, FRE MHOFO BOSAYNA, MHOFO соднца и настолько все приспособлено во вкусамъ и потребностямъ обитателей, что они останутся въ немъ навсегда.

Танова республика натуралистовъ, къ которой ведуть насъ факты. Въ настоящей статъй и отмёчаю все это лишь общини чертани. Но очевидно, что исторія нашего столётія вообще и событія послёднихъ восьми лёть въ особенности логически приводять насъ къ этому научному выводу. Разъ натуралистическое движеніе охватило всё людскіе умы, оно не можеть не сообщиться политической наукв.

860

Опо сбизнаю исторію, притику, романъ и театра; оно сообщить рішительний толчовь полнчикі, которая есть не что вное, навь живая исторія и притика. Полична, очищенама оть эмпиричеснихь довтричь и идеализна поэтовь, опирающался на опять и анализь, нельзующался научнымь нетедонь, накъ орудіень, нийющая въ жау порнальное развитіе нація, сообразно ся средь и харавтеру, одна можеть основать во Франции окончательную республику. Слёдуень высказать безъ общилковь, что въ перитика такие, какъ и во всень остальномь, не существуеть безусловныхь принцицовь, не существуеть абсолюта. Существуеть безусловныхь принцицать, не суцествуеть абсолюта. Существуеть безусловныхь принцицовь, не суцествуеть абсолюта. Существуеть просто-на-просте живым организыскін существа, живущія на землій при язвістных уоловіахь. Реснублина пречно утвердится въ странѣ тольке тогда, вогда провражника въ условіе самаго существования этой страны. Вий этого факти, конзія поннтки являются временнымъ и некусственнымъ неранскогь, нетерий рухнеть, произведа катастрофу.

Π.

Посмотрить тенерь, какъ относятся различныя группи республиканской партія въ нов'ящией литератур'й.

Въ нослёдніе годы меня носёщаеть иноге иностранцеви, въ особенности русскіе и итальянцы. Я люблю наз слушать, нотому что они всогда висказивають ина оригнальния суждения о францувскомъ народъ, очень сильно на пеня дъйсквующія. Всв они очень диватся топу факту, что: республиванская партія рёвко враждебна литературными повществони, нападнени на инсателей, освободининкся оть традицій и наущихъ впородъ, отвергають провзведенія, написанныя въ духв аналетическонъ и эксперенентальномъ. Ва особенности же рожанисти-натуралисти нодворгаются саному безнощадному гонению со сторони санихъ влательнихъ органовъ этой нартия. И вностранци наваль не могуть этого понять. Огного это? откуда это странное вротиворъчіе новыхъ политическихъ двачелой, вреслідуницихъ новыхъ писятелей? какъ желать свободы въ рълъ управленія и отрацать у литературы право расширить свои рамки? Я не разъ старался объяснить моних постичелямъ такую диневинито аноналію. Но они не вподнё понимали меня, -- до того это ноложение діль казалось имь страннымь. Текерь постаряюсь вноявалься внолив **SCH**0.

Во-первыхъ, существуютъ карактерине прецеденти. Въ эноку первой революци, съ 69 г. до индерия, тогдициям литература оставалась классической; не было сдёлово ин едного усилія, чтоби разбить

Томъ II.---Апръль 1879.

спаранную формулу, напрогивь того, все сильнёе и сильнёе разбавляли: водей прёсную формулу семиалиятаго вёка. Неправда ли, что эго любопытно? Воть люди, кираздняющие нороля, управдияюще Бога, мелающе стереть скаринное общество сь лица венли — и они-то именно удерживають литературу проимаго, моторое желають изгладить изъ исторіи, и новидямому совсёмъ не подеррёвають, что литература есть непосредственное выраженіе общества.

Гораздо цозно отголоски революціи отвликнулись въ литератур'в. (-Посяй имперія, во время роставранія, романтическій бунть разразвлся кана накой-нибуль литературный 93-й года. И что увидали мы тогда? самое удивительное изъ зрёлищъ. Мы увидёли, что республиканци ниц сворбе, инберали, тё, которые желали воспользоваться побёдами революція, тё, которые проновели перевороть 1830 г. во ния свободы, нодворгавшейся опасности, стели занишать классическую литературу и рёзко нападать на торлествующій романтизнь, на драмы и романы Виктора Гюго. Достаточно прочитать нёсколько нумеровъ тогдашнаго "National", чтобы убъднъся въ этомъ. Таковы факты. Во Францін каждый разъ какъ политическіе дёятели замышляли освобождение нации, они начинали съ недовёрія къ писателямъ н съ отремленія, заключить ихъ въ каной-нибудь древней формуль, какъ въ темницъ. Они ниспровергаютъ правихельство, но намъре--вылося реплементировать мысль. Ихъ отвага ограничивеется более или менйе разкимъ преобразованенъ власти; но ови не допускають преобразования интературы. Они стрематся нь политическому перевороту и. чувствують странную потребность задержеть латературный паревороть. Между така, повтораю, оба эти переворота должны нати рука объ руку, однах напысных бовь другоро, обе ведуть въ одной цана. Чно же такое скрывается на глубина такого отношения рес--публинанской нартія кь лигератур'я? . 1.

Замётьте, что саканъ этотъ оказывается ненякънныкъ. Въ 1830 г. либерали отвергали рожентизиъ; въ настоящее вреня республиканци отрекаются отъ реализма. Можно думать, эначитъ, что существуетъ -пезибленое начало въ этокъ недоброжелятельствё, въ этокъ недо--кърін въ новниъ литературнымъ формуламъ. Очевидно, это незыблемое накало существуетъ, и я постараюсь сейчасъ опредёлить его. Но я думаю, что служейныя причины временныя еще многочисленнёе и могущественнёе.

Итакъ, я оставлю врошлое и займусь тольдо настоящимъ временемъ, — разсмотрю, какъ относятся въ натуральной школѣ различныя республиканскія групны, о которыкъ я годоралъ вище.

Вовьменъ сначала республинанцевъ-доктринеровъ; они, какъ я уже говориль, остались здассиками. Одинъ изъ нихъ, человъкъ съ

XPOHNEA. - DAPERCELS BRODMA.

в'Есонь, мурналноть, котораго ого торжественная тяжелов'ємость иривела въ сенать, висаль недавно, что Стендаль и Вальзавъ-нисатели двусимоленные, недостойные того, чтобы кресоваться во библютела порядочныхо челована. Другой, бывшій наофессорь, презранняный въ диплоната, раздазалъ направо и налъво удары линейкой въ ОДНОИЗ Журналь, оз безсельной воостью бездавнаго ничтожества. Я могь бы принести дведчеть такихь пранировь. Они образують цёлую группу юзувтовъ, застогнутыхъ на всё пуровици, стращанихся словь, тревонущихъ передъ жизнью, желиоть инзвести инрокое двежение новъйшаго анализа въ узкому кругу правоучительныхъ и патріотическихъ побасенокъ. Это саний проглацый сорть холодныхъ и безбородыхъ евнуховъ. Я понинаю, что върующіе поголики насъ не любять, нотому что им разбиваемъ иль вёрованія; я понямаю, что старый міру возмундается жестоностью нашего ана-JESA, DPCEPARADIRATO OFO BL ROPERDES; HO STH JDAN, TEOPERADIRIO, что они ндугъ съ вёкомъ, эти люди, въ рёчахъ своихъ требующе свободы мысли, нечему эти лоди противь нась, когда им двательнве, чень они, трудиися надь основаниемь общесява будущаго?

Я сказаль: въ наъ отношение много лицентерия. Наше дело делается при свыть бълаго двя, ин слишнонъ громно говорниъ правду, ны ихъ слущаеть своей отвровенностью. Они утели стоять въ оппознців и видёть человёчество он laid; но какь своро они стали у дель, человёчество делается преврасныть.--- новольно обличений! они управляють, набросных на все покрывало! Ихъ отдёлаеть отъ насъ цёлая бездна. Люди умёренные и аккуратные, люди доктрины, буржуа съ предразсудками или шурники, ловко разнирывалацие конедий добродётели, дёльцы, желающіе увеличать водписку, печатая фольетоны для наторой сонойствъ, сийсь акадомнческихъ уновъ съ податогичесьние головами - всё они ненавилять инстичетные или изъ разсчета свободную рёчь, живой, картинный жингь, сиблость анализа, мощное проявление личности инсателя. Кань это часто повторяль великій современный стилисть, великій романисть, они "ненавидать литературу, неньвидать се такъ сильно, что становатся ва дыбы передь фрасой поста, какъ лошадь передъ пренятствіемъ".

У республиканцень-романтиковъ недоразунёніе пренращается въ простую распры двужъ различныхъ школъ. Само собою разунёется, что романтики, приставніе въ республивѣ, чтобы спасти свои доходы, тревошно слёдять за движеніемъ, совершающимся въ пользу писателей-реалистовъ. Усиливающаяся любовь въ дёйствительности, интересъ, внушаемый всякимъ произведеніемъ, гдё преобладаетъ анаинзъ, не безъ основанія заставляетъ ихъ опасаться, какъ бы толия не отвернулась отъ нихъ и отъ ихъ произведеній. Что съ нижи ста-

Digitized by 55 00gle

нотся, осли кирасы и султаны выйдуть нов коды, осли однахь тирадъ стансть нало, если чичатели нотребують асныхь и научныхь ндей, живнать линь, подъ драпировкой слога? Не только къ жаз PORREAMS H MIS IDAMAN'S RATHHADTS OTHOCHTSCA EDETWYCCHE, HO H вся ихъ волитика начинаеть выжевать улибку, къ нимъ скоро перестануть относиться серьёзно. Тогда, вида опасность, угрожающую ихъ гордости и ихъ конельку, они начинають сердиться; они выказывають притворное пренебрежение и отвращение къ невнить писатеданъ. Вийсто того, чтобы признать, что ронантический неревороть быль просто-на-просто толчеонь, дажнымъ паровому натуралистическому движению, они отрицають это послёдное; они желали бы удержать французскую литературу на 1830 г. Это стремление заключиться въ одну какую-нибудь эноху, воннотить литоратуру въ одной навой-нибудь формуль, или въ одномъ человань, объявить, что отнина нать будущаго, весьма заравтерно, и нельзя нривести болае разительнаго противорачія, какъ прикаръ людей, допускающихъ всевовможный протроссь въ политенъ и реминтельно отказивающихъ литература, въ права развиваться и обновляться. Но во враждебномъ отношения республиканцевъ-ронантиковъ въ писателниъ натуральной инслы есть еще болье важная сторона. Они стараются уронить ихъ въ общественномъ мибнін, забрасывають ихъ гразью, обзывають ихъ неорногойными, площадными роказистами-порнографами. Понинайте это такъ, что эти романисти потчають человёна, каковъ онь есть, бесть пригрась, разбирають и анализирують его какъ ученые экспериментетеры. Въ сущности, несмотря на всё эти ругательогва, которыки иль пытаются занарать, они просто-на-просто труженики правды, а рокантики-труженики идеала. Туть вся разница въ литературномъ метедъ и философін, но она канитальная. Роман-THEN CUNTAIN NUMBERS TEDAMATE H HOATSIHBATE TOLOBBROCKIO LONYменты ради удовольствія и пользы націн; ны же уб'яждены, что лучше предлагать документы, не намбиля ихъ, если желаенть задёть націю за-живое, и создать произведения нависи поучительныя. Очевидно, согласіе невозможно, надо, чтебы одни истребний другихъ. Я спокоень на стегь исхода борьбы. Я только вамъчаю, что ронантиви компреметтирують республику, проводя се черезь каной-то гуманитарный карнаваль, наряжая се въ отренья репертуара 1830 года.

Наконецъ, республиканды-фанатики — недъ этимъ наяваніенъ я разумѣю ограниченныхъ и пылкихъ людей, видящихъ въ реснубликѣ учрежденіе божественнаго права, которое нужно насяльно навязать людямъ, — вообще относятся въ литературѣ съ презрѣніемъ. Она для никъ нѣчто въ родѣ безколезной роскони. Они не признаютъ, чтоби ена нграла важную родь въ общественномъ меканизмъ, и если даже

•

и допускають со, то стренятся нодчинить общимъ правиламъ и указать определенное занономъ мёсто. Прудонъ, оденъ наъ самыхъ сильныхъ умовъ нажето времени, не съумънъ однако посмотръть на нспусство ннате, какъ съ точни србији политической экономін. Онъ метталь отрубать голону гению и желаль создать народь ресовальщиковь благованёрениних и хорошо обученных для того, чтобы съ успёхомъ занёнить собою бунтовщика Делавруа. Понячно, слёдовательно, что веё эти республиканцы, относящиеся съ такних недовёриемъ из литератури, не особенно расположены признать новыя литературныя формулы. Въ ихъ душё живеть, произ того, историческій ндеаль реснублики, черная вохлебка спартанцевь, гражданская нетериниость Вруга, провавое ослобление Марата, и та республика, какую они желають, крачная и угрюмая, нивеллирующая и автопратическая; эта республика-чисто-фиктивное создание классической фантазія, совершенно весевийстикая съ нашей эпохой, плохо ужнлась бы съ литературой, осневанной на наблюдения и анализё, нуждающейся въ безусловной свободъ для своего развитія. Итакъ, республиканцевъ этого сориа им осворбляенъ еще и твиъ, что не разділяень того кошивра, который они видять на яву, нотоку-что не соглашаенся на то, чтобы насъ размёстиля по нумерамъ, по ранжеру, отвативаемся повиноваться невестному пароло, разсматривать человёка, какъ палну, воторую втывають, куда вздунаются, в которая должна произрастать. Они стоять за готовую формулу, ин стонись за попрорывное неслёдованіе, за уваженіе из человёну. Слёдовательно, MU HHEARD HE MOMOND CTOLEOBATECH.

Я снаваль, что, вий случайныхъ причниъ, существують общія причины для объеснения видиной враждебности республиканской парти из новой литературной формуль. Эти причины существують при всинаго рода правидельствахъ. Какъ тольно республиканци стали у власти, они но сийли избълать общаго закона, из силу котораго наждый человань, ставь господиновь, начинаеть опасаться свободнаго слова. Нахедясь въ облозицій, они съ востортонъ декретирують свободу печаля, отнёму всякой цензуры; но есля на другой день революція сажаєть нашего политика на министерсное кресло, первымъ его дёлонъ будеть удвоштв число цензеревъ и полюлять регламентровать даже дневныхь событых въ газетахъ. Колечно, я знаю, что не существуеть такого инислетнаге инвистра, воторый бы не геркль планенных желеність открыть пода своють именень золотой кань Аюденнка XIV; по это только прездничная фанфара, которою онь приватотвуеть свое поляжение у д'язь; въ сущности, ислусство и литоратура интересують его очень нало; политика всецью поглониветь его; затёмъ, если его мучить охота заставить говорить о своемъ

царствовения, если онъ дъйствительно обрачнуъ внимание на инсателей и художниковъ, то это является истикнымъ бъдствонъ, опъ путается въ вопросахъ, ему нензвёстнихъ, норажаеть своихъ подчененныхъ изумительными виходгами; раздаетъ награды и пенси такниъ бездарностянъ, что сама толиа начинають, наконецъ, пожинать плечани. Итакъ, вотъ въ чему приходитъ каждый человёкъ, попавъ въ правительство, каковы бы ни били его дебрия намёдения. Онъ роковымъ образомъ поощряеть бездарности и оставляеть въ сторонѣ таданты, если не преслёдуеть нкъ. Выть ножеть, въ этонъ скрывается государственная причина. Правительство подоврёваеть литературу, потому-что она представляеть собою силу, уснользающую оть контроля. Великій художникъ, великій писатель ниъ ивнаеть, пугаеть ихъ, какъ только они почувствують, что онь не подчинается дисципленив и вооруженъ мощениъ орудіенъ. Если они донускають живопись, романь, драму, какъ невинное развлечение, то тотчасъ же HANNHARDTS INTETLCS, EARS TOLLEO OHN MIXOLSTS NOS OGH COHHITS ранокъ., какъ только живописецъ, романистъ, драматургъ проявляють оригивальность, высказывають встину, которая принижется со страстью. Опять та же "ненавнеть въ литератури". Не смен стоять особнякомъ и быть сильнымъ, не смёй писать живымъ язивомъ, звучнымъ, живописнымъ; главное, не сибя производить вереворотовъ, а не то какъ разъ встревожинь и ревсердинь ининотровъ. Королевская власть, имперія, республика, всё правительства, даже тё, что стремились повровительствовать литературь, отвергали писателей оригинальныхъ и новаторовъ. Я говорю преимущественно о новъйпихъ временахъ, когда нечатное слово стало страннымъ оружіенъ.

Воть каково положеніе дёль, я я его сейчась резпонирую. Писатели натуральной шнолы имёють кедруга въ республика, потому-что республика стала окончательной формой правленія и отныхё заражена той особенной болёвнью, которую я назваль "ненаенствю къ литоратурё". Кроиё того, противь нихъ республиканцы-доктринеры, республиканцы - романтики и республиканцы - фанатики, словонъ, всё самыя вліятельныя группы партіи, которыхъ оки задёвають или въ нтъ лиценёріи, или въ ихъ интересахъ, или въ ниъ вёрованіятъ. Нужно ли распространяться далёе, и иностранцы, незнакомые съ закулисной сторовой дёла, будуть ли предолжать удиванться тому, что республиканская партія такъ ожесточение "бьетъ" молодыхъ инсателей, выреснихъ вийстё съ нею и трудицияся надъ одникъ общимъ дёломъ? Я могъ би вривести еще болёе подробные факты, не достаточно и тего, что я указаль на общія причини. За насъ стоятъ только республиканцы-натуралисти. Тё, которые котятъ насадить

роспублику путекъ науки, путекъ экспериментальнаго негода, тѣ сознають, что мы дѣйскнувать за+одно съ шини. Это видарщиеся изъ толки люди, и естественно, что они ве многочисленны; но они конандують или будуть конандовать со временень, и если должны унотреблять бендарных солдкта или дане, офицерств; по недостатку въ людяхъ, которымъ страданить вой партія, то-социльноть, не-правнеймъръ, о тъхъ глупостанъ, которыя творать за ими республики, и надъятся вности со времененъ бодьше правды и больше силы въ правительство.

Приведу сдёсь типическій цуниёрь, когорий покашеть диконникій виглядь нікоторыхь роспубликанцевь на литературу. Самый серіезный упрекь, накой я сліниять оть инних литературі натуральной школи, это то, что она литература фантовь и, слідовательно, бонкнартистская. Это ийсколько тенно---и я постараюсь поленить.: Для инисуноиянутыхь республиканцевь, иниврія основнивансь на фантахь, а роспублика на принций; слідовательно, литература, допускающая только фанти, отвергающая абсонник, идеаль, есть литература бонкпартистокая. Что туть приканоге ділать, сийяться или сердиться? Поравинскиеть хоронненько, я иниеры, что вопрось важный, потому что на глубиві этого удивниемьнаго обянновія сприваются вопрось о самонь существовными республики, который и уже затронуль.

Существуеть наого республиканцевь, которые такинъ образонъ объявляють, что республика есть абсолють. Республиканцы, наянваеные неор фарателани, ставних это нань непреложную акстому. Республиканцы-романуные такурть объ идеаль, разнахновоть своних сулчаномъ, соедають республики апоссезь рая, рисулить Вога-Отца во фригійской шаний и сіянцаго, какь солице. На ной вилидъ ничего не можеть быть болёе ребячесных и онаснало, чёнь все это. Я сегласень, что существують принципн, карь существуеть ролиная, для сповойствія чеслинах людей. Но дёло ве точь, что абсолють сезь чисто-философсиан забава, и о немъ врілтно разсуждать за досертонъ. TTO NO RECEPTOR TOPO. VIOÓN ÓDATE OFO OCHORADIONE MORCHERE ABES - то это значнух выводнув адание на неску, и оно рухноть при первоиъ дуновения вътра. Какъ д уже объяснять, ин ненедленно BCTVHAGH'S B'S OGLACTS OCHOCHPRISHIKS HOPPIN, HAB'S TOLEBO HOSPLAGTCH жевой чаловывь свіого сногочнодонными котребноотдин. Тучь сейчаль управляюти один факти. Эсерьноленно, восбранать, что уничтона-CHIL HEREBID, BRIEBAR, CO BRANNESSCHORE CORODINALIZOR GARTOPH. Разв'я ножеть существенать правизеляство вий финтовъ? разв'я реснублика нь настоящее преда не есль правительство обвершиянихся фанконъ? развё не факты инеличе селонали нее опончательно? ---

Digitized by Google

٠.

. 1 . .

Вокановть вторуд: янпорію. Въ явотолидо время можно гронке внеказать правду. Вторая выдерія появилась потому, что республина утомила Францію. Она доржалась вий факторъ, не спремилась VAGRICTRODENE HOTPOGHOCTH, OR& BANYTAJACS PL HYCROSDORHHIXT ROLERDS-DEXE, BE FROMEROIDENTS DECEDERS, BE CAMERE TYNAMEDINE E CAMERE напрактическихъ теоріанъ. Приномните энеху республики 1848 года. Всй попытав, абластия св. рушалась, потому что не одна но нибла нодъ собой нечью; се ножирало куманикарниченые, често уковрительный соціализить, романтическая риторика и религіозность контовъданстовь. Она никогда но понциала Франціи, которой хотёла управлать. Она поображала, что можеть проделивать надъ ной экспериновчи, какъ надъ тругомъ. Коночно, слова били воликолънныя: свобода, разелотво, братство, доброджиель, честь, папріотникъ. Но відь это были один. слова, а для того, чтобы управлять --- надо дёла. Представьте себё самых благонанёренных лидей въ мірё, людей очень доотойныхь, очень добрыхь, которые сваливаются въ страну BNL BHOITH BETHADONYD H SHABOMHTLCH CL BOTODON ORB BOBCO BC желають, а задались странной инслыр насадить въ ней чисто теоретический повянокъ управления. Естественно будеть то, что страяз, насклыственно. потревоженная, не захочеть подченными опыту. Въ концё-концора наступить дикратура. Эпо мы и эндёле 2-го докабря. Франия признала господина, котому что устала оттого, какъ ен вертіля пілнять три года, не давая новоя.

Изучая восоннаднатияйтий періодъ второй имперія, токе заийчеснь в на менъ всемотущество фантонъ. Имперія, провозгланенная накъ: искодъ изъ тажелого положенія, макъ: облогченіе, сама губитъ собя, медненно подготовляеть республивансями идею, и когда рушится, то сила фантонъ учреждаеть окончательно :республику.

Я моному неотерало это, что на этолъ необходино нистаниять. Неян въ настоящее срока республика существуеть, во не въ оклу абсолота, не въ силу принципонъ, а отгово, что этого хотлуъ факты, они дѣлають жать нея единотвенное и вравняеное удовлетнорение потребнеотей страны. Ненесрадственное и вравняеное удовлетнорение потребнеотей страны. Ненезно, право существуеть, но нраве не что инос, лакъ факть сансивате норядка; или, если кониге, факть окончательний, из колбрену торенатов веб пареди синеза факты пренежутотные. Докустить, что въ настоящее времи ин достили рекнублин; но эта феспублика тъбить не скоите заначаюта, приведния насъ кълна, на соторената вез посите заначальства, приведния насъ кълна, на соторената вез посите заначало на состили рекнублика; но эта феспублика вез настоящее правительства, приведния насъ кълна, на соступната не скоите заначалоства, приведния насъ кълнай. На состата на спорека станательства, состата рекнублика из стать республика настоящето правительства, состата не станато каза колорание на состата и правительства, состата не сило каза состата на станата на состата и спорека состата состата состата состата состата соктанието на состата настоящето на состата состата состата состата состата настоя из стана состата на состата и постата состата состата состата состата состата состата на состата состата на состата состата состата на состата состата на состата на состата состата состата на состата состата состата состата состата состата на состата состата состата состата состата состата состата на состата с

Итань, ны видних, какой синсль нийсть обвинение ибноторыхъ DOCUTOLINATHERS, VIDERADHIELS HACK SA TO. TTO ME EDERODIERACION тольно фактовъ. Да, одни тольно факти нивноть въ нашихъ глазахъ ваучную точность; им вёрних только въ фанем, потому что вся совреисники наука выросла только на фактарь. Чолоквческий документь служить для нась прочнымь и вёрнымь фундансяромь. Мы предоставляенъ мочтотелянь идеаль, абсолють, насываёте вавъ хотите, нотонт-что этогъ-то самый абсолють и задерживаль въ предолжения столькать выковь людой в заводщь ять на ложный путь въ исканіяхь астаны. Мы назараень фанты, ны не судань вхв, потону-что судать не наше дёло, ин вёдь тольно ваблюдателя и аналитики. Ми наложная фануь импорін, ставши историкомъ этого историческаго періода-н мы наложних факть республики, когда она вступить въ область нашей исторія и создасть новые нравн. Назвать натуральную шволу боналартистской литературой - это одна нуз такъ гронкних глупостей, воторые рождаются въ таконъ череп'я риторова ндеала. Я, вапротивъ того, утверждаю, что натуральная швела есть литература республиванская, если разсматривать республику какъ правительство гуманное, по преимуществу, основанное на всеобщемъ аналияв, порождаеномъ большинственъ фактовъ, словомъ, отвёчающее наблюденнымъ и апализированнымъ потребностямъ націн. Вся познтивная наука намего вбка-въ этомъ.

Въ сущности, въ литературныхъ распряхъ всегда заключается философскій вопросъ. Этоть вопрось ножеть быть затемнень, до него сь трудонь добираются, сами писатели не съумбють зачастую сказать, какія ихъ върованія. Но темъ не менъе антагонизмъ между школами обусловлявается ихъ представлениемъ объ нотинъ. Тавниъ образонъ, романтномъ несомийно принадлежитъ делому. Вангоръ Гюго, въ BOND ONE BORLOTHICS, ROLVHIE RETOINSCOO BOCHTANIC. OT ECTODED никогда не могь вполий отрёшниться. Вожество нензбилно появляется нь концё каждой но отрефы-н неявляется не тольке какь догмать вёры, но и какъ литературная необходиность, какъ выражение ндеала, присущаго всей николё. Перейдите теперь из натуральной плояй: дёло натуралиста то же, что и у химиковь и физиковь. Онь тольно собираеть и влассифинирусть довументы, по не приводить ихъ въ одному знаменателю, не завлючаеть по нимь объ ндеала. Един хоннте, это и есль изсибдование идеала, того, что есль, а не догнатическия словопрения, не риторическия словонзвержения о CHORES-CONCEPTIONALS, BARL J' RACCENCERS I Y DOMARTHESE CROB DIRO.MI.

Что розантики и влассний, что деноты нанадають на насъ съ

BASTERES EBPOHLL.

фанатизмонъ религосныхъ страстей - это я внедий понимаю, потому что им расходнися съ внии въ всекрѣніяль на идеадь. Но что меня всегда поражало, это то, что многіе атансты республиканскей нартів нападають на насъ съ сліной яростью. Какъ! это люди инспровергающіе догнаты, желяющіе убить Вога и требующіе во чте бы то не стало идеала въ литературѣ. Имъ вужно минурнее небо; съ сверхъ-естественными чувствами, съ небесными картинами. Въ общественной наука они объявляють, что не нуждаются больше въ релити, что религи приводить въ погибели; а какъ скоро ръчь зайдеть о литератури, такъ начинають сердичеся, если не провожидуень религио прекреснаго. Но, право, эта религи ве можеть обойтись безъ другихъ. Преврасное, абсолютное совершенство, епредёляе-NOC IIO ESBECTHENE, HONSNÖHHENE SAROHANE, COTE HO TTO HEOC. RAES матеріальное выраженіе божества, о которонь нечтають и которое обожають люди. Если вы отрекаетесь оть этого божества, если вы желете заняться изучениемъ философскизъ задачъ, изучениемъ вселенной, природы и людей, вы необходимо должны признать литературу натуральной школы, которая какъ разъ и представляетъ собой литературное орудіе для новаго научнаго рішенія, котораго ищеть наше столётіе. Во всемъ есть извёствая связь. Кто ндеръ съ вёнонъ, вто ндеть съ наукой; тоть должень быть съ нами.

Ш.

Верненся из сторон'я практической. Я затронуль всё эти великіе вопросы линь инноходонъ, чтобы рёзко опред'ялить литературный перевороть нашего времени. Въ сущности, я им'яль въ виду лишь отнешеніе республики къ литератур'.

Одинъ изъ послёднихъ министровъ народнаго просвёщенія---человёкъ очень милый,---билъ одуповленъ, повидниому, наклучними намёреніями при вступленіи въ должность. Онъ съ особыть усердіенъ разспрашивалъ всёхъ, кого видёлъ, говоря: "поязвлуйста, скажите инъ, что мив дёлать, просвётите исия, укажите, чего писатели и художники ожидають отъ правительства".

Можно было дунать, что оть твердо намёреть узнать истипных нужды и удовлетворить низ. Однажды я присутствоваль, когда ининстръ бесёдоваль со имогные наъ нонкъ собратовъ. Оть обходнать ихъ всёхъ и у каждаго спрашиваль его миёніе. Одинъ просиль субсидій, чтобы сездать родъ общирной зыцикловодія но исторія и

точнымъ маукамъ; другой предлагалъ отправить миссію въ нёветорые монастыри Малороссія, гдё, накъ онъ нодоврёвалъ, сврываются литературныя сокровища. Конечно, все это было превоследно. Не совнаюсь, что это меня не удовлетворяло. Нашелся одниъ, которий просто-на-просто отвётнать ему: — дайте намъ свободу и вы будете великимъ министромъ.

Свобода-воть все, что можеть для нась сдалать истинно полезнаго правительство. Я не отридаю роли, какую нризванъ играть умный инвестръ. Въ его вёдомствё находятся школы, онь устран-BACT'S KOREVDCH, DARASCT'S SAEACH, HAPDAMAACT'S TAJAHYS, HABHAVACT'S пенсіи. Смотря по человіку, стоящему у власти, бекдарности ноощраптся болёе вли менёе, хотя в утверждан, что львиная деля всегда ROCTACTCA BCO-TARH MMS. HO RARVE HOLLSV REBIORADTS HCRYCCTRO R литература нев этого видшательства и повровительства правительства? Все это частности адменистративной кухин, которыя ве вліяють на движение уховъ и появление велинихъ талантовъ. Назначають ненсію б'янаку, награждають писателя, который понравнися, но литературѣ отъ того ни холодно, ни жарно. Таланты рожлаются помимо правительства; и даже почти всегда бываеть такъ, что правительство не признаеть ихъ до твхъ поръ, нока они не заявять о своей сний. Я веду въ тому, что въ литератури въ особенности министръ не можетъ имъть никавого прамого вдіянія. Предположных даже, что онь чрезвнуайно умный и развитий человёнь, все же онь не въ силахъ смести бездариости, раздать свои врести и пенсін истинию оригинальнымъ талантамъ, потому что всякаго рода усложнения возникають на его пути, потому что въ дёло визинвается политика, и потоку что ему приходится волей-везолей держаться рутиннаго способа управления. Но если бы даже онъ и совсомных чудо, то все же быль бы только пресвищенных меценатомъ, другонъ литературы, который бы доставиль писателянъ много пріятваго. А нежду тёнъ ножоть быть другая, болёе величественная, роль-нисателей можно надёлить болёе пённых даронь, предоставнеъ ниъ больную свободу.

Объяснимся: ми всё тружения, выросние на свободё, не нуждающеся въ заказахъ, разсчитывающе тольке на публику, только отъ нея одной ожидающе платы и награды за нашъ трудъ, мы просимъ отъ политическихъ дёлтелей только одного: свободи. Они толкують про то, чтоби предоставить націю си собственнымъ силамъ! Ну, такъ нусть же они предоставить склада дитературу си собственнымъ силамъ, пусть они освободять се отъ путь, надеженныхъ другими правленіями. Что сказать про республиканцевъ, требующихъ волиской

BECTHERS EBPOHH.

свободи и не начинающихъ съ тою, чтобы провозгласить свободу нечатнаго слова? Пусть они оставять при себё свои пенсія; не надо намъ ихъ содёйствія, ми не хотинъ только подчиняться ихъ полицейскому надзору. Мы требуенъ одного: свободы; ми имёемъ на нее право, подайте намъ ес. Политическіе дёнтели задерживають свободу, пусть они возвратять намъ ес.

Развѣ не нозорно, что печать въ республикѣ еще не виолнѣ свободна? Развѣ не поворно, что еще существуеть конмиссия розничной продажи книгъ и газеть? Развѣ не новорно, что есть все еще театральная цензура? Незѣроятное дѣло: эту цензуру вновь установили, строго предписавъ ей слѣдить за нравственностью.

Я не могу входить въ разборъ существующихъ у насъ законовъ о нечати. Извёстно, накъ оми строги. Наша французская республика относится съ такою же суровостью къ газетамъ, какъ самыя автократическія королевства. Пока республиканцы не били у дѣлъ, они висказывались за безусловную свободу; увидимъ теперь, приномиятъ ли они это. Что касается коминссін о розничной продажѣ, то она не только отёснительна, она просто глупа. Ну, можно ли придумать что-нибудь неяёнёе разницы, которая проводится нежду книжной торговлей на дебаркадерахъ желѣзныхъ дерогъ и торговлей въ сосѣднить улицахъ. Всѣ прохаживаются по треттуару, я имъю право продавать на неяъ книги; особая нублика, состоящая изъ нутенественниковъ, бѣгомъ проносится по дебаркадеру, и я могу продавать книги только въ томъ случаѣ, если коминссія объявила изъ кутенественниковъ, бѣгомъ проносится по дебаркадеру, и я могу продавать книги только въ томъ случаѣ, если коминссія объявила изъ кутенественниковъ, бѣгомъ проносится по дебаркадеру, но при республикѣ она непонятна и отвратительна.

А театральная ценкура? неужели же она останется вёчной? Правительства рушились, а ценкура остаются. Туть вопросъ представляется шире. Я энаю, что ценкуру считають добродушной; инсатели, имёющій успёхь, утверждають, что съ ней легко ладить. Одинъ нокладлиний челерікь говориль инё: "пазовите инё хорошія произведенія, которыя бы ценкура запретила давать?" Я отвічаль ему: не могу назвать вамъ заглавія мастерскихъ произведеній, которыхъ насъ лиинию ценкура, потому что эти произведеній, которыхъ насъ лиинию ценкура, потому что эти произведеній какъ разь не были написани. Весь вопрось въ этонъ. Если ценкура не играеть діятельной роли, то вредитъ накъ цугало, нарализируеть развитіе драматическаго искуссива. Вей знають, какихъ пьесь не слідують писать; кийи пьеси не будувъ пропущени депкурой---и не пишуть этихъ ньесь. Такимъ образовъ унрадилятся цілая иледовитая отрасль литерануры---пелитинеская комедія, если тольно она не захочеть ограничнъься ролью невинией шукъв. Это такъ вредийе, по-моему.

что вся современная номедія заключается въ политикъ. Нанихъ инсателей упрекають нь томъ, что они не придунывають инчеро новаго, что они повторяють избитие типы, что они не упъють смъяться, и накъ разъ запрещають инъ касаться политическаго міра, того самаго міра, который дълется все мумнѣе и мумнѣе и наполиять собой все стелѣтіе. Комедія должна питаться современной жизнью. А у насъ гдъ не современная живнь, какъ не въ политикъ? Тамъ только и найдуть наши писатели харавтеристическая черты нашего времени, новый складъ апестнотъ и интересовъ и сибиным слабости франпузскаго общества. Преграждая ниъ такое общирное понряже, неневѣстное прошлому столѣтію и съ каждымъ днемъ все расширяющеся, вы осуждаете ихъ на безсиліе. Это все равно, какъ если бы вы разрѣщили скульптору высѣчь статую, но отказали бы ему въ мраморѣ, который ему для того нуженъ.

Словонъ, повторяю, обращаясь въ нашанъ полнтическимъ дёятелямъ, пусть они дадуть писателямъ неограниченную свободу. Вотъ все, что они могуть и обязавы для нихъ сдёлать. Все остальное -милый фарсь, ви из чему ровно не ведужий. Замитие, что если республика откажеть намъ въ свободъ, какъ и имперія,---ин съумъемъ взять эту свободу. Геній нація всегда находнять себув ноходъ даже и при имперія. Въ сущности, я того мизнія, что форма правительства безразлична для литератури, а вліяніе власти на литературу ничтожно вакъ въ добрё, такъ и въ злё. Но, будучи республиванцемъ, я все-таки нахожу, что было бы прекрасно со стороны реснублики даровать нолную свободу литературь. Пусть она откажелся оть претензій руководить, поощрять, награждать литературу — в нусть только предоставить свободно развиванься геніальнымъ и творческниъ силамъ нашего в'яка. Роль эта весьма не китрая. А нежду тънъ ни одному правительству еще не приходило въ голову удовольствоваться ею. Неужели республика не будеть благоравуниве имперіи?- весь вопрось въ этомъ,

Во-первыхъ, нужно было бы, чтобы во главѣ республики стояли истинно талантливые люди. Я не понимаю республику, унравляемую бездарностями. Миѣ это кажется нелогическимъ. Когда въ странѣ существуетъ самеуправленіе, то люди, получающіе отъ своихъ согражданъ полномочіе на власть, естественно должны бить самыми умными и самыми честными. Въ противномъ случаѣ въ чему же выбирать ихъ? Если они бездарны, соминтельной честности, ничтежнаго ума, если, словомъ, въ нихъ нѣтъ никакихъ достоинствъ, то я желаю лучне, чтобы миѣ возвратили прежній порядокъ. Въ тотъ день, когда станетъ ясно какъ божій день, что наша республика обезпечн

наеть нь сущносии лишь торжество и вспольных бездарностой, я, право, пожалёю, что я не дегнимисть. Къ несчастио, дёла въ мірѣ ндуть не къ чости и не къ выгодѣ человѣчества. Одять ин сталкиваемся съ людскимъ элементомъ, который портитъ саныя прекрасныя теорін, опирающівся на логики н прави. Люди перутся за санихъ себя гораздо охотнъе, чёмъ за истину. Тавыть образонъ, вождь партін становится во главе управленія со всёми своими преатурами. Самъ онъ више толим, но преатуры его зачастую не что инос, какъ песлушныя ничтожества, глупцы, съ неторими приходится считаться, наріонотви, которымъ посчастливилось внущить мысль, что они что-нибудь да значать-и воть они делаются самыни несносными и опасными пособниками власти. И даже почти всогда бываеть такъ, что пособники убивають главу партін. Я знаю такихъ неловкихъ, что страхъ! Хуже всего то, въ вопросв, насъ занимающемъ, что политика въ смутния времена является убъжищемъ всёхь разочарованныхь честолюбцевь, почвой, на которой сходятся безполезные, безсильные, побёжденные люди съ тёмъ, чтобы снова идти на приступъ краности. Это объясняетъ, почему такъ велика толпа кандидатовъ. Почти у всёкъ имбется въ кариане рукопись драны или рокана, забразованныхъ двадцатью директорами театровъ и редакторами; или же въ нихъ сидить обозлившійся журналисть, неудавнийся историеъ, невонятый поэтъ; словонъ, екъ тянуло въ литературѣ, — и даже тогда, когда политика удовлетворила ихъ честолюбіе, когда они управляють дёлами, они интають въ литературё ивжность, превратившурся въ досаду. Литература остается для нахъ оргіей молодости, нуждающейся въ надвор'й; они говорять о литературё съ затаенной враждой и готовы раздёлить вёрованія тёхь буржуа, которне дунають, что писатели валяются по цёлынъ днямъ и на диранахъ, принимая угощение изъ рукъ одалисокъ и предаются самынъ разнузданнымъ кутежанъ. Отсюда ихъ негодованіе, ихъ рёчн о нравственности, ихъ стремленіе регламентировать литературу, какъ регламентврують проституцію, посредствомъ полиція и указовъ. Такинъ образонъ, все здо происходить отъ этихъ ужасныхъ бездарныхь людишегь, забирающихся на ходули власти. Они — паразити республики; во всё революціонные періоды они вискакивають впередъ и захватывають ивста, мелкія и крупныя. Въ настоящее время они также торжествують. Но надо надбяться, что такой порядовъ двль наизинтся, что люди, выдающівся, стоящів во главе управленія, отяблаются, наконець, оть этихъ опасныхъ приверженцевъ. Республина ножеть существовать линь подъ твиъ условіемъ, что она будеть правительствомъ высшихъ умовъ, научной формулой современ-

874

наго общества, прим'яняемой из нов'йшему обществу людьми свобедными и догическими.

Мнё остается висказать одно желаніе, которое разділяется ислича монита неколёніенть. Наса угнетають, наса забивають полнтикой — и, право, намь еть нея житья нёть. Я полню, что при имперіи многіе меланхолично сожалізли объ элохі парламентскихъ битвъ. "Трибуна безмолветвуеть", говорили онн; "пресса въ намордникв, обсужденіе общественныхъ ділъ запращено". Въ пастоящее же вреня насъ такъ затолкали, такъ оглушили, что им чуть не начинаемъ жаліть о великомъ безмолвія имперія, когда политина не лалаз нодъ окнами съ утра до вочи и когда было время имслить. Нітъ сокийнія, что им были терпілины. Въ продолженія восьми літь мы поворно выжидали. Мы понималя, что нельзя легво пережить такого кризиса, какъ 1870 годъ. Мы говорили себі, что республику основать не легко, среди озлобленія имартій, и надо перетерпіять гвалть борьбы. Но тенерь, когда республика основана, мы хотикь темпины и сповойствія.

Да! всё мы, люди науки, писатели и художники, — мы умоляемь колитическихъ дъятелей не оглушать насъ больне. Республиканцы побёдныя, — не такъ ли? Они завладёли всёми мёстами, — ну, такъ пусть же они перестанутъ ссориться, пусть столкуются между собой и, виёсто ссоръ, пусть задають хоть праздники. Да, пусть они займутся музыкой и танцами. Мы всё будемъ имъ очень благодарны — и съ нами вся Франція. Божусь ямъ, что все, о чемъ они разсуждаютъ въ Версалё, не представляетъ больше инканого интереса; это все лишь однё частности, которыя имъ слёдовало бы уладитъ между собой. Франція съ большимъ нетериёніемъ ожидаетъ прязднести, воторыми слёдуетъ отмёлить торжество республики. Если все кончено, то къ чему продолжать? Страна не выдержитъ долёе утоинтельныхъ преній, кризасовъ, безпрерывно угрожающихъ общественному спокойствію. Нація желаетъ только одного: покоя.

Что касается насъ, писателей, то намъ хуще всёхъ. Никто е насъ не думаетъ, никто, повидниому, не замёчаетъ, что наше новолёніе-поволёніе людей отъ 30 до 40 лётъ-попалось въ тиски нежду послёдними конвульсіями имперіи и трудными республиванскими родами. Разиё висатель живетъ, когда политическіе дёятели забирають все мёсто на солнцё и поднимаютъ тавой дьявольскій гамъ, что люди тольке и толцятся вокругъ никъ? Развё занимаются вицгами, когда газеты напичканы парламентскими преніями, самыми пространными и пустозвовными? Политика, политика и только одна политика --и въ такой громадной дозъ, что сами женщины въ гостиныхъ ни

о чень больше не говорать, какъ е политикъ. Вотъ въ нанонта ни положения; лучше годы наши тратятся даронъ; завтра, погда нанъ скажуть, наконецъ, что жастало наше вреня, им буденъ уже слишконъ стары. Вываютъ, такинъ образонъ, поколёнія, упраєдняення событіями. Натурально, что им не моженъ чувствовать особенной нёжности къ политикъ, подобно тону, какъ раздавленный человёкъ не раскланивается съ колесонъ, проёхавнияъ но немъ.

Само-собой разумёется, что мы признае́нъ историческую необходиность. Насъ сердить только то, что политическія бездарности, е которыхъ я говорнять выше, играютъ въ послёдніе годы такую большую роль. Никогда самъ Мольеръ, никогда Вальзакъ не производили такого безстыдиаго шума из газетахъ, какъ нёкоторые глупцы въ настоящую минуту. Это нестерпимо. Первый попазинійся глупецъ лёветъ на трибуну — и шумитъ больше, чёмъ писатель, подносящий публинё chef-d'oeuvre.

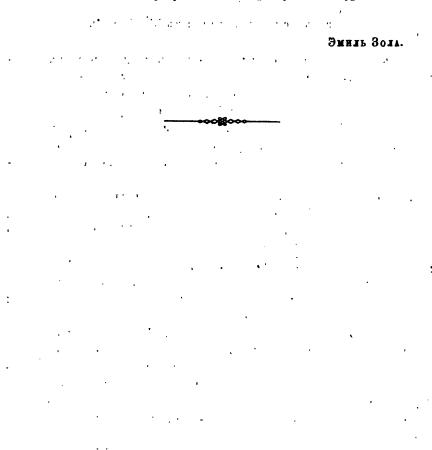
Я знаю, что шумъ ничего не значить, что глупець остается глупцомъ, хотя о немъ узваеть вся Франція; но сволько потеряннаго времени на чтеніе плоко написанныхъ рёчей, какое искаженіе истины и справедливости, какая насса заблужденій нускается въ обороть! Именно благодаря легкости надёлать шуму и одержать деневый тріумфъ, всё бездарности, всё ничтожные люди и бросаются въ нолитику. И, благодаря торжеству этихъ инчтожностей, ми, труженики, уважающіе только талантъ и знаніе, пребираенъ политику.

Итакъ, довольно шума. Буденъ наслаждаться вашей республикой. Устранямъ съ-разу вопросы о личностяхъ. Пусть кищіе и честолюбцы, живущіе ва-счеть политики, отправляются въ Америку добивать себѣ тренъ или богатство. Надо сознаться, что у инсателей и художниковъ существуеть недовѣріе къ республикѣ. Де сихъ поръ они не видѣли симпатія со сторены республиканцевъ, которые постоянно относнянсь съ жестокостью жандарма къ покусствамъ и литературѣ. Часто повторяють, что республика — худшее наъ правительствъ для насъ, съ ся пуританскими взглядами, стремленіемъ поучать и проновѣдывать, скониъ ученіемъ о равенствѣ и пользѣ. Не надо прибавить, что мы еще не видѣли республиканскаго правительства въ дѣйотвіи, потому что до сихъ поръ во Франціи еще не бывало веобходниюй устойчивости.

Выводъ мой прость. У всякаго окончательнаго и прочнаго правительства бываеть литература. У республиканцевъ 1789 и 1848 гг. ея не было, потому что они пронеслись надъ Францieй, какъ вихрь. Въ настоящее время наша республика, повидимому, основана и,

876

слёдовательно, у ней должна явиться своя литературная формула. Должна же существовать связь между общественнымъ движениемъ, являющимся причиной, и литературной формулой, являющейся результатомъ. Если республика, ослёцленная ца-счеть самой себя, не пойметь, что она существуетъ ляшь въ силу научной формулы, и примется угнетать эту научную формулу въ литературё, то это будетъ знакомъ, что сама республика еще не созрѣла для фактовъ и что она должна снова уступить мѣсто факту—диктатурѣ.

Токъ IL-Апрель, 1879.

56/28

877

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Вопросъ о смертной казин въ Швейцарии.

Намъ представляется случай заглянуть нынёшній разъ въ такое государство, которое остается всегда внё сферы такъ-називаемой "большой политики", — и именно благодаря тому обстоятельству, что въ прошломъ мёсяцё въ Швейцаріи отчасти предрёшенъ вопросъ о возстановлении смертной казни. Какъ ни мала арена, на которой былъ поднять этотъ вопросъ, давно считавшійся окончательно рёшеннымъ, но самое уже поднятіе этого вопроса обратило на себя винианіе всей европейской публицистики.

Новая швейцарская конституція, основанная на главныхъ началахъ, установленныхъ еще въ 1848 г. а именно, на началѣ расширенія компетенція союзныхъ властей, съ превращеніемъ Швейцарін изъ союза самостоятельныхъ республикъ въ союзную республику, была выработана въ 1873 году и утверждена всенароднымъ голосованіемъ 19 апрѣля 1874 года. Въ этой конституція есть статья (65-я), отмѣняющая смертную казнь и тѣлесное наказаніе на всей территорія Швейцарія, и допускающая смертную казнь только въ силу военно-уголовныхъ опредѣленій и притомъ только во время войны. Между тѣмъ, въ послѣдніе годы нѣсколько получившихъ большую извѣстность случаевъ убійствъ вызвали въ части народа догадку, что убійства стали непомѣрно учащаться въ Швейцаріи и что виной тому служитъ — отмѣна смертной казни. Отсюда возникла агитація въ пользу ея возстановленія; стали собирать подписи къ народному прошенію въ этомъ смыслѣ.

Нынѣшная сессія союзнаго собранія отврылась 17 марта (н. с.). Депутать оть шаффгаузенскаго кантона въ совѣтѣ штатовъ, Фрёйлерь, внесь въ союзное собраніе предложеніе о пересмотрѣ 65-й статьи конституціи. Виѣстѣ съ тѣмъ собранію были представлены петиція о пересмотрѣ 65-й статьи, съ 31 тысячей подписей. Здѣсь, прежде чѣмъ продолжать изложеніе дѣла, нелишне будетъ напомнить читателямъ составъ союзныхъ вла стей, чтобы устранить недоразумѣнія при упоминовеніи о нихъ впослѣдствіи.

Союзныя власти республики представляются союзных совётонъ (Bundesrath), который ость центральная исполнительная власть, союзное правительство, состоящее изъ 7 человёкъ, избранныхъ на три года союзнымъ собраніемъ; и-союзнымъ собраніемъ (Bundesversammlung), которое есть власть законодательная. Союзное собрание состоять неь двухь налать: совета штатовь (Ständerath) и національнаго или народнаго совёта (Nationalrath). Совёть штатовъ представляеть собою государственный принципь союза самостоятельныхъ кантоновъ, поэтому въ немъ важдый кантонъ, не взирая на большую или меньшую населенность, ниветь разное число представителей, а именно каждый по два (всего 44 члена отъ 22 кантоновъ). Національный же или народный совёть представляеть собою другой государственвый принципъ Швейцаріи, а именно — единство швейдарской нации. Поэтому онъ образуется изъ всенародныхъ выборовъ, на воторыхъ каждыя 20 тысячь душь веберають оть себя одного члена въ національный совёть. Такимъ образомъ, національный совэть имёсть болёе народный характеръ, чёмъ совёть штатовъ, и можеть быть названъ нижнею палатой, въ отличіе отъ послёдняго, который представляль бы высшую палату. Понятно, что при избраніи сообразно населенности, національный совёть состоить няь нероднаго числа представителей отъ отдёльныхъ кантоновъ. Такъ, берискій кантонъ инбеть въ нень 25 представителей, а Ури и Цугь-всего по 1-му. Все число членовъ напіональнаго сов'ята 130.

Совѣть штатовь, обсудные предложение своего члена Фрёйлера, нризналь его заслуживающимъ вниманія и отослаль его на заключеніе союзнаго совѣта, т.-е. правительства. Союзний совѣть сообщиль союзному собранію (т.-е. обѣниъ палатамъ — совѣту штатовъ и національному совѣту) свое миѣніе въ формѣ посланія. Миѣніе это заключалось въ томъ, чтобы вовсе ве подвергать разсмотрѣнію, какъ предложеніе Фрёйлера, такъ и петиція. Миѣніе это вравительство котивировало докладомъ, въ которомъ собранъ очень интересный статистическій матеріалъ по вопросу объ отиѣнѣ смертной казни. Мы возвратимся въ этимъ даннымъ, но прежде умѣстно будетъ резюмировать происшедшіе по этому предмету теоретическіе споры, такъ какъ они имѣютъ значеніе не столько мѣстное, сколько общее.

Мивнія рго и contra смертной казни, какъ они теперь выразились на мёстё, были подвергнуты разсмотрёнію, между прочимъ, въ публичной лекцін профессора Гильти (Hilty) въ Берий и въ брошюрѣ члена національнаго совёта Филиппина въ Нефшателѣ. Мы польвусися весьма обстоятельнымъ анадизомъ ихъ разсужденій, помёщенвымъ въ трехъ нумерахъ бериской газеты "Der Bund" (№ 65-67).

56*

BROWHNEL BBPOILM.

Разсуждение проф. Гильти инйеть по преимуществу карактерь теоретический, нежду твиъ, какъ въ разсумдении г. Филиппина преобладаетъ практическая сторена вопроса, и такъ-они взанино дополняются.

Проф. Гильти прежде всего принимаеть, что не тольке смертная казнь, но и всё тёлесныя наказанія противорёчать современной культурё, которая вся основана на уваженіи къ человёческой личности, къ человёческому достониству. Онъ говоричь, что только такое государство, которое окончательно изгнало назнь изъ своихъ законовь, заслуживаеть названіе дёйствительно культурнаго. Но, съ другой стороны, авторъ допускаеть, что государству принадлежить нраво защищать своихъ гражданъ, какъ на война, такъ и въ имрное время, хотя бы убіеніемъ нападающаго на инхъ. Эго право, по его мизнію, столь же неоспоримо, какъ право самозащиты силою противъ силы и право войны. Но затёмъ, при постановкѣ вопроса ебъ удержавія или возстановленія смертной казни, прежде всего и требуется доказать, дёйствительно ли положеніе дѣлъ таково, что казнь требуется для самозащиты, и это уже вависить отъ обстоятельствь ийств и времеян, представляеть соображеніе практическое.

Правда, привержениы воэстановления казни сомлаются на теоретический аргументь вь ся пользу, который они находять въ библин (къ этону им должны добавить, что именно ультранонтанская партія въ Швейцарів склоняется въ пользу казин). Но проф. Гильти возражарть, что собственно на новомъ завётё невозможно основать такого аргумента: Единственный случай, въ воторомъ хоть косвеннымъ образомъ внаснилось отношение самого Спасителя из вопросу о кавни, представляется примёромъ прелюбодёйной жены, которая по Монссеву завону подлежала смертной казни, но была отпущена Спасителенъ безъ всякаго наказанія, съ однимъ ув'ящаніемъ всправиться. За религовными ссылками въ этомъ вопросв скрывается ивчто, въ сущности отличное оть нихъ, а нисино философское учение объ искупления нреступленія и примиреніи съ обществомъ посредствомъ смерти преступника. Но проф. Гильти зам'йчають, что во всякомъ случай нравственно выше этой иден представляется мысль объ искуплении носредствоиъ раскаянія, исправленія, причемъ раскаявшенуси дается возможность искупить свое элодёлніе не смертью, во добрей жизнью.

Что касается того воззрѣнія на смертную казнь, по которому ена представляется просто върнайшимъ средствомъ устрашенія посягающихъ на преступленіе, а чрезъ то къ уменьшенію числа преступленій, то въ этомъ воззрѣнія Гильти видить не болѣе, какъ предразсудокъ. Онъ приводить, въ опровержено его, извѣстные аргументы: что преступникъ, въ моментъ совершенія преступленія, весьма часто

880

не отдаеть себё отчета, накое именно положено наказаніе за этоть видь преступленія; а д'яйствуеть или безотчетно, или же въ надеждё наб'ёвнуть ведкаго наказанія, и что практика смертной назин не столько устранаеть посягающихь на чужую жизнь, сколько наобороть поддерживаеть въ народ'я кровожадные инстиниты.

Перехода затёнь въ тону взгляду на смертную вазнь, по которому она требуется какъ справедлявое возмездіе, какъ убійство, за убійство, нроф. Гильти повторяеть также извёстный аргументь, что это учение о равенствё возмездія (loi du Talion), если бы его провесть логично въ законъ, повлокло би возстановление не только смертной казни, одинаковой для всёхь случаевь преступлений, исчисленныхъ въ одной натегоріи, во къ "квалифицированной" смертной казни. съ питвою. колесованіень и т. д., сообразно съ классификацією преступленій. Наконець, послёднее возврёние на смертную казнь, кака на самый удобный и дешевый способъ отдёльнаться оть преступника, проф. Гельти отвергаеть просто какъ недостойное той ступени образованности, на которой уже находится прейцарскій народь. Онъ заийчасть, что вь общественномъ настроени бывають минуты зативнія. мнеуты реакція из мрачнымъ преданіямъ прошлаго, но что именно вь тавіе моненты обязанность лучшихъ людей состоить въ топъ, чтобы давать отпоръ такимъ предодящимъ увлечениямъ в охравать для будущаго важнёйшія пріобрётенія современнаго общества, къ янслу воторыхъ относится и отнёна смертной вазни.

Далёе, г. Гильти видить предравсудокь въ самонъ представлении, будто временное умножение преступления въ какомъ-либо историчесвоиъ періоді зависнть оть силгченія уголовныхъ варь. Число преступленій нанболёв всегда везрастало въ такія времена, когда проискодили народныя бёдствія, и особенно во время долговременныхъ войнъ, которыя приносили съ собой не голько общее разорение, но и пренебрежение из человёческой жизни, огрубёные нравовъ. Главнымъ источникомъ преступлений все-таки служить бидственное положение. Г-из Гильти напоминаеть, что въ Швейцарія ноторили указывали на сильное умножение преступлений въ такие періоды, какъ послъ бургундскихъ войнъ, швабской войны и францувскаго втерженія въ концё прошлаго столётія, песнотра на то, что зъ тё вренева существовали страниййнія кары, оказывавніяся однако безсильными отвратить удоманутое послёдствіе пароданих бёдствій. Можду тёкъ, HETE BOSNOZROCTH ACHRESTS, TTO PE TENE IIBORIADCKHES KAHTOHENS, гай какиь была отийнена еще ранбе конституци. 1874 года, число преступленій сколько-нибудь зам'ятно возрасло-бъ, въ веріода 1848-1872 годовъ, сравнитольно съ: другиче кантонами. Лучшинъ доваза-

881

въстникъ ввроны.

иёть послё отмёны вазни нивто не находиль повода требовать са воэстановленія, и что даже въ тёхь кантонахь, которые сохрандля казнь въ своемъ законодательствё, казвей между тёмъ довольно давно уже не производилось въ дёйствительности. Заслуживаеть еще вниманія то обстоятельство, что и имиёшная агитація за возстановленіе смертной казни нашла наименёе отголоска именно въ тёхъ кантонахъ, гдё казвь была отмёнена еще ранёе 1874 года.

Возрастание числа преступлений въ семидесятних годахъ, по отзыву г. Гильти, замёчалось во всёхъ европейскихъ государствахъ, в потому и не можеть быть относимо въ какому-либо мёстному факту ни особенности ивстнаго законодательства. Причены этого явленія авторъ указываетъ, во-первыхъ, въ возобновления и постоянномъ продолжени цёлой серіи войнъ, въ запущени иатеріальнаго и нравственнаго быта дёлыхъ классовъ населенія, въ дурномъ устройствё исправительныхъ тюрьиъ, которыя не исправляють, а развращають преступниковъ; во-вторыхъ-въ распространении нёкоторыхъ философскихъ возврѣній, изъ которыхъ выводится, что всякое наслажденіе позволительно и даже составляеть цёль жизни, и что самъ человёкъ есть только усовершенствованное культурою животное, а не существо, имѣющее высшее свойство и назначеніе. Онъ говорить, что образованные влассы ошиблись бы, если-бы они думали, что подобные взгляды ни вроинкнуть изъ ихъ среды въ массу, и что если-бы масса стала выводить изъ этихъ взглядовъ требованія доли для собя на пиру жизни, то ее будто возможно будеть сдержать однимъ возстановленіемъ драконовскихъ законовъ.

Тавимъ образомъ, г. Гельти приходнуъ въ общему выводу, что всв теоретическія соображенія въ пользу возстановленія смертной казни представляють не что инсе, какъ предравсудки. Затънъ, онъ останавливается на практическомъ соображении: желательно ли, ради этихъ предразсудковъ, заклеймить нынёшній швейцарскій народъ такимъ дёлонъ какъ воестановление казни. Каждый народъ, такъ разсуждаетъ онь, инветь тв законы, которыхь заслуживаеть, а стало быть если швейцарскій народъ возстановить теперь назнь послё того, какъ четыре года обходился безъ нея, то онъ твиъ самынъ произнесеть надъ собой правственный приговоръ. Надо еще имъть въ виду, что возстановленіе казни можеть повесть къ увеличенію числа очравданій, такъ нахъ въ большей части Швейнарів действуеть учрежденіе присяжныхъ. Во всякомъ же случат, совершенно немыслимо, по отзыву Гильти, было бы воестановление въ Швейнарии смертной казли за преступленія нолитическія, такъ какь казнь за эти преступленія отмблена еще конституцією 1848 года; притонъ, въ политическихъ преступленіяхь всего чаще проявляется фаватныхь, а фанатновь не

882

Другой авторъ, о которомъ ны упомянули выше, г. Филипинъ, обозрърь также главныя временалистическія теорін, оправлываюнія смертную казнь, приходить из заключению, что общество не имветь UDARA OTHUNATE V VEROBÈRA ZESUE, TARE RARE HO ORO IALO CAV CC. Карательная власть общества ограничивается только правомъ надагать на челов'яка навазанія, но не можеть простираться до уничтоженія челов'яка. На вопросъ, необходима ли казнь для охраны общества, г. Филиппинь отвучаеть безусловно отрицательно. Общество можеть сдёлать преступника безвреднымь, не уннутожая его. а. стало быть, если будеть уничтожать его. то станеть въ положение того частнаго человака, который, защещалсь оть нанаденія, обратиль бы нападавшаго въ б'ягство, и затёмъ застрёлель бы его; въ этомъ случай принципъ самозаниты вовсе не оправдаль бы убёйства, и самое это убійство было бы преступленіень. Многеми принурами Филиппину доказываеть, что казнь не достигаеть своей цёли-предупреждения преступлений устрашениемъ. Онъ вриводить также принёры частныхь юридическихь ошибокь, которыя были бы непопразным при существования смертной казни. За тагчайных преступленыя Фалиппинь совётуеть установить ссылку "за море", послё истеченія срека продолжительнаго заключенія; мёсто для ссныки, какъ онъ нолагаеть. Швейнарія могла бы пріобрёсть посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ. Этотъ авторъ, данъ и нредшествовавщій, завлючаеть свое разсужденіе горячимь призывомъ ES LYTHINN'S CALAN'S HADOLA, TTOCH OU'S BOCHDOTHBRINCS HADOLATIO такой нераціональной и реакціонной ибры, которая была бы для Швейцарін безчестісиз.

Выне было сказано, что совёть штатовь препроводнль предложеніе Фрёйлера о переснотрё 65-й статьк конституція—къ союзному совёту (правительству), съ приглашеніемъ представить палатань отвынь ебь этемъ предложенія. Союзный совёть отвёчаль посланіемъ къ союзному собранію. Въ этомъ неславім разсматривается слёдующій вопресь: деказаль ли онить тёхъ лёть, которыя нетекли со временя утвержденія невой конституція, что отмёна смертной казни произвела въ Шесйцарія: вредныя послѣдеявія, что неэтому предсвавляется необледнность воестановленія казни? Для рёшенія этого вепроса союзный совёть себраль богатый матеріаль въ видё новійшихъ данникъ международной статнотики. Веть тё выводы, которые истопають изь стать даймикь: преступность вообще и спеціально. число убійствь въ Швейцарія за послёднія 5 дёть нёсколько возросли, но возрастанію это не презниката, а иниротивь---даже не достигаеть того разийра, на каконь то же явленіе обнаружилось на сосйднихь государствахь, несмотря на существованіе въ нихь смертной какив; вроти того, — не представляется никанихь спредиленныхь признаковь, на основанія которыхь нежно было бы депустить причинную связь нежду несомийницить уполничність, преступности нь Швейцарія и песлідованного въ этой страні отмінно смертной какин. Вслідствіе такихь соображеній, союзній севіть и предложенія минть союзному собранію по приступать ка обсущенно предложенія Фрёдлера и петицій.

Приведенъ напболйе интересныя цифровыя данныя изъ посланія соновнаго совёта. За 23 года, 1851—1873 года, то-есть при существованіи смертной казни, въ Швейдарів, за вей виды убійства, били приговорены из смертной казни, въ Швейдарів, за вей виды убійства, били приговорены из смертной казни 96 лицъ, из ваключенію 598 лицъ, всего 694; съ 1874 же года до 1878 года, то-есть послё отийны казни, били приговорени за убійства къ заключенію 227 лицъ, и 1 лицо из казни (приговорь этоть состеплять из 1674 г. до утвержденія конституція; онъ не быль приведень въ исполнова́е); всего 228 лицъ. Итакъ, въ первонъ періодё средное екстодное чисно осуждеянных было 80,17, во второнъ же періодё 45,6. Если же сравинвать съ послёдникъ катилётіенъ тольно билиайшев къ нему патилётіе перваге періода, то числа оканутся за натилётіе нерваге періода 150,87, за патилётіе второго — 228. Изъ нриведеннаго выше числа осужденныхъ на скерть 88¹/з процентовъ дъйствительно были казнемы.

Между тінъ снортная казнь была отпінныя еще раньше нонституція 1874 года отдільнымъ законодатальствомъ слідувищить кантонова: Фрейбурга (съ 1848 года; но бида весстановлена за убійство съ 1 января 1874 г. по 29 мая 1874 г., когда новая федеральная конституція установния общую ся откітну); Нефилателя (съ 1854 г.); Женевы (съ 1871 г.); въ Базелё-тороді в Вазелё-токругё (съ 1873 г.); въ Тессиние (съ 1871 г.). Казцей же въ дійовнительности не бивало съ 1851 года въ 14-ти нантонахъ, общинающихъ недовнику территорія и троть наседенія союза.

Ирн. этонъ, въ кантонахъ, отивнивнить су собе наявь еще до 1074 года, данныя о преступности оказыванись сворбе билонратними, чёмъ неблагопріятиния. Такъ, въ Фрейбургѣ было въ 15 лётъ до отмёны какия; 19: случаевъ преступленій, наказумныхъ какию, а въ 15 лётъ послё отчёны казни (съ 1848. г.). 41 преступленіе. Нодобныя данные фактически доказыванота, ите причинной селяя между существовніемъ вазни не заменё и числонъ убійства изть,

. . .

884

ХРОНИКА. ---- ИНОСТРАННАЯ ЛОЛИТИКА.

что теоретически унсплется уже простимъ сообранениеть, что больнимиство убйствъ совершается подъ вліяніснъ такого страстнаго напряженія, которое дійствуеть гораадо сильнёе, чёмъ стракъ передъ нарою запона.

Въ Англін и Уальсь въ 1863 по 1877 годъ произнесено было 374 смертныхъ приговора за убійство; изъ инхъ исполнены были 206 (55%); съ году на года число казной возростало съ небольшеми волебаціями въ видь следующей серін чисель: 6, 4, 15, 11, 16, 18, 22 и 22. Во Франціи годичное число смертных в ириговоровъ съ 1872 по 1877 держалось на 31, 33, 34, за исвлючениемъ одного 1876 года-22; числа же казней предстанили серіп: 24, 15, 13, 12, 8, 12. Въ высшей степени заибчателень слёдующій факть, обнаруживаемый французской уголовной статистикой: за 1874, 1875 и.1876 годы въ 1557 убійства и поджогога были выяваны: нет сложности, вез навистью и ищенісить 431, домалінний раздорани 294, користолюбіенть 278. Итакъ, корыстолюбіе занимаеть въ ряду причинь только треть ивсто; а слёд., если и допусвать устрашение, то менье всего оно ножеть уменьшить действие такихь поводовь ть убійству, казъ мщеніе и семейные раздоры. Замізчателень еще слідующій фанть: казней во Франців за годи 1872-1875 производилось ежегодно: 24, 15, 13, 12; а за та же годы самеубійствъ было совершено: 5.275, 5.525, 5.617, 5.472! Воть, послё этого и разсчитывайте на стракъ, какой можеть внушить народу смертная казнь и на вліяніе этого страка въ смыслё уменьшения преступности: такей фанть, какъ 5.617 самоубійствь въ году, новазываеть, что подъ вліяніемъ страстнаго изстуиленія или безыскоднаго положенія люди не счень беятся смерти. и 13 казней едва-ли мосли уменьшить число убійствь.

Въ Австрін изъ 423 смертных приговоровь, произнесенныхъ въ 1874-1877 годахъ, было исполнено только 8. Въ Италів въ 1867-1876 годахъ смертныхъ приговоровъ постановлено 392 (среднее ежегодное 39); изъ нихъ исполнене до 1874 г. только 84, а съ тъкъ порь ни одною. Здйеь отихоные весьма важный для разскатриваемаро вопроса факть: наь 892 смертныхъ приговоровь въ Италия 222 были кассированы, в затёмъ, при новожь разсматриванія дёлъ, нев этихъ 222 SETTREES-BE deaduanu CETTERES BOCKEDOBLO ONDERDANIC. HEARS, если бы нервый приговорь быль исполнень, то: въ 20-ти случалкъ 392 были бы казнены неринные; воть какъ часто возможны придическія ошнбин, а в'ядь смертная вазнь тімь особенне н ужасна, что ноправить опнебки налька, наста бы внослёдстви ни отврились въ дав новыя обстоятельства. ., 1 . . . . •

Въ терманской инверіи, нескотря на сохранскіе скерансй назци

885

и случан дъйствительнаго са примънения (напр. въ Ваварии, за 1871—1876 годы: 7 казней), примъчается однако весьма значительное постепенное возростание преступности.

Слёдуеть еще принать во вниманіе, что многія государства и штаты, отмённышіе смертную казнь, не нашли нужнымъ возстановлать ее. Сюда принадлежать: Тоскана (казни не было съ 1830 года; отмёнена съ 1859); Голландія (казни не было съ 1860 г., отмёнена 1870 г.); Португалія (казни не было съ 1846 г., отмёнена 1867 г.); Румынія (отмёнена 1864 г.); Сёверо-американскіе штаты: Мичиганъ (отмёнена 1847 г.), Родъ-Эйландъ (отмёнена 1852 г.), Уайконсинъ (1853 г.), Айова (1872 г.), Менъ (1876 г.), Иллинойсъ (1876 г.); наконецъ, Россія, которая, впрочемъ, представляеть единственный законодательный примёръ удержанія смертной казни за преступленія политическія, съ отмёною ихъ для преступленій обыкновенныхъ. Въ другихъ же государствахъ, если смертная казнь отмёнена только по одной изъ этихъ двухъ категорій, то именно по первой.

Всего, по вычисленію швейцарскаго правительства, въ настоящее время живуть 27 милл. чел. въ такихъ государствахъ, въ которыхъ казнь вовсе отмѣнена и 153 милл. въ такихъ, гдѣ она не примѣняется. Съ какой же стати — разсуждаетъ союзный совѣтъ— швейцарскій народъ, состоящій изъ 2⁸/4 милл. чел., могъ бы считать себя недостаточно защищеннымъ и безъ возстановленія смертной казни?

Несмотря на эти вёскіе аргуненты, предъявленные союзнымъ совётомъ, совёть штатовъ, въ которомъ преобладаеть консервативная партія, въ засёданія 20 марта положнять, что смертная казиь должна быть возстановлена, но, согласно вонституція 1848 года, не примівнаться въ преступленіянъ политическимъ. За то въ другой палатънаціональномъ совёті, предложеніе Фрёйлера не находить сочувствія; здёсь преобладаеть партія радикальная. Націснальный совёть пока еще не принялъ ръшенія по этому предмету. Вопросъ обсужлются его коминссіей. Изъ 9-ти членовь этой коминссін только трое склонаются въ простому приступлению въ рёшению совёта штатовъ, нестеро же не расположены въ этому. Но эти жестеро не согласнинсь еще нежду собой-какъ лучше поступить въ динновъ олучай. Согласиться съ правительствомъ, то-есть прамо отвергнуть різшеніе совёта штатовъ-било бы всего преще, но, по швейдарской коночнтущін, въ случав конфликта между палатани по вопросу о нереспотра вонституции, вопросъ этоть ранается народонъ; и уже въ случав такого народнаго решенія о перескотре конституція, для пропенедства пороснотра избираются новым палаты. А затёмъ, спра-

шивается, ограничным ли бы новыя палаты пересмотръ конституція одною 65-й статьей? Поэтому часть членовъ коммиссіи считаеть этотъ муть слишкомъ онаснымъ и предполагаетъ согласитьси на пересмотръ 65-й статьи (въ случаѣ согласиаго рѣшенія на это падать онѣ не избираются для пересмотра вновь, а производятъ его въ прежнемъ составѣ), но отсрочить этотъ пересмотръ до будущей, лѣтней сессіи, а теперь ограничиться приглашеніемъ правительства внесть къ тому времени по этому предмету дальнѣйшія соображенія.

письмо къ редактору.

Въ февральской книжев "Вёстника Европи", въ статьё нодъ заглавіемъ: "Въ Болгарія", г. Евг. Утинъ, между прочимъ, упоминая мою фамилію, приписываетъ миъ, что будто бы я, въ своемъ письмъ изъ Болгарія, въ августъ 1877 года, просилъ редакція русскихъ журналовъ высылать свои изданія, на томъ-де основанія, что---только изъ нихъ мы ночернаемъ свъдвнія о происходящемъ въ другихъ отрядахъ дъйствующей арміи.

Это невърно. Очевидно, г. Утинъ не имълъ подъ рукою моей статьи.

Постараюсь объяснить недоразумёніе.

Во время войны ко инё обращались, иногда даже незнаконые, съ вопросами, что нужно для армін и для солдата, чёмъ бы мирные жители Россіи могли бы оказать содёйствіе войскамъ. Въ статьё моей—я какъ-бы отвёчалъ на всё вопросы и, между прочимъ, просилъ редакціи русскихъ журналовъ высылать для передачи войскамъ газеты, такъ какъ отряды, оставаясь долго на позиціяхъ, въ бездёйствіи, скучали, а между тёмъ, понятно, крайне интересовались, что дёлается въ то время на родинё.

Многія редакців исполнили желаніе, и войска были за это имъ крайне признательны; по полученіи почты тотчасъ, съ нарочными, отправлялись новыя газеты и журналы въ отдёльные отряды. Собственно штабъ въ этомъ не нуждался, такъ какъ мы сами выписы-

887

вали много изданій; тімъ не менье неъ русскихъ газетъ нельзи было почернать свёдёній о томъ, что дёлается въ другихъ отрядахъ, во-первыхъ, потому, что этихъ свёдёній въ газеты сообщалось прайне скудно, а, во-вторыхъ, при полученія газетъ изъ Петербурга и Одессы на 17-ый, 18-ый день—всё новости теряли всяное зняченіе новизны и интереса.

Этого нельзя было сказать объ иностранныхъ изданіяхъ; напр., выписываемый нами "Times", благодаря устроеннымъ собственнымъ сообщеніямъ, получался подъ Рущувомъ изъ Лондона иногда черезъ четыре дня; изъ обстоятельныхъ—и часто даже болтливливыхъ корреспонденцій о состоянии турецкой арміи мы извлекали большую пользу и всёми новостями дёлились съ другими отрядами, иногда даже по телеграфу.

Андрей Коснчъ.

Одесса, 25 февраля.

Охотно пом'вшая настоящее заявление генералъ-майора А. М. Коснча, ны считаемъ долгомъ вийстй съ твиъ привести подлинныя слова его, какъ они были помъщены въ "Голосъ", № 196, 1877 г.: .Общество -- инсаль онь -- могло бы помочь и устройствоить болье правильныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, такъ какъ письма и газеты достигають до нась изъ Петербурга, Одессы на 17-ый, 18-ый день, и очень счастливо, если черезъ дев недбли... Скорое полученю корреспонденци иметъ для насъ весьма важное военное значение: не говоря уже о правственной потребности, им почерпаенъ часто наз иностранных разоть весьмо цинныя сендиния о планахъ н движенияхъ противника" и т. д. Туть произошло дъйствительно одно недоразумение: благодаря баснословной въ настоящемъ случав медленности полевой почты, наши газеты не могли, подобно иностраннымъ, доставлять восьма цённыя свёдёнія и получить военное значеніе, но въ принципѣ г. Евг. Утинъ могъ справедливо учверждать, что вообще гозетныя извёстія нграли важную роль, а, слёдовательно, собственныя сообщенія между отрядами были затруднятельны: для подтвержденія послёдняго факта онъ и привель, по собственному выражению его, слышанный имъ "аневдотъ", присоединивъ однаво съ своей стороны осторожное замѣчаніе: "если не ошибаюсь".-Ред.

TPOHEEA.

оть редакции.

Мы получили еще одно, весьма любопытное письмо изъ Тулы, за цодинсью: "Старый житель Тулы", но, въ сожалёнію, должны ограничнъся только однимъ извѣщеніемъ автора о полученія его письма, написаннаго имъ по поводу нашихъ прежнихъ замётокъ объ инспекпін народныхъ училищъ, присоединивъ къ тому извлеченіе изъ него не болбе, какъ одной фактической стороны: "Если не вбрите цишеть онь, между прочимь, полемизируя съ нами, - воть данныя во носковскому округу: въ смоленской губернин директоръ училищъ ---коломенскій исправникъ; въ калужской---канцелярскій чиновникъ; въ тульской-сначала подпоручикъ артиллеріи, а теперь гардемаринъ бѣломорскаго флота, бывшій потомъ чиновникомъ при министрѣ Перовскомъ, далѣе, помощникомъ окружнаго начальника при воронежской палать государственных имущества, и въ последнее время забаллотированный въ мировне судън". Все ето приводится авторомъ въ доказательство необходимости имать, сверхъ директоровъ, еще инспекторовъ. Не зная, насколько достовѣрны самые факты, мы не можемъ также знать и насколько справедливо сдёланное авторомъ письма, на основания этихъ фактовъ, заключение противь нась.

ИЗВЪСТІЯ

I. — ОТЪ ОВЩЕСТВА ВЗАИМНАГО ВСПОМОЖЕНЕЯ И ВЛАГОТВОРИТИЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ПАРНЖВ.

Общество, имёющее нынё своимъ почетнымъ предсёдателена князя Н. А. Орлова, поставило себё цёлью: а) сближение русскить художнивовъ и любителей въ Парижё; б) ознакомление Парижа съ русскими художественными произведениями и облегчение сбыта послёднихъ; в) образоване ссудной кассы для русскихъ художниковъ, и г) благотворительность въ средё неимущихъ русскихъ, чрезъ посредство консульства.

11

. .

Членами Общества могуть быть какъ художники, такъ и любители безъ различія пола, и избираются, по предложенію двухъ членовъ, закрытою баллотировкою. Минимумъ годового взноса — 25 франковъ, или русскими деньгами по курсу. Члены, живущіе или находащіеся въ Парижѣ, собираются еженедѣльно въ помѣщеніи Общества (18, rue Tilsitt) для художественныхъ работъ, бесѣдъ и обсужденія текущихъ вопросовъ Общества. На собранія эти не допускаются ни дамы, ни иностранцы. Въ этомъ же помѣщеніи происходатъ и общія собранія, а также устраивается постоянная выставка русскихъ художественныхъ произведеній, и имѣется художественныя библіотека.

Въ помѣщенін Общества могутъ временно заниматься художники, неуспѣвшіе прінскать себѣ мастерской, съ разрѣшенія комитета Общества. Членъ Общества, уѣзжая изъ Парижа, имѣетъ право оставлять на сбереженіе въ помѣщеніи Общества художественныя произведенія своей работы, но не долѣе года, причемъ Общество не отвѣчаетъ за убыли отъ пожара или другихъ случайностей. По прошествіи же года и льготнаго мѣсяца оставленныя вещи поступаютъ въ полную собственность Общества.

Средства Общества составляются изъ: а) членскихъ вносовъ; б) пожертвованій деньгами и вещами; в) выручки отъ устройства литературныхъ вечеровъ, концертовъ и т. п., а также и художественныхъ лотерей, разръшенныхъ правительствоиъ, и г) 10°/. общей выручки за проданныя въ помъщеніи Общества художественныя произведенія.

Изъ общей суммы денегъ, поступившихъ въ кассу Общества, прежде всего покрываются текущіе расходы, какъ-то: наемъ помѣщенія, отопленіе и освѣщеніе его и т. п.; затѣмъ изъ остающейся суммы $20^{\circ}/_{0}$ идутъ на устройство художественной библіотеки, а $80^{\circ}/_{0}$ отчисляются въ основной капиталъ, первоначальный размѣръ котораго назначается въ 25,000 франковъ. По составленіи вышеопредѣленнаго капитала, распредѣленіе поступающихъ въ кассу Общества денегъ измѣняется слѣдующимъ образомъ: $30^{\circ}/_{0}$ передаются въ Русское генеральное консульство для раздачи пособій неимущимъ русскить въ Парижѣ, причемъ художникамъ и артистамъ вообще дается преимущество; $30^{\circ}/_{0}$ поступають на усиленіе средствъ кассы ссудъ русскихъ художниковъ; $15^{\circ}/_{0}$ идутъ на пополненіе библіотеки и, наконецъ, $25^{\circ}/_{0}$ на увеличеніе основного капитала.

Ссудная васса русскихъ художнивовъ въ Парижё основываются изъ пятой части первоначальнаго основного капитала Общества, т.-е. изъ 5,000 франковъ.

Дѣлами Общества завѣдуетъ Общее собраніе его членовъ и комитетъ, состоящій изъ президента и 8 членовъ. Президентъ выбирается на 5 лѣтъ, а члены комитета на годъ. Выбывшіе члены комитета могутъ бить избраны вновь.

Комитетъ избираетъ изъ своей среды предсъдателя, секретаря, казначен и управляющаго хозяйственною частью, и ему предоставляется право выдавать ссуды подъ залогъ художественныхъ провзведеній или по норучительству двухъ членовъ Общества.

Общее Собрание бываеть одинъ разъ въ годъ (въ декабръ), но

оно ножеть быть сазвано и ранёе, если того письменно потребують десять членовъ Общества. Общее Собраніе считается состоявшимся, если въ немъ участвуетъ число членовъ Общества вдвое болёе числа присутствующихъ членовъ комитета.

Общее собрание: a) разсматриваеть и утверждаеть годовой отчеть комитета о дёлтельности Общества, б) назначаеть ревизионную коммиссию, состоящую изъ 3 членовъ Общества, для повёрки книгь, суммъ и дёлъ Общества, и в) выбираетъ членовъ комитета.

Всё вопросы, какъ въ Общенъ Собрания, такъ и въ комитетъ, ръщаются большинствонъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Для измѣненія какого-либо параграфа настоящаго устава, требуется согласіе трети всего числа членовъ Общества, при чемъ передача голосовъ, допускается. Если но какимъ либо обстоятельстванъ, дѣйствія Общества прекратятся, то нослѣднее Общее Собраніе его постановлястъ передачу напитала въ собственность накому-либо учреждевію, цѣль котераго сходна съ цѣлью настоящаго Общества.

Желающіе предложить себя въ члевы Общества или имѣющіе, обратиться въ нему съ заявленіями, предложеніями и т. п. могуть адресоваться въ С.-Петербургъ въ члену-соревнователю Общества Павлу Александровичу Брюллову (Вас. Остр., 7-я лин., д. № 60), или въ редакцію "Въствика Европи", Спб., Галерная, 20.

II.---О ПРЕМІН ФРЕЙЛИНЫ М. С. МУХАНОВОЙ ЗА ЖИЗНВОПИСАНІВ ИМОВРАТРИЦЫ МАРІИ ОБОДОРОВНЫ.

Ея Императорскаго Величества фрейлина М. С. Муханова обратилась въ Академию Наукъ съ письмомъ, въ которомъ она изложила, что "сохраняя въ сердцѣ своемъ благоговѣйную память въ почивающей въ Бозѣ Государывѣ Императрицѣ Маріи Өеодороввѣ, при которой ся отець, действительный тайный советникь Сергей Ильнаъ Мухановъ, долго служилъ оберъ-шталиейстеромъ, и сама она, состоя фрейлиною, провела лучшіе, незабвенные годы своей жизни, и воспоинная любвеобильную христіанскую деятельность этой Государыни на благо и счастіе взятыхъ ею на свое попеченіе дітей, сироть и бѣдныхъ,-она поставила священнымъ обѣтомъ своего сердца сохранить по возможности воспоминание о Ней, Ея жизни и дляніяхъ для всёхъ соотечественнивовъ, кому памятны и дороги бывшія Ея заботы на поприщѣ благотворительности, и что въ этомъ намѣреніи она котвла бы посильно содвиствовать къ тому, чтобы у насъ, на руссвоиъ языкв, явилось полное жизнеописание покойной Императрицы". Съ этою цёлью г-жа Муханова представила въ Академію 5,000 руб., назначивъ ихъ для выдачи, отъ имени Академін, въ видѣ премін, за лучшее жизнеописаніе Императрицы Маріи Өеодо-DOBHH.

۱

Всяздствіе сого Акадонія Наукъ, съ Височайшаго сонвволенія, приглашаеть всёкъ желающихъ причять участіе въ сонсканія этой премін, на нижесяёдующихъ основаніякъ:

1) Срокъ для этого сонсканія навначаются патилітній, такъ что отвётныя сочинения должны быть доставлены въ Аладению не позже 1-го нарта 1884 г.; 2) На сонскание премин допускаются лишь рувописныя сочиненія на русскомъ языка; 3) Авторъ имфетъ право выставить на сочинени свое имя или же сврить оное въ запечатанномъ наветв, снабженномъ особымъ девизомъ; 4) О последствіяхъ конкурса. на премію будеть доведено до общаго свідінія въ публичномъ собранія Авадемін 29 декабря 1884 года; 5) Премія будеть состоять изъ капитала въ 5,000 р. и изъ процентовъ, конорые наростуть ва этоть капиталь по день присужденія премін. Вся эта сумна, капиталь визстё съ процентани, назначается автору увёнчаннаго преніею сочиненія; 6) Премія будеть уплачена автору не прежде, какъ по представления них въ Академию печатиаго энземплара его труда; 7) Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Цесаревне благоугодно было сонзволить на то, чтобы, согласно желанію фрейлины Мухановой, сочиненіе, которое будеть награждево учрежденною ею премісю, было при изданія своемъ въ свётъ носващено Августайшему Имени Ея Высочества. " .....

Digitized by Google .

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

январь — февраль, 1879.

Кинга норвая.—Январь.

Изъ Гите І. Ануръ II. Ринъ Н. В. ГЕРВЕДЯ	5
Поихоноторные центры у человые и животныхИВ. Р. ТАРХАНОВА	7
Стихотворения I. Силуэть II. Воть скоро сметутся наноси, матели III. Въ	
изчал'я жизненной дорогиС. А. АНДРЕЕВСКАГО	59
СпецианотьСтраница изъ женской жизниК. НИКУЛИНОЙ	68
ФИЛОСОФОКАН ДРАМА РЕНАНА — "КАЛИВАНЪ". — К. В. АРСЕНБЕВА	95
Гори-влосчастье. — Драма въ вати динствіяхъ. — В. А. КРЫЛОВА	126
Социльнов двежение въ ГирилинеИсторический очерезЛ. АВЪ	205
Четвертов измаряние и симритизмъ По поводу статей гг. Цёльнера и Бут-	
	258
Знатный варинъ прошлаго въка Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова,	
составленный внувомъ его гр. В. Орловымъ-ДавидовымъА. ВНЪ .	272
НАУВА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИШИСЬНО ДЕВЯТОСА. РЕНЬЯРА	287
XPOHNEA OBPASOBAHIE & OBESHEVEHIE BHTA PABOVEX'S BS POCCIE	
П. АБРАМОВА	821
Литературнов Овозрания Новыя вниги русской и иностранной литературы .	879
Парижена Письма. — XLIV. — Современная драматическая оцена. —	
ЭМ. ЗОЛА	405
НигологьКнязь Питръ Андрикичъ ВазинскийМ. С.	486
HEOTPARHAR DOINTHRA ARBAPSCEIR BUBOPH & PAYS LANDETTH	440
Бивлюграфический ЛистокьИсторія славянскихъ литературь. Т. І. А. Пишина	
и В. СпасовичаПолное собрание сочинений кн. П. А. Ваземскаго, т. І.	
- Русская Библіотека, т. IX: Гр. Л. Н. Толстой Роберть Гринь,	
посладов. Н. Отороженно. Исторические этоди русской живни. Т. І.	
BI. MEXHOLEVA.	
DI. MHXHCHUM.	

.

OTP.

Кинга вторая.-Февраль.

	OTP.
Спристи иннодииИзъ Вуна КараджичаА. И. ОРЛОВА	449
Мов здоровья. — Изъ самонаблюдений Бёрванда. — Л. П.	457
Овреја и Порта въ 1861-67 ггІ-ІІН. А. ПОПОВА	505
Дешевый городь. — Хроннка-романь Первая часть: I-XV, - ЯК. П. ПОЛОН-	
	553
CKAFO Дипломатля в война въ восточномъ вопросъ.—Études diplomatiques sur la guerre	
de Crimée (1852-1857), par un ancien diplomateI-IL-B. K.	632
СтихотворенияИ. Критикъ и ноэтъП. Среди полейИ. М. МИНСКАГО.	690
Въ Болгария. Изъ замътовъ в воспомвнаній. Осончаніе. ЕВГ. И. УТИНА.	693
Болгария. — Литературнов Обозръния. — Новыя вниги русской и иностранияхъ	095
	768
литературь Внутренные Овозрания.—О бумажно-денежномъ обращения.—Наши привержения	100
"инфлацін".—Государственная роспись на 1879 г.—Отчеть контроля за	
1877 г. — Вопросъ о возрастанія доходовъ. — Чрезвычайные расходы. —	000
Новне налоги Особая коминссія для сокращенія расходовъ	809
Корреспонденція наз БирлинаНовив порядки и положение партийК.	835
Корреспонденция изъ Лондона. — Трятья доганнотановая война. — В	853
Парижскія Цисьма.—XLV.—Новая драма изъ романа.—Э. ЗОЛА.	869
Бивлюграфический Листокъ. — Сочинения В. А. Жуковскаго. Издание седьное,	
п. р. П. А. Ефренова. — Русскіе бившіе діятели. Т. П. Изданіе А. О.	
БауманаРусскіе современные двателя. Т. III. Изданіе А.О. Баумана.	
- Гидравлическія начала устойчивости мостовихъ оноръ. Сост. П. Ян-	
ковскійУставъ о напазаніяхъ. Н. С. ТаганцеваОчеркъ развитія на-	
шихъ свёдёній о газакъ. А. Столетова. – Физическій трудъ. С. Н. Кривенко.	
- Собраніе сочиненій Гёте, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля, т. VII и VII.	
·	

 $\approx$

.

•

СОДЕРЖАНІЕ

второго тома

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

марть — апръль, 1879.

Книга третья.-Мартъ.

Длянный городъ. — Хроннка-романъ, въ трехъ частяхъ. — Окончаніе первой части. — Я. П. ПОЛОНСКАГО Поццо ди Борго и Франция. — Начало второй четверти XIX-го віка. — І. — С. М.	5
Поццо ди-Борго и Франція.—Начало второй четверти XIX-го віка.—І.—С. М. СОЛОВЬЕВА	82
СОЛОВЬЕВА. Молодые вовъги. — Повесть. — Часть четвертая. — А. А. ПОТВХИНА.	103
Динионатия и война въ восточномъ воиросъÉtudes diplomatiques sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate ШІ-V Обончание В. Ө. КОРША	170
Стихотвориния і. Мечтательний, наз Сырокоман П. На рубежа земли обв-	
тованной. — С. С	207
Сереня и Порта, въ 1861-67 ггШ-IVОкончаниеН. А. ПОПОВА	210
Оть Москвы до Тегерана и обратноИзъ воспоминаний русской путешествен-	
ници.—I-IV.—М. Р.—ЧЪ. Хроннка. — Пыткребурские тватры и ихъ современное положение. — Замътки.—	278
АРОНИЦА. — ПЕТКРЕУРГСКИЕ ТЕАТРЫ И ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. — ЗАМВТИЯ. — А. И. ВОЛЬФА	305
А. И. ВОЛЬФА Вольный проценть. По поводу отм'яны узаконеннаго роста. Д. А. ВЪ	506 826
Литературнов Обозръние. — Новыя вниги русской и иностранных литературь	348
Виутренные Овозранія. — Повая вани русской и инсогрананся инсерсирур Виутренные Овозраніе. —Чума и наши прави. —Одесскій градоначальникъ о го-	010
родскомъ самоуправления. — Польза обнародования административныхъ	
отчетовъ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1877 годъ. — Мате-	
ріальное положеніе духовенства. — Важность собственнаго почина для	
ауховенства. — Церковная статистика. — Отвёть профессору Барсову.—	
Новая почтовая такса	878
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМАXLVIСМЕРТЬ ОЛЛИВЬЕ БЕКАЙЛЯЭМ. ЗОЛА	397
Иностранная полетикаМакъ-Магонъ и г-нъ Греви	425
ЗаматкаПо поводу рецевзів на книгу: "Исторія славянскихъ литературь"	
А. Н. ПЫПИНА	440
Извъстия. Отъ конитета общества русскихъ драматическихъ писателей: под-	
писка на Грибойдовскую премію. Бивлютрафический Листогь. — Стихотворенія Н. А. Неграсова. Посмертное из-	444
даніе, въ четырахъ томахъ.—Избранныя стихотворенія Л. Кондратовича	
(В. Сырокомля), т. І.—Изъ дальнихъ лъть, воспоминанія Т. П. Пассевъ,	
т. ІЖизнь Робинзона, состав. Н. БинновъОчерки и разсказы, Ф. Д.	
НефедоваДинствующее законодательство о праныхъ налогахъ. М. М.	
Алексвенко.	

Кинга четвортая.---Анръль.

Kunte Jothahimat	
,	CTP.
Современий ронань въ вго представителяхъ	445
Авотрийские славание въ 1848-1849 ггІ. І. ШЕРВОЛЬФА	491
Молодив повагиПовестьЧасть патаяА. А. ПОТВХИНА.	543
РуннаИсторическая конографія изъ исторія Малороссія, 1663 - 1687 гг	010
Часть первая Гетианство Бруховецияго І-IV Н. И. КОСТО-	
	610
МАРОВА. Дишевый городъ.—Хроника-романъ.—Часть вторая.—І-ХVІІІ.—Я. П. ПОЛОН-	010
Динивны городу Аронника-ронанъ Часть вторая А чица. п. полоп	~~~
СКАГО	656
МУЗЫКАЛЬНОВ ОВРАЗОВАНИЕ ВЪ ШЕОЛЪ И ЖИЗНИ	787
Тучки. — Стих. Н. М. МИНСКАГО	763
Хроника. — Литературнов Овокрания. — Новыя книги русской и иностранныхъ	
литературъ	767
Внутренные Овозрания. — Книга проф. Гусева и ся упреки русской журна-	
листики. — Защита ниъ профессора Цитовича. — Опять вопросъ о по-	
вреждения правовъНаше объяснение по поводу второй брошоры г. Ци-	
товича. — Предположенія о признанія въ Россія балтистской секты. —	
Тургеневскій об'ядь	800
Корриспондинція изъ Бирлина. — Изъ овщиствинной и парламентской	
	829
ПАРЕЖСКІЯ ПИСЬМАXLVIIЛИТЕРАТУРА В ПОЛИТИКАЭМ. ЗОЛА	850
Иностранная политикаВопрось о смертной казни въ Швейцарин.	878
Песьмо въ редактору. А. М. КОСИЧЪ.	887
Отъ редакцияОтвётъ "Старому жителю Тули"	889
Извъотия I. Отъ общества взанинаго вспоможенія в благотворительности рус-	000
ских художниковъ въ ПарижеПО премін фредлини М. С. Муха-	
новой за жизнеописаніе императрици Маріи Феодоровни.	
	_
Бизнотрафияский Листокъ. — Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Рекло.	
Т. Ш. — Картинки домашнаго воспитанія. А. — вой. — Первоначальные	
уроки русской грамматики. Сост. Марія Корсанъ. —Родной край. Кинга	
для класснаго и донашняго чтенія учениковъ старшаго отділенія народ-	
ной школи. Ө. С. Матвеева.—Сказка о пчеле мохнатке. В. П. Авенаріуса.	

*****

-

ГЛАВНАЯ КОНТОРА "ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ THENEWYORK

въ С.-Петербургѣ, Васня. Остр., 2 л., 7.

ОТДЪЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ ВОНТОРЫ

въ Москва, Книжный магаз, Н. И. Мамонтова, на Кузнонкомъ-Мост

ОБЪ ИЗЛАНИ ЖУРНАЛА

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЬ

въ 1879-мъ году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ", ежемѣсячный журналъ исторія, политики, литературы, въ 1879-иъ году издается въ тоиъ же объемъ и въ тъ же ороки: 12 книгъ въ годъ, составияющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ. большого формата.

ПОДПИСНАЯ Ц'ВНА:

ГОДЪ-12 внигь: B's POCCIE: 3A TPAHERED: 1) Съ пересылкою, чрезъ Газегную Экспедицио 17 р. - к. 2) Съ доставною, по городской почтв, въ Спб. 16 > -- > 8) Безъ доставия, въ Главной Контор'я журнала. 15 » 50 »

ЧЕТВЕРТЬ-3 вниги, съ доставвою и пересылкою.

Примичание.-Подниска по четвертямъ открывается ОБ ЯНВАРЯ, АПРЗЛЯ, ІЮЛЯ И ОКТЯВРЯ.

МВОЯЦЪ-1 внига, съ доставвою и пересылкою

Подинсывающіеся въ Москва, въ Отдаленін Главной Контори журнала, при княжномъ магазинъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могуть получать при подпискъ тамъ же всё прежде вышедние нунера журнала.

газины нельзуются при подписка обычною уступкою 🤊

Ha obopomn:

ASTOR. LENOX AND LDEN FOUNDATIONS. 1902

PUBLICLIBRARY

Digitized by Google

10 v.

отъ редакции.

Редакція отвъчаета виолнё за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Контори и тёмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которие выслал подписную сумму по почть въ Редакцію «Вёстника Европи» въ Спб., Галерная, 20, съ сообщевіемъ нодробнаго адресса: им отчество, фамилія, губернія и уёвдъ, почтовое учрежденіе, гді (NB) допущена правильная выдача журналовъ.

О перемъна адресса просять изв'ящать своевременно в съ указаніемъ прежняго м'естожительства; при перем'ян'я адресса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цёнъ по государстванъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдёлана въ выщеуказанныхъ мёстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по получение слёдующаго нумера журнала.

Билеты на получение журнала высылаются особо тёмъ изиногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторъ журнала и въ ея Московскомъ Отдълени можно получать полные экземпляры «Въстника Европы» за 1878 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. ОТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

новая внига: 🖚

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

Съ портретонъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, прим'ячаніями и т. д.

Спб. 1879. Т. I: LXXXII и 318; т. II: 417; т. III: 404; т. IV: 131 и ССХ. Біографія, въ нервоих тоих, составлена А. М. Спабичевскимъ; нрикъчанія, въ четвертонъ тоих, были приготовлены отчасти саминъ ноэтомъ и дополнены С. И. Пономаревниъ.

Четыре тома, на обыкновен. бумаги: 7 р. въ обертки, и 9 р. въ переплети; перес. 1 р. На веленевой бумаги: 12 р. въ переплети; перес. 1 р.

Гр. ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Избранныя изста изъ романовъ, повістей, разсказовъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Тонъ ІХ-ый "РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ".

Сиб. 1879. Стр. 384 и VII. - Ціна 75 вод.; на англійскома перепя. 1 руб.

ИСТОРІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пынкна и В. Д. Снасовича.

Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ тойахъ. Томъ І-й. Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 3 рубля, съ пересыл.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ П. В. Анкенкева.

ОТДЪЛЪ ВТОРОЙ: собрание притическихъ статей, очерковъ и замётокъ, за 20 лит-1848 — 68 гг. Сиб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. — Цйна за оба тома — 8 р.

курсъ

промышленной экономии и коммерческой географии

въ связи съ торгово-промышленной статистикой России и главнайшихъ государствъ міра.

Одобрено Ученних Конитетоих Минист. народи. просвёщ. для реальных училищъ.

А. П. Субботваъ.

С.-Петербургь. 1878. Стр. 328. Цена 2 рубля.

КАТАКОМВЫ.

НОЗВСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТІАНСТВА. Евгопія Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цена 1 рубль.

Восьной тонъ "РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ":

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатяры, съ біографическных очеркомъ и портретомъ. Спб. 1878. Стр. 438 и VIII.--Цвна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубл.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОВЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученио Компеста Гранотности, состоящаго при Инператорски Вольномъ Экономическомъ Обществъ, спеціальною Комписсiею. Спб. 1878. Стр. 744. Цёна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Банзаат. — Флоберт. — Гонкурн. — Доня. — А. де-Мюссе. — Тэнт. — Рения. — Шатобріант. — Тьерт. — Ж. Зандт. — В. Гюго. — А. Дона-сынт. Сиб. 1878. Отр. 351. Цёна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

EFO MNSHL N REPENDERA

Сочиненіе А. И. Пынина. Въ двукъ томакъ. Сиб. 1876. Ціна 4 рубля, въ неренеті 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдёльномъ издания біотрафія Вілинскаго значительно дополнена новин иле ріалами, явившинися въ вечати за послёдное время, и новинъ рядонъ нисень Вілискаго, доселё непеданныхъ.

Книгопродавцаять объгчная уступка.

За пересылку по почтв иногородные прилагають 10%, съ цвны книч въ круглыхъ цифрахъ.

Книжний складъ и нагазить тихографіи М. Отаспловича IDHHUMBOTS HE KONNECCIO DOCTOPOHHIS BEZEHIS, DOGDECKY HE BOB норіодичновія наданія и вызылають иногороднымъ вой книги, публикованныя въ газотать и другить каталогать ").

ИОДВИЖНОЙ КАТАЈОГЪ

JE IR.

КНИЖНАГО СКЛАЛА и МАГАЗИНА THEOPPAGIN M. CTACDIEBNYA

С.-Петербургь, Вас. Остр., 2-я л., 7.

RITOLOH.

N IA

Міръ реальный и міръ ндеальный. Соч. И. А. Бикова. Предметь этого сочиненія: нисладование ожущения и изиссание основного начала природы. Въ телств 163 чертежа. Саб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылков.

Опыть критическаге изсладевания основоначать коснтизной философія. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2]

Основанія всихологія. Герберта Сненсера, съ приложениенъ скатън "Сравнительная попхологія человіка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересняною.

Письна е научной философія. В. Лесе-вича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ нер. 1 p. 50 s.

Психелогическіе зтюды. И. С'яченова. Ц. 1 р. 50 к., съ нер. 1 р. 75 к.

Разънскатели истины (Инмануниъ Канть (1724 — 1804), Іоганнь Готлибъ Фище (1762 — 1814), Фридрихь-Генрихь Якоби (1743-1819). Составить Ипподить Панаевъ. Съ предненовіена и послісловіенъ сосганителя. Спо. 1878 г. Ц. за 2 т. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Соврещение направление философія и инсоторые са пранцицы. Соч. И. Полетика. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 L

СЛОВЕСНОСТЬ-КУЛЬТУРА.

- Барчуни. Картини произаго. Евгенія Маркова, Сво. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Веспонинанія и притическіе очерая. Со-браніе статей и заивтокь П. В. Анненбраліе статей и зам'ятогь П. В. Аннен-жева. 1849-1868 гг. Отдіять первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 56 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплети съ золотнить 1877 г. Ц. 1 р. 56 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Отділь второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 в. Обонкъ огделовъ киеств п. 3 руб. съ пересникою.

Fopagill a ero spens. Cov. H. M. BIAroвищенскаго. Изд. 2-ос. Варшава. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Гере отъ ума. Конедія въ четырехъ дій-ствіяхъ въ стяхахъ. А. С. Грибойдова. Соронъ второе издание съ рукописи 1831 г., найденной въ Твфинсъ, съ 150 варіантами. Редактировано Кн. Д. Г. Эристовииъ. Тифинсъ, 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. Мизиъ и труды П. М. Стреева. Сочин.

Николая Барсукова. Спо. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Элотын сердца. Листки изъ загуб-

ленной повъсти. Сочин. Н. Златоврат-

скій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к. В Изманна сербсной войны 1876 г. За-писки К. Д. Воронича. Часть III. Спб.

1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Иностранные поэты въ переводъ Д. Д. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 в., перес. 388 2°φ.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пипина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передбланное и дополненное. Спб. 1879 г. т. І. Ц. 3 р. съ перес.

Нартинки донашияго воспитания. Педагогическіе этоды А — вой. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Катаконом. Повёсть изъ первыхъ времень христіанства. Евгенін Туръ. Новое наданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Серебряный. Повъсть времень Киязь Іовина Грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого.

*) Книги, поступници нь Стиндь эт февраль месяна, уневани mg- ; на книгаль обовначень годь надания.

Вастникъ Европн. -- Мартъ, 1879.

A

1

Исбевра. Т. Г. Шевчевко З додаткомъ споминок про Шевченка писателів Тургенева и Нолонского, съ нортретомъ. У Пром. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Налорусскія народныя преданія и разсназы. Сводъ Миханля Дрягоманова. Кіана. 1876 г. П. 2 р., ст. нарос. 2 р. 50 г.

Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Натавъ Мудрый. Драматическее ститотворение Готгольда Лессинта, перевицъ съ нъмецкато В. Крылова, съ историческимъ очернотъ и примъченіяли къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскомномъ перевлетъ съ вортретонъ Лесс сингъ 3 р., съ пер. 8 р. 80 к.

Николай Аленсізенчі Непрасогь. Біографія, критическій обзорь поэзія. Собраніе стихотвореній, посвященных памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасові св. 1840 года. Сост. А. Го зубевь. Къ книги приложень портреть поэта, исполненный съ негатива фетографа С. Л. Девицкаго фотографіев Лемерсье въ Парижі. Учстый сборь отв этого изданія назначается на мучше устройство народной шкома, пользовазшейся при жизни Н. А. Некрасова особыла его поличніки. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Онеле денеть. Романь нев сельской фафричной жизни. Алексвя Потёхныя. Спо. 1877. Ц. 1 р. 26 г.

Париненія шема. Изь литературы и жизни, 1875-77 гг. Т. І. Эмиль Зола. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 г.

НО перьнамъ. Записки заключеннаго. Впредь до распоряжения. Сочни. Д. А. Линева. Свб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перез. 2 р. 30 г.

Полное собраніе сочиненій иналя П. А. Ваземскаго. Т. І. 1810—1827 г. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Пре унраінсьсних нозанія, татар та турнів. Зложив М. Драгоманов. Ц. 10 к. Русоная Библіетана, т. ІХ. Графа Лавъ Николаевних Толстой. Дітозво.—Севастонокь.—Три смерти.—Война и Мирь.—Разскази для дітей.—Басни.—Анна Каренива. Портрета. Біографія. Спб. 1879 г. Ц. 76 в., съ пер. І р. въ англійскомъ переплетія ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Руссияя Библіотена, тонъ VIII: М. Е. Салтиковъ. Избранныя сатиры, съ біографіед и портретонъавтора. Сиб. 1878. Стр. 438. Ц. 75 к., съ нер. 1 р. Руссияя Библіотена. Т. V. А. С. Гри-

Руссияя Библіетена. Т. V. А. С. Грибобдовъ. Комедія "Горе оть ума".— Лубозный театръ. — Своя семья. — Грузинская ночь.— Хищинки на Чегемі. — Переписка.— Портреть. — Біографія. — Изъ критики Білинскаго. — Вгорое изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., ез иср. 1 р.; из англ. перенноті 1 р., съ перес. 1 р. 26 к. но Роцан. али дина. Исторические повъсть Гр. Санарова, Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Сабране сочиний Гете из переводаха русскиха писателей, изданныха пода редакціею Н. В. Гербеля. Пата тонова. Сиб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р. Сечинала Н. М. Михайлесскаго. Т. І. Свб. 1879 г. Ц. 9 р., съ пер. 2 р. 36 ж.

Сочинонія Аленста Поттялия. 7-нь тоновъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р. Стихотворенія Н. А. Непрасова. По-

Стихотворенія Н. А. Непрасова. Посмертное надяніе, съ портретонъ, факсамиле, біографіев, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Сиб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ перецлетѣ 9 р.; съ перес. 10 р.; на веленевой бунатѣ нъ перецлетѣ ц. 12 р., съ перес. 18 р.

Тайны шелізно-дерекниго ніра. І. Воспоминанія чугунщика. П. Покаявіе желіюно-дорошнаго калена. М. 1676 г. Ц. 1 р., сь пер. 1 р. 20 к.

Таниственный острень. Жрлз-Вержа, св 150 гразорани Варбона. Перек. Мариа-Вочна. 3 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полнее собрание стахотворения Гр. А. И. Телстого, из одновъ тонъ. 1865—1875 г. Изданіе второс. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на изленовой бумата, съ портретолъ и въ роскомновъ переплетъ съ золотнить тисненіенъ, п. 3 р. 26 к., съ норес. 3 р. 50 к.---Портретъ особо: 50 к.

Францъ фонъ - Знанитенъ. Историческая трагедія въ 5-ти дійствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Криль. Отр. 259. Ц. 1. р. 50 к., віс. 2 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

БР Берьби подъ Плимией. Сочин. фонт-Трота. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ вер. 1 р. 20 кон.

Восточных война 1853-56 гг. Сочин. ген.-дейт. М. И. Вогдановича. Изд. 2-е, въ 4-хъ тонахъ, съ плавани и нартани. Опб. 1877. Ц. 8 р., св перес. 9 руб.

Мязик серепойских передогь Е. Н. Во до во во во 2. Ч. І. Доннали Юна. Подробное описаніе жизни, правовь и обичает: болтауь, сербовь, чермогориснь, герцеговинцевь, босняковь, турокь, албанцевь, португальнеть, французовь и швейцарцевь, съ 26 рис. Мад. 2-е Ц. 8 р. 75 г., съ пер. 4 р. 25 г., съ излиновъ неренлетѣ 4 р. 55 г., съ пер. 5 р. Ч. П. Доннам Сисера. Онисаніе правовь и обичаеть англичанъ, шотландцевь, правидевь, голландцевь, бельгійцевь, правидевь, голландцевь, Б. Я. р. 75 г., съ нер. 4 р. 25 г., въ перенлетѣ 4 р. 56 г., съ нер. 5 р.

INF Изъ Руссией неторы дов разоказа. А. Майкова. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пере-CHIROD 60 K.

Исторія американскиго флота во преня монстанія. Соч. Чяркьса Бойнгона. 2 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

сторія Франціи отъ ничноршенія Напонеона I до возстановленія имперія, 1814-1652 r. A. J. Poxay. 2 r. H. 3 p. 50 L., mic. 8 ¢.

[•] Исторія праноссиой спарнія. Осчинсије А. В. Духновича. Перев. съ ненаданной латинской рукописи вротойерея К. Кусто-дівва. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., оз вер. 60 к.

Истерическія судьбы женщины. Дітоубійство и проституція. С. С. Шашкова. Издание второс. Ц. 8 р., сь нер. 8 р. 80 к.

Путебые очерки и картины. Сочинение Вашингиена Првинла. Пер. съ анийскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 8 руб.

Польская анархія при Янъ Казнапръ и война за Украину. Соч. Н. И. Паваижева. Э тома. Сиб. 1878 г. Ц. 6 р., съ пер. руб. 7

Ринъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, - войско, - общество и глазяне двятели. Военно-исторический очерка.---Сосказых Л. Л. Штюриеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕ-CTBLS.

Очерки природы и быта бёломорскаго края Россія. Охота въ лісахъ архангельской губернія. А. Михайлова. Спб. 1868 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Очериъ путешествія по спровойсной Тур-ція, съ картов окрестностей Окрадскаго и Преспанскаге езерь. Винтора Григоровича. Издание 2-ос. Ц. 1 р., съ кер. 1 р. 20 L

Природа и ники. Америки. Дрэпора. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русний рабочій у станро-анариканский в плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1975. Стр. 445. Ц. 2 р., вис. 2 ф.

политическая экономія-статистика.

Kypes meaning anonanin a Kox+ мерческой реография зъ слази съ торговепромышеенной статистикой Россіи и главнайшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Суббетина. Онб. 1878 л. Ц. 2 р., с. нер. 2 p. 30 z.

Начальный учебникъ политической эконеmin. Communs 3. Bpagens. Cat. 1876. Ц. 2 р., терес. 1 ф.

Nemii a нольный продить въ Росой. Кинен А. И. Васяльчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес, 80 к.

General settons-kossiletunmeli suonomi обласно-коняйственного счетоводства. Профессора А. Апдеговскаго. Спб. 1875 г. Ц. 8 р. 50 к., съ шер. 4 р.

Основанія политическої эконемія съ віжеторини нов нав принений къ общественвой физософія. Джонъ Стварть Милль. 2 т.Ц. 5 р., въс. 8 ф.

Сравнительная статистика Россіи и занадно-европейским восударены. Т. I. Бер-риторія и населеніе. Ю. Э. Япсонъ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р. съ нересыцеою.

WF Yneuie of antionopments as maint. Соч. магнотра И. Тарасова. Кіскъ. 1879 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. Экономический быть запледениеските

ниссиенія Россія и колонизація кого-восибунихъ степей предъ крепостникъ празонъ. Сочин. П. А. Соколовскаго. Ско. 1878 г. Ц. 1 р. 70 к., съ перес. 2 р.

ПЕДАГОГІЯ-УЧЕВНИКИ-ДВТСКІЯ И НА-РОДНЫЯ КНИГИ.

Воспитаніе умственное, правственное и физическое, сеч. Герберта Сленсера. Переводь съ англійскаго. Изданіе вторее.

Спб. 1878 г. П. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Аругъ дітей. Кинта для переоначальнаго чтенія. П. Маконновича. Изд. 18-ое, пересметріяное и дополненное. Спб. 1978 г. Ц. 88 к., съ пер. 50 к.--Цена 45 к., съ пер. 60 г.

Инянь дитей. Собрание разсиваевь и изевстей изъ анцийскихъ, консциять н французскихъ детокназ книга, Вишуска нервый. Саб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Жизнь Роблизана от 195 картинали. Составных Н. Влиновь. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ русской низани и природы. Е. Н. Водовововой. Разсказы о животянихъ, растеніяхъ, временахъ тода, явленіяхъ при-роди, о главибішнахъ проимелахъ и очерки нать жародной жнани, съ 15 рис. 8-е над. Ц. 1 р. 50 к., въ вващномъ перешетъ 2 р., за пер. 30 к.

Историчнания хресченатія по насай и цеstiluoli ногорія. Состав. Я. Г. Гуроончема. Т. І. Ц. 2 р. 50 к., съ вер. 8 р. Исторія Греція и Рима. Соч. Я. Г. Гу-

ревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

иратия хренелогія всеобщей я русской ногорія. М. Острогорскаго, Для Ш. н IV нассовь гимвей? и прогимвани и для велинать учебныхь заведстій. 4-ос над., сь значит. камененіями и дополненіями. Сиб. 1878 г. Ц. 25-я., съ нер. 80 к.

Общія наглядно-зауновых пропнен. Пособіе для послевенных укражненій вь письмі, состоящее наь 468 намых карупновъ. Онб. 1879 г. Ц. 8 к., еъ мер. 15 к.

Прантическая правиля для дайствія вида обнановенными логариенами часель и тригонометрическихъ величинъ. Сост. Г. М. 2-ое дополи. педаніе. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., ев пер. 1 р. 25 к.

НО Израся класская кинга для чтона. Пособіе при начальномъ обученія родному язнау. Состав. П. Г. Васильевъ. Сиб. 1877 г. П. 40 к., съ нерес. 60 к.

Пранелинейная тригенскоготрія, съ прилеженіемъ стачьи с логарионахъ. Соч. Г. М. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Реблизонъ Крузе. А. Анненскей. Новая нереработка теми де-йов. Съ 10-ю март. и 85 - ю политинаками. Изд. В. Лесевича. Ц. въ нереня. 9 руб. 50 вок.

Редина азбука для обученія и самообученія грамоті по наглядно - звуковому способу. 3-е пересмотріянное, исправленное и дополненное изданіе, съ 200 рисунками и наставленіємъ, какъ учить по этой азбуи. Спб. 1878 г. Ц. 4 к.

Руневедство въ древной исторіи Востона до персидскихъ войнъ. Ф. Ленормана. Т. П. В. І. Араби. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Руководство нъ дровной исторіи востова до персидскихъ войнъ. Мидяне в Перси. Соч. Ф. Ленориана, Т. Ц. В. 2. Кіевъ. 1878 г. Ц. 75 г., съ пер. 1 р.

Русскія наредных склани, послевным и загадии. Чтеніе для начальных учелину. Сост. П. В. (Петра Вейнберга). П. 20 в.

"Різсый и лозвій" въ Сойт и Шислі. Обориннь воденжнихь ктрь и занятій на открытонь воздухі; со иногныя рисунками въ тексті. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сонь оназовъ для дътей. Варвари Софроновичь. Съ синуотами, раб. Елисавети Бёмъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ нерес. 1 р. 30 к. въ имина 1 р. 25 к., «ъ нерес. 1 р. 50 к.

Сбориних сторосмотрических задачь для укотребленія за внояних нассахь среднихь учебника заведеній. Составиль С. Сикорскій, иренодаватель натематики. П. 1 р. сь нер. 1 р. 20 к.

П. 1 р., съ нер. 1 р. 20 к. Спотокничновай сбоорт русский изредно-ученой литератури. Составленъ, по норучено Конитета Гранотности, слеціальною коминссіею. Больной токто въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Ціна 2 руб.; съ нерес. 2 р. 50 к.

Справочная шищий и унантная руссийге правочнодий. Составить В. П. Геникича, преподаватель 1-го Олб. родынаго учиница. Олб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересилното 1 р. 50 к.

Унственное развите дотой. Е. Н. Водовозовой, Ота нерваго прознати соналія до 8-ин-літнаго кораста, Нразственное и умотвенное развитіе дітей, работи, игон, физический упражнения, разсилан, окнани, загадин, нословици и наблыдения падъ явлениями природи. Изд. 8-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Употребление знание, преднания из руссвоих письий, съ краножениеть русской ричи и систематическаго динтанта. Сост. И. И. Богдановъ, Кйевъ, 1870 г. Ц. 60 к., ок мер. 75 к.

Учебнить Химіи. Составить С. Коналевскій, преподаватель химіи и физики из Слб. 1-из реалисны училиці. 2-е изд., исправленное и дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ вер. 1 р. 75 к.

Человичение тіле, его строеніе, жиних и холя. Руководотво для учащинся, съ 9-ю тиблицани и 89 нолитипанани. Сест. Д-ръ К. Бокъ. 5 инданіе. Сиб. 1878 г. П. 85 к., съ верес. 60 к.

Элеконтарный курсь ботання. Сост. С. Никитинь, премод. 1 и 4 моск. жен. гимвазів. Изданіе 2-ос, значительно донодненнос. Ц. 40 к., сь пер. 60 к.

Злевонтарівля сетдтий изъ химін. Учебное пособіе къ курсу физики. С. Ковалевскаго, преподавателя физики и химін въ Свб. 1-из реальномъ училиці. 2-е неданіе, пересмотрівние и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Чтеніе и янсьме по партинканъ. Азбуда для обученія и самообученія грамоть во ваглядно-звубовому способу. Съ 800 рисунками въ текств. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Ключь къ "Чтение и письму по изртиникиъ". Ц. 15 к., от нер. 80 к.

языкознание-археодогия.

Р. Анализъ востаеникъ частей сладанскаго слова, съ норфологической точни зрѣнія. Антона Будиловича. Кіевъ. 1877 г. Ц. 75 к., съ нерес. 1 р.

Загадочные зауки въ исторія русскаго языка. Соч. М. Колекова. Варшана 1876 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Эниттан о языкт и народной вотой из области стверне - велнеорусскиго нартуна, Соч. М. А. Колосова. Саб. 1876—1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Изъ заяноотъ но русской граниятият. П. Соотавние чвени предвошенія и ихъ заятия въ русскоить азикъ. Сочин. А. Потебии. Х. 1874 г. Ц. 8 р., съ корес. 8 р. 50 коя.

Кънстория заумевъ русскате языка. А. Потебни. Вор. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пор. 1 р. 75 к.

О вноическовъ значени вългориять обрадовъ и повърій. Соч. А. Потебин. 1966 г. Ц. 1 р. 50 к., се кор. 2 р.

ственное и унотненное развитие датей, ра- Обзеръ заризних и формальних особенботи, игри, физические упражнения, раз- ностей народниго русскаго явина. Сочинские М. М. Колосова. Варшава. 1878 г. Ц. | 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Очеркъ исторіи звуновъ и форкъ Рус-CHARO MUMBA CE XI NO XVI CTORBUIC. CON. М. Колосова. Варшава 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., съ нер. 1 р. 75 к.

Пораобытные славяне въ нуъ язнив, бить и понятіяхь во даннымъ лексикальникъ. Изследованія въ области лингвистической налеонтологія славянь. Антона Вудиловича. Біевь. 1878 г. за 2 т. ц. 2 р. 50 к., -съ верес. 3 р.

Слово о волну Исоровів. Тексть и прижизнанія А. Потебия. Вор. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— XHMIS.

Законъ шторновъ, разсматриваемый въ связи, съ обысновеенными дважениями атмосферы. Соч. Профес. Дове, съ чертежани и картани шторновъ. Пер. П. Мордовинъ. Ц. Гр. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Курсъ евытной физики. І. Общая физака и акустика. Съ чертежани и рисунками въ тексть. Профес. А. П. Шимкова. Х. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Курсъ теоретической ариометики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академія Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Моханика для техническихъ и ренесленных учалащь, а также для самообуче-нія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ тексті. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 p. 50 x.

Титрованный и колориметрическій анааным. Съ 2-ил таблицани рисунковъ Проф. Н. К. Яцуковича. X. 1878 г. Ц. I р., съ пер. 1 р. 80 к.

Физическая химія. Н. Н. Любавина, Свб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 в., съ перес. 5 р. Физіологическая химія д-ра Феликса Топпе-Зейлера. Ч. І. Общая Біологія съ 4-мя рисунками. М. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ECTECTBOOHAHIE --- CEALCHOE XO3RECTBO - ТВХНОЛОГІЯ — МВДИЦИНА.

Ботаника весною. Свёдёнія объ устройстве и жизеи растений, основанныя на изученія ранняхъ весенняхъ, преямуще-ственно садовнять растеній. Съ 70 политипажани и таблицею для опреділенія деревьевь и кустарниковь въ безлиственномъ состояния. Состав. М. Меліоранскій. Спб. 1879 г. Ц. 65 к., съ перес. 90 к.

Воздільновніе молина, какъ средство возвисять плодородіє и доходность мало производительныхъ посчанихъ почнъ и лотучихъ несковъ. --Сост. Вас. Гомилевскій. С.-Петербургъ 1877 г. Цёна 1 р., съ пер. 1 p. 25 r.

Гербаризація. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Двадцать-пать формуль Просслора для вычисленія древеснаго прироста и лісной приростный буравь. Переводь съ нёмецкаго В. Ольшевскато. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

Донаший спотолочебникъ Ф. Ундрица. Второе издание, дополненное особниъ отдъзонъ о повальныхъ и заразительныхъ бомоняхъ. Ф. Леви съ предисловіенъ Е. А. Вестфалина. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ uep. 2 p. 30 K.

Естественные законы кориленія сельскохозяйственныхъ животныхъ. Соч. Т. Фонъ-Горень. Переводъ подъ ред. А. Фадбева, съ 35-ю политинажани. Ц. 5 р., съ перес. 5 руб. 50 кон.

Естественный подборъ. Сочинение А. Р. Уоллэса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ примъчаніями и дополнительной статьей, съ портретонъ Уоллеса, его біографіей, статьями и извлеченіями изъ сочиненія проф. Вейснана. Съ четырьня хронолитографированными таблицами и политипажани. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 p. 30 x.

Жизненныя abaonia, ofmia XHEOTHLE'S и растеніянь. Курсь общей физіологія Клода Вернара. Лекція, чатанныя въ музей естественной исторія въ Парвий. Съ 45-ю рисункани въ текств и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Записки патологической акатомія и гистологія по лекціянъ Проф. М. М. Руднева. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к.,

съ пер. 3 р. Исторія кусочка хлібя. Описаніе жизни человъка и животныхъ въ письмахъ. Соч. Масе. Изданіе второе, съ рисунками. Ц.

1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Compendium автенияъ б **DONESHOD** 115 студевтовъ и врачей. D-r Johann Steiner. Кіевъ. 1879 г. Изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., сь цер. 2 р. 75 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болізней проф. С. П. Воткина. Випускъ І. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Випускъ III. II. 75 к., съ перес. 1 р.

Курсъ снотоводства. Руководство къ разведению крупнаго рогатаго скота, овець, лошадей и свиней. Сост. К. С. Трипольскій. Свб. 1875 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Лекцін общей пателогін (патологической физіологія), читан. Профес. В. Пашу-тинниз. Ч. І. Патологія тканей (гистопатологія). Казань. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 к. Лощім объ злентричестві. Джона Тин-

даля. Съ 60 рисунками въ текств, Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ черес. 1 р. 20 к.

Ленъ и его обработка. Соч. Н. А. Веседовскаго. Съ политипанами. Москва. 1875 г. Ц. 1 руб. 70 воп., съ перес. 2 руб.

Атсовозращение, учение о производствъ продуктовъ лъсного ховяйства. Соч. Н. С. Шафранова. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Азсоохранение. Соч. Н. С. Шафранова. Изд. 2-ос. Спб. 1875 г. П. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Атерустрейство. Н. М. Зобова. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. съ пер.

Авсоустройство. Сочин. д-ра Юдейха. Перевель Д. А. Запольскій. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Атсная танеація и ятсоустройство. Сост. Н. Зобовъ. Ч. П. Дфсоустройство. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Настольная имита для руссимхъ сель-симхъ хозвевъ. Составлена А. П. Людогов-симъ, И. Н. Черноцятовымъ, И. А. Стебутомъ, А. А. Фадъевниъ. 3 т. Ц. 8 р., съ

пер. 9 р. Низшіе грибы и ихъ роль въ заразительныхъ болізняхъ и здоровьи человіка. Сочан. Карла Нэгели. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 в.

Общая ватологія. Соч. Конгейна. Переводь съ нёмецкаго водь редакціей д-ра Н. П. Иванова съ предисловіемъ Проф. В. А. Манассенна, т. І., в. І. П. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. В. П. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основныя начала горнаго искусства въ форм'я вопросовъ и отв'ятовъ. Съ 48-ю чолятинажами въ текств. Переводъ съ измецкаго и взданіе горныхъ пеженеровъ В. Домгера иГ. Лебедева. Съ приложениемъ намециорусскаго техническаго словаря, относяща-гося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Основы общей и частной

danaxeлогія. А. Соколовскаго. М. 1878 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Основы гистологія, какъ вреденіе въ ед нучение. Двадцать четыре лекцій, читанныя вроф. Генриконь Фрей, сь 206 рыс. въ тексря. М. 1879 г. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

0 засухахъ. Къ водросу объ уменьшенія вреднаго дъйствія засухъ на растительность. А. Шишкина, С.-Петербургъ 1876 г. Ціна 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 р.

50 K. **D** passegouin sten ps crenkolt norock 1979 p. IL 15 pa О. М. Бълозерскій. Спб. 1879 г. Ц. 15 г., съ перес. 25 к.

дисловіень и прам'ячанідни проф. Гельнгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Постать и посадна ятся. Соч. Буркгардта. Съ послед. немецкаго издания неревель, съ дополненіями относительно Россіп, Н. С. Шафрановъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 p., cs uep. 5 p. 50 K.

Практическее земледале. A. Posenбергъ-Липинскаго, переводъ съ нъменя. П. Костичевных съ изихноніски и дополненіями въ примъненія пъ Россія. Изд. 2-ое. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Практическое рукевадство из устрейству, организація, управлению, прісну ж отдачі въ аренду сельско-хозяйственныхъ нивній, наставленіе въ познанію причинъ налодоходвости и увадва сельско - ховийственнаго производства въ Россін. Составиль Ф. Баръ. Кіевъ. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Роль вообращения въ развития есте-ственныхъ паукъ. Д. Тиндаля. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 20 к., съ нер. 40 к.

Руководство къ чистной пателогія тералія, подъ редакціей доктора Г. Цинс-сена. Т. IX, часть II. Волізни почевого аппарата. Харьковъ, 1879 г. Ц. 5 р. 50 к. съ перес. 4 р.

Руководство нь явтолого-анатомической діясностних и всярнитію труповъ. Д-ра. L. Орта Х. 1877 г. Ц. 8 р. 50 кон. съ жер. Руководство въ частной ватологія в терани, съ обращениеть особеннаго напманія на физіологію и натологическую анаrowin. Dr. Felix von Niemeyer. B. VI: бол'язни спиннаго мозга, нервовъ, кожи, органовъ движенія, инфекціонния и бо-лівни крови. Кієвъ. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 8 р.

Руководство къ анатения человъческаго твля съ указаніенъ на физіологическія основанія в практическія прим'вненія ся. Соч. Іосифа Гиртля. Переводь съ 18-го нослёднаго изданія. Спб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ дорес. 4 р.

Руководстве из вездаливание лина. К. Вебера. Въ 3-хъ частяхъ. Часть І. Кульура лыва.-Часть II. Мочка лыва.-Часть III. Мятье, трепанье, чесна льна и сбереженіе волокна. Ціна кажд. части но 1 р., 88 nepec. 25 r.

Руноводство на жененить бользисна, составленное подъ редакцією Д-ра т. Вильрота. Болявна женскаго моченскускательваго канала и пузиря. Проф. Д-ра Ф. Винколя. Ок 59-ю подятиланами нь текота. Свб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руссий огородь, питонинкъ и плодосый садъ. Соч. Р. И. Шредора, влаян. Садов-Очерки изъ остоственныхъ наукъ. Лев-ния и статьи Джова Тиндала, съ пре-ровской венледъльческой и ласной академия.

Слб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 R.

Руководство къ нознавію и везділывание сельске-хезяйств. растений. Соч. Хр. Эд. Лангеталя.-Перев. съ пятаго намеци. изданія, подъ редакцією П. Костичева. Tors I. SLARE H ROLOCOBHE X. 1668, C5 107 рис. въ тексті. Ціна 1 р. 75 к. Томъ II. Бобовыя или мотильновыя растения. Съ 50 рисуни. въ тенсти, 1 руб. 50 коп., за пер. 25 ron.

Секть. Шесть зедцій, чителинить въ Амерыка зимою 1872-1878 г. Джонокъ Типлалемъ, съ портретомъ и 60 рисуннами въ текств. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к, съ вер. 1 р. 75 к.

Сонъ и бодретесявие съ точки зрания ритма. Изслёдованіе доктора медицини И. Г. Орманскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Труды Санктисторбургенаго общества сотествонскитателей, подъ редалијей А. Bekerosa, T. VIII, Cs. приложениемъ Путенествія по Закавказскому краю въ 1875 г. съ воологическою целью профес. К. К.е.сслера. Свб. 1878 г. Ц. 8 р., съ вер. 8 р. 50 L

Уходъ за дѣтьми и вызвершлисяніе ихъ. Д-ра А. Јасоbi, врофес. по детсивиъ боrisesn's and jurgeona, въ Нью-Іорял. Кіевь. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ физіологія. Эркста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., нерес. за 4 ф.

Учебникъ детсинкъ белезней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылною.

Физіологія растичельныхъ процессовъ. И. М. Ситенова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВЪДЪНІЕ—ПОЛИТИКА.

Жихь наконаха. Изеладование М. М. Алевсћенно. Свб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 н., св перес. 1 р. 75 г.

Зеплеелядение и зепледелие въ Россия и другихъ евронейскихъ государствакъ Сочиненіе князя А. Васнаьчивова. 2 т. ня выевой бумага. Ц. 4 р., съ вор. 6 р.

Кростьенское дляе из парствованіе импер. Александра II. Четире больніе тома (из ната внагахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицваго. Удостоено Академіей Наувъ преніп графа Уварова. Ц. 20 р., съ верес. 22 р. (за 14 фунт.) на всё разстоянія.

Курсъ Гражданскаго Судопроизводства. Сочинение Кронида Малишева. Т. 1. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Курсъ русскаго уголовнаго ираза, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Уче-ніе о преступленія. Вин. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 p. 75 r., mc. 2 q.

Курсь Русскаго Уголовнаго права. Н. С. Тагандева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я, Ученіе о преступленія. Выпускь II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., св пер. 2 р. 30 к.

Курсь общаго гражданскаго права Росси. Сочинение Кроняда Малышева, Доцента с.-истербургскаго унвверситета. Т. І. Спб. 1878. Цёна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3

Общинное владъніе. К. Кавелина, Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная соціологія или группы соціозогическихъ фактовъ, классифицированныя в распредаленныя Гербертомъ Спенсеомъ, Англія. Таблицы составвлъ Джемсъ Солье. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опыть теоріи страхового договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Опыть комментарія къ уставу грандан-скаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. Т. 1) Подсудность. 2) Общій порядовъ производства діять. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Сочли. Пезаря Беккаріа. Перев. Ив. Соболева. Радонъ. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 KOU.

Основанія соціологія. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавления помъщены занутки Э. В. Тайлора по вопросу объ анемизив и ответи на нихъ Г. Спенcepa. T. I H II mebers. II. 5 p., es sep. 5 p. 50 z.

Практическое oframenie o uperozpaнени инущества посий умершито и визекъ наслёдниновь и др Сост. А. Соволевскій. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ вер. 75 к.

Предоталительство въ гранданизить пре-из. Изслидование А. Гордена, присан. поверен. Сиб. 1870 г. Ц. 8 р., ез мерес.

3 р. 50 к. Пранисловий иметь к нетоди его усланезлония из завидно-ехронейскихъ государствахъ и Россіи. Изслідованіе Динтрія Дьвова. Казань. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руссиве алконедателетте Очерни и посвыедания И. Г. Орнанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематический сборникъ ръмений Грамданскаго нассаціоннаго Допартанонта Праительствующаго Сената за 1875 годъ. Тенъ I. Матеріальное право. Составить А. Гожевъ, старний номощ. об.-сехр. гранд. к. д. пр. Сената. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересилков.

Систематическій сбериннъ ръшеній Градданскаго каосаціоннаго Докартанонта Праантальствующаго Сецата за 1875 годъ. Тенъ И. Судепреизводство. Составила А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. в. д. пр. Сената. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересилком.

Систематическій сборникъ рішеній грамданскаго Кассаціоннаго Департамента Пр. Сената за 1876 годъ. Составната А. Викримъ и Евг. Ковалевскій. Т. І. Матеріальное право. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. П. Судопроизводство Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Спиноза и его учение о правъ. К. Н. Арошъ. Х. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Уставъ о наназаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьяни съ дополненіами по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотнвовъ и извлеченій изъ рёшеній уголовнаго пассаліоннаго департамента сената. Сост. Профес. Сиб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Сиб. 1879 г. П. 2 р., съ нер. 2 р. 80 к.

2-ос, переработанное и дополненное. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к. Уставъ лісной (сводъ законоль, т. VIII, ч. 1), дополненный и изм'вненный поздибйшим узаконеніями. Составилъ Д. Коковцевъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Учрежденіе судебныхъ установленій для Германской Имперіи съ закономъ о введенія его въ дъйствіе 1 февраля 1877 года. Переводъ Ив. Соболева. Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

ИСКУССТВА-МУЗЫКА-ТЕАТРЪ.

Бухгантарія или наука книговеденія по двойной систем'я въ двухъ частахъ. Сост. О. Г. Журовъ. Ц. 8 р., съ нер. 8 р. 50 к. Критина бухгалтерія по двойной систем'я дая начинальнихъ. Составилъ О. Г. Журовъ. Ц. 25 к., съ нер. 30 к.

раз- Шпарезейнийе и рузсий узоры. Одб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ нерос. 2 р. 50 к. Мозмериать, едилянъ, стелеворчение и спиритизиъ. Съ исторической и научной гочекъ срудија. Декция, чиванима, из декабръ 1876 года, ръ Лондовскочъ Институтъ Вильаномъ Кариентеромъ. Переводь от аннийскате. Спб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

- Однаголосныя ибони об руссники народныки мелоділин об акоминистичность для фортеліаво. Музика Рубия. Изданіє Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ нер. 1 р. 20 к. Теорія звука въ приложенія къ музикі. Лекція профес. Блацерин. Переводъ съ итальянскаго В. А. Чечотта, нодъ редакцієв Н. А. Гезех уса, съ многочислевними политипажами въ тексть. Сиб. 1878.

СПРАВОЧНЫЯ ВНИГИ.

Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Занттин о манимахъ для пропуска судовъ чревъ шлюви наріпиской системи. Инженера Житкова. Спб. 1879 г. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.

Календарь и справечная инита русскаго сельскаго ховянна на 1879 г. нодъ ред. О. А. Ваталина. Ц. 1 р. 75 к., съ нер. 2 р. 25 к.

Понариая Кинга. Постановления залона о предосторожностяха оть огия и руководство на тумению всякаго рода конарогь. Съ нолитиванными рисунками. Составить А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ нер. 1 р. 50 к.

Правим для вичисленія простихъ и сложнихъ процентовъ, срочнихъ взносовъ, ерочнихъ унімъъ для потимскія импиталя и для учоть рекселей, посредствонъ чотырехъ ариеменическихъ дъйствий. 2-ее изд., зимч. дополненное. Сиб. 1874 г. Соот. Г. М. Ц. 75 к., оъ перес. 1 р.

Причимы эзрановъ нароныхъ нотяковъ и средства для ихъ устранения. Руководство для кочегаровъ, наминикотовъ и др. М. 1878г. Ц. 40 к., съ нерес. 50 к.

Рызань, видержив, его вибадка и недготовка на призъ. Сочинение Н. Тихомирова. М. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Таблицы для свераго и легенго вычнстания простих процентовь, при различной ихъ зеличира, на волкія сумын, въ насящахъ и дняхъ, считая годъ въ 360 дней, пакъ принято при воимерческихъ растотахъ. ч Сост. Г. М. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., съ нер. 76 кон.

Юридический иллендарь на 1679 годъ. М. Острогородаго. Нана из неренлеть 1 р., ск перес. 1 р. 30 к.

****

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Конинссіонеровъ Инператорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отделенія

I. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Вольшая Морская, Ж 9 (на углу Невскаго проснекта)

Москва, Негленная, № 10 (на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

HOBOB ABIIIBBOE H3AAHIB KOPTEHCOHA:

HUBUH ABIIIBBUH B'AAHIE IUPITEHUUHA. JAIM **GOPTEHIAHO:** Alberti, 12 petites fantaisies très-faciles (no 15 x.). Ascher, Le perle du nord. Mazurka (35 x.). Masurka des traineaux (30 x.). Fiammina. Ma-urka élégante (20 x.). Bach. Deux gavottes exécutées par Rubinstein (20 x.). Echo (15 x.). Gigue (15 x.). Rondo (15 x.). Badarsewska, La prière d'une vierge (20 x.). Prière exaucée (30 x.). Vision (20 x.). Eagarmpers. "HCHANE". Bocrowsan deurasia, Irpaneas Pyónhurchuox (1 p. 10 x.). Bargiel, Huit morceaux (1 p.). Trois morceaux (45 x.). Bauer. La séduisante, Valse (50 x.). Kypsepcrif norsays. Fasors (40 x.). Baum-felder, Caprice hongrois (35 x.). Gondellied (20 x.). Behr, Tocca no ponnté (20 x.). Chant du Mai (20 x.). Mélancolie (20 x.). Par force. Galop (20 x.). Boudel. Cepócrif mapus (45 x.). Braner, La séduisante, Valse (50 x.). Par force. Galop (20 x.). Boudel. Cepócrif mapus (45 x.). Berraardi, Ilponagaf nu zusus. Kanpars (50 x.). Beyer, Hommage à la Russie. 12 fantaisies élégantes sur des airs russes favoris, op. 100, 12 Mé (no 30 x.). Fleurs mélodiques. 12 fantaisies sur des airs russes favoris, op. 100, 12 Mé (no 30 x.). Fleurs mélodiques. 12 fantaisies (15 x.). Bhumentahl, A nous deux. Chaat sans paroles (20 x.). Loin de toi. Mélodie (20 x.). La retraite (80 x.). La réveuse. Me-lodie (45 x.). Brahues, Danses hongroises. Beurepcxie ranux. 2 retp. (uo 65 x.). Toxe yupomentoe staatie, 2 retp. (uo 75 x.). Gavotte de Gluck (20 x.). Brambach, Scherzino (30 x.). Cavatine (20 x.). Sérénade (20 x.). Bruch, Vier Clavierstücke (45 x.). Brahues, Danses (1 p.). Toxe in 8º (50 x.). 27 Etudes (1 p. 60 x.). Toxe in 8º (50 x.). 19 Nocturnes (1 p.). Toxe in 8º (50 x.). 4 Scherzos (1 p.). 25 préludes (1 p. 80 x.). Toxe in 8º (50 x.). 4 Scherzos (1 p.). 25 préludes (1 p. 80 x.). Toxe in 8º (50 x.). 4 Scherzos (1 p.). 25 préludes (1 p. 80 x.). Toxe in 8º (50 x.). 4 Scherzos (1 p.). 25 préludes (1 p. 80 x.). Toxe in 8º (50 x.). 4 Scherzos (1 p. 60 x.). Cuf, 3 morceanz: Nocturne (80 x.). Scherzino (4

Італьстриоп (40 Е.). Тиспанкоwsку, Grande Sonate op. 37 (2 р. 70 Е.). Дитеки аль-боих (подражаніе Шуману) 24 зегкихъ пьесъ (2 р.). 12 пьесъ средней трудности, ор. 40 (3 р.). Эти же пьеси отдільно (по 40 ж 50 к.). Метга, Sérénade, Célèbre valse езрадпоle (60 г.). ДЛЯ ФОРТЕНІАНО И СКРИПКИ: Бахъ, 6 сонать, 2 тетр. (по 75 к.). Бетковенъ, 10 сонать (2 р.). Сонаты, сочиненныя ст. віолончелью, арранжированныя со скринкою (1 р. 50 к.). Концерть и два романса (75 к.). Варіаціи и рондо (75 к.). Сентеть (50 к.). Серенада (50 г.). Беберъ, Сонаты (60 к.). Большой дуэть, ор. 47 (50 к.). Invitation à 1 dance (50 г.). la danse (50 r.).

На нереснику прилагается особо и взинается съ общаго въса носылки. Требеванія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Катадогъ демерынъ въданіянъ высыдается безидатие. Въ этихъ же нагааниахъ ножно получить всё музыкальныя производенія, кънъ бы она на были наданы и объявлены.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Nausky, Nº 14.

Nouveautés de Mars, 1879.

BLOCQUEVILLE. Le Maréchal Davout, Prince d'Eckmühl. Raconté par les siens et par lui-meme. 3 r. 75 k.

BODENSTEDT. Aus meinem Leben Reiseerrinnerungen. Bd. I. König Max. 3 r. 60 k.

BOULGER. The Life of Yakoob Beg. Ameer of Kashgar. 10 r. 40 k.

DECHARME. Mythologie de la Grèce antique. 8 r.

DENISON. Geschichte der Cavallerie seit den frühesten Zeiten mit Betrachtungen üb ihre Zukunft. 12 r.

DU MONT. Das Weib über dessen Wesen und Verhältniss zum Manne. 3 r. 60 k.

ELBINGER. Handbuch der Oehnalerei, 2 Afl. 3 r. 60 k.

FIGUIER. Année scientifique, 1878. 1 r. 75 k.

HEYD. Geschichte der Levantehandels im Mittelalter. Bd. I. 8 r. 10 k.

HORSCHELT-ALBUM, in Photographien. 2 Bde à 18 r.

HÜBNER'S Statistische Tafel aller Länder 1879. 30 k.

JACQUEMIN. Histoire du Costume du IV an XII Siècle, liv. ¹/s à 1 r. 25 k.

JÄGER. Die Wunder der unsichtbaren Welt. 2 Afl. Lf 1. 36 k.

ICONOGRAPHIE VOLTAIRIENE. Histoire et Description de ce qui a été publié sur Voltaire par l'art contemporain, par G. Demoiresterres, liv. ¹/^s à 2 r. 50 k.

ИЗОБРАЖЕНІЯ изъ священной исторін оставленныхъ эскизовъ. Александра Иванова. Вып. І. 48 р.

KLENCKE. Lexikon der Verfälschungen. 2-te Aufl. geb. 7 r. 20 k. LANDSCHAFTS-INSTITUTIONEN, die russischen, v. 1. Jan. 1864, und der curländische Landtag 1. Termin, 1878. 90 k.

LAST, Mehr Licht! d. Hauptsätze Kants u. Schopenhauers in allgemein verständlisber Darlegung. 3 r.

LE FANRE. Histoire de la guerre d'Orient 1877 et 1878. 2 vols. 7 r. 50 k.

LEHMANN, d. Welt-Post-Vereicn und seine Congresse. 75 k.

MACRIDÉS. Procès de Suléiman Pacha. I. 4 r. 80 k.

MARTIN, the Statesman's Year-book for 1879. 6 r. 80 k.

OUCKEN, Oesterreich et Preussen im Befreiungskriege. Bd. II. 8 r. 10 k.

REVUE SCIENTIFIQUE publiées par le Journal "La République Française" sous la direction de Paul Bert. 1-re année. 3 r.

ROSEN. Bulgarische Volksdichtungen, Gesammelt und ins Deutsche übertragen v. Rosen. 2 r. 40 k.

SADIS Aphorismen u. Sinngedichte übers. v. Bacher K⁰. 3 r. 60 k.

TREITSCHKE. Deutsche Geschichte im 19 Jahrh, Bd. I. 6 r.

UMPFENBACH. Das Kapital in seiner Kulturbedeutung. 1 r. 20 k.

VICES PARISIENS. 2 Série Vast-Recouard, M-me Bécart, précédé d'une lettre préface de Emile Zola. 1 r. 75 k.

VOGEL. Lichtbilder nach der Natur. Studien u. Skizzen. 3 r. 60 k.

WALLENSTEIN'S HEERE und Kriegführung im Lichte seiner Zeit. 35 k.

WITTE, Dante Forschungen. Bd. II. 9 r.

У кингонродавца-издателя ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ, Коммиссіонера по Русской и Инострациой Книжной Торговлѣ

ВОЛЬШАЯ КОНЮШЕННАЯ, 6, ВЪ С.-ПЕТЕРВУРГЪ

и у всёхъ извёстныхъ книгопродавцевъ

отврыте издинска съ 15-го февраля 1879 года

88

Ежснедёльный указатель но дёланъ книжной торговли и печати

"РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ"

Въстникъ книжной и музыкальной торговли, графическихъ искусствъ, фотографіи, тинографскаго и литографскаго дѣла. — Органъ всёхъ искусствъ, ремеслъ и промышленностей, имѣющихъ отношеніе къ изданію литературныхъ, ученыхъ и художественныхъ произведеній.

Содерж. кажд. нумера: a) Еженедёльный алфавитный указатель повыхъ книгъ, картъ, потъ, эстанновъ, учебныхъ нособій, книгъ, разсмотрённыхъ ученымъ комптетомъ разныхъ вёдемствъ, б) Хроника цечати, литературы и книжн. дёла, в) Коммерческій отдёлъ объявленій.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ РОССИЙСКОЙ БИБЛЮГРАФИИ:

1) Ежемъс. систем. каталоги нов. рус. книгъ, включая изданія на польскомъ изнач.

2) Системат. каталоги новыхъ пностран. внигъ, велючая изданія на всёхъ славянскихъ нарёчіяхъ, т.-е. на польскомъ, чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, кроатскомъ и пр.

3) Ежегодн. каталогъ рус. учебн. книгъ и пособій.

4) Ежегодн. Рождественскій каталогь.

5) Ежегодн. полный алфавит. и систем. каталогъ рус. книгъ, періодическихъ изд., географ. картъ и т. п.

Везъ доставни 6 р., съ достав. 7 р., съ перес. 8 р.

Съ 15-го февраля до 1-го апрёля вышли 13 нумеровъ.

выходить по четвергамъ 🦔

Программа и пробные нумера высылаются безплатно.

XI

поступило въ продажу новое-посмертное издание:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕ КРАСОВА

съ портретонъ, факсиниле, біографіен, приложеніями, примъчаніями и т. д. Спб. 1879. Тип. М. Стасплевича. Т. І. LXXXII и 818; т. ІІ: 417; т. ІІІ: 404; т. IV: 181 и ССХ. Біографія въ нервонъ томъ составлена А. М. Скабичевскимъ; принъчанія въ четвертонъ томъ были приготовлены отчасти саминъ поэтонъ и дополнени С. И. Пономаревымъ.

Четыре тома, на обыкнов. бумагѣ: 7 руб. въ обертвѣ н 9 руб. въ пер.; съ перес. 8 руб. н 10 руб. На веленевой бумагѣ: 12 руб. въ пер., съ перес. 14 руб.

Главный складъ изданія: Книжный магазинь типографія М. Стасклевича, въ Сиб., В., О., 2-я л., 7.---Книгопродавцамь и учебнымь заведеніямь обнчная уступка.

"РУССКАЯ БИБЛЮТЕКА"

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ВЪ ИЗВЛЕЧЕНИ.

Въ Книжномъ складъ типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 л., 7, продаются слёдующія отдёльныя книги "Русской Библіотеки":

А. С. ГРИБОЪДОВЪ. — Н. В. ГОГОЛЬ. — Н. А. НЕВРАСОВЪ. М. Е. САЛТЫКОВЪ. — Гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

При каждой книгъ- портреть и біографическій ечеркъ.

Приготовляется десятый томъ: А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

Цъна: отдъльная книга-75 пон.; пять книгъ виъстъ - 8 руб. 75 кон.; нерес. за 6 фунтовъ.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращаясь въ Складъ, нользуются, при выпискъ не менъе 5 экземпляровъ каждой книги или одного экземпляра всъхъ пяти книгъ, уступкою 20%.

Полные экземпляры «Русской Вибліотеки» всё распроданы

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комписсію постороннія изданія, подписку на всё періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всё книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 17. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 17. книжнаго склада и магазина

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургь, Вас. Остр., 2-я л., 7.

•ИЛОСОЦИЯ---ПСИХОЛОГІЯ---АНТРО--ПОЛОГІЯ.

Міръ редалый и міръ ндеальный. Соч. И. Я. Бикова. Предметь этого сочиненія: наслідованіе ощущенія и изисцаніе основного начала природи. Въ тексти 163 чертежа. Сиб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдеванія основоначалъ позитивной философія. В. Лесевича. Сиб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи "Сравнительная психологія человіка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкор.

Письма о научной философія. В. Лесевича. Саб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическіе этюды. И. Сфченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разънскатели истины (Имманундъ Кантъ (1724 — 1804), Іоганнъ Готтлибъ Фихте (1762 — 1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1743 — 1819). Составилъ Ипполитъ Пана е въ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ , составителя. Спб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 г.

СЛОВЕСНОСТЬ-КУЛЬТУРА.

Барчуки. Картины проплаго. Евгенія Маркова. Сиб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Басни И. А. Крылова съ біографіев автора, наинсаннов П. А. Цлетневнит. 18-се полное издаліе, подъ редакціев В. Кеневича съ рисунками въ текств И. С. Панова. Сиб. 1859 г. П. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Басни И. А. Крымова, 17-ое полное издание | перес. 2 р. 60 к.

нодъ редавцією В. Кеневича съ рисунками въ текстъ И.С. Панова. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Восполниций и притические очерки. Собраніе статей и зам'ятокъ П. В. Анненкова. 1849-1868 гг. Отділь первий. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отділь вкорой. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Обонах отділювь вийсті ц. 3 руб. съ пересмаков.

Вълетербургсконъ емутъ Ронанъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Соч. Вл. Михиевича. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к.: съ пер. 1 р. 50 к.

Герацій и его время. Соч. Н. М. Благовіщенскаго. Изд. 2-ос. Варшава. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Ц. 2 р., съ нер. 2 р. 30 к. Жизнь в труды П. М. Строева. Сочин. Николая Барсукова. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р., съ нер. 4 р. 50 к.

Зелотыя сердца. Листки изъ загубленной повъстя. Сочин. Н. Златовратсвій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Манания сербской войны 1876 г. Записки К. И. Воронича. Часть III. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 8 р.

Изъ Уголовной хронини: На совъсти. Психологический очеркъ. Дъсовой. Очеркъ народнаго сускърія. Сочинение Н. П. Тимофъева. Москва. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Иностранные поэты въ переводъ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Историческіе этюды русской жизни. В г. Михневича. Т. І. Очеркь исторіи музики въ Россіи въ культурно-общественномъ отношенін. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 25 к., съ нерес. 2 р. 60 к.

*) Книги, поступившія въ Складъ въ мартё мёсяцё, указани нет; на книгахъ обозначенъ годъ меданія.

Въотникъ Европи. - Апръль, 1879.

4

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передбланное и дополненное. Спб. 1879 г. т. І. Ц. 3 р. съ перес.

Картинки домашиято воспитания. Педагогическіе этоды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Наталонбы. Повесть наь первыхъ временъ христіанства. Евгенія Туръ. Новое издание. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Серебряный. Повесть времень Князь Іоанна Грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ нерес. 1 р. 75 к. Въ переплетѣ съ золотниъ

тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к. Кобзарь. Т. Г. Шевченко 3 додат-комъ споминов про Шевченка писателів Тургенева и Полонского, съ нортретомъ. У Прозі. 1876 г. П. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Миханла Драгоманова.

Кіевь. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нъмецкаго В. Крылова, съ историческимь очеркомь и примъчаніями въ тевсту перевода, Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переняета съ портретомъ Лесснига 3 р., съ пер. 8 р. 80 к.

Николай Алекстевичъ Некраеовъ. Біографія, критическій обеорь повзін. Собраніе стихотвореній, носвященних намати поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасови съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгв приложенъ портреть поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левицкаго фотографією Лемерсье въ Парижь. Чистый сборз оть этого изданія назначается на мучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ ею понечениемъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 г.

Николай Ивановичъ Новиковъ, вздатель журналовъ 1769-1785 г. г. Изследованіе А. Незеленова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

50 к., съ нер. 3 р. Около денегъ. Романъ неъ сельской фабричной жизни. Алексвя Потвхина. Соб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Парижскія письмя. Изъ литературы и жизня, 1875-77 гг. Т. І. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

По тюрыныть. Записки заялюченнаго. Впредь до распоряжения. Сочин. Д. А. Линева. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 p. 30 x.

Полное собраніе сочиненій киязя Я. А. Вяземскаго. Т. І. 1810-1827 г. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Русская Библіотека, т. ІХ. Графъ Легь Николаевичь Толстой. Дотство.-Семастополь.-Три смерти.-Война и Миръ.-Разскази для двтей. — Васни. — Анна Каренина. Портреть, Біографія. Свб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. въ англійскомъ переплетв д. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Русская Библіотека, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатвры, съ бюграфіею и портретонъ автора. Спб. 1878. Стр.

438. Ц. 75 к., съ нер. 1 р. Русская Библіотека. Т. V. А. С. Грибойдовъ. Комедія "Горе оть ума". – Лубочный театрь. — Своя семья. — Грузинская ночь. — Хищишки на Чегемь. — Переписка. — Портреть.—Біографія.—Изъ критики Ба-линскаго.—Второе изданіе. Спб. 1878 г. II. 75 к., съ пер. 1 р.; въ англ. переплетв 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Рыцарь или дама. Историческая новъсть Гр. Санарова. Соб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакцією Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Свб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго. T. L Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Алексъя Потъхина. 7-мь томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Iloсмертное издание, съ портретомъ, факсимиле, біографісю, приложеніями, примъчаніями и т. д. 4-ре тома. Сиб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетв 9 р.; съ перес. 10 р.; на веленевой бумать въ переплетв ц. 12 р., съ перес. 14 р.

Полное собрание стихотворений Гр. A. R. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Издание второе. Спб. 1877 г. П. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагь, съ портретонъ и въ роскошномъ перешетй съ золотымъ тисненіемъ, ц. 3 р. 25 к., съ нерес. 3 р. 50 к.-Портреть особо: 50 к.

Францъ фонъ - Зинингенъ. Историческая трагедія въ 5-ти дийствіяхъ. Сочивеніе Ф. Лассаля. Перев. А. в С. Крилб. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вес. 2 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Плевней. Сочны. фонъ-Борьба подъ Трота. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ вер. 1 р. 20 nou.

Восточная война 1853—56 гг. Сочин. ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изд. 2-е, въ 4-хъ тонахъ, съ вланана и картани. Спб. 1877. Ц. 8 р., съ церес. 9 руб.

Жизнь европойснихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Ч. І. Жители Юна. По-Про унраінсьсних нозанів, татар та Водовозовой. Ч. І. Жители Юна. По-турнів. Зложив М. Драгоманов. Ц. 10 к. дробное описаніе жизни, правовь и обы-

н

чаевь: болгарь, сербовь, черногорцевь, герцеговинцевь, боснаковь, турокь, албанцевь, руминъ, грековъ, нтальящевъ, исланцевь, португальцевь, французовь и швейцарцевъ, съ 26 рис. Изд. 2-е Ц. 3 р. 75 к., съ нер. 4 р. 25 к., въ изящномъ перещетв 4 р. 55 к., съ пер. 5 р. Ч. П. Жители Спвера. Описание правовь и обнулевь англичанъ, шотландцевъ, прландцевъ, голланд-цевъ, бельгійцевъ, шведовъ и датчанъ, съ 24 рис. Ц. 3 р. 75 к., въ пер. 4 р. 25 к.,

въ переплетъ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р. Изъ Руссией истори для разсилза. А. Майкова. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пере-CHARON 60 K.

Исторія америнанскаго флота во время возстания. Соч. Чарльса Бойнтона. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Исторія Франція отъ низверженія Наполеона I до возстановления имперія, 1814-1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 3 ф.

Исторія прашевской евархів. Сочиненіе А. В. Духновича. Перев. съ неизданной латинской рукописи протојерен К. Кустодіева. Онб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

менщины. Дето-Истерическія судьбы убійство и проституція. С. С. Шашкова. Издание второе. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Путечые очерки и картины. Сочинение Вамингтона Ирвинга. Пер. съ англійскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. **З руб.**

Пельская анархія при Анв Казимирв и война за Укранну. Соч. Н. И. Павлищева. З тома. Спб. 1878 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 руб.

Ринъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные діятеля. Военно-историческій очеркь.--Coставиль Л. Л. Штюрмеръ. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕ-CTBLS.

Очерки ирироды и быта билонорскаго края Россія. Охота въ лѣсахъ архангельсвой губернін. А. Михайлова. Сиб. 1868 г. Ц. 75 к., съ церес. 1 р.

Природа и жизнь Америки. Дра Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к. Дрэпера.

Руссий рабочій у створо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

политическая экономія-статистика.

промышленной экономін и Кон-Курсъ мерческой географін въ связи съ торговопромышленной статистикой Россіи и гла- употребленія въ среднихъ учеби. завед.

визящихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 p. 30 s.

Мелкій земельный кредить въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Основы сельско-хозяйственной экономия и сельско-хозяйственнаго счетоводства. Профессора А. Дюдоговскаго. Сиб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Основація нелитическей экономіи съ некоторыми изъ ихъ примененій къ общественвой философія. Джона Страрта Милль. 2 т. Ц. 5 р., вес. 8 ф.

Сравнительная статистика России и завадно-европейскихъ государствъ. Т. І. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Учение объ акціонерныхъ конваніяхъ. Соч. магистра И. Тарасова. Кіевъ. 1879 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Экономическій быть земледальческого населенія Россін и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крепостнымъ правомъ. Сочин. П. А. Соколовскаго. Свб. 1878 г. Ц. 1 р. 70 к., съ нерес. 2 р.

ШЕДАГОГІЯ—УЧЕВНИКИ—ДВТСКІЯ И НАродныя книги.

Жизиь дітей. Собраніе разсказовь повістей изъ англійскихъ, німецияхъ французскихъ детскихъ книгъ. Выпускъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Жизнь Робинзона съ 125 картинками. Составнать Н. Блиновъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ русскей жизни и природы. Е. Н. Водовозовой. Разсказы о животныхъ. растеніяхъ, временахъ года, явленіяхъ природы, о главизйшихъ промыслахъ и очерен нать народной жизни, съ 15 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетв 2 р., за пер. 30 к.

Историческая хрестематія по новой и новъйшей истеріи. Состав. Я. Г. Гуреви-

ченъ. Т. І. Ц. 2 р. 50 к., съ цер. 8 р. Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревнча. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Кратная хронологія всеобщей и русской исторін. М. Острогорскаго. Для III н IV глассовъ гимназій и прогимназій и для низшихъ учебныхъ заведеній. 4-ое изд., съ значит. измененіями и дополненіями. Спб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 80 к.

Иссись для юношества, составлень по Керберу и другимъ подъ редакцією К. Краєвича. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ чер. 2 р. 80 к.

Курсъ начальной алгебры. Составелъ для

К. Краевичъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

🖝 Методика начальнаго обученія отечественному языку. Сост. Конст. Ельницкій. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

О классномъ преподаванія иностраяныхъязыковъ. Г. П. Недлера. Спб. 1879 г. 60 к., съ пер. 75 к.

Первая классная книга для чтенія. Пособіе при начальномъ обученія родному язику. Состав. П. Г. Васильевъ. Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Тодаронъ. Стихотворенія для дітей и бісёды съ дётьми. Народнаго учителя Павла Вересова, съ предисловіемъ академика Я. Грота. Сиб. 1879 г. Ц. 15 к., съ пер. 20 kon.

Г Пособіе къ повторенію важнівйшихъ правиль объ употребления временъ, наклоненій и конструкцій глаголовь въ латинскомъ явыкѣ. Составнать по Зналеру П. Семе-новъ. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Оъ 10-ю карт. п 85-ю полетниажани. Изд. В. Лесевича. Ц. въ перепя. 2 руб. 50 вол.

Родней край. Книга для власснаго и донашняго чтенія ученнковъ старшаго отділенія народной школы Сост. Ө. С. Матвъевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ перес. 60 ROI.

Родная азбука для обученія и самообученія грамоть по наглядно - звуковому способу. 2-е пересмотринное, исправленное и дополненное издание, съ 200 рисунками н наставленіенъ, какъ учить по этой азбу-кв. Спб. 1878 г. Ц. 4 к.

Руководство къ собранию задачъ для упражненій на счетахъ. Сост. Ө. Г. Подоба. М. 1878 г. Ц. 7 к., съ нерес. 10 к.

Руководство къ древней исторіи Востона до персидскихъ войнь. Ф. Ленориана. Т. II. В. І. Арабы. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Руководство из древней исторіи востона до персидских войнь. Мидяне и Персы. Соч. Ф. Левориана, Т. И. В. 2. Кіевь. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадин. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Семь сказовъ для дътей. Варвары Софроновичь. Съ сизуэтами, раб. Елисавети Бёмъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ панкв 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

и Собраніе задачь для упражненій на счетахъ. Сост. Подоба. Москва. 1878 г. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребления въ высшихъ классахъ сред-

Сикорскій, преподаватель натематния. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, во норучению Комитега Гранотности, снеціальною коминссіею. Вольшой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цена 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составня В. П. Геннинга, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училина. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ нересылкою 1 p. 50 s.

Уиственное развитіе дітей. Е. Н. Водовововой. Оть перваго проявленія сознанія до 8-ив-літняго возраста. Нравственное и умственное развитие датей, работы, игры, физическія упражненія, разсказы, сказки, загадки, нословним и наблоденія надъ явленіями природи. Изд. 9-с. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Употребление знаковъ препинания въ русскоиъ письмѣ, съ приложеніемъ русской рвчи и систематическаго динтанта. Сост. II. И. Богдановъ. Кіевъ. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебиниъ Химін. Составилъ С. Ковалевскій, преводаватель химів и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Физика ежедневныхъ явленій. Сост. К. Краевичь. Соб. 1878 г. Ц. 80 кон., съ пер. 1 р.

Элементарный курсъ GOTRHMEN. Coct. С. Никитинъ, препод. 1 и 4 моск. жен. гимназій. Изданіе 2-ос, значительно дополневное. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Элементарныя свъдънія изъ химін. Учебное пособіе къ курсу физики. С. Ковалевскаго, преподавателя физики и химін въ Спб. 1-мъ реальномъ училищв. 2-е издание, пересмотринное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Анализъ составныхъ частей славляствго слова, съ морфологической точки зрвијя. Антона Будиловича. Кіевь. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка. Соч. М. Колосова. Варшава. 1876 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Замітки о языкі и народной поэзім въ области свверно - великорусскаго нарвчія. Соч. М. А. Колосова. Спб. 1876-1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Изъ записовъ по русской гранматина. II. Составные члены предложенія и ихъ вяхъ учебныхъ заведеній. Составняъ С. замёны въ русскомъ языки. Сочин. А. По-

IT

тебин. Х. 1874 г. Ц. 8 р., съ перес. 3 р. 50 кон.

Кънстория зауковъ русскито языка. А. Потебни. Вор. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О иновческовъ значения изготорыхъ обрядовъ и повърій. Соч. А. Потебии. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Обзоръ зауповыхъ и формальных особенностой народнаго русскаго языка. Сочинение М. М. Колосова. Варшава. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Очернъ истеріи зауковъ и фернъ Русскаго языка съ XI по XVI столътіс. Соч. М. Колесова. Варшава 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Переоблитие славане въ ихъ язывъ, бытъ и понятіяхъ по даннымъ лексияльнимъ. Изслѣдованія въ области лингенстической палеонтологіи славанъ. Антона Будиловича. Кіевъ. 1878 г. за 2 т. ц. 2 р. 50 к., съ верес. 3 р.

Слове е полну Игереві. Тенсть и приміталія А. Потебни. Вор. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ цер. 1 р. 50 к.

Толнованіе слова "Вира". Изслёдованіе К. В. Шейковскаго. Казань. 1878 г. Ц. 25 к., съ нер. 30 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— ХИМІЯ.

Занонъ штормовъ, разсматриваемый въ связи съ обыкновенными двяженіями атмосферы. Соч. Профес. Дове, съ чертежами и картами штормовъ. Пер. П. Мордовинъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к. Курсъ самтной физяки. І. Общая физика и акустика. Съ чертежами и рисунками въ текстъ. Профес. А. П. Шимкова. Х. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Курсь теоретической ариеметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академін Наукь. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Механика для техническихъ и ремесленинхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстъ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Физическая химія. Н. Н. Любавния. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Физіологическая химія д-ра Феликса Гоцпе-Зейлера. Ч. І. Общая Біологія съ 4-ма рисунками. М. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОВ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МВДИЦИНА.

Ботаника весною. Свёдёнія объ устрой-

изученія ранняхь весенныхь, прем'яущественно садовыхь растеній. Съ 70 политипаками и таблицею для опреділенія деревьевь и кустаринковъ въ безлиственномъ состоянія. Состав. М. Ме ліоранскій. Спб. 1879 г. Ц. 65 к., съ перес. 90 к.

Весденіе нъ изученіе белізней дітсиаге возраста д-ра В. Рейтца, главнаго врача елисаветинской кланической больници для малолітичать дітей. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 20 к.

Воздламвание люнина, какъ средство возвысить плодородіе и доходность мало проязводительныхъ посчанихъ почвь и летучнах пескоръ.--Сост. Вас. Гомилевскій. С.-Петербургъ 1877 г. Цбна 1 р., съ пер. 1 р. 25 г.

Гербаризація. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Дладцать-пать формуль Преослера для вычисления древеснаго прироста и ласной приростный буравь. Переводъ съ измецкаго В. Ольшевскаго. Сиб. 1875 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

Донаций систолечебникъ Ф. Ундрица. Второе издаліе, допозненное особнить отделонть о посальнихъ и заразительныхъ боможахъ. Ф. Деви съ предисловіенъ Е. А. Вестфалина. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ нер. 2 р. 30 к.

Естестаенные заноны кормленія сельскеховліственныхъ животныхъ. Соч. Т. Фонъ-Горенъ. Переводъ подъ ред. А. Фадбева, съ 35-ю политипажами. Ц. 5 р., съ перес. 5 руб. 50 коп.

Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллоса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ прим'язаніями и дополнительной статьей, съ портретомъ Уоллоса, его біографіей, статьями и извлеченіями няъ сочиненія проф. Вейсмана. Съ четырым хромолитографированными таблицами и политиважами. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ мер. 8 р. 30 к.

Мизненныя явленія, общія шивотныть и растеніянь. Курсь общей физіологів Клода Вернара. Лекців, читанны въ музей естоственной исхорія въ Парижі. Св 45-ю рисунками въ тексть и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 г.

Запнови патологической анатоніи и гистологіи по лекцілить Проф. М. М. Руднева. Изданіе второс. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 г., съ пер. 8 р.

Исторія медицины. Состав. С. Ковнеръ Ч. І, в. І, а) Медицина Востока, б) Медицина въ древней Греціи до Гиппократа. Кіевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Compendium grockars fortsmeil gin crygenrows a sparel. D-r Johaan Steiner. Kiesz. 1879 r. Hagasie sropoe. U. 2 p. 25 s., cs sep. 2 p. 75 s.

Картофель его культура, сохранение, болазни и сорта, съ 25-ю рисунками. Составниъ В. А. Поггенноль, пренодав. Уманскаго Учил. земледала и садоводства. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ влиники внутреннихъ болівней проф. С. П. Боткина. Вынускъ І. Ц. 1 р., съ нерес. 1 р. 25 к. Вынускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Куреъ снотоводства. Руководство въ разведению крупваго рогатаго скота, оведъ, допадей и свиней. Сост. К. С. Тринодьский. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ лер. 4 р.

Аскція общей ватологія (натологической физіологія), читан. Профес. В. Шашутинымъ. Ч. І. Патологія тканей (гиотоцатологія). Казань. 1878 г. Ц. 3 р., съ нер. 3 р. 50 к.

Ленція объ элентричестві. Джона Тиндаля. Събо рисунками вътексті. Саб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Ленъ и его обработна. Соч. Н. А. Весезовскаго. Съ политипажами. Москва. 1875 г. Ц. 1 руб. 70 кон., съ перес. 2 руб.

Атсовозращеніе, ученіе о производствё продуктовъ лісного хозяйства. Соч. Н. С. Шафранова. Спб. 1875 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Лъссохраненіе. Соч. Н. С. Шафранова. Изд. 2-се. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р., съ нер. 2 р. 30 к.

Атсоустройство. Н. М. Зобова. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. съ пер.

Атсоустройство. Сочин. д-ра Юдейха. Неревель Д. А. Запольскій. Сиб. 1877 г. Ц. 8 р., съ нер. 3 р. 50 к.

Атеная таксація в ласоустройство. Сост. Н. Зобовъ. Ч. П. Ласоустройство. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Настельная выйта для русснихъ сельснихъ хезаевъ. Составлена А. П. Людоговскимъ, И. Н. Чернонатовымъ, И. А. Стебутомъ, А. А. Фадбевымъ. З т. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

пер. 9 р. Натуралисть Уеллесь, его русские нереводчики и критики. Соч. А. Гусева. Москва. 1879 г. Цана 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб.

Илашіе грибы и нах роль на заразительных болізникъ и здоровьи человіка. Сочин. Карда Нэгели. М. 1879 г. Ц. 2 р., сь перес. 2 р. 30 к.

Общая ватологія. Соч. Конгейма. Переводь съ візмецкаго подъ редацієй д-ра Н. П. Иванова съ предисловіенть Проф. В. А. Манассепна, т. І., в. І. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. В. ІІ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основния началя гернаго искусства въ форм'в вопросовъ и отвітов'я. Оъ 48-ю нодитинажани въ тексті. Перевода съ німецкаго

и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ ибмецкорусскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Основы общой и частной фариалелоги. А. Соколовскаго. М. 1878 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Основы гистемети, какь введение въ са изучение. Двадиать тетыре легина, затанния проф. Генрихомъ Фрей, съ 208 рис. въ текств. М. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

0 засухахъ. Ез вопросу объ уменьмения вреднаго дъйствія засухъ на растительность. А. Шимкина, С.-Петербургъ 1876 г. Цёна 1 руб. 25 кон., съ мер. 1 р. 50 к.

О разведения атся въ степной нолоси О. М. Билозерскій. Сиб. 1879 г. Ц. 15 к., съ нерес. 25 к.

Очеркъ свектральнаго анализа со многния полятинажами въ текстй и хромолитографированной таблицей снектровъ. Состав. К. Краевичъ. Сиб. 1872 г. Ц. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Постять и посадия ятся. Соч. Буркгардта. Съ посята, нъменскаго изданія перевель, съ дополненіями относительно Россіи, Н. С. Шафрановъ. Сиб. 1875 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Прантическое земледале. А. Розенбергъ-Липинскаго, переводъ съ измеци. П. Костичевымъ съ измененіами и дополненіами въ примененія къ Россіи. Изд. 2-ое. Спо 1876 г. П. З. р. ст. нер. В. р. 50 г.

Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Прантическое руководство къ устройству, организаціи, управленію, пріему и отдачѣ въ аренду сельско-хозяйственныхъ имѣній, наставленіе къ познанію причинъ малодоходности и упадка сельско - хозяйственнаго производства въ Россіи. Составилъ Ф. Баръ. Кіевъ. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руноводство нъ частней патологіи и терапін, подъ редакціей доктора Г. Цимссень. Т. 1Х, часть П. Волёзни мочевого аппарата. Харьковъ, 1879 г. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

Руководство въ патолого-анатомичесной діагностинѣ и вскрытію труповъ. Д-ра І. Орта. Х. 1877 г. Ц. 8 р. 50 коп. съ нер.

Руководство въ частной натологіи и терапіи, съ обращеніемъ особеннаго винманія на физіологію и патологическую анатомію. Dr. Felix von Niemeyer. B. VI: бол'язни спиннаго мозга, нервовъ, кожи, органовъ движевія, нифекціонныя и бол'язни крови. Кіевъ. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 8 р.

Руноводство нъ воздълывание льна. К.

Вебера. Въ 3-хъ частяхъ. Часть І. Культура льна.—Часть II. Мочка льна.—Часть III. Матье, трепанье, ческа льна и сбереженіе волокна. Цена кажд. части по 1 р., за перес. 25 к.

Русскій огородь, питоминнь и плодовый садь. Соч. Р. И. Предера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Потровской земледѣльческой и лѣсной академін. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Руководство въ познанію и возділыванію сельсно-хозяйств. растеній. Соч. Хр. Эд. Лангеталя.—Перев. съ пятаго німецк. язданія, подъ редавцією Ц. Костычева. Томъ І. Злаки и колосовне хлібся, съ 107 рис. въ текств. Ціма 1 р. 75 к. Томъ II. Бобовыя или мотыльковыя растенія. Съ 50 рисунк. въ текств, 1 руб. 50 коп., за нер. 25 коп.

Сельско-хозяйственная библіотена, паданіе А. Ф. Девріена, заключаеть въ себѣ праткія практическія руководства но разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства н промышленности. Подинсная цёна на 6 г., съ пересылкою 6 р. Вышелъ пока одинъ томъ: Практическое руководство нъ веденію молочнаго хозяйства. Сочин. Петерсена. Перев. 11. А. Костылева. Спб. 1879 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ вер. 1 р. 50 к.

Сонъ и бодретвование съ точки врвня ритма. Изсладование доктора медицини И. Г. Оршанскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ру Три статьи с чунт, доктора А. А. Рафадовича. Одесса. 1879 г. Ц. 40 кон., съ верес. 50 к.

Труды Санитнетербургскаго общества естествоиспытателей, подъ редакціей А. Векстова. Т. VIII. Съ приложенент Путемествія по Закавнаяскому краю въ 1875 г. съ зослогическою цілью профес. К. Кесслера. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Труды W всероссійснаго съїзда лісохозневь въ г. Варинаї, кодъ ред. Н. С. Шафранова. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ верес. 2 р. 75 к.

Уходъ за д'ятым и выкарилираніе ахъ. Д-ра А. Jacobi, профес. по д'ятскимъ бол'язилить въ College of physicians and jurgeons, въ Нью-Іоркъ. Rieвъ. 1878 г. Ц. 1 р. 25 в., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брювке, 2 т. Ц. 6 р., верес. за 4 ф.

Учебникъ дітскихъ болізней. Д-ра Карда Гергардта, Ц. 4 р. съ пересылков.

Физіологія растительныхъ процессовъ. И. М. Свченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВЪДЪНІЕ-ПОЛИТИКА.

Дъйствующее законодательстве о прямыхъ налогахъ. Изслъдование М. М. Алевственко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изслідеванія перусскому праву обычному и брачному, И. Г. Оршанскаго. Народвый судъ и народное право. — Духовний судъ и семейное право. — Реформа гражданскаго суда и брачнаго права. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Крестьянсное діле въ нарствованіе вынер. Александра II. Четире большіе тома (яъ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ премін графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всё разстоянія.

Нурсъ Гранданскаго Судопрензаедства. Сочинение Кронида Малышева. Т. 1. Ц. 2 р. 50 к., съ вер. 8 р.

Курсъ русснаго уголениято прави, Н. С. Таганцева. Часть общал. Книга 1-л. Ученіе о преступленія. Вын. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Курсъ Русскаго Уголевнаго ярава. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общал. Книта 1-л. Учение о преступления. Выпускъ IL. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Общинное владъне. К. Кавелина. Спб. 1876 г. 11. 50 г., съ нерес. 75 г.

Описательная сеціалогія вля группи соціологическихъ фактовъ, классифицированныя и распреділенныя Гербертоїнъ Спенсеронъ. Англія. Таблици составилъ Дженсъ Колье. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Оныть немментарія нь уставу граждансняге судопрензведства. К. Анненкова. Т. І. 1) Подсудность, 2) Общій порядокь производства діль. Саб. 1878 г. Ц. 3 р. съ нерес.

0 преступленіяхъ и наназаніяхъ. Сочин. Цезарл Беккаріа. Перев. Ив. Соболева. Радонъ. 1878 г. Ц. 1 р., съ нер. 1 р. 25 коп.

Основанія сеціологія. Герб. Спенсера. Т. 11. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., сь пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленія поміщены замітки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмі и отвіты на нихъ Г. Спенсера. Т. І и ІІ вибсті. Ц. 5 р., съ лер. 5 р. 50 к.

Права, по которымъ судится накороссійскій народъ, веданныя подъ редакцією и съ придоженіемъ изслідованія о семъ своди и о законахъ дійствующихъ въ Макороссін. Профессора А. Н. Кистя ковска го. Кіевъ. 1879 г. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

Практическое объяснение о предохранения вмущества послё умершаго и вызовъ

насявдниковъ и кр. Сост. А. Соколовскій. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Представительство въ гранданеновъ правъ. Изслидование А. Гордона, присля. новърен. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Преныслевый налогь и нетоды его установления въ западно-европейскихъ государствахъ и Россия. Изслъдование Динтрия Львова. Казань. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русское занонодательство о свреяхъ. Очерки и изследованія И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ ехетъ. Сиб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематический сборникь положений и извлечений изъ гражданскихъ кассаціоннихъ рёменій за десять лють (1866—1875). Составнать членъ Воронежскаго окр. с. Г. Вербловскій: По гражданскому праку, съ приложеніенъ систематическаго и алфавитнаго указателей. Воронежъ, 1878 г. Ц. З р. 25 к., съ пер. 8 р. 50 к. Не гражданскому судопроизводству. Воронежъ, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ нерес. 2 р. 75 к.

Систематическій оберникъ рашеній Гражданскаго кассаціоннаго Департанента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Тенъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій вонощ. об.-сепр. гращд. В. д. ар. Сената. Саб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересилкого.

Систематаческій сбориннь рішеній Гранкданснаго наосаціоннаго Департамента Правительствующаго Соната за 1875 годь. Тонъ IL Судепреизводство. Составиль А. Гожевь, старшій помощ. об.-секр. гражд. в. Д. ир. Сенала. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. съ вересалкого.

Систематическій сборникъ рімной гранданснаго Наосаціоннаго Департамента Пр. Сената за 1876 годъ. Составня А. Кинримъв Евг. Ковалевскій. Т. І. Матеріальное право. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ нерес, 3 р. 50 г. Т. ІІ. Судопроявнодство Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Уставъ о наназаніяхъ, налагаемыхъ ипревыми судьями съ дополненіями по 1 дниварл 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій инъ рёменій уголовнаго гассадідниаго денартамента сената. Сост. Профес. Сиб. Университета Н. С. Таганцевимъ. Изд. 2-ос, переработанное и дополненное. Сиб. 1879 г. П. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Уставъ яконой (сводъ законовъ, т. VIII, ч. 1), донолнешный и изминенный позднийними узаконеніами. Составиль Д. Коковцевъ. Ц. 2 р. 50 к., съ нер. 2 р. 75 к. Учреждение судебныхъ установления для Германской Империи съ закономъ о введения его въ дъйствие 1 февраля 1877 года. Переводъ Ив. Соболева. Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

ИСБУССТВА-МУЗЫКА-ТЕАТРЪ.

Бухгалтерія вли наука книговеденія но двойной систем'я въ двухъ частахъ. Сост. О. Г. Журовъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Кратиня бухгалтерія по двойной систем'я для начинающихэ. Составиль С. Г. Журовъ. Ц. 25 с., съ пер. 30 к.

Малороссийские и русские узоры. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Мосморизнь, однанзыъ, столоверчение п спиритизнъ. Съ исторической и научной гочекъ зрвнія. Лекція, читанныя, въдекабрія 1876 года, въ Лондовскомъ Институтъ Вильямомъ Карцентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р 50 к.

Одноголосныя яксни съ русскими народными мелодіями съ акомпаниментомъ для фортепіано. Музыка Рубиа. Изданіе Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Календарь и справочная инита русскаго сельскаго хозянна на 1879 г. нодъ ред. Э. А. Баталина. Ц. 1 р. 75 к., съ вер. 2 р. 25 к.

Помариая Инига. Постановленія закона о предосторожностяхь оть огня в руководство къ тушенію всяваго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составить А. Н. ж. Ц. 1 р. Ж. к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рысанъ, выдержка, его выйздка и нодготовка на призъ. Сочинение Н. Тихомирова. М. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ нерес. 2 руб.

Скоронный и постный стель. Руководство для приготовленія 2800 блода, начиная съ самыхъ нансканныхъ, разныхъ неченій, хлббовъ, варевій, наливокъ и т. и., съ 20-ю раскращенными овсунками всёкъ частей быкъ и теленка, снатыми съ натури и сопровождаемыми подробнымъ описаніенъ употребленія каждаго куска мяса. Сост. О. Павловской. Рисунки исполнены художнакомъ П. Боредемъ. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

Юридическій календарь на 1879 годь. М. Острогорскаго. Цівна въ перевлетів 1 р., съ нерес. 1 р. 80 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Rommeccionepoets Hanepatoperato Pycer. Nyshr. Ofmeetea, Nocroberato Otatheria

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

IX

С.-Петербургъ, Вольшая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта)

Москва, Неглинная, № 10 (на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

HOBOE ABHIBBOB H3AAHIB RAACCH4BCRON MY3LIRH:

На пересылку прилагается особо и воимается съ общаго рёса носылки. Требованія Гг. иногородникъ исполняются съ первоотходящен дочтон. Баталогъ деменьнъ изданіянъ высылается боевлатно. Въ отихъ же нарязниахъ можно колучать всё музыкальныя проваведенія, кёмъ бы они ни были издани и объявлены. OBBSSBJBBIS.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Newsky, N 14.

Nouveautés de Février, 1879.

L'ANNÉE maritime 1877. 1 r. 75 k. BARTHEL, Literatargeschichte der Neuzeit. 6 r. 60 k.

BEHM, Geogr. Jahrbuch. Bd. VII (1878). 6 r.

BELOT, A. Une Joneuse. 1 r. 50 k.

DANTIER, Les femmes dans la société chrétienne. 2 vols. 30 r.

DIERCKS, Literatur Tafeln. Synchronistische Darstellung der Weltliteratur. 3 r.

DUBARD, Le Japon pittoresque. 2 r.

CORRESPONDENZ, Politische, Friedrich's des Grossen. Bd. I. Ausgabe in 8° 7 r. 20 k. Pracht Ausgabe in 4° 10 r. 20 k.

ECKARDT, I. R. T. E. Trahndorff. 75 k.

ENCYKLOPÄDIE der Naturwissenschaften, herausg. v. Jäger etc. I Abthl. Lf. 1 r. 80 k.

ENGLAND'S Ende in der Schlacht bei Dorking. 60 k.

ERNESTUS, Militärische Jugenderziehung. 60 k.

GESETZ gegen die gemeingeführlieben Bestrebungen der Social. Demekratie, v. 21 Oktober 1878. 2 r. 05 k. HERBST, Zur Frage der Aufhebung der Todesstrafe. 50 k.

HERGENROTHER, Abrissder Papstgeschichte. 35 k.

HOWE, Political economy. 9r. 90 k. LAWS relating to National Banks of the United States. 3 r. 45 k.

LEILA-HANOUM, un drame à Constantinople. 1 r. 50 k.

LOANGO-EXPEDITION Die, ausgesandt von der Deutschen Gesellschaft zur Erforschung Aequatorial Afrikas 1873-1876. I Abth. 9 r.

MALLESON, History of Afghanistan. 11 r. 70 k.

MANTZ, Haus Holbein. 50 r.

RITTMANN, Culturkrankheiten der Völker. 1 r. 20. k.

ROBINSON, Cabul. 1 r.

SAINTE-CLAIRE, Dictionary of english, french and german idioms, part. I. 1 r. 80 k.

SOLOWJEFF. Histoire de Russie trad. par Souvoroff. 3 r. 50 k.

SOREL, la Question d'Orient au XVIII Siècle. 3 r.

VILMAR, Zum Verständnisse Goethe's. 1 r. 45 k.

X

юридический въстникъ

1879 года.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОВЩЕСТВА. водъ редакціви.

проф. В. Н. Лешкова, М. М. Ковалевскаго и С. А. Муромцева.

Банякое учасные въ журналів воїхъ наличнихъ саль мосновсявло юридическаго факультета и многихъ другихъ почтенныхъ діятелей русской юридической науки, на содійствіе конхъ редакція имбеть основаніе надіяться, даеть ей ручательство въ успёшномъ исполненія ся плана.

Въ вышедникъ книжкахъ журнала номъщени слёдующія статын.

ЯВВАРЬ:

І. Борьба за свободную торговлю въ Англін. И. Ян кула. — П. Хроника гражданскаго суда. Статья нервая.— III. Иностранныя вліянія на политическую интературу Англін. Максима Ковалевскаго.— IV. Присвоеніе недвижнинть визній. А. И. Бажевова и К. Д. Анциферова.— V. Вопрось русскаго финансоваго права.— VI.; Библіографическій листокь.

ФВВРАЛЬ:

I. Оть редакців.—II. Значеніе политическихъ ученій. В. Гольцева.—III. О варрантахъ. Н. А. Миловидова.—IV. Дитературная собственность.—V. Случай судебнопсихіатрическаго анализа. П. И. Ковалевскаго.—VI. Иностранныя вліянія на англійсиую литературу Англів. Максима Ковалевскаго.—VII. Кроника русскаго законодательства. А. Носа.—VIII. Къ вопросу объ автономи сословія прислянихъ повъреннихъ.—IX. Обыгрываніе пьянаго. Д. Т.—Х. Протоколи засъданій Коридическаго Общества.—XI. Разния замътки.—XII. Библографическаго Обще-

"Юридическій Вёсинная" видодять ежемізсячно вь нервиля числядь наждаго ийсяця книжнами не меніе цяти цечатнихь цистонь.

Дена за годовое издание 5 р., съ доставкою и пересылкою 6 р.

Пединска принимается:

Въ Месквъ: въ редакции Юридическаю Въстника въ Скатертновъ пер., д. Муронцевой; въ княжныхъ магазаннахъ: И. Г. Соловьева н А. Л. Василеева—на Страстновъ бульваръ, И. Н. Аписимова — на Никольской улицъ и А. Даниа —на Кузнецковъ мосту.

Въ Петербургъ: въ княжноть нагазнит *И. П. Анисимова*, рядонъ съ Императорскою Публичною Вибліотекою.

Вышла и будеть продаваться въ книжныхъ нагазинахъ Петербурга, Моския Кіева, Одеосы, Харькова, Казани и т. д. новая книга:

НАТУРАЛИСТЪ УОЛЛЭСЪ

ЕГО РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И КРИТИКИ

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВБКА.

А. Гусева.

москва. 1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ:—І. Предисловіе.—ІІ. Ученіе Уоллоса о происхожденін нёкоторых важных физическихь и духовныхь особенностей въ организаціи человёка.— III. Возраженія проф. Вагнера Уоллосу и подробный разборь этихь возраженій.— IV. Критическія замёчанія на возраженія проф. Мечинкова Уоллосу.—V. Почену проф. Вагнерь и большинство натуралистовь боятся допустить воздёйствіе Бога на процесси природи?— VI Правь-ли Уоллось, настанвая на участія Бога въ процессё происхожденія человіна и, повидимому, отрицая это участіе въ происхожденія и развити растительныхъ и животнихъ организмовъ. NB. Необходимня примѣчанія въ ПІ-й главѣ: А) Тенденціовина урѣяки и искаженія текста, допущенныя проф. Линдеманомъ при переводё и изданія княгь Уоллоса: "Естественный подборь". Б) Брошира проф. Цитовича: "Отечественныхъ Запискахь".

Цёна 1 р. 75 коп. а съ пересылкою два рубля.

Книгопродавцы присилають за наждый экземплярь не менње 1 р. 35 коп. и при выпискъ изъ склада за разъ отъ 25 экз. не платать за пересылку.

Складъ изданія въ Казани: 1) у автора Александра Осдоровича Гусева (Новогоршечная, д. Платунова) и 2) у книгопродавца Алексёл Андреевича Дубровина (Гостивый рядъ).

НАПЕЧАТАНО НЕВОЛЬШОЕ ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

ижотворения Н. А. НЕВРАСОВА. Посмертное изданіе, въ четырехъ томахъ. Соб. Тил. М. Стаселевича. 1879. Цена 7 рублей.

Изъ предисловія къ новому, посмертному изда-В, ВЕДНО, ЧТО ВЪ СОСТАВЪ СГО ВОШЛО ВСС, НАчатанное какъ при жизни поэта, такъ и въ пертью; около 20 стихотвореній съ небольшимъ вляются здёсь въ первый разъ. Изданіе снабжено ографіею, составленною г. Скабичевскимъ, и бширными примъчаніями, занимающими болье оловнии четвертаго тома и приготовленными ь печати извѣстнымъ библіографомъ, г. Понопревымъ; въ началъ перваго тома приложенъ павированный на стали портреть Некрасова, огда ему было около 40 леть оть роду, и две траннцы факсимиле. Недавно, въ декабрьской ингв прошедшаго года, нашъ журналъ преднавиль читателямъ опыть оценки поэзін Нерасова; ямия теперь подь рукою не только сказь стакотвореній, но и общирные комменпрін къ нимъ, они могуть еще лучше судить, асколько быль справедливь нашь критик, тверждая, что "на русскаго, сколько-нибудь пособнаго отозваться на одушевлявшее поэта увство, Некрасовъ дъйствуеть-и по всей въолтности долго еще будеть дъйствовать — съ пеотразниой силой". Причива того, заключаеть ритикь, "съ одной стороны, необыкновенная еплота и искренность всего того, что Некрасовь говорить о народь, сь другой-наглядность и втрность картинь, матеріаль для которыхъ ваять них изъ народнаго быта".

Избранныя стихотворения Л. Кондратовича (В. Сырокомля). Т. І. Москва, 1879. Стр. 462. Ц. 2 руб.

Имя польскаго поэта Сырокомли нередко попадалось на страняцахъ нашего журнала-небольшое лирическое стихотворение встричается мучайно и въ настоящей книжив. Тому, вто прочель у нась "Филиппа изъ Коноплей", -одниь изъ лучшихъ поэтичессихъ разсказовъ,гому открывается вполнѣ весь характерь поэта, посвятившаго всѣ силы своего замѣчательнаго галанта на борьбу съ предразсудками стараго польскаго общества. Русское издание будеть сопержать высеб'я два тома. Въ вышедшемъ нынъ первоиь томѣ помѣщено 25 пьесъ, изъ которыхъ, если не ошибаемся, большинство заимствовано изъ нашихъ журналовъ, гдъ они появились впервые. Недостатки изданія такь искрение указаны издателями въ предисловіи, что не будемъ о пихъ распространяться; во всякомъ случав, эти недостатки чисто визшияго свойства: изть біографія поэта, потому что она не поспѣла къ ть первому тому; дза стихотворенія повторены п. разнихь містахь, по недосмотру. Желательно было бы во вгоромъ томѣ встрѣгить опредѣлевіе времени, когда было написано то или другое стихотворение, а также и указание тахъ наданий, изъ которыхъ тексть целикомъ перенечатань, равно и тахъ переводовъ, которые появляются въ нечати въ первый разъ.

Нав дальних» лють. Восполяния Т. П. ПАСсика. Т. I. Спб. 1978. Стр. 485. Ц. 2 р.

фанный Яковлевыхъ, обнимаютъ собою въ настоящемъ томъ цълое двадцатилътие, 1813 — 1833 гг. Помнио многихъ интересныхъ подробностей и черть илъ эпохи Грибоъдовской Москвы, эти воспоминания представляють особое значение, вслъдствие родственныхъ и самихъ дружескихъ отношений автора къ его сверстнику "А — ру И — чу Г — у. извъстному въ литературъ подъ всевдонимомъ И — а"; его біографъ найдеть здъсь не только разсказы, рисующіе его вность, но и веренику. Все виъстъ взятое можно рекомендовать, какъ весьма интересное чтеніе, приближающее къ намъ хотя и "дальнія лъта", но во многомъ очень родственных ближайщимъ въ намъ впохамъ и не совсъмъ чуждия нашему пременя.

Жизнь Робинзона, Сост. Н. Блиновъ. Съ 120 картинками. Сиб. 1879. Сгр. 362. Ц. 1 р. 30 к.

Вь новомь перескать старой тэмы составитель постарался подойти какь можно ближе къ дътскимъ понятиямъ, и, не морализируя, вызвать въ маленькомъ читателъ сознание о необходимости самоломощи, готовности вступить въ борьбу съ превратностями судьбы, и о выгодахъ справедливаго союза людей съ цълью общаго ихъ благоденствия, независимо отъ различия расъ. Тэма – древняя, какъ древни заповъди, но ото не мъщаетъ ихъ повторять.

Очерки и разоказы Ф. Д. Нефедова. Изд. второс. Москва, 1378. Стр. 233. Ц. 1 р. 50 к.

Новое издание сборника, вышедшаго подъ заглавісмь: "На міру", дополнено двумя очерками, появившимися предварительно въ журналахъ. Г. Нефедовъ посвятилъ себя взучению быта преимущественно нашихъ фабричныхъ, и нельзи не признать за нимъ близкаго знанія изучає-маго имъ предмета. Въ отношенія литературномъ, ему ділають упреки, и не безъ основанія, за неуміренное употребленіе языка, кажущагося народнымъ, и который въ сущности бываеть часто не болзе какъ порченымъ языкомъ, а иногда изобратается самими авторами на основания аналогия. Г. Нефедовь по временамь и оть себя начинаеть говорить языкомъ своихъ героевь: "Паранька вдругь прыснула" - говорить авторь уже оть себя; разсказь инсколько не утратиль бы въ этомъ случай своего колората, если бы авторъ сказаль просто, что Паранька разсм'вилась.

Дайствующее законодательство о прлимке налогахъ. Изслъдов. М. М. Алексленко. Спб. 1879. Стр. 242 и приложения. Ц. 1 р. 50 коп.

Задача автора — объяснение и критичес разборь всёхь формь прямого обложения и шемь законодательствё. Кромё современы положения доходныхъ статей, читатель найт праткия историческия свёдёния о каждой нихъ. Въ результатё изслёдования оказывачто въ будущемь, познашение прямыхъ шадо у наст не должно касаться крестьянь, Фавы намёчаеть на такой случай повые пути. Г сомпёния, что наши свепилисты обратя

3.94

ГЛАВНАЯ КОНТОРА "ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1879-й годъ:

ГОЛЪ-12 книгъ:

въ России: ЗА ГРАНИЦЕВ.

- Съ пересылкою, чрезъ Газетвую Экспедицію - Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб. - Везъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала - <i>ЧЕТВЕРТЬ</i> з книги, съ доставкою и пересылкою.	16 15	*	-	*	19 	•
Примичание. — Подинска по четвертямъ отерывается: съ января, апръля, поля и октября. МБСЯЦБ-1 книга, съ доставкою и пересылкою	2	,	50		3	

Подинсывающіеся въ Москвъ, въ Отдёленія Главной Конторы журнала, при книжномъ магазнић Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могуть получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе пумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою 🦡

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаеть вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала горожскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тъмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, ко-торые выслали подписную сумму по почтию въ Редакцію "Въстника Екропи", въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ полробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и утздъ, почтовое учрежденіе гдъ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемини адресса просять извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные до-плачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городские — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные-недостающее до вышеуказанныхъ цень по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подинска была сділана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, н, согласно объявлению отъ Почтоваго Департамента, не цозже, какъ по получения слёдующаго нумера журнала.

Вилеты на получение журнала висилаются особо темъ изъ иногородныхъ, которые приложать въ подписной суммѣ 16 кон. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВВЧЪ.

РЕДАКЦІЯ "ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ": ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

экспедиция журнала:

Bac. Ocrp., Akagem. nep., 7. - Google

БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Съ франц, Томъ Ш. Съ 72 рисунк. и 5 картамя. Спб. 1878. Сгр. 832. Ц. 8 руб.

Третій томъ извѣстваго труда Эл. Реклю заруаеть въ себѣ описаніе Швейцаріи, Австронгріи и Германія, и явился въ русскомъ пе-водѣ почти одновременно съ французскимъ нгиналомъ. По положенію территорія, сип-иной въ нинѣшнемъ выпускв, этогъ томъ жно назвать центральнымь въ томь громадиь трудь, который предпринять французскимъ ографомъ. Для насъ въ этомъ томѣ особенно жно описание юго-славянскихъ земель, по нойшимъ статистическимъ даннымъ, преимущевенно послёдняго десятилётія, и ближайшаго шего сосъда, германской имперіи, въ томъ вомъ колоссальномъ политическомъ видъ, кай приняла Гермація на нашихъ глазахъ, съ пращеніемъ на счеть Данія и Франція. Набно огдать справедливость французскому авру за его безпристрастіе въ посл'яднемъ двав отсутствіе тенденцін; ставя во главі герман-ой имперіи описаніе Эльзась-Лотарингів, онъ туеть не на одну Пруссію; и Пруссія и Франя, одинаково ввновам: "одна въ томъ, что авила Эльзасъ-Лотарингио на карту, не бучи вь силахь защищать ее, другая въ томъ, о завладила ею, какъ военною добычею". кончивь въ первомъ томѣ съ тремя южными луостровами Европы, и посвятивь весь второй иъ одной Францін, Эл. Реклю работаеть терь надъ свверными полуостровами Европы, и настоящее время въ оригиналѣ выпущено обыми ливрезонами описание Скандинавия, торое и составить четвертый томъ.

артинки домашияго воспитания. Педагогическіе этюды. А - вой. Саб. 1879. Стр. 166. Ц. 1 pyó.

Авторъ даетъ ровно столько, сколько объаеть заглавіе его книжки. Это — не критика и анализь техъ началь домашняго воспитаи, какое господствуеть въ настоящее время на рактикъ; и дъйствительно, это - "картинки", тятыя сь натуры, которыя однако, тімъ не меве, вызывають невольно въ умѣ читателя крическое отношение къ безобразио нашего доашнаго воспитанія въ большинствѣ его случаевъ. вторъ-мать семейства, недовольная тёмъ, что на изобрѣла для своей практики, рѣшилась Бъйздить мало-по-малу всёхъ своихъ знакомыхъ присмотриться къ тому, что делается у нихъ вопросу воспитания дътей. Результаты свокъ визитовъ авторъ и излагаеть въ повіствотельной формь, которая лучше всякихь раз-жденій уясняеть больную сторону дела. До-ашнее воспитаніе служить фундаментомь кольному воспитанию, и авторъ своими жиами "картинками" весьма убъдительно докаваеть, что у насъ этоть фундаменть закладычется самымъ небрежнымъ образомъ, а потому судивительно, что впоследствии и самое здае, построенное на немъ, является столь шатамъ и непрочнымъ. Рекомендуемъ эту книгу зъмъ матерямъ, предупреждая впрочемъ, что и многихъ изъ нихъ она можеть послужить врнымъ зеркаломъ того, что совершается окомихъ самихъ и творится ихъ собственными

мая и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю. Первоначальные угови русской граммативи. Составила Мария Корсакъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1878, Стр. 209,

> Авторъ имѣлъ въ виду весьма небольшую, но въ то же время важную цёль — дать въ руки матерямъ п наставницамъ малолфинихъ детей практическій матеріаль для предварительнаго подготовления ума ребенка къ тому математи-ческому преподаванию грамматики, какое ожидаеть его вь школь. Самый матеріаль быль добыть авторомь собственною практикою; въ настоящемъ издания онь записанъ въ видѣ бестаь воспитательницы съ ея питоицемъ, и искусственно разделень на отдельные уроки. Однимь словомъ, это целая программа детскихъ грамматическихъ бесъдъ, безъ трознаго для дъгей наименованія грамматики, съ ся влассическимъ определениемъ: "Грамматика есть искусство" и т. д.; съ зазубриванія этого опредбленія начинали, бывало, обучать грамматикъ. По системъ г-жи Корсакъ, свѣдущая наставница весьма легко можеть, не произнося даже слова: "грамматика", сообщать ребенку во время чтенія первыя грамматическія понятія.

Родной Край. Книга для класснаго и домашняго чтепія учениковь старшаго огділенія на-родной школы. Ө. С. Матвлевь. Спб. 1879. Стр. 206. Ц. 45 к.

Авторъ, какъ говорится въ предисловін, сдѣлаль въ настоящемъ издания попытку къ трудному рѣшенію вопроса о книгѣ для чтенія въ народной школь. "Родной Край" имьеть въ своемъ основания повъсть изь обыденной народной жизни, составленную самимъ издателемъ, вь форма панорамы, рисующей обыденную жизнь крестьянина, съ ея разнообразною дъятельностью и отношеніями сельской промышленности кь городу. Какъ дополнение къ этой повъсти слъдують два отдела: христоматія и разскази изъ древней русской жизни и географіи. При виборѣ въ христоматію автору слѣдовало бы не обходить детскихъ и народныхъ произведений гр. Л. Н. Толстого и повъстей изъ пароднаго быта А. А. Потехина, а въ историческомъ отдаль было бы лучше эпоху богатырей замѣнить эпохами, солре къ намъ ознакими. Относительно же дешевизны изданія, при впѣшней опрятности, издание г-на Матевева можно считать образцовымъ и заслуживающимъ подражания со стороны издателей народныхъ книгь.

Сказка о пчель-мохнаткъ. Разсказъ для дітей. В. П. Авенаріуса. Спб. 1879. Стр. 29. Ц. 80 коп.

Авторъ весьма искусно воспользовался аналогіею людского общества и пчеленаго роя съ сго рабочным пчелами и тругнями, чтобы въ интересной для ребенка сказкъ обрисовать жизнь недьлимаго въ обществъ и аллегорически объяснить датскому уму всю выгоду труда и необходимость жить для общей пользы. Весь разсказь ведется очень занимательно и наглядно; умному ребенку онъ доставитъ много удовольствія, по крайней мърь на полчаса чтенія (29 страницъ весьма крупной и разгонистой печатя), но плата 30 кон. за полчаса чтенія все-таки чрезвычайно высокая, особенно если сравнить ее съ цёною вышеупомянутой книги

Digitized by Google

.

.

Digitized by Google

í

•

٠,

